This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

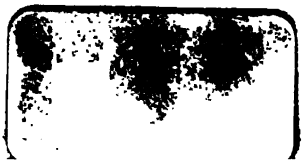
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

B 1,100,251

Digitized by Google

PROPERTY OF
The University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

147

ТОМЪ СТО СОРОКЪ СЕДЬМОЙ

1880

МАЙ

5-6

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ИЗЪ ИСТОРІИ ФИЗИЧЕСКИХЪ УЧЕНІЙ СЪ ЭПОХИ ДЕКАРТА. Н. А. Любимова.

II. ПЕРЕЛОМЪ. Правдивая исторія. Конецъ первой части. В. М. Маркевича.

III. НА ГОРАХЪ. Разказъ. Гл. CX—CXVII. Андрея Печерскаго.

IV. РОДНЫЯ МѢСТА. Изъ отрывочныхъ воспоминаній. С. Т. Славутинскаго.

V. ИСКУССТВО И РИТМЪ, ГРЕКИ И ВАГНЕРЪ. Р. Г. Вестеаля.

VI. ВЪ МАЛЕНЬКОМЪ ГЕРЦОГСТВѢ И ВЪ ИМПЕРІИ. Разказъ Эрнеста Вихера. Переводъ съ нѣмецкаго.

VII. БОРЬБА ЗА ЭЧМІАДЗИНСКІЙ ПАТРІАРШІЙ ПРЕСТОЛЪ. Окончаніе. Н. Ѳ. Дубровина.

VIII. БЕРИ ДА ПОМНИ. Комедія въ одномъ дѣйствіи. —Ва —Ва.

IX. ЮЖНО-РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII ВѢКА, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ДРАМАТИЧЕСКАЯ. Н. И. Петрова.

X. АДРІАНОПОЛЬ И ѲРАКІЯ ВЪ 1874 ГОДУ. (Изъ воспоминаній путешественника.) В. Теплова.

XI. БІОГРАФІЯ ИВАНОВА. А. П.

XII. ПИСЬМО ИЗЪ ИНДІИ. Радда-Вай.

XIII. ПАМЯТИ А. С. ПУШКИНА. Стихотвореніе. Д. В. Аверкіева.

XIV. ТРИ ПИСЬМА О ПУШКИНѢ. Д. В. Аверкіева.

Digitized by Google

Digitized by Google

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

Digitized by Google

Digitized by Google

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. КАТКОВЫМЪ

147

ТОМЪ СТО СОРОКЪ СЕДЬМОЙ

МОСКВА
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ)
На Страстномъ Бульварѣ
1880

Digitized by Google

v.147

Digitized by Google

ИЗЪ ИСТОРІИ ФИЗИЧЕСКИХЪ УЧЕНІЙ СЪ ЭПОХИ ДЕКАРТА*

ГЛАВА ВТОРАЯ (окончаніе)

Физическое ученіе Декарта

XXI.

Четвертая часть *Началъ Философіи* Декарта, состоящая изъ двухсотъ семи параграфовъ, посвящена исторіи земли и объясненію явленій на ней происходящихъ. Декартъ еще разъ оговаривается что предлагаемая имъ исторія происхожденія міра не есть дѣйствительная исторія творенія,—міръ созданъ разомъ въ законченномъ видѣ, — а лишь объяснительное гипотетическое изображеніе пути творенія какой имѣлъ бы мѣсто еслибы Высшею Волею былъ избранъ путь постепенности. Всѣ предметы видимаго міра находятся нынѣ въ такомъ состояніи какъ еслибы произошли именно описываемымъ путемъ. Никакая другая гипотеза, въ предположеніи постепенности творенія, не можетъ дать, утверждаетъ Декартъ, столь удовлетворительнаго объясненія какъ имъ предлагаемая.

Земля была нѣкогда, какъ были и всѣ другія планеты, звѣздою тѣхъ же свойствъ какія нынѣ наблюдаемъ въ солнцѣ:

* См. *Русскій Вѣстникъ* 1878, №№ 7 и 9.

Digitized by Google

была маленькимъ солнцемъ. Тотъ процессъ какой производитъ пятна на солнцѣ, образующіяся и скоро вновь разсѣвающіяся, свершался въ значительныхъ размѣрахъ и на поверхности земли, и собралъ мало-по-малу на ней такую массу облаковъ и другихъ густыхъ и темныхъ тѣлъ что вокругъ нея образовалась атмосфера, подъ покровомъ которой налегли твердые слои: малое солнце потухло. Съ ослабленіемъ движенія въ потухающемъ центрѣ ослабла и сила вихря кружившагося вокругъ земли какъ самостоятельной звѣзды. Вихрь этотъ, который успѣлъ предъ тѣмъ поглотить еще меньшій вихрь луны, былъ въ свою очередь увлеченъ потокомъ солнечнаго вихря, и земля, спустившись къ солнцу на то разстояніе гдѣ находится нынѣ, стала его спутникомъ, сохранивъ вокругъ себя сравнительно слабый вихрь продолжающій увлекать луну и производящій явленія тяжести на самой землѣ.

Земля въ нынѣшнемъ ея состояніи имѣетъ, согласно гипотезѣ Декарта, такое строеніе. Центральная ея часть еще наполнена сохранившимъ свое движеніе первымъ элементомъ * и находится въ томъ состояніи внутренняго волненія (раскаленія, высокой температуры, сказали бы мы теперь) въ какомъ наблюдаемъ частицы солнца. Далѣе слѣдуетъ толстый слой твердаго, темнаго матеріала, недоступный, какъ и центральная масса, человѣку. Верхняя часть этого слоя, именуемая Декартомъ третьимъ слоемъ, есть мѣсто образованія окружающихъ насъ тѣлъ и въ особенности металловъ. Происхожденіе этихъ трехъ слоевъ съ облекавшею ихъ атмосферой относится еще къ эпохѣ предшествовавшей увлеченію земнаго вихря вихремъ солнца. Дальнѣйшая судьба нашей планеты связана съ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей. Образовались новые слои. Третій слой покрылся слоемъ воды, а выше образовалась кора изъ камней, песку, глины и т. под., та верхняя кора по которой ходитъ человѣкъ; кора эта сводомъ облекшая внутреннія водныя пространства дала, подъ вліяніемъ потоковъ матеріи (въ тончайшей ея формѣ перваго и втораго

* Что̀ разумѣетъ Декартъ подъ именемъ перваго, втораго и третьяго элементовъ было поясняно въ предыдущей статьѣ. Третій элементъ соотвѣтствуетъ вѣсомымъ частицамъ нынѣшней физики, второй эфиру, первый—тончайшая форма наполняющая промежутки частицъ перваго и втораго элементовъ.

Digitized by Google

элемента) обусловленныхъ дѣйствіемъ солнца, отверстія и трещины, вслѣдствіе чего мѣстами обрушилась и, вытѣснивъ воду на поверхность, образовала моря. Нѣкоторыя части, не погрузившись, только спустились, образуя низкія равнины; другія, поднявшись, уперлись между собою и возвысились надъ водною поверхностью, произведя горы.

Воздухъ окружающій землю, по ученію Декарта, „есть не иное что̀ (§ 45) какъ собраніе частичекъ третьяго элемента, которыя такъ тонки и такъ раздѣльны одна отъ другой что повинуются всѣмъ движеніямъ ломящающейся между ними матеріи наполняющей небесныя пространства“. * „Вслѣдствіе сего, говоритъ Декартъ, воздухъ рѣдокъ, жидокъ, прозраченъ, и маленькія частички изъ какихъ онъ состоитъ могутъ имѣть всякую фигуру. Я принимаю что частички эти совершенно отдѣльны одна отъ другой на томъ соображеніи что еслибъ онѣ могли придти въ связь между собою, то онѣ соединились бы съ тѣлами образующими кору земли. Но такъ какъ онѣ разъединены, то всякая движется отдѣльно отъ сосѣднихъ и занимаетъ такимъ образомъ маленькое сферическое пространство, потребное для круженія ея вокругъ своего центра, ** и откуда выгоняетъ всѣ сосѣднія. Посему то обстоятельство—какой фигуры всѣ эти частицы, значенія не имѣетъ.“ Когда воздухъ нагрѣвается, движеніе его частицъ становится быстрѣе, такъ какъ, согласно Декарту, (§ 29) „движеніе малыхъ частицъ земныхъ тѣлъ есть то что̀ мы зовемъ въ нихъ теплотою, особенно когда движеніе это̀ бываетъ значительнѣе чѣмъ обыкновенно и достаточно сильно дѣйствуетъ на нервы руки чтобъ быть ощутимымъ“.

Извѣстно что современная теорія газовъ, именуемая кинетическою, точно также какъ и теорія Декарта разсматриваетъ воздухъ и вообще газъ какъ совокупность малѣйшихъ частичекъ быстро несущихся въ пространствѣ, безпрерывно сталкивающихся между собою и со стѣнками сосуда, гдѣ газъ заключенъ. Различіе въ томъ что движеніе приписываемое каждой газовой частицѣ въ кинетической теоріи есть главнымъ

* Эѳира; терминъ этотъ иногда употребляется и Декартомъ. Напримѣръ, Oeuvr VI, 204.

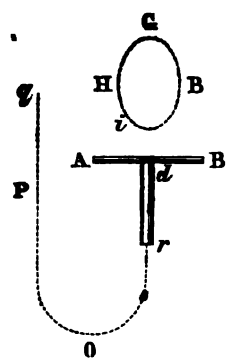
** Exiguam sphaeram quam ad motum circularem circa proprium suum centrum requiret. Petit espace spherique dont elle a besoin pour se mouvoir de tous cotés autour de son centre.

Digitized by Google

образомъ поступательное, представляющее,—вслѣдствіе громаднаго количества частицъ и потому очень частой встрѣчи ихъ между собою,—ломаный, почти замкнутый путь ограничивающій сферу дѣйствія частицы по отношенію къ сосѣднимъ, тогда какъ Декартъ воображаетъ движеніе круговратнымъ и какъ сферу дѣйствія частицы разсматриваетъ пространство описываемое ею въ продолженіе оборота.

Такимъ образомъ одно изъ плодовитѣйшихъ ученій современной физики ведетъ свое начало отъ идей Декарта, раздѣлявшихся его послѣдователями. Эти идеи привели Даніила Бернулли (1738), принявшаго поступательное движеніе частицъ, къ ученію о газахъ близкому къ современному, но болѣе вѣка остававшемуся въ забвеніи, и въ новѣйшее время возобновленному Кренигомъ и Клаузіусомъ.

Что касается вѣса воздуха и его давленія, то изъ письма Декарта къ неизвѣстному лицу, помѣченнаго 2 іюля 1631 года, видно что Декартъ за двѣнадцать еще лѣтъ до опыта Торричелли съ барометрическою трубкой (1643) имѣлъ представленіе о давленіи воздуха происходящемъ отъ его вѣса. * Въ письмѣ этомъ (*Oeuvr.* VI, 204) онъ говоритъ: „представьте себѣ что воздухъ есть какъ бы масса шерсти или волоса, а эѳиръ въ его порахъ какъ бы вихрь вѣтра движущійся въ этой массѣ. Вѣтеръ этотъ препятствуетъ тому чтобы частицы воздуха сильно давили однѣ на другія, какъ иначе было бы, ибо частицы эти всѣ имѣютъ вѣсъ и давятъ однѣ на другія насколько движеніе эѳира это позволяетъ. Такимъ образомъ шерсть при землѣ лежащая сдавлена всею тою шерстью какая



простирается надъ нею за предѣлы облаковъ. Оттого еслибы требовалось поднять часть этой шерсти находящуюся при точкѣ *O* со всею тою какая находится выше по линіи *OPq*, то потребовалась бы значительная сила. Но тяжесть эта въ воздухѣ обыкновенно не чувствуется, когда его толкаютъ кверху, ибо когда мы поднимаемъ часть его гдѣ-нибудь отъ точки *i*, къ *G*, воздухъ находящійся при *G* идетъ кругообразно по *HGB* и возвращается къ *i*: тяжести не чувствуется, какъ не чувствуется

* Въ одномъ изъ писемъ Декарта находимъ указаніе способа опредѣленія вѣса воздуха. *Oeuvr.* VIII, 567.

Digitized by Google

тяжесть колеса, когда оно приводится во вращеніе будучи хорошо уравновѣшено на своей оси. Но въ указываемомъ вами случаѣ когда трубка наполненная ртутью и закрытая при концѣ d укрѣплена въ потолкѣ AB, ртуть изъ открытаго конца r, чтобы разомъ спуститься, должна перемѣстить шесть отъ r къ O, и ту которая при O къ P и къ q, такъ чтобы была поднята вся колонна OPq, а колонна эта въ совокупности своей весьма тяжела; шесть же, такъ какъ трубка сверху закрыта, не можемъ войти въ нее чтобы занять мѣсто окружающей ее ртути... Не должно впрочемъ думать чтобы нельзя было никакъ силою отдѣлить ртуть отъ вершины трубки при потолкѣ: сила эта должна равняться той какая требуется чтобы поднять соотвѣтствующую колонну воздуха простирающуюся выше облаковъ". Въ письмѣ (въ октябрѣ 1638) къ отцу Мерсенну, о только что прочтенномъ сочиненіи Галилея, Декартъ пишетъ что не согласенъ съ Галилеевымъ объясненіемъ того факта что вода не можетъ быть поднята насосомъ выше извѣстной высоты вслѣдствіе боязни пустоты и указываетъ на тяжесть воздуха какъ на причину явленія. Тяжестью воздуха объяснялъ онъ также (письмо къ отцу Мерсенну отъ 15 декабря 1638. *Oeuvr.* VIII, 36) почему вода не выливается изъ сосуда закрытаго сверху и имѣющаго внизу маленькія отверстія. Съ опытомъ Торричелли Декартъ ознакомился во время путешествія во Францію и въ послѣдствіи утверждалъ что тогда же совѣтовалъ Паскалю сдѣлать, ставшій потомъ знаменитымъ, опытъ восхожденія съ барометромъ на гору (*Oeuvr.* X, 351). Утвержденіе это въ послѣдствіи послужило противникамъ Декарта поводомъ въ обвиненію его въ желаніи присвоить чужое изобрѣтеніе.

XXII.

Что заставляетъ тѣла падать на землю? Этотъ вопросъ въ эпоху Декарта много занималъ умы ученыхъ. При этомъ идея притяженія была одною изъ весьма распространенныхъ. Въ школьномъ ученіи того времени чрезвычайно широко понималась идея движенія и соединялась съ понятіями аллетита, симпатіи, антипатіи и т. под., помощію которыхъ думали объяснять взаимное дѣйствіе матеріальныхъ тѣлъ.

Digitized by Google

Выходя отъ общепринятыхъ понятій эпохи, Беконъ, напримѣръ, дѣлаетъ цѣлую классификацію „простыхъ“ движеній на которыя разлагаются сложныя, каковы рожденіе, порча и т. п. Онъ различаетъ (*De dignit. et augm. scient.*, L. III, cap. IV) движеніе антипатіи отъ котораго зависитъ непроницаемость, движеніе большой агрегаціи „вслѣдствіе котораго тѣла стремятся къ массѣ имъ однородныхъ и что обыкновенно именуется естественнымъ движеніемъ“, далѣе движеніе колебанія или систолъ и діастолъ тѣла помѣщеннаго между выгодою и неудобствомъ и т. д., всего четырнадцать разрядовъ. Знаменитый авторъ сочиненія *О магнитѣ*, англійскій докторъ Джильбертъ (Gilbertus, 1600) говорилъ объ общемъ взаимномъ притяженіи тѣлъ, которое онъ не различалъ отъ магнитнаго. Кеплеръ въ книгѣ о движеніи Марса (1609) допускалъ взаимное тяготѣніе тѣлъ и училъ что „два тѣла изолированныя въ пространствѣ понеслись бы одно къ другому пробѣгая пространства обратно пропорціональныя массамъ“. Замѣчательно что въ позднѣйшемъ сочиненіи своемъ, *Сокращеніе Коперникової астрономіи* (*Epitome astronomiae Copernicanae*, 1618), Кеплеръ излагаетъ о движеніи планетъ и земли мысли значительно болѣе удаляющіяся отъ современныхъ намъ понятій о всемірномъ тяготѣніи чѣмъ идеи высказанныя въ книгѣ о движеніи Марса, въ которыхъ онъ является предшественникомъ Ньютона. Въ своемъ позднѣйшемъ сочиненіи онъ стремится дать болѣе механическое объясненіе движенію планетъ и трактуетъ о ихъ магнитныхъ фибрахъ и увлекающемъ дѣйствіи вращательнаго движенія солнца около оси. Это былъ шагъ въ сторону заблужденій, но это есть вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельство свойственнаго эпохѣ стремленія перейти въ объясненіи явленій природы отъ понятій не механическаго характера, къ какимъ принадлежитъ одушевленіе матеріальныхъ предметовъ внутренними влеченіями, какъ бы желаніями,—къ понятіямъ механическимъ, установленіе которыхъ и было одною изъ важнѣйшихъ задачъ эпохи, въ рѣшеніи которыхъ такъ много участвовалъ Декартъ. Когда въ послѣдствіи Ньютонъ утвердилъ ученіе о тяготѣніи, главнѣйшею причиной почему ученіе это встрѣтило такъ много противниковъ было именно то обстоятельство что въ немъ усматривали возвращеніе къ понятіямъ навсегда, казалось, изгнаннымъ изъ науки.

Самъ Декартъ такъ излагаетъ мнѣнія о происхожденіи

Digitized by Google

тяжести господствовавшія въ его время. (Письмо къ отцу Мерсенну, въ іюлѣ 1638 года; *Oeuvr.* VII, 304). „Большинство принимаетъ тяжесть за свойство и внутреннее качество каждаго тяжелаго тѣла, заставляющее его стремиться къ центру земли. При этомъ одни думаютъ что качество это зависитъ отъ того въ какой формѣ * находится тѣло, такъ что та же матерія будетъ тяжелою когда имѣетъ форму жидкости, и теряетъ это качество, становится легкою, когда принимаетъ форму воздуха. Другіе, напротивъ того, убѣждены что тяжесть зависитъ только отъ матеріи тѣла, и что нѣтъ тѣла которое не было бы тяжело, ибо нѣтъ такого которое не состояло бы изъ матеріи; что, безотносительно говоря, каждое тѣло тяжело болѣе или менѣе, только въ зависимости отъ того болѣе или менѣе входитъ матеріи въ его составъ. И смотря по тому болѣе или менѣе сжата эта матерія, занимаетъ ли оно меньшее или большее пространство—тѣла изъ нея состоящія кажутся болѣе или менѣе тяжелыми сравнительно съ другими. Въ этомъ относительная тяжесть. Воображаютъ что еслибы можно было ломѣстить на вѣсахъ въ пустотѣ массу, напримѣръ, воздуха противъ массы свинца, то когда количество матеріи было бы одинаково въ той и другой—вѣсы остались бы въ равновѣсіи.

„Согласно этимъ двумъ мнѣніямъ, изъ коихъ первое самое распространенное въ школахъ, второе же раздѣляется преимущественно тѣми кои думаютъ знать болѣе чѣмъ другіе (que le commun), ясно что абсолютная тяжесть тѣлъ въ нихъ всегда одинакова и не измѣняется отъ различія ихъ разстоянія отъ центра земли.

„Есть еще третье мнѣніе, а именно тѣхъ кои думаютъ что нѣтъ иной тяжести кромѣ относительной и что сила или свойство заставляющее нисходить тѣла именуемыя тяжелыми заключается не въ нихъ, но въ центрѣ земли или во всей ея массѣ, которая притягиваетъ къ себѣ тѣла, какъ магнитъ притягиваетъ желѣзо или инымъ какимъ образомъ. Согласно раздѣляющимъ такое мнѣніе, такъ какъ магнитъ и другіе естественные дѣятели (agents naturels) имѣющіе извѣстную сферу дѣйствія обнаруживаютъ его всегда сильнѣе вблизи чѣмъ вдали, надлежитъ признать что тѣло вѣситъ тѣмъ болѣе чѣмъ ближе оно къ центру земли.

* Въ какомъ физическомъ состояніи.

Digitized by Google

„Что касается въ частности меня, я понимаю природу тяжести очень отлично отъ этихъ трехъ мнѣній; но дабы объяснить какъ представляю я себѣ дѣло, я долженъ бы былъ вывести мое представленіе изъ многихъ другихъ вещей, о коихъ не имѣю намѣренія здѣсь говорить. А потому скажу только что представленіе мое ничего не рѣшаетъ относительно предложеннаго вопроса (объ измѣненіи тяжести) кромѣ того что это есть вопросъ факта, который можетъ быть рѣшенъ лишь настолько насколько люди могутъ сдѣлать относительно его опыты. Причемъ изъ опытовъ произведенныхъ въ нашемъ воздухѣ еще нельзя узнать что̀ должно произойти значительно ниже и ближе къ центру земли, или значительно выше, подъ облаками, и въ случаѣ если есть уменьшеніе или увеличеніе тяжести, мало вѣроятно чтобъ оно слѣдовало всюду той же пропорціи.

„Вотъ, впрочемъ, опытъ который можно произвести. Помѣстившись на верху башни у подошвы которой находится глубокій колодезь, можно опредѣлить вѣсъ груза привязаннаго къ длинной нити, волервыхъ положивъ его вмѣстѣ съ нитью на чашку вѣсовъ, а потомъ прикрѣпливъ къ чашкѣ только конецъ нити, а грузъ оставивъ висѣть въ глубинѣ колодца. Если грузъ вѣситъ значительно болѣе или менѣе будучи ближе къ центру земли чѣмъ находясь далѣе отъ него, то это обнаружится такимъ способомъ. Но вслѣдствіе того что разстояніе отъ глубины колодца до вершины башни очень мало сравнительно съ діаметромъ земли, и по другимъ также соображеніямъ которыя опускаю, опытъ этотъ могъ бы служить для сказанной цѣли лишь въ томъ случаѣ еслибы разность въ вѣсѣ тѣла на разныхъ высотахъ была очень значительна. Другой опытъ,—уже готовый и который мнѣ кажется очень способенъ убѣдить что тѣла удаленныя отъ центра земли вѣсятъ не столько какъ близкія къ нему,—представляютъ планеты не имѣющія собственнаго свѣта, какъ Луна, Венера, Меркурій и т. д. Такъ какъ по всей вѣроятности тѣла эти изъ той же матеріи какъ земля, а небеса, согласно мнѣнію почти всѣхъ астрономовъ, жидки, то планеты эти должны бы повидимому имѣть тяжесть и падать на землю, еслибы значительность ихъ разстоянія не уничтожила вполнѣ это стремленіе. Далѣе мы видимъ что большія птицы, какъ журавли, аисты, легче летаютъ въ верхнихъ слояхъ воздуха чѣмъ взизу, чего нельзя приписать

Digitized by Google

исключительно силѣ вѣтра, ибо то же бываетъ и въ тихое время. Мы должны заключить что удаленіе отъ земли дѣлаетъ ихъ болѣе легкими. То же подтверждается дѣтскими бумажными змѣями, а также снѣгомъ заключающимся въ облакахъ. Наконецъ, если опытъ о которомъ вы извѣщали меня какъ о сдѣланномъ вами самими и о которомъ писали и другіе, справедливъ, а именно что ядро лущенное изъ пушки прямо по направленію къ зениту не возвращается назадъ *, то должно заключить что сила выстрѣла, увлекая его очень высоко, удаляетъ на такое разстояніе что оно вполнѣ теряетъ свою тяжесть."

Года за два до приведеннаго письма Декарта, Паскаль и Роберваль въ письмѣ къ Ферма (въ 1636 году) по поводу нѣкоторыхъ положеній высказанныхъ въ его *Гвостатикѣ* такъ характеризовали распространенныя въ ту эпоху мнѣнія ученыхъ относительно происхожденія тяжести.

„Различіе мнѣній, говорили они, касательно происхожденія тяжести тѣлъ, изъ коихъ ни одно до сихъ поръ не доказано и не опровергнуто, есть вѣское свидѣтельство человѣческаго невѣдѣнія относительно этого предмета. Общепринятое мнѣніе то что тяжесть есть качество пребывающее въ самомъ падающемъ тѣлѣ. Другіе полагаютъ что паденіе происходитъ отъ притяженія другихъ тѣлъ которыя притягиваютъ падающее на нихъ тѣло: такъ земля притягиваетъ падающій на нее камень. Есть третье мнѣніе не лишенное вѣроятности—что явленіе происходитъ отъ взаимнаго притяженія между тѣлами, производимаго естественнымъ желаніемъ тѣлъ соединиться между собою (par un desir naturel que les corps ont de s'unir ensemble), какъ это очевидно въ случаѣ желѣза и магнита, кои таковы что если магнитъ остановленъ, а желѣзо не

* Объ этомъ опытѣ Мерсенъ писалъ Декарту въ 1634 году. Декартъ отвѣчалъ (въ мартѣ 1634 года, VI, 258) что такой опытъ произведенный съ ружьемъ онъ не считаетъ достаточнымъ чтобы вывесть какое-либо опредѣленное заключеніе. „Надлежало бы сдѣлать его съ большою пушкой пускающею желѣзное ядро въ тридцать или сорокъ фунтовъ, ибо желѣзо не плавится такъ легко какъ свинецъ, и ядро этой величины легко было бы отыскано еслибъ оно упало. Но чтобы произвести точно такой опытъ надо такъ уставить пушку чтобъ она могла отступать только отвѣсно сверху внизъ." Декартъ приложилъ къ письму и рисунокъ придуманнаго имъ расположенія пушки на блокахъ.

Digitized by Google

удерживается, то желѣзо приближается къ магниту, если же желѣзо удерживается, то къ нему идетъ магнитъ; если же оба тѣла свободны, то приближаются взаимно и притомъ такъ что болѣе грузное (le plus fort) проходитъ менѣе пути." (*Oeuvres de Pascal*, ed. de Lahure, Paris, 1858, T. II, 381).

Идея притяженія вслѣдствіе внутренняго стремленія или „аппетита" тѣлъ имѣла въ Декартѣ самаго рѣшительнаго противника. И это вполнѣ понятно если вспомнить что главная цѣль Декарта была построить философію природы на механическихъ началахъ, не перенося въ матеріальный міръ понятій принадлежащихъ міру духовному. Разбирая по желанію отца Мерсенна сочиненіе Роберваля *Аристархъ*, Декартъ въ письмѣ отъ 20го апрѣля 1646 года (*Oeuvr.* IX, 555) рѣзко высказывается противъ выраженной въ сочиненіи этомъ мысли что „во всей матеріи и въ каждой ея части есть свойство вслѣдствіе котораго вся эта матерія стремится соединиться и собраться въ одно непрерывное тѣло, котораго части имѣютъ наклонность и обнаруживаютъ стремленіе соединиться одна съ другою, взаимно притягиваясь чтобы быть возможно тѣсно соединенными между собой." Допустить что тѣла притягиваются взаимно и притомъ такъ что каждая часть притягиваетъ другую сквозь, находящіяся между ними, независимо отъ остальныхъ,—казалось Декарту нелѣпостью. „Чтобы представить себѣ это, говоритъ онъ, надлежитъ не только допустить что каждая часть матеріи одушевлена и одушевлена притомъ многими душами не мѣшающими одна другой, но и признать что души эти разумны и божественны, такъ что могутъ знать, не имѣя никакого оттуда вѣстника, что происходитъ въ мѣстахъ очень удаленныхъ, и тамъ оказывать свое дѣйствіе."

Декарту какъ и другимъ ученымъ его эпохи явленіе паденія тѣлъ не представлялось съ такимъ міровымъ значеніемъ какое оно получило послѣ открытій Ньютона. Задача Декарта состояла въ томъ чтобъ объяснить изъ механическаго начала то дѣйствіе которое заставляетъ на землѣ тяжелыя тѣла двигаться по направленію къ ея центру. Декартъ зналъ законы паденія тѣлъ открытые Галилеемъ, и хотя въ ревнивомъ желаніи сказать свое слово о такомъ важномъ предметѣ возражалъ противъ выводовъ Галилея, прилагая заключенія относящіяся до движенія въ пустотѣ къ движенію въ воздухѣ сопротивляющемся движенію. О томъ какъ сопроти-

Digitized by Google

вленіе это должно привести къ равномѣрности движенія, Декартъ разсуждалъ правильно (VI, 70, 74, 80); относительно нѣкоторыхъ вопросовъ впадалъ въ ошибки (VIII, 140), но въ общемъ держался Галилеева ученія.

XXIII.

Свою гипотезу о происхожденіи земной тяжести, высказанную въ письмахъ къ отцу Мерсенну, Декартъ развилъ въ §§ 20—27 четвертой книги *Началъ Философіи*. „Та же тонкая матерія, говоритъ онъ, которая вслѣдствіе того что движется безразлично во всѣ стороны вокругъ водяной капли, одинаково толкаетъ всѣ части ея поверхности къ центру и придаетъ ей сферическую форму,—та же матерія, вслѣдствіе того что движется вокругъ земли, толкаетъ къ ней всѣ тѣла именуемыя тяжелыми.... Еслибы пространство вокругъ земли было пустое, то-есть наполнено такимъ только тѣломъ которое не можетъ ни ломогать, ни препятствовать движенію другихъ тѣлъ,—что собственно и надлежитъ подразумѣвать подъ именемъ пустоты,—земля же тѣмъ не менѣе вращалась бы какъ и нынѣ въ двадцать четыре часа вокругъ своей оси, то всѣ ея части не очень тѣсно съ ней соединенныя отдѣлились бы отъ нея и разлетѣлись бы во всѣ стороны по небу какъ разлетается въ воздухѣ лесокъ бросаемый на кружащуюся вертушку (turba, une pirouette). Еслибы такъ было, всѣ земныя тѣла могли бы быть названы скорѣе легкими чѣмъ тяжелыми. Но такъ какъ нѣтъ пустоты вокругъ земли и она не отъ себя имѣетъ силу заставляющую ее вращаться около оси въ 24 часа, но уносится потокомъ небесной матеріи окружающей ее и проникающей всюду въ ея поры, то ее надлежитъ разсматривать какъ тѣло не имѣющее движенія и представлять себѣ что небесная матерія не была бы ни легка, ни тяжела по отношенію къ землѣ еслибы матерія эта не имѣла другаго запаса движенія кромѣ того который заставляетъ ее вращаться вмѣстѣ съ землей. Но такъ какъ запасъ ея движенія гораздо больше чѣмъ сколько требуется на это дѣйствіе, то избытокъ она употребляетъ чтобы вращаться въ ту же сторону быстрѣе чѣмъ земля, а также и на другія разныя движенія во всѣ стороны. Движенія эти, не могущія происходить по такому прямому пути какой имѣли бы еслибы не

Digitized by Google

встрѣчалось земли, стремятся сдѣлать ее круглою, подобно тому какъ было сказано о каплѣ воды. Они же производятъ то что небесная матерія имѣетъ болѣе стремленія удаляться отъ центра вращенія чѣмъ какая-либо часть земли, почему матерія эта и можетъ считаться легкою по отношенію къ землѣ. * Но сила съ какою небесная матерія стремится удалиться отъ центра земли не можетъ произвести дѣйствіе иначе какъ если ея удаляющіяся части, восходя, замѣщаютъ тѣ земныя части которыя нисходятъ на ихъ мѣсто." Если тѣло находится въ воздухѣ, то паденіе происходитъ отъ того что между частицами этого тѣла болѣе сближенными между собой чѣмъ частицы воздуха находится менѣе тонкой небесной матеріи, и избытокъ ея заключающійся въ равномъ объемѣ воздуха, „стремясь удалиться отъ центра земли, имѣетъ силу понуждающую тѣло это приближаться къ землѣ и даетъ ему свойство именуемое его тяжестью." При этомъ, училъ Декартъ, по вѣсу нельзя прямо заключать о количествѣ матеріи въ тѣлѣ. „Весьма возможно что, напримѣръ, масса золота вѣсящая въ двадцать разъ болѣе такого же объема воды, содержитъ вещества не въ двадцать, а можетъ-быть въ четыре или пять разъ болѣе, ибо вопервыхъ, столько же надлежитъ вычесть изъ воды какъ и изъ золота по причинѣ воздуха въ которомъ производится взвѣшиваніе, а также потому что земныя частицы воды и вообще всѣхъ жидкостей имѣютъ свое движеніе, которое соединяясь съ движеніемъ тонкой матеріи мѣшаетъ имъ быть столь тяжелыми какъ частицы твердыхъ тѣлъ." Пропорціональность количества матеріи или массы съ вѣсомъ есть, какъ извѣстно, одно изъ основныхъ положеній ученія Ньютона. Этого представленія, какъ видимъ, не имѣлъ еще Декартъ.

Чтобы пояснить свою идею о происхожденіи тяжести Декартъ (въ письмѣ къ отцу Мерсенну въ октябрѣ 1639 года, VIII, 166) описываетъ такой опытъ. „Дабы понять, говоритъ онъ, какимъ образомъ тонкая матерія кружащаяся вокругъ земли гонитъ тяжелыя тѣла къ ея центру, наполните какой-нибудь круглый сосудъ маленькими кусочками свинца, смѣшавъ вмѣстѣ со свинцомъ нѣсколько кусковъ дерева или другаго вещества болѣе легкаго чѣмъ свинецъ, ** и заставьте сосудъ этотъ быстро вращаться около центра. Увидите что кусочки

* Послѣдній періодъ прибавленъ во французскомъ переводѣ.

** Варіантъ: qui soient plus grosses que ces dragées de plomb.

Digitized by Google

свинца прогонятъ куски дерева или камня къ центру сосуда, хотя бы они были гораздо объемистѣе (plus grosses) чѣмъ маленькіе кусочки свинца, коими я представляю себѣ тонкую матерію."

Мысль Декарта искать причину тяжести тѣлъ въ дѣйствіи тонкой матеріи окружающей землю и проникающей ее поры нашла множество послѣдователей, не оставившихъ ея и послѣ того какъ Ньютономъ былъ открытъ законъ тяготѣнія.

„Тяжелыя тѣла,—разсуждали послѣдователи Декарта (Saurin, *Mém. de l'Acad. des Sciences*, 1709, стр. 134)—движутся къ центру земли. Что-нибудь значитъ ихъ туда толкаетъ. Но толкать тѣла могутъ лишь другія тѣла находящіяся въ движеніи и въ нихъ ударяющія. Есть слѣдовательно движущіяся тѣла которыя ударяютъ въ тѣ что мы зовемъ тяжелыми и ударяютъ такъ чтобы толкать туда куда, мы видимъ, эти тяжелыя стремятся. Эти другія тѣла не замѣчаются нами; это есть слѣдовательно тонкая матерія, малость частицъ которой скрываетъ ее отъ нашего глаза. А такъ какъ кромѣ того по тысячѣ другихъ дѣйствій извѣстно что земля плаваетъ въ окружающей ее со всѣхъ сторонъ жидкости невообразимой тонкости, то нельзя сомнѣваться что именно этой жидкости надлежитъ приписать то давленіе которое производитъ паденіе тяжелыхъ тѣлъ."

Даламбертъ въ свою очередь дѣлаетъ такую оцѣнку этой мысли въ связи съ идеей картезіанскихъ вихрей. „Смѣю сказать, и со мною согласятся, замѣчатъ онъ, что тогда нельзя было ничего придумать лучше этихъ вихрей, нынѣ сдѣлавшихся смѣшными. Астрономическія наблюденія послужившія къ ихъ разрушенію были еще не совершенны и не довольно констатированы, не было ничего естественнѣе какъ предположить жидкій потокъ несущій планеты. Только длинный рядъ явленій, соображеній и вычисленій могъ заставить отказаться отъ столь увлекательной теоріи; ея особое преимущество было въ томъ что она давала объясненіе тяжести тѣлъ дѣйствіемъ центробѣжной силы самаго вихря: смѣло скажу что это объясненіе тяжести есть одна изъ прекраснѣйшихъ и остроумнѣйшихъ гипотезъ когда-либо придуманныхъ въ философіи. Вотъ почему физики оставили ее только какъ бы противъ воли будучи увлечены теоріей центральныхъ силъ и позднѣйшими опытами." Подробности Декартова объясненія тяжести земли скоро возбудили основательныя возраже-

Digitized by Google

нія, но самая идея „тяготительной матеріи“ (по выраженію Ломоносова, составившаго для объясненій морскаго теченія свою теорію „помѣшательства въ тяготѣніи“), то-есть среды механическое дѣйствіе которой служитъ причиной тяжести тѣлъ, разрабатывалась многими учеными какъ конца XVII, такъ и первой половины прошлаго вѣка. Попытки возвращенія къ ней обнаруживаются и нынѣ.

Гюгенсъ, открывшій законы центробѣжной силы, первый указалъ важныя затрудненія соединенныя съ Декартовымъ представленіемъ о томъ какимъ образомъ тонкая матерія гонитъ тяжелыя тѣла на землю.

Гюгенсъ раздѣлялъ идею Декарта, что тѣло находящееся во вращающемся потокѣ тонкаго вещества, но имѣющее скорость, а вслѣдствіе того и центробѣжное стремленіе, значительно меньшія чѣмъ скорость и центробѣжная сила потока, должно матеріей этого потока толкаться къ его центру. Но потокъ производящій тяжесть тѣлъ не можетъ, по мнѣнію Гюгенса, быть тѣмъ вихремъ который, по Декарту, кружится вокругъ земли и центробѣжная сила котораго дѣлаетъ тяжелыми находящіяся въ немъ тѣла. Дѣйствіе центробѣжной силы на землѣ, указываетъ Гюгенсъ въ сочиненіи своемъ *Dissertatio de causa gravitatis* (Ch. Hugenii *Opera reliqua*, Amstelodami 1728, p. 97), кромѣ экватора, всюду направлено не по радіусу земли, а по радіусамъ земныхъ параллелей. Слѣдовательно ладающія тѣла должны бы стремиться къ оси земли какъ оси вихря, а не къ земному центру. Далѣе, тонкая матерія чтобы гнать тѣла съ такою силой какая обнаруживается въ ихъ паденіи, по вычисленію Гюгенса, должна вращаться со скоростію въ 17 разъ превышающею скорость вращенія земли. Наконецъ, тѣла наименѣе плотныя должны бы быть наиболѣе тяжелыми, подобно тому какъ въ случаѣ погруженія въ жидкость наименѣе плотныя тѣла наиболѣе сильно выпираются жидкостію. По мнѣнію самого Гюгенса, небесная матерія, производящая тяжесть движется около земли во всѣ стороны, такъ что центръ земли есть общій центръ всѣхъ круговъ описываемыхъ частицами тяготительной матеріи.

Digitized by Google

XXIV.

Въ связи съ теоріею вихрей находится объясненіе Декартомъ приливовъ и отливовъ моря. Связь явленія съ движеніемъ луны была извѣстна въ древности; на нее указывалъ еще Страбонъ *; Кеплеръ выразилъ мысль что луна дѣйствуетъ притягательно на водныя массы земли. Галилей ошибочно объяснялъ явленіе движеніемъ земли и видѣлъ въ приливахъ и отливахъ физическое доказательство обращенія нашей планеты около оси. По ученію его, покрывающая поверхность земли вода, при быстромъ вращеніи нашей планеты, не въ состояніи поспѣть за движеніемъ твердаго ядра и сбирается въ противоположной движенію сторонѣ, подобно тому какъ въ открытомъ сосудѣ быстро двигающемся влѣво вода скопляется къ правой сторонѣ. Декартъ (*Princ.* IV, 49—52) выводитъ явленіе приливовъ и отливовъ изъ совмѣстнаго дѣйствія двухъ вихрей: кружащагося вокругъ земли, увлекающаго и луну, и собственнаго, сравнительно слабаго, вихря окружающаго луну. Оба вихря вращаются въ одну сторону. Въ промежуткѣ между землею и луною вихри соединенно производятъ болѣе сильный потокъ, давленіе котораго на воды покрывающія земли заставляетъ ихъ отступать въ направленіи перпендикулярномъ къ линіи соединяющей центры земли и луны. Вмѣстѣ съ тѣмъ вся земля выталкивается нѣсколько изъ центра своего вихря и пріобрѣтаетъ мѣсто гдѣ уравновѣшиваются между собою давленія происходящія—одно отъ двойнаго вихря въ промежуткѣ между землею и луною, другое, съ противоположной стороны отъ усиленнаго напора земнаго вихря вынужденнаго проходить въ болѣе узкомъ пространствѣ. Такимъ образомъ вода выпирается въ бокъ не только на той сторонѣ которая обращена къ лунѣ, но и на сторонѣ прямо противоположной. Видимъ что въ теоріи Декарта одновременность прилива и отлива у антиподовъ объясняется удовлетворительно, но вопреки наблюденіямъ отливъ долженъ бы былъ происходить когда луна находится на меридіанѣ мѣста,

* Замѣчательно что въ сочиненіяхъ Аристотеля вовсе не упоминается о приливѣ и отливѣ. Poggendorff, *Geschichte der Physik*, 1879, стр. 54.

Digitized by Google

то-есть когда въ дѣйствительности наблюдается приливъ. Замѣтимъ мимоходомъ что теорія Декарта, не совсѣмъ точно изложена въ классическомъ словарѣ Гелера въ статьѣ Брандеса *Приливъ и Отливъ* (Gehlers *Ph. Wörterbuch* III, 10; Leipzig 1827). Ученіе Декарта изложено тамъ въ такихъ выраженіяхъ: „Такъ какъ по мнѣнію Декарта луна и земля окружены каждая вихремъ, то оба эти вихря тамъ гдѣ они должны проходить между землею и луною сталкиваются и производятъ давленіе, которому море и уступаетъ. Но когда такимъ образомъ вода среди моря вытѣсняется, *она должна*, думалъ Декартъ, *подниматься у береговъ*. Опытъ прямо говоритъ противъ этой гипотезы, ибо вовсе не при берегахъ только, но и въ срединѣ большихъ морей замѣчается поднятіе воды въ моментъ когда луна находится вблизи зенита. Почти излишне потому замѣчать что также и *второй приливъ*, когда луна подъ горизонтомъ *не объясняется гипотезой Декарта*.“ О поднятіи только *у береговъ* Декартъ не говоритъ ничего. Одновременность явленія на противоположныхъ сторонахъ земли прямо вытекаетъ изъ его теоріи и наглядно поясняется чертежами, не оставляющими въ этомъ отношеніи никакого сомнѣнія. Замѣчательно что Ломоносовъ, для объясненія наблюдавшагося разными учеными и имъ самимъ отклоненія длиннаго въ покоѣ ловѣшеннаго маятника, прибѣгъ къ гипотезѣ *о помышательствѣ въ тяготѣніи*, происходящемъ, по его мнѣнію, отъ того что центръ земли не совпадаетъ съ центромъ тяготѣнія, куда стремятся падающія тѣла дѣйствіемъ потока „тяготительной матеріи“.

XXV.

Въ области ученія о магнетизмѣ Декарту принадлежитъ любопытная теорія, развитая потомъ Эйлеромъ и согласно которой вокругъ каждаго магнита находится невидимый вихрь тонкаго вещества, текущаго внутри магнита въ направленіи по оси, выходящаго чрезъ одинъ изъ его концовъ или полюсовъ, огибающаго магнитъ и втекающаго въ другой конецъ. Вихрь этотъ, по мнѣнію Декарта и Эйлера, наглядно представляется расположеніемъ желѣзныхъ опилокъ если бросить ихъ на листъ картона покрывающаго магнитъ и слегка ударять, чтобы дать подвижность опилкамъ (линіи магнитной силы). Расположеніе фигуръ какое образуется опилками при раз-

Digitized by Google

ныхъ размѣщеніяхъ лодъ картономъ кусковъ магнита и желѣза. дѣйствительно представляетъ замѣчательную аналогію съ потоками то сливающимися, то противоборствующими одинъ другому. Наблюденіемъ расположенія опилокъ и нѣкоторыми изъ элементарныхъ магнитныхъ явленій ограничивались повидимому опыты Декарта съ магнитами. Въ ту эпоху былъ уже обширный и знаменитый опытный трактатъ о магнетизмѣ англійскаго врача Джильберта (*De Magnete*, 1600). Имъ пользовался и Декартъ. Магниты въ то время были еще значительною рѣдкостію и дорого цѣнились. Изъ предисловія къ сочиненію Декарта *Les passions de l'âme* видно что Джильбертъ, богатый врачъ Англійской королевы истратилъ пятьдесятъ тысячъ экю на покупку магнитовъ (для опытовъ пользовались тогда исключительно естественными магнитами, приготовленіе достаточно сильныхъ стальныхъ еще не было извѣстно).

XXVI.

Оптика была отраслью физики наиболѣе интересовавшею Декарта. Не ограничиваясь имѣющими важное значеніе въ исторіи науки теоретическими соображеніями о явленіяхъ и законахъ свѣта, онъ производилъ, хотя и не особенно многочисленныя, опытныя изысканія касательно устройства и дѣйствія глаза, преломленія свѣта въ призмѣ, стеклянныхъ чечевицахъ и въ шарахъ наполненныхъ водой (для объясненія радуги). Придумалъ не мало машинъ для шлифовки и полировки стеколъ съ цѣлью придавать имъ параболическія формы, машинъ о которыхъ много переписывался съ парижскимъ мастеромъ Ферье (онъ вызывалъ его къ себѣ въ Голландію, но поѣздка не состоялась), которыя впрочемъ практическаго примѣненія не получили. Ученію о свѣтѣ посвящены *Діоптрика* Декарта и главы сочиненія *О метеорахъ* занимающіяся объясненіемъ радуги и нѣкоторыхъ другихъ оптическихъ явленій въ атмосферѣ. Объясненію процесса зрѣнія съ физіологической и психической стороны посвящено также не мало страницъ въ трактатѣ *О человѣкѣ*.

Цѣль какую имѣлъ Декартъ при составленіи *Діоптрики* такъ указывается имъ въ началѣ этого сочиненія.

„Все поведеніе нашей жизни (toute la conduite de notre vie) зависитъ отъ нашихъ чувствъ, между коими зрѣніе самое

Digitized by Google

общее и самое благородное, и безъ сомнѣнія всякое изобрѣтеніе служащее къ увеличенію его силъ есть наиполезнѣйшее. Трудно найти другое открытіе которое бы такъ эту силу увеличивало, какъ открытіе удивительныхъ трубъ, которыя съ недавняго времени будучи въ употребленіи открыли уже намъ новыя звѣзды въ небѣ и другіе новые предметы въ надземномъ мірѣ въ бо́льшемъ числѣ чѣмъ сколько мы доселѣ усматривали. Такимъ образомъ трубы эти, позволивъ зрѣнію нашему проникнуть далѣе того куда достигало воображеніе нашихъ отцовъ, повидимому открываютъ намъ дорогу къ гораздо болѣе значительному и болѣе совершенному познанію природы, чѣмъ какимъ они обладали. Но къ стыду нашихъ наукъ, это столь полезное и столь удивительное открытіе было первоначально сдѣлано только опытомъ и случаемъ. Около тридцати лѣтъ тому назадъ, нѣкто Яковъ Меціусъ, изъ города Алькмара въ Голландіи, человѣкъ никогда не учившійся,—хотя имѣлъ отца и брата математиковъ,—но который находилъ особенное удовольствіе дѣлать зеркала и зажигательныя стекла, каковыя зимою приготовлялъ даже изъ льда (опытъ показалъ что это возможно), вздумалъ, имѣя подъ рукой много стеколъ разной формы, по счастливой случайности посмотрѣть сквозь два изъ нихъ, одно нѣсколько болѣе толстое въ срединѣ чѣмъ при краяхъ, и другое, напротивъ, значительно болѣе толстое при краяхъ чѣмъ въ срединѣ,— и такъ удачно приладилъ ихъ къ двумъ концамъ трубки что первая зрительная труба была такимъ образомъ составлена. И именно по этому образцу были сдѣланы и всѣ другія, съ тѣхъ поръ появившіяся; но никто еще, сколько мнѣ извѣстно, не опредѣлилъ съ достаточною точностью какую фигуру должны имѣть эти стекла. Ибо хотя съ тѣхъ поръ и многіе занимались этимъ предметомъ и открыли по сему поводу многое въ оптикѣ превосходящее все что̀ оставили намъ древніе, однако, такъ какъ трудныя изобрѣтенія не достигаютъ съ перваго шага высшей степени совершенства, и въ этомъ изобрѣтеніи осталось не мало еще трудностей дающихъ мнѣ предметъ чтобы писать объ ономъ. А такъ какъ исполненіе того что̀ я указываю зависитъ отъ умѣнья мастеровъ, обыкновенно людей неученыхъ, то я постараюсь сдѣлать изложеніе мое доступнымъ всѣмъ, ничего для того не опуская и ничего не предполагая извѣстнымъ изъ другихъ наукъ. Начну съ изъясненія свѣта и его лучей, потомъ, опи-

Digitized by Google

савъ кратко части глаза, укажу въ особенности какъ происходитъ видѣніе, а затѣмъ отмѣчу способы могущіе сдѣлать зрѣніе болѣе совершеннымъ и покажу что̀ можетъ быть къ нимъ прибавлено изобрѣтеніями кои опишу."

Физическое ученіе Декарта о свѣтѣ заключается въ первыхъ главахъ *Діоптрики* и въ §§ 55, 64, 77—81 третьей книги *Начала Философіи*. Въ *Началахъ* Декартъ касается вопроса о происхожденіи и распространеніи свѣта отъ солнца и звѣздъ въ самыхъ общихъ чертахъ, въ связи съ ученіемъ о вихряхъ. Полнѣе съ воззрѣніями Декарта можно ознакомиться изъ *Діоптрики*. Въ этомъ сочиненіи впервые изложенъ знаменитый законъ преломленія (постоянство отношенія синуса угла паденія къ синусу угла преломленія), открытіе котораго принадлежитъ голландскому ученому Снеллію, рано похищенному смертію. Доселѣ остается неразъясненнымъ зналъ ли Декартъ объ открытіи Снеллія или открылъ независимо законъ преломленія, выходя изъ теоретическихъ началъ. Декартъ не упоминаетъ чтобы законъ этотъ былъ кому-либо до него извѣстенъ, но и не говоритъ прямо чтобы открытіе было сдѣлано имъ самимъ. Декартъ впрочемъ никогда почти не дѣлаетъ ссылокъ на своихъ предшественниковъ, и умолчаніе имени Снеллія не обозначаетъ чтобъ онъ желалъ приписать себѣ чужое открытіе. Весьма возможно что Декартъ, жившій въ Голландіи, узналъ объ открытіи Снеллія, выразившаго законъ въ иной формѣ, отъ которой впрочемъ не трудно перейти къ формѣ, данной Декартомъ и нынѣ общеупотребительной. Декарта нельзя также считать основателемъ нынѣшней теоріи свѣта какъ волнообразнаго движенія эѳира. Теорія эта происхожденіемъ своимъ всецѣло обязана Гюгенсу. Ни объ аналогіи распространенія свѣта съ распространеніемъ звука (Декартъ считалъ распространеніе свѣта мгновеннымъ), ни о волнахъ эѳира у Декарта не было рѣчи. Теорія его не есть также и теорія истеченія, основанная Ньютономъ. Воззрѣнія Декарта на явленія свѣта имѣютъ совершенно своеобразный характеръ. Это не есть въ строгомъ смыслѣ физическая теорія, такъ какъ Декартъ не даетъ точнаго представленія о физическомъ процессѣ какимъ происходитъ распространеніе свѣта. Онъ основалъ свои выводы на аналогіи явленій свѣта съ нѣсколькими другими явленіями, изъ совершенно иныхъ физическихъ областей. Математическія схемы выражающія законы явленій могутъ имѣть приложеніе къ различнымъ областямъ явленій физически совершенно разно-

Digitized by Google

родным между собою. Въ этомъ отношеніи путь аналогіи можетъ быть весьма плодовитымъ. „Такъ какъ въ сочиненіи этомъ, говоритъ Декартъ (V, 5), много придется говорить о свѣтѣ лишь съ цѣлью объяснить какъ лучи его входятъ въ глаза и какъ могутъ быть отклонены различными тѣлами какія встрѣчаютъ на пути, то мнѣ нѣтъ надобности предпринимать объясненіе въ чемъ истинная природа свѣта, и достаточно воспользоваться двумя или тремя сравненіями кои дадутъ о немъ представленіе, какъ мнѣ кажется, удобнѣе всего могущее служить къ объясненію свойствъ его кои указываются опытомъ и къ выводу затѣмъ тѣхъ кои не могутъ быть такъ легко замѣчены. Подражаю въ этомъ астрономамъ, кои изъ предположеній почти всегда ложныхъ и невѣрныхъ, но соотвѣтствующихъ сдѣланнымъ многоразличнымъ наблюденіямъ, тѣмъ не менѣе выводятъ слѣдствія очень вѣрныя и надежныя.“

Первое сравненіе къ какому прибѣгаетъ Декартъ есть сравненіе наблюдателя видящаго предметы со слѣпымъ имѣющимъ въ рукахъ палку и помощію ея распознающимъ предметы. „Вамъ случалось, конечно, пишетъ онъ (V, 6), не разъ проходя ночью безъ свѣтильника въ мѣстахъ нѣсколько затруднительныхъ, руководиться палкою, и вы могли замѣтить что помощію такой палки вы чувствовали различные встрѣчаемые предметы и даже могли различать были ли это деревья, или камни, или лесокъ, вода, трава, грязь, или что-

либо подобное. Правда, такой родъ ощущенія нѣсколько смутенъ и темнъ для тѣхъ кто не получилъ къ нему привычки; но обратимъ вниманіе на слѣпорожденныхъ пользующихся всю жизнь такимъ способомъ наблюденія, и вы убѣдитесь что у нихъ пріобрѣтаемыя такъ ощущенія настолько совершенны и точны что—можно сказать — они какъ бы видятъ руками, и палка служитъ имъ какъ бы шестымъ чувствомъ даннымъ въ за-

Digitized by Google

мѣнъ зрѣнія. Пользуясь такимъ сравненіемъ, я желаю чтобы вы представили себѣ что свѣтъ въ тѣлахъ именуемыхъ свѣтящимися есть не иное что какъ нѣкоторое движеніе или дѣйствіе очень быстрое и энергическое которое доходитъ до нашихъ глазъ чрезъ посредство воздуха или другихъ прозрачныхъ тѣлъ точно такъ какъ движеніе или сопротивленіе тѣлъ какія встрѣчаетъ нашъ слѣпой доходитъ до его руки чрезъ посредство палки. Это сравненіе дозволитъ вамъ, вопервыхъ, не находить удивительнымъ что свѣтъ распространяетъ свои лучи мгновенно до насъ, ибо вы знаете что дѣйствіе какимъ двигаютъ одинъ конецъ палки должно мгновенно доходить до другаго, и такъ должно быть еслибы даже отъ одного конца палки до другаго было болѣе разстоянія чѣмъ отъ земли до небесъ. Вамъ не покажется также страннымъ что этимъ способомъ мы можемъ видѣть всякаго рода цвѣта, и вы признаете быть-можетъ что цвѣта эти въ тѣлахъ именуемыхъ цвѣтными суть не иное что какъ различные способы какими тѣла эти принимаютъ сказанное дѣйствіе и отсылаютъ его къ глазу. Различія какія слѣпой замѣчаетъ между деревьями, камнями, водой и т. п. чрезъ посредство своей палки не менѣе для него тѣхъ какія находимъ мы между краснымъ, желтымъ, зеленымъ и другими цвѣтами, а различія эти суть не иное что какъ разные способы двигать уломянутую палку или сопротивляться ея движеніямъ. Посему нѣтъ надобности предполагать чтобъ отъ предметовъ переходило къ глазу нѣчто матеріальное, дѣлающее намъ видимыми цвѣта и свѣтъ или даже чтобы въ предметахъ этихъ было что-либо подобное тѣмъ идеямъ и ощущеніямъ какія мы отъ нихъ получаемъ. Точно такъ изъ тѣлъ ощущаемыхъ слѣпымъ ничто не выходитъ и не проходитъ по палкѣ до руки; сопротивленіе и движеніе этихъ тѣлъ единственная причина его ощущеній и не имѣютъ ничего сходнаго съ идеями имъ о предметахъ составляемыми. Такимъ путемъ вашъ умъ освободится отъ всѣхъ этихъ маленькихъ, чрезъ воздухъ летающихъ изображеній, именуемыхъ *species intentionales (especes. intentionnelles)* надъ коими такъ работаетъ воображеніе философовъ. Вы могли бы также легко разрѣшить занимающій ихъ вопросъ относительно мѣста откуда выходитъ дѣйствіе отъ котораго зависитъ зрѣніе. Подобно тому какъ нашъ слѣпой можетъ ощущать окружающія его тѣла не только вслѣдствіе дѣйствія этихъ тѣлъ, движеніемъ своимъ, на палку, но также вслѣдствіе дѣйствія руки, въ случаѣ когда тѣла эти

Digitized by Google

оказываютъ лишь сопротивленіе палкѣ,—не должно ли признать что видимые предметы могутъ быть ощущаемы не только при посредствѣ дѣйствія которое, пребывая въ нихъ, направлено къ глазамъ, но также при посредствѣ дѣйствія которое, пребывая въ глазѣ, направлено къ предметамъ. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ дѣйствіе это есть не иное что̀ какъ свѣтъ, оно находится въ глазахъ только тѣхъ животныхъ кои могутъ видѣть въ темнотѣ, какъ кошки. Что̀ же касается людей, то они въ обыкновенныхъ условіяхъ видятъ только вслѣдствіе дѣйствія идущаго отъ предметовъ, ибо опытъ показываетъ что свѣтящимися или освѣщенными должны быть предметы дабы быть видимыми, а не глаза дабы предметы эти видѣть." Такимъ образомъ Декартъ не былъ еще чуждъ идеи о лучахъ зрѣнія выходящихъ изъ глаза, какая была такъ распространена между древними учеными трактовавшими о явленіяхъ свѣта и зрѣнія (сравн. Поггендорфа *Geschichte der Physik*, 1879, стр. 19).

Среда изъ частицъ которой слагается та палка какою въ представленіи Декарта является *лучъ свѣта*, протянутый отъ предмета къ глазу, есть *второй элементъ*. Чтобы пояснить роль этого элемента въ распространеніи свѣта Декартъ прибѣгаетъ къ новому сравненію. „Взгляните, говоритъ онъ, во время сбора винограда на чанъ весь наполненный виноградомъ на половину выжатымъ; пусть въ днѣ чана сдѣланы одно или два отверстія изъ кожицъ сокъ можетъ вытекать.... Тонкую матерію (наполняющую пространство) можно сравнить съ сокомъ наполняющимъ чанъ, а менѣе жидкія и болѣе грубыя части воздуха и другихъ прозрачныхъ тѣлъ съ гроздами винограда." Какъ скоро отверстіе открыто, сокъ стремится вытекать, со всѣхъ сторонъ стремясь двинуться прямо по направленію къ отверстію. Если одновременно открыто и другое отверстіе, такое же стремленіе обнаруживается и относительно этого послѣдняго.

„Эти дѣйствія не мѣшаютъ одно другому, и виноградныя вѣтви не оказываютъ имъ сопротивленія, такъ какъ поддерживаются одна другою. Между тѣмъ вѣтви эти могутъ быть приводимы разнымъ образомъ въ движеніе тѣми кто ихъ жметъ. „Пространство между солнцемъ и наблюдателемъ есть, для Декарта, какъ бы такой чанъ, зрачки глазъ какъ бы отверстія въ днѣ чана." „Всѣ части тонкой матеріи къ коимъ прикасается обращенная къ намъ сторона солнца обнаружи-

Digitized by Google

ваютъ стремленіе по прямой линіи къ нашимъ глазамъ какъ только они открыты. Одно стремленіе не препятствуетъ другому, не препятствуютъ имъ и грубыя частицы прозрачныхъ тѣлъ находящихся между глазомъ и солнцемъ."

Главнѣйшую часть Декартовой теоріи составляетъ объясненіе законовъ отраженія и преломленія лучей. Здѣсь Декартъ прибѣгаетъ уже къ совершенно новому сравненію и распространеніе свѣта сравниваетъ съ движеніемъ шара несущагося въ воздухѣ съ извѣстною скоростію и встрѣчающаго на пути новую среду, отъ которой отражается или въ которую переходитъ, мѣняя направленіе пути. Принимая что свѣтъ распространяется мгновенно, онъ допускаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ что законы по какимъ происходитъ передача стремленія къ движенію по толкаемой, напримѣръ, палкѣ должны быть тѣ же какъ законы дѣйствительнаго движенія. Разсужденіе слагается изъ ряда положеній весьма произвольнаго свойства, въ концѣ ведущихъ однако къ вѣрному заключенію и выраженію точнаго закона преломленія. Произвольность этихъ положеній была весьма ясно указана въ возраженіяхъ парижскаго математика Ферма (ихъ отецъ Мерсеннъ пересылалъ Декарту), выраженныхъ въ формѣ весьма сдержанной, но возбудившихъ замѣтное въ его отвѣтахъ раздраженіе Декарта. Споръ длился довольно долго, возобновился чрезъ двадцать почти лѣтъ (1653) между Ферма и приверженцемъ Декарта Клерселье, когда уже опыты подтвердили справедливость закона преломленія Декарта. Ферма первоначально полагалъ что законъ выведенный изъ сомнительныхъ положеній не можетъ быть истиннымъ закономъ природы; въ свою очередь старался открыть этотъ законъ, выходя отъ воззрѣній иного порядка чѣмъ механическія воззрѣнія, именно допуская что природа „всегда дѣйствуетъ путями кратчайшими и простѣйшими". Приложивъ это начало къ случаю преломленія луча, Ферма, чрезъ десять лѣтъ послѣ спора съ Декартомъ, нашелъ тотъ же самый законъ какой указанъ авторомъ *Діоптрики*.

Мы не будемъ приводить Декартово доказательство закона преломленія. Скажемъ только что случай перехода луча изъ болѣе преломляющей среды (изъ воды, стекла) въ менѣе преломляющую (въ воздухъ) онъ сравниваетъ со случаемъ движущагося шара, наклонно попадающаго въ горизонтально натянутое тонкое полотно, которое онъ прорываетъ, теряя часть

Digitized by Google

скорости и уклоняясь въ своемъ лутѣ, такъ что удаляется отъ перпендикуляра паденія. Случай же перехода изъ воздуха въ воду или стекло—со случаемъ шара который бы при переходѣ въ новую среду получилъ прибавокъ скорости. Распространеніе дѣйствія передающаго свѣтъ происходитъ, допускаетъ онъ, съ бо́льшею легкостію въ болѣе плотныхъ средахъ, какъ вода, стекло, чѣмъ въ воздухѣ, подобно тому какъ шаръ легче катится по твердому голому столу чѣмъ по столу покрытому мягкимъ бархатомъ.

Послѣднія главы *Діоптрики* посвящены изслѣдованію дѣйствія эллиптическихъ и гиперболическихъ стеколъ, съ цѣлію достичь бо́льшаго совершенства въ устройствѣ зрительныхъ трубъ, и описанію машинъ какія, по проектамъ Декарта, могли бы служить для отполировки стеколъ въ гиперболическія формы. Главы эти въ настоящее время не имѣютъ какого-либо научнаго значенія, хотя стоили автору многихъ трудныхъ соображеній.

XXVI.

То что̀ писано Декартомъ объ актѣ зрѣнія въ высокой степени замѣчательно. Большинство страницъ посвященныхъ имъ этому предмету можно бы смѣло включить въ любой современный трактатъ о зрѣніи. Ближайшими предшественниками Декарта по отношенію къ ученію о зрѣніи были Кеплеръ и Шейнеръ (авторъ сочиненія *Oculus*,) изслѣдовавшій внимательно съ помощію бычачьяго глаза образованіе изображенія предметовъ на ретинѣ. Подобные опыты производилъ и Декартъ и описываетъ ихъ такимъ образомъ: „въ существованіи изображенія на ретинѣ вы легко можете убѣдиться,“ говоритъ онъ, „если возьмете глазъ человѣка недавно умершаго или свѣжій глазъ быка или иного большаго животнаго и срѣжете искусно на днѣ его три оболочки такъ чтобы достаточная часть (стекловидной) влаги оставалась открытою, но влага не разливалась; закроете обнаженное мѣсто какимъ-нибудь бѣлымъ просвѣчивающимъ тѣломъ, напримѣръ бумагою или яичною скорлупой и вставите такой глазъ въ отверстіе ставня такъ чтобы лучи могли проникнуть въ комнату только чрезъ него... Сдѣлавъ такъ, если посмотрите на бѣлое тѣло, то увидите на немъ не безъ удивленія и можетъ-быть

Digitized by Google

не безъ удовольствія рисунокъ представляющій въ перспективѣ внѣшніе предметы... Глазъ при этомъ долженъ сохранять натуральную форму; если нѣсколько сжать его, то рисунокъ будетъ не отчетливъ" (*Dioptrique, Oeuvr.* V, 52). Какое отношеніе этого рисунка представляющаго предметы верхъ ногами къ акту зрѣнія? Воззрѣнія Декарта на этотъ предметъ (они во многомъ сходятся съ возрѣніями Кеплера) въ главныхъ чертахъ тѣ же самыя что нынѣ раздѣляются Гельмгольцемъ и другими послѣдователями такъ-называемой эмпирической теоріи зрѣнія, и теоріи спеціальной энергіи чувствующихъ нервовъ. Хотя изображеніе предметовъ принимаемое нашимъ мозгомъ *, говоритъ Декартъ (*Dioptr. Oeuvr.* V, 54), „имѣетъ всегда нѣкоторое сходство съ предметами отъ которыхъ происходитъ, не должно однако думать чтобы оно посредствомъ этого сходства доставляло намъ ощущеніе предметовъ, — *какъ будто бы были у насъ еще другіе глаза въ мозгу помощію коихъ мы могли бы это изображеніе увидѣть.* Дѣло въ томъ что движенія которыми изображеніе это производится и которыя непосредственно дѣйствуютъ на нашу душу, лока она соединена съ тѣломъ, назначены природою къ тому чтобы возбуждать въ насъ такія ощущенія... Природа нашей души такова что сила движеній происходящихъ въ

* Переводя точнѣе: „хотя это изображеніе, доходя такимъ образомъ внутрь нашей головы удерживаетъ нѣкоторое сходство съ предметомъ". (Or, encore que cette peinture en passant ainsi jusques au dedans de notre tête retienne toujours quelque chose de la ressemblage des objets dont elle procède). Принимая что ретина образуется развѣтвленіемъ волоконъ зрительнаго нерва Декартъ допускаетъ что каждой точкѣ ретины какъ внѣшнему концу волокна соотвѣтствуетъ въ мозгу другой внутренній конецъ того же волокна. Потому когда концы волоконъ на ретинѣ получаютъ впечатлѣніе свѣта, впечатлѣніе это передается чрезъ волокна нерва ихъ мозговымъ окончаніямъ, и въ мозгу такимъ образомъ составляется родъ изображенія въ коемъ испытывающія впечатлѣнія точки расположены такъ какъ расположены точки въ самомъ предметѣ. Отсюда, прибавляетъ Декартъ, изображеніе можетъ достичь малой желѣзы внутри мозга помѣщенной и которая есть общее сѣдалище чувственныхъ воспріятій. (Ce siége du sens commun, propriu sensus communis sedes). „Око можетъ перейти даже чрезъ артерію беременной женщины до какого-нибудь члена ребенка котораго она носитъ въ утробѣ, и образовать на немъ тѣ примѣты (marques d'envie) которыя причиняютъ столько удивленія ученымъ."

Digitized by Google

мѣстахъ мозга откуда выходятъ волокна оптическихъ нервовъ производитъ въ ней ощущеніе свѣта, подобно тому какъ движеніе слуховыхъ нервовъ возбуждаетъ ощущеніе звука, нервовъ языка—ощущеніе вкуса, вообще нервовъ всего тѣла—ощущеніе нѣкотораго щекотанія, если такое движеніе умѣренно и боль—если очень сильно: Во всѣхъ этихъ случаяхъ нѣтъ никакого сходства между идеями какія сознаетъ душа и движеніями кои эти идеи возбуждаютъ."

„Никакъ не должно думать, прибавляетъ Декартъ въ другомъ мѣстѣ (*Dioptr.*, *Oeuvr.* V, 37), что душа, дабы чувствовать, должна созерцать нѣкоторое изображеніе посылаемое предметомъ къ мозгу, какъ вообще думаютъ наши философы. Или по крайней мѣрѣ надлежитъ понимать что природа этихъ изображеній совсѣмъ не та какъ они себѣ представляютъ. Разсматривая такое изображеніе какъ нѣчто сходное съ предметомъ имъ представляемымъ, они не могутъ объяснить намъ какъ же эти изображенія образуются предметомъ, принимаются органами чувствъ нашихъ и передаются по нервамъ до мозга. Для такого предположенія у нихъ одно основаніе: видя какъ легко мысль наша возбуждается картиною къ представленію предмета который на ней нарисованъ, они предположили что мысль получаетъ представленія о предметахъ дѣйствующихъ на чувство также благодаря маленькимъ картинамъ образуемымъ отъ нихъ въ головѣ нашей. Между тѣмъ мы должны помнить что есть много вещей кромѣ изображеній которыя, какъ напримѣръ знаки и слова, нисколько не похожи на предметы которые ими обозначаются. И если,—дабы не удаляться по возможности отъ общепринятыхъ мнѣній,—мы признали бы что ощущаемые нами предметы дѣйствительно посылаютъ свои изображенія до внутреннихъ частей нашего мозга, то должны бы по крайней мѣрѣ признать что изображенія эти не во всемъ сходны съ изображаемыми предметами: иначе не было бы различія между предметомъ и его изображеніемъ,—но достаточно чтобы походили хотя въ немногомъ. И часто даже совершенство ихъ зависитъ отъ того что не настолько сходствуютъ насколько это было бы возможно. Такъ гравюры образуемыя небольшимъ количествомъ краски наложенной тамъ и сямъ на бумагу представляютъ намъ лѣса, города, людей, даже битвы и бури, хотя изъ множества разнообразныхъ качествъ, какія заставляютъ они насъ усматривать въ этихъ предметахъ, только собственно въ фигурѣ имѣютъ съ ними по-

Digitized by Google

добіе и весьма притомъ не совершенное, такъ какъ на плоскости представляютъ предметы различно возвышенные и углубленные, и по правиламъ перспективы часто лучше представляютъ круги помощію овоидовъ, чѣмъ помощію круговъ же, квадраты помощію параллелограммовъ вмѣсто другихъ квадратовъ и т. п. Такимъ образомъ нерѣдко, чтобы быть совершеннѣе въ качествѣ изображеній и лучше представлять предметъ, рисунки должны не походить на него. Точно также надлежитъ думать объ изображеніяхъ въ нашемъ мозгу; вопросъ приводится къ тому только чтобъ уяснить какъ могутъ изображенія эти дать средства ощущать различныя качества предметовъ къ коимъ относятся, а не къ тому чтобы отыскивать въ чемъ ихъ сходство съ предметами. Когда слѣпой, о которомъ мы выше говорили, касается какого-нибудь предмета, то очевидно что предметъ этотъ ничего не посылаетъ отъ себя, а только разнымъ образомъ, смотря по своимъ свойствамъ, движетъ палку, затѣмъ нервы руки и наконецъ тѣ мѣста въ мозгу откуда нервы эти идутъ. А это даетъ его душѣ поводъ ощущать, столько разныхъ качествъ въ тѣлахъ сколько есть разныхъ движеній тѣлами этими возбуждаемыхъ въ его мозгу."

Любопытно сравнить съ этими соображеніями Декарта то что о томъ же предметѣ говоритъ Гельмгольцъ въ своей *Физіологической Оптикѣ*. (Leipzig. 1867, стр. 194 и 443.) „Качество чувственнаго ощущенія зависитъ главнымъ образомъ отъ собственнаго устройства нервнаго аппарата и на второмъ уже планѣ отъ устройства наблюдаемаго предмета... Являются ли намъ солнечные лучи лучами свѣта или лучами теплоты зависитъ лишь отъ того ощущаемъ ли мы ихъ зрительными нервами или нервами кожи... Качество чувственнаго ощущенія никоимъ образомъ не тождественно съ качествомъ предмета какимъ оно вызвано, но въ физическомъ отношеніи оно есть только *дѣйствіе* внѣшняго качества на данный особый нервный аппаратъ; для нашего же представленія качество ощущенія равнымъ образомъ есть только *символъ*, распознавательный знакъ для объективнаго качества."

„Наши представленія о вещахъ не могутъ быть ничѣмъ другимъ какъ символами, значками для вещей отъ природы данными и коими мы научаемся пользоваться для регулированія нашихъ движеній и дѣйствій. Если мы выучились правильно читать эти символы, то мы въ состояніи съ ихъ

Digitized by Google

помощію такъ направлять наши дѣянія что они получаютъ желаемый исходъ...

„Спрашивать истинно ли само въ себѣ, независимо отъ практическаго употребленія какое могу изъ него сдѣлать, согласно ли съ дѣйствительною вещію представленіе какое имѣю о столѣ, его фигурѣ, твердости, цвѣтѣ, тяжести и проч., или же фальшиво, основано на обманѣ, имѣетъ такъ же мало смысла какъ спрашивать о данномъ тонѣ красный онъ, желтый или голубой. Представленія и представляемое очевидно принадлежатъ двумъ совершенно различнымъ мірамъ, допускающимъ столь же мало сравненія между собою, какъ цвѣта и тоны или какъ буквы въ книгѣ и звуки словъ кои ими обозначаются."

„Видитъ душа, а не глазъ, говоритъ Декартъ (*Oeuvr.* IV, 64) и видитъ чрезъ посредство мозга. Отсюда происходитъ что подверженные галлюцинаціямъ и спящіе часто видятъ или думаютъ видѣть предметы коихъ нѣтъ предъ ихъ глазами. Нѣкоторые пары (quelques vapeurs) двигая мозгъ такъ располагаютъ частицы его обыкновенно служащія акту зрѣнія какъ расположили бы эти предметы еслибы были предъ глазами." Объясненіе факта что мы видимъ предметы въ прямомъ видѣ хотя изображеніе ихъ на ретинѣ рисуется верхъ ногами, а также различныхъ обмановъ зрѣнія въ сужденіяхъ о разстояніяхъ—дѣлаются Декартомъ совершенно въ духѣ современной физіологіи.

Весьма замѣчательно что способность глаза приспособляться къ различнымъ разстояніямъ объясняетъ Декартъ (ту же теорію съ нѣкоторою подробностію развивалъ затѣмъ Малебраншъ въ сочиненіи своемъ *Recherche de la Verité*) измѣненіемъ формы хрусталика и такимъ образомъ полагаетъ основаніе той теоріи которая, поддержанная въ началѣ нынѣшняго столѣтія Юнгомъ, возобновлена въ новѣйшее время и оправдана изслѣдованіями Крамера и Гельмгольца. Ученіе Декарта объ измѣненіи формы хрусталика изложено имъ не въ *Діоптрикѣ* (гдѣ объ этомъ предметѣ онъ упоминаетъ лишь вскользь въ концѣ VII главы, *Oeuvr*, V, 90, и допускаетъ, стр. 75, измѣненія формы всего глаза), а въ трактатѣ *О человѣкѣ*, гдѣ этому предмету посвящено нѣсколько страницъ и изложеніе поясняется рисунками изображающими форму хрусталика при наблюденіи отдаленныхъ предметовъ сравнительно съ его болѣе выпуклою формой при наблюде-

Digitized by Google

ніи близкихъ предметовъ.* (*Tractatus de Homine*, изданный Делафоржемъ у Эльзевира въ Амстердамѣ, 1677, стр. 77 и сл.).

По поводу зрѣнія двумя глазами и основаннаго на немъ сужденія о разстояніи предметовъ Декартъ дѣлаетъ замѣчаніе заключающее въ себѣ ту же мысль какую развиваетъ Гельмгольцъ о безотчетныхъ умозаключеніяхъ сопровождающихъ актъ зрѣнія. При этомъ происходитъ, говоритъ Декартъ, „актъ мысли, который будучи не болѣе какъ актомъ простаго воображенія, тѣмъ не менѣе заключаетъ въ себѣ разсужденіе совершенно подобное тому какое дѣлаютъ межевщики когда помощію двухъ станцій измѣряютъ разстояніе недоступныхъ мѣстъ."

XXVII.

Въ сочиненіи *О метеорахъ* (*Les Metéores*) изданномъ вмѣстѣ съ *Діоптрикою* въ качествѣ прибавленія къ *Разсужденію о методѣ*, Декартъ, указавъ въ первыхъ двухъ главахъ свои воззрѣнія на строеніе тѣлъ твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ (объ этомъ мы уже говорили), занимается объясненіемъ явленій воздушнаго круга—вѣтровъ, облаковъ, дождя, снѣга, града, грозы и оптическихъ явленій въ атмосферѣ, какъ радуги, круги около солнца и луны и ложныя солнцы. Ученіе о метеорологическихъ явленіяхъ и нынѣ крайне несовершенно. Еще конечно менѣе совершенно было оно въ эпоху Декарта, хотя вопросы о вѣтрахъ, облакахъ, громѣ, молніи и т. д. весьма интересовали тогда ученыхъ и составляли очень видную часть въ школьномъ изложеніи физическихъ ученій. Смѣлыя и вмѣстѣ удобопонятныя объясненія Декарта произвели сильное впечатлѣніе и содѣйствовали распространенію его воззрѣній на строеніе тѣлъ.

Наибольшее научное значеніе имѣетъ глава о радугѣ. Самъ Декартъ приписываетъ даваемому имъ объясненію радуги особенное значеніе. „Радуга, говоритъ онъ (V, 265), есть чудо природы столь замѣчательное, причина ея съ такимъ любопытствомъ изыскивалась многими замѣчательными учеными и

* По Декарту, выпуклость увеличивается съ двухъ сторонъ, а не съ передней только, какъ доказано нынѣ.

Digitized by Google

вмѣстѣ столь мало извѣстна что я не могу выбрать предмета болѣе способнаго показать какъ помощію моей методы можно достичь знаній какихъ не имѣли тѣ коихъ сочиненія до насъ дошли." По отношенію къ объясненію радуги (объясненію въ изложеніи Декарта замѣчательному по своей ясности и точности несмотря на то что различная преломляемость цвѣтныхъ лучей не была еще извѣстна) Декартъ имѣлъ предшественниковъ въ ученомъ монахѣ XIV вѣка Теодорикѣ и въ епископѣ Антоніи де-Доминисъ (Marco Antonio de Dominis, авторѣ сочиненія *De radiis visus et lucis.* Venet. 1611). Возможно что послѣдній трудъ былъ Декарту извѣстенъ, хотя на это нѣтъ никакого указанія. Во всякомъ случаѣ объясненіе величины угла образуемаго отраженными отъ дождевыхъ капель лучами съ направленіемъ лучей падающихъ на нихъ отъ солнца дано Декартомъ. „И тотъ способъ какимъ онъ это сдѣлалъ, отводитъ ему, по замѣчанію Поггендорфа, высокое мѣсто въ ряду физиковъ."

Чтобъ изучить ходъ лучей въ каплѣ воды Декартъ обратился къ опыту со стекляннымъ сферическимъ баллономъ наполненнымъ водою и представляющимъ собою какъ бы огромную каплю. Опредѣливъ такимъ образомъ опытомъ ходъ лучей отражаемыхъ водяною сферой, Декартъ перешелъ къ математическому изученію этого пути, на основаніи закона преломленія, указаннаго въ *Діоптрикѣ*. Вычисленіе дало результатъ согласный съ опытомъ и указало направленіе по какому идутъ отъ капли луча названные Ньютономъ, въ послѣдствіи, дѣйствующими. Появленіе цвѣтовъ Декартъ объясняетъ не различною преломляемостью лучей, а изъ своей теоріи вращенія частицъ, помощію которой онъ объяснялъ происхожденіе цвѣтовъ. Свѣтъ, по ученію Декарта, распространяется въ прозрачныхъ тѣлахъ чрезъ сообщеніе дѣйствія отъ свѣтящагося тѣла сквозь среду наполняющую поры тѣла и состоящую изъ частицъ, кои можно разсматривать какъ круглые шарики, имѣющіе прямолинейное и вращательное движеніе. Измѣненіе этого вращенія на предѣлахъ свѣта и тѣла объясняетъ, по Декарту, появленіе цвѣтовъ какъ въ случаѣ призмы (Декартъ дѣлалъ опыты со спектромъ пропуская солнечные лучи чрезъ стеклянную призму, которой одна сторона закрывалась непрозрачнымъ тѣломъ съ малымъ отверстіемъ), такъ и въ случаѣ преломленія кривыми поверхностями.

Digitized by Google

XXVII.

„Отъ описанія неодушевленныхъ тѣлъ и растеній, говоритъ Декартъ въ *Разсужденіи о методѣ*, указывая планъ труда долженствовавшаго обнять всѣ явленія природы какъ неорганической такъ и органической,—я перешелъ къ описанію животныхъ и въ особенности человѣка. Но такъ какъ я не имѣлъ еще достаточныхъ свѣдѣній чтобы говорить о нихъ въ томъ же тонѣ (de même style) какъ объ остальномъ, то-есть вывода дѣйствія изъ причинъ и показывая изъ какихъ сѣмянъ и какими способами природа должна ихъ производить, я удовольствовался предположеніемъ что Богъ образовалъ тѣло нѣкоего человѣка совершенно подобное тѣлу кого-либо изъ насъ, какъ по внѣшней фигурѣ членовъ, такъ и по внутреннему строенію органовъ, сложивъ его не изъ чего другаго какъ изъ той матеріи какую я описалъ, и не влагая въ него въ началѣ никакой размышляющей души (âme raisonable), а также и ничего такого что могло бы въ немъ служить растительною или чувствующею душой (âme végétale ou sensitive), а вложивъ только въ его сердце тотъ огонь безъ свѣта, который я уже изъяснилъ,—который я представляю себѣ совершенно той же натуры какъ тотъ что нагрѣваетъ сѣно сложенное пока оно еще сыро, или заставляетъ бродить новое вино. Разсматривая отправленія какія могли бы быть въ такомъ тѣлѣ, я нашелъ что отправленія эти тѣ самыя какія происходятъ у насъ безъ сознанія (sans que nous y pensions) и слѣдовательно безъ участія нашей души, то-есть части нашего существа отличной отъ тѣла и которой природа, какъ я упомянулъ, есть—мыслить. Это тѣ отправленія въ коихъ, можно сказать, животныя не имѣющія разума сходны съ нами. Но я не нашелъ ни одного изъ тѣхъ кои зависятъ отъ мысли и суть единственныя принадлежащія намъ въ качествѣ человѣка; ихъ всѣхъ нашелъ я послѣ когда предположилъ что Богъ создалъ разумную душу и соединилъ ее съ тѣломъ.“

Программа начерченная въ этихъ строкахъ осуществлена Декартомъ въ трактатѣ его *О человѣкѣ*, появившемся по смерти автора. Въ рукописи переходящей къ Клерселье трактатъ этотъ есть продолженіе сочиненія *О мірѣ*

Digitized by Google

(преобразованнаго потомъ авторомъ въ *Начала Философіи*, а въ первоначальномъ видѣ напечатаннаго также по смерти Декарта) и озаглавленъ какъ глава XVIII.

„Я дѣлаю предположеніе,—такъ говоритъ Декартъ въ началѣ своего трактата (IV, 335)—что тѣло есть не иное что̀ какъ статуя или машина сдѣланная изъ земнаго матеріала (une statue ou une machine de terre) которую Богъ образуетъ нарочно дѣлая ее сколько возможно подобную намъ, для чего не только снаружи придаетъ ей цвѣтъ и фигуру всѣхъ нашихъ членовъ, но и внутрь влагаетъ всѣ части требуемыя для того чтобы машина эта ходила, ѣла, дышала и наконецъ подражала бы, всѣмъ нашимъ отправленіямъ какія только можно представить себѣ происходящими отъ матеріи и коп зависятъ только отъ расположенія органовъ... Мы видимъ часы, искусственные фонтаны, мельницы и другія подобныя машины, коп хотя сдѣланныя только людьми, тѣмъ не менѣе имѣютъ силу двигать себя различнымъ образомъ; въ машинѣ же, по предположенію моему, сдѣланной руками Бога, я не могу, кажется мнѣ, и придумать такого разнообразія движеній и такого совершенства механизма, чтобы нельзя было вообразить разнообразія еще бо́льшаго и механизма еще совершеннѣйшаго."

Другими словами, Декартъ, давая волю воображенію, дѣлаетъ предположеніе, что всѣ матеріальныя частицы изъ коихъ состоитъ тѣло человѣка, съ ихъ силами и движеніемъ, чудеснымъ дѣйствіемъ божественнаго могущества сложены въ груплу въ томъ самомъ порядкѣ и размѣщеніи какъ онѣ находятся въ нашемъ тѣлѣ и спрашиваетъ, что̀ представитъ собою такая совокупность матеріальныхъ частицъ. Представитъ ли она полнаго человѣка? Согласно идеямъ Декарта, такая совокупность полнаго человѣка не представитъ. Ей будетъ не доставать того что̀ мы называемъ душой. Это будетъ чрезвычайно сложная, лишенная сознанія машина природы, способная впрочемъ къ значительному разнообразію движеній, причемъ и движенія эти, подъ вліяніемъ матеріальнаго дѣйствія окружающихъ предметовъ, необходимо свершаются. До какого предѣла простирается это разнообразіе и гдѣ грань отдѣляющая движенія коп обусловливаются присутствіемъ духовнаго начала отъ движеній коп могли бы быть еслибы начало это отсутствовало—вотъ главный вопросъ подлежащій разрѣшенію. Предѣлъ этотъ, по ученію Декарта, лежитъ весьма далеко,

Digitized by Google

и вся совокупность дѣйствій какія совершаетъ животное не требуетъ, по его мнѣнію, присутствія духовнаго начала, а всецѣло принадлежитъ области механическихъ дѣйствій, подобно движеніямъ автомата. Идеи о растительной и животной или чувствующей душѣ, ходячія въ эпоху Декарта, имъ отвергаются. Животное для него есть автоматъ природы. Вопреки общему мнѣнію и самымъ рѣзкимъ повседневнымъ фактамъ, Декартъ отрицалъ въ животномъ всякое сознаніе, всякое ощущеніе. Это одна изъ самыхъ характеристическихъ чертъ Декартова ученія, тотъ его догматъ признаніе котораго считалось главнымъ признакомъ чистаго картезіанца. Декартъ не остановился предъ такимъ смѣлымъ допущеніемъ, такъ какъ оно находится въ тѣсной связи съ основными началами его философскаго ученія.

XXVIII.

Въ нашъ планъ не входитъ излагать философское ученіе Декарта. Необходимо однако остановиться на нѣкоторыхъ его началахъ чтобы сдѣлать ясными его идеи объ отправленіяхъ тѣлъ человѣка и животныхъ, идеи имѣющія большое значеніе въ исторіи науки о жизни. Матерія и духъ, согласно Декарту, суть два по сущности своей разнородные міра, двѣ субстанціи—одна *протяженная*, другая *мыслящая*. Все существо, вся природа матеріи въ томъ чтобъ имѣть протяженіе (éxtention), все существо, вся природа духа въ томъ чтобы мыслить (penser). Идею Декарта о матеріи какъ протяженіи мы разсматривали уже съ нѣкоторою подробностію. Матеріальный міръ есть для Декарта измѣняющаяся мозаика протяженныхъ элементовъ (частицы и движеніе). Атрибутъ духа, *мысль*, всецѣло разнороденъ съ протяженіемъ, выражающимъ натуру матеріи. Представленіе свое о сущности духовнаго начала Декартъ выводитъ изъ основнаго факта самонаблюденія, который онъ полагаетъ въ основу всѣхъ своихъ философскихъ соображеній и формулуетъ въ извѣстномъ выраженіи *cogito ergo sum* (je pense donc je suis), *мыслю, слѣдовательно я есмь*. Въ *Началахъ Философіи* Декартъ такъ разъясняетъ значеніе своего основнаго положенія. (*Princ. philos.* L. I, §§ 7 и 8).

„Отложимъ въ сторону все въ чемъ можемъ малѣйшимъ образомъ сомнѣваться и даже все о чемъ мы можемъ хотя

Digitized by Google

бы только вообразить что оно ложно. Такимъ образомъ легко можемъ представить себѣ что нѣтъ Бога, нѣтъ ни неба, ни земли, что мы не имѣемъ рукъ, ногъ и всего тѣла; но мы никакъ не можемъ представить чтобы не было насъ кои сомнѣваемся во всѣхъ этихъ вещахъ, чтобы то что думаетъ не существовало на самомъ дѣлѣ въ то время какъ оно думаетъ *. Потому заключеніе: *мыслю, слѣдовательно я есмь*, есть первое и достовѣрнѣйшее какое предоставляется тому кто размышляетъ по порядку.

„Таковой путь размышленія кажется мнѣ наилучшимъ какой можно избрать чтобъ узнать природу души и то что она есть субстанція совершенно отличная отъ тѣла. Ибо разсматривая что такое сами мы предполагающіе что все отъ насъ отличное ложно,—ясно усматриваемъ что ни протяженіе, ни фигура, ни пребываніе въ томъ или другомъ мѣстѣ и ничто долженствующее быть приписаннымъ тѣлу не относится къ натурѣ нашей, но только мыслительная дѣятельность; ее познаемъ прежде и съ большею достовѣрностію чѣмъ какую-либо тѣлесную вещь; ибо дѣятельность эту необходимо сознаемъ тогда какъ объ остальномъ можемъ сомнѣваться." **

„Что я такое? спрашиваетъ Декартъ во второмъ изъ своихъ *Размышленій* (*Meditationes de prima philosophia*, переведенныя по-французски герцогомъ де-Люинъ въ 1647 году). Вещь которая мыслитъ. Что такое вещь которая мыслитъ? Эта вещь которая сомнѣвается, которая понимаетъ, которая утверждаетъ, отрицаетъ, которая хочетъ, не хочетъ, которая также соображаетъ и которая чувствуетъ."

---

* Слова „въ то время какъ думаетъ"—прибавленіе французскаго текста (que ce qui pense n'est pas veritablement au même temps qu'il pense).

** Держимся латинскаго текста какъ оригинальнаго; во французскомъ переводѣ (аббата Пико, просмотрѣнномъ Клерселье) мѣсто это передано съ прибавленіемъ пояснительныхъ словъ, именно такъ: „Чтобы быть мы не имѣемъ нужды въ протяженіи, фигурѣ, пребываніи въ какомъ-либо мѣстѣ, и ни въ какой другой вещи какую можно приписать тѣлу; мы существуемъ чрезъ то лишь что мыслимъ. А потому свѣдѣніе какое имѣемъ о душѣ нашей или нашей мысли предшествуетъ тому какое имѣемъ о тѣлѣ и болѣе достовѣрно, ибо мы можемъ сомнѣваться есть ли еще какое тѣло въ мірѣ, но съ достовѣрностію знаемъ что мы мыслимъ". Сказанное о томъ же предметѣ въ *Разсужденіи о методѣ* было приведено въ первой нашей статьѣ.

Digitized by Google

„Подъ словомъ мыслить, поясняетъ Декартъ въ *Началахъ* (I. I, § 9), я разумѣю все что происходитъ въ насъ такъ что мы сознаемъ это непосредственно въ себѣ (omnia quae nobis conscius in nobis fiunt quatenus eorum in nobis conscientia est; tout ce que se fait en nous de telle sorte que nous l'apercevons immediatement par nous même). Потому не только понимать, хотѣть, воображать, значитъ мыслить, но и чувствовать значитъ тоже мыслить. Ибо если скажу: * я вижу, я хожу, а слѣдовательно я есмь, и буду разумѣть зрѣніе или хожденіе какъ акты эти свершаются тѣломъ, то заключеніе не будетъ абсолютно достовѣрно, ибо часто я могу думать что вижу, хожу, тогда какъ не открывалъ глазъ и не двигался съ мѣста, — какъ это часто случается во снѣ и могло бы, можетъ-быть, произойти со мною еслибы я даже не имѣлъ никакого тѣла. Но если разумѣю подъ этимъ актъ ощущенія или сознаніе что я вижу или что я хожу, насколько актъ этотъ относится къ душѣ, которая одна чувствуетъ или думаетъ что свершается видѣніе или хожденіе, то заключеніе вполнѣ вѣрно."

Въ сочиненіи *О страстяхъ* или точнѣе *О страдательныхъ состояніяхъ души* (*Les passions de l'âme*) Декартъ полнѣе объясняетъ какъ понимаетъ онъ *мысль* въ смыслѣ аттрибута души, въ которомъ природа духовной субстанціи выражается такъ какъ въ аттрибутѣ *протяженіе* выражается природа матеріальной субстанціи. Мысль для Декарта есть все что мы непосредственно *сознаемъ* въ себѣ. Быть духовно значитъ имѣть и *усматривать* представленія и хотѣнія. Имѣть и усматривать есть актъ нераздѣльный. Согласно Декарту, нельзя имѣть представленія или хотѣнія ихъ не усматривая, о нихъ не зная. Безсознательныхъ представленій и хотѣній Декартъ не допускаетъ; безсознательныхъ формъ духовной дѣятельности для него не существуетъ. Появленіе представленія или хотѣнія неразрывно съ появленіемъ знанія объ этихъ актахъ.

„Разсмотрѣвъ, говоритъ онъ (*Passions de l'âme*, I, §§ 17, 18, 19), функціи исключительно принадлежащія тѣлу, не трудно видѣть что на долю исключительно души остается то что составляетъ ея мысли; каковыя суть главнымъ образомъ двухъ родовъ: одни суть дѣйствія души, другія

* Противъ Гассенди, возражавшаго что въ заключеніи cogito ergo sum заключается не болѣе какъ въ заключеніи ambulo ergo sum.

Digitized by Google

ея страданія. То что я называю дѣйствіями души суть всѣ проявленія нашей воли, ибо на опытѣ испытываемъ что онѣ прямо идутъ отъ нашей души и кажутся зависящими только отъ нея; напротивъ страданіями ея вообще можно назвать всѣ роды представленій (perceptions) или знаній (connaissance) какія находятся въ насъ, ибо не душа дѣлаетъ ихъ таковыми каковы онѣ суть, а принимаетъ ихъ отъ вещей ими представляемыхъ. Проявленія воли двояки: одни суть дѣйствія души такъ въ ней и кончающіяся; напримѣръ когда мы хотимъ любить Бога, или вообще приложить нашу мысль къ какому-нибудь не матеріальному предмету; другія суть дѣйствія оканчивающіяся въ нашемъ тѣлѣ, напримѣръ когда изъ того только что я обнаруживаю волю идти гулять происходитъ что ноги мои двигаются и я иду. Представленія наши также двояки: одни имѣютъ причиной душу, другія тѣло. Имѣющія причиной душу суть представленія объ актахъ нашей воли (perceptions de nos volontés) и всякаго рода актахъ воображенія и иныхъ отъ души зависящихъ. *Ибо достовѣрно что мы не можемъ хотѣть какой-нибудь вещи, безъ того чтобы тѣмъ самымъ не усматривать что мы ея хотимъ.* И хотя по отношенію къ душѣ такое хотѣніе есть ея дѣйствіе, однако можно сказать оно есть и страдательное ея состояніе въ смыслѣ усматриванія что она хочетъ. А такъ какъ это представленіе о хотѣніи и самое хотѣніе * на дѣлѣ одно и то же, то названіе дается отъ того что благороднѣе и потому обыкновенное хотѣніе не зовутъ страданіемъ души, а ея дѣйствіемъ."

Полагая *сознаніе* непремѣннымъ условіемъ каждаго духовнаго акта и принимая что никакой актъ мысли не возможенъ безъ того чтобы мыслящій субъектъ не ощущалъ этого акта въ своемъ сознаніи, Декартъ и его послѣдователи утверждали что *душа мыслитъ всегда.* „Не безъ основанія утверждаю я, пишетъ Декартъ (*Oeuvr.* VIII, 269), что душа человѣка гдѣ бы ни была всегда мыслитъ, даже въ утробѣ матери. Ибо какого болѣе очевиднаго и достовѣрнаго довода можно желать чѣмъ данный мною, такъ какъ я доказалъ что натура или сущность души въ томъ что она есть вещь которая мыслитъ, подобно тому какъ натура тѣла въ томъ что оно есть вещь протяженная, а никогда вещь нельзя лишить того что составляетъ ея сущность. И потому, кажется мнѣ,

* То-есть сознаніе воли и самый актъ воли.

Digitized by Google

не болѣе надлежитъ давать цѣны показаніямъ того кто отрицаетъ что душа его мыслила въ то время относительно котораго не помнитъ онъ чтобы замѣтилъ что она мыслила, какъ еслибъ онъ утверждалъ что тѣло его перестало быть протяженнымъ въ то время когда онъ не замѣчалъ что оно протяженно. Это не значитъ чтобъ я думалъ что умъ ребенка въ утробѣ матери обсуждаетъ метафизическіе предметы. Напротивъ,—если только позволительно дѣлать предположеніе о вещахъ столь мало извѣстныхъ,—изъ ежедневнаго опыта мы знаемъ что нашъ духъ такъ соединенъ съ тѣломъ что почти всегда страдаетъ отъ него, и хотя духъ въ здоровомъ и крѣпкомъ тѣлѣ имѣетъ нѣкоторую свободу мыслить о другихъ вещахъ кромѣ представляемыхъ ему чувствами, такой свободы не замѣчаемъ въ больныхъ, спящихъ, въ дѣтяхъ, и она обыкновенно вообще тѣмъ меньше чѣмъ меньше возрастъ.

„Потому вполнѣ согласно съ разумомъ думать что духъ новосоединенный съ тѣломъ ребенка вначалѣ чувствуетъ или смутно замѣчаетъ лишь идеи боли, щекотанія, тепла, холода и подобныя, рождающіяся отъ соединенія или такъ-сказать смѣшенія духа и тѣла. Но и въ этомъ состояніи умъ его имѣетъ въ себѣ идеи божества, самого себя и всѣхъ тѣхъ истинъ кои извѣстны сами собою и кои взрослые имѣютъ въ себѣ когда и не думаютъ о нихъ, ибо они не пріобрѣтаются съ возрастомъ. И я не сомнѣваюсь что еслибы онъ освободился отъ узъ тѣла, онъ нашелъ бы эти идеи въ себѣ. Когда духъ соединенный съ тѣломъ мыслитъ о какой-нибудь тѣлесной вещи, извѣстныя частицы мозга приходятъ въ движеніе, что происходитъ иногда отъ дѣйствія внѣшнихъ предметовъ на органы чувствъ, иногда отъ тонкой животной матеріи (esprits animaux) восходящей отъ сердца къ мозгу, а иногда и самого духа, именно когда онъ самъ отъ себя, по собственной свободѣ, обращается къ той или другой мысли. Отъ движенія этихъ частицъ происходитъ въ мозгу слѣдъ, отъ котораго и зависитъ воспоминаніе. Что же касается предметовъ чисто умственныхъ, то, собственно говоря, о нихъ не бываетъ воспоминанія и въ первый разъ какъ представляются они уму онъ мыслитъ ихъ точно такъ же какъ во второй и только то обстоятельно что они обыкновенно соединяются или связываются съ именами,—кои суть вещь тѣлесная,—дѣлаетъ что и о нихъ бываетъ воспоминаніе.“

Digitized by Google

XXX.

Лейбницъ, раздѣляя ученіе Декарта что душа всегда мыслитъ, не согласенъ однако съ нимъ въ томъ что сознаніе есть непремѣнное условіе всякаго духовнаго акта. Онъ неоднократно указываетъ на эту существенную сторону картезіанскаго ученія, находя такое воззрѣніе односторонним и ошибочнымъ. „Надлежитъ, говорилъ онъ (*Principes de la Nature et de la Grace fondés en raison*, *Opera phil.* ed. Erdmann 1840, стр. 715), различать *перцепцію* (perception, способность имѣть представленіе), которая есть внутреннее состояніе монады представляющей внѣшнія вещи, * отъ *апперцепціи* (apperception), которая есть *сознаніе* (conscience) или рефлективное знаніе объ этомъ внутреннемъ состояніи, каковое знаніе не дано всѣмъ душамъ и не всегда дано одной и той же душѣ. Картезіанцы именно вслѣдствіе того что не дѣлали этого различенія впали въ ошибку, считая за ничто представленія, кои не усматриваются подобно тому какъ народъ считаетъ за ничто неощутимыя тѣла (corps insensibles)."

Объ этомъ разрядѣ представленій Лейбницъ съ нѣкоторою подробностію говоритъ въ предисловіи къ *Nouveaux Essais sur l'entendement humain* (*Opera ph.* стр. 197), оспаривая допущеніе Локка что душа не всегда мыслитъ. Локкъ, говоритъ Лейбницъ, „утверждаетъ что духъ не всегда мыслитъ, и въ частности, что онъ не имѣетъ представленій (est sans perception) когда человѣкъ спитъ не видя сновъ. Онъ говоритъ— поелику тѣла могутъ быть безъ движенія, души могутъ быть безъ мысли... Я же утверждаю что естественно субстанція не можетъ быть безъ дѣйствія и что нѣтъ никогда тѣла безъ движенія. Опытъ благопріятствуетъ мнѣ, и достаточно прочесть книгу знаменитаго Бойля (Boyle) противъ абсолютнаго покоя, чтобъ убѣдиться въ этомъ... Да и есть тысяча указаній что въ насъ каждую минуту есть безчисленное множество представленій, но безъ сознанія и безъ размышленія (sans apperception et sans reflexion), то-есть перемѣнъ въ самой душѣ, которыя мы не усматриваемъ, ибо впечатлѣнія эти или слишкомъ слабы и многочисленны или слишкомъ слиты,

* По опредѣленію Лейбница, монада есть простая субстанція, истинный атомъ природы, элементъ вещей. Каждая монада—зеркало міра.

Digitized by Google

такъ что не имѣютъ ничего отдѣльно различаемаго, хотя въ соединеніи съ другими и производятъ дѣйствіе и въ совокупности чувствуются менѣе смутно. Такъ привычка производитъ что мы не обращаемъ вниманія на движеніе мельницы или на низвергающійся потокъ когда прожили рядомъ нѣсколько времени. И не потому чтобы движеніе это не дѣйствовало на наши чувства и чтобы въ душѣ не происходило нѣчто соотвѣтствующее этому дѣйствію, но причинѣ гармоніи души и тѣла. Но впечатлѣнія эти въ душѣ и въ тѣлѣ будучи лишены привлеченія новизны не достаточно сильны чтобы привлечь наше вниманіе и нашу память, кои привлекаются лишь предметами болѣе насъ занимающими. Вниманіе всегда требуетъ памяти, и когда мы не предувѣдомлены быть такъ-сказать на сторожѣ относительно тѣхъ или другихъ въ данную минуту присутствующихъ въ насъ собственныхъ представленій, мы оставляемъ ихъ проходить безъ размышленія и ихъ не замѣчаемъ. Но если кто-нибудь укажетъ намъ и побудитъ насъ замѣтить какой-нибудь, напримѣръ шумъ только что слышанный, мы вспоминаемъ о немъ и начинаемъ сознавать что недавно имѣли его ощущеніе. Это были слѣдовательно представленія кои мы не тотчасъ усматривали, такъ какъ сознаніе приходитъ въ случаѣ такого указанія чрезъ нѣкоторый промежутокъ времени, какъ бы малъ онъ ни былъ. Чтобы еще лучше судить о малыхъ представленіяхъ кои мы не умѣемъ различать въ ихъ толпѣ, я обыкновенно привожу въ примѣръ шумъ моря ощущаемый когда мы стоимъ на берегу. Чтобы слышать, какъ бываетъ, этотъ шумъ, мы должны очевидно слышать его составныя части, то-есть шумъ каждой волны, хотя каждый такой малый шумъ познается нами только въ общей ихъ смутной совокупности, и не былъ бы замѣченъ еслибы производящая его волна была одна. Ибо необходимо чтобы движеніе это хотя сколько-нибудь дѣйствовало на насъ и мы имѣли бы представленіе о каждомъ изъ этихъ шумовъ, сколь бы малы они ни были. Иначе мы не имѣли бы представленія о шумѣ ста тысячъ волнъ, такъ какъ сто тысячъ нулей не могли бы образовать какую-либо величину. Кромѣ того мы никогда не спимъ такъ глубоко чтобы не имѣть какого-либо слабаго и смутнаго ощущенія; мы не могли бы быть разбужены самымъ сильнымъ шумомъ въ мірѣ еслибы не имѣли нѣкотораго представленія о его началѣ, которое должно быть крайне слабо; подобно тому какъ струна не могла бы

Digitized by Google

быть разорвана при наивеличайшемъ усиліи въ мірѣ, еслибъ она не удлинялась и не натягивалась немного отъ наималѣйшаго усилія, хотя такое производимое малымъ усиліемъ движеніе и незамѣтно.

„Эти малыя представленія имѣютъ болѣе важное значеніе чѣмъ думаютъ. Они-то образуютъ все это неуловимое (ce je ne sais quoi)—разные вкусы, образы чувственныхъ качествъ, ясные въ совокупности, смутные въ частяхъ; впечатлѣнія производимыя на насъ окружающими тѣлами и облекающія безконечность, связь каждаго существа со всею остальною вселенной. Можно даже сказать что вслѣдствіе этихъ малыхъ представленій настоящее полно будущимъ и нагружено прошедшимъ (est plein d'avenir et chargé du passé), что все въ согласіи, какъ говорилъ Гиппократъ, и что въ малѣйшей изъ субстанцій взоръ столь проникающій какъ взоръ Бога можетъ прочесть всю послѣдовательность предметовъ вселенной!

Quae sint, quae fuerint, quae mox futura trahantur.

„Эти нечувствительныя представленія отмѣчаютъ и образуютъ данное лицо (marquent encore et constituent le même individu), характеризуемое тѣми слѣдами какіе въ представленіяхъ его сохраняются отъ предыдущихъ состояній, образуя связь его прошлаго состоянія съ настоящимъ; могутъ быть познаны высшимъ умомъ еслибы даже то лицо не ощущало ихъ, то-есть еслибы даже въ немъ не было воспоминанія. Они даже даютъ средство найти при нуждѣ воспоминанія чрезъ могущія нѣкогда случиться періодическія развитія. * Вотъ почему смерть не можетъ быть чѣмъ-либо инымъ какъ сномъ и даже не можетъ имъ остаться, такъ какъ представленія только перестаютъ быть достаточно раздѣльными и приходятъ въ состояніе смутности, прекращающее сознаніе, но не могущее длиться всегда.“

XXXI.

Есть ли сознаніе въ животныхъ? Если есть, то значитъ въ нихъ есть духовное начало, котораго природа, согласно Декарту, выражается именно въ этомъ актѣ. Господствовав-

* „Elles donnent même le moyen de retrouver le souvenir au besoin par des développements périodiques qui peuvent arriver un jour.“

Digitized by Google

шее въ эпоху Декарта между учеными мнѣніе допускало что въ животныхъ есть душа, но ее разсматривали какъ душу растительную и чувствующую (âme végétative et âme sensitive), въ отличіе отъ души разумной, составляющей принадлежность человѣка, которому приписывали и душу чувствующую, зависящую отъ тѣла, и душу разумную—самостоятельную и безсмертную. Декартъ устранилъ такую градацію духовныхъ началъ. Для него все сущее принадлежитъ или къ области матеріи, протяженной, подчиненной исключительно механическимъ законамъ (изъ коихъ главный—тѣло не можетъ двигаться иначе какъ вслѣдствіе толчка отъ тѣла къ нему прилежащаго и двигающагося: corpus non moveri nisi impulsa a corpore contiguo et moto); или къ области духа, выражающейся въ сознательномъ актѣ воли или представленія. Никакихъ переходныхъ ступеней тутъ нѣтъ. Допустить сознаніе въ животномъ, въ системѣ Декарта, при строгомъ ея проведеніи, было бы, по замѣчанію Лейбница, равносильно или допущенію въ животныхъ безсмертной души или признанію что духовное начало того же порядка какъ душа человѣка (то-есть природу котораго составляетъ сознаніе) можетъ подлежать уничтоженію. „По общему мнѣнію, говоритъ Лейбницъ (въ *Considérations sur les principes de vie. Opera*, ed. Dutens, 1768, гл. II, стр. 42), души животныхъ погибаютъ, согласно же картезіанцамъ, только человѣкъ имѣетъ душу въ истинномъ смыслѣ и даже только онъ имѣетъ представленіе и хотѣніе,—мнѣніе съ которымъ никогда не согласятся, но въ которое картезіанцамъ пришлось броситься, ибо видѣли что имъ придется или дать животнымъ безсмертныя души или признать что душа человѣка можетъ быть смертна.“

Мнѣніе свое объ отсутствіи сознанія въ животныхъ, въ которомъ Декартъ не могъ не видѣть весьма уязвимаго пункта своей системы, онъ наиболѣе полно развилъ въ письмѣ къ англійскому ученому Morus, писанномъ въ 1649 году.

„Величайшій изъ предразсудковъ, говоритъ Декартъ (*Oeuvr.* X, 204), удержанныхъ нами съ дѣтства есть полагать что животныя думаютъ. Источникъ ошибки въ томъ что съ одной стороны мы видимъ у животныхъ различные органы такіе же какъ у насъ по фигурѣ и движеніямъ, а съ другой полагали что наша душа есть принципъ всѣхъ происходящихъ въ насъ движеній, что она даетъ движеніе тѣлу, будучи вмѣстѣ и

Digitized by Google

причиною мыслей. Допустивъ это, легко было подумать что въ животныхъ есть душа подобная нашей. Но послѣ долгаго размышленія, принявъ во вниманіе что надлежитъ различать два разные принципа нашихъ движеній, — одинъ вполнѣ механическій, зависящій исключительно отъ силы тонкой животной матеріи (esprits animaux) и отъ расположенія частей и который можно назвать тѣлесною душой, и другой безтѣлесный, то-есть умъ или душа,—субстанція которая думаетъ,—я съ великимъ стараніемъ искалъ, происходятъ ли движенія животныхъ отъ этихъ двухъ началъ или отъ одного. Убѣдившись что они могутъ происходить отъ одного, тѣлеснаго и механическаго, я принялъ какъ вполнѣ утвержденное что мы ни коимъ образомъ не можемъ доказать чтобы въ животныхъ была душа которая думаетъ. Не останавливаюсь на разныхъ штукахъ и хитростяхъ собакъ и лисицъ, ни на всемъ что дѣлаютъ животныя или изъ страха, или чтобы найти пищу, или для удовольствія. Я берусь все это съ легкостію объяснить исключительно устройствомъ членовъ животныхъ. Однакоже, хотя я и считаю утвержденнымъ что мы не можемъ доказать присутствія мыслей въ животныхъ, но не думаю чтобы можно было доказать и противное: умъ человѣческій не можетъ проникнуть въ сердце чтобъ узнать что тамъ происходитъ. Но изслѣдуя что тутъ наиболѣе вѣроятно, не вижу никакого другаго довода въ пользу допущенія что животныя думаютъ кромѣ того что они имѣютъ глаза, уши, языкъ и другіе органы подобные нашимъ, вслѣдствіе чего вѣроподобнымъ представляется что должны имѣть чувство какъ мы, а такъ какъ въ нашемъ чувствѣ заключена мысль, то и имъ надлежитъ также приписать мысль (comme la pensée est enfermée dans le sentiment que nous avons, il faut leur attribuer une pareille pensée). Такъ какъ такой доводъ всякому понятенъ, то къ нему склонились всѣ умы съ дѣтства. Но есть другіе болѣе сильные и болѣе многочисленные доводы за противоположное, не такъ легко представляющіеся обыкновенному уму, какъ напримѣръ что болѣе согласно съ вѣроятностію разсматривать движенія земляныхъ червей, мошекъ, гусеницъ какъ движенія машинъ, чѣмъ дать имъ безсмертную душу.

„Ибо извѣстно что въ тѣлѣ животныхъ, какъ въ нашемъ, есть кости, нервы, мускулы, кровь, тонкое животное вещество и другія части такъ расположенныя что они могутъ

Digitized by Google

сами собою, безо всякаго участія мысли; произвести всѣ движенія какія наблюдаемъ въ животныхъ, что можно видѣть изъ конвульсивныхъ движеній, когда, даже вопреки душѣ, машина тѣла иногда движется съ большею стремительностью и болѣе разнообразными способами чѣмъ съ помощію воли. Далѣе вполнѣ съ разумомъ согласно что, тогда какъ подражая въ искусствѣ природѣ, человѣкъ можетъ сдѣлать различныхъ автоматовъ съ движеніями, но безо всякой мысли, природа со своей стороны можетъ произвести автоматовъ много совершеннѣйшихъ—каковы животныя—чѣмъ тѣ что выходятъ изъ рукъ человѣка. Особенно не вижу никакого резона чтобы мысль необходимо должна была находиться всюду гдѣ видимъ такое строеніе членовъ какъ у животныхъ, и болѣе удивительно присутствіе души въ каждомъ человѣческомъ тѣлѣ чѣмъ отсутствіе ея у животныхъ.

„Но главное ло мнѣ соображеніе убѣждающее насъ что животныя лишены разума есть то что хотя между ними въ въ той же породѣ бываютъ одни болѣе совершенныя чѣмъ другія, какъ между людьми,—что въ особенности замѣчается у лошадей и собакъ, между коими однѣ болѣе чѣмъ другія имѣютъ способности удерживать то чему ихъ обучаютъ,—и хотя всѣ животныя ясно обнаруживаютъ естестественныя движенія гнѣва, страха, голода и т. под. или голосомъ или какими-либо движеніями тѣла, тѣмъ не менѣе никогда не было наблюдаемо чтобы какое-нибудь животное достигло такой степени совершенства чтобъ имѣть настоящій языкъ, то-есть показывать голосомъ или другими знаками что-либо такое что могло бы быть отнесено исключительно къ мысли, а не къ естественному движенію. Слово есть единственный знакъ и единственное вѣрное свидѣтельство мысли скрытой и заключенной въ тѣлѣ. Но всѣ люди, даже самые глупые и самые безумные, даже тѣ которые лишены органовъ языка и слова, пользуются знаками, тогда какъ животныя ничего подобнаго не дѣлаютъ, и въ этомъ истинное различіе человѣка отъ животнаго. Опускаю другія соображенія доказывающія отсутствіе мысли у животныхъ. Должно замѣтить однако что я говорю о мысли, а не о жизни и чувствѣ, ибо я не отнимаю жизни ни у одного животнаго, но полагаю что она состоитъ единственно въ теплотѣ сердца. Не отнимаю у нихъ даже чувствъ насколько они зависимы отъ органовъ тѣла.“ Ниже ознакомимся въ какомъ смыслѣ

Digitized by Google

понималъ Декартъ чувство въ животныхъ, зависящее отъ ихъ органовъ.

Приведенное мѣсто свидѣтельствуетъ что Декартъ по крайней мѣрѣ въ позднѣйшемъ періодѣ дѣятельности (письмо относится къ 1649 году) не утверждалъ абсолютно отсутствіе въ животныхъ сознанія, но выставлялъ эту мысль какъ имѣющую за себя наиболѣе вѣроятности: колебаніе въ этомъ отношеніи еще яснѣе высказано въ томъ же 1649 году въ сочиненіи *О страдательныхъ состояніяхъ души* (*Les Passions de l'âme*, I, § 50). Упоминая о случаѣ когда попавшаяся неожиданно въ говядинѣ нечистота можетъ такъ сильно подѣйствовать на человѣка и измѣнить расположеніе его мозга (la disposition du cerveau) что человѣкъ этотъ не будетъ въ состояніи безъ ужаса видѣть говядину, которую прежде ѣлъ съ удовольствіемъ, Декартъ продолжаетъ: „То же надлежитъ замѣтить относительно животныхъ, ибо хотя они не имѣютъ разума и *можетъ-быть также никакой мысли* (ni peut-être aussi aucune pensée), однако всѣ движенія тонкой матеріи и желёзы (перистой, въ которой, согласно Декарту, сѣдалище души) которыя возбуждаютъ въ насъ волненія души присутствуютъ и у нихъ, но служатъ не къ тому чтобы поддерживать и укрѣплять эти душевныя волненія, а къ тому чтобы поддерживать и укрѣплять тѣ движенія какими эти волненія обыкновенно сопровождаются. Такъ, когда собака видитъ куропатку, она естественно побуждается броситься за нею, а когда слышитъ выстрѣлъ—естественно побуждается убѣжать, однакожь охотничьихъ собакъ обыкновенно такъ дрессируютъ что видъ дичи заставляетъ ихъ останавливаться, а сдѣланный затѣмъ по дичи выстрѣлъ заставляетъ бросаться за нею. Эти вещи полезно знать всякому чтобъ имѣть поощреніе къ изученію своихъ страстей. Если въ самомъ дѣлѣ съ нѣкоторымъ умѣньемъ можно въ животныхъ лишенныхъ разума такъ измѣнить движенія мозга, то ясно что еще лучше можно сдѣлать это въ человѣкѣ, и что даже имѣющіе самую слабую душу могутъ пріобрѣсти весьма абсолютную власть надъ своими страстями, если употребятъ достаточно умѣнья чтобы направлять и вести ихъ."

Digitized by Google

XXXII.

Абсолютно ли отсутствуетъ сознаніе въ животныхъ или имѣются какіе-либо его проблески, во всякомъ случаѣ,—и это краеугольный камень картезіанской системы, — сознаніе не играетъ никакой дѣятельной роли въ громадномъ кругѣ явленій какія представляетъ жизнь животнаго на самыхъ даже высшихъ ея ступеняхъ. Явленія въ которыхъ наблюдатель усматриваетъ всѣ признаки дѣйствій сознательныхъ оказываются дѣйствіями автоматическими, не требующими участія какого-либо духовнаго начала. Въ этой идеѣ Декарта, односторонне развитой, источникъ современнаго матеріализма. Отброшено то что дѣлало ученіе Декарта противоположнымъ матеріализму, а въ остальномъ не сдѣлано шага впередъ, только, сообразно накопившемуся фактическому матеріалу, идеи Декарта переведены на новый языкъ и въ новой одеждѣ пущены въ оборотъ какъ бы пріобрѣтенія новой науки, причемъ недостаточное знаніе исторіи науки производитъ то что иной разъ новѣйшіе изслѣдователи сбираются открывать Америку, и чтителями своими чествуются Колумбами, тогда какъ на дѣлѣ одѣваютъ въ новыя формы то что высказано было два вѣка тому назадъ и высказано разумнѣе и полнѣе. Примѣръ тому можно видѣть въ ученіи о рефлексахъ, играющемъ такую важную роль въ современныхъ психо-физіологическихъ ученіяхъ.

Замѣчательное искаженіе мысли Декарта въ прошломъ вѣкѣ представляетъ сочиненіе Ламеттри (докторъ, членъ Берлинской Академіи Наукъ при Фридрихѣ II) *Человѣкъ-машина*, сочиненіе самое скудное въ научномъ отношеніи, состоящее сплошь изъ разглагольствованій безо всякой фактической основы, но произведшее шумъ какъ выраженіе атеизма и крайняго матеріализма. Нынѣшніе трактаты полнѣе, конечно, въ научномъ отношеніи, но столь же узки по идеѣ.

Въ области собственно физіологическихъ явленій Декартъ держался воззрѣній совпадающихъ съ воззрѣніями тѣхъ современныхъ физіологовъ кои отрицаютъ въ организмѣ *жизненную силу* не только въ томъ смыслѣ какъ понимали ее

Digitized by Google

виталисты, но и въ какой-либо формѣ. Современный физіологъ раздѣляющій такого рода воззрѣнія (держась ихъ можно вовсе не быть матеріалистомъ, чему примѣръ именно Декартъ) видитъ въ жизненныхъ явленіяхъ исключительно игру физическихъ и химическихъ силъ. Декартъ точно также отрицаетъ жизненную силу и разсматриваетъ жизненныя явленія какъ явленія чисто механическаго характера (для Декарта физическія и химическія явленія одинаково суть явленія механическія). Развиваемая имъ въ трактатѣ *О человѣкѣ* идея состоитъ, какъ мы уже указывали, въ томъ что какъ скоро частицы изъ коихъ слагается животный организмъ приведены въ то расположеніе какое мы застаемъ въ немъ, то всѣ обнаруживающіяся явленія суть результатъ исключительнаго механическаго взаимодѣйствія этихъ частицъ. Процессы образованія организма и въ *Разсужденіи о методѣ* и въ трактатѣ *О человѣкѣ* Декартъ устраняетъ отъ разсмотрѣнія, ссылаясь на недостаточность опытнаго знанія въ этомъ отношеніи. Но именно въ этихъ то процессахъ образованія и развитія организма, для современнаго физіолога, съ болѣе широкими воззрѣніями, какимъ былъ напримѣръ Клодъ Бернаръ, яснѣе всего обнаруживается недостаточность физико-химической теоріи жизненныхъ явленій. „Жизненныя явленія, говоритъ онъ, происходятъ въ строго опредѣленныхъ физико-химическихъ условіяхъ, но въ то же время взаимно соподчиняются и слѣдуютъ одни за другими въ связи и по законамъ заранѣе предуставленнымъ... Наблюденіе обнаруживаетъ несомнѣнный *органическій планъ*, но не обнаруживаетъ дѣятельнаго участія какого-либо жизненнаго начала. Единственная *жизненная сила* какую можемъ допустить есть родъ силы законодательной, но никакъ не исполнительной... Жизненная сила направляетъ явленія которыхъ не производитъ; физическіе дѣятели производятъ явленія которыхъ не направляютъ“ (*Leçons sur les phénomènes de la vie*, 1878, стр. 51).

Впрочемъ въ сочиненіи озаглавленномъ: *De la formation du foetus*, найденномъ въ рукописяхъ оставшихся послѣ Декарта и изданномъ какъ прибавленіе къ трактату *О человѣкѣ*, Декартъ дѣлаетъ попытку, весьма не совершенную, уловить въ ступеняхъ развитія чрезъ какія проходитъ зародышъ дѣйствіе тѣхъ же механическихъ причинъ какъ и въ суще-

Digitized by Google

ствѣ вполнѣ уже организовавшемся. О томъ же предметѣ говорится въ небольшомъ сочиненіи *Premières pensées sur la generation des animaux*, изданномъ послѣ смерти Декарта (въ латинскомъ текстѣ) какъ написанное этимъ философомъ, но происхожденіе котораго весьма сомнительно. Издатель полнаго французскаго собранія сочиненій Декарта, Кузенъ, отвергаетъ подлинность этого трактата. Онъ очевидно принадлежитъ перу картезіанца, но крайне сомнительно чтобъ это было перо самого Декарта. Едва ли было бы въ тонѣ и духѣ Декарта сказать, какъ говоритъ неизвѣстный авторъ (*Oeuvr.* XI, 404), объясняя процессъ развитія зародыша помощію дѣйствія механическихъ силъ: „можетъ-быть кто-нибудь съ нѣкоторымъ презрѣніемъ скажетъ что смѣшно столь важное явленіе какъ образованіе человѣка приписывать столь малымъ причинамъ. Но какихъ надо болѣе великихъ причинъ чѣмъ вѣчные законы природы? Желаютъ ли непосредственнаго вмѣшательства разума (d'une intelligence)? Какого разума? Самого Бога? Отчего же раждаются уроды? Или думаютъ видѣть въ этомъ дѣло мудрой богини природы, обязанной происхожденіемъ своимъ единственно дурачеству человѣческаго ума (à la folie de l'esprit humain)?“

XXXIII.

Остановимся на трактатѣ *О человѣкѣ*.

Тѣло человѣка есть автоматъ. Какая движущая сила этого автомата и какія можетъ она дѣлать движенія независимо отъ участія сознанія, — какъ еслибы душа въ немъ отсутствовала? Вотъ вопросъ какой задаетъ себѣ Декартъ. Двигатель этой машины, по ученію Декарта, есть *теплота*, та самая теплота которая производитъ явленіе нагрѣванія въ неорганическомъ мірѣ. Источникъ ея тѣ процессы сгоранія безъ пламени которые происходятъ въ тѣлѣ и напоминаютъ собою явленія броженія, сопровождающіяся отдѣленіемъ теплоты. Идея эта заключаетъ въ себѣ зерно современнаго ученія о происхожденіи механической дѣятельности организма,—всей его внутренней и внѣшней работы,—на счетъ животной теплоты въ немъ развивающейся. Дальнѣйшее развитіе идеи было сдѣлано Декартомъ естественно на основаніи тогдашнихъ крайне скудныхъ еще физіологическихъ знаній

Digitized by Google

(только недавно было открыто обращеніе крови, и Декартъ съ увлеченіемъ выступилъ защитникомъ и распространителемъ ученія Гарвея). Анатомическое строеніе тѣла было изучаемо внимательно—Декартъ самъ весьма много занимался вскрытіемъ труповъ животныхъ,—но представленія о физіологическихъ процессахъ были еще крайне смутны. Нечего потому удивляться что физіологія Декарта имѣетъ весьма фантастическій характеръ и есть своего рода романъ природы, подобно теоріи міровыхъ вихрей помощію которыхъ онъ объяснялъ строеніе вселенной. Значеніе физическихъ и физіологическихъ ученій Декарта заключается въ его способахъ воззрѣнія на явленія природы. Гипотезы его не выдержали критики фактовъ, но воззрѣнія его не только надолго опредѣлили характеръ научныхъ изслѣдованій, но и, вмѣстѣ съ противоположными воззрѣніями Ньютоновой школы, очертили точно кругъ вопросовъ изъ которыхъ не вышли еще мы и нынѣ, и создали еще продолжающійся и теперь періодъ въ исторіи изученія природы.

Очагъ организма, по ученію Декарта, есть сердце. „Мясо сердца, говоритъ Декартъ, содержитъ въ порахъ своихъ тотъ огонь безъ свѣта о которомъ я говорилъ и который дѣлаетъ сердце столь теплымъ и даже горячимъ, что по мѣрѣ того какъ кровь входитъ въ какую-либо изъ двухъ его камеръ или полостей, она вздувается, расширяется точно такъ какъ на опытѣ можно видѣть если вливать каплю за каплею кровь или молоко какого-нибудь животнаго въ горячій сосудъ; огонь находящійся въ сердцѣ описываемой мною машины служитъ не къ чему иному какъ къ расширенію, нагрѣванію и утонченію крови, падающей непрерывно капля за каплей чрезъ трубку полой вѣны въ полость правой стороны сердца, отсюда она испаряется (s'exhale) въ легкое, отсюда легочною вѣной, которую анатомы называютъ венозною артеріей, переходитъ въ другую полость сердца, откуда и распредѣляется по всему тѣлу.“ Въ легкихъ, постоянно охлаждаемыхъ вдыхаемымъ воздухомъ, происходитъ процессъ дистилляціи: пары крови обращаются въ жидкое состояніе, кровь вновь сгущается, по выраженію Декарта, и падая каплями въ лѣвую сторону сердца служитъ пищей, горячимъ матеріаломъ внутреннему огню.

„Тѣ части крови кои достигаютъ мозга служатъ тамъ не только для питанія и поддержанія его существа, но главнымъ

Digitized by Google

образомъ къ образованію тамъ нѣкотораго тончайшаго газа (vent trés subtil, subtilissimum halitum) или точнѣе чрезвычайно подвижнаго и чистаго пламени, именуемаго *животнымъ духомъ* (esprits animaux, spiritus animalium). Артерія которая приноситъ эту тонкую матерію отъ сердца раздѣляется на безчисленное множество малыхъ вѣтвей и образовавъ тѣ тонкія ткани которыя какъ ковры выстилаютъ полости мозга и имѣютъ множество малыхъ отверстій чрезъ которыя тончайшія частицы крови могутъ проходить въ желѣзу, но которыя такъ узки что не пропускаютъ болѣе грубыхъ." Упоминаемая здѣсь перистая желѣза (conarium) играетъ важную роль въ ученіи Декарта. Онъ видѣлъ въ ней главное сѣдалище души, основываясь главнымъ образомъ на томъ обстоятельствѣ что она одна во всей головѣ не двойная (письмо къ Мерсенну, 1640 года, *Oeuvr.* VIII, 215). Желѣза эта, по мнѣнію Декарта, чрезвычайно нѣжна и потому воспріимчива ко всякимъ дѣйствіямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и легко подвержена порчѣ.

„Я не удивился бы, замѣчаетъ Декартъ, еслибы желѣза эта оказалась испорченною при вскрытіи впавшаго въ летаргическій сонъ." Въ Лейденѣ, разсказываетъ Декартъ, при вскрытіи тѣла одной женщины, онъ тщетно старался найти эту желѣзу, хотя хорошо зналъ ея мѣсто, умѣя легко находить ее у только что убитыхъ животныхъ. А одинъ старый профессоръ Вальхеръ (Valcher) разсказывалъ что ему не удалось найти той желѣзы ни въ одномъ изъ вскрытыхъ имъ труповъ. Декартъ объясняетъ это тѣмъ что анатомы въ то время при вскрытіяхъ занимались прежде обыкновенно внутренностями; и лишь чрезъ нѣсколько дней переходили къ головѣ.

XXXIV.

Весьма любопытную часть Декартовой физіологіи составляетъ его ученіе о движеніяхъ происходящихъ въ живой машинѣ. Это по идеѣ своей то самое ученіе о рефлексахъ которое будучи возобновлено въ новой формѣ нѣкоторыми считается открытіемъ новѣйшаго времени, долженствующимъ разъяснить не только физіологическіе, но и психическіе процессы.

Digitized by Google

Какъ происходятъ, какія возможны и должны быть движенія въ живой машинѣ Декарта—въ предположеніи что машина эта во всѣхъ подробностяхъ устроена какъ тѣло человѣка, но душа въ ней отсутствуетъ? Движенія происходятъ при посредствѣ нервовъ. Нервы, по описанію Декарта, представляютъ собою трубки заключающія въ себѣ другія маленькія трубочки изъ внутренней болѣе тонкой ткани. Въ каждой изъ этихъ трубочекъ есть какъ бы сердцевина состоящая изъ множества нитей, очень тонкихъ, идущихъ отъ мозга. Нити эти начинаясь въ мозгу оканчиваются въ кожѣ и мясѣ. Въ промежуткахъ между нитями находится тонкій газъ, животный духъ (esprits animaux), о которомъ упоминалось выше. Нити служатъ проводниками внѣшнихъ дѣйствій, которыя и передаютъ ихъ механически въ мозгъ. Окончности ихъ въ мозгу устроены такъ что какъ скоро нити эти находятся въ состояніи натяженія онѣ открываютъ отверстія ведущія изъ мозга въ нервы направляющіеся къ разнымъ членамъ. Тонкое вещество получаетъ доступъ въ соотвѣтствующій нервъ какъ въ каналъ, вторгается чрезъ каналъ этотъ въ мускулъ, раздуваетъ его, заставляя укорачиваться, и тѣмъ производитъ движеніе соотвѣтствующаго члена. Такимъ образомъ нервы служатъ проводниками: одни центростремительнаго дѣйствія отъ внѣшняго импульса къ мозгу, другіе отраженнаго, центробѣжнаго, отъ мозга къ приводимымъ въ движеніе членамъ.

„Чтобы понять, говоритъ Декартъ (*Oeuvr.* IV, 358), какъ наша машина можетъ быть возбуждена внѣшнимъ предметомъ, дѣйствующимъ на ея органы чувствъ, къ произведенію разнообразныхъ движеній ея членовъ, представимъ себѣ что тонкія нити идущія отъ внутренности мозга и составляющія сердцевину нервовъ такъ расположены въ тѣхъ частяхъ органа того или другаго чувства что легко могутъ быть приводимы въ движеніе предметомъ дѣйствующимъ на эти чувства. Какъ скоро нити приведены въ движеніе съ нѣкоторою силой, онѣ тянутъ части мозга откуда выходятъ, и чрезъ это открываются входы поръ расположенныхъ на внутренней поверхности мозга. Чрезъ поры эти тонкій животный духъ находящійся въ полости мозга втекаетъ въ нервы соотвѣтствующіе мускуламъ служащимъ къ произведенію въ машинѣ движеній совершенно подобныхъ тѣмъ къ какимъ мы естественно побуждаемся когда наши чувства поражены такимъ же образомъ. Такъ

Digitized by Google

напримѣръ если огонь A находится вблизи ноги B, малыя части этого огня движуціяся какъ извѣстно съ чрезвычайною быстротой имѣютъ достаточно силы чтобы привести въ движеніе то мѣсто ноги какого онѣ касаются. Такимъ образомъ онѣ будутъ тянуть тонкую нервную нить тутъ прикрѣпленную и откроютъ въ то же мгновеніе входъ поры *de*, гдѣ кончается нить, совершенно подобно тому какъ веревка которую тянутъ за одинъ конецъ заставляетъ звонить колоколъ привязанный къ другому концу. Какъ скоро отверстіе поръ открылось, животный духъ полости F входитъ внутрь нерва и проносится отчасти въ мускулы служащіе къ тому чтобы удалить ногу отъ огня, отчасти въ мускулы что̀ служатъ къ поворачиванію глазъ и головы такъ чтобы видѣть пламя, отчасти къ тѣмъ что̀ служатъ чтобы подвинуть руки и согнуть тѣло для помощи.... Когда Богъ соединитъ разум-

Digitized by Google

вую душу съ этою машиной, какъ разкажу потомъ, онъ дастъ ей главное сѣдалище въ мозгу и дастъ ей такую природу что смотря по различнымъ способамъ какъ открывается помощію нервовъ входъ поръ расположенныхъ на внутренней поверхности мозга, она будетъ имѣть разныя чувствованія.

Общую картину дѣйствія Декартъ изображаетъ такъ. „Нервы (IV, 343) описываемой машины можно хорошо сравнить съ трубами фонтановъ какіе можно видѣть въ гротахъ королевскихъ садовъ; мускулы же и связки съ разными механизмами и пружинами производящими движенія, тонкую животную матерію съ водою служащею двигателемъ, сердце съ источникомъ, полости мозга съ резервуаромъ. Дыханіе и другія естественныя и обычныя отправленія организма зависятъ отъ теченія матеріи производимаго постояннымъ потокомъ воды. Внѣшніе же предметы, кои однимъ присутствіемъ своимъ дѣйствуютъ на органы чувства, можно сравнить съ посѣтителями кои, входя въ гротъ, производятъ, сами того не думая, движенія происходящія въ ихъ присутствіи.

„Ибо они не могутъ войти иначе какъ проходя по извѣстнымъ плитамъ пола, такъ расположеннымъ что если посѣтитель приближается къ купающейся Діанѣ, она прячется за кусты, а если посѣтитель несмотря на то двинется за нею впередъ, появится Нептунъ грозящій трезубцемъ. Пойдетъ посѣтитель въ другую сторону—появится чудовище которое пуститъ ему въ лицо струю воды и т. д., смотря по фантазіи инженера устроившаго гротъ. Наконецъ, когда *разумная душа* будетъ въ машинѣ, имѣя главное сѣдалище въ мозгу, она представитъ собою фонтанщика, находящагося при мѣстахъ откуда идутъ трубы этихъ механизмовъ и который можетъ возбудить, остановить, перемѣнить ихъ движенія.“

XXXV.

Въ живой машинѣ, помимо сознанія, могутъ быть явленія коими внѣшнимъ образомъ обнаруживаются боль, голодъ, жажда. При этомъ Декартъ различаетъ эти тѣлесныя явленія отъ того *ощущенія* которое ихъ сопровождаетъ когда душа соединена съ тѣломъ и которыя принадлежатъ ей, а не тѣлу. Когда жидкости выдѣляемыя въ желудкѣ и растворяющія пищу (такъ

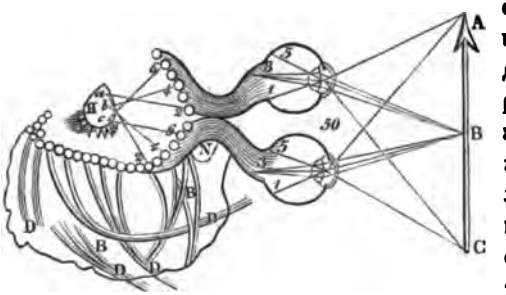
Digitized by Google

объясняетъ Декартъ процессъ пищеваренія) „не находятъ себѣ достаточно матеріала чтобы растворять, то онѣ обращаются противъ самаго желудка, и колебля (agitant) малыя вѣтви его нервовъ сильнѣе обыкновеннаго, приводятъ въ движеніе части мозга откуда идутъ эти нервы. Это будетъ причиной что душа, когда будетъ соединена съ машиною, получитъ общую идею *голода*. А если жидкости эти имѣютъ болѣе расположенія растворять опредѣленный родъ пищи чѣмъ другіе ея роды, подобно тому какъ крѣпкая водка легче растворяетъ металлы чѣмъ воскъ, то онѣ будутъ особымъ образомъ дѣйствовать на нервы желудка, а это произведетъ что душа будетъ ощущать болѣе аппетита къ извѣстной пищѣ нежели къ иной." Необычное состояніе нервовъ гортани когда мало приходитъ къ ней влаги производитъ явленіе и ощущеніе *жажды*. Для уразумѣнія идей Декарта надлежитъ не терять изъ виду что въ чувствахъ *голода*, *жажда*, а также *боль* Декартъ строго различаетъ тѣ тѣлесныя явленія—разнообразныя движенія въ какихъ голодъ, жажда, боль выражаются—и тѣ душѣ принадлежащія *ощущенія* какими явленія эти сопровождается. Животное, согласно Декарту, проявляетъ всѣ внѣшніе признаки боли, силится удалить между прочимъ ея причину, но ощущенія боли не имѣетъ, ибо не имѣетъ сознанія. Въ человѣкѣ не только происходятъ, но и ощущаются эти явленія; и могутъ быть осложнены и до извѣстной степени измѣнены дѣйствіями воли.

Картину явленій живой машины Декартъ дополняетъ ученіемъ о *чувственныхъ* образахъ или *идеяхъ* и ученіемъ о *памяти*. Образованіе чувственнаго образа предмета, замѣчаетъ Декартъ, лучше всего можно прослѣдить въ чувствѣ зрѣнія. Изображеніе предмета какъ маленькая картинка рисуется на ретинѣ глаза. Отъ каждой точки ретины идетъ тонкая нервная нить (всѣ эти нити соединяются въ одинъ пучокъ — глазной нервъ). Дѣйствіе на одинъ конецъ нити передается до другаго ея конца, находящагося при внутренней поверхности мозга. Въ центрѣ полости ограниченной внутреннею поверхностью мозга находится, какъ уломянуто, желѣза *conarium* (главное сѣдалище души). Изъ нея тонкое животное вещество (esprits animaux) входитъ въ полость, направляясь ко входамъ въ нервныя трубки направленныя къ различнымъ органамъ. Дѣйствіемъ уломянутымъ нервныхъ нитей входы эти пріотворяются, и тонкое вещество втекаетъ въ соотвѣтствую-

Digitized by Google

щіе нервы, производя дѣйствіе на органы. Измѣненія въ желѣзѣ производимыя вытеканіемъ изъ нея струекъ тонкаго вещества направляющихся къ болѣе или менѣе открытымъ отверстіямъ нервныхъ трубокъ производятъ то что, подобно тому какъ открываніе трубокъ нитями производитъ на внутренней поверхности мозга родъ изображенія предмета, выхожденіе струй животнаго духа изъ желѣзы производитъ на ней также родъ изображенія. Изъ этихъ двухъ изображеній (на внутренней поверхности мозга и на желѣзѣ) за *чувственный образъ* или *идею* надлежитъ, по Декарту, принимать то которое имѣетъ мѣсто на желѣзѣ, ибо его-то созерцаетъ непосредственно душа когда соединена съ тѣломъ. Созерцаніе это состоитъ въ томъ что измѣненія и передвиженія желѣзы сопровождающія выходъ изъ нея тонкаго вещества сопровождаются извѣстными перемѣнами въ сознаніи. И все богатство чувственныхъ ощущеній опредѣляется этими передвиженіями и измѣненіями желѣзы.



Далѣе въ живой машинѣ могутъ быть явленія *памяти*, помимо сознанія. Тонкое вещество выходитъ изъ желѣзы различнымъ образомъ въ зависимости отъ того или другаго чувственнаго образа на ней запечатлѣннаго. „Вообразимъ, говорилъ Декартъ, что тонкое вещество, выходя подъ дѣйствіемъ данной идеи изъ желѣзы, направляется ко внутренней поверхности мозга и проходитъ въ поры и промежутки между тонкими волокнами изъ которыхъ состоитъ эта часть мозга. Оно можетъ нѣсколько расширить эти промежутки, согнуть и расположить разнымъ образомъ волокна и разныя отверстія трубокъ, такъ что начертитъ родъ фигуръ соотвѣтствующихъ предметамъ, хотя и не съ такою точностію и не такъ отчетливо какъ на самой желѣзѣ, но все лучше и лучше если дѣйствіе достаточно сильно, долго длится и повторяется. Это производитъ что фигуры эти не легко стираются, но сохраняются такъ что при ихъ помощи идеи которыя были запечатлѣны пре-

Digitized by Google

же на желѣзѣ могутъ снова на ней образоваться чрезъ значительное время и безъ присутствія возбудившихъ ихъ предметовъ. Въ этомъ состоитъ память". Сѣдалище памяти, внутреннюю поверхность мозга, Декартъ сравниваетъ съ тканью въ которой надѣланы уколы оставляющіе слѣды. „Вообразите, говоритъ онъ, что дѣйствіе предмета AC, увеличивъ отверстія трубокъ 2, 4, 6, произвело то что тонкое вещество входило въ эти трубки въ обильнѣйшемъ количествѣ чѣмъ какъ было до этого дѣйствія. Это же производитъ что тонкое вещество, проходя мимо трубокъ къ N, образуетъ въ ткани проходы остающіеся открытыми и по прекращеніи дѣйствія предмета AC или по крайней мѣрѣ, сохраняющіе,—если и закрылись,—извѣстное распредѣленіе въ волокнахъ этой части мозга N, вслѣдствіе котораго могутъ быть съ большею чѣмъ прежде легкостію открыты, подобно тому какъ уколы многихъ булавокъ оставляютъ слѣды на поверхности ткани." При этомъ раскрытіе одного отверстія можетъ вести за собою раскрытіе другихъ съ которымъ первое неоднократно раскрывалось вмѣстѣ. Въ этомъ объясненіе того какъ воспоминаніе объ одной вещи можетъ вызвать воспоминаніе другой одновременно съ первой запечатлѣвшейся въ памяти.

Для памяти могутъ служить не только внутреннія части мозга, но также всѣ нервы и мускулы; напримѣръ, игрокъ на лютнѣ имѣетъ часть памяти въ рукахъ, ибо пріобрѣтенная имъ привычкою легкость гнуть и располагать пальцы помогаетъ ему при исполненіи пассажа того или другаго расположенія пальцевъ. „Но кромѣ памяти зависящей отъ тѣла я признаю другую чисто умственную зависящую отъ одной души", прибавляетъ Декартъ.

Декартъ считаетъ далѣе возможнымъ изъ устройства живой машины вывести способность ея къ подражанію безъ участія сознанія. „Такая машина, при отсутствіи души, говоритъ онъ, можетъ имѣть естественное расположеніе подражать всѣмъ движеніямъ какія предъ нею совершатъ дѣйствительный человѣкъ или другія подобныя ей машины." Высказавъ такую мысль, Декартъ впрочемъ въ подробностяхъ ея не развиваетъ.

Трактатъ *О человѣкѣ* Декартъ заключаетъ словами: „Я желаю чтобы вы увѣрились что всѣ отправленія какія я принимаю въ живой машинѣ—а именно вареніе пищи, біеніе сердца и артерій, питаніе и наростаніе членовъ, дыханіе, бодрство-

Digitized by Google

ваніе и сонъ, воспріятіе органами внѣшнихъ чувствъ свѣта, звука, запаха, вкусовъ, тепла и другихъ качествъ; запечатлѣніе ихъ идей въ органѣ служащемъ общимъ чувствилищемъ и мѣстомъ воображенія (dans l'organe du sens commun et de l'imagination): удержаніе и слѣды этихъ идей въ памяти; внутреннія движенія соотвѣтствующія хотѣніямъ и страстямъ, наконецъ внѣшнія движенія всѣхъ членовъ такъ соотвѣтственно слѣдующія какъ за дѣйствіемъ предметовъ представляющихся чувствамъ, такъ и за впечатлѣніями и состояніями памяти, что съ возможнымъ совершенствомъ являютъ подобіе движеній человѣка; желаю, говорю я, чтобъ убѣдились вы что всѣ эти отправленія суть естественное послѣдствіе расположенія органовъ этой машины ни болѣе ни менѣе того какъ движенія часовъ или другаго автомата суть результатъ дѣйствія ихъ противовѣса и колесъ. А потому въ машинѣ этой не должно предполагать никакой растительной или чувствующей души и никакого другаго принципа движенія и жизни, кромѣ крови и тонкаго вещества, движимыхъ теплотою огня постоянно горящаго въ сердцѣ, по натурѣ своей нисколько не отличающагося отъ огня наблюдаемаго въ неодушевленныхъ тѣлахъ."

Если физіологическая часть ученія Декарта о чувственномъ образѣ есть чистая фантазія, не имѣющая основанія въ фактахъ, то различеніе какое онъ дѣлаетъ, по отношенію къ чувству зрѣнія, между тѣмъ что испытываетъ ретина гдѣ рисуется картинка предметовъ и тѣмъ что происходитъ въ самомъ мозгѣ и указаніе что чувственный образъ вызывающій ощущеніе не есть оптическое изображеніе на ретинѣ, а внутреннее изображеніе въ мозгу, оптическихъ свойствъ не имѣющее, заслуживаетъ вниманія.

Что такое смерть? Согласно Декарту, это есть порча живой машины. Организмъ умираетъ не потому что душа оставляетъ тѣло, а душа оставляетъ тѣло потому что организмъ существенно попортился. „Есть, говоритъ Декартъ (*Passions* I, §§ 5 и 6), значительная ошибка въ которую впадаютъ многіе и которую я считаю первою причиной мѣшавшею доселѣ хорошо изъяснить страсти и другія вещи принадлежащія душѣ. Ошибка состоитъ въ томъ что видя какъ мертвыя тѣла лишаются теплоты и затѣмъ движенія, воображаютъ что прекращеніе теплоты и движенія произведено отсутствіемъ души. Отсюда заключили безъ основанія что естественная теплота наша и всѣ движенія тѣла зависятъ отъ души, между тѣмъ какъ

Digitized by Google

должны были думать, напротивъ, что душа наша отсутствуетъ когда человѣкъ умираетъ, потому что прекращается эта теплота и портятся органы служащіе къ движенію тѣла. Чтобъ избѣгнуть такой ошибки надлежитъ сообразить что смерть никогда не случается по винѣ души, но потому что испортилась какая-нибудь изъ главныхъ частей тѣла. Тѣло живаго человѣка настолько же отличается отъ тѣла мертваго какъ часы или иной автоматъ, то-есть какая-либо самодвижущая машина, отличаются, когда они заведены и имѣютъ въ себѣ тѣлесное начало движеній къ коимъ они назначены и все нужное для ихъ дѣйствія,—отъ часовъ или другой машины когда они сломаны и ихъ двигатель пересталъ дѣйствовать."

XXXVI.

Но человѣкъ состоитъ не изъ одного тѣла. Въ немъ соединены двѣ субстанціи: душа и тѣло. Спрашивается, что происходитъ въ душѣ и какія измѣненія и явленія замѣчаются въ тѣлѣ вслѣдствіе такого соединенія двухъ субстанцій въ одномъ существѣ? Волервыхъ, матеріальныя измѣненія въ желѣзѣ представляющей тѣлесное сѣдалище души сопровождаются въ душѣ ощущеніями только ей свойственными и составляющими страдательныя явленія сознанія. Связь между матеріальными состояніями мозга (уломянутой желѣзы) и состояніями души для Декарта не представляется впрочемъ настолько естественно необходимою, чтобы первыя непремѣнно обусловливали вторыя. Связь эта скорѣе чудесная (и въ этомъ довольно существенное отличіе физіологическаго ученія Декарта отъ матеріалистическихъ ученій новѣйшаго времени). Въ животномъ, по Декарту, можетъ происходить множество столь же тонкихъ колебаній какъ въ мозгу человѣка, но сознаніемъ они не сопровождаются, хотя и сопровождаются соотвѣтствующими внѣшними дѣйствіями. Но въ человѣкѣ Декартъ (хотя прямо объ этомъ не говоритъ) не допускаетъ, повидимому чтобы колебанія въ мозгу, которымъ въ душѣ отвѣчаетъ опредѣленное ощущеніе, могли въ какомъ-либо случаѣ имѣть мѣсто въ мозгу не сопровождаясь соотвѣтствующимъ ощущеніемъ. Но съ другой стороны, согласно Декарту, въ душѣ могутъ быть явленія, то-есть мысли, не сопровождающіяся никакою матеріальною перемѣной въ мозгу. Такимъ

Digitized by Google

образомъ еслибы человѣкъ обладалъ такими средствами опыта что могъ бы наблюдать всѣ малѣйшія движенія въ мозгѣ другаго и изучилъ бы связь этихъ движеній съ соотвѣтствующими этимъ движеніямъ ощущеніями и мыслями души, онъ могъ бы читать ощущенія и мысли другаго, кромѣ, однако, мыслей принадлежащихъ къ области того что Декартъ и за нимъ Малебраншъ называютъ *чистымъ разумѣніемъ* (entendement pur). Душевныя явленія этого разряда, согласно Декарту и Малебраншу, не сопровождаются какими-либо тѣлесными измѣненіями. Предметомъ чистаго разумѣнія можетъ быть и внѣшній міръ. Малебраншъ терминомъ *entendement pur* по отношенію ко внѣшнимъ предметамъ (*Recherche de la vér.*, L. III, ch. 1) обозначаетъ „способность какую имѣетъ умъ познавать внѣшніе предметы не составляя тѣлесныхъ образовъ въ мозгу дабы эти предметы себѣ представить“. Но какъ скоро какая бы то ни было мысль облекается въ слово— извѣстное матеріальное измѣненіе должно происходить въ мозгу, ибо слово, хотя бы и не вслухъ произносимое, есть уже явленіе тѣлесное.

Декартъ въ письмѣ, отъ 18 іюня 1643, къ принцессѣ Елизаветѣ (*Oeuvr.* IX, 130) указываетъ что душа имѣетъ три разряда свѣдѣній: „себя познаетъ только чистымъ разумѣніемъ; тѣло, то-есть протяженіе, фигуры и движенія или ломощію чистаго разумѣнія, но много лучше ломощію разумѣнія вспомоществуемаго воображеніемъ; наконецъ то что относится къ соединенію души и тѣла познаетъ лишь смутно ломощію чистаго разумѣнія и даже разумѣнія вспомоществуемаго воображеніемъ, но очень ясно ломощію чувствъ“... Любопытно что Декартъ дѣятельность чистаго разумѣнія считалъ труднѣйшимъ упражненіемъ души. „Я всегда, говоритъ онъ въ томъ же письмѣ, употреблялъ только немного часовъ въ день на мысли занимающія воображеніе и только немного часовъ въ годъ на мысли занимающія одно разумѣніе; остальное время отдаю отдыху чувствъ и покою ума.“

XXXVII.

Роль души по отношенію къ тѣлу не ограничивается тѣмъ что тѣлесныя перемѣны *сопровождаются* въ ней извѣстными ощущеніями. Еслибъ этимъ ограничивалась функція души, то сознаніе имѣло бы второстепенное, какъ бы служебное, зна-

Digitized by Google

ченіе и лассивную роль. По Декарту, безчисленное множество явленій, все представляемое животнымъ царствомъ, можетъ происходить безъ его участія. Но сознаніе имѣетъ и активную роль, обнаруживаясь въ формѣ *воли*. Разборъ *дѣйствій* души составляетъ сравнительно слабую сторону психологическаго ученія Декарта (замѣчательно что и самъ онъ силою воли, повидимому, не отличался, обнаруживая замѣтную робость характера и не любовь къ борьбѣ). * Я хочу поднять руку, и рука поднимается. Какимъ образомъ возможно и какъ происходитъ такое дѣйствіе духовной субстанціи на совершенно разнородную съ нею субстанцію тѣлесную? Вопросъ этотъ мало развитъ Декартомъ, но былъ однимъ изъ наиболѣе интересовавшихъ его послѣдователей.

Наиболѣе полно Декартъ говоритъ объ этомъ предметѣ въ трактатѣ *О страдательныхъ состояніяхъ души* (I часть, § 34, 41, 42, 43).

„Малая желѣза, главное сѣдалище души, такъ помѣщена среди полостей мозга содержащихъ тонкое животное вещество что имъ можетъ быть приводима въ движеніе столькими разными способами сколько есть чувственныхъ отличій въ предметахъ; но она можетъ быть также приводима въ различныя движенія душою.... Дѣйствіе души состоитъ въ томъ что изъ того единственно что она желаетъ какой-нибудь вещи, она производитъ что малая желѣза, съ коею она тѣсно соединена,

* Подробно анализуя страдательныя состоянія души, Декартъ мало останавливается на ея дѣйствіяхъ. Отрицая сознаніе въ животныхъ и почти устраняя разсмотрѣніе вопроса о развитіи организмовъ, онъ совсѣмъ не касается роли какую сознаніе имѣетъ въ развитіи какъ отдѣльнаго организма, такъ и цѣлой породы, являясь въ развитіи этомъ важнымъ *историческимъ* факторомъ. Между тѣмъ развитіе и отдѣльнаго существа, напримѣръ, ребенка, и цѣлаго поколѣнія, въ процессѣ наслѣдственныхъ передачъ происходитъ въ значительной долѣ путемъ опыта жизни, то-есть при участіи сознанія. Замѣчу мимоходомъ что цѣлесообразныя движенія обезглавленной лягушки, играющія важную роль въ матеріалистическихъ ученіяхъ, вовсе не суть доказательство ненужности сознанія для движеній такого рода. Безголовая лягушка имѣла голову. Связь между центростремительною передачей дѣйствія отъ органа къ мозговымъ узламъ и центробѣжною отъ узловъ къ приходящимъ въ движеніе органамъ установилась именно подъ вліяніемъ опыта жизни какъ самой лягушки, такъ и ея предковъ. Это тѣ же явленія привычки въ обширномъ ихъ примѣненіи.

Digitized by Google

приходитъ въ движеніе такъ какъ требуется для произведенія дѣйствія этому хотѣнію соотвѣтствующаго. Такимъ образомъ, если душа хочетъ вспомнить о какой-нибудь вещи, хотѣніе это производитъ что желѣза, послѣдовательно наклоняясь въ разныя стороны, гонитъ тонкое вещество къ разнымъ мѣстамъ мозга до тѣхъ поръ пока оно встрѣтитъ то мѣсто гдѣ остался слѣдъ того предмета вспомнить который душа желаетъ... Когда душа хочетъ вообразить какую-либо вещь которой никогда не видала, хотѣніе это имѣетъ силу привести въ движеніе желѣзу такъ какъ требуется чтобы направить тонкое вещество къ порамъ мозга чрезъ раскрытіе которыхъ вещь эта можетъ быть представлена. Когда душа хочетъ остановить вниманіе на разсмотрѣніи въ продолженіе нѣкотораго времени того же предмета, хотѣніе это удерживаетъ желѣзу въ продолженіе этого времени наклоненною въ опредѣленную сторону. Наконецъ когда душа хочетъ заставить тѣло идти или производить какія-либо движенія, воля эта производитъ то что желѣза гонитъ тонкое вещество къ мускуламъ эти движенія производящимъ." Идея Декарта о такомъ чудесномъ взаимодѣйствіи души и тѣла привела его послѣдователей, въ особенности Малебранша, къ ученію о такъ-называемыхъ *причинахъ-поводахъ* (causes occasionnelles). Согласно ученію этому „мы познаемъ качества тѣлъ чрезъ то что Богъ по поводу движенія матеріи порождаетъ въ душѣ нашей мысли, а когда въ свою очередь душа желаетъ двинуть тѣло, Богъ приводитъ его въ движеніе." *

„Какъ можемъ мы, спрашиваетъ Малебраншъ (*Recherche de la vérité*, ed. Charpentier, 1842, стр. 505), двигать нашу руку? Чтобы двинуть ее надлежитъ имѣть тонкое нервное вещество (esprits animaux), послать его чрезъ опредѣленные нервы въ опредѣленные мускулы дабы вздуть и укоротить ихъ: такъ по крайней мѣрѣ принято объяснять движенія руки, а по мнѣнію нѣкоторыхъ и неизвѣстно еще какъ это происходитъ. Между тѣмъ мы знаемъ что люди понятія не имѣющіе о томъ что есть тонкое вещество, нервы и мускулы, двигаютъ руками и даже съ бо́льшимъ искусствомъ и легкостію чѣмъ тѣ которые наилучше знаютъ анатомію. Слѣдственно когда чело-

* Лейбницъ (*Opera*, Ed Dutens, II. 53). По этой системѣ всякое сообщеніе движенія происходитъ чрезъ то что Богъ по случаю движенія одного тѣла даетъ движеніе другому.

Digitized by Google

вѣкъ хочетъ двинуть руку—только Богъ можетъ ее двинуть и знаетъ какъ ее двинуть. Человѣкъ не можетъ свалить башню, но по крайней мѣрѣ знаетъ что̀ надо сдѣлать чтобъ ее свалить, но нѣтъ человѣка который бы зналъ что̀ надо сдѣлать чтобы двинуть палецъ помощію тонкаго животнаго вещества. Какъ же могли бы люди двигать руками? Это для меня очевидно, и таково же полагаю для всякаго кто желаетъ мыслить, хотя и непостижимо можетъ-быть для того кто можетъ только ощущать. И не только люди не суть истинная причина движеній какія они производятъ въ своемъ тѣлѣ, но было бы противорѣчіемъ еслибъ они могли быть такою причиной. Истинная причина есть та между которою и ея дѣйствіемъ умъ усматриваютъ необходимую связь, какъ по крайней мѣрѣ я понимаю. Но только у существа безконечно совершеннаго умъ можетъ усмотрѣть необходимую связь межъ волею и дѣйствіемъ. Потому только Богъ есть истинная причина и имѣетъ настоящую силу двигать тѣла."

Идеи Декарта и система Малебранша не удовлетворили Лейбница. Прямое дѣйствіе духовной субстанціи на матеріальную представляется ему не согласныхъ съ закономъ сохраненія силы въ природѣ, система Малебранша кажется прибѣгающею къ чуду въ вещахъ естественныхъ и обыкновенныхъ. Для объясненія великаго факта дѣйствія души на тѣло онъ предлагаетъ свою систему *предуставленной гармоніи*.

„Декартъ, говоритъ онъ (*Monadologie*, 1714, §§ 80, 81) призналъ что души не могутъ давать силу тѣламъ, ибо въ матеріи всегда сохраняется одно и то же количество силы. Онъ думалъ однако что душа можетъ перемѣнить направленіе движенія тѣла. Но это потому что въ его время не былъ извѣстенъ законъ природы о сохраненіи того же общаго направленія движенія въ матеріи. Еслибъ онъ зналъ этотъ законъ, то влалъ бы въ мою систему предуставленной гармоніи. Согласно этой системѣ тѣло дѣйствуетъ какъ еслибы (par impossible, допуская невозможное) не было души, души дѣйствуютъ какъ еслибы не было тѣлъ; тѣ и другія дѣйствуютъ какъ еслибы взаимно вліяли однѣ на другія."

„Представьте себѣ," поясняетъ Лейбницъ свою систему (*Opera*, ed. Dutens, T. II, 1872), „двое часовъ которые идутъ совершенно согласно между собою. Такое согласіе можетъ быть достигнуто *тремя способами*. Первый состоитъ во взаимномъ вліяніи однихъ часовъ на другіе; второй въ заботливости о нихъ

Digitized by Google

человѣка который за ними наблюдаетъ; третій въ собственной ихъ точности. *Первый способъ взаимнаго вліянія* былъ на опытѣ испробованъ покойнымъ Гюгенсомъ, къ большому его удивленію. Онъ имѣлъ двое большихъ часовъ съ маятниками укрѣпленныхъ на одной доскѣ, постоянныя біенія маятниковъ сообщали сотрясенія частицамъ дерева, но такъ какъ всѣ эти біенія не могутъ сохраниться въ ихъ порядкѣ безъ взаимнаго замѣшательства, кромѣ того случая когда маятники совершенно согласны, то выходило, какъ бы чудомъ, что даже если нарочно разстроить согласіе ихъ біеній они вновь возвращались къ тому чтобы бить согласно, въ родѣ того какъ двѣ струны въ унисонѣ. *Второй способъ* заставить двое часовъ идти согласно, хотя бы они были даже плохи, въ томъ чтобы приставить къ нимъ искуснаго работника всякую минуту приводящаго ихъ въ согласіе. Это я называлъ *способомъ содѣйствія* (voie de l'assistance). Наконецъ *третій способъ*—сдѣлать первоначально эти двое часовъ съ такимъ искусствомъ и точностію что можно стать увѣренными въ ихъ согласномъ ходѣ въ будущемъ. Это способъ *предуставленнаго согласія* (consetement preetabli). Представимъ себѣ вмѣсто двухъ часовъ *душу* и *тѣло*. Ихъ согласіе и симпатія могутъ быть достигнуты этими же тремя способами. Способъ вліянія допускается въ общераспространенной философіи. Но такъ какъ нельзя представить себѣ какія-нибудь матеріальныя частицы или какія-нибудь нематеріальныя качества которыя бы переходили отъ одной изъ этихъ субстанцій къ другой, то приходится оставить это мнѣніе. Путь содѣйствія есть система такъ-называемыхъ *причинъ-поводовъ* (causes occasionneles). Но по моему это значитъ приводить *Deus ex machina* въ вещахъ естественныхъ и обыкновенныхъ, гдѣ согласно разуму божественное содѣйствіе должно обнаруживаться тѣмъ же способомъ какъ во всѣхъ другихъ вещахъ природы. Остается такимъ образомъ моя гипотеза, то-есть путь *предуставленной гармоніи*, проистекающій изъ божественной предусмотрительности. Изначала обѣ субстанціи—душа и тѣло, образованы такъ совершенно и свѣрены съ такою точностію что каждая, слѣдуя собственнымъ законамъ, полученнымъ вмѣстѣ съ бытіемъ, идетъ вполнѣ согласно съ другою,—какъ будто бы между ними было взаимное вліяніе или какъ будто бы Богъ постоянно прилагалъ къ нимъ руку, кромѣ общаго своего воздѣйствія на міръ."

Digitized by Google

„Лейбницъ, замѣчаетъ Фехнеръ (*Elemente der Psychophisik*, 1860, I, 5), забылъ еще одно возможное воззрѣніе и притомъ самое простое. Часы могутъ идти согласно между собою и никогда не расходиться, ибо они вовсе не суть двое различныхъ часовъ... То что внѣ стоящему наблюдателю кажется, — цѣликомъ или въ главнѣйшей существеннѣйшей части,—органическими часами съ двигателемъ и механизмомъ органическихъ колесъ и рычаговъ, то самому наблюдаемому субъекту внутренно является совсѣмъ иначе—какъ его собственный духъ съ ходомъ (mit dem Gange) ощущеній, хотѣній, мыслей.... Если кто-нибудь, поясняетъ Фехнеръ (стр. 2), стоитъ внутри круга, то для него выпуклая сторона совсѣмъ скрыта вогнутою покрышкой; если же онъ находится внѣ круга, то наоборотъ выпуклая покрышка скрываетъ вогнутую сторону. Но обѣ стороны столь же неразрывно соединены между собою какъ духовная и тѣлесная стороны человѣка, и ихъ можно по сравненію разсматривать какъ внутреннюю и внѣшнюю стороны круга. Также невозможно усмотрѣть заразъ обѣ стороны круга, какъ съ того или другаго пункта человѣческаго существованія усмотрѣть заразъ обѣ стороны человѣка. Какъ только мы мѣняемъ точку наблюденія, мѣняются и стороны круга—та которая усматриваются и та которая скрыта за усматриваемою.“

XXXVIII.

Въ нашъ планъ не входитъ излагать труды и заслуги Декарта въ области математики. Заслуги эти безспорно признаются великими; онѣ не оспаривались даже тѣми которые въ физическихъ ученіяхъ Декарта видѣли только великія заблужденія ума, несдержанно предавшагося гипотетическому построенію вселенной на основаніи нѣсколькихъ *a priori* принятыхъ началъ.

Довольно сказать что Декарту обязана своимъ существованіемъ обширная область математики именуемая аналитическою геометріей.

Даламбертъ въ предисловіи къ *Энциклопедіи* говоритъ объ основной идеѣ этой науки: „Это одна изъ самыхъ обширныхъ и счастливѣйшихъ идей ума человѣческаго; она навсегда будетъ ключомъ глубочайшихъ изслѣдованій не только въ высшей геометріи, но и во всѣхъ физико-математическихъ

Digitized by Google

наукахъ". „Эти открытія, говорилъ Дютанъ (Dutens, авторъ сочиненія *Origine des découvertes attribuées aux modernes*, II, 170. Paris, 1812, 4me ed.), * такъ были полезны въ наукѣ что два величайшіе геометра въ Европѣ Даламбертъ и Лагранжъ увѣряли меня что все сдѣланное потомъ Ньютономъ для развитія науки не можетъ сравниться съ этимъ подвигомъ Декарта".

XXXIX.

Дѣлая въ началѣ нашего довольно длиннаго этюда о Декартѣ біографическій очеркъ его дѣятельности, мы имѣли въ виду начертать умственный образъ великаго философа. Сохраняемъ надежду что образъ этотъ въ достаточно рѣзкихъ чертахъ прошелъ предъ внимательнымъ читателемъ. Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ привести нѣсколько подробностей касающихся внѣшности, образа жизни, привычекъ Декарта, заимствуя ихъ изъ біографіи Бальйе, на которую намъ много разъ приходилось ссылаться.

„Декартъ былъ роста немного ниже средняго; ** корпусъ его былъ весьма тонокъ и пропорціоналенъ во всѣхъ частяхъ. Только голова казалась нѣсколько велика сравнительно съ туловищемъ. Лобъ его былъ широкъ и нѣсколько выпуклъ Цвѣтъ лица въ періодъ отъ рожденія до выхода изъ коллегіи блѣденъ, затѣмъ смѣшанъ съ румянцемъ, исчезнувшимъ около времени уединенія въ Голландіи, а съ тѣхъ поръ нѣсколько оливковый до смерти. На щекѣ была у него небольшая бородавка, сходившая и вновь нароставшая. Нижняя губа нѣсколько выдвинута впередъ, ротъ довольно широкъ, носъ ширины пропорціональной длинѣ, глаза темносѣрые, взглядъ пріятенъ, зрѣніе хорошо до конца дней; лицо всегда ясно, выраженіе привѣтливо, тонъ голоса между высокимъ и низкимъ, но слишкомъ слабъ для длинной рѣчи, вслѣдствіе врожденной слабости легкихъ. Волосы на головѣ и бровяхъ довольно черны, на бородѣ нѣсколько свѣтлѣе; началъ сѣдѣть съ 43 лѣтъ. Вскорѣ затѣмъ, въ видахъ здоровья, онъ надѣлъ парикъ той же формы какъ собственные волосы.

---

* Цитата взята нами изъ сочиненія Bordas-Demoulin *Le Cartésianisme*, 1874, стр. 381).

** Его въ насмѣшку называли *homunculus*, прибавляетъ Томасъ въ примѣчаніяхъ къ своему похвальному слову.

Digitized by Google

„Слѣдовалъ за модами, но не давалъ имъ увлекать себя; ждалъ пока онѣ сдѣлаются общими, чтобъ избѣжать всякой исключительности. Никогда не былъ въ небрежномъ костюмѣ и въ особенности избѣгалъ казаться философомъ. Когда удалился въ Голландію, оставилъ шпагу и замѣнилъ шелкъ сукномъ.

„Образъ жизни его былъ очень однообразенъ, воздержность врожденна. Онъ мало пилъ вина, иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ не пилъ вовсе. Но такъ какъ былъ очень пріятенъ и веселъ за столомъ, то воздержность его не была въ тягость сотрапезникамъ. Не былъ ни особенно деликатенъ, ни капризенъ въ выборѣ пищи, и пріучилъ свой вкусъ ко всему что не вредно для здоровья. Діета его состояла не въ томъ чтобы рѣдко ѣсть, а въ выборѣ пищи. Онъ полагалъ что полезно давать желудку и кишкамъ, какъ жерновамъ, постоянную работу, но помощью предметовъ сравнительно мало питательныхъ, какъ коренья, плоды, которые онъ почиталъ болѣе способными продлить жизнь человѣка чѣмъ мясо. Онъ замѣчалъ что ѣстъ съ большею охотой и спитъ крѣпче когда бываетъ въ горѣ или опасности чѣмъ въ другое какое время. Онъ спалъ много или по крайней мѣрѣ пробужденіе его не было никогда принужденнымъ. Пробудясь, онъ предавался научнымъ размышленіямъ, оставаясь въ постели, и только по временамъ приподнимался, не вставая, чтобы записать свои мысли. Такимъ образомъ онъ часто оставался въ постели по десяти, иногда по двѣнадцати часовъ. Снисхожденіе къ потребностямъ тѣла никогда впрочемъ не доводило его до лѣности. Онъ работалъ много и долго. Любилъ тѣлесныя упражненія и предавался имъ охотно во время роздыха, но потомъ сидячая жизнь мало-по-малу отучила его отъ нихъ. Здоровье тѣла онъ разсматривалъ какъ главнѣйшее изъ благъ этой жизни, послѣ добродѣтели. Онъ родился не съ крѣпкимъ здоровьемъ. Въ дѣтскіе годы страдалъ сухимъ кашлемъ наслѣдованнымъ отъ матери и былъ слабъ до тринадцатилѣтняго возраста, когда въ первый разъ ему было сдѣлано кровопусканіе; во второй же оно было сдѣлано наканунѣ смерти. Онъ почиталъ кровопусканіе вреднымъ для безчисленнаго множества субъектовъ. На девятнадцатомъ или двадцатомъ году онъ счелъ себя достаточно свѣдущимъ чтобы самому заняться своимъ здоровьемъ и обходился безъ медика до послѣдней своей смертной болѣзни. Онъ имѣлъ отвращеніе не только

Digitized by Google

отъ шарлатановъ, но и отъ алтекарскихъ снадобьевъ и эмпирическихъ средствъ; требовалъ большой осторожности и относительно средствъ доставляемыхъ химіей. Освободившись отъ горячности лечени, заставлявшей его любить военную службу въ молодости, онъ принялъ образъ жизни столь однообразный и правильный что ни разу не былъ боленъ кромѣ послѣдняго случая происшедшаго отъ посторонней причины и сведшаго его въ могилу въ Швеціи.

„Въ издержкахъ своихъ онъ былъ весьма аккуратенъ. Доходы его простирались отъ шести до семи тысячъ ливровъ (увеличились къ концу жизни). Мало принималъ гостей, еще менѣе ходилъ въ гости самъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не былъ ни мизантроломъ, ни меланхоликомъ. Напротивъ того, въ характерѣ его было всегда много веселости. Но любовь къ уединенію и тихой жизни умственнаго труда преобладала надъ всѣмъ остальнымъ. Два любимѣйшіе девиза его были: одинъ взятый изъ Овидія

Bene qui latuit, bene vixit;

другой изъ Сенеки:

Illi mors gravis incubat
Qui notus nimis omnibus
Ignotus moritur sibi."

Окончимъ словами Лейбница о философіи Декарта. „Меня обвиняютъ, говоритъ Лейбницъ (*Reponse aux reflexions qui se trouvent dans le Journal des Savans*, *Opera*, Ed. Dutens, II, 249), будто я хочу утвердить мою репутацію на развалинахъ репутаціи Декарта. Имѣю право жаловаться на это. Не только не хочу я разрушить репутаціи этого великаго человѣка, но напротивъ нахожу что недостаточно обращаютъ вниманіе на то и не довольно подражаютъ тому что есть у него наилучшаго. Обыкновенно прилѣпляются (on s'attache) къ самымъ слабымъ его сторонамъ, ибо онѣ наиболѣе доступны не желающимъ дать себѣ трудъ глубокаго обдумыванія, но хотящимъ однако понять глубину вещей. Потому послѣдователи его, къ великому моему сожалѣнію, почти ничего не прибавили къ его открытіямъ; таково обыкновенное послѣдствіе духа секты въ философіи. А такъ какъ всѣ виды мои направлены къ общему благу, то я и высказывался въ этомъ смыслѣ отъ времени до времени, дабы пробудить ихъ дѣя-

Digitized by Google

тельность въ увѣренности что проницательность ихъ далеко бы ловела ихъ, еслибы не почитали они что ихъ учитель довольно уже сдѣлалъ. Я всегда объявлялъ что безконечно чту г. Декарта. Не много геніевъ къ нему приближающихся. Я знаю только Архимеда, Коперника, Галилея, Кеплера, Юнгіуса (Jungius), * гг. Гюгенса и Ньютона и не многихъ другихъ той же силы, къ коимъ можно прибавить Пиѳагора, Демокрита, Платона, Аристотеля, Сюиссе (Suisset), ** Кардана, Джильберта, Бекона Веруламскаго, Кампанеллу, Гарвея, г. Паскаля и нѣкоторыхъ другихъ... Я имѣю обыкновеніе говорить что *картезіанская философія есть какъ бы передняя истины* (antichambre de la vérité); трудно проникнуть далѣе не пройдя чрезъ нее, но останавливающіеся на ней лишаютъ себя истиннаго познанія глубины вещей."

Н. ЛЮБИМОВЪ.

---

* Junge или Junguis ученый XVII вѣка (род. 1587, умеръ 1657) авторъ многихъ сочиненій по математикѣ, механикѣ, ботаникѣ, минералогіи, физикѣ.

** Робертъ Сюиссе математикъ бывшій профессоромъ въ Оксфордѣ въ половинѣ XIV вѣка.

Digitized by Google

ПЕРЕЛОМЪ

ПРАВДИВАЯ ИСТОРІЯ

XIX.

Alles opponirende Wirken geht auf das Negative hinaus, und das Negative ist Nichts. Es kommt nicht darauf an dass eingerissen, sondern dass Etwas aufgebaut werde....

Göthe.

На Арбатѣ, въ домѣ Лукояновыхъ, шло ликованіе. Троекуровъ былъ объявленъ женихомъ Александры Павловны.... Марья Яковлевна, когда онъ въ назначенный имъ день пріѣхалъ дѣлать *предложеніе*, не дала ему и договорить его en forme, вскочила съ мѣста и всхлипывая отверзла ему свои объятія. „Знаю, знаю, говорила она, любите ее давно и она васъ, я согласна,—а до сихъ поръ не могла, сами должны понимать, Сашенька слишкомъ молода была, да и согласитесь, Борисъ Васильевичъ, что при вашихъ привычкахъ“... Она заплакалась:—„Мужъ мой покойный оставилъ дочери по завѣщанію, нарочно для нея куплены, триста душъ, незаложенныя....“ Троекуровъ прервалъ ее: „Сдѣлайте милость, Марья Яковлевна, оставимте это, то что̀ вы дасте вашей дочери до меня не касается“. Она замахала большими руками, уже

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 2 и 3.

Digitized by Google

смѣясь сквозь непросохшія еще слезы: „Знаю, знаю, мой батюшка, вы тысячи всегда за грошъ почитали, такъ вамъ что̀ это!... А теперь все-таки остепениться надо будетъ, жена, дѣти пойдутъ; совѣтую вамъ....." На лицѣ его невольно изобразилось неудовольствіе. Заботливая маменька испугалась, перебила себя опять на полусловѣ, и поспѣшно зашагала къ двери сосѣдней комнаты, гдѣ, вся блѣдная отъ волненія „въ ожиданіи своей судьбы", какъ выражалась маленькая Лизавета Ивановна, сидѣла Сашенька. Мать вывела ее оттуда за руку, и подведя къ Троекурову проговорила протяжно и для большей, повидимому, торжественности нѣсколько въ носъ:

— Борисъ Васильичъ Троекуровъ, мой другъ, проситъ твоей руки. Я на это согласна, — остальное теперь зависитъ уже отъ тебя.

Блѣдная Сашенька отъ этихъ словъ мгновенно зардѣлась какъ маковъ цвѣтъ, и молча, сіяя райскою улыбкой, протянула женниху руку.... Онъ горячо прильнулъ къ ней губами.

Марья Яковлевна вытащила платокъ изъ кармана и погрузила въ него свое снова омочившееся ради такой оказіи лицо.

Лизавета Ивановна, робко выглядывая на нихъ изъ-за полуоткрытой двери, утирала глаза въ свою очередь, крестясь и шепча отъ глубины сердца молитву „о благодѣтельномъ будущемъ житіи" молодой пріятельницы своей и ея нареченнаго...

Вѣсть о ихъ помолвкѣ облетѣла въ тотъ же день всю дворянскую Москву, съ доброю половиной которой Лукояновы состояли въ родствѣ или близкой пріязни. Со слѣдующаго же утра и „ближайшіе" эти, и дальнѣйшіе ринулись на домъ Марьи Яковлевны какъ на приступъ. Дни тріумфа настали для его хозяйки,—тріумфа который росъ въ ея глазахъ съ поздравленіями каждаго новаго лица и питалъ, какъ солнце падающими въ него астероидами, свѣтъ свой и пламень всѣмъ тѣмъ обильнымъ матеріаломъ безсильной злобы и зависти которую ея счастливая игра внушала всѣмъ совмѣстницамъ ея, маменькамъ, обладательницамъ дочекъ на возрастѣ.... Дѣйствительно, на той многотрудной, тяжелой, требующей, говорятъ, самыхъ спеціальныхъ способностей тонѣ которую на свѣтскомъ языкѣ называютъ умѣньемъ пристроить дочь замужъ, savoir marier sa fille, Марьѣ Яковлевнѣ удалось выловить такого осетра предъ

Digitized by Google

которымъ всѣмъ остальнымъ товаркамъ ея по ремеслу оставалось только ахнуть и развести руками... Не успѣли всѣ онѣ придти въ себя отъ смерти Ивана Акимовича Острожевки, забульдыги-лошадника, проводившаго жизнь свою въ клубахъ и у Цыганъ, но залучить котораго къ себѣ въ домъ составляло въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ предметъ упорнѣйшаго желанія и хитроумнѣйшихъ „подходовъ“ со стороны каждой уважающей свой домъ московской родительницы,—а Марья Яковлевна не говоря дурнаго слова успѣла ужь проюхать, отыскать, *обойти* и *окрутить* никому еще неизвѣстнаго наслѣдника всего этого богатства, и выдаетъ теперь за него свою Сашеньку. Какъ же было, въ самомъ дѣлѣ, не возненавидѣть ея, не проклясть тайно и явно, не объявить „интриганкой“,—а потому и не послѣшить къ ней съ поздравленіемъ, съ возгласами радости, хотя бы для того чтобъ имѣть случай при этомъ доставить себѣ удовольствіе вверхуть со змѣиною улыбкой: „это такой сюрпризъ для всѣхъ, такая неожиданность!... И гдѣ они успѣли познакомиться?.. Вы впрочемъ были всегда *такъ умны*, Марья Яковлевна!..“ Марья Яковлевна была и въ самомъ дѣлѣ весьма умна въ житейскомъ дѣлѣ, читала насквозь въ душѣ своихъ добрыхъ пріятельницъ, и змѣиными намеками не только не смущалась, а даже вызывала ихъ и лакомилась ими какъ бы сладчайшимъ блюдомъ, подносимымъ ей ея современницами въ награду за блестящее исполненіе материнскихъ обязанностей возложенныхъ на нее Небомъ. „Нынѣ отпущаеши рабу твою съ миромъ“, готова она была сказать себѣ послѣ каждой новой колкости на сахарной подкладкѣ, послѣ каждаго тонко-ядовитаго намека на ея „интриганство“....

Явилась одною изъ первыхъ извѣстная читателю * Женни Карнаухова, незлобиво носившая свое теперь тридцати уже съ чѣмъ-то лѣтнее дѣвство, все также продолжавшая благоволить ко всему міру и почитать себя необходимою для его блаженства, и видѣвшая въ помолвкѣ Сашеньки съ ея сознаніе свое созданіе, дѣло своего ума, своихъ „комбинацій“ и заботъ. Она дѣйствительно радовалась, искренно умилялась, сердечно прыгала и лобызалась въ восторгѣ своемъ съ „нареченными“, съ „другомъ своимъ“ Марьей Яковлевной, съ маленькою

* *Четверть вѣка назадъ.*

Digitized by Google

Лизаветой Ивановной, съ крупною, какъ и она сама, грузинскою дѣвой Катериной Борисовной. Явилась она въ самый день сговора, и съ этой минуты являлась уже сюда каждый день, хотя на полчаса. Домъ Луковковыхъ съ его благорастворенною атмосферой „двухъ влюбленныхъ сердецъ“ обратился для нея въ эдемъ гдѣ могла она „отдыхать душой“ отъ невыносимой скуки и тоски испытываемыхъ ею дома, въ обществѣ зубастой маменьки, болѣе чѣмъ когда гнетомой своимъ „mal de dos“ и недочетами своихъ тщеславныхъ грезъ (Толя, на котораго она такъ долго глядѣла какъ на звѣзду первой величины, *ея* Толя, вмѣсто блестящей карьеры, проживалъ уже второй годъ безъ ногъ въ Ахенѣ на излѣченіи), и которая на „établissement“ самой Женни давно махнула рукой какъ на вещь разъ навсегда покончанную и сданную въ архивъ. Женни пользовалась этимъ и отсутствовала изъ дома насколько могла чаще, увѣривъ и мать и самою себя что Марьѣ Яковлевнѣ нельзя обойтись безъ нея „насчетъ приданаго Сашеньки“.

Почти ежедневно являлись и Овцыны, отецъ съ сыномъ. Старый либералъ видимо льнулъ къ Троекурову. Чувство изящнаго свойственное всѣмъ людямъ его эпохи подкупало его въ пользу будущаго мужа его племянницы. Ему нравились въ Троекуровѣ его „аристократическій“, нѣсколько холодный обликъ, сдержанность пріемовъ и движеній, простой, краткій, тщательно избѣгавшій всякаго книжнаго оборота складъ рѣчи,—„вся эта какая-то смѣсь англійскаго съ лезгинскимъ“, объяснялъ онъ себѣ, тщательно скрывая впрочемъ такое свое преступное сочувствіе отъ сына, предъ которымъ бѣдный „Ламартинъ“ робѣлъ какъ рядовой предъ строгимъ фельдфебелемъ. Ириархъ, само собою, запался на Троекурова, и тѣмъ сильнѣе чѣмъ глубже сознавалъ безсиліе свое предъ нимъ. Употребляя одно изъ тѣхъ чужеземныхъ выраженій которыя въ ту пору сотнями и цѣликомъ начинала переносить періодическая печать въ русскій языкъ,—Троекуровъ *импонировалъ* ему противъ его воли, *осаждивалъ*, какъ говорится, однимъ словомъ, взглядомъ всѣ тѣ попытки къ фамиліярности или дерзости, которыя ежедневно рождались въ камерныхъ и просились наружу изъ души злобнаго студента. Онъ не давалъ ему даже удовольствія раздразнить его своею *прогрессивностью*, и когда тотъ за обѣдомъ или ужи-

Digitized by Google

номъ начиналъ „разрушать міръ“, по выраженію Марьи Яковлевны, молчалъ глубокимъ молчаніемъ пока кто-либо не заговаривалъ о чемъ-либо постороннемъ, къ чему онъ тотчасъ же и присоединялся... „Шваль великосвѣтская. Печоринъ изъ военныхъ усоносцевъ!“ измышлялъ Иринархъ внутренно бранныя слова по адресу будущаго мужа двоюродной своей сестры... „И не проберешь вѣдь его ничѣмъ, вотъ что̀!“ принужденъ онъ былъ сознаваться съ невыносимою досадой... Онъ однажды попробовалъ не отвѣтить на поклонъ входившаго въ гостиную Троекурова, и отвернулся будто не видавъ его. Марья Яковлевна, замѣтившая это, вспыхнула вся отъ негодованія. „Ты слѣпъ что ли“, крикнула она ему, „не видишь что тебѣ кланяются?“ Иринархъ поднялъ на нее сверкающіе глаза, но встрѣтился на пути съ глазами Бориса Васильевича, скользнувшими по немъ на мигъ съ такимъ всецѣлымъ, уничтожающимъ равнодушіемъ что онъ весь позеленѣлъ, торопливо мотнулъ головой въ видѣ поклона, и тотчасъ же вышелъ изъ комнаты...

Онъ давно „наплевалъ бы на этотъ домъ“, еслибы не влекло его сюда двойнымъ влеченіемъ къ одному предмету,—ко княжнѣ Кирѣ. Апостолъ „новаго слова“, какъ начинали говорить тогда въ той же петербургской журналистикѣ, онъ предвкушалъ въ этой дѣвушкѣ съ ея своеобразною и гордою красотой, дразнившею и возбуждавшею въ немъ то „естественное стремленіе“ которое „чопорные пуристы искусственной морали называютъ всякими сентиментальными существительными на своемъ пошломъ языкѣ“ *, будущую, близкую сектантку и поборницу его „свободныхъ ученій“; ненавистникъ „Печориныхъ изъ военныхъ усоносцевъ“, онъ угадывалъ въ ней ту же не высказывавшуюся, но несомнѣнную въ его убѣжденіи враждебность къ жениху ихъ общей кузины...

Для него же въ настоящую минуту наступило самое благопріятное время для тѣснѣйшаго сближенія съ нею, возможность подолгу и безпрепятственно излагать ей свои теоріи, вліять на ея „развитіе“ невозбраннымъ многоглаголаніемъ своей „прогрессивной“ проповѣди. Марья Яковлевна была такъ поглощена самоуслажденіемъ блестящей партіи которую устроила она для дочери и блаженными заботами о ея приданомъ что ни о чемъ иномъ не могла думать, ни на что̀

* Добролюбовъ.

Digitized by Google

другое не обращала никакого вниманія. Ириархъ проводилъ теперь цѣлые вечера съ княжною въ какомъ - нибудь углу дома, читая ей вслухъ *Былое и Думы* или *Современникъ*, толкуя о „послѣднихъ выводахъ науки“ по Молешоту и Бюхнеру, Фейербаху и Карлу Фохту, сочиненіями которыхъ снабжалъ онъ ее въ изобиліи, отмѣчая при этомъ въ нихъ мѣста въ которыя должна она была „вникнуть“ и рекомендуя не читать остальнаго на томъ основаніи что „самый умный Нѣмецъ—все-таки филистеръ и не прочь *сподлить* здѣсь или тутъ предъ старою пошлостью“, между тѣмъ какъ она, склонясь надъ пяльцами, слушала его съ обычнымъ ей безмолвіемъ, прерывая его лишь изрѣдка какимъ-нибудь неожиданнымъ, часто нѣсколько смущавшимъ его вопросомъ, или грамматическою поправкой какой-нибудь приводимой имъ цитаты на нѣмецкомъ языкѣ, который онъ зналъ плохо... Внимательнѣе и оживленнѣе, замѣчалъ онъ, становилась она когда онъ заводилъ рѣчь о „женскомъ вопросѣ“ все по тому же поводу предстоявшаго брака Сашеньки съ Троекуровымъ, къ которому онъ и относился всегда съ крайнимъ, насилованнымъ ожесточеніемъ.

— Наша Александра Павловна достигла высшаго ранга на своемъ служебномъ пути, говорилъ онъ однажды хихикая.

— Это какой же „служебный путь“? спрашивала Кира, чуть-чуть улыбнувшись.

— А замужество! Вѣдь при нынѣшнемъ безобразномъ строѣ общества для женщинъ нѣтъ иныхъ путей, иныхъ задачъ въ жизни! Выходи замужъ,—это ея единственная цѣль, помыселъ, работа, назначеніе! Выходи замужъ, и какъ можно выгоднѣе, то-есть употреби весь тебѣ данный умъ, напрягай всю имѣющуюся въ тебѣ способность къ притворству и лжи чтобы продать себя наивозможно дороже, какъ продаются на Востокѣ гаремныя невольницы, съ тою разницей что ихъ тамъ продаютъ насильно другіе, а у насъ онѣ сами воспитываются съ дѣтства на ремесло торговли собою!..

— Саша не продаетъ себя, неторопливо молвила на это княжна,—она влюбилась въ... въ этого господина когда у него ничего не было, и ея мать и слышать не хотѣла чтобъ она шла за него.

— Саша! принялся опять *иронизировать* Ириархъ, — да что жь такое сама-то эта любезная персона? Вѣдь это чистѣйшій продуктъ нашего отвратительнаго патріархальнаго

Digitized by Google

купчика, и вѣдь дальше такого купчика не простираются ея способности мышленія и желанія. Вы говорите, она въ *этого* „влюбилась“ когда онъ былъ бѣденъ, и мать не соглашалась отдать ее за него. Ну, а какъ вы думаете, еслибъ онъ остался бѣденъ, и милая маменька все также не отдавала бы ее за возлюбленнаго, наша *кисейная* родственница не пошла бы, по волѣ этой же маменьки, за любаго стараго подагрика съ милліономъ въ шкатулкѣ?

Кира закачала головой:

— Она упрямѣе чѣмъ вы думаете... Въ крови это у насъ! промолвила она какъ бы про себя.

— Ну да, прошипѣлъ онъ, уязвленный этими словами,— кровь у васъ особая, княжая, спеціальнаго химическаго состава, синяя что ли, а не красная, какъ у обыкновенныхъ смертныхъ! Вы до сихъ поръ въ это вѣруете, Кира Никитишна, вопреки наукѣ, разуму, вопреки самой простой логикѣ?...

„Вѣрую“, отвѣчало, показалось ему, на это чуть-чуть замѣтное движеніе ея бровей.

Онъ вскипятился:

— Никакой крови нѣтъ-съ! Есть среда, да-съ,—среда и влагаемыя ею въ насъ съ ранняго дѣтства уродливыя, или здоровыя, естественныя воззрѣнія и понятія. А среда родившихъ и воспитавшихъ всѣхъ насъ,—*князей*, какъ вы съ кузиной, и плебеевъ... какъ я,—яйца выѣденнаго не стóитъ! Надо особенно сильную натуру....

Княжна подняла вдругъ глаза, уложила локти на пяльцы и, продѣвая шерстинку въ ушко высоко приподнятой иголки, прервала его вопросомъ:

— Что̀ вы думаете, будетъ она съ нимъ счастлива?

— Александра-то Павловна со своимъ нещечкомъ? возгласилъ Ириархъ;—помилуйте, таять будетъ, въ лужу блаженства распустится свою идеальную особу! Что̀ дѣтей народитъ ему съ благодарности съ большой!...

Ея внезапно сжавшіяся брови заставили его примолкнуть.

— А онъ? спросила она черезъ мигъ.

— Господинъ Троекуровъ, то-есть?.. Я полагаю, протянулъ Овцынъ,—что сей слодвижникъ отечественнаго милитаризма и аристократъ изъ россійскаго музея древностей найдетъ въ нашей кузинѣ вполнѣ соотвѣтствующую его вкусамъ и идеаламъ рабыню, которая что̀ Иверской, что̀ ему

Digitized by Google

станетъ равно земные поклоны класть.... Какого жъ ему еще счастія нужно?

— Онъ... уменъ, проговорила съ разстановкой и какимъ-то загадочнымъ тономъ княжна.

Ириарха всего даже передернуло отъ злости:

— Уменъ... Вотъ и мой достойный родитель почитается тоже умникомъ... Въ „черноквижной“ Англійскаго Клуба рѣчи держитъ, между двумя рюмками преферанса въ великобританскую оппозицію играетъ, Маколеемъ до одури зачитывается, либеральныя лѣсни что твой соловей свищетъ. Такъ и у него, по вашему, мозги въ головѣ?

— Этотъ очень мало говоритъ, напротивъ, небрежно промолвила Кира.

— Ну да-съ, тотъ же объектъ, только съ другаго фаса. Вѣдь это у нихъ всѣхъ та же игра въ великобританскій лапсандръ насаженный на русское дубье. У господина Пушкина, помните, въ стихахъ даже выражено: „сей двойственный соборъ“ и даже какія-то „пружины смѣлыя гражданственности новой“, то-есть, которыя они въ невѣжествѣ своемъ мнятъ и по сю пору „новыми“. Ну, такъ вотъ-съ и изображаютъ они собою въ россійскихъ лицахъ сей знаменитый „двойственный соборъ“ какой онъ тамъ есть въ Англіи: родитель мой, напримѣръ, пламенный „коммонеръ“, изъ нижней *говорильни*, ратующій потоками пустыхъ словъ за гроша мѣднаго не стоящія „вольности“; господинъ Троекуровъ—недосягаемый лордъ, „краса и честь націи“, дозволяющій себѣ разжимать зубы не для всякаго и не во всякое время, разжимающій ихъ на дѣлѣ лишь для „суроваго отпора“—это я опять-таки словами господина Пушкина выражаюсь—всему тому что здорово, свѣжо и молодо, всѣмъ законнымъ требованіямъ современнаго демократическаго прогресса и гуманности...

Кира подняла голову какъ бы съ намѣреніемъ возразить или замѣтить что-то по поводу этихъ послѣднихъ его словъ, но опустила ее вновь тутъ же, и проговорила только съ неодобрительною, понялъ онъ, усмѣшкой:

— Вы между прочимъ и отца роднаго не щадите?

— Отца! вскрикнулъ позеленѣвъ Ириархъ;—что такое отецъ? Случайность въ которой онъ такъ же неповиненъ какъ я! Изъ-за чего же долженъ я щадить его болѣе чѣмъ другаго? Заповѣди-то Моисея отжили свой вѣкъ, и этимъ пугаломъ современнаго человѣка не испугаешь. Хочешь

Digitized by Google

почтенія теперь, такъ требуй не въ силу родительскаго званія, а ради настоящихъ правъ на уваженіе тебя. А у моего Ѳедора Ѳедорыча какія такія имѣются? Не изъ-за того ли мнѣ его уважать что у него на третьемъ словѣ „Европа“ и очеса къ небу? А этотъ самый Европеецъ съ русскаго крѣпостнаго мужика тянулъ послѣднее, лока и всѣхъ ихъ, своихъ и матери покойницы, мужиковъ въ карты не продулъ, а сына пролетаріемъ по міру пустилъ... Не изъ того ли что онъ мнѣ чуть не съ десятилѣтняго возраста предоставилъ волю жить, думать и пробавляться съ кѣмъ, что и какъ мнѣ вздумается, потому я молъ твою свободу стѣснять не хочу,—а въ дѣйствительности потому что тунеядничать въ клубѣ интереснѣе чѣмъ надъ мальчуганомъ съ указкой сидѣть?.... А я вамъ вотъ что скажу: покойница мать моя въ дѣтствѣ выпорола меня разъ розгами за то что я старую няню кулакомъ по лицу съѣздилъ;—такъ я ее до сихъ поръ помню и *экзекуцію* ея надо мной почитаю во сто разъ *гуманнѣе* чѣмъ весь протухлый либерализмъ Ѳедора Ѳедоровича!... Онъ, изволите видѣть, даже лестное прозвище „Ламартина“ себѣ заслужилъ за то что громилъ Цицероновскими фразами предъ такими же великими Европейцами какъ онъ самъ „произволъ“ этого стараго идола, бывшаго лапу московскаго. А я ему даже не сдѣлаю чести поставить его на одну доску съ этимъ старымъ деспотомъ. Тотъ, по крайности, зналъ чего хотѣлъ и куда шелъ, а „либералы“ во вкусѣ просвѣщеннаго моего тятеньки всю жизнь свою, по истинѣ, были лишними *человѣками* и пошлыми *Гамлетами Щигровскаго уѣзда*, неспособными во всю жизнь ни на какое путное дѣло и не додумавшимися ни до одной серіозной идеи.

— А вы... додумались? промолвила Кира.

Иринархъ сверкнулъ глазами:

— Еще бы!

Онъ схватилъ лежавшую на сосѣднемъ столикѣ только что возвращенную ему княжной книжку *Современника*, быстро перелистялъ ее и отыскавъ мѣсто, принялся читать:

„Ежели наши читатели поймутъ что точно русская жизнь и русская сила вызваны на рѣшительное дѣло, и если они *почувствуютъ* (подчеркнулъ онъ) законность и важность этого дѣла.“

Кира прервала его:

Digitized by Google

— Да, я ломлю, и даже хотѣла спросить васъ: что надо понимать подъ этимъ дѣломъ?

— Ненавидѣть прежде всего! такъ и отрѣзалъ онъ.

Тонкія ноздри ея какъ бы сочувственно дрогнули.

— А потомъ? медленно протянула она.

— Уничтожать весь этотъ гнилой и гнусный строй прежней жизни, съ его угнетателями и лоцманами.

— Какими способами?

— Всѣми какіе у кого подъ руками, воскликнулъ онъ, ожигая ее глазами: — печатнымъ словомъ, живою проповѣдью, неустанною насмѣшкой, ежечаснымъ, ежеминутнымъ протестомъ противъ мертвящихъ бредней старой геогоніи, противъ мрачнаго формализма семейной жизни, безгласности и покорности... Противъ всего того,—быстро и наклоняясь къ ней проговорилъ онъ полушепотомъ,—что окружаетъ и душитъ васъ самихъ въ этомъ домѣ... Скажите, развѣ вы не изнемогаете здѣсь, не возмущаетесь понятіями, складомъ, привычками всей этой затхлой среды?....

Кира нежданно откинулась затылкомъ въ свое кресло, прижмурила вѣки и словно уронила съ губъ:

— Да, душитъ!....

Все лицо Ириарха освѣтилось плотояднымъ пламенемъ. Онъ торопливо откинулъ одною рукой прядь длинныхъ своихъ волосъ упавшую ему на лицо, схватилъ другою съ лялецъ ту же книжку *Современника*, открылъ ее:

— Слушайте, Кира Никитишна, точно про васъ и *для васъ*, подчеркнулъ онъ,—писано:

„Не бойтесь за нее: она можетъ на время или покориться повидимому или даже пойти на обманъ, какъ рѣчка можетъ скрыться подъ землею или удалиться изъ своего русла; но текущая вода не остановится и не пойдетъ назадъ и все-таки дойдетъ до своего конца, до того мѣста гдѣ можетъ слиться съ другими водами и вмѣстѣ съ ними бѣжать къ водамъ Океана“ *....

— Да, воскликнулъ онъ дочтя,—вы та же „многоводная рѣка“, какъ Катерина Островскаго, вы можете „покориться на время“, но не остановитесь на полпути! Придетъ день, и я чувствую что онъ близокъ, когда вы бодро сорвете и

* *Лучъ солнца въ темномъ царствѣ* (*Гроза* Островскаго). Добролюбовъ.

Digitized by Google

отшвырнете отъ себя послѣднія луты старой ветоши предразсудка и гордо отдадитесь новой, свободной жизни!...

— Я здѣсь не останусь, промолвила Кира быстро и рѣшительно.

Онъ потянулся къ ней всѣмъ тѣломъ.

— Вы знаете, заговорилъ онъ еле слышнымъ прерывающимся голосомъ,—что вамъ стóитъ только слово сказать.... Я вамъ все устрою. У меня такія мѣста есть.... и связи.... Никто не отыщетъ, не узнаетъ....

Она быстро выпрямилась, глянула изумленно ему въ лицо, видимо не понимая о чемъ онъ говоритъ, и безъ словъ встала и вышла изъ комнаты.

XX.

Le génie est bien beau, j'aimerais mieux l'amour,
Sij'étais jeune fille.
V. de Laprade.

Эти ли разговоры ея съ Иринархомъ и „освободительныя“ книжки которыя давалъ онъ ей читать или иные, тайно зрѣвшіе въ ней помыслы, только съ каждымъ днемъ, казалось, становилась все мрачнѣе Кира, съ каждымъ днемъ будто дѣлалось для нея тяжелѣе общеніе съ тою „средой“ въ которой жила она. Эдемъ, какимъ рисовался домъ Лукояновыхъ скучавшей у себя въ семьѣ княжнѣ Карнауховой, представлялся чуть не однимъ изъ мытарствъ ожидающихъ человѣческую душу за гробомъ обитавшей здѣсь княжнѣ Кубенской. Ее здѣсь дѣйствительно „давило“ все и вся.... То праздничное настроеніе, та неустанная сутолока что̀ неизбѣжно воцаряется въ *домѣ невѣсты* съ самого дня ломолвки и на многіе и многіе дни превращаетъ его въ какую-то Вавилонскую башню,—усиленно усердное прислуживаніе и возня слугъ, поставщики и магазинщицы шмыгающіе съ ранняго утра со своими картонами, свертками и узлами, кипы матерій развернутыхъ по столамъ и стульямъ, часовые споры о выборѣ бархата на шубу, букеты, подарки и *сюрпризы*, аханье горничныхъ, примѣриванія и раздѣванія, встрѣчи и проводы *жениха*, казенное умиленіе и приторныя улыбки,—все это раздражало ее до слезъ, до разлитія желчи.... Кира не выходила изъ своей

Digitized by Google

комнаты до обѣда; часто и къ обѣду не являлась она подъ предлогомъ головной боли или даже просто потому что ей де „ѣсть не хочется“, коротко отвѣчала она слугѣ, прибѣгавшему извѣстить ее что „господа ужь всѣ за столомъ сидятъ“. Въ первое время Сашенька или сама тетка считали долгомъ подняться въ этихъ случаяхъ къ ней послѣ обѣда на антресоли, узнать не заболѣла ли она въ самомъ дѣлѣ; но на вопросы ихъ она такъ язвительно давала разумѣть что онѣ ей докучаютъ ими что Марья Яковлевна объявила наконецъ „пусть-молъ она какъ хочетъ, такъ и дѣлаетъ“, и оставила ее уже совершенно съ этой минуты „безъ вниманія“.... Это являлось теперь новымъ поводомъ злиться нашей княжнѣ. Она чувствовала себя какъ бы покинутою, заброшенною, какъ бы „пренебреженною“ этими всѣми покупающими, счастливыми людьми.... Она, которую—давно ли?—цѣлый край носилъ на рукахъ, которая съ самаго дѣтства привыкла почти къ царственному обращенію со всѣмъ ее окружавшимъ.... Никогда еще такъ не было тяжело для нея сознаніе сиротства своего и одиночества,—сознаніе паденія съ высоты съ которой, юная орлица, рѣяла она надъ общественнымъ домомъ. Она не обманывалась на счетъ себя, она знала что холодность къ ней и отчужденность которыя она встрѣчала кругомъ были единственно *ея* дѣломъ, что стоило ей только протянуть руку чтобы привлечь всю эту боязливо отстранявшуюся теперь отъ нея родственную среду... Но она—*не могла*, уста ея не способны были отомкнуться для повинныхъ, „заискивающихъ“, даже примирительныхъ рѣчей. Она могла сознавать себя in petto виноватою, пожалуй, но она умерла бы скорѣе чѣмъ признаться въ этомъ вслухъ, чѣмъ „отступиться“, чѣмъ сдѣлать шагъ назадъ на пути по которому вели ее душевные ея инстинкты.... Да и на что ей было примиреніе, на что дружба, на что ласка этихъ людей?

„I learn'd to love dispair“ *, говоритъ Байроновскій Шильонскій узникъ. Княжна Кира привыкала любить „ненависть“, которой поучалъ ее Ириархъ Овцынъ; ей была люба и сочувственна его излюбленная проповѣдь противъ „гнилаго строя“ того *общества* въ которомъ не предоставлялось ей исключительнаго главенства, она „презирала“ и почитала подлежащимъ разрушенію все то надъ чѣмъ властвовать не могла....

* Я научился любить отчаяніе.

Digitized by Google

Болѣе всѣхъ другихъ, быть-можетъ, возбуждалъ въ ней враждебное чувство Троекуровъ,—она никогда не говорила съ нимъ, старалась не глядѣть на него, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе могла она найти внутри себя поводовъ *презирать* его. Онъ былъ уменъ—что она прежде всего цѣнила въ людяхъ. Онъ былъ гордъ и независимъ, съ тою къ тому же особенною чертой присутствія „синей крови“, надъ которою глумился Ириархъ и которая именно, въ глазахъ ея, опредѣляла степень превосходства его надъ Ириархомъ. Онъ „пожилъ“, по выраженію ея отца, то-есть многое видѣлъ, испыталъ, чувствовалъ, способенъ былъ опредѣлить, взвѣсить и оцѣнить все это видѣнное имъ и испытанное.... И этотъ „пожившій“, независимый, умный и снова богатый человѣкъ.... къ чьимъ ногамъ несетъ онъ все это? Что нашелъ онъ въ простой дюжинной дѣвочкѣ какова эта Сашенька, смиренной и равнодушной ко всему что не ея гнѣздо, не ея „курятникъ“—да, Ириархъ правъ! для которой „нѣтъ лучше компаніи какъ какая-нибудь ханжа Лизавета Ивановна“, нѣтъ иного чтенія какъ „какой-нибудь Путкинъ или глупѣйшій *Heir of Redcliffe* *, надъ которымъ проплакала она два вечера сряду?...“ Неужели красотою ея увлекся онъ? Но, волервыхъ, „красивы у нея только волосы и глаза, да и то глаза ничего не выражаютъ, а цвѣтъ волосъ просто черный, какъ у всѣхъ, а лицо слишкомъ безжизненно и она очень скоро разжирѣетъ.“ А вовторыхъ, „развѣ онъ никогда не встрѣчалъ красивыхъ женщинъ лучше Саши, не могъ выбрать себѣ другой.... болѣе подходящей къ себѣ?“ разсуждала Кира.... „Что же послѣ этого“, мысленно говорила она въ заключеніе съ желчною усмѣшкой,“ что же это за *герои*, за *лучшіе* этого общества, къ чему служатъ имъ умъ, чего добиваются и чѣмъ удовлетворяются они въ жизни? Противны они какъ и весь тотъ milieu изъ котораго вышли!...“

А то самое простое и смиренное что возбуждало въ Кирѣ такое высокомѣрное отношеніе къ ея кузинѣ исполняло Троекурова какимъ-то цѣлебнымъ, умиряющимъ чувствомъ. Острое ощущеніе недовѣрія и пренебреженія къ людямъ вынесенное имъ изъ недочетовъ и ошибокъ своего прошлаго таяло какъ снѣгъ весеннимъ первовременіемъ подъ тепломъ той, неиспытанной имъ до сихъ поръ, чистой, глубокой, „безкорыстной“

* Романъ весьма нравственнаго содержанія, соч. миссъ Йонгъ.

Digitized by Google

женской привязанности, о которой говорилъ онъ Сашенькѣ въ вагонѣ по пути изъ Петербурга. Долголѣтній „скиталецъ по міровой пустынѣ“, онъ дорожилъ именно тѣмъ *запахомъ* „гнѣзда“, тою благоухающею *домовитостью* которыми исполнена была она. Разочарованный давно честолюбецъ, ему самому ничего иного не хотѣлось какъ уложить будущую жизнь свою въ рамки тѣхъ скромныхъ горизонтовъ далѣе которыхъ не заходили ея дѣвическія мечты. „Довольно эпоса и драмы“, готовъ онъ былъ сказать „ich auch war in Arcadia geboren“. я тоже идиллію хочу...! Сидя съ нею по часамъ вдвоемъ въ будуарѣ Марьи Яковлевны, уступленномъ какъ бы имъ теперь въ исключительное владѣніе, ему часто вспоминалась одна, прочтенная имъ въ ранней молодости, французская книга. Это была трогательная и милая исторія одного заключеннаго и полеваго цвѣтка, Богъ знаетъ какъ занесеннаго въ зернѣ и разцвѣтшаго въ щели его рѣшетчаго окна и на которомъ мало по малу сосредоточиваются всѣ заботы, всѣ интересы и упованія жизни бѣднаго узника *. Онъ, Троекуровъ, точно также теперь лелѣялъ и холилъ раслускавшійся предъ нимъ драгоцѣнный цвѣтъ молодой души, жадно любуясь каждымъ новымъ раскидывавшимся лепесткомъ его. каждымъ оттѣнкомъ его нѣжныхъ не поддающихся взгляду каждаго красокъ. Для него, для него одного раслускался онъ и благоухалъ; онъ одинъ, сказывалось ему, былъ въ состояніи понять всю его тихо проникавшую прелесть.... „Мнѣ кажется иногда что я совсѣмъ не жила до сихъ поръ“, сказала ему однажды Сашенька, нежданнымъ движеніемъ схватываясь въ восторгѣ за голову: „точно какой-то ангелъ принесъ меня откуда-то изъ темноты, поставилъ сюда и сказалъ: вотъ оно что!“ „*Вотъ оно что!*“ повторилъ онъ—и лучше, выше и умнѣе этихъ словъ, показалось ему, не изобрѣталъ человѣческій языкъ....

Свадьба ихъ назначена была послѣ Пасхи, на *Красную Горку*, по извѣстному московскому обычаю. Къ этому времени Троекуровъ долженъ былъ быть окончательно введенъ во владѣніе наслѣдствомъ Остроженковъ, о чемъ усиленно хлопоталъ вліятельный въ Москвѣ чиновникъ Успенскій, большой пріятель и повѣренный покойнаго Акима Ивановича, человѣкъ честный и хорошій, которому Борисъ Васильевичъ и

* *Piccola* par Saintine.

Digitized by Google

ввѣрилъ всѣ свои интересы. Послѣ вѣнчанія *молодые* должны были сѣсть въ карету и ѣхать въ отстоявшее на сто съ чѣмъ-то верстъ отъ Москвы село Всесвятское, великорусское имѣніе покойнаго, въ которомъ онъ года за два до смерти началъ постройкою новый каменный, нынѣ только что оконченный одноэтажный домъ; въ немъ никто еще не жилъ и комнаты стояли пусты, такъ какъ смерть унесла его владѣльца прежде чѣмъ успѣлъ онъ сдѣлать распоряженіе о его омеблированіи. Троекуровъ предпочелъ *основаться* (предположенія жить когда-нибудь въ городѣ у нихъ съ Сашенькой и вовсе не было) въ этомъ имѣніи, а не въ старомъ малорусскомъ Остроженковскомъ гнѣздѣ на берегахъ Сулы, съ его строеннымъ по планамъ Растрелли въ Екатерининскія времена „дворцомъ“, — предпочелъ нестолько ради близости къ столичнымъ центрамъ, сколько въ виду тѣхъ тяжелыхъ ощущеній которыя могли ожидать его среди той дорогой ему, но соединенной съ такими враждебными по отношенію его воспоминаніями старины. „Тамъ тѣни ненавидѣвшихъ меня съ матерью мѣшали бы намъ, кажется, не только спать, но и обѣдать“, говорилъ онъ съ невеселою усмѣшкой Сашенькѣ, въ воображеніи которой рисовалось такъ заманчиво синее небо Украйны, какимъ знала она его по *Майской Ночи* Гоголя, да по стихамъ „какого-то“ Шевченки, которые приносилъ ей какъ-то Моховъ и которые ей такъ понравились что она ихъ выучила наизусть и читала съ презабавнымъ акцентомъ:

Садокъ вышнѣвій коло хаты
. . . . . .
. . . . . .
Дочка вечѣрять подаé,
А маты хоче научаты,
Да соловейко не даé.

„Да соловейко не дае,“ какая прелесть! повторяла она декламируя ихъ съ загоравшимися глазами пріятельницѣ своей Лизаветѣ Ивановнѣ...

„Но съ *нимъ* не все ли равно гдѣ жить, съ *нимъ* вездѣ рай, вездѣ блаженство!“ говорила она себѣ теперь. *Онъ* принесъ ей планъ этого нововыстроеннаго дома въ *русскомъ* имѣніи въ которомъ поселятся они и указалъ ей между прочимъ на чертежѣ большой крытой террасы выходившей въ садъ. Садъ огромный, старинный, вѣтвистый, съ глубокою и свѣтлою рѣчкой по самой серединѣ его, узнала она отъ бывавшаго тамъ

Digitized by Google

Успенскаго.... *И тамъ* будетъ лѣть „соловейко“, „лѣть именно тогда когда мы туда пріѣдемъ въ концѣ апрѣля, и все въ зелени, и по небу ходятъ тѣ веселыя бѣленькія тучки что я такъ люблю, а вечеромъ изъ-за большой, большой липы выглядываютъ золотые рожки мѣсяца, и мы съ нимъ тутъ одни. Царица Небесная, чѣмъ заслужила я себѣ такое счастіе!“ прерывала себя дѣвушка, закрывая обѣими руками омоченные непереносимою полнотой этого счастія глаза свои.

О будущемъ обиталищѣ своемъ говорили они каждый день. Домъ оказывался по плану если не весьма обширнымъ по числу комнатъ, то весьма удобнымъ по размѣрамъ и расположенію ихъ; къ тому же съ обѣихъ сторонъ его выстроено было по лавильйону „для гостей“, небольшія зданія комнаты въ четыре каждое съ балкономъ выходящимъ въ садъ какъ и терраса дома... Троекурову было досадно лишь то что все это съ иголочки.

— Выписать еще мебель отъ Тура или Galepin *, говорилъ онъ насмѣшливо однажды за обѣдомъ по этому поводу,—и у насъ будетъ такъ же *модно* какъ въ любой Петербургской чиновнической квартирѣ.

— Ахъ, батюшка, вскликнула на это Марья Яковлевна,—не любите новаго и роднаго, можете хоть на три дома старья изъ Покровскихъ-то хоромъ Акима Иваныча перевезти велѣть. Вѣдь биткомъ тамъ этимъ набито!

— Нѣтъ, сказалъ слегка поморщившись онъ,—изъ этого дома я стула не возьму.... и не войду въ него никогда, домолвилъ онъ какъ бы нехотя.

— Внаймы отдадите съ мебелью?

— И внаймы не отдамъ.

— Продадите?

Онъ повелъ отрицательно головой.

Марья Яковлевна покосилась на него: „Мудренекъ-таки мой будущій зять“, пронеслось у нея въ мысли.

— Такъ онъ у васъ впустѣ и стоять будетъ?

— Такъ и стоять.

— До втораго пришествія? засмѣялась она.

Онъ усмѣхнулся тоже.

— До втораго поколѣнія, пожалуй. Тому будетъ все равно.

Марья Яковлевна пожала недоумѣло плечами: она не поняла.

---

* Мебельные магазины въ Петербургѣ.

Digitized by Google

Но Сашенька отгадала чутьемъ то деликатное и двойственное чувство которое сказывалось въ его словахъ и незамѣтно подъ салфеткой (она сидѣла рядомъ съ нимъ) ложала ему руку.

Поняла и Кира, сидѣвшая напротивъ его. Ея зеленые русалочьи глаза остановились на Троекуровѣ со страннымъ выраженіемъ: „Такъ вотъ ты какой еще!“ словно говорили они.

Онъ замѣтилъ это и въ свою очередь вопросительно взглянулъ на нее.

Лицо ея тотчасъ же измѣнилось, ноздри дрогнули....

— У Сухаревой Башни, говорятъ, иронически проговорила она, — сколько угодно можно купить подержаннаго, цѣлыя ameublements; и старо и дешево....

— Про дешевизну никто не говоритъ! отрѣзала вдругъ обиженнымъ тономъ Марья Яковлевна (желчь давно копившаяся у нея противъ племянницы то и дѣло теперь прорывалась наружу).

Александра Павловна обернулась испуганно на нее. Троекуровъ поспѣшилъ предупредить *сцену*.

— Вы даете мнѣ блестящую мысль, княжна; какъ я самъ объ этомъ не подумалъ! Завтра же отправлюсь туда....

— Ахъ Боже мой, какая у меня голова! воскликнула вдругъ его невѣста:—мнѣ Лизавета Ивановна говорила, тутъ одинъ цѣлый домъ прекрасной мебели продается и все старинная.

— Гдѣ?

— Не знаю. У нея есть одна женщина съ которою она познакомилась въ церкви, такъ она ей сказала. Послѣ одного умершаго господина А.... Акулина, да, по фамиліи.

— Акулина! Марья Яковлевна такъ и привскочила:—Да это отецъ этой хорошенькой Ранцевой. То-то она и не пріѣхала даже поздравить, я очень удивлялась....

— Она въ Петербургѣ, сказалъ Троекуровъ.

— Почемъ вы знаете?

— Мнѣ говорилъ какъ-то Фифинька Веретеньевъ.

— И давно уѣхала?

— Право не знаю, равнодушно промолвилъ онъ.—А если въ самомъ дѣлѣ старинныя вещи, надо будетъ съѣздить, сказалъ онъ тихо Сашенькѣ;—хотите вмѣстѣ? Я выпрошу у maman.

Она быстро закивала головой, вся розовая отъ радости....

Digitized by Google

XXI.

Drum prüfe wer sich ewig bindet
Ob sich das Herz zum Herzen findet.
Schiller.

Марья Яковлевна, само собою, не рѣшилась отказать въ просьбѣ внушавшему ей *решпекть* смѣшанный съ нѣкотораго рода страхомъ зятю, хотя и почитала далеко несогласнымъ съ конвенансами „отпускать съ нимъ дочь одну до свадьбы“,—не рѣшилась предложить ему ѣхать сама съ ними. Но въ виду все тѣхъ же конвенансовъ она потребовала чтобы съ ними поѣхала Лизавета Ивановна: она, молъ, „какъ знаетъ куда ѣхать, пусть васъ туда и привезетъ.“

Троекуровъ ни словомъ не возразилъ противъ этого, но въ день и часъ назначенные для поѣздки во дворъ Лукояновскаго дома въѣхали двое саней: однѣ—просторныя, парой, другія—обыкновенная одиночка.

— Такъ вы не всѣ вмѣстѣ ѣдете? воскликнула глядѣвшая въ окно и тотчасъ же сообразившая „хитрость“ хозяйка.

— Троимъ вѣдь не усѣсться въ однѣхъ саняхъ, объяснилъ преспокойно Троекуровъ.

— Ловокъ, батюшка, ловокъ! засмѣялась только она, махнувъ рукою.

„Вотъ и увезъ!“ говорилъ весело женихъ, спускаясь по лѣстницѣ объ руку съ едва чувствовавшею у себя землю подъ ногами невѣстой.

Онъ усадилъ ее въ парныя сани, сѣлъ рядомъ съ нею. Маленькая особа тронулась за ними на одиночкѣ...

Они поѣхали бульварами. Стояла уже половина марта, но вьюгою за два дня предъ тѣмъ нанесено было опять снѣгу на оттаявшія было улицы; морозецъ прихватилъ и угладилъ ихъ снова набѣло. „Вторая перволутка пошла“, говорили радостно посмѣиваясь извощики... Добрыя лошади помчали съ мѣста...

Холодно чуть-чуть, ровно настолько чтобы живѣе заиграла молодая кровь подъ кожею и заалѣло нѣжное лицо, а солнце уже пламенѣетъ на безоблачномъ небѣ, и въ воздухѣ несутся ласкающія струи, предвѣстники близкаго тепла....

Digitized by Google

— Благодать-то Господня на человѣковъ отъ вѣка нерушимая! шепчетъ выѣзжая на улицу маленькая Лизавета Ивановна первыя попавшіяся ей на языкъ слова „отъ Писанія“, подъ вліяніемъ объемлющаго и ее радостнаго возбужденія.

Сашенька не въ состояніи говорить; въ ней, по выраженію поэта, говорили „развѣ только сердце да рука“

Что чужая въ ней пылаетъ и дрожитъ,
Что и ей отъ этой дрожи горячо,
Что къ плечу невольно клонится плечо...“ *

Она только чувствовала какъ сквозь опущенную вуаль пріятно ожигалъ ее разсѣкаемый быстрою ѣздой морозный воздухъ, какъ въ большую муфту ея пробиралась эта рука любимаго человѣка и мягко и нѣжно сжимаетъ ея пальцы,— чувствовала что солнце свѣтитъ надъ ними, что она мчится съ нимъ куда-то въ блаженную даль, и что всему этому ея счастію не предвидится конца....

Ее пробудилъ голосъ Троекурова:

— Погоди, говорилъ онъ притрогиваясь къ плечу ихъ возницы,—одиночка отстала....

Они пріостановились на минуту на углу Тверскихъ Воротъ.

— Здравствуйте, куда это вы? крикнулъ кто-то проѣзжавшій мимо.

Это былъ Аганинъ. Онъ выскочилъ изъ своихъ саней и подбѣжалъ къ нимъ:

— Александра Павловна! Съ женихомъ вдвоемъ? Браво, вотъ это я люблю!

— Втроемъ! поправилъ, слегка нахмурившись, Троекуровъ;— вотъ за нами porte respect ѣдетъ! кивнулъ онъ на нагонявшую ихъ Елизавету Ивановну.

Сашенька разсмѣялась какъ ребенокъ, такъ забавнымъ показалось ей что ея маленькая, робкая пріятельница могла служить кому-либо „porte respect“.

А та, подъѣхавъ, такъ и завздыхала:

— Мать Пресвятая Богородица, отродясь еще никогда такого страха не имѣла! Того гляди, думаю, вывернетъ да о тумбу... Всѣ молитвы какія знала перечла, повѣрьте слову!...

Извощикъ ея только посмѣивался и моталъ головой.

---

* Фетъ.

Digitized by Google

— Развѣ не прелесть такъ летѣть! крикнула ей оборачиваясь Александра Павловна.

— Да куда это вы „летите"? спросилъ опять Ашанинъ, любуясь ея прелестнымъ въ своемъ оживленіи лицомъ.

— Старую мебель въ деревню покупать, прошептала она съ шутливою таинственностью.

— У Сухаревой Башни?

Троекуровъ лукаво покосился на него:

— Въ домѣ умершаго отца извѣстной вамъ особы, спутницы нашей изъ Петербурга, Ольги Елпидифоровны Рацевой... Не хотите ли съ нами?

— Да развѣ она въ Москвѣ? воскликнулъ Донъ-Жуанъ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ не нужно было бы приглашать васъ, сами вы, полагаю, давно бы тамъ были, возразилъ смѣясь Кавказецъ;—нѣтъ, она уѣхала...

— Съ мужемъ?

— Должно-быть... Нѣтъ, онъ вернулся въ деревню, говорили мнѣ, вспомнилъ Троекуровъ.

— Поѣдемте съ нами, Владиміръ Петровичъ, прибавила Сашенька:—садитесь съ Лизаветой Ивановной, ей не такъ страшно будетъ!..

Ашанинъ, ѣхавшій по очень важному для него дѣлу—переписать векселя у одного ростовщика едва склонившагося на это послѣ трехъ дней всякихъ увѣщеваній его и просьбъ,—но ни разу еще въ жизни не умѣвшій отказаться отъ встрѣчавшагося ему на пути соблазна, или даже просто разсѣянія, послушно наклонилъ голову, отпустилъ своего извощика, и вскочилъ въ сани къ маленькой особѣ.

— Вѣдь я васъ обниму, Лизавета Ивановна, для бо́льшей безопасности, объявилъ онъ ей тутъ же.

— А что́ же, обнимайте, голубчикъ, невинно отвѣтила она,—и точно что безопаснѣе...

— И прижму къ себѣ.

— Значитъ, вывалиться чтобъ ломчче было, засмѣялась она на это.

Выѣхавъ на Садовую, сани ломчались опять... Рука Троекурова очутилась опять въ муфтѣ блаженствовавшей Сашеньки. Ашанинъ, какъ сказалъ, обнялъ свою спутницу и прижалъ къ себѣ,—даже гораздо ближе и крѣпче чѣмъ этого требовала безопасность.

Digitized by Google

— Со вкусомъ былъ человѣкъ Елпидифоръ Павлычъ покойный, проговорилъ онъ вполголоса. — Я его зналъ.

— Знали-съ? протянула она, печально вскидывая на него свои прекрасные глаза;— да-съ, любитель были! добавила она со вздохомъ.

— Еще бы! Не даромъ отыскалъ такую красавицу; прошелталъ Донъ-Жуанъ уже совсѣмъ ей на ухо.

Она мигомъ отшатнулась отъ него, не то испуганно, не то надменно обмѣрила его взглядомъ, и молча прошла въ гостиную.

Ашанинъ нѣсколько смущенно закусилъ губу.

— Не обижайте, голубчикъ, не обижайте! тихо заговорила вдругъ подлѣ него слѣдившая за ними маленькая Лизавета Ивановна тревожнымъ чуть не плачущимъ голосомъ,—никого у нея на свѣтѣ нѣтъ у бѣдной... Вы бы лучше, анделъ мой, помочь ей сдѣлали, на мѣсто ее опредѣлить...Она въ монастырь желаніе имѣетъ, только я не совѣтую. Сама была, знаю, въ келіи-то, можетъ, соблазну еще болѣ нечѣмъ на міру...

— Сдѣлайте милость, засмѣялся неисправимый шалунъ,— предложите ей ко мнѣ поступить, я съ удовольствіемъ ей мѣсто предоставлю.

Лизавета Ивановна съ болѣзненно передернувшимся лицомъ закачала головой.

— Ахъ, не хорошо, голубчикъ, не хорошо! сами божественное любите, а что на умѣ держите! Душа спасенія проситъ, а вы на пагубу.... Если въ шутку, такъ все не хорошо, анделъ мой, грѣхъ!...

Ему стало совѣстно.

— Ну, полно голосить, святая душа, полно! само собою, я пошутилъ... А вы мнѣ скажите, вотъ, откуда вы ее знаете, красавицу эту?

— Откуда, голубчикъ, повторила она,—извѣстно, въ церкви встрѣчалась. Въ Андроньевскомъ монастырѣ заупокойную обѣдню въ девятый день по этомъ самомъ помершемъ хозяинѣ дома здѣшняго служили. А я тутъ случаемъ зашла. И никого, почитай, нѣту, окромя вотъ этой самой женщины. И плачетъ она заливается, ажно больно мнѣ стало. По комъ плачете, милая? подошла, спрашиваю:—отецъ или мужъ вамъ былъ?—Нѣтъ, говоритъ, благодѣтеля лишилась... Ну и пошли мы съ нею опосля того на могилку къ нему, помолились

Digitized by Google

и изъ монастыря ушли вмѣстѣ. Она мнѣ всю исторію про мебель и прочее тутъ и разказала.

— Ну послушайте, скептически молвилъ на это красавецъ,— благодѣтеля-то ея я зналъ, и навѣрное скажу вамъ что была она у него, ужь конечно, не за дочь.

— Такъ что же, анделъ мой? невозмутимо молвила на это маленькая особа:—тѣмъ паче, значитъ, за него молиться, а ей себя смирять всячески должно!..

„Блаженни чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ", пронеслось въ головѣ Ашанина. Онъ провелъ рукой по лицу и медленно двинулся на голоса Сашеньки и Троекурова, отыскавшаго среди картинъ въ бывшей спальной Елпидифора Павловича портретъ madame de Sévigné, писанный несомнѣнно Миньяромъ, утверждалъ онъ.

Онъ былъ страстный любитель и, въ извѣстной мѣрѣ, знатокъ искусства, воспитанный на немъ, такъ-сказать, съ дѣтства въ домѣ отца, всю жизнь свою собиравшаго картины и мраморы, которые затѣмъ *спущены* были Борисомъ Васильевичемъ въ лору его Sturm und Drang-Periode. Онъ съ глубокимъ наслажденіемъ любовался теперь художественнымъ подборомъ предметовъ которые представлялись ему здѣсь и которые такъ мало чаялъ онъ найти въ обиталищѣ „какого-то частнаго пристава".

Онъ взялъ вошедшаго Ашанина подъ руку и отвелъ его нѣсколько въ сторону, стѣсняясь присутствіемъ Анфисы:

— Какъ все это пріобрѣтено,—понятно, сказалъ онъ,—но выборъ самый замѣчателенъ и показываетъ въ человѣкѣ рѣдкое чутье прекраснаго... Знали вы его?

— Зналъ, и очень одно время. Игралъ съ нимъ въ *Гамлетѣ*. Лучшаго Полонія я и не видѣлъ... А былъ онъ отставной, промотавшійся кавалеристъ, исправникомъ потомъ служилъ, переведенъ приставомъ въ Городскую часть нашимъ почтеннымъ *графомъ*. Вотъ и вся его біографія. Халалъ онъ, извѣстно, по преданію, гдѣ и какъ могъ,—а художникъ былъ въ душѣ, стихи бывало говоритъ, плачетъ, искренно плачетъ... Вотъ вы и лодите, разберите русскаго человѣка, заключилъ смѣясь Ашанинъ.

— Да, проговорилъ задумавшись Троекуровъ, — мудреная штука этотъ русскій человѣкъ. Безъ подготовки, безъ культуры, вѣчно напіемъ какимъ-то...

Digitized by Google

— И вѣчно прахомъ все и кончается, замѣтьте. Ни къ чему и ни для кого, промолвилъ красавецъ;—хоть бы теперь: отецъ все собиралъ, а дочь, не успѣлъ онъ глаза закрыть, не надо мнѣ-молъ, прочь возьми все!!...

— Самая любимая картина у покойнаго—эта вотъ и была! говорила тѣмъ временемъ Анфиса Сашенькѣ, указывая на портретъ обратившій на себя вниманіе ея жениха.—Ольга Еллидифоровна за себя ее оставили.

— Да, молвилъ досадливо, подходя къ нимъ Троекуровъ,— о madame de Sévigné она слышала (его уже разбирала художественная жадность).... А скажите мнѣ, сударыня, есть тутъ опись вещамъ и цѣна имъ? И какъ желаютъ продать, знаете вы: гуртомъ все, или въ розницу, съ аукціона?

— Этого навѣрное я сказать вамъ не могу-съ, молвила Анфиса,—потому какъ у Ольги Еллидифоровны довѣренный есть, такъ ему поручено. А что конечно имъ лучше еслибы кто гуртомъ взялъ, такъ какъ онѣ оченно даже желаютъ скорѣе и домъ продать, и даже покупщикъ уже на него есть... А опись тутъ имѣется и цѣны всѣ означены...

Она потянула къ себѣ ящикъ одного изъ столовъ, вынула изъ него листы и подала ему. Онъ опустился на стулъ и принялся пробѣгать ихъ.

— Вамъ, я думаю, жаль что этотъ домъ продается? обратилась Александра Павловна къ сивеокой женщинѣ, которая все болѣе привлекала ее сдержанными пріемами своими, и „порядочностью“.

— Видно, надо такъ, съ горечью молвила та,—чтобы гнѣздо разорить... И тутъ же, какъ бы слохватившись, промолвила смиренно и вздохнувъ:—а впрочемъ, извѣстно, воля ихняя!..

Сашенька помолчала и спросила потомъ:

— Что же вы думаете дѣлать теперь?

— А сама не знаю, барышня, какъ Богъ дастъ!

— Рукодѣлье знаете какое-нибудь?

— Шить, извѣстно... Крою, промолвила она.

— И платья можете, и бѣлье?

— Покойному сорочки всегда сама кроила. Одобряли.

— Вотъ что, милая, быстро проговорила Александра Павловна:—у насъ теперь много кройки, шитья по случаю моего... приданаго. Такъ приходите къ намъ работать, я очень рада буду... А на счетъ цѣны, какъ вы тамъ положите съ Лизаветой Ивановной... Хотите?

Digitized by Google

Анфиса подумала, и поклонилась затѣмъ въ поясъ.

— Покорнѣйше васъ благодарю, извольте-съ... И то отъ тоски сердце сосетъ, сидя-то день-деньской руки поклавши.

— Pour rien! прервалъ этотъ разговоръ невольный возгласъ Троекурова, дочитавшаго опять до конца.

Невѣста подошла къ нему.

— Эта сумасшедшая женщина и ея совѣтчики, продолжалъ онъ по-французски,—не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о цѣнности всего что тутъ есть. Покойный владѣлецъ обозначилъ своею рукой ту, видимо, цѣну за какую самъ онъ пріобрѣталъ вещи, а пріобрѣталъ онъ ихъ очевидно задаромъ, случаемъ. Они же на все это накинули 50 процентовъ, почитая это совершенно достаточнымъ... Я ни одного гвоздя отсюда изъ рукъ не выпущу, воскликнулъ онъ со мгновеннымъ возбужденіемъ,—но пріобрѣсти все это за такую цѣну просто воровство!

Онъ обернулся къ Анфисѣ:

— Кто же повѣренный тутъ у Ольги Елпидифоровны?

Она назвала.

— Можете ли вы дать ему знать что вотъ такой-то (онъ вынулъ карточку свою изъ бумажника и протянулъ ей) желаетъ купить *все* что назначено ею въ продажу, а потому проситъ его зайти къ нему—я живу въ гостиницѣ Шевріе—для переговоровъ?

— Могу-съ. Сегодня же даже исполню.

— Благодарю васъ! А Ольгѣ Елпидифоровѣ я самъ буду писать.

— Слушаю-съ....

Компанія поднялась затѣмъ, и пройдя еще разъ черезъ всѣ комнаты дома, направилась въ переднюю.

— Вы къ намъ обѣдать, Владиміръ Петровичъ? сказала Сашенька.

Онъ наклонился въ знакъ согласія,—и тутъ же вскрикнулъ:

— Ахъ, Боже мой, а Зильберманъ?

— Кто это такой?

— Ростовщикъ у котораго я долженъ былъ быть въ два часа.

— А теперь пятаго четверть, разсмѣялся Троекуровъ.

Аванинъ раздумчиво покачалъ головой,—и махнулъ въ заключеніе рукой.

— Ну, такъ, значитъ, и самъ Богъ не велѣлъ!..

Digitized by Google

Они разсѣлись по санямъ въ прежнемъ порядкѣ.

— Только я ужъ васъ теперь обнимать не буду, Лизавета Ивановна, объявилъ онъ своей спутницѣ, цѣловавшейся на прощанье съ Анфисой, и кидая на эту пламенный и, мы должны сознаться въ этомъ, весьма сурово встрѣченный ею взглядъ.

— И не нужно, голубчикъ, отвѣтила ему маленькая особа,— сама придержусь за рукавчикъ вашъ какъ если на ухабѣ...

— Вы будете писать... сами? едва выѣхали они на улицу молвила тихо и какъ бы смущенно Сашенька жениху своему.

— Кому это?.. Ахъ, да, Ранцевой? Непремѣнно! Я хочу поскорѣе кончить... Лучше fond d'ameublement представить себѣ нельзя, не говоря уже о предметахъ художественныхъ...

Она молчала.

Онъ поглядѣлъ на нее нѣсколько удивленно.

— Развѣ вамъ непремѣнно нужно писать самому къ ней? повторила она наконецъ: — вѣдь къ вамъ придетъ ея повѣренный?..

— Повѣренный этотъ можетъ-быть мошенникъ... началъ было Троекуровъ, но оборвалъ на половинѣ фразы, взглянулъ на нее еще разъ, и усмѣхнулся. — А вы имѣете что-нибудь противъ, Сашенька? протянулъ онъ, называя ее уменьшительнымъ которое никогда не употреблялъ при другихъ.

Она опять задержала отвѣтъ, видимо озабоченная какъ выразить его... И вдругъ онъ нежданно такъ и сорвался съ ея губъ:

— Борисъ, видите, я увѣрена что вы были влюблены въ нее!

— Изъ чего же это заключеніе? засмѣялся онъ.

— Я не знаю... И ничего, и все... Когда я васъ увидѣла въ ея ложѣ въ Петербургѣ и она васъ спросила—я слышала! — почему вы не пріѣхали къ ней обѣдать, и когда она васъ увидѣла на станціи желѣзной дороги, и какіе у нея глаза когда она говоритъ съ вами... Ну, положимъ, — Борисъ, милый, признайтесь! прервала она себя подымая на него умоляющій взглядъ,—положимъ что вы—нѣтъ, но она? Поклянитесь что она никогда васъ не любила... aimé d'amour! прибавила она для большаго поясненія.

Троекуровъ спокойно, почти строго, обернулся къ ней лицомъ:

— Совершенно безполезно! сказалъ онъ.

— Почему? вскрикнула она.

Digitized by Google

— Прежде всего, потому что это до васъ не касается.

— Какъ не касается! лукаво возразила Сашенька:—вы мой будущій мужъ!

— Именно по этой причинѣ! (Онъ не могъ не улыбнуться ея неожиданному „азарту“.) Вы должны знать, если только вы меня уважаете, что дѣлаясь вашимъ мужемъ я съ этой минуты отдаю вамъ всего себя, и отрубаю какъ топоромъ наше начинающееся общее съ вами будущее отъ моего личнаго, *безъ васъ*, прошедшаго. Какое же вамъ дѣло до него, до того времени когда васъ для меня *не было?* Допытываясь узнать что и какъ происходило тогда, не ставите ли вы меня въ непріятное положеніе быть однимъ изъ трехъ: или хвастуномъ, или бездѣльникомъ выдающимъ не одному ему принадлежащія тайны, или, наконецъ, лжецомъ по отношенію къ вамъ?...

Дѣвушка внимательно, сжавъ брови, прислушивалась къ этимъ словамъ.

„Онъ правъ, онъ благороденъ какъ всегда“, думала она, — „но мнѣ такъ хотѣлось бы знать“....

— Ну, хорошо, молвила она вслухъ послѣ новаго молчанія,—я согласна что мнѣ этого не нужно спрашивать... Ну, а потомъ, когда мы будемъ mari et femme, я буду имѣть право требовать отъ васъ чтобы вы никого кромѣ меня не любили... Никакой женщины, то-есть?

— Полное! воскликнулъ онъ, глядя на нее съ восхищеніемъ.

— Смотрите же, Борисъ, помните! проговорила она вдругъ, понижая голосъ до шепота:—*я не прощу обмана!*

Онъ былъ пораженъ звукомъ этихъ словъ, выраженіемъ ея лица. Обычная этому лицу строгость линій приняла теперь какъ бы рѣшительность и холодность мрамора; глаза недвижно глядѣли впередъ.

Онъ хотѣлъ что-то сказать, возразить шуткой... и не нашелъ ея... Онъ только наклонился, и спросилъ усмѣхаясь:

— А теперь что-же, милая, „летѣть“?

— Ахъ, пожалуйста!..

Она встрепенулась вся, и съ загорѣвшимися вновь, возбужденными счастіемъ глазами прошептала чуть слышно у его уха:

— На край свѣта, вмѣстѣ... и всегда. Такъ Борисъ?

— Трогай! крикнулъ Троекуровъ.

Лошади ломчались, сверкая стальною гладью копытъ по матовому серебру снѣга....

Digitized by Google

XXII.

Fair is foul, and foul is fair.
Shakesp. *Macbeth.*

Троекуровъ въ тотъ же день написалъ въ Петербургъ къ госпожѣ Ранцевой, и дня черезъ три получилъ отъ нея отвѣтъ, который и не преминулъ тутъ же показать своей невѣстѣ. На *дѣловое* его посланіе она отвѣчала такимъ же дѣловымъ письмомъ, начинавшимся съ „Mon cher monsieur Troékourof“ и кончавшимся „Recevez l'assurance de mes meilleurs sentiments“, — въ которомъ она благодарила его за его „manière toute chevaleresque de traiter les choses“ и выражала полное удовольствіе что именно ему можетъ уступить (céder) доставшуюся ей по наслѣдству движимость. Купецъ покупающій ея московскій домъ желалъ бы пріобрѣсти его со всѣмъ въ немъ находящимся и даетъ за все это купно 25 тысячъ рублей; но такъ какъ онъ, само собою, ничего не разумѣетъ „en fait d'art“, то она ему и продастъ „одѣ стѣны“, остальное же предлагаетъ съ радостью Троекурову. Относительно его „scrupules de conscience“ по поводу слишкомъ, по его мнѣнію, низкой оцѣнки предметовъ, она спѣшитъ его предварить что „pour lui faire plaisir“ она готова накинуть еще на нихъ три тысячи (общій итогъ въ описи былъ выведенъ въ пять тысячъ), и „pas un sou de plus“, такъ какъ она „все лучшее оставила за собою“ (Троекуровъ ложалъ насмѣшливо плечомъ дойдя до этого мѣста), съ остальнымъ же не знала бы что̀ дѣлать. Пришлось бы перевозить вещи въ Петербургъ, искать для нихъ помѣщенія и рисковать въ концѣ концовъ не найти на нихъ покупщиковъ даже и за уменьшенную цѣну, такъ какъ увѣряла она „il y a ici une panique d'argent générale en vue de l'émancipation prochaine“....

— Мнѣ кажется, весело молвилъ Троекуровъ дочтя письмо,— что я затѣмъ могу не смущаясь купить все это. Она ничего не понимаетъ и дѣйствительно спустила бы это сама въ Петербургѣ уже совсѣмъ задаромъ. Я говорилъ съ ея повѣреннымъ; вещи можно будетъ отправить сейчасъ же во Всесвятское. Я немедленно распоряжусь.... Но мнѣ надо будетъ самому туда съѣздить на день, на два, чтобы посмотрѣть, со-

Digitized by Google

образить и устроить нашъ home нѣсколько комфортабельно къ нашему пріѣзду.

Сашенька вся побѣднѣла даже услышавъ это.

— Вы уѣдете.... на два дня! могла только проговорить она.

— Даже и на три, если будетъ нужно, отвѣчалъ онъ смѣясь.— Я не хочу чтобы вы нашли тамъ казарму....

Онъ быстро повелъ дѣло. Деньгами онъ не стѣснялся, такъ какъ, до окончательнаго ввода его во владѣніе, Успенскій ссудилъ его довольно значительною суммой,—разчитался тутъ же за Акулинскую движимость съ повѣреннымъ Ольги Елпидифоровны и немедленно велѣлъ отправлять ее въ имѣніе. Ближайшій надзоръ за этимъ поручилъ онъ Анфисѣ, все еще остававшейся добровольно при домѣ, за болѣзнью приставленнаго къ нему Ранцевымъ довѣреннаго слуги, Сергѣя, и которая къ этому приложила всевозможное стараніе. Вслѣдъ за вещами отправилъ онъ принимать ихъ во Всесвятское архитектора, обойщика и столяра, назначивъ свой выѣздъ позднѣе.

Какъ ни глупо казалось это ей самой и какъ ни старалась она этого избѣгнуть, но прощаясь съ нимъ на лѣстницѣ Александра Павловна не выдержала, и заплакала.

— Ну, не буду, Борисъ, не буду! вскликнула она тутъ же, пересиливая себя и глядя ему въ глаза, боясь прочесть въ нихъ выраженіе нетерпѣнія или неудовольствія,— только по вечерамъ будетъ такъ скучно! промолвила она ему на ухо пока онъ наклонялся къ ея рукѣ.

Троекуровъ обернулся съ улыбкой къ провожавшему его въ числѣ другихъ Ашанину, который послѣ ихъ прогулки въ саняхъ зачастилъ, какъ это періодически происходило у него съ тѣмъ или другимъ изъ знакомыхъ ему домовъ, каждый почти день къ Лукояновымъ.

— Владиміръ Петровичъ, будьте добры, найдите такое средство чтобъ Александру Павловну заставить три вечера сряду думать о предметѣ нѣсколько болѣе интереснымъ чѣмъ поѣздка моя во Всесвятское!

— Трудно, батюшка, трудно! засмѣялась покачивая головой Марья Яковлевна.

— Будьте покойны, средство есть! отозвался на это рѣшительнымъ тономъ Ашанинъ;—явлюсь съ нимъ нынче же вечеромъ. А теперь возьмите меня съ собою, Борисъ Васильичъ, и киньте на Кузнецкомъ Мосту,—вы мимо ѣдете....

Digitized by Google

— Отлично! Ѣдемъ!...

Вечеромъ, къ чаю, за которымъ, кромѣ домашнихъ, сидѣли Женни Карнаухова и Ламартинъ-Овцынъ, нашъ Донъ-Жуанъ явился къ Лукояновымъ съ книгою въ рукѣ.

— Это что ли средство ваше? усмѣхнулась Марья Яковлевна, кивнувъ на нее лодбородкомъ.

— Самое оно и есть.

— Ну ужь!... (Марья Яковлевна никогда не питала особенной страсти къ книгамъ, а въ послѣднее время „ученость“ племянника и племянницы внушила ей къ нимъ даже рѣшительную антипатію.)

— А вотъ дайте начну, а потомъ и увидите, молвилъ на это невозмутимо Ашанинъ.—Я впрочемъ не васъ пріѣхалъ лѣчить, а Александру Павловну.

— А что это вы привезли? спросила дѣвушка.

— *Дворянское Гнѣздо* Тургенева; я вѣдь знаю что въ этомъ домѣ его не читали до сихъ поръ.

— Я читала, молвила небрежно Кира.

— Чего ты не читала! сквозь зубы пропустила на это тетка.

Княжна какъ бы не слышала...

— On dit que c'est très joli, встрепенулась Женни, которой maman Dodo и до сей минуты не дозволяла читать ничего кромѣ англійскихъ романовъ, и притомъ почти исключительно тѣхъ лишь авторами которыхъ были женщины.

— Превосходная вещь, а въ чтеніи Владиміра Петровича выиграетъ вдвое, галантерейно подтвердилъ Ламартинъ.

Ашанинъ раскрылъ книгу и не откладывая началъ чтеніе тутъ же за чайнымъ столомъ.

Читалъ онъ, дѣйствительно, очень хорошо; онъ умѣлъ увлекать и увлекался самъ. Публика его, послѣ первыхъ, довольно холодно прослушанныхъ страницъ, унесена была имъ.

Сашенька слушала все внимательнѣе, съ пробѣгавшими то и дѣло въ темныхъ глазахъ ея искорками сочувствія и глубокаго внутренняго наслажденія. Ламартинъ-Овцынъ, забывъ о клубѣ, не подымался со стула, и только покачивался на немъ какъ бы въ ритмъ музыкальному языку произведенія, значительно и самовольно улыбаясь каждый разъ когда, въ его понятіи, „авторъ тонкимъ штрихомъ намекалъ на *оппозиціонный* характеръ убѣжденій“ своего героя. Женни Карнаухова такъ и подпрыгивала отъ восторга, возносила глаза къ потолку и

Digitized by Google

восклицая отъ времени до времени: „ravissant“, „adorable“ comme il connait le coeur féminin!“ (Она по старой привычкѣ отождествлять себя съ героиней каждаго читаемаго ею англійскаго *novel* переносила себя всецѣло въ образъ Лизы, и по этому случаю глядѣла теперь на Донъ-Жуана чтеца такими пожирающими глазами какими, конечно, и въ голову бы не пришло тихой, сдержанной Лизѣ смотрѣть на „медвѣдя“ Лаврецкаго.) Сама Марья Яковлевна, вся застывъ въ нескончаемой кирасѣ своего корсета, видимо любопытствовала, хотя нѣсколько и оскорблялась тою дурацкою ролью, говорила она, которую „во всемъ этомъ“ играла такая же какъ она маменька, и даже „тетка ей“, Марья Дмитріевна Калитина. *

— У этихъ новыхъ сочинителей, извѣстно, говорила она въ перерывахъ чтенія,—всѣ молодые не вѣсть какіе умные, а всѣ старые дрянцо; по нынѣшнему-же времени я почитаю что это даже совсѣмъ напротивъ, добавляла она, косясь то на племянницу, то на золотые очки на длинномъ носѣ своякa своего Овцына...

Кира, уложивъ голову на руку и опустивъ глаза, слушала въ свою очередь въ томъ глубокомъ безмолвіи и неподвижности которыя составляли какъ бы ея особую спеціальность, и умѣли даръ неломѣрно оскорблять и „выводить изъ себя“ ея впечатлительную, горячую и ребячески невоздержную въ выраженіи впечатлѣній своихъ тетку.

Чтеніе протянулось до ужина, и по общему желанію положено было продолжать его на слѣдующій день „съ самаго послѣ-обѣда и до тѣхъ поръ пока хватитъ у Владиміра Петровича голоса“, къ чему самъ Аппанинъ смѣясь прибавилъ: „и даже послѣ того какъ *онаго* у меня не окажется.“

Такъ и случилось. Начавъ въ половинѣ шестаго, онъ къ одиннадцати, изнеможенный чтеніемъ, которое не чувствовалъ себя въ силахъ перервать хотя на мгновеніе, уже хрипѣлъ и задыхался отъ усталости и накипѣла пережитыхъ имъ художественныхъ ощущеній, передавая послѣднія страницы романа.

„Играйте, веселитесь, растите, молодыя силы“, читалъ онъ глубоко тронутымъ голосомъ прощаніе Лаврецкаго съ юнымъ поколѣніемъ столь дорогаго ему нѣкогда „Калитинскаго дома“, „жизнь у васъ впереди и вамъ легче будетъ жить, вамъ не придется, какъ намъ, отыскивать свою

* Мать героини романа.

Digitized by Google

дорогу, бороться, ладать и вставать среди мрака; мы хлопотали о томъ какъ бы уцѣлѣть—и сколько насъ не уцѣлѣло!—а вамъ надобно дѣло дѣлать, работать....“

— Святая истина! раздался вдругъ неумѣстнымъ диссонансомъ въ гармоніи общаго усиленнаго и трепетнаго вниманія голосъ Ѳедора Ѳедоровича Овцына,—немногіе уцѣлѣли изъ насъ, немногіе!...

Всѣ глаза обернулись на него съ негодованіемъ.

— Да не мѣшай! крикнула на него махая рукой хозяйка.

Ашанинъ дочиталъ... Натянутые нервы его слушательницъ не выдержали:

— До слезъ вѣдь хорошо, до слезъ! всхлипнула Марья Яковлевна.

Сашенька тихо плакала закрывъ лицо платкомъ. Пылкая Женни рыдала уже громко словно на ланкихидѣ... Сама Кира поводила кругомъ какими-то смягченными взорами...

— Художникъ, да-съ, большой художникъ! возгласилъ опять старый Ламартинъ, вставая въ ростъ и расправляя свои длинныя ноги,—и какъ вѣрно отмѣтилъ: мало изъ насъ, дѣйствительно, мало кто „уцѣлѣлъ“!...

— Изъ какихъ это *васъ*? послышался неожиданно рѣзкій голосъ Ириарха Овцына (онъ вошелъ къ концу чтенія и сѣлъ у дверей, незамѣченный никѣмъ):—изъ то-есть какъ ты *вдовцовъ французской республики* тысяча *осемьсотъ* сорокъ восьмаго года?

Онъ подошелъ къ отцу хихикая, насмѣшливо поглядѣлъ на него и ложалъ плечами.

— Мое почтеніе! проговорилъ онъ тутъ же сквозь зубы, встрѣтивъ разгнѣванный и вызывающій взглядъ тетки, готовой сейчасъ же, онъ зналъ, *оборвать* его, и съ которою онъ не почиталъ нужнымъ ссориться, какъ ни кипѣла въ немъ желчь въ эту минуту.

Онъ злился и на это чтеніе, и на то что именно прочтено было, и на „успѣхъ“ какой выпадалъ при этомъ на долю Ашанина,—злился въ особенности на то что все это „повліяло“ на Киру, за то, „почти растроганное“ выраженіе (онъ все время не отрывалъ отъ нея взгляда изъ своего угла) которое читалъ онъ теперь на ея лицѣ...

— Да что жь, Ира, говорилъ между тѣмъ, нѣсколько запинаясь, смущенный, какъ всегда въ присутствіи сына, Ѳедоръ Ѳедоровичъ,—ты никакъ отрицать не можешь что, какъ го-

Digitized by Google

ворить Лаврецкій, если вамъ, дѣйствительно, приходится теперь „дѣло дѣлать“, то мы могли только „бороться и ладать“ среди мрака. Но вѣдь все же мы были *носителями идеи*, Ира, да,—протянулъ онъ значительно и даже таинственно понижая голосъ,— и васъ, что тамъ ни говори, приготовили—*мы!*

— Тряпки, то-есть, въ родѣ твоего Лаврецкаго? отпустилъ съ глубокимъ презрѣніемъ Ириархъ.

— Откуда же было у насъ взять характеровъ? уже слезливо воскликнулъ Ламартинъ, прижимая умоляющимъ жестомъ растопыренную лятерню длинныхъ и костлявыхъ пальцевъ къ лацкану своего застегнутаго фрака,—ты ужь не маленькимъ совсѣмъ былъ, долженъ помнить каково время-то наше было!

— Помню, возразилъ сынъ съ новымъ хихиканьемъ,—помню, напримѣръ, какъ неловинныя тысячи сыновъ народа водили съ палками вмѣсто ружей на убой дальнострѣльныхъ англо-французскихъ винтовокъ, а ваша либеральная братія радовалась что ихъ бьютъ какъ лобѣдѣ цивилизаціи,—вашей *буржуазной* цивилизаціи надъ варварствомъ. Отъ тебя вѣдь слышалъ эти умныя слова!...

Ѳедоръ Ѳедоровичъ быстро разстегнулъ фракъ, вытащилъ часы и торопливо проговорилъ: „пора мнѣ однако!“ подошелъ проститься къ *ручкѣ* хозяйки, занятой въ это время выраженіемъ благодарности Владиміру Петровичу за его прелестное чтеніе, но которой это нисколько не мѣшало прислушиваться обоими ушами къ пренію отца съ сыномъ.

— Плодами дѣлъ своихъ можешь любоваться, батюшка, возгласила она громко, машинально протягивая губы къ его лбу лоха онъ наклонялся къ ея рукѣ;—молодца взрастилъ, нечего сказать, молодца!...

Бѣдный Ламартинъ не то вздохнулъ, не то усмѣхнулся, раскланялся галантерейно съ дамами, ложалъ съ чувствомъ на ходу локоть Аганина, и послѣшными шагами вышелъ изъ комнаты.

Марья Яковлевна тотчасъ же обратилась къ Ириарху:

— Отецъ твой съ большаго характера привыкъ предъ тобою пасовать; ну, а у меня, батюшка, и свой царь въ головѣ есть, авось предъ умомъ твоимъ и не струшу. Почему это по твоему, скажи на милость, Лаврецкій этотъ—„тряпка“?

Студентъ судорожно повелъ своими безцвѣтными губами:

— А по вашему, онъ—*человѣкъ?*

Digitized by Google

— А чѣмъ не „человѣкъ“ ло твоему?

Онъ чувствовалъ что она его „допекаетъ“ и хочетъ „къ углу прижать“, и что дальнѣйшій разговоръ ло этому ловоду долженъ непремѣнно вызвать бурю.

— Очень ужь онъ грузенъ и тяжелъ на подъемъ, сказалъ онъ уклончиво лодъ видомъ шутки.

Но въ то же время глаза его встрѣтились съ оберпувшимися на него глазами Киры. „Что же ты, отступаешь?“ насмѣшливо, показалось Ириларху, говорили они ему...

Онъ весь загорѣлся вдругъ.

— Что можно другаго сказать желая выражаться *учтиво*, послѣдилъ онъ добавить къ первымъ словамъ своимъ,—про такого господина которому счастіе само дается въ руки, и который въ виду перваго затрудненія и смущаясь всякими старыми бреднями, добровольно отказывается отъ него, и поджавъ хвостъ ретируется какъ послѣдній изъ попляковъ?...

— Какъ это такъ „ретируется“? воскликнула Марья Яковлевна;—что жь ему дѣлать было когда жена его не померла и пріѣхала къ нему?

— Такъ что же такое?

— Какъ что? Значитъ, жениться ему на Лизѣ нельзя было.

Губы Ириларха задергало снова:

— Да любилъ онъ ее, или нѣтъ?

— Конечно, любилъ.

— А она его?

— Еслибъ не любила, не пошла бы она съ отчаянія въ монастырь, вмѣшалась въ разговоръ Сашенька.

— Въ этомъ-то и пошлость! фыркнулъ Овцынъ.

— Неужели, d'après vous ей лучше было бы épouser cet affreux Паншинъ? визгнула въ свою очередь Женни, отирая глаза.

Ирилархъ еще разъ глянулъ въ сторону княжны Киры. Она склонилась надъ своею работой и какъ бы не слушала.

— Когда люди любятъ другъ друга не салоннымъ, дряблымъ чувствомъ, а искреннею страстью, вымолвилъ онъ особенно рѣзко какъ бы съ тѣмъ чтобы вызвать ея внимаиіе,—нѣтъ соображеній, какъ и не можетъ быть препятствій для нихъ къ удовлетворенію влекущаго ихъ другъ къ другу естественнаго и вполнѣ законнаго стремленія!

Марья Яковлевна такъ и вскинулась:

Digitized by Google

— То-есть, это, батюшка, по нашему, по-русски, то значитъ, что ей, Лизѣ, надо было бѣжать изъ родительскаго дома, да еще съ женатымъ человѣкомъ. Такъ оно по твоему или нѣтъ?

— Вы сказали! хихикнулъ онъ на это.

— То-есть, продолжала Марья Яковлевна все болѣе разгорячаясь,—чтобы честная дѣвушка сдѣлала изъ себя потерянную женщину?

— Зависитъ отъ понятій, отрѣзалъ онъ въ отвѣтъ:—по вашему міровоззрѣнію—„потерянная“; а съ естественной и здравой точки зрѣнія, *честность* ея только бы и началась съ той именно минуты когда бъ она рѣшилась разорвать путы пошлой старой морали и слѣдовать открыто прямому влеченію своей природы.

Марья Яковлевна уже не въ силахъ была сдержать свой гнѣвъ:

— Да какъ ты смѣешь, вся багровая, закричала она на него,—какъ ты смѣешь въ моемъ домѣ... при дѣвушкахъ проповѣдывать такія мерзости!... Если отецъ твой довелъ свою слабость до того что ты чуть его не бьешь... если тебя здѣсь можетъ кто и слушаетъ съ удовольствіемъ,—и она сверкнула взглядомъ въ сторону племянницы,—такъ я тебѣ этого не позволю никогда, слышишь!...

— Такъ вѣдь сами вы спросили, я вамъ и отвѣчалъ; не стану врать изъ угоды вамъ! нагло отлупилъ онъ въ свою очередь, чувствуя что сожигаетъ свои корабли, но держа прежде всего въ мысли „не показаться трусомъ“ въ глазахъ Киры.

— Ириархъ! вскрикнула перелуганно Александра Павловна, подымаясь съ мѣста,—maman, прошу васъ, оставьте это!...

Но Марья Яковлевна, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, была тѣмъ болѣе оскорблена, чѣмъ справедливѣе было возраженіе что сама же она его вызвала на отвѣтъ:

— А я тебя прошу выйти вонъ, крикнула она на него,—я твоихъ дерзостей слушать не хочу!

Ириархъ поднялъ на нее глаза полные неисходной злобы... Губы его перекосились, какъ бы готовясь разразиться потокомъ язвительныхъ рѣчей... Но онъ сдержался, кивнулъ презрительно головой, и съ мѣста, никому не кланяясь, быстрыми шагами направился къ двери.

Не доходя до нея, онъ остановился подлѣ Киры, сидѣвшей

Digitized by Google

по своему обыкновенію одна на концѣ стола, и протянулъ ей руку.

— *До свиданія*, Кира Никитишна! громко, вызывающимъ голосомъ проговорилъ онъ.

— До свиданія, машинально повторила она, равнодушно подавая ему свою.

— Только ужь не въ моемъ домѣ, конечно! послышался слѣдомъ за этимъ возгласъ разбѣшенной Маріи Яковлевны, между тѣмъ какъ онъ, энергическимъ движеніемъ ложавъ пальцы княжны, исчезалъ за дверью.

Княжна воззрилась въ нее черезъ столъ съ какою-то странною усмѣшкой и высоко приподняла плечи.

Умоляющій взглядъ Александры Павловны остановилъ вовремя срывавшееся съ устъ ея матери рѣзкое, непоправимое уже, быть-можетъ, слово...

Кира вернулась къ своему мѣсту, собрала со стола лежавшія на немъ шитье, ножницы и катушки ниток, уложила все это въ свой рабочій ящикъ, обвела присутствовавшихъ общимъ поклономъ, и вышла изъ столовой.

Послѣдовало общее, тяжелое молчаніе. Никто словно не смѣлъ поднять глазъ на другаго. Хозяйка, съ багровыми пятнами на лицѣ, порывисто дышала подъ своею кирасой, упрекая себя внутренно за излишнюю горячность, и въ то же время усиленно доказывая себѣ что поступить такъ какъ она поступила былъ ея „прямой и священнѣйшій долгъ“, и что она, конечно, чрезъ порогъ свой не допуститъ болѣе въ жизни этого „мерзавца“, а что касается до того чтобъ *она* (то-есть Кира) видѣлась съ нимъ въ другомъ мѣстѣ,—„такъ это мы еще посмотримъ!“... Ашанинъ, уперпись взглядомъ въ скатерть, молча барабанилъ по ней ногтями: „шутъ-то вѣдь этотъ гороховый на сочувствіе ея, пожалуй, разчитываетъ“, разсуждалъ онъ мысленно про Иринарха и княжну, „а онъ для нея букатка и взгляда не стоящая“.... У Сашеньки отъ волненія то и дѣло выступали слезы на рѣсницахъ. Сконфуженная Женни сидѣла подлѣ нея, размышляя въ свою очередь что „эта Кира навѣрно ужь *убѣжала бы* съ Лаврецкимъ еслибы была на мѣстѣ Лизы Калитиной.... да что впрочемъ и сама она, Женни, право бы не знала какъ поступить еслибы *такой*, женатый, человѣкъ ей *ужъ очень* нравился“....

Digitized by Google

Она первая сочла нужнымъ заговорить „pour rompre ce silence glacé“:

— Борисъ завтра будетъ? спросила она Сашеньку.

— Надѣюсь, да! вся встрепенулась та. И быстро понижая голосъ:—еслибъ онъ былъ тутъ, ничего бы этого не случилось, прошептала она той на ухо.

Слуги вошли съ приборами. Но Женни послѣшила встать и объявила что ее ждутъ дома. Ашанинъ послѣдовалъ ея примѣру: онъ понималъ что никому не до ѣды теперь.... По ихъ отъѣздѣ мать и дочь тотчасъ же, не прикасаясь къ ужину и не размѣнявшись ни единымъ словомъ, разошлись по своимъ комнатамъ.

XXIII.

....Душа ея
Была изъ тѣхъ которымъ рано все понятно.
Для мукъ и счастья, для добра и зла
Въ нихъ пищи много; только невозвратно
Онѣ идутъ куда ихъ повела
Случайность, безъ раскаянья, упрековъ
И жалобы.

Лермонтовъ.

Вернувшійся на слѣдующій день Троекуровъ успокоилъ всѣ тревоги Сашеньки, которая подъ впечатлѣніемъ происшедшей наканунѣ *сцены* всю ночь спать не могла. Онъ доказалъ ей что ничего такого особенно „ужаснаго“, какъ выражалась она, тутъ не было, что, конечно, можно пожалѣть о томъ что „*maman* черезъ-чуръ разгорячилась и *прогнала этого господина* со слишкомъ большимъ *трескомъ*, вслѣдствіе чего онъ можетъ почитать себя въ нѣкоторой мѣрѣ оскорбленнымъ ею,—но что рано или поздно она, все равно, вынуждена была бы закрыть ему двери своего дома“.... „Онъ вамъ родня“, говорилъ Борисъ Васильевичъ, „и я очень понимаю что вамъ его жаль, жаль и что *maman* съ нимъ такъ строго поступила, а съ другой стороны что и самъ онъ, какъ я понимаю, какой-то озлобленный неудачникъ, котораго ждетъ самое печальное будущее“....

— Да, говорила Александра Павловна, — потому что въ этомъ главнымъ образомъ виноватъ не онъ, а то какъ его

Digitized by Google

воспитали. Вы знаете теперь дядю Овцына. Тетя умерла когда Ирѣ не было еще девяти лѣтъ, и онъ остался на рукахъ отца. А тотъ ничего въ жизни кромѣ своихъ belles phrases не дѣлалъ, и въ карты игралъ. Онъ совсѣмъ иногда забывалъ о бѣдномъ мальчикѣ, но цѣлымъ днямъ не возвращался домой, а въ домѣ такъ бывало иногда что на рынокъ послать копѣйки нѣтъ. Ира къ намъ тогда черезъ всю Москву бывало во всякую погоду лѣшкомъ ходилъ обѣдать... Онъ сначала былъ въ пансіонѣ, но не хотѣлъ тамъ остаться потому что тамъ были у него богатые товарищи которые очень „презирали его за его бѣдность“, жаловался онъ намъ тогда, и смѣялись надъ нимъ... Онъ этого выдержать не могъ. Тогда отецъ отдалъ его въ гимназію и взялъ ходить къ нему на домъ повторять уроки одного семинариста, отъ котораго, я знаю, и научился Ира всему тому вздору который онъ говоритъ.

— Все это прекрасно, возражалъ Троекуровъ, — но его „вздоръ“ однако не такого сорта чтобы быть терпимымъ... Изъ того, напримѣръ, что у него вырывается громко, при всѣхъ, можно себѣ представить что онъ проповѣдывалъ кузинѣ вашей, княжнѣ Кирѣ, въ теченіе тѣхъ безконечныхъ часовъ которые проводилъ онъ до сихъ поръ съ нею совсѣмъ почти наединѣ.... Какъ мы съ вами теперь, Сашенька, но безъ тѣхъ же правъ какъ мы на это, заключалъ онъ улыбаясь и цѣлуя ея руку.

— Кирѣ нечего научаться отъ него, Борисъ, повѣрьте, молвила съ такою же улыбкой счастливая невѣста:—она гораздо умнѣе его.

— Положимъ. Ну, а сами вы на мѣстѣ *maman*, почти строго проговорилъ онъ,—потерпѣли бы вы чтобы въ вашемъ домѣ проповѣдывали все это дѣвушкѣ, сиротѣ, которой вы замѣняете мать?

— Нѣтъ... Конечно, нѣтъ! согласилась невольно Сашенька со вздохомъ внезапнаго облегченія.

Такое же облегченіе почувствовала и Марья Яковлевна узнавъ объ апробаціи ея поступка будущимъ ея зятемъ, который все болѣе и болѣе подымался въ ея глазахъ на степень неопровержимаго авторитета. Она возсіяла вся. и въ неоспоримомъ уже теперь для нея сознаніи своей правоты рѣшила отнестись какъ можно „снисходительнѣе“ къ „этой *сумашед-*

Digitized by Google

шей Кирѣ", какою почему-то представилась ей въ ту минуту ея мятежная племянница, „которая вѣчно на сторонѣ этого *скверного мальчишки стоитъ*".

Но она никакъ не ожидала того чѣмъ въ тотъ же день должна была озадачить ее эта племянница.

Минутъ за десять до обѣда весь домъ, по обыкновенію, собрался въ большой бѣлой гостиной въ ожиданіи оповѣщенія буфетчикомъ торжественнаго: „кушанье готово!" Недоставало только Киры. „Дуется еще, пожалуй, со вчерашняго, не сойдетъ", тревожилась внутренно Марья Яковлевна, и съ обычною своею торопливостью и нетерпѣніемъ обратилась къ карлику Памфилу Ивановичу:

— Сходи сейчасъ наверхъ къ княжнѣ и спроси: будутъ ли онѣ кушать?

Но въ это время сама княжна появилась въ дверяхъ комнаты.

— А - а! Здравствуй! протянула Марья Яковлевна, привѣтливо улыбаясь ей:—я сегодня проспала, не выходила къ завтраку, не видала тебя еще... Здорова?

Кира наклонилась безмолвно и холодно.

— Письмо какое-то было тебѣ загородное, принесли съ моими,—я послала къ тебѣ. Получила?

— Какъ же, благодарю васъ...

— Изъ Петербурга, по штемпелю, продолжала гжа Лукоянова:—отъ кого это? спросила она небрежно.

Кира помолчала, подняла потомъ глаза на тетку, и проговорила медленно и отчетливо:

— Я въ Петербургъ переѣзжаю, такъ это объ этомъ...

— Что-о? вскрикнула, и такъ и замерла Марья Яковлевна.

Княжна молча вынула изъ кармана исписанную почтовую четвертушку и протянула ей.

Все бывшее въ комнатѣ подняло на нее вопрошавшіе и недоумѣлые глаза, пока Марья Яковлевна, принявъ отъ нея листокъ задрожавшею нервно рукою, принималась жадно разбирать его.

Кира обвела кругомъ себя спокойнымъ и какъ бы невольно насмѣшливымъ взглядомъ. Какъ ни была она сдержанна, но зорко гладѣвшій на нее Троекуровъ прочелъ въ этомъ взглядѣ какое-то презрительное торжество: „А вы думали въ самомъ дѣлѣ что я способна буду терпѣть долѣе вашу компанію!" словно говорилъ онъ.

Digitized by Google

Письмо было отъ старой камеръ-фрейлины Охвостовой, приходившейся теткой покойной матери Киры,—особы пользовавшейся уваженіемъ и даже извѣстнымъ вліяніемъ въ придворныхъ сферахъ,—и говорило слѣдующее:

„Ma chère enfant,—

— Tenant fort à coeur de vous prouver tout l'intêret que je prends à vôtre position d'orpheline, je me suis empressée de soumettre à qui de droit le désir que vous m'exprimez dans votre lettre. Une circonstance fortuite et très inattendue, le mariage de la baronne de Hagern avec le jeune comte Nataschantzef, étant venue tout particuliérement en aide aux démarches que je faisais en vôtre faveur, je me fais une vraie fête de vous annoncer que vôtre demande a été très gracieusement agréé par Son Altesse Impériale et a déjà même obtenu l'assentiment Suprême. Je suis heureuse de vous dire que vous devez cette haute faveur tant aux éminents services rendus à la patrie par feu le prince votre père qu'à l'impression toute favorable faite par vôtre personne elle-même sur Son Altesse Impériale à laquelle vous avez eu l'honneur d'avoir été présentée à Bade et qui en a gardé un très bon souvenir...“ *.

Княжна Кубенская назначалась фрейлиной къ одному изъ „малыхъ“ дворовъ. Въ письмѣ читалось далѣе что официальную бумагу о назначеніи своемъ она получитъ на дняхъ чрезъ Московскаго генералъ-губернатора, послѣ чего совѣтовалось ей послѣшить пріѣздомъ, такъ какъ баронесса Гагернъ, преемницею которой должна была поступить она, покидаетъ дворъ, уѣзжая въ Курляндію, къ роднымъ, до свадьбы, назна-

* Милое дитя, желая отъ всего сердца доказать вамъ все то участіе которое внушаетъ мнѣ ваше сиротское положеніе, я довела до свѣдѣнія кого слѣдуетъ о желаніи выраженномъ вами въ письмѣ ко мнѣ. Случайное и весьма неожиданное обстоятельство, помолвка баронессы Гагернъ съ молодымъ графомъ Наташанцевымъ, пришло особенно кстати на помощь моему о васъ ходатайству, и я почитаю для себя настоящимъ праздникомъ извѣстить васъ что ваша просьба принята весьма милостиво ея императорскимъ высочествомъ и удостоилась уже Высочайшаго соизволенія. Вы одолжены этою высокою милостью столько же превосходнымъ заслугамъ покойнаго князя, отца вашего, сколько и благопріятному впечатлѣнію какое произвели вы и сами на ея императорское высочество, которой вы имѣли честь представляться въ Баденѣ, и которая сохранила объ этомъ очень хорошее воспоминаніе....

Digitized by Google

ченной послѣ Пасхи. Писавшая заключала повторительнымъ поздравленіемъ съ высокою милостью которой удостоивалась княжна и приглашеніемъ, по прибытіи въ Петербургъ, остановиться у нея, Охвостовой, пока не опростается во дворцѣ гдѣ должна была жить Кира аппартаментъ ея предшественицы.

Марья Яковлевна, начавшая было читать громко, не въ силахъ была дойти до конца. Она какимъ-то безпомощнымъ движеніемъ опустила руку съ письмомъ, и подняла на Киру не то оскорбленные, не то опечаленные глаза.

— Не ожидала, признаюсь, проговорила она:—побольше, кажется, довѣрія отъ тебя заслуживала!—И переходя для большей язвительности съ *ты* на *вы*:—Я, вы очень хорошо знаете никогда ни въ чемъ вамъ не препятствовала; какъ для себя лучшимъ почитали, такъ всегда и дѣлали, а я, тетка вамъ родная, въ сторонѣ стояла, и только глажу иной разъ и... удивляюсь. Такъ прятаться отъ меня и бѣжать теперь, сюрпризомъ, изъ моего дома я ужь и не знаю для чего вамъ понадобилось....

Ноздри Киры надменно раздулись.

— Не въ моихъ привычкахъ прятаться и бѣгать, тетушка, промолвила она съ насилованною усмѣшкой,—и никакого сюрприза я не намѣрена была вамъ дѣлать. Не говорила я вамъ *объ этомъ* раньше потому что не знала будетъ оно или не будетъ, а тѣшить себя и другихъ пустыми чаяніями я не люблю.

Глаза Марьи Яковлевны заискрились,—но, замѣтивъ тревожныя лица съ какими слѣдили за нею Александра Павловна и ея женихъ, она воздержалась какъ Гомеровскій Одиссей отъ „крылатаго слова“, и проговорила какъ могла только спокойнѣе, между тѣмъ какъ губы ея еще нервно вздрагивали:

— Конечно, въ петербургскомъ дворцѣ поинтереснѣе для дѣвушки чѣмъ на Арбатѣ сидѣть... Могу только поздравить тебя съ этимъ... И скоро ты такимъ образомъ думаешь ѣхать?

— Какъ соберусь, тетушка... Вы читали, la tante Okvostof пишетъ что надобно скорѣе...

— И къ Сашенькиной свадьбѣ, разумѣется, не пріѣдешь?

— Постараюсь... если только можно будетъ... промямлила Кира. Эти вопросы видимо докучали ей...

Александра Павловна поспѣшила вмѣшаться. Она поднялась съ мѣста, и подойдя къ кузинѣ обняла ее:

Digitized by Google

— Зачѣмъ загадывать заранѣе, maman? веселымъ тономъ заговорила она:—пріѣдетъ, я увѣрена, если пустятъ; а если нѣтъ, такъ вѣдь она не виновата будетъ...

— Какъ не виновата птица попавшая въ раззолоченную клѣтку, въ унисонъ этому тону промолвилъ смѣясь Троекуровъ.

Кира быстро подняла глаза и вопросительно воззрилась на него. „Что это: укоръ или осужденіе?“ словно говорили они.— „Что вамъ будетъ угодно!“ отвѣчали имъ невозмутимо глядѣвшіе на нее его глаза...

— Кушанье готово!...

И вслѣдъ за появившимся въ дверяхъ краснопосымъ Архиломъ, влетѣлъ въ комнату Шигаревъ:

— Ну, была игра, могу сказать, была! хохоталъ онъ мотая головой и голосомъ Садовскаго въ роли Расплюева,—боксомъ, то-есть, настоящимъ боксомъ, насилу ноги унесъ!..

— Гдѣ это, батюшка, кто тебя обидѣлъ? заголосила вся внезапно взрываясь Марья Яковлевна, которую всякое подобное шутовство имѣло постоянно способность развлекать и тѣшить, какъ бы ни была она озабочена.

— А все же она, умница моя разумница, Аглая! гаерничалъ онъ:—вѣдь я ее въ Питеръ-то послалъ, помните, сыномъ напугалъ, что онъ будто на Француженкѣ актрисѣ жениться хочетъ.

— Ну какъ же, да! Что жь она, вернулась?.. И съ сыномъ экспликація была? допрашивала уже съ тревожнымъ любопытствомъ хозяйка.

— Само собою, отвѣчалъ шутъ продолжая надрываться;— „Basile mon fils“, вы понимаете, забрыкалъ и руками и ногами: „Откуда вы-молъ это выдумали?“ А она ему: „Я, говоритъ, знаю, que vous voulez épouser cette vilaine Lucie Ladprague“. А онъ ей: „Vous mentez, maman!“ А она ему: „Comment est ce que vous osez!“ А онъ ей: „Съ такою непроходимою какъ ты все очень можно“...

— Что это, батюшка! вскликнула прерывая его Марья Яковлевна:—сынъ ее въ глаза дурой назвалъ?!

— Ну, не назвалъ, а въ томъ же родѣ, должно-быть, сказалъ, объяснилъ не смущаясь Шигаревъ,—только она, разумѣется, сейчасъ меня и выдала: „вотъ-молъ кто меня на счетъ этого напугалъ“. „Basile mon fils“ на это гусарскую свою прыть впередъ: „Я, говоритъ, его—то-есть меня грѣш-

Digitized by Google

ваго—за это на дуэль вызову!“ Съ этимъ она и уѣхала. Пріѣзжаетъ она вчера сюда, за мною сейчасъ шлетъ. Я, само собою, послѣшилъ: лотѣха будетъ, чувствую... Въ самомъ дѣлѣ, гляжу, глазища-то у нея въ кегельные шары выросли, такъ и наровятъ *конемъ* меня сбить. Съ первыхъ же словъ такъ и огорошила: „Vous courez un grand danger, monsieur Шигаревъ“, говоритъ, „vous savez comme mon fils Basile tire bien du pistolet“.—Не слышалъ никогда, говорю, а если дѣйствительно, такъ чего жь лучше!—А она мнѣ на это: „Ne plaisantez pas, parce qu'il veut vous tuer pour avoir voulu le calomnier à mes yeux“... Ну, знаете, я такъ и ломеръ.... А она тутъ и пошла, и пошла“. Vous savez, говоритъ, que semer la zizanie—и откуда вѣдь слова такія беретъ?—entre une mère et un fils est un grand pêché devant Dieu et un crime contre les lois du gouvernement...

— Что̀ вы! такъ и прыснула Марья Яковлевна, замахавъ отъ избытка удовольствія своими большими руками.

— Обѣдъ поданъ, maman, напомнила ей Александра Павловна.

— Ну, пойдемте, пойдемте!...

„Аглаина глупость“, по выраженію Марьи Яковлевны, продолжала служить мотивомъ разговора и во все время обѣда. Разговаривали впрочемъ почти исключительно она и ея гость. Троекуровъ невольно то и дѣло поморщивался, и невѣста его, замѣчая это, поглядывала на мать и нѣсколько разъ пыталась навести ее на какой-либо другой предметъ бесѣды. Но Марья Яковлевна чувствовала себя на верху блаженства отъ скоморошескихъ выходокъ Шигарева; она вторила ему и поощряла на новый вздоръ, поддакивая, подмигивая и одобрительно покачивая головой. О „сумашедшей“ и „неблагодарной“ племянницѣ она видимо позабыла и думать въ эту минуту....

А та, сжавъ вдумчиво брови и не прикасаясь почти къ своей тарелкѣ, сидѣла погруженная въ глубокое внутреннее раздумье,—только зеленые, непроницаемые глаза ея подымались иной разъ какъ бы украдкой на жениха ея кузины и съ выраженіемъ какой-то будто неудовлетворенности опускались опять. Онъ это замѣчалъ, и въ свою очередь взглядывалъ на нее отъ времени до времени пощипывая усы и не то разсѣянно, не то задумчиво усмѣхаясь.

Едва встали изъ-за стола какъ Александру Павловну

Digitized by Google

— Да, да! Старый Шиллеровскій рецептъ,

flechten und weben
Himmlische Rosen in's irdische Leben *;

и вы полагаете что у женщинъ теперь не можетъ быть другихъ задачъ, и дороги менѣе избитой?..

— Попробуйте, если вѣрите въ это! отвѣчалъ онъ съ какимъ-то невольнымъ выраженіемъ жалости.

Зеленые глаза ея замерцали словно двѣ крупныя звѣзды:

— И не раскаюсь, конечно!...

Она быстро отдѣлилась отъ окна, и съ зардѣвшимся лицомъ безмолвно прошла мимо него по направленію къ гостиной.

— Странная какая! сказалъ Троекуровъ, глядя ей вслѣдъ;— но что можетъ изо всего этого выйти въ Петербургскомъ дворцѣ?... Любопытно!

Вернувшаяся „съ примѣриванія“ Сашенька застала его одинокo курившимъ у того же окна у котораго происходилъ разговоръ его съ Кирой.

— Вы меня все ждали здѣсь, одни? спросила она.

— Ждалъ.... какъ всегда....

Онъ тихо взялъ ея руку и съ какою-то особенною нѣжностью прижалъ ее къ губамъ.

О бесѣдѣ своей съ княжною онъ не счелъ нужнымъ передавать ей.

XXIV.

Дня три спустя княжну Киру провожала на станцію Николаевской желѣзной дороги довольно большая компанія. Кромѣ *своихъ*, тутъ были „завсегдатаіе“ дома ея тетки, Аѳанасьевъ, Веретеньевъ, Моховъ, Женни Карпаухова (никогда особенно не дружившая съ отъѣзжавшею, но со дня назначенія ея фрейлиной возгорѣвшая къ ней самою восторженною пріязнью), и даже гораздо менѣе ей знакомыя двѣ, три ма-

* Вить и вплетать небесныя розы въ жизнь земную.

Digitized by Google

меньки и дочки изъ московскаго бомонда, движимыя тѣмъ соображеніемъ что пріѣдетъ-молъ въ Петербургъ, не мѣшаетъ заручиться этимъ ходомъ на случай придворнаго бала, или даже и поважнѣе чего-нибудь....

Кару велъ подъ руку Ламартинъ-Овцынъ... Онъ со дня изгнанія Иринарха Марьей Яковлевной проводилъ всѣ вечера свои на Арбатѣ и былъ крайне любезенъ со всѣми, какъ бы желая торжественно доказать что нисколько не почитаетъ себя солидарнымъ съ сыномъ. Вокругъ княжны онъ какъ-то особенно вился, очевидно намѣреваясь что-то объяснить ей. Но она или занята была своими сборами, или представлялась ему „не въ своей тарелкѣ“, и онъ робко отступалъ предъ этимъ, просившимся у него на уста объясненіемъ... Теперь же онъ, выступая съ нею шагъ въ шагъ вдоль длинной линіи ожидавшихъ вагоновъ, почтительно склонивъ къ ней голову и устремивъ пристально глаза себѣ подъ ноги, будто чая каждую минуту пропасть имъ въ провалъ, говорилъ ей полушепотомъ:

— Смѣю надѣяться, Кира Никитишна, что еслибы вамъ что-нибудь понадобилось въ дорогѣ, вы прямо обратитесь къ Иринарху... Онъ тутъ, — ѣдетъ съ вами въ одномъ поѣздѣ, примолвилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ уже таинственно, кивнувъ на рядъ вагоновъ втораго класса мимо котораго проходили они.

Она не отвѣтила,—она и не слышала.

Ламартинъ заговорилъ еще тише:

— Онъ здѣсь, какъ вамъ извѣстно, проживалъ безъ отпуска изъ университета, единственно изъ... изъ удовольствія которое доставляло ему ваше общество...

— Что? разсѣянно спросила она, пробуждаясь изъ раздумья въ которое погружена была вся.

Онъ вдругъ обробѣлъ опять и, не повторяя сказаннаго, торопливо залепеталъ:

— Я хотѣлъ васъ просить, княжна... Я все-таки отецъ и... и долженъ предвидѣть... Еслибы, чего Боже сохрани, надъ Ирой стряслась, говоря по народному, какая-нибудь бѣда, — не откажите быть его, такъ-сказать, предстательницею въ высшихъ сферахъ...

Она поглядѣла на него:

— Я сама ничего не знаю.... Какъ же вы хотите чтобъ я... не договорила она до конца, и замолкла.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ замолкъ тоже.

Digitized by Google

„Вотъ она, птица-то породистая, крылья какъ отросли, она и... А мой *плебей* воображалъ что она его...“ промелькнуло у него обрывками въ головѣ. И весьма затруднительно было бы сказать, къ этой-ли „*породистой* птицѣ“, или къ тому, ему близкому существу, котораго онъ, съ его же словъ, называлъ „плебеемъ“, болѣе влеклись при этомъ тайныя сочувствія стараго либерала.

Всѣдъ за *господами*, съ кожанымъ мѣшкомъ въ одной рукѣ, съ пледомъ „своей барышни“ на другой, шла Анфиса... Не безъ тоскливой внутренней смуты рѣшилась она принять нежиданное предложеніе сдѣланное ей княжной, по совѣту Александры Павловны (бывшая экономка все это послѣднее время жила у Лукояновыхъ, работая надъ бѣльемъ невѣсты, и съ каждымъ днемъ возбуждала къ себѣ со стороны той все болѣе расположенія и довѣрія), ѣхать съ нею въ чужой, пугавшій ее воображеніе городъ. Уговорила ее Лизавета Ивановна, случайно зашедшая къ Лукояновымъ послѣ двухъ недѣль проведенныхъ ею у какого-то больнаго, и къ которой Анфиса тотчасъ же и обратилась за совѣтомъ. Маленькая особа, горячо привязавшаяся къ бывшей „экономкѣ“ за набожность ея и „тихость“, доказывала ей что ей „*для Бога* безпремѣнно ѣхать надо“.

— Испробовать себя надо, милая, говорила она,—приневолить; вотъ какъ апостолъ сказалъ: *аще можеши свободнымъ быть тѣмъ паче паработи себя!*

— Барышня-то, говорятъ, нравная очень! возражала шепотомъ Анфиса.

— *Обуянная* она, милая, вотъ что! подтвердила тѣмъ же голосомъ Лизавета Ивановна;—такъ изъ-за этого изъ-за самаго и ѣхать надо съ нею. Кротостью учить ее надо, примѣромъ да молитвой, чтобы сердце у нея умягчилось, на ваше смиреніе глядя... Можетъ, подвигъ большой возлагаетъ на васъ Царица Небесная, прейти же его грѣхъ, ангелъ мой!... Намедни вотъ невѣста моя золотая, Александра Павловна, сказываетъ мнѣ: „ахъ какъ хорошо бы молъ еслибы сестрица княжна Анфису съ собою взяли, потому ея Агаѳья неряшлива очень и лѣнива. Очень вы полюбились Александрѣ-то Павловнѣ, милая; сама-бъ она васъ къ себѣ взяла, да по добротѣ своей безконечной прежде всего не о себѣ, а о сестрѣ сиротѣ подумала, чтобъ ей васъ предоставить...

Digitized by Google

— Къ ней бы я съ радостью.— Слезы выступили на глазахъ Анфисы:—что же, Лизавета Ивановна, видно надоть... Какъ Богу угодно, пойду, скажу что согласна...

Маленькая особа кинулась обнимать ее.

Она, боязливо озираясь кругомъ, словно чтобъ ее не раздавили, шла теперь рядомъ со своею пріятельницей и шепталась съ нею, уговариваясь о томъ какъ имъ писать другъ другу....

Атаманъ, имѣвшій повсюду услужливыхъ пріятелей, устроилъ для княжны на лошадѣ особое, просторное отдѣленіе, куда она и вошла въ сопровожденіи родныхъ.

Но вотъ раздался звонокъ.

У нея вдругъ сжалось сердце. Она уѣзжала *одна*, на невѣдомую жизнь... Что ждетъ ее? „А если *тамъ* еще тяжелѣе“ пробѣжало на мигъ у нея въ мысли. Глаза ея заморгали, — она протянула вдругъ обѣ руки Марьѣ Яковлевнѣ.

— Простите тетушка,—голосъ ея слегка дрогнулъ,—если я не всегда была такая къ вамъ какъ мнѣ слѣдовало... Повѣрьте, я не забуду....

Пылкая, но незлопамятливая „тетушка“ всхлипнула и не дала ей продолжать:

— Ну что тамъ, свои люди, сочтемся! заговорила она охватывая ее за шею своими массивными руками и прижимая къ своей нескончаемой кирасѣ;—не забывай, лишь... да смотри, на свадьбу Сати непремѣнно пріѣзжай; причина законная, кажется, такъ и скажи своей Княгинѣ: сестра-молъ двоюродная, одна и есть у меня близкая...

— Кира, милая, кинулась къ ней, въ свою очередь, вся въ слезахъ Сашенька,—будь счастлива!.. Я за тебя каждый день молиться буду, чтобы ты нашла себѣ такое же счастіе какъ я, прошептала она ей на ухо.

— Второй звонокъ, пожалуйте изъ вагона! возгласилъ у дверцы кондукторъ, между тѣмъ какъ Анфиса, разцѣловавшись съ Лизаветой Ивановной, проворно вскакивала съ платформы.

— Ахъ ты, Господи, еще увезутъ!..

И Марья Яковлевна испуганно послѣдила вонъ.

Сашенька послѣдовала за нею.

Троекуровъ на мгновеніе остался вдвоемъ съ княжной.

— Прощайте, Борисъ Васильевичъ, промолвила она, протягивая ему руку.

Digitized by Google

Онъ сжалъ ее, склонивъ голову...

— Все то же, по вашему: „золотая клѣтка“, и вамъ больше? простелтала Кира, слабо усмѣхаясь.

— Если я ошибаюсь—тѣмъ лучше! могъ только сказать онъ.

Странные глаза ея загадочно остановились на немъ...

— Пожалуйте, ваше высокоблагородіе, пожалуйте! торопилъ его съ платформы кондукторъ.

Онъ пожалъ еще разъ ея оставшіеся въ рукѣ его пальцы, и молча вышелъ изъ вагона.

Поѣздъ двинулся. Провожавшіе замахали шляпами. Дамы судорожно закивали, посылая ручками несмѣтное количество поцѣлуевъ по адресу отъѣзжавшей... Кира стояла блѣдная за окномъ, медленно и безъ улыбки поводя головой на эти знаки прощанія. За нею Анфиса истово крестилась на горѣвшіе въ свѣтѣ весеннаго дня кресты московскихъ церквей. „Прости матушка Бѣлокаменная“, шептали неслышно уста ея, „на чужой на сторонушкѣ позабыть-ли что было мнѣ тутъ радости на краткій часъ, что кручины злой на долгіе годы!..“

XXV.

О, Erd'! o, Wonne!
О, Sonne! o, Lust.
Göthe.

То было въ утро нашихъ лѣтъ,
О, счастіе! О, слезы!
О, лѣсъ! О, жизнь! О, солнца свѣтъ!
О, свѣжій духъ березы!
Гр. А. Толстой.

Прошли еще три недѣли.

Все уже цвѣло, все зеленѣло, все лѣто кругомъ когда, только что обвѣнчанные, Борисъ Васильевичъ и Александра Павловна Троекуровы выѣхали изъ Москвы въ щегольскомъ съ иголочки англійскомъ дормезѣ шестерикомъ по лути ко своему Всесвятскому... Вѣнчали ихъ, какъ положено было, *на Красную Горку*, въ Ѳомино воскресенье, у Бориса и Глѣба *,

* У Арбатскихъ воротъ.

Digitized by Google

отчасъ послѣ обѣдни, и по настоятельному требованію Троекурова, въ присутствіи самаго ограниченнаго кружка ближайшихъ родныхъ. Сашеньку благословляла мать съ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ Овцынымъ, который, несмотря на свое *западничество*, весьма обрядливо, хотя и нѣсколько театрально отбылъ свою должность посаженаго отца (онъ былъ ею весьма польщенъ, сказать кстати). Княгиня Додо, никуда уже не выѣзжавшая, благословила жениха у себя на дому со старикомъ *графомъ*, который, въ свою очередь, съ большимъ удовольствіемъ принялъ на себя „быть за отца“ у сына бывшаго товарища своего „по службѣ при государѣ Александрѣ Павловичѣ“. Шаферами были: у Троекурова Веретеньевъ и Апанинъ, а у невѣсты братъ ея, кавалергардъ, пріѣхавшій къ этому дню изъ Петербурга. (Вторымъ шаферомъ напросился было самъ къ ней отвергнутый обожатель ея, Моховъ, но отказался отъ этого подъ предлогомъ болѣзни за сутки до вѣнчанія, и провелъ весь тотъ день у себя, рыдая въ подушки и затыкая себѣ уши чтобы не слышать праздничнаго звона колоколовъ, представлявшагося ему какою-то безлошадною насмѣшкой надъ его „растерзаннымъ сердцемъ“)... Кира Кубенская не пріѣхала на свадьбу, поручивъ двоюродному брату сказать матери и сестрѣ что въ этотъ самый день вѣнчаютъ въ ея дворцѣ предмѣстницу ея, баронессу Гагернъ, съ секретаремъ нашего посольства въ Вѣнѣ, графомъ Наташанцевымъ, и что она, Кира, обязана по должности быть на этомъ торжествѣ при своей Княгинѣ. Марья Яковлевна вскипятилась было за первыми словами сына, и назвала племянницу „возмечтавшею о себѣ *фрейкой*“, но Сережа очень спокойно и обстоятельно объяснилъ ей что „фрейка“ иначе поступить не могла, особенно на первыхъ порахъ своей службы при дворѣ, и заслуживаетъ поэтому гораздо скорѣе поощренія чѣмъ порицанія. На послѣдовавшій же затѣмъ, уже болѣе насмѣшливый чѣмъ гнѣвный, вопросъ матери: „ну, какъ же ей тамъ живется, нашей недотрогѣ царевнѣ, въ Петербургѣ-то?“—молодой кавалергардъ, со свойственными ему осторожностью и сдержанностью тона, сказалъ что къ Кирѣ, какъ кажется, весьма благоволитъ высокая особа при которой состоитъ она, „mais que dans le monde on la trouve quelque peu étrange“...

Изъ церкви поѣхали всѣ въ домъ къ Марьѣ Яковлевнѣ, гдѣ, послѣ тотчасъ же поданнаго и не долго длившагося

Digitized by Google

déjeuner dinatoire (до Всесвятскаго было 120 верстъ, изъ которыхъ послѣднія двадцать по проселочной, не совсѣмъ надежной дорогѣ, и Троекуровъ разчитывалъ проѣхать ихъ еще засвѣтло), *молодая* послѣшила переодѣться въ дорожное платье и, расцѣловавшись со всѣми, принявъ напутственное благословеніе отъ разрыдавшейся при этомъ матери, вся въ слезахъ спустилась объ руку съ мужемъ съ лѣстницы, сопровождаемая всѣми приглашенными, родными и друзьями, домочадцами и слугами, кидавшимися ей на путь „къ ручкѣ", на прощанье,—и сѣла съ нимъ въ лоданный ко крыльцу, весело сверкавшій лодъ солнцемъ свѣжимъ своимъ лакомъ и шелковою, темномалиновою обойкой, дормезъ....

Шестерикъ тронулъ.... На крыльцѣ замахали платками, заголосили пожеланія добраго пути и всякаго благополучія. Марья Яковлевна, высоко подавъ руку, осѣнила въ послѣдній разъ отъѣзжающихъ широкимъ крестнымъ знаменіемъ. Слезы закапали вновь изъ глазъ Александры Павловны.

Но не на долго. Не успѣли они доѣхать до Никитскихъ воротъ, какъ она, сунувъ въ карманъ отиравшій слезы эти платокъ, обернулась лицомъ къ безмолвно сидѣвшему подлѣ нея мужу, и глянула на него съ улыбкой безконечнаго счастья.

Онъ улыбнулся тоже, взялъ ея руку, и страстнымъ поцѣлуемъ припалъ къ ней словно съ тѣмъ чтобы никогда отъ нея не отрываться.

Мчали ихъ, какъ говорится, *по царски*. Впереди скакалъ почталіонъ, предоставленный къ услугамъ Троекурова обязательнымъ московскимъ почтдиректоромъ. Заранѣе готовыя лошади ждали ихъ въ хомутахъ у каждой станціи, и впрягались мигомъ въ ихъ экипажъ совокупностью всѣхъ состоявшихъ тамъ налицо ямщиковъ, которымъ Троекуровъ выкидывалъ по двадцати пяти рублей каждый разъ какъ новый шестерикъ снова пускался съ мѣста вскачь по влажной еще отъ весеннихъ дождей поверхности шоссе. Къ одиннадцати часамъ вечера, благополучно миновавъ всякія ухабистыя гати и дребезжащіе мосты, они въѣзжали въ свое Всесвятское.

Сашенька, убаюканная мягкою качкой рессоръ, заснула къ концу дороги на плечѣ мужа.... Она проснулась въ его объятіяхъ,—онъ вынесъ ее изъ экипажа,—и широко открыла глаза.

Они стояли на ступеняхъ уставленнаго высокими растеніями балкона-крыльца, спускавшагося во дворъ усажен-

Digitized by Google

ный старыми тѣнистыми кленами. Изъ раскрытыхъ настѣжъ дверей, изъ длиннаго ряда оконъ дома лился свѣтъ ярко освѣщенныхъ внутри покоевъ. Кучка слугъ, прибывшая на мѣсто еще за нѣсколько дней назадъ, суетилась кругомъ господъ, высаживала горничную Александры Павловны изъ-подъ ея будки надъ заднимъ сидѣньемъ дормеза.

— А, Скоробогатовъ, говорилъ Борисъ Васильевичъ радостнымъ голосомъ невысокому и коренастому усачу въ солдатской шинели, стоявшему вытянувшись въ струну и съ фуражкой въ рукѣ у самыхъ перилъ балкона,—давно ли здѣсь? Я тебя не ждалъ такъ скоро.

— Какъ получилъ письмо отъ вашего всекоблагородія, такъ и заслѣшилъ тотчасъ; вчерась прибылъ, рапортовалъ тотъ, весело глядя на него маленькими и живыми глазками.

— Ну, вотъ и жена моя,—поцѣлуй ей ручку, она про тебя знаетъ.

— Ахъ да, знаю! съ горячимъ порывомъ воскликнула Александра Павловна, прикасаясь губами къ загорѣлому лбу служиваго, кинувшагося цѣловать ея руку,—и какъ благодарить уже не знаю....

— Ну, пойдемъ, другъ мой, ты устала! сказалъ ей Троекуровъ.

Онъ повелъ ее въ комнаты. Все говорило въ нихъ объ изяществѣ вкуса и нѣжной заботливости влюбленнаго мужа, уготовившаго ей это „голубиное гнѣздышко“.... Но она не хотѣла останавливаться въ нихъ:—у ней въ головѣ неотступно стояло то какъ она въ дѣвическихъ мечтахъ своихъ представляла себѣ ихъ первое прибытіе во Всесвятское.

— Въ садъ пойдемъ, Борисъ, говорила она ему,—мнѣ такъ хочется скорѣе увидѣть его!....

Она прошла съ нимъ на террасу.

Да, все это было такъ какъ она чаяла,—это былъ сонъ ея на яву.

Въ прозрачной полутьмѣ апрѣльской ночи стояли предъ нею великаны-дубы, вѣковыя липы, и золотые рожки молодаго мѣсяца, выплывая изъ-за дымчатыхъ тучекъ, сверкали перебѣгавшими искрами въ недвижной глади затоплявшей низы сада рѣки.... Проницающій и тонкій, струился въ воздухѣ нѣжный запахъ фіалокъ....

— Шш.... Слышишь? тихо промолвилъ Троекуровъ, обнимая станъ ея рукою и прижимая къ себѣ.

Digitized by Google

Робко сначала, какъ бы пробуя, *заучалъ* незримый пѣвецъ.... Сашенька вся замерла. Какая-то нѣжная, трогательная мольба послышалась ей въ этихъ звукахъ.... Но вотъ онъ ударилъ, *заплакалъ*, задробилъ,—и задорный рокотъ его понесся звенящимъ вызовомъ въ необъятную даль....

— Борисъ, прошептала молодая жена, это то что̀ я.... Нѣтъ, все это лучше того что̀ я воображала,—это рай на землѣ!...

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

В. МАРКЕВИЧЪ.

Digitized by Google

НА ГОРАХЪ *

CX.

Отецъ Прохоръ впустивъ Дуню провелъ ее въ заднюю, говоря что въ передней сидѣть ей опасно. Какъ только узнаютъ хлысты что она скрылась, сказалъ онъ, начнутъ искать ее и непремѣнно станутъ къ нему въ окна глядѣть; немудрено что и съ обыскомъ придутъ. Разбудивши жену и дочерей отецъ Прохоръ приказалъ имъ тотчасъ же снарядить въ дорогу черезчуръ легко одѣтую Дуню, а потомъ вышелъ на дворъ и разбудивъ работника велѣлъ ему наскоро запрячь лошадку. Полуслѣпая и глуховатая матушка лошадья надѣла на Дуню чоботы старшей дочери и свою шубейку и повязала ей голову большимъ платкомъ по-деревенски. Не прошло получаса, какъ отецъ Прохоръ сѣлъ съ Дуней въ телѣжку. Уѣзжая наказалъ онъ домашнимъ что ежели кто спроситъ про него, особливо изъ барскаго дома, такъ сказали бы что еще раннимъ вечеромъ онъ уѣхалъ съ требой, а оттуда хотѣлъ проѣхать въ городъ, куда будто вызывали его въ духовное правленіе.

---

* См. *Руск. Вѣстн.* №№ 5 и 10й 1875, №№ 8 и 10й 1876, №№ 5, 6, 7, 9 и 10й 1877, №№ 1, 5, 8 и 10й 1878, №№ 9 и 12й 1879, № 3й 1880.

Digitized by Google

Эта предосторожность была не лишнею. Только что объутрѣло, въ половскій домъ пришелъ Луповицкій хозяинъ Андрей Александровичъ съ конторщикомъ Пахомомъ.

— Дома ли батюшка? спросилъ онъ у ключницы, встрѣтившей его у калитки.

— Нѣтъ его дома, почтительно отвѣчала она.—Еще съ вечера до сумерекъ уѣхалъ съ требой.

— А скоро ль воротится? продолжалъ разспрашивать Андрей Александрычъ.

— Не знаю какъ доложить вамъ. Сражался какъ въ дорогу такъ говорилъ чтобы скоро его не ждали, потому что надо ему въ городъ проѣхать. Въ духовное правленіе по какому-то дѣлу требуютъ, третьяго дня разсыльный пріѣзжалъ, сказала матушка попадья.

— Экая досада! воскликнулъ Андрей Александрычъ, садясь на диванъ въ передней горницѣ.—А я было къ нему за дѣломъ. Какъ-то разъ батюшка говорилъ что у васъ и домикъ и надворныя службы обветшали, и я тогда же обѣщалъ ему кой-какія поправки сдѣлать. А теперь хочу плотниковъ нанимать, теплицы надо поправить, застольную, а скотный дворъ заново поставить. Такъ я было и пришелъ вмѣстѣ съ конторщикомъ осмотрѣть какія поправки нужно у васъ сдѣлать чтобъ заодно ужь рядить плотниковъ-то.

Попадья разсыпалась въ благодарностяхъ за нежданныя негаданныя милости. Низко кланялись Луповицкому и обѣ половны.

— Благодѣтель вы нашъ Андрей Александрычъ, говорила со слезами матушка попадья.—Истинный вы нашъ благодѣтель! Эка, Петровичъ-отъ на бѣду отъѣхалъ... А впрочемъ что жь его ждать, и безъ него обойдемся. Велите конторщику все осмотрѣть, а Степанидушка съ ключами вмѣстѣ съ нимъ пойдетъ, погребъ отопретъ ему, и житницу, и клѣть, и чуланы. Она и запишетъ все на грамоткѣ. *

— Зачѣмъ это? Самъ осмотрю, сказалъ Андрей Александрычъ и всталъ съ мѣста.

Осмотрѣлъ онъ переднія и заднія горницы, посылалъ Пахома въ подполье поглядѣть не загнили ли гдѣ нижніе вѣнцы срубовъ, самъ лазилъ на чердакъ посмотрѣть на крышу, побывалъ во всѣхъ чуланахъ и въ клѣти, на погребѣ самъ въ низъ сходилъ и въ банѣ побывалъ, и въ житницѣ, и въ

* Грамотка—бумажка.

Digitized by Google

сараяхъ, въ конюшнѣ, въ коровникѣ и на сѣновалѣ, гдѣ похваливая половское сѣно вилами потыкалъ его. И все на бумажкѣ записывалъ.

Послѣ осмотра строевій до послѣдней щелочки, Андрей Александрычъ убѣдился что Дуня у попадьи нѣтъ. На прощаньи сказалъ:

— Такъ вы, матушка, готовьтесь къ поправкамъ. Плотники придутъ къ Воздвиженью, а лока до нихъ по этой запискѣ пришлю вамъ бревенъ и тесу. Отведите свободное мѣстечко гдѣ сложить.

— Благодѣтель вы нашъ! Вѣкъ за васъ будемъ Бога молить. Не оставляете убогихъ своими щедротами.... Петровичъ-отъ какъ станетъ жалѣть что не посчастливилось ему видѣть васъ у себя въ домѣ.

— Ну, прощайте матушка. До свиданья, сказалъ собираясь уходить Андрей Александрычъ.

— А чашечку чайку не угодно ли выкушать? сказала попадья. Покамѣсть вы трудили себя, Степанидушка и самоварчикъ поставила и чайку заварила ради дорогаго гостя, отца нашего родного, благотворителя.

Андрей Александрычъ остался, а Пахому велѣлъ идти домой и въ тотъ же день составить смѣту на постройки при барскомъ домѣ и на поправки въ домѣ отца Прохора. Какъ ни упрашивала попадья чтобы позволилъ Андрей Александрычъ Пахому выпить у нея чашечку другую чая, онъ не согласился и приказалъ конторщику какъ можно скорѣй домой послѣлать.

За чаемъ Андрей Александрычъ разговаривалъ съ глуховатой и полуслѣпой попадьей о недостаткахъ половскаго хозяйства. И сѣнокосишка малъ, и въ землѣ скудость и доходовъ отъ церковной службы недостаточно. Кончилось тѣмъ что Луповицкій вынувъ изъ бумажника десятирублевую далъ ее попадьѣ, примолвивши:

— Это вамъ за безпокойство. Своимъ приходомъ я вѣдь нарушилъ покой въ мирномъ уголкѣ вашемъ.

Со слезами на глазахъ попадья схватила-было у него руку чтобы поцѣловать ее, но Андрей Александрычъ не допустилъ до того.

— Прощайте матушка. Кланяйтесь отцу Прохору. Скажите чтобы до Ивана Богослова * непремѣнно приготовился къ

* 26 сентября.

Digitized by Google

перестройкамъ вашего дома, говорилъ уходя изъ лоловскаго дома Андрей Александрычъ.

До самой улицы проводила лоладья съ дочерьми барина, низко кланяясь ему и благодаря какъ только умѣли. Когда же домой воротились лоладья тетушка Степанидушкѣ:

— Не нашелъ, хоть и по всѣмъ лазамъ лазилъ. Пришлетъ ли вѣтъ ли лѣсу, Богъ его знаетъ, а красненькую ложаловалъ. И то годится.... А вѣдь Авдотья-то Марковна богачка слышь страшная, къ тому жъ и добра и милостива какъ замѣтила я. Не десять рублей лоди дастъ Петровичу. Соверши только Господи во благо ея возвращеніе въ домъ родительскій! Такой богачки ни разу еще не приводилось Петровичу выручать изъ этого дома.

Не прежде какъ отъѣхавши версты полторы отъ Луповицъ отецъ Прохоръ сталъ разговаривать съ Дуней. Обливаясь слезами разказала она все что случилось съ нею минувшей ночью. Все разказала, ничего не потаила отъ спаснаго ее отъ гибели. Молча и внимательно слушалъ отецъ Прохоръ исповѣдь Дуни. Когда жъ она все разказала спросилъ у нея.

— За чѣмъ же вы, Авдотья Марковна, ежели рѣшились оставить ересь и самый домъ гдѣ были совращены, за чѣмъ, говорю, лошли вы ночью на ихъ сборище и даже въ особую комнату для свиданія со злѣйшимъ еретикомъ Денисовымъ? Вѣдь я васъ предупреждалъ объ немъ.... Еще слава Богу что такъ обошлось, а то вѣдь непремѣнно сдѣлались бы его жертвой. Не мало бывало примѣровъ. Лишились бы и чести и добраго имени, еслибы не молитвы за васъ святаго отца нашего Амвросія епископа Медіоланскаго. Такъ я смотрю на дѣло вашего спасенія и глубоко вѣрую что совершилось оно не иначе какъ по ходатайству предъ Богомъ сего святителя. Примите же совѣтъ мой, примите стариковскую просьбу: ежели бы вы находились въ оградѣ истинной церкви, я бы при вашихъ достаткахъ посовѣтовалъ вамъ устроить хоть придѣлъ въ честь и славу сохранившаго васъ отъ гибели святителя, но какъ вы принадлежите къ тѣмъ что разняться съ нами въ обрядахъ и своихъ церквей не имѣютъ, такъ устройте хоть икону святителя Амвросія и всю жизнь свою утромъ
молитесь передъ нею теплою молитвой благо-
титель Амвросій Медіоланскій чествуется у

Digitized by Google

вашихъ равно какъ и у насъ—ламять его совершается въ седьмое число декабря, на другой, значитъ, день зимняго Николая. Послѣдуйте же моему совѣту и святый отецъ не умалитъ дивныхъ своихъ къ вамъ милостей. Скажите мнѣ, исполните ли искренній и душевный совѣтъ мой?

— Исполню, отецъ Прохоръ, непремѣнно исполню, съ горячимъ порывомъ отвѣтила Дуня.

— А ежели по молитвамъ отца нашего Амвросія, имѣющаго дерзновеніе обращаться съ ходатайствомъ къ Отцу Небесному, когда-нибудь рано ли поздно ли войдете вы въ ограду святой церкви, на что имѣю полную надежду, соорудите тогда хоть придѣлъ во имя его, а ежели достанетъ средствъ, то и новый храмъ.

Не отвѣтила Дуня отцу Прохору.

— А ежели по Божію благословенію вступите въ жизнь супружескую, продолжалъ онъ,—то первому сыну нареките имя Амвросій. Пускай и на старости вашихъ лѣтъ непрестанно напоминаетъ онъ вамъ преславное имя избавившаго васъ отъ гибели святителя.

Дуня опять промолчала.... Больше версты они проѣхали молча. Наконецъ отецъ Прохоръ спросилъ:

— Скажите мнѣ теперь по чистой совѣсти самую сущую правду, что побудило васъ открыто заявивши фармазонамъ что вы душевно и тѣлесно чуждаетесь ихъ, что побудило васъ придти на сходбище оныхъ богопротивниковъ и даже идти на свиданье съ Денисовымъ?

Дуня разказала какъ Луповицкіе ее уговорили, и какъ она до послѣдней минуты не предвидѣла со стороны Денисова ни обмана, ни злаго умысла.

— Злодѣи, злодѣи! вскликнулъ отецъ Прохоръ! — Доколѣ терпитъ имъ Господь!

И немного погодя сказалъ:

— Я отвезу васъ въ губернію. * Тамъ будетъ вамъ безопасно—еретики тамъ ничего не посмѣютъ сдѣлать. Привезу я васъ въ хорошій купеческій домъ. Семейство Сивковыхъ есть, люди благочестивые и сердобольные, съ радостью пріютятъ васъ у себя. Только ужь вы пожалуста ни про нашихъ господъ, ни про Денисова, ни про ихъ богохульную вѣру ничего имъ не разказывайте. Ежели довесется объ этомъ до

* Губернскій городъ.

Digitized by Google

Луповицъ, пострадать могу. Такъ ужь вы пожалуста. Богомъ прошу васъ, Авдотья Марковна.

— Будьте увѣрены, слова никому не вымолвлю, отвѣчала Дуня.—И развѣ можно говорить мнѣ, ежель это повредитъ вамъ. Вѣдь вы мой избавитель, я вѣдь безъ васъ непремѣнно бы пропала. А какъ бы послѣ того показалась я на глаза тятенькѣ?

— Такъ ужь пожалуста. Я вполнѣ надѣюсь, сказалъ отецъ Прохоръ.—А у Сивковыхъ какъ будетъ вамъ угодно—къ батюшкѣ ли напишите чтобы кто-нибудь пріѣзжалъ за вами, или однѣ поѣзжайте. Сивковы дадутъ старушку проводить—сродница ихняя живетъ у нихъ въ домѣ, добрая, угодливая. Акулиной Егоровной зовутъ. Дорожное дѣло знакомо ей—всю почитай Россію не разъ изъѣздила изъ конца въ конецъ по богомольямъ. У Сивковыхъ и къ дорогѣ сготовитесь, надо вѣдь вамъ бѣлья, платья купить. Деньги-то есть ли у васъ на покупки и на дорогу?

— Денегъ у меня довольно, на все достанетъ, отвѣчала Дуня.

— Ну вотъ и хорошо, вотъ и прекрасно, проговорилъ отецъ Прохоръ. — А еслибы паче чаянія нуждались въ деньгахъ можно бы было у Сивкова достать, онъ вѣдь каждый годъ къ Макарью ѣздитъ и порядочное число соленой рыбы закупаетъ. Надо полагать что и родителя вашего знаетъ, можетъ-статься и знакомство съ нимъ водитъ. Онъ ни въ чемъ не откажетъ вамъ.... Вотъ еще о чемъ спрошу я васъ Авдотья Марковна,—немного подумавши продолжалъ отецъ Прохоръ. — Не осталось ли у васъ въ господскомъ домѣ какихъ-нибудь лисемъ или записокъ о вашихъ сношеньяхъ съ хлыстами?

— Нѣтъ, ничего не осталось, отвѣтила Дуня.

— То-то, этого теперь луще всего надо опасаться, молвилъ отецъ Прохоръ.—Нужно вамъ сказать, только до времени объ этомъ пока никому не говорите — не въ долгомъ надо полагать времени господамъ Луповицкимъ будетъ разгромъ: наѣдетъ судъ, обыски начнутъ у нихъ въ домѣ дѣлать, пойдетъ слѣдствіе. Сохрани Боже если найдется какой-нибудь клочекъ бумажки гдѣ помянуто ваше имя. Это можетъ и васъ къ дѣлу прилутать. А дѣло повидимому разгорится очень важное и для всѣхъ хлыстовъ Луповицкихъ и другихъ самое непріятное по своимъ послѣдствіямъ.

— Нѣтъ, отецъ Прохоръ, никакихъ моихъ бумагъ въ ихнемъ

Digitized by Google

домѣ не осталось, сказала Дуня.—Но что жь это за слѣдствіе? Что такое случилось?

— Всего подробно теперь объяснять вамъ не могу, отвѣчалъ отецъ Прохоръ.—Самъ многаго не знаю. На третій день послѣ Успенья́ева дня я ѣздилъ въ губернію, въ консисторіи по одному дѣлу былъ. Тамъ одинъ вѣрный человѣкъ, хорошо знающій дѣла, сказывалъ мнѣ что новый владыка крѣпко принялся за хлыстовъ. Изъ Петербурга, слышь, изъ самаго Святѣйшаго Синода получилъ онъ указъ на счетъ господъ Луповицкихъ и о томъ что скоро къ нимъ долженъ пріѣхать самый злѣйшій еретикъ Денисовъ.... Какъ онъ пріѣдетъ, такъ ихъ и накроютъ. А дѣло о хлыстахъ началось въ Москвѣ, и по взятымъ у нихъ бумагамъ открылось гдѣ, въ какихъ значитъ мѣстахъ теперь они находятся. И повсюду, слышно, розыски пошли да слѣдствія. Не знаю ужь отъ кого и какимъ образомъ узналъ владыка что я въ губерніи, велѣлъ придти къ нему. И безъ малаго цѣлый часъ изволилъ келейно со мной бесѣдовать на счетъ Луповицкой хлыстовщины. Извѣстное дѣло, передъ архипастыремъ всю правду надлежитъ разсказывать. Я и разсказалъ. Тутъ владыка благословилъ меня ѣхать во свояси и примолвилъ объ нашихъ сосѣдяхъ: „видно имъ того же захотѣлось что̀ съ отцомъ ихъ было“.

— А что̀ такое было съ ихъ отцомъ? спросила ничего объ старыхъ дѣлахъ не знавшая Дуня.

— Не слыхали развѣ? сказалъ отецъ Прохоръ.—Про это не любятъ они разговаривать. Отецъ вѣдь тоже былъ въ этой самой ереси, а какъ человѣкъ былъ знатный и богатый, то никто къ нему и прикоснуться не смѣлъ. Сильная рука у него была въ Петербургѣ, при самомъ царскомъ дворѣ находились друзья его и благопріятели. А все-таки не избѣжалъ достойной участи—въ монастырь сослали, тамъ въ безъисходномъ заточеньи и жизнь скончалъ.

— А давно ль это было? съ любопытствомъ спросила Дуня.

— Да ужь лѣтъ тридцать прошло съ той поры какъ его подъ стражей изъ Луповицъ увезли. Я былъ тогда еще вновѣ, только что удостоился принять рукоположеніе, отвѣчалъ отецъ Прохоръ.—Но его хорошо помню—важный такой видъ имѣлъ, а корабль у него не въ примѣръ больше былъ теперешняго. И въ томъ кораблѣ были все больше изъ благородныхъ да изъ нашего брата, изъ духовенства... А вотъ мы и пріѣхали, прибавилъ отецъ Прохоръ указывая на огоньки и на бѣлѣвшія въ полумракѣ зданія губернскаго города.

Digitized by Google

Отецъ Прохоръ подъѣхалъ къ большому каменному дому кулца Сивкова. Радушно встрѣтили его и хозяинъ, только что воротившійся отъ Макарья, и жена его, и двѣ снохи и дальняя сродница Акулина Егоровна, та самая, что разъѣзжала а иной разъ и лѣшкомъ ходила по богомольямъ. Отецъ Прохоръ разказалъ хозяину придуманный дорогой вымыселъ на счетъ Дуни.

— Не знаете ли, Поликарпъ Андреичъ, Марка Данилыча Смолокурова, рыбой у Макарья торгуетъ? спросилъ онъ Сивкова.

— Какъ не знать Марка Данилыча? отвѣчалъ Сивковъ.— На Гребновской онъ первый воротило. Довольно знаемъ Марка Данилыча, не разъ товаръ бирали у него, кредитовались значитъ.

— Вотъ это его дочка, сказалъ отецъ Прохоръ взявши Дуню за руку.

Хозяйка, обѣ снохи и Акулина Егоровна стали обнимать и цѣловать Дуню. Какъ ни удерживалась Дуня, а отъ этихъ искреннихъ ласкъ незнакомыхъ людей слезы вдругъ въ три ручья покатились у нея изъ глазъ, а подступавшія рыданья совсѣмъ было задушили ее.

— Что съ вами? Что съ вами? услуживая Дунѣ говорили жена и снохи Сивкова, а старушка Акулина Егоровна со всѣхъ ногъ бросилась за холодной водой, и съ молитвой напоила Дуню. Той стало немного полегче.

Между тѣмъ отецъ Прохоръ разказывалъ, что Авдотья Марковна съ одной пожилой купчихой изъ ихняго города собралась съѣздить въ Кіевъ на богомолье, и далеко еще туда не доѣхала, какъ съ ней случилось несчастье. Верстахъ въ двадцати пяти отъ Луповицъ остановились богомольцы ночевать на постояломъ дворѣ у одного крестьянина. И въ то время какъ всѣ ужь заснули, на томъ дворѣ загорѣлось. Авдотья Марковна съ вечера не раздѣвалась и въ одномъ платьѣ выбѣжала изъ пылавшаго дома, а ѣхавшая съ нею купчиха и еще семь ли восемь ли богомолокъ сгорѣли. Все имущество, и кибитка и ямскія лошади, все погорѣло.

— А я тогда случился въ сосѣднемъ селѣ, прибавилъ отецъ Прохоръ,—дѣльцо тамъ было одно у меня. Вотъ и взялъ я на свое попеченье безпріютную дѣвицу.

— Ахъ Господи! Ахъ горе-то какое! Всякаго избави и сохрани Господь отъ такой бѣды! вскликнули женщины, осыпая ласками Дуню.

Digitized by Google

— Это въ Перигоровѣ ложаръ-отъ былъ? спросилъ Поликарлъ Андреичъ.

— Такъ точно, отвѣчалъ отецъ Прохоръ.—А я на ту пору былъ въ селѣ Слизневѣ, и версты не будетъ отъ Перигорова-то, побѣжалъ на ложаръ, да и нашелъ Авдотью Марковну.

— И до насъ объ этомъ ложарѣ вѣсти дошли, и про то еще разказываютъ что сколько-то богомольцевъ тутъ сгорѣло, сказалъ Сивковъ.

А дня за три въ самомъ дѣлѣ былъ ложаръ въ Перигоровѣ, и нѣсколько человѣкъ, Богъ ихъ знаетъ откуда пріѣхавшихъ, сгорѣло на постояломъ дворѣ. Отецъ Прохоръ этимъ случаемъ воспользовался для своего разказа.

— Какъ взялъ я Авдотью Марковну, такъ и порѣшилъ не заѣзжая домой къ вамъ ѣхать, продолжалъ отецъ Прохоръ.—На васъ разчитывалъ, зная что не покинете бѣдняжку въ трудномъ ея положеніи. Опять же и то что здѣсь можно ей будетъ во всемъ исправится: бѣлья искупить, платья и всего другаго, что̀ понадобиться. Деньги есть у Авдотьи Марковны, а вотъ шубейку и платокъ и черевики у Слизневской матушки попадьи на время для нея я взялъ, было бы въ чемъ до васъ доѣхать. Ужь вы сдѣлайте милость, Поликарлъ Андреичъ, примите въ ней участіе. Родитель ея будетъ вамъ очень благодаренъ за неоставленіе единственной его дочери.

— Объ этомъ, отецъ Прохоръ, нечего и толковать, сказалъ Поликарлъ Андреичъ.—Опричь того что Марку Данилычу я всегда и во всякое время со всякой моей радостью готовъ услужить, насколько силъ и умѣнья станетъ, мы бы и по человѣчеству должны были принять участіе въ такомъ несчастьи Авдотьи Марковны. Не соскучилась бы только у насъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ Дунѣ.

— Помилуйте, Поликарлъ Андреичъ. Да я къ вамъ точно въ рай попала, послѣ того что̀ было со мной, со слезами благодарности отвѣтила Дуня.

— Полноте, полноте, вы опять за слезы! вскликнулъ Сивковъ.—По моему вамъ бы теперь отдохнуть, успокоиться. Семеновна,—прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ,—и вы, сиротки, подите-ка, мои матушки, успокойте Авдотью Марковну. А завтра поѣзжайте съ ней за покупками. А ежели у васъ, Авдотья Марковна, въ деньгахъ можетъ быть недостача, такъ вы объ этомъ не извольте безпо-

Digitized by Google

коиться—чѣмъ могу служить все для васъ и для Марка Даниловича сдѣлаю.

Поликарпъ Андреичъ вдвоемъ остался съ отцомъ Прохоромъ. Долго разсуждали они какъ быть съ Дуней. Наконецъ рѣшили такъ: только что исправитъ она свои покупки отправить ее къ отцу съ Акулиной Егоровной, а межъ тѣмъ послать письмо къ Марку Даниловичу и отписать гдѣ теперь она находится и въ какой день намѣрена въ дорогу выѣхать.

На другой день отецъ Прохоръ простился и съ Сивковыми и съ Дуней. Ея прощанье было самое задушевное. Обливаясь слезами, до земли она преклонилась предъ своимъ избавителемъ, но благословенія не приняла—все-таки вѣдь онъ никоніанинъ.

На прощанье дала она отцу Прохору сторублевую. Сначала тотъ не хотѣлъ-было брать, однако взялъ. Дуня обѣщала писать къ нему, никогда не забывать его благодѣяній и помогать ему въ трудной жизни его.

На другой день стали искупать необходимое для Дуни. Она была окружена самымъ теплымъ участьемъ и безконечными ласками Сивковыхъ. А Поликарпъ Андреичъ, зная теперь что она единственная дочь у Смолокурова, говорилъ наединѣ своей Семеновнѣ:

— Вотъ поторопились мы съ тобой Василья-то женить! Вотъ бы невѣста ему. При теперешнихъ обстоятельствахъ дѣло-то можетъ-быть сладилось бы. Поторопились, поторопились. Милліонщица вѣдь.

— Ужь чего ты батька не наскажешь, недовольнымъ голосомъ отвѣтила жена. Значитъ не было на то воли Божіей. Да кто еще узналъ—пошла ли бъ она за нашего Васильюшку.

— А отчего-жь бы и не пойти? возразилъ Поликарпъ Андреичъ. — Чѣмъ парень не вышелъ? Взялъ и ростомъ и дородствомъ, не обидѣлъ его Господь и красой и разумомъ. Отборный женихъ. А главное то возьми въ разчетъ, что вѣдь милліонщица! Послѣ отца одной ей все достанется.

— Перестань, батька, пустяки городить. — Взбредетъ же такая челуха въ голову, сказала Степановна и ушла отъ мужа въ другую комнату.

Покупки были готовы, и Дуня сбиралась въ дорогу съ Акулиной Егоровной. Поликарпъ Андреичъ подрядилъ извощика на долгихъ довезти ихъ до того городка гдѣ жилъ Марко Даниловичъ. Рѣшено было ѣхать на другой же день, а между

Digitized by Google

тѣмъ и Сивковъ и Дуня письма къ Марку Данилычу написали, ни однимъ словомъ однако не помянувъ о пожарѣ въ Перигоровѣ. Дуня увѣдомила отца что Марья Ивановна едва ли не до зимы пробудетъ у своихъ родныхъ и что знакомый ему Поликарпъ Андреичъ Сивковъ, войдя въ ея положеніе, отправляетъ ее въ родительскій домъ съ надежной женщиной, своей сродницей.

CXI.

На другой день послѣ того какъ отецъ Прохоръ воротился домой, Аграфена Петровна къ нему пріѣхала. Сказанныя имъ слова что Дуня „пропала безъ вѣсти“ до того поразили вихоревскую тысячницу что вся она помертвѣла и долгое время въ себя не могла придти. Отецъ Прохоръ догадался что она не просто знакомая Смолокуровымъ, а что-нибудь поближе. Когда пришла въ себя Аграфена Петровна и немного поуспокоилась, сказалъ онъ:

— Изъ такой вашей тревоги долженъ я заключить что вы не совсѣмъ чужая Авдотьѣ Марковнѣ. Можетъ-статься сродницей ей доводитесь?

— Не родная я ей, за то самая близкая, едва слышнымъ, прерывающимся отъ рыданій голосомъ отвѣчала Аграфена Петровна.—Ахъ, Господи, Господи!... Бѣда за бѣдой!... Горе слѣдомъ за горемъ бѣжитъ!

— Вы сказали что у Авдотьи Марковны родитель при смерти лежитъ, молвилъ отецъ Прохоръ.

— Да, съ нимъ ударъ, отвѣтила Аграфена Петровна.—Безъ движенья лежитъ, безъ языка, а какъ кажется въ памяти. И вдругъ еще это горе! И такое ужасное!

— Смиритесь, сударыня, передъ перстомъ Господнимъ, учительно сказалъ ей отецъ Прохоръ.—Создатель лучше насъ знаетъ что намъ на пользу, и что во спасенье.

— Вы близко ее знали? спросила Аграфена Петровна.

— Очень близко, отвѣчалъ отецъ Прохоръ.—И ежели Богъ дастъ увидитесь, лихомъ она меня не помянетъ. А могу ли я у васъ попросить какого-нибудь видимаго знака въ доказательство что близки вы съ Авдотьей Марковной?—продолжалъ послѣ короткаго молчанья отецъ Прохоръ.—Извините, не зная васъ лично, вполнѣ довѣриться не могу....

Digitized by Google

— Дунину руку знаете? нѣсколько подумавши спросила Аграфена Петровна.

— Знаю.

— Вотъ ея письмо ко мнѣ, сличите.

А письмо-то писано было года полтора передъ тѣмъ. Дуня называла въ немъ Аграфену Петровну самымъ дорогимъ, самымъ сердечнымъ другомъ своимъ, и говорила что кромѣ ея нѣтъ у нея никого близкаго.

Кликнулъ отецъ Прохоръ Степанидушку и велѣлъ принести Дунино письмо, писанное къ лопадьѣ изъ губернскаго города съ благодарностями за привѣтъ и ласки. Когда Степанидушка принесла письмо, отецъ Прохоръ, внимательно разсмотрѣвъ оба, сказалъ:

— Теперь вижу что вы близки и могу много сообщить вамъ объ Авдотьѣ Марковнѣ.

— Гдѣ она? Гдѣ? Не мучьте ради Бога меня, скажите скорѣй! быстро схвативъ отца Прохора за руку съ нетерпѣньемъ вскликнула Аграфена Петровна.

— Не безпокойтесь. Она въ мѣстѣ безопасномъ, теперь ей не можетъ быть никакой непріятности, сказалъ отецъ Прохоръ.—Поѣзжайте въ нашъ губернскій городъ, тамъ у купца Сивкова найдете Авдотью Марковну. Марку Даниловну тотъ купецъ знакомъ. Дѣла у нихъ есть торговыя.

— Такъ я сейчасъ же поѣду, сказала Аграфена Петровна.

— Отдохните немножко, выѣдете подъ утро, молвилъ на то отецъ Прохоръ.—Дня три либо четыре Авдотьѣ Марковнѣ надо будетъ съ дѣлами управиться. Вѣдь она въ одномъ платьицѣ изъ барскаго дома ушла. Хорошо еще что деньги-то были при ней.

— Какъ въ одномъ платьѣ? съ изумленьемъ спросила Аграфена Петровна.—Это какъ такъ?

— Ночью она убѣжала, сказалъ отецъ Прохоръ.—Грозило ей большое несчастье, бѣда непоправимая. Въ окошко выпрыгнула. Не до того было ей чтобъ пожитки собирать.... Да я лучше все по порядку разкажу. Недалеку отъ того города гдѣ жительствуетъ родитель Авдотьи Марковны, одна пожилая барышня, генеральская дочь, имѣнье купила. Изъ семьи здѣшнихъ господъ она—Алымова Марья Ивановна.

— Знаю я ее, знаю, торопливо молвила Аграфена Петровна.—Съ годъ тому назадъ сдѣлала она для меня такое благодѣяніе, что никогда его нельзя забыть. Маленькую дочку мою отъ

Digitized by Google

вѣрной смерти спасла—изъ подъ каретныхъ колесъ ребенка выхватила. Не будь Марьи Ивановны до смерти бы задавили мою дѣвочку... Всегда Богу за нее молюсь и почитаю благодѣтельницей.

— Вотъ! Одной рукой людей отъ тѣлесной смерти избавляютъ, а другой ведутъ ихъ въ вѣчную смерть, на адскую ли гибель, вздохнувъ и поникнувъ сѣдой головой сказалъ отецъ Прохоръ.—Доколѣ Господи терпишь Ты имъ?

— Неужли, Марья Ивановна? сказала Аграфена Петровна.— Не могу понять, какъ это случиться могло.

— А вы тамъ, въ своей сторонѣ не слыхали ли чего про Марью Ивановну? спросилъ отецъ Прохоръ.

— Богъ ее знаетъ, сказала Аграфена Петровна. Мало ли какіе слухи по народу стали теперь обноситься всего не переслушаешь. Толкуютъ что какой-то особой вѣры держится она, фармазонской что ли какой.

Промолчалъ отецъ Прохоръ. Не пускался онъ съ Аграфеной Петровной въ откровенности, боясь чтобы кѣмъ нибудь его слова не были перенесены въ барскій домъ. Конечно Луки[illegible] обѣщалась не оставлять его своей помощью, однакожъ лучше держать себя поопаслпвѣй - береженаго и Богъ бережетъ. А дѣло что началось на счетъ хлыстовъ еще кто его знаетъ чѣмъ кончится.

— Увидитесь Богъ дастъ съ Авдотьей Марковной, пусть она сама разскажетъ вамъ про все, молвилъ отецъ Прохоръ. А теперь вотъ что я скажу вамъ: Марья-то Ивановна [illegible] быть знаетъ васъ? [illegible] Авдотьей Марковной [illegible]?

— Знаетъ, все знаетъ, сказала Аграфена Петровна.

— Такъ [illegible]

— [illegible]

фена Петровна. — Лошадей я нанята въ губернскомъ городѣ, сюда и обратно. Вотъ немножко покормятъ ихъ, я тотчасъ и въ путь. Но гдѣ жь найду я тамъ Дунюшку?

— Въ губернскомъ городѣ, недалеко возлѣ базарной площади, большой каменный домъ купца Сивкова стоитъ, всякій его укажетъ вамъ, отвѣчалъ отецъ Прохоръ.—Поклонитесь и Авдотьѣ Марковнѣ, и Сивкову Поликарпу Андреичу со всѣмъ его благословеннымъ семействомъ. Люди они хорошіе, сердечные—завтра сами увидите.

Заполночь ужь было, когда на покормленныхъ немножко лошадяхъ поѣхала изъ Луповицъ Аграфена Петровна. Съ любовью и радушіемъ проводили ее и отецъ Прохоръ, и матушка попадья и обѣ поповны, говоря что очень соболѣзнуютъ, не угостивши какъ бы слѣдовало пріѣхавшую изъ такой дали гостью. А когда, проводя ее, воротились въ домъ, и отецъ Прохоръ вздумалъ поправить лампадку, что̀ теплилась передъ образами, на полочкѣ кіотки увидалъ сторублевую бумажку Ясно что ее оставила Аграфена Петровна. Не ворочать же ее съ дороги. Отецъ Прохоръ съ матушкой рѣшили написать промелькнувшей въ домѣ ихъ гостьѣ благодарное письмо—благо знали какъ надписывать письма къ Смолокурову. Въ два дня двѣ сотни прибыли отцу Прохору, не считая десятирублевой данной Андреемъ Александрычемъ. А луповицкій попъ въ цѣлый годъ за требы съ прихожанъ не получалъ такихъ денегъ. Да кромѣ того и впереди надежда—Авдотья Марковна со своими милліонами не забудетъ его, поможетъ при нужномъ случаѣ.

Хоть вѣтеръ стихъ немного, но непогодь не переставала. Какъ изъ сита сыпалъ мелкій осенній дождикъ и громко шумѣлъ о кожаную крышку дорожной кибитки, гдѣ сидѣла Аграфена Петровна съ глухой Степановной, взятой въ попутчицы изъ Смолокуровскаго дома. Наскоро накормленная тройка чуть тащила по глубокой, по самую ступицу, грязи, больше тащилась шагомъ, а кругомъ не видно ни зги. Выѣхавши изъ Луповицъ и добравшись до сосѣдней деревни, Аграфена Петровна успокоилась, а до того все погони изъ барскаго дома боялась. Она думала теперь что Луповицы мѣсто недоброе, а барскій домъ — вертепъ самыхъ злыхъ людей. Отецъ Прохоръ не сказалъ ей какая опасность угрожала Дунѣ и отъ какой бѣды спасена она, потому Аграфена Петровна и не могла понять отъ чего это ея подруга убѣжала изъ того дома въ одномъ платьѣ, бросивши пожитки.

Digitized by Google

Чего только ни приходило ей въ голову, но не зная тайнъ фармазонской вѣры, не могла она представить себѣ о бѣдѣ грозившей Дунѣ.

Поздно вечеромъ Аграфена Петровна добралась до „губерніи“. Сыскать домъ Сивкова было не трудно, каждый его зналъ. Супротивъ того дома былъ широкій одноэтажный деревянный постоялый дворъ; въ немъ на лугу въ Луповицы останавливалась на нѣсколько часовъ вихоревская тысячница, не подозрѣвая что напротивъ постоялаго двора была тогда Дуня.

Былъ уже часъ одиннадцатый, огней у Сивкова не видно, должно-быть всѣ спать полегли. Аграфена Петровна рѣшилась переночевать въ той же горницѣ гдѣ останавливалась наканунѣ. Однакожь ей не терпѣлось. Поглядывая изъ-за своихъ залотѣлыхъ и дождемъ закрапленныхъ оконъ, она то и дѣло посматривала на домъ Сивкова. Ни единаго огонька, но вотъ растворилась вдѣланная въ широкія ворота узенькая калитка и лѣниво вышелъ изъ нея дворникъ, закутанный въ дубленый полушубокъ, съ лицомъ нагдухо обвязаннымъ платкомъ. Вышелъ онъ на улицу, снялъ шапку, трижды перекрестился на церковь что стояла середь базарной площади и широко, во весь ротъ зѣвнувши, усѣлся на приворотной скамейкѣ. Видитъ это Аграфена Петровна и вдругъ захотѣлось ей узнать тутъ ли Дуня или ужь уѣхала. Не надѣясь на глухую и разославшуюся Степановну, быстро накинула она на себя шубейку и выйдя съ постоялаго двора торопливымъ шагомъ перебѣжала улицу, по булыжной мостовой покрытой сплошь черной какъ смоль липкой, невылазной грязью.

— Послушай, голубчикъ, сказала она подойдя къ дворнику.— Это домъ Сивкова?

— Поликарпа Андрепча Сивкова—такъ точно, хриплымъ голосомъ, сквозь зубы промычалъ дворникъ, не вставая со скамьи и ловорачиваясь спиной къ сѣверу, откуда рвался студеный порывистый вѣтеръ.

— Послушай, голубчикъ, я проѣзжая, часу нѣтъ какъ пристала вотъ на этомъ постояломъ дворѣ, начала Аграфена Петровна.

— Понимаемъ. Это намъ можно понимать, недовольнымъ голосомъ промолвилъ дворникъ.

— Мнѣ бы надо было знать о дѣвушкѣ третьяго дня никакъ пріѣхавшей со священникомъ отцомъ Прохоромъ, проговорила Аграфена Петровна.

Digitized by Google

— Не наше дѣло, сказалъ дворникъ и махнулъ рукой: убирайся-моль по добру по здорову.

— Въ окошкахъ не видно свѣту, надо думать что спать полегли, а то бы я прямо къ Поликарпу Андреичу пошла, сказала Аграфена Петровна.

Дворникъ не далъ отвѣта.

— Послушай, голубчикъ, сказала Аграфена Петровна, вынимая зеленькую.—Праздники подходятъ, скоро будетъ Мала Пречиста. * Возьми на этотъ праздникъ.

Дворникъ взялъ бумажку и несмотря на дождь и на крѣпкій вѣтеръ подошелъ къ уличному фонарю, разглядѣлъ подаренье и спрятавъ его подошелъ къ Аграфенѣ Петровнѣ.

— Много вамъ благодарны остаемся, сказалъ онъ ей.—Дай вамъ Господи всякаго благополучія и во всемъ добраго успѣха. Въ чемъ же вамъ до меня надобность? Съ готовностью могу все для вашей чести. Конечно, люди мы, какъ изволите знать, маленькіе, подчиненные, многаго сдѣлать не можемъ, а о чемъ спросите, отвѣтъ дадимъ съ удовольствіемъ.

— Скажи пожалуста, пріѣзжая дѣвица у васъ еще, или уѣхала? спросила Аграфена Петровна.

— Покамѣсть у насъ, отвѣчалъ дворникъ.—А завтра подъ вечеръ либо послѣзавтра утромъ поѣдетъ она куда ей надобно съ нашей Акулиной Егоровной, сродница хозяину-то будетъ. Погорѣла сдышь ваша-то знакомая въ деревнѣ Перигоровѣ на постояломъ дворѣ. Много, сказываютъ, людей живьемъ тамъ погорѣло, и пожитковъ, и лошадей, и всякаго другаго добра. Эти дни пріѣзжая-то все искулала себѣ на дорогу. По всему видится что она при большихъ достаткахъ. А впрочемъ дѣло не наше — вѣрно сказать не могу. А гуторятъ по дому, въ застольныхъ значитъ и у насъ на конюшняхъ. Я вѣдь, сударыня, у хозяина-то двемъ конюхомъ, а ночью на караулѣ стой. Таковъ ужь распорядокъ. Хуже крѣпостныхъ, аль дворовыхъ живемъ, даромъ что государевыми питемся. Крѣпостные да дворовые изленились и стали въ тягость барамъ, а все-таки ихняя жизнь не въ примѣръ нашей краснѣе. Кулецъ вѣдь совсѣмъ тебя вымозжитъ.

— Скажи, любезный, перерывая дворника спросила Аграфена Петровна.—Не въ задвихъ ли комнатахъ пріѣзжая

* Рождество Богородицы, 8го сентября.

Digitized by Google

дѣвица? Можетъ она еще не спитъ, а бы прошла къ ней коли бы ты провелъ меня. Я бы за то тебя хорошо поблагодарила. Хочешь пятирублевую?

Жалобно дворникъ вздохнулъ. Очень хотѣлось ему получить благостыню, но сдѣлать не могъ ничего. Постоялъ молча минуты съ двѣ раздумывая нельзя ли какъ пробраться къ пріѣзжей, но ничего не придумалъ. Сказалъ онъ Аграфенѣ Петровнѣ:

— Теперь никакъ нельзя. Весь домъ пожалуй перебудятишь. Нѣтъ, ужь вы лучше завтра утромъ пораньше приходите. Хозяева примутъ васъ со всякимъ удовольствіемъ — будьте въ томъ не сомнѣнны. А по утру какъ только проснется пріѣзжая, я ей черезъ комнатныхъ дѣвушекъ доведу что вы ночью ее спрашивали, а сами пристали на постояломъ дворѣ супротивъ насъ. Можетъ и сама къ вамъ прибѣжитъ. Какъ только сказать-то ей про васъ?

Аграфена Петровна сказала свое имя, и дворникъ, удовлетворенный трехрублевою благостыней, на своихъ рукахъ перенесъ вихоревскую тысячницу черезъ заплывшую грязью улицу.

На другой день только что проснулась Аграфена Петровна и стала было одѣваться чтобъ идти къ Сивковымъ, распахнулись двери и вбѣжала Дуня. Съ плачемъ и рыданьями бросилась она въ объятія давней любимой подруги, сердечнаго друга своего Груни. Нѣсколько минутъ прошло, ни та, ни другая слова не могли промолвить. Только радостный плачь раздавался по горенкѣ.

Изумилась Дуня увидѣвши что такая домосѣдка какъ Аграфена Петровна, покинувъ мужа, дѣтей и хозяйство пріѣхала къ ней въ такія дальнія незнакомыя мѣста. Ея сердце почуяло что-то не доброе—она еще ничего не знала о смертной болѣзни Марка Данилыча и засыпала Груню разспросами.

Только что услыхала Дуня о болѣзни отца, минуты двѣ или три не могла слова сказать. Потомъ закрывши лицо руками и громко зарыдавъ безъ чувствъ упала на не прибранную еще постель Аграфены Петровны. Не скоро пришла въ себя, не скоро собралась съ силами.

— Тятенька, тятенька! воскликала она.—Милый ты мой, дорогой, безцѣнный! И все это безъ меня, безъ меня!... Куда теперь дѣнусь, куда приклоню свою лобѣдную голову?

Сколько можетъ утѣшаетъ ее Аграфена Петровна, но долго еще лились потоками горячія слезы изъ глазъ безотрад-

Digitized by Google

вой Дуни. Утишился наконецъ первый приступъ страшнаго горя, перемогла себя Дуня и разсказала обо всемъ что случилось съ ней въ Луповицахъ. Съ ужасомъ выслушала Аграфена Петровна разсказъ ея.

— При чемъ же тутъ Марья Ивановна? спросила наконецъ она, все еще сохраняя благодарную память о спасительницѣ своего ребенка.—Неужли и она такая?

— Ахъ, ничего ты не знаешь моя сердечная.... И того не знаешь что за звѣрь такой эта Марья Ивановна. Все отъ нея сталось. Она и въ ихнюю вѣру меня заманила!... Она и къ Денисову заманила!... вскликнула Дуня стыдливо закрывъ руками разгорѣвшееся лицо.—Все она, все она... На всю жизнь нажила мнѣ горя и печали! Охъ, еслибъ ты знала, Груня, что за богопротивная вѣра у этихъ Божьихъ людей, какъ они себя называютъ. Какіе они Божьи люди?... Сатаны порожденья.

И отвыкшая въ продолженіе долгаго времени произносить имя злаго духа, Дуня невольно содрогнулась, когда съ чистыхъ дѣвственныхъ устъ ея слетѣло имя отца нечестія и вѣчной злобы.

— Да что жь это за вѣра? спросила Аграфена Петровна.

— Самая богомерзкая, быстро отвѣтила Дуня.—Это лжеучители, лжепророки, и лжехристы про которыхъ истинный Христосъ сказалъ что явятся они въ послѣднія времена міра.

— Фармазонами, слышь, зовутъ ихъ, молвила Аграфена Петровна.—По нашимъ мѣстамъ за Волгой такихъ нѣтъ, что-то не слышно и ничего про нихъ я не знаю, а слушая тебя все-таки не возьму въ толкъ, что это за вѣра. Знаю одно, что на дняхъ въ Фатьянкѣ всѣхъ переселенныхъ туда Марьей Ивановной изъ Симбирской губерніи людей забрали и куда-то отвезли. Поэтому больше за тобой я сама и поѣхала. А то было и къ Марьѣ Ивановнѣ и къ тебѣ батюшка Паталъ Максимычъ письма съ эстафетой послалъ, прося чтобы везли тебя скорѣе, успѣть бы тебѣ увидать родителя въ живыхъ и послѣднее благословеніе его получить. А только что пали слухи про Фатьянковскихъ, батюшка Паталъ Максимовичъ въ какіе-нибудь полчаса меня въ дорогу снарядилъ. Въ чемъ же ихъ вѣра? Нехорошая должно-быть ежели за нее людей цѣлыми деревнями забираютъ.

Дуня разсказала про хлыстовскую вѣру, не упомнивая конечно ни про Сенъ-Мартена, ни про Гіонъ, ни про дру-

Digitized by Google

гихъ мистическихъ писателей. Она знала что все это для Аграфены Петровны будетъ темна вода во облацѣхъ небесныхъ. Сказала однако Дуня что Марья Ивановна сблизила ее со своей вѣрой сперва книгами, потомъ разговорами.

Въ ужасъ пришла Аграфена Петровна, услыхавши про радѣнія и прореченія и больше слушать не захотѣла дальше, когда Дуня стала было разказывать ей о схожденіяхъ самого Господа Саваоѳа на гору Городину, а потомъ на гору Араратскую.

— Мерзость предъ Господомъ! громко вскликнула она перервавши Дуню.—И слушать не хочу, и не говори ты объ этомъ ни мнѣ и никому другому. Подумать страшно, даже въ помышленіи держать. Великій грѣхъ и слушать это безумное вранье.

Облилась Дуня слезами при этихъ словахъ давняго, вѣрнаго друга. Сознавала она правду въ рѣчахъ Груни и не могла ничего возразить. Въ глубокую думу погрузилась она, и черезъ нѣсколько минутъ, надрываясь отъ горя, кинулась на постель Аграфены Петровны и спрятавъ лицо въ подушки, не своимъ какъ будто голосомъ стала отрывисто вскрикивать. Еслибъ эти рыданья, эти сердечные вопли случились въ Сіонской горницѣ, соборъ Божьихъ людей возопилъ бы: „накатилъ! накатилъ!“ Хлыстовскія душевныя движенья оставались еще въ Дунѣ.

Причитала она:

— Тятенька, тятенька! Золотой мой тятенька! До чего дошла твоя любимая дочка!... Лежишь ты при смерти, а дочка твоя балованная всего натерпѣлась отъ злыхъ людей въ дальней сторонушкѣ... Зачѣмъ ты послушалъ Марью Ивановну, зачѣмъ отпустилъ меня съ ней? Весело было мнѣ и радостно какъ поѣхала съ ней, и вотъ радость и веселье до какой бѣды дошло. Охъ ты тятенька, тятенька! Чуетъ ли твое сердечушко что̀ случилось съ любимою дочкой твоей? Живучи при тебѣ, золотой мой тятенька, ни кѣмъ не была я обижена, ни кѣмъ-то не была я огрублена, жила за тобой какъ за стѣной каменной, не посмѣлъ вѣтерокъ дохнуть на лицо мое бѣлое, ни откуда не чаяла я невзгодушки, а теперь вотъ до чего дошла!... Хоть бы разъ еще на тебя хоть глазкомъ посмотрѣть!... Принять бы у твоего смертнаго одра послѣднее родительское благословеніе!... Знаю я, знаю, красно мое солнышко, въ какой путь ты сбираешься, куда идти снаряжаешься... Сама знаю, сама вѣдаю по какой дорожкѣ идти ты отправляешься—на завѣтное наше

Digitized by Google

кладбище, ко своимъ милымъ родителямъ! Оставляешь меня сироту бѣдную, покидаешь безчастную... На кого покидаешь ты побѣдную мою головушку? Оставляешь свою доченьку горькой сиротой, безутѣшною... Подломились мои ноженьки, опустились руки бѣлыя, нерадостенъ сталъ Божій свѣтъ.

Больше и больше приходя въ восторженность Дуня приподнялась съ подушки, сѣла на постель и стала топать ногами... Опустила руки на колѣна, глаза разгорѣлись у ней, лицо побагровѣло и вся затряслась она; мелкія судороги забѣгали по лицу. Внѣ себя стала.

— Накатилъ, накатилъ! начала она вскрикивать, еще не вполнѣ очистивши себя отъ хлыстовскаго нечестія.—Слушайте волю, слушайте волю!... Близится фіалъ ярости, близится міру конецъ.... Конецъ, конецъ!.. Разрушенье!....

Хлѣбнула Аграфена Петровна холодной воды и нежданно спрыснула Дуню. Восторженность прекратилась, но корчи тѣла и судороги на лицѣ усилились еще больше. Аграфена Петровна придерживаясь старорусскаго врачеванья покрыла лицо Дуни большимъ платкомъ. Не прошло и четверти часа какъ она очнулась, и слабая, изнеможенная прилодвявшись съ постели, спросила Аграфену Петровну:

— Что со мной, Груня?

— Сама не знаю, отвѣчала Аграфена Петровна.—По Маркѣ Данилычѣ причитала, а потомъ, ровно не въ своемъ умѣ, Богъ знаетъ что говорила, какое-то несообразное—я понять не могла. На-ка выкушай, это облегчитъ.

И подала Дунѣ стаканъ холодной воды. Та съ жадностью выпила и пришла въ себя.

Когда Дуня успокоилась, она поѣхала съ Аграфеной Петровной къ Сивковымъ. Тамъ съ сердечнымъ радушіемъ приняли вихоревскую тысячницу.

Покупки были сдѣланы, и пріятельницы на другой же день поѣхали домой. Узнавъ о тяжкой болѣзни Марка Данилыча Сивковы не настаивали чтобы Дуня какъ слѣдуетъ по старымъ обычаямъ осталась на сколько-нибудь погостить у нихъ.

CXII.

Паталъ Максимычь держалъ домъ умиравшаго пріятеля въ крѣпкихъ рукахъ, но незнаніе дѣлъ по прядильнымъ и

Digitized by Google

лѣсной пристани затрудняло его при распорядкахъ. Повѣривъ счеты пріѣхавшаго съ Уржи Корнея Евстигнѣева онъ открылъ воровство на большую руку и несмотря на ругательства и даже угрозы Прожженнаго, при помощи городничаго отобралъ отъ него довѣренность и прогналъ со двора долой. То же постигло и Василья Ѳадѣева. Тогда въ домѣ водворился порядокъ—работные люди и годовые и временные были чрезвычайно довольны распорядками Патала Максимыча, избавившаго ихъ отъ ненавистныхъ прикащиковъ. Они стали усердны къ работамъ и въ скоромъ времени должны были покончить ихъ. Но вотъ бѣда — въ октябрѣ Паталу Максимычу надо непремѣнно заняться своей горянщиной, а потому долго оставаться у Смолокурова было ему нельзя. Хоть бы прикащиковъ до того времени пріискать почестнѣе да подѣльнѣе и сдать бы все дѣло имъ на руки. Марку Даниловичу долго не прожить, это замѣчалъ Чалуринъ, а лѣкарь говорилъ что въ такомъ жалкомъ состояніи хоть и долго продышитъ, но до смерти останется нѣмымъ, безчувственнымъ и безо всякаго движенья. Дочь дѣвица молодая, ни къ чему не пріучена, да кажется и не таковская чтобы къ дѣламъ привыкать, разсуждалъ Паталъ Максимычъ, нужно ей человѣка двое „вѣрныхъ людей“.

И тутъ пришелъ ему на мысли шуринъ Никифоръ Захарычъ. Послѣ Настиной смерти онъ совсѣмъ остепенился и сталъ другимъ человѣкомъ, добрымъ, хорошимъ, смѣтливымъ и добросовѣстнымъ, капли вина въ ротъ не бралъ, и Паталъ Максимычъ не разъ убѣдился что какое дѣло Никифору ни поручи, исполнитъ его какъ можно лучше. Вотъ ужь больше года какъ сталъ онъ нравомъ тихъ и спокоенъ — не то чтобъ буянить да драться, какъ прежде бывало, теперь онъ удалялся ото всякаго шума и когда жилъ у Патала Максимыча въ Осиновкѣ только у него и выходу было со двора что на могилку Насти. Будь проливной дождь, будь трескучій морозъ, ему все ни по чемъ. Нѣсколько разъ посылалъ его Паталъ Максимычъ по своимъ дѣламъ въ дальнія мѣста, и Никифоръ Захарычъ такъ исполнялъ ихъ какъ не всякому удается. Парень-отъ былъ онъ смышленый и умѣлый, зеленò вино только губило его столько времени. Его-то и рѣшилъ Чалуринъ пристроить на время къ Смолокуровскимъ дѣламъ. Но другаго прикащика гдѣ сыскать?

Digitized by Google

Уныло глядѣлъ домъ Марка Даниловича, когда подъѣзжали къ нему изусталыя въ дорогѣ Дуня и Аграфена Петровна. Передъ домомъ во всю улицу лежали снопы соломы, два черезъ три, либо черезъ четыре накладываемые по приказанію городничаго, всѣ окна въ домѣ были закрыты наглухо, а вокругъ его и на дворѣ тишина стояла невозмутимая, не то что прежде, когда день-деньской бывало стономъ стоятъ голоса то веселые, то пьяные и разгульные. Ровно вымерло все. На крыльцѣ встрѣтили пріѣхавшихъ Паталъ Максимычъ, возвращавшійся съ прядилень, и Дарья Сергѣевна, завидѣвшая кибитку изъ окошка своей горенки.

— Что тятенька? не выходя еще изъ кибитки вскрикнула Дуня.

— То же все, сухо и мрачно отвѣчалъ глядя въ сторону Паталъ Максимычъ.

— Не знаю какъ и благодарить васъ, Паталъ Максимычъ. До смерти не забуду вашихъ благодѣяній. Богъ воздастъ вамъ за ваше добро, сказала Дуня подходя къ Чалурину и ловя его руку, чтобы какъ дочери поцѣловать ее.

— Что это вы, что это, Авдотья Марковна? не давая руки вскликнулъ Паталъ Максимычъ.—Вѣдь я не попъ, чтобъ вамъ руки у меня цѣловать. Лучше вотъ такъ попросту, по старинѣ. При моихъ годахъ это вамъ незазорно.

И обнялъ Дуню и трижды поцѣловалъ ее со щеки на щеку. Вся зардѣлась она, хоть и немного еще прошло времени съ тѣхъ поръ какъ знакомымъ и незнакомымъ мужчинамъ безъ малѣйшаго зазрѣнія стыда и совѣсти усердно раздавала она серафимскія лобзанія.

— Здравствуйте моя милая, здравствуйте моя сердечная, обратилась Дуня къ Дарьѣ Сергѣвнѣ и въ слезахъ поцѣловалась съ нею. Дарья Сергѣевна зарыдала склонившись лицомъ на плечо Дуни. Но что-то недовольное таилось въ душѣ ея, съ тѣхъ еще поръ какъ ея воспитанница поддалась вліянію ненавистной Марьи Ивановны.

— Къ тятенькѣ, скорѣй къ тятенькѣ, надорваннымъ голосомъ вскликнула Дуня, и несмотря на усталость, стремглавъ бросилась въ верхъ по лѣстницѣ.

На встрѣчу ей лѣкарь. Какъ давнишній житель городка онъ зналъ ее.

— Вотъ какая у васъ бѣда стряслась, да еще безъ вашей бытности! сказалъ онъ.—Батюшка вашъ все въ одномъ

Digitized by Google

положеніи съ того дня какъ это съ нимъ приключилось. Голова по моему лучше, началъ понемножку людей узнавать, говоритъ даже изрѣдка, но не твердо, не внятно, трудно понять. Напередъ скажу — можетъ онъ прожить годъ, пожалуй и больше, но не поправится никогда и не встанетъ съ постели, до самой смерти останется безъ языка, безъ движенья и даже почти безъ сознанья. Ужасный ударъ, рѣдко такой бываетъ, мнѣ во всю мою долголѣтнюю практику еще не случалось такого видѣть. Каждый день бываю я у вашего батюшки, но увѣряю васъ, Авдотья Марковна, созовите вы хоть всѣхъ самыхъ ученыхъ и самыхъ опытныхъ врачей и тѣ его здоровья не возстановятъ.

— Благодарю васъ за ваши попеченія о бѣдномъ тятенькѣ, очень благодарю, ото всей души благодарю, но извините, я слѣпу къ нему. Завтра если будете у насъ я съ вами побольше поговорю, сказала Дуня.

— Могу и сегодня пріѣхать, ежель угодно вамъ будетъ, отвѣтилъ лѣкарь.—А теперь попрошу я васъ немножко обождать видѣться съ батюшкой. Съ четверть часа или минутъ съ двадцать подождите. Надо его приготовить къ свиданью, потому что въ этой болѣзни каждый душевный порывъ, отъ радости ли, отъ несчастія ли, сильно можетъ повредить больному, можетъ даже убить его. Я пойду и предупрежу его... А онъ васъ ждетъ, сегодня хоть и очень невнятно сказалъ онъ: „Дуня“. А когда я сказалъ что вы еще не пріѣхали, онъ долго металъ въ тоскѣ здоровой рукой, а потомъ и глаза закрылъ. Опасаюсь чтобъ ваше внезапное появленье не было во вредъ ему. Нѣтъ, ужь позвольте, я лучше предупрежу его.

Пошелъ лѣкарь къ Марку Данилычу, а Дуня въ безсиліи опустилась на кресло и не внимала словамъ Патапа Максимыча, Дарьи Сергѣевны и Аграфены Петровны.

Прошло съ четверть часа, лѣкарь вышелъ отъ больнаго и сказалъ Дунѣ:

— Пожалуйте. Нашъ больной пріѣзду вашему обрадовался, ждетъ васъ... Только одинъ ступайте къ нему, и пробудьте не дольше десяти минутъ, я впрочемъ за вами самъ приду.... Слезъ вамъ удержать нельзя, но скрѣпите себя сколько возможно. Ни рыданій, ни вскриковъ, ни другихъ порывовъ. Помните слова мои.

Неслышными стопами вошла Дуня въ комнату, гдѣ отецъ лежалъ на страдальческомъ ложѣ. Не слыхалъ онъ какъ

Digitized by Google

вошла Дуня и все еще оставался съ закрытыми глазами. Она безмолвно опустилась на колѣна и въ тихихъ слезахъ склонилась головкой къ подушкѣ.

Такъ прошло минуты двѣ. Слышно только было тяжелое, порывистое дыханье Марка Данилыча. Наконецъ открылъ онъ глаза и увидя возлѣ себя дочь чуть слышно, и едва понятно сказалъ:

— Дуня!

И потекли изъ глазъ его обильныя слезы. Застоналъ онъ, но въ стонѣ слышалась радость.

Дуня прилала къ здоровой рукѣ отца, и цѣловала ее, обливая слезами. Марко Данилычъ хотѣлъ улыбнуться, но на перекошенномъ лицѣ улыбка вышла какою-то страшною, даже страшною.

Высвободя здоровую руку и грустнымъ тоскливымъ взоромъ глядя на дочь Марко Данилычъ показывалъ ей на искривленное лицо, на языкъ и на отнявшуюся половину тѣла. Съ большимъ трудомъ дикимъ голосомъ сказалъ онъ:

— Н-нѣтъ.

— Успокойся, тятенька, Богъ милостивъ, оправишься, дрожащимъ отъ сдерживаемыхъ рыданій промолвила Дуня.—Я сейчасъ говорила съ лѣкаремъ, онъ надѣется что тебѣ скоро облегченье будетъ.

— Н-нѣтъ, съ усиліемъ сказалъ Марко Данилычъ.

И указывая на стоявшій возлѣ постели желѣзный сундукъ съ чрезвычайнымъ напряженіемъ остававшихся силъ, глухо промычалъ:

— Ты..... т.....тебѣ.

Въ это время вошелъ лѣкарь. Обращаясь къ больному, сказалъ онъ:

— Ну, вотъ и съ дочкой увидѣлись. Теперь надо успокоиться, не то ложалуй утомитесь и тогда вамъ хуже будетъ. Заснуть извольте-ка. А вы, Авдотья Марковна, со мной ложалуйте. Сосните хорошенько, Марко Данилычъ, успокойтесь. Дочка пріѣхала въ добромъ здоровьѣ, теперь нѣтъ вамъ ни тревоги, ни заботы изъ-за нея. Будьте спокойнѣе духомъ— это вамъ полезно. Прощайте, до свиданья. Завтра навѣщу, смотрите же будьте у меня молодцомъ.

Лѣкарь съ Дуней вышелъ изъ комнаты больнаго, и Марко Данилычъ тотчасъ же сомкнулъ глаза и вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Digitized by Google

По уходѣ лѣкаря всѣ сѣли вокругъ чайнаго стола. Немножко успокоенная, но еще вполнѣ не понимавшая опасности въ какой былъ отецъ, грустная, печальная Дуня разказала о своемъ съ нимъ свиданьи. Дошла рѣчь и до сундука.

— Онъ много разъ на него мнѣ указывалъ — возьми значитъ да вскрой, сказалъ Паталъ Максимычъ, однакожь я безъ законной наслѣдницы, безъ васъ то-есть, Авдотья Марковна, на это не отважился. Злыхъ людей на свѣтѣ не перечтешь—мало ль чего наплести могутъ. Пожалуй скажутъ что я тутъ попользовался. Полицію да подъячихъ призывать не хотѣлось бы. Поэтому и поджидалъ я васъ, Авдотья Марковна, чтобы вскрыть сундукъ на вашихъ глазахъ. Тамъ, говорятъ, у вашего батюшки и деньги и векселя положены. Надо все привести въ извѣстность. Завтра, а не то послѣзавтра покончимъ это.

— Чтò жь? Я готова, потому что знаю теперь волю тятинькину, отвѣтила Дуня.

— И прекрасно, молвилъ Паталъ Максимычъ.—Такъ мы завтра же вскроемъ.

— Какъ вамъ угодно, а я всегда готова, отвѣтила Дуня.— Только ужь сдѣлайте милость устройте сколько можно наши дѣла. Вѣдь я ничего въ нихъ не понимаю, и сдѣлать ничего не умѣю. А кромѣ васъ у меня нѣтъ никого кто бы помогъ.

— Будьте спокойны, чтò могу, то сдѣлаю, сказалъ Паталъ Максимычъ.—А теперь вотъ о чемъ хочу спросить я васъ: отъ слова не сдѣлается, а все-таки.... сами вы видѣли Марка Данилыча.... Вонъ и лѣкарь говоритъ и по всѣмъ замѣчаніямъ выходитъ что не жилецъ онъ на свѣтѣ. Надо бы вамъ хорошенько подумать какъ дѣлами распорядиться.

— Ахъ, чтò вы говорите, Паталъ Максимычъ! вскликнула Дуня.—Богъ милостивъ, тятенька встанетъ, будетъ совсѣмъ здоровъ. Зачѣмъ же прежде времени объ этомъ говорить?

И горько заплакала.

— Конечно, у Бога милостей много, сказалъ Паталъ Максимычъ,—и во власти Его чудеса творить. Но мы по человѣчески разсуждаемъ. Напередъ надо все обдумать и къ новой жизни приготовиться.

Дуня молчала. Аграфена Петровна сказала Паталу Максимычу.

— Не видишь развѣ, тятенька, что Дуня ничего не можетъ теперь придумать.... Лучше эти разговоры отложить до другаго времени.

Digitized by Google

— Откладывать нельзя, сказалъ Паталъ Максимычъ.—Долго мнѣ здѣсь гостить невозможно—свои дѣла есть. Наѣзжать когда дня на два, когда на три могу, но по долгу проживать мнѣ нельзя. Поэтому и надо теперь же рѣшить какъ вести дѣла Авдотьѣ Марковнѣ. Продолжать ихъ какъ было при Маркѣ Данилычѣ нельзя—нужны люди, а гдѣ ихъ возьмешь? На улицѣ не сыщешь, на базарѣ не купишь. Надо людей вѣрныхъ и знающихъ какъ дѣло вести. Ежели и при Маркѣ Данилычѣ Корней съ Ѳадѣевымъ все по сторонамъ тащили да рабочихъ обирали, что же будетъ какъ Авдотья Марковна сама въ дѣла вступитъ — обдулятъ ее ровно липочку. Поэтому и думалъ бы я такъ распорядиться—къ Покрову, а можетъ и раньше, всѣ работы будутъ кончены, отпустивши работныхъ людей надо будетъ счета очистить. Долги окажутся, расплатиться, съ должниковъ деньги получить, рыбные промыслы на Низу и лѣсныя дачи на Унжѣ продать, а не то отдать въ кортому — охотники найдутся. А сдѣлавши все это, жить на капиталъ, положивши его въ ломбардъ, не то держать въ серіяхъ. Чтобы устроить все это, я бы пожилъ здѣсь до Покрова, а пожалуй немножко и подольше. Что вы на это скажете, Авдотья Марковна?

— Не знаю что и сказать вамъ, Паталъ Максимычъ, утопая въ слезахъ отвѣтила Дуня.—Ничего я не знаю, ничего не понимаю. Дѣлайте какъ угодно, какъ вамъ Господь Богъ на мысли положитъ.

— Хорошо-съ. Постараемся услужить, молвилъ Паталъ Максимычъ.—Теперь люди нужнѣе всего: Корнея да Василья Ѳадѣева я разчиталъ — минуты невозможно было терпѣть—отъявленные мошенники! Понять не могу какъ столько времени терпѣлъ ихъ Марко Данилычъ! Одного человѣка я нашелъ, сегодня жъ къ нему напишу, и дѣнъ этакъ черезъ пятокъ либо черезъ недѣлю онъ будетъ здѣсь. А другаго надо пріискивать, а этого скоро не сдѣлаешь. Я, Груня, полагаю Никифора сюда прислать.

Аграфена Петровна въ недоумѣньи покачала головой.

— Что головой-то мотаешь, досадливо сказалъ Паталъ Максимычъ.—Развѣ не знаешь что теперь онъ совсѣмъ не тотъ, какимъ прежде былъ?... Отвѣчаю за него какъ за самого себя—вотъ тебѣ и весь мой сказъ. Не безпокойтесь, Авдотья Марковна, останетесь довольны. Онъ у васъ былъ бы при домѣ, и на Унжу его можно бы было послать пріискивать лѣсныхъ покупателей.

Digitized by Google

Вечеромъ Дуня легла въ своей комнатѣ, тамъ же приготовили постель и Аграфенѣ Петровнѣ. Хоть обѣ были утомлены отъ дороги, но сонъ ни къ той, ни къ другой что-то не приходилъ.

— Что лѣкарь-отъ вечеромъ сказалъ тебѣ? спросила Аграфена Петровна у Дуни.

— Что сказалъ! Не хорото онъ сказалъ, отвѣчала Дуня.... Сначала, какъ и Наталъ же Максимычъ, совѣтовалъ дѣла устроить, а потомъ сказалъ что надо мнѣ быть на все готовой, что тятенькѣ не долго жить.

И зарыдала.

— А что еще говорилъ? спросила Аграфена Петровна, когда Дуня успокоилась.

— Что еще говорилъ! Не въ свое дѣло мѣшаться вздумалъ... Глупости! вскликнула съ досадой Дуня.

— Да что такое? Что онъ сказалъ? настоятельно спрашивала Аграфена Петровна.

— Говорилъ что ежели не станетъ тятеньки—трудное для меня будетъ время. Замужъ выходить скорѣй совѣтывалъ, немного смущаясь отвѣтила Дуня.

— А что-жь? Вѣдь онъ правду сказалъ, молвила Аграфена Петровна.—Въ самомъ дѣлѣ надо объ этомъ подумать. Аль Луповицкія бредни у тебя все еще въ головѣ?

— И думать о нихъ забыла, сказала Дуня. Но зря за перваго встрѣчнаго замужъ не пойдетъ.

— Конечно, согласилась Аграфена Петровна.—Не на улицѣ искать суженаго. А все-таки ищи да не будь черезчуръ спѣсива да разборчива. Въ самомъ дѣлѣ надо тебѣ объ этомъ хорошенько подумать... Есть ли кто на примѣтѣ?

— Нѣтъ, робко и чуть слышно промолвила Дуня, и румянецъ вдругъ покрылъ лицо ея.

— А что было да прошло, про то совсѣмъ видно позабыла? съ хитрой улыбкой спросила Аграфена Петровна.

— Къ чему вспоминать?... со вздохомъ промолвила Дуня.—Про меня вѣдь и думать забыли.

— А если нѣтъ? возразила Аграфена Петровна.

— Груня, Богомъ тебя прошу не поминай, вскрикнула Дуня.—Что тебѣ за охота?

— Выслушай меня, перервала ее Аграфена Петровна.—Точно въ прошломъ году съ ярманки уѣхалъ онъ за Волгу, и то правда что поѣхалъ онъ въ Комаровскій скитъ къ Фле-

Digitized by Google

нушкѣ. Дошли до него тогда слухи что она закурила, къ водочкѣ пристрастилась, такъ хотѣлъ ее уговорить перестала бы пить, если не хочетъ въ концу погубить себя. Прожилъ онъ въ Комаровѣ меньше недѣли. Ни у матери Манеоы ни у матери Таисіи не останавливался, а съ Фленушкой видѣлся всего только разъ. И на другой день послѣ ихняго свиданія она приняла постригъ. Матушка Манеоа при всей обители благословила ее быть на игуменствѣ, и теперь все у нея въ рукахъ, а матушка на покоѣ живетъ, и рѣдко входитъ въ обительскія дѣла... Только что постриглась Фленушка, Петръ Степанычъ уѣхалъ въ Казань—дѣло тамъ у него съ дядей было на счетъ капитала, и онъ въ Казани что-то очень долго прожилъ. Получилъ что̀ ему слѣдовало, а получивши, за Волгу къ намъ пріѣзжалъ, до тятеньки Патапа Максимыча въ тѣ поры у него было какое-то дѣло. Жилъ у него въ Осиповкѣ, оттуда и къ намъ въ Вихорево пріѣзжалъ, съ недѣлю коли не больше прогостилъ у насъ. По старой памяти заѣзжалъ и въ Комаровъ и опять-таки ни въ коей обители не присталъ, а гдѣ-то у сиротъ. Приходилъ и въ обитель, однако Фленушка съ нимъ и въ разговоръ не вступила, сказала самыя слова два, да тѣмъ и кончила.

— Да къ чему это ты, Груня, мнѣ все разказываешь? сказала Дуня.—Ѣздилъ онъ въ Комаровъ, не ѣздилъ—мнѣ-то какое дѣло? И какое еще время нашла говорить объ этомъ.

— Какое время? спросила Аграфена Петровна.

— Какъ какое? возразила Дуня.—Тятенька при смерти, а она со своими разказами про Самоквасова. И на память-то ему, думаю, никогда я не приходила.

— То-то и есть что съ ума никогда не сходишь.... Боится только онъ тебя. Страшно ему на глаза къ тебѣ показаться, совѣстно значитъ, сказала Аграфена Петровна.—Ты-то вспоминала ль о немъ хоть изрѣдка? Водилась съ этой Марьей Ивановной, наслушалась фармазонскихъ бредней и несбыточныхъ затѣй, убѣдили тебя что законные браки Богу не угодны, а угодны только духовные, на какіе покушался пріѣзжій съ Арарата—какъ бишь его, Денисовъ что ли.... Отъ ихъ внушеній противнымъ казался тебѣ человѣкъ что̀ готовъ за тебя хоть сейчасъ и въ огонь и въ воду идти?... Такъ что ли? А онъ-то, сердечный, гостивши въ Вихоревѣ какъ тоскovалъ и убивался вспоминая тебя... Скажи по душѣ, сущую правду скажи, хоть разокъ приходилъ ли онъ тебѣ на разумъ?

Digitized by Google

— Да.... Приходилъ.... въ послѣднее время.... чуть слышно промолвила Дуня.

— Скажи, не утай, что было тогда у тебя на душѣ? спросила Аграфена Петровна, вставши съ постели и подсѣвъ къ лежавшей Дунѣ.

— Вспоминала я про него, почти вовсе неслышнымъ голосомъ отвѣтила Дуня крѣпко обнимавшей ее Аграфенѣ Петровнѣ.—Въ прошломъ году во все время что помнишь, съ нами въ одной гостиницѣ жилъ онъ ни слова не вымолвилъ, и я тоже.... Ты знаешь.... И вдругъ уѣхалъ къ Флегонтѣ. Чего ни вытерпѣла, чего ни перенесла я въ ту пору.... Но и тебѣ даже ни слова о томъ не промолвила, а съ кѣмъ же съ другимъ было мнѣ говорить.... Разтерзалась тогда вся душа моя.

И рыдая опустилась въ объятья подруги.

Утихлись рыданья, и Дуня продолжала исповѣдь.

— Хотѣла его совсѣмъ позабыть, какъ будто никогда его и не видывала. Противенъ онъ сталъ мнѣ, возненавидѣла я его всей душой.... Злоба во мнѣ разгоралась. Безъ содроганья, кажется, я убила бы его.... Начались со мной припадки, особливо по ночамъ. Никто не замѣчалъ ихъ, никто не зналъ про нихъ, никому я не говорила, даже тебѣ ни слова не сказала.... А сердце кипѣло огнемъ.... Въ Оку думала броситься, зарѣзать себя думала.... Тутъ появилась Марья Ивановна. Доброй такой она мнѣ показалась, задушевной, участливой.... Не уѣзжай онъ передъ тѣмъ, не поругайся надо мной, не бывать бы мнѣ близкой съ Марьей Ивановной!... А можетъ-быть онъ и не виноватъ, можетъ не замѣтилъ моей склонности, думалъ о другой—не знаю, ничего не знаю... Такова ужъ судьба моя!... Ну, указала мнѣ Марья Ивановна на книги, и стала я за ними проводить дни и ночи.... Подготовляла она меня, а весной и совсѣмъ съ пути сбила.... Ввела меня въ корабль, и я не только его, тятеньку даже забыла, Дарью Сергѣевну, всѣхъ, всѣхъ.... А какъ теперь, со словъ отца Прохора, поняла, не я была нужна имъ, а тятенькинъ капиталъ.... Мы дескать ее опозоримъ, ей не за кого будетъ замужъ идти, по неволѣ у насъ останется, и рано ли поздно ли достатки ея будутъ у насъ въ рукахъ....

Дуня замолчала.

— Ты, Дунюшка, обо всемъ объ этомъ еще дорогой мнѣ разказывала. Объ немъ-то почему же не скажешь ничего?

Digitized by Google

сказала Аграфена Петровна.—Думала ль хоть когда-нибудь о немъ? Вспоминала ли?

— Да, съ той поры—какъ стала сомнѣваться въ правотѣ той вѣры, тихо промолвила Дуня.—И тутъ сталъ чудиться мнѣ его голосъ, нѣжный такой и жалобный, а послѣ и самъ всѣмъ обличьемъ началъ мерещится мнѣ. Стоитъ бывало ровно живой...

— Что жь пугалась ты? спросила Аграфена Петровна.

— Нѣтъ, каждый разъ бывало какъ увижу его радостно и весело станетъ на душѣ, отвѣчала Дуня.—А потомъ вдругъ нахлынетъ тоска со всего свѣта вольнаго, и заноетъ сердце кровью обливаючись. И каждый разъ послѣ того долго бывала я какъ сама не въ себѣ. На умѣ мутится, мысли путаются.

— А теперь что? спросила Аграфена Петровна.

— Какъ убѣжала, больше онъ не казался и голоса не стало слышно, отвѣчала Дуня.—За то тоски вдвое прибыло. Какъ вспомню про него да подумаю, такъ и захочется хоть минутку посмотрѣть на него.

— Можетъ и увидишь, улыбаясь сказала Аграфена Петровна.—Теперь онъ вѣдь въ здѣшнихъ мѣстахъ, былъ на ярманкѣ, и мы съ нимъ видались чуть не каждый день. Только у него и разговоровъ что про тебя, и въ Выхоревѣ то же. Просто сказать сохнетъ по тебѣ, ни на мигъ не выходишь ты изъ его думъ. Страшными клятвами теперь клянетъ онъ себя, что уѣхалъ за Волгу не простившись съ тобой. „Этимъ, говоритъ, я всю жизнь свою загубилъ, самъ себя счастья лишилъ.“ Плачетъ даже сердечный.

— Ну ужь и плачетъ? съ недовѣрьемъ и съ тѣмъ вмѣстѣ съ довольной улыбкой промолвила Дуня.

— Сколько разъ у меня въ каморкѣ на ярманкѣ плакивалъ, сказала Аграфена Петровна.—А бывало молвишь ему, что онъ тебѣ по мыслямъ пришелся, вздохнетъ бывало таково глубоко да и скажетъ тоскливо: „какъ посмѣю я къ ней на глаза показаться? Моя доля, говоритъ, помереть съ тоски. Порѣшу, руки наложу на себя — ужь лучше одинъ конецъ, чѣмъ всю жизнь въ тоскѣ да въ печаляхъ изжить“. Вотъ его рѣчи.... Однако заговорились мы съ тобой, скоро ужь полночь. Давай-ка спать, прибавила Аграфена Петровна уходя на свою постель.— Покойной ночи, пріятнаго сна! Желаю во снѣ его увидать.

Легли и замолчали. Но не успѣли заснуть, какъ въ домѣ послышались бѣготня и громкіе клики.

Digitized by Google

Кто-то изъ женщинъ тихонько отворилъ дверь въ Дунину спальню.

— Авдотья Марковна и вы матушка Аграфена Петровна, осторожнымъ шепотомъ сказала вошедшая женщина.—Пожалуйте. Марку Данилычу что-то неладно.

Мигомъ и Дуня и Груня набросили на себя попавшіяся подъ руку платья и побѣжали къ больному. Онѣ услыхали въ прихожей необычный шумъ; кто-то хриплымъ голосомъ бранился, а Паталъ Максимычъ громко приказывалъ.

— Сейчасъ въ полицію его разбойника, да руки-то хорошенько скрутите. А ты бѣги скорѣй за лѣкаремъ, слитъ, такъ разбудили бы.

Когда Дуня вбѣжала къ отцу, онъ лежалъ недвижимъ. Помутившіеся глаза тоже были недвижны, здоровая до тѣхъ поръ рука омертвѣла. Съ громкимъ воплемъ рванулась къ нему растерявшаяся Дуня и обхватила его обѣими руками. Марко Данилычъ ужь холодѣлъ, и только легкій хрипъ въ горлѣ еще показывалъ что послѣдній остатокъ жизни сохранялся еще въ немъ. Мало-по-малу и хрипъ затихъ.

Пришелъ лѣкарь, пощупалъ пульсъ, пощупалъ сердце — и отойдя отъ постели сказалъ:

— Кончено.

Дуню безъ чувствъ вынесли изъ комнаты.

Паталъ Максимычъ вынулъ изъ-подъ подушки ключи отъ денежнаго сундука, отнесъ ихъ къ Дунѣ, но она была безъ памяти. Онъ передалъ ихъ Аграфенѣ Петровнѣ.

CXIII.

Вечеромъ въ день пріѣзда Дуни, когда всѣ разошлись по мѣстамъ, комнатная прислуга пошла въ кухню ужинать. Разбитной Матренѣ, съ начала болѣзни Марка Данилыча было велѣно ложиться у дверей его спальни, и она исправно исполняла этотъ приказъ, но теперь не утерпѣла — и тоже въ кухню пошла побалясничать съ глухой Степановной, поразспросить ее про чужую сторону, и „про людей невѣдомыхъ“. Пошла, да и заболталась, а наружныя двери хозяйскихъ покоевъ остались не запертыми. Заболталась Матрена со Степановной, и прочіе всѣ засидѣлись на кухнѣ, слушая разказы ѣздившей въ такую даль старушки.

Digitized by Google

Окна кухни выходили на улицу. Заслушавшіеся росказней Степановны не замѣтили, что кто-то лодойдя къ окну долго разсматривалъ каждаго изъ сидѣвшихъ и кажется считалъ ихъ. Потомъ лодойдя къ воротамъ перелѣзъ черезъ заборъ, и отперъ калитку. Собаки залаяли-было на него, но онъ поманилъ ихъ къ себѣ, приласкалъ, и лсы, узнавъ своего человѣка, разбѣжались по конурамъ.

Осторожно взобрался онъ на крыльцо, поднялся въ верхній ярусъ дома и вошелъ въ хозяйскія комнаты, зная что тамъ всѣ спятъ, потому что нигдѣ кромѣ комнаты больнаго огня не горѣло.

Знакомымъ ходомъ прошелъ онъ къ Марку Данилычу. Тотъ спалъ, но пришлый смѣло лодошелъ къ нему, взялъ за здоровую руку и сказалъ въ лолголоса:

— Просвись хозяинъ, пробудись ваше степенство, Корней Евстигнеичъ проститься пришелъ съ твоей милостью.

Открылъ Марко Данилычъ глаза и увидѣвъ передъ собой Прожженнаго хотѣлъ было вскрикнуть, но вмѣсто крика вырвалось изъ устъ его лишь слабое мычанье.

— Заволжскій другъ-пріятель твой съ мѣста меня согналъ, продолжалъ Корней. — Разсчиталъ и меня и Василья Ѳадеича какъ слѣдуетъ, ни копѣечки противъ разчетныхъ книжекъ не удержалъ. Въ этомъ ему надо чести приписать. Да чуешь ли ты что говорю я тебѣ?

Марко Данилычъ опять промычалъ невѣдомо что.

— Знаю что кондратка тебя прихватилъ, еще на Унжѣ лали мнѣ о томъ вѣсти, говорилъ межъ тѣмъ Корней Прожженный. Что языкъ-отъ не двигается?... Ну да ничего—ты молчи, ваше степенство, а говорить я стану съ тобой. Было время — быкомъ ревѣлъ, на нашего даже брата медвѣдемъ рычалъ, а теперь видно что у слѣлаго кутенка не стало ни гласа, ни лослушанія.

Марко Данилычъ только хралѣлъ, глядя на присѣвшаго къ нему на кровать Корнея, о чемъ тотъ прежде и лодумать бы не лосмѣлъ.

— Я, ваше степенство, теперича за другимъ разчетомъ къ тебѣ пришелъ, продолжалъ Корней Евстигнѣевъ.—Лучше меня самого знаешь дѣла мои. Дѣла за какія въ Сибирь на каторгу ссылаютъ... Кто велѣлъ мнѣ Оропшскаго прикащика Ефима Волчанина избыть? Письмо-то вашей милости у меня цѣло... Утопилъ я Волчанина, сдѣлалъ въ аккуратъ, а особаго

Digitized by Google

[illegible]

[illegible]

— [illegible]

Ее [illegible] Марко [illegible]

— А [illegible] такъ [illegible] Алешку. Не сегодня такъ завтра [illegible] свѣтъ. А вѣдь [illegible] что ли ихній [illegible] Вѣрно говорю. Станетъ [illegible] ей въ прокъ не пойдетъ... [illegible] Гдѣ ключи-то? Подъ подушкой [illegible]

И полѣзъ рукой подъ подушку [illegible]

Напрягши kakія оставались силы Марко [illegible] было здоровую руку, но она упала [illegible]

Отведенная Патапу Максимычу комната [illegible] спальней Марка Данилыча. Заволжскій [illegible] шись услыхалъ говоръ. Голосъ мужской. [illegible] подумалъ Чапуринъ и накинувъ халатъ, [illegible] больному и увидѣлъ Прожженаго [illegible] подушку.

Оторопѣлъ Корней. Хоть былъ онъ и [illegible] сильнѣй Чапурина, хоть послѣ и [illegible]

Digitized by Google

сахарный толорикъ, однако онъ остолбенѣлъ и сталъ у кровати какъ вколанный.

Чалуринъ открылъ окно и зычнымъ голосомъ крикнулъ караульщику чтобъ скорѣй бѣжалъ къ нему, а по лути кликнулъ людей изъ кухни. Корней улучилъ время когда Паталъ Максимычъ подошелъ къ окну и хотѣлъ-было на утекъ, но Дарья Сергѣвна услыхавъ шумъ и увидѣвъ выходящаго изъ спальни Корнея, смекнула что творится недоброе и въ чемъ была въ томъ и побѣжала за людьми въ кухню. Но тамъ ужь вспололошились по крику караульщика. Домашніе терпѣть не могли Корнея, и узнавъ что онъ забрался въ спальню къ Марку Данилычу и сдѣлалъ что-то неладное, бросились на верхъ. Тамъ въ передней шла ужь борьба у Корнея съ Чалуринымъ и подоспѣвшимъ караульщикомъ. Кто-то изъ прислуги сбѣгалъ въ работныя избы и поднялъ на ноги всѣхъ рабочихъ. Они ненавидѣли Прожженаго, и не одѣваясь, въ однѣхъ рубахахъ, толпой человѣкъ въ семьдесятъ кинулись къ дому. Корнею крѣпко оборонявшемуся отъ Патала Максимыча и караульщика, теперь пришлось сдаться. Тутъ нашли у него топорикъ, и много дивились, какъ это онъ не пустилъ его въ ходъ, оставаясь нѣсколько времени одинъ на одинъ съ Чалуринымъ.

Рабочіе были увѣрены что тутъ и Василья Ѳадѣева дѣло, что онъ гдѣ-нибудь спрятался въ домѣ. Всѣ мышиныя норки обыскали, но Ѳадѣева не нашли.

Рано утромъ городничій со стряпчимъ пріѣхали въ домъ Смолокурова. Марко Данилычъ ужь на столѣ лежалъ покрытый простынею. Съ Дуней безпрестанно дѣлались нервныя припадки, однако лѣкарь сказалъ что большой опасности для нея нѣтъ, но необходимо чтобъ она насколько возможно оставалась въ покоѣ. Дарья Сергѣвна, Аграфена Петровна, глухая Степановна, разбитная Матрена и прочая женская прислуга были безотлучно при Дунѣ. Городничаго со стряпчимъ встрѣтилъ Паталъ Максимычъ.

— Что такое случилось? спросилъ городничій, знавшій ужь Чалурина. Заволжскій тысячникъ не разъ бывалъ у него по Смолокуровскимъ дѣламъ.

— Да вотъ, ваше высокоблагородіе, разбоемъ ночью прорвался Корней Евстигнѣевъ, отвѣчалъ Паталъ Максимычъ.— Ограбить вздумалъ умершаго.

— Однакожь не ограбилъ? сказалъ городничій.

— Ограбить не послѣлъ, а больнаго добилъ до конца. Поглядите—лежитъ, молвилъ Паталъ Максимычъ.

Digitized by Google

— Какъ же это случилось? спросилъ стрялчій.

Паталъ Максимычъ подробно разказалъ обо всемъ что̀ зналъ.

— Улікъ недостаточно, въ полголоса замѣтилъ стрялчій городничему, изъ-подъ лобья поглядывая на Чалурина.

— Это мы разберемъ, отвѣчалъ городничій.—Это ужь наше дѣло. Надо вамъ подать объявленье, прибавилъ онъ обращаясь къ Паталу Максимычу.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе, сказалъ Чалуринъ.—Тутъ въ томъ главное дѣло что уѣду я скоро, покойникова дочка останется одна только съ женскимъ поломъ. Мало ль отъ такихъ людей что̀ можетъ приключиться.

— Въ обиду не дадимъ. Это ужь наше дѣло, отвѣтилъ городничій.—Когда хоронить?

— А вотъ какъ управимся, молвилъ Паталъ Максимычъ.—Держать не будемъ.

— Попа чать своего привезете? съ усмѣшкой спросилъ городничій.

— Какіе, ваше высокоблагородіе, у насъ попы по нынѣшнимъ временамъ!... Сами изволите знать. На всю-то Россію можетъ двое либо трое осталось, сказалъ Чалуринъ.—Кто-нибудь изъ домашнихъ прочитаетъ молитву надъ покойникомъ, и дѣло съ концомъ.

— То-то, смотрите. У меня на этотъ счетъ строго. Высшее начальство обратило вниманіе на вашего брата. А то и въ самомъ дѣлѣ очень много ужь воли вы забрали, проговорилъ нахмурясь городничій.—Такъ подайте объявленіе, а въ день похоронъ я побываю у васъ вотъ съ господиномъ стрялчимъ, да еще можетъ-быть кое съ кѣмъ изъ чиновныхъ. А что̀ дочь покойника?

— Лежитъ, больше все въ забытьѣ, молвилъ Паталъ Максимычъ.

— Понятно. До кого ни доведись, сказалъ городничій.—Ну покамѣстъ до свиданья—прощайте, прибавилъ онъ, и изъ дома пошелъ со стрялчимъ.

Паталъ Максимычъ до самыхъ воротъ проводилъ незванныхъ гостей.

Межь тѣмъ похоронымъ дѣломъ спѣшили. Хотѣлось Паталу Максимычу на третій же день опустить въ землю пріятеля, чтобъ онъ живымъ „рукъ не вязалъ“, но вышло затрудненье, некому было чинъ погребенія справить, некому надъ покойникомъ послѣднюю молитву прочесть. Бѣглыхъ

Digitized by Google

половъ ближе Москвы нѣтъ, да рогожскій попъ и не поѣдетъ въ такую даль. За Волгу въ скиты послать за каноницей некогда — она не поспѣетъ ко времени, наставникъ Спасова согласія, что прожилъ въ городѣ, самъ на смертномъ одрѣ лежалъ. Какъ быть, какъ извернуться? Нельзя жь такого богача какъ Марко Данилычъ просто въ землю зарыть. Не зная ни города ни его окрестностей Паталъ Максимычъ спросилъ Дарью Сергѣевну кому бы отправить чинъ погребенія.

Не придумала вдругъ Дарья Сергѣевна на кого указать. Приходилось либо ей самой „читать погребеніе“ либо просить Аграфену Петровну взять на себя такой трудъ. Она грамотная, въ скитахъ обучалась, приглядѣлась тамъ къ порядкамъ и не откажется въ останный разъ послужить Марку Данилычу и тѣмъ хоть сколько-нибудь утѣшить совсѣмъ убитую Дуню.

— Развѣ вотъ кого попросить, сказала наконецъ Дарья Сергѣевна.—Живетъ недалеко отсюдова, всего четыре версты, да и тѣхъ ложалуй не будетъ, человѣкъ книжный и постоянный. Старовѣрцикъ онъ, старыми книгами торгуетъ да иконы мѣняетъ. Только вотъ бѣда, не уѣхалъ ли куда. То и дѣло въ отлучкахъ бываетъ.

— Кто такой? спросилъ Паталъ Максимычъ.

— Чубаловъ Герасимъ Силычъ, отвѣтила Дарья Сергѣевна.— Въ деревнѣ Сосновкѣ онъ живетъ. Прежде частенько бывалъ у Марка Данилыча, и обѣдывалъ и ночевывалъ, а иной разъ и по два и по три дня у него гостилъ. Да вотъ ужь съ годъ какъ ни разу не бывалъ. Болталъ Василій Ѳадѣевъ что какие-то у него разчеты были съ покойникомъ, и Герасимъ Силычъ остался имъ недоволенъ. А другое дѣло, можетъ все это и вздоръ. Вѣдь Ѳадѣевъ что ни слово, то соврётъ.

— Не поѣдетъ ложалуй, сказалъ Паталъ Максимычъ.

— Человѣкъ онъ добрый и по всему хорошій, опять же нарочито благочестивый, отвѣтила Дарья Сергѣевна. — Ежели только не въ отлучкѣ, непремѣнно пріѣдетъ. А ежели отъѣхалъ, можно племянника его позвать Ивана Абрамыча. Парень хоша и молодой, а вкругъ дяди во всемъ божественномъ шибко наторѣлъ. А оно и пристойней бы и лучше бы было ежель бы чинъ погребенія мужчина исправилъ. Женщинѣ вѣдь это можно развѣ при крайней нуждѣ.

— Такъ посылайте къ нему. Записочку что ли напишите, сказалъ Паталъ Максимычъ.—А на счетъ разчетовъ я самъ

Digitized by Google

спрошу у него по совѣсти сколько считаетъ онъ за покойнымъ и заплачу ему съ процентами. Авдотья Марковна конечно противъ того не будетъ.... А плачеи у васъ въ заведеніи, вопленицы по нашему по лѣсному?

— Какже бываютъ, безъ нихъ что за погребеніе, сказала Дарья Сергѣвна.

— Позвать надо, молвилъ Чапуринъ.

— Сами придутъ, столько наберется что сквозь ихъ и не протолкаешься, отвѣчала Дарья Сергѣвна.—То же воронье—какъ прослышатъ покойника, особливо достаточнаго, стаями налетятъ.

— А домовину кому нести? продолжалъ разспросы Паталъ Максимычъ.

— А работники-то на что? сказала Дарья Сергѣвна.—Они со всякимъ удовольствіемъ. Конечно надо будетъ ихъ похоронымъ обѣдомъ угостить, виномъ обнести, ну и по рукамъ по сколько-нибудь на поминъ души раздать.

— Окромѣ того надо вамъ, Дарья Сергѣвна, озаботиться чтобъ въ день похоронъ изготовленъ былъ самолучшій обѣдъ, молвилъ Паталъ Максимычъ.—Сейчасъ были городничій со стряпчимъ—сами назвались. И другаго чиновнаго люда въ городѣ тоже вѣдь достаточно—надо всѣхъ подмаслить, чтобы вамъ съ Авдотьей Марковной было безъ меня безпечально, да и никакихъ наладокъ отъ начальства тоже не было. Надо замасливать, безпремѣнно надобно, особливо въ сиротскомъ дѣлѣ.

— Это точно, согласилась Дарья Сергѣвна.—Только вотъ что я скажу вамъ, благодѣтель,—не вскроете ли сундука-то? Денегъ вѣдь много понадобится.

— Безъ Авдотьи Марковны ни за что на свѣтѣ не вскрою, повысивъ голосъ промолвилъ Паталъ Максимычъ.—Вскроемъ послѣ похоронъ. А объ деньгахъ не заботьтесь. У меня ихъ достаточно, а разчесться успѣемъ, времени много впереди. Пишите же записку да посылайте скорѣй за этимъ старицкомъ.

Дарья Сергѣвна вышла, и Паталъ Максимычъ остался одинъ.

Вошелъ онъ въ комнату гдѣ лежалъ Марко Данилычъ. Тамъ ни души не было. Покойникъ совсѣмъ ужь одѣтый лежалъ подъ простыней. Подошелъ къ нему Паталъ Максимычъ и раздумался самъ съ собою.

„Эхъ, Марко Данилычъ, Марко Данилычъ! думалъ онъ. Много

Digitized by Google

ты на свѣтѣ жилъ, а надо правду говорить, жить не гораздо умѣлъ. Въ какомъ положеньи семью оставилъ!... Положимъ, капиталовъ достаточно, да развѣ въ однѣхъ деньгахъ счастье? Изжилъ ты, пріятель, свой вѣкъ въ этомъ городѣ, а друзей не нажилъ ни одного. Всѣ на тебя глядѣли, да и теперь глядятъ какъ на мѣшокъ, и одно норовятъ, какъ бы что-нибудь стащить изъ него... Бѣдная Авдотья Марковна, куда-то дѣнется она, какъ-то пристроится!.. Горькая участь!.. Хоть бы какой хорошій человѣкъ поскорѣй взялъ ее за себя. Надо съ Груней объ этомъ посовѣтоваться.

Вдругъ тихими, неслышными шагами вошла Анисья Терентьевна Красноглазиха, въ обычномъ темносинемъ сарафанѣ, въ черной душегрѣйкѣ, повязанная по головѣ бѣлымъ платкомъ въ знакъ похоронной печали и съ толстой книгой подъ мышкой. Помолилась она передъ стоявшею въ головахъ покойника иконой, поклонилась въ землю Марку Даниловичу, потомъ отвѣсила низкій поклонъ Паталу Максимычу.

— Что угодно? мрачно, но вѣжливо спросилъ онъ у заплаканной Красноглазихи.

— Здѣшняя обывательница буду, Анисья Терентьевна, по прозванью Красноглазова, отвѣчала она.—Съизмальства знала сердечнаго покойничка, много его милостями пользовалась. Добрѣйшій былъ человѣкъ, истинно ангельская душенька. Всѣхъ бѣдныхъ, неимущихъ одѣлялъ отъ своихъ благъ со щедротою. Никого не оставлялъ безъ помощи.

— Такъ что же нужно-то? Поклониться что ли пришла? съ нетерпѣньемъ спросилъ Красноглазиху Паталъ Максимычъ.

— Для того больше пришла я, ваше степенство, что вотъ лежитъ теперь милостивый покойничекъ безъ молитвы, безъ чтенія. А я бы по своему усердію и поминаючи его благодѣянія почитала надъ нимъ. Вотъ и Псалтырь нарочно захватила, унылымъ голосомъ проговорила Анна Терентьевна.

— Я, матушка, человѣкъ не здѣшній, сказалъ Паталъ Максимычъ.—Никого изъ здѣшнихъ обывателей не знаю, пріѣхалъ сюда по давнему пріятельству съ Марком Даниловичемъ единственно для того чтобъ его дѣла устроить. А на счетъ похороннаго поговорите съ Дарьей Сергѣвной. Это все на ея рукахъ — какъ рѣшитъ, такъ и быть тому.

Въ одне двери вышла Красноглазиха, въ другія вошла Ольга Панфиловна, вся въ черномъ. Помолившись и поклонясь до

Digitized by Google

земли покойнику и она обратилась къ Паталу Максимычу съ предложеніемъ услугъ—присмотрѣть за похоронным столомъ и за чаемъ, потому что Дарьѣ Сергѣевнѣ будетъ не до того.

— Я здѣсь по всѣмъ домамъ заправляю столами и по купечеству и у дворянъ, потому что сама изъ благородныхъ и всѣ порядки съ измальства до тонкости знаю, вкрадчиво говорила Ольга Панфиловна.

И ей тоже сказалъ Паталъ Максимычъ чтобъ ловидалась она съ Дарьей Сергѣевной.

Черезъ какую-нибудь четверть часа Анисья Терентьевна, ставъ за налой, протяжно и уныло стала Псалтырь читать, а Ольга Панфиловна бѣгая по комнатамъ принялась хлопотать по хозяйству. Первымъ дѣломъ у ней было кутью сварить—много вѣдь ее потребуется, человѣкъ на сто надобно припасти. Кисель сварила и сыту сдѣлала въ первый же день своего прихода.

Къ вечеру и Чубаловъ пріѣхалъ. На всякій случай привезъ онъ и племянника чтобы тотъ помогалъ ему.

CXIV.

Какъ скоро Чубаловъ изъ письма Дарьи Сергѣевны узналъ о смерти Марка Данилыча, сейчасъ же сталъ въ путь собираться. Братъ Абрамъ сталъ его отговаривать.

— Забылъ что ли какъ онъ въ прошломъ году два раза обидѣлъ тебя—здѣсь да у Макарья въ ярманкѣ? говорилъ Абрамъ Силычъ.—Не самъ ли ты говорилъ что твоей ноги у него въ дому никогда не будетъ? А теперь вдругъ ѣхать туда.

— Смерть все покрываетъ, сказалъ брату Герасимъ Силычъ.—На мертвыхъ зла не держатъ, а кто станетъ держать того Господь накажетъ. Марко Данилычъ теперь передъ Божьимъ судомъ стоитъ, а не передъ нашимъ земнымъ, человѣческимъ.

И поѣхалъ въ городъ съ Иванушкой.

Когда вошли они въ комнату гдѣ стоялъ покойникъ, ихъ встрѣтила Дарья Сергѣвна. Конца не было ея благодарностямъ за пріѣздъ Герасима Силыча. Познакомила его съ Паталомъ Максимычемъ.

— А я было и племянника съ собой прихватилъ, сказалъ Герасимъ Силычъ перейдя съ Дарьей Сергѣевной и Паталомъ Максимычемъ въ другую горницу.—Думалъ что Псалтырь почитаетъ онъ.

Digitized by Google

— И хорошо сдѣлалъ что привезъ, сказала Дарья Сергѣвна.—Анисья Терентьевна женщина не молодая, гдѣ ей читать все время безъ роздыха? Мы такъ уговорились, что я стану съ ней чередоваться. А вотъ Господь и послалъ помощника, ночью-то онъ почитаетъ, а я по хозяйству займусь—много вѣдь дѣла-то, и то не знаю, Герасимъ Силычъ, какъ управлюсь.

— Иной разъ Груня можетъ почитать, она эти порядки знаетъ, сказалъ Чалуринъ.

— Нѣтъ ужь, Паталъ Максимычъ, лущай ее при Дунѣ остается, молвила Дарья Сергѣвна.

— Что Авдотья-то Марковна? спросилъ Чубаловъ.

— Плачетъ, убивается, отвѣчала Дарья Сергѣвна.—Да какъ и не убиваться, Герасимъ Силычъ, дѣвушка молоденькая, никакихъ дѣловъ не знаетъ, а тутъ еще по пріѣздѣ-то всего какихъ-нибудь полчаса родителя въ живыхъ видѣла. Пошли отдохнуть съ дороги, а тутъ и приключилась бѣда. Безъ ламати теперь лежитъ сердечная, сиротка наша бѣдная, горемычная.

— Да скажите ложалуста, какъ это случилось? спросилъ Чубаловъ.

— Господь одинъ знаетъ какъ случилось, отвѣчала Дарья Сергѣвна.—Никого тутъ не было. Корнея-то Евстигнѣева знавалъ?

— Довольно знаю, сказалъ Чубаловъ.—Недобрый человѣкъ, разбойникомъ такъ и глядитъ, недаромъ въ народѣ Прожженымъ его прозвали. Признаться я всегда дивился какъ это Марко Данилычъ, при его умѣ, такого человѣка въ приближеньи держитъ. Знаю я про иныя дѣла Корнеевы—давно по немъ тюрьма тоскуетъ.

— Ну вотъ его Паталъ Максимычъ и разчиталъ, говорила Дарья Сергѣвна.—Потому разчиталъ что изъ книгъ узналъ какъ онъ плутовалъ на Унжѣ въ лѣсныхъ дачахъ, и Василья Ѳадѣева разчиталъ для того что онъ весь работный народъ на каждомъ шагу безбожно обижалъ и слодна зажитыхъ денегъ не отдавалъ никому. Житья отъ него никому не было.... Ну вотъ вчера ночью и проберись Корней въ спальню Марка Данилыча; какъ онъ туда попалъ, Богъ его знаетъ. Что у нихъ было въ спальнѣ, тоже никому неизвѣстно—Марко Данилычъ былъ безъ языка и лежалъ ни живой ни мертвый. Думается что Корнею хотѣлось деньгами изъ сундука поживиться. И топорикъ принесъ съ собой, можетъ-быть думалъ сундукъ-отъ имъ разбить. Услыхалъ Паталъ Максимычъ, при-

Digitized by Google

бѣжалъ на шумъ. Корней было бѣжать, да спасибо людей много набралось. Схватили молодца, связали и въ полицію отправили.

— Эко дѣло-то какое, удивляясь разказу Дарьи Сергѣевны сказалъ Чубаловъ.

Дарья Сергѣевна пошла по хозяйству. Чубаловъ одинъ на одинъ остался съ Паталомъ Максимычемъ. Поговорили о томъ, о другомъ, Чалуринъ спросилъ наконецъ Герасима Силыча.

— Дошли до меня слухи что у васъ съ покойникомъ какія-то дѣла были и онъ сколько-то вамъ долженъ остался.

— У меня никакихъ нѣтъ документовъ, да никогда ихъ и не бывало, отвѣчалъ Чубаловъ.

— Ваша совѣсть, Герасимъ Силычъ, и для Авдотьи Марковны и для меня, душеприкащика покойнаго, цѣннѣе всякихъ документовъ, сказалъ Чалуринъ.—Скажите по душѣ и по правдѣ, много ль онъ вамъ долженъ остался?

— Ни копѣйки онъ мнѣ не долженъ, отвѣчалъ Герасимъ Силычъ.—Ни одной копѣйки. Точно были у меня съ покойникомъ дѣла—въ прошломъ году весной около Саратова рѣдкостныя старинныя книги продавались—и мнѣ очень хотѣлось купить ихъ, да купилъ-то не хватало тогда. Тысячу рублей займовалъ я у покойника и вексель ему выдалъ. А онъ еще задолго до срока маленько наприжалъ меня, послѣднихъ восемьсотъ цѣлковыхъ что были у меня напицо долженъ былъ я отдать ему, а потомъ за пятьдесятъ рублей въ томъ же году у Макарья книгъ да иконъ взялъ онъ у меня ужъ черезчуръ по дешевой цѣнѣ. Такъ что жь тутъ? Было на то мое согласіе—никто въ шею меня не толкалъ. Нѣтъ, Паталъ Максимычъ, о томъ нечего и говорить. Сказано что Марко Данилычъ въ разчетѣ со мной, ни онъ значитъ мнѣ, ни я ему не должны ни копѣйки. Стало-быть и тому дѣлу конецъ. Не будемъ про него и разговоровъ разводить. Не для чего. Когда бы живъ былъ Марко Данилычъ, можетъ-статься я бы и потолковалъ съ нимъ, а теперь поздно, онъ говорить не можетъ, а я не хочу.

И какъ ни уговаривалъ его Паталъ Максимычъ, ни единаго слова Чубаловъ больше не сказалъ.

Понравился онъ заволжскому тысячнику. „Вотъ это человѣкъ такъ человѣкъ, думалъ Чалуринъ, мало такихъ нонѣ на свѣтѣ видится.“

Digitized by Google

Схоронили Марка Данилыча. Герасимъ Силычъ и въ домѣ и на кладбищѣ службу по немъ отправилъ, а Паталъ Максимычъ поблагодарилъ властей что помѣхи не было и просилъ чтобъ впереди какой-нибудь непріятности не случилось. Безъ благодарности вѣдь того и гляди пойдутъ бумаги писать, да всѣхъ и приструнятъ. Городничаго и стряпчаго, исправника и городскаго голову просили быть на похоронахъ и всѣхъ угостили на славу. Протопопа съ причтомъ опасались, чтобъ онъ не послалъ доноса, но по совѣту городничаго Паталъ Максимычъ послалъ на весь клиръ два воза рыбы, икры и прочаго другаго, потому все и обошлось благополучно.

—

Послѣ похороннаго обѣда, всѣ, черезчуръ утомленные, прилегли отдохнуть. Паталъ Максимычъ вмѣстѣ съ Чубаловымъ легли въ спальнѣ покойника и стали говорить.

— Нѣтъ, ужь какъ вы хотите, Герасимъ Силычъ, а скоро я васъ отсюда не выпущу, говорилъ Чалуринъ.—Завтра Богъ дастъ сундукъ будемъ вскрывать, посторонній человѣкъ при такихъ дѣлахъ лишнимъ не бываетъ. Такъ вы ужь пожалуста побудьте здѣсь. А потомъ у Авдотьи Марковны и у меня будетъ до васъ просьбица — окажите помощь бѣдной безродной сироткѣ.

— Какую жь могу я ей помощь подать? съ удивленьемъ сказалъ Герасимъ Силычъ.—Человѣкъ я маленькій, она богатая наслѣдница. Шутите вы Паталъ Максимычъ, право шутки надо мной шутите.

— Тутъ не шутки, а настоящее дѣло, возразилъ Чалуринъ.—Выслушайте меня, да по душѣ и дайте отвѣтъ. Вотъ дѣло въ чемъ: Авдотья Марковна осталась теперь какъ есть круглой сиротой. Въ торговыхъ и въ другихъ дѣлахъ ни она ни Дарья Сергѣевна ничего не разумѣютъ—дѣло женское, эти дѣла имъ не по разуму. По моему разсужденью, о чемъ я Авдотьѣ Марковнѣ еще до кончины покойника говорилъ и она на то согласилась — надо ей все распродать, либо на сроки сдать въ кортому.

— Такъ лучше по моему будетъ, сказалъ Чубаловъ.—Гдѣ жь въ самомъ дѣлѣ Авдотьѣ Марковнѣ заниматься такими дѣлами, да и Дарьѣ Сергѣевнѣ не приходится. Правду вы сказали что это не женское дѣло.

— А для того чтобъ заведенья и промысла оборотить въ деньги необходимо нужны по крайней мѣрѣ двое чело-

Digitized by Google

вѣкъ, одинъ чтобы уженскій лѣсъ и на Низу рыбные промыслы и барки продалъ, а другой покамѣстъ бы здѣсь при домѣ повабаювъ и тоже продавалъ бы понемножку что есть при немъ, сказалъ Паталъ Максимычъ. Для посылокъ въ лѣсныя дачи и на волжскіе промысла есть человѣкъ у меня на примѣтѣ — шуринъ будетъ мнѣ, а для здѣшнихъ дѣлъ въ виду никого нѣтъ. А какъ вы, Герасимъ Силычъ, здѣшнія обстоятельства знаете и живете отсель только въ четырехъ верстахъ, такъ и пришло мнѣ на умъ попросить васъ принять участье въ сиротѣ, приглядѣть здѣсь за всѣмъ.

— Что вы, что вы—Паталъ Максимычъ!... съ живостью вскочивъ съ дивана вскликнулъ Чубаловъ.—Какъ это возможно? Да и что я за хозяинъ? Вѣкъ такими дѣлами никогда не занимался. Не могу, какъ хотите, не могу; не моего ума это дѣло. Еще напорчу пожалуй.

— По крайней мѣрѣ своими совѣтами не оставьте, бывайте здѣсь почаще. А всего бы лучше еслибы на это время и поселились здѣсь въ домѣ у Авдотьи Марковны, говорилъ Чапуринъ.—По осени аль зимой думаю я ее и Дарью Сергѣвну за Волгу перевезти къ себѣ. Пущай погостятъ, да развѣютъ сколько-нибудь мысли горькія свои. Домъ-отъ на ваши руки въ такомъ разѣ онѣ покинули бы. Нѣтъ ужь, Герасимъ Силычъ, не отрекайтесь отъ этого, по доброй вашей душѣ сироту не оставьте. За то вамъ Господь воздастъ. Сами вы какъ начетчикъ знаете: „кто призритъ сиротку, тотъ Божью волю творитъ“.

— Да не могу же я, Паталъ Максимычъ, никакимъ способомъ не могу по вашему сдѣлать, сказалъ Герасимъ Силычъ. Посовѣтоваться, отчего жь не посовѣтоваться иной разъ. Отъ этого я не прочь, а чтобы долго здѣсь заживаться, на это не могу согласиться. У меня вѣдь тоже свои дѣлишки бываютъ, частые разъѣзды, этимъ вѣдь мы только и кормимся.

— На этотъ счетъ не безпокойтесь, въ убыткѣ не останетесь, сказалъ Паталъ Максимычъ.—Угодно вамъ, плату сами назначьте, не хотите, мы назначимъ. Увѣряю васъ, останетесь съ выгодой.

— Не знаю что вамъ и сказать на это, долго подумавъ молвилъ Чубаловъ.—Да что объ этомъ толковать. Успѣемъ еще — утро вечера мудренѣе, а я межъ тѣмъ хорошенько о томъ поразмыслю.

А самъ думаетъ: „положили бы цѣлковыхъ сотняги на мѣсяцъ, куда бы ни шло, можно бы было рѣшиться. Тогда ежели

Digitized by Google

гдѣ и рѣдкостное выпадетъ, можно послать Иванушку, онъ наторѣлъ, и по книгамъ, и по иконной части, и по рѣдкостнымъ вещамъ. Удатливая головушка! Хорото ежели бы столько положили. Да не дадутъ. Шутка сказать, тысяча двѣсти цѣлковыхъ на годъ... Не дадутъ—это все одно мое пустое разсужденье".

И подъ эти думы засыпалъ Герасимъ Силычъ, а Паталъ Максимычъ давно ужъ храпѣлъ во всю Ивановскую.

—

Съ самой смерти Марка Даниловича Дуня почти не приходила въ себя. Утомленная дальней дорогой, а потомъ пораженная смертью отца, не говорила она ни слова и даже мало понимала изъ того что̀ ей говорили. Однако въ день похоронъ переломила себя, выстояла въ домѣ длинное погребеніе и потомъ версты двѣ прошла пѣшкомъ до кладбища за гробомъ. Воротясь домой удалилась въ свою комнату и впала въ забытье. Аграфена Петровна ни на минуту не оставляла подругу. Похоронной трапезой въ домѣ распоряжался Паталъ Максимычъ съ Дарьей Сергѣвной. Много пособляла и Ольга Панфиловна. На трапезѣ у рабочихъ всѣмъ заправлялъ Герасимъ Силычъ съ племянникомъ. Самъ на то назвался. И все прошло чинно, стройно, хорошо.

Гости разошлись по домамъ, и въ Смолокуровскомъ домѣ все притихло. Не успокоилась только Дуня, то въ безпамятствѣ лежитъ, то болѣзненнымъ стономъ проявляетъ не угасшую еще въ ней жизнь, то очнувшись изъ забытья зальется обильными слезами.

На другой день похоронъ немножко она оправилась, даже поговорила съ Аграфеной Петровной о томъ что̀ надо ей дѣлать теперь. Дарья Сергѣвна пришла, и съ ней пошли такіе же разговоры. Съ общаго согласья стали на томъ чтобы всѣ дѣла предоставить Паталу Максимычу и изъ его воли не выступать—что̀ онъ скажетъ, исполнять безпрекословно.

Позвала Аграфена Петровна Паталя Максимыча.

— Будьте вы и мнѣ роднымъ отцомъ.... въ моемъ сиротствѣ.... какъ были вы Грунѣ, съ низкимъ поклономъ чуть не до земли отчаяннымъ голосомъ сказала вся въ слезахъ Дуня обращаясь къ Паталу Максимычу.—Войдите въ трудное мое положеніе! Богъ не оставитъ васъ за то своими милостями. Сжальтесь, смилуйтесь надо мной, отецъ мой второй.

— Ну вотъ на старости лѣтъ еще дочку Господь даровалъ.— Все дочки да дочки! обнимая Дуню сказалъ улыбаясь до слезъ

Digitized by Google

растроганный Чалуровъ. Инъ быть по твоему. Здравствуй дочка богоданная. Смотри жь у меня новаго отца слушаться, а онъ постарается чтобъ у тебя было все цѣло и сохранно. И въ обиду не дамъ тебя никому.

И трижды со щеки на щеку лоцѣловалъ новую дочку.

— Вотъ какъ по моему разсужденью надо бы тебѣ поступить, сказалъ Паталъ Максимычъ, садясь на диванъ возлѣ Дуни,—что ни осталось послѣ Марка Данилыча, въ наличныя деньги обратить, а заведенія и промысла продать хоть и съ убыткомъ, а потомъ и жить на проценты съ капитала, какой выручимъ. Какъ думаешь?

— Вы лучше меня знаете, я ничего въ этихъ дѣлахъ не понимаю. Дѣлайте какъ надо по вашему, а я напередъ на все согласна, промолвила Дуня.

Паталъ Максимычъ подробно разказалъ ей предположенія свои на счетъ Никифора и Чубалова. Дуня во всемъ согласилась съ нимъ.

— А пройдутъ шесть недѣль, тогда не переѣхать ли тебѣ съ Дарьей Сергѣвной къ намъ въ Осиповку? И у Груни ложивешь, сказалъ Паталъ Максимычъ. — На людяхъ все-таки меньше тоски.

— А домъ-отъ какъ же покинуть? Его на чьи руки оставить? Сколько вѣдь въ немъ имущества! возразила Дарья Сергѣвна.

— Надо хорошенько будетъ попросить Герасима Силыча, сказалъ Паталъ Максимычъ.—Онъ за всѣмъ присмотритъ. Да вотъ еще что думаю—для чего вамъ оставаться въ здѣшнемъ городѣ, не лучше ль въ иномъ мѣстѣ устроиться домкомъ? Изъ близкихъ у васъ здѣсь вѣдь нѣтъ никого. Ни единаго человѣка нѣтъ кого бы можно было пожалѣть, съ кѣмъ бы прощаться было тяжело.

— Ахъ, батюшка Паталъ Максимычъ, возразила Дарья Сергѣвна.—А могилки-то родительскія какъ же останутся?

— На ломпы можно ѣздить сюда, молвилъ Паталъ Максимычъ.

— Конечно можно, сказала Дарья Сергѣвна. — Да съ домомъ-то какъ же разстаться? Дунюшка родилась вѣдь въ немъ, въ немъ и выросла, и радости въ немъ видѣла, и горя пришлось дождаться.... Тяжело ей будетъ, Паталъ Максимычъ, съ родительскимъ домкомъ разставаться, ой какъ тяжело.

— Что скажешь на это, Дуня? спросилъ Чалуровъ.

— Что мнѣ домъ? грустно она отвѣчала.—Что теперь мнѣ въ немъ дорогаго? Не глядѣла бы ни на что. Одна

Digitized by Google

отрада была, одно утѣшенье—тятенька голубчикъ, а вотъ и его не стало... Одна я на свѣтѣ осталась безродная.

И залилась слезами.

— Конечно, сказала Аграфена Петровна обращаясь къ Дунѣ.—Конечно ты здѣсь одна съ Дарьей Сергѣвной пропадешь съ тоски, а за Волгой будешь не одна. Богъ дастъ твое горе мы и размыкаемъ. Вы ужь не противьтесь, Дарья Сергѣвна, право, и самимъ вамъ отраднѣе будетъ у насъ, чѣмъ здѣсь въ опустѣломъ домѣ.

— По мнѣ что жь? Я здѣсь, такъ здѣсь, за Волгой, такъ за Волгой, не совсѣмъ довольнымъ голосомъ отвѣтила Дарья Сергѣвна.—Жить мнѣ не долго, а гдѣ въ сыру зэмлю ни зароютъ—все равно. Поверхъ земли не оставятъ же.

— Такъ какъ же Дуня? Рѣшай, сказала Аграфена Петровна.

— У меня теперь новый тятенька, потупивъ глаза тихо промолвила Дуня.—Какъ прикажетъ, такъ и сдѣлаю; изъ его воли не выступлю.

— Ну вотъ и прекрасно, вотъ мы и устроимъ какъ только можно лучше, цѣлуя Дуню прилавшую головкой къ его плечу сказалъ глубоко тронутый Паталъ Максимычъ.

— Съ домомъ-то какъ же? всхлипывая отъ подступившихъ слезъ и печально ловѣсивши голову спросила Дарья Сергѣвна.

— Выищется покупатель, продадимъ, хоть и убытка придется принять, не то отдадимъ въ наймы — это ужь намъ Герасимъ Силычъ устроитъ, сказалъ Паталъ Максимычъ.

Потомъ еще довольно потолковали о распоряженіяхъ какія надо сдѣлать. Дуня казалась спокойнѣе прежняго. Замѣтивши это Чалуринъ сказалъ:

— Теперь бы надо сундукъ вскрыть, а то толкуемъ мы, толкуемъ, а все ровно въ потемкахъ бродимъ. Надо узнать сколько наличнаго капитала, сколько векселей, опять же тамъ и счета, покойникъ-отъ самъ вѣдь ихъ велъ, своей рукой писалъ. А можетъ-статься найдется и послѣдняя его воля.

— Вскрывайте, сказала Дуня, подавая ключи Паталу Максимычу.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, не принимая ключей.—Хоша ты мнѣ и дочка теперь, а безъ твоей бытности все-таки

Digitized by Google

сундука пальцемъ не трону. Пойдемъ туда, ежель есть силы—дѣло будетъ не долгое.

Дуня встала, повинуясь приказу „новаго тятеньки".

— Пойдемте, Дарья Сергѣвна, а ты, Груня, сыщи Герасима Силыча, да вмѣстѣ съ нимъ и приходи, сказалъ Паталъ Максимычъ.

Всѣ сошлись въ бывшей спальнѣ Марка Данилыча.

Паталъ Максимычъ своими руками отперъ желѣзный сундукъ. На столѣ поставленномъ возлѣ сталъ онъ раскладывать найденныя бумаги—въ одну сторону откладывалъ тучныя пачки серій, ломбардные билеты, наличныя деньги; ло другую векселя и сохранныя расписки, въ третью сторону клалъ купчія крѣпости и закладныя разныхъ людей. Особо клалъ Паталъ Максимычъ счета и торговыя книги, особо контракты и условія. Завѣщанія не нашлось.

Выбравши все изъ сундука Паталъ Максимычъ сталъ считать, а Чубаловъ на счетахъ класть. Въ серіяхъ, въ наличныхъ деньгахъ и векселяхъ до восьмисотъ тысячъ рублей нашлось, да домовъ, лѣсныхъ дачъ, баржъ и промысловыхъ заведеній тысячъ на четыреста выходило, такъ что всего за милліонъ перевалило.

Разбирая расписки Чалуринъ взялъ одну изъ нихъ и оглядѣвъ подалъ ее Чубалову и примолвилъ:

— Что за тарабарщина?

— По-татарски, сказалъ Герасимъ Силычъ.—Да вотъ и переводъ и маклера подпись и печать казенная.

Читаетъ вслухъ Паталъ Максимычъ русскій переводъ расписки.

„Тысяча восемьсотъ такого-то года, августа въ двадцатый день, въ Нижегородской ярманкѣ, я ниже подписавшійся оренбургскій первой гильдіи купецъ Махметъ Бактемировъ Субханкуловъ получилъ отъ почетнаго гражданина и первой гильдіи купца Марка Данилыча Смолокурова тысячу рублей серебромъ съ тѣмъ что обязуюсь на будущей Нижегородской ярманкѣ возвратить сіи деньги ему самому или кому онъ прикажетъ, ежели я, Субханкуловъ, до тѣхъ поръ не вывезу въ Россію изъ хивинскаго плѣна находящагося тамъ Мокея Данилова."

Всѣ диву дались, а Дарья Сергѣвна всплеснувъ руками и громко вскрикнувши такъ и покатилась на стоявшій возлѣ диванъ.

Digitized by Google

CXV.

На другой же день Чапурнинъ послалъ къ Субханкулову эстафету, увѣдомляя о кончинѣ Марка Данилыча и о томъ что будучи теперь душеприкащикомъ при единственной его дочери, проситъ Махмета Бахтемирыча постараться какъ можно скорѣй высвободить Мокея Данилова изъ плѣна, и ежель онъ это сдѣлаетъ, то получитъ и другую тысячу. На этомъ настояла Дуня, очень хотѣлось ей поскорѣй увидѣться съ дядей, еще никогда ею не виданнымъ, хотѣлось и Дарью Сергѣвну порадовать.

Но самоё Дарью Сергѣвну нимало не заботило скоро или поздно увидитъ она Мокея Данилыча, она даже боялась встрѣчи съ бывшимъ женихомъ своимъ. „Что я ему? она думала. Больше двадцати годовъ за улокой его поминала, больше двадцати годовъ не было объ немъ ни слуха ни духа.... И забылъ чать про меня совсѣмъ. А самъ-отъ сердечный сколько горя-то въ полону натерпѣлся. Бьютъ, слышь, тамъ нашихъ-то, мучатъ. Чего, чего ни натерпѣлся онъ въ эти годы. А дурища Матрена еще говоритъ давича: „Были похороны, теперь свадьбу надо будетъ играть...“ Нашли невѣсту! Старая я, болящая — куда ужь мнѣ объ вѣнцѣ помышлять—женихъ мой гробъ сосновый, давно меня онъ дожидается. А хочешь не хочешь придется съ Мокеемъ Данилычемъ встрѣтиться? Боязно. Вѣдь ровно съ того свѣта выходецъ... Вотъ какъ бы Дунюшкѣ далъ Богъ скорѣй пристроиться, за умнаго, за хорошаго и за добраго человѣка. Поглядѣла бы я маленько на новое житье-бытье ея да и пошла бы въ скиты грѣхи свои замаливать да за другихъ молиться.

Не любила она даже когда иной разъ о Мокеѣ Данилычѣ при ней рѣчь заведутъ. Сейчасъ замолчитъ и уйдетъ вонъ изъ комнаты.

Дуня поправлялась помаленьку. Она могла ужь разговаривать съ Паталомъ Максимычемъ объ устройствѣ дѣлъ. Чапуринъ со дня на день ждалъ турина Никифора чтобы скорѣй получилъ онъ отъ Дуни довѣренность на продажу уженскихъ лѣсовъ, баржей и низовыхъ промысловъ и ѣхалъ бы поспѣшнѣй на Унжу. На счетъ дѣлъ по городу разные люди являлись къ Чапурину съ предложеньями заняться устройствомъ ихъ, были въ томъ числѣ и отставной стряпчій, и выгнанный изъ службы становой, и промотавшіеся

Digitized by Google

до тла ломѣщики, и прогорѣвшіе кулцы. А самъ предводителя, узнавъ что Дунѣ больше милліона досталось, опять сталъ свататься, самъ предводитель по этому дѣлу пріѣзжалъ „къ мужлану“, какъ звалъ его, Патапу Максимычу. Стали разузнавать сторовой мысли о замужествѣ богатой сироты и тѣ кумушки что прежде были засылаемы къ Марку Данилычу сватать кулчиковъ. Но всѣмъ отъ Патапа Максимыча одинъ былъ отвѣтъ: „Авдотьѣ Марковнѣ ни приказывать ни совѣтовать я не могу, да и рановько бы еще ей о выходѣ замужъ думать—у родителя въ гробу ноги еще не обсохли...“ И ругая Чалурина искатели Смолокуровскаго милліона въ злой досадѣ расходились по своимъ мѣстамъ. „И откуда они этого непутнаго Заволжанина выкопали? говорили они. Ни слуху ни духу про него у насъ никогда не бывало, вдругъ ровно изъ земли выросъ, какъ изъ вѣдминой трубы вылетѣлъ, и ну чужимъ добромъ распоряжаться! Хорошо видно подмасливъ городничаго, не то бы давно ему въ кутузкѣ сидѣть. Да и она-то дура неповитая! Зачѣмъ проходимца слушается.“

До Патапа Максимыча такіе толки не доходили. А и дошли бы, плюнулъ бы только да и прочь отъ сплетниковъ.

Сидѣли вечеромъ за чаемъ Дуня, Дарья Сергѣвна, Аграфена Петровна, Патапъ Максимычъ и Герасимъ Силычъ, передъ тѣмъ отправившій племянника въ Сосновку. Зашла рѣчь какъ бы устроить дѣла въ городѣ и присмотрѣть за домомъ.

По совѣту Патапа Максимыча, Дуня стала просить Чубалова, чтобъ оказалъ онъ ей милость, сжалился бы надъ ней, принялъ на себя дѣла въ городѣ.

Герасимъ Силычъ всячески отрицался, говоря то же что говорилъ Чалурину, у него де свои дѣла и покинуть ихъ даже на короткое время нельзя.

— Сказано было вамъ, Герасимъ Силычъ, что въ убыткѣ не останетесь, громко промолвилъ Патапъ Максимычъ.— Скажите откровенно, сколько бы взяли вы въ мѣсяцъ съ Авдотьи Марковны?

Чубаловъ замолчалъ и низко склонилъ голову.

— Да говорите же, Герасимъ Силычъ, настаивалъ Чалуринъ.

— Не знаю что и говорить, едва слышно, помолчавъ, промолвилъ Чубаловъ.

— А то и говорите что для васъ не обидно будетъ, сказалъ Патапъ Максимычъ.

Digitized by Google

— Тутъ въ томъ главное дѣло что совсѣмъ должна стать моя торговлишка и въ разъѣзды за старшой ѣздить мнѣ не удастся, сказалъ Чубаловъ.—Конечно Иванушку бы можно посылать, да все ужъ это не то какъ я самъ. Да онъ же въ дальнихъ отлучкахъ безъ меня и не бывалъ никогда. Парень молодой, иной разъ, можетъ и прошибиться.

— Ахъ ты Господи! повысивши голосъ съ нетерпѣньемъ сказалъ Паталъ Максимычъ.—Этакъ мы пожалуй до смерти не столкуемся.

И вставъ изъ-за стола закинулъ руки за спину и широкими шагами сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Нѣтъ, такъ лива не сваришь! сказалъ онъ,—ты ближе къ дѣлу, а онъ про козу бѣлу;—ты ложки, а онъ тебѣ плошки.

И остановившись передъ старинщикомъ положилъ ему руку на плечо и спросилъ.

— Скажите по совѣсти, много ли въ мѣсяцъ барыша получаете?

— Мѣсяцъ на мѣсяцъ не придется, Паталъ Максимычъ, отвѣчалъ Чубаловъ.—Въ иной мѣсяцъ кромѣ расхода нѣтъ ничего, а въ другой и больно хорошо. Къ примѣру взять у Макарья въ ярманкѣ, на Сборной въ Симбирскѣ, въ Ирбитской. Да еще когда на Вятку къ тамошнимъ домосѣдамъ заѣдешь, либо на Уралъ къ казакамъ.

— Это такъ, это во всякой торговлѣ бываетъ, какую ни возьми, сказалъ Паталъ Максимычъ.—А въ годъ сколько барыша?

— И это мудрено сказать, уклончиво отвѣтилъ Герасимъ Силычъ.—И годъ на годъ не приходитъ.

— Фу ты пропасть какая! Чуть не битый часъ толкуемъ, а все по пустому.—Толковъ много, только толку нѣтъ, вскликнулъ нахмурясь Паталъ Максимычъ.—Такъ разсуждать все одно что въ рѣшетѣ воду таскать! Давно ль торгъ ведете?

— Больше пятнадцати годовъ, отвѣчалъ Чубаловъ.

— Который изъ годовъ самый былъ прибыльной?

— Первые годы послѣ моего странства были самые прибыльные, сказалъ Герасимъ Силычъ. — Потомъ истратился на семью, домъ поставилъ, землю купилъ, племянниковъ отъ рекрутчины свободилъ, отъ того капиталу и стало у меня много поменьше. А вѣдь — по капиталу и барышъ.

Digitized by Google

— Вотъ у насъ дѣло-то какъ идетъ, съ досадой молвилъ Паталъ Максимычъ обращаясь къ Дунѣ.—Ни изъ короба ни въ коробъ, въ коробъ не лѣзетъ, изъ короба вейдетъ и короба не отдаетъ. Въ первые-то года по сколько барышей получали? прибавилъ обращаясь къ Чубалову.

— Цѣлковыхъ тысячи по полторы, а были годы что и по двѣ получалъ, отирая раскрасивѣвшееся платкомъ лицо отвѣтилъ Чубаловъ и опять повурилъ голову.

— Такъ вотъ какой разговоръ будетъ у насъ, сказалъ Паталъ Максимычъ.—Авдотья Марковна дастъ вамъ не двѣ, а двѣ съ половиной тысячи въ годъ за хлопоты ваши и за распоряженія по здѣшнему хозяйству. И будете ли вы ея дѣлами заниматься мѣсяцъ ли, два ли, цѣлый годъ, все равно получите сполна двѣ тысячи съ половиной цѣлковыхъ. Согласны?

Чубаловъ не ожидалъ этого. И на сто рублей въ мѣсяцъ не надѣялся, а тутъ вдругъ двѣ съ половиной тысячи. По стольку ни въ одинъ годъ онъ не получалъ. Попрежнему сидѣлъ опустя голову и не зная что отвѣчать.

— Согласны что ли? спросилъ его Паталъ Максимычъ.— Мало, такъ прямо скажите.

— Согласенъ, едва елышно проговорилъ Чубаловъ.—Вашъ слуга, Авдотья Марковна, хоть по самый конецъ жизни, прибавилъ онъ, низко кланяясь Дунѣ.

— Очень, очень рада я что вы согласились. Теперь я спокойна на счетъ здѣшнихъ дѣлъ. Да это еще не все, что сказалъ вамъ Паталъ Максимычъ. Давича мы съ нимъ про васъ много разговаривали. Онъ скажетъ вамъ.

Оторопѣлъ Герасимъ Силычъ. „Что еще такое у нихъ обо мнѣ рѣшено?“ подумалъ онъ и повернулся къ сѣвшему за столъ Чапурину, выжидая словъ его.

— Видите ли, любезнѣйшій Герасимъ Силычъ, сказалъ Паталъ Максимычъ. — Давича мы съ Авдотьей Марковной положили—лѣсную пристань и прядильиц продать, и домъ опричь движимаго имущества тоже съ рукъ сбыть. Авдотьѣ Марковнѣ, послѣ такого горя, не желательно жить въ вашемъ городу, хочется ей что ни осталось послѣ родителя въ деньги обратить и жить на проценты. Гдѣ приведется ей жить, покуда еще сами мы не знаемъ. А какъ вамъ доведется все это продавать, такъ за коммиссію десять процентовъ съ продажной цѣны получите.

Digitized by Google

И во снѣ не снилось этого Чубалову. Не можетъ слова сказать въ отвѣтъ. Чалуринъ продолжалъ говорить, подавая деньги Герасиму Силычу.

— А это вамъ пятьсотъ рублей за труды при погребеньи Марка Данилыча.

— Помилуйте, Наталъ Максимычъ, это ужъ черезчуръ! вскликнулъ Герасимъ Силычъ.

— Не моя воля, а молодой хозяюшки, сказалъ Наталъ Максимычъ.—Ея волю исполняю. Желательно ей было чтобы похороны были что называется на славу. Ну, а при нашемъ положеніи, какая тутъ слава? Ни попову, ни дьякову—ровно нѣтъ ничего. Такъ мы и рѣшили деньги назначенныя на погребенье вамъ предоставить. Извольте получить.

Чубаловъ ошеломленъ былъ такими милостями, о какихъ и въ голову никогда ему не приходило. Особенно поразили его обѣщанные процейты съ продажной цѣны. „Вѣдь это мало, мало десять тысячъ цѣлковыхъ. Буду богаче чѣмъ тогда какъ воротился въ Сосновку, да къ тому жъ и расходовъ такихъ какъ тогда были не предвидится. Истинно Божеская милость мнѣ грѣшному вышла!“

Молча взялъ онъ пятьсотъ рублей, поклонился Паталу Максимычу и подойдя къ Дунѣ сказалъ:

— Вы, Авдотья Марковна, столько благодѣяній мнѣ оказали что буду я теперь неустанно Бога молить да устроитъ Онъ вашъ жизненный путь. Пошли вамъ Господи добраго и хорошаго сожителя, дай Богъ удесятерить достатки ваши, дай вамъ Богъ во всю вашу жизнь не видать ни горя, ни печалей. А я послѣ такихъ ко мнѣ милостей вѣковѣчный и вѣрный служитель вашъ. Теперь ли, послѣ ли когда, для васъ на всякую послугу готовъ.

— Очень рада, Герасимъ Силычъ, что мы съ вами поладили, и вы не отказались оказать сиротѣ помощь, съ ясной улыбкой проговорила Дуня.

— Не я вамъ, а вы мнѣ, Авдотья Марковна, великую, неслыханную помощь являете, со слезами на глазахъ отвѣтилъ Чубаловъ.—Богачомъ хотите сдѣлать меня. Воздай вамъ Господи!

— Герасимъ Силычъ, сказала потупивши свѣтлыя очи Дуня Чубалову.—Вѣдь у васъ тятенька покойникъ вымѣнялъ икону прелодобной мученицы Евдокіи. Ангелъ мой. Теперь ужъ больше года та икона возлѣ кровати въ изголовьяхъ у меня стоитъ.

Digitized by Google

— Точно такъ, Авдотья Марковна, Марко Данилычъ, у меня ту икону вымѣнялъ, отвѣчалъ Чубаловъ.—Рѣдкостная икона, царскимъ жалованнымъ изуграфомъ при святѣйшемъ Филаретѣ патріархѣ московскомъ писана. Комнатная была у благочестивой царицы Евдокіи Лукяновны.

— И Марка Евангелиста икона, что у тятеньки покойника при гробѣ въ головахъ стояла—тоже отъ васъ?

— И ее у меня же вымѣнялъ. Она баронскихъ писемъ, совсѣмъ почти фряжская. Эта много будетъ попростѣе чѣмъ икона вашего ангела и помоложе, сказалъ Герасимъ Силычъ.

— А нѣтъ ли у васъ иконы святителя Амвросія Медіоланскаго? спросила Дуня.

— Такой не имѣется, отвѣчалъ Герасимъ Силычъ.—Да едва ли можно такую и найти старинныхъ писемъ. Сколько годовъ я по иконной части дѣлишки веду, чуть не всю Россію изъѣздилъ изъ конца въ конецъ, и всего навсе двѣ только старыя иконы Амвросія Медіоланскаго видѣлъ. А теперь ихъ нѣтъ—одну за перстосложеніе отобрали, другая въ ложарѣ сгорѣла.

— Мнѣ хоть бы новую, сказала Дуня.

— Въ такомъ разѣ можно поморскимъ заказать, а не то въ Москвѣ на Преображенскомъ, отвѣтилъ Чубаловъ.—Ежели наскоро требуется, могу въ самомъ близкомъ времени ее получить.

— Сдѣлайте одолженіе, сказала Дуня.—Это самое мое усердное желаніе имѣть икону святителя Амвросія, молвила Дуня.—Буду вамъ очень благодарна.

— Постараюсь, Авдотья Марковна, будьте благонадежны, сказалъ Чубаловъ.—Штилистовая требуется или побольше?

— Чтобы въ кіотку что у меня въ комнатѣ поставилась. Снимите мѣрочку. Хочу чтобъ она всегда у меня въ изголовьяхъ была, отвѣтила Дуня.—И окладъ закажите пожалуста—серебряный, густо позолоченный, а каменья на икону я вамъ сама выдамъ.

— Слушаю-съ. А къ какому времени потребуется? спросилъ Чубаловъ.

— Срока не назначаю, а чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, отвѣтила Дуня.

— Да ты обѣщанье что ли дала? спросила Дарья Сергѣвна.

— Да, обѣщанье, потупившись сухо промолвила Дуня.

Digitized by Google

Съ того дня Чубаловъ сталъ хозяйствовать въ Смолокуровскомъ домѣ. Съѣздилъ онъ на день въ Сосновку и переѣхалъ въ городъ со всѣмъ книжнымъ скарбомъ. Иванушку взялъ съ собой.

Устроивши главныя дѣла покойнаго Марка Данилыча, Чалуринъ несмотря на просьбы новой своей дочки собрался въ путь-дорогу въ свои родные лѣса. Аграфена Петровна съ нимъ же поѣхала. Страшно показалось Дунѣ предстоявшее одиночество, особенно печалила ее разлука съ Груней. Къ ней теперь привязалась она еще больше чѣмъ прежде, до размолвки.

Уговорились такъ: къ двадцатому дню послѣ кончины Марка Данилыча пріѣдетъ къ Дунѣ Паталъ Максимычъ и Аграфена Петровна съ дѣтками и всѣ они пробудутъ до сорочинъ. Послѣ того Дуня съ Дарьей Сергѣвной двинутся за Волгу со всѣми пожитками.

Никифоръ между тѣмъ пріѣхалъ и получивъ довѣренность на другой же день покатилъ на Унжу.

За день либо за два до отъѣзда Паталя Максимыча Дуня спросила у него:

— Въ векселяхъ что̀ выданы тятенькѣ покойнику не нашлось ли векселей или расписокъ купца Поликарпа Андрѣича Сивкова?

— Есть векселекъ, отвѣтилъ Паталъ Максимычъ.—На нонѣшней ярманкѣ выданъ.

— Великъ ли? спросила Дуня.

— Помнится тысячи на три, а уплата на будущей Макарьевской, отвѣтилъ Паталъ Максимычъ.

— Дайте мнѣ его, а изъ счетовъ пожалуста вычеркните, сказала Дуня.

— Зачѣмъ это, дочка? ласково и озабоченно спросилъ у нея Чалуринъ.

— Такъ надо мнѣ, сказала рѣшительно Дуня и другаго отвѣта не дала.

Паталъ Максимычъ пристально посмотрѣлъ на нее. А у ней взглядъ ни дать ни взять такой же каковъ бывалъ у Марка Данилыча. И ноздри также раздуваются, какъ у него бывало, когда дѣлался недоволенъ, и глаза горятъ, и хмурое лицо багровѣетъ — вся въ отца. „Нѣтъ, эту дѣвку прибрать къ рукамъ мудрено, подумалъ Чалуринъ. Бѣдовая!... Мужа будетъ на уздечкѣ водить. На мою покойницу, на голубушку Настю смахиваетъ, только будетъ покручѣ ее. А то по всему Настя, какъ есть Настя.“

Digitized by Google

Отдалъ онъ Дунѣ вексель Сивкова, а та тотчасъ же разорвала его пополамъ.

— Что ты? Что ты сдѣлала? вскочивши съ мѣста съ изумленіемъ вскрикнулъ Патапъ Максимычъ.—Теперь вексель не годится.

— Знаю, равнодушно отвѣтила Дуня.

— Зачѣмъ же это?

— Долгъ уплаченъ Поликарпу Андреичу и даже больше чѣмъ онъ былъ тятенькѣ долженъ, сказала Дуня, переглянувшись съ Аграфеной Петровной.

— Какъ больше? Въ толкъ не возьму, сквозь зубы проговорилъ недовольный Чапуринъ.

Дуня не отвѣчала.

— Тятенька, вступилась Аграфена Петровна,—вы вѣдь еще ничего не знаете какъ мы съ Дуней отъ Луповицкихъ уѣхали. Много было всякихъ приключеній, говорить теперь не стану, сама когда-нибудь разскажетъ. Поликарпъ Андреичъ да еще одинъ человѣкъ и ей и мнѣ много добра сдѣлали. Будь у меня такія же деньги какъ у Дуни, я бы и больше трехъ тысячъ не пожалѣла.

— Вотъ оно что! тихо промолвилъ Патапъ Максимычъ.—Да что жь вы ничего не разкажете? Три тысячи деньги вѣдь не малыя, кидать ихъ зря не годится. Можетъ-быть одолженія Сивкова и десятой доли этихъ денегъ не стоятъ.

— Когда Дуня тебѣ разкажетъ все, самъ увидишь что помощь Сивковыхъ стóитъ больше, сказала Аграфена Петровна.

— Такъ разкажи, Дуня, не утай отъ втораго отца, ласково молвилъ стихшій Патапъ Максимычъ.

— Послѣ разкажу, послѣ, когда буду у васъ въ Осиповкѣ, сказала Дуня,—а теперь видитъ Богъ не могу. Языкъ не поворотится. Знаете отъ чего мнѣ хочется покинуть этотъ городъ и въ немъ даже родительскія могилки? Чтобы подальше быть отъ этихъ Луповицкихъ, отъ Фатьянки, отъ Марьи Ивановны. Много я отъ нихъ натерпѣлась — говорить, такъ всего не перескажешь.

Навострила Дарья Сергѣевна уши услыхавши отъ Дуни такія слова про Марью Ивановну. Довольная улыбка озарила лицо ея. Радостно она вокругъ посмотрѣла.

— Какъ? Съ Марьей Ивановной рознь у тебя? она промолвила.—Слава Богу. Никогда я не чаяла въ ней толку.

Digitized by Google

И тотчасъ же послалъ за Самоквасовымъ. И записку написалъ на случай еслибы посланный не засталъ его. Приписалъ что теперь у него Наталъ Максимычъ съ Аграфеной Петровной и что на другой день уѣзжаютъ они въ свои лѣса за Волгу. Прибавилъ также что Марко Данилычъ приказалъ долго жить.

Не засталъ посланный Петра Степаныча, куда-то по дѣламъ онъ уѣхалъ. Записку Сергѣя Андреича оставилъ.

Къ вечернему чаю Самоквасовъ пришелъ къ Колышкинымъ. Его радушно встрѣтили, и Наталъ Максимычъ вскорѣ обратился къ нему:

— Давненько, Петръ Степаныч, мы не видались. Какъ твое дѣло съ дядей? Покончилъ ли?

— Слава Богу, покончилъ. Подѣлились, отвѣчалъ Самоквасовъ.

— Какъ же? спросилъ Чалуринъ:—чѣмъ рѣшили?

— Не мы рѣшали, судъ порѣшилъ, сказалъ Самоквасовъ.— Я получилъ свое, хоть не безъ хлопотъ, надо было выручать присужденное наслѣдство. И надоѣла же мнѣ эта Казань послѣ этого, хоть и родина, а вѣкъ бы не видать ея. Сюда на житье переѣхалъ, здѣсь хочу устроиться.

— И дѣло, молвилъ Наталъ Максимычъ. — Хорошо придумано. На новомъ мѣстѣ и новая жизнь пойдетъ. А сколько съ дяди-то пришлось?

— Половина что̀ послѣ дѣдушки осталось. На двѣсти тысячъ, отвѣтилъ Самоквасовъ.

— Съ такимъ капиталомъ можно повести дѣла, молвилъ Чалуринъ. — Переписывайся въ здѣшніе купцы да заводи торги. Только чуръ не мелочничать — по скитамъ ради озорства не ѣздить, не повѣсничать тамъ. Пора остепениться, любезный Петръ Степаныч. А то и не увидишь какъ дѣдушкины двѣсти тысячъ вылетятъ въ трубу.

— Что̀ было, то прошло, да и быльемъ поросло, съ глубокимъ вздохомъ промолвилъ Петръ Степаныч.—Былъ молодъ, былъ неразуменъ, молодая кровь бурлила, а теперь ужь я не тотъ—укатали сивку крутыя горки. Какъ оглянешься назадъ, да вспомнишь про прежнее безпутное время, самому покажется что спричь глупостей до сей поры ничего въ моей жизни не было.

Digitized by Google

— Оженится бы тебѣ, Петръ Степанычъ. Съ хорошей женой и самъ бы ты былъ хорошій человѣкъ, сказалъ Паталъ Максимычъ. — Годковъ-то ужь тебѣ вѣдь не мало, изъ подростковъ вышелъ—право, не пора ли? Отъ дяди отдѣлился, имѣешь теперь свой капиталъ, рожна что ли тебѣ еще? Аль въ скиты таиетъ съ бѣлицами да съ молоденькими старицами валандаться?

— Что мнѣ скиты? Пропадай они пропадомъ, и ухомъ не поведу, сказалъ Петръ Степанычъ.—Дядя каждый годъ меня съ милостивой туда посылалъ, не своей охотой ѣздилъ я на Керженецъ. Теперь то время прошло.

— Толкуй! Знаемъ и мы кой-чего поневножку, сказалъ Паталъ Максимычъ.—Никому спуску не давалъ. Хоть Фленушку взять, сестрицы моей воспитанницу. Валандался вѣдь съ ней? Ну скажи правду-матку какъ есть на чистоту.

И лукаво погладѣлъ на Петра Степаныча.

— Въ скитахъ да и вездѣ въ вашихъ лѣсахъ много сплетокъ плетутъ, Паталъ Максимычъ, отвѣтилъ Самоквасовъ.— А если что и было, такъ я теперь ото всякихъ обителей отшатился. Пропадай онѣ совсѣмъ.

Всѣ примолкли. Спустя не многое время Колышкинъ спросилъ Петра Степаныча:

— Домика не присмотрѣли ль?

— Нѣтъ, тоскливо отвѣтилъ Самоквасовъ. — Да и на что мнѣ домъ, какъ поразсудить хорошенько. Истратишься на него, а послѣ съ рукъ не сбудешь.... А гдѣ мнѣ еще приведется жить, самъ покуда не знаю. Въ Москвѣ ли, въ Питерѣ ли, или у чорта на куличкахъ гдѣ-нибудь....

— А ты ларень не черкайся * коли говоришь про хорошее дѣло, внушительно сказалъ ему Паталъ Максимычъ.—Зачѣмъ супротивнаго поминать? Говорю тебѣ—женись. Повѣрь, совсѣмъ тогда другая жизнь у тебя будетъ.

— И радъ бы жениться, да жениться какъ? молвилъ Петръ Степанычъ.—Нѣтъ ли у васъ на примѣтѣ подходящей невѣсты, я бы со всякимъ удовольствіемъ.

— Сваха что ль я тебѣ? засмѣялся Чалуринъ.—Самъ ищи, дѣло-то будетъ вѣрнѣе.

Подъ эти слова еще человѣка два къ Колышкину въ гости пришли, оба пароходные. Петръ Степанычъ ни того ни дру-

* Не поминай чорта.

Digitized by Google

— Что жь мнѣ теперь дѣлать? Господа ради скажите, Аграфена Петровна, что дѣлать мнѣ? со слезами на глазахъ просилъ Самоквасовъ.

— Не знаю что вамъ сказать, Петръ Степанычъ. Много бы я вамъ еще порассказала, да слышите Марѳа Михайловна идетъ, сказала Аграфена Петровна.—Послѣ сорочинъ, когда будетъ она въ Вихоревѣ, пріѣзжайте къ намъ будто за какимъ дѣломъ къ Ивану Григорьичу. А къ двадцатому дню расположили мы съ тятенькой Паталомъ Максимычемъ ѣхать къ ней. Остановимся здѣсь. Заходите.

— Въ это время вошла Марѳа Михайловна. Разговоры покончились.

—

Съ тѣхъ поръ Петръ Степанычъ каждый день, а иногда и по два раза заходилъ къ Колышкину узнавать нѣтъ ли какихъ вѣстей про Патала Максимыча и про Аграфену Петровну, но про Дуню Смолокурову даже не заикался.

Разъ Сергѣй Андреичъ, говоря съ Самоквасовымъ какъ думаетъ онъ устроиться, сказалъ ему:

— А вѣдь крестный мой точную правду сказалъ какъ былъ у меня. Жениться вамъ надо, Петръ Степанычъ, молодую хозяюшку подъ крышу свою привесть. Тогда все пойдетъ по хорошему.

— Самъ понимаю это, отвѣчалъ Самоквасовъ.—Да вѣдь невѣстъ на базарѣ не продаютъ, а гдѣ ее хорошую-то сыщешь? Дѣвушки вѣдь всѣ ангелы Божьи, откуда же злыя жены берутся? Жену выбирать—что жеребей метать—какая попадется. Хорошъ жеребей выпется—вѣкъ проживешь въ веселіи и радости, плохой выпется, пожалуй на другой же день послѣ свадьбы придется отъ жены давиться либо топиться.

— Съ вашимъ капиталомъ да не найти хорошей невѣсты! молвилъ Сергѣй Андреичъ.—Да возьмите хоть у насъ въ городу. Здѣсь всякими невѣстами хорошими и плохими, старыми и молодыми, хоть Волгу съ Окой запруди. Словечко только молвите—сваями налетятъ, особенно жь теперь при отдѣльномъ вашемъ капиталѣ.

— Не мало ужь свахъ налетало, сказалъ Петръ Степанычъ.—Да это и на дѣло-то нисколько не похоже. Какъ я стану свататься, не зная ни невѣсты, ни семейныхъ ея.

— На невѣсту-то я вамъ пожалуй укажу, сказалъ Сергѣй

Digitized by Google

Андреичъ.—Самъ ея не видалъ никогда, а всѣ одобряютъ, много слышалъ я про нее хорошаго. Съ милліономъ приданаго, съ вашимъ-то капиталомъ до полутора набралось бы... Какую бы можно было коммерцію завести. Про Смолокурову говорю, про сироту. Сама еще молода, изъ себя говорятъ пригожа, и нравомъ слышь кроткая и ко всѣмъ сердобольная. Въ своемъ городу отцовское хозяйство она нарушаетъ, за Волгу ѣдетъ жить къ моему крестному. А крестный, какъ вижу, васъ жалуетъ. Поищите. Да не зѣвайте— милліонная невѣста, въ дѣвкахъ не засидится.

Ни слова не сказалъ Петръ Степанычъ, но такая краска бросилась ему въ лицо что онъ даже побагровѣлъ весь.

Колышкинъ будто и не замѣтилъ того.

— Знавали вы ее когда-нибудь? спросилъ онъ у Самоквасова.

— Зналъ, робко отвѣтилъ Петръ Степанычъ, понизивши голосъ.—Въ прошломъ году видались.

— Что жь? Нравится? По мыслямъ? спросилъ улыбаясь Колышкинъ.

Не отвѣчалъ смущенный Самоквасовъ.

— Повидайтесь съ моимъ крестнымъ, какъ онъ будетъ здѣсь, да поговорите съ нимъ объ этомъ откровенно, хлопнувъ ладонью по плечу Самоквасова, сказалъ Сергѣй Андреичъ.—Авось на свадебкѣ попируемъ.

— Что вы, что вы Сергѣй Андреичъ? полушепотомъ только могъ проговорить въ концѣ растерявшійся Петръ Степанычъ.

Колышкинъ глядя на него улыбнулся.

CXVII.

Въ городѣ гдѣ жилъ Смолокуровъ только и говору было что о несмѣтномъ богатствѣ Дуни. Досужіе языки ужь не милліонъ насчитывали, а пять, либо шесть. Иные стали обращаться къ ней съ просьбами о помощи, другіе просто денегъ просили взаймы, третьи ужь не просили, а просто-напросто требовали крупныхъ суммъ на общественныя надобности— на дамскіе вечера въ клубѣ, на музыку, даже на благородныя театральныя представленія, до которыхъ богатой наслѣдницѣ

Digitized by Google

никакого дѣла не было. Еслибъ не Герасимъ Силычъ, Дуня не знала бы какъ и отдѣлаться отъ толпы просителей. Онъ такъ хорошо ихъ выпроваживалъ что Дуня никого изъ нихъ и не видала. Боясь чтобъ кто-нибудь изъ просителей вдругъ не разжалобилъ Дуню, Чубаловъ, оставивши небольшую часть наличныхъ денегъ для хозяйства, остальное отослалъ въ ломбардъ и получилъ именные билеты.

Вексель въ три тысячи рублей выданный Марку Данилычу Сивковымъ Дуня послала по почтѣ. Въ письмѣ къ Поликарпу Андреичу извѣщая о кончинѣ отца просила она чтобы онъ взявъ половину денегъ въ благодарность за данный ей пріютъ, другую половину вручилъ бы отцу Прохору.

А отцу Прохору написала что онъ навсегда будетъ получать отъ нея по пятисотъ рублей въ годъ и что за первые три года получитъ полторы тысячи рублей отъ Поликарпа Андреича Сивкова.

Недѣли черезъ полторы Дуня получила отвѣтныя письма. Сивковъ разсыпался въ благодарностяхъ и въ пожеланіяхъ скорѣй оправиться отъ горя и счастливо устроить судьбу свою. Насчетъ отца Прохора писалъ онъ что послалъ къ нему пятьсотъ рублей, а остальныя отдастъ послѣ, когда дозволятъ ему торговые обороты. Отецъ Прохоръ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ благодарилъ Дуню за полученные отъ Сивкова пятьсотъ рублей и за обѣщаніе не оставлять его и на будущее время. „А по отъѣздѣ изъ Луповицъ Аграфены Петровны, коей присемъ покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать усерднѣйшее наше почтеніе и благодарность за неоставленіе насъ бѣдныхъ и безпомощныхъ, писалъ отецъ Прохоръ, у насъ въ Луповицахъ произошли неожиданныя новости. Третьяго дня пріѣзжалъ какой-то важный чиновникъ изъ Петербурга, со здѣшнимъ исправникомъ и съ жандармскимъ полковникомъ. Денисова они взяли, и жандармскіе солдаты увезли его неизвѣстно куда. По всему дому былъ произведенъ обыскъ, и меня тутъ пригласили по моему сану. Сіонскую горницу и все что возлѣ нея запечатали казенными печатями, а равно и богадѣльню еретицы Матрены. Здѣшніе господа остаются покамѣсть не тронутыми, но съ нихъ, кромѣ Маріи Ивановны, какъ заѣзжей, взяты подписки о невыѣздѣ изъ имѣнія, наблюденіе же за ними поручено нашему господину исправнику. А гостившую въ Луповицахъ барышню Кислову отвезли въ городъ къ родителямъ

Digitized by Google

и до времени отдали подъ полицейскій надзоръ. Чѣмъ все это кончится, пока неизвѣстно, но ходятъ слухи что правительство строго взялось за преслѣдованіе богопротивной секты. Ожидаютъ что съ нашими господами кончится тѣмъ же чѣмъ кончилось и съ родителемъ ихъ, сосланнымъ, какъ извѣстно, въ монастырь на вѣчноходное покаяніе. Таковыя предположенія слышатся не токмо отъ простыхъ людей, но и отъ чиновныхъ лиц коихъ имѣлъ счастіе находиться. А они въ барскомъ домѣ не пристали, а остановились петербургскій чиновникъ съ жандарискимъ полковникомъ у меня въ домишкѣ, а другіе у отца дьякона да у причетниковъ. А Марья Ивановна сегодня въ ваши мѣста поѣхала. О семъ пишу по той причинѣ что быть-можетъ вздумаетъ она съ вами повидаться, такъ вы обходитесь съ ней строго и бережно, дабы снова не уязвила васъ. А лучше бы всего еслибы съ нею вовсе вы не видались. Узнавши что теперь вы богаты, она, надо полагать, станетъ у васъ денегъ просить на ихнее дѣло, то-есть чтобы какъ-нибудь и насколько возможно опять присовокупить васъ къ ихъ кораблю. Прошу я васъ, отнюдь не поддавайтесь просьбамъ ея—храните себя. Боюсь не осталось ли у васъ въ ихъ домѣ какихъ-нибудь писемъ, касающихся до богомерзкихъ ихъ дѣяній. При обыскѣ таковыхъ не нашлось, но вѣдь дѣло не кончено, могутъ оказаться послѣ. Сами же ни къ Маріѣ Ивановнѣ и ни къ кому изъ нихъ ни единой буквы не пишите. Платье и разныя ваши вещи у нихъ оставшіяся пускай пропадаютъ. Откажитесь отъ нихъ, и дѣло съ концомъ. По моему разсужденію, кажется вамъ нечего опасаться, а еслибъ и довелось отвѣтъ давать, покажите сущую обо всемъ правду. Съ таковыхъ взыску никогда не бываетъ. А главное, молитесь, ежедневно возносите молебія, вѣрныхъ, самому Господу Богу, невримыми путями всякаго земнороднаго руководящему, а новгорскихъ, святому отцу нашему Амвросію, епископу Медіоланскому. Они спасли васъ отъ страшныхъ бѣдъ. Теперь начинаетъ открываться что Денисовъ со своей сродницей Варварой Петровной, а также съ барышней Кисловой въ прежніе годы то же самое учинилъ на что и относительно васъ покушался. Дай Боже ему въ монастырѣ раскаяться въ богопротивныхъ дѣлахъ.... А сколько за то будетъ избавлено отъ позора молодыхъ дѣвицъ и даже несмысленныхъ отроковицъ.“

Письмо отца Прохора обезпокоило Дуню — она боялась

Digitized by Google

встрѣчи съ Марьей Ивановной. Впрочемъ, еще надѣялась что послѣ всего бывшаго въ Луповицахъ она проѣдетъ мимо города прямо въ Фатьянку.

Въ самомъ дѣлѣ онѣ не встрѣтились, но вскорѣ изъ Фатьянки пріѣхалъ нарочный отъ Марьи Ивановны. Онъ привезъ два чемодана съ платьемъ и съ разными вещами оставленными Дуней въ Луповицахъ. Въ одномъ изъ чемодановъ было положено все хлыстовское что употребляла Дуня во время радѣній. Тутъ были и бѣлыя ризы, и покровцы, и знамена и пальмовыя вѣтки. На вещахъ было положено письмо.

Вотъ что писала Марья Ивановна:

„Что это сдѣлала ты съ нами, милая, дорогая моя Дунюшка?—Сокрушила ты всѣхъ насъ печалью, а мы столь много и столь пламенно тебя любимъ. Сколько принесла ты намъ горя, тревогъ и безпокойства своимъ исчезновеніемъ. Долго искали мы куда могла бы ты скрыться, но не могли узнать, послѣ ужь стороной услыхали что была ты въ губернскомъ городѣ у купца Сивкова, а отъ него съ какою-то женщиной поѣхала къ больному отцу. Не можемъ придумать какъ очутилась ты у Сивковыхъ. Черезъ день послѣ того какъ ты скрылась была получена эстафета съ письмомъ ко мнѣ. Извѣщали меня о внезапной болѣзни Марка Данилыча и просили сейчасъ же тебя привезти, чтобъ отца въ живыхъ ты застала. И я бы исполнила это, ежели бы ты у насъ на ту пору оставалась. А все произошло, я полагаю, изъ какого-нибудь недоразумѣнія съ твоей стороны. Надо думать что тебѣ показалось Богъ знаетъ что такое. Такъ и Егорушка говорилъ. Никогда, милый другъ мой, не должно дѣйствовать подъ первымъ впечатлѣніемъ, иначе это будетъ опрометчивостью. Я впрочемъ осталась вполнѣ увѣренною что ты не покинула святаго дѣла и не поругалась ему по вражьему навожденью. Великій, страшный отвѣтъ передъ Богомъ придется давать тебѣ ежель не устоишь противъ искушеній лукаваго. Сама знаешь какою ты пріѣхала къ намъ и какою прельщенная міромъ и суетой его оставила насъ. Ради вѣчнаго душевнаго спасенія твоего умоляю тебя, милый дружокъ, не забывай того что преподано тебѣ и оставайся вѣрною Богу до самой кончины. Теперь, по смерти добраго Марка Данилыча, стала ты ни отъ кого независимою, тѣмъ болѣе что и достатки тебѣ достались не малые. Ни о чемъ объ этомъ не думай, никакихъ заботъ на себя не принимай. Угождай только Богу святыми дѣлами.

Digitized by Google

Хорошо бы тебѣ воротиться на прежнее мѣсто, либо у меня ложить въ новомъ имѣньи, но этого до нѣкотораго времени исполнить невозможно, потому что случилось у насъ неожиданное и великое несчастіе. Желѣзная скелетная рука Полифема сына Посидонова * коснулась и нашего тихаго отъ суеты мірской убѣжища и грозитъ тѣмъ что было со слутниками Одиссея въ лещерѣ Циклоповой. Егорушку увезли неизвѣстно куда, домъ братьевъ описали и отчасти запечатали, я отпросилась въ свое имѣнье, и дорогой узнала что Полифемъ и туда простеръ ужасную свою руку. По этой причинѣ лучше тебѣ покамѣсть оставаться въ своемъ домѣ, а когда утишатся скорби, тогда къ намъ переѣзжай. Посылаю тебѣ покинутыя тобою вещи и все нужное для истиннаго богомолія. Пусть эти принадлежности къ работѣ по святому и спасительному дѣлу напоминаютъ тебѣ о данныхъ тобой клятвахъ и обѣщаніяхъ. Съ этимъ же нарочнымъ пришли отвѣтъ, человѣкъ онъ совершенно надежный и вѣрный, писать съ нимъ безопасно. Это письмо на всякій случай сожги чтобъ никакихъ слѣдовъ отъ него не осталось, и я равнымъ образомъ также поступлю съ письмомъ которое пришлешь мнѣ. Времена пошли неблагопріятныя, подули съ сѣвера все доброе и истинное мертвящіе холодные вѣтры, необходимо ихъ переждать и беречь себя какъ можно осторожнѣе, чтобы не получить болѣзни.—Прощай милая моя и дорогая Дунюшка, ты всегда была избранной любимицей моего сердца, забудь же недоразумѣніе по которому ты исчезла изъ братнина дома. Увѣряю тебя, что тутъ не было ничего дурнаго, ничего предосудительнаго, тебѣ только показалось что-то нехорошее. Умоляю тебя не забывать что тобою принято и вручаю тебя покровительству Царицы Небесной. Ты вѣдь Ее за себя порукой давала. Не увлекайся мірской суетой, и помни всегда

* Это и нѣкоторыя другія выраженія письма Марьи Ивановны дословно взяты изъ письма образованной петербургской хлыстовки, писаннаго во второй половинѣ сороковыхъ годовъ. Ни означенія года ни имени писавшей нѣтъ, но видно что барыня хлыстовка хоть нѣсколько была знакома съ Гомеромъ. Подъ именемъ Полифема разумѣется правительство, а изъ сопоставленія другихъ подобныхъ документовъ видно что это преимущественно относится къ министру графу Перовскому, обратившему строгое вниманіе на распространившуюся въ его время хлыстовскую ересь.

Digitized by Google

что не въ ней заключаются полнота духа, праведное восхищеніе и душевный ни съ чѣмъ несравнимый восторгъ. Ты вѣдь не разъ испытала его.

Раздумалась надъ этимъ письмомъ Дуня. „Все ложь, все обманъ, правды нѣтъ ни сколько! подумала она. Какое-то недоразумѣніе нашла... Какое тутъ недоразумѣніе, когда сама ввела меня въ ловушку. И про мои достатки, что̀ остались послѣ тятеньки, поминаетъ. Ихъ хотѣлось Луповицкимъ... Прочь, лукавые! Ни думать не хочу о васъ, ни вспоминать про вашу обманную вѣру.“

Вошла разбитная Матрена.

— Что̀ тебѣ Матренушка? спросила ее Дуня.

— Посланный отвѣта ждетъ, отвѣчала Матрена.

— Скажи что отвѣта не будетъ, нахмурясь сказала Дуня.

— Онъ говоритъ что безъ вашего письма никакъ ему нельзя домой воротиться. Строго-настрого ему слышь наказывали письмо привезти отъ васъ.

— Скажи ему отъ меня что никакаго отвѣта не будетъ и чтобъ онъ скорѣй уѣзжалъ съ моего двора, повысивши голосъ сказала Дуня, и глаза ея загорѣлись лихимъ гнѣвомъ.

Волей-неволей посланный отъ Марьи Ивановны поѣхалъ долой со двора.

— Затопи, Матренушка, въ моей спальнѣ печку, приказала Дуня.

— Да вѣдь не холодно на дворѣ-то, Авдотья Марковна, сказала было Матрена.

— Затопи, когда приказываютъ, повелительно крикнула Дуня.

Изумилася Матрена. Всегда тихая и кроткая смиренница такъ грозно и властно стала покрикивать... Ни дать ни взять покойникъ Марко Данилычъ. Видно яблочко отъ яблоньки не далеко падаетъ.

Когда печка разгорѣлась, Дуня заперлась изнутри и покидала въ огонь бѣлыя ризы, еще недавно такъ съ восторгомъ ею надѣваемыя. Знамена, покровцы и пальмовыя вѣтви тоже въ печку пошли. Между платьемъ нашла она писанную водяными красками картину „никовствованія“ и нѣсколько мистическихъ книгъ, купленныхъ Маркомъ Данилычемъ у Чубалова и взятыхъ Дуней въ Луповицы. И это все въ огонь полетѣло. Когда сгорѣло все что̀ могло напоминать ей о хлыстахъ, ровно тяжесть какая свалилась съ нея, и на

Digitized by Google

душѣ стало покойнѣй и веселѣе. Ей казалось будто вышла она на вольную свободу изъ душной темницы. Всѣ отношенія ея къ Луповицкимъ хлыстамъ были навсегда теперь разорваны.

Послѣ когда разказала она обо всемъ этомъ Аграфенѣ Петровнѣ, та похвалила ее.

Въ тотъ же день вечеромъ разговорилась Дуня съ Чубаловымъ.

— Скажите мнѣ пожалуста, Герасимъ Силычъ, правду ль я слышала будто вы странствуя по разнымъ мѣстамъ во многихъ вѣрахъ перебывали? спросила она.

— Правда, Авдотья Марковна, вамъ не облыжно сказывали, отвѣчалъ Чубаловъ. — Съ раннихъ годовъ, когда еще я подросткомъ былъ, съ ума у меня не сходило что вотъ здѣсь вокругъ насъ старовѣры разныхъ толковъ живутъ. И каждый толкъ не любитъ другіе, обзываетъ ихъ отступниками, отщепенцами. Гдѣ жь, думалъ я, единая, правая Христова вѣра въ коей вѣчное спасеніе несомнѣнно. Кого ни спрашивалъ, никто прямаго отвѣта мнѣ не далъ, свою вѣру хвалилъ, другія проклиналъ.... Тогда прочелъ я книгу Ефрема Сирина. А въ ней сказано: въ послѣднія времена праведная вѣра сокроется изъ міра, и міръ по своимъ похотямъ пойдетъ и забудетъ Творца своего. Тогда держащіе праведную вѣру побѣгутъ въ горы и будутъ пребывать въ вертепахъ и въ пропастяхъ земныхъ. И пошелъ я въ странство отыскивать тѣ вертепы и пропасти чтобъ до конца живота пребывать съ людьми истинной вѣры. Много странствовалъ, но не могъ ихъ найти. Пошелъ по сектамъ— въ которой годъ, въ которой больше оставался. А какъ замѣчу бывало какую ни на есть неправоту, тотчасъ ухожу въ иное мѣсто... И такимъ образомъ пятнадцать лѣтъ провелъ я въ странствѣ и все переходилъ изъ одного согласа въ другой. Но нигдѣ не видалъ прямой истины. Тогда, наскучивъ праздным шатаньемъ, домой воротился. И вотъ теперь провожу житіе въ той вѣрѣ въ коей родился, по Спасову согласію.

— Вы находите ее всѣхъ праведнѣе? спросила Дуня.

Не вдругъ отвѣтилъ Чубаловъ. Думалъ онъ. Долго думалъ; потомъ тихо промолвилъ:

— Вы, Авдотья Марковна, слышалъ я, много книгъ перечитали и съ образованными господами знакомство водите. Такъ

Digitized by Google

не можетъ же быть чтобъ и вамъ на умъ не приходило до чего дошелъ я чтеніемъ книгъ.

— Что жь такое, Герасимъ Силычъ? живо спросила его Дуня.—До чего дошли вы?

— Не въ провось мое слово будь сказано, запинаясь на каждомъ словѣ отвѣчалъ Чубаловъ.—Ежели по сущей правдѣ разсудить, такъ истинная вѣра тамъ.

И показалъ на видиѣвшіяся изъ окна церковныя главы.

— Какъ? Въ великороссійской? спросила удивленная Дуня.

— Да, въ великороссійской, твердо отвѣтилъ Герасимъ Силычъ.—Правда, есть въ ней отступленія отъ древнихъ святоотеческихъ обрядовъ и преданій, есть церковныя неустройства, много поповъ и другихъ людей въ клирѣ недостойныхъ, прибытками и гордостію обуянныхъ, а въ богослуженіи нерадивыхъ и небрежныхъ. Все это такъ, но вѣра у нихъ чиста и непорочна. На томъ самомъ камнѣ она стоитъ о коемъ Христосъ сказалъ: „на немъ созижду церковь Мою и врата адовы не одолѣютъ ю“.

Задумалась Дуня.

— Да, между тамошнимъ священствомъ есть люди недостойные, продолжалъ Чубаловъ.—Но вѣдь въ семьѣ не безъ урода. За то не мало и такихъ что душу свою готовы положить за послѣдняго изъ паствы. Такіе даже бываютъ что не только за своего, а за всякаго носящаго образъ и подобіе Божіе всѣмъ пожертвуютъ для спасенія его отъ какой-нибудь бѣды, подвергаются гнѣву сильныхъ міра, сами лишатся всего, а человѣка, хоть имъ вовсе незнакомаго, отъ бѣды и напасти спасутъ. И будь хоть немного таковыхъ, они вполнѣ бы возвеличили свою церковь, а въ ней неправды нѣтъ—одно лишь измѣненіе обряда. А обрядъ не вѣра, и церковь его всегда можетъ измѣнить. Бывали тому примѣры и въ древней церкви, во дни вселенскихъ соборовъ.

Дуня молчала, объ отцѣ Прохорѣ она думала. Развѣ мнѣ, чуждой его церкви, не сдѣлалъ онъ величайшаго благодѣянія? Развѣ не подвергался онъ преслѣдованіямъ? Развѣ ему самому не угрожали за это и лишеніе мѣста и лишеніе скудныхъ достатковъ?

Прошло нѣсколько минутъ, Дуня спросила у Чубалова, зорко глядя ему въ очи и ровно застыдившись:

— Когда вы были въ странствѣ, Герасимъ Силычъ, не случалось ли вамъ когда-нибудь сходиться съ людьми Божьими? спросила Дуня.

Digitized by Google

— Всѣ мы Божьи люди, Авдотья Марковна, всѣ Его созданья. Не знаю про какихъ Божьихъ людей вы спрашиваете, отвѣчалъ Чубаловъ.

— Такая секта есть, сказала Дуня.—Сами себя они зовутъ, людьми Божьими, вѣрными-праведными зовутся также, и праведными послѣднихъ дней, познавшими тайну сокровенную.

— Не доводилось знать такихъ, отвѣтилъ Герасимъ Силычъ.—Не знаю про кого вы говорите.

— Вмѣсто моленья они пляшутъ и кружатся, тихонько промолвила Дуня.

— Такъ это хлысты. Фармазонами ихъ еще въ народѣ зовутъ, отвѣтилъ Чубаловъ.—Нѣтъ, Богъ миловалъ, никогда на ихъ проклятыхъ сборищахъ не бывалъ. А встрѣчаться встрѣчался и не разъ бесѣдовалъ съ ними.

— Что жь вы думаете о нихъ? Что это за ученіе?

— Бѣсовское, отвѣтилъ Герасимъ Силычъ.

АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКІЙ.

Digitized by Google

РОДНЫЯ МѢСТА

ИЗЪ ОТРЫВОЧНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

I.

.... Отецъ мой былъ уроженецъ Черниговской губерніи, и я родился почти въ Малороссіи (въ селѣ Грайворонѣ, Курской губерніи); но не тамошнія мѣста привыкъ я считать родными.

Когда мнѣ было года два отъ роду, меня вывезли въ Рязанскую губернію, въ сельцо Михѣево, Егорьевскаго уѣзда. Въ этомъ имѣніи, принадлежавшемъ по семейнымъ нашимъ преданіямъ роду моей матери около трехсотъ лѣтъ, провелъ я все мое дѣтство. Жизнь тихая, безо всякихъ тревогъ, безъ литыхъ съ чужой стороны развлеченій и впечатлѣній, полная доступности дѣтскому наблюденію простаго быта деревенскаго и сосѣдскаго, преданія и разказы о старыхъ временахъ, о прежнихъ людяхъ, воспитали тамъ меня окончательно, положили прочныя основы моему характеру, который и сохранилъ въ себѣ навсегда черты чисто-русскія... Я не даромъ могу считать имѣніе матери настоящею моею родиной: тамошнія мѣста, рѣчка, озера, поля, луга,—луга особенно мною любимые,—милы мнѣ и теперь чрезвычайно, хотя уже давно ихъ не вижу.

Не веселы мои воспоминанія о родѣ моей матери, нынѣ уже угаснимъ, о близкихъ ей людяхъ; можетъ-быть и совсѣмъ я обойду ихъ въ моихъ запискахъ. Но я хочу разка-

Digitized by Google

зать съ нѣкоторою подробностью о людяхъ какіе окружали меня или встрѣчались мнѣ тогда, а также и объ окрестныхъ съ моею родиной мѣстностяхъ. Я ничего не забылъ о нихъ. Да и нельзя забыть: здѣшніе люди и мѣста, на которыхъ они живутъ и жили ихъ предки, замѣчательны во многихъ отношеніяхъ.

Начну, прежде всего, съ народонаселенія Егорьевскаго уѣзда; но тутъ придется нѣсколько захватить Коломенскій и Зарайскій уѣзды, потому что наше родовое имѣніе лежитъ на границѣ трехъ этихъ уѣздовъ.

II.

Егорьевскій уѣздъ, самый обширный въ Рязанской губерніи; какое широкое пространство онъ занимаетъ—указывается уже тѣмъ что его ограничиваютъ *восемь* уѣздовъ губерній Рязанской, Московской и Владимірской. Равнина низменная, почти вездѣ безъ холмовъ, разстилается тутъ, и во время моего дѣтства очень густо покрывали ее хвойные лѣса. Черезъ эти мрачные лѣса тянутся малыя, но иногда довольно глубокія рѣки съ вязкимъ, тинистымъ дномъ, съ плоскими, болотистыми берегами. Къ сторонѣ граничащей съ Рязанскимъ и Касимовскимъ уѣздами, гдѣ площадь Егорьевскаго уѣзда особенно низменна, находится много большихъ озеръ соединяющихся посредствомъ протоковъ. Непригляднa, мрачна здѣшняя природа, да и почва чрезвычайно скудна,—вся сплошь песчаная, во многихъ мѣстахъ состоящая изъ сылучихъ лесковъ.

Въ эту сторону, столь бѣдно одаренную производительными средствами, не привлекательную и потому что нигдѣ не оживляютъ ее великія рѣки-кормилицы, только чрезвычайная нужда могла загнать на постоянное житье русскаго человѣка, любящаго широкій просторъ.

Однако Егорьевскій уѣздъ довольно густо населенъ. Во многихъ мѣстахъ, промежъ даже самыхъ густыхъ лѣсовъ, иногда на сылучихъ лескахъ, деревни расположены въ весьма близкомъ разстояніи одна отъ другой. Надо впрочемъ замѣтить что это деревни небольшія, нерѣдко всего дворовъ въ десять-двадцать, да и вообще въ Егорьевскомъ уѣздѣ нѣтъ ни одного такого селенія какихъ особенно много въ

Digitized by Google

малороссійскихъ губерніяхъ, какія есть и во всѣхъ прочихъ уѣздахъ губерніи Рязанской. Малый размѣръ здѣшнихъ деревушекъ, расположеніе ихъ во многихъ мѣстахъ кучами, самый видъ избъ и усадьбъ крестьянскихъ,—конечно все это въ связи и съ другими коренными признаками,—достаточно указываетъ откуда родомъ населившій здѣшнія неприглядныя мѣста русскій людъ. Но объ этомъ послѣ.

Хоть и загнанное на телерешнія свои мѣста несомнѣнно нуждою Егорьевское населеніе жило на нихъ и просторно, и привольно; значитъ, привольно, когда лишь у незначительной части его,—у плотниковъ и лильщиковъ, жившихъ въ глуби уѣзда и всего болѣе по окраинѣ смежной съ Касимовскимъ уѣздомъ,—оказывалась склонность, и то не надолго, покидать дома свои для отходной промышленности. По крайней мѣрѣ такъ было во время моего дѣтства.

Не маловажныя причины доставляли Егорьевскому простому народу домашнее, такъ ему любезное, приволье.

Здѣшніе крестьяне по большей части были ломѣщичьи; но крѣпостная зависимость не была для нихъ особенно отяготительна. Мѣста здѣшнія рѣшительно непригодныя для устройства барщины, лѣсистыя, глухія, низменныя и некрасивыя, отнюдь не привлекали сюда ломѣщиковъ на житье постоянное, даже временное; только въ одномъ углу уѣзда, между уѣздами Коломенскимъ и Зарайскимъ (гдѣ находилось и наше родовое имѣніе), держалось около десяти ломѣщичьихъ усадьбъ, но и тутъ водились ломѣщики такъ-сказать не коренные,—не барщинные хозяева, а потомки дворянскихъ родовъ изстари здѣсь обжившихся. Поэтому крѣпостные Егорьевцы вездѣ, кромѣ двухъ, трехъ имѣній ломѣщичьяго уголка, были на оброкѣ и весьма необременительномъ, который мало того что собирался доморощенными старостами, а не управляющими изъ Нѣмцевъ или Поляковъ, но и отбывался иногда, какъ я слышалъ, натурой, разною дичиной, сушеными грибами или даже издѣліями кустарнаго производства: кадками, кадушечками, ушатами, ведрами. Стало-быть никакіе ломѣщичьи порядки не побуждали здѣшнихъ крестьянъ ни къ добыванію на чужой сторонѣ средствъ для оплаты повинностей, ни къ тому чтобы ввѣ дома подъ предлогомъ какого-нибудь отходнаго промысла искать нѣкотораго отдыха отъ барщинной работы, всегда бывшей тягостною. Но я полагаю что эта замѣчательная домосѣдность егорьевскаго крестьянина

Digitized by Google

зависѣла также отъ того что онъ жилъ и издавна обжился на просторѣ не полевомъ и луговомъ, а лѣсномъ, и что предъ нимъ не было многоводныхъ широкихъ рѣкъ, особенно сильно развивающихъ въ прибрежныхъ жителяхъ склонность къ подвижности, къ перемѣнѣ мѣстъ.

Какъ же проживалъ Егорьевскій народъ въ своемъ лѣсномъ просторѣ? На чемъ добывалъ онъ себѣ хлѣбъ насущный, весьма скудно доставляемый тощею родною землей? На чемъ добывалъ все-таки необходимыя денежныя средства для оплаты барскаго оброка и казенныхъ податей, для удовлетворенія всякихъ своихъ потребностей, какъ бы ни мало онѣ были развиты? А проживалъ онъ, въ то именно время о которомъ говорю, хотя и не богато, но и не бѣдно: кустарное производство разныхъ подѣлушекъ изъ подручнаго, легко доступнаго лѣса давало ему достаточныя средства на все для него необходимое. Притомъ нисколько не истомленный крѣпостными порядками, при весьма замѣтной какъ бы прирожденной ему независимости характера, онъ довольно рано выказалъ склонность къ мануфактурной и фабричной промышленности, чему особенно благопріятствовало близкое сосѣдство промышленныхъ мѣстностей Владимірской губерніи, а также и то что въ этихъ мѣстностяхъ мануфактурнымъ и фабричнымъ дѣломъ занимались преимущественно люди единовѣрные здѣшнему народонаселенію, коренные изстари старообрядцы.

III.

Въ пору моего дѣтства я зналъ кромѣ города Егорьевска только тотъ уголъ Егорьевскаго уѣзда, въ которомъ находилось наше имѣніе; но и тогда я видалъ жителей самыхъ глухихъ мѣстностей уѣзда,—именно въ нашемъ же имѣніи. Оно хоть и маленькое, но обилуетъ лугами очень хорошаго качества, такъ какъ луга эти ежегодно весной „понимаются“ разливами рѣки Оки; а у насъ изстари водилось что крестьяне наши гоняли свой скотъ безвозбранно и на господскихъ лугахъ вплоть до Троицына дня, послѣ же покосовъ отава на господскихъ лугахъ отдавалась въ ихъ же полное распоряженіе: вотъ поэтому коренастые, суровые обитатели глубины и окраинъ уѣзда, гдѣ лѣсные луга по причинѣ крайне тощей

Digitized by Google

почвы весьма скудны травой, ежегодно приговали своихъ коровъ * въ наше имѣніе и отдавали ихъ нашимъ крестьянамъ на прокормъ во все лѣто, а особенно въ осеннюю пору. Конечно такихъ посѣтителей нашего маленькаго Михѣева было не много, но они являлись изъ разныхъ мѣстностей и хотя сторонились отъ господской усадьбы, я все-таки очень замѣтилъ ихъ крупныя черты, по крайней мѣрѣ, черты ихъ наружности. Потомъ по поступленіи на службу къ рязанскому губернатору мнѣ доводилось нѣсколько разъ заѣзжать въ разныя срединныя и окраинныя мѣста Егорьевскаго уѣзда, и такимъ образомъ я довольно хорошо познакомился съ тамошнимъ народонаселеніемъ. Постараюсь изобразить здѣсь особенно отпечатлѣвшіяся въ моей памяти характерныя черты этого народа; начну же прежде всего съ описанія его поселковъ, а окончу посильными моими соображеніями насчетъ того откуда и по какимъ причинамъ появился онъ въ здѣшней непригляднои и непроизводительной сторонѣ.

Селенія егорьевскихъ крестьянъ, какъ я уже упоминалъ, большею частью весьма мелкаго размѣра по количеству дворовъ. Вездѣ они какъ-то безпорядочно расположены: то нѣсколько ихъ лѣпятся кучами въ самомъ близкомъ разстояніи одно отъ другаго, то раскиданы по одиночкѣ по обширному пространству лесковъ и лѣсовъ. Обыкновенно эти небольшія деревушки выстроены очень хорошо. У всякаго дворохозяина непремѣнно двѣ избы, а у иныхъ, семьянистыхъ, бываетъ ихъ по три и болѣе. Почти всѣ избы изъ крупнаго лѣса, просторны, высоки, довольно свѣтлы и съ дымовыми трубами. Притомъ бо́льшая часть избъ крыта тесомъ, а остальныя—дранью; соломой же, по совершенному недостатку ржаной соломы, даже надворныя постройки не покрываются. ** Усадьбы широко занесены и на нихъ много разныхъ построекъ, срубленныхъ тоже изъ хорошаго лѣса. На этихъ просторныхъ усадьбахъ, всегда обгороженныхъ длинными жер-

* Кстати замѣчу: не крупныхъ, но очень молочныхъ. Здѣшнюю породу рогатаго скота очень можно бы улучшить. Насколько мнѣ извѣстно, она ни разу не была на выставкахъ. Объ этомъ нельзя не пожалѣть.

** На зимнее время здѣшніе тѣсно застроенные дворы обыкновенно укрываются („укутываются") нагухо, то-есть и сверху; но для этого употребляется не солома, а еловыя вѣтви.

Digitized by Google

дами и плетнями, садиковъ почти вовсе нѣтъ и огородовъ мало, но за то разведены хмѣльники, по крайней мѣрѣ такъ было въ мое время *. И естественно что деревушки этой глухой стороны, гдѣ крестьяне вовсе тогда не обладали имущественнымъ достаткомъ, все-таки были хорошо выстроены и обстроены: всякаго лѣса было вдоволь про всѣхъ, подъ рукой былъ и свой (то-есть собственно барскій) и чужой,— а при постановкѣ избъ, при обстройкѣ усадьбъ, ни откуда не представлялось препятствій въ добываніи нужнаго для всего этого лѣса.

Въ описанныхъ мною деревушкахъ проживаетъ народъ видный, высокорослый, коренастый и здоровенный; не даромъ долговѣчные люди, дождавшіеся не только внуковъ, но и правнуковъ взрослыхъ,—старики которымъ перевалило далеко за сто лѣтъ,—бывали здѣсь, въ мое время, вовсе не въ рѣдкость. Наружность этого народа поистинѣ замѣчательна.

Овалъ лица довольно продолговатый, но вмѣстѣ съ тѣмъ это—лица широкія, съ крупными и весьма правильными чертами; словомъ, здѣшніе люди, какъ говорится, личмяные. Выраженіе же лицъ всегда очень серіозное, даже суровое и мрачное; такое вообще впечатлѣніе производятъ Егорьевцы на посторонняго наблюдателя особенно своими *карими*, глубоко впалыми глазами, своимъ упорно-пристальнымъ, тяжелымъ взглядомъ. Да и стрижка темнорусыхъ, часто совсѣмъ черныхъ волосъ на головѣ какъ-то усиливаетъ суровость физіономіи Егорьевцевъ: самыя маковки у нихъ гладко выстрижены, а волоса надо лбомъ низко, почти вплоть надъ бровями, слущены и ровно простриженъ отъ одного виска до другаго. Кстати, мнѣ говорили нѣкоторые мѣстные священники что раскольники (которыхъ въ Егорьевскомъ уѣздѣ

* Хмѣльники эти въ прежнее время, особенно когда еще были въ уѣздѣ можжевеловыя тычины, давали порядочный доходъ; но такія тычины уже перевелись теперь, можжевельникъ здѣшній измельчалъ до степени простаго кустарника, а съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ я слышалъ, стали сводиться и хмѣльники, хотя еще не вездѣ. Впрочемъ сведенію егорьевскихъ хмѣльниковъ вѣроятно всего болѣе способствовало именно то обстоятельство что здѣшніе крестьяне занимаются теперь преимущественно мануфактурнымъ и фабричнымъ трудомъ. Не могу скрыть моего сожалѣнія что хмѣльники исчезаютъ уже и потому что они на мои глаза придавали здѣшнимъ деревушкамъ очень оживленный видъ.

Digitized by Google

много) живутъ здѣсь весьма давно и завелись еще до Никоновскаго времени, что они потомки стригольниковъ; и это мнѣніе священники основывали именно на выстриженныхъ маковкахъ Егорьевцевъ. Конечно, при полномъ отсутствіи всякихъ другихъ доказательствъ насчетъ происхожденія здѣшнихъ старообрядцевъ (половщинской секты, по Рогожскому кладбищу) отъ древнихъ новгородскихъ стригольниковъ, указаніе на выстриженныя маковки Егорьевцевъ, какъ на характерный признакъ этого происхожденія, крайне недостаточно и просто-на-просто произвольно.

На происхожденіе Егорьевцевъ указываютъ, по моему мнѣнію, на которомъ впрочемъ я отнюдь не настаиваю, иные, гораздо болѣе характерные признаки.

Егорьевскій народъ не помнитъ откуда онъ появился на телерешнихъ своихъ мѣстахъ: ни прямо, ни стороной не довелось мнѣ слышать чтобы въ сознаніи его представлялась какая-нибудь связь нынѣшней его жизни съ прошлою, отдаленною и давнею? Однако историческія воспоминанія ему не чужды, хотя, конечно, они весьма отрывочны и смутны. Къ слову онъ приноминаетъ только что былъ когда-то по всей Русской землѣ великій погромъ отъ Татарщины, да еще ламятенъ ему царь Иванъ Васильевичъ. * Въ здѣшнихъ мѣстахъ, около селъ Туголѣса и Вышелѣса (самыя названія которыхъ такъ характерны), находился „второй станъ царскаго ловчаго пути“, куда и наѣзжалъ нерѣдко грозный царь для охоты, и гдѣ въ одинъ изъ такихъ наѣздовъ утопилъ онъ въ ка-

* О царѣ Иванѣ Васильевичѣ есть и еще преданія, неподалеку отъ Егорьевскаго уѣзда, въ селѣ Дѣдновѣ и въ городѣ Зарайскѣ. О дѣдновскомъ преданіи: какъ заѣзжалъ царь въ домъ тамошняго крестьянина, какъ двухлѣтній сынокъ этого крестьянина схватилъ царя за бороду и что изъ этого произошло, разказано мной въ бытовомъ очеркѣ: *Генералъ Измайловъ и его дворня*, напечатанномъ въ *Древней и Новой Россіи* за 1876 годъ. Зарайское же преданіе разказываетъ что царь Иванъ Васильевичъ нѣсколько разъ посѣщалъ Зарайскъ для богомолья, что обыкновенно такія путешествія совершалъ онъ на стругахъ, по рѣкѣ Осетру, тогда судоходной; и что однажды свой собственный стругъ онъ пожертвовалъ для постройки церкви на полюбившемся ему мѣстѣ, на высокомъ берегу уломанутой рѣки, гдѣ и стоитъ теперь село, оттого называющееся Спасъ-Досчатый.

Digitized by Google

комъ-то озерѣ любимаго своего стременнаго, чѣмъ-то его прогнѣвившаго. Очень можетъ быть что это народное воспоминаніе указываетъ и на происхожденіе Егорьевцевъ: не отъ тѣхъ ли они Новгородцевъ сотни семействъ которыхъ выводилъ на поселеніе въ московскихъ „низовыхъ мѣстахъ“ еще дѣдъ грознаго, Иванъ Васильевичъ Третій? не оттого ли довольно часто видалъ я здѣсь, даже въ домахъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ ломѣщиковъ, на старинныхъ иконахъ Спасителя изображенія соловецкихъ чудотворцевъ Зосимы и Савватія и нерѣдко тоже, между здѣшними народными именами, попадались мнѣ имена Савватія, Саввы и другихъ святыхъ наиболѣе чтимыхъ въ сѣверныхъ мѣстностяхъ Россіи? Пожалуй, не безъ значенія тутъ и сохраняющееся въ одномъ кулеческомъ семействѣ города Егорьевска преданіе что родъ ихъ происходитъ отъ князей, „отъ Воротынскихъ что ли“ (отчего и прозываются эти кулцы Князевыми), — преданіе, конечно, очень темное и даже странное, но тѣмъ не менѣе указывающее что и въ кулеческихъ здѣшнихъ семействахъ, какъ извѣстно, всего менѣе сохраняющихъ родовыя преданія, остались еще воспоминанія о происхожденіи ихъ предковъ издалека идущемъ.

Разумѣется, всѣ эти указанія, по крайней отрывочности и темнотѣ своей, сами по себѣ очень слабо говорили бы за происхожденіе Егорьевцевъ отъ Новгородцевъ, но въ связи съ другими имѣющимися у меня въ виду фактами и они имѣютъ нѣкоторое значеніе. Факты же заключаются въ слѣдующемъ.

Во всѣхъ сосѣдственныхъ уѣздахъ трехъ губерній: Рязанской, Московской и Владимірской, очень много селъ, даже деревень, съ народонаселеніемъ въ нѣсколько тысячъ душъ, а въ Егорьевскомъ уѣздѣ такихъ селеній вовсе нѣтъ; Егорьевскія селенія, какъ я уже говорилъ, мелкія, а это ясно указываетъ на характеръ сѣверныхъ поселковъ. Кромѣ того, въ Егорьевскомъ уѣздѣ сельскія церкви часто стоятъ отдѣльно отъ селеній, въ разстояніи *нѣсколькихъ* верстъ отъ нихъ, и называются эти мѣста *погостами*. Названіе это рѣшительно неизвѣстно во всѣхъ прочихъ уѣздахъ Рязанской губерніи; да притомъ такое названіе, очень распространенное въ бывшихъ областяхъ Великаго Новгорода и имѣвшее тамъ особенный смыслъ именно потому что вокругъ погостовъ происходили торги, ярмарки, въ Егорьев-

Digitized by Google

скомъ уѣздѣ не имѣетъ этого смысла, ибо около здѣшнихъ логостовъ какъ теперь нѣтъ торговъ, такъ и прежде не было, даже не могло быть: здѣшній народъ не былъ торговымъ, да и дороги къ его поселкамъ были не безопасны. Вообще въ выше указанномъ характерѣ деревушекъ Егорьевскихъ, въ расположеніи церквей отдѣльномъ отъ селеній и въ названіи такихъ мѣстъ логостами, мнѣ кажется всего болѣе сказывается происхожденіе здѣшняго народа изъ областей Великаго Новгорода.

Затѣмъ на то же указываетъ „высокая“ рѣчь на *о*, особенно употребляемая въ тѣхъ селеніяхъ которыя прилегаютъ къ уѣздамъ Владимірской губерніи. Правда, сами Владимірцы говорятъ большею частію на *о*; но думается что Егорьевское населеніе сохранило тутъ свой родной говоръ, а не усвоило чужой отъ сосѣдей. Это соображеніе я основываю на томъ что жители Касимовскаго уѣзда, а также тутошніе инородцы, совсѣмъ обрусѣвшіе — Мещари, Мордва—даромъ что живутъ издавна въ близкомъ сосѣдствѣ съ Владимірцами, все-таки говорятъ мягкимъ говоромъ, совершенно подходящимъ къ говору московскому.

Наконецъ, даже по физіономіямъ своимъ, особенно же по выраженію ихъ, Егорьевцы кажутся мнѣ весьма близко подходящими къ типу коренныхъ новгородскихъ русскихъ людей.

Я хоть и не настаиваю на мнѣніи моемъ о новгородскомъ происхожденіи Егорьевцевъ, однако скажу что мнѣ пріятно было бы еслибъ оно подтвердилось. По семейнымъ нашимъ преданіямъ, родъ матери моей новгородскій, да и теперь еще есть въ Новгородской губерніи дворянскія фамиліи намъ родственныя (напримѣръ Дворяшины). Мать моя часто говорила мнѣ объ этомъ и не разъ уломинала что въ Егорьевскомъ уѣздѣ чуть ли не весь народъ выходецъ изъ Новгородскихъ областей.

Можетъ-быть поэтому всегда съ ранней молодости мнѣ были симпатичны Егорьевцы, даромъ что физіономіи ихъ такъ суровы и мрачны, даромъ что лугавшая меня въ дѣтствѣ „слава“ о склонности ихъ къ разбойничеству была мнѣ *особенно* извѣстна, ибо въ нашемъ семействѣ жило еще тогда преданіе о томъ какъ прабабка моя (родомъ Бологовская) чуть было не попалась въ руки разбойниковъ при поѣздкѣ во Владимірскую губернію. Слыхалъ я тоже не разъ что самый городъ Егорьевскъ, вскорѣ послѣ возведенія его изъ простаго села

Digitized by Google

въ достоинство города, былъ закрываемъ двукратно, вслѣдствіе часто случавшихся въ немъ грабежей и убійствъ. Да и не даромъ сложилась народная поговорка о Егорьевцѣ что онъ дескать хорошій человѣкъ: самъ рѣжетъ, а говоритъ: „не бось“.

IV.

Не знаю откуда были родомъ крестьяне нашего маленькаго Михѣева. Они не носили на себѣ родовыхъ признаковъ столь рѣзко замѣтныхъ у жителей срединныхъ и прочихъ окрайныхъ мѣстностей Егорьевскаго уѣзда. Рѣчь Михѣевцевъ—чистый говоръ московскій; физіономіи — совершенно открытыя, съ голубыми или сѣрыми глазами, со взглядомъ нисколько не суровымъ и мрачнымъ, напротивъ того очень веселымъ; стрижка русыхъ волосъ,—пожалуй и это возьму въ разчетъ, — ни малѣйше не походила на ту какую видалъ я у коренныхъ Егорьевцевъ; наконецъ и то замѣчательно что въ Михѣевѣ никогда не было раскольниковъ.

Народъ въ окрестныхъ селеніяхъ да и вообще въ нашемъ углу тоже не походилъ на истыхъ Егорьевцевъ ни говоромъ, ни наружностью, ни принадлежностью къ расколу, ни даже трудовыми своими занятіями. Да вотъ хоть бы эти занятія: на мой взглядъ они чуть ли не особенно сильно выражаютъ разницу во всемъ между обитателями нашего „угла“ съ прочимъ народонаселеніемъ Егорьевскаго уѣзда. Въ теперешнее время, по всему этому уѣзду, благодаря знаменитымъ бумагопрядильнымъ фабрикамъ Хлудовыхъ, устроеннымъ въ городѣ Егорьевскѣ съ 1844 года *, весьма сильно развитъ фабричный трудъ; простой народъ не только изъ окрестностей Егорьевска, но даже изъ срединныхъ и окрайныхъ мѣстностей уѣзда стремится на фабрики, дома также занимается выдѣлкой разныхъ дешевыхъ тканей изъ бумажной пряжи; но народъ нашего угла почти вовсе не выказываетъ подоб-

* Вокругъ этихъ первоначальныхъ фабрикъ развелись и другія, не столь огромныя какъ Хлудовскія, но все-таки довольно значительныя и привлекающія къ себѣ на работу много людей и взрослыхъ и малолѣтныхъ. Въ прошломъ году, посѣтивъ Егорьевскъ, я слышалъ что тутъ работаетъ на фабрикахъ слишкомъ двадцать тысячъ человѣкъ, и соображая теперь широкое движеніе народа на Егорьевскихъ улицахъ, свѣдѣніе это я не считаю преувеличеннымъ.

Digitized by Google

наго же стремленія: онъ занимается, какъ и прежде занимался, земледѣльческимъ трудомъ да приторговываетъ дома (впрочемъ больше прежняго), довольно мало пускаясь на сторону для любимой имъ торговли. Всему этому главнѣйшими причинами, конечно, и родная земля, хотя не очень производительная (вовсе не черноземная, а супесчаная, что̀ называется сѣрая), но тѣмъ не менѣе, пригодная для обработки и дающая почти постоянно порядочные урожаи, а главное—тутъ подъ рукой большая рѣка, все еще покуда судоходная (съ прискорбіемъ пишу: „все еще покуда",—мелѣютъ чрезвычайно, совсѣмъ изничтожаются наши рѣки-кормилицы), по рѣкѣ же обширные заливные луга и свои, и чужіе *. Все это можетъ доставлять и дома хорошіе прибытки; вотъ отчего домосѣдничаетъ весьма значительное народонаселеніе въ нашемъ углѣ, не увлекаясь притомъ къ фабричной дѣятельности, чему конечно нельзя не порадоваться.

Приволье подручныхъ промысловъ, приволье даже мѣстности на которой живетъ здѣшній людъ, въ прокъ ему пошли и въ физическомъ, и въ умственномъ отношеніяхъ. Съ удовольствіемъ вспоминаю молодцоватый видъ, красивыя, оживленныя бойкимъ взглядомъ лица здѣшнихъ мущинъ (женщины же далеко не такъ красивы); еще съ бо́льшимъ удоволь-

* Чужими лугами можно тоже пользоваться, и совершенно законно. Такъ въ извѣстномъ селѣ Дѣдновѣ (Зарайскаго уѣзда), отъ котораго весь нашъ уголъ находится не далѣе какъ въ 7—15 верстахъ, помѣщичьи луга и значительная часть „мірскихъ", крестьянскихъ, сдаются ежегодно на снятіе травы и подъ отаву. Да и не въ одномъ Дѣдновѣ луговъ много (въ этомъ селѣ всего удобной луговой земли до *девяти* тысячъ десятинъ, пахотной же вовсе нѣтъ); весьма много ихъ при огромныхъ селахъ Зарайскаго же уѣзда: Любичахъ, Ловцахъ, Боркахъ, Нижнемъ и Верхнемъ Бѣлоомутѣ, Негоможи и при другихъ селеніяхъ уже меньшаго размѣра. Отъ этого-то обилія луговъ вся при-Окская (Зарайская) сторона, густо покрытая прекрасными, богатыми селами,—сторона очень близко соприкасающая съ нашимъ угломъ Егорьевскаго уѣзда,—бываетъ чрезвычайно оживлена торговымъ движеніемъ какъ во время сѣнокошенія, такъ и въ отавную пору. Кстати, и нынѣ, когда уже пролегла въ близкомъ разстояніи отъ указываемой стороны Московско-Рязанская желѣзная дорога, по которой можно перевозить гурты изъ степныхъ мѣстностей въ Москву, все-таки пригоняется сюда къ осени очень много гуртовъ, собственно для откорма на прекрасной здѣшней отавѣ.

Digitized by Google

ствіемъ вспоминаются мнѣ многія черты ихъ замѣчательной смышленности, ихъ своехарактернаго умственнаго развитія; нѣкоторыя изъ нихъ я и приведу здѣсь.

Прежде всего отмѣчу развитіе грамотности среди народа нашего угла, тѣмъ болѣе замѣчательное что оно совершалось полстолѣтія тому назадъ, при всей силѣ крѣпостнаго права и на средства самимъ народомъ выбранныя. На деревушку нашу, состоявшую менѣе чѣмъ изъ двадцати дворовъ, считалось уже слишкомъ сорокъ лѣтъ тому назадъ болѣе десяти грамотниковъ, между которыми были и взрослые мужики. Въ сосѣднихъ селеніяхъ: Макшевѣ, Зарудвѣ, Малиѣ и проч. тоже было тогда не мало грамотниковъ. Распространенію грамотности много содѣйствовали „читальщицы“, церковнослужители, дьячки и пономари, а также и церковные сторожа изъ отставныхъ солдатъ. Особенно потрудились именно читальщицы, которыхъ много было тогда въ селѣ Дѣдновѣ и въ другихъ селеніяхъ Зарайскаго уѣзда.

Давно, слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ, я изобразилъ читальщицу въ повѣсти подъ тѣмъ же названіемъ. Лицо это почти во всѣхъ чертахъ у меня вымышлено, но читальщицу однажды я видѣлъ и именно такъ какъ описано въ началѣ повѣсти; словомъ, я взялъ типъ дѣйствительно существовавшій. Насколько я знаю по слухамъ, типъ этотъ и теперь еще существуетъ, и можетъ-быть онъ никогда не исчезнетъ на землѣ чисто русской. Это типъ поистинѣ прекрасный; въ немъ выражается совѣсть народная въ самомъ высшемъ духовномъ своемъ значеніи.

Читальщицы—не ханжи святоши, не тѣ темныя личности которыя подъ покровомъ внѣшней набожности и въ формахъ особенно привычныхъ народу добиваются цѣлей своекорыстныхъ. Это почти всегда молодыя дѣвушки, сознательно отрѣшившіяся ото всякой мысли о брачной семейной жизни и пожелавшія во искупленіе грѣховъ ближнихъ своихъ „потрудиться“ на міру, непремѣнно на міру, трудомъ простымъ и безкорыстнымъ. И трудъ ихъ точно простъ и безкорыстенъ, хотя за него онѣ и не отказываются отъ вознагражденія, принимая впрочемъ его лишь въ такомъ размѣрѣ въ какомъ оно надобится имъ въ данную минуту для поддержанія скудной одинокой ихъ жизни. Соблюдая совершеннѣйшую чистоту во всемъ житіи своемъ, онѣ являются тотчасъ же всюду гдѣ нужна ихъ помощь, и не только къ

Digitized by Google

своимъ односельцамъ, но и къ чужимъ людямъ изъ окрестныхъ деревень: онѣ ухаживаютъ за ослабѣвшими одинокими старцами и старухами, за больными, за отходящими изъ жизни земной, онѣ читаютъ Псалтирь по усобшимъ (отчего и прозываются вообще въ народѣ читальщицами), онѣ обучаютъ грамотѣ подростковъ и малолѣтковъ обоего пола. Примѣръ ихъ чистой духовно-прекрасной, истинно-христіанской жизни всегда предъ глазами народа всѣми сторонами своего высокаго достоинства, и остается не безплоднымъ, какъ можно замѣтить это легко изъ того именно, съ какимъ уваженіемъ и любовію относится къ нимъ весь народъ, даже порочные изъ него люди. Такъ было и такъ поддерживалось долго въ мое время, когда я часто навѣщалъ нашъ уголъ Егорьевскаго уѣзда. Не знаю доподлинно, изъ личныхъ наблюденій, что̀ сталось теперь съ читальщицами, впрочемъ слышалъ что онѣ еще существуютъ, и дай Богъ чтобъ отнюдь не умалялось число ихъ противъ прежняго, чтобъ и не искажались нисколько чисто-нравственныя черты ихъ общаго характера, чтобы наконецъ не было имъ помѣхи въ одной части ихъ общеполезнаго въ народной жизни труда, именно въ распространеніи грамоты.

Но я и еще долженъ прибавить нѣсколько словъ въ объясненіе особенной черты дѣятельности читальщицъ, той причины которая побуждаетъ ихъ къ трудному, всю жизнь ими совершаемому подвигу, — *во искупленіе грѣховъ ближнихъ своихъ.*

Жители села Дѣднова, да и всѣхъ большихъ селеній при-Окской стороны въ Зарайскомъ и Коломенскомъ уѣздахъ народъ весьма подвижной и можетъ-быть черезчуръ бойкій. Почти каждый изъ нихъ не одинъ разъ на своемъ вѣку побывалъ на чужой сторонѣ, во многихъ большихъ городахъ, и видалъ много хорошаго и дурнаго, а пожалуй соблазнительнаго видалъ всего больше. Вообще же оторванность часто съ самаго ранняго возраста отъ домашней семейной жизни, вездѣ на чужой сторонѣ встрѣчающіеся худые примѣры слишкомъ разгульнаго житья-бытья, даже самый родъ промысловыхъ занятій муцинъ изъ вышеуказанныхъ селеній,—по крайней мѣрѣ занятій наиболѣе этимъ людямъ доступныхъ и ими крѣпко облюбованныхъ въ то время про которое теперь я вспоминаю,—то-есть служба по „винной части“, по откупамъ, или же служба лоцманами, водоливами

Digitized by Google

на баркахъ и „коноводами“ при нихъ, — все это создавало здѣсь характеры крайне подвижные, разгульные смолоду и въ зрѣломъ возрастѣ, а подъ старость крутые и даже очень жесткіе. Само-собою разумѣется что подъ старость эти бойкіе люди проживали уже дома, и тутъ въ высшей степени рѣзко выказывались всѣ дурныя стороны ихъ характеровъ,— особенно же если подъ конецъ промысловой ихъ дѣятельности имъ не посчастливилось, если не сдержали они вовремя свой разгулъ и удалились на родину съ пустыми руками. Упреки совѣсти за грѣховныя дѣла, укоры и отъ собственнаго здраваго смысла, и отъ осужденія сторонняхъ людей за то что вся жизненная бойкость въ прокъ не пошла вслѣдствіе излишняго разгула—ожесточали ихъ чрезвычайно, отчего въ семьяхъ своихъ нерѣдко они становились истыми мучителями, и тѣмъ болѣе что нерѣдко же воспоминанія о прежнемъ веселомъ житьѣ страшно соблазняли ихъ, и они изъ послѣднихъ денежныхъ средствъ своихъ предавались разгулу, хотя недолговременному, но тѣмъ не менѣе крайне накладному для семейныхъ. Вотъ въ этихъ-то семьяхъ нарождались и вырастали тѣ будущія труженицы, тѣ читальщицы которыя не только по смерти своихъ родителей, но иногда и при жизни ихъ пускались на подвигъ искупленія грѣховъ ихъ. Онѣ совершали этотъ подвигъ на міру, конечно въ томъ высокомъ убѣжденіи что именно принесеніемъ посильной помощи на міру всего скорѣе можно достигнуть цѣли подвига своего. „Міръ“, на глазахъ у котораго совершались грѣховныя дѣянія ихъ ближнихъ, долженъ былъ близко увидать и подвигъ совершаемый во искупленіе этихъ дѣяній. Такая именно мысль руководила читальщицами. Такъ разумѣлъ о нихъ народъ и потому-то такъ уважалъ ихъ.

Конечно, грамотность передаваемая читальщицами имѣла чисто-религіозный характеръ: тутъ все было основано на изученіи *Часослова*, *Псалтиря* и наиболѣе употребительныхъ молитвъ. Азбуки и книги гражданской печати вовсе не были въ ходу. Счету читальщицы тоже не учили.

Въ этомъ же родѣ передавали грамотность и отставные солдаты, сторожа при сельскихъ церквахъ. Не знаю опять-таки какъ теперь, а назадъ тому лѣтъ сорокъ и даже больше церковными сторожами были *всегда* отставные, престарѣлые и израненные солдаты и непремѣнно грамотники; по крайней мѣрѣ ни въ одной церкви по сосѣдству отъ насъ

Digitized by Google

не было неграмотныхъ сторожей, и я даже слыхалъ отъ мѣстныхъ священниковъ что сторожа *должны* быть грамотниками, хотя и не помню почему такъ. Богъ вѣсть когда, гдѣ и какъ сами они ознакомились съ грамотой. Но какъ люди престарѣлые, всегда одинокіе, на своемъ вѣку испытавшіе много всякаго горя, видавшіе смерть близко и спасавшіеся отъ гибели только чудомъ Божіимъ, они были набожны чрезвычайно и вели жизнь безупречную во всѣхъ отношеніяхъ. Имѣя обязанность охранять церкви, поддерживать въ нихъ и вокругъ нихъ порядокъ и чистоту,—высоко цѣня эту обязанность,— они никогда не отходили отъ церквей, имъ даже и пищу доставляли прихожане. И вотъ въ сторожкахъ своихъ они преподавали грамоту, преимущественно мальчикамъ, употребляя для этого тоже *Часословъ* и *Псалтирь*. Народъ очень уважалъ этихъ старыхъ служакъ, не отдыхавшихъ и подъ старость за бездѣльемъ и продолжавшихъ всеусердно служить Богу и „міру“. Крестьяне чрезвычайно охотно отдавали къ нимъ на выучку дѣтей своихъ, хотя старые эти служаки были обыкновенно люди суровые и на видъ, и по всему обхожденію своему.

Наконецъ распространяли въ народѣ грамотность и церковнослужители, дьячки и пономари. Они дѣлали это уже по инымъ побужденіямъ чѣмъ читальщицы и церковные сторожа: домашняя нужда заставляла ихъ дѣлаться наставниками. Въ то время, и даже въ нашемъ углѣ, гдѣ народонаселеніе отличалось зажиточностью, доходы причтовъ были очень не велики и по большей части поступали они натурой. Притомъ, доходы эти дѣлились такъ: священникъ получалъ половину изо всего, затѣмъ діаконъ (тогда всѣ приходы въ нашемъ углѣ имѣли діаконовъ) получалъ изъ второй половины тоже половину, остальное же дѣлили промежь себя поровну дьячокъ и пономарь. Конечно доля ихъ была уже весьма незначительна и часто совершенно недостаточна для содержанія семьи. Поэтому многіе дьячки и пономари всячески старались залучить къ себѣ учениковъ. Однако народъ не очень охотно отдавалъ къ нимъ дѣтей своихъ на выучку, и именно потому что они почти всегда обучали по азбукамъ гражданской печати. Отчего же дьячки и пономари не придерживались *Часослова* и *Псалтиря*, ужь право не могу объяснить.

Распространенность грамоты въ окрестномъ съ нашимъ имѣніемъ народѣ—фактъ дѣйствительный, и онъ особенно

замѣчателенъ въ двухъ отношеніяхъ: вопервыхъ, грамотность эта возникла и развилась безо всякихъ вліяній со стороны, никто и никого къ ней не обязывалъ, самъ народъ созналъ что она для него полезна и необходима; вовторыхъ, чисто-религіозный характеръ ея давалъ тогдашнимъ грамотникамъ сильную нравственную поддержку. Мнѣ отрадно вспомнить здѣсь что за мое время во всемъ нашемъ околоткѣ крупныя преступленія, — убійства, разбои, грабежи, — были совершенно неизвѣстны.

Кстати я долженъ указать здѣсь что грамотность всего болѣе была распространена въ при-окскихъ губерніяхъ, въ Коломенскомъ же уѣздѣ и въ нашемъ углу она была менѣе значительна. Для при-окскихъ большихъ селъ была особенная тому причина: тамошній народъ постоянно отлучался на сторону, да и промыслы его тамъ преимущественно вращались около „винной части", для которой совершенно необходимо было умѣнье не только считать, но и хорошо читать и писать. Но въ нашемъ околоткѣ и неграмотники отличались большою смышленостью, способностью къ торговлѣ, къ промысламъ, къ мастерствамъ, даже и къ механикѣ. Вспоминаю теперь довольно многихъ неграмотныхъ крестьянъ изъ сосѣднихъ съ нами селеній: Маливы, Зарудни, Половки, Макшеева, Нестерова, Сельникова, Тимирева, которые промысломъ, мастерствомъ, торговлей достигли хорошей зажиточности, особенно же памятенъ мнѣ крестьянинъ села Маливы (Егорьевскаго уѣзда) Андрей Стелановъ, человѣкъ тоже неграмотный, по наружности даже простоватый, но очень ловко занимавшійся торговлей и составившій себѣ значительный для того времени капиталъ тысячъ въ тридцать. И въ нашемъ сельцѣ Михѣевѣ не мало было зажиточныхъ крестьянъ, все по причинѣ своего мастерства и умѣнья заниматься торговлей: такъ Савостьянъ Михайловъ, мужикъ весьма умный, занимаясь постоянно съ двумя своими сыновьями горнымъ мастерствомъ, нажилъ себѣ хорошія деньги; такъ Никифоръ Ивановъ Журавлевъ имѣлъ тоже постоянно свою довольно большую красильню и собственный домъ въ подмосковномъ селѣ Черкизовѣ; такъ Корнѣй Даниловъ состоялъ въ теченіе многихъ лѣтъ механикомъ при какой-то Серпуховской фабрикѣ, и когда, устарѣвъ, удалился совсѣмъ на родину, занимался до самой смерти столярною работой; то были, такъ-сказать, крупные дѣятели, и хотя всѣ трое—

Digitized by Google

неграмотники, но грамоту очень уважавшіе, ибо всѣхъ дѣтей своихъ отдавали на выучку грамотѣ. Но и почти всѣ коренные Михѣевцы, кромѣ переселенцевъ изъ деревни Тарбѣихи и кромѣ еще двухъ семей явно нерусскихъ, а по всей вѣроятности происходившихъ отъ полоняниковъ изъ областей Рѣчи Посполитой, очень выгодно торговали (большею частью въ складчину, по три, четыре человѣка) дѣдновскими лугами, дѣдновскимъ сѣномъ, ѣздили также въ приволжскія мѣста за рыбой и вообще занимались всякою мелочною торговлей, отнюдь не покидая въ то же время кореннаго своего земледѣльческаго труда. Живо вспоминается мнѣ при этомъ ловкость Михѣевцевъ, умѣнье ихъ взяться тотчасъ же за трудное и непривычное имъ дѣло. Привезли напримѣръ въ село Макшѣево, куда мы были приходомъ, новый большой колоколъ, кажется слишкомъ въ триста пудовъ. Это было въ пятницу—базарный день въ селѣ Дѣдновѣ, когда Михѣевцы уже непремѣнно отправляются туда по разнымъ домашнимъ надобностямъ и торговымъ дѣламъ. И вотъ въ Макшѣевѣ, безъ Михѣевцевъ, не сумѣли-таки ловѣсить колоколъ: лишь когда явились наши крестьяне, „пошелъ“ онъ сразу, не только безъ неудачъ, но и безъ задержекъ,—такъ хорошо принялись за дѣло эти мододцы.

Михѣевцы отличались веселымъ характеромъ. Всѣ большіе праздники, а также и храмовые, праздновались въ Михѣевѣ широко и долго, уже не менѣе трехъ дней; особенно же весело справлялись: Покровъ Богородицы (1го октября), Рождественскія святки, Свѣтлая недѣля, Масляница, Троицынъ и Духовъ дни и храмовые праздники (Николины дни зимой и весной). Въ Николины дни бывало что называется разливанное море всегда и во всѣхъ домахъ, даже незажиточныхъ. Тогда наше кротечное Михѣево переполнялось и гостями, чужимъ людомъ изъ окольныхъ селеній, всего же болѣе изъ Зарудни и Маливы, съ жителями которыхъ Михѣевцы изстари жили ужь не знаю почему въ особенной пріязни и во всегдашнихъ ладахъ. Но кромѣ большихъ и храмовыхъ праздниковъ, Михѣевцы проводили очень весело воскресные дни въ ту именно пору что наступала за прекращеніемъ весенникъ полевыхъ работъ и тянулась до начала уборки хлѣбовъ: тогда въ послѣобѣденное время и вечерами составлялись хороводы съ пѣснями и плясками и часто это веселье продолжалось до поздней ночи. Съ удоволь-

Digitized by Google

ствіемъ вспоминаю что оно происходило почти всегда въ виду господскаго дома, иногда даже на барскомъ дворѣ, и это не по приказанію, не по зову, а по добровольной охотѣ. Хорошо тоже бывало при уборкѣ луговъ въ Михѣевѣ, когда тамошніе крестьяне косили свои собственные, а также снятые ими дѣдовскіе луга, часть которыхъ вплоть подходила къ нашей деревнѣ, или когда участвовали по найму въ уборкѣ господскихъ луговъ, всегда снимаетыхъ сторонними людьми. Трудъ этой уборки совершался чисто по-праздничному: молодые женатые мущины, молодыя женщины, холостые парни и дѣвушки выходили „ворошить“ сѣно, собирать его въ копны, „кидать“ въ стога, въ лучшей своей одеждѣ, да и пожилые мужики и бабы замѣтно приряжались для этой работы; при воротеньи сѣна обыкновенно раздавались веселыя пѣсни; въ ясную погоду молодой народъ и даже среднихъ лѣтъ мужики и жены ихъ всегда заночевывали на лугахъ и тутъ раскладывались, по закатѣ солнечномъ, большіе костры, вокругъ которыхъ водились хороводы и шло веселье долго, до полночи.

На послѣднихъ дняхъ Масляницы, когда по давно заведенному обычаю Михѣевцы отправлялись большимъ поѣздомъ въ село Маліву на катанье, они всегда бывало заѣзжали на барскій дворъ попросить матушку чтобъ отпустила съ ними барченка, то-есть меня, и матушка соглашалась, отпускала, только непремѣнно въ сопровожденіи нашего стараго кучера Петра Леонтьева. И на Свѣтлой недѣлѣ она отпускала меня для катанья по широкому разливу Оки и нашей рѣчки, затоплявшему всю окрестную луговую равнину и окружавшему насъ весной съ трехъ сторонъ. Правда, она рѣшалась на это трудно, а все-таки рѣшалась, только сама выходила вблизи посмотрѣть, какъ маленькая флотилія Михѣевцевъ, состоящая изъ лодокъ и утлыхъ челновъ, отправлялась съ православнымъ людомъ на гулянье, да наблюдала чтобъ я былъ въ хорошей лодкѣ, съ надежными и трезвыми людьми, да приказывала при этомъ и просила чтобъ отнюдь не отплывали далеко отъ деревни,—и во все время гулянья тоскливо дожидалась на берегу возвращенія флотиліи. Но въ одномъ случаѣ матушка уже никакъ не рѣшалась довѣриться Михѣевцамъ: это именно во время ихъ плаваній на такъ-называемые „острова“. Стоитъ разказать объ этихъ плаваніяхъ.

Луговая равнина, далеко и широко раскинувшаяся между многими селеніями нашего угла Егорьевскаго и прилегаю-

Digitized by Google

цихъ къ нему окраинъ Зарайскаго и Коломенскаго уѣздовъ, имѣетъ кое-гдѣ въ своемъ центрѣ небольшія, даже вовсе незамѣтныя лѣтомъ возвышенія, отчего и неодновременно „понимается“ разливомъ Оки, рѣки Цны, нашей рѣчки Щелинки и нѣсколькихъ озеръ. Вотъ эти-то возвышенія и образуютъ острова въ теченіе первыхъ дней разлива. Сюда спасаются съ низменныхъ мѣстъ внезапно залитыхъ водой зайцы въ великомъ множествѣ, а иногда вмѣстѣ съ ними и волки, и конечно съ прибылью воды, когда настаетъ совсѣмъ половодье, всѣ они погибаютъ. Но и до того не малая часть ихъ безпощадно истребляется крестьянами окольныхъ селеній. Михѣевцы наши были чуть ли не самыми добычливыми въ этой охотѣ, потому что жили ближе другихъ къ луговой равнинѣ и къ островамъ. Впрочемъ эта охота довольно опасна именно по присутствію на островахъ волковъ; а кромѣ того, при возвращеніи съ охоты, иногда является и бо́льшая опасность: охотящіеся за звѣрями черезчуръ уже увлекаются и не замѣчаютъ какъ застаетъ ихъ ночь съ непроглядною темью, съ бурною погодой, когда вдобавокъ попадаются на встрѣчу громадныя „икры“ со взломанной половодьемъ Оки, могущія разомъ опрокинуть и разбить нѣсколько лодокъ и челновъ.

V.

Въ верстѣ отъ насъ было село Макшево, куда мы были приходомъ. Это ломѣщичье селеніе (гдѣ въ мое время ломѣщики никогда не жили) не велико, въ немъ не болѣе 150 душъ мужескаго пола, да и вообще само по себѣ оно ни чѣмъ не замѣчательно. Но для меня село Макшѣево довольно интересно уже потому что дѣдъ мой Николай Михайловичъ П—въ выведенный мной въ разсказѣ: *„Исторія моего дѣда“* подъ фамиліей Туренина, воинственно и удачно защищалъ свою водяную въ Михѣевѣ мельницу отъ посягательствъ на разореніе ея со стороны злобной и страшно жестокой ломѣщицы села Макшѣева, фамиліи которой я теперь не помню. Замѣчательно же въ этой борьбѣ именно то что она велась не въ формѣ многокляузной и многобумажной тяжбы, а чисто на феодальный ладъ: на мельничной плотинѣ нерѣдко происходили между Михѣевцами и Макшѣевцами, всегда подъ

Digitized by Google

личнымъ предводительствомъ дѣда и лихой его сосѣдки, сильныя лобовища. И это не осталось безъ послѣдствій для будущихъ поколѣній — и теперь крестьяне этихъ селеній, даромъ что ближайшіе сосѣди, какъ-то все не ладятъ между собой.

Вотъ еще что особенно ламятно мнѣ въ селѣ Макшѣевѣ: въ каменной церкви его, построенной должно-быть въ концѣ прошлаго столѣтія, находятся такія рѣдкости какихъ я не видалъ нигдѣ въ церквахъ средней полосы Россіи. Во первыхъ, по обѣ стороны „царскихъ вратъ“ стоятъ на довольно высокихъ пьедесталахъ двѣ рѣзныя изъ дерева фигуры въ ростъ человѣка, изображающія Моисея и Аарона. Работа этихъ фигуръ искусная: отчетливо изображены одѣяніе и головной уборъ ветхозавѣтныхъ еврейскихъ первосвященниковъ; лица и позы исполнены художественной силы. Но кромѣ того на правой сторонѣ отъ входа въ нишѣ за стекломъ еще одна фигура изображающая, какъ говорятъ, Святителя Николая Мирликійскаго. Она тоже рѣзная изъ дерева; облечена въ архіерейскую богослужебную одежду; на головѣ архіерейская митра; лицо весьма потемнѣвшее и, очевидно, эта статуя сдѣлана уже давно. Откуда взялись эти пластическія изображенія въ дной изъ сельскихъ церквей (состоявшей прежде въ Коломенской епархіи и не такъ давно перешедшей въ составъ Рязанской епархіи)? Мѣстные священники, я зналъ двухъ, не могли объяснить мнѣ: ни по какому случаю, ни когда именно явились въ Макшѣевской церкви эти статуи, у насъ вообще недолускаемыя. Однако вопросъ о нихъ казался мнѣ любопытнымъ, и я самъ порѣшилъ его такъ: по всей вѣроятности тѣ фигуры находились прежде въ какомъ-либо католическомъ или уніатскомъ храмѣ юго-западныхъ или сѣверо-западныхъ телерешнихъ нашихъ губерній, и оттуда, во время еще войнъ съ Польшей, вывезены были вмѣстѣ съ другою воинскою добычей кѣмъ-либо изъ служилыхъ дворянъ, прихожанъ Макшѣевской церкви, а затѣмъ и пожертвованы въ нее какъ предметы священные.

Верстахъ въ двухъ отъ нашего Михѣева было село Малива. Оно гораздо больше Макшѣева, въ немъ, кажется, уже до тысячи душъ; впрочемъ жители его ничѣмъ особеннымъ не отличаются отъ прочихъ крестьянъ нашего угла, да и вообще оно нисколько не замѣчательно ни въ торговомъ и промышленномъ, ни въ бытовомъ и историческомъ отноше-

Digitized by Google

. ніяхъ. Но для меня село это очень интересно: въ дѣтствѣ и въ ранней моей молодости меня чрезвычайно привлекали въ него старый боръ и остатки усадьбы князя .....скаго, того злаго человѣка который загубилъ моего дѣда и котораго я вывелъ въ вышеупомянутомъ разказѣ подъ неудачно выбранной фамиліей: Любецкій *.

Старый боръ этотъ, подходившій однимъ концомъ своимъ почти вплоть къ церкви села Маливы, былъ не великъ,— врядъ ли занималъ онъ болѣе десяти десятинъ. Явно что это былъ лишь остатокъ бора. Но и занимая такое малое пространство, онъ всѣмъ своимъ видомъ вполнѣ соотвѣтствовалъ названію съ которымъ обыкновенно соединяется представленіе о громадномъ величавомъ лѣсѣ. Довольно близко я видѣлъ много лѣсовъ въ Рязанской, Владимірской, Московской, Тульской губерніяхъ, а также въ трехъ губерніяхъ лѣсистаго сѣверо-западнаго края: Ковенской, Гродненской и Виленской; но рѣшительно нигдѣ я не видалъ такихъ великановъ-деревьевъ какъ въ Маливскомъ бору: тутъ были дубы и сосны въ два и въ три обхвата, то-есть въ окружности своей имѣвшіе болѣе сажени. Разумѣется, Маливскій боръ былъ очень рѣдокъ, такія огромныя деревья не могли расти въ тѣснотѣ, и несмотря на то внутри онъ былъ сумраченъ, даже теменъ, ибо въ тѣни дубовъ очень густо и довольно высоко росли кусты орѣшника и другія мелкія деревья лиственныхъ породъ. Теперь Маливскій боръ уже не существуетъ; онъ сведенъ окончательно, кажется болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ, и жаль мнѣ его, стараго, чрезвычайно жаль: въ сумрачной тѣни его я часто бродилъ когда еще былъ ребенкомъ и потомъ въ ранней моей молодости; тутъ дышать и глядѣть на все такъ было хорошо, тутъ думалось такъ плавно и спокойно. Кстати, по народному преданію, Маливскій боръ выросъ на крови татарской; а когда и по какому случаю пролилась здѣсь кровь татарская и конечно русская, преданіе не говоритъ: оно темно какъ было темно когда-то внутри стараго Маливскаго бора.

Иныя впечатлѣнія, иныя чувства возбуждалъ во мнѣ видъ

---

* Въ настоящее время, конечно, я могъ бы выставить настоящія фамиліи и моего дѣда и князя .....скаго; но нахожу это излишнимъ и безполезнымъ: стараго зла и такъ обилчено у насъ вдоволь.

Digitized by Google

усадьбы князя..... скаго, усадьбы по пространству огромной и довольно близко примыкавшей къ старому бору.

Она была заброшена давно, на ней не оставалось ровно никакихъ строеній. То былъ совершенный пустырь. Должно-быть всѣ усадебныя постройки и барскій домъ и дворовыя службы были деревянныя, и послѣ того какъ имѣніе князя поступило (ужь не знаю по какой причинѣ) въ казенное вѣдомство, онѣ проданы на свозъ. Въ мое время тутъ были замѣтны по кучамъ кирпичнаго и каменнаго мусора, по малымъ буграмъ и большимъ ямамъ только мѣста гдѣ стояли строенія. Странно: отъ цвѣтниковъ сохранился-таки очень замѣтный слѣдъ въ одномъ мѣстѣ, какъ-разъ противъ того пространства на которомъ, повидимому, находился господскій домъ, уцѣлѣла нѣсколько возвышенная и округленная площадка съ двумя на ней кустиками одичавшихъ розъ; а гдѣ былъ садъ, собственно при усадьбѣ—трудно было найти безъ особаго указанія; по разказамъ же стариковъ, садъ былъ великъ, по крайней мѣрѣ занесенъ очень широко, но въ немъ находились все молодыя деревья, и плодовыя и дикорастущія. Уже поэтому можно судить что усадьба князя ....скаго была новая, не обсиженная его предками, а заведенная имъ самимъ.

Я часто посѣщалъ и княжескую усадьбу. Но сначала, въ дѣтствѣ моемъ, я очень рѣдко захаживалъ на нее, а больше издали вглядывался. Потомъ, повозмужавъ, я уже всегда пробирался внутрь усадьбы. Не зачѣмъ говорить теперь о тѣхъ чувствахъ которыя почти постоянно волновали меня при этихъ прогулкахъ; я уже давно преодолѣлъ эти чувства, хотя въ настоящую минуту яснѣе чѣмъ когда-нибудь вижу чѣмъ отзывается старое зло нанесенное моему несчастному дѣду.... Впрочемъ нерѣдко я задавался и тѣмъ вопросомъ: отчего поселился въ нашемъ углѣ, на нашу семейную бѣду, магнатъ князь .....скій, владѣлецъ девятнадцати тысячъ душъ крестьянъ, конечно имѣвшій въ другихъ своихъ имѣніяхъ гораздо лучшія господскія усадьбы чѣмъ была усадьба въ селѣ Малиновѣ, имѣніи въ экономическомъ отношеніи довольно плохомъ и даже небольшомъ, такъ какъ въ самомъ селѣ и въ принадлежащихъ къ нему деревняхъ: Зарудней, Мостищахъ, Подосинкахъ и Половкѣ, за княжеское время врядъ ли было населенія и тысяча душъ? Тогда я догадывался на счетъ этого такъ: что можетъ-быть князю .....скому, въ чемъ-нибудь

Digitized by Google

провинившемуся предъ императрицей Екатериной Второй, велѣно было проживать именно въ Егорьевскомъ его имѣніи; и теперь такое предположеніе кажется мнѣ вѣроятнымъ тѣмъ болѣе что князь жилъ въ Маливѣ безвыѣздно.

Въ селѣ Маливѣ и въ вышеупомянутыхъ деревняхъ мало осталось воспоминаній о немъ. Тамошніе жители говорили мнѣ только что онъ былъ жестокъ, что у него всякая вина была виновата. Но вотъ что̀ очень странно: одна черта изъ его частной жизни, изъ его забавъ, черта совсѣмъ мелочная и казалось бы нисколько не стоящая вниманія, осталась-таки въ памяти народной, и про нее я слыхалъ отъ нѣсколькихъ Маливцевъ и крестьянъ деревни Зарудни: князь довольно часто игрывалъ въ „бабки“ со своими дворовыми и даже съ крестьянами. Конечно онъ дѣлалъ это не изъ желанія популярничать, а только для „моціону“; а между тѣмъ простая эта забава какъ-то сближала его съ народомъ, какъ бы приравнивала его на нѣкоторое время ко всякому простому человѣку; вотъ это-то и не ушло отъ простодушнаго наблюденія, осталось надолго въ памяти забывчиваго на зло нашего народа.

Въ нашемъ Михѣевѣ какъ-то больше помнили о князѣ ....скомъ. На это была существенная причина: дѣда моего, такъ много пострадавшаго отъ злаго сосѣда, очень любили и дворовые и крестьяне. Сожалѣніе ихъ о баринѣ было сильно, сильна была и ненависть ихъ къ князю... Впрочемъ съ наибольшею ненавистью вспоминалъ о послѣднемъ нашъ старый кучеръ Петръ Леонтьевъ. Отъ него я много, много слышалъ. Приведу одинъ его разказъ, замѣчательный въ бытовомъ отношеніи и потому что въ немъ есть темный намекъ на историческую личность.

Всѣ сколько-нибудь зависѣвшіе отъ князя .....скаго боялись его въ высшей степени. Боялся и священникъ села Маливы. Онъ во всемъ подчинялся княжеской волѣ, даже въ отправленіи церковной службы.

Князь посѣщалъ иногда свою сельскую церковь во время служенія литургіи. Но обыкновенно онъ вставалъ поздно. Поэтому строго-настрого приказывалось священнику чтобы въ воскресный день служба не начиналась раньше полудня. Къ обѣднѣ же князь нерѣдко жаловалъ по-домашнему въ халатѣ и въ туфляхъ; притомъ отправлялся всегда въ алтарь и прямо черезъ царскія двери.

Digitized by Google

И вотъ, какъ-то лѣтомъ, въ крестьянской телѣгѣ запряженной парой тощихъ лошадёнокъ, пріѣхалъ къ Маливскому священнику простой монахъ. Сказался онъ изъ какого-то дальняго монастыря, пріѣздъ же свой объяснилъ тѣмъ что у него есть дѣло къ князю .....скому, по которому онъ и отправится къ нему тотчасъ послѣ обѣдни.

— А пора бы,—добавилъ монахъ: пора бы и благовѣстить.

— Нѣтъ, отвѣчалъ священникъ:—у насъ литургія завсегда поздно, случается что и послѣ полденъ служимъ.

— Для деревенскаго люда, возразилъ монахъ:—не должно бы поздно служить, а послѣ полудня и вовсе не полагается.

— У насъ свое правило, отозвался священникъ:—его сіятельство князь Александръ Александровичъ не дозволяетъ благовѣстить пока не проснется, а вставать изволитъ поздно.

Затѣмъ на разспросы монаха, священникъ мало-по-малу высказался про всѣ стѣсненія и обиды претерпѣваемыя имъ отъ магната-помѣщика, не скрылъ и того что чрезвычайно боится прогнѣвить чѣмъ-нибудь этого бѣшенаго человѣка.

Тогда монахъ открылъ свое званіе,—это былъ архіерей *—и приказалъ немедленно благовѣстить къ обѣднѣ.

Колокольный звонъ растревожилъ князя. Прогнѣвавшись чрезвычайно онъ тотчасъ отправился въ церковь и по обыкновенію своему въ халатѣ и въ туфляхъ.

Обѣдня уже шла. Діаконъ на амвонѣ возглашалъ моленія и прошенія. Князь мимо его прошелъ въ алтарь. Но не успѣлъ онъ еще обратиться съ попреками и угрозами къ священнику, какъ навстрѣчу ему изъ глубины алтаря выступилъ монахъ, на груди котораго изъ-подъ распахнувшейся рясы видны были архіерейская панагія и орденская звѣзда. Сказалъ ли что-нибудь архіерей князю .....скому, неизвѣстно; но дерзкій помѣщикъ былъ такъ пораженъ что тутъ же упалъ къ ногамъ такъ внезапно явившагося предъ нимъ монаха; не безъ труда его подняли и вывели изъ алтаря.

Послѣ этого происшествія, хоть можетъ-быть и не вслѣдствіе его, князь ....скій тяжко заболѣлъ и, затѣмъ, скоро умеръ.

---

* Петръ Леонтьевъ не могъ назвать мнѣ архіерея. Не былъ ли то знаменитый Платонъ? Такъ можно предполагать по орденской звѣздѣ архіерея. Тѣмъ же самымъ опредѣляется и время происшествія, то-есть конецъ царствованія императора Павла Перваго, при которомъ и архіереямъ стали раздавать ордена.

Digitized by Google

Большое село Дѣдново (три церкви, много постоялыхъ дворовъ, лавокъ, трактировъ; до десяти тысячъ жителей обоего пола), находящееся въ семи верстахъ отъ Михѣева, тоже интересно и даже по многимъ отношеніямъ. Оно имѣетъ важное значеніе для вседневной жизни нашего угла: десятки деревень Егорьевскаго уѣзда, особенно же вышеупомянутыя мною, въ немъ покупаютъ все что имъ нужно и въ немъ же продаютъ свои сельскія произведенія и издѣлія своей мелкой промышленности, да больше и негдѣ купить и продать: въ этой мѣстности нашего уѣзда, на пространствѣ должно-быть до тридцати квадратныхъ верстъ, нигдѣ кромѣ Дѣднова нѣтъ ни еженедѣльныхъ базаровъ, ни большихъ годовыхъ ярмарокъ. Потомъ оно заслуживаетъ вниманія по промысламъ своихъ жителей, по умственному ихъ развитію, по многимъ чертамъ ихъ домашняго быта, сохранившаго, несмотря на отлучки каждаго Дѣдновца на чужую сторону, коренныя черты старинной русской жизни; по своимъ преданіямъ, документамъ и остаткамъ старины; а также по положенію своему при пресловутомъ помѣщикѣ А. Д. Измайловѣ и по катастрофѣ разыгравшейся въ немъ предъ самымъ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Наконецъ, и родовыя наши воспоминанія относятся во многомъ до села Дѣднова. Вотъ почему не могу миновать его и теперь, хотя говорилъ я уже о немъ довольно подробно въ бытовомъ очеркѣ: „Генералъ Измайловъ и его дворня“ *. Впрочемъ разкажу здѣсь о Дѣдновѣ мало, только то что касается до семейныхъ нашихъ воспоминаній и до нѣкоторыхъ остатковъ старины.

Дѣдновскія и михѣевскія земли, именно луга, сходятся чрезчуръ близко, такъ что первыя изъ нихъ подходятъ почти подъ самыя окна цѣлой половины нашей деревни,—а это обстоятельство имѣло и имѣетъ большое вліяніе на сосѣдскія отношенія обоихъ селеній. Прежде, до генеральнаго размежеванія земель, то-есть до 1767 года, не такъ было **, и

* Напечатанъ въ четырехъ послѣднихъ книжкахъ сборника: *Древняя и Новая Россія*, за 1876 годъ.

** Въ „Исторіи моего дѣда“ разказано мною, какъ изъ владѣнія моего дѣда, по оплошности его матери и опекуньши, отошло довольно большое количество луговъ къ дядѣ Л. Д. Измайлова, дѣдновскому помѣщику.

Digitized by Google

конечно было гораздо лучше для взаимнаго спокойствія Михѣевцевъ и даже Дѣдовцевъ. А спокойствіе нарушалось нерѣдко. Михѣевцамъ нельзя было уберечься чтобы скотъ ихъ собственный и принимаемый ими на прокормъ не заходилъ иногда на дѣдовскіе луга, столь близко къ нимъ подходящіе. И вотъ, со стороны Дѣдовцевъ—большія претензіи на потравы да и постоянныя попытки отомстить за нихъ. Доходило тутъ и до разбора въ судахъ (всего чаще) и до кулачной расправы. Такъ, однажды, еще за время управленія моей бабки, Надежды Ивановны П—вой, случилось слѣдующее крупное происшествіе: какъ-то въ праздникъ и должно-быть большой, дѣдовскій бурмистръ съ толпою конныхъ Дѣдовцевъ явился на нашу границу, съ цѣлью захватить скотъ михѣевскій, какой только окажется на дѣдовскихъ лугахъ. Мало ли, много ли, а точно былъ тамъ скотъ нашихъ крестьянъ, и Дѣдовцы стали было отгонять его къ себѣ на село, что и сдѣлали бы безпрепятственно, такъ какъ нашествіе произведено было невзначай для Михѣевцевъ, еслибы не случилась задержка. Дѣло въ томъ что появленіе Дѣдовцевъ прежде всѣхъ увидалъ прикащика бабки, человѣкъ смирный по характеру; догадавшись зачѣмъ они пріѣхали, онъ кинулся уговаривать бурмистра чтобы не отгонялъ скотъ, а тутъ же разобрался бы на счетъ потравы миролюбиво, по сосѣдски. Но бурмистръ, крѣпко подвыпивши, не внялъ этимъ уговариваніямъ, и мало того, вздумалъ тотчасъ же наказать михѣевскаго прикащика за плохое смотрѣніе надъ своими крестьянами. Бѣдняка разложили и стали сѣчь. А тѣмъ временемъ Михѣевцы, мужики и даже бабы, сбѣжались поголовно на защиту своего скота. Прикащика—Богъ имъ судья—они не выручили, а скотъ свой отбили, даромъ что были лѣшіе и гораздо въ меньшемъ числѣ чѣмъ Дѣдовцы, которыхъ понаѣхало больше сотни. Конечно, при этомъ произошла немалая свалка, въ которой наѣхавшимъ крѣпко досталось отъ михѣевскихъ кольевъ. Происшествіе вышло немаловажное, особенно же потому что прикащикъ сильно пострадалъ, даже до болѣзни. Бабка моя была крайне встревожена, да и разсержена дерзкимъ поступкомъ бурмистра. Но затѣвать тяжбу было не въ ея характерѣ: она рѣшилась обратиться къ суду дѣдовскаго помѣщика, Л. Д. Измайлова,—и не ошиблась въ своемъ разчетѣ. Взбалмошный генералъ принялъ пріѣхавшаго къ нему съ жалобой отъ бабки моей, сына

Digitized by Google

ея Іосафа Николаевича П—ва, отлично, дѣло же разобралъ справедливо, хотя и очень круто: бурмистръ былъ смѣненъ, сынъ его отданъ въ солдаты, всѣ участвовавшіе въ наѣздѣ подверглись наказанію, а молодые изъ нихъ тоже отданы въ военную службу. Рѣшеніе дѣла собственно о потравѣ было даже удивительно ло сдержанности Измайлова въ отношеніи своихъ владѣльческихъ правъ, ибо онъ зналъ досконально про нарушенія ихъ Михѣевцами, на что даже не разъ жаловался, какъ разказывалъ мнѣ нашъ Егорьевскій предводитель Ѳ. И. де-Медемъ. „Охъ, ужь эти мнѣ Михѣевскіе мои сосѣди, говаривалъ Измайловъ: настоящіе Англичане у меня подъ бокомъ; а вотъ, никакъ не могу ихъ унять“. Онъ очень могъ унять ихъ, но не хотѣлъ. Человѣкъ крайне произвольный, всячески избалованный, онъ однако не былъ лишенъ чувства чести: по всей вѣроятности онъ зналъ тоже какъ погубилъ князь .....скій моего дѣда и уже поэтому не рѣшался обезпокоить его вдову какимъ-нибудь своимъ нападеніемъ.

Когда сталъ завѣдывать Михѣевымъ мой отецъ, онъ нашелъ нужнымъ, въ видахъ сосѣдскаго спокойствія, устранить разомъ возможность потравъ дѣдовскихъ луговъ скотомъ михѣевскимъ, для чего провелъ вдоль всей нашей границы съ Измайловскими землями широкую и глубокую канаву. Но, со временемъ, ежегодныя половодья позатянули иломъ эту канаву, сдѣлали ее уже неглубокою, и потравы, грѣха таить нечего, опять начались, только уже въ незначительной степени, отнюдь не всѣмъ скотомъ михѣевскимъ. Дѣдовцы на это и не претендовали, по крайней мѣрѣ никогда не заводили ни тяжбъ, ни ссоръ. За то, можетъ-быть не безъ намѣренія отомстить потравщикамъ, дѣдовское вотчинное управленіе стало допускать часть гуртовъ на отаву какъ-разъ въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ Михѣевымъ, и оттого скотъ нашихъ крестьянъ, черезъ три-четыре года, обыкновенно весь выпадалъ. Такъ было за мое управленіе Михѣевымъ, и я тутъ ничего не могъ подѣлать. Не знаю какъ теперь; а врядъ ли устранилось это зло для Михѣева, зло истекающее изъ давнишней несправедливости сильнаго сосѣда.

Я любилъ бывало смотрѣть на главную изъ церквей дѣдовскихъ, стоящую на лѣвой сторонѣ Оки, гдѣ сосредоточено наибольшее населеніе села: по ея массивности, да и вообще по виду, она казалась мнѣ тогда чрезвычайно древнею. Въ дѣйствительности она должно-быть построена только

Digitized by Google

въ XVIIмъ столѣтіи. Иконостасъ ея, какъ говорили мнѣ, древній, но по близорукости моей я не могъ хорошо разобрать этого. Колокольня кажется древнѣе самой церкви. На ней часы со старымъ „московскимъ боемъ“, по которому счетъ времени идетъ отъ восхода солнца и до заката. Другая древность дѣдновская, можетъ-быть, уже не существуетъ въ настоящее время, и если это такъ, то объ этомъ нельзя не пожалѣть. Назадъ тому лѣтъ сорокъ, въ Дѣдновѣ бережно сохранялся старый *ботикъ*, который у мѣстнаго народонаселенія слылъ царскимъ корабликомъ, на которомъ будто-бы плавалъ Императоръ Петръ Великій; такихъ ботиковъ въ Россіи нѣсколько, и старѣйшинство между ними кажется еще не опредѣлено положительно; кто знаетъ, можетъ-быть, дѣдновское старое суденышко имѣетъ право на это старѣйшинство. Кстати: въ Зарайскомъ уѣздѣ есть и теперь помѣщики Брандты, ведущіе свой родъ отъ перваго кораблестроителя въ Россіи.

Я слышалъ что въ архивѣ Дѣдновской помѣщичьей конторы хранятся весьма важные старинные документы, касающіеся прежней, гражданской и экономической, жизни Дѣдновцевъ при Московскихъ царяхъ; но добраться до нихъ было весьма трудно, и я не добрался.

Дѣдновскія преданія о разбойникахъ, особенно же о самомъ знаменитомъ изъ нихъ, Веревкинѣ *, тоже очень интересны. Впрочемъ я не стану о нихъ говорить здѣсь, такъ какъ это отвлекло бы меня далеко отъ воспоминаній собственно о „родныхъ мѣстахъ“.

Изо всѣхъ прочихъ деревень нашего угла уломяну еще село *Горки*. Само-по-себѣ это небольшое помѣщичье селеніе,

---

* Веревкинъ былъ уроженецъ села Ловцовъ, лежащаго на лѣвой сторонѣ Оки, отъ Дѣднова верстахъ въ 10—12. *Ловцы*—большое село; жители его государственные крестьяне—люди промысловые на стать Дѣдновцамъ. Въ немъ, какъ и въ сосѣдственныхъ селахъ: *Любичи* (государственные же крестьяне изъ „свободныхъ хлѣбопашцевъ“) и *Верхній* и *Нижній Бѣлоомуты* (бывшіе крѣпостные помѣщиковъ Теплова и Хомутова) тоже должны находиться древности и старинные, важные въ историческомъ отношеніи документы. И въ бытовомъ отношеніи замѣчательны эти селенія. Я видѣлъ ихъ только издали, всегда проѣзжая мимо по другой сторонѣ Оки.

Digitized by Google

расположенное на берегу болотистой рѣки Цны*, нисколько не замѣчательно. Но въ его деревянной, очень старой церкви есть большая рѣдкость, какъ говорилъ мнѣ бывшій помѣщикъ села Горокъ Ѳ. И. де-Медемъ, человѣкъ образованный и словамъ котораго можно было вполнѣ вѣрить. Древность эта—иконостасъ, на которомъ уже едва можно различать всѣ изображенія. По словамъ г. де-Медема, горецкій иконостасъ въ прежнее старое время, еще до великаго князя Ивана Васильевича Третьяго, украшалъ соборный храмъ Москвы; когда же знаменитый Аристотель Фіоравенти построилъ въ Москвѣ новый соборъ, то устроенъ былъ для него и новый иконостасъ, а старый перемѣщенъ былъ въ соборную церковь города Коломны; затѣмъ, по упраздненіи отдѣльной Коломенской епархіи, тотъ же самый иконостасъ, какъ пришедшій въ крайнюю ветхость, былъ перевезенъ будто бы въ село Горки, приходъ котораго былъ тогда весьма незначителенъ и бѣденъ. Любопытно было бы провѣрить это точнымъ изслѣдованіемъ. Со своей стороны, дѣлаю это указаніе въ томъ разчетѣ что можетъ-быть посодѣйствую такимъ образомъ къ открытію замѣчательной древности, которая, по всей вѣроятности, не такъ же повреждена временемъ чтобы нельзя было ея реставрировать.

Вслѣдъ за упомянутыми селеніями я долженъ сказать нѣсколько словъ (въ тѣхъ же видахъ—не поведутъ ли они къ подробнымъ изслѣдованіямъ) и о двухъ монастыряхъ, находящихся недалеко отъ нашего имѣнія. Во-первыхъ, о Радовежскомъ или Радовицкомъ, по мѣстному произношенію, монастырѣ. Онъ расположенъ въ лѣсистой и болотистой мѣстности Егорьевскаго уѣзда, на границѣ съ тою частью Рязанскаго уѣзда которая слыветъ подъ названіемъ „Мещоры". Я не былъ въ немъ, но много разказовъ о немъ слышалъ. Это—монастырь древній, служившій передовымъ постомъ русской колонизаціи въ странѣ заселенной финскимъ племенемъ Мещорою, которое довольно долго сохраняло свою независимость. Мнѣ приходитъ на мысль что учрежденіе царства Касимовскаго въ мѣстности столь близкой къ поселеніямъ Мещоры обусловливалось политическими разчетами Московскаго правительства нестолько по отношенію къ цар

* Рѣка съ этимъ названіемъ, помнится, есть и въ Новгородской губерніи.

Digitized by Google

ству Казанскому, сколько по отношенію къ дикому, свободолюбивому Мещорскому племени. Кстати, право жаль что наши изслѣдователи по части исторіи какъ-то обходятъ историческія мѣста лежащія что̀ называется подъ носомъ, а дѣйствуютъ поодаль отъ центра, то-есть Москвы, и все какъ-то въ разбивку. Я увѣренъ что Радонежскій монастырь, обширный, широко-завесенный еще въ старину, притомъ богатый вкладами отъ царей и отъ боярскихъ большихъ родовъ, а также и окрестныя селенія, съ ихъ названіями, говоромъ народа, обычаями народными и преданіями, могли бы доставить весьма много интересныхъ матеріаловъ для исторіи и для этнографіи.

Очень ламятенъ мнѣ и другой монастырь, болѣе къ намъ близкій чѣмъ Радонежскій, и куда мать моя, страшно тоскуя послѣ смерти моего отца, возила меня часто....

Это Голутвинъ монастырь, Коломенскаго уѣзда, основанный Сергіемъ Радонежскимъ. Мѣстность на которой онъ расположенъ прекрасная. Онъ стоитъ на луговомъ мысу, у самаго владенія въ Оку Москвы-рѣки. Отсюда такъ хорошо представляются двѣ большія рѣки, широкія пространства луговъ, множество селеній на берегахъ двухъ рѣкъ и, наконецъ, большой городъ Коломна, съ полуразвалившимся кремлемъ, съ многочисленными церквами и нѣсколькими монастырями какъ въ самомъ городѣ, такъ и окрестностяхъ. Впрочемъ, упомянувъ здѣсь про Голутвинъ монастырь, я хочу только указать что и онъ съ его окрестностями представляетъ немаловажный интересъ для историческаго изслѣдованія: такъ мнѣ говорили что въ немъ есть документы никѣмъ (будто бы) еще нетронутые.

Мнѣ хотѣлось бы порассказать кое-что и о близкомъ къ нашему имѣнію городѣ Коломнѣ, въ которомъ я нерѣдко бывалъ, но это завело бы меня совсѣмъ въ сторону. Могу только пожалѣть здѣсь что нѣтъ отдѣльнаго изслѣдованія объ этомъ городѣ, издавна замѣтномъ въ историческомъ отношеніи (хоть бы напримѣръ потому что почти одновременно съ Москвой онъ былъ сильно укрѣпленъ, стало-быть положеніе его, какъ крѣпости, признавалось очень важнымъ, а также что у стѣнъ его обыкновенно собирались московскія рати для отраженія набѣговъ Крымскихъ Татаръ). Въ ламяти мѣстнаго народонаселенія, по всей вѣроятности, сохраняются еще многія преданія о прежней исторической жизни Коломны

Digitized by Google

и ея окрестностей, въ которыхъ, кстати замѣчу, было много помѣстій самыхъ большихъ боярскихъ родовъ, помѣстій сильно пострадавшихъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ вмѣстѣ со своими опальными владѣльцами; да и мало ли было другихъ достопамятныхъ событій въ которыхъ бойкій здѣшній народъ участвовалъ и о которыхъ навѣрное сохраняетъ онъ живыя своеобразныя воспоминанія. Притомъ монастыри коломенскіе, приходскія церкви по огромнымъ селамъ, наконецъ архивы этого города должны заключать важные документы. Все это еще не разработано, даже не извлечено изъ-подъ спуда. А конечно такія изслѣдованія были бы гораздо-гораздо полезнѣе всяческихъ корреспонденцій о мелкихъ дрязгахъ вседневной жизни нашихъ уѣздныхъ городовъ.

VI.

Города, какъ и всѣ живые человѣческіе организмы, должны имѣть каждый своеобразную физіономію, и это такъ законно обусловливается не только разницей топографическаго ихъ положенія, но и разницей жизни, отдѣльныхъ промысловъ, даже вседневныхъ занятій и всего общественнаго и умственнаго развитія ихъ горожанъ. Такъ это и вездѣ, но не у насъ. Въ нашемъ отечествѣ, города и великороссійскихъ губерній и даже сѣверо-западнаго края, хорошо мнѣ извѣстнаго, различествуя между собою по топографическимъ условіямъ, очень нерѣдко и во многомъ какъ-то походятъ одинъ на другой. Этотъ характеръ наружной формы и внутренняго содержанія такъ общеизвѣстенъ что нечего и распространяться о немъ даже въ поверхностномъ описаніи. Но были и есть исключенія. Въ числѣ такихъ исключительныхъ городовъ,— ихъ же вовсе не такъ много,—состоялъ и городъ Егорьевскъ до послѣдняго своего большаго пожара (кажется въ 1868 году), а особенно до постройки въ немъ огромныхъ бумагопрядильныхъ фабрикъ купцовъ Хлудовыхъ.

Въ обозначаемое мною время, городъ Егорьевскъ имѣлъ своеобразную физіономію, совершенно оригинальную между всѣми сосѣдними и не сосѣдними городами Рязанской, Московской и Владимірской губерній. А впрочемъ и теперь,— я видѣлъ его въ прошломъ году,—онъ тоже нѣсколько оригиналенъ, въ немъ все-таки остались кое-какіе слѣды

Digitized by Google

старинной своеобразности, хотя въ такой незначительной степени что и отмѣчать этого уже не стоитъ.

Перехожу прямо къ прежнему оригинальному виду Егорьевска и напередъ прошу моихъ читателей отнюдь не допускать предположенія что въ моемъ описаніи будетъ что-нибудь шутливое, а кольми-паче насмѣшливое; никогда не умѣлъ я шутить надъ явленіями нашей общественной жизни.

Весь городокъ состоялъ собственно изъ трехъ только улицъ и то неровныхъ: срединная, главная и лучшая, была гораздо длиннѣе двухъ остальныхъ и странно какъ-то выходила такимъ образомъ съ обоихъ своихъ концовъ прямо въ чистое поле. Затѣмъ, между этими тремя улицами было еще нѣсколько маленькихъ переулковъ. Наконецъ, три довольно просторныя площади пересѣкали главную улицу. Вотъ и весь тогдашній Егорьевскъ. Уже изъ этого видно что онъ былъ очень не великъ. Да такъ оно и подобало: во-первыхъ, потому что тогдашнее населеніе Егорьевска врядъ ли простиралось и до двухъ тысячъ душъ обоего пола, а во-вторыхъ, потому что „конфирмованнымъ“ планомъ отведена была подъ городъ черезчуръ малая площадь,—что и повело въ послѣдствіи къ большимъ затрудненіямъ даже можетъ-быть и къ пожарной катастрофѣ 1868 года, ибо съ сильнымъ увеличеніемъ постоянныхъ и временныхъ жителей въ городѣ съ тѣхъ поръ какъ завелись тутъ фабрики, Егорьевцы очень тѣсно стали строиться на своихъ дворовыхъ мѣстахъ, которыя вздорожали въ продажѣ чуть не до московскихъ цѣнъ. Въ настоящее время площадь города, должно-быть, распространена, такъ какъ онъ гораздо подался во всѣ стороны.

Бывало остановясь на любомъ перекресткѣ срединной главной улицы Егорьевска и оглянувшись кругомъ увидишь въ самомъ близкомъ отъ себя разстояніи поля окружающія городъ и лѣсъ замыкающій поля и близко подходящій отовсюду. И такъ это было хорошо: съ сѣроватымъ цвѣтомъ всѣхъ городскихъ построекъ сѣровато-желтыя поля и темно-зеленые хвойные лѣса чрезвычайно гармонировали.

Сѣроватый цвѣтъ егорьевскихъ построекъ зависѣлъ именно оттого что всѣ онѣ были деревянныя, за исключеніемъ только одного каменнаго пребезобразнаго купеческаго дома, который, по правдѣ сказать, былъ тутъ совсѣмъ не кстати.

Дома егорьевскихъ коренныхъ жителей, купцовъ и мѣщанъ, по самой постройкѣ ихъ, имѣли весьма оригинальную

Digitized by Google

наружность. Они были не малы, большою частью не только о трехъ, но и о пяти, семи окнахъ (лѣсу въ окрестностяхъ города было изобильно и доставался онъ чрезвычайно дешево); притомъ всѣ они казались особенно массивными и неуклюжими именно потому что были неладно построены, или, лучше сказать, неладно сложены изъ весьма крупныхъ бревенъ. Да и вообще какъ-то мраченъ былъ видъ этихъ старинныхъ домовъ по причинѣ чрезъ мѣру малыхъ, не симметрично, чуть не подъ самою крышей, прорубленныхъ оконъ и слишкомъ высокихъ, съ низко-спущенными концами, крышъ, а также по причинѣ дворовъ съ темными навѣсами и съ воротами всегда, даже днемъ, затворенными. Мрачное впечатлѣніе производимое этими домами на всякаго посторонняго человѣка усиливалось и темносѣроватымъ колоритомъ, облекавшимъ все сверху до низу, и тѣмъ еще что вся довольно тѣсно скученная масса домовъ почти нигдѣ не разнообразилась, не оживлялась садами и огородами, ибо самая почва подъ городскимъ поселеніемъ, чрезвычайно песчаная и тощая, не дозволяла ихъ разводить.

Надъ многими воротами, а то надъ калитками, висѣли на подкладкѣ изъ бѣлой бумаги, литые мѣдные кресты осмиугольной формы. Признакъ характеристическій: дома съ такими крестами принадлежали истымъ, кореннымъ издавна старообрядцамъ.

Движенія на улицахъ и площадяхъ егорьевскихъ, движенія вездѣ въ городахъ хоть временно проявляющагося, почти вовсе не было даже и въ базарные дни (да и базары самые малые собирались только одинъ разъ въ недѣлю). Городъ былъ рѣшительно бѣденъ по части торговли и промышленности. Недаромъ въ немъ не было такъ-называемыхъ „рядовъ", то-есть гостинаго двора. Немногія лавчонки на одной главной улицѣ помѣщались въ низкихъ, тѣсныхъ и темныхъ подвалахъ подъ вышеописанными домами, и всѣ онѣ, даже и тѣ что̀ были украшены надъ входами полосками краснаго кумачу (признакъ продажи тутъ и „краснаго" товара) походили на какія-то звѣриныя логова. Недаромъ тоже сложена была въ народѣ поговорка о Егорьевцахъ: „Кто ты таковъ?— Егорьевскій кулечь.—Куда ѣдешь?—Въ степь.—Зачѣмъ?—Побороваться (то-есть, побираться, нищенствовать)".

Оно и понятно почему не было въ Егорьевскѣ торговли: городъ былъ въ сторонѣ отъ большихъ и малыхъ городовъ, отъ

Digitized by Google

всякихъ проѣзжихъ трактовъ. Притомъ онъ стоялъ въ самомъ углу своего уѣзда, протянувшагося отъ него широко и далеко. Окрестныя немногочисленныя и немноголюдныя селенія были совершенно бѣдны сельскими произведеніями. Помѣщиковъ было мало въ уѣздѣ, да и тѣ что̀ тутъ жили наѣзжали въ Егорьевскъ лишь по самонужнѣйшимъ дѣламъ, производившимся у нихъ въ тутошнихъ присутственныхъ мѣстахъ. Оттого собственно для случайно пріѣзжавшихъ по тяжебнымъ дѣламъ „просителей“ долго-долго были въ городѣ одинъ только трактиръ (купца Кира Шведова), да два постоялые двора. А аптека не заводилась здѣсь еще дольше, до тѣхъ поръ пока не пошли въ ходъ Хлудовскія фабрики.

Тогдашній Егорьевскъ, городокъ маленькій, весь деревянный, ничѣмъ не казистый, мрачный и бѣдный, сильно нравился мнѣ въ то время когда я сталъ взрослымъ человѣкомъ и видѣлъ всѣ города Рязанской губерніи, а также многіе другіе, когда умѣлъ уже сравнивать представляющіяся мнѣ явленія общественной жизни и подводить итоги подъ мои наблюденія. Всегда какъ-то *олицетворялъ* я Егорьевскъ, воображалъ его въ видѣ отдѣльнаго живаго существа. И то было не фантастическое представленіе: дѣйствительно, городокъ этотъ чрезвычайно совмѣщалъ въ себѣ всѣ родовыя черты Егорьевца, кореннаго жителя егорьевскихъ глухихъ темноцвѣтныхъ лѣсовъ. Я и теперь думаю что лучше и оригинальнѣе нельзя было выразить въ городѣ общій характеръ народонаселенія его уѣзда, какъ это было выражено всею тогдашнею физіономіей Егорьевска.

Егорьевскъ преобразованъ въ городъ изъ села Высокаго; изъ-за разбойничества скоро былъ закрытъ, но затѣмъ возстановленъ въ качествѣ города. Надо думать что въ упорно преслѣдуемомъ администраціей рѣшеніи преобразовать такимъ образомъ, возвеличить, что̀ называется, село Высокое участвовало не одно лишь соображеніе что оно было „экономическое“ селеніе, то-есть бывшее монастырское, но и воспоминаніе о томъ что оно принадлежало знаменитому роду бояръ Романовыхъ. Такъ говоритъ мѣстное преданіе и должно-быть оно вѣрно. Въ егорьевскомъ каменномъ соборѣ находится рѣзной изъ дерева образъ великомученика Георгія, пожертвованный, какъ мнѣ сказывали, Романовыми, и помнится самый гербъ этого города представляетъ то же изображеніе. Кромѣ того, въ Егорьевскѣ изстари чествуется Никитинъ день

Digitized by Google

(15го сентября), по всей вѣроятности, въ память о бояринѣ Никитѣ Юрьевичѣ Романовѣ, о томъ „Микитушкѣ Романовичѣ“ который такъ великолѣпно прославленъ въ одной изъ народныхъ былинъ о грозномъ царѣ Иванѣ Васильевичѣ. Кстати сказать, въ день 15го сентября, собирается каждогодно вокругъ стоящей за городомъ кладбищенской церкви во имя Св. Никиты мученика ярмарка, которая теперь довольно значительна по оборотамъ, но и прежде всегда бывало многолюдна по стекавшемуся сюда изо всего Егорьевскаго и даже изъ сосѣднихъ уѣздовъ народу.

Во время моего дѣтства въ городѣ Егорьевскѣ былъ одинъ только приходскій храмъ считавшійся и соборнымъ; впрочемъ подлѣ него стояла еще маленькая церковь, но какъ она такъ и кладбищенская не имѣли особыхъ приходовъ и причтовъ. Соборный храмъ о которомъ я заговорилъ—замѣчательное зданіе. Онъ деревянный и выстроенъ давно, назадъ тому слишкомъ сто шестьдесятъ лѣтъ, а все еще стоитъ прочно и въ немъ послѣ необходимыхъ поправокъ въ настоящее время производится богослуженіе, какъ я слышалъ о томъ при прошлогоднемъ посѣщеніи Егорьевска; онъ сложенъ изъ такихъ огромныхъ бревенъ какихъ уже давно не употребляютъ для самыхъ большихъ построекъ. Онъ и вообще массивенъ; массивность же эта особенно замѣтна какъ потому что онъ стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ, такъ и потому что всѣ прочія собственно городскія зданія, кромѣ новаго собора, кажутся и теперь сравнительно съ нимъ совершенно мизерными. Архитектура егорьевскаго деревяннаго собора походитъ очень на таковую же одной изъ московскихъ церквей находящейся на Покровкѣ, именно той кажется которая во имя Покрова Пресвятыя Богородицы.

Сожалѣю что иконостасъ вышеозначеннаго храма,—несомнѣнно очень древній и конечно замѣчательный,—совсѣмъ смутно мнѣ ламятенъ, ибо я видѣлъ его еще въ дѣтствѣ моемъ, а затѣмъ послѣ постройки каменнаго собора, оконченный въ тридцатыхъ годахъ, богослуженіе въ деревянномъ уже долго не производилось, по крайней его ветхости, въ прошломъ же году я не былъ въ немъ потому что тамъ служатъ только въ большіе праздники.

Весьма замѣтное улучшеніе Егорьевска во всемъ наружномъ его видѣ главнѣйшимъ образомъ зависѣло отъ устройства въ немъ Хлудовскихъ бумагопрядильныхъ фабрикъ,

Digitized by Google

привлекшихъ сюда много стороннаго народа и давшихъ мѣстнымъ жителямъ возможность подручно добывать деньги и работой отъ фабрикъ (собственно размоткой *на дому* такъ-называемыхъ „шпуль“) и продовольствіемъ фабричныхъ рабочихъ. Однако и прежде заведенія фабрикъ, еще въ тридцатыхъ годахъ, городъ этотъ уже лооживился; явились въ немъ новыя лавки, новые трактиры и постоялые дворы, усилилась ярмарка въ Никитинъ день, стали замѣтны кулцы-торговцы съ порядочными капитальцами. Отчего именно лооживился такъ городъ, долодлинно не знаю; правда, были какіе-то темные слухи на счетъ этого, да мало ли что говорятъ, и темныхъ слуховъ о прошлыхъ временахъ конечно не слѣдуетъ касаться.

А вотъ вліяніе фабрикъ, это иное дѣло. Онѣ дѣйствительно способствовали тому что Егорьевскъ сильно выросъ и процвѣлъ. Такъ и должно было произойти, особенно потому что вскорѣ за Хлудовскими фабриками появились тутъ и другія фабричныя заведенія, тоже привлекшія на работу много стороннаго народа. Теперь въ Егорьевскѣ болѣе двадцати тысячъ жителей (конечно считая и фабричныхъ рабочихъ). Теперь здѣсь, кажется, больше домовъ каменныхъ и много домовъ двухъэтажныхъ (нижній этажъ каменный, верхній деревянный, какъ любятъ строиться Егорьевцы), много тоже порядочно снабженныхъ разными товарами лавокъ, много трактировъ и даже гостиницъ; на улицахъ всегда, особенно же въ праздники, очень замѣтное движеніе, и расхаживаетъ и разѣзжаетъ разный людъ, довольно нарядный, а подъ часъ черезчуръ веселый. Ярмарка въ Никитинъ день, говорятъ, дошла до милліоннаго годоваго оборота, да и базары собираются многолюдные. Наконецъ для вящаго доказательства насколько успѣлось теперешнее промышленное и торговое значеніе Егорьевска, соединила его съ Москвой желѣзная дорога (кстати сказать, преотвратительно построенная, на ней такъ трясетъ, какъ будто ѣдешь по обыкновенной ухабистой дорогѣ).

Все это хорошо, но есть и оборотная сторона у этого кажущагося благосостоянія, которую не слѣдуетъ скрывать. Вотъ напримѣръ, дороговизна въ Егорьевскѣ на всѣ необходимые предметы жизненнаго продовольствія, которые продаются по цѣнамъ московскимъ, несмотря на то что качества они плохаго. Вообще всякому небогатому человѣку не имѣющему

Digitized by Google

никакихъ отношеній къ мѣстнымъ фабрикамъ здѣсь очень тяжело жить. Притомъ и нравственность егорьевскихъ жителей, говорятъ, сильно пострадала. Оно и понятно: кабаковъ и трактировъ въ городѣ ужь черезчуръ много развелось.

Фабрики развили матеріальное благосостояніе Егорьевска очень скоро. Но не имъ же однѣмъ принадлежитъ эта заслуга. Тутъ много участвовалъ или лучше сказать направилъ вліяніе фабрикъ хорошимъ путемъ—мѣстный городской голова Хрисанфъ Гавриловичъ Кулаковъ *. Человѣкъ разумный, честный, истинно любившій своихъ сограждамъ (онъ умеръ уже давно, потому я смѣло могу говорить о немъ), онъ старался энергически чтобы фабрики приносили дѣйствительную пользу городу: такъ онъ не допустилъ, разумѣется, при вліятельномъ содѣйствіи тогдашняго рязанскаго губернатора П. С. Кожина, чтобы фабриканты помѣщали своихъ рабочихъ въ прескверно устроенныхъ при фабрикахъ казармахъ и продовольствовали ихъ отъ себя въ счетъ жалованья

---

* Замѣчательна судьба этого человѣка, происхожденіемъ не егорьевскаго горожанина, а кажется казеннаго крестьянина какой-то деревни прилегающей къ Егорьевку. Круглый сирота на 7 или 8 году возраста онъ снискивалъ себѣ пропитаніе сборомъ въ городѣ мірскихъ лодаяній, въ то время производившихся обыкновенно натурою, то-есть кусками хлѣба. Но безпомощное сиротство, крайняя бѣдность, уличная жизнь не ожесточили, не испортили мальчика. Онъ былъ постоянно скроменъ, тихъ, а особенною чертой выказывалась въ немъ чрезвычайная набожность, конечно, совершенно искренняя,—въ такомъ возрастѣ еще не умѣютъ притворяться. И вотъ замѣтилъ его старый купецъ Кулаковъ, суровый раскольникъ, слывшій человѣкомъ богатымъ, а притомъ весьма скупымъ, даже не добрымъ. Онъ взялъ къ себѣ тихаго, набожнаго мальчика; когда же пріемышъ этотъ подросъ и добрыя качества его: смышленость, дѣловитость и сознательная благодарность благодѣтелю, обозначились вполнѣ,—старикъ, по соглашенію со своею женой, усыновилъ его. Хрисанфъ Гавриловичъ еще при жизни своего благодѣтеля принялъ его прозвище, а когда тотъ умеръ, скоро присоединился къ православію, что̀ сдѣлалъ не по честолюбивымъ разчетамъ, а по несомнѣнному убѣжденію. Онъ долгое время, по послѣдовательнымъ выборамъ состоялъ въ Егорьевскѣ городскимъ головой, несмотря на всѣ интриги противъ него... Состояніе его было довольно ограниченное, и это зависѣло какъ отъ положительной добросовѣстности его въ веденіи коммерческихъ дѣлъ, такъ и отъ нѣкоторыхъ весьма тяжелыхъ семейныхъ обстоятельствъ.

Digitized by Google

всѣми припасами, ибо все это было въ ущербъ городскимъ домовладѣльцамъ и торговцамъ; такъ добился онъ послѣ долгихъ хлопотъ что и земля городская, опять потребовавшаяся фабрикантамъ для постройки новыхъ промышленныхъ заведеній, поступила въ аренду за цѣну дѣйствительно усилившую городскіе доходы и чрезъ то пооблегчившую горожанъ въ платежѣ разныхъ повинностей *; да и въ другихъ случаяхъ, уже меньше и только по слухамъ мнѣ извѣстныхъ, онъ не допускалъ эксплуатированія города фабриками. Мнѣ очень пріятно что довелось добромъ помянуть разумнаго и честнаго человѣка.

Ребенкомъ меня часто возили въ Егорьевскъ и даже по долгу я жилъ тамъ. Живо ламятны мнѣ всѣ тогдашнія характеристическія черты Егорьевска. Я какъ-то любилъ въ немъ и то что бывало отовсюду виденъ лѣсъ, напоминавшій столь любезный мнѣ Малиновскій боръ, и то что на улицахъ такъ просторно. Не лугали нисколько и суровыя, мрачныя физіономіи Егорьевцевъ, я привыкъ къ нимъ съ самаго

---

* Егорьевскіе фабриканты пріобрѣли подъ постройку своихъ фабрикъ первоначально шесть десятинъ городской земли за малую плату въ доходъ города (кажется по шести рублей за десятину). Городъ согласился на такую дешевую отдачу своей земли собственно потому что разчитывалъ на большія выгоды отъ фабрикъ для всѣхъ жителей. Но послѣдствія не оправдали этихъ разчетовъ. Поэтому, когда потомъ переговоры о новой отдачѣ земли, городъ назначилъ уже гораздо высшую арендную плату. Фабриканты очень разобидѣлись, заупрямились крѣпко въ согласіи на аренду, и за упрямство сильно потерпѣли. Надо сказать что фабриканты предполагали выстроить, по плану выписанному изъ Англіи, огромную льнопрядильню въ три этажа, причемъ для складочныхъ на ленъ магазиновъ приходилось построить особое зданіе; для послѣдняго-то и недоставало мѣста. Тогда рѣшились возвести льнопрядильню въ четыре этажа, съ назначеніемъ нижняго подъ складочные магазины. Но какъ всѣ размѣры льнопрядильни были разчитаны на планѣ съ математическою точностью, то стѣны опредѣленной для трехъэтажнаго зданія толщины не выдержали надстройки четвертаго этажа и рухнули. Убытокъ отъ этого былъ тѣмъ значительнѣе что и все дѣло пріостановилось на полтора года, а для него уже выписаны были машины цѣнностью, какъ я слышалъ, на 250 тысячъ. Къ счастью еще что во время разрушенія зданія не приключилось никакихъ бѣдствій съ многочисленными рабочими,— въ тотъ день, 14го сентября, былъ большой праздникъ.

Digitized by Google

малаго возраста. Но особенно я любилъ кладбище вокругъ церкви Никиты-мученика, оно очень хорошо было засажено деревьями, въ тѣни которыхъ росла высокая трава, и тамъ я находилъ много цвѣтовъ, простыхъ, но въ Егорьевскѣ вообще рѣдкихъ.

На моихъ глазахъ городъ сталъ оживляться, а съ устройствомъ фабрикъ—расти и богатѣть. Тогда я уже былъ взрослымъ человѣкомъ. Всѣ перемѣны въ положеніи столь знакомаго мнѣ городка не ускользали отъ моего наблюденія. Онѣ интересовали меня много, въ нихъ я находилъ постоянно основаніе для сравненій и выводовъ,—и тѣмъ легче находилъ что мнѣ нерѣдко помогали тутъ два человѣка, которыхъ я очень уважалъ.

Одинъ изъ нихъ егорьевскій предводитель дворянства, довольно крупный помѣщикъ и бывшій товарищъ моего отца по военной службѣ, Василій Васильевичъ Рославлевъ, подъ старость, вслѣдствіе семейныхъ обстоятельствъ, часто проживалъ въ Егорьевскѣ, и тутъ отъ скуки егорьевской жизни, а можетъ и желая заглушить въ себѣ кое-что, онъ, человѣкъ умный, просвѣщенный, старый, „гнулъ коробочки“, то-есть игралъ въ банкъ, все понтировалъ, почти всегда проигрывая, да изрѣдка разговаривалъ оригинально обсуживая многое. Другой былъ вышеупомянутый Х. Г. Кулаковъ.

Оба они были недовольны (хотя не въ одинаковой степени, не въ одинаковомъ смыслѣ) перемѣнами въ экономическомъ положеніи Егорьевска. Хорошо помню какъ смотрѣли они на эти перемѣны.

Хрисанфъ Гавриловичъ выражалъ свое недовольство просто, подходя прямо къ главнѣйшему предмету своихъ разсужденій—къ интересамъ города Егорьевска. Онъ находилъ что „набольшіе“ фабриканты ужъ черезчуръ богатѣютъ, изъ городскихъ же обывателей разживаются тѣ лишь лица которыя имѣютъ съ фабриками какія-либо „интересныя“ отношенія, впрочемъ отношенія нелегкія, ставящія этихъ лицъ въ полнѣйшую зависимость отъ набольшихъ фабрикантовъ. А между тѣмъ, самый городъ имѣетъ слишкомъ мало пользы отъ этихъ фабричныхъ заведеній, много стѣснившихъ его жизнь чрезъ дороговизну всѣхъ жизненныхъ припасовъ, чрезъ порчу наконецъ воды въ городѣ (дѣйствительно рѣка Гуслянка черезъ него протекающая загажена чрезвычайно Хлудовскими бумагопрядильнями). Затѣмъ, по

Digitized by Google

мнѣнію хлопотливаго городскаго головы, все это должно быть исправлено вмѣшательствомъ начальства, строжайшими съ его стороны запрещеніями фабрикантамъ стѣснять въ чемъ бы то ни было городъ. Тогда внесенныя въ городскую жизнь перемѣны—и это перемѣны слишкомъ шумное движеніе на улицахъ, и этотъ праздничный разгулъ фабричныхъ, тѣснота городскихъ построекъ отъ чрезмѣрно усилившагося населенія, наконецъ, и дороговизна, и порча воды, и неспокойство жизни,—все было бы уже не досадно, такъ какъ совмѣстилось бы съ развитіемъ общаго, довольно-*роднаго* благосостоянія всѣхъ горожанъ....

Но В. В. Рославлевъ думалъ о томъ же на иную стать: по его мнѣнію, не будетъ пользы если даже и весь городъ разбогатѣетъ отъ укоренившагося въ немъ фабричнаго труда, ибо съ укорененіемъ его произойдетъ существенный вредъ для всего мѣстнаго деревенскаго народонаселенія: во-первыхъ, оно нетолько не разбогатѣетъ, но очень обѣднѣетъ, по той причинѣ что слишкомъ освоится съ пустою дрянною роскошью; во-вторыхъ, нравственный его характеръ, отличавшійся особенною твердостью и воздержностью, совершенно ослабѣетъ, распустится; въ-третьихъ наконецъ, ослабѣютъ и его физическія силы для земледѣльческаго труда, столь необходимаго вездѣ въ Россіи, какъ главное жизненное занятіе народа,—труда, къ которому здѣсь надо же будетъ опять обратиться, какъ только фабрики, ложравъ все толпливо въ уѣздѣ, прекратятъ свое существованіе въ немъ. „И что толку, прибавлялъ онъ: что толку въ этихъ филатурахъ, вотъ хоть бы и потому что на нихъ вылрядается хлопокъ выписываемый изъ Англіи, или прямо изъ Америки? Да наконецъ чтобы могли фабрики приносить пользу общенародную даже тамъ гдѣ заведеніе ихъ необходимо, надо бы кажется устроивать ихъ вовсе не такъ какъ онѣ теперь устраиваются“.... Имѣлъ ли онъ какое-либо опредѣленное мнѣніе на счетъ *особаго* устройства фабрикъ, право не знаю, даже полунамеками онъ объ этомъ не высказывался....

Теперь я вижу что почтенный помѣщикъ былъ кое въ чемъ совершенно правъ, хотя хлопокъ для бумаголрядиленъ мы можемъ доставать уже не изъ Англіи и Америки. Вотъ напримѣръ, въ прошломъ году лѣтомъ, проѣхавъ на лошадяхъ верстъ пятьдесятъ по Егорьевскому уѣзду, я вездѣ видѣлъ уже малые кустар-

Digitized by Google

ники вмѣсто лѣсовъ и бѣдность почвы выказывалась тутъ какъ-то особенно рѣзко, гораздо рѣзче чѣмъ прежде. Съ другой стороны, меня поразило и то что во многихъ небольшихъ деревушкахъ, черезъ которыя я проѣзжалъ, поразвелись трактиры на манеръ городскихъ, съ вывѣсками, съ какими-то надписями, съ шумливымъ народомъ гуляющимъ въ нихъ,—трактиры, которымъ ни почему не подобало бы здѣсь быть, такъ какъ въ деревушкахъ этихъ нѣтъ ни базаровъ, ни ярмарокъ ни торговыхъ и промышленныхъ заведеній, а притомъ и обозы тутъ не проходятъ; значитъ трактиры, не замѣнившіе кабаковъ, которые остались сами-по-себѣ, а дополнившіе число увеселительныхъ мѣстъ, существуютъ только для мѣстнаго населенія. Такъ отразилось въ Егорьевскомъ уѣздѣ, на бытѣ простаго народа, живущаго въ малыхъ и повидимому весьма бѣдныхъ деревняхъ, широкое развитіе фабричнаго труда въ Егорьевскѣ, въ этомъ городѣ начинающемъ слыть русскимъ Манчестеромъ....

VII.

Отрадно всякому вспоминать свои родныя мѣста,—поэтому собственно и пишу о нихъ.

Да и какъ было не любить ихъ! Свѣтлая рѣчка быстро бѣгущая по бѣлолесчаному дну; зеленые луга далеко-широко раскинувшіеся; темный Малинскій боръ; двѣ бѣлокаменныя церкви, обѣ явственно отъ насъ видныя; вся наша деревушка хорошо обстроенная, съ длинными усадьбами, съ хмѣльниками на нихъ; въ виду лять деревень тоже хорошо выстроенныхъ: все это представляло простую, но истинно-стройную и прекрасную картину. Тутъ привольно, слокойно, хорошо было жить.

А время весенняго половодья, съ широкимъ разливомъ водъ, а время уборки луговъ, этой бодрой веселой нарядно-праздничной работы, о, какъ оживлялись тогда мои родныя мѣста!

Но не мрачны были эти мѣста и осенью, даже въ позднюю осень. Сквозь густые туманы, стоявшіе надъ нашею равниной въ продолженіе всего пасмурнаго утра, при частыхъ мелкихъ дождяхъ, что сѣютъ да сѣютъ бывало чуть не во весь день, ярко просвѣчивали вездѣ кругомъ насъ зелень озимыхъ полей, зелень близко лежащихъ луговъ, тускло-свѣт-

Digitized by Google

лыя полосы захолодавшихъ рѣчки и пруда, и всей окрестности придавали оживленный видъ. А на деревнѣ почти всегда въ то время веселье: деревенскіе парни женились, деревенскія дѣвушки выдавались на сторону, радостное движеніе всѣхъ этихъ свадьбъ близко доходило до нашей усадьбы. Да и зимой не скучно, а хорошо было: вотъ, напримѣръ, нашъ ближайшій сосѣдъ П. Я. Змѣевъ часто ѣздилъ на сосѣднія Дѣдовскія озера къ рыбакамъ и всегда бралъ меня съ собой: я очень любилъ эти поѣздки. А на святкахъ какъ бывало весело, но о томъ я разскажу можетъ-быть послѣ. Только метели разыгрывавшіяся обыкновенно съ конца января и во весь февраль, заносившія нашу на отлетѣ усадьбу огромными сугробами, омрачали зимнее наше житье, но и тогда предстояло для меня удовольствіе: послѣ каждой снѣжной бури, вокругъ разныхъ надворныхъ построекъ, вокругъ садовой изгороди, было столько горъ, холмовъ, переходовъ и перелазовъ и такъ завлекательно для меня было бродить тутъ по *насту*.

Когда же переселились мы на постоянное житье въ Рязань, съ какимъ нетерпѣніемъ спѣшилъ я въ Михѣево, хоть на самое короткое время! Но особенно усиливалось это нетерпѣніе какъ только я взбирался на Перевицкую гору *.

Съ Перевицкой горы, находящейся отъ Михѣева верстахъ въ двадцати пяти, оно не видно, за то уже хорошо видно сосѣднее намъ Дѣдново. По извилинамъ, крутизнамъ, промоинамъ горы трудно всегда спускаться, надо было ѣхать очень осторожно, стало-быть медленно, а меня такъ и тянуло, такъ и подмывало въ широкую луговую равнину, по которой приходилось пробираться въ наше имѣніе; даже и виды съ Перевицкой горы не соблазняли меня заглядѣться на нихъ и изъ-за того помедлить тутъ хоть съ полчаса.

А виды восхитительные, чудные.

Справа, Ока, сначала проходящая подъ крутымъ обрывомъ горы, а потомъ излучисто выбирающаяся на ширь луговой равнины, и на Окѣ множество барокъ; неподалеку отъ обрыва горы на другомъ берегу Оки, два большія рядомъ стоящія села: Верхній и Нижній Бѣлоомуты; дальше на томъ же бе-

* Маленькое селеніе Зарайскаго уѣзда, стоящее на мѣстѣ бывшаго города *Перевитеска*, который, по преданію, весь перевезенъ, во времена Петра I, въ городъ Свіяжскъ.

Digitized by Google

регу и такія же большія села, Ловцы, Любичи, Борки и наконецъ Дѣдово; прямо подъ горой у въѣзда на луга, рытвины, промоины, озерки отъ половодья, и промежъ нихъ бывало всегда цыганскіе таборы; съ лѣвой стороны, рядъ холмовъ, со многими небольшими деревнями.

На зеленомъ-зеленомъ фонѣ этой картины какъ хорошо обозначались бѣлокаменныя церкви, съ ихъ ярко-блещущими кулолами и крестами, и ново-выстроенные дома въ селахъ; затѣмъ ярко же блещущія полосы большой рѣки, по которой плывутъ-тянутся неуклюжія барки, и даже темныя колотащіяся въ рѣкѣ на отмеляхъ и по откосамъ бичевникомъ партіи коноводовъ; и даже грязно-сѣрыя рваныя лапатки цыганскія, съ вертящимися промежъ нихъ черноголовыми Цыганятами! И все это было облито свѣтомъ, мягко льющимся изъподъ легкаго тумана съ рѣки и луговъ, и все это такъ просторно, оживленно, такъ хорошо.

О! я помню эти прекрасныя картины, какъ помню и самое гнѣздо моихъ родныхъ мѣстъ. Онѣ отрадно успокоивали мнѣ душу видомъ своимъ, часто оживавшемъ въ моихъ воспоминаніяхъ. Такъ желается чтобъ ожили онѣ въ памяти моей и въ тѣ минуты когда буду разставаться съ тяжкою жизнью.

С. СЛАВУТИНСКІЙ.

Digitized by Google

ИСКУССТВО И РИТМЪ

ГРЕКИ И ВАГНЕРЪ

Если ощущаемое нашимъ чувствомъ движеніе таково что время занимаемое имъ распадается въ какомъ-нибудь опредѣленномъ примѣтномъ порядкѣ на болѣе мелкіе отдѣлы, то это называется ритмомъ. Это опредѣленіе ритма принадлежитъ Греку Аристоксену, и какъ оно ни безхитростно его слѣдуетъ предпочесть всѣмъ тѣмъ общимъ объясненіямъ понятія ритма которыя выставили современные музыкальные теоретики и эстетики.

Изъ ощущаемыхъ въ природѣ движеній мы не можемъ назвать ритмическими, напримѣръ движеніе вихря, шумящаго водопада, потому-что если при этихъ движеніяхъ и замѣтны извѣстные отдѣлы или пожалуй перерывы, то они не такого рода чтобы могли возбудить въ насъ ощущеніе порядка. Напротивъ, движеніе капели можетъ быть названо ритмическимъ, потому что занимаемое имъ время промежутками слѣдующихъ другъ за другомъ капель дѣлится на приблизительно равномѣрныя части. Также движеніе качающагося маятника, біеніе пульса будетъ по той же причинѣ ритмическимъ. Ритмъ является лишь въ томъ случаѣ если слѣдующіе другъ за другомъ предѣлы отдѣльныхъ промежутковъ времени не настолько отстоятъ другъ отъ друга чтобы мы только

Digitized by Google

помощью извѣстной рефлексіи могли сознавать взаимную связь ихъ. Время дня дѣлится звономъ башенныхъ часовъ на размѣренныя части одинаковой продолжительности; однако мы не можемъ непосредственно сознать равенство этихъ частей времени посредствомъ слуха, воспринимающаго отдѣльныя показанія часовъ. Еще менѣе мы можемъ назвать ритмическимъ распаденіе года на 365 дней и ночей, какъ бы оно ни было ощутительно для нашихъ чувствъ.

Чувства служащія для ощущенія существующаго въ природѣ ритма—повторяемъ то что говорятъ дальше древніе ритмики,—суть зрѣніе, слухъ и осязаніе. При посредствѣ осязанія мы воспринимаемъ равномѣрность біенія пульса, помощью слуха равномѣрность капели, посредствомъ зрѣнія и слуха одновременно—ритмическое движеніе маятника. Это тѣ же чувства чрезъ посредство которыхъ вообще ощущается движеніе, они же служатъ намъ посредниками при усвоеніи понятія порядка и закономѣрности и поэтому въ нашей современной физіологіи ихъ отличаютъ отъ другихъ, какъ чувства измѣрители.

При ритмическихъ движеніяхъ естественной жизни мы познаемъ равномѣрное, но нельзя сказать чтобы этимъ въ насъ было возбуждено чувство чего-нибудь пріятнаго. Такія движенія, если къ нимъ прислушиваться въ продолженіе долгаго промежутка времени, вскорѣ вызываютъ чувство однообразія, наводящаго на насъ скуку, тоску, такъ что мы чрезъ нѣкоторое время съ удовольствіемъ отвращаемъ отъ нихъ наши чувства. Конечно, равномѣрное въ этомъ случаѣ производитъ на насъ впечатлѣніе спокойствія, благодѣтельнаго при извѣстныхъ обстоятельствахъ, но это приблизительно то спокойствіе которое предшествуетъ сну; это не то спокойствіе, не та удовлетворенность, которыя совмѣстимы съ энергическимъ мышленіемъ и дѣятельностью. Ритмъ каковымъ онъ намъ представляется въ природѣ есть ритмъ самаго элементарнаго вида; онъ выказывается единственно въ отвлеченномъ единообразіи слѣдующихъ другъ за другомъ промежутковъ времени, не содержа въ себѣ раздѣленной на составныя части и богатой жизни. Ритмъ этой болѣе богатой формы появляется только въ искусствѣ.

По установленному греческими теоретиками и принимаемому и нами раздѣленію, искусства распадаются на два раз-

Digitized by Google

ряда. Искусства одного разряда слѣдуетъ назвать искусствами спокойствія и пространства, другаго—искусствами времени и движенія. Къ первымъ относятся архитектура, живопись и пластика или образовательное искусство въ болѣе тѣсномъ смыслѣ,—въ болѣе обширномъ мы обыкновенно всѣ три искусства называемъ образовательными. Ко второму разряду принадлежатъ: музыка, поэзія и еще третье искусство присущее болѣе древнему, чѣмъ современному міру: древніе называли это искусство орхестикой, у насъ же, насколько оно сохранилось, ему можно дать названіе балета. Какъ три раньше приведенныя искусства можно соединить подъ общимъ названіемъ образовательныхъ, такъ для трехъ послѣднихъ: музыки, поэзіи и орхестики (балета) можно употребить по примѣру древнихъ названіе музическихъ.

Тройственность отдѣльныхъ искусствъ въ обоихъ разрядахъ не случайна: она связана съ тройкою точкой зрѣнія которую можетъ занять человѣкъ въ качествѣ творящаго художника въ отношеніи ко внѣшнему міру. Внѣшній міръ — какъ природа такъ и соціальная и историческая жизнь, довольно богатъ прекраснымъ, но прекрасное въ немъ вездѣ перемѣшано съ некрасивымъ и часто послѣднее угрожаетъ осилить и заглушить его. Отсюда потребность выше стоящаго индивидуума создать собственною художественною дѣятельностью прекрасное, свободное отъ окружающей среды некрасиваго и какъ бы сосредоточенное въ себѣ и представить его прочимъ для наслажденія. Искусство можетъ при этомъ постулать такъ что оно при созданіи художественнаго произведенія сперва берется за прекрасное существующее въ природѣ. Въ такомъ случаѣ искусство бываетъ подражаніемъ естественному, но подражаніемъ облагораживающимъ, потому что въ природѣ моменты прекраснаго разбросаны, и эти-то разбросанные моменты должны быть соединены въ своеобразное твореніе. Ближайшая область отведенная этому подражательному искусству есть самъ человѣкъ, какъ наиболѣе благородный образъ творенія, причемъ возможно съ одной стороны художественное воспроизведеніе человѣка въ состояніи спокойствія, съ другой—идеализующее воспроизведеніе тѣлодвиженій человѣка. Первое—задача пластики или искусства образовательнаго въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, избирающаго для своей работы твердый матеріалъ, болѣе другихъ способный въ наибольшемъ совершенствѣ представить видъ

Digitized by Google

и форму человѣческаго тѣла и въ то же время обезпечивающій пластическому произведенію по возможности значительную долговѣчность въ виду разрушительнаго вліянія времени. Къ пластическому искусству непосредственно можно присоединить то художественное представленіе которое принято называть живыми картинами,—произведеніе за которымъ можетъ быть упрочено лишь самое непродолжительное существованіе и которое по художественному достоинству далеко уступаетъ пластическимъ произведеніямъ. О движеніи человѣческаго тѣла какъ произведенія пластическаго искусства такъ и живыя картины могутъ дать понятіе лишь такимъ образомъ что изъ фиксированнаго художникомъ положенія можно вывести заключеніе о предшествовавшемъ и послѣдующемъ по отношенію къ данному моменту. Для настоящаго воспроизведенія тѣлодвиженій человѣка недостаточно глины или матеріала преобразованнаго въ подобіе человѣческой фигуры; для этого необходимы движенія живаго человѣка. Онъ въ этомъ качествѣ составляетъ предметъ орхестики—искусства, полное развитіе котораго, какъ было сказано, принадлежитъ исключительно древнему міру, современный же балетъ есть лишь выродокъ этого искусства. Оба искусства, пластика и орхестика, какъ существенно подражательныя, задача которыхъ состоитъ въ идеализаціи существующаго, въ соединеніи въ одно цѣлое разъединенныхъ во внѣшнемъ мірѣ моментовъ прекраснаго, могутъ быть названы объективными искусствами, одно—объективнымъ искусствомъ спокойствія, другое—объективнымъ искусствомъ движенія.

Пластикѣ и орхестикѣ, какъ искусствамъ объективнымъ, соотвѣтствуютъ два чисто субъективныхъ искусства, изъ которыхъ одно также субъективное искусство спокойствія, а другое—субъективное искусство движенія. Первое—архитектура, второе—музыка. Одни только средства необходимыя для созданія художественнаго произведенія архитектоническаго или музыкальнаго даны природою,—тамъ употребляемый для архитектонической постройки вещественный матеріалъ, здѣсь тоны составляющіе въ послѣдовательномъ порядкѣ мелодію и вмѣстѣ гармонію,—все равно звуки ли это человѣческаго голоса или музыкальныхъ инструментовъ; потому что и въ послѣднемъ случаѣ они издаются на основаніи единственно физи́ческаго закона. То что̀ производится средствами этихъ искусствъ во внѣшнемъ мірѣ не имѣетъ

Digitized by Google

непосредственнаго образца; художникъ не идеализовалъ въ этомъ случаѣ, какъ въ пластикѣ и орхестикѣ, нѣчто уже существующее, а создаетъ художественное произведеніе цѣликомъ изъ врожденнаго эстетическаго чувства, изъ завѣтнѣйшей субъективности своей. Архитектоническое произведеніе не имѣетъ ни въ основныхъ элементахъ своихъ, ни въ орнаментикѣ, ни въ выступающемъ здѣсь на первый планъ симметрическомъ распредѣленіи никакой точки опоры въ томъ что̀ даетъ ему природа; хотя бы колонна съ канелюрами имѣла первую историческую точку опоры, какъ утверждаютъ, въ природномъ свойствѣ дерева, тѣмъ не менѣе архитектура въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ, начиная съ той самой минуты когда она дѣйствительно сдѣлалась искусствомъ, уже не имѣла болѣе ничего общаго съ природой, тогда какъ пластика чѣмъ больше развивается, тѣмъ болѣе возвращается къ природѣ. Сказанное о субъективномъ искусствѣ спокойствія, можетъ-быть, примѣняется и къ субъективному искусству движенія, музыкѣ: хотя человѣкъ, прежде чѣмъ создалъ самъ мелодію, внималъ пѣнію птицъ и замѣчалъ въ немъ послѣдовательность различныхъ звуковыхъ высотъ и большей или меньшей продолжительности отдѣльныхъ звуковъ, однако музыкальное искусство въ своемъ построеніи мелодій и въ гармонизаціи ничѣмъ не связано съ этимъ пѣніемъ птицъ, которое такъ далеко отъ настоящей музыки, что бываетъ даже довольно трудно обозначить его нотами. Въ самомъ дѣлѣ, музыка, также какъ и архитектура, чисто субъективное искусство.

Наконецъ, существуютъ еще два искусства, въ которыхъ объективная точка зрѣнія занимаемая пластикой и орхестикой, соединяется съ точкой зрѣнія субъективною архитектуры и музыки, гдѣ идеалистически - подражательное отношеніе ко внѣшнему міру и самостоятельное воспроизведеніе прекраснаго изъ собственной субъективности дѣйствуютъ заодно. Это происходитъ въ живописи и поэзіи, которыя поэтому можно назвать субъективно-объективными искусствами. Они относятся другъ къ другу какъ пластика къ орхестикѣ и какъ архитектура къ музыкѣ, потому что одно изъ нихъ, живопись,—субъективно-объективное искусство спокойствія, а поэзія—субъективно-объективное искусство движенія. Какъ въ живописи, такъ и въ поэзіи можетъ преобладать то субъективное, то объективное, но то и

Digitized by Google

другое всегда бываетъ только преобладающимъ моментомъ, никогда не достигающимъ исключительнаго господства какъ въ выше приведенныхъ искусствахъ.

Дошедшія до насъ отъ древнихъ свѣдѣнія о классификаціи искусствъ, подтверждающія только что сказанное нами о взаимномъ отношеніи отдѣльныхъ исскусствъ, имѣютъ въ виду главнымъ образомъ ловцдимому внѣшнюю разницу между образовательными и музическими искусствами, которая тѣмъ не менѣе находится въ тѣсной связи со внутреннимъ свойствомъ ихъ. По понятіямъ древнихъ, произведеніе образовательнаго искусства вслѣдствіе творческой дѣятельности художника вполнѣ достигаетъ реальности и, не нуждась въ дальнѣйшей дѣятельности, предоставляется на созерцаніе зрителю. Но въ виду произведенія музическаго искусства является двоякое требованіе. Помимо дѣятельности поэта, композитора, орхестическаго художника, который изобрѣтаетъ движенія, исполняемыя, говоря по нашему, въ балетѣ,— для того чтобы сдѣлать художественное произведеніе нагляднымъ, каждый разъ еще необходима дѣятельность исполняющаго или представляющаго артиста: въ музыкѣ—пѣвцовъ или инструменталистовъ, въ поэтическомъ произведеніи—декламатора или въ произведеніи драматическомъ—актера, въ балетѣ — танцовщиковъ. Эта разница между обоими искусствами сводится опять-таки къ главному ихъ свойству — къ тому что всѣ три образовательныя искусства суть искусства пространства и спокойствія, а музическія — искусства времени и движенія. Для осуществленія произведенія искусства послѣдняго рода необходимо чтобы къ творческому акту музыкальнаго или поэтическаго сочиненія, каждый разъ когда художественное произведеніе хотятъ сдѣлать доступнымъ воспріятію, присоединялась дѣятельность которою исполнялось бы движеніе. Намъ, современнымъ людямъ, эта особая дѣятельность художника-исполнителя, конечно, не можетъ казаться одинаково необходимою для всѣхъ трехъ музическихъ искусствъ. Мы безусловно признаемъ ее въ балетѣ и музыкѣ, но не въ поэзіи: стихотвореніе мы читаемъ и этимъ можемъ довольствоваться; драматическимъ произведеніемъ можно, говорятъ, вполнѣ наслаждаться не видя его на сценѣ. Тѣмъ не менѣе, поэзія, какъ и музыка, такое искусство которымъ можно наслаждаться только при посредствѣ слуха, а не зрѣнія. Слова въ поэзіи въ этомъ

Digitized by Google

отношеніи безусловно координированы со звуками. Мы, современные люди, вообще привыкли слышать слова безъ звука ихъ, узнавая ихъ по начертанію буквъ. Такое безмолвное чтеніе стиховъ можно сравнить съ тѣмъ какъ опытный музыкантъ знакомится съ данною композиціей путемъ чтенія нотъ и этимъ способомъ составляетъ себѣ столь же вѣрное сужденіе о художественномъ значеніи ея, какъ еслибы она предстала предъ его слухомъ воплощенная во внятные звуки. Единственная разница между тѣмъ и другимъ способомъ состоитъ собственно говоря только въ томъ что навыкъ въ чтеніи словъ гораздо распространеннѣе, нежели навыкъ въ чтеніи нотъ. Однако безмолвнымъ чтеніемъ словъ можно такъ же мало достигнуть полнаго наслажденія какъ и безмолвнымъ чтеніемъ нотъ: не только въ драматическомъ, но и въ лирическомъ и эпическомъ стихотвореніяхъ декламація художника-исполнителя для истиннаго постиженія красоты необходима. У древнихъ Грековъ декламаторъ для эпосовъ Гомера и даже положенныхъ на музыку лирическихъ стихотвореній былъ столько же необходимъ, сколько и актеръ для ихъ драмъ.

Насколько музыка, поэзія и орхестика по общему понятію о нихъ какъ объ искусствахъ движенія и по общей потребности ихъ въ художникѣ-исполнителѣ находятся въ близкомъ взаимномъ отношеніи, настолько онѣ и на практикѣ тѣсно соединены другъ съ другомъ. У древнихъ Грековъ эта связь существовала еще въ гораздо сильнѣйшей степени нежели въ современномъ мірѣ, но и у насъ въ операхъ всѣ три искусства: музыка, поэзія и балетъ, соединены другъ съ другомъ. Развѣ балетныя партіи въ операхъ Глинки не составляютъ ихъ интегрирующей составной части? И это, по всей вѣроятности, единственная форма въ которой, съ точки зрѣнія художественной, за балетомъ можно признать право существованія.

Не о прогрессѣ свидѣтельствуетъ то обстоятельство что балетъ отдѣлился отъ пѣнія и соединяется только съ инструментальною музыкой, большею частью незначительною. У Грековъ классической эпохи это было бы дѣломъ неслыханнымъ; въ древности это вырожденіе искусства главнымъ образомъ предоставлено было временамъ Римской имперіи. Но въ тѣ времена слова текста въ музыкальной драмѣ находились въ другомъ отношеніи къ музыкальной композиціи, чѣмъ у насъ: по художественному значенію своему они, по

Digitized by Google

меньшей мѣрѣ, были равны ей, между тѣмъ какъ у насъ они часто унижаются до второстепеннаго значенія, такъ что не малая часть посѣтителей театра едва находитъ нужнымъ заботиться о содержаніи и значеніи словъ текста, а большинство лѣнцовъ считаетъ лишнимъ трудомъ стараніе о внятномъ произношеніи словъ помимо тоновъ. Древне-греческій міръ классическихъ временъ зналъ драму только музыкальную, онъ не допускалъ еще, подобно нашему времени, на ряду съ оперой, особой рецитирующей игры безъ пѣнія. Предназначенныя для пѣнія музыкальныя композиціи встрѣчаются нынѣ почти только въ лирическихъ пѣсняхъ, и въ этой сферѣ соединеніе музыки съ поэзіей имѣетъ, дѣйствительно, несравненно высшее значеніе, нежели въ оперѣ.

Но если въ этомъ послѣднемъ родѣ искусства поэтическое достоинство текста лишь незначительно, то ритмическая форма оперная текста требуетъ полнѣйшаго вниманія, равно какъ и текстъ предназначенныхъ для переложенія на музыку лирическихъ стихотвореній; для нашего же изслѣдованія, касающагося только ритмической формы, художественное достоинство текста, лежащаго въ основаніи композиціи, будетъ безразлично.

Такъ какъ музическія искусства являются вмѣстѣ и одновременно, то изъ этого факта слѣдуетъ то, что сущность ритма для отдѣльныхъ музическихъ искусствъ должна быть одна и та же. Ритмъ здѣсь прежде всего состоитъ въ томъ, что время занимаемое музыкой, словами поэтической рѣчи или тѣлодвиженіями дѣлится именно тѣмъ чѣмъ оно занято на замѣтныя, опредѣленныя части. Въ музыкѣ эти отдѣлы должны выражаться звуками, въ поэзіи словами, въ орхестикѣ тѣлодвиженіями. Древній Грекъ Аристоксенъ обозначаетъ подвижной матеріалъ подлежащій каждому изъ трехъ музическихъ искусствъ: музыкальные звуки, слова поэзіи, движенія танцующихъ, техническимъ терминомъ своего изобрѣтенія rhythmizómenon, т.-е. подвижной матеріалъ допускающій ритмическую обработку.

Ритмъ есть нѣчто отнюдь не необходимое для rhythmizómenon, подвижнаго матеріала музическихъ искусствъ. Этотъ подвижной матеріалъ можетъ также быть не ритмическимъ (арритміею), даже лишеннымъ ритма, и при этомъ все-таки заявлять притязанія на названіе художественнаго произведенія. Прекрасное воспроизводимое въ музыкѣ или въ поэзіи

Digitized by Google

состоитъ въ послѣдовательности и въ совмѣстности звуковъ, оно состоитъ въ представляющемъ какой-либо ходъ идей словесномъ выраженіи: такіе звуки, такія слова, соединенныя въ предложенія, могутъ слѣдовать другъ за другомъ, хотя отдѣлы на которые разлагается занимаемое ими время не выказывали бы въ своемъ временномъ протяженіи опредѣленной закономѣрной формы и порядка. Развѣ не бываетъ поэтическихъ произведеній написанныхъ въ прозаической рѣчи? и развѣ они не могутъ также претендовать на названіе художественныхъ произведеній, какъ и ритмически-разчлененныя? Кто поставитъ *Эгмонта* Гёте, *Фіэско* Шиллера ниже другихъ драматическихъ произведеній написанныхъ не въ прозаической формѣ? То же самое замѣчаемъ и въ музыкѣ; почти каждая опера содержитъ въ себѣ извѣстное количество партій, хотя и раздѣленныхъ на такты, однако лишенныхъ ритмическаго разложенія на составныя части, именно такъ-называемые речитативы, и хотя они зачастую, не имѣя самостоятельнаго музыкальнаго значенія, играютъ лишь роль посредниковъ при переходѣ отъ одной сцены къ другой, тѣмъ не менѣе многіе речитативы нашихъ великихъ композиторовъ имѣютъ вполнѣ одинаковое значеніе съ аріями или хоровыми партіями написанными въ строго ритмической формѣ. Развѣ речитативъ № 2 въ *Донъ-Жуанѣ* уступаетъ въ художественномъ значеніи сценѣ № 1? Намѣреніе Вагнера, отказаться какъ можно болѣе отъ ритмическаго разчлененія оперы, въ принципѣ отнюдь не лишено основанія; музыка и тогда можетъ быть изящна, когда слушатель не находитъ въ ней правильнаго разчлененія времени. Но эти не ритмическія формы не входятъ въ задачу нашего изслѣдованія.

Если даже мы допустимъ, что поэзія и музыка могутъ обойтись безъ ритма, ритмическое разчлененіе есть ихъ древнѣйшая форма и притомъ, что касается музыки, господствующая не только въ большинствѣ композицій, но и въ первоклассныхъ музыкальныхъ произведеніяхъ. Человѣческому духу присуще не только чувство прекраснаго, но въ одинаковой степени и чувство отвлеченнаго порядка и равномѣрности, которые, хотя не тождественны съ прекраснымъ, однако соединяются съ нимъ къ выгодѣ послѣдняго. Ваятель въ своемъ произведеніи не можетъ отказаться отъ врожденнаго чувства равномѣрнаго распредѣленія, равно

Digitized by Google

какъ и музическій художникъ. Эти требованія приводятъ къ равномѣрному дѣленію пространства занимаемаго художественнымъ произведеніемъ; такое дѣленіе называется въ этомъ случаѣ симметріею. Едва ли возможно въ наши дни архитектоническое произведеніе въ которомъ не было бы обращено вниманіе на симметрію; у древнихъ же начало симметріи прилагалось и къ двумъ родственнымъ искусствамъ: скульптурѣ и живописи. Когда Фидій украшалъ фризъ Парѳенона въ аѳинскомъ Акрополѣ, онъ заботился о томъ чтобы не только на фасадѣ пространство занимаемое фигурами было равномѣрно раздѣлено ими на симметрическія группы, но чтобы и на двухъ продольныхъ сторонахъ которыхъ ни одинъ зритель одновременно не могъ окинуть взглядомъ, части пространства лѣвой стороны соотвѣтствовали содержаніемъ своимъ правой сторонѣ. Здѣсь симметріа чуть ли не преувеличена, однако греческій ваятель классической эпохи едва ли былъ въ состояніи иначе устроить свое художественное произведеніе. Гораздо болѣе чѣмъ въ искусствахъ образовательныхъ равномѣрность замѣтна въ искусствахъ музическихъ. Слухъ въ этомъ отношеніи болѣе тонкое чувство нежели зрѣніе, такъ какъ разграниченные ритмомъ промежутки въ музическихъ искусствахъ вслѣдствіе меньшаго размѣра своего точнѣе могутъ быть измѣрены, нежели болѣе значительныя части пространства въ симметрическихъ произведеніяхъ образовательныхъ искусствъ. Не нуждаясь въ употребленіи секундныхъ часовъ, мы можемъ помощью слуха чрезвычайно точно судить о размѣрѣ ритмическихъ отдѣловъ, между тѣмъ какъ въ симметріи пространства мы невооруженнымъ глазомъ лишь приблизительно можемъ опредѣлить данныя величины.

Какъ бы ни были изящны неритмическія музыкальныя произведенія, для слушателя композиція написанная въ строгомъ ритмѣ будетъ всегда наиболѣе понятною и потому привлекательною. Ритмическій инстинктъ, чувство порядка и соразмѣрности въ движеніи, не только присуще композитору, музыканту, такъ - называемому музыкально - образованному человѣку, но по всей вѣроятности безъ исключенія врождено всякому; оно можетъ долгое время какъ бы дремать въ немъ, но при слушаніи музыкальнаго произведенія которое онъ внимательно прослѣдитъ, оно въ немъ нети-

Digitized by Google

нуемо пробудится, хотя бы онъ и не сознавалъ этого. Для познанія ритмическихъ разчлененій слушателю нечего выводить ихъ изъ музыкальнаго произведенія: еще раньше, хотя и безсознательно, онъ владѣетъ всѣми ритмическими формами, которыя при слушаніи піесы какъ бы наполняются содержаніемъ, между тѣмъ какъ до тѣхъ поръ онѣ были для него не болѣе какъ отвлеченныя схемы. Если композиторъ употребляетъ строго ритмическое разчлененіе, то онъ этимъ предупреждаетъ чувство слушателя, потому что послѣдній уже обладаетъ какъ бы вмѣстилищемъ въ которое онъ и укладываетъ отдѣльныя бо́льшія или меньшія частицы музыкальной піесы; ритмическую музыку слушатель всегда легче поймете и удержитъ въ памяти, нежели неритмическую. Что Вагнеровская музыка сравнительно съ операми Моцарта, Вебера и др. въ такой незначительной степени сдѣлалась общимъ достояніемъ публики, что она никогда не будетъ популярна,—этотъ фактъ подтверждаетъ только что сказанное, и если какая партія Вагнеровской оперы удерживается слушателями, то это несомнѣнно такая въ которой Вагнеръ, измѣнивъ своему правилу, употребляетъ строго ритмическую періодизацію.

Распредѣленіе искусствъ, положенное въ основаніе предшествующаго разсужденія, принадлежитъ Грекамъ. Оно превосходитъ все сказанное объ этомъ предметѣ Гегелемъ и другими новѣйшими философами и эстетиками. Происходитъ оно изъ школы Аристотеля, но не отъ него самого, а вѣроятно отъ позднѣйшаго перипатетика, Лукія или Лукилія изъ Тарры, извѣстнаго больше сочиненіемъ о пословицахъ. Развитіе этой системы искусствъ не дошло до насъ. То немногое что мы знаемъ о ней случайно попало въ схоліи къ греческой грамматикѣ Діонисія Θракійскаго. Изъ нихъ я извлекъ этотъ отрывокъ и помѣстилъ его въ своей греческой метрикѣ. Это не что иное какъ раздѣленіе искусствъ на ἀποτελεστικαί и πρακτικαί, т.-е. образовательныя и музическія. Знакомый съ философіей Аристотеля догадается по самымъ названіямъ объ Аристотелевскомъ основаніи этого дѣленія.

Для того чтобы вывести полную и подробную теорію искусствъ по воззрѣніямъ Грековъ, необходимо соединить это распредѣленіе искусствъ съ тѣмъ взглядомъ который заключается въ философской системѣ Платона. Особенно важно

Digitized by Google

для теоріи искусствъ то что̀ сюда относится въ *Тимеѣ*. Платонъ устанавливаетъ здѣсь три начала. Первое вѣчно сущее, которое всегда *есть*, но никогда не *бываетъ* и никогда не *преходитъ*, постижимое только для λόγος, разума, а не для αἴσθησις, т.-е. чувственности. Платонъ разумѣетъ подъ этимъ отвлеченное содержаніе божественнаго мышленія, неизмѣннаго и вѣчнаго, безусловно даннаго и неопредѣлимаго разсудкомъ. Это божественный подлинникъ человѣческаго духа. Что касается содержанія вѣчнаго, безконечнаго, божественнаго духа, то по Платонову *Тимею* онъ математическаго характера, что̀ объясняется тѣмъ что мировой порядокъ основанъ преимущественно на опредѣленныхъ числовыхъ отношеніяхъ, какъ въ космическихъ образованіяхъ, которыми занимается астрономія, такъ и въ теллурическихъ формахъ, составляющихъ предметъ напримѣръ физики и химіи. Правильность и закономѣрность этихъ формъ предполагаетъ математическое мышленіе. Это, повидимому, особенно несомнѣнно для Платона относительно внутренняго порядка музыкальной скалы, который онъ поставляетъ въ непосредственную зависимость отъ божественнаго мышленія и выводитъ какъ результатъ математическихъ функцій (въ видѣ геометрическихъ, ариѳметическихъ и гармоническихъ пропорцій). На тѣхъ же числовыхъ акустическихъ отношеніяхъ, какъ предполагаетъ Платонъ, изначальный божественный духъ построилъ и космическій порядокъ міроваго зданія. Таковы изначальныя мысли безусловнаго божественнаго духа, подлинника духа человѣческаго.

Отъ Бога христіанства и мозаизма Платоновъ богъ отличается преимущественно тѣмъ, что первый не только образователь міра, но и творецъ міра и матеріи. О немъ говорится: „Богъ создалъ міръ изъ ничего“, по Платону же, матерія міра не сотворена: она такъ же вѣчна, какъ самъ божественный духъ, котораго дѣятельность ограничилась тѣмъ что онъ образовалъ ее по своему мышленію, и потому называется не богомъ, а деміургомъ (мастеромъ). Но слѣдуетъ помнить, что внутри матеріи, изначальной какъ и божественный духъ, первоначально нѣтъ различій: все замѣчаемое въ ней разнообразіе есть дѣло божественнаго духа.

Матерія, получая форму отъ божественнаго духа, дѣлается вслѣдствіе этого его отраженіемъ. Божественный духъ одинъ истинно существуетъ, никогда не бываетъ и никогда

Digitized by Google

не преходитъ, не подверженъ никакому измѣненію. Напротивъ матерія, получившая свою форму отъ божества, проникнутая его духомъ и ставшая его отраженіемъ, не пользуется истиннымъ прочнымъ бытіемъ: она не *есть*, но всегда *бываетъ* и всегда *преходитъ*. Платонъ старается объяснить это примѣромъ: міръ матеріальныхъ твореній подобенъ жидкому металлу въ горнилѣ, изъ котораго деміургъ постоянно образуетъ стереометрическія фигуры—трегранники, четырегранники, шары и т. д., и, образовавъ ихъ, снова бросаетъ въ горнило, чтобы извлечь оттуда другія фигуры.

Греческое воззрѣніе въ понятіи божества отводитъ первое мѣсто моменту любви и доброты. Правда, здѣсь божество является духомъ, но въ Платоновскомъ и вообще въ греческомъ міросозерцаніи духовность божества спеціализуется въ качествѣ мышленія. Однако не одно математическое мышленіе свойственно божеству, но и красота.

Такимъ образомъ мы возвращаемся къ искусствамъ, отъ которыхъ отправились. Въ божественномъ духѣ заключается идея красоты: здѣсь ея исконное пребываніе. Человѣческому духу, отраженію божественнаго подлинника, идея красоты также имманентна (присуща). Божество, слагая общую, внутреннюю безразличную матерію по опредѣленнымъ числовымъ отношеніямъ въ неорганическія и органическія образованія, кристаллы, растенія и животныя, руководится при этомъ и вѣчною идеей красоты, присущею его духу, и творитъ такимъ образомъ прекрасное въ природѣ. Но такъ какъ прекрасное въ природѣ, какъ матеріальное, принадлежитъ, по словамъ Платона, къ тѣмъ существамъ которыя собственно и на дѣлѣ не существуютъ, никогда истинно не *суть*, но лишь *бываютъ* и *преходятъ*, то въ природѣ никогда не можетъ явиться абсолютная идея красоты: въ томъ что̀ прекрасно здѣсь, черты прекраснаго единичны и разбросаны и никогда не представляются въ полнотѣ и цѣльности. Таковъ предѣлъ прекраснаго въ природѣ.

За этотъ предѣлъ переступаетъ прекрасное въ искусствѣ, т.-е. воплощеніе чувства красоты въ твореніяхъ музическихъ и образовательныхъ искусствъ. Здѣсь виновникомъ формы является не божественный духъ, первообразъ идеи красоты, а скорѣе духъ человѣческій въ качествѣ отраженія духа божественнаго, такъ какъ ему присуща абсолютная идея красоты, свойственная духу божественному. Отношеніе человѣка

Digitized by Google

художника къ произведенію искусства такое же какъ, по Платону, въ природѣ отношеніе вѣчнаго божественнаго образователя, деміурга, къ матеріи или массѣ (ἐκμαγεῖον). Какъ деміургъ находитъ массу въ которой онъ отпечатлѣваетъ свой духъ, какъ бы уже въ готовомъ видѣ (масса такъ же вѣчна, какъ и абсолютное божественное мышленіе), такъ и художнику масса для произведенія искусства уже дана: въ образовательныхъ искусствахъ твердый, неподвижный матеріалъ, въ музическихъ подвижной или, такъ-сказать, масса движенія. Сами по себѣ массы предлежащія художнику безóбразны; образуя изъ нихъ произведенія искусства, онъ даетъ имъ формы по присущей человѣческому духу идеѣ красоты, представляющей отраженіе заключающагося въ божествѣ подлинника абсолютной красоты.

Мы соединили Аристотельевскую систему изящныхъ искусствъ съ Платоновымъ ученіемъ объ идеяхъ, изложеннымъ въ *Тимеѣ*, воспользовавшись въ видѣ соединительнаго звена мыслью Шеллинга (объ отношеніи природы къ образовательнымъ искусствамъ). Мы усваиваемъ это воззрѣніе, не обинуясь. Оно во всякомъ случаѣ лучше того взгляда на взаимное отношеніе искусствъ который составилъ себѣ Рихардъ Вагнеръ на основаніи нигилистической философіи Шопенгауэра, взгляда, благодаря которому Вагнеръ дошелъ въ своемъ сочиненіи о Бетховенѣ до заключенія что ритмъ въ сущности не принадлежитъ къ числу элементовъ музыки. О воззрѣніяхъ Вагнера, какъ противоположныхъ греческимъ, намъ еще придется говорить ниже.

Въ чемъ состоитъ идея красоты, мы съ своей Платоновской точки зрѣнія опредѣлить не можемъ: эта идея принадлежитъ къ разряду безусловно даннаго, постижимаго, какъ самъ божественный духъ и отвлеченная матерія, только разумомъ (λόγος), а не чувствомъ (αἴσθησις) и потому разсудочно неопредѣлимаго. Но и тотъ кто не можетъ возвыситься до понятія сознающаго божественнаго духа, какъ необъяснимаго, можетъ усвоить себѣ слѣдствія Платоновой философіи: что въ строѣ космоса заключается нѣчто весьма похожее на логическую связь,—этого для цѣлаго ряда явленій не станетъ отрицать ни нигилистъ, ни послѣдователь Дарвина, и, поскольку онъ допускаетъ ее, онъ можетъ во всякомъ случаѣ понимать ее въ смыслѣ абсолютнаго божественнаго духа.

Сюда мы относимъ преимущественно то что̀ мы назвали присущею человѣческому духу идеей красоты. Особенно не-

Digitized by Google

обходимо такое предположеніе между изящными искусствами для музыки. Иначе какъ можно объяснить напримѣръ слѣдующее явленіе, бросающееся намъ въ глаза на русской почвѣ? Давно извѣстно что у древнихъ были тональности чуждыя нынѣшней западной музыкѣ,—дорійская, лидійская, фригійская. Но лишь въ послѣднее время, благодаря изслѣдованіямъ г. Мельгунова, оказалось что по крайней мѣрѣ одна греческая тональность, какъ разъ та которая пользовалась у Грековъ особеннымъ уваженіемъ, дорійская, въ томъ же самомъ видѣ встрѣчается въ пѣсняхъ русскихъ мужиковъ, такъ что при помощи русскихъ народныхъ пѣсенъ этого строя можно гармонизовать дошедшіе до насъ древне-греческіе напѣвы дорійской тональности, напримѣръ, гимнъ Месомеда Музѣ и Солнцу, тогда какъ всѣ попытки къ гармонизаціи ихъ при посредствѣ западной музыки не привели ни къ чему. Русская народная пѣсня не состоитъ ни въ какой исторической связи съ греческою музыкой,—ни чрезъ византійскую церковную, ни чрезъ какія-нибудь иныя звенья. Но связь по существу между древне-греческою музыкой и нынѣшнею народною русскою не подлежитъ никакому сомнѣнію. Еслибы Платонъ былъ еще живъ (а его философія безсмертна), онъ объяснилъ бы совладеніе греческой музыки съ русскою въ употребленіи дорійской тональности слѣдующимъ образомъ. Математическое мышленіе Деміурга построяетъ рядъ чиселъ изъ котораго въ акустикѣ возникаетъ дорійская скáла; человѣческій духъ, какъ отраженіе божественнаго, приходитъ съ своей стороны въ музическомъ искусствѣ къ скáлѣ основанной на этомъ ряду чиселъ, потому что она присуща человѣческому духу, какъ бы ни были удалены другъ отъ друга въ пространствѣ и времени народы представляющіе музическое искусство. Отысканіе математическаго ряда чиселъ воплощеніе котораго въ матеріальной массѣ есть дорійская гамма не входило въ задачу искусства ни у древнихъ Грековъ, которые не сознавали этого акустическаго ряда, ни у Русскаго народа. Это—дѣло науки, стоящей выше искусства.

Но допустимъ неправдоподобное предположеніе, что древняя дорійская тональность Грековъ все-таки зашла къ Русскимъ чрезъ посредство Византійцевъ и церковнаго пѣнія. За то другая родственная область несомнѣнно доказываетъ что чувство лежащее въ основѣ искусства присуще человѣческому духу, что какъ бы ни были отдѣльные народы отда-

Digitized by Google

лены другъ отъ друга пространствомъ и временемъ, это чувство, обнаруживающееся въ явленіяхъ самаго частнаго свойства, прирождено человѣку. Древне-греческая ритмика была, конечно, чужда Византійцамъ, а между тѣмъ ея формы, точно такъ же какъ и дорійская тональность, оказываются въ русской народной музыкѣ. И въ западной музыкѣ, именно у Баха, позже у Глука, Гайдна, Моцарта, Бетховена и у современныхъ композиторовъ, ритмика совпадаетъ съ греческою до мельчайшихъ подробностей. Однако не можетъ быть и рѣчи о томъ что наши музыканты усвоили себѣ форму греческаго ритма путемъ преданія или изученія, потому что ученіе Грековъ о ихъ музыкальномъ ритмѣ неизвѣстно музыкантамъ и въ наше время. Тѣмъ не менѣе между ритмикой Баха и ритмическою теоріей древне-греческаго музыканта Аристóксена существуетъ такое близкое и послѣдовательное сходство что Бахово *Wohltemperirtes Clavier* можетъ служить сборникомъ примѣровъ къ ритмической теоріи Аристóксена. Согласіе Баха съ Аристоксеномъ тѣмъ поразительнѣе что сочиненія Аристóксена не были ему доступны—не только потому что онъ не обладалъ достаточнымъ знаніемъ классическихъ языковъ, а изложеніе Аристóксена такъ трудно что для пониманія его необходима самая основательная филологическая подготовка; но во время Баха ритмика Аристóксена лежала еще подъ спудомъ въ библіотекахъ Рима и Венеціи: она была издана лишь въ послѣдствіи, и тогда Августъ Бёкъ первый до нѣкоторой степени раскрылъ ея смыслъ для филологической публики.

Греческіе теоретики, особенно Аристоксенъ, различаютъ въ своей музыкѣ двѣ стороны: напѣвъ или мелодію (μέλος) и ритмъ. Первый мы называемъ теперь обыкновенною тоническою стороной музыки, разумѣя подъ этимъ выраженіемъ тоны человѣческаго голоса и инструментовъ, составляющихъ мелодію и гармонію. Сохранилось не мало греческихъ сочиненій о напѣвѣ, но изъ нихъ не много можно извлечь для опредѣленія сущности греческаго напѣва. Общеизвѣстныя лучшія книги, напримѣръ, знаменитое сочиненіе Гельмгольца, все еще повторяютъ старое заблужденіе, будто въ греческой музыкѣ была извѣстна только мелодія, а то что мы называемъ гармоніей было ей чуждо. Даже тѣ которымъ было доступно ближайшее знакомство съ греческими источниками, напримѣръ знаменитый филологъ А. Бёкъ, думаетъ что у

Digitized by Google

Грековъ была кое-какая гармонія, но что тоны аккордовъ находились у нихъ въ квартѣ, квинтѣ и октавѣ. Если такъ, лучше было бы обходиться совсѣмъ безъ гармоніи. Въ своей греческой метрикѣ и въ изданіи одного сочиненія Плутарха я выяснилъ на основаніи древнихъ извѣстій что пѣніе Грековъ состояло, правда, въ унисонѣ, исполнявшемъ мелодію, но что инструментальное сопровожденіе превращало древнюю вокальную музыку въ полифоническую. Важнѣйшіе источники въ этомъ отношеніи—проблемы Аристотеля и отрывки музыкальныхъ сочиненій Аристоксена, особенно тѣ которые сохранились въ сочиненіи Плутарха о музыкѣ. При такомъ сопровожденіи инструментовъ музыка древнихъ отнюдь не ограничивалась такъ-называемыми симфоническими аккордовыми тонами въ квартѣ, квинтѣ и октавѣ: въ упомянутыхъ источникахъ прямо говорится о секундѣ, терціи, секстѣ и септимѣ. Но для того чтобы составить себѣ точное понятіе о греческой гармоніи, наши свѣдѣнія недостаточны. Правда, у насъ есть не только кое-какіе остатки древнихъ мелодій, но до насъ дошли и музыкальные примѣры представляющіе очевидно сопровожденіе къ греческимъ мелодіямъ. Но и ихъ мало для возсозданія греческаго пѣнія.

Что же касается ритма греческой музыки, то о немъ у насъ есть самыя точныя свѣдѣнія. Прежде всего мы узнаемъ его изъ греческой поэзіи. Составить себѣ по нашимъ новѣйшимъ стихотвореніямъ понятіе о сопровождающей ихъ вокальной музыкѣ невозможно, потому что наши композиторы, полагая на музыку лирическое или драматическое произведеніе, до такой степени отклоняются въ мелодіи и гармоніи отъ ритма стиховъ что въ большинствѣ случаевъ музыка даетъ не тотъ ритмъ которымъ написаны стихи. Греки, которые цѣнили текстъ гораздо выше нашего, постулали иначе. У нихъ не было разницы между музыкальнымъ текстомъ и поэзіей,—по крайней мѣрѣ въ лирикѣ и драмѣ; разницы не было и между рецитируемою драмой и оперой: лучшія произведенія драматической поэзіи служили въ то же время текстами музыкальной драмы. Но важнѣе всего соединеніе поэта и композитора въ одномъ лицѣ. Пиндаръ, Симонидъ, Эсхилъ, Софоклъ были не только великіе поэты, въ качествѣ каковыхъ они намъ болѣе извѣстны, но въ сочиненіяхъ о музыкѣ признаются вмѣстѣ съ тѣмъ и лучшими композиторами. Это были стихотворцы-композиторы: слово *поэтъ* означаетъ у

Digitized by Google

Грековъ не только стихотворца, но и композитора. Сочиняя свои стихи, они имѣли въ виду и напѣвъ на который они ихъ положатъ, и вѣроятно въ то же время сочиняли напѣвъ. Стихотвореніе и напѣвъ возникали вмѣстѣ посредствомъ одного творческаго акта; развѣ только инструментальную гармонизацію поэтъ придумывалъ по окончаніи стихотворенія, да еще можетъ-быть орхестическія движенія.

Такимъ образомъ лирическія и драматическія стихотворенія древнихъ не только заключаютъ въ себѣ поэтическіе тексты, но и точно показываютъ ритмъ связаннаго съ ними напѣва. Въ этомъ отношеніи нашему пониманію помогаютъ свѣдѣнія о ритмѣ древней музыки записанныя Аристоксеномъ, ученикомъ Аристотеля. Хотя Аристоксенъ говоритъ о ритмѣ вообще, не давая ритмическаго разбора какого-нибудь опредѣленнаго произведенія музыческаго искусства, тѣмъ не менѣе именно при помощи сохранившихся поэтическихъ произведеній мы получаемъ изъ сочиненія Аристоксена полное объясненіе отдѣльныхъ формъ греческаго ритма. Кто обратилъ вниманіе на высказанное выше замѣчаніе о тождествѣ ритма у Грековъ и у новѣйшихъ музыкантовъ тому понятно что дальнѣйшимъ подспорьемъ для пониманія Аристоксеновой ритмики можно считать инструментальную музыку Баха и послѣдующихъ композиторовъ.

Вообще во всемъ что̀ касается прекраснаго въ искусствѣ греческій міръ служитъ намъ мѣриломъ. Мы не станемъ утверждать что во всѣхъ искусствахъ они достигли высшаго, недосягаемаго совершенства; но въ большинствѣ искусствъ они были и остались понынѣ нашими наставниками. Таково несомнѣнно ихъ значеніе въ пластикѣ и по общему признанію въ архитектурѣ и поэзіи, хотя никому не придетъ въ голову ставить готическія церкви или Шекспировы драмы ниже греческихъ храмовъ и трагедій Эсхила или Софокла. Настоящія произведенія греческой живописи пропали; но даже въ остаткахъ принадлежащихъ на половину ремеслу, въ живописи вазъ, очертанія истинно неподражаемы. Никакого представленія мы не можемъ себѣ составить о греческой орхестикѣ, такъ какъ это искусство можетъ проявляться только въ средѣ живаго человѣка. И о музыкѣ Грековъ, самомъ цѣнимомъ и любимомъ у нихъ искусствѣ, съ той стороны которую они называли μέλος, мы знаемъ очень мало, едва ли не меньше чѣмъ объ ихъ живописи. Но другую сторону грече-

Digitized by Google

ской музыки, ритмику, мы можемъ изслѣдовать чуть не до послѣднихъ мелочей. Если задача новаго міра въ области искусства состоитъ въ томъ чтобы свое соединить по возможности съ греческимъ, если лору высочайшаго процвѣтанія нашей новой поэзіи мы справедливо считаемъ съ того времени когда удалось достичь сліянія новаго духа съ греческимъ, если вообще задача нашего искусства въ томъ чтобы какъ можно болѣе огречиться, то эта задача можетъ быть разрѣшена и въ музыкальной практикѣ со стороны ритма. Пусть въ отношеніи мелодіи наша музыка настолько же опередила греческую, насколько христіанская архитектура архитектуру Грековъ, пусть о могучемъ дѣйствіи нашей гармоніи греческая древность имѣла также мало понятія, какъ о подавляющей архитектурѣ готическаго стиля; если въ этихъ искусствахъ всякій шагъ назадъ къ искусству Грековъ будетъ настоящимъ полетнымъ шагомъ, во всякомъ случаѣ нашей практической музыкѣ предстоитъ слѣдующая задача: съ мелодіей христіанской, новѣйшей музыки, далеко ушедшею впередъ отъ греческой мелодіи, соединить ритмы греческой музыки. Со стороны композитора для этого не требуется ничего новаго: нашимъ композиторамъ, какъ сказано выше, присуще то же ритмическое чувство что и древнимъ. Разница въ томъ, что новѣйшіе музыкальные сочинители, не исключая и Баха, едва ли такъ отчетливо сознавали употребляемую ими ритмическую форму какъ греческіе художники свою. Что же касается нашихъ музыкальныхъ теоретиковъ, то ихъ вниманіе было такъ поглощено изученіемъ свойственной нашей музыкѣ мелодіи съ ея величественною гармоніей что они касались ритмики только мимоходомъ. Человѣка подобнаго Аристоксену, съ его необыкновенною наблюдательностью, остроуміемъ и всесторонним образованіемъ вынесеннымъ изъ непосредственной школы Аристотеля, между нашими новѣйшими музыкальными теоретиками нѣтъ. Но изъ того что Аристоксенъ передалъ о ритмикѣ своихъ земляковъ мы можемъ извлечь пользу для новѣйшей музыки. Вѣдь всѣ ритмическія нормы о которыхъ онъ говоритъ, хоть и не были сознаны новѣйшими композиторами, тѣмъ не менѣе вслѣдствіе ихъ сродства съ греческими художниками ритма, руководили первыхъ въ ихъ творчествѣ до мельчайшихъ частностей.

Несомнѣнно, что новооткрытый міръ гармоніи, во всякомъ

Digitized by Google

случаѣ чуждой Грекамъ и по ихъ понятіямъ имѣющей второстепенное значеніе, привлекалъ къ себѣ вниманіе нашихъ композиторовъ гораздо болѣе чѣмъ ритмическая форма; но безспорно и то, что ритмическая форма у послѣднихъ не пропала и стоитъ на той же высотѣ какъ у Грековъ. Относительно той музыки которую намъ приходится слышать, необходимо отдѣлить въ ритмическомъ отношеніи инструментальную музыку отъ вокальной. Вокальная исполняется всегда ритмически. Причина тому—слова текста. Поэтъ сочиняетъ ихъ по ритмическимъ отдѣламъ, которые рѣзко выдѣляются вслѣдствіе нынѣ употребительной рифмы и составляютъ основаніе всякаго стихосложенія. Такимъ образомъ поэтъ содѣйствуетъ ритмическому чувству композитора, который и разчленяетъ по этимъ отдѣламъ ритмъ своей мелодіи. Исполнителю стихи безпрестанно напоминаютъ о ритмическихъ отдѣлахъ піесы: онъ можетъ исполнять вокальную музыку только строго ритмически, хотя при исполненіи не всегда отдаетъ себѣ отчетъ въ этомъ ритмическомъ разчлененіи. Едва ли кому приходилось слышать новѣйшую вокальную музыку съ новѣйшимъ поэтическимъ текстомъ въ неритмическомъ исполненіи. Если даже композиторъ пользуется для своей вокальной музыки прозаическимъ текстомъ, напримѣръ изъ Библіи, онъ все-таки сопоставляетъ его слова такимъ образомъ что выходитъ ритмическое разчленение по аналогіи поэтическаго текста. Тѣхъ рѣдкихъ случаевъ въ которыхъ вокальная музыка не представляетъ строгаго ритмическаго разчленения, какъ въ речитативѣ или въ томъ что называется безконечною музыкой, мы можемъ здѣсь не касаться.

Въ иномъ положеніи находится наша инструментальная музыка. Здѣсь композиторъ не связанъ поэтическимъ текстомъ который предписывалъ бы ему опредѣленное ритмическое разчленение, но ритмическое чувство развито въ немъ по крайней мѣрѣ такъ же какъ въ новѣйшемъ стихотворцѣ; даже можно сказать положительно, что вращаясь въ области тоновъ онъ можетъ давать волю своему прирожденному ритмическому чувству въ гораздо большей степени и съ бо́льшимъ разнообразіемъ, чѣмъ новѣйшій стихотворецъ. За то наша инструментальная музыка по обилію формъ стоитъ еще ближе къ греческому искусству, чѣмъ вокальная. Но для исполнителя въ инструментальной музыкѣ не существуютъ

Digitized by Google

тѣ, такъ-сказать, оковы которыя въ вокальной заставляютъ его соблюдать ритмическое разчлененіе и давать его чувствовать слушателю. Сверхъ того, какъ было замѣчено выше, сочинитель инструментальныхъ піесъ вслѣдствіе присущаго ему ритмическаго чувства даже безъ словъ текста не можетъ сочинять иначе какъ по ритмическимъ отдѣламъ, но онъ менѣе сознаетъ это разчлененіе чѣмъ свою работу надъ мелодіей. Точно такъ же и исполнитель находитъ почти полное наслажденіе въ инструментальной мелодіи, особенно при тематическихъ и контрапунктическихъ развитіяхъ, даже въ томъ случаѣ, если не обращаетъ вниманія на ритмическое разчлененіе. Такъ одна и та же инструментальная піеса относительно ритмическаго разчлененія можетъ исполняться на нѣсколько ладовъ, изъ которыхъ каждый будетъ имѣть свои достоинства. Въ инструментальной музыкѣ обыкновенно принимаютъ конецъ ритмическаго отдѣла тамъ гдѣ находится тактовая черта, а не между частями такта, хотя въ вокальной музыкѣ лѣвецъ поступаетъ иначе, напримѣръ въ *Донъ-Жуанѣ*:

$^2/_4$ Schmähe, | tobe, lieber | Iunge, ja Zer|lina will mit | Freunden,

Кантата Баха *Ich hatte viel Bekümmernis*:

C. Bäche von gesalznen | Zähren, Fluthen rauschen wild um|her.

Волшебная Флейта:

$^2/_4$ In | diesen heilgen | Hallen kennt | man die Rache | nicht.

Въ инструментальной музыкѣ композиторъ не обозначаетъ ритмическихъ отдѣловъ, какъ и въ вокальной; въ нотномъ письмѣ для нихъ даже нѣтъ условнаго знака. Но въ вокальной музыкѣ лѣвецъ узнаетъ изъ текста, гдѣ онъ долженъ соблюсти цезуру, а въ инструментальной нѣтъ для этого никакихъ внѣшнихъ указаній; потому и исполнители руководятся единственнымъ видимымъ знакомъ—тактовою чертой. Такова практика при исполненіи напримѣръ фортепіанныхъ сочиненій. Правда, иногда самъ композиторъ отмѣчаетъ ритмическія группы знакомъ legato, но уже Люси (Lussy) вѣрно замѣтилъ что при такомъ обозначеніи исполнитель путается, такъ какъ знакъ legato имѣетъ двойное значеніе. Прибавки позднѣйшихъ издателей къ первоначальной фразировкѣ

Digitized by Google

композитора почти никогда не имѣютъ рѣшающаго значенія для ритмическаго разчлененія, и уже въ самыя старыя изданія вкрались опечатки, которыя можно было бы исправить только при помощи подлинныхъ руколисей, а ихъ трудно добыть; да и онѣ могутъ быть полезны лишь въ томъ случаѣ если композиторъ въ своей руколисной фразировкѣ избѣгалъ неточностей, что бываетъ далеко не всегда.

Лучше обставлена ритмизація въ партитурахъ симфоній и т. п. Одно изъ главныхъ основаній ритмическаго разчлененія заключается въ повтореніи. Въ только что упомянутомъ родѣ инструментальной музыки части взаимно соотвѣтствующія въ повтореніи предоставляются почти всегда различнымъ инструментамъ. По этимъ-то повтореніямъ, съ перемѣнами или безъ перемѣнъ, можно найти ритмическіе предѣлы. Такимъ образомъ отдѣльный инструментальный голосъ знаетъ гдѣ начать новый ритмъ и гдѣ его кончить.

Вслѣдствіе этого инструментальная музыка, преимущественно симфонія, исполняется большею частью съ тою ритмизаціей которую разумѣлъ самъ композиторъ; что же касается другихъ родовъ инструментальной музыки, напримѣръ фортепіаннаго, то для открытія ихъ истиннаго ритма есть одно средство—ритмическій анализъ піесы, произведенный на разумныхъ основаніяхъ. Но для такого дѣйствія не достаточны тѣ отдѣлы нашихъ музыкальныхъ руководствъ гдѣ говорится о ритмѣ. Выше мы доказывали подробно что въ этомъ затрудненіи приходится прибѣгнуть къ ритмикѣ Грековъ. Въ инструментальныхъ сочиненіяхъ Баха, Гайдна, Моцарта, Бетховена нѣтъ ни одного предложенія ритмическая форма котораго не встрѣчалась бы и у Грековъ. Само собою разумѣется что эти ритмы можно исполнять по правиламъ греческаго искусства. Можно предсказать что при такомъ исполненіи инструментальная музыка выиграетъ въ опредѣленности своихъ ритмическихъ членовъ, выйдетъ пластичнѣе и такъ сказать рельефнѣе. Отъ привычнаго намъ исполненія инструментальной музыки ритмическая игра по правиламъ заимствованнымъ изъ классической Греціи будетъ замѣтно отличаться. Нѣкоторые первостепенные музыканты не только возстаютъ противъ энергической ритмизаціи, но и вообще признаютъ ритмъ чѣмъ-то постороннимъ музыкѣ. Такъ Рихардъ Вагнеръ, въ своемъ сочиненіи о Бетховенѣ, стр. 21, говоритъ о музыкѣ Палестрины: „Здѣсь ритмъ замѣтенъ толь-

Digitized by Google

ко еще по перемѣнѣ гармоническихъ аккордовыхъ ходовъ, а самого по себѣ въ смыслѣ симметрической послѣдовательности времени его совсѣмъ нѣтъ; поэтому здѣсь послѣдовательность времени еще такъ непосредственно связана съ безвременною и безпространственною сущностью гармоніи, что для пониманія такой музыки отнюдь нельзя обращаться за помощью къ законамъ времени. Единственная послѣдовательность времени въ такой піесѣ обнаруживается почти только въ нѣжнѣйшихъ измѣненіяхъ основнаго цвѣта, который представляетъ намъ разнообразнѣйшіе переходы при соблюденіи его родства въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова, такъ что въ этой смѣнѣ мы не замѣчаемъ рисунка линій. Но такъ какъ самый этотъ цвѣтъ является не въ пространствѣ, здѣсь получается почти столько же безвременный и безпространственный образъ, чисто духовное откровеніе, которое потому такъ невыразимо трогаетъ насъ, что оно вмѣстѣ съ тѣмъ яснѣе чѣмъ что-либо другое доводитъ до нашего сознанія внутреннее существо религіи безо всякихъ догматическихъ измышленій."

Такъ говоритъ Рихардъ Вагнеръ и въ другихъ мѣстахъ въ пользу безритменной музыки, безъ правильнаго повторенія ритмическихъ періодовъ. Онъ самъ сознается въ стремленіи къ сочиненію безритменной музыки, и точно, его музыкальныя драмы отличаются тѣмъ что въ нихъ часто нѣтъ заключеній основанныхъ на повтореніи, которыя сообщаютъ музыкѣ другихъ композиторовъ бо́льшую ясность. Это и есть безконечная музыка Вагнера, т.-е. лишенная ритмическихъ остановокъ и предѣловъ. Очевидно, что Вагнеръ имѣетъ въ виду постоянно безритменную, безконечную музыку: онъ считаетъ ее болѣе благородною, чѣмъ въ извѣстномъ смыслѣ оскверненную чувственностью ритмическую, конечную музыку. Но почти вездѣ у Вагнера видно что онъ не въ силахъ справиться съ своею задачей: въ его безконечной музыкѣ всегда выдаются превосходные отрывки конечной ритмической музыки, настоящіе образчики греческой ритмики, которые приводятъ на память восхищенному слушателю слова Фауста: „Слеза течетъ, къ землѣ я вновь привязанъ".

Можно было бы ожидать что Рихардъ Вагнеръ, при своемъ благоговѣніи предъ греческимъ искусствомъ, построитъ музыку будущаго инымъ способомъ. Правда, что соединеніе музыки съ поэзіей возвратило бы насъ ко греческому музиче-

Digitized by Google

скому искусству: музыка будущаго, соединяющая дѣятельность художника и композитора въ однѣхъ рукахъ, представляла бы до нѣкоторой степени возрожденіе греческой музыки. Благодаря этому соединенію она возстановила бы греческое искусство на первый разъ хоть внѣшнимъ образомъ, такъ какъ при такомъ положеніи дѣла нѣтъ еще той обязательной причины такого соединенія которая была у Грековъ. Эта обязательная причина тождества поэта и композитора у Грековъ совершенно ясна. Тамъ, по крайней мѣрѣ въ классическое время, оба искусства были неразрывно связаны—ритмомъ. Соединеніе музыки и поэзіи можетъ перейти въ живую дѣйствительность и внутреннюю необходимость лишь въ томъ случаѣ если эта древняя связь, ритмъ, возобновится и въ новѣйшей музыкѣ. Только тогда явится истинная музыка будущаго, дѣйствительное воскресеніе греческаго духа въ музическомъ искусствѣ новаго міра.

Но для этого прежде всего нужно чтобы ритмическая музыка Баха, Гайдна, Моцарта, Бетховена, содержащая въ себѣ по закону прирожденности художественнаго чувства точно тѣ же ритмическія формы какія развились впервые въ греческомъ искусствѣ,—чтобы эта ритмическая музыка была признана таковою при помощи греческихъ художниковъ и теоретиковъ и вслѣдъ за тѣмъ не только вообще и отвлеченно чувствовалась въ своей ритмической формѣ, но чтобъ инструментальная музыка, какъ и вокальная, исполнялась со строгимъ соблюденіемъ ритмическихъ отдѣловъ. Послушаемъ, что говоритъ о противоположности между напѣвомъ и ритмомъ въ музыкѣ чуткій музыкальный теоретикъ позднѣйшихъ императорскихъ временъ, Аристидъ Квинтиліанъ: „Ритмъ древніе называли мужскимъ началомъ музыки, напѣвъ женскимъ. Напѣвъ безъ ритма лишенъ энергіи и формы: онъ относится къ ритму какъ безформенная матерія къ духовной формѣ. Ритмъ есть то что даетъ матеріи образъ и приводитъ ее въ правильное движеніе; онъ есть дѣйствующее, въ противоположность къ напѣву,—тому что подлежитъ обдѣлкѣ“.

Мы вполнѣ раздѣляемъ этотъ взглядъ древняго теоретика. Что касается вокальной музыки, то мы, вообще говоря, удовлетворяемся ея нынѣшнимъ исполненіемъ: въ ней напѣвъ неизмѣнно подчиняется ритму, потому что, какъ было сказано выше, очевидныя ритмическія остановки текста застав-

Digitized by Google

лаютъ пѣвца соблюдать то же разчлененіе и въ напѣвѣ. Только у Палестрины и вообще въ полифонической музыкѣ этого рода изъ первыхъ временъ новѣйшаго періода нѣтъ единства между ритмическими отдѣлами напѣва и текста; Палестрина разчленялъ свою музыку на вполнѣ опредѣленные отдѣлы, но они находятся почти въ постоянномъ противорѣчіи съ разчлененіемъ латинскаго текста. Вокальную музыку Палестрины, по крайней мѣрѣ въ нынѣшнемъ ея исполненіи, строго держащемся текста, Рихардъ Вагнеръ имѣетъ полное право называть безритменною.

Но вокальная музыка великихъ художниковъ послѣ Палестрины, за исключеніемъ развѣ латинскихъ обѣденъ Баха и подобныхъ имъ сочиненій, есть музыка ритмическая въ самомъ строгомъ смыслѣ этого выраженія. Такова же и ихъ инструментальная музыка.

Замѣчаніе Рихарда Вагнера о „невыразимой трогательности“ безритменной музыки Палестрины совершенно согласно со взглядомъ Грековъ, высказаннымъ у Аристида. „Невыразимая трогательность“ свойственна безритменному напѣву, у котораго, по греческому воззрѣнію, нѣтъ ни формы, ни энергіи. Въ опредѣленности и силѣ заключается сущность и дѣйствіе ритма. Чѣмъ ритмъ слышнѣе и крѣпче, тѣмъ опредѣленнѣе музыка. Хотя Рихардъ Вагнеръ считаетъ ритмъ чѣмъ-то первоначально постороннимъ музыкѣ, однако, какъ было только что замѣчено, многія части его музыкальныхъ драмъ обнаруживаютъ въ немъ умѣнье владѣть строго-ритмической формой по образцу Грековъ. Если симфоніи Бетховена исполняются теперь большею частью съ рѣзкою ритмизаціей, это явленіе слѣдуетъ приписать преимущественно вліянію Вагнера. Его дирижировку усвоили себѣ и прочіе капельмейстеры,—сначала, можетъ-быть, очень неохотно. Каждая страница его книжки о дирижировкѣ показываетъ что онъ основательно изучилъ законы ритма и, настаивая для себя на безритменности, требуетъ вѣрнаго оттѣненія пластической стороны въ ритмической музыкѣ Бетховена, Моцарта или Вебера.

Теперь такъ привыкли къ исполненію инструментальной музыки безъ ритмическихъ предѣловъ, всегда соблюдаемыхъ въ музыкѣ вокальной, что перенесеніе той ритмизаціи которая присвоена послѣдней на инструментальную музыку, т.-е. строго-ритмическое исполненіе ея, производитъ на мно-

Digitized by Google

гихъ непріятное впечатлѣніе. Именно потому что различеніе ритмическихъ отдѣловъ въ инструментальной музыкѣ у насъ не принято, кажется что ритмическое исполненіе ея мѣшаетъ равномѣрной, гладкой, плавной игрѣ—какъ будто равномѣрность, гладкость и плавность лѣнія нарушаются предѣлами періодовъ и строфъ! Правда, чрезмѣрныя остановки на ритмическихъ предѣлахъ въ хоралѣ мѣшаютъ плавности и вмѣстѣ ритму; но вѣдь такія ферматы на предѣлахъ членовъ (κῶλα), какія дѣлаются въ протестантскомъ хоралѣ вслѣдствіе растянутаго лѣнія неискусныхъ прихожанъ, неимѣютъ въ себѣ ничего греческаго. Ритмическая музыка въ греческомъ смыслѣ должна не отрывать ритмическіе члены одинъ отъ другаго, а связывать ихъ въ одно цѣлое. Въ большинствѣ случаевъ для того чтобъ отдѣлить члены въ инструментальной музыкѣ и дать ихъ почувствовать слушателю, довольно перенести на нее начало давно усвоенное музыкой вокальною и состоящее въ томъ что два члена отдѣляются другъ отъ друга цезурой (сѣченіемъ), которая нарушаетъ непрерывную послѣдовательность раслѣваемыхъ слоговъ остановками для передышки, а что напротивъ отдѣльный членъ исполняется съ legato, которое можно прервать лишь при совершенно особенныхъ условіяхъ. Такъ и въ инструментальной музыкѣ для показанія предѣла каждаго члена большею частью достаточно остановки и перерыва legato. Въ особенныхъ случаяхъ для того чтобы яснѣе обозначить перерывъ legato надобно прибѣгать къ тому пріему который Греки называли ирраціональнымъ протяженіемъ. Это протяженіе составляетъ прямую противоположность съ ферматами протестантскихъ хораловъ; вмѣсто неумѣренныхъ протяженій или кpузъ между членами, допускаемыхъ хораломъ, Аристоксенъ требуетъ довольно ясной и опредѣленной мѣры, и притомъ такой которая не уничтожала бы разницы между дактилическою и трохаическою столой, именно только $^1/_8$ дактилической столы. Ирраціональное протяженіе по греческой нормѣ равняется приблизительно той передышкѣ которую позволяетъ себѣ лѣвецъ-солистъ въ концѣ стиха. Но, какъ было замѣчено, инструментальная музыка должна прибѣгать къ ирраціональному протяженію въ концѣ члена только при особенныхъ обстоятельствахъ; употребленіе этого средства слѣдуетъ предоставить, какъ и въ лѣніи солиста, чувству и вкусу исполнителя. Въ большинствѣ же случаевъ достаточно перерыва legato.

Digitized by Google

Еще яснѣе для слушателя соединеніе членовъ въ періодъ изъ 1, 2 или болѣе членовъ. Вслѣдствіе соединенія въ періоды члены вступаютъ въ опредѣленное соотношеніе, выражающееся въ crescendo и diminuendo. Въ этомъ заключается тайна опредѣленной, крѣпкой, энергической ритмизаціи. Кто наслаждался только безритменною мелодіей инструментальнаго сочиненія, тотъ въ концѣ концовъ наслаждался однимъ гармоническимъ его элементомъ; онъ не постигъ даже соединенія тоновъ въ мелодію. Исключеніе составляютъ только тѣ случаи въ которыхъ мелодія напоминаетъ своимъ ритмомъ пляску или маршъ. Пожалуй, можно довольствоваться тѣмъ наслажденіемъ которое доставляетъ одинъ гармоническій элементъ, но Греки были требовательнѣе. Они видѣли въ этомъ наслажденіе чувственною матеріей и противопоставляли ему наслажденіе тональностью облагороженною и одухотворенною посредствомъ ритма. Они утверждали что палѣвъ самъ по себѣ есть матерія, что только ритмъ вноситъ въ массу тоновъ духовную опредѣленность, духовную энергію, духовную жизнь. Пусть наша христіанская новая музыка превосходитъ античную совершенствомъ гармоніи; но при отсутствіи ритма этотъ богатый гармоническій матеріалъ, по воззрѣнію древнихъ, только гармоническій матеріалъ, лишенный живительнаго духа мелодіи. Хотя бы такая безритменная болтовня въ богатыхъ гармонически тональныхъ массахъ и отличалась невыразимою трогательностью, но впечатлѣнія опредѣленной, энергической, мелодически разчлененной музыки мы никогда не получимъ безъ рѣзкой ритмизаціи, кромѣ развѣ новѣйшей вокальной музыки, въ которой мы, благодаря тексту, не можемъ уклониться отъ раздѣленія по столамъ, членамъ (полустишіямъ) и періодамъ (стихамъ). Извлекать такое же цѣльное и полное наслажденіе изъ инструментальной музыки мы должны учиться у Грековъ.

Р. ВЕСТФАЛЬ.

Digitized by Google

ВЪ МАЛЕНЬКОМЪ ГЕРЦОГСТВѢ

И ВЪ ИМПЕРІИ

РАЗКАЗЪ ЭРНЕСТА ВИХЕРТА

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

— Море гладко какъ зеркало, сказалъ мнѣ директоръ музыки, когда я стоялъ возлѣ него на тепломъ песчаномъ берегу.— Но это явленіе какъ будто неестественно, продолжалъ онъ.— Вамъ покажется что я говорю парадоксъ и между тѣмъ это истина, по крайней мѣрѣ для насъ, бѣдныхъ людей безпрестанно воспроизводящихъ въ своемъ воображеніи природу такъ или иначе. Море всегда представляется намъ полнымъ движенія и мы не можемъ представить его себѣ спокойнымъ какъ прудъ; точно также какъ не можемъ вообразить прудъ съ пѣнистыми волнами разбивающимися о берегъ. Въ обоихъ случаяхъ впечатлѣніе выходитъ изъ обычнаго порядка вещей. Какъ-то жалко могучаго моря, когда оно невозмутимо спокойно, прудъ же который пѣнится и бурлитъ—смѣшенъ. Такъ ли?

— А между тѣмъ, оба явленія зависятъ собственно не отъ моря и пруда, а отъ воздуха, который на нихъ дѣйствуетъ, отвѣчалъ я.—Мы не обращаемъ вниманія на причины, смотримъ только на послѣдствія и по нимъ выводимъ заключеніе.

Digitized by Google

— Разумѣется дѣйствуетъ воздухъ, возразилъ онъ.—Движеніе часто оказывается лишь призракомъ самостоятельной жизни. Еслибы мы знали причины, то и судили бы иначе. То же бываетъ и съ людьми. Нужно знать подъ дѣйствіемъ какихъ вліяній они выросли и постоянно живутъ, чтобы опредѣлить ихъ настоящія чувства. Повѣрите ли? глядя на такое спокойное море я всегда вспоминаю объ одномъ моемъ молодомъ другѣ, или вѣрнѣе сказать о ложиломъ господинѣ, съ гладкимъ лицомъ, въ высокомъ галстукѣ, который когда-то былъ моимъ другомъ. Это происходитъ можетъ-быть отъ того что мы часто вмѣстѣ купались, правда не въ морѣ, а въ мельничномъ пруду, у мельницы находившейся близъ роднаго нашего города. Намъ всегда казалось что вода чрезчуръ спокойна и мы волновали ее руками. Намъ очень хотѣлось покупаться когда-нибудь въ бурномъ морѣ, потому что внутри насъ многое шевелилось и бушевало и мы жаждали найти въ чемъ-нибудь отголосокъ нашему настроенію. Мнѣ было 18 лѣтъ и онъ былъ двумя годами старше. Я—начинающій музыкантъ. Онъ, но объ немъ нельзя разказать въ двухъ словахъ. Недавно я получилъ траурное объявленіе о смерти гехеймрата, кавалера разныхъ орденовъ и пр. и пр.; поэтому-то можетъ-быть я теперь такъ живо о немъ вспоминаю. Хотѣлось бы мнѣ разказать вамъ его исторію насколько я ее знаю. Въ ней именно чувствуется какъ бы давленіе воздуха сглаживающаго поверхность моря и волнующаго прудъ. Дѣлается грустно и въ то же время хочется смѣяться.

— Зачѣмъ откладывать? разкажите лучше теперь же что вспомнили.

Напомните мнѣ объ этомъ когда пойдемъ домой послѣ освѣжающаго купанья.

Когда мы медленно возвращались по полянѣ въ деревню, онъ разказалъ мнѣ слѣдующее.

—

Я познакомился съ нимъ на отмели пруда о которомъ вамъ говорилъ. Я отыскалъ этотъ прудъ высматривая хорошаго мѣста для купанья подъ открытымъ небомъ. Купальня на рѣкѣ, съ крошечными отдѣленіями для раздѣванья и съ выстланнымъ досками бассейномъ, обоимъ намъ не нравилась, но онъ кромѣ того не имѣлъ чѣмъ платить за входъ въ купальню. При первомъ свиданіи я увидѣлъ его раздѣтымъ

Digitized by Google

и любовался его высокою, стройною и вмѣстѣ могучею фигурой. Его длинные волосы съ проборомъ на высокомъ лбу были нѣсколько курчавы на затылкѣ. Я никогда не видывалъ такой объемистой груди, такихъ мускулистыхъ рукъ, и мнѣ, слабому, тощему, почти совѣстно было показаться возлѣ него. Но онъ говорилъ тихо, робко, казалось признавалъ меня за сына владѣльца земли и того мѣста на которомъ мы находились и извинялся въ своей смѣлости. Заблужденіе скоро объяснилось и мы очень пріятно вмѣстѣ купались. Онъ могъ далеко плавать, ложился на спину такъ что изъ воды выдавалось только лицо и онъ смотрѣлъ на голубое небо поддерживаясь на поверхности воды лишь однимъ легкимъ движеніемъ рукъ. Онъ увѣрялъ меня что находилъ величайшее наслажденіе погружаться всѣмъ тѣломъ въ воду, забывать все земное, окружающее его, и всѣми мыслями возноситься къ небу. Мнѣ это понравилось. Надо съ нимъ сблизиться, подумалъ я. Онъ вѣрно принадлежитъ къ какой-нибудь высшей сферѣ— поэтъ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Иначе какъ бы онъ могъ съ такою любовію всматриваться въ небо!

Но когда онъ началъ при мнѣ одѣваться, то я замѣтилъ что онъ не былъ надѣленъ земными благами. Рубашка его была сшита изъ грубаго полотна, панталоны были слишкомъ коротки, холстинный сюртучокъ не стягивался на груди и картузъ былъ съ заштопымъ козырькомъ. Въ одеждѣ этой онъ походилъ на странствующаго ремесленника, и я соображалъ не лучше ли оставить его идти домой одного чѣмъ показываться съ нимъ рядомъ. Но онъ самъ вывелъ меня изъ этого глупаго затрудненія сказавъ что погуляетъ еще часокъ въ лѣсу близь мельницы,

— Дома у меня нѣтъ мѣста гдѣ бы я могъ углубиться въ чтеніе, а теперь у меня въ карманѣ очень хорошая книжка.

Я точно видѣлъ что она торчала изъ боковаго кармана его сюртука.

Съ этихъ поръ мы почти ежедневно встрѣчались на томъ же мѣстѣ и скоро подружились. Я узналъ что онъ сынъ очень бѣднаго башмачника и что ему жилось очень тяжело. Отецъ его содержалъ большую семью и могъ давать ему только ночлегъ и уголъ у окна для письма и книгъ. Онъ былъ стипендіатомъ въ гимназіи по ходатайству добрыхъ людей. Можетъ-быть зародышъ необыкновенной любознательности былъ бы въ немъ рано заглушенъ, еслибы семейство его не постигло

Digitized by Google

какое-то большое несчастіе которое возбудило общественное участіе; ему помогли и, вмѣстѣ съ тѣмъ, позаботились дать смышленому мальчику возможность учиться въ школѣ даромъ, снабжали его книгами и кой-какими деньженками. Особенно покровительствовали ему высоколоставленныя дамы принадлежавшія къ благотворительному обществу. Онѣ убѣдили отца не отдавать мальчика въ обученіе ремеслу, но дозволить ему учиться, на что и доставили ему средства. Несмотря на это, стѣсненныя обстоятельства затрудняли его на каждомъ шагу. Но самое тяжелое, казалось, было уже преодолѣно, и его лылкое честолюбіе было ручательствомъ что онъ выйдетъ побѣдителемъ изъ борьбы со всякою невзгодой. Послѣ Пасхи онъ хотѣлъ выдержать экзаменъ и, какъ студентъ университета, быть въ состояніи самому поддержать себя.

У меня была одна небольшая комната и фортепіано на которомъ я усердно игралъ. По моей неотступной просьбѣ онъ часто бывалъ у меня, приносилъ съ собою книги и работалъ у меня на столѣ. Музыка доставляла ему большое удовольствіе. Оказалось что у него былъ очень звучный баритонъ. Онъ не умѣлъ лѣть по нотамъ, но я подлаживалъ акомпаниментъ подъ его голосъ и это его чрезвычайно забавляло. Когда мы сблизились еще болѣе, онъ признался мнѣ что тайкомъ пишетъ стихи. Поля его школьныхъ книгъ были исписаны стихами. Не мало насочинилъ онъ од ъ античнаго размѣра, но главнымъ его вдохновителемъ все-таки былъ Шиллеръ. Ему даже, иногда, удавалось держаться на высотахъ поэзіи которая звучитъ такъ полно! Мыслями же произведенія его были переполнены, хотя и не всѣ эти мысли принадлежали ему.

Какъ истый пролетарій онъ мечталъ о свободѣ, равенствѣ, братствѣ, но такъ какъ идеальный энтузіазмъ плохо мирился съ суровою дѣйствительностію, то онъ постоянно виталъ въ облакахъ. Все это случилось въ началѣ сороковаго года, когда герои революціи были еще весьма неопытны. Все должно было измѣнить, но *какъ*, объ этомъ не думали. Всякое принужденіе, всякое стѣсненіе казались ненавистными. Слово свободы было такъ упоительно! Не находили довольно восторженныхъ выраженій чтобы прославлять богиню этого слова.

Всѣ государи, разумѣется, были тираны, ихъ министры—рабы тирановъ. Солдаты—продажные наемщики. Богатые—

Digitized by Google

палачи, алчные кроволійцы. Полицейскіе чиновники—враги свободы. Мой молодой другъ, обыкновенно кроткій и сдержанный, когда садился на свой конекъ, дѣлалъ безумные прыжки, гнѣвно потрясалъ оружіемъ и не щадилъ ни лороха, ни пуль; когда же притомъ онъ читалъ, или говорилъ наизусть свои стихи, размахивая длинными руками и сверкая огненными глазами, тогда меня самого охватывало вдохновеніе, я бросался къ нему на грудь или судорожно хваталъ за руку, и мы оба клялись жить и умереть за свободу.

Теперь мы, сѣдовласые благоразумные люди, дошедшіе долгимъ, тяжелымъ опытомъ до убѣжденія что мы все-таки сидимъ на заднихъ ступеняхъ, теперь мы смѣемся надъ увлеченіями нашей юности, но тогда мы считали ихъ непреложными истинами, и я не стыжусь моей мечтательной горячности. Въ нѣкоторомъ отношеніи я до сихъ поръ остался такимъ же ребенкомъ какъ былъ тогда. Въ искусствѣ все кажется мнѣ не довольно возвышеннымъ и въ его области я не соображаюсь ни съ практическою возможностію ни съ удобствами. Геній, кажется мнѣ, долженъ головой пробить стѣну. Мнѣ тогда уже мерещилось смутное чаяніе великаго переворота въ музыкѣ. По цѣлымъ часамъ сидѣлъ я за фортепіанами и вмѣсто того чтобъ исполнять необходимыя для меня упражненія, располагалъ ноты въ новомъ воинственномъ порядкѣ, или бралъ рядъ революціонныхъ аккордовъ и пріучалъ ухо къ ихъ звуку. Тутъ лозунгомъ была та же свобода. Мнѣ представлялось что сочинители музыки, послѣдователи прежней системы, какъ бы засѣдали въ народномъ собраніи и голосовали свои рѣшенія. Конечно не я избавилъ музыку отъ прежней рутины, но я имѣлъ полное право восторженно привѣтствовать освободителя при его появленіи.

Впрочемъ я не объ этомъ хотѣлъ говорить, но желалъ высказать что сочувствовалъ моему пріятелю какъ только могъ онъ ожидать со стороны друга, что я цѣнилъ его стихи не головой, а сердцемъ и что сердце это до сихъ поръ воодушевлено стремленіемъ къ идеалу которымъ тогда было преисполнено: я до сихъ поръ понимаю мои восьмнадцать лѣтъ. Естественно что мной одолѣло непреодолимое желаніе звучные стихи моего друга сдѣлать еще звучнѣе при помощи музыки. Однажды вечеромъ онъ по моей просьбѣ оставилъ мнѣ связку стиховъ. Я сочинялъ цѣлую ночь и къ утру

Digitized by Google

былъ уже готовъ гимнъ свободы. У моего Іогана (такое имя далъ ему отецъ) полились слезы когда онъ услышалъ этотъ гимнъ. Прерывистые тоны не смутили его, съ ними совладалъ его голосъ, и онъ спѣлъ нашу общую пѣснь съ такимъ потрясающимъ выраженіемъ что стѣны затрещали, а хозяйка моя, нервная вдова, съ испугомъ отворила дверь и спросила не сошли ли мы съ ума.

Съ этихъ поръ онъ сочинялъ еще съ большею отвагой, а я клалъ на музыку все что̀ могъ. Мы строили планы будущаго, хотѣли слить въ одно нашу поэзію и музыку, издать отдѣльнымъ томомъ *Пѣсни свободы* и посвятить ихъ Нѣмецкому народу. Іоганъ замышлялъ сочинить драму *Андрей Гоферъ* въ шиллеровскомъ родѣ, но не для того чтобы поставить ее на одномъ изъ плохихъ нашихъ театровъ, а на новой сценѣ предназначенной для народныхъ представленій. Піеса была еще не готова, вѣроятно существовала только въ воображеніи; а я уже въ головѣ сочинялъ для нея хоры, съ громомъ трубъ и барабановъ. Самъ народъ долженъ былъ выступать на сцену и повсюду сопровождать героевъ свободы.

Желанія наши какъ будто переходили уже въ дѣло. Сколько счастливыхъ часовъ провели мы созидая эти планы! Въ нихъ все было возвышенно и потому приходилось мнѣ по душѣ.

Между тѣмъ у моего друга появилась новая тетрадь; долго въ тайнѣ скрываемая, она почти вся была наполнена не совсѣмъ не тѣми стихами которые воодушевляли насъ обоихъ. Дрожащимъ голосомъ прочелъ онъ мнѣ первое коротенькое стихотвореніе, въ которомъ проявлялись нѣжныя чувства, при этомъ онъ взялъ мою руку, крѣпко пожалъ ее и покраснѣлъ до ушей. Въ заключеніе сказалъ: „Эти стихи не похожи на другіе. Можетъ-быть глупо что я ихъ написалъ, я—бѣдный сынъ башмачника! Они предназначались только для меня одного, но ты какъ другъ мой... прошу тебя прослушай ихъ терпѣливо! это облегчитъ меня“.

Онъ прочелъ мнѣ еще нѣсколько стихотвореній. Не знаю были ли они хороши или дурны, но для меня имѣли то значеніе что въ нихъ высказывалась его сердечная исторія. Конечно тутъ ничего не было опредѣленнаго и осязательнаго. Это была любовь въ отдаленномъ будущемъ, меланхолическая, безъ малѣйшихъ признаковъ счастливаго самозабвенія.

Digitized by Google

Авторъ описывалъ себя какъ бѣднаго мальчика который отъ самой колыбели зналъ нужду и заботы; ему не далось ни одно изъ благъ земныхъ. Чужіе люди благодѣтельствовали ему какъ нищему которому подаютъ милостыню. Ему предстояло тяжелымъ трудомъ снискивать себѣ пропитаніе, а послѣ многихъ лѣтъ скорбнаго труда взять посохъ странника и, можетъ-быть, никогда не найти отечества гдѣ ему жилось бы спокойно. Поэтому-то молчаніе для него— святой долгъ. Онъ одинъ долженъ понимать что̀ волнуетъ его сердце. Она никогда не должна знать что она любима, она безыменная, неназываемая возлюбленная. Образъ ея представляется нѣсколько туманно. Она стоитъ на такой высотѣ что онъ едва осмѣливается созерцать ее. Онъ говорилъ съ ней дрожащимъ голосомъ и чувствовалъ небесное блаженство если она благосклонно отвѣчала ему. Она представлялась лучезарнымъ явленіемъ. Было бы дерзновеніемъ говорить о ея тѣлесной красотѣ. Онъ называлъ ее королевой, богиней, а иногда и *знатною дамой*, наименованіе не совсѣмъ поэтическое.

Я не могъ разобрать сколько въ этомъ было вымысла и сколько правды. Вѣрно было только то что нѣжныя чувства существовали, а къ кому они были обращены оставалось въ неизвѣстности. Многіе, принимавшіе участіе въ Іоганѣ, приглашали его по очереди къ себѣ обѣдать, для того чтобы предоставить ему даровые обѣды. Вѣроятно онъ влюбился въ дочь какого-нибудь семейства гдѣ онъ бывалъ, но не въ хозяйку дома, хотя и это было возможно. Во всякомъ случаѣ обожаніе это не было опасно избранницѣ его сердца. При его застѣнчивости и скромности онъ не могъ, даже взглядомъ, встревожить отца или супруга.

Кто она, какъ ее звали, гдѣ она жила, все это до меня не касалось. Но другъ мой сталъ для меня еще почтеннѣе, еще геніальнѣе съ тѣхъ поръ какъ я узналъ что онъ влюбленъ. Я самъ старался всячески по уши влюбиться, но мнѣ никогда не удавалось убѣдить себя въ томъ что сердце мое страдаетъ. Теперь у меня былъ другъ который любилъ *истинно* и переносилъ страданія, по моему мнѣнію они были необходимые спутники любви. Я гордился довѣріемъ моего друга и благодарилъ его безмолвно сжимая въ своихъ объятіяхъ, причемъ легко можетъ быть что на глазахъ моихъ навертывались слезы. Іоганъ не спалъ ночь и вослѣдъ въ

Digitized by Google

стихахъ тѣ слезы которыя его другъ проливалъ надъ его блаженною и вмѣстѣ плачевною участью. Я этому ловѣрилъ и воскликнулъ:

„Докажи мнѣ еще разъ великодушіе твоей дружбы, позволь переложить на музыку эту пѣснь любви! надѣюсь я не испорчу ее, потому что буду одушевленъ твоимъ чувствомъ.“ Онъ этого только и ждалъ. Я истощилъ всѣ мольные тоны чтобы передать меланхолическое настроеніе его стиховъ. Ему было пріятно что онъ жалостными звуками могъ воспѣвать свою любовь.

Онъ просилъ меня переписать ему всѣ мои сочиненія, хотѣлъ ихъ переплесть и сохранить на ламять. Нѣсколько времени спустя, онъ удивилъ меня вопросомъ, могу ли я переложить нѣкоторыя изъ его стихотвореній на два голоса: мужской и женскій?

— На что тебѣ это? спросилъ я.—Вѣдь ты не услышишь исполненія въ два голоса? Или ты болѣе уже не скрываешь своихъ пѣсенъ?

Онъ былъ нѣсколько смущенъ и сказалъ что это такъ пришло ему въ голову.

Я болѣе не приставалъ, притомъ же новое это предложеніе такъ заняло меня что я съ жаромъ за него принялся. Чрезъ нѣсколько дней я уже могъ передать ему нѣсколько написанныхъ дуэтовъ. Изъ любви къ нему я даже пѣлъ фистулой женскую партію и измучился. Онъ былъ очень счастливъ.

Это случилось не задолго до Рождества. Наканунѣ праздника я его не видѣлъ, и онъ сказалъ мнѣ что провелъ вечеръ въ одномъ достолочтенномъ семействѣ гдѣ постоянно обѣдалъ разъ въ недѣлю. Въ первый день праздника онъ явился ко мнѣ въ черномъ суконномъ платьѣ, которое ему подарили; оно было лоношено, но очень еще прилично; перемѣнили подкладку и нашили новыя пуговицы. Очевидно ему нравилось быть хорошо одѣтымъ, и точно—онъ никогда не былъ такъ красивъ какъ теперь, даже неловкость его была менѣе замѣтна.

— Однако правда, сказалъ онъ,—что одежда украшаетъ и измѣняетъ людей. Никакой идеализмъ не можетъ этого опровергнуть. Въ порядочномъ платьѣ чувствуешь себя совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Этотъ сюртукъ принадлежалъ какому-то тайному совѣтнику, съ нимъ какъ-будто и ко мнѣ перешло нѣчто изъ величаваго достоинства его перваго владѣльца; не

Digitized by Google

находишь ли ты этого? И онъ весело смѣялся. Для меня смѣхъ этотъ былъ знаменателенъ. Онъ даже нѣсколько озадачилъ меня.

Мы пошли вмѣстѣ гулять. Онъ замѣтилъ что теперь можетъ показаться со мной на улицѣ. Хотя было холодно, но я не могъ его убѣдить чтобъ онъ застегнулъ на груди свой старый плащъ. Тогда это не казалось мнѣ такъ смѣшно какъ теперь. Во время прогулки онъ вдругъ сталъ молчаливъ и задумчивъ какъ-будто что-то тяготило его и онъ жаждалъ облегчиться. Наконецъ взялъ мою руку и сказалъ: „Ты можешь, дорогой мой, сдѣлать мнѣ большое удовольствіе, хотя для тебя это будетъ, пожалуй, стѣснительно... Баронесса очень желаетъ съ тобой познакомиться, я такъ много о тебѣ говорилъ."

„Какая баронесса?" спросилъ я съ удивленіемъ. Онъ назвалъ фамилію принадлежавшую къ древнѣйшему роду, который участвовалъ въ самыхъ важныхъ событіяхъ отечества и красовался въ его исторіи.

— Какимъ образомъ ты съ ней познакомился?

— Дамы эти такъ добры, проговорилъ онъ запинаясь,—такъ обходительны, такъ сострадательны. Давно уже я каждый четвергъ у нихъ обѣдаю. Имъ почему-то показалось что я способенъ учиться, онѣ просили за меня своихъ знакомыхъ; по милости ихъ я получаю вспомоществованіе и приглашенія на обѣды въ разныя семейства. Вчера онѣ подарили мнѣ это прекрасное платье. Каждый годъ въ Рождество баронесса Валерія раздаетъ бѣднымъ дѣтямъ одежду жертвуемую по ея просьбѣ высокопоставленными ея друзьями. Она сама собираетъ по домамъ эту одежду, своими руками выводитъ пятна, чинитъ и приспособляетъ ее къ разному возрасту. На этотъ разъ она пріобрѣла подарокъ и для меня, взрослаго дитяти. Тайный совѣтникъ оказался щедрымъ. Но онъ дороденъ, и потребовалось много труда чтобы приладить сюртукъ на меня. Она сдѣлала это глазомѣромъ. Не взяла съ меня мѣрки, потому что хотѣла обрадовать меня неожиданнымъ подаркомъ. Портной не могъ бы передѣлать лучше; у нея золотыя руки

Вѣроятно я улыбнулся услышавъ эту странную похвалу, потому что онъ съ горячностію продолжалъ:

— Я такъ и думалъ что тебѣ трудно понять ихъ поступокъ. Богатому давать изъ своего излишка ничего не зна-

Digitized by Google

читъ. Но когда знатная дама выпрашиваетъ для бѣдныхъ и по любви къ ближнему цѣлыя ночи работаетъ чтобы...

Мнѣ удалось его успокоить, и онъ продолжалъ смягченнымъ тономъ:

— Ты не можешь себѣ представить какъ онѣ добры, какъ онѣ забываютъ о себѣ чтобы думать только о другихъ. Баронессѣ Ульрикѣ слѣдовало быть королевой чтобъ имѣть возможность исполнять всѣ благія влеченія своего сердца. Онѣ продали кольцо дорогое ей какъ память объ умершей пріятельницѣ ея дѣтства и на вырученныя деньги заказали тайкомъ моему отцу салоги для меня. Баронесса Юлія разказала мнѣ это подъ секретомъ.

Онъ покраснѣлъ когда произнесъ это имя. Я же старался принять серіозный видъ.

— Это все дочери баронессы? спросилъ я.

— У старой баронессы три дочери, отвѣчалъ онъ,—двѣ ужь почтенныхъ лѣтъ, а третья еще очень молода.

— Юлія.

— Да, баронесса Юлія. Послѣ двухъ были еще дѣти, да померли. Она родилась по смерти отца, который былъ военный. Она очень похожа на его портретъ, только черты лица гораздо нѣжнѣе. Баронесса-мать происхожденіемъ изъ графскаго разорившагося рода и была при дворѣ. У ея мужа, говорятъ, ничего не было кромѣ шпаги, онъ женился по любви, но къ несчастію умеръ вскорѣ по полученіи чина полковника оставивъ жену и дѣтей въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, т.-е. таковыми они казались знатнымъ людямъ. Я говорю со словъ баронессы. Мать и дочери тѣмъ болѣе заслуживаютъ похвалы что несмотря на ограниченныя средства онѣ такъ благотворительны. Баронесса Валерія завѣдуетъ школой для бѣдныхъ дѣтей и сама тамъ учитъ, разумѣется безплатно. Баронесса Ульрика состоитъ въ Обществѣ Попеченія о Больныхъ и проявляетъ самую благотворительную дѣятельность, часто исполняетъ обязанность сестры милосердія и неутомима въ пріисканіи средствъ для помощи страждущимъ.

Тутъ я вспомнилъ что именно по четвергамъ когда Іоганъ приходилъ ко мнѣ вечеромъ онъ бывалъ необыкновенно голоденъ. Я спрашивалъ его гдѣ онъ обѣдалъ, и онъ всегда отвѣчалъ мнѣ уклончиво. Теперь я все это сообразилъ, но ни слова не сказалъ.

Digitized by Google

— Баронесса Юлія, продолжалъ онъ,—прелестно рисуетъ акварелью и чудесно поетъ.

Это заинтересовало меня.

— А, такъ она поетъ!

— Мать акомпанируетъ ей. Она сама почти не играетъ. Жаль что она не можетъ заниматься искусствомъ сколько бы слѣдовало при ея дарованіи. Она превосходно вышиваетъ шелками.

— Для магазиновъ? опрометчиво спросилъ я.

Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня.

— Съ чего ты это взялъ? Она подноситъ свои работы принцессамъ во дни ихъ рожденія или отдаетъ разыгрывать въ лоттерею съ благотворительною цѣлью. Работы эти стоятъ художественныхъ произведеній.

Я увѣрилъ его что не хотѣлъ ничего сказать оскорбительнаго, прибавивъ что искусствомъ тоже можно добывать себѣ хлѣбъ.

— Но людямъ такого знатнаго рода!... возразилъ онъ, очевидно смущенный.

Я продолжалъ нашъ разговоръ.

— Ты сказалъ что баронесса....

— Госпожа баронесса изъявила желаніе съ тобой познакомиться. Я имѣлъ смѣлость прочесть этимъ дамамъ, которыя часто приглашаютъ меня къ чаю, нѣкоторыя изъ моихъ стихотвореній. При этомъ я разказалъ имъ что мой другъ переложилъ ихъ на музыку. Я случайно принесъ ихъ съ собой и спѣлъ.

— Неужели и лѣсни любви?

— Да, кое-что изъ нихъ. Баронесса Юлія оставила ихъ у себя и поетъ восхитительно.

Это польстило моему самолюбію.

— Итакъ наши произведенія были милостиво одобрены?

— О! какъ она поетъ! воскликнулъ онъ, и опять пожалъ мнѣ руку.—Ты бы не узналъ своего сочиненія. Признаюсь, она дала мнѣ мысль о духтахъ. Мнѣ бы самому не пришло въ голову. Мы уже пѣли вмѣстѣ. Выходитъ чудесно. Тебя приглашаютъ сегодня вечеромъ. Пойдемъ—и самъ услышишь.

Я не могъ устоять противъ соблазна. Въ 6 часовъ вечера, тогда не имѣли привычки собираться поздно, мы отправились. Іоганъ привелъ меня къ высокому, старинному дому, находившемуся на одной изъ узкихъ улицъ стараго города.

Digitized by Google

Надъ дверью у входа красовался огромный гербъ и подъ нимъ на дощечкѣ было начертано: *Фамильный капитулъ*. Мы поднялись по тремъ лѣствицамъ въ самый верхній этажъ. Позвонили у одной изъ четырехъ дверей. Надъ колокольчикомъ придѣлана была фарфоровая дощечка съ именемъ баронессы и двумя гербами въ яркихъ краскахъ.

Вышелъ человѣкъ сгорбленный, сѣдой какъ лунь, въ чулкахъ, башмакахъ и бумажныхъ перчаткахъ. Изъ кармана его длиннаго жилета висѣла металлическая цѣпочка съ краснымъ шарикомъ и двумя печатями на концѣ. Его ливрейный кафтанъ полинялаго свѣтлолиловаго бархата былъ обшитъ галуномъ почернѣвшимъ отъ времени. Не думаю чтобы костюмъ этотъ служилъ ливреей когда былъ новъ.Въ первой половинѣ истекшаго столѣтія онъ вѣроятно принадлежалъ сановнику, долго сохранялся потомъ какъ наслѣдственная рѣдкость и наконецъ низведенъ до теперешняго употребленія. Зоркіе мои глаза замѣтили даже на правой сторонѣ камзола слѣдъ пришитой когда-то звѣзды. Старикъ молча поклонился, съ торжественною важностью снялъ наши плащи и хотѣлъ доложить о насъ.

Мы вошли въ небольшую комнату съ двумя окнами, закрытыми занавѣсками. Противъ двери за круглымъ столомъ, на которомъ стояла лампа подъ шелковымъ зеленымъ колпакомъ, сидѣла дама, старая баронесса, на низенькомъ диванѣ, въ старомодномъ кружевномъ чепцѣ бросавшемся въ глаза. Одна изъ дочерей кончила читать и положила очки на книгу, вторая щипала корпію и не прекращая своей работы обратила къ намъ свое худощавое лицо и слегка наклонилась. Третья сидѣла на стулѣ съ высокою спинкой и нагнувшись вышивала. На ней одной было свѣтлое платье. Длинные темные локоны съ двухъ сторонъ падали на плечи. Она быстро повернула голову, пристально на меня посмотрѣла и улыбаясь поклонилась моему товарищу, который очень сконфузился и не зналъ что̀ ему со мной дѣлать.

— Представьте же намъ вашего друга, любезный Іоганъ, сказала старая баронесса, дѣлая знакъ рукою, на которой была надѣта черная шелковая филейная митена.

Бѣдный молодой человѣкъ неловко исполнилъ эту свѣтскую обязанность.

— Мой другъ... мой другъ Лудвигъ, бормоталъ онъ.—Вы изволили милостиво позволить...

Digitized by Google

— Да, да, подтвердила она.—Подойдите же ближе, молодой человѣкъ, и садитесь безъ церемоніи прошу васъ. Мои дочери: Валерія, Ульрика. Юлія, подвинься немного, дитя мое, ну такъ. Мы всѣ умѣстимся за столомъ. Вашъ стулъ, любезный Іоганъ, подъ портретомъ фельдмаршала.

Портретъ этотъ, въ черной рамкѣ, изображавшій военнаго во весь ростъ, такъ почернѣлъ что ясно выдавались только лицо, руки и красные обшлага. На стѣнахъ, по зеленому сукну, было развѣшано много портретовъ такой же величины и такой же черноты, взятыхъ, вѣроятно, изъ семейной галереи какого-нибудь замка; между ними находились меньшаго размѣра въ позолоченныхъ рамкахъ портреты напудренныхъ господъ и госпожъ; одна изъ нихъ, самая красивая, съ роскошными формами, висѣла за старомодною печкой, въ половину ею закрытая.

Были также изображенія пастелью и силуэты женщинъ съ высокими тулеями, а мужчинъ съ косами.

Стулъ на который указала баронесса, казалось, только одинъ годился по прочности для моего могучаго, полновѣснаго друга, по крайней мѣрѣ я напрасно искалъ другаго крѣпкаго. По обѣимъ сторонамъ комода, украшеннаго склеенными фарфоровыми фигурками, стояли два стула на тонкихъ ножкахъ, обитые полинялымъ штофомъ. Я рѣшительно ухватилъ одинъ изъ нихъ, но онъ такъ затрещалъ что я немедленно опустилъ его на мѣсто. На другомъ покоилась бѣлая кошка которую я не хотѣлъ тревожить. Немного далѣе у четырехугольнаго фортепіано стояла табуретка; идя за ней я замѣтилъ что на низенькой этажеркѣ между нотами лежали и мои тетрадки; когда я понесъ табуретку, одна изъ ея ножекъ вылала, но ее легко можно было вставить, и я сѣлъ на нее осторожно чтобы не уласть.

Сначала разговоръ ограничивался общими мѣстами, мы только отвѣчали на вопросы, и Іоганъ старался чтобъ я болѣе говорилъ. Одна баронесса Юлія, отрываясь отъ работы, порой оживляла бесѣду какимъ-нибудь веселымъ замѣчаніемъ. При этомъ она, говоря со мной, постоянно смотрѣла на Іогана, лицо котораго пылало. Обращаясь то къ той то къ другой изъ этихъ дамъ мнѣ не трудно было хорошенько ихъ разсмотрѣть. Валеріи было навѣрное лѣтъ подъ сорокъ, Ульрикѣ за тридцать; первая имѣла круглое, добродушное лицо а вторая продолговатое, грубое. Обѣ какъ и сама баронесса

Digitized by Google

были одѣты въ черныя шелковыя платья, очень старомодныя. На шеѣ у Валеріи былъ цвѣтной бантъ, приплиленный волосянымъ аграфомъ. Ульрика носила на оранжевой лентѣ эмалевый крестикъ съ вензелемъ обозначавшимъ, вѣроятно, девизъ какого-нибудь ордена. Сравнительно съ обѣими сестрами Юлія точно казалась поразительно молоденькою и хорошенькою; однако странно было слышать какъ баронесса ласково называла ее „мое дитя“ и говорила объ ней какъ объ ребенкѣ, хотя та была настолько взрослою что прошла уже пора считать ее малюткою. Мнѣ показалось что ей 21—22 года и что слѣдовательно она немного старше Іогана. Легко могло статься что полудѣтская прическа, вьющіеся локоны и свѣжій цвѣтъ лица вводили меня въ заблужденіе. Довольно полныя губы не плотно сжимались и видѣлись хорошенькіе зубы; глаза, не безъ лукаваго выраженія, порой казались задумчивыми. Иногда она тихо вздыхала безо всякой причины, или тонкими пальцами своей пухленькой ручки поводила по лбу, закладывая за ухо надвинувшіеся волосы. Она будто хотѣла щегольнуть своей ручкой и потому у самой лампы обрѣзывала нитку или вдѣвала нитку въ иглу. Іоганъ не спускалъ съ нея глазъ. Разумѣется много говорили о музыкѣ. Въ старину между родными баронессы были музыкальные таланты. Она вспоминала о дѣдушкѣ носившемъ ея фамилію который на придворныхъ концертахъ игралъ на флейтѣ. Двоюродный братъ ея матери долженъ былъ бросить скрипку потому что на войнѣ ему оторвали руку когда онъ несъ знамя. Одна изъ ея прабабушекъ училась на фортепьяно у знаменитаго маэстро и сама сочиняла музыку, менуэты ею написанные хранились какъ дорогое воспоминаніе. По этому поводу она сообщила разныя подробности о жизни этихъ особъ, говорила о своихъ братьяхъ и сестрахъ, причемъ указывала то на одинъ то на другой портретъ, или входила въ объясненія какой-нибудь старой мебели, склеенной фигуры или разбитой чашки. Всѣ предметы находившіеся въ комнатѣ имѣли историческое значеніе и потому были неоцѣненны. Посреди всѣхъ этихъ графовъ, фрейгеровъ, графинь и баронессъ я чувствовалъ себя нѣсколько подавленнымъ. Іоганъ слушалъ съ величайшимъ удивленіемъ и съ живымъ сочувствіемъ, хотя кажется все это было для него уже не ново. Наконецъ баронесса Юлія обратилась ко мнѣ съ вопросомъ не сыграю ли

Digitized by Google

что-нибудь, особенно, если можно, своего сочиненія? Не безъ робости лонесъ я свою табуретку къ старому фортепіано и предварительно пробѣжалъ пальцами по клавишамъ. Произошелъ шумъ лохожій на щебетанье стаи воробьевъ. Я не могъ усвоить себѣ этихъ звуковъ и дурно сыгралъ новую бравурную пѣсу; тогда пришла мнѣ счастливая мысль выбрать пѣсы того времени когда былъ сооруженъ этотъ инструментъ и вышло довольно удачно. Потребовали потомъ чтобъ Іоганъ спѣлъ, и мы постарались ото всей души. Онъ исполнялъ оду, въ которой выражалась мысль что всѣ люди братья, съ такимъ одушевленіемъ что баронесса просила лощадить сосѣдей.

— Нельзя себѣ вообразить, прибавила она смѣясь,—какой мечтатель нашъ Іоганъ.

— Мы споемъ вамъ одинъ изъ вашихъ дуэтовъ, сказала баронесса Юлія вставъ и положивъ работу на столъ.—Пожалуста акомпанируйте намъ. Автора я попрошу умѣрить свой восторгъ и не лѣть со мной слишкомъ громогласно, чтобы мой слабый голосъ былъ слышенъ.

— Вашъ слабый голосъ! воскликнулъ онъ:—какъ можете вы говорить такъ? Вѣдь васъ только и слушаютъ когда мы вмѣстѣ поемъ. Но я буду сдерживаться чтобы не мѣшать.

Голосъ былъ точно слабъ, но мягокъ и пріятенъ. Предостереженіе было основательно. Іоганъ, начавшій робко, увлекся своими чувствами и придавалъ сердечнымъ словамъ геройское выраженіе не гармонировавшее съ меланхолическимъ лаосомъ стиховъ. Я толкалъ его ногу чтобы напомнить его обѣщаніе.

Дамы рукоплескали намъ.

— Какъ дитя мое хорошо поетъ! воскликнула баронесса.— Если объ этомъ узнаютъ при дворѣ, ты должна будешь лѣть на вечерахъ у принцессы Теофилы.

— Очаровательно! подтвердила Валерія.

— Высшая аристократія устраиваетъ концертъ въ пользу миссіи у Готентотовъ, замѣтила Ульрика.—Конечно съ удовольствіемъ увидѣли бы имя наше въ программѣ.

Однимъ дуэтомъ не удовольствовались, мы перебрали всѣ мои сочиненія, и фрейлинъ Юлія была такъ любезна что привѣтливо отозвалась о моемъ *несомнѣнномъ* талантѣ. Наконецъ я услышалъ позади меня стукъ тарелокъ и вожей, изъ чего можно было заключить что приготовлялась закуска,

Digitized by Google

которой сильно требовалъ мой желудокъ. Старый слуга въ своемъ парадномъ нѣжно-лиловомъ кафтанѣ ходилъ на цыпочкахъ взадъ и впередъ, и баронесса тихо давала ему приказанія. Послѣ долгихъ сборовъ насъ позвали къ столу.

Мы увидѣли не очень привлекательное для аппетита зрѣлище. Круглый столъ былъ заставленъ различною посудой старинной формы и рисунковъ, но кушанья оказалось на немъ такъ мало что я одинъ съѣлъ бы все. Какъ же могли мы этимъ всѣ насытиться? На серебряной тарелкѣ были разложены тонкіе ломтики хлѣба, на другой маленькіе кружочки масла. На продолговатомъ фарфоровомъ блюдѣ съ нарисованными на немъ амурами было нарѣзано немного колбасы. Подъ высокимъ стекляннымъ колпакомъ укрывался кусочекъ сыру, большой ножъ съ рукояткой въ видѣ рыцаря лежалъ возлѣ. На днѣ объемистой сахарницы въ видѣ дельфина съ приклеенными ручками находилось нѣсколько кусковъ сахару и серебряные щипчики съ фамильнымъ гербомъ. На китайскомъ подносѣ стоялъ такой же чайникъ съ висѣвшимъ на немъ ситечкомъ, молочникъ съ отбитымъ носикомъ и со скрѣпленнымъ проволокою горлышкомъ. Ко всему этому двѣ большія хрустальныя бутылки наполненныя на вершокъ красною и желтою жидкостью. Предъ каждымъ изъ насъ стояли двѣ тарелки, лежалъ ножикъ, вилка и въ добавокъ еще маленькій ножикъ. Всѣ эти предметы были разнокалиберные и съ изъяномъ, но безъ сомнѣнія когда-то, какъ и теперь принадлежали хозяйству знатной фамиліи.

Баронесса прочла молитву въ продолженіе которой мы стояли за нашими стульями съ понуренною головой и опущенными руками. Затѣмъ слуга подалъ крошечныя китайскія чашечки, баронесса налила въ нихъ чаю. Іоганъ не могъ сладить со щипчиками, Юлія посмѣялась надъ нимъ и помогла ему взять сахаръ. Сестры пили безъ сахару. По приглашенію баронессы я налилъ нѣсколько капель рома изъ одной большой бутылки; къ другой никто не прикоснулся. Потомъ торжественно обнесли холодную молочную рисовую кашу съ нѣсколькими миндалинками и ѣли ее тоненькими чайными ложками. „Поэты и художники“, сказала старушка, „витаютъ въ высшихъ сферахъ, но какъ и мы обыкновенные смертные не могутъ прожить безъ тѣлесной пищи. Не заставляйте себя подчивать, Іоганъ слишкомъ воздерженъ, онъ самъ виноватъ если выходитъ изъ-за стола голодный.“

Digitized by Google

— Дитя мое, она посмотрѣла на Юлію,—ѣстъ больше его. Отчего не кушаете холоднаго блюда? Не хотите ли масла съ хлѣбомъ?

— Любезный Бауманъ... она дала знакъ слугѣ.

Масло съ хлѣбомъ дамы кушали съ помощью вилки и ножа, что мнѣ показалось очень странно.

Просидѣли мы около часа за столомъ, причемъ я невольно вспомнилъ евангельское насыщеніе четырехъ тысячъ. По окончаніи тощей трапезы баронесса отпустила насъ, дружелюбно совѣтывала намъ сочинять и класть на музыку какъ можно болѣе и сказала что скоро опять насъ позоветъ на музыкальный чай, что общество дамъ развиваетъ молодыхъ людей и что она желаетъ быть намъ полезна. Іоганъ очень неловко поцѣловалъ на прощанье руку баронессы, за что получилъ шутливое назиданіе.

Когда мы вышли на улицу онъ схватилъ меня за руку и шепнулъ на ухо: „Ну что скажешь? У нихъ всегда бываетъ такъ важно. А баронесса Юлія... онъ замялся.—Милый голосъ, не правда ли? и какъ она поетъ наши пѣсни. Прелесть. Она стоитъ у фортоліано точно муза пѣнія, какіе локоны, какіе божественные глаза! Я не въ силахъ идти теперь домой въ мою убогую конуру. Переходъ слишкомъ крутъ. Отъ чада въ комнатѣ, запаха вара и кожи у меня всегда болитъ голова. Нѣтъ не могу идти домой. Пойдемъ погуляемъ на городскомъ валу, снѣгъ не очень глубокъ и свѣтитъ луна.

— Да развѣ ты не голоденъ? прервалъ я его.

— Голоденъ? онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня.— Какъ тебѣ это вздумалось? вѣдь мы... онъ спохватился.— Конечно по прежнимъ требованіямъ... но у знатныхъ господъ всегда такъ водится. Очень пріятно когда вамъ служитъ человѣкъ въ бѣлыхъ перчаткахъ. Ахъ, какъ неравномѣрно между смертными распредѣлены блага міра сего!... Я отъ всего сердца желалъ бы имъ этихъ благъ. Онѣ такія милостивыя, такія сердечныя, а Юлія....

Я толкнулъ его въ отворенную дверь маленькаго ресторана, находившагося на нашей дорогѣ.

Послѣ поговоримъ объ этомъ, сказалъ я,—мѣсяцъ не скоро сядетъ.

Онъ слабо сопротивлялся и съ большимъ удовольствіемъ съѣлъ порцію жаренаго и выпилъ кружку пива.

Я былъ совершенно равнодушенъ къ тому что онъ назы-

Digitized by Google

валъ меня грубымъ матеріалистомъ. „Я вѣдь не влюбленъ“, промолвилъ я. Но онъ не удостоилъ меня отвѣтомъ.

Когда мы рука объ руку шли по опустѣвшимъ уже улицамъ онъ очевидно ожидалъ объясненія съ моей стороны. Я не зналъ съ чего начать. Наконецъ я началъ: „Такъ это она?“ Онъ меня понялъ. „Да, это она, возвышенная, обожаемая, безнадежно любимая“. Онъ самъ испугался этихъ дерзкихъ словъ и затрепеталъ. „О, что сказалъ я! только въ пѣсняхъ могу я такъ ее называть. Сознаніе это ужасно. Правда существуетъ только въ поэзіи. Жизнь ужасная ложь; поломни, я отъ нея умру“.

Онъ сказалъ это съ полнымъ убѣжденіемъ, но я думалъ иначе. Обстоятельства представлялись мнѣ въ ихъ настоящемъ видѣ.

„Она старше тебя“, отвѣчалъ я—не знаю отчего это прежде всего бросилось мнѣ въ глаза. „Старше!“ сказалъ онъ и дико посмотрѣлъ на меня. „Что до этого? Она молода и прекрасна. Не знаю постарѣла ли она съ тѣхъ поръ какъ я съ ней сблизился, но знаю то что я каждый день нахожу ее красивѣе. Она такова какою представляется мнѣ въ моихъ стихотвореніяхъ. Божественное не измѣряется временемъ“.

— Ты конечно на все смотришь глазами поэта и потому она для тебя стоитъ такъ высоко.

— Стоитъ такъ близко ко мнѣ, поправилъ онъ,—потому что поэтъ можетъ подняться до ея высоты, можетъ переносить блескъ ея глазъ, онъ можетъ взять и облобызать ея руку, онъ повергается предъ ней, обнимаетъ ея колѣна и признается въ своей страсти. Она выслушивая его можетъ не краснѣть и не отталкивать его съ гнѣвомъ. Но поэтъ не долженъ обращаться въ простаго смертнаго. Тогда онъ станетъ чрезвычайно мелокъ. Тогда онъ столкнется со всѣми препятствіями дѣйствительности, а если онъ захочетъ ихъ ниспровергнуть, то погубитъ себя.

Я крѣпче сжалъ его руку и сказалъ:—Все это пустяки, милый мой. Я моложе тебя, но имѣю болѣе опытности въ дѣлахъ міра сего и не легко обманываюсь призраками. Ты такъ много витаешь въ небѣ что утратилъ способность оцѣнивать все земное, многаго ты даже вовсе не понимаешь. Для тебя имѣетъ слишкомъ много обаянія имя, званіе, вся эта пустота аристократическаго существованія; кажется, даже Бауманъ

Digitized by Google

въ своемъ парадномъ лиловомъ кафтанѣ съ перчатками для тебя обаятелевъ. Но всмотрись ближе....

— Не говори далѣе, прервалъ онъ съ горячностью,—ты достойное не унизишь въ глазахъ моихъ.

— Я вовсе этого и не желаю, но форма въ которой оно является уменьшаетъ нѣсколько его цѣнность. Большая разница желать и исполнять, и если не въ состояніи исполнить того что̀ желаешь, то дѣлаешься нѣсколько смѣшнымъ; твоя баронесса бѣдна какъ церковная мышь.

Іоганъ засмѣялся—„Бѣдна! при такой богатой обстановкѣ.“

— У нея ничего нѣтъ кромѣ наслѣдственныхъ рѣдкостей, фамильныхъ портретовъ, мебели, фарфора, серебра.... все это имѣетъ для баронессы историческую важность и потому неоцѣненно, но для другихъ это хламъ. Я увѣренъ что старушкѣ съ ея тремя дочерьми чрезвычайно трудно поддерживать достоинство знатнаго происхожденія. Безъ сомнѣнія она согласится лучше голодать нежели отпустить Баумана. Баронесса, да еще рожденная графиня, не можетъ обойтись безъ ливрейнаго лакея который бы докладывалъ о гостяхъ и служилъ за столомъ, хотя пріемная на вышкѣ, а за столомъ нечего ѣсть.

— Что̀ ты хочешь этимъ сказать? спросилъ онъ почти гнѣвно.

— Что разстояніе между тобой и ею, покрайней мѣрѣ въ нѣкоторомъ отношеніи, совсѣмъ не такъ велико какъ кажется твоему смиренію. Ты бѣденъ, Юлія вѣроятно еще бѣднѣе тебя. Онъ безсознательно ударилъ меня по плечу.

— Баронесса Юлія бѣднѣе меня? Что̀ за вздоръ!

— Милый другъ, мы живемъ въ такое время когда каждый можетъ составить свое счастіе. Сыну башмачника доступенъ весь міръ Божій. Если у него есть голова и сердце и не надѣлаетъ дурачествъ онъ можетъ смѣло достигнуть всякой заманчивой цѣли. Что̀ мѣшаетъ тебѣ работать, наживаться и чрезъ нѣсколько лѣтъ добиться хорошаго положенія? Другое дѣло бѣдная и знатнаго рода дѣвица. Мать моя говорила что нѣтъ печальнѣе положенія такой дѣвушки. Кто знаетъ, можетъ-быть...

Я не докончилъ моей мысли чтобы не возбуждать надеждъ которыя самому мнѣ не улыбались. Настроеніе молодаго человѣка вдругъ перемѣнилось. Задумчиво, съ поникшею головой шелъ онъ возлѣ меня. Не много спустя онъ сказалъ мнѣ своимъ робкимъ тономъ:

Digitized by Google

— Мысль эта совершенно для меня нова. Она и я.... неужели бѣдность.... но тогда она была бы неизреченною благодатью. Я чувствую въ себѣ силы возвысить мою судьбу. Я хочу не только воспѣвать свободу, а хочу за нее бороться, хочу чтобъ имя мое произносили вмѣстѣ съ лучшими именами. Я найду средства, стану самъ расточать благодѣянія, и тогда.... тогда....

Онъ снялъ шапку и запустилъ руку въ длинные волосы. Я напомнилъ ему что какъ бы ни былъ великъ внутренній жаръ, зимой безъ шапки можно простудиться. Не увлекайся, дорогой мой, этою мыслію. Былъ ли бы ты вполнѣ счастливъ еслибы мечта твоя осуществилась? Кто хочетъ идти впередъ и можетъ разчитывать только на свои силы тотъ не долженъ рано обременять себя ношею которая затруднитъ его смѣлыя движенія. Ты сынъ народа, чувствуй и сознавай это. Пусть муза будетъ твоею любовію, а наука твоею путеводною звѣздой. Что тебѣ до этой фрейлинъ? Повторяю, она старше тебя и черезъ нѣсколько лѣтъ....

Онъ вдругъ бросилъ меня и убѣжалъ. „Прощай", закричалъ онъ и скрылся въ узкомъ переулкѣ. Я возвратился домой разстроенный этимъ внезапнымъ порывомъ.

Мои связи помогли мнѣ разузнать подробнѣе о баронессѣ и ея дочеряхъ. Объ нихъ вообще говорили какъ о почтенныхъ особахъ, но разказывали также не мало страннаго. Въ главномъ мое предположеніе оказалось вѣрнымъ. Баронесса была бѣдна, жила маленькимъ пенсіономъ и пособіемъ аристократіи которая, щадя ея знатное происхожденіе, не хотѣла предоставить ее общественной благотворительности, что было бы постыдно для нея самой.

Ульрика имѣла мѣсто канониссы, мать и сестры жили собственно у нея.

Юлія получала за свое вышиваніе богатые подарки.

Валерія, хотя сама во всемъ нуждалась, имѣла страсть благотворить, оказывать помощь и дѣлала это безо всякаго тщеславія. Ее единодушно всѣ хвалили. Она отказывала себѣ во всемъ чтобы давать бѣднымъ дѣтямъ и больнымъ женщинамъ, выпрашивала всякое платье, чинила его и передѣлывала для своихъ любимцевъ. Она съ неутомимымъ усердіемъ собирала пожертвованія для нуждающихся школьниковъ, отыскивала книги, заботилась о бѣдныхъ служителяхъ имѣвшихъ аттестатъ и старалась помѣщать ихъ въ богатые дома. Для себя

Digitized by Google

она ничего не просила. Іоганъ былъ ей многимъ уже обязанъ, и въ послѣдствіи она еще болѣе для него сдѣлала.

Онъ былъ мною недоволенъ, въ первый разъ въ дружбѣ нашей возникло разногласіе которое не прекращалось. Хотя онъ посѣщалъ меня попрежнему и былъ со мною ласковъ, но прежняя искренняя довѣрчивость исчезла, онъ пересталъ читать мнѣ свои стихи, рѣдко пѣлъ, а когда это случалось, то выбиралъ ноты не моего сочиненія. О баронессѣ и ея дочеряхъ онъ вовсе не говорилъ, если же я самъ заводилъ о нихъ рѣчь, то онъ заминалъ разговоръ. Приглашеніе на музыкальный чай не возобновилось, вѣроятно онъ самъ былъ этому причиной.

Между тѣмъ онъ неутомимо работалъ, и на святой отлично выдержалъ экзаменъ. Я надѣлъ на него студенческую красную фуражку, и онъ потрясая мои руки продекламировалъ одно изъ самыхъ жгучихъ своихъ стихотвореній, въ которомъ фуражка эта воспѣвалась какъ символъ свободы. „Теперь я свободенъ отъ школьной дисциплины“, сказалъ онъ, „теперь я начинаю жить“.

Но вскорѣ онъ пересталъ носить фуражку, объясняя что ему не до этихъ студенческихъ украшеній. Впрочемъ, въ слѣдующее воскресенье на немъ былъ галстухъ съ изысканно вышитыми концами, подаренный Юліей, и часы изъ собранія рѣдкостей баронессы, которыми та его почтила.

Но все это ничего не значило въ сравненіи съ тѣмъ что для него сдѣлали эти добрыя души. Валерія, со свойственною ей способностью трогать сердца, возбудила сочувствіе къ бѣдному студенту которому нужно было дать средства чтобъ онъ могъ приготовиться на служеніе наукѣ. Въ городѣ университета не было, слѣдовательно даровое содержаніе которымъ онъ пользовался, обѣдая въ разныхъ домахъ, онъ терялъ. Валерія обратилась ко всѣмъ своимъ родственникамъ, ко всѣмъ знакомымъ ей богатымъ людямъ, ходила изъ дома въ домъ, употребила все свое краснорѣчіе чтобы выпросить стипендію изъ добровольныхъ пожертвованій необыкновенно способному студенту, купеческаго званія, не имѣющему никакихъ средствъ. Ей посчастливилось собрать порядочную сумму, которую умножила еще Юлія рѣшившись обратиться съ просьбой къ двумъ принцессамъ и преподнесть имъ изящно вышитые носовые платки. Она слѣла имъ нѣкоторыя изъ нашихъ наичувствительнѣйшихъ

Digitized by Google

лѣсенъ и тронула тѣмъ сердца высокихъ особъ. Удивительнаго сына башмачника чуть не пригласили ко двору.

Іоганъ считалъ себя Крезомъ имѣя въ рукахъ вексель обезпечивающій ему курсъ ученія въ Лейпцигѣ. „Подумай только объ этихъ божественныхъ существахъ!“ воскликнулъ онъ: „Развѣ они не богаты когда могутъ столько давать? Не доказываетъ ли это что старому дворянству врожденны благородныя стремленія? Но я сдѣлаю честь моимъ покровительницамъ. Свободный отъ заботы о насущномъ хлѣбѣ, я буду изучать литературу и исторію—цѣль моя быть профессоромъ самой свободной изъ наукъ какъ бы ни была отдалена эта цѣль“. Я искренно радовался его счастію, разсылался въ похвалахъ добрѣйшимъ баронессамъ и этимъ самымъ снова пріобрѣлъ его довѣренность.

Въ послѣднее время онъ ежедневно бывалъ у старой баронессы; когда онъ заходилъ ко мнѣ, онъ всегда былъ въ отличномъ настроеніи, веселъ и разговорчивъ. Онъ не жалѣлъ даже о томъ что какъ самъ признавался не могъ написать ни одного стихотворенія, хотя чувствовалъ вдохновеніе. Только въ послѣдніе дни своего отъѣзда онъ сдѣлался печаленъ. „Не повѣришь, говорилъ онъ, какъ мнѣ тяжело разстаться съ ними, я завидую старому Бауману который всегда находится при нихъ и можетъ вѣрно служить имъ“.

Онъ долженъ былъ уѣхать ночью. Мы уговорились чтобъ онъ, простившись съ домашними, послѣдніе часы провелъ у меня. Онъ пришелъ позднѣе нежели я ожидалъ, и былъ страшно возбужденъ. Войдя въ комнату онъ неистово обнялъ меня и поцѣловалъ какъ будто долженъ былъ въ ту же минуту уѣхать. Онъ быстро зашагалъ взадъ и впередъ по маленькой комнатѣ, запустивъ всѣ пальцы въ длинные волосы, бросался въ уголъ дивана прислоняясь головой къ стѣнкѣ, или вдругъ опять вскакивалъ, обтиралъ потъ со лба, сбрасывалъ сюртукъ, онъ жадно пилъ стаканъ горячаго пунша который я для него приготовилъ, и потомъ съ жадностью хваталъ графинъ воды. Все это казалось мнѣ чрезвычайно страннымъ.

— Что съ тобою случилось? спрашивалъ я нѣсколько разъ.

Онъ трясъ головой, жалъ мою руку, вздыхалъ и смѣялся. Наконецъ воскликнулъ: „Увѣряю тебя что я самый счастливый человѣкъ въ мірѣ и желалъ бы провозгласить это на всѣхъ перекресткахъ“. Я посадилъ его возлѣ себя на диванъ и

Digitized by Google

сказалъ: — Посиди немного и успокойся. Не можетъ быть чтобы разставанье съ семьей тебя до того потрясло что ты совершенно вышелъ изъ себя.

— Прощанье не долго продолжалось.

— А прежде ты вѣроятно былъ у баронессы?

„И что я тамъ пережилъ! воскликнулъ онъ и опять взволновался. Пожалуста поиграй что-нибудь. Хочу музыки, музыки!“ Я сѣлъ за рояль и началъ брать аккорды, нѣчто въ родѣ прелюдіи къ духовной пѣсни. Мягкіе и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественные звуки успокоили его. Онъ сталъ за мой стулъ, положилъ руку на плечо мое и сказалъ: „Зачѣмъ мнѣ скрывать отъ тебя. Ты мой другъ, да, ты долженъ все узнать. Играй далѣе—это мнѣ не мѣшаетъ. Я былъ у баронессы послѣ обѣда, у баронессы Валеріи болѣла голова и она до ужина ушла въ спальню. Ульрика отправилась провесть ночь у постели какой-то больной. Я остался одинъ съ баронессой и Юліей. Въ девять часовъ я хотѣлъ съ ними проститься, но Юлія просила меня еще остаться. „Богъ знаетъ когда придется намъ опять вмѣстѣ проводить вечера“, замѣтила она и печально на меня посмотрѣла. Какъ прелестна она была въ эту минуту“.

„Дитя мое такъ привыкла къ вашему обществу, сказала баронесса, и мы всѣ будемъ желѣть о васъ“. Я нескладно поблагодарилъ. „Въ Лейпцигѣ вамъ будетъ весело, произнесла Юлія, и вы насъ скоро забудете“.—„Никогда, никогда!“ воскликнулъ я положивъ руку на сердце. Баронесса улыбнулась. Юлія, я видѣлъ, отерла слезу. „Займемся немного музыкой, рѣшила баронесса, она усладитъ наше прощанье“. Она открыла фортепіано, сѣла на табуретку и взяла тетрадь съ твоими дуэтами. Мы стали позади ее и начали пѣть. Сначала голосъ мой дрожалъ и не могъ брать высокихъ нотъ, но послѣ второй и третьей пѣсни я оправился и выходило хорошо; когда же дошло до словъ, для которыхъ ты нашелъ такую прелестную мелодію (слова эти выражали самую нѣжную страстную любовь), не знаю какъ случилось, но я держалъ ея руку—и мы стояли такъ до конца пѣсни и еще разъ ее пропѣли. Тогда баронесса сказала что пойдетъ посмотрѣть не нужно ли чего-нибудь Валеріи, встала и вышла въ другую комнату—я чувствовалъ что лицо мое пылало и не въ состояніи былъ ни взглянуть ни сказать ни одного слова. Я въ первый разъ находился наединѣ съ Юліей. Она не тро-

Digitized by Google

лась съ мѣста, я тоже не двигался. У меня закружилась голова, и я боялся упасть. Что происходило у меня въ головѣ и какъ билось сердце не могу тебѣ передать. Отъ этой минуты должна зависѣть участь моей жизни думалъ я и не имѣлъ мужества ею воспользоваться. Я страшно боялся что баронесса скоро воротится и все будетъ навсегда потеряно. Въ эту минуту Юлія подошла и упала ко мнѣ на грудь. „Ты меня любишь,—сказала она тихо и сердечно,—я знаю ты меня любишь“. Я упалъ къ ея ногамъ, цѣловалъ ея руки, говорилъ несвязныя слова. Она подняла меня...

„Мать можетъ вдругъ придти,“ сказала она поцѣловавъ меня въ лобъ. „Пока это должно остаться тайной между нами. Но если ты будешь вѣренъ“....

„Вѣренъ до гроба!“ воскликнулъ я. Она зажала мнѣ ротъ. „Тише, тише“. Я молча прижалъ ее къ сердцу и прилалъ губами къ ея локонамъ. „Прощай, прощай, сказала она. Я не могу съ тобой проститься равнодушно, а тутъ будетъ мать. Она добра, въ послѣдствіи все простится, не унывай“. Послѣдній поцѣлуй—и она удалилась. Вскорѣ пришла баронесса. Я едва могъ говорить отъ волненія. Она благословила меня на дорогу, и я бросился къ тебѣ. Теперь ты все знаешь. О! я счастливѣйшій изъ смертныхъ, потому что увѣренъ въ ея любви.

Въ то время когда онъ говорилъ я бралъ тихіе аккорды и подъ конецъ быстро заигралъ побѣдную фанфару. Я мгновенно забылъ всѣ мои опасенія и вполнѣ радовался счастію друга. Но онъ самъ успокоясь вдругъ началъ терзаться воображая разныя препятствія которыя могутъ возникнуть. Ему вспомнилось что между ними бездна предразсудковъ общественнаго положенія, которую нельзя уничтожить, и что баронесса никогда не согласится..

— Не приходи въ отчаяніе, молвилъ я,—Юлія знала что дѣлаетъ. У баронессы три дочери непристроенныя — меньшая уже.... Я побоялся окончить мою фразу, онъ и безъ того бросилъ на меня вызывающій взглядъ.

Мы до кадли выпили пуншъ. Я проводилъ его въ почтамтъ, карета была уже подана. Почталіонъ затрубилъ. Прощай! прощай!

Вотъ исторія нашей дружбы не продолжительной но основанной на полномъ сочувствіи. Въ послѣдствіи обнаружилась такая розня, возникъ такой диссонансъ что съ трудомъ

Digitized by Google

вѣрилось въ существованіе когда-либо совершенной гармоніи.

Чрезъ два года послѣ этого прощанія, я самъ поѣхалъ въ Лейпцигъ учиться въ королевской консерваторіи. Разумѣется я отыскалъ Іогана, съ которымъ мы за это время обмѣнялись нѣсколькими пустыми письмами. Я нашелъ человѣка который ежедневно съ добросовѣстностью леданта слушалъ множество лекцій, былъ завалекъ грудою книгъ, рылся въ потаенныхъ сокровищахъ архива и библіотеки, и до глубокой ночи, при свѣтѣ лампы, дѣлалъ выписки и извлеченія. Слѣды чрезмѣрнаго трудолюбія ясно обозначились въ его наружности. При своей худобѣ онъ казался еще выше, щеки впали, глаза покраснѣли, здоровый цвѣтъ лица замѣнился блѣдностію и желтизною. Я упрекалъ его что онъ не бережетъ своего здоровья.

— Поправиться легко, теперь же нельзя терять времени, а нужно пріобрѣсти какъ можно болѣе научныхъ познаній.

Съ большимъ трудомъ удавалось мнѣ изрѣдка уговорить его и то не надолго погулять въ прелестной Розовой Долинѣ. Однажды я гуляя съ нимъ спросилъ его: попрежнему ли горитъ въ немъ тайное пламя любви.

— Оно горитъ попрежнему, но уже не тайно. Вскорѣ послѣ нашего объясненія Юлія открылась матери. Баронесса написала мнѣ письмо, полное сердечной откровенности. Конечно она не могла считать этотъ неравный бракъ соотвѣтствующимъ ея желаніямъ; но она знала что она бѣдна, что со смертію ея прекратится ея маленькій пенсіонъ, что у обнищавшей Юліи нѣтъ никакой надежды на соотвѣтственную ея званію партію. Поэтому-то она и не считаетъ себя въ правѣ возставать противъ того въ чемъ ея милое дитя видитъ свое счастіе. Она осторожно коснулась, какъ бы ты это сдѣлалъ по твоей дружбѣ, неравенства въ лѣтахъ и требовала чтобъ я хорошенько испыталъ свое сердце. Она напомнила мнѣ что я совершенно свободенъ и что если мое юношеское увлеченіе миновало то и въ такомъ случаѣ онѣ не перестанутъ сколько могутъ заботиться о моей участи. Въ заключеніе она просила вполнѣ откровеннаго отвѣта. Тебѣ не трудно угадать въ какомъ духѣ я отвѣчалъ. Съ тѣхъ поръ мы обручены и часто переписываемся. Ея письма доставляютъ мнѣ величайшую радость.

— Ну а что поэзія? спросилъ я. Онъ какъ-то странно улыбнулся и пожалъ плечами.

Digitized by Google

— Любезный другъ, отвѣчалъ онъ очень спокойно,—нельзя заниматься поэзіей когда вся жизнь до нѣкоторой степени сдѣлалась поэзіей. Истинная поэзія есть ни что-иное какъ пламенное стремленіе къ высотѣ которую мы созерцаемъ въ воображеніи и не досягаемъ въ дѣйствительности. Это стремленіе внушила мнѣ муза, и стихи вдохновенные ею были не лучше и не хуже другихъ стиховъ возникшихъ при такихъ же условіяхъ. Можетъ-быть великое горе сдѣлало бы меня поэтомъ, но на мою долю выпала счастливая участь. Пылкая потребность моего сердца рано была удовлетворена—и то что въ туманной дали казалось мнѣ невозможнымъ внезапно свершилось и перелилось мою душу счастіемъ, я наслаждаюсь имъ и не чувствую потребности его воспѣвать. Развѣ нѣтъ чудной поэзіи въ томъ что сынъ башмачника, бѣдный студентъ, пріобрѣлъ любовь знатной дѣвушки и получаетъ ея руку? Этимъ прекращается „книга пѣсней".

— Книга пѣсней? Но вѣдь не одна баронесса вдохновляла тебя? Твои пламенныя воспѣванія свободы....

— Не говори мнѣ объ этомъ. Мнѣ непріятно думать объ этихъ дѣтскихъ вспышкахъ которыя я принималъ за высшее вдохновеніе. Наука разсѣеваетъ такія иллюзіи. Я узналъ изъ исторіи что народы всегда стремятся къ свободѣ и изъ одного рабства переходятъ въ другое. Измѣняется только имя, но сущность остается та же. Новыя лица выступаютъ на первый планъ—и когда они достигаютъ цѣли, то порабощаютъ массы въ угоду своему самолюбію. *Господствовать* и *рабствовать*—двѣ противоположности неизмѣнно пребывающія въ человѣчествѣ. Остается только рѣшить кто господствуетъ и кто раболѣпствуетъ? Власть какова бы она ни была дѣлается неограниченною. Какая разница между полновластнымъ монархомъ и всесильною партіей? Борьбу за сознательную цѣль ведутъ многіе. Вѣчно поютъ одну и ту же пѣсенку и всегда есть слушатели которымъ она кажется новою. У всѣхъ одна и та же цѣль: стать выше, имѣть болѣе средствъ, болѣе значенія, въ концѣ всего эгоизмъ. Объ этомъ пожалуй можно пофилософствовать, но кто этимъ увлекается того надо окатить холодною водой, чтобъ онъ отрезвился. Я человѣкъ добросовѣстный и не стану словами морочить людей.

Эти слова меня озадачили, и я прервалъ разговоръ въ которомъ высказался совсѣмъ другой человѣкъ. Съ тѣхъ поръ

Digitized by Google

мы стали видѣться еще рѣже, и меня всякій разъ поражало его высокомѣрное отрицаніе при всякой оцѣнкѣ какого-либо идеальнаго достоинства. Онъ стремился лишь къ тому чтобы пріобрѣсти какъ можно болѣе свѣдѣній и занять блестящее положеніе въ ученомъ мірѣ, его сильно побуждала къ этому привязанность къ баронессѣ Юліи.

Случайное обстоятельство помогло ему достичь желанной цѣли. Роясь въ архивѣ, онъ нашелъ въ связкѣ бумагъ нетронутой въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій документъ, вовсе къ ней не принадлежавшій, но доказывавшій безспорно права нашего герцогскаго дома на богатое помѣстье о которомъ давно велся процессъ, повидимому уже проигранный. Разумѣется объ этомъ узнала Юлія. Баронесса тотчасъ поняла что открыто сокровище за которое по закону слѣдуетъ большое вознагражденіе.

Ее восхищала мысль что по счастливой неожиданности Іоганъ вдругъ можетъ имѣть доступъ ко двору. Ни что не можетъ быть для него полезнѣе той услуги которую онъ окажетъ лично герцогу. Надлежало позаботиться о томъ чтобы представить эту услугу въ настоящемъ свѣтѣ, чтобы кто-нибудь изъ вліятельныхъ лицъ не воспользовался ею и не оттеръ робкаго студента. Не теряя времени, она тотчасъ поѣхала съ Юліей въ Лейпцигъ къ наслѣдному принцу, который тамъ слушалъ лекціи, и постаралась расположить въ пользу Іогана бывшее при немъ вліятельное лицо.

Заботливость ея увѣнчалась успѣхомъ. Къ величайшей ея радости, студенту назначена была у его высокаго товарища аудіенція, во время которой онъ представилъ точный списокъ съ документа; Іогана пригласили къ обѣду, и такъ какъ отзывы о его нравственности и научныхъ способностяхъ были вполнѣ удовлетворительны, то принцъ сблизился съ нимъ. Надежды на будущее вдругъ настолько улучшились что онъ могъ одѣваться щеголеватѣе и удовлетворять потребностямъ своего новаго положенія.

Въ резиденціи баронесса неутомимо дѣйствовала, и ея три дочери усердно ей помогали. Она такъ устроила что въ высшихъ кругахъ заговорили о лейпцигскомъ студентѣ и о найденной имъ бумагѣ. Какое счастіе что его имя знали и произносили при дворѣ! Тамъ сумѣли оцѣнить важность предстоящаго увеличенія землевладѣнія и еще болѣе радовались тому что можно было доказать долго оспариваемое историческое право.

Digitized by Google

Принцъ назначилъ Іогану стипендію, и по окончаніи курса обѣщалъ взять его на службу при себѣ.

Такое счастье въ другой разъ не представится. Іоганъ могъ скоро получить хорошее мѣсто и жениться на Юліи. Баронесса знала свѣтъ; прошло бы много лѣтъ прежде чѣмъ молодой ученый успѣлъ бы составить себѣ имя, занять каѳедру и имѣть средства для семейной жизни. Она не высоко ставила науку и не постигала чтобъ Іоганъ могъ когда-либо раскаиваться въ томъ что измѣнилъ свои прежніе виды на будущее. Впрочемъ она можетъ-быть лучше понимала его чѣмъ я.

Она настояла на томъ чтобъ Іоганъ не отклонялъ милостей добраго герцога и ломилъ чѣмъ онъ обязанъ невѣстѣ которая принесла своей любви такую жертву.

Я убѣдился, къ моему величайшему прискорбію, что сѣмя пало на хорошую почву и скоро принесло плодъ. Какъ истинный другъ, я всѣми силами старался отвлечь его мысли отъ соблазнительнаго призрака льстящаго его тщеславію. Оказалось что сынъ бѣднаго башмачника въ упоеніи восторга готовъ былъ вступить въ сферу гдѣ мѣста предназначались только для людей знатнаго происхожденія или старой чиновничьей аристократіи. Я умолялъ его припомнить прежнія благородныя его стремленія, не измѣнять наукѣ такъ какъ онъ измѣнилъ поэзіи, не взбираться на высоту по милости находки неожиданно обрѣтенной и благодаря ходатайству знати, чѣмъ онъ будетъ обязанъ своей женѣ. „Иди своею дорогой, воскликнулъ я, и ты достигнешь трудолюбіемъ и способностями цѣли которая должна удовлетворить тебя. Гордись твоею гражданскою честью, не губи себя, не налагай на себя цѣпей, стой крѣпко и заставь уважать себя“. Но все было тщетно. Онъ же сталъ упрекать меня за то что я никогда не радовался какъ истинный другъ счастію котораго онъ удостоился ради любви къ Юліи. Мы глубоко возненавидѣли другъ на друга, и я рѣшился не докучать ему совѣтами и совершенно отъ него отстранился.

Какъ только Іоганъ получилъ степень доктора, баронесса послѣшила объявить о помолвкѣ ея меньшей дочери и побудить этимъ своихъ родственниковъ хлопотать о ея будущемъ зятѣ.

Молодой докторъ былъ милостиво принятъ герцогомъ, чрезъ нѣсколько дней его сдѣлали гофратомъ и назначили

Digitized by Google

начальникомъ одного изъ отдѣленій герцогской канцеляріи. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ отпраздновали свадьбу, на которую я получилъ печатное приглашеніе. Я вѣжливымъ письмомъ къ баронессѣ уклонился отъ оказанной мнѣ любезности.

Прошло двадцать лѣтъ, и мы ни разу не повстрѣчались. По окончаніи моего музыкальнаго образованія я пустился въ дальнія странствованія, проживалъ преимущественно въ большихъ городахъ, давалъ концерты, редактировалъ музыкальныя изданія, дирижировалъ театральными концертами, сочинялъ пѣсни которыя многими пѣлись и оперы которыя никогда не были поставлены на сцену. Въ 1864 году я случайно попалъ въ мой родной городъ и прожилъ тамъ нѣсколько дней. Сначала я не бывалъ тамъ потому что не приходилось, а потомъ удерживала меня особая причина. Съ 1848 года, особенно съ тѣхъ поръ какъ государствомъ началъ править наслѣдный принцъ, не блестяще одаренный отъ природы и испорченный воспитаніемъ основаннымъ на предразсудкахъ, тамъ водворился противный мнѣ духъ. О всемъ что тамъ происходило я узнавалъ болѣе чѣмъ хотѣлось изъ писемъ моихъ чрезмѣрно недовольныхъ родственниковъ и изъ газетъ. Партія двора старалась всячески раздражать герцога противъ всякой, самой кроткой оппозиціи. Въ немъ возбудили неломѣрную гордость, повторяя безпрестанно о его высокомъ происхожденіи отъ одной изъ древнѣйшихъ германскихъ династій. Герцогъ совершенно потерялъ сознаніе своего политическаго значенія, впалъ въ руки недобросовѣстныхъ совѣтниковъ, такихъ же слѣпцовъ какъ онъ самъ. Средневѣковое ограниченіе свободы представлялось реакціи величайшею мудростью. Основаніемъ всѣхъ политическихъ дѣйствій было постоянно возраставшее усиліе сохранить неприкосновенность верховной власти маленькаго герцогства. Отсюда происходило смѣшное стараніе выказать нерасположеніе къ могущественному сѣверному сосѣду и недальновидное влеченіе къ Австріи. Къ сожалѣнію имя моего друга, часто упоминаемое въ разборѣ такихъ домогательствъ, возбуждало противъ него неблагопріятное мнѣніе.

Я колебался возобновлять ли мнѣ знакомство моей юности. Я не ожидалъ отъ этого ничего утѣшительнаго и боялся, напротивъ, чего-нибудь тяжелаго. Но когда я отыскалъ мою старинную комнатку и нашелъ ее почти неизмѣ-

Digitized by Google

явившеюся, во мнѣ такъ ясно пробудились воспоминанія моей юности что я не могъ преодолѣть желанія посѣтить прежняго сочинителя словъ для моей музыки. Желаніе это еще усилилось когда я посмотрѣлъ въ зеркало въ которомъ такъ часто отражался образъ пылкаго юноши и которое удивило меня теперь показавъ мнѣ какъ я постарѣлъ. Я самъ, думалось мнѣ, сталъ внутренно совсѣмъ не тѣмъ человѣкомъ какимъ былъ прежде, такъ же какъ мой другъ, и не понимаю его можетъ-быть потому что самъ себя не понимаю. Къ чему же преднамѣренно чуждаться его? Вѣдь я не нуждаюсь въ немъ. Я собралъ объ немъ свѣдѣнія. Іоганъ сдѣлался тайнымъ совѣтникомъ, главнымъ правителемъ домашней канцеляріи герцога, президентомъ камеры правленія. Дворянское достоинство онъ уже давно получилъ. Прибавленіе *фонъ* такъ же мало шло къ его мѣщанской фамиліи какъ не пристало бы любому Миллеру или Шульцу.

Говорили что онъ былъ правою рукой герцога въ управленіи его домашними дѣлами. Онъ долженъ былъ являться къ нему ежедневно въ назначенный часъ. Вліяніе его было значительнѣе самой его официальной должности. Такъ какъ онъ пользовался довѣріемъ его высочества, то всѣ добивались его благорасположенія и онъ удостоивалъ своей милости только „благонадежныхъ“ людей. Полагали что онъ завѣдывалъ какою-то газетой которую тайно цензуровалъ.

Онъ жилъ во дворцѣ. Конечно не старый Баумавъ принялъ меня, но другой лакей тоже въ чулкахъ и въ башмакахъ и въ лиловой ливреѣ съ галунами. Часы и длинная цѣпь съ краснымъ шарикомъ достались ему вѣроятно по наслѣдству. Въ передней я нашелъ старинныхъ знакомыхъ—картины и мебель которыя видѣлъ у баронессы. Новостью для меня было большое изображеніе лика Спасителя и рядъ гравюръ библейскаго содержанія.

Я имѣлъ достаточно времени чтобы разсмотрѣть ихъ, потому что слуга которому я отдалъ мою визитную карточку очень долго не возвращался. Наконецъ онъ пришелъ со словами: „Гехеймратъ проситъ пожаловать, но онъ очень занятъ и скоро долженъ ѣхать на засѣданіе камеры.“

— А его супруга?

— Не знаю дома ли баронесса.

— Вы меня не поняли, я спрашиваю о супругѣ господина гехеймрата?

Digitized by Google

— Точно такъ, сударь. Госпожа баронесса.

Онъ отворилъ дверь и сказалъ: „не угодно ли здѣсь подождать.“ Я вошелъ въ комнату съ полками во всю стѣну, на которыхъ лежали связки бумагъ и стояли фоліанты. По срединѣ на столѣ разложены были книги и письма. Надъ диваномъ, стоявшимъ близъ окна, висѣли портреты герцога и герцогини въ богатыхъ рамахъ—это было единственное украшеніе комнаты.

Неужели высокій, прямой господинъ, вышедшій черезъ нѣсколько минутъ изъ сосѣдней комнаты, былъ точно мой Іоганъ? Нельзя было не усомниться. Какъ жалѣлъ я что не могъ нарисовать эту фигуру. Іоганъ былъ въ длинномъ застегнутомъ сюртукѣ ласторскаго покроя, на груди и въ петлицахъ торчали ленточки разныхъ цвѣтовъ. Шея была повязана бѣлымъ галстукомъ съ коротенькими концами, рѣдкіе волосы были раздѣлены на срединѣ лба и съ обѣихъ сторонъ закинуты за уши. Изъ-подъ золотыхъ очковъ смотрѣли полузакрытые глаза; сладкая улыбка не сходила съ устъ. Два пальца правой руки были засунуты за сюртукъ, и онъ не вынулъ ихъ привѣтствуя меня легкимъ наклоненіемъ головы.

— Ахъ, это вы.... господинъ директоръ если не ошибаюсь? или профессоръ? Дружелюбное *ты* было забыто. Такъ какъ онъ первый указалъ мнѣ какъ слѣдовало къ нему обращаться, то я и былъ выведенъ изъ затрудненія.

— На моей визитной карточкѣ показано мое званіе; благодарю васъ, господинъ гехеймратъ, за то что вы меня узнали.

Онъ вынулъ свои два пальца изъ сюртука, поднесъ ихъ ко рту и немного закашлялъ. Потомъ указалъ имъ на диванъ.

— А въ самомъ дѣлѣ давно, очень давно, какъ я имѣлъ удовольствіе.... Еслибъ я васъ встрѣтилъ случайно то едва ли бы узналъ; но пожалуста сядьте. Чѣмъ могу я быть вамъ полезенъ?

Онъ ждалъ пока я сяду на диванъ и потомъ самъ сѣлъ на кресло, подвинувъ его къ серединѣ окна, и возобновилъ вопросъ на который я медлилъ отвѣчать.

Я увѣрилъ его что мнѣ не о чемъ просить его, что я пріѣхалъ сюда за наслѣдствомъ послѣ умершаго родственника, что было сущая правда. „Мнѣ не хотѣлось уѣхать, приба-

Digitized by Google

вилъ я, не повидавшись съ людьми которые мнѣ были нѣкогда близки".

— И поэтому вспомнили о мнѣ—очень любезно, очень любезно. Онъ говорилъ это вѣжливо, но безо всякой сердечности.—Ваше дарованіе много обѣщало. У васъ, вѣроятно, множество музыкальныхъ произведеній, оперъ,—не такъ ли? Жаль что нашъ театръ чуждается новостей....

— Я все жду полнаго текста къ *Андрею Гофферу* (я не могъ удержаться отъ желанія его не много кольнуть).

Онъ смутился.

— *Андрей Гоффер*? Ахъ! вы хотите сказать? да я помню.... Въ высшей степени привлекательный характеръ—прототипъ благородства; понимаю что я могъ имъ горячо увлечься—онъ засмѣялся.—Юношескія мечты!... жизнь указываетъ намъ болѣе серіозныя задачи.

— Вы, кажется, должны быть довольны результатомъ вашего жизненнаго поприща. Онъ опустилъ глаза на коверъ, взглянувъ на висѣвшіе надо мной портреты.

— Милосердый Богъ не оставлялъ меня и велъ все къ лучшему. Я всегда пользовался благорасположеніемъ высокихъ особъ, которымъ, по моему внутреннему убѣжденію, обязанъ посвятить мою службу.

Вошелъ слуга и сказалъ что баронесса желаетъ меня видѣть. Гехеймратъ тотчасъ всталъ, „ахъ, неужели? это очень любезно, пробормоталъ онъ очевидно самъ удивленный. „Пойдемте за мной, любезный директоръ." Послѣднее слово онъ произнесъ дружелюбнѣе.

Юлія чрезвычайно постарѣла. Ея неправильное лицо стало теперь поразительно некрасивымъ. Она и теперь носила локоны, но коротенькіе и только по обѣимъ сторонамъ лба. Темные волосы начинали сѣдѣть. Она привѣтливо подошла ко мнѣ и ложала мнѣ руку какъ старому хорошему знакомому. „Вы очень хорошо сдѣлали, сказала она любезно, что вспомнили о насъ. Валеріи показалось что она васъ встрѣтила на улицѣ. Садитесь и разкажите мнѣ обо всѣхъ вашихъ похожденіяхъ и странствованіяхъ. Я часто встрѣчала въ газетахъ ваше имя. Милый Іоганъ, тебя ждутъ въ камерѣ; обязанность прежде всего—предоставь мнѣ господина директора, я постараюсь его занять. Вѣдь вы завтра придете къ намъ обѣдать? Пожалуста не отказывайтесь. Іоганъ спокойно насладится вашимъ обществомъ".

Digitized by Google

Гехеймратъ поцѣловалъ ее въ лобъ и руку.—„Будете? очень любезно замѣтилъ онъ. Да, приходите завтра къ намъ въ два часа, не такъ ли душа моя? Я, право, заранѣе радуюсь". Это опять какъ-то фальшиво звучало. На прощанье онъ вытащилъ изъ-за сюртука заткнутые туда два пальца и подалъ мнѣ.

Жена понравилась мнѣ гораздо болѣе мужа. Она по рожденію принадлежала къ высшему кругу и нисколько не думала уронить свое достоинство обходясь со мною попрежнему. Она, какъ свѣтская женщина, болтала очень мило о всякой всячинѣ. Посѣщая часто театръ и концерты, она вѣрно судила о новыхъ музыкальныхъ произведеніяхъ, хотя иногда перепутывала названія. „Іоганъ пересталъ писать стихи, сказала она, бѣдняга такъ заваленъ дѣлами! Герцогъ вполнѣ ему довѣряетъ, онъ это заслужилъ и я этимъ горжусь. Герцогъ хочетъ чтобъ онъ во всемъ принималъ личное участіе. Вамъ, вѣроятно, зная его прежнія убѣжденія, показалось страннымъ, продолжала она улыбаясь послѣ краткаго молчанія,— что онъ добился дворянства. Вращаясь при дворѣ и въ высшихъ сферахъ ему неловко было оставаться бюргеромъ.... притомъ же онъ желалъ являться со мною на придворныхъ празднествахъ, доступныхъ только для дворянства. Нужно мириться со свѣтомъ". Послѣдовало опять молчаніе. „Думаете ли вы что онъ бы сдѣлался великимъ поэтомъ еслибъ... она пристально на меня посмотрѣла, — еслибъ онъ не женился на мнѣ?"

Очевидно ей хотѣлось узнать мое мнѣніе. Я не ожидалъ этого отъ нея. „Сомнѣваюсь, отвѣчалъ я совершенно искренно. Еслибъ онъ безъ васъ могъ быть поэтомъ, то онъ былъ бы имъ и съ вами вопреки всѣмъ и всему".

— Вопреки всѣмъ и всему?... она улыбнулась,—а! я васъ понимаю. Повѣрьте мнѣ, Іоганъ очень доволенъ своею судьбой. Иногда меня терзала мысль что можетъ-быть я помѣшала ему, но увѣряю васъ что Іоганъ вполнѣ таковъ какимъ кажется, т.-е. вѣрный слуга своего государя. Мы наслаждались бы полнымъ счастіемъ еслибы Господь Богъ.... Она отерла выкатившуюся слезу, встала и повела меня къ стекляному ящику въ которомъ лежала гипсовая фигура спящаго младенца.—Четырнадцать лѣтъ тому назадъ родилось наше единственное дитя, сказала она тихо,—Господь призвалъ его къ себѣ.

Digitized by Google

Она не дала мнѣ долго разсматривать этотъ памятникъ сердца. „Хочу еще кое-что показать вамъ“, сказала она уводя меня. Она отдернула ковровую занавѣску и ввела меня въ полутемный кабинетъ. „Узнаете ли вы это?“ Тамъ стояла старинная мебель ея матери, на стѣнахъ были развѣшены семейные портреты, даже старое фортеліано находилось тутъ же. Она его открыла и начала бренчать. Я узналъ звуки одного изъ нашихъ дуэтовъ. Откинувъ голову она тихо сказала:—это соединило насъ. Я вамъ обязана болѣе чѣмъ вы думаете.

Я былъ тронутъ. Спросилъ о баронессѣ, портретъ которой чрезвычайно похожій висѣлъ надъ диваномъ. Уже десять лѣтъ какъ она умерла, вскорѣ послѣ стараго Баумана. Въ гостиной послышались голоса, и мы туда возвратились. Обѣ сестры только-что вернулись домой, онѣ были уже очень стары, но мало измѣнились. Валерія съ сіяющимъ отъ радости лицомъ разсказала что достала для бѣднаго Петра Штольца сюртукъ у котораго надобно только перемѣнить луговицы. Баронесса Ульрика, украшенная крестомъ, была въ засѣданіи дамскаго благотворительнаго общества на которомъ было рѣшено гдѣ-то у язычниковъ построить церковь въ протестантскомъ стилѣ и для этого приступить къ сбору. „Іоганъ долженъ написать воззваніе“, заключила она.

Я рѣшилъ было отказаться отъ приглашенія на завтрашній обѣдъ и придумалъ извиненіе, но дамы такъ любезно настаивали что я не рѣшился быть невѣжливымъ.

На другой день я явился въ назначенный часъ и не раскаялся. Гехеймратъ сдѣлался удивительно откровененъ и поддерживалъ насколько допускало его достоинство дружелюбный тонъ, установленный его супругой. Въ разговорѣ со мной у него вырвалось даже раза два прежнее ты, но разумѣется онъ тотчасъ поправился. Послѣ обѣда онъ позвалъ меня въ свой кабинетъ выкурить сигару. При этомъ онъ перемѣнилъ сюртукъ, сказавъ что у жены слишкомъ раздражены нервы и платье съ табачнымъ запахомъ для нея невыносимо.

Мы говорили о многомъ, такъ же о политикѣ. Онъ скоро разгорячился.

„Все чѣмъ наградилъ насъ нѣмецкій либерализмъ прибыло къ намъ изъ Англіи, Франціи, Бельгіи, Америки, и то что тамъ образуетъ по крайней мѣрѣ нѣчто цѣлое является у

Digitized by Google

насъ раздробленнымъ на множество частицъ. Я не нахожу ни одной оригинальной мысли, за то множество безтолковой болтовни.

У насъ корлорація нѣмецкая, областное представительство тоже нѣмецкое, разнообразное устройство государствъ также нѣмецкое. Насъ упрекаютъ въ томъ что мы возвращаемся къ средневѣковымъ порядкамъ. Когда что-нибудь хочешь чинить нужно слерва посмотрѣть куда положить заплату. Вся нѣмецкая конституція ложь—всего лучше это извѣстно тѣмъ которые стараются пустить пыль въ глаза. Стоящіе наверху даютъ ее на лотѣху, а тѣ что внизу пользуются ей чтобы возвыситься. Посредствомъ этой игры въ серіозныя дѣла Нѣмцы теряютъ нравственность и для нихъ самый опасный недугъ—пустословіе. Увидите, мы скоро станемъ тосковать о самовластіи.

Во многомъ я съ нимъ соглашался. Онъ же былъ убѣжденъ въ томъ что говорилъ.

— Отчего же, спросилъ я,—во всѣхъ этихъ различныхъ формахъ правленія нѣтъ содержанія? Не потому ли что Германія состоитъ изъ отдѣльныхъ частицъ? Пусть сдѣлается она единымъ государствомъ....

Онъ засмѣялся. „Слышу неисправимаго національста! Знаете ли чего вы желаете? Мыслимо ли государство составленное изъ многихъ частей одинаково управляемыхъ? Крупная часть поглотитъ мелочь, а если не поглотитъ то выйдетъ опять пустой призракъ. А что выиграетъ народъ? Что прусская каска станетъ разгуливать по вдвое бо́льшему пространству и захватитъ всю Германію. Какъ устранить существующій порядокъ основанный на историческомъ правѣ? Вашими новыми порядками также хотятъ даровать права, а въ концѣ концовъ оказывается деспотизмъ. Даже хваленая свобода знанія не устоитъ при немъ. Сомнительно дозволено ли будетъ при такомъ объединеніи каждому служить Богу по своему вѣрованію? Нѣтъ, предоставьте мнѣ остаться честнымъ реакціонеромъ и честнымъ сепаратистомъ. Я люблю мое отечество, люблю моего государя. Пусть право будетъ правомъ и не станетъ изгонять любовь. Аминь.

Онъ опустилъ руки и поднялъ къ верху глаза, но въ этомъ не было ничего театральнаго. Конечно онъ не хотѣлъ играть предо мною комедіи; онъ былъ убѣжденъ въ томъ что говорилъ. Это примирило меня съ нимъ. Но я счелъ безполез-

Digitized by Google

нымъ продолжать разговоръ на эту тему. Кстати насъ позвали пить кофе. Я немного поиграла, конечно не на прежнихъ невыносимыхъ гусляхъ, и простился.

Черезъ два года началась знаменательная война Пруссіи съ Австріей. Вы знаете каковы были ея послѣдствія для среднихъ и маленькихъ государствъ которыя находясь посреди прусской территоріи искали защиты у южныхъ, болѣе сильныхъ государей. У нашего герцога могущественный сосѣдъ тоже отнялъ землю и войско, и такъ какъ онъ не покорился въ несчастіи, то подвергся добровольному изгнанію. Его гехеймратъ не захотѣлъ служить другому государю и подалъ въ отставку, несмотря на очень лестныя предложенія сдѣланныя ему новымъ правительствомъ.

Раздраженный совершеннымъ, по его мнѣнію, беззаконіемъ и въ полной надеждѣ что обстоятельства снова перемѣнятся къ лучшему, онъ послѣдовалъ за своимъ государемъ въ его изгнаніе и тамъ убѣдился что вѣрность его прославляли, но не желали чтобъ онъ оставался. Іоганъ вѣроятно былъ самымъ добросовѣстнымъ и способнымъ изо всѣхъ служившихъ при изгнанномъ государѣ, но число послѣдовавшихъ за нимъ было такъ велико что по ограниченности средствъ не многихъ изъ нихъ можно было обезпечить, а какъ въ свитѣ находились члены стариннаго дворянства, то Іоганъ долженъ былъ почтительно во всемъ уступать имъ мѣсто. Вскорѣ дали почувствовать что для пользы низверженнаго герцога лучше всего поберечь его средства, что въ потерянныхъ владѣніяхъ нужно неутомимо агитировать въ его пользу и содѣйствовать такому измѣненію обстоятельствъ которое бы скоро привело его къ прежней власти. Конечно обѣщалась награда за такую вѣрность.

Гехеймратъ долженъ былъ понять что это предложеніе касалось и его. Онъ простился со своимъ государемъ и уѣхалъ. Къ счастію ему назначили маленькій пенсіонъ котораго едва хватало чтобы съ семействомъ не умереть съ голода. Онъ долженъ былъ оставить свое прекрасное помѣщеніе въ замкѣ и перебраться на бѣдную квартиру. Баронесса Ульрика опять перешла въ институтъ своего ордена и взяла съ собой сестру Валерію. Съ ними ушла старая мебель, портреты и старая рухлядь. Гехеймратъ принужденъ былъ продать большую часть своего имущества. Онъ надѣялся на помощь Франціи. Вѣчный врагъ котораго онъ проклиналъ въ своихъ юношес-

Digitized by Google

кихъ стихотвореніяхъ долженъ былъ спасти въ несчастіи. Но эта обманчивая мечта, поддерживаемая съ упорнымъ раздраженіемъ, разсѣялась въ прахъ послѣ Седанскаго погрома и занятія Парижа. Новое Германское государство, въ которое онъ не хотѣлъ вѣрить, осуществлялось вполнѣ. Было еще время спастись съ утопающаго корабля и стать на твердую землю. Но его честность не мирилась съ такою уступкой. Онъ не могъ и не хотѣлъ отказаться отъ своихъ убѣжденій и измѣнить своему бывшему государю. Жена поддерживала его въ этой упорной стойкости которая принесла имъ одно лишь горе.

Въ немъ скоро пробудился юношескій духъ оппозиціи, но разумѣется въ другомъ направленіи. Желчнымъ, ядовитымъ перомъ писалъ онъ задорно-бранчивыя статьи противъ императора и государства, противъ Пруссіи и всѣхъ великихъ людей которымъ Германія обязана своимъ положеніемъ и расширеніемъ своего могущества. Онъ даже опять привязался за поэзію, то прославлялъ въ стихотвореніяхъ рожденіе изгнанника лишеннаго трона, то возбуждалъ борьбу противъ зла, проявляющагося во всѣхъ видахъ, то старался поддерживать сопротивленіе. Онъ агитировалъ среди недовольнаго дворянства, военныхъ проживавшихъ на пенсіи и отставныхъ чиновниковъ. Ходили слухи о заговорѣ, душой котораго называли его.

Наконецъ его привлекли къ суду. Его защитительная рѣчь была такъ задорна что судьи не могли оказать ему снисхожденія. Его присудили къ тюремному заключенію на нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ вышелъ изъ тюрьмы жалкимъ и больнымъ, но съ сознаніемъ что пострадалъ за правое дѣло. Онъ встрѣтилъ большое сочувствіе въ средѣ своихъ единомышленниковъ, но ему не дали матеріальнаго пособія на которое онъ разчитывалъ. Считали даже опаснымъ быть въ его обществѣ. Онъ принужденъ былъ давать уроки чтобы содержать себя и жену.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я совершенно неожиданно получилъ отъ него письмо. Онъ жаловался на свою горестную участь. Говорилъ что за нимъ зорко слѣдили, неутомимо преслѣдовали, лишали всякой возможности доставать средства для существованія и что несмотря на всѣ усилія онъ долженъ будетъ сдѣлаться нищимъ. Онъ спрашивалъ меня нельзя ли получить что-нибудь за изданіе нашихъ музыкально-

Digitized by Google

поэтическихъ *Грѣховъ Юности*. Называлъ меня опять другомъ и братомъ, обѣщалъ написать текстъ къ *Андрею Гоферу* за самую ничтожную плату, увѣряя что находится именно въ такомъ настроеніи чтобы заставить своего героя говорить пламенныя рѣчи на которыя откликнутся всѣ мыслящіе патріоты. Въ заключеніе онъ прибавилъ: моя жена переноситъ тяжелую свою участь съ необыкновенною покорностію, что̀ доказываетъ ея любовь.

Мнѣ не стыдно признаться что я ему помогъ. Написалъ ему что нашелся издатель для нашихъ пѣсенъ и дуэтовъ и послалъ ему столько сколько могъ. Поощрялъ его написать либретто и отъ времени до времени посылалъ ему плату за труды. Манускрипты которые я получалъ остались безъ употребленія. Но я старался увѣрить его что сочиняю, хотя конечно за неимѣніемъ времени дѣло идетъ медленно. Наконецъ онъ, вѣроятно, замѣтилъ что получаетъ пособіе и опять замолчалъ.

Недавно я прочелъ въ газетахъ что нашъ изгнанный владѣтель принужденъ лишить пенсіи прежнихъ своихъ слугъ.

Вскорѣ я получилъ письмо съ черными каймами. Смерть высокаго государственнаго сановника не могла быть возвѣщена болѣе торжественно. Вдова прибавила слова которыя съ трудомъ можно было разобрать: Онъ умеръ отъ разрыва сердца.

Бѣдный другъ!

Digitized by Google

БОРЬБА ЗА ЭЧМІАДЗИНСКІЙ ПАТРІАРШІЙ ПРЕСТОЛЪ *

III.

Прибытіе архіепископа Григорія въ Россію.—Его интриги и обнадеживаніе Давида.—Переписка послѣдняго съ разными лицами.—Расхищеніе Давидомъ церковнаго имущества.—Прошеніе его къ императору Александру.—Письмо Григорія.—Муропомазаніе Даніила.—Жестокое обращеніе Давида съ эчміадзинскимъ духовенствомъ.—Торжество объявленія въ Тифлисѣ утвердительной грамоты Даніилу.—Переговоры съ Эриванскимъ ханомъ.—Интриги Давида въ Константинополѣ.—Признаніе его католикосомъ.—Заявленіе константинопольскихъ Армянъ.—Отправленіе въ Россію архимандрита Эммануила.

Посвятивъ Григорія въ архіепископы, Давидъ отправилъ его въ Россію для управленія армянскою церковью. Въ Моздокѣ онъ встрѣтилъ со стороны своихъ соотечественниковъ полное неудовольствіе и нежеланіе признать его своимъ пастыремъ **. Подозрѣвая въ этомъ интригу Ефрема, Григорій тѣмъ не менѣе продолжалъ свой путь, надѣясь побѣдить врага и достигнуть своей цѣли. Пріѣхавъ въ Нахичевань (на Дону) онъ нашелъ тамъ имя Давида провозглашеннымъ въ званіи католикоса и верховнаго патріарха. Видя что дѣла здѣсь идутъ удовлетворительно для него и его сообщника,

* Окончаніе. См. № 4 *Русск. Вѣстн.*

** Письмо Григорія генералу-отъ-кавалеріи Обрѣзкому отъ 9 сентября 1801, Арх. кабинета, св. 267.

Digitized by Google

Григорій, желая ковать желѣзо пока горячо, торопился въ Москву чтобъ и тамъ склонить Армянъ на свою сторону.

Прибывъ 20 сентября въ первопрестольную столицу Россіи, онъ не встрѣтилъ тамъ того что̀ ожидалъ. Онъ нашелъ тамъ архіепископа Ефрема дѣятельно хлопотавшаго о возведеніи на патріаршій престолъ Даніила. Григорій узналъ что Ефремъ, какъ глава духовенства всѣхъ Армянъ живущихъ въ Россіи, присутствовалъ при коронаціи императора, что онъ осыпанъ милостями государя, и будучи ему представленъ, имѣлъ случай доложить императору нѣкоторыя подробности по дѣлу избранія патріарха. Видѣвшись съ тремя братьями Лазаревыми *, архіепископъ Григорій убѣдился что и они принадлежатъ къ противной ему партіи. Чувствуя свое одиночество, но не желая сознаваться въ этомъ, Григорій писалъ Давиду что останется ему вѣрнымъ, будетъ хлопотать объ утвержденіи его патріархомъ, но для этого ему необходимы деньги, безъ которыхъ сдѣлать ничего невозможно. По его словамъ, архіепископъ Ефремъ и Лазаревы „обратились къ императорскимъ вельможамъ“ и при помощи подарковъ и обѣщаній достигли до императора. „Царь, тронутый фальшивымъ плачемъ Даніила, писалъ Григорій лжепатріарху Давиду **, повелѣлъ послу Тамарѣ васъ, владыку моего, смѣнить съ патріаршества и возвести въ таковой санъ Даніила, ибо, сказано въ рескриптѣ, вся нація желаетъ послѣдняго. Хотя я и старался объяснить все необходимое придворнымъ и приближеннымъ ко двору, но ложь нашихъ противниковъ на этотъ разъ оказалась сильнѣе нашей правды. 5 сего октября послѣдовало о семъ высочайшее повелѣніе, и Ефремъ торжествуетъ: онъ отправляетъ во всѣ концы свѣта письма объ этомъ повелѣніи. Хотя я также писалъ послу Тамарѣ и другимъ все необходимое, но настоящее императорское повелѣніе такое строгое что трудно пріостановить его. Вотъ еслибы вы послѣшили прислать къ императору Карапета варданета (монаха) съ прошеніемъ, быть-можетъ тогда можно будетъ надѣяться на благопріятный исходъ сего дѣла. Вамъ нужно серіозно подумать объ Ефремѣ.... *** Если же не послѣшите привести эти мѣры въ исполненіе (въ

* Ованесомъ (Иваномъ), Миною и Іоакимомъ.

** Въ письмѣ отъ 10 октября 1801.

*** Перерывъ въ подлинникѣ. Ар. М. И. Д. III—23, 1801—1807, № 8.

Digitized by Google

отношеніи Ефрема), то знайте что повелѣніе государя немедленно будетъ приведено въ исполненіе, и тогда наши старанія пропадутъ даромъ. Неужели вы деньги предпочитаете себѣ? Въ то время когда мы не щадили ничего и всюду чинили и клѣпали, вдругъ здѣсь рвется на нашу погибель... Не разъ я говорилъ вамъ: владыко, приготовь подарки царю, а вы все откладывали, и вотъ послѣдствія! Поспѣшите хоть теперь сдѣлать то что слѣдовало сдѣлать раньше. Вы отказались увѣдомить астраханскихъ Армянъ о моемъ назначеніи, вы писали нѣкоторымъ личностямъ что епископскаго сана я добился силою персидскихъ войскъ... Я все предаю забвенію, ибо пора все это оставить, но знайте что честь моя принадлежитъ вамъ, и обратно, а потому подумайте добиться побѣды... Хотя враги наши и сильны, но я здѣсь не перестану стараться, уповая на ваши святыя молитвы; если же вы поспѣшите прислать сюда Каралета съ прошеніями, то и я, воодушевившись, получу энергію и буду хлопотать. Теперь у меня ничего нѣтъ, денегъ ни гроша не осталось, ибо все что у меня было, все это вмѣстѣ съ сундукомъ похищено у меня въ Осетіи. Я лишился не только денегъ, но и драгоцѣнностей. Повѣрь что не имѣю чѣмъ нанять карету, а безъ денегъ и на дворъ не пускаютъ.

„Ефремъ сіяетъ и гремитъ противъ насъ, а Даніиловъ Нерсесъ не перестаетъ изъ Константинополя наполнять край нашъ воззваніями, посланіями и разными листьмами. Еслибъ я зналъ что Ефремъ такъ усилится, то я не мѣшкалъ бы такъ долго на Кавказѣ и своевременно предупредилъ бы его, но теперь онъ равносиленъ сатанѣ. Нѣсколько разъ пожелалъ я быть у него, поговорить наединѣ, но онъ не только отклонилъ, но и людей моихъ не принялъ. Хотя мало кто любитъ Ефрема, но въ лицѣ двухъ злѣйшихъ братьевъ Лазаревыхъ онъ находитъ большую поддержку. Г. Ованесъ (Иванъ) Лазаревъ въ параличѣ, близокъ къ смерти и сегодня или завтра душу свою отдастъ дьяволамъ *, но оставляетъ двухъ злѣйшихъ братьевъ. Спѣши, владыко, спѣши помочь мнѣ какимъ-нибудь способомъ, ибо императоръ молодъ и добръ и его легко склонить на свою сторону..... Помогите! не любите вы серебро выше своей чести и своей особы, ибо не серебро васъ пріобрѣтаетъ, а вы его.

---

* Ованесъ (Иванъ) Лазаревъ дѣйствительно скончался 25 октября 1801 года.

Digitized by Google

„Пришлите государю и коліи съ двухъ писемъ Кнорринга къ вамъ, а такъ же журналъ покойнаго Іосифа. Донесите государю что вещи покойнаго получены вами. Ефремъ между прочимъ гремитъ что будто я часть имущества Іосифа израсходовалъ въ Тифлисѣ, подкупивъ въ пользу патріаршества Давида, а остальную часть поднесъ хану Эриванскому..... И наконецъ прошу васъ обласкать и привлечь на свою сторону эчміадзинскихъ епископовъ чтобъ они сколько-нибудь смягчились, иначе, вамъ извѣстно что они сильно вооружены противу васъ.....“

Совѣты Григорія подѣйствовали на Давида тѣмъ болѣе что и другія лица ему преданныя убѣждали его тоже не стѣсняться средствами для достиженія цѣли.

„Ты для самого себя жалѣешь! писалъ Давиду Агаѣковъ изъ Константинополя. * Сколько есть у тебя денегъ, не жалѣй употреблять ихъ, и архимандрита Карапета съ нѣсколькими духовными послѣши съ большими дарами отправить въ Петербургъ къ государю. На завѣщаніи (Іосифа) свидѣтелями подпишутся: одинъ Григорій архіепископъ, а другаго ты самъ найди кого-нибудь. Еще же, владыка мой, по полученіи сего письма, напиши одинъ листъ и на одномъ дай приложить печати тѣхъ меликовъ которые были въ Петербургѣ. Въ немъ пропиши что армянскій патріархъ помазанный долженствуетъ быть одинъ, другому же быть нельзя. Денегъ не жалѣй, сколько имѣешь издерживай, а если не имѣешь ихъ, то самого себя продай и употребляй деньги: дѣло сіе должно совершиться чрезъ нихъ. Напиши что то ложно чтобы народъ Армянскій желалъ Даніила; пусть здѣсь въ Цареградѣ станутъ разбирать сіе; кромѣ четырехъ амираевъ другіе никто его не желаютъ, а здѣсь я, рабъ твой, разбирать сіе буду.“

Получивъ извѣстіе изъ Константинополя что Русское правительство требуетъ отъ Порты признанія патріархомъ Даніила и сознавая что единственный исходъ—послѣдовать совѣту своихъ сторонниковъ и при помощи подкупа стараться достигнуть того чего нельзя было получить по праву, Давидъ сталъ расхищать церковное имущество, надѣясь на пріобрѣтенныя такимъ образомъ деньги усилить свою партію. Онъ посылалъ тайно по ночамъ къ своему брату драгоцѣн-

* Отъ 29 ноября 1801.

Digitized by Google

ныя вещи * и на собранный отъ продажи ихъ капиталъ снарядилъ посольства въ Петербургъ и Константинополь. Онъ писалъ императору Александру что Ефремъ предъявилъ министерству ложныя бумаги, что Ефремъ и Даніилъ личные враги ему и что для разъясненія обстоятельствъ дѣла онъ, Давидъ, отправилъ въ Россію архіепископовъ Каралета и Авраама съ указами дарованными ему отъ шаха и султана на верховное патріаршество, съ единогласными общественными избирательными листами и поздравительными письмами присланными ему отъ всей армянской націи духовныхъ и свѣтскихъ особъ. Давидъ просилъ императора разрѣшить пропустить его посланныхъ въ Петербургъ, принять ихъ милостиво и разобрать: силою и взятками ли онъ присвоилъ себѣ престолъ, какъ оклеветали его враги, или же онъ избранъ по желанію единоземцевъ и вообще всѣхъ Армянъ „разнымъ владѣніямъ подвластныхъ“. Не настаивая на справедливости духовнаго завѣщанія Іосифа, но и не отрицая его, Давидъ старался доказать что избранъ народною волей и просилъ императора даровать ему грамоту утверждающую его верховнымъ патріархомъ всего Армянскаго народа **.

Посланные съ этимъ письмомъ были задержаны Кнорринтомъ, совѣтовавшимъ епископамъ возвратиться въ Эчміадзинъ ***. Оставшись въ Тифлисѣ они нашли возмож-

---

* Населеніе Эчміадзина знало о такихъ поступкахъ Давида и слѣдило за его повѣренными. Во время церковной службы, 31 января, было замѣчено что одинъ изъ слугъ Давида вынесъ подъ платьемъ какую-то вещь; то былъ небольшой сундучокъ наполненный драгоцѣнностями. Прослѣдивъ за нимъ, жители монастыря видѣли какъ сундучокъ былъ вложенъ въ мѣшокъ наполненный горохомъ и отправленъ къ брату Давида. Отправившіеся въ погоню остановили посланнаго и отобрали у него сундучокъ, въ которомъ оказались: святое копье, животворящее древо украшенное камнями, три креста украшенные брилліантами, два золотыя кадила, двое часовъ съ драгоцѣнными камнями, 22 перстня, 12 жемчужныхъ четокъ, мѣшокъ наполненный венеціанскими червонцами, табатерка съ голландскими червонцами, мѣшокъ съ 2.000 турецкихъ золотыхъ, семь фунтовъ жемчугу, восемь старинныхъ книгъ, пять кусковъ атласа, зрительная труба и слитокъ золота.

** Письмо Давида императору отъ 17 января 1802. Арх. М. И. Д. Ш—5, 1801, № 7.

*** Письмо Кнорринга Трощинскому 9 февраля 1802. № 445.

Digitized by Google

нымъ отправить прошеніе Давида къ архимандриту Григорію, который и представилъ его нашему правительству только въ половинѣ марта.

„Писаніе вашего святѣйшества отъ 17 января, сообщалъ Григорій, * на имя августѣйшаго императора сего мѣсяца въ пятый день я получилъ и сегодня перевожу оное чтобы съ переводомъ поднести императору. Безъ перевода же представить его въ иностранную коллегію неудобно, ибо по недоброжелательству ко мнѣ, она или неправильно переведетъ или совсѣмъ не представитъ императору. По той причинѣ я слѣшу самъ перевести и при краткой своей просьбѣ представить монарху.

„Владыка мой! тѣ люди кои дружбу и любовь ко мнѣ имѣли теперь отвратились въ противную сторону *не отчего инаго какъ по причинѣ скудости моей.* Богу извѣстно что еслибы г. Симонъ не прибылъ сюда, то принужденнымъ нашелся бы я съ безчестіемъ возвратиться отсюда, ибо пріятели и доброжелатели мои при первомъ свиданіи ожидали отъ меня подарковъ, и когда ничего не получили, а Ефрема видя щедрымъ, — обратились сердцемъ къ нему, и языкомъ только изъявляютъ приверженность ко мнѣ и то отъ стыда, по причинѣ давней со мною дружбы.

„При всемъ томъ, благодѣтель мой, нисколько не страшитесь раздора сего здѣсь и въ Царьградѣ отъ побужденій нѣкоторыхъ послѣдовавшаго. Не забудьте что во время покойнаго Гукаса (патріарха) оный (раздоръ) былъ болѣе, кольми паче соперники были тогда сильны, а нынѣшніе твои соперники совершенно безсильны. Борьба первыхъ продолжалась три года, а ваша, напротивъ, еще только нѣсколько мѣсяцевъ продолжается. Имѣйте твердый духъ и не опасайтесь въ надеждѣ на предстательство и помощь святыхъ мощей, въ вѣдѣніи вашемъ состоящихъ. Не жалѣйте серебра и злата ради чести своея, поелику все вы можете пріобрѣсти, кромѣ имени и чести, коихъ, упаси Богъ, если лишитесь, никогда болѣе не пріобрѣтете. О чемъ единственно вы и должны съ твердостію стараться.

„Отъ хана вашего (Эриванскаго) не отставайте; здѣсь скоро ослабѣетъ и ослабѣла уже здѣшняя власть (Ефрема), а наи-

---

** Въ письмѣ отъ 7 марта 1802. А. М. И. Д. гл. III—23, 1801 — 7, № 8.

Digitized by Google

паче здѣшній народъ не отстанетъ отъ святаго Эчміадзинскаго престола и не захочетъ быть подъ властью Учкиллисы или монастыря Св. Каралета. Если есть способъ, напишите письмо Кворрингу и черезъ посредство князя Соломона обѣщайте ему сумму. Отъ него зависитъ какъ увѣдомить императора, и какъ онъ присовѣтуетъ хану, такъ и будетъ. Поспѣшите присылкой къ нему черезъ князя письма, но такъ напишите, что когда кончится дѣло, то столько-то имѣете вы ему заплатить. Равно напишите и къ генералу Коваленскому, который также знакомъ князю Соломону; онъ есть тифлисскій гражданскій губернаторъ, меня очень любитъ и всѣ обстоятельства, прошедшія и настоящія, ему извѣстны.

„Не огорчайтесь что епископы теперь задержаны; по причинѣ той сіе случилось что у нихъ карманы полны (?). Я отъ себя писалъ чтобъ они слѣшили исполнить необходимое и доставить сюда письма, весьма здѣсь нужныя. Съ Богомъ все совершится по желанію вашему.

„Дважды писалъ ко мнѣ князь Соломонъ сими словами: *продай меня, но старайся дать дѣлу благопріятный ходъ.* Переводчики мои доселѣ не перевели мнѣ оное (выраженіе), а посылку сіи писаны на грузинскомъ языкѣ, то мнѣ неизвѣстно было содержаніе ихъ, а теперь, усовѣстясь, переводчики мои объявили мнѣ содержаніе писемъ князя Соломона. Отчего я нѣсколько успокоился и *могъ осмѣлиться войти въ долгъ*, а безъ того какую бы бѣдность ни имѣлъ, не посмѣлъ бы войти въ долгъ. Никто не повѣрилъ бы мнѣ, ибо здѣсь *человѣкъ не имѣющій денегъ равенъ съ дурною собакой, которая нигдѣ въ домъ не пускается* (?). Къ Ефрему же не знаю откуда, но дня не проходитъ чтобы по три и по пяти тысячъ и разныя вещи не присылались бы, чѣмъ онъ и ослѣпляетъ глаза у всѣхъ. Я даже на дневное пропитаніе не имѣю, а входить въ долгъ не смѣю, вспоминая прошедшія несправедливости. Что же касается до труда, то я живота своего не пожалѣю какъ теперь одинъ, такъ и по пріѣздѣ епископовъ, и не для того чтобы надѣялся получить отъ васъ воздаяніе, нѣтъ, но чтобы свѣтильникъ отца моего не погасъ и что можетъ могилѣ его воздадите вы честь....

„Повѣрь мнѣ, владыко мой, что всѣ пріятели мои и друзья удалились отъ меня узрѣвъ мою бѣдность, кромѣ отличныхъ душевно любезныхъ мнѣ Семена Сергѣевича (Иванова) астраханской таможни директора, князя Парсега (Василія) и

Digitized by Google

г. Симона, намъ вѣрныхъ, кои подобно орлятамъ летая окружаютъ меня и самихъ себя посвящаютъ въ храненіи особы вашей, не жалѣя собственности своей—да благословитъ ихъ Богъ за это. Недавно Семенъ Сергѣевичъ, при письмѣ своемъ исполненномъ обнадеживаніемъ, прислалъ тысячу рублей, коихъ стало мнѣ на одинъ мѣсяцъ.

„Объ обстоятельствахъ здѣшнихъ со всею подробностію и объ успѣхѣ дѣйствій моихъ увѣдомилъ я письмомъ живущаго въ Константинополѣ Геворка Агаекова, благодѣтельнаго посланника (Тамару) и смирнскаго архіерея архіепископа Мартироса. Нашъ протоіерей Стефанъ съ коликою вѣрностію трудится въ Цареградѣ и какія письма посылаетъ въ Индію, того перо мое не въ состояніи изъяснить; я не упускаю ни одной почты писать къ нему и болѣе его усиливать.

„Письмо архіерея Мартироса, поелику писано на имя посланника, а отъ сего послѣдняго сюда прислано, то министры не представили оное императору, но я писалъ въ Константинополь и Смирну, чтобы писали на имя императора и оное ко мнѣ доставили для перевода и поднесенія государю.

„Я слышалъ что Ефремъ хочетъ въ сіе воскресенье здѣсь и во всей здѣшней епархіи заставить провозгласить въ церквахъ имя Даніила. Онъ можетъ все сдѣлать, ибо никто ему не противится; стыдъ націи что прилѣпясь къ сему черницу осѣлила себя. Четыре человѣка * животъ свой и имѣніе положили для Даніила; не четыреста ли у васъ таковыхъ есть кои послѣдняго имущества своего не жалѣютъ, кольми паче ради справедливости и славы націи.... Императору донесено что нація не желаетъ Давида, но Даніила хочетъ имѣть на престолѣ. Наши письма съ трудомъ доходятъ до императора по причинѣ *недостатка моего*. Еслибы не то, могло ли бы все сіе случиться?

„Я удивляюсь что за мѣсяцъ впередъ доходятъ сюда извѣстія о всемъ что у васъ дѣлается. Теперь писано сюда, будто святое копье положили вы въ гороховый мѣшокъ и отослали въ Эривань со множествомъ золота. Теперь слышу что Ефремъ писалъ хану письмо. Вы постарайтесь узнать что въ немъ писано и буде найдете что противное, то можете копію съ онаго мнѣ прислать. Старайтесь только твердо

* Архіепископъ Ефремъ и три брата Лазаревы.

Digitized by Google

сидѣть на своемъ мѣстѣ. Государи не свергнутъ васъ противъ желанія націи, а паче если ханъ не измѣнитъ вамъ. Я также удивляюсь какъ можетъ онъ (ханъ) оставить своего пріятеля, а врага тѣла и души своей допустить къ себѣ, ко вреду всего дома своего. Нужно чтобъ онъ послѣшилъ прислать человѣка къ Кнорррингу или къ императору и оправдать себя противъ клеветы Даніила и Ефрема, ибо по объявленію ихъ Мамедъ-ханъ (Эриванскій) и Келбъ-Али-ханъ (Нахичеванскій) признаны разрушителями мѣста и престола вашего. Не случилось бы чтобы войска здѣшнія по просьбѣ Даніила пошли на помощь ему и охраненіе страны вашей, ибо когда онъ будетъ католикосомъ—все можетъ сдѣлать. И такъ глупъ ханъ тотъ, который такого врага, будучи черезъ серебро обманутъ, внутрь къ себѣ принимаетъ. Прошу васъ о семъ отъ меня черезъ мелика объявить для осторожности хану и поклонъ мой ему изъявить."

Предупрежденію этому Григорій придавалъ большое значеніе, такъ какъ онъ зналъ что еще въ февралѣ мѣсяцѣ заготовлялась утвердительная грамота императора на имя Даніила и наше правительство принимало мѣры къ тому чтобъ убѣдить Эриванскаго хана принять Даніила въ Эчміадзинскій монастырь и содѣйствовать его возведенію на патріаршій престолъ. Григорію извѣстно было также и то что Порта согласилась признать Даніила патріархомъ и отправила къ нему фирманъ султана которымъ повелѣно было Баязетскому и другимъ пашамъ отдавать Даніилу приличныя почести и безъ письменнаго разрѣшенія никого изъ духовныхъ никуда не пропускать.

Получивъ этотъ фирманъ Даніилъ рѣшился выдти изъ выжидательнаго положенія, и 25 мая, близъ Баязета, на рѣкѣ Евфратѣ, въ армянскомъ монастырѣ Св. Іоанна (Учкиллисѣ), онъ мѵроломазался при собраніи духовенства и въ присутствіи болѣе 3.000 Армянъ.

Происшествіе это возбудило со стороны Давида новое преслѣдованіе духовенства. Пренебрегая уставами церкви и чувствомъ человѣколюбія, лже-патріархъ жестоко обращался со своими противниками. „Со временъ просвѣтителя нашего * и

* Письмо къ императору подписанное 40 епископами отъ 2 іюня 1802. Арх. Министр. Иностр. Дѣлъ.

Digitized by Google

ло нынѣ, писали епископы, еще никогда не было въ націи нашей такого первоначальника который бы столь несправедливые чинилъ поступки. Онъ безнаказанно и многочисленныя муки день ото дня причиняетъ бѣдному нашему единогласію: однихъ сѣчетъ, другихъ въ тюрьму заключаетъ." Имѣя постоянно при себѣ персидскую стражу, Давидъ подозрительныхъ епископовъ и монаховъ отправлялъ въ Эривань, гдѣ они подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ и затѣмъ возвращались въ Эчміадзинъ, подъ видомъ раскаянія. Нераскаявшихся онъ заключалъ въ темницы, въ амбары съ ячменемъ или запиралъ въ отдѣльныхъ комнатахъ. Такое положеніе было невыносимо для духовенства, и однажды монахи съ палками и камнями бросились на патріаршій домъ и освободили заключенныхъ. Затѣмъ собравшись въ церковь все духовенство предъ *мѣстомъ сошествія Единороднаго Сына* дало клятву и написало Давиду что за разные противозаконные и варварскіе поступки не признаютъ его патріархомъ и предали анаѳемѣ какъ Давида, такъ и его сторонниковъ.

На другой день лже-патріархъ приказалъ запереть монастырскія ворота, и тогда братія разобравъ стѣну цѣлою толпой отправилась въ Эривань жаловаться хану и просить о смѣнѣ Давида и утвержденіи Даніила. Подговоренный мелликомъ, обѣщавшимъ большіе подарки, ханъ приказалъ заковать и заключить въ темницу нѣкоторыхъ епископовъ, а остальныхъ отправилъ подъ конвоемъ въ Эчміадзинъ, гдѣ они и были заперты въ своихъ кельяхъ. „Когда же разсвѣло, писали потерпѣвшіе, * то многіе изъ насъ кричали изъ келій: отпустите насъ на дворъ, дабы совершить долгъ природы и затѣмъ вновь можете насъ запереть, но никто не хотѣлъ насъ слушать"...

Имѣя на своей сторонѣ грубую силу, Давидъ заготовилъ хвалебныя о себѣ письма и приказалъ чтобы заключенные подписали ихъ. Кто прикладывалъ свою печать и подписывалъ, тому возвращалась свобода, а кто не соглашался исполнить этого требованія, тотъ оставался въ заключеніи.

— Долго ли мы будемъ подписывать ложныя бумаги? спросилъ епископъ Евдокійскій.

За этотъ вопросъ онъ былъ посаженъ въ яму и вытащенъ

* Въ циркулярномъ посланіи къ Арменамъ. *Кавказская Старина*, стр. 191.

Digitized by Google

только тогда когда просидѣвъ 20 дней заболѣлъ и сталъ просить причастія. Большинство не желало, конечно, испытывать подобныя мученія и исполняло требованіе лже-патріарха, который, заручившись подписями многихъ лицъ на составленныхъ имъ письмахъ, разсылалъ ихъ всюду какъ доказательство желанія духовенства и народа имѣть его своимъ католикосомъ. Къ крайнему огорченію Давида письма эти не достигали той цѣли для которой предназначались, и его сторонники просили денегъ для подкрѣпленія своихъ ходатайствъ.

„Какъ письмо ваше и намѣстника, писалъ Давиду епископъ Стефанъ изъ Галатіи, * такъ равно и общественный листъ горскихъ жителей и просьбы хану нами получены, но оные ни къ чему не пригодились. Хотя бы сто такихъ писемъ было, и тѣ бы ничего не помогли *безъ денегъ*. Мы нарочнаго Татарина послали къ вамъ чтобъ употребили всю возможность доставить къ намъ денегъ до ста мѣшковъ. Буде же вы скажете что сего нельзя сдѣлать тайно, то я вамъ на это скажу что ничего нѣтъ у васъ тайнаго о чемъ бы здѣсь весь городъ не зналъ. Вы только постарайтесь ихъ доставить ко мнѣ, а какъ бы гласно то ни было, васъ въ томъ винить никто не будетъ, ибо всѣ удивляются вашей скулости и говорятъ что Даніилъ пока не послалъ мѣшками золото и узлами шали не могъ поворотить дѣла сего. А про васъ говорятъ что онъ будучи самъ на мѣстѣ лусть продастъ всю утварь и все имѣніе престола лусть въ закладъ положитъ Туркамъ. Когда престолъ ему достанется, лусть живетъ бѣдно, а если не достанется оный ему, то лусть тотъ кто будетъ что хочетъ то и дѣлаетъ.“

Подобныхъ совѣтовъ давать Давиду было нечего. Мы видѣли что онъ давно уже приступилъ къ расхищенію церковнаго имущества и на вырученныя деньги успѣлъ добиться того что Эриванскій ханъ запретилъ духовенству отлучаться изъ монастыря или отсылать куда бы то ни было письма безъ вѣдома Давида, причемъ объявлено что уличенному въ такихъ поступкахъ будетъ выбрита борода и онъ долженъ будетъ заплатить сто тумановъ (1.250 піастровъ) штрафа.

Между тѣмъ въ началѣ іюня въ Тифлисѣ узнали объ отправленіи Даніилу изъ Петербурга грамоты императора.

* Отъ 23 іюня 1802 Арх. М. И. Д.

Digitized by Google

Основываясь на сообщеніи архимандрита Григорія * сторонники Давида не вѣрили этому и отчасти находили поддержку въ правителѣ Грузіи Коваленскомъ, имѣвшемъ причину не желать утвержденія Даніила. Получивъ отъ архіепископа Ефрема увѣдомленіе объ утвержденіи Даніила патріархомъ, тифлисскій архіепископъ Іоаннъ хотѣлъ отслужить обѣдню, но архіепископъ Каралетъ, сторонникъ лже-патріарха, и князь Соломонъ Аргутинскій, при содѣйствіи Коваленскаго, заперли церковныя двери и не допустили совершить литургію. Архіепископъ Іоаннъ обратился тогда съ просьбой къ правителю Грузіи дозволить провозгласить Даніила патріархомъ, но Коваленскій отвѣчалъ что по сообщенію частнаго лица разрѣшить этого не можетъ, пока не получитъ предписанія отъ генерала Кнорринга. 7 іюня предписаніе это было получено въ Тифлисѣ, и „нужно было глазами смотрѣть и ушами слушать, писалъ Іоаннъ архіепископу Ефрему, въ какомъ положеніи были сердца людей изъ партіи законнаго патріарха Даніила и беззаконнаго Давида. Мы воскресшаго изъ могилы благословляли, а они умершаго оплакивали." Вскорѣ послѣ того утвердительная грамота на имя Даніила была опубликована во всѣхъ церквахъ Тифлиса. Въ день объявленія, въ церковь во имя *Божіей Матери* былъ принесенъ портретъ императора Александра I, подъ которымъ на подушкахъ были положены: грамота и переводы ея на армянскомъ и грузинскомъ языкахъ: Поднявъ портретъ и подушки, духовенство въ полномъ облаченіи съ крестами и хоругвями отправилось въ соборъ, и у крѣпостныхъ воротъ было встрѣчено архіепископомъ Іоанномъ. Въ соборѣ собрались почти всѣ представители русской власти: генералы, офицеры и чиновники; сюда же прибыли многіе грузинскіе князья и собралось множество народа. По окончаніи литургіи прочитана высочайшая грамота, при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ. Вечеромъ, въ армянскомъ монастырѣ было устроено угощеніе народу и колокольни всѣхъ церквей иллюминованы.

---

* Григорій писалъ князю Соломону Аргутинскому что „хотя о грамотѣ у васъ будетъ какой слухъ, хотя бы и князь Куракинъ писалъ, вы не вѣрьте, ибо все сіе пустое." „Для чего вы вѣрите письму Ефрема, писалъ въ другой разъ Григорій, знайте что я получилъ вновь по тысячѣ рублей отъ Е. И. В., и просилъ чтобы грамота не на имя Даніила, а на имя Давида была издана."

Digitized by Google

Спустя нѣсколько дней послѣ торжества Армянъ, Коваленскій отправилъ Даніилу письмо, въ которомъ, поздравляя его съ милостью императора, увѣрялъ что утвержденіе его въ санѣ католикоса послѣдовало будто бы по его ходатайству. Даніилъ благодарилъ правителя Грузіи и прислалъ ему въ подарокъ четыре персидскія шали и нѣсколько кусковъ азіятскихъ ситцевъ. Получивъ эти подарки, для передачи по принадлежности, архіепископъ Іоаннъ узналъ отъ посланнаго что вмѣстѣ съ письмомъ къ Даніилу Коваленскій отправилъ точно такое же и къ Давиду, съ увѣреніемъ что онъ останется навсегда сильнымъ его ходатаемъ и чтобы Давидъ не отчаивался. Письмо это сдѣлалось извѣстно многимъ, и въ Эчміадзинѣ говорили во всеуслышаніе что наиболѣе сильная поддержка Давида исходитъ изъ Тифлиса. Главнѣйшими пособниками его были: князь Соломонъ Аргутинскій и тифлисскій казначей Иванъ Бегтабековъ *, человѣкъ весьма близкій къ Коваленскому. Пользуясь расположеніемъ послѣдняго, Бегтабековъ и князь Аргутинскій увѣряли Армянъ что дѣйствуютъ именемъ правителя Грузіи, а слѣдовательно согласно съ желаніемъ Русскаго правительства. Въ справедливости этого убѣждало Армянъ еще и то обстоятельство что Коваленскій, подъ видомъ просьбы прислать ему цѣлительной воды изъ колодца монастыря Св. Іакова или и подъ другими предлогами, нѣсколько разъ посылалъ своихъ людей къ Давиду. Обнадеживая его своею поддержкой, Коваленскій настолько убѣдилъ Давида въ возможности снискать расположеніе Русскаго правительства что лже-патріархъ не вѣрилъ самымъ очевиднымъ доказательствамъ противнаго. Давидъ не обратилъ должнаго вниманія на то что въ іюлѣ Кноррингъ отправилъ въ Эривань титулярнаго совѣтника Гинцаурова съ письмомъ, относительно доставленія хану высочайшей грамоты, въ которой императоръ требовалъ возведенія Даніила на Эчміадзинскій патріаршій престолъ.

„Я ожидаю, писалъ Кноррингъ въ наставленіи Гинцаурову, ** что ханъ Эриванскій бывъ доселѣ на сторонѣ облекшагося въ патріаршеское достоинство Давида, представлять вамъ будетъ затрудненія въ отторженіи Давида отъ настящей вла-

* Дѣйствительная его фамилія была Магакевъ, а фамилію Бегтабекова онъ принялъ по женѣ.

** Отъ 13 іюля 1802 года. *Ак. Кав. Арх. Ком.* Т. I, № 684.

Digitized by Google

сти; описывать станетъ что Давидъ утвержденъ уже Турецкимъ султаномъ и Баба-ханомъ (правителемъ Персіи, въ послѣдствіи шахомъ) и признанъ всѣми сопредѣльными Эчміадзину ханами; не упуститъ конечно прибавить что и Е. И. В. имѣлъ прежде желаніе дабы былъ избранъ въ патріархи армянскіе одинъ изъ назначенныхъ въ завѣщаніи покойнаго Іосифа и многое прочее: то вы на все сіе долженствуете изъяснить хану что хотя Давидъ и получилъ было отъ Порты Оттоманской берать на достоинство патріаршее, но какъ по ближайшемъ изслѣдованіи духовная патріарха Іосифа оказалась незаслуживающею вѣроятія, а между тѣмъ гласъ народа Армянскаго обитающаго въ имперіяхъ Всероссійской и Турецкой призывалъ на престолъ патріаршій Даніила, Е. И. В., основывая всегда дѣла свои на справедливости, высочайше склонился на удовлетвореніе единодушнаго желанія Армянскаго народа, и по утвержденіи Даніила бератомъ въ патріаршемъ достоинствѣ отъ Блистательной Порты, съ чѣмъ вмѣстѣ берать полученный Давидомъ потерялъ уже свою силу, признанъ онъ, Даніилъ, въ патріаршемъ достоинствѣ и Е. И. В., на что и высочайшая грамота къ нему, Даніилу, уже воспослѣдовала, каковою однако Давидъ снабженъ доселѣ не былъ. Вообще утверждать хану что Даніилъ признанъ уже твердымъ образомъ въ патріаршемъ достоинствѣ, что на введеніе его въ обитель патріаршую въ Эчміадзинъ есть высочайшая воля, что какъ ханъ почитаемъ былъ всегда приверженнымъ къ скипетру Всероссійскаго самодержца, то и теперь Е. В. уповаетъ несомнѣнно что ханъ покажетъ опытомъ свою преданность. За всѣмъ тѣмъ увѣрить хана что у меня хранится по дѣлу сему высочайшая за собственноручнымъ его императорскаго величества подписаніемъ грамота, но что оная мною теперь удерживается въ отвращеніе дабы скрытые какіе-либо недоброжелатели, безвременно увидѣвъ ее у него, могли обнесть его напрасно предъ Баба-ханомъ; но что, впрочемъ, коль скоро ханъ долущеніе Даніила въ Эчміадзинъ положитъ на мѣрѣ и обяжется доставлять ему, патріарху, зависящія отъ него дружескія для безопасности пособія и защиту, учинивъ все сіе къ особливой Е. И. В. благоугодности получитъ отъ меня и вышеупомянутую высочайшую грамоту."

Эриванскій ханъ встрѣтилъ Гинцаурова весьма привѣтливо и просилъ прислать грамоту.

Digitized by Google

— Она будетъ къ вамъ доставлена, отвѣчалъ Гинцауровъ,— какъ только ваше высокостепенство дадите несомнѣнное увѣреніе что будете оказывать патріарху Даніилу подобающее его сану уваженіе и водворите его въ Эчміадзинѣ.

— Для меня Даніилъ и Давидъ одинаково равны, говорилъ ханъ,—и если я до сихъ поръ оказывалъ предпочтеніе послѣднему, то согласовался съ настояніемъ русскаго начальства въ Грузіи.

— Кого вы разумѣете подъ именемъ начальства?

— Правителя Коваленскаго, который въ своихъ сношеніяхъ со мною каждый разъ напоминаетъ что онъ руководитель всѣхъ дѣлъ, и чтобъ я ни къ кому другому, кромѣ его, не относился. Онъ не перестаетъ ходатайствовать за Давида. Я всегда за счастье считалъ быть достойнымъ милости Е. И. В. и за удовольствіе быть въ дружественныхъ сношеніяхъ съ русскимъ начальствомъ и потому никогда не думалъ быть поставленнымъ въ такое положеніе.

Мамедъ говорилъ что не знаетъ кому вѣрить: Коваленскому или Кнорринту, и для опредѣленія дѣйствительнаго желанія Русскаго правительства просилъ поторопиться присылкой къ нему грамоты императора Александра I. Ханъ увѣрялъ Гинцаурова что искренно желаетъ и готовъ исполнить волю Государя, но подкупленный Давидомъ не могъ отказаться отъ его поддержки.

„Ваше превосходительство, отвѣчалъ онъ Кнорринту, изволили писать о патріархѣ Даніилѣ, дабы я также имѣлъ стараніе объ утвержденіи его въ Эчміадзинѣ, на что симъ почтеннѣйше донести имѣю: находящійся нынѣ въ Эчміадзинѣ патріархъ избранъ отъ общаго согласія, о чемъ не безъизвѣстно Турецкому и Персидскому дворамъ, да и въ законахъ сего обряда есть такое постановленіе: доколѣ избранный патріархъ живъ, то не можно его лишить достоинства и мѣста.“

Такой отвѣтъ ободрилъ Давида и онъ сталъ дѣйствовать еще рѣшительнѣе. Лже-патріархъ отправилъ значительные подарки Баба-хану и послалъ въ Константинополь тифлисскаго урожденца епископа Степана съ 300 мѣшками золотой монеты. Давидъ просилъ Шерифъ-пашу ахалцыхскаго и другихъ оказать ему содѣйствіе въ столицѣ султана, обѣщая вознаградить ихъ хлопоты деньгами и подарками.

Digitized by Google

Прибывъ въ Константинополь въ сопровожденіи чиновника Эриванскаго хана, Степанъ остановился у своего пріятеля и единомышленника Армянина Агаекова, служившаго въ русскомъ посольствѣ и бывшаго однимъ изъ главныхъ агитаторовъ въ пользу Давида. Сторонники послѣдняго распустили слухъ что отъ архимандрита Григорія изъ Россіи получено письмо въ которомъ онъ пишетъ, что императоръ согласился уже утвердить Давида, приказалъ сослать въ Сибирь архіепископа Ефрема, а его, Григорія, назначилъ архіепископомъ всѣхъ Армянъ живущихъ въ Россіи. Слуху этому многіе повѣрили, и интрига шла тѣмъ успѣшнѣе что нашъ посланникъ въ Константинополѣ Тамара, если не покровительствовалъ явно партіи Давида, то смотрѣлъ на ея дѣятельность сквозь пальцы. Имѣя прежде нѣсколько столкновеній съ Даніиломъ, когда тотъ былъ титулярнымъ константинопольскимъ патріархомъ, Тамара былъ его противникомъ и втайнѣ сочувствовалъ Давиду.

Дѣйствуя чрезъ визирскаго казначея Армянина Пилиноса Арлиріана, Агаековъ и епископъ Степанъ поднесли визирю 30 тысячъ рублей и представили ему что законы религіи воспрещаютъ Армянамъ смѣнять патріарха если онъ уже помазанъ и повелѣваютъ оставлять его на престолѣ до кончины. Визирь убѣдился этими доводами, а болѣе всего деньгами, и 21 октября послѣдовали два султанскіе указа: одинъ о признаніи патріархомъ Давида, а другой о смѣщеніи титулярнаго патріарха Григорія и о назначеніи на его мѣсто опять Ованеса, сторонника Давида *.

Вслѣдъ за тѣмъ запрещено было въ константинопольскихъ церквахъ уломинать имя Даніила, а смѣщеннаго Григорія приказано отослать въ Ученицу, и когда онъ туда прибудетъ, то отправить его вмѣстѣ съ Даніиломъ въ Эчміадзинъ. Распоряженіе это произвело весьма сильное впечатлѣніе на константинопольскихъ Армянъ, и на вопросъ ихъ о причинѣ такой перемѣны, Порта отвѣчала что Давидъ прежде былъ утвержденъ въ этомъ достоинствѣ и уже владѣетъ Эчміадзинскимъ престоломъ. Точно такой же отвѣтъ былъ сообщенъ и нашему посланнику Тамарѣ, который донося объ этомъ присовокуплялъ что не имѣя будто бы на этотъ случай

* Изъ прошенія патріарха Григорія императору 2 мая 1803 года.

Digitized by Google

особыхъ инструкцій, онъ удержался отъ всякихъ объясненій съ Портой *.

Бездѣятельность нашего посольства имѣла весьма вредное вліяніе на послѣдующія событія, и партія Давида стала возрастать. Намѣстникъ новаго константинопольскаго титулярнаго патріарха, архимандритъ Андрей, составилъ избирательный листъ на имя Давида и обходя духовныхъ и свѣтскихъ заставлялъ подписывать свои имена и прикладывать печати. Армяне долго противились, но опасаясь гоненій и грубаго насилія со стороны турецкой власти рѣшились подписать листъ, содержаніе котораго указывало что подписавшіе его сдѣлали это по принужденію.

„Великій султанъ Турецкій, сказано было въ этомъ документѣ, вторично возобновилъ бератъ и фирманъ, утвердилъ оные на имя его (Давида) и на имя Ованеса патріарха константинопольскаго; намъ же должно пребывать подъ властью въ покорности и не противиться вопреки воли Божіей противу повелѣнія великаго Турецкаго султана чтобы не потерпѣть бѣдственнаго наказанія, духовнымъ отъ Бога, а свѣтскимъ отъ здѣшняго государя.“

Исполнивъ такимъ образомъ желаніе Турецкаго правительства и зная что избирательный листъ этотъ переданъ нашему посланнику, константинопольскіе Армяне рѣшились отправить въ Петербургъ архимандрита Эммануила, чтобъ объяснить нашему правительству что избраніе Давида сдѣлано ими по принужденію.

„Теперь церковь наша, писали Армяне, уподобилась обителищу лисицъ (?). Когда на эктиньяхъ уповинаютъ имя Давида, то слышащіе оное изъ церкви уходятъ. Патріаршій же домъ нашъ сдѣлался жилищемъ янычаръ, чтобъ устрашить непмущихъ (приверженцевъ Даніила), дабы подписали согласіе и приложили печати въ пользу Давида..... По неимѣнію начальника мы теперь какъ овцы безъ пастыря или какъ младенецъ безъ родителей.“

---

* Письмо Тамары министру иностранныхъ дѣлъ отъ 15 ноября 1802. Хотя Тамара и не имѣлъ на этотъ случай особой инструкціи, но точная воля императора была ему выражена въ рескриптѣ отъ 28 сентября 1801 и въ указѣ коллегіи отъ 19 мая 1802 года.

Digitized by Google

IV.

Насильственное отправленіе Даніила въ Эчміадзинъ.—Письмо генерала Лазарева Эриванскому хану.—Положеніе Даніила въ Эчміадзинѣ.—Интриги Давида въ Тифлисѣ.—Участіе въ этомъ правителя Грузіи Коваленскаго.—Принудительное отреченіе Даніила въ пользу Давида.—Переговоры Лазарева съ посланнымъ Эриванскаго хана.

Прежде чѣмъ письма константинопольскихъ Армянъ достигли до Петербурга, въ Эчміадзинѣ совершились весьма крупныя событія.

Получивъ извѣстіе что Порта склонилась на его сторону, Давидъ потребовалъ отъ паши баязетскаго выдачи Даніила; паша отвѣчалъ что исполнитъ это не прежде какъ получитъ обѣщанную сумму. Давидъ отправилъ въ Баязетъ 75 мѣшковъ денегъ, и тогда Даніилъ долженъ былъ оставить свое убѣжище въ Учкиліскомъ монастырѣ и пріѣхать въ Баязетъ, гдѣ ему было объявлено что по поводу послѣдовавшаго отъ Порты утвердительнаго фирмана на санъ патріаршій Давиду и по повелѣнію султана онъ, Даніилъ, долженъ быть переданъ Эриванскому хану. Даніилъ протестовалъ противъ такого самоуправства, но былъ силою отвезенъ сначала въ Эривань, а потомъ въ Эчміадзинъ, гдѣ и переданъ въ руки Давида.

Въ ноябрѣ пріѣхалъ въ Тифлисъ посланный Даніиломъ архіепископъ Минасъ съ мѵромъ для раздачи его въ армянскихъ монастыряхъ и церквахъ находившихся въ Грузіи. Онъ сообщилъ что злополучный патріархъ находится въ заключеніи и подвергается разнымъ притѣсненіямъ со стороны Давида и что Эриванскій ханъ принялъ всѣ мѣры чтобы Даніилъ не могъ сноситься съ Русскимъ правительствомъ.

Разказъ этотъ возбудилъ всеобще негодованіе Армянъ, и представитель ихъ въ Тифлисѣ архіепископъ Іоаннъ обратился къ Коваленскому съ просьбой внушить Эриванскому хану, чтобъ онъ оказывалъ Даніилу почести подобающія его сану *.

— До меня это не касается, отвѣчалъ Коваленскій;—обратитесь къ генералу Лазареву, командующему здѣсь войсками и управляющему дѣлами по политической части.

* Письмо Іоанна генералу Лазареву 3 декабря 1802. Ар. Мин. И. Д.

Digitized by Google

Лазаревъ исполнилъ желаніе архіепископа Іоанна и отправилъ въ Эриванъ дьячка соборной армянской церкви Гавріила съ письмомъ къ хану.

„Получивъ сего числа свѣдѣніе, писалъ Лазаревъ *, что патріархъ всего Армянскаго народа Даніилъ, удостоенный на сей священный санъ высочайшею Е. В. предварительною грамотой и высочайшимъ покровительствомъ, прибылъ въ предѣлы владѣній вашего высокостепенства, то и надѣюсь я что въ оныхъ его святѣйшеству оказываемы будутъ подобающія сану его почтеніе и уваженіе, тѣмъ паче что симъ подвигомъ вы докажете истину всегдашняго желанія вашего быть достойнымъ высочайшаго покровительства, неоднократно вашимъ высокостепенствомъ изъявленнаго."

Прежде чѣмъ отвѣчать на письмо ханъ прислалъ въ Тифлисъ своего посланнаго, который предъявилъ „требованія предосудительныя для Грузіи". Лазаревъ принужденъ былъ конечно отказать, и посланный отправился обратно, исполнивъ впрочемъ главное порученіе на него возложенное. Предъ отъѣздомъ онъ былъ у Коваленскаго, которому отъ имени Давида обѣщалъ значительную сумму если онъ поддержитъ его и будетъ содѣйствовать къ утвержденію въ патріаршемъ достоинствѣ. Коваленскій былъ не прочь воспользоваться такимъ предложеніемъ и отправилъ въ Эриванъ Персіянина Алла-Верды, жившаго въ Тифлисѣ. Подъ предлогомъ переговоровъ съ ханомъ относительно торговли, Алла-Верды долженъ былъ отвезти письма Давиду отъ его единомышленниковъ, съ увѣреніемъ что онъ найдетъ въ Коваленскомъ сильную поддержку и ходатая объ утвержденіи его патріархомъ.

Одновременно съ возвращеніемъ Алла-Верды изъ Эривани, пріѣхалъ въ Тифлисъ и дьячокъ Гавріилъ, не привезшій никакого отвѣта и объявившій Лазареву что при свиданіи съ нимъ ханъ велъ себя двулично и уклончиво.

— По содержанію письма генерала, сказалъ ханъ Гавріилу,— я посовѣтуюсь съ Келбъ-Али-ханомъ (нахичеванскимъ) и другими чиновниками и тогда дамъ отвѣтъ.

— Вамъ должно быть извѣстно, замѣтилъ Гавріилъ,—сколь великъ и силенъ султанъ Турецкій, но и тотъ исполняетъ желаніе Русскаго императора. А какъ есть уже высочайшая

* Эриванскому хану отъ 3 декабря 1802. Тамъ же.

Digitized by Google

воля чтобъ армянскимъ патріархомъ былъ Даніилъ, а не Давидъ, то исполните ли вы это? Эчміадзинскій монастырь принадлежитъ Армянамъ, и патріархъ всегда избирается народною волей, утверждается императоромъ, а такъ какъ Даніилъ утвержденъ послѣднимъ и избранъ народомъ, то согласны ли вы признать его патріархомъ?

— Русскій императоръ и султанъ Турецкій равны между собою, отвѣчалъ ханъ.—Султанъ далъ фирманъ на патріаршество Давиду, и если Русскій императоръ убѣдилъ султана выдать новую грамоту Даніилу, тогда и я согласенъ признать его патріархомъ.

— Султанъ уже давно согласился на избраніе Даніила и слѣдовательно согласіемъ этимъ уничтожилъ фирманъ выданный Давиду.

— Это справедливо, но я отправилъ въ Константинополь своего посланнаго который везетъ новый фирманъ Давиду.

Отпуская Гавріила ханъ обѣщалъ дать отвѣтъ послѣ совѣщанія со своими чиновниками и съ Келбъ-Али-ханомъ. Послѣдній совѣтовалъ подарить Даніилу халатъ и признать его патріархомъ.

— Стóитъ ли для одного монаха, говорилъ ханъ Нахичеванскій,—противиться волѣ императора.

— О Даніилѣ нѣтъ повелѣнія государя, отвѣчалъ Мамедъ-ханъ,—я достовѣрное получилъ о томъ извѣстіе изъ Тифлиса *.

Извѣстіе это заключалось въ томъ что Алла-Верды привезъ письмо Бегтабекова къ мелику Алріаму, въ которомъ тотъ писалъ что утвержденіе Даніила патріархомъ не составляетъ вовсе желанія Русскаго правительства и „государевой воли на то нѣтъ“, а что это только интриги тифлисскаго архіепископа Іоанна.

Мамедъ-ханъ Эриванскій вѣрилъ безусловно этому сообщенію, и положеніе Даніила значительно ухудшилось, тѣмъ болѣе что между его противниками и правителемъ Грузіи завязалась тайная переписка и работа въ пользу Давида.

„Мы теперь содрагаемся между смертію и жизнію, писалъ Даніилъ архіепископу Іоанну **. Требуетъ отъ насъ письмо, какое самъ хочетъ; мы же изнеможенные должны писать по

* Письмо князя Орбеліани Лазареву отъ 11 января 1803 года.

** Въ письмѣ отъ 15 декабря 1802 года. Арх. М. И. Д.

Digitized by Google

волѣ его (Давида) и подписываться такъ: *Данінлъ архіепископъ единоеласникъ св. Эчміадзина.* Мы думаемъ что скоро заставятъ писать къ августѣйшему императору въ такомъ смыслѣ что поелику я старъ и боленъ, то охотно поручилъ патріаршество мое такому-то. Такого жь рода письма заставляютъ писать и къ тебѣ, къ архимандриту Миласу и къ Ефрему архіепископу, многотрудящемуся брату моему. Но все мною писанное есть воля принуждающихъ.....

„Не продолжаемъ далѣе; извѣщаемъ только что мы еще живы. Если случится намъ умереть, то умремъ въ надеждѣ на Господа Іисуса Христа; если же будемъ жить, то не престанемъ со благоговѣніемъ прославлять его имя чтò удостоилъ насъ быть мучимыми. Еще же прошу не обвинять насъ что мы не купили самихъ себя цѣною, что сочли полезнѣе умереть, а не хотѣли собранныя во имя Христа и на украшеніе храма Его подаянія употребить на пріобрѣтеніе кратковременной и горестной жизни.“

Еще ранѣе полученія этого письма, именно 11 декабря, въ Тифлисѣ узнали что къ архимандриту Каралету прибылъ изъ Эчміадзина посланный отъ лже-патріарха Давида съ письмами и бумагами. Архіепископъ Іоаннъ просилъ Коваленскаго отобрать эти бумаги, чтò и было исполнено въ ту же ночь въ присутствіи Іоанна тифлисскимъ комендантомъ. Запечатавъ ихъ въ одинъ пакетъ и приложивъ къ нему свою печать Іоаннъ отдалъ ихъ коменданту, а тотъ отвезъ къ Коваленскому.

— Чтò мнѣ дѣлать теперь? спрашивалъ Іоаннъ на слѣдующее утро Соколова *.

— Ѣхать къ Коваленскому и просить чтобы пакетъ былъ при васъ распечатанъ.

Правитель Грузіи, не желая принять архіепископа, просилъ его пріѣхать на слѣдующій день, но Іоаннъ потребовалъ непремѣннаго свиданія, и Коваленскій принужденъ былъ согласиться. Іоаннъ просилъ распечатать при немъ тѣ бумаги которыя были отобраны отъ Каралета, а Коваленскій указалъ на свой столъ, на которомъ бумаги эти лежали уже распечатанными. Не найдя между ними двухъ писемъ адресованныхъ

* Соколовъ былъ посланъ изъ Петербурга въ Имеретію по дѣлу объ освобожденіи царевича Константина и временно находился тогда въ Тифлисѣ.

Digitized by Google

ко князю Соломону Аргутинскому и Армянину Ивану Бегтабекову, архіепископъ сказалъ о томъ Коваленскому. Послѣдній отвѣчалъ что письмъ къ этимъ лицамъ не было въ запечатанныхъ бумагахъ.

— Такъ какъ всѣ бумаги, замѣтилъ Іоаннъ,—были пересмотрѣны мною у Каралета въ присутствіи полицейскаго чиновника и запечатаны моею печатью, то приличіе требовало бы въ присутствіи моемъ ихъ и распечатать, тогда, конечно, я нашелъ бы тутъ и недостающія два письма.

При этомъ архіепископъ высказалъ свое удивленіе относительно путешествія въ Эчміадзинъ и обратно въ Тифлисъ того дьякона который привезъ бумаги Каралету. Іоаннъ напомнилъ Коваленскому что онъ самъ приказалъ содержать этого дьякона подъ арестомъ за участіе въ тайномъ возмущеніи народа къ непризнанію Даніила законнымъ патріархомъ.

— Я выпустилъ его изъ сожалѣнія, отвѣчалъ шутя Коваленскій.

— Съ какимъ же видомъ и пропускомъ онъ выѣхалъ изъ Тифлиса и опять сюда возвратился? спросилъ Іоаннъ.

Коваленскій не отвѣчалъ; но спустя нѣсколько дней оказалось что билетъ былъ выданъ правителемъ и въ немъ написано: „дьяконъ Стеланъ, цареградскій житель, возвращается въ свое отечество“. По предъявленіи билета Коваленскому онъ разорвалъ его и бросилъ въ каминъ. Архіепископъ Іоаннъ упрекалъ его въ двуличіи и обвинялъ въ лостулкахъ противныхъ высочайшей волѣ. „Правитель симъ огорчился и требовалъ отъ архіепископа объясненіе дерзости сей, который не обинуясь представилъ что въ октябрѣ мѣсяцѣ, онъ письменно относился съ просьбой чтобы ло его внутреннему въ Грузіи начальству повелѣно было армянскому духовенству въ Грузіи обитающему быть въ полной отъ его, архіепископа, зависимости и повиновеніи, какъ викарія патріарха Даніила, высочайшею грамотой въ семъ санѣ утвержденнаго.“

Іоаннъ напомнилъ Коваленскому о рѣшеніи императора Александра Іго, сообщенномъ какъ ему, такъ и всѣмъ пограничнымъ начальникамъ, чтобъ армянское духовенство не пропускать черезъ границу иначе какъ съ письменными видами отъ патріарха Даніила.

— Что же съ остальными бумагами дѣлать? спросилъ Коваленскій въ отвѣтъ на замѣчанія Іоанна.

Digitized by Google

Архіепископъ просилъ отдать ихъ ему для отправленія въ Петербургъ къ архіепископу Ефрему, но Коваленскій не согласившись на это передалъ ихъ коменданту, своему родному племяннику. Въ этихъ бумагахъ было воззваніе Давида, просившаго все общество Армянъ въ Грузіи обитающихъ не владать въ заблужденіе *отъ злыхъ внушеній* Даніила чрезъ архіепископовъ Іоанна и Мину дѣлаемыхъ, но употребить съ своей стороны стараніе у Русскаго правительства, дабы онъ, Давидъ, получилъ утвержденіе.

— Какое употребленіе изъ этихъ бумагъ сдѣлаете вы теперь? спросилъ Іоаннъ коменданта.

— Такъ какъ содерженіе ихъ извѣстно правительству, отвѣчалъ тотъ,—то можно раздать ихъ по адресамъ.

Бумаги были розданы; но неудача ихъ постигшая заставила сторонниковъ Давида принять другія мѣры къ безпрепятственной перепискѣ съ находившимся въ Россіи архимандритомъ Григоріемъ. Князь Соломонъ Аргутинскій, Иванъ Бегтабековъ и Мирабовъ согласились отправлять на свой счетъ нарочныхъ чрезъ Баку въ Астрахань къ директору Астраханской таможни Иванову съ тѣмъ чтобъ онъ немедленно пересылалъ ихъ ко Григорію *.

Князь Соломонъ Аргутинскій писалъ послѣднему что скоро отъ армянскаго общества будутъ доставлены документы о раскаяніи и отреченіи Даніила и объ избраніи Давида. Продѣлка эта не удалась, потому что ранѣе этого письма были извѣстны подробности принужденія Даніила къ подписанію разныхъ писемъ, бумагъ и актовъ. Принужденіе это сопровождалось разными истязаніями, которыя Даніилъ долгое время переносилъ съ терпѣніемъ, но наконецъ вынужденъ былъ согласиться на подписаніе акта отреченія.

„По смерти патріарха Гукаса, сказано было въ этомъ актѣ, когда я, Даніилъ, архіепископъ, былъ на патріаршемъ престолѣ въ Цареградѣ, всѣ прелаты эчміадзинскіе и собраніе Армянъ, грамотой утвержденною многими печатями, избрали католикосомъ всѣхъ Армянъ меня или архіепископа Іосифа.

„Іосифъ стараніемъ своимъ въ сѣверныхъ странахъ (въ Россіи) достигъ моей ссылки и тѣмъ легко успѣлъ обратить

---

* Письмо Соколова графу Воронцову 17 декабря 1802. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.

Digitized by Google

на себя избраніе. Между тѣмъ какъ я, освободясь отъ ссылки, прибылъ въ Тахатъ, а онъ—въ Тифлисъ, приключилась ему смерть и онъ въ духовномъ завѣщаніи назначилъ послѣ себя католикосомъ Давида.

„Посему тифлисское собраніе въ грамотѣ своей, утвержденной многими печатями, избрало и предложило помянутаго Давида прелатамъ эчміадзинскимъ, а сіи, по вдохновенію Божію, согласясь съ ними, посвятили его католикосомъ всѣхъ Армянъ, что̀ утверждено послѣ фирманами оттоманской и персидской власти и грамотой отъ народа Армянскаго съ единодушнаго согласія и многими печатями утвержденною. Но какъ мы прежде были призваны на сей престолъ, то раздражены будучи его посвященіемъ намѣрены были возстановить другой престолъ, и пошедъ въ мѣсто называемое Учкиллисы, въ провинціи Бакреванѣ, приняли посвященіе и сверхъ того освятили мѵро. Послѣ искренно раскаявшись въ таковыхъ нашихъ поступкахъ, отправились въ Эчміадзинъ цѣловать святыя мѣста и чистую десницу преблаженнаго католикоса Давида и просить у него прощеніе, ибо познали вину нашу противъ св. престола и Богомъ избраннаго патріарха.

„Итакъ нынѣ симъ всенароднымъ писаніемъ изъявивъ истинное мое раскаяніе объявляю при томъ что посвященіе мое и освященіе мѵра были преступленіями противъ св. престола и достойнаго помазанника Божія и противъ правилъ древнихъ отцовъ, а потому неправильно, поелику Учкиллисы въ Бакреванѣ не были законнымъ престоломъ, но я по высокомѣрію своему захотѣлъ возстановить сей престолъ противъ Эчміадзинскаго. И того ради раскаяніемъ моимъ уничтожаю все то и объявляю симъ писаніемъ что всякій кто по примѣру моему снова вздумаетъ посвящаться тамъ въ католикосы, да будетъ отлученъ (отъ церкви) какъ посвященный, такъ и посвящающій. Сверхъ того объявляю что отнынѣ впредь желаю лучше посвятить свою жизнь помышленію о спасеніи души и потому обѣщаюсь не только при жизни пастыря нашего (Давида), но если моя жизнь долѣе продолжится его жизни, не желать и не домогаться достоинства католикоса, и если другіе меня къ тому возбуждать будутъ, то не приму. Въ знакъ совершеннаго раскаянія налагаю проклятіе на все то что̀ писалъ для извѣщенія о моихъ поступкахъ противъ св. престола и избранника Божія, и

Digitized by Google

призывая во свидѣтели Бога и истину святой Троицы, съ совершеннымъ раскаяніемъ говорю: согрѣшилъ предъ Богомъ, св. престоломъ и достойно избраннымъ католикосомъ всѣхъ Армянъ."

Отреченіе это, подписанное Даніиломъ и многими епископами, было тотчасъ же разослано повсюду, и опираясь на него Давидъ надѣялся добиться признанія его Россіей въ достоинствѣ патріарха. Въ утвержденіи же Тегеранскимъ дворомъ Давидъ не сомнѣвался. Присланные Баба-ханомъ подарки и значительныя суммы переданныя въ разное время Эриванскому хану были для него вѣрнымъ ручательствомъ. Къ тому же Мамедъ-ханъ считалъ Даніила приверженцемъ Россіи и слѣдовательно человѣкомъ далеко не сочувствовавшимъ его видамъ. Стремясь къ независимости и въ большинствѣ случаевъ не признавая власти слабаго Персидскаго правительства, Мамедъ нуждался въ поддержкѣ и содѣйствіи главы армянскаго духовенства, имѣвшаго вліяніе не только на бо́льшую часть подвластнаго хану населенія, но и на Армянъ жившихъ въ сосѣднихъ провинціяхъ. Вотъ причина почему Эриванскій ханъ такъ настаивалъ на утвержденіи патріархомъ Давида, и лишь только узналъ о состоявшемся отреченіи Даніила, тотчасъ отправилъ съ подарками въ Тифлисъ своего посланнаго съ порученіемъ развѣдать объ образѣ мыслей представителей русской власти: генерала Лазарева и Коваленскаго.

Посланный прибылъ въ столицу Грузіи 31 декабря, а въ день Новаго Года, поздно вечеромъ, явился къ Лазареву мулла съ объявленіемъ что чиновникъ Эриванскаго хана Мегметъ-Али-бекъ, до поѣздки своей въ Тифлисъ, былъ у сардаря Пиръ-Кули-хана съ донесеніемъ что Русское правительство настоятельно требуетъ возведенія Даніила на патріаршій престолъ. Такъ какъ Давидъ утвержденъ уже фирманомъ султана, то, по словамъ Мегмеда, ханъ и поддерживаетъ его, тѣмъ болѣе что если Даніилъ будетъ утвержденъ патріархомъ, то всѣ Армяне перейдутъ на сторону Россіи. Пиръ-Кули-ханъ не высказалъ ни одобренія, ни порицанія и заявилъ что по дѣлу избранія армянскаго патріарха онъ донесетъ Баба-хану. Такой неопредѣленный отвѣтъ заставилъ Эриванскаго хана предполагать что Тегеранскій дворъ, не отдавая предпочтенія ни тому ни другому лицу, намѣренъ въ своихъ поступкахъ сообразоваться съ желаніемъ Русскаго

Digitized by Google

правительства и быть-можетъ отдастъ предпочтеніе Даніилу. Всегда двуличный и коварный, Мамедъ желая выйти изъ затруднительнаго положенія поручилъ своему посланному сказать генералу Лазареву что ожидаетъ инструкціи отъ Бабахана.

Предувѣдомленный о цѣли пріѣзда Мегмедъ-Али-бека Лазаревъ принялъ его на другой день Новаго Года.

— Ханъ, свидѣтельствуя вамъ свое почтеніе, сказалъ Персіянинъ,—проситъ о продолженіи дружбы.

— Я за честь себѣ поставляю сохранять дружбу, отвѣчалъ Лазаревъ,—и отъ хана зависитъ продолжить ее исполненіемъ высочайшей воли и поступками свойственными спокойному и доброму сосѣдству.

— Когда существовало Грузинское царство, то и тогда ханъ былъ въ пріязненныхъ съ нимъ отношеніяхъ, а тѣмъ болѣе теперь, когда Грузія состоитъ въ подданствѣ Россіи. Хотя ханъ имѣетъ надъ собою властителя въ лицѣ шаха (Бабахана), но считаетъ за удовольствіе оставаться съ Грузіей въ дружелюбныхъ отношеніяхъ.

— Я давно привыкъ признавать хана добрымъ сосѣдомъ, но съ нѣкотораго времени онъ, поступками своими, доказываетъ противное. Во первыхъ, не исполняетъ воли его величества о признаніи Даніила патріархомъ, и зная что онъ утвержденъ въ этомъ санѣ грамотой Русскаго императора, не только не оказываетъ Даніилу должнаго уваженія, но напротивъ дозволяетъ дѣлать ему обиды. Во вторыхъ, ханъ даетъ убѣжище въ своихъ предѣлахъ лицамъ враждебнымъ Россіи—выгнанному изъ Ахалцыха Шерифъ-пашѣ, который всегда привлекалъ въ Грузію хищниковъ, и наконецъ, я первый разъ слышу что ханъ признаетъ надъ собою власть шаха Персіи, тогда какъ самъ искалъ покровительства Русскаго императора.

— Русское начальство въ Грузіи, отвѣчалъ Мегмедъ,—само предлагало хану признать Давида патріархомъ Армянскаго народа; ханъ согласился, и Давидъ получилъ утвердительный фирманъ султана.

— Хотя это и справедливо, замѣтилъ Лазаревъ,—но послѣ по желанію императора султанъ утвердилъ патріархомъ Даніила.

— Первѣйшіе Армяне въ Эриванѣ хлопочутъ чтобы по фирману прежде данному удержать патріархомъ Давида. Ханъ будучи ими убѣждаемъ не хочетъ признавать Даніила. Что

Digitized by Google

ханъ въ этомъ случаѣ не руководится ни интересомъ ни злобой служитъ доказательствомъ то что когда Даніилъ находился въ Баязетѣ, то ханъ, узнавъ о покушеніи на его жизнь, приказалъ отправить его въ Эчміадзинъ. Получивъ же ваше письмо, призвалъ къ себѣ Даніила, подарилъ ему халатъ и даетъ монастырь, въ которомъ онъ будетъ архіепископомъ.

Лазаревъ замѣтилъ посланнику что имѣетъ точныя свѣдѣнія зачѣмъ ханъ призывалъ Даніила *, знаетъ о насильствахъ ему сдѣланныхъ подъ видомъ сохраненія отъ опасности и считаетъ долгомъ замѣтить что патріархъ Армянскаго народа можетъ быть признанъ въ этомъ санѣ только тогда когда утвержденъ Русскимъ императоромъ.

— Я долженъ просить васъ, прибавилъ Лазаревъ,—донести хану что за всѣ оскорбленія нанесенныя Даніилу, онъ долженъ будетъ дать отвѣтъ не словесный или письменный, но подвергнетъ себя гнѣву его величества, и будетъ раскаиваться.

— Ханъ повинуется высочайшей волѣ, будетъ оказывать Даніилу полное уваженіе и признаетъ его патріархомъ, когда удостовѣрится что есть на то воля государя. Шерифъ-пашѣ ханъ даетъ убѣжище отнюдь не съ тѣми мыслями чтобы затѣвать что-либо ко вреду Грузіи, а принимаетъ его какъ гостя и человѣка несчастнаго, которому желаетъ оказать помощь и вновь поставить пашой ахалцыхскимъ. Ханъ поручилъ мнѣ ходатайствовать у русскаго начальства въ Грузіи чтобъ ему не было въ томъ препятствія, и дозволено было войскамъ эриванскимъ пройти чрезъ Грузію къ Ахалцыху.

— Этого дозволено не будетъ, отвѣчалъ Лазаревъ.—Такимъ намѣреніемъ ханъ обнаруживаетъ нерасположеніе къ Грузіи и дѣлаетъ поступокъ не приличный доброму сосѣду.

— Почему же вы оказываете помощь карсскому пашѣ, который не соблюдаетъ дружелюбныхъ обязанностей съ ханомъ

* Призвавъ въ Эривань Даніила ханъ имѣлъ въ виду чрезъ него добиться возстановленія Шерифъ-паши въ Ахалцыхѣ. Мегмедъ обѣщалъ Даніилу признать его патріархомъ если онъ испроситъ у Русскаго правительства согласіе на возстановленіе Шерифа. Даніилъ отвѣчалъ что не можетъ исполнить желанія хана потому что къ письму своему красной патріаршей печати приложить не смѣетъ, а если приложитъ черную, архіепископскую печать, то Русское правительство не признаетъ его письма дѣйствительнымъ.

Digitized by Google

Эриванскимъ и прелятствуете моему хану наказать карсскаго пашу?

— Карсскій паша подданный союзнаго государя, сохраняетъ съ Россіей дружбу и обязанности спокойнаго и благонамѣреннаго сосѣда и тѣмъ обязываетъ насъ оказывать ему взаимно пріязнь и всемоществованіе.

Въ заключеніе своихъ словъ генералъ Лазаревъ замѣтилъ что не обѣщаніями чрезъ посланныхъ ханъ можетъ надѣяться заслужить высочайшее покровительство, но точнымъ исполненіемъ воли императора и дружелюбными поступками.

— Ханъ ничего болѣе не желаетъ, отвѣтилъ уклончиво Персіянинъ,—какъ быть достойнымъ милостей императора. Часто случалось что шахъ требовалъ свыше мѣръ возможности, и тогда ханъ всегда избавлялся отъ его требованій однимъ средствомъ, заявленіемъ что онъ имѣетъ сильнѣйшаго въ свѣтѣ сосѣда, Русскаго императора, къ которому и прибѣгнетъ съ искательствомъ защиты.

— Тѣмъ удивительнѣе, замѣтилъ Лазаревъ, — нынѣшнее поведеніе хана и его надежда на шаха.

При прощаніи посланный просилъ принять подарки въ знакъ дружбы, но Лазаревъ отвѣчалъ что приметъ ихъ тогда, когда ханъ будетъ исполнять высочайшую волю.

— Ханъ мой крайне обидится такимъ отказомъ, и я уѣду съ огорченіемъ.

— А я считаю за обиду, отвѣчалъ Лазаревъ,—когда ханъ, нарушая обязанности благонамѣреннаго сосѣда и оставляя въ забвеніи всѣ мои совѣты въ теченіе трехъ лѣтъ, присылаетъ теперь мнѣ подарки.

— Подобные же подарки, замѣтилъ наивно Мегмедъ,—я привезъ и правителю Грузіи Ковалевскому; онъ съ удовольствіемъ ихъ принялъ.

Лазаревъ все-таки отказался, но обѣщалъ написать письмо чтобы не подвергнуть посланнаго ханскому гнѣву.

Въ день свиданія посланнаго съ генераломъ Лазаревымъ было перехвачено отвѣтное письмо мелика Алріама къ Ивану Бегтабекову.

„Что вы предлагали, писалъ меликъ *, святѣйшему патріарху Давиду имѣть тайную дружбу съ г. Ковалевскимъ и прислать ему вина, сорочинскаго пшена и *другое*, извольте

* Отъ 25 декабря 1802 года. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.

Digitized by Google

знать въ точности что какъ святой монастырь построенъ не въ тайномъ мѣстѣ, такъ и святѣйшій патріархъ не тайно существуетъ; это всѣмъ извѣстно и смѣло проповѣдуется между всѣми Армянами, то почему же онъ долженъ тайно вести дружбу съ Коваленскимъ? Если онъ есть истинный пріятель, то долженъ свое усердіе предъявить явно, за что и получитъ тогда принадлежащіе и достойные его особѣ подарки; но чтобы то было не тайно, а явно, ибо тайна какъ насъ отъ разноплеменныхъ приведетъ къ стыду, такъ и его, Коваленскаго, отъ единовѣрцевъ своихъ....

„Вникните же хорошенько въ то что я вамъ пишу. Для чего дѣлами управили, и въ какомъ положеніи остаются они, ибо избранный быть патріархомъ (Даніилъ) находится въ ногахъ святѣйшаго патріарха Давида, со всепокорностію и преданностью и со всѣми его дезертирами (?). Уже копія съ фирмана привезена нынѣ, такъ завтра и подлинный привезется, потому что съ нимъ Григорій архимандритъ, который былъ въ Царьградѣ патріархомъ, уже въ Эрзерумѣ. Тогда-то всѣ сказки, слухи и злоба уничтожатся, а потомъ и не для чего имъ будетъ имѣть съ нами тайное дружество, ибо оно намъ не нужно. Но если хотятъ святѣйшему нашему оказать дружбу, то по истинѣ и явно.“

Между тѣмъ собираясь уѣхать изъ Тифлиса, Мегмедъ-Алибекъ встрѣтившись на мейданѣ (въ то время площадь тифлисскаго предмѣстья) съ ламбакскими агаларами высказывалъ имъ свое сожалѣніе что генералъ Лазаревъ не принялъ подарковъ. Случившійся при этомъ Бегтабековъ пригласилъ къ себѣ какъ Мегмеда такъ и агаларовъ. Объявивъ имъ что Давидъ утвержденъ султаномъ, Бегтабековъ просилъ Персіянина не огорчаться отказомъ Лазарева.

— Я увѣряю васъ отъ имени правителя, сказалъ онъ,—что разказы Лазарева о гнѣвѣ императора несправедливы. Здѣсь всѣми дѣлами управляетъ Коваленскій, и даже войска дѣлаютъ свои передвиженія по его же повелѣніямъ. Коваленскій, какъ правитель, пользуясь милостью его величества, можетъ все сдѣлать по своему желанію. Пускай Эриванскій ханъ не вдается въ обманъ и не страшится того что говоритъ Лазаревъ; пусть только сохраняетъ дружбу съ Коваленскимъ, поступаетъ по его совѣтамъ и стоитъ твердо въ своемъ намѣреніи относительно признанія патріархомъ Давида, а не Даніила.

Digitized by Google

Слова Бегтабекова не убѣдили его гостей, и ламбакскіе агалары совѣтовали посланному не вѣрить Бегтабекову съ Коваленскимъ, а положиться на слова генерала Лазарева *. Мегмедъ остался въ раздумьи на чьей сторонѣ должна быть правда...

V.

Положеніе дѣлъ при назначеніи князя Циціанова главнокомандующимъ на Кавказѣ.—Мѣры принятыя имъ для возстановленія Даніила на патріаршемъ престолѣ.—Письмо графа Воронцова и отвѣтъ на него хана Эриванскаго.—Дѣятельность Давида.—Письмо его Итолинскому.—Окружное посланіе архіепископа Ованеса къ Армянамъ.—Возваніе князя Циціанова къ Армянамъ Эриванскаго ханства.—Занятіе Эчміадзина русскими войсками.—Вызовъ въ Эривань Даніила и Давида.—Арестованіе обоихъ.—Возвращеніе патріарха Даніила въ Эчміадзинъ и вступленіе въ управленіе армянскою церковью.—Кончина Даніила и избраніе архіепископа Ефрема верховнымъ патріархомъ всѣхъ Армянъ.

Прибытіе въ Россію архимандрита Эммануила и доставленіе Тамарою берата Порты на патріаршество Давиду, просьбы Армянъ въ пользу Даніила и наконецъ ходатайство Давида и его сторонниковъ разобрать безпристрастно имѣетъ ли онъ право на патріаршій престолъ,—все это значительно усложняло вопросъ объ утвержденіи патріарха. Не имѣя возможности лично убѣдиться на чьей сторонѣ большинство Армянъ и не желая обидѣть ни той ни другой стороны, императоръ Александръ готовъ былъ согласиться на отстраненіе обоихъ претендентовъ и на избраніе третьяго лица.

„Вашему сіятельству, писалъ графъ Кочубей графу Воронцову,** извѣстны всѣ обстоятельства по недоразумѣніямъ происходящимъ касательно армянскихъ патріарховъ Давида и Даніила, споряцихъ между собою за престолъ Эчміадзинскій. Его Величество, усмотрѣвъ о разныхъ новыхъ къ тому относящихся происшествіяхъ изъ писемъ мною вседолданнѣйше поднесенныхъ, высочайше повелѣть изволилъ снестись съ вашимъ сіятельствомъ дабы вы возложили на министра

* Донесеніе Соколова графу Воронцову 4 января 1803 года. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.

** Въ письмѣ отъ 22 декабря 1802 № 1.106. Арх. М. И. Д. III—23, 1801—1807 № 11.

Digitized by Google

его величества въ Константинополѣ развѣдать дѣйствительно ли раздоръ о патріаршемъ престолѣ существуетъ между армянскою націей, и если сіе подлинно такъ есть, то чтобъ онъ приличнымъ образомъ и съ соблюденіемъ всякой мѣры, въ противоположность прежнихъ нашихъ по предмету сему подвиговъ, отозвался къ министерству Оттоманскому какимъ бы образомъ прекратить было можно, по взаимному предварительному обоихъ дворовъ сношенію, въ націи армянской вражду. Его Величество не отдаленъ,—если удержаніе Даніила въ патріаршемъ достоинствѣ неудобно,—согласиться на удаленіе его, съ тѣмъ однако же что и Давидъ не остается въ Эчміадзинѣ и что третій будетъ избранъ безо всякаго принужденія обоихъ дворовъ въ патріархи на основаніи прежнихъ примѣровъ и утвержденъ потомъ будетъ обоими дворами."

Предположеніе это однако не состоялось, и съ назначеніемъ главнокомандующимъ войсками на Кавказѣ князя Циціанова рѣшено было поручить ему разслѣдовать о степени расположенія Армянскаго народа къ тому или другому лицу. Въ инструкціи которую князь Циціановъ получилъ при отправленіи въ Грузію было сказано что онъ долженъ изслѣдовать „о всѣхъ обстоятельствахъ раздѣленія такъ-сказать всей націи армянской между партіей Даніила и патріарха Давида его соперника".

По прибытіи въ Георгіевскъ князь Циціановъ узналъ что Даніилъ взятъ Эриванскимъ ханомъ подъ стражу и содержится въ неволѣ. Онъ тотчасъ поручилъ генералу Лазареву сообщить хану что за жизнь патріарха Даніила и за всѣ оскорбленія ему наносимыя онъ долженъ будетъ дать отвѣтъ не словесный или письменный, „а на самомъ дѣлѣ, и что будетъ раскаиваться о несовмѣстномъ упорствѣ своемъ" *.

Посланный съ письмомъ Лазарева князь Орбеліани былъ принятъ ханомъ холодно, на встрѣчу ему былъ высланъ незначущій чиновникъ „и меня поставили, доносилъ Орбеліани, какъ лезгинскаго посланника—въ дурной квартирѣ **. Тѣмъ не менѣе посылка эта привесла нѣкоторый результатъ

---

* Предписаніе Лазареву отъ 15 декабря 1802 № 9. Ак. Кав. Арх. ком. т. II, № 534. Всеподданн. рапортъ князя Циціанова 19 февраля 1803. Арх. Мин. Внут. Дѣлъ; дѣла Грузіи ч. II.

** Письмо князя Орбеліани Лазареву 11 января 1803.

Digitized by Google

и угроза такъ подѣйствовала на хана что Даніилъ былъ освобожденъ, и по пріѣздѣ князя Циціанова въ Тифлисъ, онъ получилъ уже отъ него письмо которымъ тотъ, благодаря за ходатайство, извѣщалъ главнокомандующаго объ облегченіи его участи.

6 февраля князь Циціановъ отправилъ къ Эриванскому хану квартирмейстерской части капитана Чуйку и князя Орбеліани.

Посылая съ ними письмо канцлера графа Воронцова Эриванскому хану, главнокомандующій поручилъ капитану Чуйкѣ описать дорогу, замѣтить мѣстоположеніе и родъ укрѣпленій Эриванской крѣпости, „для будущихъ движеній, буде-бы силою нужно было подкрѣпить“ наши требованія *.

„Его Величество мой всемилостивѣйшій государь высочайше соизволилъ мнѣ указать, писалъ графъ Воронцовъ Эриванскому хану, ** объявить вамъ что какъ онъ, великій императоръ, такъ и Оттоманская Порта, ближніе вамъ сосѣди, нисколько не сомнѣваются что ваше высокостеленство не токмо оставите всѣ невмѣстныя требованія Давида и сообщниковъ его ищущихъ неправильно вашей защиты, но что напротивъ того обратите все ваше вниманіе къ Даніилу, дадите всякое вспомоществованіе къ благополѣпному прибытію его въ Эчміадзинъ ***, съ довлѣющею его сану почестью, и облечете его въ ту власть которую всѣ католикосы имѣли..... Такимъ поступкомъ можете вящще утвердить высочайшее моего всемилостивѣйшаго государя и его величества султана Турецкаго къ вамъ расположеніе и благоволеніе, а противнымъ со стороны вашей подвигомъ всякая сосѣдственная держава можетъ считать себя оскорбленною.“

Къ этому письму была присоединена и просьба главнокомандующаго употребить содѣйствіе къ утвержденію Даніила въ санѣ патріарха, нынѣ ему дарованномъ двумя императорами, и тѣмъ отвратить гнѣвъ отъ *Съвера и Востока*, за противоположный сему поступокъ. „Послѣ гласа и воли, писалъ въ

* Всеподд. рап. князя Циціанова 20 февраля 1803. № 13. Ак. К. А. К. т. II. № 537.

** Отъ 21 октября 1.802. Арх. М. И. Д. III. № 23.

*** Письмо это написано было ранѣе полученнаго извѣстія о преданіи Даніила въ руки Давида, но задержанное оно достигло до назначенія слишкомъ поздно.

Digitized by Google

заключеніе князь Циціановъ, столь высокомочныхъ повелителей да умолкнутъ разные толки пресмыкающихся ихъ подданныхъ, коп можетъ-быть доселѣ и ваше высокостепенство поставляли въ недоразумѣніе о возстановленіи котораго идетъ дѣло".

Ни письмо графа Воронцова, ни просьбы князя Циціанова не убѣдили Эриванскаго хана, и Мамедъ отказался исполнить требованіе Русскаго правительства.

„Хотя крайне желалъ я, отвѣчалъ онъ графу Воронцову, выполнить повелѣніе вашего сіятельства, но сверхъ чаянія въ обстоятельствахъ помянутаго Даніила встрѣтились великія затрудненія, по причинѣ коихъ помочь ему не въ состояніи. При кончинѣ бывшаго патріарха Іосифа, случившейся въ Тифлисѣ, нѣкоторыя изъ почтеннѣйшихъ тамошнихъ особъ, по желанію находящихся въ Грузіи русскихъ начальниковъ, пріѣхали сюда и домогались дабы по завѣщанію того патріарха въ преемники ему утвержденъ былъ архіепископъ Давидъ. Такъ же и отъ Армянъ обитающихъ въ областяхъ турецкихъ присланы были сюда за подписаніемъ ихъ просьбы о томъ же епископѣ Давидѣ. Почему въ уваженіе желанія русскихъ начальниковъ и въ удовлетвореніе просьбы Армянъ имѣлъ счастіе представить о томъ дворамъ Турецкому и Персидскому и просилъ ихъ объ утвержденіи Давида въ патріаршемъ санѣ. Отъ обоихъ тѣхъ дворовъ пожалованъ ему бератъ и фирманъ, по силѣ коихъ вступилъ онъ по ихъ обряду въ управленіе армянскою церковью. Послѣ отъ его величества султана данъ другой бератъ коимъ повелѣно находившагося въ областяхъ его патріарха Даніила связавъ отвезти въ Эчміадзинъ и поручить Давиду. Хотя нынѣ ваше сіятельство и изволите давать порученіе, но разсудите сами въ состояніи ли я послѣ вышесказаннаго настоять вновь у вышеупомянутыхъ дворовъ объ отрѣшеніи Давида и о возведеніи на мѣсто его въ патріархи Даніила? Если противъ воли вельможъ обоихъ тѣхъ дворовъ я о томъ представлю, то конечно навлеку на себя ихъ негодованіе. Въ разсужденіе чего никакъ не могу я на то рѣшиться, а буде его императорскому величеству угодно чтобы помянутый Давидъ былъ отрѣшенъ и возстановленъ на его мѣсто Даніилъ, то ему весьма легко написать о томъ прямо его величеству султану. Что касается до меня, то я въ оное дѣло мѣшаться не смѣю, а потому и приказанія вашего сіятельства испол-

Digitized by Google

нить не въ состояніи, въ чемъ и прошу меня великодушно извинивъ не имѣть никакого гнѣва."

Князю Циціанову Мамедъ-ханъ писалъ что готовъ признать Даніила патріархомъ, но съ условіемъ чтобы Русское правительство признало и ввело въ Ахалцыхъ недавно изгнаннаго оттуда Шерифъ-пашу, нашего злѣйшаго непріятеля, сторонника Давида и только что объявленнаго Портой измѣнникомъ и бунтовщикомъ. Такое, по словамъ князя Циціанова, „несовмѣстное съ разсудкомъ требованіе и ослушаніе" не могло остаться безъ наказанія, и я, писалъ главнокомандующій, * „не придвижу надежнѣйшаго способа, какъ употребить силу оружія, которое не далѣе какъ въ апрѣлѣ намѣренъ я перенести въ область Эриванскую".

Князь Циціановъ рѣшился идти въ Эривань съ шестью баталіонами какъ только горы лежащія на пути обнажатся отъ снѣговъ, возвести Даніила на патріаршій престолъ, наказать улорство Мамедъ-хана и оставить тамъ гарнизонъ, если только армянское кулечество согласится, какъ обѣщало, продовольствовать его провіантомъ.

Предвидя грозу Эриванскій ханъ приготовлялся къ оборонѣ, запасался провіантомъ, собиралъ войска и намѣренъ былъ противиться еслибы Русское правительство захотѣло силой водворить Даніила въ Эчміадзинѣ. Давидъ также дѣлалъ необходимыя распоряженія на случай движенія русскихъ войскъ. Онъ писалъ въ Константинополь что Русскіе намѣрены прибыть въ Эчміадзинъ, но не для того чтобъ оставаться тамъ, а забрать всю святыню и вмѣстѣ съ Даніиломъ возвратиться въ Россію. Подъ предлогомъ сокрушенія о паденіи престола, Давидъ просилъ константинопольскаго патріарха Ованеса выхлопотать у Порты фирманъ разрѣшающій ему когда начнется война отправиться на жительство въ Учкиллису или монастырь Св. Карапета.

Въ отвѣтъ на это онъ получилъ отъ своихъ друзей не только успокоительныя, но и обнадеживающія письма. Давиду писали что Тамара отозванъ въ Петербургъ, гдѣ получилъ высшее назначеніе, а на мѣсто его посланникомъ въ Константинополь назначенъ А. Я. Италинскій „человѣкъ хорошій" и готовый будто бы поддержать лже-патріарха. Перемѣна эта въ глазахъ сторонниковъ Давида имѣла весьма

* Графу Воронцову въ письмѣ отъ 12 марта 1803. № 445.

Digitized by Google

важное значеніе: они надѣялись имѣть поддержку въ Константинополѣ и въ Петербургѣ.

„Посланника Тамару, писалъ Давиду Стелавъ Арютиновъ *, вызвали для опредѣленія на мѣсто Сергѣя Лазаревича (Лопкарева), который есть правитель дѣлъ касающихся Грузіи и членъ двора императорскаго во второмъ собраніи совѣта. Но посланникъ Тамара не согласился на то, почему и опредѣленъ онъ въ главное правительства собраніе, гдѣ присутствуютъ двѣнадцать человѣкъ, отъ коего всѣ прочія присутственныя мѣста зависатъ и которое именуется сенатомъ. Сіе случилось къ благополучію св. престола и собственно вашему. Нужно написать къ нему поздравленіе, въ коемъ уломянуть нѣчто объ обстоятельствахъ владѣльцевъ вашихъ и о прочемъ, чтобы чрезъ то подать ему поводъ объясниться съ императоромъ о васъ и доказать что вы вѣрны его имперіи, тогда не будетъ въ васъ сомнѣваться по словамъ враговъ. Если вы сіе сдѣлаете, то я надѣюсь что посланникъ Тамара окончитъ сію распрю тѣмъ что либо дастся вамъ грамота или позволено будетъ прибыть туда посланнымъ отъ васъ.“

Въ случаѣ еслибы послѣднихъ разрѣшено было отправить въ Россію, приверженцы Давида просили его снабдить ихъ деньгами.

„Не время теперь жалѣть деньги, писалъ Оглуевъ, ** чрезъ нихъ все впередъ пойдетъ. Вы видите что они (приверженцы Даніила) все сдѣлали чрезъ деньги и знаете что кромѣ издержекъ Ефрема они болѣе 500 мѣшковъ употребили, но все на вѣтеръ, а наши издержки съ успѣхомъ.“

Чтобы вѣрнѣе достигнуть цѣли Давиду совѣтовали написать привѣтливое письмо Италинскому, не оставлять при Даніилѣ архіепископа Нерсеса, а бывшему константинопольскому патріарху Григорію обрить бороду ***. Изъ Петербурга Григорій пишетъ, присовокуплялъ Оглуевъ, что Ефремъ думаетъ вывезть Даніила въ Тифлисъ; остерегайтесь и старай-

---

* Безъ числа. А. М. И. Д. III—23, 1801—7, № 8.

** Изъ Константинополя отъ 5 марта 1803. А. М. И. Д. III—23 1801—7, № 8.

*** Отправленный изъ Константинополя патріархъ Григорій бѣжалъ изъ Карса въ Тифлисъ и тѣмъ избавился отъ преслѣдованій своихъ противниковъ.

Digitized by Google

тесь не улустить его изъ рукъ. Если онъ будетъ въ Тифлисѣ, то злѣйшія дѣла родятся; Нерсеса отдѣлите отъ него, лучше будетъ.

Получивъ такого рода предупрежденія и наставленія Давидъ предалъ еще болѣе строгому заключенію своего соперника и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ заступничества Италинскаго, такъ какъ прошенія его не достигаютъ до императора Александра.

„Мы просимъ отъ его величества той милости, писалъ Давидъ *, чтобы милосердуя о насъ бѣдныхъ, благоволилъ, по содержанію грамотъ отъ насъ и отъ народа присланныхъ, разсудить или отправилъ бы къ намъ нарочнаго лично разобрать запутанное дѣло и узнать одобреніе собраній и народа. Тогда его величество, получивъ обстоятельное и вѣрное донесеніе, разсудитъ по своему праволюбію, оправдаетъ ли насъ и осудитъ Ефрема, да будетъ всегда благословенна его воля, которой мы совершенно предаемся. Просимъ токмо не подавать вѣры писаніямъ нѣкоторыхъ бѣсящихся и лживыхъ людей, но большинству голосовъ народа, и вслѣдствіе того позволить намъ власть получить то о чемъ просимъ.... Если угодно его величеству чтобы католикосы смѣнялись, хотя сіе противно нашимъ законамъ и правамъ, зачѣмъ письменно не объявить намъ таковаго повелѣнія своего, ибо мы рабы Христовы всегда молимъ о дражайшемъ здравіи его величества.“

Передавая это письмо нашему посланнику въ Константинополѣ титулярный патріархъ Ованесъ присоединилъ къ нему и свое окружное посланіе, подписанное многими лицами, для доставленія его въ Петербургъ. Посланіе это, отправленное въ Эчміадзинъ и разосланное большинству представителей Армянскаго народа, имѣло цѣлью выставить несомнѣнныя права Давида на патріаршій престолъ.

„Божественный учитель, говорилось въ посланіи **, имъ же утверждаемся и славимся, рекъ въ святомъ своемъ словѣ: *не судите на лица, но судъ праведный творите.* Убѣждаемъ васъ взойти въ безпристрастное изслѣдованіе свойствъ и дарованій католикоса Давида и Даніила епископа; разсмотрите кто изъ нихъ двухъ достойнѣе, миролюбивѣе, кротче, благоразумнѣе, обходительнѣе, великодушнѣе, терпеливѣе, разсудитель-

* Отъ 10 апрѣля 1803. Арх. М. И. Д.

** Отъ 25 марта 1803.

Digitized by Google

нѣе. сановитѣе. просвѣщеннѣе, сладкогласливѣе и кому болѣе преданы вельможи и чернь? Мы не отвергаемъ достоинствъ епископа Даніила, но желаемъ знать кому свойственнѣе быть верховнымъ патріархомъ, и ежели провидѣніемъ Божіимъ предызбранъ Давидъ, то ужели мы должны противиться волѣ Бога въ угодность непотребныхъ мятежниковъ?

„Почему симъ и объявляемъ что не довлѣетъ намъ избирать новаго католикоса; что признаемъ истиннымъ, священнѣйшимъ католикосомъ Давида, а не иного кого; что всѣ грамоты присланныя отъ общества нашего были непринужденныя и что отправленныя въ Россію отъ имени нашего письма суть подложныя и ухмуреніемъ Ефрема и Эммануила сочиненныя, и потому заклинаемъ васъ употребить силу и власть для усмиренія мятежнаго сего духа.“

Посланіе это вмѣстѣ съ прошеніемъ Давида было получено въ Петербургѣ 1 іюля 1803, и такъ какъ по донесенію князя Циціанова не было сомнѣнія что большинство Армянъ желаютъ имѣть патріархомъ Даніила, то просьбы его противниковъ и были оставлены безъ послѣдствій. Въ Константинополѣ же съ нетерпѣніемъ ожидали отвѣта „и буде до конца сего мѣсяца (сентября), писалъ Агаековъ *, никакой милости не будетъ объявлено, то вы должны разумѣть что дѣло тяжелѣетъ и опасность предстоитъ“. Онъ совѣтовалъ еще разъ попытать счастія и отправить посланнаго въ Петербургъ, но непремѣнно съ деньгами, безъ которыхъ, по его словамъ, тамъ сдѣлать ничего невозможно. Агаековъ говорилъ что тифлисскіе жители и всѣ сообщники Ефрема донесли „сѣверной державѣ“ что Даніилъ вѣренъ ей, а Давидъ нѣтъ, то и слѣдуетъ послѣднему въ доказательство своей вѣрности написать что-нибудь о положеніи адербеджанскихъ владѣльцевъ или же о шахѣ ихъ. „Видно что они сомнѣваются въ васъ, присовокуплялъ Агаековъ, и потому оставляютъ безъ вниманія всѣ сильныя бумаги ваши; еслибы не то, зачѣмъ бы такъ противиться, вѣдь Даніилъ не въ родствѣ съ ними.“

Совѣты эти уже не дѣйствовали на Давида, такъ какъ предъ его глазами совершились такія событія которыя не давали ему надежды удержаться на престолѣ. Настойчивый образъ дѣйствій Циціанова, его требованіе о непремѣнномъ возстановленіи на патріаршемъ престолѣ Даніила и слухи

* Давиду, изъ Константинополя отъ 18 сентября 1803.

Digitized by Google

изъ Грузіи что онъ готовится къ экспедиціи на Эриванъ крайне безпокоили какъ Эриванскаго хана, такъ и Давида. Видя въ Даніилѣ причину собирающейся грозы, Мамедъ-ханъ вытребовалъ было его къ себѣ въ Эриванъ, но потомъ снова передалъ его въ руки Давида. Послѣдній, посадивъ Даніила на лошадь, самымъ безчестнымъ образомъ привезъ въ Эчміадзинъ и заключилъ въ глубокую яму. Всѣ считали его заживо погребеннымъ, и князь Циціановъ принужденъ былъ обратиться къ Арменамъ съ весьма энергическою прокламаціей. Предупреждая ихъ что намѣренъ силой добиться возведенія Даніила на патріаршій престолъ, главнокомандующій требовалъ чтобъ эчміадзинское духовенство, армянскіе мелики и народъ оказывали ему должное уваженіе, и предупреждалъ что за притѣсненія и насилія Даніилу виновные будутъ наказаны русскимъ оружіемъ.

„Я, не желая вамъ столь несчастнаго жребія, писалъ князь Циціановъ,* совѣтую возымѣть попеченіе о спасеніи самихъ себя сохраненіемъ высокопречестнѣйшаго Даніила католикоса въ невредимости и въ приличныхъ сану его почестяхъ; въ противномъ случаѣ не я, но вы будете виноваты въ совершенной погибели вашей, и когда возчувствуете достойную по дѣламъ вашимъ месть, тогда раскаяніе ваше не поможетъ столь жалостной участи вашей, имѣющей постигнуть васъ за упорство нѣкоторыхъ лишившихся разума и понятія людей. Опомнитесь! Я призываю васъ къ собственному вашему благу; ханъ вашъ начальникъ не есть вашего закона, не есть христіанинъ, то и не удивительно что онъ прелестью злата и драгоцѣнныхъ каменьевъ богатаго Эчміадзинскаго монастыря, расхищаемыхъ лже-патріархомъ Давидомъ въ подкрѣпленіе его козней, столь дерзостно поступаетъ съ симъ почтеннѣйшимъ старцемъ и главою Христовой церкви армянской. Ему яко магометанину и законъ повелѣваетъ гнать христіанъ; а васъ, единаго Христа съ высокопречестнѣйшимъ католикосомъ Даніиломъ исповѣдующихъ, что̀ къ тому понуждаетъ? Мамедъ-ханъ потребя жизнь его высокопреосвященства въ удовлетвореніе лже-патріарха Давида совершаетъ велѣніе своего закона, а вы должны дать отчетъ на страш-

* Эриванскому меліку Аріану и всѣмъ жительствующимъ въ Эриванѣ и въ окружности онаго: армянскому духовенству и народамъ націи армянской отъ 2 апрѣля 1803, № 16.

Digitized by Google

комъ судѣ за предательство подобное Іудину, сегодня вспоминаемое. При всѣхъ сихъ страданіяхъ и потеряніи быть-можетъ жизни его высокопреосвященство быть-можетъ возгласитъ со Христомъ: *Отче отпусти имъ, не вѣдятъ бо что творятъ!* Но что вамъ будетъ за то? Мамедъ-ханъ по приближеніи моемъ съ войсками, подобно Джарцамъ и Бѣлаканцамъ, уйдетъ яко святотатъ съ богатствами, и вы и дома ваши останутся на жертву мечу и пламени. Опомнитесь, повторяю вамъ, не погубите душъ вашихъ, коль онѣ не прельщены еще зміею; сообразите кротость правленія христіанскаго съ лютостью магометанскою; измѣрайте тиранство послѣдняго и терпимость перваго,—вы увидите что наше есть въ подражаніе Христовыхъ правилъ, во святомъ Евангеліи начертанныхъ, а ихъ въ правилахъ противныхъ. Одумайтесь и убойтесь! Что я вамъ говорю, то есть слова не на единой бумагѣ, но слова имѣющія совершиться прежде нежели наступающая луна совершитъ свой мѣсячный кругъ; вы увидите что сотоварищи ваши, отсель васъ соблазняющіе говоря что высокославныя россійскія войска не имѣютъ велѣнія достигнуть до васъ—доведутъ васъ до послѣдней гибели, но все сіе уже поздно будетъ: вы ладете лодъ столы воиновъ, и гробы ваши останутся не оплаканными."

Большинство Армянъ не могло, конечно, принять непосредственнаго участія въ выборѣ патріарха и относилось къ этому вопросу безразлично; лица же вліятельныя и та часть духовенства противъ котораго было направлено воззваніе не только оставались глухи къ словамъ князя Циціанова, но напротивъ того усилили еще гоненіе противъ Даніила и его партіи.

25 мая 1803 года Давидъ приказалъ звонить въ колокола и привести Даніила предъ толпу собравшагося народа.

— Вотъ тотъ, сказалъ лже-патріархъ,—котораго вы считали уже мертвымъ—еще живъ; теперь насыщайтесь зрѣніемъ; онъ долженъ скоро умереть.

— Твой покровитель, сказалъ Давидъ обращаясь къ Даніилу,—бороды не имѣетъ, и ты долженъ быть подобенъ ему.

Давидъ приказалъ обрить Даніилу голову и бороду.

— Въ такомъ образѣ подобаетъ тебѣ быть, замѣтилъ съ насмѣшкою лже-патріархъ и приказалъ отвести свою жертву опять въ заключеніе *.

---

* Прошеніе армянскихъ архіепископовъ на высочайшее имя отъ 7 іюня 1803. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.

Digitized by Google

Съ покорностью судьбѣ переносилъ Даніилъ тяжкія страданія, и, надѣясь на заступничество императора Александра, ожидалъ скораго прибытія русскихъ войскъ. Между тѣмъ занятый сначала устройствомъ дѣлъ въ Грузіи, потомъ военными дѣйствіями противъ Лезгинъ, покореніемъ Гакжинскаго ханства и наконецъ присоединеніемъ къ Россіи Мингреліи и Имеретіи—князь Циціановъ не могъ оказать помощи Даніилу ранѣе половины 1804 года. Въ іюлѣ этого года главнокомандующій потребовалъ чтобъ Эриванскій ханъ возвелъ Даніила на патріаршій престолъ, а Давида доставилъ къ нему въ Тифлисъ. „Сія была причина моего разрыва съ вами, писалъ онъ, сія же будетъ причиной спасенія или погибели области Эриванской,—другаго средства къ примиренію я не знаю."

Въ отвѣтъ на это, подъ видомъ предупрежденія, а на самомъ дѣлѣ съ угрозой, Мамедъ-ханъ прислалъ къ князю Циціанову своего посланнаго съ сообщеніемъ что Баба-ханъ намѣренъ вторгнуться въ Грузію. Князь Циціановъ повторилъ свое требованіе и далъ посланному памятную записку, въ которой между прочимъ писалъ: „Я требую слѣдующаго, и не начну переговоровъ, доколѣ ханъ, твой господинъ, не возгласитъ Даніила патріархомъ и не пришлетъ Давида въ Тифлисъ, коему никакого зла не будетъ сдѣлано, въ чемъ Богомъ заклинаюсь."

Столь рѣшительное требованіе заставило хана принять мѣры и онъ сталъ готовиться къ оборонѣ. Предоставляя свой жребій будущему и понимая что въ случаѣ неудачи военныхъ дѣйствій ему придется исполнить требованіе Россіи, Мамедъ-ханъ счелъ лучшимъ имѣть въ своихъ рукахъ причину раздора. Онъ вытребовалъ въ Эривань Давида и Даніила и отдалъ ихъ обоихъ подъ стражу *. Съ этихъ поръ оба они терпѣли одинаковыя лишенія, и нашему правительству долгое время не было ничего извѣстно о судьбѣ постигшей Даніила.

Между тѣмъ Эчміадзинъ былъ занятъ русскими войсками, и хотя экспедиція князя Циціанова къ Эривани не увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, но ему удалось захватить многія драгоцѣнности монастыря и сохранить ихъ отъ расхищенія. Большинство этихъ вещей было привезено въ Тифлисъ и

* Рап. Монтрезора князю Циціанову 3 апрѣля 1804.

Digitized by Google

отдано на храненіе впредь до рѣшенія вопроса о верховномъ патріархѣ Армянскаго народа. Вопросъ этотъ не былъ рѣшенъ до 1807 года, когда среди переговоровъ о мирѣ графъ Гудовичъ успѣлъ убѣдить Персидское правительство освободить Даніила и признать его патріархомъ. „Вслѣдствіе чего, писалъ онъ *, патріархъ отлученъ Аббасъ-Мирзою и теперь вступилъ въ управленіе первопрестольнаго армянскаго Эчміадзинскаго монастыря, со всѣми его прежними правами и преимуществами."

Императоръ пожаловалъ Даніилу орденъ Св. Анны 1й степени, и почтенный старецъ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ благодарилъ государя за всѣ милости ему оказанныя. Признавая многія неудобства въ духовномъ единоначаліи, Даніилъ учредилъ въ Эчміадзинѣ *„священный правительствующій соборъ духовенства"* подъ главнымъ управленіемъ верховнаго патріарха всей Арменіи и просилъ на то согласія императора **. Удрученный годами и разстроенный здоровьемъ, Даніилъ предчувствовалъ что дни его сочтены, и опасаясь новыхъ замѣшательствъ при избраніи патріарха, онъ просилъ о назначеніи ему преемникомъ архіепископа Ефрема, какъ уже избраннаго прежде въ число кандидатовъ на патріаршій престолъ.

Когда просьба эта была получена въ Петербургѣ, Даніила не было уже на свѣтѣ. Онъ скончался 9 октября 1808 года. Священный правительствующій соборъ избралъ въ патріархи архіепископа Ефрема, испросилъ на то согласіе Персидскаго правительства и затѣмъ отправилъ въ Петербургъ архіепископа Ратеоса съ приглашеніемъ Ефрема прибыть въ Эчміадзинъ ***.

Высочайшею грамотой 31 сентября 1809 года Ефремъ былъ утвержденъ верховнымъ патріархомъ всѣхъ Армянъ; ему пожалованъ орденъ Св. Анны 1й стел., богатая ланагія, пять тысячъ руб. на лутевыя издержки и на облаченіе: 25 аршинъ парчи и 15 аршинъ сукна. Враждебныя отношенія все еще бывшія между Россіей и Персіей были причиной что Ефремъ не торопился отъѣздомъ изъ Россіи и только 9 октября

* Письмо графа Гудовича барону Будбергу 2 сентября 1807. № 235 Ар. М. И. Д.

** Прошеніе Даніила на высоч. имя отъ 21 августа 1808; тамъ же.

*** Прошеніе духовенства на высоч. имя 20 февраля 1809. А. М. И. Д.

Digitized by Google

1810 прибылъ въ Эчміадзинъ. Персидское правительство потребовало отъ него присяги на вѣрность; весь соборъ былъ приведенъ къ точно такой же присягѣ, и какъ патріархъ, такъ и духовенство въ знакъ своей клятвы должно было расписаться на Евангеліи, которое Аббасъ-Мирза взялъ къ себѣ. Со своей стороны правительствующій соборъ обязалъ Ефрема присягой что онъ не будетъ ничего предпринимать безъ согласія членовъ собора. Когда все это было исполнено, то 6 ноября 1810 Ефремъ былъ торжественно ломазанъ и вступилъ въ управленіе Эчміадзинскимъ престоломъ. Тегеранскій дворъ назначилъ ему четыре тысячи руб. жалованья въ годъ и разрѣшилъ „для отличной почести имѣть двѣ передовыя лошади вмѣсто одной, каковая, по принятому обычаю, въ церемоніальныхъ шествіяхъ патріарха, всегда бываетъ ведена впереди, подъ богатымъ уборомъ“ *.

Съ утвержденіемъ Ефрема окончилась борьба за Эчміадзинскій патріаршій престолъ.

Н. ДУБРОВИНЪ.

* Письмо Тормасова графу Румянцеву 29 декабря 1810. № 230.

Digitized by Google

БЕРИ ДА ПОМНИ

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ

Дѣйствующія лица:

ВАЛЕРІАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ЛЬЯНОВЪ.
НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА, ЖЕНА ЕГО.
ГРАФЪ КРОМСКІЙ.

(Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ у Льяновыхъ.)

ЯВЛЕНІЕ I.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА (*одна*).

(Входитъ съ письмомъ въ рукѣ.) Это отъ Мими, милая, она не забываетъ меня, это право очень любезно, писать къ своей пріятельницѣ, да еще въ въ деревню. (*Начинаетъ читать.*) „Ѣдемъ въ Баденъ.... Мы всѣ о тебѣ скучаемъ.... сезонъ былъ очень, очень веселый. У Лиди танцовали по вторникамъ....“ Ахъ, счастливые.... „У Надинъ попрежнему множество поклонниковъ.... твой давній обожатель графъ Кромскій оставляетъ Петербургъ и ѣдетъ въ свое имѣніе.... онъ на дняхъ былъ у меня, по дорогѣ собирается заѣхать къ тебѣ въ деревню...“ Кромскій будетъ у насъ; какъ я рада. Не знаю только какъ приметъ его мой мужъ, онъ такъ ревнивъ.

Digitized by Google

(*Читаетъ.*) „Пріѣзжай въ Баденъ, пріѣзжай непремѣнно, хотя къ концу лѣта, хоть на недѣлю....“ Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось пріѣхать! но Валеріанъ вѣрно не согласится, онъ все возится съ дѣлами, Боже, Боже мой, какъ здѣсь скучно въ деревнѣ, дѣла, хозяйство! ни души не видишь кромѣ противныхъ степняковъ-сосѣдей.... Мими вѣрно веселится въ Баденѣ.... а Валеріанъ держитъ меня въ этомъ захолустьѣ. И вѣдь только изъ ревности....

ЯВЛЕНІЕ II.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА И ЛЬЯНОВЪ.

ЛЬЯНОВЪ (*съ планами въ рукѣ*).

Чортъ возьми, это изъ рукъ вонъ! Представь себѣ, Наташа, я долженъ сегодня, сейчасъ же ѣхать въ Бирюковскую дачу! порубки и безпорядки.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Здравствуй, Валеріанъ, мы съ тобою сегодня еще не видались. Ты чѣмъ свѣтъ ушелъ въ поле, а теперь и поздороваться не хочешь.

ЛЬЯНОВЪ.

Здравствуй, здравствуй, Наташа.... Это ни на что не похоже, нужно непремѣнно ѣхать!

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Ты уже опять уѣзжаешь?

ЛЬЯНОВЪ.

Что же мнѣ дѣлать! не я виноватъ что у насъ все воровство, да мошенничество.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Ты скажи мнѣ въ чемъ дѣло.

ЛЬЯНОВЪ.

Ахъ, мой другъ, ты развѣ поймешь? Это только взволнуетъ тебя, разстроитъ.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Я этого и ожидала! Какая заботливость! Повѣрь что меня гораздо больше волнуетъ то что ты меня считаешь посторонним лицомъ или какою-то дурочкой, которая ничего понять не можетъ.

Digitized by Google

ЛЬЯНОВЪ.

Полно, Наташа, полно! Я тебя ни дурочкой, ни лицомъ посторонним не считаю, а нахожу что совершенно безполезно разказывать тебѣ подробности о порубкѣ лѣса, котораго ты и не видала.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Какъ тебѣ будетъ угодно. Но скажи мнѣ, неужели тебѣ необходимо ѣхать самому? Точно ты не можешь послать управляющаго.

ЛЬЯНОВЪ.

Управляющаго! ну вотъ какъ ты много понимаешь въ хозяйствѣ. Управляющій — наемникъ, много онъ заботится о моихъ выгодахъ, а хозяинъ.... вѣдь извѣстно что свой глазъ алмазъ, а чужой и стеклушка-то не стóитъ.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Зачѣмъ же тебѣ именно сегодня ѣхать? третьяго дня ты только что вернулся.

ЛЬЯНОВЪ.

Конечно сегодня. Тамъ будетъ производиться слѣдствіе, становой пріѣдетъ, мнѣ самому надо присутствовать и привезти вотъ эти планы. (*Кладетъ планы на столъ.*)

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Ахъ Боже мой, какъ мнѣ это все наскучило, то твой винокуренный заводъ, то лѣса; ты по цѣлымъ недѣлямъ разъѣзжаешь, а я должна сидѣть въ этой глуши одна! это просто невыносимо.

ЛЬЯНОВЪ.

Да что же ты сердишься, Наташа? Вѣдь я все для тебя же дѣлаю. Имѣнія наши были разстроены, я ихъ привожу въ порядокъ.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Очень благодарна за такую заботливость! Все для меня! А вотъ я тебя прошу *для меня* хоть зиму провести въ Петербургѣ, хоть на лѣто съѣздить за границу, а ты мнѣ и въ этомъ отказываешь. Это невыносимый эгоизмъ, ты обо мнѣ нисколько и не думаешь, а занятъ лишь своими заводами и скотными дворами.

ЛЬЯНОВЪ.

Да перестань же, Наташа, неужели ты думаешь что мнѣ самому не было бы пріятно жить спокойно въ городѣ, чѣмъ

Digitized by Google

возиться съ хозяйствомъ. Но бросимъ этотъ разговоръ. Вотъ лучше налей-ко мнѣ чаю.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА (*наливая чай*).

Да, я знаю что ты всегда сердишься когда я заговорю о нашей поѣздкѣ за границу. У тебя тотчасъ найдутся оттоворки.

ЛЬЯНОВЪ.

Конечно не мало причинъ насъ здѣсь удерживаетъ.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

О главной только ты не хочешь говорить, нѣтъ, о ней ты умалчиваешь.

ЛЬЯНОВЪ.

Что же это за главная причина?

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Та что ты меня разлюбилъ и не хочешь мнѣ сдѣлать никакого удовольствія, что тебѣ все равно скучно ли мнѣ, весело ли, одна я или въ обществѣ, словомъ, что я тебѣ надоѣла...

ЛЬЯНОВЪ.

Не поплакать ли, Наташа? эти сцены право грустны и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшны. Я удивляюсь какъ онѣ тебѣ не надоѣли Убѣдись же наконецъ что я такъ же люблю тебя какъ и прежде, что я готовъ сдѣлать для тебя все что могу, но вѣдь нельзя же мнѣ бросить всѣ дѣла и разъѣзжать съ тобою, хоть бы мнѣ это было пріятно. Я только сомнѣваюсь чтобы та идеальная любовь въ бѣдной хижинѣ которая такъ хороша въ романахъ понравилась тебѣ на дѣлѣ.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Ну, хорошо, хорошо, я виновата, и ты въ свою очередь убѣдись въ томъ что ежели женщина чего захочетъ, то и будетъ, и мы лѣтомъ поѣдемъ-таки за границу.

ЛЬЯНОВЪ.

Это мы еще увидимъ. А кстати, составила ли ты списокъ вещамъ которыя мы хотимъ выписать?

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Нѣтъ, еще не составила.

ЛЬЯНОВЪ.

А я тебя просилъ объ этомъ недѣлю тому назадъ! вѣдь сегодня отходитъ почта и нужно послать письмо.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Вотъ велика бѣда, забыла.

Digitized by Google

ЛЬЯНОВЪ.

Это доказываетъ твою неаккуратность.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Съ тобой это случается каждый день, а я какую-нибудь бездѣлицу забыла, и виновата; у самого памяти нѣтъ, а меня упрекаетъ.

ЛЬЯНОВЪ,

Помилуй, да точнѣе меня и человѣка нѣтъ; одно лишь я забываю, что съ тобою нельзя говорить когда ты не въ духѣ.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Ну, помолчимъ (*молчаніе*).

ЛЬЯНОВЪ.

Что это у тебя тутъ на тарелкѣ, миндаль, кажется?

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Да. (*Молчаніе.*)

ЛЬЯНОВЪ.

Хоть миндалемъ заняться отъ нечего дѣлать.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Займись. (*Молчаніе. Ѣстъ миндаль.*)

ЛЬЯНОВЪ.

Вотъ мнѣ попался двойной орѣхъ. Знаешь ли какой это мнѣ напоминаетъ обычай?

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Нѣтъ, не знаю.

ЛЬЯНОВЪ.

Вотъ мы напримѣръ съѣдимъ пополамъ этотъ орѣхъ, и потомъ уже всякій разъ когда мы будемъ брать что-либо другъ отъ друга, то должны говорить: беру да ломаю, а кто забудетъ сказать, тотъ проиграетъ. Да ты не слушаешь, Наташа?

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА (*зѣвая*).

Нѣтъ, слышу.

ЛЬЯНОВЪ.

Ты дурно спала что ли?

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Нѣтъ, хорошо.

ЛЬЯНОВЪ.

Вотъ не хочешь ли мы съѣдимъ съ тобою этотъ орѣхъ и будемъ биться объ закладъ.

Digitized by Google

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Зачѣмъ это?

ЛЬЯНОВЪ.

Зачѣмъ? да такъ. Ежели я проиграю, то достану тебѣ верховую лошадь, тебѣ кажется хотѣлось сѣрую?

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Не надо, съ кѣмъ мнѣ ѣздить?

ЛЬЯНОВЪ.

Или я тебѣ выпишу два самыхъ модныхъ платья?

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Очень нужно! Для кого мнѣ здѣсь наряжаться? *(Встаетъ.)*

ЛЬЯНОВЪ.

Да хоть бы и для меня. Ты сегодня не очень любезна, Наташа, что̀ ни скажешь, все не по тебѣ. *(Молчаніе.)*

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Изволь, я согласна. Не говори же что я причудница. Ежели я проиграю, то цѣлый годъ и не буду уломинать о деревенской скукѣ и буду съ тобой очень, очень любезна.

ЛЬЯНОВЪ.

А ежели выиграешь?

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Тогда разумѣется ты обязанъ везти меня за границу.

ЛЬЯНОВЪ.

За границу! нѣтъ, спасибо, это слишкомъ дорогой закладъ.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Теперь уже *ты* сталъ отказываться, а то приставалъ.

ЛЬЯНОВЪ.

Еще бы, помилуй, поѣздка за границу.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Но ты такъ увѣренъ въ твоей памяти, вѣрно выиграешь.

ЛЬЯНОВЪ.

Нельзя ли биться объ закладъ о чемъ-нибудь другомъ?

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Ахъ, Боже мой, какъ ты не сговорчивъ! даже и пари не хочешь держать такъ какъ *я* желаю, всегда наперекоръ, а говоришь что я упряма.

Digitized by Google

ЛЬЯНОВЪ.

Изволь, изволь, пожалуста только не волнуйся, и съ условіемъ въ случаѣ проигрыша—не сердиться.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Не буду. Но и ты въ свою очередь обѣщай точно исполнить условіе; честное слово?

ЛЬЯНОВЪ.

Честное слово.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Ну, давай же орѣхъ (*пьетъ орѣхъ.*) Берегись же Валеріанъ.

ЛЬЯНОВЪ (*пьетъ орѣхъ*).

Хорошо, я-то не забуду. (*Колокольчикъ за сценой.*) Но кажется мнѣ уже поданы лошади. Прощай, Наташа, до свиданія.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Прощай Валеріанъ. Когда же ты вернешься?

ЛЬЯНОВЪ.

Да дня два проѣзжу вѣроятно. Прощай, смотри же не скучай. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА (*одна*).

Не скучай! а самъ оставляетъ одну. Что мнѣ дѣлать? Читать? романы мнѣ эти надоѣли. Работать? съ дѣтства не любила. Хозяйничать мужъ находитъ что не моего дѣло. Приходится сидѣть сложа руки. Не только разговора, живаго слова не услышишь. Хоть бы карп выиграть! Удастся ли съѣздить за границу? (*Задумывается.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА и ГРАФЪ КРОМСКІЙ.

ГРАФЪ КРОМСКІЙ.

Вы меня не узнаете, Наталья Николаевна?

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

А, графъ Кромскій, ежели не ошибаюсь?

ГРАФЪ КРОМСКІЙ.

Вы вѣрно удивлены, не ожидали меня здѣсь видѣть?

Digitized by Google

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Нѣтъ, Мими мнѣ писала о вашемъ отъѣздѣ изъ Петербурга, я очень рада васъ видѣть, садитесь. Скажите, какъ вы сюда попали?

ГРАФЪ КРОМСКІЙ.

Очень просто, я ѣду къ себѣ въ имѣніе, и проѣзжая мимо васъ, я конечно не проѣхалъ мимо. Извините что я вошелъ безъ доклада. Я явился къ вамъ чтобы напомнить о себѣ и возобновить наше знакомство.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Я очень рада. Моему мужу было бы весьма пріятно познакомиться съ вами, но къ сожалѣнію его нѣтъ дома.

ГРАФЪ КРОМСКІЙ.

Я не теряю однако надежды видѣть его. Онъ вѣроятно скоро вернется.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Едва ли, онъ поѣхалъ на нѣсколько дней въ другую деревню, по хозяйству, но я постараюсь чтобы вы у насъ не скучали; надѣюсь что вы не откажете мнѣ отобѣдать со мною?

ГРАФЪ КРОМСКІЙ.

Я буду очень счастливъ. Вы вѣдь давно уже здѣсь живете?

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Да, уже два года.

ГРАФЪ КРОМСКІЙ.

Скучаете?

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

О нѣтъ! мой мужъ такой добрый, славный, прекрасный человѣкъ.

ГРАФЪ КРОМСКІЙ.

Но вы такъ любили общество?

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Да, пока у меня не было другой привязанности.

ГРАФЪ КРОМСКІЙ.

Чѣмъ же вы сумѣли замѣнить блескъ свѣтскихъ удовольствій, веселое, пріятное общество?

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Это все такъ пусто, такъ натянуто, что и сравнить нельзя съ деревней, съ нашею тихою, уединенною жизнью. Къ тому же мой мужъ только счастливъ когда занятъ хозяйствомъ.

Digitized by Google

ГРАФЪ КРОМСКІЙ.

О, это другой вопросъ, но я нахожу что едва ли справедливо относительно общества отнять у него лучшее его украшеніе и беречь его въ глуши для себя одного: это эгоизмъ. Это взять звѣзду съ неба, звѣзду которая должна свѣтить для всѣхъ.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Въ такомъ случаѣ уже вы, графъ, конечно не имѣете никакого права покидать свѣтъ и ѣхать въ деревню.

ГРАФЪ КРОМСКІЙ.

Имѣю полное право. Моего отсутствія никто не замѣтитъ, мое время уже прошло.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Я этому не вѣрю. Вы всегда блестѣли въ обществѣ, всюду имѣли успѣхъ, о васъ только и бредили наши дамы.

ГРАФЪ КРОМСКІЙ.

Да, это было, да прошло. Когда-то я удивлялъ всѣхъ своеобразностью. Въ то время молодость считала необходимымъ хвастать своимъ невѣріемъ, своимъ равнодушіемъ ко всему, а къ женщинамъ въ особенности; я напротивъ увлекался всѣмъ, вѣрилъ въ красоту, въ любовь, въ преданность женщинъ; я былъ молодъ.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

А теперь....

ГРАФЪ КРОМСКІЙ.

Теперь.... я состарѣлся, теперь я по опыту узналъ что въ женщинахъ все лукавство.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Вы слишкомъ строги, графъ, или, вѣрнѣе, вы мало знаете женщинъ.

ГРАФЪ КРОМСКІЙ.

Я?!

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Да, вы.

ГРАФЪ КРОМСКІЙ.

Нѣтъ, я слишкомъ хорошо знаю что ихъ внимательность, ихъ откровенность только ловкая игра, ловкое притворство: это тѣ же фальшивые локоны или искусственные цвѣты; теперь меня женщина больше не обманетъ, а полюбить я уже не могу, хотя бы и оттого что слишкомъ много, слишкомъ искренно любилъ.

Digitized by Google

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Васъ испортилъ свѣтъ.

ГРАФЪ КРОМСКІЙ.

Вы правы: свѣтъ дѣйствительно меня испортилъ, я утратилъ свѣжесть чувства, я потерялъ способность любить, я сталъ ухаживать, искать развлеченія, льстить своему самолюбію.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

А я все-таки повторю, графъ, что вы мало знаете женщинъ. Я все-таки думаю что вы и теперь можете полюбить какъ и во времена вашей молодости.

ГРАФЪ КРОМСКІЙ.

Едва ли.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Ваше разочарованіе происходитъ отъ излишней самонадѣянности, вы думаете что достаточно сказать женщинѣ: я люблю тебя, чтобы покорить.

ГРАФЪ КРОМСКІЙ.

Что же, развѣ въ этомъ нѣтъ доли правды?

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Можетъ-быть по отношенію къ нѣкоторымъ; да и онѣ любили въ васъ не умъ, не сердце, словомъ не *васъ*, а ваше имя, ваше богатство, ваше положеніе въ свѣтѣ. Такихъ-то женщинъ легко покорять.

ГРАФЪ КРОМСКІЙ.

Да, но онѣ составляютъ большинство, и потому-то я считаю теперь унизительнымъ для мущины становиться ихъ игрушкой, жертвовать всѣмъ что у него есть дорогаго, дѣлать изъ-за нихъ тысячу глупостей и пошлостей.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Но есть женщины, графъ, которыя умѣютъ любить въ человѣкѣ его самого, а не внѣшнюю обстановку. Такую женщину не такъ-то легко увлечь.

ГРАФЪ КРОМСКІЙ.

Увлечь и полюбить не то же самое. Подобную женщину я готовъ бы полюбить, бросить для нея все, не думать уже о себѣ.

Digitized by Google

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Кто же вамъ мѣшаетъ? ужели вы не встрѣтили ни одной васъ достойной.

ГРАФЪ КРОМСКІЙ.

Я думалъ что не встрѣчалъ, но убѣдился что ошибся.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Такъ значитъ есть такое совершенство? Кто же это?

ГРАФЪ КРОМСКІЙ.

Не смѣйтесь, вы не знаете ее.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Отъ чего-же вы на ней не женитесь?

ГРАФЪ КРОМСКІЙ.

Она замужемъ.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Это грустно, мнѣ жаль васъ!

ГРАФЪ КРОМСКІЙ.

Вы бы еще больше обо мнѣ пожалѣли когда бы знали что̀ это за женщина.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Чѣмъ же она выдѣляется изъ ряду другихъ?

ГРАФЪ КРОМСКІЙ.

Это необыкновенное созданіе! она могла, какъ вы, прожить нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ, довольствоваться, какъ вы, мирною и безмятежною жизнью; въ блестящемъ свѣтѣ, въ этой ледящей обстановкѣ, она сумѣла, какъ и вы, сохранить душу, чувства, простоту; у ней вашъ умъ, ваше сердце, ваше очаровывающее обхожденіе, вашъ чудный голосъ, ваше лицо—словомъ женщина эта—вы!...

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА *(встаетъ)*.

Графъ... что̀ вы говорите... вы осмѣлились...

ГРАФЪ КРОМСКІЙ.

Не вините меня! я не всегда могу удержать порывы моего сердца, совладѣть съ ними. Зачѣмъ вашимъ участіемъ вновь пробудили вы тѣ чувства которыя я считалъ заснувшими на вѣкъ?.. Зачѣмъ показали вы мнѣ вашъ свѣтлый умъ, ваше благородное сердце?..

Digitized by Google

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Мнѣ дѣла нѣтъ, графъ, до вашихъ чувствъ. Мое участіе къ вамъ не дало вамъ права оскорблять меня. Вы осмѣлились говорить...

ГРАФЪ КРОМСКІЙ.

Виноватъ ли что судьба свела насъ такъ поздно, что я узналъ женщину которая одна могла бы составить мое счастіе, узналъ когда она уже не можетъ быть моею. Два года назадъ...

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Да, графъ, вы забыли гдѣ вы и съ кѣмъ вы; прошу васъ, оставьте меня.

ГРАФЪ КРОМСКІЙ.

Простите меня, Наталья Николаевна, повѣрьте мнѣ что я и не думалъ...

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Довольно. Вы воспользовались моимъ одиночествомъ, отсутствіемъ мужа, чтобы оскорбить меня. Еще разъ прошу васъ, оставьте меня! Я право не узнаю вашей рыцарской вѣжливости къ дамамъ. Но что это? Колокольчикъ? это мой мужъ! ради Бога уходите. Идите, идите же!..

ГРАФЪ КРОМСКІЙ.

Я можетъ-быть самонадѣянъ, самоувѣренъ, можетъ-быть чувства мои слишкомъ меня увлекаютъ, но я не трусъ. Я привыкъ отдавать отчетъ въ моихъ дѣйствіяхъ, а не скрывать ихъ. Я буду ждать вашего мужа.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Что вы хотите дѣлать? Вы не знаете моего мужа, онъ ревнивъ, онъ вспыльчивъ, вы меня погубите,—но вотъ онъ подъѣхалъ, уйдите, графъ, уйдите ради Бога.

ГРАФЪ КРОМСКІЙ.

Но честь моя не позволяетъ...

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Честь! но для нея вы жертвуете честью женщины, спокойствіемъ, счастьемъ цѣлой жизни... Я васъ умоляю, графъ, уйдите. Вы должны это сдѣлать изъ преданности, изъ любви ко мнѣ... скорѣе... Нѣтъ, туда уже поздно, вы встрѣтитесь, сюда, въ мой кабинетъ, въ эти двери, ради Бога скорѣе. *(Графъ уходитъ въ двери направо и Наталья Николаевна ихъ запираетъ и беретъ ключъ.)*

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ V.

ЛЬЯНОВЪ.

Какая скука! отъѣхалъ двѣ версты и пришлось возвращаться, планы забылъ; а ты все здѣсь сидишь, Наташа?

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Да, я очень рада что ты вернулся, Валеріанъ.

ЛЬЯНОВЪ.

А я совсѣмъ не радъ, потерялъ полчаса времени. Ну, прощай, мой другъ.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Подожди немного, мнѣ съ тобой нужно поговорить.

ЛЬЯНОВЪ.

Изволь, только въ другой разъ, теперь нѣкогда.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Можетъ-быть ты найдешь нѣсколько минутъ, узнавъ что дѣло идетъ о нашемъ счастьи.

ЛЬЯНОВЪ.

О нашемъ счастьи? Что ты хочешь этимъ сказать?

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Слушай. Только что ты уѣхалъ, ко мнѣ вошелъ человѣкъ котораго я встрѣчала въ свѣтѣ и о которомъ ты конечно слыхалъ: графъ Кромскій.

ЛЬЯНОВЪ.

Графъ Кромскій! и ты приняла его.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Разумѣется. У насъ завязался очень занимательный разговоръ о женщинахъ, о счастіи—и онъ кончалъ объяснеміемъ въ любви.

ЛЬЯНОВЪ.

Онъ посмѣлъ! а, это не пройдетъ ему даромъ, я отомщу ему! Но гдѣ же онъ, гдѣ онъ?...

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Здѣсь, у насъ въ домѣ. Услыхавъ твой пріѣздъ я упросила его спрятаться въ эту комнату.

Digitized by Google

ЛЬЯНОВЪ *(бросаясь къ двери).*

А, онъ здѣсь! но дверь заперта, гдѣ же ключъ?

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Это я заперла. Вотъ ключъ.

ЛЬЯНОВЪ.

Давай, давай скорѣе. О, я не позволю смѣяться надо мной. *(Хватаетъ ключъ и бѣжитъ къ двери.)*

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Ха, ха, ха. *(Хохочетъ.)*

ЛЬЯНОВЪ *(останавливаясь).*

Что съ тобой, чему ты смѣешся?

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Ха, ха, ха. Бери да ломни, бери да ломни. Ты проигралъ лари, ты взялъ ключъ не сказавъ беру да ломню, долженъ теперь везти меня за границу.

ЛЬЯНОВЪ *(бросая ключъ).*

Такъ это только была шутка! какъ глупо, какъ безсовѣстно такъ шутить, какъ не грѣшно тебѣ такъ мучить меня?

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Ахъ, какъ я рада, какъ я рада, ѣдемъ за границу!

ЛЬЯНОВЪ.

Я до сихъ поръ не могу еще придти въ себя. Ты такъ была озабочена, такъ говорила, что я повѣрилъ. Какъ я радъ что все это вздоръ! но ложалуста не шути со мною такъ въ другой разъ.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Не бойся, въ другой разъ я выдумаю что-нибудь поостроумнѣе.

ЛЬЯНОВЪ.

Закладъ я проигралъ, не спорю, и къ моему величайшему прискорбію придется везти тебя за границу. Но вѣдь я никакъ не думалъ что ты будешь прибѣгать къ такимъ выдумкамъ. Ты меня такъ взволновала. Мнѣ и въ голову не пришло что это хитрость, чтобы выиграть это глупое лари.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Самъ ты его придумалъ, пеняй на себя.

Digitized by Google

ЛЬЯНОВЪ.

Богъ съ тобой! Прощай, Наташа, я и забылъ что вернулся только за планами. Прощай мой другъ, я долго не забуду какъ ты меня ловко обманула. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА (*отворяя дверь*).

Вы можете выйти, графъ. Мужъ мой уѣхалъ.

ГРАФЪ КРОМСКІЙ.

До свиданья, Наталья Николаевна. (*Кланяется.*) Много я передумалъ въ эти четверть часа....

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА.

Ваше сегодняшнее приключеніе, графъ, доказало вамъ какъ вы мало знаете насъ женщинъ. Всѣ вы свѣтскіе люди считаете себя удивительно опытными, закаленными, никто васъ не обманетъ, не заставитъ сдѣлать глупости. Но стóитъ только одной изъ насъ пожелать, и она сдѣлаетъ изъ васъ все что̀ ей угодно.... Но куда же вы слѣпите? Развѣ вы не останетесь обѣдать? (*Графъ удивленно кланяется.*)

—БА. —ВЪ.

Digitized by Google

ЮЖНОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

XVIII ВѢКА,

ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ДРАМАТИЧЕСКАЯ

На южнорусскую искусственную литературу XVIII вѣка обыкновенно смотрѣли и продолжаютъ смотрѣть почти до настоящаго времени какъ на литературу схоластическую и мертвенную, не откликавшуюся на живые вопросы современной жизни. И дѣйствительно, если мы будемъ разсматривать только схоластическіе учебники южнорусскихъ ученыхъ и ихъ трактаты по разнымъ отраслямъ тогдашнихъ наукъ и знаній, то мы почти не найдемъ въ нихъ біенія пульса народной южнорусской жизни тогдашняго времени и какихъ-либо нитей соединяющихъ въ литературномъ отношеніи прошлый вѣкъ съ нынѣшнимъ. Но мы не имѣемъ права предполагать что схоластическіе учебники и трактаты исключительно поглощали всѣ интересы южнорусскихъ ученыхъ и школьниковъ и отвлекали ихъ вниманіе отъ текущей народной жизни и народнаго міровоззрѣнія. Особенно нельзя этого предполагать относительно молодыхъ школьниковъ, у которыхъ живая натура должна была высказываться въ различныхъ лѣсенкахъ, діалогахъ, народныхъ сказкахъ, пословицахъ и тому подобныхъ литературныхъ произведеніяхъ,

Digitized by Google

можетъ-быть часто составлявшихъ для авторовъ запретный плодъ и во всякомъ случаѣ не входившихъ въ кругъ прямыхъ ихъ обязанностей и занятій. Понятно что такихъ произведеній не могло сохраниться много отъ XVIII вѣка; но чѣмъ они рѣже встрѣчаются, тѣмъ болѣе должны быть драгоцѣнны для насъ, какъ такіе архаическіе обломки, на основаніи которыхъ можно составить нѣкоторое понятіе о живыхъ литературныхъ интересахъ южнорусскихъ XVIII вѣка. При томъ же, подобныхъ литературныхъ произведеній сохранилось и не такъ мало, стóитъ только тщательнѣе разыскивать ихъ и сводить въ одно цѣлое.

Въ разное время намъ удалось найти значительное число южнорусскихъ литературныхъ произведеній XVIII вѣка, которыя вмѣстѣ съ извѣстными уже памятниками этого рода наполняютъ собою весь XVIII вѣкъ и составляютъ его литературную исторію, довольно живую и интересную. На первый взглядъ эта исторія представляется весьма пестрою и разнообразною, не имѣющею подъ собою твердой національной почвы; но при внимательномъ разсмотрѣніи ея оказывается что сквозь пестроту и разнообразіе чуждыхъ, наносныхъ элементовъ постоянно и настойчиво пробивается элементъ національный, связывающій южнорусскую искусственную литературу XVIII вѣка съ литературными интересами сѣверной Россіи.

Разнообразіе элементовъ входившихъ въ составъ южнорусской литературы XVIII вѣка виднѣе всего въ пословицахъ и остроумныхъ изреченіяхъ, найденныхъ нами въ рукописномъ сборникѣ 1738—1743 гг., писанномъ рукою ученика харьковскаго Коллегіума Іоанна Ушивскаго *. Составитель находящагося здѣсь алфавитнаго списка пословицъ и остроумныхъ изреченій говоритъ что онъ выбиралъ ихъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ книгъ; но, какъ увидимъ, онъ пользовался и народными пословицами.

Изъ духовныхъ книгъ взяты, напримѣръ, слѣдующія пословицы: „Богъ не смотритъ на лице“, „Добро твори всякому и неблаголпіятному“, „Изъ плода древо познается“, и проч. Подъ свѣтскими книгами, изъ которыхъ извлекались пословицы, преимущественно разумѣлись апофтегматы, Епиктетовы из-

* Рукоп. Церковно-археологич. музея при Кіев. академіи, № 156, по описанію № 661.

Digitized by Google

реченія и разныя краткія замысловатыя ловѣсти западнаго происхожденія. Такъ, напримѣръ, пословицы „Голому разбой не страшенъ“ и „Трудно тамъ брати, гдѣ нечего взяти“ объясняются изъ слѣдующей апофтегмы: „Къ забавному бѣдняку пришли ночною порой воры. Тогда онъ, ни мало не осердясь, сказалъ имъ: не знаю что вы можете, братцы, найти здѣсь въ такое время, гдѣ я и днемъ самъ ничего не нахожу“ *. Пословица „Значно волка въ овечьей кожѣ“ извлечена изъ соотвѣтствующей басни Эзопа. На тему пословицы „Извѣсяше око, нежели ухо“ мы нашли два разказа западнаго происхожденія, одинъ о Сократѣ, который сказалъ: „Больше вѣрь очамъ своимъ, нежели сказкѣ людской“, другой о Ѳалесѣ, которому приписываютъ слѣдующее выраженіе: „Гораздо то вѣрнѣе, что видимъ, нежели то, что слышимъ„ **. На тему пословицы „Кто богатъ, тотъ всѣмъ братъ; кто ничего не мае, того никто не знае“ есть нѣсколько западныхъ разсказовъ. „Бережливый вопрошенъ, говорится въ одномъ изъ нихъ,—для чего онъ, будучи въ глубокой старости, живетъ скупо?—Для того, отвѣчалъ онъ, чтобы по смерти лучше оставить что-нибудь непріятелямъ, нежели заживо лишиться пріятелей. Разумѣлъ онъ: гдѣ деньги, тамъ и друзья“. Справедливость этого изреченія доказалъ на дѣлѣ другой человѣкъ. „Нѣкто имѣлъ великій достатокъ и, не хотя по смерти своей учинить никого наслѣдникомъ, все свое богатство расточилъ, думая что онъ болѣе не проживетъ 80 лѣтъ; но послѣ, живя еще шесть лѣтъ, ходилъ по міру крося такъ: подайте что-нибудь мнѣ бѣдному который столь долго жить не думалъ“ ***. Несомнѣнно западнаго происхожденія и слѣдующая пословица рукописи: „Орѣхъ, оселъ и жена равной суть природы; сія три вси требуютъ биття нелогоды“ ****.

Кромѣ книжныхъ пословицъ, въ сборникѣ есть пословицы и народнаго происхожденія, хотя и довольно искаженныя. Очевидно, авторъ хотѣлъ придать имъ литературную форму и украсилъ ихъ риѳмами; тѣмъ не менѣе онъ не могъ совершенно стереть ихъ народнаго характера. Между этими пословицами можно различать польскія, собственно малорус-

* Тамъ же, № 131, по описан. № 663, л. 185.

** Тамъ же, л. 191 и 187 об.

*** Тамъ же, л. 187 и 189.

**** Тамъ же, сборникъ 1749—1753 г., по описан. № 549.

Digitized by Google

скія и великорусскія, или по крайней мѣрѣ такія которыя одинаково сохранились и на сѣверѣ, и на югѣ Россіи. Къ польскимъ можно отнести слѣдующія пословицы сборника: „По ткодѣ ляхъ мудрій“, „Шляхтицъ по бабцѣ“. Къ малорусскимъ пословицамъ относятся слѣдующія: „Баба з воза—колесамъ легше“, „Безъ денегъ къ торгу, безъ соли до дому“, „Здався цыганъ на свои дѣти“ или „Цыганъ своими дѣтми свѣдчится“, „Осмакъ копы стереже“, „Первія коты за плетень“, „Первѣйшій атаманъ, неже десятникъ“, „Шануй горы и мо́сты, чтобъ были цѣліе кости“, „Якій панъ, такій его крамъ“, и проч. На сѣверѣ Россіи встрѣчаются слѣдующія изъ пословицъ сборника: „Въ гостяхъ добре, а дома лутче“, „Гдѣ тонко, тамъ рветця“, „Захотѣлося ему ухи дворанской“, „Із чужого коня и посредѣ грязѣ вставай“, „Лѣнивому всегда праздникъ“, „На злодѣевѣ шапка горитъ“, „Охота лущѣ неволѣ“, „Пропало, что̀ з воза впало“, „Собака на сѣнѣ лежитъ, сама не истъ и другимъ не даетъ“, „Скулій два рази платитъ“, „Тихая вода береги ломитъ“, „У кія два концы“, „Чужое лычко ремѣнцемъ платятъ“, и проч. *

Не менѣе разнообразія и пестроты замѣчаемъ мы и въ южнорусскомъ народномъ говорѣ XVIII вѣка. Долго бывъ подъ властію Польши, имѣя непосредственныя столкновенія и связи съ разнохарактернымъ ея населеніемъ и со своими сосѣдами, южнорусскій народъ невольно усвоилъ себѣ и чужія понятія и слова. Такимъ образомъ въ южнорусскія народныя произведенія проникли слова польскія, латинскія, нѣмецкія и тюрко-татарскія. Оставляя польскій языкъ, который трудно размежевать съ малорусскимъ, укажемъ въ послѣдуемъ нѣсколько примѣровъ словъ латинскихъ, нѣмецкихъ и тюрко-татарскихъ. Латинскій языкъ вліялъ на малорусскую рѣчь чрезъ Польшу, гдѣ онъ былъ господствующимъ языкомъ церкви и науки, а нѣмецкій вторгался въ народную рѣчь или при посредствѣ Магдебургскаго права, или чрезъ Евреевъ говорившихъ и доселѣ говорящихъ нѣмецкимъ жаргономъ. Изъ латинскихъ словъ мы встрѣчаемъ въ малорусской рѣчи слѣдующія: вакувать—vacare, густъ—gustus, контентный — contentus, кухня — cochlearium, маестатъ — majestas, мизерія отъ miser, муръ — murus, ревидувать — revidere,

* Слич. сборникъ пословицъ XVIII в., въ рукописи Кіев. Академіи, по описанію № 449.

Digitized by Google

репетувать—repetere, руйновать отъ ruo, ruina, турбовать—turbare, и проч. Изъ нѣмецкаго языка заимствованы, между прочимъ, слѣдующія малорусскія слова: арештовать или рыштовать отъ rusten, бинда—Binde, дротъ—Drath, друковать—drücken, кулихъ—Kelch, малевать — malen, мордовать—morden, плиндровать—plündern, рихтовать—richten, смальцe—Schmalz, трунк—Trunk, цегля или цегель—Ziegel, шинка—Schinken, шинокъ—Schenke, штихъ—Stich, и проч. Изъ тюрко-татарскихъ словъ одни перешли въ южно-русскую рѣчь чрезъ Венгровъ, другія чрезъ Турокъ и Татаръ. Таковы, между прочимъ, слѣдующія слова: барканъ, басама теремтете, варошъ (городъ), гринджели, гусашъ, дарабъ, дейжа или деша (ушатъ), демень, джура, ковдушъ, мурзакъ, обрикъ, орсакъ, тягель, ушкалъ, хиная, чагаръ или чагарникъ, и проч. Всѣ эти и подобныя слова удерживаются въ простомъ народѣ и до настоящаго времени *.

Но въ XVIII-мъ же вѣкѣ изъ среды этого разнообразія элементовъ южнорусской рѣчи и представленій постепенно сталъ выдѣляться и усиливаться элементъ чисто народный русскій и принимать два главные оттѣнка—племеннаго самосознанія и стремленія къ единству съ сѣверно-русскою литературой. Это было такъ-сказать литературное возсоединеніе южной Руси съ сѣверною, слѣдовавшее за политическимъ возсоединеніемъ и въ свою очередь помогавшее ему своими духовными средствами.

Исправленіе и очищеніе южнорусскаго языка началось въ ученой средѣ и сначала производилось еще въ сферѣ польскаго вліянія и по польскимъ образцамъ. Польскій языкъ, бывшій прежде въ южнорусскихъ училищахъ языкомъ школы, въ XVIII вѣкѣ давалъ рядомъ съ собой мѣсто и русскому языку и оказывалъ вліяніе на его литературную отдѣлку. Такъ напр., въ Кіевской піитикѣ 1720 года говорится о польскомъ стихѣ слѣдующее: „нужно опасаться чтобы не были окончанія на go, li, la, jąc, wszy, напр. swiętego, zacnego, czynili, mowili, и проч. Примѣнительно къ этому, Піитика 1736 года подчиняетъ этому правилу и славянорусскій

* Эти слова извлечены изъ новѣйшихъ изданій южно-русскихъ народныхъ произведеній Антоновича, Драгоманова, Рудченко, Лончевскаго и др.; но, судя по ихъ происхожденію и политическимъ связямъ южноруссовъ, вошли въ малорусскую рѣчь не позже XVIII вѣка.

Digitized by Google

стихъ: „въ славянскихъ стихахъ нужно остерегаться, говорить она,—чтобы не оканчивались стихи на *го*, *чи*, *ли*, и т. п., напримѣръ: благаго, другаго, святаго, хваляча, знаючи, мѣчачи, сознала“ и проч. *.

Гораздо болѣе чѣмъ польскій языкъ и польскіе образцы содѣйствовали развитію отечественнаго языка и разработкѣ національныхъ интересовъ южноруссовъ такъ называемое возрожденіе классицизма и гуманизмъ, имѣвшіе своихъ представителей и въ Кіевской Академіи. Возрожденіе и гуманизмъ явились прежде всего въ Италіи, возбудили здѣсь охоту къ изученію классическихъ образцовъ, подражанію имъ и примѣненію къ національнымъ интересамъ, но потомъ распространились отсюда по всей Западной Европѣ и были здѣсь предтечами нѣмецкой реформаціи. Изъ представителей періода возрожденія и гуманизма для насъ интересны Понтано, Санназаро, Эразмъ Роттердамскій и др., пользовавшіеся извѣстностію и въ Кіевской Академіи. Въ послѣдней самымъ видным представителемъ возрожденія классицизма и гуманизма является знаменитый для своего времени Ѳеофанъ Прокоповичъ. Замѣчательный по своему времени знатокъ латинскаго языка и классицизма, онъ часто указывалъ въ своихъ лиѳикѣ и реторикѣ лучшія руководства и образцы въ духѣ возрожденія классицизма, сочувствовалъ пробудившемуся на западѣ Европы движенію мысли въ лицѣ Галилея **, но, что

* См. о словесныхъ наукахъ въ Кіев. Акад., труды Кіев. Д. Акад., іюль, 1866, стр. 325—7.

** Прокоповичъ написалъ латинскіе стихи по поводу папскаго суда надъ Галилеемъ, которые приводимъ здѣсь въ русскомъ переводѣ: „Зачѣмъ, папа, безсовѣстно мучишь дѣятельнаго испытателя природы? Жестокій тиранъ! чѣмъ провинился предъ тобою сей старецъ? Папа, ты сумасшествуешь! Вѣдь Галилей не твои міры изслѣдуетъ и не вторгается со злымъ умысломъ въ твои священные предѣлы, гдѣ пламенный Стиксъ очищаетъ души усопшихъ и гдѣ находятся боги и богини твоего изобрѣтенія. Галилеева земля истинна, а твоя ложна и никогда не существовала; его звѣзды создалъ Богъ, а твои—обманъ“. „Но, говоритъ папа,—нашъ долгъ повелѣваетъ заботиться, чтобы одинакія имена при противоположномъ значеніи не произвели соблазна въ простомъ народѣ“. Варварская тупость, глубочайшіе подонки слѣпаго міра! тебѣ ли судить о свѣтлыхъ мысляхъ Галилея? Тебѣ ли обвинять въ противозаконности проницательность ума, зоркаго какъ рысь? Должно быть дряхлой котъ видитъ больше, чѣмъ рысь?“ См. сборникъ сочиненій Прокопов., рукоп. Кіев. Академіи, по описанію № 298, л. 864.

Digitized by Google

всего важнѣе, старался сблизить классическія формы съ христіанскимъ и отечественнымъ содержаніемъ и заботился объ очищеніи русскаго языка отъ чуждыхъ примѣсей. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ можетъ, въ нѣкоторой мѣрѣ, идти въ сравненіе съ Данте и особенно съ Торквато Тассо, которые пытались въ своихъ произведеніяхъ органически сочетать классическія формы съ отечественнымъ содержаніемъ и изложеніемъ. Есть даже основаніе думать что Ѳ. Прокоповичъ слѣдуетъ примѣру и правиламъ Тассо и воспроизводитъ послѣднія въ своей піитикѣ. „Для героической (эпической) поэмы, говоритъ Тассо,—необходимы три условія: 1) выбрать содержаніе, могущее принять наиболѣе изящную форму; 2) дать ему эту форму; 3) облечь его лучшими украшеніями, какія только оно способно принять. Чтобы достигнуть правдоподобія, одного изъ существеннѣйшихъ условій эпоса, лучше всего взять содержаніе изъ исторіи, но только не изъ языческой, потому что ввести въ эпосъ языческую религію значитъ уничтожить правдоподобіе, а опустить ее значитъ опустить чудесное. Не возможно же представить себѣ чтобы тѣ пустыя, безжизненныя божества древнихъ, которыя никогда не существовали, производили явленія настолько превышающія средства природы и человѣческія силы. Правдоподобное и чудесное почти противоположны другъ другу, а между тѣмъ въ героической поэмѣ они составляютъ совершенно необходимыя условія. Искусство поэта заключается въ томъ чтобъ ихъ соединить. Христіанскій поэтъ можетъ достичь этого только тѣмъ что припишетъ такія чудесныя дѣйствія только Богу, его ангеламъ, святымъ, или тѣмъ кому дарованы сверхъестественныя силы, слѣдовательно демонамъ, чародѣямъ и феямъ. Правдоподобіе же здѣсь возможно потому что мы съ колыбели слышимъ о подобныхъ чудесахъ. Такимъ образомъ содержаніе новой эпической поэмы должно быть только или христіанскимъ, или еврейскимъ. Но его нельзя заимствовать и изъ священной исторіи; потому что всякое измѣненіе или новый въ ней вымыселъ были бы святотатствомъ. Въ христіанской исторіи можно взять содержаніе изъ совершенно древней, средней или совершенно новой исторіи.“ * И Ѳеофанъ Прокоповичъ, указывая въ своей піитикѣ на примѣры христі-

* См. исторію всеобщей литер. Шерра, въ русскомъ переводѣ 1863 года, стр. 262—3.

Digitized by Google

анскихъ писателей избѣгавшихъ употребленія именъ языческихъ божествъ и употреблявшихъ имена христіанскія, говоритъ о христіанскомъ поэтѣ согласно съ Тассомъ: „онъ (т.-е. христіанскій поэтъ) не долженъ вмѣшивать языческихъ боговъ или богинь въ какое-либо дѣло нашего Бога, или также героевъ олицетворяющихъ собою какія-либо добродѣтели, не долженъ употреблять имя Паллады вмѣсто мудрости, Діаны вмѣсто чистоты, Нептуна вмѣсто водъ, Вулкана вмѣсто огня,—ихъ имена употребляются только синонимически; но онъ можетъ вводить дѣйствительныя лица Бога, ангеловъ, святыхъ, демоновъ, приписывая имъ подобныя дѣйствія. Также посредствомъ олицетворенія пусть онъ вводитъ божественныя свойства, приписывая имъ рѣчь, лица, дѣйствіе, одежды, оружіе, инструменты, колесницы и проч. Можно также вымышлять различныя положенія мѣстъ на небѣ, въ воздухѣ, на землѣ, выстраивать города, ставить дома и другія зданія.* Слѣдуя этимъ правиламъ, Ѳ. Прокоповичъ или переводилъ латинскія классическія произведенія на русскій и русскіе нравы, или писалъ оригинальныя произведенія по формамъ классическимъ и, подобно Тассу, влагалъ въ нихъ отечественное содержаніе изъ древней, средней и новой исторіи, постоянно заботясь о чистотѣ русскаго языка и исправляя и очищая его по нормѣ церковнославянскаго. А Ѳеофанъ Прокоповичъ имѣлъ громадное вліяніе на послѣдующую сѣверную и особенно южнорусскую литературу XVIII вѣка.

Самое же могущественное и направляющее вліяніе на судьбу южнорусской литературы XVIII вѣка и ея языка имѣла сѣверная Русь своимъ господствующимъ положеніемъ въ политическомъ и литературномъ отношеніи. Малороссія формально присоединилась къ Московскому государству еще въ 1654 году, при Богданѣ Хмельницкомъ, но политическія смуты и колебанія въ разныя стороны продолжались почти до конца XVII вѣка; слѣдовательно, фактическое присоединеніе Малороссіи къ Московскому государству, и притомъ не въ цѣломъ ея объемѣ, совершилось только къ концу XVII вѣка. Поэтому и результаты этого присоединенія въ литературномъ отношеніи не могли обнаружиться ранѣе конца XVII

* De arte poëtica, кн. II, гл. 5, стр. 102; труды Кіев. Дух. Акад., іюль, 1866 года, стр. 315.

Digitized by Google

или начала XVIII вѣка. Съ присоединеніемъ Малороссіи къ Россіи, естественно, центръ политической тяжести сталъ находиться для Малороссіи въ Москвѣ и Петербургѣ, а не въ Варшавѣ, Краковѣ, Вильнѣ и Кіевѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и языкъ сѣверной Россіи сдѣлался господствующимъ языкомъ въ государствѣ вообще и на Украйнѣ въ частности. Съ одной стороны, южноруссы часто обращались со своими нуждами на сѣверъ Россіи, къ правительству, получали отъ него офиціальныя бумаги и нерѣдко переселялись туда для занятія высшихъ іерархическихъ должностей; съ другой стороны—московскіе люди занимали въ Малороссіи должности воеводъ, губернаторовъ и другихъ чиновниковъ, а московскія войска большими массами стояли въ Малороссіи въ теченіе всего XVIII вѣка, особенно послѣ измѣны Мазепы. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, необходимо долженъ былъ происходить живой обмѣнъ понятій, словъ и выраженій между Малороссами и Великоруссами, который сглаживалъ неровности малорусской рѣчи. Южнорусскіе ученые и писатели, отправляясь въ Москву на время или для занятія іерархическихъ мѣстъ, старались отвыкнуть отъ провинціализмовъ своей рѣчи и говорить и писать на литературномъ языкѣ сѣверной Руси. Особенно это замѣтно на одномъ изъ лучшихъ духовныхъ писателей того времени, св. Димитріи Ростовскомъ. Будучи въ Малороссіи онъ говорилъ и писалъ обычнымъ въ то время украинскимъ литературнымъ языкомъ. Вотъ примѣры этого языка: „Кто жь колвекъ того болѣзненнаго житія путь проходитъ, зостановися тутъ“. Другая его малорусская проповѣдь начинается такъ: „Нимъ слодобится з насъ хто колись Бога во Троицы единаго, Отца и Сына и св. Духа славити з ангелами въ небѣ“, и проч. *). Но переселившись на сѣверъ и управляя Ростовскою митрополіей св. Димитрій писалъ свои проповѣди чистымъ церковно-славянскимъ языкомъ и болѣе просто и естественно. Въ свою очередь московскіе люди, живя подолгу въ Малороссіи и входя въ болѣе или менѣе тѣсное общеніе съ мѣстными жителями, распространяли между ними знаніе русскаго языка и нѣкоторыя произведенія сѣверорусской народной литературы. Къ послѣднимъ можно отнести стихи „про Хому да Ярему“, носящіе на себѣ явные

* См. описаніе ркп. церковно-археологич. Музея, № 292, л. 106 и 112; ск. л. 539.

Digitized by Google

слѣды заимствованія съ великорусскаго, но довольно распространенные въ Малороссіи между *старцами*, т.-е. нищими *).

Въ послѣдствіи времени къ этимъ внѣшнимъ политическимъ обстоятельствамъ, обусловливавшимъ распространеніе общерусскаго языка въ Малороссіи въ XVIII вѣкѣ, присоединились другія внутренняго свойства заключавшіяся въ самомъ содержаніи и внутреннихъ качествахъ сѣверно-русской литературы. Южнорусская литература XVII и начала XVIII вѣка была преимущественно богословскаго содержанія, подчинявшаго себѣ даже общеобразовательныя науки, и въ большинствѣ случаевъ отличалась схоластическимъ характеромъ, за исключеніемъ сочиненій Ѳ. Прокоповича и его даровитыхъ послѣдователей. Между тѣмъ на сѣверѣ Россіи, со временъ Петра I, литература принимаетъ практически дѣловой, государственный и свѣтскій характеръ, и затѣмъ мало-по-малу вводитъ русское общество въ кругъ европейскихъ вкусовъ и понятій новаго времени. Поэтому представители южно-русской учености XVIII вѣка, оставаясь даже на малорусской своей родинѣ, не могли оставаться равнодушными къ новому для нихъ направленію сѣверно-русской литературы и не отнестись къ ней такъ или иначе, сочувственно или отрицательно. При отсутствіи у южно-русскихъ ученыхъ знакомства съ новѣйшими языками и непосредственныхъ связей съ западною Европой, за немногими развѣ исключеніями, сѣверно-русская искусственная литература была для нихъ, въ теченіе всего почти XVIII вѣка, главнымъ и чуть ли не единственнымъ источникомъ свѣдѣній объ умственныхъ и литературныхъ интересахъ современнаго запада Европы и потому не могла не оказать значительнаго вліянія. И мы дѣйствительно увидимъ это вліяніе, которое запечатлѣвалось иногда до того явственно что можно даже замѣтить въ южно-русскихъ писателяхъ XVIII вѣка смѣну понятій и мыслей,

---

* Приводимъ начало этихъ стиховъ по имѣющемуся у насъ списку изъ Черниговъ. губерніи:

Выслухайте, господа! я вамъ пісеньку зпою,
Я вамъ пісеньку зпою
Про Ярему про Хому.
Що Хома да Ярема дакъ рідиці браття,
Що на Хомі да на Яремі однакове плаття.
Вопы жили проживали
И лавками торговали, и проч.

Digitized by Google

представляющую собою нѣкоторое отраженіе литературнаго движенія на сѣверѣ Россіи.

Совокупность всѣхъ этихъ условій привела къ тому что къ концу XVIII вѣка языкъ южно-русскихъ писателей ничѣмъ не отличался отъ языка писателей сѣверно-русскихъ и потерялся въ общемъ теченіи русскаго литературнаго языка. Что касается малорусской народной рѣчи, то она или вовсе не входила въ кругъ литературнаго движенія на югѣ Россіи, или же входила въ него какъ нѣчто уродливое и карикатурное. До 1736 года мы не встрѣчаемъ, или, по крайней мѣрѣ, не нашли никакихъ письменныхъ произведеній на чисто малорусскомъ нарѣчіи, хотя отъ этого времени и дошли до насъ нѣкоторыя стихотворныя приспособленія къ содержанію южнорусскихъ народныхъ думъ и пѣсень. Съ этой эпохи малорусская простонародная рѣчь, вмѣстѣ съ другими говорами, сдѣлалась достояніемъ комическихъ интерлюдій и интермедій, писанныхъ по польскимъ образцамъ. По правиламъ піитики Митрофана Довгалевскаго 1736 года, „въ комедіи должны выводиться лица забавныя (levis), какъ-то господарь (paterfamilias), Литвинъ, Цыганъ, казакъ, Еврей, Полякъ, Скиѳъ, Турокъ, Грекъ, Итальянецъ," и комедіи должны писаться слогомъ простымъ, деревенскимъ, мужицкимъ *. Когда на сѣверѣ Россіи обратили вниманіе на мужицкую рѣчь и сдѣлали ее органомъ извѣстнаго рода комическихъ произведеній, въ родѣ *Мельника* Аблесимова и пародированной Энеиды Осипова и Котельницкаго,—и малорусская простонародная рѣчь снова получаетъ нѣкоторое литературное значеніе въ комическихъ произведеніяхъ, принимаетъ литературную обработку и даже тоническій размѣръ и въ этомъ видѣ переходитъ, въ сочиненіяхъ И. П. Котляревскаго, въ XIX столѣтіе.

Мы прослѣдимъ оба намѣченныя направленія въ развитіи южнорусской искусственной литературы XVIII вѣка, обращая преимущественное вниманіе на драматическую литературу какъ болѣе полную, живую и типическую.

Соотвѣтственно главнымъ условіямъ при которыхъ совершалось развитіе искусственной южнорусской литературы XVIII вѣка, исторію ея можно раздѣлить на пять отдѣловъ или періодовъ. Первый періодъ составляющій продолженіе

* См. Труды Кіев. Духов. Академіи, февраль 1865 года, стр. 315.

Digitized by Google

южнорусской литературы XVII вѣка есть періодъ подражанія латинолольскимъ схоластическимъ образцамъ. Онъ продолжался до Ѳеофана Прокоповича или до 1705 года. Ко второму періоду относятся собственно произведенія самого Ѳеофана Прокоповича которыя, по формѣ своей, подражаютъ классическимъ образцамъ, а содержаніе заимствуютъ изъ отечественной, русской исторіи. Третій періодъ южнорусской искусственной литературы XVIII вѣка есть періодъ смѣшенія литературныхъ тенденцій и пріемовъ Ѳеофана Прокоповича съ прежними польско-іезуитскими схоластическими, съ явнымъ, однако, преобладаніемъ Ѳеофановскаго направленія. Съ царствованія Елисаветы Петровны, при существованіи прежнихъ формъ и направленій, все болѣе и болѣе выдѣляется элементъ воспроизведенія въ южнорусской литературѣ общерусскихъ интересовъ и литературныхъ формъ. По различію послѣднихъ, въ южнорусской литературѣ этого времени и до конца XVIII вѣка различаются два періода: четвертый—періодъ подражанія литературнымъ образцамъ Кантемира и Ломоносова, обнимающій время царствованія Елисаветы Петровны, и пятый — съ царствованія Екатерины II, ознаменованный совершеннымъ сліяніемъ южнорусской литературы съ общерусскою и обособленіемъ простонародной малорусской рѣчи.

I.

Первый періодъ южнорусской искусственной литературы XVIII вѣка представляетъ собою завершеніе такой же литературы XVII вѣка и, подобно послѣдней, носитъ на себѣ явственную печать слѣпаго подражанія іезуитско-польской литературѣ. Это подражаніе касалось и языка, и литературныхъ формъ. Языкомъ школы въ южнорусскихъ училищахъ XVII вѣка и даже отчасти XVIII былъ языкъ польскій, вслѣдствіе чего примѣры въ учебникахъ по словесности приводились только на латинскомъ и польскомъ языкахъ, и не было ни одного на русскомъ. * Литературными образцами служили латино-польскія произведенія, преимущественно іезуитскія. Такъ, напримѣръ, въ кіевскихъ піитикахъ до Ѳеофана Прокоповича въ образцы поэмы указыва-

* См. *Fons Castalius*, рукопись Кіево-Соф. собора, № 446, rivus 2.

Digitized by Google

лись: *Иродіада или святые младенцы за Христа мученики, жестоко избіенные Иродомъ-тираномъ*, патера Іакова Бидермана, написанная въ подражаніе *Энеидѣ* Виргилія; *Тебаида* и *Ахиллеида* патера Папинія Стація, изъ коихъ послѣдняя написана въ подражаніе Алоду Мануцію; „Fodines Bochnenses", „Hypotyposis patientis Dei" и др. польскаго іезуита Андрея Каноновъ, написанныя въ подражаніе Папинію Стацію; *Лехіада* польскаго іезуита Альберта Инесъ, обнимающая собою исторію Польши отъ перваго Леха до Яна Казиміра включительно, и проч. Образцами элегіи, которая вся вращалась въ религіозной области, считались произведенія западныхъ католическихъ поэтовъ: Буханана, Якова Кохановскаго, Бидермана, Діонисія Ангелина, Низія, Доната, Барлея, Гуго Германа и др. *. Подобное подражаніе католическимъ образцамъ замѣчается и въ южнорусскихъ драматическихъ произведеніяхъ XVII и начала XVIII вѣка, изъ коихъ одни введены по примѣру католическихъ пассій, какъ увидимъ ниже, напримѣръ *Дѣйствіе на страсти Христовы*, другія самое содержаніе свое заимствуютъ изъ польскихъ источниковъ, какъ напримѣръ мистерія объ Алексіѣ человѣкѣ Божіемъ **. Но и въ этихъ произведеніяхъ уже замѣтно иногда приспособленіе заимствованнаго содержанія къ русскимъ историческимъ лицамъ и событіямъ, какъ это особенно видно на драмѣ.

На основаніи имѣющихся въ настоящее время данныхъ, всѣ южнорусскія драматическія піесы этого времени можно раздѣлить по ихъ назначенію, содержанію и исполненію на три разряда: духовныя мистеріи, ведущія начало свое отъ пассій и пріуроченныя ко днямъ воспоминанія о страданіяхъ и смерти Спасителя; весенніе и лѣтніе рекреаціонныя пьесы, одобряемыя духовнымъ регламентомъ для духовныхъ воспитанниковъ; рождественскія представленія, имѣющія тѣсную связь съ южнорусскимъ народнымъ „вертеломъ".

Прежде всего явились на югѣ Россіи духовныя мистеріи, пріуроченныя ко днямъ воспоминанія о страданіяхъ и смерти Спасителя. Ближайшимъ поводомъ къ водворенію ихъ на

---

* О словесныхъ наукахъ въ Кіевской Академіи, въ *Трудахъ* сей Академіи, іюль 1866 и январь 1867 года.

** Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, т. I, стр. 394—6.

Digitized by Google

югѣ Россіи безъ сомнѣнія послужили богослужебныя лассіи заимствованныя южнорусскою церковію отъ польско-католической въ первой половинѣ XVII вѣка. Одна замѣтка на рукописи Кіево-Михайловскаго монастыря, за № 1.644, даетъ право предполагать что лассіи введены въ южной Россіи при кіевскомъ митрополитѣ Іовѣ Борецкомъ на кіевскомъ соборѣ 1629 года съ цѣлію противодѣйствія католической пропагандѣ *. Сохранился и самый чинъ этой лассіи въ южнорусской рукописи XVII вѣка **. Съ нимъ имѣетъ близкое родство одно изъ древнѣйшихъ драматическихъ южнорусскихъ произведеній, подъ заглавіемъ: *Дѣйствіе на страсти Христовы.* ***. Оно писано на польско-русскомъ нарѣчіи, а одна пѣснь написана даже на чисто польскомъ языкѣ. „Прологъ“ этой пьесы такъ выражаетъ главную ея мысль:

О смутная во свѣтѣ явися година,
Жалю неутоленнаго открыся причина!
Властительскую силу пріятъ зависть въ свѣтѣ,
О любовномъ нигдѣ же не слышатъ совѣтѣ.
Исполнися ярости единоутробныхъ
Братій сердце, егда злость движе преисподнихъ
Силы, дабы ся во всемъ свѣтѣ пространила
И единоутробныхъ братій побудила
До зазрости, иже днесь любовь премѣняютъ
Въ ярость, гды ковъ на братій своихъ воздвизаютъ,
Любви своей ко любвѣ не хтятъ накланяти,
Совѣтуютъ братіи своей пострадати.
Аще нѣкіи въ ластвѣ овецъ пребываютъ,
Обаче отъ истинной лути заблуждаютъ,
Егда себѣ рекота смертію умрети
Братіи безмездной. Сей позоръ узрѣти
Изволте, гдѣ и Любовь будетъ умирати,
Ея же страданія добро есть внимати.

Главное содержаніе этого „дѣйствія“, раздѣленнаго на три акта, составляетъ борьба богини вражды Ерииніесъ съ Любовію. Въ первомъ актѣ Ерииніесъ, разгнѣвавшись на Любовь, призываетъ изъ ада фурій и вмѣстѣ съ ними возстановляетъ Каина противъ Авеля и дѣтей Іакова противъ брата своего Іосифа. Во второмъ актѣ Ерииніесъ хвалится своею побѣдой

* Руководство для сельскихъ пастырей, 1876, № 8.
** Рукопись Кіево-Софійскаго собора, № 362.
*** Рукопись Кіев. Акад., по Описанію № 420 въ концѣ Піитики.

Digitized by Google

надъ Любовію и, окруженная міромъ и седмью грѣхами, воссѣдаетъ на престолъ. Говоръ Божій, вмѣстѣ съ Отмщеніемъ, хочетъ погубить ихъ; но Любовь умоляетъ Отмщеніе чтобъ оно оставило жизнь злобѣ адской, потому что сама хочетъ умереть за родъ человѣческій. Въ третьемъ актѣ изображаются страданіе и смерть самой воплощенной Любви—Христа Спасителя. „Дѣйствіе на страсти Христовы" заканчивается рыданіемъ Плача объ умершемъ и во гробѣ положенномъ Христѣ и не доводится до воскресенія и вознесенія Господня, какъ это дѣлается въ позднѣйшихъ пьесахъ. На основаніи этого плачевнаго окончанія піесы можно думать что она писалась не для рекреаціонныхъ игръ и не для забавы, а для возбужденія скорби о распятомъ Господѣ, и потому болѣе всего приличествовала великопостнымъ днямъ посвященнымъ воспоминанію страданій Спасителя.

Съ этимъ „Дѣйствіемъ на страсти Христовы" имѣемъ тѣсную связь мистерія 1703 года, подъ заглавіемъ: *Мудрость предвѣчная, во вдемскомъ душу разумную вертоградъ наздавшая* и пр. *. Здѣсь, такъ же какъ и въ „Дѣйствіи на страсти Христовы", выводится на сцену Вражда (соотвѣтствующая Ерминѣсь дѣйствія), которая торжествуетъ побѣду надъ міромъ и радуется раздѣленію происшедшему между Богомъ и душею человѣческою. Въ третьемъ актѣ является Любовь и рѣшается сама пострадать для примиренія души съ Богомъ. Конецъ мистеріи такъ же печальный какъ и конецъ „Дѣйствія на страсти Христовы", и слѣдовательно указываетъ на отношеніе ея къ церковнымъ воспоминаніямъ о страданіяхъ и смерти Спасителя.

Но *Мудрость предвѣчная* 1703 года, имѣя несомнѣнное родство съ „Дѣйствіемъ на страсти Христовы," отличается отъ него отсутствіемъ классическихъ фабулярныхъ именъ, теплотою религіознаго чувства, сравнительною живостію и лучшимъ языкомъ. Въ подтвержденіе нашего отзыва о ней приведемъ одинъ кантъ изъ втораго дѣйствія этой піесы. По поводу погибели души первозданныхъ людей печалится само небо. Въ небѣ слышится пѣніе:

Горькія слезы точити начнѣти,
Звѣзди, планети и солнечный свѣте!
Паде вашъ зритель, паде въ устнѣ аду,
Въ смертну ограду.

* См. изложеніе ея въ трудахъ Кіевской Духовной Академіи за ноябрь 1866 года, стр. 362 и слѣд.

Digitized by Google

Постени, земле, трепетнѣ, ужасно!
Твое падеся строеніе красно.
Падеся вѣчнѣ вся твоя оздоба
До адска гроба, и проч.

Переходную ступень отъ чисто священныхъ мистерій къ свѣтскимъ представляетъ мистерія объ Алексіи человѣкѣ Божіемъ, написанная и представленная въ честь Алексѣя Михайловича „въ знаменіе вѣрнаго подданства чрезъ шляхетную молодь студентскую въ коллегіуму Кіево-Могилянскому на публичномъ діалогѣ“ 1674 года. Хотя она заимствуетъ содержаніе свое изъ житія Св. Алексія человѣка Божія по редакціи Скарги, какъ думаетъ г. Пекарскій, но будучи представлена на публичномъ діалогѣ и не имѣя непосредственнаго отношенія къ церковно-богослужебнымъ воспоминаніямъ и дѣйствіямъ, скорѣе могла допустить себѣ соприкосновеніе съ современной дѣйствительностью. Она говоритъ о св. патронѣ царя Алексѣя Михайловича, представлена была въ честь послѣдняго, „въ знаменіе вѣрнаго подданства“, и въ эпилогѣ предвѣщаетъ царю вѣрную побѣду въ предстоящей войнѣ съ Турками, которая уподобитъ его Константину Великому *.

Наконецъ, отъ этого времени сохранилась еще одна школьная піеса 1701 года со свѣтскимъ названіемъ *Свобода* ** которое даетъ намъ нѣкоторое основаніе искать ея разгадки въ современныхъ обстоятельствахъ Кіева и Кіевской академіи или коллегіи. Въ 1700 году разыгралась между кіевскими студентами и горожанами одна изъ крупныхъ свалокъ, не разъ повторявшихся и въ прежніе годы. Кіевскій магистратъ жаловался государю на „убійства и разоренія“ отъ студентовъ, а кіевскій митрополитъ Варлаамъ Ясинскій и Рязанскій митрополитъ Стефанъ Яворскій били челомъ о самоуправствѣ кіевскихъ мѣщанъ надъ студентами. Вмѣстѣ съ тѣмъ митрополиты просили пожаловать ихъ собственнымъ академическимъ судомъ, какъ то было издавна, надъ провинившимися и осво-

* См. о ней *Наука и литература при Петрѣ Великомъ*, Пекарскаго, т. I стр. 393—346; *Начало русскаго театра* въ лѣтописяхъ русской литературы, 1858—60 гг., кн. 5, стр. 32—37.

** Въ библіотекѣ Иркутской духовной семинаріи, какъ сообщилъ о томъ бывшій ректоръ ея, преосвященный Модестъ Екатеринбургскій.

Digitized by Google

бодить ихъ отъ безчинства и дерзости кіевскихъ мѣщанъ. Въ отвѣтъ на это челобитье, 26 сентября 1701 года, Петръ Великій далъ жалованную грамоту Кіево-Могилянской коллегіи. Въ этой грамотѣ, впервые именующей коллегію академіей, между прочимъ предписывается обиженнымъ мѣщанамъ искать управы на студентовъ въ случаѣ ихъ вины у ректора и префекта. Еслибы послѣдніе не удовлетворили просителей, то жалоба могла быть перенесена на нихъ митрополиту, и только за отказомъ митрополита разрѣшается обращаться мѣщанамъ къ общему суду кіевскихъ воеводъ *. Вѣроятно, по поводу этой свободы отъ общаго суда, или съ намеками на нее написана піеса *Свобода*.

II.

Второй періодъ южнорусской искусственной литературы XVIII вѣка открывается и заканчивается Ѳеофаномъ Прокоповичемъ.

Ѳеофанъ Прокоповичъ былъ истый классикъ своего времени или, вѣрнѣе, лучшій представитель эпохи возрожденія, въ примѣненіи къ отечественному языку и литературѣ. Заботясь о чистотѣ латинскаго языка, Прокоповичъ примѣнялъ его правила и къ отечественному языку. „Подъ латинскою рѣчью не разумѣй того, говоритъ онъ,—будто краснорѣчіе ограничивается предѣлами латинскаго только языка: какой бы языкъ ни употреблялъ ораторъ, онъ долженъ говорить такъ, чтобы слѣдовать чистой, употребительной и отечественной рѣчи этого языка“ **. А очищая родной языкъ по образцу латинскаго Прокоповичъ старался устранить изъ него все несвойственное, чуждое. Такимъ образомъ его классическія стремленія выразились въ тройкой формѣ: 1) въ критическомъ анализѣ рѣчи и выдѣленіи изъ нея варвар-

* См. Интересное дѣло о сеѣ въ газетѣ *Кіевлянинъ*, 1878 года, № 94. Грамота Петра 1 отъ 26 сент. 1701 г. изд. въ Памятн. Временной Коммиссіи, Кіевъ, т. II, стр. 325, а подлинникъ ея хранится въ Церковно-археологич. музеѣ при Кіев. Академіи. О своеволіяхъ студентовъ этого времени слич. Путешествіе І. Лукьянова въ сборникѣ матеріаловъ для типографіи г. Кіева, Кіевъ, 1874 отд. II, стр. 120—121.

** Труды Кіев. Дух. Академіи, мартъ, 1868 стр. 480.

Digitized by Google

сихъ словъ и оборотовъ; 2) въ подражаніи классическимъ образцамъ и 3) въ примѣненіи классическихъ правилъ къ отечественному языку. Тѣ же самыя стремленія и въ такомъ же видѣ выражались у Ѳ. Прокоповича и по отношенію къ литературнымъ формамъ и содержанію ихъ. Во-первыхъ, онъ осмѣялъ и отвергъ польско-іезуитскіе литературные образцы коимъ подражали до него кіевскіе ученые; во-вторыхъ, указалъ новые, лучшіе образцы, преимущественно изъ классическихъ писателей, перелагалъ ихъ на русскій языкъ и подражалъ имъ; наконецъ, примѣнялъ классическія формы къ отечественному содержанію, живо откликаясь на вопросы текущей жизни.

Прежде всего Ѳеофанъ Прокоповичъ старался осмѣять іезуитскіе литературные образцы о коихъ мы говорили выше. О нихъ онъ выражается слѣдующимъ образомъ: Творцы ихъ „почитаютъ себя изучившими всю науку поэтическую если не допускаютъ въ стихѣ ничего такого что бы нарушало мѣру, хотя, возбужденные нѣкоторою страстію, все заплевываютъ непристойными мыслями и трещатъ высокопарными словами. Вотъ, напримѣръ, какъ противъ этого закона погрѣшаетъ іезуитъ Канонъ! Въ книжкѣ *De fodinis Bochnensibus* онъ выводитъ Кунегунду, дочь польскаго царя, которая умоляетъ своего отца чтобъ онъ уступилъ ей соляные родники, и притомъ съ такимъ униженіемъ проситъ что прилагаетъ къ ногамъ царя и повергается на землю, расточаетъ заклинанія и просьбы и безпокоитъ отца неотвязчивою просьбой. Къ чему такія трогательныя, плачевныя сцены? Такимъ способомъ, какимъ Кунегунда проситъ соли, ей слѣдовало бы умолять Бога за грѣхи. Ибо что непристойнѣе того что царица и дочь проситъ у царя отца предмета столь презрѣннаго, низкаго и дорогаго только для купцовъ?—Тамъ же говорится что та же царица уронила въ соляныя ямы свое кольцо, которое, завязнувши во время паденія въ глыбѣ соли, вытащено было вмѣстѣ съ солью. Царица, говорится здѣсь,—приняла его съ такою радостію что приложила губки къ драгоцѣнному кольцу и разговаривала съ нимъ какъ съ живымъ, такъ что и самъ авторъ не можетъ передать ея радости“ *.

Своею критикой Ѳеофанъ Прокоповичъ уронилъ во мнѣніи кіевскихъ ученыхъ прежніе іезуитскіе образцы піитиче-

* Тамъ же, ноябрь, 1866, стр. 350.

Digitized by Google

скихъ произведеній, указалъ другіе, лучшіе, изъ эпохи возрожденія и самъ пытался дѣлать переложенія классическихъ образцовъ на отечественный языкъ и отечественные нравы. Такъ, напримѣръ, онъ описалъ бѣгство Алексія человѣка Божія съ брачнаго пира тѣми же стихами и выраженіями какими Овидій описалъ свою ссылку въ первой книгѣ *Tristium*, Eleg 3. Равнымъ образомъ седьмую элегію Овидія онъ переложилъ въ слѣдующіе русскіе стихи:

Когда плугомъ по небѣ бразды водить станутъ,
А съ поверхности земли звѣзды ужь погляжутъ,
Когда отъ моря къ ключамъ своимъ пойдутъ рѣки
И претедшіе вспять къ намъ возвратятся вѣки,
Когда Днѣпръ мимо Кіева протекать престане,
Когда въ жидовъ обману и лести не стане,
Когда Подолъ возрасте всѣхъ горъ высочае,—
Тогда развѣ въ насъ сребро любовь потеряе *.

Подобное подражаніе классическимъ образцамъ не могло не измѣнить прежняго строго религіознаго характера духовныхъ лирическихъ произведеній и не сообщить имъ сколько-нибудь свѣтскаго колорита который сближалъ бы ихъ съ народной лѣсенною поэзіей. И вотъ, съ этого времени мы видимъ цѣлый рядъ лирическихъ произведеній со свѣтскимъ оттѣнкомъ и претензіей на народность. Сюда прежде всего относятся лирическія произведенія самого Прокоповича, пользовавшіяся въ свое время большимъ уваженіемъ, каковы напримѣръ: „Кто крѣпокъ на Бога уповая“, „Плачетъ ластушокъ о долгомъ несчастіи“, начинающееся словами: „Коли дождуся весела ведра и дней красныхъ“ и проч. **. Къ началу XVIII вѣка относятъ и лѣсню казака стихотворца Семена Климовскаго: „Ішавъ козакъ за Дунай“ ***.

Но въ произведеніяхъ Ѳеофана Прокоповича есть и болѣе прямое и непосредственное отношеніе къ русской народности и къ русской исторической жизни. Въ литературной собственно области оно замѣтнѣе выразилось въ его трагедо-комедіи *Владиміръ*, стихотвореніи *Запорожцу кающійся*, въ двухъ разговорахъ „гражданина съ селяниномъ да съ лѣвцомъ или дьячкомъ церковнымъ“, въ разговорѣ съ тектономъ

* Тамъ же, январь, 1867, стр. 100—101.

** См. рукопись Кіев. Акад., по Описанію № 664, по второму счету л. 36 на об. и слѣд.

*** Старосвѣтскій Бандуристъ, Закревскаго, 1860, стр. 31—82.

Digitized by Google

или древодѣлемъ и въ Одѣ на побѣду надъ Шведами. По всей вѣроятности и эти произведенія писаны по классическимъ образцамъ. О первомъ изъ этихъ произведеній Н. И. Гнѣдичъ писалъ въ послѣдствіи слѣдующее: „Произведеніе это для наблюдателя отечественнаго просвѣщенія есть явленіе по своему времени чрезвычайно необыкновенное и заслуживаетъ вниманіе по многимъ отношеніямъ. Сочинителю были извѣстны образцы театра, и онъ не былъ не знакомъ съ театромъ древнихъ, по крайней мѣрѣ съ трагедіями Сенеки“ *. По мнѣнію г. Галахова, „нѣкоторыя мѣста піесы показываютъ ея связь съ классическими образцами, таковы: призываніе жрецами адскихъ боговъ; хоръ ангеловъ и апостола Андрея, содержащій въ себѣ пророчество о будущемъ благоденствіи христіанской Россіи; тѣнь Ярополка въ прологѣ, напоминающая тѣнь Тантала въ Сенекиной трагедіи Ѳіестъ“ **. Мы со своей стороны прибавимъ къ этому что трагедокомедія *Владиміръ* составлена по образцу Плавтовой трагедокомедіи *Amphitrio*, упоминаемой и въ самой піитикѣ Прокоповича. Что же касается его разговоровъ, то по всей вѣроятности они составлены въ подражаніе разговорамъ Лукіана, одного изъ наиболѣе любимыхъ Прокоповичемъ авторовъ. Тѣмъ не менѣе слѣдуя по формѣ классическимъ образцамъ всѣ эти произведенія почерпали свое содержаніе изъ отечественной исторіи и современной жизни. Первыя два изъ указанныхъ сочиненій Прокоповича прямо или косвенно касаются интересовъ южнорусской жизни, послѣднія три—сѣверорусской или вѣрнѣе общерусской.

Полное заглавіе трагедокомедіи Ѳеофана Прокоповича слѣдующее: *Владиміръ славенороссійскихъ странъ князь и повѣтель, отъ невѣрія тмы въ свѣтъ евангельскій приведенній Духомъ Святымъ отъ Р. Хр. 988, нынѣ же въ православной Академіи Могилянской Кіевской на позоръ россійскому роду отъ благородныхъ россійскихъ сыновъ, добрѣ здѣсь воспитуемыхъ, дѣйствіемъ, вземъ отъ піитъ нарицается трагедокомедія, лѣта Господня MDCCV іюля 3 дня показаній.* Главная цѣль этой трагедокомедіи, состоящей изъ пяти дѣйствій сопоставить славянское язычество съ православнымъ христіанствомъ, оправдать послѣднее раціональнымъ образомъ и въ противоло-

* Библіограф. Записки, 1859, т. II, стр. 623.

** *Исторія Русской Словесности* Галахова, т. I, 1863, стр. 311.

Digitized by Google

ложность первому выставить православную вѣру какъ основаніе истиннаго просвѣщенія и успѣховъ Россіи. Язычество здѣсь представляется въ связи съ необразованностію; напротивъ, образованіе составляетъ существенную черту православія. Вотъ какъ, напримѣръ, св. Владиміръ объясняетъ косность русскихъ въ грубомъ язычествѣ:

. . . Родъ нашъ жестокъ и безсловный
И писмень ненавидяй есть сему виновный.

Въ трагедокомедіи *Владиміръ* высшее сознаніе христіанское встрѣчается съ нѣстимъ языческимъ и представляетъ послѣднее въ комическомъ видѣ. Такимъ образомъ, соотвѣтственно названію піесы трагедокомедіей, въ ней рѣзко выдаются двѣ стороны—комическая и высокая. По отношенію къ первой жрецы языческіе играютъ главную роль: они представляются обманщиками, шарлатанами, невѣждами, заботящимися только о чревѣ. Лучшими въ комическомъ отношеніи мѣстами изъ разсматриваемой трагедокомедіи считались: описаніе козла предназначеннаго Владиміромъ для языческой жертвы и описаніе пресыщеннаго жреца Жеривола. „Прекрасно, говоритъ Кіевская лѣтопись 1735 года,—описаніе козла въ трагедокомедіи славнѣйшаго Ѳеофана, гдѣ Жериволъ жалуется предъ Ярополкомъ на Владиміра что онъ пересталъ приносить богамъ тучныя жертвы, и по этому подозрѣваетъ его даже въ пренебреженіи богами". * Онъ жалуется такимъ образомъ:

. . . Слыши тайну страшну:
Первѣе онъ ко богомъ и жрецомъ простражну
Имѣ руку: и егда жертву приношаше,
Радость, праздникъ, торжество, веселіе наше
Бѣ тогда: волы толсти и тучніе кравы
Убиваеми бяху, и довольно стравы
Не бози токмо, но и жрецы имѣяхомъ;
И не токмо нимало тогда не алкахомъ,
Но вѣруй ми, о княже, жрецъ Перуна бога
Добрѣ чрево исполнилъ отъ тука премнога.
Но уже тую щедрость измѣни: о студа!
Даде вчера единаго козла тако худа,
Тако престарѣлаго, тако безтѣлесна,—
Еще ножа не пріяхъ, а смерть самохотна
Постиже его. Гнѣвъ ли уби его божій?

*) Содержаніе ея изложено въ письмѣ Н. И. Гнѣдича къ графу Румянцеву. См. Библіограф. Записки, 1859, № 20.

Digitized by Google

Или же не бѣ въ немъ кромѣ лихой кожи
И подъ кожею костей, тѣлесе ни мало?
Что убо мнится тебѣ, кое се настало
Время? Не намъ се нужда творится, но о студа!
Не ядше измрутъ бози...

Таковъ же впрочемъ и самъ Жериволъ, о которомъ Пѣварь разказываетъ Кукольду:

Видѣхъ, когда капитанный многими окъ жертвами лежаше во хладѣ
А чрево его баше превеликой кладѣ
Подобное. Обаче въ сытости толикой
Знаменіе бысть глада и алчбы великой:
Скрежеташе зубами камнозѣ безъ мѣры,
Движа уста и гортань,—и достойно вѣры
Слово твое, Пеаре! время не имѣетъ,
И во скѣ жретъ Жериволъ, и проч. *).

Возвышенную сторону трагедокомедіи представляетъ исторія обращенія св. Владиміра къ православной вѣрѣ. Въ третьемъ дѣйствіи Владиміръ съ дѣтьми Борисомъ и Глѣбомъ совѣтуются о философѣ присланномъ къ нему отъ Византійскаго Императора. Въ это время ко Владиміру приходитъ Жериволъ и проситъ у него жертвы для боговъ, которые вслѣдствіе прекращенія жертвоприношеній совершенно отощали и заболѣли. Владиміръ отвѣчаетъ на эту просьбу насмѣшкой и требуетъ отъ Жеривола чтобъ онъ состязался съ философомъ. Въ слѣдующей затѣмъ сценѣ Владиміръ со своими сыновьями вступаетъ въ разговоры съ греческимъ философомъ о православной вѣрѣ. Этотъ послѣдній подробно говоритъ имъ о бытіи Божіемъ, вѣчной жизни, будущемъ судѣ, мукахъ въ аду и проч. По окончаніи разговора философъ удаляется, а Борисъ и Глѣбъ совѣтуютъ отцу принять христіанскую вѣру. Но Владиміръ отсылаетъ дѣтей говоря:

Отъидете на время! азъ здѣ совѣтую
Наединѣ со мною: Зъ воску имутъ дѣти
Сердце, скоро ихъ на вся приклонитъ совѣти.

Оставшись одинъ, великій князь вступаетъ въ разговоръ съ олицетвореннымъ гордыми и хульными помыслами, но всѣ они—противъ ученія Христова. Несмотря на это Владиміръ твердо рѣшился оставить язычество и послѣдовать

* Рукопись Кіевской Академіи, по Описанію № 424, кн. 1, гл. 5, § 1.

Digitized by Google

ученію христіанскаго философа. И вотъ, въ лятомъ дѣйствіи являются Мечиславъ и вождь храбрый которые объявляютъ жрецамъ волю князя ввести въ Россію христіанскую вѣру и истребить языческихъ боговъ. Жрецы, Пѣяръ съ Куроядомъ, страшатся ожидаемаго мщенія Перуна, но кумиръ его разбитъ безо всякихъ знаменій, безъ небеснаго мщенія. Пѣяръ остался очень доволенъ этимъ и проситъ храбраго вождя разказать ему о крещеніи Владиміра. Храбрый вождь, описавъ торжество и величіе церемоніи, прибавляетъ: „азъ, объятый страхомъ радостнымъ, забыхъ гдѣ есмь; сердце же во мнѣ трепеташе.“ Въ послѣднемъ явленіи вѣстникъ приноситъ грамоту отъ великаго князя Владиміра называющагося уже Василіемъ, а въ заключеніе является хоръ апостола Андрея съ ангелами, въ которомъ, между прочимъ, дѣлается привѣтствіе Варлааму Ясинскому и Стефану Яворскому замаскированное описаніемъ внѣшности или гербовъ ихъ. Въ этомъ хорѣ говорится:

Вижу мужей мудрыхъ и учительныхъ, сильныхъ
Къ тому и храбрыхъ въ брани, къ тому жъ многодѣльныхъ,
Посредѣ же всѣхъ оныхъ велія свѣтила
Два сіяютъ: единъ власомъ убѣленъ до зѣла,
Митра жа ему злата сѣдину пречестну
Украшаетъ; въ другомъ же знамени небесну
Вижу утварь: звѣзды бо купно со лукою
И въ небо перущою зримы суть стрѣлою *.
О Церкве россійская! Коль много ти свѣта
У сихъ свѣтилъ прибудетъ въ оніе лѣта!

Св. апостолъ Андрей и равноапостольный князь Владиміръ выводимые въ трагедокомедіи Ѳеофана Прокоповича не рѣдко останавливали на себѣ вниманіе и прежнихъ южно-русскихъ православныхъ писателей, особенно въ трудныя минуты тяжкой борьбы здѣшняго православія съ польскимъ католицизмомъ. Въ подтвержденіе этого мы имѣемъ сборникъ южнорусскихъ стихотвореній половины XVII вѣка представляющихъ популярное изложеніе всѣхъ догматическихъ и религіозно-бытовыхъ разностей между русскимъ православіемъ и польскимъ католицизмомъ. Здѣсь, между прочимъ, авторъ, обращаясь къ Русскому народу и къ русскимъ монахамъ, разказываетъ имъ о томъ „какъ Андрей святый апостолъ

* Гербъ Стефана Яворскаго.

Digitized by Google

пришелъ въ Кіевъ-градъ къ невѣрнымъ", говоритъ о крещеніи Руси при равноапостольномъ князѣ Владимірѣ и убѣждаетъ своихъ собратій твердо держаться отеческихъ преданій и не поддаваться латинскимъ соблазнамъ *. Вѣроятно и Ѳеофанъ Прокоповичъ говоритъ въ своей трагедокомедіи о князѣ Владимірѣ и апостолѣ Андреѣ въ видахъ полемики съ католиками. Принимая во вниманіе съ одной стороны претензіи польскихъ католиковъ и особенно іезуитовъ производить начало христіанства въ Россіи изъ Рима, съ другой—непримиримую вражду Прокоповича къ іезуитамъ и папству, можно думать что трагедокомедія эта написана, между прочимъ, съ цѣлію показать, вопреки іезуитамъ, происхожденіе христіанства въ Россіи съ востока. По крайней мѣрѣ Ѳеофанъ Прокоповичъ между цѣлями русскаго краснорѣчія полагалъ и описаніе подвиговъ знаменитыхъ мужей отечества и церкви, „чтобъ узнали наконецъ (какъ онъ выражается) пустѣйшіе, благоговѣющіе только предъ своими баснями враги наши что не безплодны доблестію наше отечество и наша вѣра" **. Подтвержденіе этому есть и въ самой трагедокомедіи. Въ разговорѣ греческаго философа съ Владиміромъ о православной вѣрѣ, изъ котораго попадаются выписки какъ изъ болѣе интереснаго, *** философъ говоритъ, между прочимъ, объ исхожденіи Св. Духа отъ единаго Отца и о страшномъ двѣ судномъ не смягчаемомъ послѣ смерти никакими предварительными очищеніями. Самое описаніе обжорства и пьянства языческихъ жрецовъ, повидимому, намекаетъ на такіе же недостатки католическихъ монаховъ, о которыхъ Ѳеофанъ Прокоповичъ говоритъ въ своей реторикѣ слѣдующее: „Ничто не можетъ быть обжорливѣе и пьянственнѣе этого рода людей, такъ что не безъ справедливости можно сказать о нихъ что они изъ стада свиней Епикуровыхъ" ****. Такимъ образомъ трагедокомедія Ѳеофана Прокоповича *Владиміръ*, при общерусскомъ содержаніи своемъ, въ значительной мѣрѣ проникнута мѣстными интересами южно-русскаго края и его церкви.

---

* См. рукопись Кіев. Дух. Академіи, по описанію № 234, ч. II, л. 39 и сл. Сн. *Труды Кіев. Дух. Академіи*, іюнь 1872.

** *De arte rhetorica*, Ѳеофана Прокоповича, рукопись Кіев. Акад., по Описан. № 418, кн. 1, гл. 8.

*** Рукопись Кіево-Софійскаго собора, № 616.

**** *De arte rhetorica*, кн. 2, гл. 8.

Digitized by Google

Но если мѣстный элементъ не сразу дается въ трагедо-комедіи *Владиміръ*, то въ другомъ произведеніи Прокоповича *Запорожцу кающійся* онъ выступаетъ явственно. Это элегическое стихотвореніе, судя по его содержанію, написано вскорѣ послѣ несчастной измѣны Мазепы и имѣетъ въ виду облегчить сколько-нибудь вину запорожскаго казачества замѣшаннаго въ этой измѣнѣ и смягчить справедливый гнѣвъ государя. Въ этомъ стихотвореніи Прокоповичъ влагаетъ въ уста Запорожца слѣдующія слова:

Что мнѣ дѣлать я не знаю
А безъвѣстно погибаю;
Забрілъ въ лѣси непроходни,
Въ страни гладни и безъводни.
Атамани и гетмани,
Попалъ я въ ваши обмани!
Пропадѣть вы за пороги,
Лишь бы не збиться з дороги,
Не впасть бы мнѣ въ сильни руки,
Не принять бы страшной муки.
Иду же я на путь преждній,
Подъ кровъ мнѣ зѣло надежній.
Прогнѣвалъ я самодержца
З малоразсуднаго сердца.
Да мой же въ томъ разумъ твердій,
Что Богъ и царь милосердній:
Государь гнѣвъ свой оставитъ,
И Богъ мене не оставитъ *.

Менѣе замѣчательны по внутреннимъ достоинствамъ и по вниманію публики два прозаическіе діалога или разговора Ѳеофана Прокоповича, а именно: „Разглагольствіе тектона си есть древодѣла съ купцомъ“ и „Разговоръ гражданина съ съ селяниномъ да съ лѣвцомъ или дьячкомъ церковнымъ.“ Но и эти діалоги, особенно послѣдній изъ нихъ, были лучшими выразителями духа того времени и, непосредственно или посредственно, имѣли немаловажное значеніе въ послѣдующей исторіи русской литературы. Судя по содержанію, оба они писаны имъ уже на сѣверѣ Россіи, приблизительно около 1716 года, ** и направлены съ одной стороны противъ гру-

* Рукоп. Кіев. Акад., по Опис. № 664, по второму счету л. 37.

** Относимъ къ этому времени на томъ основаніи что въ письмѣ 1716 года Прокоповичъ говоритъ о такихъ же богословахъ невѣж-

Digitized by Google

бывъ начетчиковъ и ложныхъ ревнителей старообтеческихъ преданій, съ другой—противъ невѣжественныхъ представителей латинской учености, то-есть противъ тѣхъ же недостатковъ русской жизни которые дали обильный матеріалъ для сатирическихъ произведеній Кантемира.

„Разглагольствіе тектона или древодѣла съ кулцомъ“, * вращаясь около догматической темы о вездѣприсутствіи Божіемъ, имѣетъ главною цѣлію своею доказать что не грѣшно заимствоваться богословскими свѣдѣніями у иностранцевъ и особенно Нѣмцевъ и что Богъ находится вездѣ, не только въ русской землѣ, но даже и въ турецкой, хотя благодатію своею присутствуетъ только при вѣрующихъ и уповающихъ на Бога. Замѣтивъ въ кулцѣ глубокія богословскія познанія тектонъ спрашиваетъ его:

— Когда ты, господине мой, и отъ кого изучился писаніямъ проживая лѣта въ кулечествѣ?

Кулецъ. Егда бѣхъ въ нѣмецкихъ городѣхъ и тамо болѣзни ради приключшіяся полтора года неисходно пребывая, мѣсто отради книги божественныя, т.-е. библію читалъ; имѣхъ такого врача, который кромѣ тѣлесныхъ болѣзней и духовныя недуги, паче же ради недоумѣнія, исцѣлевати можаше, въ писаніи божественномъ зѣло искусенъ и книги отъ себе не аки отъ себе, но отъ писаній священныхъ сочиненія издавалъ по слѣдствію и съ похвалою отъ всего общества умныхъ людей.

Но тектонъ считаетъ Нѣмцевъ неправославными, еретиками, а вмѣстѣ съ ними и самого кулца какъ получившаго отъ нихъ богословскія познанія. Кулецъ старается вывесть своего собесѣдника изъ заблужденія, но всѣ его усилія не привели къ желанному концу. Тектонъ говоритъ:

— Азъ не изслѣдовалъ тѣхъ писаній; аще когда и челъ оныя, но забылъ. Вопрошу же тя, вездѣ ли убо есть и жительствуетъ Богъ?

Кулецъ. Что о семъ мене вопрошуеши, еже азъ многажды глаголю и утверждаю сице быти?

Тектонъ. И на небеси и на земли по всѣмъ странамъ?

Кулецъ. Неиначе.

Тектонъ. Когда бы азъ пошолъ въ Турецкую землю или Индійскую область?

Кулецъ. И тамъ бы еси не празновалъ съ топоромъ.

Тектонъ. Съ топоромъ? Ни, азъ глаголю въ той конецъ, будетъ ли и въ тѣхъ или далечайшихъ еще подъземныхъ сторонахъ и въ языцехъ Богъ со мною?

дахъ, о какихъ и въ разговорахъ. См. письмо это въ *Трудахъ Кіев. Дух. Академіи*, за январь 1865 года.

* Рукопись Кіев. Академій. по Описан. № 300, л. 434 и слѣд.

Digitized by Google

Кулецъ. Азъ же и прошедъ уже многія и далекія земли, и нигдѣ же николиже оставилъ мя Богъ.

Тектонъ. Богъ послѣшествовалъ въ промыслѣ твоемъ?

Кулецъ. Не о семъ рѣчь: не оставилъ мя Богъ, реку, вездѣ присутствуяй.

Тектонъ. И на морѣ лособствовалъ?

Кулецъ. Непремѣнно. Глаголетъ бо Давидъ псалм.: въ морѣ путіе твоя и стези твоя на водахъ многихъ.

Тектонъ. Аще и въ невѣрныхъ языческихъ странахъ Богъ есть, то чего ради поется въ церквѣ: съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покаряйтеся, яко съ нами Богъ?

Кулецъ. И се тебѣ дивно? Всякъ сіе удобь разсудитъ, что въ присутствіи съ нами благодати Божіей писано, яко Богъ за нами вѣрными своими побораетъ противу языкъ, сохраняяй насъ отъ навѣтовъ вражіихъ и спасаяй благодатію своею.

Въ „Разговорѣ гражданина съ селянином да съ лѣвцомъ или дьячкомъ церковнымъ“ * обличаются недостатки въ религіозной жизни Русскаго народа, заключающіеся или въ совершенномъ невѣжествѣ и отсутствіи основныхъ нравственныхъ правилъ жизни, или въ поверхностномъ и ложномъ образованіи. Главная роль въ этомъ разговорѣ принадлежитъ гражданину, получившему воспитаніе въ латинскихъ школахъ. Селянинъ идя съ лѣвцомъ или дьячкомъ „въ домъ литейный на кружку вина“ случайно встрѣтился со гражданиномъ и обратился къ нему съ грубымъ вопросомъ. Обиженный гражданинъ назвалъ селянина простакомъ. Слово за слово, и между гражданиномъ, съ одной стороны, и селянином и дьячкомъ, съ другой, завязывается длинный разговоръ о необходимости знать молитвы даже и простолюдину, о невѣжествѣ въ религіозныхъ дѣлахъ и его тяжести и проч., во время котораго дьячекъ незамѣтно переходитъ на сторону гражданина. Въ общемъ ходѣ разговоръ этотъ слишкомъ растянутъ и вялъ, но въ немъ есть и характерныя мѣста, стоящія вниманія. Таковы особенно два мѣста: одно о невѣжествѣ селянина въ религіозныхъ дѣлахъ, другое о латинскомъ ученіи и латинникахъ-невѣждахъ. Селянинъ представляется въ разговорѣ упорнымъ невѣждою: не хочетъ ни слушать священника если онъ говоритъ то чего ни отцы ни дѣды не знали, ни учиться грамотѣ, потому что онъ и безъ письма хлѣбъ ѣстъ, и философы, по его разсужденію, „звѣздъ не

* См. его въ рукописи Кіев. Академіи, по Описанію № 298, стр. 597—687, св. № 300, л. 401 и слѣд.

Digitized by Google

снимаютъ." Сознавая и самъ свое невѣжество, селянинъ большею частью отмалчивался или же ворчалъ про себя: „Отцы де наши не умѣли письма, но хлѣбъ довольный ѣли, и хлѣбъ тогда лучше родилъ Богъ, нежели нынѣ когда письменніи и латинники умножилися." Но иногда собесѣдники какъ бы невольно вовлекаютъ его въ разговоръ—и тогда-то открывается грубое невѣжество селянина касательно вѣры и нравственности, еще ярче оттѣняемое глубокимъ и правильнымъ взглядомъ гражданина на эти предметы. Когда собесѣдники старались убѣдить его что за упорное невѣжество неминуемо послѣдуетъ надъ нимъ гнѣвъ Божій, селянинъ преспокойно отвѣчалъ: „Азъ никого же убилъ, ничтоже укралъ, не прелюбодѣйствовалъ,—чесо убо опасоватися имамъ на судѣ Божіемъ?" Но собесѣдники обличаютъ его въ нарушеніи всѣхъ заповѣдей Божіихъ и какъ бы предлагаютъ въ популярномъ видѣ краткое ученіе о десятословіи. Между прочимъ гражданинъ спрашиваетъ его: не пожелалъ ли онъ когда-нибудь себѣ чужаго?

Селянинъ. Безъ сего и ангелъ, аще бы былъ въ тѣлѣ нашемъ и жилъ съ нами, не пребылъ бы, уловаю; но что потому хотѣти токмо чуждаго пожеланіемъ единымъ безъ исполненія онаго? Я бы усердно хотѣлъ своего сосѣда Немѣна отнять дворъ, ломежъ моего сущій, зѣло къ потребѣ моей угодній и на пристойномъ отвсюду издалече зримомъ и по всему красномъ мѣстѣ стоящій, при которомъ и вода течетъ, и лѣсъ густый растетъ; но Немѣнъ не допускаетъ ми, развѣ когда умретъ онъ, яко часто болѣзнующій есть,—тогда всячески потщуся тотъ дворъ къ своему присовокупить; ибо и причины уже нѣкоторыя къ тому имѣю.

Гражданинъ. Какія?

Селянинъ. Взялъ у меня нѣчто денегъ взаймы и не отдаетъ, азъ же молчу не уломливаяся.

Гражданинъ. Не хощетъ ли отдавати денегъ?

Селянинъ. Какъ не хощетъ! Уже и приносилъ оніе, но азъ предувѣдихъ его принести имущаго деньги, азъ дому умысленно втекалъ, а между тѣмъ срокъ отдачи пройдетъ, а потому дворъ мой будетъ котораго давно желаю; дѣти же Немѣновы малолѣтни суть, не умѣтимутъ одстоивать за свое. Да то бѣдно мнѣ что самъ не скоро умираетъ.

По поводу послѣднихъ словъ, собесѣдники уличаютъ селянина въ желаніи смерти ближнему и въ мысленномъ убійствѣ.

Пѣвецъ. Однако, можетъ-быть, онъ не прелюбодѣйствовалъ, уловаю.

Селянинъ. Въ семъ я могу быть чистій; развѣ егда бѣхъ юнъ, тогда всяко случалося.

Digitized by Google

Пѣвецъ. А нынѣ никако же?

Селянинъ. Никако же.

Пѣвецъ. За совѣсть рцы: аще и не младъ еси, не ломышляеши ли николи же съ вожделѣніемъ жены чуждыя, напаче егда краснолична увидиши?

Селянинъ. О своихъ дѣлахъ вопрошеши мене тѣхъ невѣдущаго.

Пѣвецъ. Отнюдь?

Селянинъ. Не глаголю отнюдь, но довлѣетъ истину рещи, яко не ламатую, аще когда такое вожделѣніе имѣю, кромѣ что временемъ льяному мнѣ чуждыя жены лобизати токмо случается безъ всякаго грѣха...

Гражданинъ. Всуе и дерзновенно, друже, чистымъ себе нарицаеши.

Другое замѣчательное мѣсто разговора—о латынникахъ и латинскомъ ученіи. Селянинъ, уличенный своими собесѣдниками въ незнаніи самыхъ необходимыхъ религіозныхъ истинъ, обозвалъ ихъ „латынниками“. По этому поводу дьячокъ, вполнѣ подчинившійся убѣжденіямъ гражданина, заводитъ рѣчь о латинскомъ ученіи и спрашиваетъ гражданина: угодно ли оно Богу, слѣдуетъ ли прилагаться въ ученія странная и различная, т.-е. къ чужеземной наукѣ, и занятіе философіей не будетъ ли противно словамъ Св. писанія, въ которомъ сказано: да никто же васъ будетъ прельщаяй философіею. Гражданинъ разсѣеваетъ всѣ сомнѣнія дьячка, утверждаясь на Св. писаніи и примѣрахъ св. отцовъ. „Философія, говоритъ онъ,—не значитъ собою латинскій языкъ, ибо можетъ быть философъ и русскій человѣкъ, и на всякомъ языцѣ любомудрствовати можно.... Иніи же философы не токмо никого же не прельщаютъ, но и богомудры бываютъ, улотребляя ученія философская къ благому и къ пользѣ ближняго, якоже многіе отъ святыхъ отецъ были, которые философіи научившеся, изъ того богословію основательно уразумѣть и самую истину познать лучше возмогли“.

Но защитивъ латинское ученіе гражданинъ показываетъ и дурныя стороны его и особенно нападаетъ на невѣждъ изъ латынниковъ

Пѣвецъ. Аще свободно сказать истину, и латинники не вси письменніи.

Гражд. Письменніи почитай вси суть, но не вси, сказуй, разумніи: иніи бо токмо читать или писать знаютъ и тѣмъ величаются; аще же разглагольствовать по латини умѣютъ, уже зѣло себѣ мудрыхъ быти мечтаютъ, презирая гордо прочихъ всѣхъ, неучившихся письма латинскаго.

Digitized by Google

Пѣвецъ. И таковыи убо латинники отъ числа невѣждъ суть?

Гражд. Воистину и горшіи отъ невѣждъ имѣются... Между ними есть еще многорѣчивыи невѣжды, которыи егда кто отъ правоумствующихъ обличаетъ ихъ суевѣріе или неправое исповѣданіе, ничтоже сильное, къ разумѣнію истины близкое глаголютъ въ отвѣтъ, но отходя далече отъ вещи, о ней же есть бесѣда, краснословіемъ мнѣніе свое утверждаютъ, истину же самую всячески закрываютъ и слышащихъ въ другую сторону отъ нея отводятъ, умыслно пріискуя къ тому вѣтійственныя къ прельщенію на свое мнѣніе незлобныхъ сердецъ угодныя рѣчи и доводы, аще и весьма неважные, однако благіе и слуху токмо пріятные (къ Рим. 16, ст. 18). Изъ того что вдается имъ тотъ способъ разговора, торжествуютъ, и сіи суть хитро-улорніе невѣжды... Есть еще злобные и завистливые невѣжды, которыи завидуя на другихъ себѣ въ чести равныхъ, а наипаче на меньшихъ хотя достоинствомъ или возрастомъ, однако правоумныхъ и силу писанія лучше себѣ вѣдущихъ, и за то самое ненавидя ихъ, когда что доброе сказываютъ или проповѣдуютъ истину слова Божія, отвращаются отъ нихъ и отъ Божіего словеси, не хотя ни слышати, ни разумѣти глаголемаго отъ устъ ихъ, аще и потребно быти къ наставленію своему по совѣсти знаютъ, и за симъ въ невѣденіи волею остаются.

Пѣвецъ. Уже о сицевыхъ невѣждахъ и слышати отъ тебе непріятно ми есть.

Гражд. Не и ты ли отъ ненависти коея глаголеши сія, якоже оніи близь реченіи невѣжды?

Пѣвецъ. Никакоже; азъ гнушаяся тѣми безсовѣстными невѣждами рѣкохъ оное.

Гражд. Обаче не могу не сказати еще, яко обрѣтаются симъ, о которыхъ рѣчь, подобніи, но всячески злобніи, которыи егда кого не любятъ, паче же и ненавидятъ, преслѣдуя его, то онаго и проповѣдію и разговоромъ гнушаются; и какъ сами ученія или рѣчи его благоразумія не слушаютъ и слушати не хотятъ, умыслно удаляяся отъ того, какъ и иныхъ отъ слушанія отводятъ по злобѣ своей, имѣющейся къ персонѣ того, который проповѣдуетъ; ненавидяще бо его самаго, кулно и слова Божія имъ сказуемаго ненавидятъ, паче же и ученіе его, аще и правое и здравое, злосовѣстнѣ охуждаютъ и въ омерзеніе другимъ, того коварства ихъ невѣдующимъ, подаютъ....

Пѣвецъ. О, Богу мерзкіи и по всему проклятіи невѣжди!“

Нѣтъ сомнѣнія что подъ кулцомъ и гражданиномъ, которые выводятся въ разговорахъ Ѳеофана Прокоповича, прежде всего разумѣется самъ авторъ ихъ. Это доказываютъ образъ мыслей и выраженій кулца и гражданина, тождественный съ образомъ мыслей Ѳеофана Прокоповича въ другихъ его со-

Digitized by Google

чиненіяхъ, и нѣкоторые явственные намеки на обстоятельства изъ его жизни. Особенно это нужно сказать о ѣдкихъ выходкахъ гражданина противъ невѣжественныхъ латынщиковъ завидующихъ здравому ученію меньшихъ себя по сану и возрасту лицъ и злонамѣренно охуждающихъ ихъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ самъ испыталъ нѣчто подобное когда обвинялъ его въ неправотѣ ученія Стефанъ Яворскій съ подручными ему лицами, и вѣроятно намекалъ на это обстоятельство въ своемъ разговорѣ.

Но отражая на себѣ личность Ѳеофана Прокоповича и его убѣжденія, разговоры эти имѣютъ тѣсную связь съ эпохою царствованія Петра I, выражаютъ идеи и стремленія этого времени, въ этомъ отношеніи открываютъ собою рядъ подобныхъ имъ литературныхъ произведеній въ преобразовательномъ духѣ и особенно близко примыкаютъ къ сатирамъ Кантемира, которымъ обыкновенно начинаютъ исторію новой русской литературы. И Ѳеофанъ, и Кантемиръ—оба одинаково стоятъ за реформы Петра I и вооружаются противъ приверженцевъ русской старины и недоучившихся латинщиковъ. Такъ, напримѣръ, Ѳеофанъ Прокоповичъ въ регламентѣ разсуждалъ о заблужденіи многихъ почитавшихъ науку виною ересей, а въ діалогахъ и проповѣдяхъ своихъ защищалъ реформу отъ упрековъ въ противорѣчіи вѣрѣ и уставамъ Церкви. Тѣхъ же людей обличаетъ и Кантемиръ:

Критонъ съ четками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ
И проситъ свята душа съ горкими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами.
Дѣти наши что предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотческимъ шли слѣдомъ, къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая что сами не знали,
Теперь, къ церкви соблазну, библію честь стали,
Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,
Мало вѣры подая священному чину....
Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней не знаютъ,
Мірскую въ церковныхъ власть рукахъ лишну чаютъ. *

У Прокоповича въ „Разговорѣ гражданина съ селяниномъ да съ лѣвцомъ или дьячкомъ церковнымъ“ селянинъ говоритъ что онъ и безъ письма хлѣбъ ѣстъ и что философы звѣздъ не снимаютъ. „Отцы де наши не умѣли письма, но хлѣбъ до-

* Сатиры и другія стихотворческія сочиненія Кантемира, С.-Петербургъ, 1762 года, стр. 4—5.

Digitized by Google

вольный ѣли. и хлѣбъ тогда лучше родилъ Богъ, неѣли нынѣ, когда письменіи и латинники умножилися.“ Подобное говоритъ и Сильванъ въ первой сатирѣ Кантемира:

Сильванъ другу(ю) вину наукамъ находитъ:
Ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ;
Живали мы прежъ сего, не зная латынѣ,
Гораздо обильнѣе чѣмъ живемъ мы нынѣ,
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали;
Переявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли *.

У Прокоповича, въ разговорѣ гражданина, послѣдній, какъ мы видѣли, неодобрительно отзывается о нѣкоторыхъ неразумныхъ и многорѣчивыхъ латинникахъ схватившихъ только верхушки ученія, гордившихся ими и презиравшихъ тѣхъ людей которые не учились письму латинскому. Подобнымъ образомъ отзывается о недоучившихся латинникахъ и Кантемиръ въ четвертой своей сатирѣ:

....Тотъ, кто латынью чуть помазалъ губы,
Хвастаетъ наукою и, оскаливъ зубы,
Смѣется и скучитъ всѣмъ долгими рѣчами **.

Особенно много точекъ соприкосновенія между вторымъ разговоромъ Ѳеофана Прокоповича и третьей сатирой Кантемира, написанной по программѣ десятословія и посвященной Прокоповичу. Въ разговорѣ селянинъ невольно сознается въ грѣхахъ противъ заповѣдей Божіихъ и между прочимъ въ желаніи смерти сосѣду Немѣну и захвата его дома и въ пожеланіи жены искренняго. Тѣ же самыя мысли развиваетъ и Кантемиръ въ третьей своей сатирѣ. Здѣсь говорится, между прочимъ, слѣдующее:

Не меньше мучитъ себя Зоилъ нашъ угрюмый:
Что ни видитъ у кого, то новыя думы.
Нова печаль, и не спитъ бѣдный цѣлы ночи.
Недавно закинувъ онъ завистные очи
Въ сосѣдній дворъ и видя что домишко строитъ,
Который, хоть дорого цѣнитъ, ста не стоитъ
Рублей, побѣднѣлъ весь вдругъ и въ себѣ не воленъ,
Горячкою заболѣвъ, по сю пору боленъ. ***

Въ другомъ мѣстѣ Кантемиръ выводитъ въ своей сатирѣ такого же любострастнаго Сильвана, какимъ является у Прокоповича селянинъ:

---

* Тамъ же.

** Тамъ же, стр. 97.

*** Тамъ же, стр. 72.

Digitized by Google

...Чистую удачливо удитъ
Золотомъ мягкій Силванъ супругу сосѣда;
У Прокофья голоденъ вышелъ изъ обѣда. *

Самыя подражанія у Кантемира латинскимъ образцамъ, можетъ-быть, дѣлаемы были при посредствѣ подобныхъ подражаній Ѳеофана Прокоповича. Выше мы приводили сдѣланное Прокоповичемъ переложеніе одной элегіи Овидія, начинающееся словами: „Когда плугомъ по небѣ бразды водить станутъ". Подобное переложеніе и той же самой элегіи Овидія мы видимъ и у Кантемира, въ слѣдующихъ стихахъ его первой сатиры:

Когда по небу сохой бразды водить станутъ,
А съ поверхности земли звѣзды ужъ проглянутъ,
Когда будутъ течь къ ключамъ своимъ быстры рѣки
И возвратятся назадъ минувшіе вѣки,
Когда въ постъ черницъ одну ѣсть станетъ вязигу;
Тогда, оставя стаканъ, примуся за книгу. **

Наконецъ, Прокоповичъ и Кантемиръ—оба одинаково уважали Лукіана и слѣдовали ему въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ.

Этимъ единствомъ вкусовъ, содержанія и даже формы сочиненій Ѳ. Прокоповича и Кантемира объясняется солидарность между этими писателями и ихъ дружескія отношенія, въ силу которыхъ Ѳ. Прокоповичъ написалъ нѣсколько эпиграммъ въ похвалу и въ поощреніе Кантемиру, а послѣдній посвятилъ Прокоповичу третью свою сатиру. Какъ родственные писатели они имѣли одинаковое почти вліяніе и на послѣдующую южнорусскую литературу, сначала Ѳ. Прокоповичъ одинъ, а потомъ вмѣстѣ съ Кантемиромъ.

Послѣднее изъ намѣченныхъ нами сочиненій Ѳеофана Прокоповича есть его ода на побѣду надъ Шведами. *** По достоинству содержанія и по мыслямъ она мало уступаетъ одамъ Ломоносова (напримѣръ, на взятіе Хотина) и служитъ лучшею предвѣстницей одъ новой русской литературы.

---

* Тамъ же, стр. 69.

** Тамъ же, стр. 8.

*** Она писана на латинскомъ и польскомъ языкахъ и издана въ книгѣ: *Lucubrationes illustrissimi Th. Procopowicz, Wratislaviae*, 1743 г. Но при экземплярѣ этой книги находящемся въ кіевской семинарской библіотекѣ есть и переводъ ея на русскій языкъ, XVIII вѣка.

Digitized by Google

III.

Послѣ Ѳеофана Прокоповича, прежнее духовно-схоластическое направленіе южнорусской искусственной литературы продолжало еще свое существованіе; но рядомъ съ нимъ все болѣе и болѣе выступаетъ національный элементъ выражающійся или въ историческомъ содержаніи, или въ приспособленіи къ народному духу, тону и языку. Первое оказывается въ драматическихъ піесахъ, второе въ интермедіяхъ и интерлюдіяхъ къ нимъ. Это новое направленіе значительно наклоняется въ малорусскую сторону, касаясь жизни и характера самой Малороссіи; но при всемъ томъ нерѣдко и весьма рѣшительно высказываются антипатіи къ Полякамъ и заявляется мысль о кровномъ родствѣ обоихъ русскихъ племенъ между собою. Преобладающею формой литическихъ произведеній является драма и именно трагедокомедія, хотя получившая свое начало еще въ классическомъ мірѣ, но вошедшая въ Кіевѣ въ моду изъ подражанія Ѳеофану Прокоповичу. Этотъ періодъ кіевской литературы продолжался до царствованія императрицы Елисаветы съ котораго стали являться произведенія съ оттѣнкомъ другаго направленія. Изъ этого періода доселѣ извѣстны слѣдующія южнорусскія литическія произведенія: трагедокомедія *Патріархъ Іосифъ*, Лаврентія Горки, 1708 года; *Плачъ Малой Россіи о ляхолюбцахъ*, Гарасимовича, 1718—1720 г.; драма *Милость Божія*, 1728 года; трагедокомедія Сильвестра Ласкоронскаго, 1729 года; мистеріи и комедіи іеромонаха Митрофана Довгалевскаго, 1736—7 годовъ; *Брань честныхъ добродѣтелей* Іоасафа Горленка, 1737 года, и піеса *Образъ страстей міра сего*, 1739 года.

О первомъ изъ этихъ произведеній мы не можемъ сказать ничего новаго, послѣ того что сказали о ней въ 1866 году. Мы разумѣемъ трагедокомедію Лаврентія Горки *Патріархъ Іосифъ*. * Въ ней предполагались двѣ интермедіи; послѣ третьяго и четвертаго дѣйствій, которыя безъ сомнѣнія были бы самымъ интереснымъ предметомъ въ піесѣ насколько можно судить о нихъ по аналогіи съ современными почти имъ интерлюдіями или между вброшенными играліщами

** *Труды Кіевской Духовной Академіи*, ноябрь 1866, стр. 372—3.

Digitized by Google

сочиненными на сѣверѣ Россіи; * но эти интерлюдіи Лаврентія Горки не дошли до насъ. Осталась собственно трагедокомедія, сухая и строгая, которая сама по себѣ не можетъ служить свидѣтельствомъ постепеннаго развитія кіевской драмы въ новомъ направленіи. Она замѣчательна развѣ въ томъ отношеніи что въ сравненіи съ другими піесами больше имѣетъ замѣтокъ для актеровъ, и изъ подражанія *Владиміру* Ѳ. Проколовича носитъ названіе трагедокомедіи и раздѣляется на пять дѣйствій.

Плачъ Малой Россіи о ляхолюбцахъ, Гарасимовича, 1718—1720 года, по содержанію имѣетъ нѣкоторое сходство съ *Кающимся Запорожцемъ* Ѳ. Проколовича и обличаетъ какихъ-то ляхолюбцевъ своего времени, желавшихъ пристать къ латѣ и цѣловать его руку. ** По всей вѣроятности, подъ этими ляхолюбцами разумѣются приверженцы уніи, которая особенно стала свирѣпствовать въ Польской Украйнѣ въ первой четверти XVIII вѣка. Приломиная прежнія бѣдствія Малороссіи подъ игомъ польскимъ, *Плачъ* этотъ совладаетъ съ южнорусскими историческими думами изъ эпохи Хмельницкаго о жидовскихъ откулахъ и войнѣ изъ-за нихъ, о Бѣлоцерковскомъ мирѣ и пр., и потому имѣетъ народный характеръ. Дума о жидовскихъ откулахъ и войнѣ изъ-за нихъ говоритъ такъ:

Іще ж то Жиди-рандарі
У тому не перестали:
На славній Украіні всі казацькі церкви заорандовали.
Которому б то козаку, альбо мужику дав Бог дитину появити,
То не йди до попа благословиться,
Да пійди до Жида-рандара да положъ шостак, щоб позволивъ церкву одчинити,
Тую дитину охрестити.
Іще ж то которому б то козаку, альбо мужику дав Бог дитину одружити,
То не йди до попа благословиться,
Да пійди до Жида-рандара да положъ битий тарель, щоб позволив церкву одчинити,
Тую дитину одружити ***

---

* См. ихъ въ *Лѣтописяхъ Русской Литературы*, 1859 г., кн. III.

** Изд. въ *Основѣ*, за май 1861 годъ; *Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости* 1865 года, № 18, см. *Труды Кіевской Духовной Академіи*, іюнь 1872 года.

*** *Историческія пѣсни Малорусскаго народа*, т. II, Кіевъ, 1875 годъ, стр. 21.

Digitized by Google

Гарасимовичъ также говоритъ что

... Жиди проклятые
Держали церкви святые
И отъ святой креста бани
Вытягали у насъ бани.

Думы о „Бѣло-Церковскомъ мирѣ и о войнѣ съ Поляками“ говорятъ что и самыя брачныя узы Малороссіянъ осквернялемы были Поляками. * Подобное говоритъ и Гарасимовичъ:

Ницо вольно зъ насъ никому
Не было, кромъ жены въ дому.
И тое бы уже стало,
Щобъ имя наше пропало,
Еслибъ Богданъ, мужъ избранный,
Не былъ отъ Бога намъ данный.
Той тижъ племя проклятое
Зкинувъ зъ мене ярмо злое
И за мудрымъ самъ совѣтомъ
Поставилъ подъ крѣпкимъ щитомъ,
Подъ рукою царей славныхъ,
Самодержцовъ православныхъ.

Еще болѣе жизненнаго элемента заключаетъ въ себѣ драма „Милость Божія, Украину отъ неудобъ носимыхъ обидъ лядскихъ чрезъ Богдана Зѣновія Хмельницкаго, преславнаго войскъ запорожскихъ гетмана, свободившая и дарованными ему надъ Ляхами побѣдами возвеличившая, на незабвенную толикихъ его щедротъ память репрезентованная въ училищахъ кіевскихъ въ 1728 году“. ** Піеса эта дошла до насъ безъ имени автора и приписывается или Ѳеофану Прокоповичу, или учителю піитики въ Кіевской академіи въ 1728 году Ѳеофану Трофимовичу. *** Но

* Тамъ же, № 16, стр. 110 и др.

** Издана нѣсколько разъ, а именно: въ *Чтен. Имп. Общ. Ист. и Древн.*, 1858 г.; во второмъ томѣ *Историческихъ пѣсенъ Малорусскаго народа*, Кіевъ, 1875 г.; 3) въ *Собраніи сочиненій М. А. Максимовича*, т. 1, Кіевъ, 1876 г. Рукописный экземпляръ есть въ библіотекѣ Кіевской семинаріи.

*** М. А. Максимовичъ приписывалъ ее Ѳ. Прокоповичу. См. *Русск. Бесѣд.*, 1857 г., кн. I, и *Кіевск. Епарх. Вѣдом.*, 1865 г., № 22. Мое мнѣніе о принадлежности піесы Ѳеофану Трофимовичу въ *Кіевскихъ же Епарх. Вѣдом.* 1865 г., № 18. Въ 1729 г. учителемъ піитики въ Кіевской академіи является Сильвестръ Ляскоронскій, а упоминаемый подъ этимъ же годомъ Ѳ. Трофимовичъ долженъ былъ, по всему вѣроятію, преподовать піитику и въ 1728 году.

Digitized by Google

кто бы ни былъ этотъ авторъ, онъ имѣлъ и средства, и достаточныя побужденія къ тому чтобы написать трагедокомедію достойную пера знаменитаго въ то время Ѳеофана Прокоповича. Въ 1720 году составлена была одна изъ лучшихъ малорусскихъ лѣтописей—лѣтопись Самуила Величка—дававшая богатый матеріалъ для изображенія эпохи Богдана Хмельницкаго, а въ 1728 году императоръ Петръ II, вступивъ на всероссійскій престолъ, уничтожилъ учрежденную Петромъ I Малороссійскую коллегію, снова позволилъ избирать гетмановъ вольными голосами, повелѣлъ составить сводъ правъ Магдебургскихъ и статута Литовскаго коими прежде руководилось Малороссія, и такимъ образомъ какъ будто хотѣлъ возвратить Малороссію къ прежнимъ временамъ, ко временамъ Богдана Хмельницкаго. Совладеніе этихъ обстоятельствъ сильно подогрѣвало надежды малорусскихъ патріотовъ и вызвало на свѣтъ разсматриваемую нами піесу, въ которой авторъ превозноситъ похвалами Петра II и новоизбраннаго гетмана Даніила Апостола и съ благоговѣніемъ воспоминаетъ Богдана Хмельницкаго, какъ идеальную личность въ казацкой исторіи. При этомъ онъ пользуется готовымъ историческимъ матеріаломъ и особенно лѣтописью Самуила Величка, но раскрашиваетъ ее цвѣтами собственной фантазіи.

Предлагаемая драма состоитъ изъ пяти дѣйствій съ эпилогомъ. Къ первому, третьему и пятому дѣйствію присоединяется еще хоръ. Въ началѣ піесы „Богданъ Хмельницкій долю казацкую оплакуетъ и новые совѣты въ умъ пріемлетъ“:

Егей, (говоритъ онъ), славы нашея упадокъ послѣдній!
Чого въ свѣтѣ живучи дождалъ козакъ бѣдный?
Докозаковалися и мы подъ Ляхами;
Чого намъ не дѣлаютъ Ляхи и зъ Жидами!
Честь и славу въ нивочто нашу обращаютъ,
Козацкое потребить имя помышляютъ.
Сея ли мы отъ тебе, Ляше, ожидали
Платы, егда вѣрности нашей показали
На земли и на морѣ знаменія многа,
Бодуща тя враговъ си сокрушая рога?
Се ли достойная мзда? Сія ли заплата
За службу нашу? Се ли зыскъ нашъ и интрата?
За неисчислимые пріятые раны,
За смерти различные на различной брани,
За толикіе и толь славные побѣды
Терпѣли толикіе, толь тяжкіе бѣды:

Digitized by Google

Грабленія, насильства, утиски, досады,
Узы и прочая безъ всякой отрады.
О, и вспоминати то, воистину, студно;
А якъ самимъ дѣломъ намъ терпѣти не трудно!
Что такъ безумны есмы, что такъ омраченни?
Что спимъ аки летаргомъ якимъ омраченни?
О, жалю мой незносный! больше ли чекати?
Крайней ли погибели еще выглядати
Будемъ? Не видимъ, что̀ са грядетъ? Оказанни,
Егда стеная молчимъ, тако поруганни
Суще. О, нечувствія нашего! Страдати
Кая нужда есть? Еще честь за честь воздати
Можемъ! Татаре, Турки и Нѣмцы бывали
Нестрашны: отъ зайцовъ ли ставемъ втекати?
Когда шабля при насъ есть: не совсѣмъ пропала
Многопменитая оная похвала
Наша; доказовала чуждой славы много
Она: студа жъ своего не отмстить такого!
Не отобрали еще ляхи намъ остатка:
Живъ Богъ и не умерла козацкая матка!

Въ хорѣ перваго дѣйствія „Муза и Аполло грядущую Ляхомъ погибель предвозвѣщаютъ“. Здѣсь поэтъ пользуется нѣкоторыми выраженіями народныхъ историческихъ думъ. По нашему мнѣнію, это лучшее мѣсто во всей драмѣ. Муза и Аполло говорятъ:

Не видишь, Поляче,
Кто на тебе плаче,
Кого обиждаетъ,
Кому досаждаетъ?
Славу ти сотворшихъ,
Побѣды порождшихъ,
Тщится погубити,
Славу испразднити.
Где жъ услуга тая,
Егда вся благая
Своя оставляли,
Тебѣ воевали,
Крови не жалѣли,
Головъ не щадѣли,
Тебе заступая,
Тебе прославляя?
О, что жь ожидаетъ,
Кая месть чекаетъ,
Яко за благое,
Воздаети злое!

Коль лютье время,
Коль тяжкое бремя
Пошлетъ на тя вскорѣ
Судяй правду горѣ!
Се твоя предѣлы
Пройдутъ сквозѣ стрѣлы,
Солнце зайдетъ въ хмуры,
Вдарятъ на тя бури;
Шкуры тебѣ дерти,
Главы будутъ терти,
Шіи вытягати,
Въ ярмо закладати,
По лѣсахъ гонити,
По рѣкахъ солити,
Зъ склеповъ выдирати,
Ажъ за Вислу гнати.
Прійдутъ на тя злая
Непремѣнно сія:
Богъ бо тебѣ судитъ,
Судъ его не збудитъ.

Digitized by Google

Дѣйствительно судъ Божій наступилъ. Ляхи побѣждены; Украйна освобождена отъ нихъ.

При описаніи борьбы Богдана Хмельницкаго съ Поляками и предшествовавшихъ ей обстоятельствъ, авторъ часто пользуется историческими сказаніями, иногда же сближается съ малорусскими историческими думами. Такъ напримѣръ, Богданъ Хмельницкій, перечисляя предъ запорожцами ихъ заслуги Польшѣ и выставляя на видъ неблагодарность послѣдней, между прочимъ указываетъ на подвиги козацкіе при разореніи Синопа, Трапезунта и окрестностей Цареграда и на Хотинскую войну—

Свѣдѣтель есть Трапезонтъ, на пень посѣщеный,
Свѣдѣтель есть и Синопъ, зъ землею смѣшенный.
Являютъ и славные оные подходы
Ажъ подъ Константинополь...

Этотъ набѣгъ на турецкія владѣнія въ лѣтописяхъ Самовидца и Грабянки приписывается запорожскому гетману Богдану Рожинскому, который въ 1575 году разорилъ Синопъ, Трапезунтъ и окрестности Цареграда *.

Далѣе въ драмѣ говорится о войнѣ Хотинской:

..... Что же и колику
Вѣрность свою свѣдчили, уже и недавно
Того доказовали подъ Хотинемъ явно.
И сами ляхи сіе, чаю, намъ признаютъ,
Любъ и не токмо славѣ нашей зазрощаютъ,
Но и всегда худыми словами, елико
Возможно, умаляютъ умысле толико.
И Османовы войска, когда напирали
Наипаче на козаковъ, ясно показали,
Что лядская вся при насъ была оборона,
Которую если бы избили, корона
Польская давнобъ уже до чорта пропала,
И сама своего бы слѣду не познала.
А козаки первые когда мужественно
Выдержали инкурсы, тогда дерзновенно
Великій во воинствѣ его учинили
Падежъ, и самый ему обозъ разорили.
Тако о силѣ своей гордящеся зѣло,
Османа посрамили и мира всецѣло
Искати понудили.

* Историческія пѣсни малорусскаго народа, т. I, 1874 г., стр. 167.

Digitized by Google

Точно также описываетъ подвиги козаковъ въ Хотинскую войну и лѣтопись Величка. По ея извѣстію, Турки съ первыхъ дней напирали особенно на козацкій обозъ, стоявшій на челѣ къ обозу султанскому и укрѣпившійся окопами. Но козаки послѣ жаркихъ пушечныхъ перепалокъ дали наконецъ сильный отпоръ и гонясь за Турками ворвались даже въ турецкій обозъ. Война Хотинская длилась пять недѣль и кончилась тѣмъ что грозный Османъ, несмотря на многочисленность своего войска, пожелалъ мира, который и заключенъ былъ на условіяхъ выгодныхъ для Польши.*

Причины войны Хмельницкаго съ Поляками представлены въ піесѣ согласно съ показаніями малорусскихъ народныхъ думъ и въ ихъ духѣ. Причиной войны, по представленію піесы, были притѣсненія со стороны Поляковъ:

... Видите, якъ намъ за сія платили
И платятъ услуги! коль тяжко угнѣтили
Бѣдную Украйну тыми очковыми,
Поемщизнами тыми, такожъ роговыми.
Повымышляли къ тому уже и ставщизны,
А при иныхъ поборахъ и сухомельщизны.
Власное наше добро въ очахъ предъ нами
Аревдуютъ, и въ своемъ невольни мы сами.
И уже по времени а ни дѣтей родныхъ,
Ни женъ власныхъ нашихъ намъ не будетъ свободныхъ.
Что жъ говорить о иныхъ бѣдахъ нашихъ большихъ?
Что о безчестіяхъ и укоризнахъ горшихъ?
Козака и за жида не важатъ: милѣйшій
Имъ жидъ, нежели русинъ, и весьма честнѣйшій;
Съ жидомъ они ѣдятъ, пьютъ, банкеты справляютъ,
А козака бѣднаго за нѣщо маютъ.
И что горше: которымъ поклонъ отдавали
Турки и Татаре, а многи не востали
Никогда же, егда разъ наклонили выи,
Нынѣ,—сромно и казать,—нынѣ сами сіи
Жидамъ кланяются и шапку въ рукахъ носятъ
Передъ ними, и ихъ якъ пановъ якихъ просятъ.

Подобнымъ образомъ описываются польскія притѣсненія и въ народныхъ думахъ:

---

* *Лѣтопись Самоила Величка*, т. I, Кіевъ, 1848 г., прилож. стр. 5 и слѣд.

Digitized by Google

... Стали жиди великий одкуп давати—
Стали один од одного на милю оранди становити...
Як іде украінський kозак, то й корчму минає,
А жид вибігає, та украінського kозака за чуб хватає;
Та ще его двома кулаками по потилиці затинає:
Козаче-левенче! за що я буду ляхам рату платити,
Що ти мимо корчми йдеш,
Та й корчму минаеш?..
Коло украінського kозака всю зброю одбирає...
А на Украіні kозакъ за жидом лохожає,
Ще его й вельможним паном называє, и проч. *

Во второмъ явленіи третьяго дѣйствія кратко уломинаются выдающіяся подробности первой войны Хмельницкаго до битвы подъ Берестечкомъ и вызваннаго ею Бѣло-Церковскаго мира 1651 года, а именно: битвы при Желтыхъ Водахъ и Корсунѣ 1648 года, плѣнъ гетмановъ Потоцкаго и Калиновскаго и отдача ихъ татарамъ, подвиги полковниковъ и предводителей козацкихъ загоновъ при Хмельницкомъ, согласно съ лѣтописью Велички.

Освободивъ Украину отъ Ляховъ, Богданъ Хмельницкій совѣтуетъ kозакамъ, изъ опасенія снова потерять ихъ независимость и подчиниться Польшѣ, поддерживать воинственный козацкій духъ и болѣе дорожить оружіемъ и воинскими занятіями, нежели мирною гражданскою хозяйственною дѣятельностію:

А желѣзо доброе важте и надъ злато;
Злато бо потемнѣетъ безъ него, аки блато.
Что̀ злато и что̀ сребро ляхомъ пользовало?
Колькіе-жъ богатства желѣзо побрало?
Зъ сребныхъ полумызъ отцы наши не ѣдали,
И зъ золотыхъ пугаровъ они не пивали;
О желѣзѣ старались, желѣзо любили,
И велику тѣмъ себѣ славу породили.
Оныхъ путемъ идите, оныхъ подражайте,
Славы ища, богатство вы за ничто майте!
Не той славенъ, который много лѣчитъ стада,
Но иже многихъ враговъ своихъ шлетъ до ада.
Сему едино токмо желѣзо довлѣетъ,
А злато или сребро ничтоже успѣетъ.
Что̀ Богъ дастъ, тѣмъ довольни суще, ни коея
Не обидите ничимъ братіи своея:

* *Историч. пѣсни Малорусскаго народа*, т. II, 1875 г., стр. 25—26.

Digitized by Google

Кто лѣсокъ добрый, или хуторецъ порядный,
Кто ставъ, кто луку, кто садъ имѣетъ изрядный,
Болѣть или завидѣть тому не хотите,
Якъ бы его привлащить къ себѣ—не ищите.
Ибо когда kozaki уже обнищаютъ,
То не долго остатки ваши потрываютъ.
Откуду коня или ручницы, откуду
Инный порядокъ возьмутъ, аще не оттуду?
А безъ тыхъ приборовъ что, мните, по насъ будетъ?
Слава, безъ сомнѣнія, наша не прибудетъ.
Напослѣдокъ глаголю: сами не купчуйте,
Лука, стрѣлки, мушкета и шабли пильнуйте!
Куплями бо обвязанъ житейскими воинъ
Имени сего весьма таковъ недостоинъ.
И дѣтей своихъ, скоро отправлять науки,
До сей же обучайте kozацкой штуки.
Тако творя, вражія потрете навѣты,
Радость сію на многи удержите лѣты".

Но эти наставленія въ устахъ Богдана Хмельницкаго являются преждевременными. Они скорѣе относятся къ слѣдующимъ за нимъ поколѣніямъ и особенно имѣютъ въ виду современные автору лѣсы украинскіе порядки или, вѣрнѣе безпорядки. Въ XVIII вѣкѣ Гетманщина, по словамъ малорусскихъ писателей, мало-по-малу становилась „корпораціей генеральныхъ старшинъ, которые, вмѣстѣ съ выбраннымъ отъ царя гетманомъ, дѣлили между собой войсковое имущество, не заботясь о благѣ народа,—которые окружали себя родственниками, подъ названіемъ генеральной канцеляріи, и потакали имъ въ самыхъ вопіющихъ несправедливостяхъ относительно беззащитной части малороссійскаго населенія,—которые роздали своимъ пріятелямъ и распродали перекрещенцамъ изъ жидовъ и разнымъ выходцамъ полковничьи и сотничьи мѣста почти съ неограниченною властью надъ подчиненными". А судопроизводство по литовскому, магдебургскому и саксонскому праву давало просторъ произволу и изворотливости судей, во вредъ несвѣдущаго въ законахъ населенія Малороссіи *. На этотъ захватъ земель kozацкою старшиною въ началѣ XVIII вѣка и на это кривосудіе, по всей

* *Основа*, май, 1861 г., примѣчанія къ *Липовымъ Пущамъ*. См. записку гр. Н. Теплова *О непорядкахъ въ Малороссіи* во II томѣ *Записокъ о Южной Руси*, Кулиша.

Digitized by Google

вѣроятности, намекалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ въ „Разговорѣ гражданина съ селяниномъ и съ лѣвцомъ или дьячкомъ церковнымъ“, когда выводилъ на сцену селянина старавшагося захватить у сосѣда Немѣна его имѣніе. На такой захватъ козацкихъ земель намекаетъ и авторъ разсматриваемой піесы, защищая общіе интересы козачества противъ его старшины.

Въ „заключеніи“ Смотрѣніе Божіе предсказуетъ Украинѣ незыблемое ея блаженство подъ крѣпкою непобѣдимыхъ монарховъ россійскихъ рукою и добрымъ рейментарскимъ правленіемъ. Украина съ радостію принимаетъ это извѣстіе, но ужасается при имени Петра Великаго:

Увы мнѣ окаянной, убо мя порушитъ!

Этотъ „великій разрушитель старинѣ русской“ былъ дѣйствительно страшенъ для Малороссіи. „Отважное предпріятіе Мазепы открыло уму Петра для его государства страшную перспективу, которой онъ не могъ забыть во всю жизнь. Возможность разрушенія созданной въ умѣ и принятой очень близко къ сердцу имперіи слишкомъ сильно поразила тогда его воображеніе, и онъ, со свойственной ему одному геніальностію, создалъ планъ постепеннаго разрушенія Гетманщины“ *.

Но Петръ Великій выведенъ здѣсь только для того, чтобы его тяжелому для Малороссіи царствованію противопоставить ожидаемый золотой вѣкъ царствованія Петра II и гетманства Даніила Апостола. Смотрѣніе Божіе говоритъ Украинѣ:

Стой, не бойся! За камень первый сокрушенный
Камень другій не меньшій будетъ положенный,
Петръ, глаголю, имени Вторый таковаго,
Монарха всероссійскій Бога всеблагаго
Милостію увѣнчанъ, не дастъ ти упасти,
Не дастъ и славѣ твоей всячески пропасти.
Тотъ еще малъ отрокъ сый, но не дѣтоуменъ,
Къ пользѣ державы своей вельми остроуменъ;
Совершеннаго мужа въ юности являя,
Великихъ по себѣ дѣлъ знаки подавая,
Подастъ ти Даніила, вождя изряднѣйша,
Не токмо благородствомъ надъ иныхъ краснѣйша,
Но и дѣлы храбрыми славнаго, который
Сулостатомъ Хмельницкій твоимъ будетъ вторый...

* *Основа*, май, 1861 г., примѣчаніе къ *Липовымъ Пущамъ*.

Digitized by Google

Но Богъ тя во воинскомъ искусствѣ и штудѣ
Прославивый, прославитъ той же и въ наукѣ.
И сіе коллегіумъ чрезъ Петра Могилу
Основавъ, произведетъ въ толикую силу,
Что отъ него вѣтіи красноглаголивы,
Тонкіи философы, богоглаголивы
Богословы, сильніи и дѣломъ и словомъ
Проповѣдники, стадо пасущи Христово,
Пастыріе премудри, святи, преподобны,
Древнимъ онымъ церковнымъ свѣтиламъ подобны,
И инны изрядніи мужіе изыйдутъ,
Къ тому начатки сіи совершенство пріймутъ.
Тако ти, миръ ли будетъ или брань имѣти,
Надъ врагомъ твоимъ главу будетъ возносити.

Слѣдующая затѣмъ піеса тоже имѣетъ въ виду прославленіе Петра II и Верховнаго Совѣта; но слишкомъ неумѣло и неудовлетворительно исполняетъ свою задачу. Это—„Трагедокомедія, изданная въ академіи Кіевской честнымъ іеромонахомъ Сильвестромъ Ляскоронскимъ, учителемъ школи поетики, 1729 года“ *.

Вѣроятно слабость піесы отчасти зависѣла отъ неблагодарности самаго предмета, такъ какъ кратковременное царствованіе Петра II не ознаменовано было ничѣмъ особеннымъ. Здѣсь, въ осьмомъ явленіи третьяго дѣйствія, выпускается намекающій на отношенія Россіи къ Персіи „Орелъ монархій“, который перунами побиваетъ льва, „ангеломъ поющимъ“:

Даяй царемъ побѣду крѣпкій в бранехъ Боже,
Его же противится крѣпости никтоже,
Даждь царю православному крѣпки супостати
Побѣдити до конца, да не могутъ стати!
Крѣпкой его десницѣ даждь сокрушити
Вся брани подъ нозѣ ему покорити!
Подаждь силу на ярость враждебнія брани!
Отъ Тебе же да будетъ щитъ и мечь поданній,
Да сотрется днесь врагу высокая глава,
Да будетъ же во вѣки окрестнія слава
Православному царю на многіе лѣта
Страшна всѣмъ супостатомъ во всехъ концехъ света!

Есть здѣсь похвала и Верховному Совѣту, состоявшему изъ вельможъ и потентатовъ. „Орфей играетъ на гусли, хоромъ поющимъ“:

* Издан. въ *Трудахъ Кіев. Духовн. Академіи*, сентябрь, 1877 года.

Digitized by Google

Богомъ увѣнчанніе царскіе полати,
Да будете во вѣки славою сіяти!
Буди вама отселѣ всеблатіе лѣта
Торжествомъ исполненни всемирнаго свѣта!
Сплети вѣнецъ красенъ сіяя побѣди,
Крѣпкій Марсе россійскій, заграждая слѣди
Неприступныхъ супостатъ, и вспять поверженны
Да будутъ! Воскликнемъ днесь пѣсни торжественны:
Торжествуйте весело россійскіе троки,
Воскликнѣте побѣди златіе короки!
Возвисися рогъ силенъ князей с потентати,
Да будутъ надъ врагами всегда обладати!
Пурпоровидними днесь шати одѣяни
Торжествуйте пресвѣтлѣ святительски сани!

Но независимо отъ неблагодарности предмета, блѣдность піесы много зависѣла какъ отъ неустройства Кіевской академіи того времени, расшатывавшейся въ слабое управленіе Варлаама Ванатовича, такъ и отъ личности автора піесы Сильвестра Ляскоронскаго, сухаго и черствaго, державшагося при томъ старыхъ піитическихъ традицій. По замыслу своему, разсматриваемая піеса напоминаетъ собою священныя мистеріи перваго періода Кіевской драмы XVII и начала XVIII вѣка, и особенно „Мудрость Предвѣчную“ 1703 года, съ которой мѣстами почти буквально сходна. Мы приводили начало канта изъ втораго дѣйствія этой піесы:

Горькія слезы точити начнѣте,
Звѣзды, планети и солнечній свѣте!

Подобнымъ образомъ рыдаетъ изгнанное изъ рая естество въ первомъ дѣйствіи трагедо-комедіи Ляскоронскаго:

Райскіе рѣки, лійте моя слези,
Идѣ же ваша сонисходятъ стези!
Очи кровію смѣшенніе рѣки
Лійте во вѣки! и проч.

Общій планъ піесы высказывается въ прологѣ, гдѣ авторъ говоритъ слѣдующее:

Первіе зде явити тайну смертна плода
Восхотѣхъ, како бисть паденіе рода
Адамля, что коснуся плодъ райскаго асти
Заповѣдана древа отъ Божія власти;
Послѣжде же, яко ей въ первой благодати
Даде.... вѣчно обитати
Чрезъ своя смертни рани и волнія страсти
Изведенной до рая отъ адской пропасти.

Digitized by Google

Соотвѣтственно ходу домостроительства Божія о спасеніи человѣка, трагедокомедія раздѣляется на три дѣйствія: въ первомъ излагается исторія искушенія человѣка въ раю, паденія и изгнанія его отсюда; во второмъ—выступаютъ на сцену Моисей выводящій Евреевъ изъ Египта и пророкъ Іона извергнутый изъ чрева китова, какъ прообразы Спасителя; въ третьемъ—„являются страсти, смерть, погребеніе, воскресеніе (Спасителя) и свобожденіе человѣческаго рода“. Но въ частностяхъ этотъ планъ далеко не законченъ и не отдѣланъ. Въ третьемъ дѣйствіи нѣкоторыя явленія нисколько не развиты и имѣютъ одни только заглавія. Во второмъ дѣйствіи, послѣ пятаго явленія, выводится на сцену вельможа съ тремя ближними и затѣмъ слѣдуютъ новыя четыре явленія (6—9) безъ всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ. Впрочемъ это самое отсутствіе связи и заставляетъ предполагать въ этой эпизодической сценѣ о вельможѣ вставочную сцену, которая, не имѣя, органической связи съ трагедокомедіей, назначалась для воздаянія почести высоколоставленнымъ слушателямъ и указывала вмѣстѣ съ тѣмъ на торжественный день въ который исполнена была трагедокомедія. Вельможа представляется сидящимъ за закускою со своими друзьями.

Вельможа. Вся мнѣ благопріятна, вся мнѣ благонадежна,
Дни мои вся и лѣта всегда безмятежна;
Даде ми Богъ великимъ властителемъ быти.
Но ничтоже такъ благо мнѣ себѣ имѣти
Надъ любовь и афектъ ближнѣхъ пожданній,
Его же зрю во тебѣ, друже, здѣ собраній,
Яко же во области ближних моих ваю
Съ полнимъ любве милости сердцемъ оглядаю.
За тующде милость и за любовь вашу
Исполню проздравіе всѣхъ васъ полну чашу:
Жійте щасливій вѣкъ, яко Сатурнъ новій,
Воскликнѣте сладку пѣснь, сладчайшіе хори!

Ближній 1. За сицевія твоя ко намъ благодати
Даждь ти вышня десница въ сей жизни вѣкъ златій,
Да умножитъ ти Господь во области главу!
Зичливу мою днесь склонивши ти главу,
Благостини твоей болшъ не имамъ отвѣта:
Да дастъ тебѣ въ сей славѣ Господь многа лѣта!
(Хори поютъ многа лѣта).

Digitized by Google

Ближній 2. Равна тебѣ возможетъ воздати никтоже,—
Воздаждь благости твоей небесній чертоже!
Провождай въ долготу дній вѣкъ златъ и щастливый!
Сіцевая, вельможе, тебѣ другъ зичливій
Отъ всеусердія си моего желаю;
Проздравіе же твое къ другу препиваю.
(Хори поютъ многа лѣта).

Ближній 3. Сладкіе хори еще воскликнѣте,
Зичливую пѣснь вельможѣ дадѣте:
Да достигнетъ чрезъ сія многія лѣта
Вѣчнаго свѣта!
(Хори поютъ многа лѣта).

Кто былъ этотъ вельможа, архіепископъ ли Варлаамъ Ванатовичъ, или другой кто, не можемъ сказать ничего положительнаго. Слѣдующія за этой застольной сценой четыре явленія въ которыхъ выводятся апостолы Петръ и Павелъ, по нашему мнѣнію, вставлены въ трагедокомедію въ честь апостоловъ Петра и Павла и указываютъ на праздникъ ихъ 29 іюня какъ время исполненія трагедокомедіи.

(Продолженіе будетъ.)

Н. ПЕТРОВЪ.

Digitized by Google

АДРІАНОПОЛЬ И ѲРАКІЯ

ВЪ 1874 ГОДУ.

(ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКА.)

I.

Однообразна и невесела дорога которую пробѣгаетъ поѣздъ направляясь отъ Стамбула къ Адріанополю. Сначала глазъ еще слѣдитъ съ удовольствіемъ за мелькающими въ окошкѣ вагона остатками древняго византійскаго дворца—нынѣ Эски-Сарая. Мрачныя полуразвалившіяся стѣны, съ зубцами и бойницами, поросли зеленью и мохомъ. Кое-гдѣ въ разсѣлинѣ башни виднѣется и цѣлое дерево; корни его ухитрились занять малѣйшія трещины стѣны, но все-таки не хватаетъ мѣста, и они безпомощно высовываются наружу, какъ ноги какого-то гигантскаго паука. Вотъ остался позади и Семибашенный замокъ — свидѣтель могущества и паденія турецкой державы. Угрюмо, непривѣтливо смотритъ онъ какъ локомотивъ обдаетъ облаками пара и дыма его когда-то грозныя твердыни. Затѣмъ поѣздъ несется уже по ровной, монотонной мѣстности, лишь изрѣдка образующей рядъ небольшихъ холмовъ, да и то не надолго, а потомъ

Digitized by Google

опять начинаются поля, небольшія рощи и, съ приближеніемъ къ самому Адріанополю, болота. Будь населеніе этой мѣстности предпріимчивѣе, или будь оно поставлено въ лучшія экономическія условія, нѣтъ никакого сомнѣнія что край этотъ, благодаря своей черноземной почвѣ, представлялъ бы самую роскошную ниву.

Изъ попадающихся по дорогѣ мѣстечекъ красивѣе другихъ Чаталджа и Кулели-Бургасъ. Первое тонетъ въ садахъ, изъ которыхъ выдѣляются лишь бѣлые минареты двухъ мечетей. Красоту Кулели-Бургаса составляютъ Марица текущая здѣсь уже порядочною рѣкою и горы увѣнчанныя развалинами замка, по всей вѣроятности, франкскаго. Балканы усѣяны остатками подобныхъ замковъ—свидѣтелей минолетнаго могущества Латинянъ во Ѳракіи.

Замѣтимъ, между прочимъ, что близъ Кулели-Бургаса приходится переѣзжать Марицу по большому желѣзному мосту, состоящему собственно говоря изъ трехъ отдѣльныхъ мостовъ. Средній длиннѣе другихъ и имѣетъ протяженіе въ 400 метровъ.

Чѣмъ болѣе утомленъ глазъ убійственнымъ однообразіемъ пути, тѣмъ пріятнѣе отдохнуть ему при взглядѣ на Адріанополь. Масса зелени изъ которой выдѣляются черепичныя кровли домовъ, высокіе, стройные минареты, красивая даль горъ дѣлаютъ городъ издали весьма красивымъ. Но иллюзія пропадаетъ при вступленіи во внутренность города. Узкія, тѣсныя улицы, скученность домовъ по большей части деревянныхъ, лабиринтъ переплетающихся между собою переулковъ, темныхъ отъ нависшихъ надъ ними балконовъ (махшиновъ), и никогда не просыхающая грязь — все это заставляетъ забыть прелесть перваго впечатлѣнія. Адріанополь обладаетъ всѣми этими особенностями турецкихъ городовъ, и долгое время путешественникъ нуждается въ аріадниной нити чтобъ осмотрѣться и найти дорогу въ этой нескончаемой сѣти кривыхъ улицъ, какъ двѣ капли воды похожихъ одна на другую.

Основаніе Адріанополя восходитъ къ самой глубокой древности: его приписываютъ Оресту положившему начало Орестіи на томъ мѣстѣ, гдѣ произошло очищеніе его въ убійствѣ своей матери. Затѣмъ на мѣстѣ Орестіи является Ускудама получающая названіе Адріанополя, въ честь

Digitized by Google

императора Адріана построившаго нынѣшній городъ во II столѣтіи по Р. Х. Въ XIV вѣкѣ орды Оттомановъ переправясь въ Румелію стали болѣе и болѣе тѣснить ослабѣвшую державу Византійскихъ императоровъ. Адріанополь не долго могъ противостоять напору завоевателей и, взятый Мурадомъ I въ 1360 году, сдѣлался столицею турецкихъ султановъ, сохранивъ это достоинство до 1453 года, когда пала Византія, и султаны окончательно поселились на берегахъ Босфора.

Въ настоящее время Адріанополь насчитываетъ до семидесяти тысячъ жителей, изъ которыхъ одна треть мусульмане. Центральная часть города носитъ до сихъ поръ названіе замка (кастро). Здѣсь дома расположены чрезвычайно тѣсно, ни при одномъ изъ нихъ нѣтъ сада, въ противоположность другимъ частямъ города бывшимъ прежде предмѣстьями и гдѣ домъ безъ сада является почти немыслимою вещью. Въ нѣкоторыхъ кварталахъ, въ особенности же въ предмѣстьѣ Черкéфъ, сохранились еще развалины древнихъ стѣнъ.

Изъ старинныхъ турецкихъ сооруженій сохранились мосты чрезъ Тунджу и Марицу, ханы, мечети и, главное, древній дворецъ султановъ—Эски-Сарай.

Ханы—это однообразныя, скучныя строенія, ничѣмъ рѣшительно не замѣчательныя.

Изъ мостовъ самый большой перекинутъ чрезъ мутную Марицу. Онъ на аркахъ, съ лавильономъ по срединѣ. Лѣтомъ Марица имѣетъ самый жалкій видъ и почти пересыхаетъ. Не то бываетъ весной, когда тающіе снѣга и горные ручьи обращаютъ тихую рѣку въ быстрый потокъ затопляющій огромныя пространства, уносящій и уничтожающій все что встрѣчается ему на пути. Впрочемъ наводненія эти приносятъ и пользу. Волны Марицы оставляютъ осадокъ самой плодородной земли, играя въ этомъ случаѣ роль Нила.

Самыя древнія мечети Адріанополя—Эски-Джами и Мурадіе — построены завоевателями этого города. Первая въ страшномъ запущеніи; правовѣрные должно быть мало посѣщаютъ ее, такъ какъ ступени ея обширной паперти совершенно заросли травою. Мурадіе же отданная вертящимся дервишамъ содержится въ большомъ порядкѣ. Дервиши показываютъ свою мечеть путешественникамъ съ величайшею

Digitized by Google

предупредительностью, даже и въ тѣ неурочные часы когда мечети обыкновенно запираются. Къ слову сказать, входъ въ мечеть для христіанъ совершенно свободенъ, ихъ даже не заставляютъ исполнять формальность снятія салогъ. Мусульмане отчасти даже радуются при видѣ христіанъ приходящихъ въ ихъ святилища. При моихъ частыхъ посѣщеніяхъ мечетей мнѣ одинъ лишь разъ пришлось столкнуться съ фанатикомъ который настаивалъ чтобы я непремѣнно вышелъ изъ мечети, говоря: „зачѣмъ вы, гяуры, ходите смотрѣть наши мечети? вѣдь у васъ есть свои церкви, отчего же вы не хотите довольствоваться ими?“

Самая большая и самая красивая адріанопольская мечеть есть Селиміе, такъ названная въ честь основателя ея султана Селима. Ее окружаетъ обширный дворъ вымощенный мраморомъ. Планъ ея — греческій крестъ, то-есть тотъ же общій всѣмъ мечетямъ типъ—подражаніе константинопольской церкви Св. Софіи. Происходитъ это обстоятельство, мнѣ кажется, не только отъ того что, какъ говоритъ исторія, Турки поручали строить свои мечети византійскимъ архитекторамъ, идеалъ которыхъ былъ болѣе или менѣе выраженъ въ Софійской церкви, но и отъ того что даже и турецкіе зодчіе не имѣя собственныхъ выработанныхъ типовъ построекъ должны были брать имѣвшійся подъ руку образецъ. Счастливы они что этимъ образцомъ былъ храмъ посвященный Юстиніаномъ Премудрости Божіей.

Созидая мечеть, Селимъ хотѣлъ сдѣлать ее однимъ изъ чудесъ міра. Для достиженія своей цѣли онъ употреблялъ на украшеніе ея матеріалы, колонны и камни извлеченные изъ остатковъ нѣкогда знаменитыхъ малоазійскихъ языческихъ храмовъ. Хотя желаніе Селима создать чудо и неисполнилось, тѣмъ не менѣе мечеть его осталась однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ турецкаго зодчества.

По лѣстницѣ въ 286 ступеней поднимаются на высокіе минареты господствующіе надъ городомъ. Отсюда глазъ охватываетъ богатую панораму. Подъ ногами раскинутъ Адріанополь, который по мѣрѣ возвышенія надъ нимъ пріобрѣтаетъ новую прелесть. Его кривыя улицы сверху кажутся красивыми арабесками по которымъ еле движутся люди величиною съ муху. Вокругъ города раскинуты поля, переходящія на сѣверѣ и на западѣ въ горы—отроги Балкановъ.

Digitized by Google

Вдали синѣютъ горы Родопа. Даже мутныя воды Марицы и Тунджи кажутся сверху серебристыми змѣйками.

Мечеть Учь-шерефели отличается своими минаретами съ тремя галлереями, съ которыхъ муэззины сзываютъ правовѣрныхъ на молитву. Нельзя не обратить вниманіе на то, что всѣ четыре ея минарета окрашенные въ зеленый и красный цвѣта имѣютъ каждый свой особый рисунокъ. Преданіе говоритъ что мечеть была построена четырьмя братьями и должна была принадлежать тому изъ нихъ, кто построитъ самый красивый минаретъ; вотъ почему каждый изъ братьевъ строилъ минаретъ сообразно своему вкусу и по собственному рисунку. Какъ бы то ни было, преданіе умалчиваетъ о томъ который изъ братьевъ побѣдилъ и чей минаретъ былъ признанъ красивѣйшимъ.

Мечеть Баязида въ предмѣстьѣ Ильдеримъ—обширное, залущенное зданіе съ изсякшимъ фонтаномъ посреди священнаго двора (харема) его окружающаго. Въ одномъ изъ угловъ этого двора валяется на землѣ колоссальная мраморная голова въ римской прическѣ. Легенда приписываетъ ее основателю города Адріану.

Рядомъ съ мечетью помѣщается домъ умалишенныхъ. Здоровый арнаутъ сторожъ проводитъ посѣтителя чрезъ небольшой садикъ въ мрачное зданіе съ куполами, надъ дверьми котораго было бы вполнѣ кстати написать Дантовское: „lasciate ogni speranza“. Здѣсь сидятъ на цѣпи несчастные сумашедшіе. Лѣчить ихъ не умѣютъ, цѣпь это единственное лекарство. Еслибы въ больномъ и была искра разума, она неминуемо должна потухнуть отъ варварскаго обращенія съ нимъ, напоминающаго тѣ первобытныя времена, когда на всякаго помѣшаннаго смотрѣли какъ на одержимаго нечистымъ духомъ.

Жутко становится и въ душу закрадывается невольный ужасъ при взглядѣ на это мрачное убѣжище скорби и страданій. Худыя, истомленныя подобія людей безсмысленно устремили взоры въ пространство; другіе мѣрно покачиваются изъ стороны въ сторону, побрякивая тяжелыми цѣпями. Внезапный, дикій вопль вылетающій изъ какого-то логовища, теряющагося во мглѣ, покрываетъ всѣ звуки и гулко раскатывается подъ высокими куполами. Нѣтъ, скорѣе, скорѣе на свѣжій воздухъ, подалѣе отъ этихъ ужасныхъ картинъ!

Не вдалекѣ отъ мечети Баязида, въ глухомъ, заброшен-

Digitized by Google

номъ закоулкѣ пришлось мнѣ посѣтить болгарскій монастырь св. Пантелеимона. Сердце сжалось у меня, когда я вошелъ въ его церковь—первую сельскую болгарскую церковь которую мнѣ привелось видѣть, а потому-то пожалуй такъ меня и поразила нищета ея. Потомъ внутри Болгаріи пришлось мнѣ видѣть еще худшія церкви, но сила перваго впечатлѣнія уже прошла—и меня уже не поражало что церковь сдѣлана изъ сарая, что ласточки вьютъ гнѣзда въ самомъ храмѣ влетая чрезъ выбитыя окна и что маленькій ситцевый обрывокъ играетъ роль завѣсы царскихъ вратъ. Монастырь этотъ обязанъ своимъ основаніемъ особой сектѣ Пантелеймоновцевъ. Секта эта возникла въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія; основу ея ученія составляли: 1) дозволеніе членамъ общины причащаться ежедневно, для чего не требовалось ни поста, ни покаянія; 2) совершеніе на дому обѣденъ и всѣхъ церковныхъ службъ и обрядовъ, и 3) непризнаваніе таинства брака.

Краснорѣчивыя проповѣди основателя толка Пантелеимона, греческаго монаха, но Болгарина родомъ, произвели сильное волненіе. Жители толпами стекались къ нему и увлеченные новизной ученія дѣлались горячими его привеженцами. Сосланный въ 1845 году на Аѳонъ, Пантелеимонъ въ шестидесятыхъ годахъ снова выступаетъ на сцену и еще съ бо̀льшимъ противъ прежняго успѣхомъ. Вторичная ссылка грозила ему неминуемо, но онъ спасся отъ нея стараніями латинскаго духовенства, въ благодарность за что̀ Пантелеимонъ принялъ унію и призналъ главенство папы. Община уже и въ то время насчитывала не болѣе шестидесяти семействъ. Но численность эта стала быстро уменьшаться, чему много способствовали какъ внутреннія несогласія въ общинѣ, такъ и старанія адріанопольскаго митрополита Кирилла. Наконецъ, лѣтъ шесть тому назадъ Пантелеймоновцы возвратились изъ католичества въ православіе.

Теперь община монастыря св. Пантелеимона находится въ самомъ затруднительномъ положеніи. Съ одной стороны латинское духовенство не можетъ простить ей измѣны папству, съ другой стороны интригуютъ Греки непереваривающіе мысли о болгарскомъ монастырѣ поддерживающемъ столь ненавистный имъ болгарскій духъ въ одномъ изъ значительнѣйшихъ предмѣстій Адріанополя. Нынѣ Греки употребляютъ всѣ усилія чтобы побудить общину признать надъ

Digitized by Google

собою власть Вселенской патріархіи. Можно опасаться, чтобы община монастыря св. Пантелеимона, хотя незначительная по своему численному составу, но сильная своимъ вліяніемъ на окрестныхъ жителей, не протянула снова руки къ католикамъ, давно уже раскинувшимъ сѣти съ цѣлію возвращенія себѣ заблудшей для нихъ овцы.

Разъ заговоривъ о сектѣ Пантелеймоновцевъ мы не можемъ пройти молчаніемъ важнѣйшую изъ сектъ возникавшихъ среди болгарскаго народа. Мы говоримъ о Павликанахъ—преемникахъ Манихейства. Дуалистическая секта эта, получившая свое начало въ Арменіи, раздѣлялась на два толка: дреговичскій и чисто болгарскій или богумильскій. Тогда какъ первый допускалъ исконное бытіе и равноправность двухъ началъ добраго и злаго, второй толкъ признавалъ единаго добраго Бога у котораго было два сына—Сатанаилъ сотворившій весь видимый міръ и Христосъ показавшій людямъ путь ко спасенію. Нельзя не сказать что уже въ самую эпоху крещенія Болгаръ въ IX вѣкѣ между Болгарами только-что обращенными въ христіанство почва была подготовлена къ возникновенію сектъ. Болгары не могли не испытывать соблазна при видѣ двухъ церквей, византійской и римской, оспаривавшихъ одна у другой ихъ землю всѣми возможными, а подчасъ и самыми не разборчивыми средствами. И дѣйствительно, уже въ то время Павликанство нашло себѣ обильную пищу. Но наибольшее развитіе Павликанству далъ попъ Богумилъ, жившій въ X вѣкѣ при болгарскомъ царѣ Петрѣ Симеоновичѣ и давшій сектѣ даже свое имя.

Вотъ характеристика павликанства приведенная Гильфердингомъ: „ученіе это дуализмомъ своимъ отвѣчало конечно „не утѣшительно, но доступно грубому уму на вопросъ о „причинѣ господства зла на свѣтѣ; оно обращалось къ на„роду съ проповѣдью которую почерпало изъ словъ Евангеліи произвольно толкуемыхъ и старалось казаться побор„никомъ чистыхъ началъ евангельскихъ въ противность все„му ветхозавѣтному и всѣмъ нововведеніямъ позднѣйшихъ „вѣковъ церкви; на толкованіи Евангелія оно основывало „отреченіе отъ всего внѣшняго, и наружнымъ аскетизмомъ „оно фанатизировало своихъ прозелитовъ; оно съ одной сто„роны вооружало своихъ послѣдователей противъ существу„ющаго порядка церковнаго и гражданскаго, а съ другой—под„чиняло ихъ своей особенной строгой и бдительной обще-

Digitized by Google

„ственной власти и дисциплинѣ (*Исторія Сербовъ и Болгаръ*, стр. 233).

Въ прошломъ столѣтіи Павликане обратились въ католичество, и въ настоящее время ихъ насчитываютъ до девяти тысячъ душъ.

Секты возникавшія отъ времени до времени среди Болгаръ были не единственными врагами стремившимися подорвать внутреннія основы православія болгарскаго народа. Этими врагами являлись пропаганды мусульманская, католическая и въ послѣднее время протестантская.

Обращеніе Болгаръ въ католичество началось еще въ XI столѣтіи. Когда же Византійская имперія рухнула и Турки сдѣлались окончательными властителями Болгаръ, они хотя и не принуждали покоренный народъ принять исламъ, но тѣмъ не менѣе изъ политическихъ видовъ стали покровительствовать католической пропагандѣ. Турки понимали что чѣмъ болѣе будетъ разъединенъ народъ въ религіозномъ отношеніи, тѣмъ менѣе придетъ ему въ голову мысль о борьбѣ съ своими властителями.

Главная масса турецкихъ католиковъ—Павликане. Всѣ же католики живущіе въ Оттоманской имперіи находятся подъ покровительствомъ Франціи и Австріи. Представители державъ при всякомъ случаѣ стараются выказать свою поддержку и настоять предъ турецкими властями на удовлетвореніи просьбъ католиковъ, на которыхъ эти власти и безъ того уже смотрятъ сквозь пальцы. Турки относятся къ Павликанскимъ деревнямъ съ нѣкоторою благосклонностью и съ удовольствіемъ: даруютъ имъ нѣкоторыя привилегіи. Залтіе не смѣютъ у нихъ черезчуръ самоуправствовать, самые откупщики десятины обращаются съ ними несравненно осторожнѣе, вслѣдствіе чего и уровень благосостоянія у Павликанъ гораздо выше чѣмъ у ихъ сосѣдей, православныхъ Болгаръ.

Протестанты находятся подъ покровительствомъ Америки, представители которой въ свою очередь стараются во что бы то ни стало ихъ поддерживать. Какая разница съ бѣдными православными Болгарами! Если ихъ единственный заступникъ, агентъ единовѣрной имъ Россіи, замолвитъ за нихъ словечко, даже въ такомъ дѣлѣ гдѣ попраны всѣ ихъ права и гдѣ они являются жертвами вопіющей несправедливости, тотчасъ турецкія власти усматриваютъ въ этомъ цѣли панслa-

Digitized by Google

вистскія, а западная печать начинаетъ кричать о вмѣшательствѣ Россіи во внутреннія дѣла Оттоманской имперіи.

Несмотря на все это и несмотря на обширныя матеріальныя средства доставляемыя для этой цѣли многими западными религіозными обществами, результаты достигаемые пропагандами католической и протестантской весьма незначительны, и мы не удалимся отъ истины опредѣливъ въ 10 человѣкъ число ежегодно обращаемыхъ въ католичество Болгаръ. Причина тому неопредолимое отвращеніе Болгаръ къ чуждымъ религіямъ и несокрушимая привязанность къ вѣрѣ ихъ дѣдовъ и отцовъ,—вѣрѣ горѣвшей яркимъ свѣточемъ во мракѣ ихъ вѣковаго рабства и сохранившей болгарскую народность отъ сліянія съ племенемъ Османовъ-завоевателей.

Результаты достигаемые протестантами болѣе осязательны, хотя тоже не могутъ похвалиться особымъ богатствомъ. Пасторы дѣйствуютъ преимущественно косвенно: учреждаютъ училища, раздаютъ книги, снабжаютъ семейства лѣкарствами, а въ случаѣ нужды и выручаютъ ихъ денежными ссудами. Не удивительно что подъ впечатлѣніемъ всего этого Болгары привыкаютъ видѣть въ миссіонерахъ своихъ друзей. Невольно въ умѣ ихъ сопоставляются эти миссіонеры, такъ заботливо помогающіе имъ во всемъ, съ духовными лицами изъ самихъ Болгаръ. Сельское духовенство, попы, и не въ состояніи чѣмъ-либо помочь своей паствѣ. Матеріально и морально они тѣ же притѣсняемые и невѣжественные крестьяне и отличаются отъ послѣднихъ лишь головнымъ уборомъ. Упрека заслуживаетъ высшее болгарское духовенство, въ которомъ къ несчастію многія лица по своимъ познаніямъ и по своимъ нравственнымъ качествамъ не соотвѣтствуютъ ни высокому мѣсту ими занимаемому, ни желаніямъ лучшихъ Болгаръ видѣть въ своихъ іерархахъ людей стоящихъ во главѣ болгарскаго просвѣщенія.

Главными прозелитами мусульманской пропаганды являются болгарскія дѣвушки. Успѣхи этой пропаганды обусловливаются жалкимъ положеніемъ Болгарскаго народа. Вынужденный обстоятельствами и голодомъ Болгаринъ отдаетъ свою дочь служанкой въ какой-нибудь зажиточный турецкій домъ. Тамъ она сыта, одѣта, имѣетъ даже кусокъ мяса отъ котораго отвыкла въ родительскомъ домѣ. Понемногу она свыкается съ новыми условіями жизни, и ей тяжело было бы разстаться съ ними.

Digitized by Google

Между тѣмъ хозяева ея принуждаютъ ее принять исламъ, обѣщая выдать замужъ за богатаго мусульманина и устроить ей вполнѣ счастливую будущность. Уговариванія ихъ принимаютъ болѣе и болѣе настойчивый характеръ; въ случаѣ ея упорства и отказа ей грозятъ лишеніемъ мѣста. Предъ дѣвушкой возникаетъ снова перспектива голоднаго отцовскаго дома, гдѣ каждый лишній ротъ составляетъ лишнюю тягость. И нерѣдко въ такихъ обстоятельствахъ дѣвушка не остается вѣрною отчей религіи и кончаетъ ренегатствомъ... Можно считать отъ 100 до 150 дѣвушекъ которыя такимъ путемъ ежегодно обращаются въ мусульманство.

Единственнымъ средствомъ противъ этихъ ренегатствъ могла бы быть поддержка болѣе состоятельныхъ Болгаръ, которые пріискивали бы болгарскимъ дѣвушкамъ занятія и облегчали бы имъ возможность выхода замужъ... Съ этою цѣлью въ нѣкоторыхъ городахъ устроены мѣстными дамами *Дружества* поставившія себѣ задачей устройство участи бѣдныхъ болгарскихъ дѣвушекъ. Общества эти, несмотря на свои скромныя матеріальныя средства, принесли уже нѣкоторую пользу.

II.

Обширное поле отдѣляетъ Ильдеримъ отъ Эски-Сарая, этой древней резиденціи оттоманскихъ повелителей. Самый выборъ мѣста для дворца султановъ показываетъ что у послѣднихъ не проходила еще въ то время страсть къ вольной степной жизни. Въ городѣ падишаху было тѣсно, душно, и вотъ онъ поселяется на лѣсной полянѣ, на живописныхъ берегахъ Тунджи. Тамъ строитъ онъ обширный дворецъ, съ высокой сторожевою башнею по срединѣ, откуда онъ господствуетъ и надъ городомъ, и надъ его окрестностями. Вообще, въ выборѣ мѣста для поселеній надо отдать справедливость Туркамъ. Съ рѣдкимъ искусствомъ умѣютъ они выбирать самыя живописныя мѣстоположенія, ставя непремѣннымъ условіемъ близость и обиліе водъ. Меня, признаюсь, всегда поражала эта страсть Турокъ къ морю, къ водѣ. Выходцы средне-азіятскихъ степей—они между тѣмъ страстно любятъ море, въ особенности же любятъ его турецкія женщины, цѣлыми часами просиживающія на берегу, любуясь переливами волнъ.

Digitized by Google

Дворецъ султановъ, Эски-Сарай, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ стоялъ запустѣлымъ, заброшеннымъ,—дождь и вѣтеръ полными хозяевами разгуливали по его покоямъ и разрушали его стѣны; окрестные жители тащили изъ него все что только могли, строя себѣ цѣлые дома изъ остатковъ когда-то великолѣпнаго дворца. Разказываютъ что когда султанъ Абдулъ-Меджидъ посѣтилъ Эски-Сарай, онъ не могъ удержать слезъ при взглядѣ на развалины жилища своихъ царственныхъ предковъ. Съ тѣхъ поръ рѣшено было возобновить Эски-Сарай, но при извѣстной медленности Турокъ и при недостаточности финансовыхъ средствъ рѣшеніе это оставалось на бумагѣ до самаго послѣдняго времени. Лишь съ прошлаго 1873 года работы стали подвигаться энергичнѣе, и возобновлены два kiocka, да сторожевая башня. И на какія средства сдѣлали Турки это возобновленіе!—Они продавали части дворца на ломъ, а вырученными деньгами покрывали расходы на поправку нѣкоторыхъ зданій. Но такъ какъ при этомъ половина выручаемыхъ денегъ пропадала безслѣдно въ широкихъ карманахъ реставраторовъ, то понятно сколько нужно было уничтожить чтобы возобновить часть гарема, пріемный kiockъ и башню, составляющіе нынѣ единственные остатки когда-то громаднаго дворца.

Вообще Эски-Сарай краснорѣчивая исторія всей турецкой державы. Широкая ограда его стѣнъ видала въ себѣ дикія орды янычаръ и могущество султановъ. Но времена перемѣнились, стѣны рухнули, разбитыя рукою сосѣдей. Самыя основанія растасканы, и къ довершенію сходства лишь разрушеніе и продажа ихъ служатъ къ поддержанію того немногаго что остается отъ славнаго прошлаго.

Предъ пріемнымъ kioскомъ находится та знаменитая Дверь Счастія (Блистательная Порта), дальше которой не допускались иностранные представители и которая дала имя всему Турецкому правительству. Самый kiockъ не великъ и сверхъ того загроможденъ тропомъ, т.-е. широкимъ диваномъ, сидя на которомъ султаны слушали чрезъ рѣшетчатое окноословъ европейскихъ державъ. Вся комната испещрена изображеніями цвѣтовъ; позолоченный потолокъ изящно украшенъ прихотливыми арабесками.

Въ возобновленной части гарема помѣщаются „сунnетъ-одаси“, изразцовая комната и баня. Въ изразцовой комнатѣ совершался обрядъ обрѣзанія султанскихъ сыновей; нынѣ здѣсь

Digitized by Google

въ золотомъ ящикѣ хранится волосъ изъ бороды пророка. Покой этотъ съ колоннами и обильно снабженъ свѣтомъ. Въ сосѣдней съ нимъ комнатѣ стѣны покрыты великолѣпными персидскими изразцами, изъ коихъ на одномъ изображенъ планъ мечети Каабы. Изразцы послѣдняго рисунка очень цѣнятся знатоками. Ихъ въ Эски-Сараѣ было множество до 1873 года, когда въ Адріанополь пріѣхалъ австро-венгерскій посланникъ графъ Лудольфъ. Генералъ-губернаторъ, желая быть ему пріятнымъ, предложилъ ему взять изъ Эски-Сарая все что̀ понравится. Графъ Лудольфъ не заставилъ себя долго просить и, выбравъ изъ дворца все что̀ было лучшаго, между прочимъ всѣ изразцы съ Каабой, кромѣ одного, увезъ весь этотъ драгоцѣнный грузъ; послѣдняго было такъ много что, какъ разказываютъ очевидцы, для перевоза его понадобилось пять арбъ.

Въ сохранившихся комнатахъ гарема особенно заслуживаютъ вниманія великолѣпные потолки и фаянсовые камины весьма оригинальной формы.

Въ баню проходятъ многочисленными и чрезвычайно узкими корридорами, но сама она не велика, очень проста и ничуть не интересна.

На сторожевую башню ведутъ узкія и лодчасъ неудобныя лѣстницы. Внутри ея нѣсколько обширныхъ комнатъ, въ самомъ же верху сокровищница, гдѣ султаны хранили свое золото и драгоцѣнности.

Видъ развертывающійся съ галлереи окружающей выступомъ всю башню великолѣпенъ, особенно при закатѣ солнца. Въ это время вечернія тѣни удваиваютъ привлекательность Адріанополя. Родопскія горы успѣли уже изъ синеватыхъ обратиться въ лиловыя. На всю окрестность наброшена какая-то дымка, придающая всѣмъ предметамъ особенно поэтическій колоритъ. Лѣсъ киларисовъ и платановъ отдѣляющій дворецъ отъ города стоитъ не шелохнется, какъ олицетвореніе вѣчно живущей природы составляющей контрастъ созданіямъ рукъ человѣческихъ тутъ же лежащимъ въ развалинахъ. Солнце бросаетъ послѣдніе, красные лучи на тихія, невозмутимыя воды Тунджи, которая просвѣчиваетъ сквозь кулы деревъ и послѣ нѣсколькихъ зигзаговъ серебряною лентой исчезаетъ вдали.

На выходѣ изъ Эски-Сарая стоитъ массивная гидравлическая башня и едва замѣтны слѣды дома Бостанджи-Баши—одного изъ янычарскихъ начальниковъ слѣдившаго за испол-

Digitized by Google

веніемъ смертныхъ приговоровъ ладишаха. Въ этомъ домѣ помѣщался въ 1829 году фельдмаршалъ Дибичъ.

Съ мостомъ переброшеннымъ въ лѣсу чрезъ Тунджу соединяется воспоминаніе объ одномъ изъ адріанопольскихъ генералъ-губернаторовъ который бросился съ него въ воду и утонулъ, несмотря на всѣ старанія спасти его.

На возвратномъ пути изъ Эски-Сарая мнѣ показали домъ гдѣ былъ подписанъ Адріанопольскій миръ: это очень обыкновенное большое зданіе, въ турецкомъ вкусѣ, краснаго цвѣта и съ рѣшетчатыми окнами (kafesami).

Заговоривъ объ историческихъ памятникахъ, нельзя не упомянуть и о дворѣ янычаровъ отъ котораго остались лишь двери, да и тѣ, по всей вѣроятности, недолго просуществуютъ. Старожилы Адріанополя еще живо помнятъ ужасъ который наводили янычары. Ни одинъ христіанинъ не могъ подъ страхомъ немедленнаго лишенія жизни проходить по той улицѣ, гдѣ нынѣ ветхая дверь одна напоминаетъ о мятежныхъ турецкихъ стрѣльцахъ.

Изъ христіанскихъ древностей въ Адріанополѣ заслуживаютъ вниманія: митрополія, церковь св. Гроба и чрезвычайно красивыя развалины храма св. Софіи. Внѣшній видъ этихъ церквей непривлекателенъ, окна низки и какъ будто прячутся отъ ревниваго взгляда мусульманъ. Внутри же ихъ невольно привлекаетъ вниманіе рѣзная работа иконостасовъ—исполненная мастерами изъ Болгаръ. Въ митрополичей церкви сохранилось еще мѣсто графа Дибича. Насупротивъ его помѣщаются два рѣзныхъ мѣста съ гербами Молдавіи и Валахіи. Это мѣста молдавскихъ и валахскихъ господарей проѣзжавшихъ чрезъ Адріанополь въ Стамбулъ для полученія своей инвеституры. Въ церкви Гроба Господня полъ составленъ изъ надгробныхъ плитъ, съ которыхъ впрочемъ постарались стереть имена умершихъ.

Резиденція генералъ-губернатора носящая пышное названіе konaka (дворца) въ сущности представляетъ правда большое, но безобразное, какъ бы ободранное зданіе.

Рядомъ съ konakомъ помѣщается главная тюрьма вилайета. Я обратился къ начальнику съ просьбою о дозволеніи осмотрѣть ее. Меня выслушали очень любезно и попросили подождать немного. Для сокращенія времени мнѣ и моимъ спутникамъ предложили въ крошечныхъ чашечкахъ чернаго кофе. Въ то же время начальникъ отдалъ на ухо одному изъ

Digitized by Google

тюремщиковъ какое-то секретное приказаніе. Вскорѣ послышался шумъ метелъ, скобленье и плесканье воды. Какъ мы узнали въ послѣдствіи отъ одного турецкаго чиновника, смотритель тюрьмы, желая показать Европейцамъ товаръ лицомъ, приказалъ арестантамъ немедленно привести ихъ помѣщенія въ порядокъ.

Но намъ не суждено было видѣть тюрьмы. Какъ ни старались арестанты, вѣроятно не было возможности въ короткое время отчистить грязь наколившуюся Богъ знаетъ съ какихъ поръ, и въ концѣ концовъ смотритель принужденъ былъ извиниться что не можетъ, несмотря на все свое желаніе, разрѣшить намъ осмотра тюрьмы не имѣя особаго на то приказанія генералъ-губернатора.

Внѣ города по своему красивому мѣстоположенію заслуживаютъ вниманія Михалькёпрю (набережная рѣки Тунджи и одно изъ любимѣйшихъ мѣстъ прогулокъ Адріанополецевъ) и кіоскъ Ильдызъ расположенный на небольшомъ холмѣ. Кіоскъ этотъ былъ построенъ для султана Махмуда, который оттуда любовался видомъ на Адріанополь и окрестныя деревни, видомъ изъ-за котораго, право, стоитъ забыть непріятную дорогу ведущую къ кіоску, затрудненную огромными камнями—остатками древней римской мостовой.

На сѣверо-востокѣ отъ Адріанополя раскинуто греческое кладбище, въ одномъ изъ уголковъ котораго пріютились могилы Русскихъ убитыхъ или умершихъ во время занятія графомъ Дибичемъ Адріанополя въ 1829 году. Этотъ уголокъ кладбища когда-то былъ огороженъ, но во время посѣщенія моего былъ въ самомъ жалкомъ видѣ.

На греческомъ кладбищѣ интересно взглянуть на плиты по которымъ можно судить о профессіи погребеннаго. На нихъ рядомъ съ именемъ покойнаго изображены инструменты служившіе ему въ жизни—ножъ мясника, ножницы портнаго, вѣсы мелочнаго торговца.

Возвращаясь съ кладбища я посѣтилъ госпитали греческій и католическій. Въ турецкій меня не пустили ссылаясь на то, что у нихъ не въ обычаѣ пускать туда иностранцевъ.

Греческій госпиталь помѣщается въ предмѣстьѣ Ильдеримъ, въ низкомъ, но довольно обширномъ зданіи. Видѣнныя мною больничныя комнаты не могли похвалиться чистотою. Правда и въ этомъ госпиталѣ есть чистыя комнаты съ прекрасными кроватями, но онѣ служатъ, кажется, болѣе на показъ

Digitized by Google

и въ похвальбу случайнымъ посѣтителямъ; но крайней мѣрѣ больныхъ туда не пускаютъ. Госпиталь содержится на частныя средства общины, посредствомъ кружечнаго сбора и взносомъ болѣе или менѣе значительныхъ пожертвованій. Причина же упадка этого госпиталя, по словамъ людей свѣдущихъ, заключается въ томъ, что все хозяйство и все управленіе въ рукахъ одного бакала (мелкаго торговца), который, къ несчастію, подобно многимъ мѣстнымъ дѣятелямъ, смотритъ на общественное учрежденіе какъ на средство къ наживѣ. Что ни дѣлали нѣкоторые Греки для удаленія этого администратора, онъ устоялъ противъ всѣхъ нападеній и продолжаетъ съ прежнею безцеремонностью смѣшивать собственную казну съ деньгами ввѣреннаго ему госпиталя, деньгами собранными иногда по колѣнкѣ съ тружениковъ-крестьянъ.

Бѣдственное состояніе греческаго православнаго госпиталя тѣмъ печальнѣе что онъ не выдерживаетъ сравненія съ госпиталемъ католическимъ, который хотя и на половину его меньше (всего шестнадцать кроватей), но положительно процвѣтаетъ подъ разумнымъ управленіемъ пяти французскихъ сестеръ милосердія. Чистота и довольный видъ больныхъ составляютъ грустный и поразительный контрастъ съ тѣмъ что приходится видѣть въ греческомъ госпиталѣ.

Въ санитарномъ отношеніи Адріанополь пользуется довольно хорошею репутаціей. Изъ болѣзней здѣсь встрѣчается чаще другихъ лихорадка и болѣзни печени.

Главнѣйшія занятія жителей Адріанополя: торговля пшеницей, шелководство и винодѣліе.

Пшеницы вывозится въ годъ до 450.000 киле (въ киле 45 окъ; око—$2^1/_4$ фунта), что при цѣнѣ мѣняющейся отъ 24 до 32 піастровъ (піастръ около 7 копѣекъ) за киле представляетъ стоимость отъ 100 до 150 тысячъ лиръ (отъ 700 тысячъ до милліона рублей).

Адріанопольскій округъ производитъ въ годъ 400.000 окъ коконовъ, изъ которыхъ $^1/_3$ вывозится во Францію въ коконахъ, $^1/_3$ въ видѣ размотаннаго на фабрикахъ шелка и, наконецъ, остальное разматывается въ частныхъ домахъ и идетъ на внутреннее потребленіе. Для развода червей употребляются японскія и мѣстныя яички. Унція первыхъ стоитъ 20 франковъ, вторыхъ же три піастра. Изъ унціи выходитъ отъ 12.000 до 16.000 червей—часть идетъ на разводъ, а остальные продаются по 14 — 15 піастровъ за око. Что касается коконовъ

Digitized by Google

размотанныхъ, то они цѣнятся по способу ихъ обработки. Если они размотаны машиною, то килограмъ стоитъ до 70 франковъ, шелкъ же размотанный въ частныхъ домахъ и простыми ставками стоитъ лишь 150 піастровъ за око.

Центръ шелководства въ Адріанополѣ, гдѣ устроены три фабрики для разматыванія шелка. Фабрики эти даютъ средства къ жизни части женскаго населенія города, такъ какъ всѣ работы на нихъ исполняются дѣвушками отъ 8 до 20-лѣтняго возраста. Заработная плата ихъ отъ 8 до 20 піастровъ. Но заработокъ этотъ несмотря на свою относительную легкость тяжелъ въ томъ отношеніи что губитъ здоровье. Стоитъ пробыть нѣсколько времени на фабрикѣ и видѣть истомленныя лица работницъ чтобы убѣдиться какъ вредно дѣйствуетъ на нихъ фабричный воздухъ зараженный нестерпимымъ зловоніемъ, происходящимъ отъ размачиваемыхъ въ горячей водѣ коконовъ.

Вина въ Адріанополѣ и окрестностяхъ выдѣлывается на сумму до восьми тысячъ лиръ въ годъ. Вино это недурно, но не выноситъ перевозки.

Общественная жизнь Адріанополя весьма бѣдна. Большее или меньшее развитіе общественности обусловливается преимущественно большею или меньшею состоятельностью жителей города, въ Адріанополѣ же, сколько могу судить, общій уровень состоятельности въ немъ не особенно высокъ. Даже тѣ изъ жителей которые имѣютъ извѣстный достатокъ боятся выказывать его, по привычкѣ общей всѣмъ христіанскимъ народамъ Турціи, страшащимся обнаруживать богатство изъ опасенія что оно будетъ у нихъ отобрано. Положимъ времена перемѣнились, и въ большихъ городахъ на виду иностранцевъ Турецкое правительство не рѣшится безъ всякаго суда и расправы отобрать достояніе принадлежащее частному лицу, тѣмъ не менѣе старая боязнь осталась—и она-то принуждаетъ всѣхъ жить ниже своего состоянія и притомъ въ тѣсныхъ границахъ замкнутаго семейнаго кружка. Впрочемъ относительно общественной жизни Адріанополь стоитъ впереди многихъ провинціальныхъ городовъ Турціи, въ немъ есть клубъ насчитывающій до ста членовъ и имѣющій предсѣдателемъ самого генералъ-губернатора. Въ особенности же съ открытіемъ желѣзной дороги сталъ замѣтенъ прогрессъ въ развитіи общественной жизни, въ способахъ пользованія ею, въ комфортѣ и т. п. Дорога эта

Digitized by Google

внесла сюда извѣстную долю цивилизующаго вліянія, хотя бы тѣмъ что дала возможность большинству Адріанопольцевъ бывать въ Константинополѣ и видѣть общественную жизнь если и не особенно развитую, то во всякомъ случаѣ превосходящую жизнь роднаго ихъ города. Наконецъ въ самомъ Адріанополѣ показались иностранцы-инженеры, желѣзнодорожники; появленіе путешественниковъ перестало быть рѣдкостью. Весь этотъ людъ привозилъ съ собою привычки Запада съ которыми мало-по-малу стали свыкаться и коренные жители города. Иностранное вліяніе отразилось даже на болѣе европейской архитектурѣ домовъ. Улицы перестали представлять западни разставленныя для неопытныхъ путешественниковъ, появились фаэтоны, коляски и т. п. Между тѣмъ еще очень немного лѣтъ тому назадъ Альбертъ Дюмонъ, говоря объ адріанопольскихъ экипажахъ, писалъ: „У губернатора есть куле, купленное въ Вѣнѣ и очень изящное, но имъ нельзя пользоваться на улицахъ гдѣ на всякомъ шагу широкія ямы и огромные камни. Изъ чувства уваженія къ цивилизаціи губернаторъ впрочемъ отъ времени до времени вверяетъ свои дни этой колесницѣ и важно прокатывается насколько возможно по наиболѣе люднымъ улицамъ". (*Revue des deux mondes*, 1871, p. 838.)

III.

Сдѣлаю нѣсколько замѣчаній о характерѣ, состояніи и взаимныхъ отношеніяхъ населенія Ѳракіи въ эпоху моего посѣщенія Адріанополя. Нѣтъ сомнѣнія что нынѣ послѣ войны и освобожденія все измѣнилось къ лучшему. Тѣмъ не менѣе считаю не вполнѣ лишеннымъ интереса и это описаніе недавняго прошлаго, которое привожу въ томъ видѣ какъ оно было сдѣлано пять лѣтъ тому назадъ.

Начну съ Турокъ. Низшій классъ ихъ крестьяне еще мало отличался своимъ положеніемъ отъ христіанской райи. Налоги и кривосудіе одинаково давятъ и ихъ, и между этимъ разрядомъ Турокъ можно еще найдти достоинства ихъ праотцевъ: честность, добродушіе и гостепріимство.

Но средній классъ мусульманъ составляетъ настоящую язву страны. Люди этого сословія окончивъ съ грѣхомъ пополамъ не мудрый курсъ мѣстнаго рушдіе (уѣзднаго училища) дѣлаются чиновниками, или же за неимѣніемъ мѣста

Digitized by Google

постулаютъ кліентами въ свиту какого-нибудь паши съ цѣлью всевозможными услугами добиться его благоволенія и получить въ награду званіе каймакама. Подобнымъ администраторамъ довольно даже самаго кратковременнаго владѣнія такимъ мѣстомъ чтобъ успѣть выжать у народа всѣ соки и обезпечить себя на всю жизнь. Грабежъ населенія какъ бы узаконивается со стороны правительства тѣмъ ничтожнымъ до смѣшнаго жалованьемъ которое получаютъ чиновники. Даже частая перемѣна мелкихъ мѣстныхъ властей указываетъ на присущее правительству сознаніе что онѣ посылаются къ своимъ мѣстамъ на кормленіе и чрезъ нѣкоторый промежутокъ времени обязаны доставить и другимъ возможность поживиться. Для того же чтобъ удержать выгодное мѣсто подолѣе прибѣгаютъ къ старинному средству—взяткѣ. Впрочемъ взятка является краеугольнымъ камнемъ всей турецкой администраціи и начиная съ низшихъ ступеней восходитъ по іерархической лѣстницѣ до самого султана—этой тѣни солнца на землѣ.

Но еще хуже турецкіе бюрократы партіи Молодой Турціи изъ которыхъ въ большинствѣ состоитъ мѣстная высшая администрація. Нѣкоторые изъ этой партіи воспитывались на Западѣ и стараются казаться совершенными европейцами. Люди эти заимствовали отъ западной цивилизаціи лишь внѣшній лоскъ и утратили достоинства когда-то бывшія наслѣдіемъ ихъ отцовъ. Они надменны и жестоки съ низшими, раболѣпны и льстецы предъ людьми власть имѣющими. Фанатизмъ, корыстолюбіе, самоувѣренность соединенная съ извѣстнаго рода хитростью и презрѣніе (хотя часто тщательно скрываемое) ко всѣмъ кто не исповѣдуетъ ислама—вотъ главныя черты администраторовъ которымъ волею судьбы Болгары должны повиноваться.

Немного утѣшительнаго найдемъ мы если обратимся въ сторону притѣсненныхъ Болгаръ. Историческія обстоятельства въ связи съ экономическими условіями ихъ быта сильно извратили ихъ характеръ. Лишь горные Болгары, живя въ захолустьи и имѣя мало дѣла съ пагубнымъ вліяніемъ ихъ властителей, могли сохранить относительную чистоту и нравственную независимость.

Однимъ изъ самыхъ радикальныхъ средствъ для разрушенія экономическаго благосостоянія болгарскаго поселянина служитъ отдача на откупъ собиранія десятины обратившейся

Digitized by Google

съ 1873 года, а въ Дунайскомъ вилайетѣ съ 1867 г. въ осьмину. Съ точки зрѣнія турецкихъ администраторовъ подобный способъ сбора податей кажется самымъ удобнымъ, а главное самымъ легкимъ. Мѣстныя власти прилагаютъ свои усилія лишь къ тому чтобъ продать десятину откупщику каждый годъ повыгоднѣе. Откупщикъ, въ свою очередь, взявъ на откупъ извѣстную мѣстность старается конечно не только возвратить себѣ уплаченную имъ правительству сумму, но и извлечь изъ этого дѣла возможную выгоду. Отъ откупщика зависитъ время посылки агентовъ собирающихъ десятинную подать. Жатва въ этихъ странахъ бываетъ въ іюнѣ, въ началѣ іюля, а между тѣмъ зачастую снопы сжатаго хлѣба стоятъ на полѣ въ ожиданіи сборщиковъ десятины до самаго сентября мѣсяца. Хорошо еще если погода стоитъ теплая, недождливая. Въ противномъ случаѣ хлѣбъ осыпается, гніетъ, и отъ этого происходятъ громадные убытки, прежде всего отзывающіеся на самихъ крестьянахъ. Такимъ образомъ въ Дунайскомъ вилайетѣ въ 1870 г. убытокъ происшедшій отъ несвоевременной уборки хлѣба оцѣненъ въ двадцать милліоновъ франковъ.

Военная подать или вѣрнѣе выкупъ христіанъ отъ воинской повинности (бедели аскерie), замѣнившая прежній хараджъ, составляетъ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ налоговъ гнетущихъ христіанское населеніе Турціи—и тоже благодаря системѣ его собиранія. Въ прежнее время христіане платили эту подать съ двадцатилѣтняго возраста, что имѣло смыслъ, такъ какъ и у Турокъ военная служба обязательна лишь съ этого возраста. Но съ 1868 г. въ Дунайскомъ вилайетѣ совершеннолѣтнимъ возрастомъ для христіанъ былъ принятъ двѣнадцатилѣтній. Съ 1874 года предписано Портою брать бедели аскерie со всѣхъ христіанъ мужскаго пола, начиная съ самаго рожденія ихъ, по 36 піастровъ съ души. Такимъ образомъ если мы сдѣлаемъ сравнительный разчетъ во что обходится эта подать христіанамъ и мусульманамъ, то увидимъ что первые платятъ въ семь разъ болѣе послѣднихъ. Дѣйствительно, одинъ рекрутъ поставляется 180 мусульманами. Если же хотятъ замѣнить его выкуломъ, то за него вносятъ сто турецкихъ лиръ, слѣдовательно каждый изъ 180 Турокъ платитъ на этотъ предметъ по 55 піастровъ. Обязательнымъ возрастомъ для военной службы считается 20—25-лѣтній. Этотъ же возрастъ по изслѣдованіямъ статистиковъ относится къ

Digitized by Google

прочимъ возрастамъ какъ 870 къ 10.000. Такимъ образомъ что мусульманское населеніе въ 10.000 человѣкъ поставляетъ рекрута съ 870 человѣкъ, а при переложеніи повинности въ денежную заплатитъ (по вышеприведенному разчету, по 55 піастровъ съ души) лишь 47.850 піастровъ, тогда какъ 10.000 христіанъ (платя ежегодно по 36 піастровъ съ души) уплачиваютъ 360.000 піастровъ.

Трудно описать отчаяніе Болгаръ по поводу взиманія беделя аскеріе и съ новорожденныхъ. Въ Плевнѣ были случаи убіенія собственныхъ дѣтей съ цѣлью избѣгнуть уплаты налога. Крестьяне прямо говорятъ что имъ не остается другаго средства существованія при нынѣшнихъ тяжелыхъ условіяхъ какъ освобождать свои многочисленныя семейства отъ членовъ не могущихъ еще работать, но подлежащихъ уплатѣ податей правительству.

Болгарскій крестьянинъ зависитъ вполнѣ отъ откупщика десятины или отъ любаго залтіе (полицейскаго) сборщика податей, такъ какъ въ Турціи собираніе повинностей лежитъ на обязанности полиціи. Поселянинъ отданъ имъ со связанными руками и ногами, и отъ ихъ личной воли зависитъ либо оставить нѣкоторую часть заработка крестьянину, либо разорить въ конецъ его хозяйство и снять съ него послѣднюю рубашку.

Внутренняя обстановка нѣкоторыхъ крестьянъ способна ввести въ заблужденіе. Въ этихъ домахъ, счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ до поры до времени уцѣлѣвшихъ отъ хищничества сборщиковъ податей, видимъ мы нѣкоторое довольство, даже богатство. Но это нисколько не означаетъ что Болгаринъ благоденствуетъ, хотя живя на своей благословенной Богомъ почвѣ онъ имѣетъ на то всѣ права. Болгарскій крестьянинъ въ одно и то же время богачъ и нищій. Богатство даетъ ему почва, отнимаетъ его правительство чрезъ свои мѣстные органы. Развѣ можно назвать богатымъ человѣка который не увѣренъ что пріобрѣтенное имъ имущество принадлежитъ ему совершенно и окончательно? А въ этомъ-то именно положеніи и находится болгарскій крестьянинъ. По ежедневному опыту онъ видитъ что стоитъ остановиться на его хозяйствѣ завистливому оку сборщика податей, или мелкаго мѣстнаго администратора, или, наконецъ, просто оку сосѣда Мусульманина,—все накопленное съ такимъ трудомъ имущество уйдетъ отъ него—и нигдѣ, ни въ одномъ турецкомъ меджлисѣ, не найдетъ онъ себѣ управы.

Digitized by Google

Кромѣ того мы имѣли выше случай указать что единственное средство удержаться турецкому чиновнику подолѣе на мѣстѣ—это взятка которую онъ поднесетъ своему непосредственному высшему начальнику. Откуда же чиновникъ возьметъ средствъ на эту взятку, какъ не съ тѣхъ же „презрѣнныхъ гяуровъ“ болгарскихъ поселянъ?

Одну изъ немалыхъ тягостей для Болгаръ составляютъ Черкесы—переселенцы раскинувшіе свои аулы по склонамъ Балкановъ. Турецкое правительство не пожалѣло никакихъ усилій чтобы прочно водворить этотъ пришлый мусульманскій народъ между христіанскими народностями Румеліи и тѣмъ политически ослабить и разъединить эти послѣднія. Каждый переселенецъ получалъ домъ, землю, пару воловъ и зерно на посѣвъ; кромѣ того въ теченіе трехъ лѣтъ онъ былъ освобожденъ отъ десятины и отъ всѣхъ прочихъ налоговъ. Но усилія блистательной Порты сдѣлать изъ Черкесовъ осѣдлое земледѣльческое населеніе не увѣнчались успѣхомъ. Несмотря на всѣ предоставленныя имъ льготы они остались до нынѣ паразитами относительно окружающихъ ихъ народностей, и едва ли можно разчитывать что Черкесы въ Турціи сдѣлаются когда-либо хорошими хозяевами - земледѣльцами. Печальный видъ общаго разрушенія представляютъ черкесскіе аулы. Жители ихъ презираютъ занятіе земледѣліемъ, находя гораздо болѣе выгоднымъ и легкимъ жить на счетъ окружающаго ихъ христіанскаго населенія. Выходцы съ Кавказа сдѣлавшись подданными султана и нося фесъ какъ символъ своего подданичества остались вѣрны своей хищнической натурѣ. Черкесы смотрятъ на себя какъ на военный станъ расположенный въ завоеванной странѣ, цѣль котораго постоянно тревожить и причинять всевозможное зло окружному вражескому населенію. Насилія, грабежи и убійства—вотъ неизбѣжные спутники Черкесовъ, дѣлающіе ихъ грозою мирныхъ, болгарскихъ сосѣдей.

Безправіе христіанской райи въ турецкихъ провинціяхъ ужасающее. Многіе думаютъ что разказы объ этомъ безправіи преувеличены, что если оно и существовало, то въ прежнія времена. Дѣйствительно, послѣ Восточной войны Турки постарались увѣрить Европу что изданіемъ хаттихумаюна и послѣдующихъ либеральныхъ султанскихъ фирмановъ положеніе райи радикально измѣнено и что возвѣщенныя реформы, дѣлая христіанъ полно-

Digitized by Google

правными гражданами, обезпечиваютъ имъ свободу совѣсти, и состояніе и личную безопасность. Иной иностранецъ знакомый лишь съ Турціей Константинополя, съ Турціей большихъ городовъ еще и вѣритъ этому. Здѣсь на глазахъ Европейцевъ и турецкіе администраторы имѣютъ внѣшній видъ Европейцевъ. Но пусть иностранецъ поѣдетъ въ провинцію: тамъ въ захолустьи найдетъ онъ настоящую, неподдѣльную Турцію во всемъ ея безобразіи. Тамъ увидитъ онъ что султанскіе фирманы пишутся лишь для успокоенія Европы и что губернаторъ, изящнымъ манерамъ и европейскому просвѣщенію котораго онъ такъ удивлялся въ Стамбулѣ, въ провинціи остается тѣмъ же трехбунчужнымъ пашей какимъ былъ двѣсти лѣтъ тому назадъ.

Однимъ изъ главнѣйшихъ благодѣяній хаттихумаюна выставляли выборное начало которое должно-де служить основаніемъ при избраніи лицъ на общественныя должности. Посмотримъ какъ понимаютъ Турки это начало, какой свободой пользуется оно, и разберемъ затѣмъ, слѣдовало ли считать дѣйствительнымъ благодѣяніемъ этотъ хаттихумаюнъ и насколько существенны права предоставленныя имъ христіанамъ. Для этого считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о системѣ управленія турецкой провинціи вообще.

Вся Оттоманская имперія раздѣляется на извѣстное число крупныхъ административныхъ единицъ—вилайетовъ (генералъ-губернаторствъ). Во главѣ управленія вилайетомъ стоитъ *вали*, которому въ помощь приданъ управительный совѣтъ составленный изъ *дефтердара* (главнаго чиновника по финансовой части), *мектубджи* (директора канцеляріи), *алай-бея* (начальника полиціи), *дивани темьизъ режи* (предсѣдателя аппелляціоннаго суда), духовныхъ начальниковъ немусульманскихъ общинъ и, наконецъ, изъ шести выборныхъ членовъ—трехъ мусульманъ и трехъ немусульманъ.

Гражданское и уголовное судопроизводство совершенно отдѣлено отъ вмѣшательства вали, и начальникомъ судовъ является лицо обыкновенно духовнаго званія, муфтій, присылаемое изъ Константинополя. Каждый трибуналъ состоитъ изъ президента назначаемаго правительствомъ и изъ шести выборныхъ членовъ—трехъ мусульманъ и трехъ немусульманъ.

Въ центрѣ вилайета ежегодно собирается генеральный совѣтъ составленный изъ депутатовъ отъ различныхъ санджа-

Digitized by Google

ковъ (подраздѣленій вилайета) по три отъ каждаго, и имѣющій назначеніемъ разсуждать о дѣлахъ общихъ касающихся всего вилайета. Предсѣдательство въ генеральномъ совѣтѣ принадлежитъ вали; рѣшенія же совѣта для исполненія должны быть облечены утвержденіемъ Порты.

Управленіе *санджакомъ* (губерніей) представляетъ изъ себя сколокъ съ администраціи вилайета. Во главѣ стоитъ *мутессарифъ* съ совѣтомъ изъ *мужасебеджи* (финансоваго чиновника), *тахриратъ мудира* (директора канцеляріи), духовныхъ начальниковъ мусульманской и немусульманскихъ общинъ и изъ четырехъ выборныхъ членовъ—двухъ мусульманъ и двухъ немусульманъ.

Суды въ санджакахъ состоятъ изъ *кади*, назначаемаго правительствомъ и изъ шести членовъ выборныхъ—трехъ мусульманъ и трехъ немусульманъ. Аппелляціи на приговоры этихъ судовъ подаются въ аппелляціонный судъ центра вилайета.

Казы (уѣзды) управляются *каймакамомъ*, управительный совѣтъ котораго состоитъ изъ *мальмудира* (финансоваго чиновника), *башкятиба* (директора канцеляріи) и изъ четырехъ выборныхъ членовъ—двухъ мусульманъ и двухъ немусульманъ.

Судебную часть въ казахъ вѣдаетъ кади съ четырьмя выборными членами—двумя мусульманами и двумя немусульманами. Аппелляціи на приговоры этихъ судовъ идутъ въ центральный судъ санджака.

Нахіи (волости) управляются *мудирами*, а села и деревни *мухтарами*, выбираемыми общиной—по одному если деревня менѣе 20 дворовъ, и по два если въ ней болѣе 20. Мухтары посредники между правительственною властью и крестьянами: они передаютъ послѣднимъ приказанія начальства и отвѣтственны за крестьянскія недоимки. Распредѣленіе же налоговъ и разборъ мелкихъ тяжбъ принадлежитъ выбираемому общиной совѣту старшинъ (*ихтіаръ меджлиси*), въ которомъ должно быть членовъ не менѣе трехъ и не болѣе двѣнадцати.

Изъ этого очерка видно, что на долю выборовъ въ новой турецкой администраціи выпадаетъ довольно значительная роль. Хотя во всѣхъ совѣтахъ и судахъ большинство на сторонѣ мусульманъ, но все-таки христіане, повидимому, имѣютъ всю возможность высказывать свои мнѣнія, обличать

Digitized by Google

притѣсненія и, слѣдовательно, содѣйствовать къ улучшенію участи своихъ соотчичей.

Обратимся теперь къ вопросу, дозволяютъ ли обстоятельства выборнымъ изъ христіанъ играть такую роль, или же, пользуясь наружно всѣми правами предоставленными выборнымъ въ земляхъ цивилизованныхъ, христіанскіе депутаты осуждены на безгласіе. Одно изложеніе способа которымъ дѣлаются выборы покажетъ съ достаточною ясностью что происходитъ въ дѣйствительности.

Въ селахъ избирателемъ дѣлается всякій достигшій 18лѣтняго возраста и платящій съ своего имѣнія 50 піастровъ въ годъ. Для званія мухтара или старшины необходимо имѣть не менѣе 30 лѣтъ и платить по крайней мѣрѣ 100 піастровъ податей въ годъ. Мухтары и старшины избираются ежегодно и утверждаются въ своей должности каймакамами.

Въ казахъ управительный совѣтъ составляетъ списокъ лицъ которые могутъ быть выбраны въ члены какъ совѣта, такъ и суда казы. Для избранія необходимо быть грамотнымъ, имѣть не менѣе 30 лѣтъ и платить по крайней мѣрѣ 150 піастровъ въ годъ податей. Число избранныхъ кандидатовъ бываетъ втрое болѣе того которое слѣдуетъ. Списокъ кандидатовъ по составленіи отправляется въ села, которыя имѣютъ право исключить изъ нихъ одну треть именъ; списокъ остальныхъ двухъ третей возвращается каймакаму. Башкятибъ разсматриваетъ списокъ, чтобъ убѣдиться что всѣ формальности были исполнены, и затѣмъ составляетъ изъ него новый списокъ кандидатовъ въ двойномъ числѣ противъ того которое въ дѣйствительности слѣдуетъ и препровождаетъ его мутессарифу. Послѣдній вычеркиваетъ половину кандидатовъ, а остальныхъ утверждаетъ въ званіи членовъ суда и управительнаго совѣта.

Въ санджакахъ выборы происходятъ по тому же образцу. Составленные списки кандидатовъ посылаются въ управительные совѣты казъ, которые вычеркиваютъ треть именъ. Остальнымъ дѣлается листъ именъ въ двойномъ числѣ противъ того которое слѣдуетъ и пересылается затѣмъ на утвержденіе вали.

Въ вилайетахъ тотъ же механизмъ; только списки кандидатовъ предварительно разсматриваются въ управительныхъ совѣтахъ санджаковъ, причемъ вычеркивается треть именъ;

Digitized by Google

изъ остальныхъ же кандидатовъ одна половина утверждается Портой въ своихъ званіяхъ.

Въ выборѣ членовъ въ генеральный вилайетскій совѣтъ участвуютъ всѣ казы. Въ средоточіе санджака пріѣзжаютъ отъ каждой казы по 4 депутата—2 отъ совѣта и 2 отъ трибунала—и тамъ выбираютъ, сообща съ членами санджакскаго совѣта и трибунала, трехъ представителей санджака, которые и отправляются засѣдать въ генеральный совѣтъ. Эти послѣдніе выборы бываютъ ежегодно; что же до членовъ управительныхъ совѣтовъ и трибуналовъ, то каждый годъ мѣняется лишь половина членовъ.

Изъ вышеприведеннаго способа производства выборовъ достаточно видно что свобода выборовъ въ Турціи является совершенною фикціей. Въ сущности же всѣ депутаты назначаются правительствомъ. Лишь въ селахъ при выборѣ мухтара играетъ роль воля избирателей, при всѣхъ же другихъ выборахъ послѣдніе имѣютъ отрицательное значеніе, пользуясь правомъ лишь вычеркивать извѣстное число неправящихся имъ лицъ назначенныхъ совѣтами, состоящими либо изъ чистыхъ Турокъ-чиновниковъ, либо изъ членовъ имъ угодныхъ. Если принять во вниманіе всѣ вычеркиванія и операціи производимыя надъ списками кандидатовъ, то становится очевиднымъ, какъ трудно, если не невозможно, попасть въ члены совѣтовъ лицамъ болѣе или менѣе независимымъ.

И дѣйствительно нѣтъ ничего печальнѣе положенія христіанскихъ членовъ всѣхъ возможныхъ совѣтовъ. Они осуждены на вѣчное безмолвіе, если не хотятъ прямо стать противъ своихъ соотчичей (чему тоже бывали примѣры). Сами Турки подсмѣиваются надъ ними, называя ихъ *дайающими*, то-есть постоянно отвѣчающими *да*. Будь даже выборные христіанскіе члены меджлисовъ образцами гражданскаго мужества и высказывай они откровенно свои личныя мнѣнія, все-таки абсолютное большинство всегда на сторонѣ членовъ-мусульманъ, а потому и меджлисъ рѣшитъ дѣло всегда такъ какъ угодно этимъ послѣднимъ.

Иногда впрочемъ, несмотря на подобранный составъ меджлиса, обсуждаемое дѣло бываетъ такъ волнюще что выискивается человѣкъ который даже подъ страхомъ попасть въ опалу высказываетъ свое мнѣніе противоположное мнѣнію турецкаго большинства. Но и въ такомъ случаѣ дѣло устраивается къ удовольствію Турокъ: президентъ составляетъ при-

Digitized by Google

говоръ за подписью большинства членовъ, ставя противъ именъ членовъ несоглашающихся: *отсутствовалъ*.

Въ былое время всѣ внутреннія дѣла христіанскихъ общинъ вѣдалъ общинный судъ христіанъ. Послѣ же гатти-гумаюна христіане обязаны прибѣгать по своимъ тяжбамъ къ судамъ составленныхъ изъ Турокъ и ихъ креатуръ и, конечно, суды эти являются для райи Шемякиными.

Право свидѣтельства христіанъ въ судахъ, провозглашенное въ столькихъ султанскихъ фирманахъ, является также иллюзіей. Показанія христіанина недостаточны если не подкрѣпляются свидѣтельствомъ мусульманина.

Печальныя послѣдствія такого порядка вещей, конечно, даютъ себя чувствовать на каждомъ шагу. Несчастный райя видитъ себя совершенно безпомощнымъ. Онъ въ полной власти мусульманина, захочетъ послѣдній притѣснить его: и никто не подастъ райѣ руку помощи. Единственнымъ средствомъ для христіанина выиграть процессъ, есть взятка могущая привлечь ему чье-либо покровительство....

В. ТЕПЛОВЪ.

Digitized by Google

БІОГРАФІЯ ИВАНОВА

Александръ Андреевичъ Ивановъ. Его жизнь и переписка (1806—1858). Издалъ Михаилъ Боткинъ. Съ факсимиле и 12 гравюрами. С.-Петербургъ, 1880.

Личность Иванова до сихъ поръ знакома была русскому обществу лишь со внѣшней стороны, какъ творца знаменитой картины *Явленіе Христа народу*. Нынѣ изданіе г. Боткина знакомитъ публику съ его жизнью, думами, страданіями и тихими радостями. Переписка Иванова съ родными и друзьями имѣетъ глубокій нравственный интересъ. Она богато очерчиваетъ эту цѣльную, младенчески простую и глубокую натуру.

Само мѣсто рожденія Иванова какъ бы предсказало всю судьбу его жизни. Онъ увидѣлъ свѣтъ въ зданіи Петербургской Академіи Художествъ, въ 1806 году. Отецъ его, тоже живописецъ, былъ преподавателемъ въ Академіи. Его мать была урожденная Демертъ. Семья состояла изъ двухъ сестеръ и трехъ братьевъ. Старшимъ былъ нашъ художникъ, Александръ Андреевичъ. Съ малолѣтства окружила его художническая обстановка, и уже 12 лѣтъ онъ поступилъ въ Академію. Быстрые успѣхи доставили ему двѣ медали, а 18 лѣтъ онъ уже конкуррировалъ на вторую золотую медаль картиной *Пріамъ проситъ тѣло Гектора*. Первую золотую медаль онъ полу-

Digitized by Google

чилъ за картину: *Іосифъ толкуетъ въ темницѣ сны хлѣбодару и виночерпію.* Эта картина была на выставкѣ 1827 года (слѣдовательно когда художнику было всего 19 лѣтъ), и очень понравилась публикѣ. Послѣ полученія Ивановымъ первой золотой медали, Общество Поощренія Художниковъ рѣшило послать его за границу, но подозрѣвая что въ успѣхѣ его скрывается доля участія отца, предварительно задало ему миѳологическую тему: *Белерофонтъ отправляющійся въ походъ противъ Химеры.* На бѣду, молодой Ивановъ влюбился тогда въ дочь одного музыканта такъ сильно что думалъ отказаться отъ стипендіи; медлилъ начать картину, и лишь по настоянію отца и друзей, написалъ ее въ 1829 году.

Въ 1830 году Ивановъ уѣхалъ за границу въ качествѣ пенсіонера Общества Поощренія Художниковъ. Осенью 30го года онъ пріѣхалъ въ Римъ, немедленно отыскалъ себѣ мастерскую и принялся за работу эскизовъ. Изъ русскихъ художниковъ въ то время онъ особенно друженъ былъ съ Лапченкомъ. Ихъ мастерскія были въ одномъ домѣ, и они поддерживали другъ друга совѣтами.

Исторія Иванова—это исторія *одной картины.* Мы увѣрены что можно обозрѣть тысячу біографій художниковъ, и не найти втораго примѣра такой глубокой вѣрности одному и тому же разъ блеснувшему идеалу. Никто не вынашивалъ своей мысли съ такою фанатическою страстью какъ Ивановъ, никто не приступалъ къ ея исполненію съ такою всесторонней художественно-нравственною подготовкой.

Еще въ началѣ 1833 года писалъ Ивановъ изъ Рима въ Общество Поощренія Художниковъ: „...идя вслѣдъ за алканіемъ пророковъ, я остановился на Евангеліи,—на Евангеліи Іоанна! Тутъ, на первыхъ страницахъ, увидѣлъ я сущность всего Евангелія, увидѣлъ что Іоанну Крестителю поручено было Богомъ пріуготовить народъ къ принятію ученія Мессіи, а наконецъ, и лично представить Его народу! Сей-то послѣдній моментъ выбираю я предметомъ картины моей, т.-е. когда Іоаннъ, увидѣвъ Христа идущаго къ нему, говоритъ народу: Се Агнецъ Божій вземляй грѣхи міра...“

Съ этой минуты вся дальнѣйшая дѣятельность Иванова исчерпывается однимъ стремленіемъ, одною вѣчно занимавшею его заботой: достойно изобразить Христа являющагося народу и въ этомъ изображеніи какъ бы воплотить весь смыслъ и всю силу Откровенія.

Digitized by Google

Жизнь въ Римѣ, за небольшими отлучками, непрерывно длившаяся до 1858 года, всецѣло посвящена была его излюбленному дѣтищу. Хотя мы и видимъ его пишущимъ и разныя другія картины, эскизы, этюды, но это все проникнуто одною идеей, одною цѣлью: подготовить себя къ главному произведенію: *Появленію Христа*.

Самымъ крупнымъ изъ подобныхъ подготовленій была картина: *Христосъ является Магдалинѣ послѣ воскресенія*. * Это произведеніе было кончено имъ въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1835 года и сначала выставлено въ мастерской художника. Можно смѣло сказать что эта картина была уже рѣшительнымъ шагомъ Иванова къ славѣ. Торвальдсенъ, увидѣвъ ее въ мастерской, съ восторгомъ обнялъ художника и пророчилъ ему блестящую будущность. Въ Петербургъ она прибыла вскорѣ послѣ заказанной ему Обществомъ копіи плафона Микель-Анджело *Сотвореніе человѣка*. Магдалина имѣла огромный успѣхъ и была подвесена Обществомъ Государю. Иванову прибавили пенсіонъ на два года, а Академія Художествъ признала его своимъ академикомъ. Получивъ извѣстіе о такомъ успѣхѣ Ивановъ радовался какъ дитя. Вотъ что онъ писалъ, между прочимъ, къ отцу:

„Батюшка,—Я до сихъ поръ не могу привыкнуть къ письму вашему отъ октября 6го. Я его читалъ всегда съ самымъ живымъ удовольствіемъ. И представляю себѣ все о сію пору своимъ. Кто бы могъ думать чтобы моя картина *Іисусъ съ Магдалиною* производила такой громъ? Сколько я ее знаю, она есть начатокъ понятія о чемъ-то порядочномъ. Но какъ я доволенъ, какъ я доволенъ что вы радуетесь, что въ восхищеніи и совѣтъ, и президентъ! Вы говорите что мнѣ продолжить хотятъ пенсіонъ, для картины *Появленіе Мессіи*. Это есть единственное мое желаніе. Помоги Господи! Какъ я радъ что Общество мною довольно. Да правда ли это? Я привыкъ видѣть только выговоры со стороны моихъ покровителей...“

Послѣ этихъ радостныхъ его сердцу вѣстей, Ивановъ съ новымъ жаромъ принялся за обработку своего главнаго сюжета. Онъ ѣздилъ по Италіи, останавливаясь въ каждомъ сколько-нибудь замѣчательномъ въ исторіи живописи городѣ; изучалъ мастеровъ XIV и XV вѣка, копировалъ съ лучшихъ картинъ Венеціи и Неаполя (особенно восторгался онъ Ти-

* Она находится нынѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

Digitized by Google

піаномъ), жилъ по цѣлымъ мѣсяцамъ въ Ливорно, зачерчивая интересныя головы Евреевъ; дѣлалъ этюды съ пейзажей, пріискивая мѣстность болѣе походящую на Востокъ. Онъ не переставалъ совѣтоваться съ лучшими художниками своего времени: съ Корнеліусомъ, Овербекомъ, Торвальдсеномъ, Камуччини и другими, просилъ даже у Петербургской Академіи о средствахъ для поѣздки въ Палестину, но получилъ сухой отвѣтъ что „Рафаель не былъ на Востокѣ, а создалъ великія творенія". Ивановъ былъ очень оскорбленъ этимъ отвѣтомъ. Работая надъ своимъ громаднымъ произведеніемъ, онъ постоянно нуждался въ деньгахъ. Подъ впечатлѣніемъ одной изъ такихъ трудныхъ минутъ жизни, онъ писалъ отцу (въ началѣ 1835 года):

„Какъ грустно родиться нищимъ, чувствовать это въ полной степени, и не видѣть ничего впереди, для поправленія своего состоянія! Работы мои остановились, и я похожу теперь болѣе на движущійся истуканъ или на скота получившаго ударъ обуха въ голову."

Сильно оживились надежды Иванова и воспрянулъ его духъ когда пріѣхалъ въ Римъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, нынѣ царствующій Государь Императоръ. Это было въ 1838 году. Цесаревичъ посѣтилъ студію Иванова, остался очень доволенъ его картиной и оставилъ ее за Собой. По ходатайству Жуковскаго, Иванову дано было содержаніе на три года.

Прошло два года прежде чѣмъ Ивановъ успѣлъ только нарисовать свою картину на холстѣ и лишь слегка подмалевать ее. Общество, хотя и продолжило пенсію Иванову на одинъ годъ, но объявило что это въ послѣдній разъ. Съ этого времени начинается постоянная забота Иванова о средствахъ на окончаніе задуманной имъ картины. Гоголь и Погодинъ старались содѣйствовать распространенію славы художника и чрезъ то доставить ему покровительство. Такъ въ *Москвитянинѣ* 1842 года Погодинъ описалъ свое посѣщеніе мастерской Иванова: „Мы увидѣли, говоритъ онъ, страшный безпорядокъ, но такой безпорядокъ который тотчасъ даетъ знать о принадлежности художнику. Стѣны исписаны разными фигурами, которыя мѣломъ, которыя углемъ; вотъ группа вотъ цѣлый эскизъ. Тамъ виситъ прекрасный дорогой эстампъ; здѣсь приклеенъ или прилѣпленъ какой-то очеркъ. Въ одномъ углу на полу валяется всякая рухлядь, въ другомъ—исчерченные картоны. Въ срединѣ господствуетъ на огромныхъ под

Digitized by Google

ставкахъ картина надъ которою трудится художникъ. Самъ онъ въ простой холстинной блузѣ, съ долгими волосами, которыхъ не стригъ кажется два года, съ палитрою въ одной рукѣ, съ кистью въ другой, стоитъ одинъ-одинехонекъ предъ нею погруженный въ размышленіе." Гоголь напечаталъ въ своихъ *Письмахъ къ Друзьямъ* описаніе картины Иванова. Первоначально письмо это было адресовано ко графу Віельгорскому. „Ивановъ, писалъ онъ, проживаетъ по нѣсколько мѣсяцевъ въ Понтійскихъ болотахъ и пустынныхъ мѣстахъ Италіи, перенесъ въ свои этюды всѣ дикія захолустья находящіяся вокругъ Рима, изучилъ всякій камешекъ и древесный листокъ, словомъ сдѣлалъ все что могъ сдѣлать, все изобразилъ чему только нашелъ образецъ." Далѣе Гоголь прибавляетъ: „Не скупитесь, деньги всѣ вознаградятся. Достоинство картины уже начинаетъ обнаруживаться всѣмъ. Весь Римъ начинаетъ говорить гласно, судя даже по настоящему ея виду, въ которомъ далеко еще не выступила вся мысль художника, что подобнаго явленія еще не показывалось отъ временъ Рафаеля и Леонардо да-Винчи. Будетъ окончена картина. Такимъ картинамъ не бываетъ цѣна меньше ста или двухсотъ тысячъ. Поступите же справедливо, а письмо мое покажите другимъ какъ моимъ, такъ и вашимъ пріятелямъ, особенно людямъ значительнымъ, потому что труженики подобные Иванову могутъ встрѣтиться на всѣхъ поприщахъ и все-таки не нужно допускать чтобъ они терпѣли нужду."

Ивановъ былъ всецѣло преданъ своему призванію. Его могучій геній ежечасно возносилъ его надъ будничною дѣйствительностью и не давалъ времени заниматься пустыми дѣлами вседневными. Вотъ напримѣръ что онъ самъ писалъ къ Гоголю въ 1850 году:

„Что вамъ сказать обо мнѣ? Я все тотъ же что былъ и при васъ въ Римѣ. Живу жизнью одной студіи, и перемѣнъ почти никакихъ нѣтъ. Объ одномъ иногда только жалѣю, что нельзя записывать мнѣ моихъ мыслей въ ламятную книжку. Прежде я имѣлъ это обыкновеніе наблюдать за ихъ разростаніемъ. Впрочемъ я и на это не ропщу, вѣря что уже скоро будетъ всему развязка."

Гоголь хорошо понималъ это настроеніе художника и потому писалъ къ нему однажды:

„Николай Петровичъ Боткинъ передастъ вамъ мой поцѣлуй, много любимый мною Александръ Андреевичъ; Богъ въ по-

Digitized by Google

мощь вамъ въ трудахъ вашихъ, не унывайте, бодритесь, благословеніе святое да пребудетъ надъ вашею кистью, и картина ваша будетъ кончена со славой. Ото всей души по крайней мѣрѣ желаю. Весь вашъ Н. Г.

„Ни о чемъ говорить не хочется: все что ни есть въ мірѣ такъ ниже того что творится въ уединенной кельѣ художника что я самъ не гляжу ни на что, и міръ кажется вовсе не для меня. Я даже и не слышу его шума. Христосъ съ вами."

Дружба Иванова съ Гоголемъ была самая искренняя и продолжительная. Тургеневъ разказываетъ („Поѣздка въ Альбано и Фраскати": *Вѣкъ*, 1860, № 15) что Ивановъ никогда не называлъ Гоголя иначе какъ „Николай Васильевичъ". Если писатель пособилъ своимъ отзывомъ распространенію славы художника, то художникъ запечатлѣлъ черты писателя въ двухъ прекрасныхъ портретахъ снятыхъ имъ въ бытность Гоголя въ Римѣ.

Взглядъ Иванова на искусство былъ самый возвышенный. Онъ не терпѣлъ манерности, не терпѣлъ всѣхъ тѣхъ внѣшнихъ пріемовъ и уловокъ которыми такъ богата новѣйшая школа. Его дума вѣчно летѣла въ облака самаго строгаго классицизма, и никто изъ живописцевъ не прельщалъ его такъ какъ безсмертный Рафаель. Это обстоятельство крайне важно. Оно сразу очерчиваетъ Иванова какъ глубокаго, дѣйствительно озареннаго огнемъ геніа творца, не какъ ремесленника гоняющагося за минутною славой или мелкаго слугу толпы, разслабленнаго мимолетными, рабски у природы заимствованными эффектами. Онъ не признавалъ живописи жанровой. Вотъ между прочимъ причина почему онъ всегда былъ такъ холоденъ къ живописцамъ Голландской и Фламандской школъ. Единственная область въ которой онъ былъ истиннымъ царемъ была живопись историческая. Замѣчательно что такъ высоко цѣня Италіянцевъ лучшаго періода, онъ положительно презиралъ Италіянцевъ новѣйшихъ. Вотъ, между прочимъ, два изъ его отзывовъ объ италіянскихъ художникахъ: „Я рѣшился выставить ее (то-есть картину *Іисусъ и Магдалина*) публикѣ, и тутъ, сколько можно было замѣтить, картина моя не терялась стоя въ ряду пестрыхъ картинъ, Tableaux de genre, которыя какъ кидающіяся въ глаза болѣе обольщали римскую публику нежели тѣ вещи гдѣ нуженъ глазъ воспитанный и умственное направленіе чтобы постигать ихъ и слѣдовательно постоянно

Digitized by Google

наслаждаться. Италіянецъ усталый, истощенный, надъ всѣмъ высокимъ и пріятнымъ ищетъ теперь легкихъ модныхъ игрушекъ. Это конечно удѣлъ всякой отцвѣтшей націи."

„О прочихъ художникахъ не упоминаю. Изъ нихъ italiänskie грота не стоятъ. Это корыстолюбивое отродье, помѣшаны на шарлатанствѣ, хвастовствѣ и интригахъ, и считаютъ каждый успѣхъ иностранца въ художествѣ крайнею для себя обидой. Они думаютъ что художниками могутъ быть одни Италіянцы."

Но вотъ послушаемъ что говоритъ Ивановъ объ отношеніи художника къ окружающей жизни. Въ письмѣ къ отцу (6 декабря 1836 года) онъ пишетъ:

„Вы полагаете что жалованіе въ 6—8 тысячъ по смерть, получить красивый уголъ въ Академіи, есть уже высокое блаженство для художника, а я думаю что это есть совершенное его несчастіе. Художникъ долженъ быть совершенно свободенъ, никогда ничему не подчиненъ, независимость его должна быть безпредѣльна. Вѣчно въ набюденіяхъ натуры, вѣчно въ нѣдрахъ тихой умственной жизни, онъ долженъ набирать и извлекать новое изъ всего собраннаго, изъ всего видѣннаго. Русскій художникъ непремѣнно долженъ быть въ частомъ путешествіи по Россіи и почти не быть въ Петербургѣ, какъ городѣ не имѣющемъ ничего характеристическаго. Академія Художествъ есть вещь прошедшаго столѣтія, ее основали уставшіе изобрѣтать Италіянцы. Они хотѣли этою мыслью воздвигнуть опять художество на степень высокую, но не создали ни одного генія по сію пору. Если живописецъ привелъ въ нѣкоторый восторгъ часть публики расположенной понимать его, то вотъ уже онъ, по моему мнѣнію, достигъ всего что̀ доступно художнику. Купеческіе разчеты никогда не подвинутъ впередъ художества, а въ шитомъ, высоко стоящемъ воротникѣ тоже нельзя ничего сдѣлать, кромѣ какъ стоять вытянувшись."

Много такихъ же прекрасныхъ афоризмовъ разсѣяно по многочисленнымъ письмамъ Иванова, и мы не кончили бы если-бы захотѣли на каждый изъ нихъ указывать. Но вотъ еще знаменательное мѣсто: слова Иванова въ одномъ частномъ разговорѣ въ Петербургѣ.

„Владѣть кистью, сказалъ онъ, этого еще очень мало чтобы быть живописцемъ. Живописцу надобно быть вполнѣ образованнымъ человѣкомъ. Если я получу какое-нибудь вліяніе на

Digitized by Google

искусство въ Россіи, я прежде всего буду хлопотать объ устройствѣ такой школы живописи гдѣ молодые люди готовящіеся быть художниками получали бы основательное общее образованіе. Руководителемъ въ живописи молодыхъ художниковъ съ такимъ направленіемъ я желалъ бы быть. Въ средѣ ихъ могло бы развиться новое направленіе искусства. Я уже старъ (разговоръ происходитъ въ Петербургѣ, по пріѣздѣ Иванова изъ Рима), а на развитіе искусства удовлетворяющаго требованіямъ новой жизни нужны десятки лѣтъ. Мнѣ хотѣлось бы положить хотя начало этому дѣлу. Буду трудиться, мало-по-малу научусь яснѣе понимать условія новаго искусства, а потомъ выйдутъ изъ молодаго поколѣнія люди которые совершатъ начатое мною".

Ивановъ относился къ своей картинѣ съ непомѣрною преданностью. Онъ нарисовалъ для нея около 200 болѣе или менѣе законченныхъ эскизовъ, не считая безчисленныхъ рисунковъ карандашомъ, селіей и акварелью. Изъ числа эскизовъ особенно замѣчателенъ тотъ который находится у Д. П. Боткина въ Москвѣ. Онъ самъ по себѣ есть вполнѣ законченная картина. Въ немъ пейзажъ преобладаетъ надъ группами, и Христосъ менѣе удаленъ. Голова Іоанна Крестителя нѣсколько манерно повернута къ зрителю, что̀ порицалъ еще Торвальдсенъ. Сама картина находится нынѣ въ Румянцевскомъ Музеѣ и такъ извѣстна каждому что мы не считаемъ нужнымъ ее здѣсь описывать.

Пробывъ 28 лѣтъ вдали отъ Россіи, Ивановъ въ сердцѣ своемъ всегда оставался глубоко русскимъ человѣкомъ. Въ отвѣтъ на укоръ сестры въ холодности къ отечеству, онъ писалъ однажды, не безъ нѣкотораго чувства оскорбленія:

„Я не помню говорилъ ли я вамъ что-нибудь такое что̀ бы показывало холодность мою къ родинѣ. Не знаю что̀ васъ вынудило говорить о семъ? Я бы желалъ знать кто изъ благородныхъ Русскихъ не любитъ свою родину?"

Вотъ еще два его афоризма:

„Быть Русскимъ уже есть счастіе: какъ же вы хотите чтобы мы не желали его?"

„Его искусство (Іордана) не коренное, а подчиненная страсть; его характеръ не уработанъ подъ стать наступившей эпохѣ нашего времени, и наконецъ, его сердце—не русское."

Но такая преданность не мѣшала ему удаляться по временамъ отъ общества русскихъ художниковъ въ Римѣ:

Digitized by Google

„Состояніе русской семьи въ Римѣ, писалъ онъ къ отцу осенью 1834 года, мнѣ менѣе всего извѣстно, ибо наскучивъ однообразными воспоминаніями и разборами о подломъ воспитаніи, которое получили всѣ мы въ Академіи, вслѣдствіе коего укрѣпилась въ насъ, вмѣсто дѣятельности къ ученію и наблюденію природы, природная свора (sic) и разгульная жизнь, я совершенно оставилъ Русскихъ, которыхъ люблю до самоотверженія."

Ивановъ не терпѣлъ иностранцевъ пріѣзжающихъ въ Петербургъ пользоваться русскою неумѣлостью чтобы набивать себѣ карманы. Это чувство вполнѣ справедливой ревности къ иностранцамъ заставляло его подчасъ впадать въ лаѳосъ. Такъ, онъ писалъ къ отцу:

„Я бы руки обрубилъ всякому иностранцу-художнику пріѣхавшему ложирать наше золото, а Русскіе, напротивъ, наперерывъ разсылаются предъ ними, доставляя имъ всевозможные къ тому способы и, еще позорнѣе, предпочитая своимъ. Нашъ почтеннѣйшій Кипренскій, увѣнчанный лаврами Европы, едва живетъ въ Римѣ."

Такое фанатическое одушевленіе всѣмъ русскимъ въ ущербъ иностраннаго, доводило подъ часъ Иванова и до замѣтныхъ абсурдовъ. Въ декабрѣ 1845 года покойный государь былъ въ Римѣ, и вотъ что Ивановъ писалъ по этому поводу Шевыреву:

„.... Враги было хотѣли отвести отъ меня посѣщеніе государя. Караулилъ я у своего переулка, и вотъ стройный рядъ каретъ пронесся на публичную выставку иностранцевъ, на Piazza popolo. Это дало мнѣ знать что царь и выздоровѣлъ, и прекрасно приготовился увидѣть произведенія Русскихъ, *промотрѣвъ сначала на ничтожность всѣхъ иностранныхъ.* Усердный слуга царскій, князь Волконскій, прискакалъ во весь опоръ къ моей студіи съ извѣстіемъ что сейчасъ будетъ ко мнѣ государь. Эта минута моя была самая высокая въ моей земной жизни, я внутренно укрѣплялся молитвой, и вотъ— Царь. Онъ раскрылъ во мнѣ чувство которое до его пріѣзда я совсѣмъ не зналъ,—чувство моей собственной значимости."

Ивановъ ощущалъ постоянную потребность освѣщать свои художественные полеты философскими и научными идеями. Сначала, въ первую половину его дѣятельности въ Римѣ, Евангеліе было ему этою нравственною философіей. Онъ весь былъ погруженъ въ Священное Писаніе; имъ только жилъ.

Digitized by Google

имъ только питался. Но въ послѣдствіи онъ увлекся Штраусомъ. Думая изъ него извлечь новыя идеи для своего искусства, изучилъ его сочиненія, и имѣлъ случай лично съ нимъ бесѣдовать (по всѣмъ вѣроятіямъ, бесѣда эта не имѣла серіознаго для Иванова значенія, потому что Штраусъ говорилъ по-латыни, а Ивановъ по-италіянски, причемъ Штраусъ плохо понималъ по-итальянски, а Ивановъ по-латыни. (*Воспом. Тургенева объ Иванові*, стр. 410.) Всячески ища разрѣшенія томившихъ его художественныхъ вопросовъ, Ивановъ, на обратномъ пути своемъ въ Россію, даже ѣздилъ въ Лондонъ къ Герцену которому писалъ изъ Интерлакена, въ августѣ 1857 года: „Слѣдя за современными успѣхами я не могу не замѣтить что мое искусство живописи должно получить новое направленіе, и полагая что нигдѣ столько не могу зачерпнуть разъясненій мыслей моихъ какъ въ разговорѣ съ вами,—надѣюсь что вы мнѣ не откажите въ этомъ,—я рѣшаюсь пріѣхать въ Лондонъ отъ 3го до 10го сентября. Въ художникахъ италіянскихъ совсѣмъ не слышно стремленія къ какимъ-нибудь новымъ идеямъ въ искусствѣ."

Такъ-то алкалъ истины этотъ человѣкъ, этотъ вѣчный мученикъ собственнаго произведенія, и такъ-то метался онъ изъ стороны въ сторону, не зная гдѣ найти разрѣшеніе своихъ сомнѣній, своихъ идей. Причина его шатанія отъ Евангелія къ Штраусу и Герцену не иная какъ недостатокъ образованія. Будь Ивановъ образованный человѣкъ, онъ совершилъ бы великое. Впрочемъ, какъ мы видѣли, онъ самъ сознавалъ себя недоучкой, самъ чувствовалъ какъ это состояніе пагубно для истинныхъ успѣховъ врожденнаго таланта.

Но разкажемъ вкратцѣ событія послѣднихъ годовъ жизни Иванова.

Живя главнымъ образомъ въ Римѣ, онъ предпринималъ для усовершенствованія себя въ живописи художественныя поѣздки по Италіи. За это время онъ набросалъ множество эскизовъ, сдѣлалъ множество копій, отчасти вполнѣ оконченныхъ, и составилъ не мало путевыхъ записокъ, которыя мы находимъ въ книгѣ г. Боткина рядомъ съ его письмами къ роднымъ и друзьямъ. Въ 1857 году прибыла въ Римъ вдовствующая императрица Александра Ѳеодоровна; она посѣтила Иванова и осталась чрезвычайно довольна его работой, къ тому времени уже приведенною къ окончанію послѣ 20 лѣтъ труда.

Digitized by Google

Обласкавъ и ободривъ художника, она дала ему средства на поѣздку въ Германію и Францію для излѣченія сильно утомившихся отъ непрерывнаго напряженія глазъ. Объѣхавъ Швейцарію, часть Германіи, побывавъ въ Парижѣ и Лондонѣ, онъ рѣшился поѣхать въ Петербургъ и привезти туда свое излюбленное дѣтище.

Въ началѣ мая 1858 года, послѣ 28лѣтняго отсутствія, Александръ Андреевичъ Ивановъ высадился въ Петербургѣ. Его картина прибыла тоже, и была выставлена въ Бѣлой Залѣ Зимняго Дворца. Государь видѣлъ картину, милостиво говорилъ съ художникомъ и высказалъ ему свою благодарность. Для публики ее перевезли въ Академію Художествъ. Тамъ она была помѣщена неудачно, по крайней мѣрѣ мы не запомнимъ чтобы кто-нибудь изъ видѣвшихъ ее въ Академіи отозвался съ похвалой о способѣ ея постановки. Ея колоссальные размѣры требуютъ тщательнаго устройства подставокъ и очень удачнаго освѣщенія, притомъ необходима зала обширная дабы зритель могъ отойти на то разстояніе съ котораго удаленная фигура Христа перестаетъ казаться малою въ сравненіи съ группами перваго плана. Этимъ обстоятельствомъ, мы думаемъ, и объясняется отчасти не вполнѣ восторженная оцѣнка со стороны публики этого единственнаго въ своемъ родѣ произведенія живописи.

Прибытіе въ Петербургъ сдѣлалось роковымъ для Иванова. Возвратившись изъ поѣздки въ Петергофъ, куда онъ ѣздилъ для переговоровъ съ президентомъ Академіи Великою Княгинею Маріей Николаевной относительно продажи картины, онъ почувствовалъ себя дурно: улалъ и съ нимъ начались холерическіе припадки. 3го іюля 1858 года его не стало.

А. П.

Digitized by Google

ПИСЬМО ИЗЪ ИНДІИ

Пуна, 1880 г., февраля 18.

Двадцать лѣтъ тому назадъ торжественно возили по всей Индіи—якобы для пущей острастки, заключеннаго въ желѣзную клѣтку Нана Саиба, выданнаго его кузеномъ Магараджею Галіорскимъ. Возили чуть ли не шесть недѣль кряду, кичась поимкой, и перестали возить лишь когда, собравъ справки, узнали что плѣнникъ вовсе не кровожадный мститель, а лже-Нана-Саибъ, какой-то злополучный пастухъ. Что сдѣлали съ этимъ несчастнымъ неизвѣстно. Кажется что для очищенія совѣсти его убили дабы не болталъ; а какъ вывернулся Махараджа и какой далъ отвѣтъ за этотъ ловкій подмѣнъ, — покрыто мракомъ неизвѣстности. Разказываютъ, однако, будто бы онъ оправдался тѣмъ что самъ своего пойманнаго не видалъ; а полагаясь на показаніе своихъ подчиненныхъ отослалъ его прямо Англичанамъ. Нынѣ въ Мадрассѣ происходитъ новая выставка мятежника, но уже не живаго. Любопытствующая публика можетъ видѣть заключенную въ банкѣ со спиртомъ голову Чендріи, знаменитаго вождя мятежниковъ Румпы.

Этотъ Чендрія въ продолженіе болѣе года, безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ, съ горстью людей и вооруженіемъ временъ царя Гороха, сражался успѣшно съ вооруженною

Digitized by Google

силой одной изъ самыхъ могучихъ націй міра. Онъ вышелъ на опасную арену, объявивъ напередъ что жертвуетъ жизнью своею и своего семейства, и сдержалъ слово. Газета *Амрита-Базаръ-Патрика*—представительница туземной оппозиціонной партіи въ Калькуттѣ и всѣхъ недовольныхъ Индіи, провозглашаетъ Чендрію героемъ, ставя его несравненно выше Фадке только что сосланнаго изъ Пуны вождя разбойниковъ. „Въ то время говоритъ она—какъ послѣдній никогда не поднимался въ глазахъ правительства выше атамана *dakoitовъ*, Чендрія съ перваго же дня карьеры, былъ возведенъ правительствомъ въ высокое достоинство мятежника."

Началомъ бунта въ Румпѣ послужило безчеловѣчное обращеніе полиціи съ ея жителями. Законъ абкари *, принявшій коего не касалось до ихъ уѣзда и отъ повиновенія которому они были освобождены, вдругъ неожиданно и негаданно обрушился имъ на голову вслѣдствіе чистаго произвола полиціи. Съ незапамятныхъ временъ жители Румпы пили свое *тодди* не платя ничего за пальмы на собственныхъ земляхъ. Полиція потребовала взноса налога съ каждаго куста и дерева и не только избила всѣхъ противившихся, но помогая сборщикамъ податей обезчестила самымъ наглымъ образомъ ихъ женъ и дочерей. Румпанцы убили полицейскаго чиновника. Ихъ признали мятежниками и послали противъ нихъ вооруженную силу. Въ самое это время Чендрія, извѣстный своею силой, скрывавшійся въ горахъ Нарзалатана, прибѣжалъ на помощь своимъ соотечественникамъ въ Румпу и былъ единодушно выбранъ ими въ вожди.

Первымъ дѣломъ Чендріи было направиться къ Rusiaralatanскимъ Холмамъ, гдѣ онъ сжегъ нѣсколько полицейскихъ постовъ, перебилъ полицейскихъ агентовъ и отобравъ у нихъ ихъ платье, амуницію и оружіе переряднлъ своихъ людей въ одежду убитыхъ ими несчастныхъ сипаевъ. Большой отрядъ полиціи, посланный захватить его со всею шайкой, убѣжалъ разбитый Румпанцами которыхъ, такъ какъ на нихъ были одинаковые съ полицейскими мундиры, нельзя было отличить отъ сипаевъ. Затѣмъ Чендрія дрался въ рукопашной схваткѣ съ капитаномъ Блэкслендомъ (Blaxland) и

* Старый законъ выкопанный Сэръ-Джономъ Стречей и выведенный имъ снова въ силу какъ предлогъ для новыхъ налоговъ на *тодди*—кокосовую водку.

Digitized by Google

обратилъ его въ бѣгство. За капитаномъ явился на отомщеніе мистеръ Миллетъ, главный инспекторъ Годаварскаго округа, и Чендріа не только разбилъ его отрядъ на голову, но даже преслѣдовалъ бѣглецовъ около семи миль, послѣ чего осадилъ его въ Чодаварамѣ и держалъ въ осадѣ трое сутокъ. Отрядъ былъ спасенъ лишь своевременнымъ прибытіемъ гарнизона изъ Годавари. Замѣчательно что Чендріа не только не нападалъ на кого другаго, но даже покровительствовалъ какъ туземцамъ такъ и Англичанамъ не принадлежавшимъ къ полиціи. Вся его энергія и бѣшеная месть казались направленными единственно противъ полиціи и всѣхъ сносившихся съ нею. Онъ рѣзалъ полицейскихъ силаевъ и агентовъ съ разчитанною жестокостію. Поймавъ жертву, онъ отправлялся съ нею въ ближайшую лагоду, и тамъ заставлялъ обреченнаго трижды обходить вокругъ идола богини и затѣмъ однимъ ударомъ остраго меча отсѣкалъ ему голову. Фанатически вѣрующій въ своихъ идоловъ онъ считалъ что для боговъ не можетъ быть приношенія пріятнѣе головъ и крови полицейскихъ инспекторовъ и силаевъ. Еще недавно одно имя Чендріи заставляло дрожать и блѣднѣть послѣднихъ.

Наконецъ, дерзость его возрасла до такой степени что онъ послалъ прямое предложеніе правительству какъ отъ одной воюющей стороны къ другой. Онъ предлагалъ Англичанамъ освободить изъ тюрьмы его мать, жену и брата и самого его признать за вождя и начальника Румпанцевъ. Въ такомъ случаѣ онъ обѣщалъ имъ не тревожить ихъ болѣе и даровать жизнь даже столь ненавистной ему полиціи.... За этотъ послѣдній годъ Чендріа доводилъ англійскія власти до бѣшенства.

И нынѣ, когда голова Чендріи улала съ плечъ, Румпанцы не унываютъ. Часъ спустя послѣ смерти вождя они избрали себѣ другаго начальника, такъ же мало отступающаго предъ чѣмъ-либо и готоваго на самые безумные подвиги.

Въ самый день когда голова Чендріа была отправлена въ Мадрасъ, 400 человѣкъ мятежниковъ атаковали сильный полицейскій постъ. Но это еще не все. Власти ожидаютъ втораго изданія мятежа Румпы въ Визорскомъ округѣ, гдѣ появилась шайка изъ 400 или 500 даконтовъ. На этотъ разъ предводителемъ оной является опять „молодой и смѣлый браминъ“—въ родѣ Фадке — но умнѣе и храбрѣе его, по

Digitized by Google

отзывамъ *Advertiser* и другихъ газетъ, совѣтующихъ властямъ которыя не знаютъ что далѣе дѣлать съ головой Чендріи, послать ее „брамину“ — для своевременныхъ размышленій надъ нею.

„Голова Чендріи—замѣчаетъ та же трунящая надъ властями газета—повидимому содержала въ себѣ мало ариѳметическихъ способностей. Разчеты слагавшіеся въ ней были такъ слабы, что она даже и не взяла на себя трудъ разчитать что ее ожидаетъ въ этой безплодной борьбѣ съ правительствомъ. Но если голова не обладала даромъ ариѳметическихъ выводовъ, за то она была полна логики,—того особеннаго рода логики которая одна способна навести на разумъ упрямое правительство. Логика Чендріи должна будетъ наконецъ убѣдить послѣднее въ томъ, въ чемъ напрасно старались всѣ его доброжелатели и въ продолженіи стольких лѣтъ увѣрить его, а именно что есть тяжести способныя сломать спину даже у самаго терпѣливаго и выносливаго верблюда. Логика Чендріи открыла правительству глаза и доказала ему что есть у границы какъ для постояннаго увеличиванія налоговъ, такъ и для своевольныхъ притѣсненій полиціей.“

„Голову эту, разсуждаетъ другая газета, могли бы пересылать изъ одного полицейскаго поста въ другой, гдѣ глядя на нее чиновники могли бы извлекать изъ своихъ воспоминаній самыя философскія размышленія. Затѣмъ ее могли бы съ пользой для Индіи превратить въ прессъ-папье и поставить въ рабочемъ кабинетѣ Сэръ-Джона Стречей, гдѣ онъ привыкъ выжимать изъ бездонной глубины своей творческой фантазіи новые законопроекты о налогахъ: отрубленная голова могла бы такимъ образомъ, напоминая благородному джентельмену о предѣлахъ человѣческаго терпѣнія въ вопросѣ о податяхъ, служить ему мѣриломъ для его будущихъ спекуляцій; нашептывать ему въ ухо что есть точка которую не заставить даже ему перейти самый терпѣливый изъ народовъ, точка, наконецъ, на которой самые смирные и благонадежные изъ вѣрноподданныхъ ея величества теряютъ не только всякое терпѣніе, но даже безъ каламбура и голову. Съ равнымъ успѣхомъ наши властелины могли бы послать „голову“ тѣмъ изъ ихъ клики кто первый затѣялъ и постановилъ законъ о всеобщемъ обезоруженіи страны (*Arms Act*). Одна эта отсѣченная голова способна рѣшить проблему, насколько вышесказанный законъ явился серіозною преградой

Digitized by Google

славамъ и вооруженнымъ дѣйствіямъ противъ правительства хотя бы ея бывшему хозяину „даконту“ Чендріи? И только тогда когда будетъ категорически рѣшенъ этотъ вопросъ касательно обезоруженія, а вслѣдствіе этого и „безпомощности“ Индіи въ случаѣ вновь затѣяннаго мятежа, только тогда, говоримъ мы, правительство получитъ полное право выставлять на площадяхъ подобныя головы, громко провозглашая всему міру: глядите и содрагайтесь; вотъ какъ погибаютъ въ завоеванныхъ нами странахъ тѣ которые дерзаютъ браться за оружіе противъ Британской власти!...“

Мѣстныя газетныя выраженія неудовольствій для Британскаго управленія Индіей большаго вѣса, конечно, имѣть не могутъ. Но посторонній зритель естественно можетъ спросить: какимъ образомъ 60.000 Европейцевъ могутъ явиться властелинами недовольной массы въ 240 милліоновъ человѣкъ, хотя бы по закону и обезоруженной? Не оружія и не храбрости недостаетъ Индусамъ, а единомыслія и согласія. Вѣковая ненависть между сектами и *каста*—вотъ спасительная доска Великобританіи въ Индійской имперіи, а главное — совершенно вымирающій патріотизмъ и отсутствіе чувства собственнаго достоинства. Браминъ затирающій шудру подошвой босой ноги въ грязь самъ пресмыкается предъ каждымъ Европейцемъ во прахѣ. Вчера еще одинъ изъ знатнѣйшихъ княжескихъ потомковъ Пуны, находясь на платформѣ желѣзной дороги на которую онъ провожалъ пріятеля, получилъ кровавое оскорбленіе, и безпрекословно проглотилъ его. Безъ всякаго къ тому повода, проходившій мимо полульяный Англичанинъ, съ громкимъ восклицаніемъ: вотъ одинъ изъ этихъ измѣнниковъ и интригановъ, Пунскій браминъ! однимъ поворотомъ руки сбилъ съ его головы тюрбанъ подъ колеса поѣзда. Кругомъ стояло множество туземныхъ полицейскихъ, и брамина, личный знакомый генералъ-губернатора Бомбейскаго, у котораго сэръ-Ричардъ Темпль очень часто обѣдаетъ, только поблѣднѣлъ и разинувъ ротъ безпомощно поводилъ глазами. Законъ не дозволяетъ туземному полицейскому арестовать Англичанина, хотя бы послѣдній совершилъ передъ его глазами убійство, а Европейскаго *констебла* не было въ то время на платформѣ; да и еслибъ и былъ, то десять противъ одного, онъ не арестовалъ бы земляка по просьбѣ туземца, а явился бы еще въ судъ свидѣтелемъ за

Digitized by Google

лерваго. Подлившій Англичанинъ сѣлъ въ вагонъ и уѣхалъ посмѣиваясь... Эту сцену я описываю какъ очевидецъ.

Въ свою очередь туземные принцы имѣютъ всѣ причины быть недовольными Англійскимъ правительствомъ и весьма мало причинъ любить Англичанъ и соблюдать вѣрноподданическія чувства.

Правда, какъ принцъ Вельсскій такъ и герцогъ Эдинбургскій были съ почетомъ приняты этими принцами, восхваляемы, угощаемы, завѣряемы въ преданности. Принцы повидимому живутъ въ полномъ согласіи и дружбѣ съ лордомъ Литтономъ; постоянно посылаютъ чрезъ политическихъ резидентовъ свои увѣренія въ полной любви и преданности къ правительству. Когда принцъ Вельсскій опасно заболѣлъ и доктора отчаявались въ его жизни, индійскіе принцы приказали браминамъ служить публичныя молебствія за его выздоровленіе, кормили нищихъ, тратили большія суммы на идоловъ и жрецовъ, и посылали каждый день телеграммы въ Лондонъ. Когда принцъ выздоровѣлъ, махараджи почти разорились на публичныя празднества. Многіе изъ нихъ первые предлагали помощь во время войны въ Абиссиніи и наконецъ, когда была объявлена Афганская война, всѣ до единаго предложили какъ помощь такъ и деньги. И несмотря на все это Британскому правительству едва ли можно положиться на такую повидимому искреннюю преданность. Газета *Examiner*, подводя итоги, приходитъ къ заключенію что индійскимъ принцамъ *невозможно*, если только они люди, а не истуканы, любить Англичанъ. Газета напоминаетъ что когда правительство отобрало Индію отъ Ость-Индійской Компаніи, то въ страну была послана самая торжественная прокламація, въ коей королева давала свое державное слово туземнымъ принцамъ, что доколѣ *они* останутся вѣрными, въ ихъ внутреннія дѣла никто и никогда не станетъ вмѣшиваться. Неприкосновенность ихъ правъ и привилегій, обычаевъ ихъ страны, религіи и законовъ была особенно гарантирована, а честь и достоинство ихъ сана—такъ увѣряла прокламація—находились отнынѣ въ ревнивѣйшихъ рукахъ отеческаго правительства. И что жъ? Индійское правительство не соблюло ни одного изъ обѣщаній выраженныхъ въ королевской прокламаціи; одно за другимъ, оно обошло каждое, и въ то время какъ принцы выполняли всѣ условія, ихъ преслѣдовали и оскорбляли при каждомъ

Digitized by Google

удобномъ случаѣ; вмѣшивались не только что въ офиціальныя дѣла правленія, но даже въ ихъ собственныя домашнія распоряженія; ихъ каждый шагъ находится подъ строгою опекой резидентовъ. Этими принцами играютъ какъ пѣшками; у нихъ отымаютъ законныя наслѣдія, перемѣщаютъ ихъ съ мѣста на мѣсто, лишаютъ престоловъ. Махараджѣ Ревескому, болѣе всѣхъ другихъ помогавшему Англичанамъ подавить мятежъ 1857 года, услуги коего были такъ велики, что сама королева приказала возвести его въ доблестный санъ великаго командора Звѣзды Индіи, этому махараджѣ *приказано* или отречься отъ престола и получать пенсію, или же ожидать постыднаго свержения, и все это безъ всякаго повода кромѣ ничѣмъ не оправданнаго подозрѣнія. Чего также можно ожидать отъ Синдіи, самаго богатаго и главнаго изъ независимыхъ индійскихъ принцевъ? „Во время бунта“, говоритъ *Examiner*, „онъ стоялъ за насъ въ продолженіе всей невзгоды, и съ тѣхъ поръ неоднократно доказывалъ намъ свою преданность и доброжелательство, а мы—мы не исполнили *ни одного* изъ данныхъ нами ему обѣщаній. Мы вмѣшивались въ его публичныя и частныя дѣла, оскорбляли его лживыми доносами и обращались съ нимъ съ величайшею подозрительностію. Мы объявляемъ безъ малѣйшаго колебанія что самыя торжественныя поручительства трехъ вице-королей оказались лживыми.... Хотя Синдія тоже пожалованъ въ великіе командоры Звѣзды Индіи за вѣрность оказанную намъ въ 1857 — 1858 годахъ, наши войска занимаютъ его столицу и крѣпость и наши пушки направлены къ его дворцу.... Въ эту минуту, въ Англіи находится раджа, которому Индійское правительство отказало въ его законныхъ правахъ; престолъ на который онъ имѣлъ законное право сдѣлался свободнымъ, но индійскія власти, вопреки правамъ, обычаю, прокламаціи и всего остальнаго, отказали ему въ правѣ наслѣдія. Онѣ посадили на его мѣсто незаконнорожденнаго родственника, поведеніе коего сдѣлалось настолько постыднымъ что онѣ были принуждены смѣстить его менѣе нежели чрезъ годъ.... А смѣстивъ принялись сами управлять государствомъ и его доходами. Настоящій наслѣдникъ, какъ мы сказали, въ Лондонѣ, гдѣ живетъ почти нищимъ. Нѣтъ никакихъ препятствій къ его престолонаслѣдію. Онъ вѣрный и способный человѣкъ, а главное—прямой наслѣдникъ. И вотъ, въ то время какъ онъ умираетъ

Digitized by Google

въ Лодонѣ съ голода, стараясь найти правосудіе, британскій резидентъ получаетъ изъ его доходовъ 6.000 фунтовъ стерлинговъ, безмятежно царствуя на его мѣстѣ."

Голоса „алармистовъ" въ родѣ газеты *Examiner* не имѣютъ впрочемъ большаго значенія. Англійское правительство спокойно за прочность своего владычества въ Индіи. Кого бояться Англичанамъ въ этой странѣ покоренныхъ, ослабѣвшихъ рабовъ? — спрашиваютъ мѣстные органы печати (въ Индіи издается болѣе 3.000 ежедневныхъ, еженедѣльныхъ и ежемѣсячныхъ газетъ и журналовъ на англійскомъ и болѣе чѣмъ на пятидесяти туземныхъ языкахъ и діалектахъ). Ужь конечно не союза туземныхъ принцевъ, за каждымъ шагомъ которыхъ слѣдятъ англійскіе резиденты, держа ихъ на привязи, не выпуская ихъ изъ виду даже въ ихъ собственныхъ спальняхъ. Эти принцы, раздѣленные взаимною недовѣрчивостью и завистью, деморализованные англійскимъ воспитаніемъ, не страшны Англіи. Остается народъ. Но неужели опасенъ кому-либо такой народъ, эти милліоны трусливыхъ, терпѣливыхъ, вьючныхъ животныхъ, презираемыхъ высшими кастами, оплеванныхъ и своими и чужими, готовыхъ за грошъ и за кусокъ хлѣба продать боговъ, отца, мать и дѣтей, привыкшихъ къ вѣковой неволѣ и остающихся совершенно равнодушными кто управляетъ страною, лишь бы ихъ менѣе колотили и давали болѣе ѣсть, и смутно чувствующихъ наконецъ что уйди Англичане завтра, имъ будетъ еще хуже отъ своихъ? Общее возстаніе немыслимо въ Индіи; а къ частнымъ мятежамъ Англичане привыкли и всегда сумѣютъ подавить таковые.

Тѣмъ не менѣе владычество это покупается не малою цѣной. Индія стоила Англіи за послѣдніе годы болѣе нежели всѣ ея колоніи взятыя вмѣстѣ со времени ихъ пріобрѣтенія. Англія не спитъ, не ѣстъ, думая какъ бы охранить не только столбовую дорогу въ Индію, но даже и всѣ щели вокругъ нея. Гибралтаръ, Мальта, Аденъ, всѣ эти мѣста занимаютъ должность сторожевыхъ пикетовъ и требуютъ солдатъ и денегъ. Ради одной Индіи Англія скупила почти всѣ акціи Суэзскаго канала, добыла Кипръ у безпомощныхъ Турокъ и Хонгъ-Конгъ у Китайцевъ. Ради Индіи Англія постоянно сцѣпляется съ Китаемъ, Бурмой, Персіей, Афганистаномъ и особенно съ Россіей. Ея главною заботой теперь является сторожить каждое движеніе Россіи. Здѣшнія газеты

Digitized by Google

увѣряютъ что всѣ эти трудности изчезли бы еслибы Англійское правительство рѣшилось передать въ руки туземцевъ всю администрацію страны, предоставивъ имъ право выбирать и постановлять собственные законы, управляя страной по своему лучшему усмотрѣнію. Для управленія иностранными дѣлами газеты допускаютъ губернатора Англичанина назначаемаго изъ Англіи. Сборъ податей долженъ оставаться въ рукахъ туземцевъ, которые и обязуются де уплачивать изъ нихъ за содержаніе извѣстнаго числа англійскихъ войскъ въ Индіи. Позволительно очень усомниться чтобы такой планъ встрѣтилъ сочувствіе Англійскаго правительства и Англійскаго народа....

РАДДА-БАЙ.

Digitized by Google

ПАМЯТИ А. С. ПУШКИНА

I.

Отъ ранней юности, когда едва, едва
Во мнѣ проснулося къ высокому стремленье
И стали милы мнѣ и звучныя слова,
И стройныхъ образовъ живое воплощенье,—
Ты овладѣлъ моей лелеющей душой
И, въ высь ее маня отъ пошлыхъ золъ вседневныхъ,
Съ отцовской нѣжностью поэзіей святой
Въ ней мирно насаждалъ согласье силъ душевныхъ.

II.

Какъ часто отрокомъ, охваченный мечтой,
Я убѣгалъ въ твой садъ, обширный и прекрасный,
Гдѣ все исполнено привѣтливой красой,
Все дышетъ чистотой и стройностью согласной.
И тамъ въ таинственной, цвѣтущей тишинѣ,
Внималъ твоимъ словамъ душою полузрѣлой
И ихъ заломиналъ въ сердечной глубинѣ,
И робко вторилъ имъ на лирѣ неумѣлой.

III.

И тихимъ вечеромъ, и въ часъ пировъ ночныхъ,
Отрадно было мнѣ, въ дни юности мятежной,
И про себя, и вслухъ твердить твой дивный стихъ,
То бодрый въ горести, то полный страсти нѣжной;
Межъ юношей лишь тѣхъ я другомъ называлъ
И были любы мнѣ лишь тѣ младыя дѣвы,
Кто въ сердцѣ выносилъ твой свѣтлый идеалъ
И повторялъ твои волшебные напѣвы.

Digitized by Google

IV.

Когда одолѣвалъ меня порывъ страстей
И увлекалъ на путь порочный и ничтожный,
И низко падалъ я,—въ безмолвіи ночей,
Стремясь подняться вновь, душой моей тревожной
Къ тебѣ, о думъ моихъ завѣтный властелинъ!
Томимъ раскаяньемъ, больной и омраченный,
Къ тебѣ я прибѣгалъ, какъ недостойный сынъ,
И вновь свѣтлѣлъ душой, тобою исцѣленный.

V.

Въ дни мужества, въ борьбѣ за свѣтлый идеалъ,
Какъ, оклеветанный, боязни униженья
Не въ силахъ превозмочь, я скорбно изнывалъ
Подъ грубой тяжестью невольнаго сомнѣнья,—
Я сердцемъ вспоминалъ великій твой завѣтъ
Велѣньемъ Божіимъ считать свое призванье,
И, бодро шествуя тебѣ, о вождь! во слѣдъ,
Я въ сердцѣ сохранялъ святое уловленье.

VI.

И въ оный свѣтлый день, когда придутъ толпой
На памятникъ что ты воздвигъ нерукотворно,
Хвалы тебѣ воздать,—да встанетъ образъ твой
Во всей своей красѣ и силѣ чудотворной!
О, въ этотъ день, забывъ недавній крикъ глупцовъ,
О геніи твоемъ тупые пересуды,
Молю я чтобъ никто наборомъ пышныхъ словъ
Тебѣ не даровалъ лобзанія Іуды.

Д. АВЕРКІЕВЪ.

Digitized by Google

ТРИ ПИСЬМА О ПУШКИНѢ

Н. Н. Страхову.

I.

Черезъ нѣсколько дней откроется памятникъ Пушкину; Москва готовится къ празднику, и хорошо готовится. Всюду видится желаніе устроить все какъ можно лучше и достойнѣе; даже маленькія пререканія, въ подобныхъ случаяхъ неизбѣжныя, носятъ на себѣ характеръ соревнованія къ памяти великаго поэта. Имя Пушкина у всѣхъ на устахъ; поминутно слышишь о памятникѣ, о той или другой подробности торжества; говорятъ о найденной толстой тетради неизданныхъ стихотвореній, о новыхъ *Матеріалахъ къ Исторіи Петра*. Мысль въ свободныя минуты сама собою останавливается на *его* любезномъ образѣ; провѣряешь продуманное, вспоминаешь высказанное и невольно хочется повторить все что̀ знаешь о Пушкинѣ въ короткой и дружеской бесѣдѣ. Я надумался писать вамъ, любезнѣйшій Николай Николаевичъ, какъ къ человѣку тонко разумѣющему Пушкина, какъ къ пріятелю съ кѣмъ мнѣ чаще чѣмъ съ другими и о другомъ, приходилось толковать о нашемъ великомъ поэтѣ.

Было время, и недавно, когда Пушкинъ подвергался всяческимъ нареканіямъ. Люди считавшіе свои мысли, мечтанія и

Digitized by Google

стремленія не только наилучшими, но и наиполезнѣйшими для человѣчества, негодовали на поэта не видя въ его созданіяхъ отраженія предметовъ имъ любезныхъ. Весьма возможно что теперь увлеченные нынѣ потокомъ, тѣ же люди и имъ подобные узрятъ, каждый по своему, въ Пушкинѣ отраженіе любезныхъ имъ мыслей, мечтаній и стремленій и припишутъ такое обстоятельство въ особую заслугу поэту. Ихъ мнѣнія можно и должно оспаривать, но вправѣ ли справедливо негодовать на нихъ. Подобныя заблужденія свойственны человѣчеству; люди вообще любятъ восхищаться въ другихъ своими достоинствами, истинными или мнимыми; они зовутъ близкаго имъ человѣка *другомъ*, alter ego. Только божественное ученіе любви возвышаетъ наше сердце надъ самообожаніемъ и самообольщеніемъ; только истинное знаніе заставляетъ нашъ умъ отвергнуть раньше всего всѣческія предразсужденія какъ благопріобрѣтенныя, такъ и наслѣдственныя.

Кто бы и съ какой бы точки зрѣнія ни судилъ о Пушкинѣ, не должно забывать что человѣкъ который будетъ славенъ

> ..... доколь въ подлунномъ мірѣ
> Живъ будетъ хоть одинъ піитъ,

прежде всего и паче всего былъ поэтъ.

Начнемте же бесѣду ab ovo и спросимъ: что̀ такое поэтъ?

Слово поэтъ значитъ творецъ: поэтъ есть человѣкъ способный создавать въ словѣ нѣкоторое подобіе дѣйствительности, нѣкоторое подобіе жизни человѣческой и природы. Таково будетъ общее опредѣленіе.

Г. Тэнъ въ своей *Исторіи англійской литературы*, желая однимъ словомъ опредѣлить сущность генія Шекспира, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всякаго истиннаго поэта, видитъ ее въ необычайной силѣ воображенія. Онъ называетъ Шекспира—чистымъ воображеніемъ (imagination pure). Итакъ, по г. Тэну, творческій даръ заключается въ воображеніи, въ способности не только вообразить себѣ ясно и отчетливо данный предметъ, но и воплотить воображаемое въ образъ и для другихъ столь же ясный и опредѣленный.

Шопенгауеръ считаетъ художественное творчество особою интелектуальною способностью; искусство есть особаго рода знаніе, плодъ чистаго интеллекта, освобожденнаго отъ всякаго вліянія воли. Логическое мышленіе, дѣйствующее по закону

Digitized by Google

основанія, достигаетъ отвлеченныхъ понятій (Begriffe); плодомъ художественнаго мышленія является *идея* въ Платоновскомъ смыслѣ слова; истинное подобіе вещи въ себѣ. Понятіе идеи Шопенгауеръ сближаетъ, даже филологически, съ понятіемъ *вида* въ естественныхъ наукахъ; *видъ* не есть простое отвлеченіе, онъ существуетъ въ природѣ; въ высшихъ организмахъ, онъ ясенъ для каждаго, онъ выраженъ въ народныхъ названіяхъ животныхъ и растеній. Всякій знаетъ что̀ значитъ волкъ, лисица, собака, дубъ, береза, хотя далеко не всякій знаетъ ихъ отличительные признаки, и большинство, вздумавъ отвлеченно опредѣлить что̀ значитъ собака или дубъ, либо вовсе не сумѣетъ этого сдѣлать, либо укажетъ на признаки для натуралиста не существенные.

Итакъ, поэтъ, создавая нѣкоторое подобіе дѣйствительности, даетъ намъ непосредственно *идею* изображаемаго предмета; его образы—видовыя, или типическія подобія вещей въ себѣ. Не ищите въ нихъ отдѣльныхъ чертъ добытыхъ наблюденіемъ дѣйствительности и умно сопоставленныхъ или сплавленныхъ въ искусственное цѣлое; эти черты въ нихъ являются также нераздѣльно, въ органической связи, какъ и въ самой природѣ. Поэтическое знаніе добывается не дробнымъ изученіемъ и наблюденіемъ, не отвлеченіемъ отъ дѣйствительности, не абстракціей, а непосредственнымъ созерцаніемъ дѣйствительности, интуиціей. Непосредственно добытое, оно всякому дается столь же непосредственно и потому понятно всякому; оно даетъ не отвлеченное понятіе о предметѣ, но его видовое изображеніе, его *идею*, въ Платоновскомъ смыслѣ слова, вещь въ себѣ.

Шопенгауеръ, какъ вамъ извѣстно, склоненъ почитать волю главнымъ двигателемъ, какъ въ жизни человѣческой, такъ и въ природѣ, и потому-то въ поэтическихъ созданіяхъ онъ цѣнитъ выше всего изображеніе дѣятельности воли, изображеніе *характера*. Впрочемъ, еще раньше его, то же мнѣніе высказывалъ Жанъ-Поль Рихтеръ. Шопенгауеръ указываетъ еще на то что поэты въ житейскихъ отношеніяхъ рѣдко являются людьми съ сильною волей; такое обстоятельство заставляетъ его еще настойчивѣе утверждать что поэтическій даръ есть плодъ чистаго интеллекта, освобожденнаго отъ вліянія воли. Что поэты въ жизни часто обнаруживаютъ безволіе, въ томъ Шопенгауеръ, конечно, правъ; но германскій мыслитель забываетъ что они же являютъ удиви-

Digitized by Google

тельное напряженіе воли въ слѣдованіи своему призванію; что никакія лишенія и оскорбленія, никакія житейскія невзгоды не въ силахъ отвратить поэта отъ того въ чемъ онъ полагаетъ свое прирожденное дѣло. Не станемъ спорить съ философомъ, участвуетъ ли или нѣтъ воля въ творческомъ процессѣ; несомнѣнно однако что присутствіе извѣстнымъ образомъ направленной воли необходимо для осуществленія самой возможности творческаго процесса. Мимоходомъ Шопенгауеръ замѣчаетъ что, конечно, поэту необходима и фантазія, но спѣшитъ оговорить что излишекъ фантазіи скорѣе для него вреденъ чѣмъ полезенъ.

Какъ бы то́ ни было, нельзя не признать что взглядъ Шопенгауера на художественное творчество и глубже Тэновскаго, и въ весьма сильной степени соотвѣтствуетъ сущности изучаемаго предмета.

Американскій мыслитель Эмерсонъ, великій поклонникъ Шекспира, удивляясь его обширному уму, глубинѣ его чувства и силѣ его воображенія, останавливается однако въ нѣкоторомъ недоумѣніи, размышляя о цѣли его дѣятельности. Чѣмъ же эта дѣятельность полезна людямъ? Эмерсонъ, конечно, разумѣетъ пользу не въ обиходномъ значеніи слова, онъ понимаетъ ее въ смыслѣ одухотворенномъ или нравственномъ. Но все-таки: чѣмъ же именно полезна дѣятельность Шекспира или другаго великаго поэта? вотъ вопросъ, надъ которымъ недоумѣваетъ американскій мыслитель. Съ точки зрѣнія Шопенгауера, можно бы отвѣтить что поэтическая дѣятельность полезна именно тѣмъ особаго рода знаніемъ которое она даетъ людямъ и котораго наука, плодъ отвлеченнаго мышленія, дать не въ силахъ. Но удовлетворился ли бы Эмерсонъ, услышавъ такой отвѣтъ, или пожелалъ бы, кромѣ того, какъ можно заключать по складу его мыслей, еще иной пользы отъ поэзіи, пользы душевной или нравственной?

Обратимся къ древнимъ, возрѣнія которыхъ были прямѣе и цѣлостнѣе чѣмъ наши; не найдемъ ли у нихъ отвѣта на вопросъ Эмерсона, или по меньшей мѣрѣ указанія на возможность удовлетворительнаго разрѣшенія недоумѣнія американскаго мыслителя; съ тѣмъ вмѣстѣ уяснится для насъ и понятіе о поэтѣ.

Древніе считали художниковъ и творцами, и подражателями вмѣстѣ. Слово подражаніе они разумѣли, впрочемъ, не въ пошломъ значеніи. Подражаніе полагалось вовсе не цѣлью

Digitized by Google

поэзіи, даже не средствомъ ея, а только ея источникомъ; первичнымъ источникомъ поэзіи считалась врожденная людямъ способность къ подражанію. У всѣхъ людей есть эта способность, но не всѣ поэты; поэтъ не только подражатель, онъ и творецъ: онъ изображаетъ не единичное и частное, но общее, не былое, но возможное; другими словами, въ переводѣ на терминологію Шеленгауера, поэтъ не повторяетъ дѣйствительности, но даетъ намъ ея *идею*. До сихъ поръ Аристотель, чью *Поэтику*, какъ основанную на всестороннемъ изученіи предмета, въ ея существенныхъ чертахъ Лессингъ считалъ столь же непогрѣшимою, какъ Эвклидовы *Начала*,—вполнѣ согласенъ съ Шеленгауеромъ. Но Аристотель отнюдь не считаетъ самымъ важнымъ какъ въ эпосѣ, такъ и въ драмѣ, созданіе характера; онъ требуетъ достодолжнаго изображенія *дѣйствія*. Это требованіе сводится на указаніе что въ поэтическомъ произведеніи главное вниманіе должно быть обращено на *цѣлое*, на планъ произведенія, на соподчиненіе частностей общему. Изображеніе характера есть только частность, частность весьма важная, которою отнюдь не слѣдуетъ пренебрегать; прекрасно, когда эта частность будетъ изображена какъ слѣдуетъ, но вся забота художника должна быть обращена на созданіе прекраснаго цѣлаго. Это *живое* (или по нынѣшнему, органическое) *цѣлое* должно быть такъ слито и связано во всѣхъ частяхъ своихъ чтобъ устраненіе какой-либо части было немыслимо, чтобы слѣдствіемъ такого устраненія было разрушеніе самого цѣлаго. Несомнѣнно что Аристотель въ этомъ требованіи болѣе правъ чѣмъ Шеленгауеръ.

Но того не довольно; древніе знали что поэтъ у насъ

. . . . Сердца волнуетъ, мучитъ,
Какъ своенравный чародѣй;

что онъ своими созданіями возбуждаетъ въ насъ извѣстныя чувства и страсти. Отсюда заключеніе что къ поэзіи способны: волервыхъ люди страстные; кто самъ волнуется, тотъ сумѣетъ заставить волноваться и насъ: кто самъ испытываетъ гнѣвъ, ревность или иную страсть, тотъ и изобразитъ ее правдивѣе; вовторыхъ, къ поэзіи способны люди богато одаренные отъ природы, люди умѣющіе все понять, разсудить, все взвѣсить и измѣрить. Это не значитъ что всѣ безъ исключенія люди страстные, или богато одаренные непремѣнно способны къ творчеству, но что поэты бываютъ или изъ числа страстныхъ людей, или изъ числа богато одаренныхъ.

Digitized by Google

Еслибы въ древности было высказано положеніе въ родѣ того какое лѣтъ пятьдесятъ назадъ возвѣстилъ г. Викторъ Гюго, а именно что поэтъ долженъ „возбуждать въ насъ въ напсильнѣйшей степени всякія волненія (émotions),“ то они несомнѣнно сочли бы его чудовищнымъ, каково оно и есть въ сущности. Они желали чтобы поэтъ возбуждалъ въ нихъ далеко не всякаго рода чувства, или страсти, но именно тѣ которыя свойственно возбудить данному виду поэзіи; еще менѣе желали они чтобы возбужденіе это было только напсильнѣйшимъ изъ возможныхъ. Они требовали мѣры въ этомъ возбужденіи; они желали чтобы поэтъ, возбуждая въ насъ извѣстныя страсти, въ то же время *очищалъ* ихъ въ насъ. Трагическому поэту, напримѣръ, по самой сущности его искусства свойственно возбуждать въ насъ состраданіе. Мы всѣ способны къ состраданію, но сами не рѣдко страдаемъ или избыткомъ этой страсти, или ея скудостію; оттого мы способны либо сострадать тому что не заслуживаетъ такого высокаго чувства, либо, наоборотъ, отказываемъ въ состраданіи людямъ чьи злосчастія по истинѣ того достойны.

Трагическій поэтъ, возбуждая наше состраданіе правильно, въ должной мѣрѣ, къ предметамъ того заслуживающимъ, тѣмъ самымъ *очищаетъ* въ насъ возбуждаемую страсть, умѣряя ея избытокъ, устраняя ея скудость. Въ такомъ мѣрномъ возбужденіи страсти, преобразующейся въ насъ, подъ вліяніемъ трагическаго искусства, въ добродѣтельный навыкъ, и заключается удовольствіе доставляемое намъ трагедіей. Комикъ возбуждаетъ въ насъ смѣхъ, и онъ подобно трагику долженъ очищать въ насъ аффектъ имъ возбуждаемый. Мы можемъ быть чрезчуръ насмѣшливы, считать достойными смѣха вещи того не заслуживающія или наоборотъ, мы можемъ страдать скудостію смѣха, мы можемъ хмуриться и негодовать тамъ, гдѣ слѣдуетъ просто посмѣяться. Комическій поэтъ, мѣрнымъ возбужденіемъ смѣха надъ предметами по истинѣ того достойными, избавляетъ насъ какъ отъ скудости, такъ и отъ излишка смѣха. Поэтъ лирическій возбуждаетъ въ насъ восторгъ къ героическому поступку, или заставляетъ сердца наши трепетать любовью къ отечеству. И къ нему примѣнимо ученіе объ очищеніи страстей. Мы способны восторгаться недостойнымъ, или холодно относиться къ доблести: пусть же лирическій поэтъ мѣрнымъ возбужденіемъ нашего восторга преобразуетъ эту нашу сло-

Digitized by Google

собность въ добродѣтельный навыкъ восторгаться истинно высокимъ и прекраснымъ. Словомъ, въ ученіи объ очищеніи поэзіей страстей, ею въ насъ возбуждаемыхъ, кроется разгадка на вопросъ Эмерсона, въ немъ разрѣшеніе его недоумѣнія. Этимъ ученіемъ объясняется и цѣль поэзіи, и та польза которую она, по самому существу своему, способна приносить людямъ.

Попробуемъ теперь привести къ общему знаменателю всѣ изложенныя сужденія о поэзіи. Не соглашаясь съ г. Тэномъ что художественное творчество есть плодъ чистаго воображенія, признаемъ, однако, что поэту заставляющему насъ вообразить свою мечту потребна великая сила воображенія. Поставимъ въ важную научную заслугу Шопенгауеру указаніе на то какого именно рода знаніемъ обогащаетъ насъ поэзія и въ чемъ состоитъ коренная разница мышленія художественнаго отъ логическаго, но станемъ оспаривать его мнѣніе что искусство есть плодъ чистаго интеллекта освобожденнаго отъ всякаго вліянія воли. Воля поэта должна быть направлена именно на то чтобы быть, во что бы то ни стало, вѣрнымъ своему призванію,—на свободное выраженіе своей творческой способности. Не забудемъ при этомъ и ученія Аристотеля о нравственномъ, но отнюдь не нравоучительномъ, значеніи поэзіи, и скажемъ что сердце въ груди поэта должно быть поставлено высоко и правильно. Итакъ, нужна поэту и сила воображенія, и умъ, способный созерцать идеи, въ Платоновомъ смыслѣ этого слова, и мѣрное чувство; нужна также и крѣпкая воля, вся устремленная на выраженіе творческаго дара. Нужно, словомъ, поэту владѣніе всѣми душевными способностями, но въ какой степени, или въ какомъ сочетаніи? Чѣмъ я больше вдумываюсь въ чемъ именно состоитъ творческая способность, тѣмъ сильнѣе во мнѣ укрѣпляется мысль что поэзія есть выраженіе творящей воли, требующей для своего осуществленія полной и ненарушимой гармоніи всѣхъ душевныхъ способностей, гармоніи ума, сердца и воображенія. Въ справедливости такого мнѣнія меня убѣждаетъ и то обстоятельство что всѣ истинные цѣнители поэзіи искони указываютъ, какъ на недостатокъ даннаго поэтическаго произведенія, на скудость или излишество въ немъ, или ума, или чувства, или воображенія. Мы не довольствуемся когда поэтическое произведеніе только умно, хотя бы оно было и чрезвычайно умно, еще менѣе довольны мы когда въ немъ обнаруживается скудоуміе; намъ не нравится когда

Digitized by Google

поэтъ слишкомъ холоденъ, или когда онъ обнаруживаетъ излишнюю, притворную или слезливую чувствительность; мы не любимъ когда поэтъ даетъ слишкомъ большой просторъ своей фантазіи и съ неодобреніемъ относимся къ произведенію гдѣ обнаруживается ея скудость. Возьмите какія угодно сочетанія скудости или излишка тѣхъ или другихъ душевныхъ способностей, и вы согласитесь что всѣ эти сочетанія, встрѣченныя въ художественномъ созданіи, будутъ поставлены въ укоръ его творцу.

Если мое разсужденіе справедливо, то изъ него вытекаетъ слѣдующее. Созданное гармоническимъ сочетаніемъ всѣхъ душевныхъ способностей, поэтическое произведеніе способно и всякаго безъ предразсужденій имъ наслаждающагося приводить въ столь же цѣлостное и гармоническое настроеніе. Другими словами, поэзія *утѣшитъ* душу: въ этомъ ея значеніе, или, если хотите, польза.

Не всѣ, однако, произведенія, даже великихъ поэтовъ, равно совершенны. Несовершенство, по моей мысли, зависитъ отъ того что въ самую минуту зарожденія произведенія, поэтъ не въ равной степени владѣлъ всѣми своими способностями и одна изъ нихъ преобладала надъ другими, или же оттого что въ минуту исполненія, когда мечта воплощалась, становилась живымъ созданіемъ, поэтъ не былъ въ гармоническомъ настроеніи. При условіи же гармоніи душевныхъ силъ поэтъ, въ какой бы степени онъ ни былъ одаренъ творческою способностью, создаетъ произведеніе совершенное. Оттого и у меньшихъ поэтовъ мы встрѣчаемъ созданія совершенныя; оттого всѣ истинные поэты, какъ великіе и многообъемлющіе, такъ и тѣ кому доступенъ только ограниченный кругъ идей, вѣчны: Горацій какъ Шекспиръ, Кольцовъ какъ Пушкинъ.

II.

Опредѣливъ что такое поэтъ и значеніе поэзіи въ жизни людей, обратимся теперь къ нашему Пушкину. Прежде всего вспомнимъ какъ онъ самъ смотрѣлъ на дѣло искусства и на свое призваніе.

Пушкинъ въ поэтическихъ произведеніяхъ, какъ то видно изъ его разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ замѣтокъ, цѣнилъ выше всего *планъ*, то-есть построеніе цѣлаго, стройный

Digitized by Google

расположеніе его частей; другими словами, считалъ въ немъ самымъ существеннымъ то же что и Аристотель. Вдохновеніе нашъ поэтъ опредѣлялъ какъ „расположеніе *души* къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и объясненію ихъ," видѣлъ его въ полномъ обладаніи душевными способностями. Противополагая вдохновеніе восторгу или лирическому порыву, онъ главнымъ признакомъ перваго считалъ *спокойствіе*, которое, по словамъ поэта, „есть необходимое условіе *прекраснаго*". „Восторгъ, говоритъ онъ продолжая то же сопоставленіе, непродолжителенъ, непостоянъ, слѣдовательно не въ силахъ произвести истинное, великое совершенство." Условіемъ истинно великаго онъ полагаетъ „постоянный трудъ"; въ другомъ мѣстѣ онъ даетъ труду эпитетъ „упорнаго".

„— Какъ! говоритъ Чарскій импровизатору,—чужая мысль чуть коснулась вашего слуха и уже стала вашею собственностью какъ будто вы съ нею *носились*, лелѣяли, *развивали ее безпрестанно*. Итакъ для васъ не существуетъ ни *труда*, ни *охлажденія*, ни этого *безпокойства которое предшествуетъ вдохновенію*?"

И когда настаетъ это безпокойство, когда

Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещетъ и звучитъ, и ищетъ какъ во снѣ
Излиться наконецъ свободнымъ проявленьемъ,—

что̀ является предъ поэтомъ?

И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.

И тутъ настаетъ минута рожденія, минута воплощенія долго лелѣянныхъ, трудно выношенныхъ думъ:

И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И рифмы легкія на встрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ,
Минута—и стихи свободно потекутъ.

Итакъ постоянный и упорный трудъ, безпрестанное усовершенствованіе „любимыхъ думъ", спокойное обладаніе душевными силами въ минуты вдохновенія, „сила ума располагающаго частями въ отношеніи цѣлаго,"—вотъ, по Пушкину, условія для созданія истинно великаго, вотъ на что̀ должны быть устремлены главныя заботы поэта. А у насъ, оставляя

Digitized by Google

втунѣ существенное, такъ много толковали и толкуютъ о томъ что Пушкинъ „тщательно отдѣлывалъ свои стихи“, былъ заботливъ о внѣшней формѣ своихъ произведеній, какъ будто форма не есть органическая принадлежность поэтической *идеи*, * а какое-то украшеніе искусственно придуманное для приданія мысли пріятной наружности. Поэтъ сказавшій:

Какъ стихъ безъ мысли въ пѣснѣ модной,
Дорога зимняя гладка,

конечно, не могъ прилагать особой старательности о придачи своему стиху внѣшней гладкости. Онъ отдѣлывалъ стихъ не ради „стиха“; онъ просто измѣнялъ стихи которые не вполнѣ соотвѣтствовали поэтическому замыслу, не были точнымъ его выраженіемъ, затемняли ясность и опредѣленность образа. Дѣло въ томъ что въ минуту воплощенія идеи, далеко не всѣ частности находятъ себѣ немедленное и соотвѣтствующее выраженіе; поэтъ чувствуетъ что они не вполнѣ отвѣчаютъ его замыслу, но на время допускаетъ невольное несовершенство своего труда. Забота о совершенствѣ, однако, не покидаетъ его; онъ мучается, старательно ищетъ надлежащаго слова, взвѣшиваетъ истинный смыслъ выраженій. И онъ счастливъ, онъ успокоивается когда наконецъ находитъ искомое; въ этомъ-то исканіи прямого выраженія замысла и заключается то что въ художествахъ зовется *искусствомъ*. Потому-то всѣ поправки Пушкина такъ и цѣнны что онѣ обличаютъ въ немъ эту важную заботливость. Не менѣе достойна вниманія забота поэта о соотвѣтственности эпитета. Шолегауеръ не даромъ приписываетъ великое значеніе удачному эпитету. Слово, по его мнѣнію, само по себѣ слишкомъ отвлеченно, оно выражаетъ понятіе отвлеченное; эпитетъ даетъ ему образность, дѣлаетъ его живымъ и живописнымъ; поэтому эпитетъ составляетъ могущественное средство для выраженія идеи, подобія вещи въ себѣ. И въ самомъ дѣлѣ, эпитетъ играетъ въ поэзіи важную роль съ самаго ея зарожденія. Оттого въ произведеніяхъ народнаго творчества, какъ у Гомера, такъ и въ нашихъ былинахъ, удачный эпитетъ неизмѣнно сопровождаетъ всюду данное слово: черные корабли, копье долгомѣрное и т. д.

* Я употребляю здѣсь, какъ и всюду, это слово въ Платоновскомъ смыслѣ.

Digitized by Google

Послѣ заботы о планѣ, о цѣломъ произведеніи, художникъ подобаетъ озаботиться о характерѣ изображаемыхъ лицъ. Изученіе Мольера и Шекспира привело Пушкина къ отданію предпочтенія послѣднему. Въ чемъ же онъ полагалъ достоинство Шекспира? Мольеръ, говоритъ онъ, изображалъ только типы такой-то страсти, такого-то порока; онъ выражалъ только идеи отдѣльныхъ страстей и пороковъ. Но таковы ли люди въ себѣ и таково ли должно быть ихъ поэтическое подобіе? Нѣтъ, они не таковы; ихъ природа сложнѣе, ихъ волнуютъ многія страсти, они рабы многихъ пороковъ. Въ Шекспирѣ нашъ поэтъ цѣнитъ поэтому многосложность характеровъ, „вольное и широкое“ ихъ изображеніе; то что его лица—вполнѣ живыя существа. Подобное же повторяетъ Пушкинъ при сопоставленіи Шекспира съ Байрономъ. Байронъ понималъ только одинъ характеръ, именно свой собственный; отдѣльныя черты этого характера онъ придавалъ своимъ лицамъ; одного надѣлялъ ненавистью, другаго меланхоліей, третьяго гордостью и т. д.; въ созданіяхъ Байрона, его характеръ, полный, мрачный и энергическій, расплался на нѣсколько незначительныхъ. Пушкинъ осуждаетъ еще манію къ усиленному *выдерживанію* характера; боязнь которую обнаруживаетъ художникъ что его лицо скажетъ хотя слово несоотвѣтственное придуманному характеру. „Заговорщикъ по-заговорщицки говоритъ: дайте мнѣ пить, и это просто смѣшно.“ Вспоминая одного изъ героевъ Байроновой трагедіи, человѣка дышащаго ненавистью, Пушкинъ спрашиваетъ: „эта монотонія, эта аффектація лаконизма, безпрестанной ярости,—развѣ это натура?“ То ли у Шекспира? Нѣтъ, онъ не боится за своихъ лицъ; они говорятъ у него съ *беззаботливостью* жизни, потому что поэтъ увѣренъ что въ нужное время и въ должномъ мѣстѣ его лица найдутъ языкъ соотвѣтственный ихъ характеру. „Обстоятельства, говоритъ Пушкинъ въ другомъ мѣстѣ о Шекспировыхъ лицахъ,—развиваютъ предъ зрителемъ ихъ разнообразные, многосложные характеры.“

И опять мы точно читаемъ Аристотеля. И онъ твердилъ о подчиненіи характера дѣйствію, о томъ что лица должны выражать свой характеръ въ дѣйствіи, въ данную, способную для такого выраженія минуту; и онъ замѣчалъ что далеко не всѣ рѣчи дѣйствующихъ живописуютъ ихъ характеръ, но именно тѣ гдѣ выражается склонность или направленіе ихъ

Digitized by Google

воли; и онъ говорилъ что характеры должны быть *похожи*, то-есть подобны тѣмъ какіе мы встрѣчаемъ въ дѣйствительности.

Не мимо сказано Лессингомъ что всякій поэтъ есть прирожденный критикъ, но конечно не всякій изъ нихъ способенъ понимать художество съ такою глубиной какъ Пушкинъ. Въ любви которую поэтъ обнаруживаетъ къ другому поэту, въ оцѣнкѣ этого другаго, въ томъ что̀ именно онъ находитъ и ясно видитъ въ немъ, сказывается не одна критическая способность, но и сродство генія, конгеніальность. Приломивая слова Аристотеля о томъ какіе люди способны къ поэзіи, и видя значеніе которое Пушкинъ придавалъ плану, его недовольство когда лица изображаются только какъ типическія воплощенія страстей, будь то страсти трагическія или комическія—мы можемъ заключить что онъ принадлежалъ къ поэтамъ изъ числа людей богато одаренныхъ отъ природы, или къ поэтамъ объективнымъ, по терминологіи германской философіи. Онъ любилъ изображенія людей во всей многосложности ихъ природы; онъ стремился къ раскрытію *идеи* человѣка во всей ея полнотѣ. Прибавимъ къ этому что односторонность и однообразность были чужды природѣ Пушкина. „Однообразность въ писателѣ, замѣчаетъ онъ, доказываетъ односторонность ума, хоть можетъ-быть и глубокомысленнаго."

Соображая всѣ замѣчанія Пушкина объ искусствѣ, сдѣланныя при случаѣ, часто какъ бы мимоходомъ, я не боюсь власть въ ошибку, утверждая что еслибы онѣ попались подъ руку мыслителю не знающему Пушкина какъ поэта, то онъ изъ одного этихъ мимоходныхъ и отрывочныхъ замѣтокъ заключилъ бы что человѣкъ ихъ сдѣлавшій самъ былъ поэтъ и притомъ многообъемлющій.

Обратимся теперь къ поэтическому воззрѣнію Пушкина на поэта, къ выраженію *идеи* поэта въ его созданіяхъ. Поэтъ отличается отъ другихъ людей своимъ даромъ:

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ забавахъ суетнаго свѣта
Онъ *малодушно* погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,

Digitized by Google

И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть-можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Но когда онъ становится поэтомъ, когда „божественный глаголъ“ коснется его чуткаго слуха, онъ мгновенно преображается; онъ уже не малодушно погруженъ въ забавахъ міра, онъ тоскуетъ въ нихъ, онъ обрѣтаетъ волю и

Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ, и *смятенья* полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы....

Онъ дикъ и суровъ, потому что въ эти мгновенья ему становятся чужды всѣ остальныя дѣла людей; онъ полонъ не только звуковъ, но и смятенья, какъ человѣкъ пробудившійся отъ тяжкаго сна, какъ человѣкъ для котораго въ потьмахъ будничной жизни внезапно блеснулъ свѣтъ откровенія; онъ полонъ смятенья еще потому что, забывая о своемъ призваніи, онъ не чуждался пошлой вседневности, не чуждался людской молвы и склонялъ голову предъ народнымъ кумиромъ. О, теперь онъ сталъ инымъ:

И внялъ онъ неба содраганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подземный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.

Теперь для него стало понятно все сокровенное въ мірѣ, и все въ немъ способенъ онъ обнять своею мечтой.

Поэтъ чуткъ ко всему, онъ на все отзывчивъ, какъ эхо:

Ты внемлешь грохоту громовъ
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ,—
И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ жь нѣтъ отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ!

Поэтъ выше всего цѣнитъ свое призваніе, онъ любитъ это всей души прекрасное, для него оно дороже всего въ жизни. Вотъ какія слова влагаетъ Пушкинъ въ уста Моцарта, художника столь конгеніальнаго нашему поэту и столь имъ любимаго:

Когда бы всѣ такъ чувствовали силу
Гармоніи! Но нѣтъ, тогда бъ не могъ

Digitized by Google

И міръ существовать: никто бъ не сталъ
Заботиться о нуждахъ низкой жизни—
Всѣ предались бы вольному искусству!
Насъ мало избранныхъ, счастливцевъ праздныхъ,
Пренебрегающихъ презрѣнной пользой,
Единаго прекраснаго жрецовъ.

Испытавъ не одну славу, но и терніи своего вѣнца, поэтъ съ новою силой утверждаетъ что счастье для него все въ томъ же, въ его призваніи, въ любви къ прекрасному; онъ не дорожитъ тѣми правами

Отъ коихъ не одна кружится голова;

его не прельщаютъ политическія вольности:

Иныя, лучшія мнѣ дороги права;
Иная, лучшая потребна мнѣ свобода...
Зависѣть отъ властей, зависѣть отъ народа
Не все ли намъ равно? Богъ съ ними... Никому
Отчета не давать, себѣ лишь самому
Служить и угождать; для власти, для лавреи
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественныхъ природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья,
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья—
Вотъ счастье! вотъ права!...

Не внѣшняя, но внутренняя свобода дорога поэту; въ чемъ же онъ видитъ свое призваніе, для чего онъ посланъ въ міръ? „Зачѣмъ такъ звучно онъ поетъ?“ Отъ поэта требуютъ чтобъ онъ былъ прямо и непосредственно полезенъ людямъ, чтобъ эта польза была ощутительна въ житейскомъ обиходѣ. Люди готовы сознаться что они малодушны и коварны, они признаютъ свое безстыдство, злость и неблагодарность; люди не скрываютъ что сердцемъ они „хладные скопцы“,—но они требуютъ чтобы поэтъ исправилъ ихъ, чтобъ, отвергнувъ свою свободу, онъ занялся дѣломъ которое будетъ для нихъ явственно полезно и благодѣтельно:

Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя.

Поэтъ съ негодованіемъ отворачивается отъ такого требованія. У васъ были, говоритъ онъ, иныя средства для исправ-

Digitized by Google

ленія; орудія тяжкія для кары грѣха и преступленія. Зачѣмъ же вы требуете отъ меня чтобъ я взялся за дѣло къ которому не призванъ? Есть много полезныхъ дѣлъ, но всякаго ли вы заставляете исправлять любое изъ нихъ? Развѣ вы не знаете что людскіе уроки не одинаковы, что есть труды возвышенные, болѣе другихъ святые и прекрасные?

Во градахъ вашихъ, съ улицъ шумныхъ
Сметаютъ соръ—полезный трудъ!
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы-ль у васъ мету берутъ?

Не заставляйте же и поэта работать не надъ своимъ участкомъ; у него свое важное и великое дѣло:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,—
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Вотъ въ чемъ призваніе поэта, которое онъ долженъ охранять какъ зѣницу ока, которое должно быть ему дороже всего. Таковъ прямой и ясный смыслъ этого стихотворенія, давшаго поводъ ко многимъ злобнымъ нареканіямъ, какъ искреннимъ такъ и умышленнымъ. Обвиняли поэта за недостатокъ гражданственности, за чуть ли не полное отвращеніе къ тому что въ древности звалось *общимъ дѣломъ*, хотя поэтъ становится поэтомъ только въ минуты вдохновенія и притомъ давно извѣстно что, глядя на поэтовъ съ подобной не объемлющей сущности предмета, точки зрѣнія, придется ихъ наградить вѣнцомъ и удалить изъ города. Была несомнѣнная умышленность въ недавнихъ нападкахъ на Пушкина и поэзію вообще; руководители желали, хотя на время, устранить всякое вліяніе, кромѣ своего; они желали обратить общее вниманіе на дѣло казавшееся имъ достойнымъ всевозможныхъ усилій, полнаго поглощенія человѣка. Въ этомъ, пожалуй, ихъ оправданіе, но все же они совершали непростительный грѣхъ, отвращая юношество отъ поэзіи и тѣмъ лишая его того особаго рода знанія которое дается исключительно искусствомъ, устраняя отъ него возбужденіе чувствованій высокихъ и прекрасныхъ. Этимъ они останавливали ходъ образованности, ибо, конечно, нельзя почесть человѣкомъ образованнымъ, или, какъ нынѣ прелочитаютъ говорить, развитымъ того кому чуждо нѣчто высокочеловѣче-

Digitized by Google

свое, чужда цѣлый отдѣлъ знанія, цѣлый кругъ чувствованій. А безъ всесторонней образованности мыслимо ли и правильное развитіе гражданственности?

Но пусть ненавидятъ и гонятъ поэзію! Поэтъ долженъ помнить что эта горькая чаша не минуетъ его, и быть готовъ безропотно принять ее. Добродѣтельный, говоритъ Шопенгауеръ, можетъ надѣяться на воздаяніе въ лучшемъ мірѣ; человѣкъ благоразумный — въ здѣшней жизни; поэту нѣтъ награды ни здѣсь, ни тамъ: его даръ его награда.

Минутный шумъ восторженныхъ похвалъ, говоритъ Пушкинъ поэту, пройдетъ; ты услышишь судъ глупца и сочувственный ему смѣхъ толпы,

Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.
Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородной.
Онѣ въ самомъ тебѣ.

Но будь при этомъ строгъ къ себѣ, будь „взыскательнымъ“ къ себѣ художникомъ, и если и тогда ты останешься доволенъ своимъ трудомъ, то

..... пусть толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ *дѣтской ревности* колеблетъ твой треножникъ.

Этими чертами дорисовывается образъ поэта; идея поэта получаетъ свое окончательное и полное выраженіе, болѣе полное, чѣмъ дано другими великими поэтами.

Твердое сознаніе своего долга, царственное уединеніе, внутренняя свобода и проистекающее изъ нея неколебимое спокойствіе духа, — вотъ какимъ рисуетъ нашъ Пушкинъ поэта. Этотъ образъ начертанъ, однако, въ порывѣ негодованія; въ стихотвореніи, достойно заключающемъ лирическія произведенія Пушкина, тотъ же образъ обозначенъ чертами болѣе спокойными, дышетъ примиреннымъ чувствомъ:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ.

Поэтъ, отвергающій требованіе отъ него пользы въ житейскомъ обиходѣ, сознаетъ что онъ былъ иначе полезенъ,

Digitized by Google

живою прелестью стиховъ; полезенъ въ иномъ, высшемъ значеніи слова: онъ пробуждалъ добрыя чувства, онъ призывалъ милость къ падшимъ. Уже безъ негодованія на черни говоритъ онъ о своемъ призваніи, но съ чувствомъ благоговѣйной покорности Промыслу, давшему ему въ удѣлъ творческую способность:

Велѣнью Божію, о Муза! будь послушна.
Обиды не страшись, не требуй и вѣнца;
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

III.

Доказывать что Пушкинъ былъ поэтъ многосторонній и многообъемлющій, великій выразитель *идей* русской дѣйствительности, которому съ тѣмъ вмѣстѣ не было чуждо ничто человѣческое,—врядъ ли настоитъ надобность. Врядъ ли въ наши дни найдется смѣльчакъ который отважется всенародно сомнѣваться въ этомъ. Въ настоящемъ письмѣ мнѣ хочется указать на *особенности* творческаго генія Пушкина, обозначить его мѣсто въ ряду другихъ великихъ поэтовъ.

Мы все еще какъ-то не привыкли къ русскому величію и способны разглядѣть его только въ чужія очки; мы все еще любуемся самостоятельности и любимъ, выражаясь уподобленіемъ Великаго Петра, „какъ птенцы смотрѣть въ ротъ маткѣ“. Еще недавно, по случаю близкаго открытія памятника Пушкину, я гдѣ-то прочелъ слѣдующую замѣтку. Упрекая общество въ равнодушіи, чуть не въ презрѣніи къ отечественной славѣ, авторъ слѣпитъ трусливо прибавить что хотя де, конечно, мы не доросли еще до такихъ поэтовъ какъ Шиллеръ и Шекспиръ, но все-таки Пушкинъ былъ поэтъ которымъ мы имѣемъ полное право гордиться...

Эта обиходная, пошлая замѣтка, признаюсь, возмутила меня. Что за слуганныя, рабски приниженныя рѣчи! Почему уломянуты именно Шиллеръ и Шекспиръ? Развѣ есть указная мѣра для великихъ поэтовъ, подъ которую подходятъ только они двое? Или Пушкинъ выражалъ въ своихъ твореніяхъ тѣ же *идеи*, что и оба великіе западные поэта, но съ меньшею глубиной и совершенствомъ? Область поэтическихъ *идей* безгранична; у всякаго геніальнаго поэта свой кругъ

Digitized by Google

идей, равно важныхъ и великихъ. Указывайте на особенности каждаго, но не ставьте произвольной мѣры величію. Конечно, одинъ поэтъ можетъ быть любезнѣе вашему сердцу, быть вашимъ избранникомъ, но и тутъ слѣдуетъ свой личный вкусъ сообразовать съ сущностью предмета, ограничивая его достодолжнымъ изученіемъ искусства и съ тѣмъ вмѣстѣ освобождаясь, при помощи науки, отъ личныхъ, хотя бы безвредныхъ, даже похвальныхъ, пристрастій. И къ чему наконецъ гордиться поэтомъ? Гордость чувство слишкомъ самолюбивое; поэта слѣдуетъ любить, а любовь тутъ неразлучна со знаніемъ.

Воспользуемся, однако, указаннымъ случайнымъ сопоставленіемъ Шиллера и Шекспира съ Пушкинымъ, дабы нагляднѣе и прямѣе опредѣлить особенности нашего поэта. Шиллеръ былъ по преимуществу лирикъ, лирикъ даже въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ; Шекспиръ былъ существенно драматургъ; его эпическія поэмы незначительны, его лирическія стихотворенія имѣютъ значеніе почти исключительно біографическое. Пушкинъ былъ поэтомъ въ самомъ обширномъ значеніи слова; ему были равно доступны всѣ роды поэзіи, во всѣхъ онъ былъ полнымъ хозяиномъ, самостоятельнымъ творцомъ *идей*, нераздѣльно и органически слитыхъ съ формой. Такое обстоятельство несомнѣнно свидѣтельствуетъ о широтѣ его поэтической природы.

Шиллеръ, великій поэтъ свободы въ самомъ возвышенномъ значеніи слова, былъ весь порывъ, весь восторгъ; всѣ герои его драмъ также порывисты и восторженны какъ и онъ самъ. Въ изображеніи лирическихъ порывовъ Шиллеръ удивителенъ, но онъ никогда не возвышался до созданія истиннаго характера. Развернемъ лирическія стихотворенія Пушкина. Раньше всего мы изумимся въ нихъ не напряженности порыва, не силѣ восторга, какъ у Шиллера, но чрезвычайному разнообразію мотивовъ. Какія страсти и чувства, самыя высокія, самыя святыя, не были доступны этому человѣку! Радость и скорбь; любовь страстная, ревнивая и мучительная, и богомольное благоговѣніе передъ святыней красоты; жадное желаніе обладать женщиной и братское желаніе ей счастія во всемъ даже въ томъ кто дастъ ей названіе супруги; дружба вѣрная, неизмѣнная, истинно братская; мучительныя сомнѣнія и чистая вѣра, влекущая „въ заоблачную келью“, въ сосѣдство Бога; ропотъ, недовольство жизнью, признаніе

Digitized by Google

ея даромъ напраснымъ и случайнымъ и благоговѣйно молитвенное воздыханіе; дѣтская привязанность къ нянѣ; возвышенное стремленіе, не помня зла, воздать за благо; пламенная любовь къ родинѣ, суровый, но полный достоинства отпоръ ея врагамъ; тоска о напрасно утраченныхъ годахъ, „змѣи сердечной угрызенья,“ печаль минувшихъ дней, не укрощенная временемъ, сознанье что

сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море,

и желаніе жить, жить для того чтобы „мыслить и страдать“; любовное стремленіе къ прекрасному, царственное, но угрюмое уединеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ мило игривая шутливость. Какое неисчислимое богатство душевной и духовной жизни!

Пушкинъ любилъ природу, эту „равнодушную“ природу, сіяющую вѣчною красой. Ему были доступны ея многообразныя красоты отъ простаго сельскаго вида, отъ пруда, „раздолья утокъ молодыхъ,“ обсаженнаго густыми ивами, до гордыхъ вершинъ Кавказа и тихо мирныхъ, роскошныхъ картинъ Крыма; онъ любилъ и деревенскую тишину, и море съ его немолчнымъ ропотомъ, съ его крутящими бурями. Удивительнымъ поэтическимъ чутьемъ, онъ вѣрно угадывалъ красоты чуждой, невиданной имъ во-очію природы; вспомните, напримѣръ, описаніе испанской ночи въ *Каменномъ Гостѣ*, или изумительно характерное наименованіе Венеціи „мраморной лодкой“. Изъ временъ года ему милѣе всего была осень: онъ любилъ ея спокойное увяданіе, то время, когда все уже дало свой плодъ, когда еще не замѣтенъ упадокъ силъ, когда посвѣжѣвшій воздухъ живитъ и бодритъ, когда природа еще пышно убрана, но убрана уже какъ жертва. Въ этой любви къ осени сказалась одна изъ душевныхъ струнъ поэта, грустная и бодрая вмѣстѣ. Не выходя изъ круга лирическихъ стихотвореній, мы можемъ указать на необычайную типическую мѣткость въ изображеніи Пушкинымъ неизчерпаемой *идеи* человѣка, съ его внѣшними и внутренними особенностями; тутъ вы найдете и маленькаго лжа, мечтающаго о севильской графинѣ, и стараго гусара, вспоминающаго о „чернобривыхъ“ красавицахъ, и маститый образъ вельможи, проводящаго остатокъ своей полной впечатлѣній жизни въ роскошномъ уединеніи, украшенномъ плодами наукъ и художествъ, и суровый образъ „поэта гордости“ Байрона:

Digitized by Google

Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ!
Твой образъ былъ на немъ означенъ,
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ,
Какъ ты могущъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты ничѣмъ неукротимъ.

Придя въ міръ, когда поэтическая дѣятельность другихъ народовъ уже выразилась болѣе или менѣе полнымъ образомъ, Пушкинъ желалъ какъ бы обнять весь этотъ богатый міръ *идей* и даровать его русской дѣйствительности: и вотъ ему равно доступны и строгая красота античнаго міра, и исламскій романтизмъ, и кокетливая прелесть французской поэзіи, и гордая лира Альбіона, и братски-родственная поэзія Славянъ. И все это отразилось въ немъ своеобразно; все это, не лишаясь свойственной каждому своеобычности, получило печать *его* самобытности. Нерѣдко онъ бралъ только основной мотивъ иностраннаго поэта, его такъ-сказать палѣтъ, и развивая его по своему, создавалъ свое цѣлое и прекрасное. Какъ Мольеръ, только въ болѣе обширной области, онъ могъ сказать что отовсюду собираетъ *свое* добро.

Пусть же укажутъ поэта, чья лира богаче струнами, разнообразнѣе палѣтами! Итакъ, не переставая сердечно любить Шиллера, не переставая удивляться его возвышенной мечтательности, его стремительному восторгу, скажемъ, со спокойствіемъ знанія, что область лиры далеко не исчерпывается тѣмъ кругомъ *идей* которыхъ выразителемъ ему было даровано въ удѣлъ; особенно же не станемъ мѣрить другихъ поэтовъ *его* мѣрой, чего, конечно, и онъ самъ не пожелалъ бы.

Нѣтъ ли, однако, въ богатомъ разнообразіи Пушкинской лирики нѣкоторой, ему если не исключительно, то въ высокой степени свойственной особенности которую можно бы почесть за печать его генія? Насколько я понимаю, эта особенность заключается въ возвышенномъ спокойствіи его созерцанія: оно сказывается трезвенной бодростью, не покидающею поэта въ минуту самыхъ тяжкихъ и скорбныхъ испытаній; чувствомъ всепрощенія и примиренія, или по крайней мѣрѣ чувствомъ терпѣливой снисходительности по отношенію ко всему враждебному, какъ къ нему лично, такъ и къ поэзіи, и къ отечеству; наконецъ, то же спокойствіе сказывается въ добросердечіи Пушкинскаго юмора, въ цѣломудренномъ просвѣтлѣніи, не чуждомъ самымъ страстнымъ его стихотвореніямъ. Все это свидѣтельствуетъ о мѣрности его чувства, о

Digitized by Google

его душевной цѣлости. Таковы, приблизительно, особенности Пушкина.

Обратимся къ сопоставленію съ Шекспиромъ; не поможетъ ли и оно намъ къ опредѣленію особенностей нашего поэта. Шекспиръ, какъ трагикъ, имѣлъ черты общія съ другими истинно трагическими поэтами: онъ возбуждалъ чувства спасительнаго страха грозящей опасности и милосердаго сострадавія, но не тутъ слѣдуетъ искать особенностей его генія. Они заключаются не въ томъ *что* онъ возбуждалъ, а въ томъ *какъ* и *чѣмъ* онъ достигалъ возбужденія трагическихъ волненій. Насколько я знаю, признакъ общій всѣмъ его трагедіямъ состоитъ въ слѣдующемъ: Шекспиръ рисовалъ человѣка въ одержаніи страстью; страсть, напряженная и могучая, одолѣваетъ людей, дѣйствуя на каждаго сообразно съ его характеромъ и душевными особенностями; страсть уничтожаетъ человѣка, искажаетъ его доблести, творитъ изъ него злодѣя; въ этомъ одолѣніи страстью трагическая судьба Шекспировскихъ героевъ, въ немъ исконная причина ихъ злосчастія. Они возбуждаютъ въ насъ страхъ непосильностью борьбы со страстью которая грозитъ и намъ, какъ всѣмъ смертнымъ; они возбуждаютъ наше сострадавіе тѣмъ гибельнымъ концомъ который есть неизбѣжное слѣдствіе возобладавшей надъ человѣкомъ страсти: и какъ разнообразны эти страсти, и нѣтъ отъ нихъ спасенія ни самому твердому, ни самому умному, ни самому доблестному! Вотъ въ чемъ, если не ошибаюсь, особенность Шекспира; вотъ чемъ такъ-сказать вензелевая печать его генія. Но напрасно мы стали бы искать у великихъ древнихъ трагиковъ чего-либо подобнаго: они иначе понимаютъ трагическое злосчастіе, иначе рисуютъ характеръ въ дѣйствіи, инымъ способомъ, хотя столь же могущественно, возбуждаютъ трагическіе страхъ и сострадавіе. Было бы нелѣпостью требовать, хотя бы такое требованіе истекало изъ пламенной любви къ Шекспиру и глубокаго пониманія его твореній,—повторяю: было бы нелѣпо требовать чтобъ и другіе поэты рисовали намъ людей въ одержаніи страстью, чтобъ и они, при помощи тѣхъ же средствъ, и рисовали характеры, и выражали *идею* трагической судьбы человѣка. Какъ бы ни былъ великъ и многообъемлющъ поэтъ, область поэзіи обширнѣе и многообразнѣе его генія.

Теперь, имѣя въ виду именно изображеніе борьбы человѣка со страстью, я постараюсь выяснить еще одну особенность

Digitized by Google

Пушкина. Страсть могуча, но не непреоборима; есть въ человѣкѣ нѣчто способное возвыситься надъ страстью, заставить ее умолкнуть и покориться. Поборенiе страсти составляетъ основу многихъ благочестивыхъ повѣстей и сказанiй, издавна любимыхъ нашимъ народомъ, и напрасно одинъ, впрочемъ весьма почтенный ученый, не безъ строгости выговаривалъ Русскому народу за то что онъ не создалъ изъ такихъ повѣстей легенды подобной нѣмецкой легендѣ о Фаустѣ, то-есть не ввелъ въ сказанiя мотива падетiя. У Пушкина мотивъ поборенiя страсти нашелъ свое поэтическое воплощенiе въ незабвенномъ образѣ Татьяны.

Нѣтъ надобности вспоминать всѣ обстоятельства и переплетiи романа; я остановлюсь только на послѣдней сценѣ гдѣ искомая *идея* получила полное развитiе; но раньше не могу отказать себѣ въ удовольствiи выписать картину появленiя Татьяны на балу. Какъ удивительно въ этихъ стихахъ живописуется ея своеобразная, тихая и неторопливая грацiя, и притомъ истинно художественно, въ дѣйствiи, въ томъ впечатлѣнiи которое производитъ Татьяна своимъ появленiемъ на всѣхъ присутствующихъ:

Но вотъ толпа заколебалась,
По залѣ шепотъ пробѣжалъ...
Къ хозяйкѣ дама приближалась,
За нею важный генералъ.
Она была не тороплива,
Не холодна, не говорлива,
Безъ взора наглаго для всѣхъ,
Безъ притязанiй на успѣхъ,
Безъ этихъ маленькихъ ужимокъ,
Безъ подражательныхъ затѣй...
Все *тихо*, просто было въ ней.
Она казалась вѣрный снимокъ
Du comme il faut...
Къ ней дамы подвигались ближе,
Старушки улыбались ей;
Мущины кланялися ниже,
Ловили взоръ ея очей;
Дѣвицы проходили тише
Предъ ней по залѣ...
Никто бъ не могъ ее прекрасной
Назвать; но съ головы до ногъ

Digitized by Google

Никто бы въ ней найти не могъ
Того, что модой самовластной
Въ высокомъ лондонскомъ кругу
Зовется vulgar...

Онѣгинъ пораженъ; вскорѣ онъ почувствуетъ что любитъ ее. Онъ борется со страстью, но напрасно: такая борьба свыше его силъ. Онъ рѣшается писать Татьянѣ, и не получая отвѣта на свои посланія, встрѣчая съ ея стороны одну холодную суровость, впадаетъ въ отчаяніе; больной, онъ испытываетъ ту же непреодолимую страсть. Нѣтъ, онъ долженъ видѣть ее во что бы ни стало, говорить съ нею. Онъ находитъ Татьяну одну. Что же она? спокойна, холодна, равнодушна? О, совсѣмъ не то! Она далеко не спокойна и равнодушна; она страдаетъ, она

Письмо какое-то читаетъ,
И тихо слезы льетъ рѣкой,
Опершись на щеку рукой.

Ея мечта полна Онѣгинымъ, она плачетъ о томъ счастьи что было такъ близко, такъ возможно, о невозвратимомъ прошломъ. Какъ изумленъ Онѣгинъ! его сердце невольно бьется и радостью, и надеждой; мигъ, и онъ у ея ногъ, онъ покрываетъ ея руку поцѣлуями. Она ни слова; не отымаетъ своей руки. Она увидѣла его нежданно, незапно и въ такую минуту когда вѣрно не пожелала бы его видѣть. Разныя чувства волнуютъ Татьяну и находятъ свое выраженіе въ послѣдующей рѣчи. Прежде всего, Татьяна была бы не женщиной, еслибъ не испытывала чувства нѣкотораго довольства, видя что Онѣгинъ, кому нѣкогда была не новость ея любовь, любовь „смиренной дѣвочки“, кто „въ благомъ пылу нравоученья“ прочелъ ей когда-то суровую проповѣдь, отъ одного воспоминанія о которой у нея и сейчасъ „стынетъ кровь“, что онъ, тотъ самый Онѣгинъ—у ея ногъ. Но это чувство не переходитъ въ ней ни въ желаніе торжествовать надъ слабостью Онѣгина, ни въ желаніе заставить и его страдать хотя отчасти: она сама слишкомъ много страдала для этого. Ее волнуетъ иное: страсть Онѣгина *обидна* для нея. Вѣдь она хорошо знаетъ что въ существѣ осталась тою же Таней что и была; ея любовь, ея мечты, ея нѣжныя привязанности, все это въ прошломъ, все это далеко, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ она впервые увидала Онѣгина. Что же теперь

Digitized by Google

влечетъ его къ ней? Неужто блескъ ея обстановки, „ветошь маскарада“, которою она окружена, „мишура“ жизни, для нея постылой? Или она неотразимо нравится ему тѣмъ что ея позоръ былъ бы теперь замѣченъ всѣми и могъ бы принесть ему въ обществѣ „соблазнительную честь“? Она говоритъ:

..... Колкость вашей брани,
Холодный, строгій разговоръ,
Когда бъ въ моей лишь было власти,
Я предпочла бъ *обидной* страсти
И этимъ письмамъ, и слезамъ.
Къ моимъ младенческимъ мечтамъ
Тогда имѣли вы хоть жалость,
Хоть уваженіе къ лѣтамъ...
А нынче!... Что къ моимъ ногамъ
Васъ привело? Какая малость!
Какъ съ вашимъ сердцемъ и умомъ
Быть чувства *мелкаго* рабомъ?

Настаетъ рѣшительная минута. Рѣчь княгини становится прерывиста (что ясно изъ паденій стиха), но она столь же не тороплива и въ глубинѣ столь же покойна: въ ея сердцѣ есть нѣчто неколебимое ни отъ какихъ бурь и волненій. Татьяна попрежнему искренна и проста; она не рисуется ни своею холодностью, ни возвышенностью своихъ чувствъ. Она не скрываетъ даже что любитъ Онѣгина; она ни мало не притворяется что счастлива съ другимъ; она не надѣваетъ маски и минутнаго равнодушія: она вся наружи, она не умаляетъ и горечи и невыразимой тягости своей судьбы; она плачетъ и не боится что Онѣгинъ увидитъ ея слезы. Она поступила неосторожно, сдавшись на просьбы матери, когда ей были равны всѣ жребіи; она несетъ наказаніе за такую ошибку, но высоко женственное чувство не дозволитъ ей впасть въ ошибку еще болѣе тяжкую, осквернить свою душу позоромъ паденія. Пусть она отдана другому, она останется вѣкъ ему вѣрна.

Какой цѣломудренно-строгій, спокойно-сильный и вмѣстѣ съ тѣмъ обаятельно-женственный и трогательный образъ! Вотъ одна изъ великихъ *идей* человѣчества которую во всей полнотѣ и прелести суждено было выразить русскому поэту. И невыразимо грустно становится при мысли что человѣкъ, одаренный необычайнымъ чутьемъ изящнаго, могъ, подъ страстнымъ увлеченіемъ нѣкогда моднымъ ученіемъ о пол-

Digitized by Google

номъ и невозбранномъ удовлетвореніи страстей, осуждать Татьяну за ея вѣрность долгу, за ея твердую неуступчивость предъ страстью. Какъ будто онъ не зналъ что вся исторія человѣчества громко свидѣтельствуетъ что всюду, гдѣ только распускались начатки гражданственности и образованности, вѣрность долгу и лобореніе страсти считались высокою принадлежностью человѣчности!

Спокойное самообладаніе Татьяны, въ минуту для нея роковую и страшную, опять возвращаетъ меня къ указанной уже особенности генія Пушкина, къ его спокойному созерцанію дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, кажется весьма вѣроятнымъ что поэтъ обладающій спокойствіемъ созерцанія можетъ яснѣе и полнѣе другихъ выразить всѣ тѣ *идеи*, гдѣ спокойствіе будетъ необходимымъ признакомъ: самообладаніе, душевную твердость и невозмутимость, несломимость, если позволенно такъ выразиться, человѣческаго духа подъ напоромъ страсти, скромную грацію движеній тихихъ и неторопливыхъ. Вспомнимъ еще разъ при этомъ что противополагая вдохновеніе восторгу, Пушкинъ отдавалъ предпочтеніе первому именно потому что восторгъ исключаетъ спокойствіе „*необходимое условіе прекраснаго*“. Красота превосходно выражается въ дѣйствіи, въ движеніи, но самому движенію, дабы быть вполнѣ прекраснымъ, необходимо обладать нѣкоторою сдержанностію, отсутствіемъ рѣзкости и всякой чрезмѣрности. Чтобы нагляднѣе выразить эту мысль, беру примѣръ изъ живописи, искусства, гдѣ не можетъ быть изображено самое движеніе, но только задержанный моментъ движенія. Художникъ властенъ избрать любой изъ такихъ моментовъ; онъ можетъ задержать въ своемъ изображеніи тотъ моментъ когда движеніе достигло большаго напряженія, когда оно выражается чертами рѣзкими и размашистыми. Но вотъ мнѣ вспоминается Рафаэль; я говорю не о его вполнѣ спокойныхъ фигурахъ, какъ напримѣръ на картинѣ изображающей Св. Цецилію, но именно о тѣхъ его созданіяхъ гдѣ данъ образъ задержаннымъ моментамъ движенія. Вы, конечно, знаете его *Похищеніе Галатеи*. Вспомните игривыхъ амуровъ: они не разсѣкаютъ волнъ взмахами своихъ ручекъ, они легко и спокойно скользятъ по зеркалу моря; вспомните коня: онъ могучъ, онъ опускаетъ тяжелое копыто, но Рафаэль не взялъ того момента когда копыто грузно ударитъ въ воду и размечетъ ее въ

Digitized by Google

лѣнистыя брызги; онъ задержалъ движеніе на иномъ моментѣ: копыто только-что готово ударить о воду, оно едва коснулось ея поверхности, едва ее зарябило. Я упомянулъ о *Галатеѣ* потому что на этой картинѣ впервые замѣтилъ эту особенность Рафаэля. Но возьмите иныя его картины, съ сюжетами скорбными и трагическими, и на нихъ вы усмотрите ту же особенность. Напримѣръ, взгляните на *Lo sposo di Cristo*: Христосъ падаетъ подъ бременемъ креста, но крестъ уже Его не надавливаетъ, онъ поддержанъ другими; Христосъ изнеможенъ, Онъ клонится долу, но не тяжко падаетъ, не распростирается на землѣ. Эта спокойная сдержанность въ выборѣ моментовъ, это отсутствіе всякой рѣзкости и размашливости, эта сдержанность, притомъ ни мало не вялая, не принужденная, но свободная и самообладающая, какъ бы олицетворяющая полное жизни спокойствіе художника въ минуту вдохновенія и гармоническую цѣльность его природы,—она-то и придаетъ образамъ Рафаеля восхитительную грацію и красоту. То же сдержанное спокойствіе, свободно избранное и любезное душѣ художника, слышится и въ Моцартовыхъ звукахъ. Изъ поэтовъ оно присуще Софоклу и нашему Пушкину.

Всѣ названные художники были преимущественными выразителями многообразной *идеи* красоты. Посмотримъ же какъ такое обстоятельство отразилось на нашемъ великомъ поэтѣ? Оно дало ему возможность, вполнѣ, придавать черты *душевной красоты* не только характерамъ суровымъ и грознымъ, но и лицамъ повидимому незначительнымъ, даже одержанным низкими и гибельными страстями.

Вглядитесь въ образъ „вѣчнаго работника на тронѣ“, въ образъ Пушкинскаго Петра, въ это воплощеніе *идеи* царя, болѣе полное и величественное чѣмъ у другихъ поэтовъ, не выключая Шекспира.* Какой суровый и грозный обликъ!

* Я имѣю въ виду *Ричарда II*, гдѣ удивительнымъ образомъ выражены нѣкоторые признаки этой *идеи* (неприкосновенность царственной особы, святость сана и власти) и въ особенности любимаго героя Шекспира, Генриха V, изображеннаго весьма многосторонне (тутъ есть и буйная юность, сопровожденная сознаніемъ внутренняго достоинства которое не допускаетъ Генриха до низкаго паденія, и царственный умъ, и житейское умѣнье, и привѣтливость, и жадное желаніе славы, выраженное въ извѣстномъ монологѣ о

Digitized by Google

Какая сила и неприступность! Вотъ каковъ онъ въ тотъ день, когда спасъ отъ Карла жизнь своей державы:

Тогда-то свыше вдохновенный,
Раздался звучный гласъ Петра:
„За дѣло съ Богомъ!“ Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. *Ликъ его ужасенъ*;
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ Божія гроза.

И слѣдомъ, взгляните на Петра пирующаго послѣ побѣды, когда онъ ласкаетъ плѣнныхъ и

.... за учителей своихъ
Заздравный кубокъ подымаетъ.

Какая душевная красота! радость давно и жадно желанной побѣды не придала ему и тѣни высокомѣрія: онъ не только милостивъ къ побѣжденнымъ, онъ отдаетъ недавнему врагу полную честь, приписывая побѣду не себѣ, а „нежданнымъ и кровавымъ“ урокамъ которые задалъ ему грозный учитель.

Этотъ мрачный великанъ, этотъ „мощный властелинъ судьбы“ который

.... надъ самой бездной,
На высотѣ, уздой желѣзной
Россію вздернулъ на дыбы, —

и по смерти также страшенъ и грозенъ своимъ подданнымъ, какъ и при жизни. Малѣйшій мятежный ропотъ несчастнаго страдальца который „весь обуянный силой черной“, осмѣлился прошелтать:

„Добро жь, строитель чудотворный!
Ужо тебѣ!“....

поражаетъ ужасомъ и безумствомъ самого ропотнаго несчастливца. И тотъ же „горделивый великанъ“ радостно празднуетъ свое примиреніе съ виновнымъ подданнымъ

И прощенье торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ.

„немногихъ счастливцахъ, чьи имена стануть обычными семейными словами“). Дѣлая сопоставленіе, я впрочемъ вполнѣ далекъ отъ мысли чѣмъ-либо возвысить Пушкина надъ Шекспиромъ. Я повторяю еще разъ уже сказанное: у всякаго великаго поэта свой кругъ *идей* которыя онъ способенъ выразить полнѣе и могущественнѣе, чѣмъ другіе; я продолжаю просто отыскивать особенности Пушкинскаго генія.

Digitized by Google

Возьмемъ стараго барона *Скупаго Рыцаря*. Онъ весь во власти низкой страсти которую не въ силахъ ослабить даже немолчный голосъ совѣсти. И онъ, однако, не лишенъ чертъ душевной красоты: она сказывается въ нѣжности съ какою онъ вспоминаетъ о давнемъ быломъ, въ пробужденіи рыцарской чести вслѣдъ за самымъ гнуснымъ поступкомъ изо всѣхъ совершенныхъ имъ въ жизни, вслѣдъ за скаредною клеветой на сына. Вы конечно не забыли кузнеца Архипа въ *Дубровскомъ*? Озлобленный, онъ умышленно запираетъ двери дома, зная что губитъ этимъ подъячихъ; ихъ воплп о спасеніи не трогаютъ его желѣзнаго сердца. Кажется, этотъ человѣкъ совсѣмъ не знаетъ состраданія; нѣтъ, и ему свойственна извѣстная душевная красота, и онъ способенъ ощутить жалость къ погибающей Божьей твари. Онъ сгубилъ подъячихъ, считая такую гибель достойнымъ возмездіемъ за ихъ грѣхи, но вотъ онъ видитъ какъ кошка недоумѣваетъ куда бы ей спрыгнуть съ горящей кровли, и не только бранитъ хохочащихъ надъ ней мальчишекъ, но самъ подвергается ожогамъ, только бы спасти Божье созданье. Что̀ ловидимому ничтожнѣе капитана Миронова въ *Капитанской Дочкѣ*? Онъ покойно прозябаетъ подъ башмакомъ своей Василисы Егоровны, властвующей и надъ мужемъ, и надъ крѣпостью; ему только и дѣла что предъ обѣдомъ поучить въ халатѣ своихъ инвалидовъ, да и то онъ никакъ не можетъ добиться чтобы всѣ они отличали правую руку отъ лѣвой. Но погодите, въ нужную минуту, онъ явится предъ вами во всей красотѣ доблестной души, во всемъ величіи сознаннаго и неколебимаго долга. Мятежники ворвались въ крѣпость, капитанъ знаетъ свою участь: покорность, даже простое молчаніе могутъ спасти его. Но онъ неколебимъ; онъ не можетъ покривить душою, онъ твердо, въ глаза, зоветъ Пугачева воромъ, то-есть мятежникомъ, и самозванцемъ. И онъ совершаетъ свой подвигъ не въ пылу борьбы, а подъ висѣлицей; и совершаетъ его безо всякаго блеска, безъ тѣни хвастовства и величанія самимъ собою, а кротко и смиренномудренно, какъ должное, чего нельзя не совершить. А его кривой поручикъ, человѣкъ на поверхностный взглядъ еще болѣе ничтожный? Онъ также просто исполняетъ свой долгъ; у него не вырывается даже злобнаго и ругательнаго слова: онъ добродушно величаетъ своего губителя *дядюшкой*. Это ли не красота душевная?

Digitized by Google

Пугачевъ, человѣкъ привычный къ злодѣйствамъ, смѣло шагающій черезъ трупы, воплощенный разрушитель, съ дикою энергіей сравнивающій себя съ кратковѣчнымъ орломъ, питающимся *живою кровью*, и въ немъ Пушкинъ подглядѣлъ черты истинно человѣческія. Онъ помнитъ добро; того недовольно: за малое добро онъ умѣетъ воздать сторицей; онъ становится благодѣтелемъ молодаго человѣка который нѣкогда просто отплатилъ ему услугой за услугу.

Наконецъ, чѣмъ отличается Пушкинскій Донъ-Жуанъ отъ другихъ олицетвореній той же *идеи*, какъ не подобными же чертами душевной красоты? Чѣмъ, если не своею искренностью, не своею увлекаемостью, не своею истинною отвагой, не своею способностью отдать должное даже такому ничтожному врагу который замеръ на его шагѣ, „какъ на булавкѣ стрекоза“:

А былъ онъ гордъ и смѣлъ, и духъ имѣлъ суровый!

Другіе Донъ-Жуаны, если и надѣлялись похвальными качествами, то блестящими и холодными, ни мало не сочувственными. Именно одаривъ Донъ-Жуана душевностью, Пушкинъ преобразилъ его изъ героя комическаго или полукомическаго въ лицо трагическое, чья роковая гибель способна растевелить нашу жалость. Съ тѣмъ вмѣстѣ, самая *идея* этого всесильнаго обаятеля женщинъ получила болѣе полное и совершенное выраженіе: мы узнали его лучше, онъ сталъ понятнѣе намъ.

Теперь я обращу ваше вниманіе на другую столь же важную сторону дѣла, олуская всѣ второстепенныя слѣдствія которыя можно вывести изъ признанія Пушкина однимъ изъ великихъ выразителей многообразной *идеи* красоты. Спокойствіе вдохновенія нашъ поэтъ считалъ необходимымъ условіемъ *прекраснаго*; другимъ желательнымъ въ художникѣ качествомъ онъ полагалъ „силу ума, распологающаго частями въ отношеніи цѣлаго“. Отсюда забота о цѣломъ, о соразмѣрности частей, объ исключеніи всего лишняго, вредящаго или просто мѣшающаго стройности цѣлаго; забота чтобы въ поэтическомъ замыслѣ на первомъ мѣстѣ былъ поставленъ *планъ*. И Пушкинъ былъ щедро награжденъ за такую заботливость. Не много великихъ даже поэтовъ которые могли бы похвалиться такимъ обиліемъ какъ онъ произведеній вполнѣ совершенныхъ, изъ коихъ какъ изъ пѣсни слова не выки-

Digitized by Google

нешь, не нарушивъ гармоніи *живаго цѣлаго*; гдѣ всѣ частности были бы согласованы столь удивительно что, при всей красотѣ своей, не тревожатъ ни мало цѣлостности общаго впечатлѣнія. Сюда принадлежитъ добрая половина лирическихъ произведеній *; *Каменный Гость*, *Мѣдный Всадникъ*, *Капитанская Дочка*, этотъ въ высшей степени своеобычный историческій романъ построенный на семейственныхъ преданіяхъ. Я назвалъ вещи совершенныя вполнѣ, цѣликомъ, отъ головы до пятъ. А сколько такихъ же совершенствъ вы встрѣтите въ его неоконченныхъ отрывкахъ, въ простыхъ наброскахъ стихотвореній! Развѣ есть что-нибудь лишнее и въ простыхъ разказахъ Пушкина какъ *Гробовщикъ* или *Станціонный Смотритель*?

Такъ какъ мы говорили сейчасъ по преимуществу объ эпическихъ произведеніяхъ Пушкина, то не могу при случаѣ не замѣтить что и въ эпосѣ онъ столь же разнообразенъ и богатъ мотивами какъ въ лирѣ. Какой видъ эпоса не былъ ему подвластенъ какъ прирожденному хозяину? Всѣ, отъ простонародной сказки до историческаго романа, отъ разказа и шутливой повѣсти до героической поэмы. Кстати ужь замѣчу разнообразіе и богатство Пушкинскаго языка. Не указываю уже на то что у него всякое лицо говоритъ своимъ, ему свойственнымъ языкомъ, но языкъ самого поэта—какой неистощимый рудникъ! У него точно не было любимыхъ словъ, выраженій и оборотовъ; всѣ грамматическія комбинаціи какія только возможны,—и на какомъ еще языкѣ, на русскомъ, богатѣйшемъ изо всѣхъ новыхъ,—всѣ они кажется встрѣчаются у нашего поэта, и каждая является въ данномъ случаѣ самою умѣстною, самою мѣткою и выразительною.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о драматическихъ произведеніяхъ Пушкина. Я буду говорить о *Борисѣ Годуновѣ* не потому чтобы считалъ эту великую трагедію безукоризненно совершенною: несмотря на всѣ ея достоинства въ ней нѣкоторыя частности (именно эпизодъ съ Мариной), насколько я понимаю, развиты слишкомъ обширно въ ущербъ цѣлому; я выбираю эту драму потому что на ней, думается, сумѣю лучше и нагляднѣе указать на нѣкоторыя особенности Пушкина какъ драматурга.

* Нельзя не пожалѣть что нѣкоторые издатели Пушкина вставляютъ порою въ самый текстъ стихотвореній строфы вылущенныя добровольно поэтомъ, вмѣсто того чтобы печатать ихъ въ выноскѣ, какъ-то принято во всѣхъ образованныхъ странахъ.

Google

Драматическія произведенія нашего поэта еще недостат
но оцѣнены критикой. Недавно одинъ молодой ученый уі
залъ что несмотря на сознаніе самого Пушкина, что онъ п
ражалъ въ *Борисѣ* Шекспиру „въ вольномъ и широкомъ
ображеніи характеровъ," трагедія именно въ этомъ отно
ніи носитъ печать самобытности. Еще важнѣе самобытнос
ея внутренняго строя, ея *плана*, а эта самобытность не
мѣнно существуетъ, несмотря на то что по внѣшней фо
мѣ, по частому и быстрому чередованію сценъ, *Борисъ* не
ма напоминаетъ Шекспировскія драмы.

Причина неудовлетворительной критической оцѣнки *Бор*
лежитъ въ томъ что на трагедію смотрѣли съ точки зрѣ
теоріи, хотя остроумной, но односторонней, построенной
основаніи признаковъ несомнѣнно присутствующихъ во мн
гихъ трагедіяхъ, преимущественно новыхъ, но не существе
ныхъ для этого рода произведеній; теоріи, словомъ, котору
правильно будетъ приравнять къ тому что въ естественно
исторіи называется искусственною системой. Теорія эта ук
зываетъ на борьбу и столкновеніе или коллизію какъ на гла
ныя обстоятельства трагическаго дѣйствія; до чего эти обсто
тельства не существенны для трагедіи лучше всего доказывае
ся тѣмъ, что древніе даже не упоминали о нихъ. Здѣсь мн
еще разъ придется обратиться за помощью къ великому Ари
стотелю. Его теорія трагедіи, выведенная изъ изученія обра
цовыхъ произведеній греческаго театра, доселѣ непогрѣши
ма и приложима ко всѣмъ созданіямъ истинныхъ трагиковъ
главное обстоятельство трагическаго дѣйствія, имъ указан
ное, дѣйствительно существенно для этого рода произведеній

Вкратцѣ, теорія Аристотеля такова. Трагедія есть тако
поэтическое произведеніе которому свойственно возбуждать
въ насъ наилучшимъ и наисильнѣйшимъ образомъ чувство
состраданія. Существеннымъ условіемъ для такого возбужде
нія будетъ наличность страданія, которое и должно быть
поэтому сочтено главнымъ обстоятельствомъ трагическаго
дѣйствія. Мы сострадаемъ сильнѣе, когда страданіе на-
лицо, когда оно совершается предъ нашими очами, чѣмъ
тогда какъ слышимъ только разказъ или повѣствованіе о
немъ. Этимъ вполнѣ удовлетворительно объясняется и такъ-
называемая драматическая форма трагическихъ произведе-
ній. Въ этой формѣ дѣйствіе изображается не какъ повѣсть
о быломъ, случившемся вдали, вообще не въ нашемъ присут-

Digitized by Google

ствіи; оно развивается непосредственно предъ читателемъ, или зрителемъ, въ *становленіи*, какъ совершающееся въ его присутствіи.

Напрасно мы стали бы искать исключеній изъ этой, соотвѣтствующей сущности предмета, теоріи. Лучшія трагедіи Шекспира вполнѣ согласуются съ нею. Въ исландской драмѣ трагическій элементъ, несомнѣнно существующій, затемненъ подчиненіемъ свободнаго развитія трагическаго дѣйствія заботѣ драматурга уяснить зрителямъ рыцарское понятіе о чести; у французовъ, трагическая свобода отчасти порабощена придворнымъ предразсудкомъ благопристойности, отчасти искажена дурнымъ пониманіемъ Аристотеля.

Обратимся теперь къ *Борису*. Какое обстоятельство дѣйствія въ немъ главное и существенное? *Страданіе* Бориса вся трагедія основана именно на немъ. Бориса мы застаемъ въ счастіи, когда его завѣтная и глубоко затаенная мечта наконецъ осуществилась; онъ достигъ власти, онъ вознесенъ на возможную на землѣ высоту. Но это счастіе только внѣшнее, призрачное. Въ душѣ Борисъ страдаетъ; дорогою цѣной купилъ онъ земное величіе, цѣной преступленія, цѣной невинной крови. И это преступленіе не только тревожитъ его совѣсть, оно подрѣзываетъ въ корень всѣ его благія начинанія, обращаетъ ему во зло все добро которое онъ творитъ другимъ, окружаетъ его клеветою, толкуетъ въ дурную сторону всѣ его дѣла, всѣ его намѣренія.

Таковъ источникъ страданій Бориса. То же „единое“ пятно на совѣсти готовитъ ему иныя, болѣе тяжкія испытанія, влечетъ его къ конечной гибели. У Шекспира страсть есть главный двигатель человѣка; въ одолѣніи страстью корень злополучія трагическаго героя. Въ Борисѣ страсть укрощена глубокимъ умомъ и сильною волей; онъ не проявляетъ своего властолюбія, не даетъ ему власти надъ собою: онъ достигъ того къ чему стремился. Страсть въ Борисѣ пробуждается только въ тѣ минуты когда добытое выскользаетъ изъ его рукъ: о, тутъ онъ будетъ и жестокъ, и кровожаденъ!

Внѣ воли Бориса, внѣ человѣческой предусмотрительности предотвратить гибель, плодъ давнишняго, тщательно скрытаго преступленія. Надъ Борисомъ тяготѣетъ то что̀ мы зовемъ судьбой или Промысломъ; Божія десница караетъ его грѣхъ. Вотъ еще элементъ существенно отличающій строй Пушкинской трагедіи отъ строя трагедіи Шекспира. Самая

Digitized by Google

страсть просыпается въ Борисѣ подъ ударами судьбы, и съ тѣмъ вмѣстѣ усугубляются и его страданія. Въ эти роковыя минуты, когда гибель близка, обнаруживается и вся упорная энергія Борисова характера; вспомните полную напряженія сцену съ Шуйскимъ, вспомните предсмертную сцену когда упроченіе дѣла, ради коего онъ совершилъ преступленіе, изъ-за котораго страдалъ всю жизнь, Борису кажется важнѣе и дороже всего, даже спасенія души. Итакъ, Пушкинъ рисуетъ характеръ не при помощи страсти, какъ Шекспиръ, а при помощи иного обстоятельства дѣйствія, при помощи роковой и неизбѣжной судьбы тяготѣющей надъ человѣкомъ и вызванной его тяжкимъ грѣхомъ. Судьба Бориса не завершается его смертью; его злосчастіе не исчерпывается его личною гибелью; въ ту же пучину гдѣ онъ погибъ, онъ увлекаетъ и своихъ дѣтей. Вотъ отчего заключительная сцена имѣетъ огромное трагическое значеніе, способна возбудить глубокое состраданіе къ злополучной судьбѣ героя.

Таковы, въ главныхъ чертахъ, особенности Пушкина, какъ трагика. Быть-можетъ, я и ошибаюсь, но мнѣ думается, что *Борисъ* знаменуетъ собою поворотъ къ сближенію новой трагедіи съ античною, поворотъ не предумышленный, какъ у псевдоклассиковъ, но вполнѣ свободный и естественный. Ученый который взялъ бы на себя трудъ сличить строй *Бориса* со строемъ трагедій Софокла, поэта во многомъ конгеніальнаго Пушкину, оказалъ бы истинную заслугу критической наукѣ.

Но время кончить. И вотъ мнѣ вспоминаются слова Карлейля, въ его книгѣ о *Героизмѣ*, скорбно поразившія меня во дни юности. Въ концѣ статьи о Дантѣ, англійскій мыслитель, дѣлая отступленіе, величественными, хотя нѣсколько фантастическими чертами рисуетъ могущество Русскаго царя. Сравнивая сильную и здоровую Россію съ раздробленною и униженною въ то время Италіей, онъ прибавляетъ что Италія счастливѣе и выше нѣмой Россіи: она устами Данта сказала свое слово. На наше счастье, опрометчивое сужденіе Карлейля не можетъ тревожить насъ: въ то время какъ онъ его высказывалъ, Россія въ лицѣ Пушкина уже сказала свое самобытное и могучее слово.

Д. АВЕРКІЕВЪ.

Digitized by Google

22 мая совершилось давно угрожавшее горестное событіе. Въ особомъ прибавленіи къ *Правительственному Вѣстнику* было обнародовано: „Государыня Императрица Марія Александровна отошла въ Бозѣ 22 мая въ восьмомъ часу, спокойно, безъ агоніи.“ Отошла въ вѣчность Царица, кроткій образъ которой останется въ народной памяти вмѣстѣ съ дѣлами любви и милосердія ознаменовавшими ея земную жизнь, Царица такъ любившая Россію, такъ глубоко въ своемъ сердцѣ отзывавшаяся на всякую скорбь и радость Русскаго народа, на всѣ движенія его души. Она скончалась послѣ долгаго и тяжкаго недуга. „Но никто,* никогда даже изъ самыхъ близкихъ женщинъ служившихъ ей не слыхалъ отъ нея ни вздоха, ни слова, ни движенія ропота или жалобы. Она знала что дни ея сочтены, и положила всю жизнь въ Бога и Христа Спасителя и каждую минуту готова была перейти въ лучшій міръ. Она молила Бога скончаться въ тишинѣ, и молитва ея была услышана. Однажды утромъ она едва проснулась для новыхъ страданій какъ и заснула тихо, ни для кого незамѣтно, вѣчнымъ сномъ“.

---

* Рѣчь оберъ-прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева сказанная 9 іюня въ Ярославлѣ на выпускѣ дѣвицъ въ Училищѣ для дочерей священно- и церковно-служителей состоявшемъ подъ покровительствомъ въ Бозѣ почившей Императрицы. Рѣчь помѣщена въ № 170 *Московскихъ Вѣдомостей*.

Digitized by Google

Въ день отданія Пасхи, 28 мая, когда Церковь еще при всѣхъ службахъ своихъ возглашаетъ *Христосъ Воскресе*, подъ эту лѣснь, столь отрадную для христіанскаго сердца, были преданы землѣ останки въ Бозѣ почившей Царицы.

Умилительно и величественно совершилось это послѣднее благословеніе Церкви праху отшедшей къ Богу рабы Божіей Императрицы Всероссійской. Русскій Царь и Русскій народъ простились съ своею Царицею, истинно Русскою, глубоко смиренною предъ Богомъ и на высотѣ своего призванія всецѣло посвящавшею себя дѣламъ христіанскаго милосердія. Прекратилось на землѣ царственное существованіе распространявшее вокругъ себя благотворную теплоту. Какъ ни были всѣ приготовлены къ печальному событію, оно отозвалось повсюду глубокою сердечною скорбію.

Digitized by Google

ЮЖНОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

XVIII ВѢКА,

ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ДРАМАТИЧЕСКАЯ *

IV.

Со времени митрополита Рафаила Заборовскаго (съ 1731) для Кіевской Академіи, разстроенной при его предшественникѣ, настали лучшія времена. Пользуясь наставленіями Ѳеофана Прокоповича относительно академическаго благоустройства, ** Рафаилъ Заборовскій улучшилъ матеріальное благосостояніе ея, старался возвысить уровень науки и преподаванія и для этого посылалъ молодыхъ студентовъ за границу для довершенія образованія. Все это необходимо должно было отразиться благотворнымъ образомъ и на литературной производительности академическихъ ученыхъ, а современныя обстоятельства края давали для литературы довольно обильную и живую пищу. Обстоятельства эти были: на лѣвой

* См. *Русск. Вѣстн.* № 5й 1880 года.

** Письмо Ѳ. Прокоповича къ Заборовскому, отъ 8 марта 1836, въ *Трудахъ Кіевск. Дух. Академіи*, октябрь 1865 года.

Digitized by Google

сторонѣ Днѣпра возвращеніе kазаkовъ изъ турецkихъ предѣловъ на родину послѣ удаленія ихъ туда при Петрѣ I, на правой—преслѣдованіе православія и русской народности Поляkами. Лучшими представителями этой литературы являются драматическія піесы обыkновенно писавшіяся въ духѣ и вkусѣ Ѳеофана Проkоповича.

Первыя изъ піесъ этого рода—драматическія произведенія учителя піитиkи въ Kіевской Аkадеміи Митрофана Довгалевскаго, а именно: 1) *Комическое дѣйствіе на Рождество Христово*, съ пятью интерлюдіями, 1736 года, имѣющее тѣсную связь съ малорусскимъ народнымъ вертеломъ и 2) *Властотворный образъ человѣkолюбія Божія*,—пасхальная піеса, тоже съ пятью интерлюдіями, 1737 года. * Пятеричное число аkтовъ въ этихъ піесахъ и прямое предписаніе одной изъ нихъ пѣть одинъ kантъ на тотъ kанта Проkоповича—*Коли дождуся весела ведра* обличаютъ въ Довгалевскомъ поkлонниkа Ѳеофана Проkоповича и подражателя его пріемамъ.

Общее содержаніе *Комическаго дѣйствія* слѣдующее: „Прологъ, въ его же мѣсто выходитъ Валаамъ и хваляся пророчествуетъ о пришествіи Христовѣ и предсkазуетъ kратkо о всемъ комическомъ слѣдующемъ дѣйствіи, въ четырехъ явленіяхъ заkлюченномъ. Явленіе 1: Предшествующей звѣздѣ, выходятъ три царіе, внуkи Валаамовы, для разсужденія видѣнной необычной звѣзды на Востоцѣ. Явленіе 2: Выходятъ царіе со дары kланятися, до kоторыхъ Иродъ приходитъ и о шествіи ихъ, kамо путь творятъ, вопрошаетъ; ло семъ Иродъ молитъ ихъ, да возвращшеся отъ пути возвѣстятъ и ему гдѣ царь новъ родися. Явленіе 3: Выходитъ Иродъ царь и, зѣло яряся, печалуетъ о погубленіи царства и невозвращеніи kъ нему вслять царей, до kотораго выходитъ Гнѣвъ и поощряетъ его, да вскорѣ послявъ своя воя въ Виѳлеемъ, избіетъ дѣти; посемъ выходитъ Декретъ Божій и призываетъ Смерть и діавола, да умерщвлятъ Ирода за младенцевъ неловинное

* Обѣ піесы—въ рукописи 1736—7., въ 1864 году хранившейся въ Kіевскомъ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ, за № 1.713; но въ настоящее время чуть ли не потеряна эта рукопись. Извлеченія изъ піесъ см. въ *Трудахъ Kіевск. Дух. Аkадеміи*, февраль 1865 года и ноябрь 1866 года.

Digitized by Google

убійство. Явленіе 4: Выходитъ Человѣколюбіе Божіе, объявляя посланіемъ Единороднаго Сына милость сотворшуюся роду человѣческому, гдѣ приходитъ и царь Давидъ съ пророками, благодаря яко не тощное бысть пророчество ихъ о пришествіи Христовомъ; посемъ приходятъ ангелы и благодарственный поютъ кантъ и вси кулно съ пѣніемъ отходятъ."

Не представляя само по себѣ большаго драматическаго интереса, *Комическое дѣйствіе* Митрофана Довгалевскаго важно по своимъ отношеніямъ къ южно-русскому народному театру, какъ это увидимъ въ послѣдствіи. Болѣе живаго и народнаго элемента заключаютъ интерлюдіи къ этому *Комическому дѣйствію*, воспроизводящія собою народныя южно-русскія сказки и думы и мѣстами возвышающіяся до политическаго самосознанія Малороссіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ племенамъ и народамъ. Южно-русскій народный комизмъ, вѣроятно, пробивался и въ прежнихъ интерлюдіяхъ Горки, до насъ не дошедшихъ; но тогда этотъ комизмъ не освященъ былъ школьною теоріей и потому не имѣлъ законнаго права на свое существованіе. Теперь же сама теорія, какою она является въ лиликѣ Митрофана Довгалевскаго, требуетъ чтобы „въ комедіи выводились лица забавныя, какъ-то: господарь, Литовецъ, Цыганъ, казакъ, Еврей, Полякъ, Скиѳъ, Турокъ, Грекъ, Италіянецъ", и чтобы комедіи писались „слогомъ простымъ, деревенскимъ, мужицкимъ". Соотвѣтственно этому требованію, въ рождественскихъ интерлюдіяхъ Довгалевскаго выводятся на сцену Поляки, мужики, Литвины, Цыгане, казаки, Москали, Жиды и пр., какъ и въ народныхъ комическихъ сказкахъ и присказкахъ, и говорятъ каждый изъ нихъ своимъ языкомъ, нарѣчіемъ и говоромъ. По всей вѣроятности, эти интерлюдіи явились подъ вліяніемъ польскимъ и писаны по подражанію сатирическимъ стихотвореніямъ Станислава Гроховскаго, имѣвшаго много подражателей *.

Въ первой интерлюдіи „выходитъ астрономъ и хвалится своею наукой, до котораго выходятъ два мужика, Литвинъ, Цыганъ, и проженутъ". Во второй интерлюдіи „выходитъ мужикъ, сонъ росказуе и приклыкае до себе еще двоихъ; ло-

* *Наука и Литер. при Петрѣ Великомъ*, Пекарскаго, т. I, гл. XIV.

Digitized by Google

томъ призоветъ бабу и Цыганку; Цыганъ пріиде за Цыганку; всѣхъ пролудитъ". Особенный интересъ представляютъ интерлюдіи третья и четвертая.

Въ третьей интерлюдіи „выходитъ казакъ, до котораго выходитъ Ляхъ на вловіи (уловы, ловлю); казакъ схоронится; потомъ выходятъ къ тому жь Ляху подданіи съ поклономъ". Интерлюдія начинается „думкою" казака, въ которой онъ излагаетъ свою біографію. Онъ былъ „у Турка подъ руками, а у Татаръ съ кайданами", только-что воротился къ своей старой матери и рѣшается служить Москалю и воевать съ Турками и бить Ляховъ. Казакъ этотъ есть представитель Запорожцевъ. Послѣ измѣны Мазепы Запорожцы передались Турціи и хану Крымскому и основали свою Сѣчь въ Алешкахъ, „на поляхъ Татарскихъ, межъ кочевиками агарянскими." Въ 1734 году предъ Турецкою войной, императрица Анна Іоанновна простила Запорожцамъ, и они возвратились въ предѣлы Россіи, основали новую Сѣчь Запорожскую и съ одной стороны тревожили Крымскихъ Татаръ и Турокъ, съ другой— дѣлали набѣги на польскую Украйну. Думка говоритъ слѣдующее:

Мати моя старенкая, чи ти мнѣ раденкая
Моей молодости?
Бувъ у Турка подъ руками, а въ Татаровъ з кайданами
У самой жалости
Да вже правда теперь нема добра всюди,
Дармо працуемъ, виставляемъ груды,
Богъ виручивъ мя оттуда, а теперь мѣсця не найду.
В дому не сидѣты.
Лѣсы, поля спустошенни, лугы, сѣна покошенни;
Пороспускавъ дѣты.
Только жъ правда, що треба взираты на Бога,
Той всѣмъ есть въ добичи простая дорога.
Пойду знову на Сѣчь, маты, пойду долѣ внизъ шукаты,
Козацкая доле!
А че и буду лотугою, а въ Москаля заслугою....
Буду Турковъ воеваты, мечемъ слави добувати,
Буду воеваты.
Кармазини з луданами, шати драты з султанами
Совсѣмъ буду брати, з очей не спускаты.
Егей колибъ впать якъ була козацкая слава,
Щобъ распустилась всюди якъ перами пава,

Digitized by Google

І щобъ зацвѣла знову якъ рожа у лѣтѣ,
Якъ Богъ повелитъ побрать турецкіи дѣты.
Або Ляховъ на той часъ трапится поимати
І сѣмъ кіемъ козацкимъ по ребесамъ дати.

Къ концу этого монолога выходитъ Ляхъ на полеванье и высказываетъ желаніе чтобъ его подданные поднесли ему еще новаго сокола для ловли перелелокъ. Въ отвѣтъ на его желаніе являются Литвины, его подданные, на поклонъ своему господину. Старшій изъ нихъ предварительно учитъ младшихъ, какъ привѣтствовать пана: „Ото такъ буду гаварить: на здоровье табе пане, нехай панеи стане і всѣмъ дзіеткамъ вашимъ; нехай станіесе гето тутъ приходомъ нашимъ“. Но ихъ простое, незатѣйливое привѣтствіе показалось для пана оскорбительнымъ,—и онъ приказываетъ бить проволочными веревками:

Возми-ка, хлопче, самого войта, какъ старшаго;
Бей, тузь, валяй, паляй, бей хорошенько, также и другаго!
Что за диво мнѣ и какая бѣда—хлопа забить, убить, какъ
скурвего сына?
Лит. Нужъ, мослане, и меніе еще прохварасцѣ.
А прохварасцѣвши та й до дому пусцѣ.
Лях. Хорото. Иди жъ, хлопче, дай же и тому,
Сто Кіева отмѣрай также и другому!

Распростившись съ подданными, Ляхъ дивится хлопской отвагѣ: „знать, Москаль либо казакъ ему помогаетъ!“ Имя казака вызываетъ у него воспоминанія о прежней славѣ Польши, когда у него „подданство въ Кіевѣ бывало, гдѣ онъ былъ губернаторомъ“, и онъ строитъ завоевательные планы насчетъ Украины, хвастаясь что Поляки могутъ отобрать не только Кіевъ, но и села у города Глухова:

То вшистко мечемъ, огнемъ завоевать можемъ,
А Лещинскаго * короля снова изберемъ;
И тотчасъ привлечемъ туда мощнаго Гектора;

---

* Станиславъ Лещинскій, избранный въ короли польскіе 1705 и 1709, принужденный бѣжать изъ Польши, въ 1733 году пытался снова занять польскій престолъ, но въ 1736 году долженъ былъ вторично отказаться отъ него. По этому случаю Ѳ. Прокоповичъ написалъ двѣ колкія эпиграммы на двукратное избраніе Лещинскаго въ короли, помѣщенныя при печатной его *Пиѣтикѣ*. Конечно, и здѣсь говорится о вторичномъ избраніи Лещинскаго въ короли въ насмѣшку Полякамъ.

Digitized by Google

И на помощь пришлетъ намъ отъ своего двора
Король Французскій тысячу, другую, третью.
Мы сберемся вмѣстѣ до ста тысячъ больше
И будемъ воевать до самой Полтавы,
Чтобы отобрать прежній говоръ нашей славы.

Ляхъ призываетъ другихъ пановъ для войны съ kазаками и напередъ хвалится своею побѣдой надъ ними; но является kазакъ, призываетъ на помощь Москаля, — и сцена перемѣняется. Москаль говоритъ:

Козакъ! пріймайся, бери з плечей двоихъ!
А я тотъ часъ уберу долгополыхъ отъ тихъ.
А што здѣсь о рубежахъ они споминали,
Будто Лятонки Украину въ областяхъ держали,
Дабро вотъ, покажемъ рубежи knутамы на спинѣ.
Коз. І добре, земочку, щобъ другій памятовавъ,
Да и дѣдчой своей дитинѣ заказавъ.

Въ четвертой интерлюдіи „выходитъ мужикъ з Жидомъ на ярмарокъ, до котораго выходятъ ксензы три: езуита, крижакъ, да барнадимъ; до всѣхъ ихъ пріидетъ Москаль и залряжетъ двухъ, а съ третьимъ сядетъ, и отидутъ“. На ярмаркѣ Жидъ расположился со своимъ шинкомъ. Проходятъ мимо три ксендза; Жидъ зазываетъ ихъ къ себѣ:

Жидъ. Проту на водочку, проту! извольте пить!
Ксен. Дай, жизю, на этотъ шостакъ битый!
Мы не такой людъ, какъ схизма проклята.
2 Ксен. Проту, отче, скажи,—откуда та вѣра взята?
3 Ксен. А что тутъ будешь о вѣрѣ разсуждать!
Слышу, идетъ Москаль, будетъ штурмовать.
Моск. Што здѣсь за шумъ, што за крыкъ? да нѣтъ ли раздоровъ?
Ксен. Чекай но, васпанъ, ми не въ твоимъ двору.
Моск. Што болтаешь? ты меня называешь воромъ.
Да еще хвалишься своимъ дворомъ?
Полно болтать! мнѣ нада дать скоро падводу.
Ксен. Ми, москане, естеми не такого роду.
Моск. Какъ тіе зовутъ, гавари, кака въ тіе макета?
Ксен. Я, москане, естемъ вчоный езуита.
Моск. А тебе другъ какъ зовутъ, знать ли ты Полякъ?
2 Ксен. Добрже згадкомъ, москане, же я естемъ крыжакъ.
Моск. Тіебіе третой какъ зовутъ, да и ты ли съ нимъ?
3 Ксен. О, я естемъ польскего закону барнадимъ.
Моск. Пабратимъ? Садись; поганяй! вить мнѣ не далёко:

Digitized by Google

Въ Броварахъ почту смѣкимъ или въ Платавѣ,
Тамъ васъ пущу кормитця на доброй отавѣ.

Вся эта піеса, съ комическими интерлюдіями къ ней, имѣетъ ближайшее отношеніе къ малорусскому народному *Вертепу*, по крайней мѣрѣ въ томъ его видѣ въ какомъ онъ записанъ у Маркевича *. *Вертепъ* этотъ раздѣляется на двѣ части, изъ коихъ въ первой, соотвѣтствующей своимъ содержаніемъ *Комическому дѣйствію* Довгалевскаго, представляется исторія рожденія Спасителя, поклоненія волхвовъ, избіеніе Виѳлеемскихъ младенцевъ и послѣдняя судьба Ирода, а вторая часть заключаетъ рядъ комическихъ сценъ, похожихъ на рождественскія интерлюдіи. Особенно замѣтно сходство между *Комическимъ дѣйствіемъ* и первою частью *Вертепа*. Въ *Комическомъ дѣйствіи* Иродъ царь говоритъ волхвамъ:

Камо шествіе ваше и путь предлежащій
Днесь творите царіе слѣшно настоящій?
Мнѣлъ быхъ брань з кимъ творити, но вои не многи,
Развѣ кому кланятись хощете подъ ноги;
Се бо вижду и дары толь драги велики.

То же самое выражается и въ *Вертепѣ*, но въ болѣе краткомъ видѣ:

Иродъ. Царіе и друзи, куда шествіе ваше?
И кому такіе драгіе дары и поклонъ приносите?

Въ *Комическомъ дѣйствіи* Декретъ Божій призываетъ Смерть, а Смерть дьявола.

Смерть (къ Ироду). Не годѣ будетъ сего, яко посѣщу тя.
Но горѣе будетъ ти, яко во адъ возму тя;
Се приглашу и друга, что дѣлать съ тобою.
И возмемъ тя отсюду на жилье съ собою.
Пріиди, друже искренній, первѣйшій владыко,
И увиждь снѣдь готову, сладку намъ толику!
Долгое бо мы время сего ожидали,
Дабы въ руцѣ Ирода убійцу пріяли.

Дьяволъ. О гостя вожделѣнна, о друга прелюбезна!
Давно тя ожидаетъ глубочайша бездна.
Желалъ еси во свѣтѣ сладцѣ царствовати,
Обаче лучше ти есть съ нами пребывати.
Первое бо съ Каиномъ мѣсто означенно,

* *Обычаи, повѣрья, кушанья и напитки Малороссіянъ*, Маркевича, 1860 года, стр. 31 и слѣд.

Digitized by Google

Первѣйшій васъ не будетъ и саномъ почтенной;
Заслуга ваша знатна и вездѣ есть явна,
За что̀ пекельна бездна вамъ готова здавна.

Въ *Вертепѣ* есть очень сходныя съ этимъ мѣста. Здѣсь Смерть говоритъ Ироду:

Що ты Ироде несытый
Почто се болтаешъ
И мене убиты
Воямъ повелѣваешъ?
Изъ пропасти ада
Будешь ты знаты,
Неповинны чада
Якъ убивиты?
Выйди, брате, друже,
Мени пособыты,
Кровопыйцю Ирода
Стъ земли стребиты!

Чортъ (къ Смерти). Почто, моя другиня, зовешь на пораду?
Тотчасъ умерщвлю и препоручу аду.

И за тѣмъ, хватая въ объятія Ирода, говоритъ:

Друже мій вирный, друже прелюбезный!
Довго ждавъ я тебе въ глыбочайшей бездни.

Меньше сходства между интерлюдіями Довгалевскаго и второй частью *Вертепа*, представляющею болѣе сближенія съ народною комическою словесностью; но и между ними есть значительное соотвѣтствіе, а мѣстами и буквальное сходство. Такъ, во второй и пятой интерлюдіяхъ Довгалевскаго выводятся на сцену Цыгане. И въ началѣ второй части *Вертепа* представлена забавная семейная сцена Цыгана съ женою и сыномъ. Онъ въѣзжаетъ на сцену верхомъ, ладаетъ съ лошади и вдоволь награждаетъ ее прокаятіями; но онъ все-таки дома и его томитъ голодъ. Цыганенокъ зоветъ его вечерять, но на вопросъ отца что̀ они наварили, отвѣчаетъ: *ничего!* Вслѣдъ за сыномъ приходитъ къ мужу и Цыганка и бранью вымѣщаетъ на немъ свою досаду на бѣдность. Перебранка доходитъ до лобоевъ, послѣ чего обѣ стороны примиряются и сцена заканчивается пляской подъ *бойкую* пѣсню *.

Третьей интерлюдіи Довгалевскаго соотвѣтствуютъ въ *Вертепѣ* сцены Запорожца съ Полякомъ и другими. На сцену

* Сличи о цыганской семьѣ *Малорусскія народныя преданія и разсказы*, Кіевъ, 1876 года, стр. 193.

Digitized by Google

выходитъ хвастливый и гордящійся своею родовитостью Ляхъ. А цо, лавове,—говоритъ онъ,—

Же бы вы знали, цо я естемъ зъ дзяда
И зъ прадзяда шляхтичъ уродзоный.
Я былемъ во Львовѣ,
Былемъ и въ Краковѣ,
Былемъ и въ Кіовѣ,
Былемъ и въ Варшавѣ,
Былемъ и въ Богуславѣ,
Падамъ до ногъ ясневельможнаго пана,
Зычу здрувья и многа лята!

Какъ и въ другихъ сценахъ, Полякъ встрѣчаетъ свою подругу и танцуетъ краковякъ. Когда какой-то мальчикъ, подкравшись сзади, передразниваетъ пана, этотъ грозно обращается къ нему и гнѣвнымъ голосомъ говоритъ: „А лудзь до дзембла, лайдакъ! батогами забію!“ Но его рѣчь умолкаетъ при появленіи Запорожца. Еще за сценой раздается его голосъ, напѣвающій любимую украинскую пѣсню: „Да не буде лучше, да не буде краще, якъ у насъ да на Украини!“ * Входитъ онъ и начинаетъ рядъ шалостей. Первымъ предметомъ ихъ, какъ и во второй интерлюдіи Довгалевскаго, является ворожея Цыганка, которая, заговаривая рану Запорожца, въ тихомолку желаетъ ему погибели. Казакъ прогоняетъ ее и не даетъ обѣщанной платы. Затѣмъ казакъ дурачится надъ Жидомъ и заставляетъ его угощать себя водкой. Напившись черезъ мѣру, Запорожецъ ладаетъ, а Жидъ, пользуясь минутною его слабостью, начинаетъ душить его; но силы возвращаются къ казаку: онъ одолѣваетъ Жида и, не зная куда дѣть его, придумываетъ отдать его чорту. „Гей, дидько, говоритъ онъ, ходы, будь ласкавъ, возьми Жида!“ Когда чортъ, явившись на призывъ, не скоро убираетъ Жида, Запорожецъ подгоняетъ его булавой. На помощь чорту является другой чортъ, его товарищъ; но Запорожецъ чуть не скручиваетъ его въ рукахъ, подвергаетъ комическому осмотру со всѣхъ сторонъ въ глазахъ зрителя, заставляетъ его танцовать предъ собой и гонитъ обратно въ адъ.

Четвертой интерлюдіи Довгалевскаго соотвѣтствуетъ вертепная сцена Запорожца съ уніатскимъ ломомъ. Къ Запорожцу подходитъ уніатскій попъ и хочетъ его исповѣдать:

* См. отрывокъ изъ этой пѣсни въ *Историческихъ пѣсняхъ малорусскаго народа*, т. II, Кіевъ, 1875 г., стр. 49.

Digitized by Google

Признавай грихы предо мною, покайся,
Предъ схизматскыми попы не признавайся!

Запорож. Чого соромляться, паноче, разкажу що знаю.

Уніат. попъ. Благо сотвориши, аще ничего не утаиши.

Запорож. Я зъ малку мандрую по свиту,
Я бивъ...
Не бивъ уніатскихъ я попивъ,
Съ живыхъ зъ іхъ кожу я лупивъ.
Воны надъ козакомъ ждутъ смерты,
Щобъ въ домовыну скорійше заперты;
Таскаютъ, спиваютъ, сміются,
А на помынкахъ якъ напьются,
Дакъ тылько не танцюютъ,
Мовъ кони козацки гарцюютъ.

Уніат. попъ (дрожащимъ голосомъ):

Треба тоби до касціола ходыть,
Часты поклоны треба быть.

Запорож. Э! бачъ? Я зъ віку въ косціолъ не ходывъ,
Поклонывъ не бывъ, хиба тебе побью.

(Уніатъ бѣжитъ со всѣхъ ногъ).

Послѣ этого Запорожецъ издѣвается надъ двумя чертями и одного изъ нихъ, поймавъ за хвостъ, тащитъ къ свѣту:

Що се я піймавъ? Чи се птычка?
Чи перепелычка?
Чи се тая сынычка,
Що вона й не дыше,
Тылько хвостикомъ колыше?

Эти слова почти буквально встрѣчаются и въ первой интерлюдіи Довгалевскаго. Здѣсь мужикъ Пархимъ обращается съ подобными словами къ Поляку-астроному:

А що бакъ ти у чорта и скажи за птица—
Чи мышь, чи кажанъ, чи перепелица?

Заключительныя явленія *Вертепа* не имѣютъ соотвѣтствія съ интерлюдіями Довгалевскаго и скорѣе напоминаютъ собою извѣстнаго уже намъ въ трагедокомедіи Ѳ. Проколовича жреца Жеривола, который получилъ отъ князя Владиміра для жертвы одного тощаго козла. Крестьянину Климу некуда дѣвать свинью, старую и блудливую, а между тѣмъ навѣдывается къ нему дьячокъ которому нужно платить за ученіе сына. Климъ, взамѣнъ денегъ, проситъ его принять въ даръ свинью.

Дьячокъ. Дай Богъ здравствовать, Клыме!

Digitized by Google

Клымъ. А дай Боже, пану бакаляру!
Ты нашъ таки, кождяче:
Возьмы собы отсю свыню,
Бо въ городъ все скѣче.
Дьякъ. Ци, ирцъ, ци, ирцъ, ферчикъ!
Иже, виды, азъ, нашъ, есть (т.-е. Иване)!
Слыши ко мнѣ зѣло!
Климій сотворилъ намъ честь,
Давъ свыняче тѣло.
Иванецъ. Азъ путьшествую; кое ваше дѣло?
Дьячокъ. Вземъ сіе бремя, несы въ наши клѣти!
Иванецъ. Помозите ю на рамь подъяти!

Потомъ дьякъ благодаритъ Клыма за свинью:

Гевалъ, Амонъ и Амалыкъ
И вси живущи въ Тыри
Возрадуются доброти
И воспоютъ въ Эфири.
Мы вашу обреченну жертву,
Хоть живу, хотя мертву
Со благодарностію пріемлемъ
И выю вамъ объемлемъ.
Клымъ. И тоби тежъ одъ насъ, пане кождяче!
(Дьякъ уходитъ).
Дывысь, якъ пресучій дьякъ подяковавъ гарно,
Що ажъ въ мене слезы въ вичьи наверкулысь!
Да правда, есть защо й дьяковать:
Свыня хоть куды свыня,
Рибра такъ и свитаться.

Близкая связь и соотношеніе *Комическаго дѣйствія* и рождественскихъ интерлюдій Довгалевскаго съ записаннымъ у Маркевича *Вертепомъ* показываютъ что или послѣдній произошелъ отъ драматическихъ піесъ Довгалевскаго и только измѣнился и разнообразился въ теченіе ста лѣтъ (отъ 1736 до времени записанія *Вертепа* Маркевичемъ), или же и *Вертепъ* и піесы Довгалевскаго произошли изъ одного и того же источника. Во всякомъ случаѣ можно считать несомнѣннымъ что существенное свое содержаніе и основныя формы свои *Вертепъ* получилъ приблизительно около того же времени къ которому относятся и піесы Довгалевскаго, потому что съ этого времени вертепныя рождественскія представленія теряютъ кредитъ и болѣе и болѣе переходятъ въ низменныя сферы училищной и общественной жизни. Въ томъ же 1736 году Ѳ. Прокоповичъ, указывая Рафаилу Заборовскому

Digitized by Google

экономическія средства для содержанія Академіи, неодобрительно выразился о студенческихъ міркованіяхъ и хожденіяхъ съ вертеломъ, замѣтивъ что при улучшеніи академическаго хозяйства „не будетъ нужды нѣкіихъ скудныхъ, да и еще и неосновательныхъ подаяній нищетымъ образомъ вымірковывать“ *. Что замѣчаніе Ѳ. Прокоповича принято было къ свѣдѣнію, это видно какъ изъ отсутствія въ послѣдующее время рождественскихъ піесъ, соотвѣтствующихъ *Вертепу*, за исключеніемъ одного отрывка, такъ и изъ положительнаго свидѣтельства что съ этого приблизительно времени вертепныя представленія пренебрегались лучшими студентами и сдѣлались достояніемъ льяныхъ лѣвчихъ. Въ одномъ спискѣ шутливаго „Правила увѣщательнаго льяницамъ“ 1779, извѣстнаго гораздо раньше этого времени **, говорится слѣдующее: „Радуйтеся, ливорѣзы, и лаки реку радуйтеся! се радости день приспѣваетъ, день, глаголю, праздника Рождественскаго сближается. Востаньте убо отъ ложей своихъ и вослріимите всякъ по своему художеству орудія, *содѣлайте вертепи*, склейте звѣзду, составьте партесы, егда же станете по улицахъ со звукомъ бродя, ищуци сивухи, пріймутъ васъ подъ кровы своя“. „Достойно и праведно“, — говорится въ другомъ мѣстѣ *Правила*,—„похулити подвиги и труды ваши, голколійци; обтекаете бо вселенную яки орли въ облацѣ ларяціе отъ града въ градъ, отъ веси въ весь, творяще лядоливство и гдѣ изобиліе питковъ и винницъ жители имѣютъ, тамо... возгнѣздитесь, а идѣже по желанію вашему не получите, то тамо и прахъ отъ ногъ своихъ отрясте, дерзаете возглашати безумніи апостольское слово.“ Къ этому-то отребію студенческой корпораціи и должны быть относимы пластическія изображенія міркующихъ и ходящихъ съ вертеломъ бурсаковъ у Нарѣжнаго и Гоголя, но не къ большинству кіевскихъ студентовъ разсматриваемой эпохи.

Но если въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка вертепныя представленія стали выходить изъ употребленія въ Кіевской Академіи, то это не значитъ чтобы вообще прекратили раз-

---

* *Труды Кіевск. Дух. Академіи*, октябрь, 1865, стр. 279.

** „Правило увѣщательное“. См. въ Описаніи рукоп. Церковно-археологич. Музея при Кіев. Акад., № 665; отрывки см. при *Реторикѣ* 1729—1730, тамъ же, № 422, *л.* 473 и слѣд.

Digitized by Google

витіе комическія сцены изъ народной южнорусской жизни. Напротивъ, онѣ получили еще большее развитіе, но стали пріурочиваться къ пасхальнымъ и рекреаціоннымъ піесамъ. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ налицо двѣ такія комическія піесы и нѣсколько указаній на существованіе подобныхъ піесъ, до насъ не дошедшихъ. Одно изъ первыхъ мѣстъ между ними занимаютъ пасхальныя піесы того же Довгалевскаго, 1737 года.

Подобно рождественскимъ, пасхальныя піесы М. Довгалевскаго раздѣляются на мистерію и комическія интерлюдіи къ ней.

Мистерія носитъ слѣдующее длинное заглавіе: „Властотворній образъ человѣколюбія Божія всемірной дѣла радости пятьчисленнымъ явленіемъ обновленій въ честь и прославленіе искони единосильный совѣтъ давшему единому отъ Троицы Сыну Божію, яко сотворити благоволившему и отъ небытія во бытіе перваго человѣка приведшему, его же ради сей яко заловѣдей преступника за крайное благоутробіе воплотися, пострада даже до смерти крестныя и всемощною божества силою тридневне воскресе, и паки сего и всѣхъ клятвѣ его виновныхъ на первое вѣчныя свободи и радованія возведе блаженство.“ Она раздѣляется на пять явленій или дѣйствій; въ первомъ Совѣтъ Божій, Правосудіе и Милость Божія намѣреваются сотворить человѣка; во второмъ Милость Божія вводитъ человѣка въ рай и даетъ ему первую заловѣдь, но Прелесть склонила его нарушить эту заловѣдь; въ третьемъ Правосудіе Божіе отдаетъ преступнаго человѣка „въ работу и плѣнъ смерти и діаволу“; въ четвертомъ—показывается торжество діавола и смерти надъ человѣческимъ родомъ, а въ пятомъ Милость Божія выводитъ человѣка изъ ада и возвращаетъ его къ первобытной свободѣ. Хотя по примѣру Ѳ. Прокоповича, піеса состоитъ изъ пяти дѣйствій, но она скорѣе похожа на „Мудрость Предвѣчную“ 1703 года и далеко уступаетъ слѣдующимъ за ней интерлюдіямъ, которыя имѣютъ такой же жизненный интересъ какъ и разсмотрѣнныя уже рождественскія интерлюдіи Довгалевскаго и стоятъ въ связи съ народными симпатіями и антипатіями, преданіями и разказами.

Въ первой пасхальной интерлюдіи мужики Литвины смѣются надъ ксендзомъ и палой и въ заключеніе прогоняютъ ксендза.

Digitized by Google

Ксендзъ вышелъ къ Литвину, воскрешему изъ мертвыхъ, „пытатися що на томъ свѣтѣ дѣется“.

Литв. Брешешь ти! тамъ все святцѣ; то въ пѣклѣ дзіеe.

Ксен. Якъ же се тамъ нашему папижу поводзи?

Литв. Памѣнай ужо якъ звалѣ: пропавъ іонъ да и годзѣ.

Ксен. Свентый же бы былъ въ пеклѣ,—щекашь ти, старушку!
Прти нимъ еще была и ласка Христусова.

Лит. Правда, правда! угадавъ ти:
Согнувшись саматужки пречь до пѣкла дрова,
А хваришняки акругъ скачуць и играюць,
Гетакими дубцами вотъ такъ поганяюць.

Подобное разказывается въ южнорусской народной сказкѣ о безчастномъ Иванѣ, какъ панъ послалъ его довѣдаться на тотъ свѣтъ въ пекло. Воротившись оттуда, Иванъ разказываетъ пану что „покойный пан старий, того пана батько, дрова возить у пекло“ *.

Въ третьей пасхальной интерлюдіи „віпздитъ мужикъ на торгъ и съ сиюмъ, и оставивши сина, пойдетъ торговати“. Въ отсутствіе его приходятъ къ сыну московскіе „яриги“.

Ярыха. Ек, ана, братъ, какіе очень срадни рагѣ!
Аврюха! сматри зъ заду вотъ в міеху перагѣ,
А ми вотъ вжо начніомъ чупруна вбѣрать.
Ну братъ, Кирпичовъ, с вала рагѣ-та снѣмать!
Ехъ, срадніе раги! и намъ бы здалися!
Ну-ста, братъ Аврюха, за вала берися!
Да вотъ, братъ, оба раги с вала поздемаемъ,
А снявши да понесіомъ, в карманъ похаваемъ.

Сынъ старался защитить воловьи рога, но они не нужны были яригамъ и остались цѣлыми; за то пролали съ воза пироги съ мѣхами. Тотъ же пріемъ отводить хозяину глаза отъ предмета ложивы и при такой же обстановкѣ встрѣчается въ сказкѣ *Чоловік з масломъ и Москалі*. Мужикъ выѣхалъ на торгъ продавать масло, поставилъ его на землю и самъ сѣлъ на него. Замѣтили его два Москаля и сговорились украсть у него масло: зайди ты сзади, говоритъ одинъ изъ нихъ, а я подойду къ нему и начну говорить. Подходитъ Москаль къ мужику и все присматривается къ нему, какъ будто узнаетъ его, и говоритъ: Здоровъ, Иванъ!—Здоровъ!—отвѣчаетъ мужикъ. Слово за словомъ, и Москаль разговорился съ мужикомъ какъ будто со старымъ знакомымъ, и нако-

* *Народныя южнорусскія сказки*, И. Рудченко, вып. I, стр. 95.

Digitized by Google

нецъ сообщилъ ему непріятную вѣсть что царскимъ указомъ требуютъ мужика въ солдаты: Только не знаю, прибавилъ солдатъ, годишься ли ты; потому что нужно чтобы былъ такого росту, какъ эта палка. Встань, ломѣряю! Мужикъ всталъ; Москаль нѣсколько разъ мѣрялъ его, но нашелъ что мужикъ не подходитъ подъ мѣру, и хотелъ прочь. Между тѣмъ мужикъ оглянулся назадъ и тутъ только замѣтилъ пропажу своего масла *.

Пятая ласкальная интерлюдія рисуетъ безчеловѣчныя отношенія пановъ Ляховъ къ своимъ крестьянамъ и месть за послѣднихъ со стороны казаковъ и производитъ скорѣе трагическое, чѣмъ комическое впечатлѣніе. Ляхъ вывозитъ мужика въ клѣткѣ на торгъ и запродаетъ его Жиду за 100 злотыхъ. Онъ ужь больше не жалѣетъ схизматицкой крови:

Пусть же, когда ужъ такая перемѣна стала,
Что до сихъ поръ святая вольность трвала,
А теперь наши хлопы противъ насъ бунтуютъ
И козаки на польскую корону вотуютъ,
Чтобъ искоренить всякія ея цноты
И отобрать до себя шляхетски клейноты,
И такую-то пораду себѣ всеймовали,
Чтобъ наши подданные на насъ и повстали.
Не дождутся того, чтобы то такъ было,
А будемъ воевать, лишь бы счастье служило.
Подданство свое продамъ, ужь теперь не треба,
А въ войскѣ какъ-нибудь найду кусокъ хлѣба,
И буду самъ воевать, пока силъ станетъ.

Къ Ляху приходитъ Жидъ и спрашиваетъ его о цѣнѣ.

Ляхъ. Не много я, жизю, хочу за своихъ подданныхъ.
Жидъ. А якъ много червонихъ, кажы, васець пане!
Ляхъ. Чтобъ не торговаться, дай, жизю, сто золотыхъ.
А когда мнѣ война случится.
И чтобы въ тотъ часъ были деньги готовы:
Вразъ червоными платить будешь голову въ голову.

Сторговавши мужиковъ, Жидъ опасается чтобъ они не обокрали его ночью, и потому выпрашиваетъ у пана позволенія вязать имъ на ночь руки и ноги, связывать одного съ другимъ.

Ляхъ. Я, орендарю, такъ тебѣ и приказую:
Пусть одинъ и другой съ нимъ связаны кочуютъ.

* Тамъ же, выпускъ II, стр. 167—168.

Digitized by Google

Мужъ. А будь ласкавъ, паночку, змилуйся надъ намы!
Хочь самы мы будемо володать руками.
А то несвѣцкій соромъ пріймлося терпѣты,
Не сподѣване лихо ось в турмѣ сидѣты
Пріймлось, а теперъ моя нещасная доле:
Тилко що бувъ бичаткомъ выихавъ у поле,
Ажъ ось ти, пане, бѣжишь до мене на ниву,
Да й казавъ взять у мене кобиличину сиву,
А мнѣ казалы бика запрягати.
Дакъ я вже то сюд, то туд, да и покинувъ жаты,
І посовтавъ до дому, да всовтався въ лихо:
Нѣкуды вже бѣчати, тѣлко сидѣть тихо.
Козакъ. Щобъ то се за причина, и якъ розважати,
Що Ляхи шилихвости людій продавати
Почали? Да не знаю, що то с того війде,
Якъ на Ляха година нещастлива прійде
За те, що хрестьянску кровь Жидамъ оренлуютъ.
Десь то на себе лихо якесь вѣщуютъ.
Да ще будетъ имъ лихо, нехай пождутъ трохы;
Бо мы вже взнали добре ляховецки здохы.
Тулки ихъ помаленку будемо нуздати,
То вони заречутся хрестянъ продаваты.

Увидѣвъ казака, мужикъ проситъ его „вызволить з сего лиха“ и разказываетъ ему о другихъ жестокостяхъ своего пана:

Ще отомаюсь хотѣвъ заслать на каналы
Якъ на роботу,—такъ іого стали мы просити,
Щобъ не славъ туди,—ажъ Жидъ притовъ, щоб купити
Насъ, а вунъ и запрягъ у ярмо Потала,
А надо мною знучавсь, собачая лапа,
Да ще уперъ у турму, щоб тутъ намъ сидѣти.

Казакъ „вызволяетъ“ мужиковъ изъ неволи и самого Ляха съ Жидомъ запрягаетъ въ ярмо.

Въ томъ же 1737 году и къ тому же празднику Пасхи приготовлено было и другое літическое произведеніе, которое хотя и не отличается внутренними достоинствами и національнымъ характеромъ, но оригинально въ своемъ родѣ и дополняетъ картину искусственной драматической дѣятельности того времени. Это — аллегорическая „Брань честныхъ седми добродѣтелей съ седми грѣхами смертными, въ человѣцѣ лутчику такъ всегда, яко найлаче въ дни святыя великія четыредесятницы рѣзидуючая, по чину седмицъ ея імагинацѣею літическою и рѣемомъ описанная 1737 года, априля

Digitized by Google

9 дня", экзампнатора іеромонаха Іоасафа Горленко, посвященная митрополиту кіевскому Рафаилу Заборовскому *. Содержаніе этого произведенія, состоящаго изъ семи главъ, явствуетъ изъ слѣдующихъ стиховъ:

Человѣкъ пришлецъ въ свѣтѣ, сей на земли странній
Прохождаше вся окресть вселенныя страны,
Ищуще безсмертія въ временной сей жизни,
Въ немъ хотя положити часть своей отчизны.
И се абіе врагъ нань наладе на пути,
Врагъ хотяще убити, зѣло, зѣло лютій.
Онъ же брань съ нимъ сотворивъ, не по своей силѣ,
Противъ крилчайша бо ставъ въ немощномъ симъ тѣлѣ,
Обаче не возможе плоть духа попрати.

Уязвленный грѣховными стрѣлами, человѣкъ призвалъ на помощь семь добродѣтелей—Смиреніе, Благоутробіе, Цѣломудріе, Любовь, Постъ, Кротость и Побожность, которыя и вступили въ борьбу съ противоположными грѣхами—Гордостію, Лакомствомъ, Блудомъ, Завистію, Обжорствомъ, Гнѣвомъ и Лѣностію. Различныя перипетіи этой войны пріурочены къ извѣстнымъ седмицамъ и днямъ постнымъ. Однажды добродѣтели были побѣждены и прогнаны съ поля битвы.

Тогда добродѣтелей грѣхи съ поля вбивши,
Вскочили къ человѣку въ обозъ и, вловивши,
Въ плѣнъ послали далеко, въ страну свѣта инну,
Въ работу тоя страни люту гражданину.

Между тѣмъ добродѣтели, потерпѣвъ пораженіе, послали на небо Молитву съ просьбой о помощи и, получивъ ее, снова начали войну со врагомъ и наконецъ, заступленіемъ Матери Божіей и силою знаменія Честнаго Креста, одержали побѣду надъ грѣховнымъ войскомъ. Но торжество побѣды омрачилось неизвѣстностью о судьбѣ человѣка изъ-за котораго была война, ибо никто не зналъ той страны куда былъ посланъ онъ. Искали его повсюду, и по пустынямъ, и наконецъ отъ Маріи Египетской получили извѣстіе что

Страна тая
Далеко есть, да ктомужъ къ ней дорога злая
Небезпечна; лежитъ бо чрезъ смертни предѣли;
Въ той путники не одни глави положили.

* *Рукопись Кіевск. Дух. Академіи*, по Описанію № 664, л. 6 и слѣд. по третьему счету.

Digitized by Google

Тогда добродѣтели посылаютъ разъ, другой и третій въ эту страну для освобожденія плѣннаго человѣка, но посланные не возвращаются; посылаютъ затѣмъ Лазаря, но и онъ не возвратился назадъ. Наконецъ, само Слово Божіе идетъ на освобожденіе плѣнныхъ, плоть свою отдаетъ на снѣденіе „сухореброй смерти“, а само душою проникаетъ сквозь врата ада, побѣждаетъ его и освобождаетъ плѣнника отъ оковъ. Тогда оно снова облекается въ побѣдоносное свое тѣло и воскресеніемъ своимъ творитъ всемірную радость.

Послѣднее по времени произведеніе разсматриваемаго періода есть піеса подъ заглавіемъ: „Образъ страстей міра сего, образомъ страждущаго Христа исправися“, состоящая изъ трехъ актовъ *. Г. Голубевъ, въ первый разъ издавшій эту піесу, положительно утверждаетъ что она сочинена не для представленій въ Кіевѣ и давалась „въ новоустроенной школѣ“, и останавливается на предположеніи что она составлена однимъ изъ кіевскихъ піитовъ вызванныхъ въ Смоленскъ тамошнимъ епископомъ Гедеономъ Вишневскимъ въ качествѣ наставника поэзіи въ новоустроенную имъ коллегію. По нашему же убѣжденію, піеса написана собственно для представленія въ Кіевской Академіи, посвящена кіевскому митрополиту Заборовскому и съ достаточнымъ основаніемъ можетъ быть отнесена къ 1739 году. Мы не говоримъ о томъ что въ реторическихъ и піитическихъ отрывкахъ сборника въ коемъ найдена піеса прямо указывается на кіевское происхожденіе его,** потому что піеса могла имѣть съ нимъ только случайную связь. Но въ самой этой піесѣ есть несомнѣнныя указанія на то что она написана въ честь кіевскаго митрополита Рафаила Заборовскаго, и представлена была въ Кіевской Академіи. Въ пятой сценѣ третьяго акта піесы заключаются привѣтствія слушателямъ ея, съ опредѣленымъ указаніемъ ихъ фамильныхъ гербовъ. Здѣсь на разные лады варьируется описаніе герба состоящаго изъ креста съ сердцемъ и діадемою. А это есть гербъ польской фамиліи Заборовскихъ, усвоенный и митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ. Въ піитическомъ руководствѣ Митрофана Довгалевскаго 1736 года мы находимъ слѣдующее описаніе герба Рафаила Заборовскаго: „діадема, крестъ съ сердцемъ гербъ есть

* *Труды Кіев. Духовн. Академіи*, сентябрь 1877, стр. 577 и слѣд.

** Описаніе рукописей Церковно-Археологич. Музея, № 630.

Digitized by Google

Рафаила, имъ же его знамена крестоносна сила". * Но такъ какъ фамилія Заборовскихъ раздѣлялась на нѣсколько вѣтвей и входила въ родственныя связи съ другими фамиліями, то въ лѣсѣ описаны гербы нѣкоторыхъ и изъ этихъ отраслей, а также гербы фамилій Покоръ и Дувиновъ, о послѣдней изъ коихъ достовѣрно извѣстно что она находилась въ родственныхъ связяхъ съ фамиліей Заборовскихъ. ** Такимъ образомъ въ лѣсѣ представлена довольно полная генеалогія фамиліи митрополита Рафаила Заборовскаго, въ честь котораго по всей вѣроятности написана лѣса. Это подтверждается и самимъ содержаніемъ лѣсы, имѣющимъ непосредственное отношеніе къ Рафаилу и его времени. При слабомъ предшественникѣ его Кіевская Академія пришла въ упадокъ. Рафаилъ возвысилъ ее въ научномъ и экономическомъ отношеніяхъ. „Радѣя всячески объ успѣхѣ и процвѣтаніи роднаго своего училища,—говоритъ одинъ изъ историковъ Академіи,—митрополитъ Рафаилъ положилъ перенести въ него все что̀ было лучшаго въ тогдашнихъ европейскихъ университетахъ. Для этого, избравъ способнѣйшихъ воспитанниковъ, онъ отправилъ ихъ за границу, снабдивъ собственно отъ себя всѣмъ нужнымъ." *** Эти-то и подобныя заботы Рафаила Заборовскаго о поднятіи научнаго уровня въ Кіевской Академіи и представляетъ лѣса въ слѣдующихъ стихахъ:

Пойду убо поищу учителя зрадна
Моимъ чадомъ во всякой добротѣ отрадна,
Да на путь ученія добрѣ ихъ наставитъ
И во всемъ исполненныхъ предъ всѣми явитъ.
Не хощу бо ихъ быти тмою помраченныхъ
Неразумія, но да вижду просвѣщенныхъ
Разумомъ и мыслію и всякими дѣлы,
Пойду искать учаща во своя предѣлы. ****

Не меньше Рафаилъ заботился и о внѣшнемъ благосостояніи Академіи. Обветшавшія зданія академическія требовали поддержки и перестройки. „Рафаилъ Заборовскій вноситъ своихъ тысячу шестьсотъ сорокъ рублей и начинаетъ

* См. *Труды Кіевск. Духовн. Акад.*, янв. 1867, стр. 109.

** *Herbarz Polski*, Несецкаго, t X, стр. 10—12.

*** *Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ Академіей*, т. II, стр. 88—89.

**** Во Псковъ, разумѣется, гдѣ Рафаилъ былъ епископомъ.

Digitized by Google

перестройку академическихъ зданій. Въ короткое время, вмѣсто старыхъ и обветшалыхъ, являются новыя помѣщенія для учениковъ, изъ которыхъ бѣднѣйшихъ онъ принимаетъ на свое собственное иждивеніе. На мѣстѣ бывшей сначала гостиницы, обращенной потомъ Петромъ Могилою въ пристанище для сиротъ и другихъ странниковъ, Рафаилъ возводитъ Великую Бурсу, такъ-названную въ отличіе отъ бурсъ находившихся при церквахъ приходскихъ... Кромѣ этого, надъ каменнымъ корпусомъ, построеннымъ еще Мазепою, Рафаилъ возводитъ второй этажъ, по плану архитектора Шейдена, съ огромною колоннадой Тосканскаго ордена, и созидаетъ тамъ же Благовѣщенскую академическую церковь.“

Нынѣшняя академическая церковь, библіотека и конгрегаціонная (нынѣ портретная) зала, все это—дѣло рукъ Рафаила Заборовскаго. „17 іюля, 1739 года, въ первый разъ происходило торжественное собраніе во вновь устроенной залѣ. Чтобъ увѣковѣчить это событіе и доказать глубочайшую свою признательность архипастырю благодѣтелю, академисты на публичномъ диспутѣ поднесли Рафаилу отличнѣйшую картину, сочиненную и исполненную однимъ изъ воспитанниковъ сего училища Левицкимъ Григоріемъ.“ * Это-то новое зданіе, а не новоустроенную школу, и слѣдуетъ разумѣть въ разсматриваемой піесѣ, которая поэтому можетъ быть отнесена къ тому же 1739 году.

Имѣя ближайшее отношеніе къ личности Рафаила Заборовскаго, піеса *Образъ страстей міра сего* касается, однако, и внутренняго состоянія тогдашней Кіевской Академіи, и даже политическаго положенія современной Украйны. Впрочемъ, не всѣ части піесы одинаково интересны. Первый актъ имѣетъ цѣлію доказать суету міра и вѣчность мудрости.

Тако непостоянна, тако неключима
Въ мірѣ суетою вся увичжима.
Едину токмо мудрость отъ сихъ раздѣляю;
Сію бо едину азъ вѣчну быти знаю.

Суета міра доказывается классическими и библейскими примѣрами. Въ шести сценахъ перваго акта поочередно выступаютъ Гераклитъ и Демокритъ, Каинъ и Авель, Фа-

* *Кіевъ съ его древнѣйшими училищемъ Академіей*, т. II, стр. 80—81 и др.

Digitized by Google

рисей и Мытарь, свѣтъ въ гордости и славѣ, и плоть съ діаволомъ, Атлантъ, Іовъ, евангельскій богачъ и убогій Лазарь, евангельскій кулецъ, владшій въ разбойники и проч.

Со втораго акта собственно начинаются историческіе намеки. Какъ и въ первой рождественской интерлюдіи Довгалевскаго, здѣсь прежде всего выступаетъ на сцену астрономъ и разсматриваетъ кругъ небесный. По нему онъ предусматриваетъ что въ текущемъ году будетъ плодородіе, не будетъ вреда здравію и храбрости и не предвидится голоду. Къ нему приходитъ Россія и спрашиваетъ у него: „удобно ли есть время, еже избираю, мнѣ ко наученію". Астрономъ находитъ что она избрала самое благопріятное къ тому время, и даже предсказываетъ будущее поведеніе и успѣхи ея дѣтей во ученьи:

Не еденъ разумъ всѣмъ зрю, госпоже, быти;
Богу бо возлюбися тако устроити:
Едину убо разумъ благъ и умъ дадеся,
Другому же инако отъ небесъ послеся.

Послѣ этого Россія идетъ искать изрядваго учителя для своихъ дѣтей и встрѣчается съ Палладой, которая слѣдующимъ образомъ хвалится своею мудростію:

Азъ госпожа премудрости всѣми есмь славима;
Всякъ, иже мене не вѣсть, слѣпъ есть очима.
Кто убо таковъ можетъ когда обрѣстися,
Бы безъ моего могълъ дара возвестися?
Нѣсть царь, нѣсть вождь, нѣсть крѣпкій, славенъ и богатій,
Дабы безъ мене сія улучилъ пріяти.
Кто мудрости моея аще и во брани
Возыскуетъ, любезнѣ побѣждаетъ страни, и проч.

Она сама предлагаетъ Россіи свою помощь, беретъ ея дѣтей подъ свое покровительство и приглашаетъ на совѣтъ къ себѣ Аполлона, Туллія и Аристотеля—представителей поэзіи, краснорѣчія и философіи. Но, согласно предсказанію астронома, не всѣ дѣти Россіи съ одинаковою охотой внимали урокамъ мудрости. „Два сына Россіи похваляютъ мудрость"; но третій сынъ тяготится ею и вступаетъ въ сообщество Непослушанія, Преслушанія и Бахуса. Подъ этимъ третьимъ сыномъ разумѣются тѣ самые лѣнтяи-бражники о которыхъ мы говорили выше и которые весьма часто обличаются въ школьныхъ письменныхъ упражненіяхъ этого времени. Этотъ блудный сынъ Россіи такъ отзывается о тогдашнемъ ученіи:

Digitized by Google

Аще кто таковую скорбь претерпѣваетъ,
Въ чемъ на семъ свѣтѣ яко въ мудрости бываетъ?
Къ сей мя болѣзни нынѣ прилѣпила мати,
Ниже что изучихся, кромѣ злѣ рыдати.
Се ми мучительница, се узница баше,
Кромѣ мя умертвити премудрѣ хотяше.
Избѣгохомъ бо отъ руки мучителя злаго,
Его же царицаютъ учителя благаго.
Аще хощу пребывати живущи въ мірѣ
Преблаго: не дамъ убо сихъ злонравныхъ вѣры.
Пойду лучше въ погибель весма погибати,
Неже премудрость сію мнѣ воспріяти.

Такое же раздѣленіе во мнѣніяхъ о мудрости существуетъ и внѣ школьныхъ стѣнъ. Здѣсь съ одной стороны является премудрый Соломонъ, къ которому приходитъ царица Савская съ дарами, съ другой Иеронъ со свитою пороковъ, замыкающій уши отъ наставленій мудрости и нехотящій ее слушать.

Въ послѣдней сценѣ втораго акта являются Беллона и Марсъ, поступающій въ ея державу. „Бунтъ жалѣетъ отвращенія Марсова“, то-есть сожалѣетъ о подчиненіи его Беллонѣ, и обѣщается составлять бунты. Къ нему приходитъ Обѣщаніе и Отмщеніе. Послѣднее говоритъ:

Что глаголеши дерзко въ себѣ, о трекляте
Душепагубній всѣми росскій супостате?
Гдѣ еси таковую своея державы
Воспріялъ крѣпость, яко претитъ нама славы?
Не боиши ли ся сій противящъ ся власти?
За сіе ти требѣ есть воскорѣ препасти.
Всякъ противяйся власти противится Богу;
Вижду, яко отъ него казнь пріимеши многу.

Наконецъ, Бунтъ смиряется предъ Обѣщаніемъ и Отмщеніемъ и проситъ у нихъ милости, но напрасно: его связываютъ, „да не избѣгнетъ отъ руку, но да пріиметъ казнь и горькую муку“.

Подъ Беллоной нужно разумѣть здѣсь Россію, къ которой присоединился украинскій Марсъ при Алексѣѣ Михайловичѣ. Долго существовало недовольство этимъ союзомъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Малороссіи и наконецъ разрѣшилось измѣной Мазепы, послѣ которой Запорожскіе казаки передались Турціи и хану Крымскому и основали свою сѣчь въ Алешкахъ, на „поляхъ татарскихъ, межъ кочевиками ага-

Digitized by Google

рянскими". Но, какъ мы уже знаемъ, въ 1734 году, предъ Турецкою войной, имлератрица Анна Іоанновна простила Запорожцамъ и разрѣшила имъ возвратиться въ предѣлы Россіи, гдѣ и основали они Новую Сѣчь Запорожскую. По всей вѣроятности, въ лѣсѣ и разумѣется этотъ новый союзъ запорожскаго Марса со всероссійскою Беллоной, съ указаніемъ на предшествовавшія ему смутныя обстоятельства въ казацкой исторіи.

Въ третьемъ актѣ „исходитъ Любомудріе, желая видѣти Премудрости". Ангелъ извѣщаетъ ее что Мудрость знаетъ уже о желаніи Любомудрія и сама идетъ къ нему на встрѣчу. Она оставляетъ небесный престолъ свой чтобы видѣть землю и поселиться съ людьми и исходитъ, поддерживаемая подъ руки дочерьми своими Вѣрой, Надеждой и Любовію, представительницами богословскаго образованія, тогда какъ Аполлонъ, Туллій и Аристотель являлись прежде представителями образованія свѣтскаго.

Подошедши къ „сѣни", небесная гостья говоритъ, намекая на новыя постройки Рафаила:

Се покой мой, ту вселюся во вѣки
И всегда казираяй буду съ человѣки.
Се во жилище прежде обрахъ себѣ благо,
Се сотвору вовѣки, се предпочту драго.
(Ко Вѣрѣ, Любви и Надеждѣ глаголетъ):
И вы, дщери, вонъже азъ вселихся, пріидѣте,
Предуготовленній мнѣ покой предузрѣте.
Веселитися вамъ нынѣ благо есть со мною,
Да пребудемъ вовѣки купно со собою.

Вѣра, Надежда и Любовь изъявляютъ полное согласіе и вмѣстѣ съ матерью вселяются въ приготовленномъ для нихъ покоѣ. Къ нимъ приходятъ на поклонъ Любомудріе, Смиреніе и Чистота. Затѣмъ „исходитъ Церковь тріумфующая", подъ которою можно разумѣть какъ русскую православную церковь вообще, получающую силу отъ образованія, такъ и академическую церковь, устрояемую Рафаиломъ Заборовскимъ. Къ Церкви приходитъ Прелесть, какъ представительница римской церкви, но ангелъ прогоняетъ ее и утверждаетъ Церковь. Наконецъ „исходитъ Единомысліе и желаетъ весь міръ во согласіе быти". Вражда гнѣвается на Единомысліе и говоритъ къ нему, пользуясь нѣкоторыми выраженіями Овидія:

Digitized by Google

Что сѣ? Что, что хощеши въ свѣтѣ исправити?
Вопстинну вся отъ моря вспять пойдутъ рѣки,
Мира же не исправишъ между человѣки.
Слонце въ тму преминится, луна не дастъ свѣта,
Миръ же не будетъ во всякіе лѣта.
Удобѣе есть землю въ небо претворити,
Неже повсюду миру устроенну быти.

Но приходитъ Благоразуміе и заботится о томъ чтобы „единаго Бога кулно всѣ знали, въ тишинѣ и мирѣ и вѣрѣ единѣ живуще“. Оно претираетъ Вражду и заключаетъ братскій союзъ съ Единомыслiемъ. Въ послѣдней сценѣ пiесы „ангелъ благовѣствуетъ миръ всѣмъ ближнимъ, отъ смерти Господа нашего Iисуса Христа исполненній“, и описываетъ фамильные гербы Рафаила Заборовскаго, о которыхъ мы говорили выше.

Кромѣ указанныхъ, появлялись въ Кіевской Академіи при митрополитѣ Рафаилѣ Заборовскомъ и другія пiитическія произведенія, но они явились уже при иныхъ условіяхъ и принадлежатъ уже слѣдующему, четвертому періоду южнорусской искусственной литературы XVIII вѣка.

IV.

Четвертый періодъ южнорусской искусственной литературы XVIII вѣка обнимаетъ собою время царствованія Елисаветы Петровны (1741—1761). Это время ознаменовано было поворотомъ русской политики въ національную сторону и процвѣтаніемъ русской литературы. На сѣверѣ Россіи главнымъ представителемъ русской литературы и пѣвцомъ Елисаветинскаго царствованія является Ломоносовъ. Къ этому же времени получили всеобщую извѣстность и сатиры Кантемира. На югѣ Россіи прежнее обаяніе Ѳеофана Прокоповича еще не исчезло; но кіевскіе ученые уже не довольствовались имъ однимъ и сами непосредственно стали знакомиться съ содержаніемъ западно-европейской литературы и ея формами. Къ началу царствованія Елисаветы Петровны воротились изъ-за границы отправленные туда митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ воспитанники Кіевской Академіи и

Digitized by Google

принесли съ собою знаніе новѣйшихъ и классическихъ языковъ и знакомство съ новыми идеями Запада и псевдоклассическими формами тогдашней западно-европейской литературы. А это знакомство невольно сближало ихъ съ сѣверными представителями русской литературы, учившимися у того же Запада. Вслѣдствіе этого, рядомъ съ извѣстностью Ѳ. Прокоповича, мы видимъ на югѣ Россіи уваженіе и къ Кантемиру и Ломоносову, выражавшееся какъ въ частыхъ выпискахъ изъ ихъ произведеній, такъ и въ подражаніи имъ. Такимъ образомъ въ южнорусской литературѣ этого времени произошелъ значительный переломъ въ пользу сближенія ея съ сѣверно-русскою литературой и слитія съ нею въ одно цѣлое.

Изъ этого періода дошли до насъ произведенія: Варлаама Лащевскаго, Михаила Козачинскаго, Григорья Савича Сковороды, Георгія Конисскаго, стихотворенія съ именами Александровича и Лютенскаго и трагедокомедія Георгія Щербацкаго.

Первымъ литературнымъ произведеніемъ этого періода была „Трагедокомедія о тщетѣ міра сего, составленная Варлаамомъ Лащевскимъ и презентованная въ Академіи Кіевской“, вѣроятно въ 1742 году *. Трагедокомедія эта переходнаго характера. Самымъ названіемъ своимъ напоминая любимую Ѳ. Прокоповичемъ драматическую форму, она мѣстами съ большою точностію повторяетъ его мысли; но вмѣстѣ съ тѣмъ она представляетъ и новый элементъ въ южнорусской искусственной литературѣ.

Мы видѣли, какъ въ „разговорѣ гражданина съ селяниномъ да съ пѣвцомъ или дьячкомъ церковнымъ“ Ѳеофана Прокоповича гражданинъ отзывался о недоучившихся латинщикахъ, величавшихся своимъ разглагольствованіемъ. Подобное говоритъ и Варлаамъ Лащевскій въ своей трагедокомедіи:

---

* Она писана не раньше 1742, ибо упоминаетъ о наслѣдницѣ Елисаветы Петрѣ Ѳеодоровичѣ; но и не позже этого года, потому что въ 1743 Лащевскій уже не былъ учителемъ піитики, на обязанности коего лежало составленіе подобныхъ піесъ, а преподавалъ философію. См. *Кіевъ съ его древн. училищемъ Академіей*, т. II, стр. 109. *Трагедокомедія* изд. въ Лѣтоп. Р. Литер., 1859, т. I, отдѣл. III, стр. 3—10. Рукописный списокъ ея—въ рукоп. Церковно-Археол. Музея при Кіев. Академіи, по Описанію № 477.

Digitized by Google

Иніи букваръ токмо внучатъ единій,
Да когда еще знаютъ что̀ и отъ латини,
Запроси отъ писаній вездѣ сочиняютъ,
Аки бы всѣхъ мудрѣйши были притворяютъ.
А спросить къ спасенію нужнѣйшаго слова,
Безотвѣтна увидишь того суеслова.

Въ другомъ разговорѣ „тектона сц есть древодѣла съ кулцомъ“ Ѳеофанъ Прокоповичъ старается показать различіе между церковію рукотворенною и нерукотворною. То же доказываетъ въ своей трагедокомедіи и Варлаамъ Лащевскій, говоря отъ лица церкви:

Нѣсмь азъ церковь, яко мнятъ, отъ древъ нечувственныхъ,
Но отъ людей во Христовъ духъ соединенныхъ.

Новый элементъ трагедокомедіи заключается въ томъ что Лащевскій старается противодѣйствовать въ ней деистическому и матеріалистическому образу мыслей, не признававшему видимой церкви и отрицавшему личное безсмертіе человѣка. Лащевскій, довершивній свое образованіе за границей, могъ и тамъ непосредственно познакомиться съ этими воззрѣніями, но могъ видѣть поверхностное и грубое отраженіе ихъ и въ самой Россіи, гдѣ еще Кантемиръ обличалъ невѣрующихъ въ бытіе Божіе. Лащевскій съ одной стороны старается доказать личное безсмертіе человѣка и отвѣтственность его въ загробной жизни, съ другой — обличить распущенность современныхъ нравовъ и сдержать ихъ угрозами наказаній въ загробной жизни, а вмѣстѣ и поощрить праведниковъ въ ихъ бѣдствіяхъ. Вслѣдствіе этого вся трагедокомедія носитъ на себѣ строгій характеръ и мрачный отпечатокъ.

Она раздѣляется на пять небольшихъ явленій. Въ первомъ изъ нихъ Церковь жалуется на своихъ невѣстъ и скудость людей, перечисляетъ всѣ свои бѣдствія, претерпѣнныя ею въ лицѣ ветхозавѣтныхъ праотцевъ и новозавѣтныхъ мучениковъ и исповѣдниковъ, и особенно останавливается на современномъ положеніи православной церкви, какъ бы намекая на бѣдственное свое положеніе въ предыдущее царствованіе. Церковь говоритъ:

. . . Пала возбѣсися,
Отъ папы Лютръ, отъ Лютра Калвѣнъ уродися:
Сіи нынѣ найпаче коль на мя зѣваютъ,
Поглотить мя образи всѣми промышляютъ!

Digitized by Google

Слава Спасу моему, яко въ щитъ мя нынѣ
Благовѣрной Россійской вручи монархинѣ!
И отецъ ея Петръ бысть въ щитъ мнѣ непостыдній,
И внукъ его тожъ будетъ по ней Петръ наслѣдній.
Абы за благовѣрной токмо ихъ держави
Въ благочестіи обще пожили всѣ правѣ:
Но то бѣда, что нынѣ множайшіи бывше
Отъ числа христіановъ, мене жъ оставивше,
Овъ на куплю, овъ въ село, овъ же за женою,
Вси пошли во слѣдъ міра, вси за суетою.

Во второмъ явленіи выходитъ на сцену Міръ, гордится множествомъ своихъ послѣдователей и тѣмъ подтверждаетъ жалобы церкви на скудость истинно-вѣрующихъ сыновъ ея. Вспомянувъ о древнемъ идолопоклонствѣ, Міръ замѣчаетъ слѣды его и между христіанами:

Да и между самими христіанской вѣри
Колікіе остались и доднесь кумири!
Вси, иже знахорствуютъ, шепчутъ, обаяютъ
Идоловъ моихъ въ помощь себѣ призиваютъ.
Да отъ тѣхъ же хрістіанъ пріятъ часть премногa
Собственное чрево свое вмѣсто Бога,
Емуже множайшіи толма работаютъ,
Яко и животъ свой весь на то изнуряютъ,
Какъ бы е аки юнци сластьми упитати,
Откуду бы щоденно пиры составляти!
Которому едина нива угобзися,
И той глаголетъ чреву: яждь, пій, веселися!
Множайшіи отъ утра до вечера піютъ,
Маліе имъ стакани вовся не довлѣютъ,
Болшими наливати какъ барило тѣло —
То ихъ чрезъ все житіе то едино дѣло.
Протчіи вмѣсто боговъ протчое избрата,
Множайшіи честь тую плоти своей дата.
Сице содомли дщери ревности служаху:
Что сердце вожделѣло, то любодѣяху.
Нѣтъ ли плоти и нынѣ во людехъ Содому?
Содомъ дѣется едва не во всякомъ дому:
Что вижу шинки? токмо содомскіе двори.
Что слышу гласъ въ перезвахъ? гласъ иній Гомори... *

Въ третьемъ явленіи „Благодать Божія въ потѣшеніе Церкви, а въ укореніе Міра, будущая воздаянія праведнимъ и грѣшнимъ приломинаетъ“.

* Перезва—свадебная пирушка въ извѣстные дни.

Digitized by Google

Въ четвертомъ явленіи раскрывается картина загробной жизни. „Выходитъ два лица женскаго полу, една отъ благодати, другая отъ муки, благочестива и злочестива", одна съ веселіемъ, другая съ жалобою на свою судьбу. Оказывается что обѣ онѣ были дочери нѣкоего Вротоса (смертнаго), гражданина города Космололя (міра), изъ коихъ одна называлась Агаѳіей (доброю), а другая Фавлей (дурною). Агаѳія вела себя скромно и честно, а Фавля разказываетъ о себѣ слѣдующее:

. . . Знаю, и я знаю,
Какъ многихъ своимъ, было, образомъ прелщаю:
Вимивахся по всякъ часъ, не ступихъ безъ мила,
Благовонніе краски, драгіе бѣлила
Устроевахъ на тварѣ (лицѣ), очерня все цвѣти
Прилѣпляхъ зловонніе мушки на лакоти.
А нынѣ, яко зрите, тваръ оная бѣла
Какъ жупелемъ геенскимъ вовся очернѣла?
Краски моя суть нынѣ огнь неугасимый,
Аромати—въ тлѣніи смрадъ неистерпимій,
Мушки живіе—печаль, червь неусипаяй
По тварѣ и всемъ тѣлѣ сидитъ угризаяй...
Уви мнѣ, яко ходихъ по игрищахъ всюду,
По улицахъ, по валахъ расхождахъ повсюду!
Уви мнѣ, яко всяко искусна бѣхъ истити
И самима очима умѣхъ говорити!
Уви, яко на умѣ мнѣ танци да пляси;
Музики, студни лики бѣху по вся часи!
Уви, яко въ перезвахъ безъ всякаго срама
Срамословихъ и волаихъ и плескахъ рукама!

Затѣмъ она снова описываетъ свои мученія сходныя съ мученіями грѣшницы въ старинныхъ русскихъ повѣстяхъ, и проситъ сестру свою Агаѳію не можетъ ли она дать ей какую-либо малую отраду. Но послѣ смерти уже нѣтъ покаянія, и обѣ сестры расходятся по своимъ мѣстамъ.

Въ пятомъ явленіи выходятъ два юноши, бывшіе свидѣтелями свиданія сестеръ, и разсуждаютъ о наградахъ и наказаніяхъ на томъ свѣтѣ, выводя нравоученіе для различныхъ классовъ и слоевъ общества. Между прочимъ они обличаютъ неправедныхъ судей, любострастныхъ женщинъ, нерадивыхъ и корыстолюбивыхъ пастырей, и проч.

Второй. Аще бы здѣ судія какій присмотрѣлся,—
Какъ преславно въ синѣхъ Божіихъ вмѣнился
Судившій людемъ право, вопротивъ обидящій
Какъ безъ милости во огнь осуждемъ горящій,—

Digitized by Google

Отселѣ не снѣдалъ бы вдовичого дому,
Не хотѣлъ бы обиди творити нѣкому.
Первый. Оби вняли прилѣжно дѣвицы и жени,
Какъ цѣломудра внійде на бракъ торжественкій,
Урода же, по стогнахъ плясавшая градскихъ.
Какъ стенетъ безутѣшно въ узилищахъ адскихъ,—
Беззаконно бы дѣвство свое не теряли,
Въ супружествѣ оное бъ чисто сохраняли.
Второй. Дабы и вси внушили пастиріе стаду,
Коль пастирь вѣренъ бывшій взя мзду безъ прикладу,
Расточивій же овци пастирь неключимій
Стенетъ нынѣ лютими муками томимій,—
Хранилъ бы всякъ тщаливо своея огради
Страха Божія паче, не доходовъ ради....
Видѣть безъ слезъ не мощно что глаголи жизны
Нынѣшній вѣкъ приведе в конецъ укоризны:
Елико кощунствуютъ кощуни безстудни!
Гдѣ канти, комплементи слагаются блудни,—
Матерія съ писаній кощуномъ готова,
Въ кантахъ студныхъ начало отъ Божія слова.
Первый. Въ крайной и тѣ имѣютъ оное огидѣ,
Кои слышаще слово у другихъ въ бесѣдѣ,
Називаютъ коеюсь то пиворѣзнею.

Въ заключеніе оба юноши рѣшаются неуклонно слѣдовать по правому пути добродѣтелей, дабы достигнуть вѣчнаго блаженства.

Болѣе другихъ оставилъ послѣ себя стихотвореній, относящихся къ царствованію Елисаветы, іеромонахъ Михаилъ Казачинскій, тоже завершившій свое образованіе за границей и чуть ли не бывшій въ свое время присяжнымъ піитою Кіевской Академіи. Есть основаніе думать что піеса *Образъ страстей міра сего*, 1739 года, принадлежитъ перу Казачинскаго. Несомнѣнно имъ написаны: Панегирикъ Елисаветѣ Петровнѣ отъ Кіевской Академіи, 1744, и піеса *Благоутробіе Марка Аврелія*, того же года и въ честь той же императрицы. Кромѣ того, вѣроятно подъ его редакціей составлены *Стихы по вопросамъ и отвѣтамъ сложеннія, отъ двоихъ учениковъ предъ великою монархинею сказованія*, 9 сентября 1744 года. Всѣ эти произведенія отличаются въ большей или меньшей мѣрѣ легкостью и звучностію стиха, сближающими его съ тоническимъ стихомъ Ломоносова, и отчасти составлены въ духѣ тогдашняго псевдоклассицизма и по его литературнымъ формамъ.

Digitized by Google

Сближеніе силлабическаго стиха съ тоническимъ у Михаила Казачинскаго происходило при помощи такъ-называемаго леонинскаго силлабическаго стиха. Сначала этотъ леонинскій стихъ состоялъ въ томъ что имѣлъ рифму или въ окончаніи каждаго стиха, или въ окончаніи обоихъ полустишій его, раздѣляемыхъ цезурою. А такъ какъ рифма требовала сходства двухъ по крайней мѣрѣ слоговъ и словъ болѣе или менѣе созвучныхъ между собою и равномѣрныхъ, то леонинскій стихъ имѣлъ какъ бы нѣкотораго рода тонический размѣръ. Такимъ леонинскимъ стихомъ написано первое дошедшее до насъ стихотвореніе Ломоносова:

Весна катитъ, зиму валитъ
И ужь листикъ съ древомъ шумитъ.
Поютъ птички со синички,
Хвостомъ машутъ и лисички.
Взрыты брозды, цвѣтутъ грозды,
Кличетъ щеглинъ, свищутъ дрозды и пр.

Въ послѣдствіи времени стали дѣлить леонинскій стихъ цезурой на три части и для каждой изъ нихъ требовать особенной рифмы, а слѣдовательно и бо́льшаго числа созвучныхъ словъ, расположенныхъ на опредѣленномъ мѣстѣ, вслѣдствіе чего леонинскій силлабическій стихъ еще болѣе приблизился къ тоническому стиху. Насколько намъ извѣстно, этотъ трехчленный леонинскій силлабическій стихъ въ первый разъ является въ стихотвореніяхъ Михаила Казачинскаго, и именно въ мелкихъ его стихотвореніяхъ: одахъ, кантахъ и т. л. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Первая ода панегирика Казачинскаго Елисаветѣ Петровнѣ начинается такъ:

Безначальный и всехвальный! Милость твою, Боже,
Кто есть силенъ, изобиленъ сказать? Ей, никто же!

Точно такимъ же способомъ составлены стихи говоренные студентами предъ императрицей 9 сентября 1774 года, какъ это можно видѣть изъ начала ихъ:

Нынѣ должно сколь возможно украсить рѣчь словы,
Духъ подвижній, умъ постижній имѣть и готовій.

Не довольствуясь этимъ, Казачинскій каждый членъ леонинскаго стиха ставилъ отдѣльно и дѣлалъ его какъ бы самостоятельнымъ стихомъ, а черезъ это сообщалъ ему особенную легкость. Такимъ образомъ первые изъ приведенныхъ нами стиховъ Казачинскаго въ печатномъ изданіи его панегирика имѣютъ слѣдующій видъ:

Digitized by Google

Безначальный и всехвальный!
Милость твою, Боже,
Кто есть силенъ, изобиленъ
Сказать? Ей, никто же!

Это разложеніе леонтинскаго стиха на составныя его части необходимо соединено было, какъ видно изъ приведеннаго примѣра, съ чередованіемъ риѳмы черезъ стихъ и съ соединеніемъ разносложныхъ стиховъ въ одномъ и томъ же стихотвореніи, чего прежде не бывало, и подало поводъ къ дальнѣйшему разнообразію въ расположеніи риѳмы и сочетаніи разнородныхъ по количеству стиховъ. У того же самаго Казачинскаго въ его піесѣ *Благоутробіе Марка Аврелія* мы находимъ слѣдующіе стихи:

Доброгласныхъ
Музъ прекрасныхъ
Что за гласы
Въ сіи часы?
Въ стрѣчъ собранны красни лики
Гримятъ славно риторъ крики.

Россы зрите,
Вси внушите:
Се Елисаветъ,
Коей равной нѣтъ,
Градъ свой Кіевъ посѣщаетъ,
Зракъ пресвѣтлый свой являетъ
Всѣмъ во немъ живущимъ
Правовѣрнымъ сущимъ и т. д.

Какъ эти, такъ и предыдущіе стихи до того легки и гармоничны что ихъ можно бы признать тоническими хореическими, еслибы не препятствовала тому встрѣчающаяся по мѣстамъ большая невыдержанность этого размѣра, свидѣтельствующая о силлабическомъ характерѣ стиховъ. Поэтому нисколько не удивительно если одинъ изъ историковъ Кіевской Академіи назвалъ леонтинскіе силлабическіе стихи Казачинскаго тоническими *, а ближайшій ученикъ Казачинскаго Георгій Конисскій разсматривалъ тоническіе стихи Ломоносова съ силлабической точки зрѣнія **. Важнѣе для насъ вопросъ о томъ, подъ какими вліяніями совершилось это сближеніе силлабическаго стиха съ тоническимъ; но на этотъ

* *Кіевъ съ его древнѣйшими училищами Академіей*, т. II, ст. 55.
** См. объ этомъ ниже.

Digitized by Google

вопросъ мы не можемъ отвѣчать положительно. Возможны два только предположенія: или Козачинскій и Ломоносовъ оба имѣли своимъ исходнымъ пунктомъ леонинскій стихъ и преобразовали его по образцу нѣмецкаго стихосложенія, но съ различнымъ умѣньемъ и успѣхомъ; или же на преобразованія Козачинскаго имѣли вліяніе теорія и опыты тоническаго стихосложенія Ломоносова.

Сближеніе лиѣтическихъ сочиненій Козачинскаго съ Ломоносовскими и вообще сѣверорусскими замѣчается и въ отношеніи литературныхъ формъ и содержанія. Не прерывая совершенно школьныхъ преданій Кіевской Академіи, Козачинскій мало-по-малу вводилъ въ употребленіе псевдоклассическія формы и содержаніе, хотя можетъ-быть и заимствовалъ ихъ непосредственно съ Запада.

Такимъ образомъ панегирикъ его Елисаветѣ Петровнѣ весь состоитъ изъ *одъ*, напоминающихъ собою оды Ломоносова, а *Благоутробіе Марка Аврелія* беретъ предметъ свой изъ классическаго міра, пролагаетъ путь разнымъ переводнымъ сочиненіямъ о Маркѣ Авреліи и является достойною предшественницей *Нумы* Хераскова.

Первое въ историческомъ порядкѣ произведеніе Михаила Козачинскаго есть его Панегирикъ Елисаветѣ Петровнѣ, написанный по случаю прибытія ея въ Кіевъ въ 1744 году *. Въ немъ Козачинскій излагаетъ тѣ же самыя мысли какія высказывалъ и Ломоносовъ въ своихъ одахъ, что̀ очень просто объясняется тѣмъ обстоятельствомъ что оба они были выразителями общихъ чувствъ людей русскихъ, видѣвшихъ въ Елисаветѣ свою родную государыню, освободившую ихъ отъ иноземнаго владычества. Въ одахъ своего Панегирика Козачинскій описываетъ стѣсненное положеніе Елисаветы и печальное состояніе Россіи по смерти Петра и Екатерины; желаніе видѣть на престолѣ Петрово племя и радость при исполненіи желанія:

Гдѣ бо волны бѣдъ злыхъ полны
Страшныя якъ въ морѣ?
Расточились, премѣнились
Словомъ Суща горѣ.
Онъ бо сыный волю умилный
И гласъ вкушилъ слезный,
Еще жъ нужный страхъ окружный
Якъ Отецъ любезный.

* Панегирикъ изданъ въ Кіевѣ въ 1744 году.

Digitized by Google

Что̀ жъ намъ творитъ, да ускоритъ
Въ помощь? Приникаетъ
Онъ незримо съ небесъ сѣмо
И тако вѣщаетъ:
Еда ль кови неистови
На Петровъ восташа
Домъ державный, міру славный?
Коль тщетна мысль ваша!
Съ нимъ азъ буду, преизбуду,
Въ немъ азъ воцарюся,
Вожделѣнно, непремѣнно
Здѣ во вѣкъ вселюся (лист. 8).

Самое восшествіе Елисаветы на престолъ описывается слѣдующимъ образомъ: Богъ—

Елисавети повелѣ дерзати
И всероссійскій скипетръ воспріяти:
Людемъ отъялъ страхъ, да сердце изліютъ
И мысль откроютъ.
Іслусти жъ противъ враговъ нечаянно
Бурю и смутилъ ихъ непостоянно.
Се есть измѣна вышняго десницы:
Врагъ есть въ темницѣ.
Аки воды, людѣ стогны загустили,
Какъ гласъ оружный купно возопили:
Вівать Ты наша Монархиня нова,
Духъ, кровь Петрова.

Вслѣдъ за воцареніемъ Елисаветы послѣдовали различные указы, благодѣтельные для Россіи:

Единъ обиды щедро награждаетъ,
Другій невинныхъ отъ узъ свобождаетъ:
Превращаетъ же кирхи иновѣрны
Въ храмъ благовѣрный.
Рабомъ смертію претитъ—посты святы
Съ еретиками впредь не оскверняти.
Ежели жъ ино что̀ внесоша врази,
Спразнятъ указы.

Другое произведеніе Козачинскаго есть ліеса подъ заглавіемъ *Благоутробіе Марка Аврелія*, представленная въ день тезоименитства Елисаветы Петровны, 5го сентября, 1744 года, „при тщаніи и досмотрѣ іеромонаха Михаила,

Digitized by Google

Академіи Кіевской префекта *. Она состоитъ изъ пролога, трехъ дѣйствій и эпилога.

Въ прологѣ—три явленія. Первое начинается споромъ Гнѣва съ Благоутробіемъ, которые олицетворяютъ собою тяжелыя времена Россіи отъ смерти Екатерины I и до восшествія на престолъ Елисаветы Петровны и благодушное царствованіе послѣдней. Благоутробіе одолѣваетъ. Являются пять добродѣтелей Ея Величества: „Милость и Истина срѣтаются“, потомъ „Правда и Миръ облобызаются“, а потомъ Мужество къ нимъ приходитъ со слѣдующею рѣчью, въ которой намекается на обстоятельства восшествія Елисаветы на престолъ и на характеръ ея царствованія:

Почто аки смятени? что вси суть унылы,
Аки бы потеряли чувства и вся силы?
Милость ускаржается, Истина рыдаетъ,
Будто ихъ съ предѣлъ Росскихъ неправда згоняетъ.
Правда такожде скорбитъ, а Миръ печалуетъ,
Аки бы онъ съ протчими того и не чуетъ,
Что по часѣ толь лютомъ, по часѣ пребѣдномъ,
Россія на престолѣ сидящу наслѣдномъ
Имѣетъ Елисаветъ. О Россійска мати!
Кій языкъ, кое слово сильно показати?
Елисаветъ Петровна, ты въ дѣлѣ и словѣ
И во всемъ подобишся первому Петровѣ.
Онъ бо Кіевъ посѣщалъ, ты тожде твориши;
Нѣсть раба, подданна, въ комъ не благоволиши.
Съ тобою милость, правда, съ тобою миръ златый;
Въ сердцы Богъ почиваетъ въ милости богатый.
Аще убо Богъ съ нами, то кто уже на ни?
Елисаветъ страхъ творитъ и надъ Агаряни.

Второе явленіе пролога состоитъ въ анаграммахъ, представленныхъ перемѣщеніемъ тѣхъ же буквъ „чрезъ сальты, глаголемые тарчовые“.

Явленіе третье началось выѣздомъ олицетвореннаго Кіева на „золотомъ возѣ“, о которомъ до 1870 года существовало сбивчивое представленіе, на основаніи *Исторія Россовъ* Псевдо-Конисскаго. Въ этой исторіи разказывается о встрѣчѣ

* *Благоутробіе Марка Аврелія* изд. во Львовѣ, 1745 года. Экземпляръ есть въ библіотекѣ Кіевск. Академіи. *Библіографическая Замѣтка* М. А. Максимовича въ *Кіевск. Епарх. Вѣдом.*, 1871, № 1, и особою брошюрой.

Digitized by Google

Елисаветы Петровны Кіевлянами слѣдующее: „Отъ Кіевской Академіи, помощію выписанныхъ машинъ и своего изобрѣтенія, дѣланы государынѣ разныя удивительныя явленія къ ея удовольствію; между прочимъ выѣзжалъ за городъ важный старикъ самаго древняго виду, великолѣпно прибранный и украшенный короною, но сдѣланный съ молодаго студента. Колесница у него была божескій фаетонъ, а въ него впряжены два ліптическіе крылатые коня, называемые Пегасы, прибранные изъ крѣпкихъ студентовъ. Старикъ сей значилъ древняго основателя и князя кіевскаго Кія. Онъ встрѣтилъ государыню на берегу Днѣпра, у конца мосту; привѣтствовалъ ее важною рѣчью и, называя ее своею наслѣдницею, просилъ въ городъ, яко въ свое достояніе, и поручалъ его и весь народъ Русскій въ милостивое ея покровительство.“ Между тѣмъ оказывается что нѣчто подобное было не при первой встрѣчѣ государыни Кіевлянами, а гораздо позже, 5го сентября, въ день ея тезоименитства, и притомъ выѣзжалъ не древній кіевскій князь Кій, а олицетворенный театральный Кіевъ-городъ, какъ это видно изъ третьяго явленія пролога разсматриваемой ліесы. Выѣхавъ на золотомъ возѣ, Кіевъ говоритъ:

Кіевъ днесь, градовъ мати, радость ощущаю
И для того на златомъ возѣ поѣзжаю.
Отъ радости волію: чада, поспѣшайте,
Елисаветъ Петровну со мной встрѣчайте!
Се въ славномъ величіи съ побѣдою прійде,
Съ ею радость новая съ небесъ на насъ снійде.
Се Ея Величество прійде обновити,
Яки бы первый княжескъ престолъ сотворити.

Вспомянувъ о древнихъ князьяхъ и о Петрѣ Первомъ, онъ говоритъ о недавней побѣдѣ надъ Шведомъ, доставившей Россіи Финляндію:

Се жъ паки днесь первые наступили вѣки,
Се жъ побѣда надъ Свѣемъ, миръ златъ съ человѣки;
Седмсотъ сорокъ четвертый годъ златый сіяетъ,
Дщеръ Петра Елисаветъ Кіевъ посѣщаетъ...

Въ заключеніе онъ говоритъ:

Пойду убо отверзу заключенны двери,
Да изыйдутъ здѣсь въ привѣтъ россійскіе дщери.

И вотъ эти россійскія дщери поютъ привѣтственную лѣснь, *разнопестрые* на пирамидѣ переплетая *узоры*.

Digitized by Google

Затѣмъ слѣдуютъ самыя дѣйствія піесы представляющія исторію Марка Авреліа въ примѣненіи ея къ Елисаветѣ Петровнѣ. Въ первомъ дѣйствіи Маркъ Аврелій „торжествуетъ о Киликіи, Сиріи, Египтѣ, Іудеи, и надъ Сарматы побѣдитель“. Вождь его Кассій привѣтствуетъ его и обвиняетъ фельдмаршала Вера „въ слабомъ содержаніи команды, вслѣдствіе чего Кесарь поручаетъ власть Кассію и отходитъ. Между тѣмъ этотъ послѣдній, получивъ власть, гордится ею, велитъ повѣсить одного воина, не слушаетъ увѣщаній своего отца и даже изгоняетъ его и провозглашаетъ себя имераторомъ. Дѣйствіе заканчивается „сальтами табельными и интерлюдіумомъ 2.“ Во второмъ дѣйствіи Маркъ Аврелій узнаетъ о замыслѣ Кассія, но не вѣритъ полученнымъ отъ Луція свѣдѣніямъ и даже хвалитъ Кассія, который между тѣмъ обманываетъ Египтянъ будто бы Маркъ Аврелій умеръ, а сынъ его Коммодъ неспособенъ къ управленію. Воины жребіемъ выбираютъ кесаря, но жребій падаетъ на Авреліа, показывая тѣмъ что Аврелій живъ. Несмотря на это Кассій провозглашаетъ себя кесаремъ. „Здѣсь салти металлиі и інтерлюдіумъ 3“. Въ третьемъ дѣйствіи Маркъ Аврелій, убѣдившись въ злоумышленіяхъ Кассія, пишетъ о немъ въ сенатъ, который присуждаетъ Кассія къ смерти; но кесарь не рѣшается исполнить постановленіе сената несмотря на убѣжденія сына его Коммода, и проситъ у боговъ чтобъ они сдѣлали двери къ человѣческому сердцу. Философъ Момъ говоритъ ему что онъ уже много потратилъ на это времени, но сердца человѣческаго узнать не могъ, и совѣтуетъ кесарю распознавать людскія сердца расторопностію и разумомъ; кесарь предоставляетъ мщеніе богамъ. Философы Гераклитъ и Демокритъ чудятся непостоянству свѣта, фигурируя точно такъ же какъ и въ *Образѣ страстей міра сего*, 1739 года. Боги дѣйствительно отмстили Кассію. Онъ старается разжечь вражду Антипатра Ирода на кесаря, но не успѣвъ въ этомъ, самъ рѣшается всѣми силами добиваться власти. Маркъ Аврелій случайно приходитъ во время его разговора съ Иродомъ, и Кассій въ страхѣ бѣжитъ. Воины преслѣдуютъ его и отрубивъ ему голову, приносятъ ее къ кесарю, который однако высказываетъ имъ свое неудовольствіе, велитъ голову похоронить съ честію и на вѣки прощаетъ Кассіеву дому. „Народи сему удивившеся, благодарственную поютъ лѣсвь, уравнительнѣ и благоутробію Ея Величества.“ Здѣсь между прочимъ говорится:

Digitized by Google

Во правду Авреліи толь монархъ былъ велій,
Что равна нѣту на цѣломъ свѣту.
Только ему точка едина восточна
Імператріца Росска денница,
Ей, неложно.
Елисаветъ мати, свѣтъ Россіи злати
Съ природной доброты
Ко всѣмъ благосердна, ко всѣмъ милосердна
Всѣмъ свои щедроты
Обильно являетъ.
Былъ Риму даръ велій Тітусъ и Авреліи;
Августъ въ покою, Тиверіумъ въ бою
И до днесь славятся; но съ ними сравняться
Можетъ Елісаветъ, златъ Россіи свѣтъ
Безъпримѣрно.
Петрови бо слѣди третъ лаври лобѣди
Духомъ своимъ смѣлимъ, разумомъ же зрѣлимъ
Скипетръ добрѣ правитъ, миръ отчеству ставитъ.
То ея радость, то ея сладость
Жити мирно...
Се жъ намъ радость нова, что внука Петрова
Россомъ учредила наслѣдника мила,
Въ коемъ сила будетъ, слава преизбудетъ,
Сотворитъ Петрови намъ лобѣди нови.
О, дай Боже!

Дѣйствіе заканчиваютъ „салты сатіровіи, столцовіи и інтерлюдіумъ 4“.

Въ эпилогѣ, соотвѣтственно пяти добродѣтелямъ имлератрицы въ прологѣ, „пять главныхъ свойствъ вѣрныхъ подданныхъ изображаются, а именно—вѣра, надежда, любовь, искренность, веселіе. Музы россійскія поютъ пѣснь и благодарствуютъ за авдіенцію, польскимъ діалектомъ краткими слоги, лосемъ лисмены славенскими... и латинскимы... Іллюмінація окончеваетъ дѣло“.

Черезъ три дня послѣ представленія *Благоутробія Марка Авреліи* императрица Елисавета снова прибыла въ Кіевскую Академію и присутствовала на торжественномъ диспутѣ, нарочно устроенномъ для ея величества *. На этотъ разъ она встрѣчена была стихотворнымъ діалогомъ между двумя студентами, который мы относимъ къ этому времени потому что въ немъ самомъ есть указаніе на то что императрица

* *Кіевъ съ его древнѣйшими училищемъ Академіей*, т. II, стр. 96.

Digitized by Google

во второй разъ посѣщаетъ Академію. Этотъ діалогъ, вѣроятно составленный подъ редакціей Козачинскаго и напоминающій своимъ содержаніемъ его оды, носитъ слѣдующее заглавіе: „Стихы по вопросамъ и отвѣтамъ сложенныя, отъ двоихъ учениковъ предъ великою монархинею сказованныя“ *. Одинъ изъ учениковъ говоритъ:

Никѣ должно сколь возможно украсить рѣчь словы,
Духъ подвижній, умъ постижній имѣть и готовій.

Другой ученикъ считаетъ безразсуднымъ намѣреніе воспѣть достойнымъ образомъ все величіе императрицы и ея наслѣдника, ея успѣхи въ войнѣ и недавній миръ со Швеціей, ея великій духъ, обширный умъ, ея высокія добродѣтели, и проч. Первый сознается въ трудности выполненія своего намѣренія, но находитъ ободреніе для себя въ милости императрицы. Онъ говоритъ:

Елисаветъ, кой точной нѣтъ, мать есть благосерда,
Всѣмъ надежна, безмятежна сѣнь, стѣна всетверда;
Врагомъ злобнымъ, безутробнымъ жизнь даде свободно,
Всѣхъ гонившихъ, зло творившихъ прости благородно;
Разгна волни страха подли, вставшія противно;
Взятъ побѣди, напослѣди миръ даде предивно;
Тепла въ вѣри не по мѣрѣ, къ Богу вся горяща:
Любве сила ю плѣнила вѣчно горѣ зряща.

---

* Рукоп. Церковно-Археол. Муз. при Кіевск. Акад., по Опис. № 477, л. 37 и сл. Въ этой рукописи есть и другіе стихи въ честь Елисаветы Петровны, между которыми обращаютъ вниманіе слѣд. стихи:

Перва планета доброта свѣта—
Фебъ златокій на кругъ високій неба всходитъ,
Вездѣ катаетъ, чуднѣ блистаетъ,
Играя смѣло, смѣясь весело міръ обходитъ.
Такъ мать державна, на кругъ преславна
Россійска неба возшедши, Феба подражаетъ,
Всѣмъ благодати лучи всезлати, обходя гради
И вся огради, изливаетъ.
Течетъ съ тобою свѣтлъ добротою
Петръ на полудень, славы всечуденъ, течетъ красно.
Путь вамъ свободній, духъ благородній!
Теците прямо, блистайте тамо во вѣкъ ясно!

Мысли тѣ же что и въ знаменитой рѣчи Георгія Конисскаго Екатеринѣ II: „Оставимъ астрономамъ доказывать, что земля вокругъ солнца обращается“.

Digitized by Google

Та вождь правій, та настави, укрѣпи ко труду,
Пѣше ходитъ и посѣтитъ сію лавру к чуду.
Сверхъ то внушимъ и разсудѣмъ, коль къ ученій свѣту,
Зримъ щедротну, доброхотну мать Елисавету!
Будемъ въ доводъ отъ рода въ родъ сѣмо ми собранни,
Да ученій плодъ блаженній, плодъ ложнемъ избранній;
Кто бо здѣ зналъ, или слихалъ мудростни рѣки?
Не имѣли и не зрили вси прошедши вѣки.
Кто когда мнѣлъ, даби процвѣлъ вертоградъ здѣ плодній
Ума зрила, съ слова дѣла и въ немъ плодъ свободній?
Се же чудна, неоскудна милость монархини
Изліяла, показала разума бистрини.
Се насади и огради всѣхъ щедротъ оплотомъ
Цвѣти благи, къ жизни драги щадя доброхотомъ,
И да полній цвѣтъ доволній всегда будетъ въ славѣ.
Дождь богатій благодати изливаетъ явѣ.
Сама зрити, досмотрити второе приходитъ,
Посѣщая мать благая сладку радость родитъ.
Сіе внявши, трудъ отнявши, разсуди сколь можно,
Убѣгати, или стати предъ матерью должно!

Трусливый ученикъ внялъ убѣжденіямъ своего товарища, и оба вмѣстѣ воспѣли они императрицѣ хвалебную пѣснь довольно впрочемъ безцвѣтную.

Ближайшими преемниками литературной дѣятельности Варлаама Лащевскаго и Михаила Козачинскаго были Григорій Савичъ Сковорода и Георгій Конисскій. Первый довершилъ свое образованіе за границей и привнесъ нѣчто новое въ южнорусскую искусственную литературу; второй нигдѣ не былъ, кромѣ Кіевской Академіи, но отличался даровитостію и старался совмѣстить въ своей литературной дѣятельности всѣ существовавшіе на Руси элементы и направленія.

Въ томъ же 1744 году, въ которомъ Кіевская Академія расточалась въ привѣтствіяхъ императрицѣ Елисаветѣ, вмѣстѣ съ нею возвратился въ Кіевъ, въ составѣ придворной капеллы, Григорій Савичъ Сковорода * и остался здѣсь для окончанія ученія; но онъ пробылъ здѣсь не долго, и для довершенія образованія отправился за границу. „Мистики и квіетисты разыгрывались тогда повсюду въ Германіи“, говоритъ г. Срезневскій. „Сковорода побывалъ въ этой странѣ и навсегда

* См. о немъ *Украинскую Старину*, г. Даниловскаго, Харьковъ, 1866 года.

Digitized by Google

сохранилъ предпочтеніе къ ней предъ всѣми прочими, исключая своей родины". Возвратившись на родину, Сковорода постоянно терпѣлъ неудачи на служебномъ поприщѣ своемъ, благодаря независимому и упрямому характеру своему, послѣ каждой почти изъ нихъ удалялся въ уединеніе и самоуглубленіе и все болѣе и болѣе погружался въ бездну мистицизма, производя на свѣтъ такія сочиненія, какъ напр. *Наркизъ, познай себя*, „Книгу Асхань о познаніи себя", и проч. Какъ мистикъ, онъ не могъ не знать и о современныхъ ему русскихъ масонахъ и дѣйствительно хорошо зналъ о нихъ, но только не любилъ ихъ отдѣльныхъ кружковъ и ложъ и не раздѣлялъ нѣкоторыхъ крайностей масонства. „Я не знаю мартинистовъ, говорилъ Сковорода предъ смертію, но всякая секта лахнетъ собственностью; а гдѣ собственность, тамъ нѣтъ главной цѣли или главной мудрости." Доходя до толковъ о философскомъ камнѣ и о содѣланіи состава для продленія человѣческой жизни до нѣсколькихъ тысячелѣтій, Сковорода говорилъ: „Это остатки египетскаго плотолюбія, которое, не могши продлить жизни тѣлесной, нашло способъ продолжать существованіе труповъ, мумій". Тѣмъ не менѣе, русскіе масоны считали Сковороду своимъ и при случаѣ пользовались его сочиненіями. Такъ напримѣръ его „Начальная дверь къ христіанскому добронравію для молодаго шляхтича Харьковской губерніи" отпечатана была въ масонскомъ *Сіонскомъ Вѣстникѣ*, 1806 года.

Въ литературномъ отношеніи современники-земляки Сковороды сравнивали его иногда съ Ломоносовымъ; но самъ Сковорода энергически протестовалъ противъ этого сравненія и, по нашему мнѣнію, былъ совершенно правъ. Онъ дѣйствительно не имѣлъ никакихъ точекъ соприкосновенія съ Ломоносовымъ и скорѣе можетъ быть сравниваемъ съ Кантемиромъ. Какъ извѣстно, Кантемиръ писалъ сатиры, письма, пѣсни, басни и разсужденія. Всѣ почти эти литературныя формы встрѣчаются и у Сковороды и особенно выдаются между ними въ литературномъ отношеніи пѣсни и басни, изъ коихъ послѣднія со Сковородою въ первый разъ являются въ малорусской литературѣ. Далѣе, талантъ Кантемира былъ преимущественно сатирическій, пробивающійся во всѣхъ его произведеніяхъ, даже письмахъ и пѣсняхъ. Равнымъ образомъ и сочиненія Сковороды были преимущественно сатирическаго, обличительнаго характера. „Ханжен-

Digitized by Google

ство, низкопоклонничество, угнетеніе слабыхъ, лѣнь барства,—говоритъ и Костомаровъ, постоянно находили въ немъ смѣлаго обличителя... Даже въ извѣстной пѣснѣ *Всякому граду нравъ и права* онъ громилъ и того „кто для чиновъ углы лавскіе третъ“, и попа безъ христіанской добродѣтели, исполняющаго одинъ внѣшній обрядъ, и хапугу пана, который „на нищихъ роздалъ сто рублей, что̀ содралъ съ подданныхъ бѣдныхъ людей, и „всякого вышчого тчо нижчого гне, и дужчаго, тчо недужого давить и жме“ *. У Кантемира замѣтно иногда стремленіе приспособиться къ народной рѣчи или воспользоваться ею для своихъ сатирическихъ цѣлей, какъ напр. въ слѣдующихъ его выраженіяхъ: „спитъ какъ убитый“, „бьется о стѣну головой“, „щей горшокъ да самъ большой“, и проч. И Сковорода приспособлялся къ простонародной малорусской рѣчи, но не думалъ дѣлать изъ нея особаго языка.

Важнѣйшими литературными произведеніями Сковороды признаются его пѣсни и басни **. Нѣкоторыя изъ его пѣсенъ дѣйствительно соотвѣтствуютъ своему названію и отличаются лирическимъ характеромъ. Такова его старческая пѣсня о приближеніи смерти, которую мы приводимъ по найденному нами списку XVIII вѣка:

Ахъ, утлы мои лѣта,
Якъ вихрь з круга свѣта!
Только якъ во снѣ здалося,
Что то на свѣтѣ жилося.
Ажъ тутъ и смерть за мною,
Какъ есть страшна собою;
Еще гнѣвомъ наполненна,
Аки лвица раздраженна,
Люто звѣрски рыкаетъ,
В путь скоро понуждаетъ,
Нѣприбранну, нѣготову
Велитъ иты и такову.
А що жъ то за дорога?
То-жъ на той свѣтъ до Бога.
Уже жъ то умѣраты,
Суду Божію предстаты?
Что жъ се стало новое?

* Слово о Сковородѣ, Н. Костомарова, *Основа*, іюль, 1861, стр. 178.

** Есть и одна его трагедокомедія, но содержаніе ея неизвѣстно. См. *Украинскую Старину*, г. Даниловскаго, стр. 91.

Digitized by Google

Житіе мое малое:
Нѣ я в свѣтѣ не нажился,
А нѣ Богу прислужился.
Съ чимъ же я тамъ явлюся?
Чимъ Богу поклонюся?
Нѣ свѣтила, ни кадила,
Все то смерть разлорошила.
Но дармо порищаю,
На смерть вину складаю!
Смерти тамо не бывало,
Какъ во свѣтѣ проживалось.
Моя жъ то воля злая
Зъила лѣта драгая,
И мене теперъ извила:
Житіемъ долгимъ подолстила,
Сотій вѣкъ закладала,
А смерти намъ не гадала.
Но уже треба умирати,
Вѣка доживати *.

Но другія лѣсни Сковороды, при лирической основѣ своей, заключаютъ въ себѣ много сатирическаго элемента. Такова упомянутая нами лѣсня *Всякому городу нравъ и права*, которая, кстати замѣтить, какъ будто дѣлаетъ уступку тоническому стихосложенію. Здѣсь между прочимъ говорится:

Петръ для чиновъ углы ланскіе третъ,
Ѳедька кулецъ при аршинѣ все лжетъ.
Тотъ строитъ домъ свой на новый манеръ,
Тотъ все въ процентахъ: пожалуй повѣрь!
А мнѣ одна только въ свѣтѣ думá,
А мнѣ одно только не идетъ съ ума.

Тотъ непрестанно стягаетъ грунтá,
Сей иностранны заводитъ скотá.
Тѣ формируютъ на ловлю собакъ,
Сихъ шумитъ домъ отъ гостей, какъ кабакъ.
А мнѣ одна только въ свѣтѣ думá,
А мнѣ одно только не идетъ съ умá.

Строитъ на свой тонъ юриста права,
Съ диспутъ студенту трещитъ голова,
Тѣхъ безпокоитъ Венеринъ амуръ,
Всякому голову мучитъ свой дуръ,
А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума
Какъ бы умерти мнѣ не безъ ума.

* Библіот. Кіевск. Семин., въ концѣ книги *Lucubrationes* Ѳ. Прокоповича, 1743 года; см. *Украинскую Старину*, г. Данилевскаго, стр. 92.

Digitized by Google

Чисто сатирическій элементъ является у Сковороды въ его басняхъ, которыя считаются у малорусскихъ писателей предшественницами позднѣйшихъ сочиненій И. П. Котляревскаго, Квитки и Гулакъ-Артемовскаго. Въ примѣръ приведемъ басню *Оленица и Кабанъ*, которая осмѣиваетъ слѣпо людей вышедшихъ изъ низкаго званія въ такъ-называемое благородное сословіе. „Въ польскихъ и венгерскихъ городахъ,— говоритъ эта басня, Оленица, увидѣвъ домашняго Кабана: „желаю здравствовать господинъ Кабанъ," стала витаться, „радуюся что васъ..." „Что жь ты, негодная подлость, столько неутчива? вскричалъ надувшись Кабанъ. Почему ты меня называешь Кабаномъ? Развѣ не знаешь что я пожалованъ Бараномъ? Въ семъ имѣю патентъ, и что родъ мой происходитъ отъ самыхъ благородныхъ бобровъ, а вмѣсто епанчи для характера ношу въ публикахъ содранную съ овцы кожу."— „Прошу простить ваше благородіе,—сказала Оленица: я не знала. Мы простые судимъ не по убору и словамъ, но по дѣламъ. Вы такъ же какъ прежде роете землю и ломаете плетень. Дай Богъ вамъ быть и конемъ!" Есть и въ Малороссіи пословица: „далеко свиньѣ отъ коня" *.

Благодаря живому содержанію, сочиненія Сковороды пользовались и пользуются заслуженнымъ вниманіемъ въ извѣстныхъ кружкахъ малорусскаго общества, а его пѣсни распѣвались бродячими пѣвцами-бандуристами и даже попали въ кругъ любимѣйшихъ народныхъ произведеній, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ помѣщались въ уніатскомъ Почаевскомъ *Богогласникѣ* **, а другія вошли въ собраніе галицкихъ пѣсенъ Вацлава зъ Олеска и Жеготы Паули, безъ сознанія самихъ собирателей что эти пѣсни сочинены Сковородою ***. Въ Радомышльскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, первая изъ приведенныхъ пѣсенъ Сковороды и донынѣ распѣвается здѣшними старцами въ слѣдующемъ видѣ:

Ой смерть моя дорогая,
Ты отъ Бога присланная!
Зажди мині часъ-годину:
Закіль зберу всю родину!
А смерть години не зождала,
Такъ я й родини не зобрала.

---

* *Украинская Старина* г. Данилевскаго стр. 83—4.

** *Богогласникъ*, Почаевъ, 1825 года.

*** Слово о Сковородѣ Н. Костомарова, *Основа*, іюль 1861, стр. 177.

Digitized by Google

Неприбрата, неготова,
Иди душа хоть такова!
Ой я въ литки, а я въ гульки,
А объ смерти нема думки *.

Не много старше Сковороды по воспитанію былъ Георгій Конисскій. Не пролагая новыхъ путей въ литературной области и не увлекаясь никакими односторонними воззрѣніями и направленіями, Конисскій былъ талантливымъ эклектикомъ и компиляторомъ и потому болѣе другихъ пришелся по плечу современному ему обществу и сдѣлался лучшимъ его представителемъ.

Мы разсмотримъ собственно литическія произведенія Георгія Конисскаго и особенно его трагедію. Это распространенная въ спискахъ піеса его подъ заглавіемъ „Воскресеніе мертвыхъ обще убо всѣмъ будущее, но страждущимъ всѣмъ неповинно въ вѣцѣ семъ блаженно, а обидящимъ гибелно, въ пяти дѣйствіяхъ въ пользу чающимъ оного показанное Георгіемъ Конѣцкимъ 1746 года," съ пятью комическими интерлюдіями къ ней, писанными или самимъ Конисскимъ, или стихотворцемъ Танскимъ **. Какъ человѣкъ любознательный и съ универсальными стремленіями, Конисскій съ одной стороны старался совмѣстить въ своей піесѣ всѣ прежніе элементы южнорусской драмы, съ которыми имѣетъ многоразличныя связи, съ другой—былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ проводниковъ вліянія сѣверорусской литературы на южнорусскую, „много заботясь, по словамъ Максимовича, о водвореніи русскаго языка между Малороссіянами по образцамъ Ломоносовскимъ" ***.

Прежде всего піеса, принадлежа по содержанію своему къ священнымъ мистеріямъ, составлена по плану трагедокомедіи Ѳеофана Прокоповича, состоявшей изъ пяти дѣйствій и заключавшей возвышенный и комическій элементы. Далѣе, интерлюдіи къ этой піесѣ написаны по тѣмъ литическимъ правиламъ какія мы видѣли въ 1736 году у Митрофана Дов-

* Записана Т. В. Кибальчичемъ.

** Годъ составленія означенъ по рукописи Церковно-Археол. Музея 1779 года, по Описан. № 477; интерлюдіи находятся въ рукописяхъ того же Музея, по Описан. №№ 659 и 664. Безъ интерлюдій піеса изд. въ Лѣтоп. Р. Литературы Тихонравова.

*** Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, Кіевъ, 1876, т. I, стр. 529.

Digitized by Google

галевскаго, и весьма сходны съ интерлюдіями послѣдняго. Объ этихъ интерлюдіяхъ нѣкто Лобысевичъ писалъ въ 1794 году Георгію Конисскому слѣдующее: „Не за моей памяти, а можетъ-быть годомъ предъ моимъ пріѣздомъ въ Академію Кіевскую, играна тамъ трагедія сочиненія вашего преосвященства *о воскресеніи мертвыхъ*. Оную имѣю, но не имѣю и нигдѣ достать не могу къ оной трагедіи интерлюдій, бывшихъ сочиненія вашего преосвященства или славнаго Танскаго, природнаго стихотворца, во вкусѣ площадномъ, во вкусѣ Плавтовомъ. Когда способность была достать и имѣть, тогда ребяческая несмысленность о томъ не помышляла; довольствовались изъ чужаго рта питаться, слышать отъ другаго стиховъ нѣсколько. А когда познаніе добротъ цѣну оным открыло, тогда уже способность удалилась. Единая вѣрна надежда на книгохранилище вашего преосвященства, въ которомъ не быть сему сочиненію не можно. Какъ во всякомъ покроѣ платьевъ, такъ во всякомъ нарѣчіи языковъ есть своя красота; а къ тому, когда и дымъ отечества сладокъ, то сія вонь благоухавія мыслей отечественныхъ есть наисладчайшая. Для чести націи, матери нашей, всегда у себя природою и ученостію великихъ людей имѣвшей, столько свѣтовъ выпустившей для любимаго нашего отечества, для знающихъ подъ корою просторѣчія находить драгоцѣнности мыслей, прошу вашего преосвященства велико одолжить меня—интерлюдіи, Танскаго-то, или ваши, приказавъ списать, по почтѣ мнѣ въ С.-Петербургъ доставить, да дастъ величіе отечеству своему нашъ Плавтъ, нашъ Мольеръ, ежели что не болѣ. Ибо я помню нѣкоторые стихи: описаніе Великодня, бѣгство сатаны и смерти, смерть Іуды, — прекрасныя описанія *.“ Но такое мнѣніе объ интерлюдіяхъ Конисскаго, которыя однако смѣшаны Лобысевичемъ съ какими-то другими подобными интерлюдіями **, ставящее ихъ наряду съ произведеніями Плавта и Мольера, могло образоваться только въ концѣ XVIII вѣка, при другихъ литературныхъ вкусахъ, и было чуждо какъ самому Конисскому, такъ и ближайшимъ его современникамъ, за немногими развѣ исключе-

* Археографич. сборникъ документовъ относящихся къ исторіи Сѣверо-Западной Руси, т. II, стр. 147.

** Ни о Великоднѣ, ни о бѣгствѣ сатаны и смерти Іуды ничего нѣтъ въ дошедшихъ до насъ интерлюдіяхъ Конисскаго.

Digitized by Google

ніями *, которые цѣнили больше его трагедію о воскресеніи мертвыхъ чѣмъ интерлюдіи къ ней, какъ это видно изъ количества списковъ той и другихъ.

Есть у Конисскаго лунктъ соприкосновенія и съ трагедокомедіей Варлаама Лащевскаго и стихотворными произведеніями Михаила Козачинскаго. Первая изъ нихъ имѣла несомнѣнное вліяніе на трагедію Конисскаго. Послѣдній дѣлалъ выписки изъ нея въ своей *Пиитикѣ*, читалъ ее въ классѣ **, и избралъ для своей трагедіи тотъ же самый предметъ. Но у него еще болѣе пробивается стремленіе обличить и поразить невѣріе, все болѣе и болѣе развивавшееся въ Россіи ***. Въ этомъ отношеніи Конисскій сходится въ нѣкоторыхъ лунктахъ съ Кантемиромъ, сатиры котораго часто встрѣчаются между сочиненіями автора ****. Кантемиръ въ первой лѣсвѣ своей такъ обличаетъ безбожниковъ:

Тщетную мудрость міра вы оставьте,
Злы богоборцы! обративъ кормило,
Корабль свой къ брегу истины направьте!
Теченье ваше досель блудно было.
Признайте Бога, иже управляетъ
Тварь всю своими созданну руками †.

Въ другомъ мѣстѣ Кантемиръ указываетъ любостяжателю что путемъ неправедныхъ прибытковъ онъ не войдетъ въ рай:

---

* Къ числу этихъ исключеній мы готовы отнести слушателя Конисскаго, Іоанна-Іоиля Быковскаго, который сохранилъ для насъ списокъ *Слова о Полку Игоревѣ* и въ крайней нуждѣ продалъ его въ 1795 году Мусину-Пушкину. См. о *Словѣ о Полку Игоревѣ*, А. Смирнова, 1877 года, стр. 3. Что это именно Быковскій, см. Описаніе рукоп. Церковно-Археологич. Музея при Кіевск. Акад., подъ этой фамиліей.

** См. *Пиитику* Конисскаго въ рукоп. Кіевск. Акад., по Описан. № 426. Здѣсь Конисскій, приведши изъ трагедокомедіи Лащевскаго рѣчь Церкви о претерпѣнныхъ ею бѣдствіяхъ, замѣчаетъ: caetera, si vacabit, in Schola.

*** Извѣстны отвѣты Конисскаго на письмо Вольтера къ учителямъ церкви и богословамъ. Рукоп. Кіево-Соф. соб., по дополн. Катал. № 43.

**** См. Описан. рукописей Церковно-Археол. Муз., №№ 87 и 664.

† Сатиры и другія сочиненія А. Кантемира, 1762, стр. 143.

Digitized by Google

Еслибъ я видя кого, что̀ съ рукъ не спускаетъ
Часовникъ, и пятью въ день въ церковь побываетъ,
Постится, кладетъ свѣчи и не слитъ съ женою,
Хоть отнявъ у бѣднаго ту, что̀ за душою
Одну рубашку имѣлъ, нагимъ ходить нудитъ;
Еслибъ я видя сказалъ: дружокъ, умъ твой блудитъ;
Тѣмъ путемъ не войдешь въ рай, и буде радѣешь
Душу спасть, отдай назадъ, чѣмъ худо владѣешь,
Вспылавъ, ревность мою наградитъ симъ отвѣтомъ:
Напраско, молокососъ, суешься съ совѣтомъ *.

Подобнымъ образомъ Георгій Конисскій порицаетъ невѣрующихъ въ воскресеніе, называя ихъ „стократъ безумными“, и обличаетъ безсовѣстныхъ богачей, силой-неправдой отнимающихъ чужія имѣнія и не думающихъ о судѣ Божіемъ. Самыя греческія имена дѣйствующихъ лицъ въ трагедокомедіи Конисскаго, повидимому, употреблены имъ по подражанію Кантемиру.

Отъ Михаила Козачинскаго Георгій Конисскій усвоилъ леонинскій стихъ, родящій силлабическое стихосложеніе съ тоническимъ Ломоносовскимъ, и отъ него сдѣлалъ новый шагъ къ сближенію съ этимъ послѣднимъ. Въ своей *Піитикѣ* Георгій Конисскій приводитъ въ примѣръ тоническіе стихи изъ оды Ломоносова на бракосочетаніе Петра III и разсматриваетъ ихъ съ силлабической точки зрѣнія по количеству слоговъ и различному чередованію ихъ между собою въ строфѣ. Осьмой родъ стиховъ, говоритъ онъ въ своей *Піитикѣ*, относящійся къ лирикѣ, бываетъ различенъ и разнообразенъ, судя по различію мѣры тона; ибо иной есть дикологъ, который содержитъ два рода стиховъ, иной трикологъ, который три, другой тетракологъ, который четыре. И одни изъ этихъ родовъ имѣютъ больше слоговъ, другіе меньше; одни съ цезурой, другіе безъ цезуры; у однихъ риемы лежатъ рядомъ и непосредственно однѣ за другими, у другихъ чрезъ нѣсколько посредствующихъ стиховъ. Такъ написалъ оду свою господинъ Михаилъ Ломоносовъ, профессоръ химіи, 1745, августѣйшей императрицѣ нашей Елисаветѣ и великимъ князьямъ наслѣднику ея Петру и супругѣ его Екатеринѣ, сказанную во время брака ихъ, которую начинаетъ такъ:

Не садъ ли вижду я священный,
Въ эдемѣ Вышнимъ насажденный,
Гдѣ первый узаконенъ бракъ? и т. д.

* Сатира 7, тамъ же, стр. 115—116.

Digitized by Google

„Здѣсь въ каждой строфѣ два рода, изъ коихъ одинъ состоитъ изъ девяти, другой изъ восьми слоговъ. Тотъ и другой безъ цезуры, и девятисложное двустишіе повторяется трижды, а восьмисложное дважды, при взаимномъ чередованіи между собою риѳмъ такимъ образомъ, что каждая строфа состоитъ изъ десяти стиховъ“ *. По этимъ правиламъ, отвлеченнымъ отъ стиховъ Ломоносова, Конисскій составилъ канты свои къ трагедіи *Воскресеніе мертвыхъ*, въ которыхъ есть стихи заключающіе отъ трехъ до восьми слоговъ, съ перемежающеюся иногда риѳмою. Въ послѣдствіи времени Конисскій совершенно оставилъ силлабическое стихосложеніе и писалъ стихи тоническимъ размѣромъ **.

Такъ какъ трагедія и интерлюдіи Конисскаго имѣютъ нѣкоторое соотношеніе по содержанію, то мы разсмотримъ ихъ совмѣстно, каждое дѣйствіе трагедіи съ соотвѣтствующимъ ему интерлюдіумомъ.

Въ первомъ дѣйствіи выводится на сцену земледѣлецъ, который, осмотрѣвъ хлѣбные всходы на полѣ, отъ сгнившаго въ землѣ и прозябшаго зерна дѣлаетъ заключеніе о воскресеніи тлѣннаго человѣческаго тѣла на страшномъ судѣ, а встрѣтившійся съ нимъ на дорогѣ священникъ объясняетъ ему что въ будущей жизни не всѣ люди будутъ въ одинаковомъ положеніи: добрые будутъ блаженствовать, а злые мучиться. И въ первой интерлюдіи тоже выводится мужикъ. Онъ осматриваетъ свою ниву и утѣшается предстоящимъ хорошимъ урожаемъ, обѣщая часть его отдать церкви Божіей.

То-то кажютъ, або такъ балагурятъ люде,
Щіо будьто мудрагелѣ вгадаютъ щіо буде.
Ажъ и вгадали завтра! Хто то можетъ знати,
Щіо намъ іого светая маетъ грѣшнимъ дати?
Хочъ лакъ вони по іонумъ (по звѣздамъ) мудрощей доходятъ.
Та ба! да не дойдутъ того, якъ нивки зародятъ.
Куди лакъ имъ те знать,—таки кажю смѣло;
Бо то не ихъ, то наше господарское дѣло:
Ми то люде пахарки, все время знаемъ,
Коли яке насѣння въ полѣ засѣваемъ.
Дай-бе и до вѣку такъ, якъ у мене зродило!
Колибъ тулко безъ капости въ цѣлости доспѣло;

* *Praecepta de arte poëtica*, Конисскаго, рукоп. Кіево-Соф. собора, № 489, част. I, гл. 2, отдѣл. 2, член. 2.

** *Кіевъ съ его древнѣйшими училищемъ Академіей*, т. II, стр. 518.

Digitized by Google

Бо ми за іого ласку и светую вѣру
Орюмъ и сѣюмъ на всякого долю,
Щіобъ невимовно лерше, чимъ свѣтятъ одмекути,
Да и чимъ куратъ у *окую* (въ церквѣ) въ крамарувъ купити;
Треба жъ и роковщинку, щіо школу зъучае,
И тому щіо *тилъ* (щипцы) у *окуй* (въ церквѣ) *онес* (свѣчи) зрывае.

Но въ это время сыновья мужика приводятъ къ нему пойманную въ ихъ житѣ бабу которая будто бы дѣлала въ лапцѣ вредныя, по народному повѣрью, завивки или закрутки, и тѣмъ совершенно разбиваютъ надежды мужика на хорошій урожай. Являются войтъ, потомъ Москаль, называемый въ другомъ спискѣ ярыгою. Москаль бьетъ съ помощію мужика бабу и въ заключеніе прогоняетъ всѣхъ.

Въ остальныхъ дѣйствіяхъ трагедіи любостяжательный Діоктитъ и терпѣливый Гиломенъ являются представителями добрыхъ и злыхъ людей. Во второмъ дѣйствіи Гиломенъ „исповѣдуетъ озлобленія, отъ Діоктита ему приключившіяся, ищетъ же и мѣста гдѣ отъ него скритися“. Діоктитъ отнялъ у него имѣніе, запятналъ его чести въ глазахъ людей, разорилъ его домъ, вломился къ нему ночью и взялъ въ тюрьму его жену и мать. Не довольствуясь этимъ онъ снова напалъ на Гиломена, связалъ его, заковалъ въ цѣпи и посадилъ въ темницу; а когда Гиломенъ напомнилъ ему о судѣ, Діоктитъ говоритъ:

Что онъ мнѣ судъ говоритъ? Вѣдь онъ тое знаетъ,
Что Діоктитъ на судѣ и самъ засѣдаетъ.
Начнетъ на мя челомъ бить, буду отрѣшенній,
Да будутъ судить мои единомысленни
Чи не могутъ тѣ сдѣлать ему волокити?
Чи не знаютъ правъ къ моей части накрутити?
А буди бы сталъ на меня апелліовать вишше,
И въ вишшемъ судѣ маю патроновъ изліше,
Нехай толко кто схощетъ правду защищати,
А сей мой Юда малій (каптукомъ труситъ) можетъ доказати:
Ослѣпляю очи дарми, руцѣ плѣваю мздою;
Хотя бы онъ и святій, потягнетъ за мною.

Это мѣсто трагедіи представляетъ собою довольно вѣрное отраженіе тогдашней малорусской дѣйствительности. Малороссія издавна слыла страною мелкаго чиновничества и крючкодѣйства, вѣчныхъ споровъ и тяжбъ между сосѣдами, да-

Digitized by Google

вавшихъ неистощимый матеріалъ для комическихъ сценъ Капнисту, Квиткѣ, Гоголю и другимъ *; а подъ польскимъ владычествомъ, при безсиліи Польскаго правительства, она не рѣдко бывала театромъ насилій и вооруженныхъ нападовъ болѣе сильныхъ людей на слабыхъ. Подобное безправіе и насилія отъ Поляковъ описываются и въ интерлюдіи ко второму дѣйствію. Жертвою польскаго безправія и насилія является здѣсь арендаторъ-Еврей. Онъ говоритъ:

О вей миръ! Каравъ мене Богъ с такимъ лихимъ паномъ;
Десь би гирсого лиха не знавъ и подъ Татарскимъ ханомъ,
Якъ подъ нимъ бувъ: забравъ всю сцо було худобу,
А еще коли бъ бувъ не втѣкъ, прибивъ би до гробу.
Нехай ему арендa, и зунка, и дѣти,
А узе болсъ не хоцу отъ него терпѣти;
Будто бултъ панувъ нема, тулко панъ Подстолій,
Отъ котораго я утекъ тулко сцо не голій.
Такъ мене за всіого, такъ ограбивъ цисто,
Сце ни в кагалъ явитись, ни вийти на мѣсто:
Забравъ миски, талѣрки, ложки и сукмани,
А послѣ хотѣвъ мене забити въ кайдани.
Я бацу сцо лихо; порадившись зъ зонною,
Покинувъ ей зъ дѣтми, самъ утѣкъ ранкіою зорою.
Пудъ такого-то пана попався бувъ въ руку,
Сцо минѣ зъ зункою и з дѣтми учинивъ разлуку.
Нехай іому, якъ казутъ, и хомутъ и дуга.
Вунъ собѣ панъ Подстолій, я іому не слуга,
Будто лисцого пана не знайду другаго,
Коли бъ тулко не натрапивъ знова на такого.

Жидъ встрѣчается съ паномъ Бандоліемъ и хочетъ перейти къ нему, но подвернувшійся тутъ Подстолій не хочетъ отпустить отъ себя Жида, бьется съ Бандоліемъ на сабляхъ и наконецъ приказываетъ мужику разрубить Жида на части чтобъ онъ не достался ни тому, ни другому. Мужикъ не хочетъ осквернять о Жида своей христіанской секиры которою онъ рубитъ свиней къ празднику Пасхи. Изъ этой бѣды выручаетъ его Москаль.

Москаль. Да за што ето тебе?
Муж. Іо? не знаешь за щіо! от за те
Щіо чого наши батьки з роду не чювали,

* О причинахъ этого явленія см. *Записку гр. Теплова*, во II томѣ *Записокъ о Южной Руси*, Кулиша.

Digitized by Google

Щіобъ хрестянску сокиру да на Жидахъ калялі,
Тую щіо къ великодню свинкѣ рубаемъ.
Москаль. Еку беду, сматри ти, Ліешіонки възбудѣли!
Въ жива-ста чюпрына душу отрубили.
Да кавожъ теперва въ падводъ взять, ей Богу не знаю.

По совѣту мужика, онъ запрягаетъ лановъ Подстолія и Бандолія, а наконецъ прогоняетъ и самого мужика.

Въ третьемъ дѣйствіи трагедіи олицетворенное Терпѣніе проситъ Господа объ освобожденіи Гиломена отъ Діоктитовыхъ притѣсненій и объ отмщеніи Діоктиту; но олицетворенная Отрада обѣщаетъ награду Гиломену и мщеніе Діоктиту въ будущей жизни. И въ интерлюдіи, въ соотвѣтствіе приближающемуся къ смерти Гиломену, выводится на сцену Цыганъ чуть не умирающій отъ голода, какимъ онъ большею частію представляется и въ малорусскихъ народныхъ разказахъ. Цыганъ не вылросилъ себѣ и кусочка сала и чуть не валится съ ногъ отъ голода. Онъ приходитъ къ своей больной и голодной женѣ которая въ насмѣшку обѣщаетъ ему „наварить борщу, ислечь комара“ и укладываетъ его спать, а затѣмъ связываетъ его и бьетъ. Цыганъ освобождается и прогоняетъ жену изъ шатра.

Въ четвертомъ дѣйствіи трагедіи умираютъ Гиломенъ и Діоктитъ: первый отъ ранъ, съ душевнымъ спокойствіемъ, а второй отъ пьянства, въ ужасныхъ мукахъ.

Діоктитъ. Лятку, дай толко фляжку! (піетъ и напившись кричитъ:) Ахъ, несносное горе!
Огню излилъ на сердце, яки ложемъ поре
Внутренности моя. Вижу, прішло погибати (ложится на ложе).
Якъ же я имѣю грунта оставляти?
Что дѣлать съ имѣніемъ? что денегъ съ сумою?
Не приберу способу, какъ забрать съ собою.
Что я говору забрать? (смерть рубаетъ) Се уже правая
Рука заклякла; (тожъ рубаетъ) се же клякнетъ и другая.
(Отрубаетъ вся). Ноги совсѣмъ отняло; уда ни едина
Не чую (нападаетъ смерть). Великая въ умѣ мѣшанина.

Соотвѣтственно содержанію этого дѣйствія, и въ интерлюдіи къ нему умираетъ молодой дьякъ, безвинно изрубленный Лахомъ, а Лахъ за убійство дьяка бросается мужиками въ болото и пропадаетъ тамъ. Интерлюдія открывается монологомъ Литвина:

Digitized by Google

Слава ціебіе Господзѣ, свяцѣціелю Боже,
Што о ласки твоей святой паводзѣтся гоже
Високимъ властямъ, панамъ и намъ людзямъ грешнимъ.
Всіо харашенко твоимъ промисломъ паспешнимъ!
Хвалю ціебе, Господзѣ, што ми спорядзѣлѣ
На хвалу твою Ціеркав, як зъмаглѣ намъ сѣли (т.-е. силы)
И званѣцу новую, и чатири звони,
Всѣ придались, звонятъ харашо въ разгони.
Имеимъ пана сіебіе честнаго старого;
Имеимъ панамара и дзяка молодаго,—
Але добрій и цѣхій, всѣхъ людей шануицъ
И церкви светой всіогды дзіень и ночь пѣлнуицъ;
Нѣ гарелки, нѣ бражки пяной а нѣ міоду,
Нѣчого хмелного ніе пецъ апрочь воду;
А што салавей у церквѣ людзіомъ спѣваецъ
И дзѣціей харашенко въ школѣ обучаецъ.
Дай же Боже здоровье и щастіе всяму миру,
Штоб ніеслѣ ціебіе въ церковь ладанъ на офѣру,
Свіечи, красное вино, чистой столко муки,
Штоб съ праскуръ асталось и папу на шулики.

Но въ это время прибѣгаетъ шинкарка и приноситъ страшную для Литвина вѣсть о смерти молодаго дьяка:

Охъ минѣ лихо! Що мнѣ теперь робити?
Принюсъ Ляха не добрій въ домъ мой чесній пити.
Пяниця ледащиця всѣ вукна повибивавъ
И дячка молодаго шаблею порубавъ,
И втѣкъ коемъ не знаю въ сторону якую.

Собравшаяся по этому случаю громада не знаетъ что̀ дѣлать. „Литвинъ сѣтку закидаетъ и ворожитъ булавою:

Ліесавие, баравие и балотние, камніе приходзъціе
И въ гетой прозбіе ви мніе помажѣціе!

Дьяволъ Ляха „гонитъ въ сѣтку“. Напрасно Ляхъ предлагаетъ за дьяка головщину: мужики присудили чтобы голова за голову легла и утопили ляха въ болотѣ,

Штобъ знавъ собака, якъ хрестянъ забиваць.

Пятое дѣйствіе трагедіи изображаетъ судьбу Гиломена и Діоктита на томъ свѣтѣ, Гиломена въ раю, а Діоктита въ адскихъ мукахъ. И пятая интерлюдія заставляетъ ксендза вызвать своими молитвами утопленнаго мужиками Ляха на этотъ свѣтъ для исповѣди. „Ляхъ ищетъ брата, котораго мужики за дяка въ болото втопили, и встрѣчается съ ксендзомъ, который дѣлаетъ ему строгую нотацію за неуваженіе

Digitized by Google

къ святому костелу и костельнымъ праздникамъ и сообщаетъ свои предположенія о смерти его брата. Оба они встаютъ на колѣна и слѣдующимъ образомъ молятся о возвращеніи погибшаго Ляха на этотъ свѣтъ и о водвореніи его въ чистилище:

Выслухай мне, выслухай, о свента Дорота!
Вырви шляхцица зго тего смерджончего блота!
Змилуйся надъ гинончимъ шляхцицемъ, Ягниска,
Выдвигни зъ плюгавего шляхцица багниска!
Нехъ му дода ломоци твоя ренка, Ядвига, ...
Нехъ го зъ окей баюры якъ може выдзвига!

Дѣйствительно, утопленный шляхтичъ приходитъ и проситъ ксендза чтобъ онъ разрѣшилъ его отъ грѣховъ и препроводилъ въ чистилище; но и этому ломѣшали неугомонные мужики. Они давно замѣчали что въ ихъ селѣ по ночамъ бродитъ какой-то злой духъ, громадой пошли отыскивать виновнаго и натолкнулись на утопленнаго Ляха съ его братомъ и ксендзомъ.

Мужикъ 1. Постуй лишъ, куди ти ведешь? Сіого злого духа
Давно ми аже громада на іого чатуемъ—
Яже лихо кучю човѣе, цѣлимъ селомъ чуемъ.
Мужикъ 2. Едъ се вукъ, коли хочь знать, щіо всюгди в ночѣ ходитъ,
Не тулко намъ, але и товаринѣ (скоту) шкодитъ.

Ксендзъ и Ляхъ старались убѣдить мужиковъ что мертвый безъ души и никогда не ходитъ, но мужики не убѣдились: наградили всѣхъ трехъ лобоями и прогнали.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Н. ПЕТРОВЪ.

Digitized by Google

ПРЕДАНІЯ „ЗОЛОТАГО КЛАДА“*

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I. Шесть лѣтъ спустя.

Многое измѣнилось въ Золотомъ Кладѣ. По истеченіи года послѣ описанныхъ вами событій Василій женился на небогатой дѣвушкѣ, пріѣхавшей изъ дальней губерніи погостить у семейства жившаго въ сосѣдствѣ Бобровыхъ. Молодая женщина, пригожая, веселая, умѣвшая читать и даже писать съ грѣхомъ пополамъ, была ограниченнаго ума, но добраго и нѣжнаго сердца. Ее звали Варварой Александровной. Она не знала человѣка счастливѣе себя въ мірѣ, въ своемъ Васильѣ Семеновичѣ видѣла верхъ всякаго совершенства, и не чуяла въ немъ души. Семейство приняло ее ласково, и наконецъ изъ скромной среды она попала въ богатый домъ, гдѣ никто не раздѣлялъ съ ней власти. Здѣсь она могла, не стѣсняясь, заниматься съ любовью хозяйствомъ, а Варвара Александровна изучила подробно всѣ его тайны. Никто не могъ соперничать съ ней въ искусствѣ готовить на зиму запасы смоквъ, соленья, сушенья всякаго рода. Надо прибавить что своему дѣлу она предавалась совершенно безкорыстно. Главное ея блаженство состояло въ подчиваньи и угощеньи. Она твердо

* См. *Русск. Вѣст.* №№ 3 и 4.

Digitized by Google

звала какой сулъ или соусъ любитъ Семенъ Ѳедоровичъ, какая наливка и варенье нравились ея мужу и Борису Семеновичу, хлопотала заботливо о томъ чтобы потрафить на вкусъ каждаго. Но не однимъ только угожденіемъ выказывала она свою привязанность къ семейству. Занемогалъ ли кто изъ его членовъ, она ходила за больнымъ, не жалѣя собственнаго здоровья; свекра, который начиналъ впадать въ дѣтство, забавляла своею болтавней, раскладывала съ нимъ пасьянсъ и играла въ дурачки. Она понимала сердечнымъ чутьемъ всѣ чувства, всѣ страданья, и душевная теплота замѣняла ей воспитанье и умственныя способности. Когда случалось Семену Ѳедоровичу произвести въ присутствіи сына имя его умершей жены, Варвара Александровна умѣла замять неумѣстную рѣчь, и съ первыхъ весеннихъ дней разводила цвѣты около могилы Маріи Николаевны и ея сына. Бѣдная мать, привязъ уже ядъ, кормила ребенка, который умеръ нѣсколько часовъ послѣ нея.

Василій Семеновичъ свыкся съ деревенскою жизнью и остепенился болѣе или менѣе съ годами, но ничто не измѣнило закала его природы. Онъ не нашелъ себѣ постояннаго занятія, за то переходилъ отъ одного къ другому съ одинаковымъ усердіемъ. То онъ съ ранняго утра работалъ въ саду и читалъ *Le bon jardinier*, то выписывалъ изъ Москвы токарный станокъ, который стучалъ съ утра до ночи подъ его руками, пока не былъ покинутъ для новой затѣи, и Василій принимался писать свои воспоминія о Турецкой войнѣ, или училъ свою жену по-французски. Варвара Александровна, которой не приходило въ голову отказать ему въ исполненіи какой бы то ни было фантазіи, ломала языкъ надъ произношеніемъ носовыхъ звуковъ, думая съ горемъ что дѣвушки собираютъ безъ нея малину или яблоки на моченье, но утѣшала себя убѣжденіемъ что французскіе уроки наскучатъ ея мужу прежде нежели сойдетъ малина или соберутся яблоки. Къ своей женѣ онъ искренно привязался, что̀ не мѣшало ему отъ времени до времени приволокнуться за хорошенькою сосѣдкой. Случалось даже что его романическія похожденія переходили за границы лустаго волокитства, но Варвара Александровна не имѣла объ нихъ понятія и продолжала наслаждаться полною жизнью и полнымъ счастьемъ.

А Борисъ? Послѣ удара поразившаго его такъ неожиданно,

Digitized by Google

такъ грубо, онъ переставалъ жить жизнью другихъ людей и не выходилъ изъ невѣжества сна или полубреда. Съ каждымъ днемъ мысли его туманились все болѣе, мракъ сгущался около него и расширялась среда полная страстныхъ воспоминаній и могильныхъ образовъ. Ему случалось сидѣть по цѣлымъ часамъ на одномъ мѣстѣ, преслѣдуя грезы больнаго воображенія. Братъ пытался не разъ заговаривать съ нимъ, чтобы вырвать его насильственно изъ апатическаго состоянія, но онъ отдѣлывался короткими отзывами или вставалъ и удалялся отъ голоса прервавшаго нить его мыслей. По утрамъ домашніе бывали поражены его блѣдностью, его впалыми глазами, и догадывались въ тайнѣ о причинѣ его безсонныхъ, мучительныхъ ночей. Разъ шедши коридоромъ онъ забрелъ машинально въ комнату гдѣ не былъ со дня смерти жены. Дверь жалобно скрипнула подъ его рукой, его обдало спертымъ воздухомъ нежилыхъ покоевъ, и пыль поднятая его шагами заклубилась на солнцѣ. Онъ оглянулся: весенніе мухи жужжали, ползая по двойной рамѣ окна; пустая кровать сколоченная изъ досокъ стояла около стѣны: на столѣ лежали перочинные ножички, разноцвѣтная фольга и кипарисныя дощечки; въ углу, на деревянной полкѣ, возвышался предъ давно угасшею лампадой образъ Спасителя въ темницѣ. Паукъ обвилъ своею прозрачною тканью его серебряную ризу. „Бѣдный Непрядевъ!“ мелькнуло въ головѣ Бориса. Онъ сѣлъ, взглянулъ на икону, и эхо далекаго прошлаго отозвалось въ его душѣ. Онъ вспомнилъ какъ въ этой самой комнатѣ старикъ благословилъ его такою же иконой, на которой стояла надпись: „Господи, не вмѣни ему въ грѣхъ чужую неправду“. „Неправда дѣда, думалъ онъ, грѣхъ дѣда на мнѣ лежитъ“.... и безотрадныя картины пронеслись опять одна за другой предъ его глазами: безумный старикъ обнимавшій его ноги.... гроза.... бѣшеная лошадь мчитъ Бориса подъ дождемъ и вихремъ, и онъ уливается надеждой страшной мести.... или онъ стоитъ у гроба жены въ послѣднюю ночь которую она провела подъ его кровомъ. Желтоватый оттѣнокъ замѣнялъ уже мраморную блѣдность красавицы, но смерть пощадила тонкія, правильныя очертанія ея лица. Онъ цѣлуетъ съ глухимъ рыданіемъ ея руки и опущенныя вѣки.... Священникъ въ черныхъ ризахъ, заунывныя молитвы о новопреставленной боярынѣ Маріи.... потомъ ему мерещилась ярко освѣщенная комната, откуда устремлялъ на него ши-

Digitized by Google

реко открытые, безсмысленные глаза безобразный трупъ въ голубомъ бархатномъ халатѣ.... Борисъ стиснулъ невольно зубы при этомъ воспоминаніи и повторилъ мысленно: „грѣхъ дѣда.... до седьмаго колѣна каретъ.... безумный старикъ былъ правъ.... Я помню разъ, онъ сидѣлъ вотъ тутъ“... Онъ привсталъ, обернулся къ углу, и кто-то сидѣвшій въ углѣ приподнялся медленно.... Борисъ опустился опять въ кресло, холодный потъ выступилъ на его лбу, и въ глазахъ потемнѣло.... „Я совсѣмъ схожу съ ума“, промолвилъ онъ наконецъ, узнавъ собственную тѣнь, обрисованную на стѣнѣ лучами солнца, и закрывъ лицо руками, стараясь привести мысли въ порядокъ. „Нѣтъ, я не хочу сойти съ ума, повторялъ онъ себѣ, вотъ и ночью мнѣ все мерещилось что-то страшное.... Нѣтъ, не хочу... меня будутъ дразнить какъ дразнили безумнаго Непрядена“.... Дрожь пробѣжала по всѣмъ его членамъ. „Не хочу“... повторилъ онъ опять, и потрясъ головой, какъ бы стараясь освободиться отъ тяжкихъ грезъ налоѣзавшихъ ее.

Онъ всталъ, спустился въ садъ, обошелъ его раза два, потомъ вернулся домой и приказалъ удивленному Герасиму позвать старосту и конторщика со счетами. Борисъ выслушалъ ихъ доклады, сказалъ что завтра придетъ самъ взглянуть на полевыя работы и занялся счетами. Онъ дѣлалъ неимовѣрныя усилія надъ собой чтобъ остановить мысль на длинныхъ колоннахъ цифръ лежавшихъ предъ его глазами. Иногда онъ вздрагивалъ и впернлъ неподвижный взоръ впередъ, но сила воли брала верхъ и онъ принимался опять за покинутое дѣло.

Съ этого дня онъ втянулся снова въ забытую колею ежедневныхъ привычекъ; онъ одолѣлъ горе, чтобы горе не одолѣло его, но вышелъ разбитый изъ борьбы. Посвятивъ себя сухому долгу, совершая свою задачу какъ подѣнщикъ, онъ занимался съ одинаковымъ безучастіемъ чтеніемъ или хозяйствомъ. Блѣдныя привязанности оставшіяся около него не согрѣвали его сердца, и онъ казался чужимъ въ семейномъ кружкѣ, гдѣ не находилъ отголоска своимъ понятіямъ и чувствамъ, и единственный человѣкъ который протянулъ бы ему руку издалека—Корде, давно покоился на Женевскомъ кладбищѣ.

„Покорись волѣ Божіей, говорилъ Семенъ Ѳедоровичъ сыну, нельзя вѣкъ убиваться. Въ твои годы еще можить надо“,

Digitized by Google

и старикъ старался обратить его вниманіе на пригожихъ невѣстъ. Но Борисъ отвѣчалъ постоянно что не расположенъ вступить въ новый бракъ и продолжалъ жить суровою жизнію монаха. Женщины не существовали для него и новая любовь показалась бы ему святотатствомъ. Со дня кончины Маріи Николаевны ея спальня была заперта и Борисъ переселился въ свой кабинетъ. Убранство этой комнаты состояло изъ письменнаго бюро и шкафовъ съ книгами. Надъ кроватью висѣлъ покрытый зеленою тафтой портретъ писаный Боровиковскимъ. Никто кромѣ Бориса не подымалъ то покрывало, и онъ одинъ зналъ какіе порывы любви и горя вызывалъ въ немъ образъ такъ страстно любимой женщины.

Такъ прошло шесть лѣтъ надъ головой вдовца. Но была ли совершенно убита въ немъ молодость? Въ одну жаркую весеннюю ночь ему плохо спалось, онъ вскакивалъ то и дѣло на постели, засыпалъ опять тревожнымъ сномъ, и тревожныя видѣнія будили его снова. Предъ аскетомъ проходили женскіе образы, женскіе голоса манили его къ себѣ, онъ держалъ въ своихъ рукахъ трепетныя руки, и чувствовалъ сквозь сонъ что сердце его бьется усиленно и неровно. Лишь только проглянуло солнце, онъ всталъ и старался направо припомнить ночныя грезы; но онѣ оставили на немъ свое горячее впечатлѣніе. Одѣвшись онъ открылъ книгу лежавшую на его бюро и прочелъ:

„Conduisez moi dans le lieu où se garde le vin; je suis bien plus enivrée d'amour.

„Entourez moi de fleurs, environnez moi de fruits, car je languis d'amour."

Рука его дрогнула; онъ закрылъ книгу и взялъ другую, но чтеніе не шло ему на умъ. „Entourez moi de fleurs, car je languis d'amour", повторялъ онъ мысленно, между тѣмъ какъ глаза его переходили машинально отъ одной строки къ другой. Неясныя воспоминанія мелькали въ его головѣ: ему мерещились красивые образы гдѣ-то видѣнные, слова гдѣ-то слышанныя имъ въ дѣйствительности или во снѣ. Наконецъ онъ взялъ фуражку, вышелъ изъ дома и направился къ лѣсу. Тамъ все уже давно проснулось, все чирикало, все пѣло. Въ воздухѣ пропитанномъ запахомъ ландышей и фіялокъ чудилось что-то раздражительное. Бориса обдавало горячими токами. Онъ ускорялъ невольно шагъ и наконецъ побѣжалъ, не отдавая себѣ отчета въ томъ что дѣлаетъ, но вдругъ оста-

Digitized by Google

повился, опустился на траву, припалъ головой къ землѣ и зарыдалъ. Въ эту минуту онъ не думалъ о прошломъ, но все его существо рвалось къ жизни, къ ея радостямъ, къ ея тревогамъ. „Боже мой! подумалъ онъ, неужели во мнѣ осталось еще столько молодости!“

Слезы облегчили его напряженные нервы. Онъ поднялся и долго бродилъ въ лѣсу и по полю съ надеждой умаять себя. На возвратномъ пути ему пришлось идти мимо сельскаго кладбища, лежавшаго въ полуверстѣ отъ деревни. Борисъ заглянулъ черезъ плетень, увидалъ женщину стоявшую на колѣняхъ предъ могильнымъ крестомъ, узналъ Настю и остановился. Она была уже давно замужемъ, и они часто встрѣчались, но онъ смотрѣлъ съ такимъ равнодушіемъ на женщинъ что не обращалъ вниманія на ея красоту и заглядѣлся теперь на нее въ первый разъ. Настя сохранила привычки привитыя ей съ дѣтства Татьяной Ивановной и даже нарядъ который носила до замужства. Онъ состоялъ изъ затрапезнаго платья ловко сшитаго по ея высокому, стройному стану, и бѣлаго фартука безукоризненной чистоты. Вся ея фигура рѣзко отдѣлялась отъ темной зелени сосны, у которой она стояла. Блѣдная, смуглая головка была склонена на грудь, изъ-подъ алаго платка покрывавшаго голову выглядывали черные, блестящіе волосы; профиль былъ тонкій и правильный. Когда она встала и направилась къ выходу кладбища, Борисъ обогнулъ плетень и подошелъ къ ней.

— Здравствуй Настя, сказалъ онъ,—кого ты тутъ схоронила?

— Всѣ мои родненькіе тутъ лежатъ, отозвалась Настя,—мать, Татьяна Ивановна, да мой сыночекъ.

— А больше дѣтей у тебя нѣтъ?

— Только одинъ и былъ, вотъ ужь годъ какъ померъ. Говорятъ: грѣхъ по младенцѣ убиваться, да ужь больно мнѣ его жаль.

Слезы потекли по ея щекамъ. Она ихъ утерла платкомъ изъ грубаго полотна который носила въ карманѣ.

— Бѣдняжка! замѣтилъ Борисъ;—да вѣдь и мужъ-то у тебя не добрый.

— Нешто я волей за него шла, Борисъ Семеновичъ; я и замужъ-то совсѣмъ не думала, а какъ Татьяна Ивановна померла, мнѣ хотѣлось въ монастырь идти.

— А кто жъ тебя приневолилъ?

Digitized by Google

— Отецъ.

— Да, я помню: онъ тебя и маленькую все гналъ.

Настя не скоро отозвалась.

— Баринъ, сказала она наконецъ,—кто станетъ свое дѣтище гнать? Вѣдь мнѣ Алексѣй Петровъ не отецъ.

Они вошли въ рощу.

— Сядемъ, сказалъ Борисъ, и усѣвшись съ ней на траву спросилъ:—Кто жъ твой отецъ?

— Вотъ изволите видѣть какъ дѣло-то было: мать моя, бѣдная, горькую долю терпѣла отъ Алексѣя, и можетъ Господь отпустилъ ей прегрѣшеніе за все горе что она приняла. Стоялъ тутъ полкъ.... а полковникъ-то, говорятъ, красавецъ такой былъ и ласковый, да полюбилъ онъ ее, на бѣду.... ну, она и согрѣшила....

Настя замолчала и стала рвать задумчиво около себя тонкіе стебельки сухихъ травъ. Борисъ замѣтилъ правильность ея загорѣвшей руки и подумалъ: порода!

— Какъ же ты вышла замужъ? спросилъ онъ.—Если Алексѣй тебя принуждалъ, отчего ты не обратилась къ батюшкѣ?

— Осипъ давно думалъ на мнѣ жениться, да не сунулся, зная что за меня заступники будутъ, а тутъ какъ померла Татьяна Ивановна, да недѣльки три за ней покойная барыня, онъ и говоритъ Алексѣю: отдай, говоритъ, ее за меня, ты надъ ней власть имѣешь. Теперь она къ Семену Ѳедоровичу не пойдетъ: ему не до нея. Лишь только схоронили барыню, такъ меня и обвѣнчали. Ужь я и не помню какъ въ церковь повели, какъ привели назадъ.... Видно я такая несчастная родилась, продолжала она послѣ непродолжительнаго молчанія,—вотъ и теперь живу съ людьми, а словно одна что былинка въ полѣ: не съ кѣмъ словечка вымолвить, и не любятъ меня въ дворнѣ.

— За что жь тебя не любятъ?

— Обижаются на меня; говорятъ я въ барыни лѣзу. Какая тутъ барыня? А какъ меня пріучала Татьяна Ивановна, такъ я и живу. Люблю чтобы все у меня прибрано да чисто было, да еще оставила она мнѣ, моя голубушка, свое добро, свои книжки, я ихъ все читаю; а ужь съ тѣхъ поръ какъ сыночка похоронила только мнѣ и радости что отъ нихъ.

— А тебѣ хотѣлось въ монастырь идти?

— Страхъ какъ хотѣлось, либо въ пустыню куда-нибудь. Въ другой разъ уйду въ тотъ лѣсъ, сяду да все и думаю какъ

Digitized by Google

святые люди въ лѣсахъ жили, какъ имъ Господь чудные сны и видѣнья посылалъ.

— Послушай, однако, если Осипъ тебя обижаетъ, ты скажи. я его уйму.

— Э, баринъ! послѣднее дѣло на мужа жаловаться. Опять же грѣхъ сказать: онъ льетъ, а не буянъ, да ужь больно онъ мнѣ не милъ. Я и священнику на духу каялась.

Она сорвала фіялкуростую подъ деревомъ и прибавила:

— Вотъ еще куда какъ цвѣты люблю. Помните тоже у Татьяны Ивановны все на окнахъ стояли въ кувшинчикахъ?

Борисъ сорвалъ въ свою очередь нѣсколько стебельковъ колокольчиковъ, которые подалъ ей, и нервная дрожь пробѣжала по его членамъ когда его рука коснулась руки молодой женщины.

— Эдакая красотка, сказалъ онъ,—и попала за негодяя!

Онъ потянулся къ ней чтобъ обхватить ея станъ; Настя вспыхнула, отбросилась назадъ, быстро встала, примолвила, кланяясь:

— Прощенья просимъ, Борисъ Семеновичъ, и удалилась скорымъ шагомъ.

Досада разбирала его. Онъ не прощалъ себѣ грубой выходки оскорбившей чистоту этой женщины, а Настя стала избѣгать его съ этого дня. Но разъ онъ нагналъ ее, втянулъ въ разговоръ, и ихъ отношенія приняли мало-по-малу интимный характеръ. Богъ знаетъ до какой степени Бобровъ отдавалъ себѣ отчетъ въ чувствѣ которое овладѣвало имъ все болѣе, но онъ вполнѣ сознавалъ что бесѣды съ Настей сдѣлались самымъ необходимымъ элементомъ его жизни. „Много общаго между нами, думалъ онъ часто, я также какъ она, хотя живу съ людьми, а совершенно одинъ, и не съ кѣмъ мнѣ слова перемолвить.“ Дворовые скоро подмѣтили короткость между барином и Настей, перешептывались когда она ему кланялась издали встрѣчая его при людяхъ, а Осипъ сталъ вдругъ ни съ того, ни съ сего величать жену по имени и отчеству.

Разъ, возвращаясь съ поля, Борисъ увидалъ Настю у опушки лѣса. Утомленная жарой она сбросила свой головной платокъ, прилегла въ тѣни и закинула руку за голову, покоившуюся на свѣжемъ сѣнѣ. Тяжелыя ея косы лежали около нея. Она отмахивалась лѣниво отъ мухъ березовою вѣткой и замѣтила Бориса лишь когда онъ остановился около нея.

— Баринъ! промолвила она, быстро приподымаясь, и взяла

Digitized by Google

свой платокъ чтобы надѣть его. Борисъ ее удержалъ и сѣлъ на траву.

— Жарко, замѣтилъ онъ,—не покрывай головы.

— Да какъ же простоволосая? Не хорошо.

— Ничего нѣтъ нехорошаго. Ты за грибами ходила?

— За грибами.

Она приблизила къ себѣ лукошко стоявшее подъ деревомъ; на набранныхъ грибахъ лежалъ букетъ цвѣтовъ и пучокъ алой земляники связанный сухою травкой.

— Покушайте-ка, сказала Настя, подавая его Борису.

Онъ сталъ очищать ягоды и вдругъ спросилъ:

— Помнишь ты еще при Татьянѣ Ивановнѣ мы все собирались съ тобой въ Кіевъ и въ Москву?

— Какъ не помнить! Можетъ я только этимъ времячкомъ-то и жила привольно и покойно.

— А скажи мнѣ правду, спросилъ онъ опять, стараясь подавить свое волненіе,—тебѣ никогда никто не полюбился?

— Да и полюбиться-то, спасибо, некому было, отвѣчала она съ усмѣшкой.

Въ самомъ дѣлѣ, подумалъ Борисъ, кого бы она полюбила въ глухой средѣ куда была заброшена? Онъ къ ней приблизился и промолвилъ тихо, едва внятнымъ голосомъ:

— Настя.... а меня ты не любишь?

Раскраснѣвшіяся ея щеки мгновенно поблѣднѣли. Она остановила на немъ пристально не то грустный, не то строгій взглядъ, и отвѣтила медленно:

— Борисъ Семенычъ, я мужнина жена.

— Да ты не любишь мужа, и въ обидѣ онъ не будетъ.... Настя, ужь это мое дѣло.

— Что жь? Денегъ ему дадите? Онъ бы радъ, онъ за деньги совѣсть продастъ, да грѣхъ-то вѣдь на моей душѣ останется. Нѣтъ! Этому не бывать!

Она подняла свой головной платокъ, встала и повторила рѣшительно:

— Не бывать этому.

Но вдругъ, какъ бы испугавшись своей смѣлости, прибавила, запинаясь:

— Оно конечно.... вы баринъ....

— Не говори этого, прервалъ ее послѣдній Борисъ.—Не принуждать же я тебя буду!

— Не будете? Такъ дай вамъ Богъ здоровья, отозвалась

Digitized by Google

Настя. Свои косы она живо подобрала подъ платокъ, прямолвила опять съ поклономъ:—дай вамъ Богъ здоровья, и скрылась въ лѣсной глуши.

Прошло нѣсколько дней. Осипъ сидѣлъ подъ окномъ своей комнаты и въ ожиданіи ужина чинилъ удочку. Вдругъ дверь отворилась, Настя подошла быстрымъ шагомъ къ мужу и сказала скороговоркой:

— Ты просилъ тулупъ у барина, на, вотъ онъ тебѣ прислалъ.

Она положила предъ нимъ ассигнацію и сѣла за печку. Глаза Осипа загорѣлись.

— Пятьдесятъ рублевъ! воскликнулъ онъ:—Ай да жена! Ай да Настасья Алексѣевна! Вотъ ужь спасибо такъ спасибо!... Я тебѣ, Настасья Алексѣевна, вотъ что скажу.... если что на счетъ барина.... такъ вы, Настасья Алексѣевна, не *сумлевайтесь*.... я супротивъ барина ничего не могу: потому они наши отцы, мы ихъ дѣти....

— Да замолчи ты, окаянный! крикнула топнувъ ногой Настя.—Продалъ жену и радъ. Подавись ты этими деньгами!

Она вскочила, выбѣжала въ сѣни и захлопнула за собой дверь съ размаха.

Въ тотъ же вечеръ Борисъ, возвратившись домой, остановился ошеломленный на порогѣ своей комнаты и колѣни его задрожали. Ему померещился образъ жены. Она сидѣла въ креслахъ и красные лучи заходящаго солнца освѣщали ярко ея лицо. Тайна миража просто объяснялась. Портретъ Марьи Николаевны сорвался съ веревки на которой висѣлъ, и Герасимъ поставилъ его на кресло. Фонъ на которомъ отдѣлялся образъ красавицы сливался съ опущенными зелеными занавѣсами окна, и при яркомъ солнечномъ освѣщеніи выдавалась лишь одна голова.

Бобровъ остановился предъ портретомъ, и лучшіе дни его жизни живо воскресли предъ нимъ: его безумная любовь, безумное его счастье.... первая встрѣча съ ней.... свиданіе въ Царскомъ Селѣ.... Ея розовое платье.... Онъ стоитъ предъ ней на колѣняхъ, онъ говоритъ что ея имя запечатлѣно въ его сердцѣ.... „Es pour toujours, n'est-ce pas?“ спрашиваетъ она, останавливая на немъ взоръ сіяющій безконечною нѣжностью....

Но вдругъ въ его ушахъ зазвенѣлъ другой, полный слезъ голосъ, голосъ бѣдной Насти, которая говорила, прилавъ съ

Digitized by Google

рыданіемъ къ его груди: „Ну, грѣхъ такъ грѣхъ! Суди меня Господь! Ужь больно ты мнѣ любъ!“

Борисъ опустился на колѣни предъ образомъ жены, коснулся его губами и тихо промолвилъ: „прости меня.“

II. Настя.

Когда братья Бобровы были еще дѣтьми, въ концѣ Золотокладскаго сада стояла бесѣдка, окруженная со всѣхъ сторонъ старыми деревьями. Никто въ нее не заглядывалъ и заросла дорожка къ ней проложенная. Говорятъ что здѣсь совершалась страшная драма, и няня, несмотря на просьбы дѣтей, не соглашалась ихъ туда вести, увѣряя что въ бесѣдкѣ водятся змѣи. Но таинственность манила воображеніе Бориса и бывъ лѣтъ десяти онъ укрылся разъ отъ бдительности Герасима и побѣжалъ въ садъ. Не безъ труда проложилъ себѣ дорогу мальчикъ по лужайкѣ, гдѣ тучная трава возвышалась до его груди, и поднялся съ замираніемъ сердца по лѣстницѣ, на которую давно уже не ступала человѣческая нога. Долго не могъ онъ сладить съ заржавленною дверью, но ему удалось наконецъ отворить ее настолько чтобы войти бокомъ въ бесѣдку: кругомъ стояла скамейка, выкрашенная въ зеленую краску; расписныя стѣны были покрыты плѣсенью; въ углу висѣлъ образъ изображавшій главу Іоанна Крестителя; тощія травки пробивались между полусгнившихъ досокъ пола. Все было мертво въ этомъ уголкѣ, лишь вѣтка березы, ворвавшись въ разбитое окно, радовала глазъ своею свѣтлою зеленью. Ребенокъ поглядѣлъ около себя съ любопытствомъ, стараясь угадать какую тайну могло хранить мѣсто въ которомъ онъ находился, но вдругъ раздался за нимъ голосъ дядьки:

— Экій баловникъ какой! воскликнулъ онъ.—Вишь куда забрался! Вы знаете, сюда никто не ходитъ. Пойдемте-ка домой.

— Отчего-же сюда не ходятъ, Герасимъ? Няня все говорила что тутъ змѣи, а змѣй нѣтъ.

— Отчего бъ не ходили, да не ходятъ. Пойдемте. А сперва, положите-ка поклонъ предъ образомъ за упокой души дѣдушки, раба Божія Ѳеодора, да бабушки, усопшей Наталіи.

Герасимъ перекрестился самъ и поклонился въ землю; мальчикъ послѣдовалъ его примѣру.

Digitized by Google

— Да еще, прибавилъ дядька понизивъ голосъ,—ломаните усолтаго Іоанна.

— Кто такой Іоаннъ? спросилъ ребенокъ.

— Кто бъ ни былъ, ужь вы только его ломаните.

Въ то время многіе изъ дворовыхъ помнили еще жену Ѳедора Никитича и говорили что бѣдная женщина много настрадалась въ продолженіе пятилѣтняго супружества. Ея робость, измученный ея видъ надоѣли Ѳедору Никитичу, который сослалъ ее съ сыномъ въ одинъ изъ флигелей дома. На бѣду полюбилъ ее сосѣдній ломѣщикъ, и она не устояла противъ искушенія. Разъ Ѳедоръ Никитичъ, имѣвшій подозрѣніе на нее, сошелъ въ садъ на зарѣ со своимъ ручнымъ медвѣдемъ и засталъ влюбленныхъ въ бесѣдкѣ. Разказывали что онъ не остановился предъ страшною местью, что цѣлый день садовникъ стоялъ на карауле у бесѣдки, а вечеромъ заперся въ нее съ Яковомъ Титычемъ. Они вернулись, каждый въ свой уголъ, когда солнце стояло уже высоко на небѣ, и нѣсколько дней спустя нашли за предѣлами Бобровскихъ владѣній тлѣвшее, изувѣченное тѣло, а садовникъ въ память несчастнаго, котораго звали Іоанномъ, ловѣсилъ на мѣстѣ совершившейся драмы образъ съ изображеніемъ главы Крестителя. Жена Ѳедора Никитича слегла съ горя да съ тяжелой руки мужа и полгода спустя ее отнесли на кладбище.

Въ то время къ которому относится нашъ разказъ отъ бесѣдки оставались лишь каменныя полуразрушенныя стѣны и среди ихъ выросли деревья, но страшное преданіе было еще свѣжо въ памяти Золотокладскихъ жителей, и какъ въ былые годы, всѣ избѣгали этого мѣста, начиная съ ночныхъ сторожей. Настя указала на него Борису Семеновичу, и лишь только все утихало въ домѣ, онъ спускался террасой въ садъ и шелъ въ бесѣдку, гдѣ молодая женщина его ожидала. Они садѣлись рядомъ на мусоръ заросшій травой и начинали вполголоса свою бесѣду.

— А тебѣ здѣсь не страшно? спросилъ ее разъ Бобровъ.

— Чего бояться? отозвалась она,—вѣдь я сюда ужь давно хожу. Самсонъ, старый садовникъ-то, былъ мнѣ дѣдъ, и очень онъ меня любилъ; какъ я у Татьяны Ивановны жила, онъ что ни день къ намъ бывало зайдетъ. Въ послѣднее время онъ что малый ребенокъ сталъ, и ничего сообразить не могъ. Что ему скажешь—онъ сейчасъ забудетъ, а про старые годы

Digitized by Google

помнилъ и часто говорилъ объ этомъ грѣшномъ дѣлѣ что здѣсь Господь попустилъ. Сподрядъ бывало ничего не разкажетъ, ему все мерещилось что Ѳедоръ Никитичъ живъ, и онъ его боялся, а какое слово промолвитъ, да потомъ станетъ озираться и скажетъ: „какъ бы старый баринъ не услыхалъ“. И говорилъ онъ что долго послѣ кончины покойной барыни, Натальи Ильиничны, онъ видалъ самъ какъ въ мѣсячныя ночи она ходила около этой бесѣдки и милый другъ ея съ ней.

— А ты зачѣмъ сюда приходила?

— Жаль мнѣ ихъ очень было: видно имъ и на томъ свѣтѣ мило это мѣсто что много они радости и много горя здѣсь приняли, и больно имъ что никто ихъ здѣсь не помянетъ и не помолится за нихъ.

— А что, еслибы ты ихъ встрѣтила?

— Такъ что жь? вѣдь они бы видѣли что я съ молитвой сюда пришла. Какъ буря снесла крышу съ бесѣдки, да потолокъ обрушился, я отыскала въ мусорѣ образочекъ, что дѣдъ сюда повѣсилъ. Онъ и теперь у меня, и каждый день я ихъ поминаю. Видно мнѣ было показано за нихъ молиться,—продолжала со вздохомъ Настя: — вѣдь ихъ радость тоже была грѣховная.

Она была почти постоянно грустна среди своего счастья, и Бобровъ старался напрасно успокоить ея совѣсть. Ему хотѣлось бы потѣшить ее какою-нибудь бездѣлушкой, но кромѣ того что онъ боялся оскорбить щекотливое чувство, трудно было при строгомъ строѣ ея характера отыскать пріятный для нея подарокъ. Но разъ она ему сказала:

— Ужь мнѣ давно хочется попросить тебя объ одномъ: покойница Дарья Михайловна разказывала при мнѣ Татьянѣ Ивановнѣ что когда была беременна тобой-то, нашла маленькую икону великомученика Бориса, потому и назвали тебя въ честь угодника Божія. И висѣла всегда эта икона у Дарьи Михайловны въ кивотѣ. Очень была бы я рада еслибы ты меня ею благословилъ.

Когда онъ принесъ ей образокъ, она помолилась со слезами на глазахъ и сказала, принимая его:

— Если ты меня переживешь, то похорони его со мной.

Свиданья въ бесѣдкѣ должны были прекратиться съ наступленіемъ осени, и Настя видалась лишь изрѣдка съ Бобровымъ. Она мѣнялась въ лицѣ при мысли что ихъ могутъ

Digitized by Google

застать вмѣстѣ, говорила что не переживетъ кажется такого лозора, что ужь и такъ не смѣетъ взглянуть добрымъ людямъ въ глаза, и выжидала чтобы случай далъ ей возможность обнять украдкой своего друга.

Чрезъ годъ у нея родилась дѣвочка, которую она назвала Таней, въ память Татьяны Ивановны. Часто, когда горничныя шли обѣдать, Настя съ ребенкомъ на рукахъ прокрадывалась садовою аллеей до задняго крыльца дома и проходила никѣмъ не замѣченная въ комнату Бориса Семеновича. Онъ никогда не зналъ ласки ребенка и такъ давно отвыкъ отъ женской ласки что сердце его таяло, когда Настя, положивъ дѣвочку къ нему на колѣни, садилась у его ногъ и глубокій ея взглядъ переносился съ него на малютку.

Мы уже говорили что Варвара Александровна была въ полномъ смыслѣ слова добрая женщина, душа барыня, по выраженію дворовыхъ. Къ ней ходили за лѣкарствами и за помощью всякаго рода не только крестьяне Золотаго Клада, но даже и сосѣднихъ селъ. Дѣтей она очень любила, тосковала долго о томъ что не было у нея своихъ, не могла видѣть ребенка чтобы не приласкать его и по воскресеньямъ раздѣляла свою просвирку между ребятишками, которыхъ матери приносили къ обѣднѣ; одна только Таня не лользовалась ея лаской, потому что Настя избѣгала тщательно встрѣчи съ барыней. Разъ, увидавъ ее въ рощѣ, она спряталась за кусты, но барыня ее лозвала, и она лодошла блѣдная и смущенная.

— Какая у тебя хорошенькая дѣвочка! сказала Варвара Александровна, гладя ребенка по головѣ.

Она держала цвѣтокъ. Таня лотянулась къ нему и пролепетала:

— Дай! дай!

— Какая умница! Возьми, да лопроси маму чтобъ она тебя принесла ко мнѣ: я пряничка тебѣ дамъ.

— Матушка! родная! ангелъ Божій! воскликнула Настя, цѣлуя ея руку,—не стою я этого.

Съ тѣхъ лоръ въ церкви Варвара Александровна отыскивала глазами Настю, уводила ее къ себѣ и поила чаемъ, а Таню ласкала и дарила ей ситцу на платье и ленты. Дѣвочка росла и хорошѣла. Когда ей лошелъ третій годъ, Осилъ умеръ. На другой день послѣ его лохоронъ Варвара Александровна вошла въ комнату Бориса Семеновича.

Digitized by Google

— У меня просьба до тебя, братецъ, сказала она:—Ѳедосья ужь давно просится на покой, да замѣнить мнѣ некѣмъ ее было. Позволь мнѣ взять Настю, она мнѣ будетъ помогать въ хозяйствѣ. Опять же батюшка очень слабѣетъ: она и за нимъ присмотритъ. Перевести бы ее съ дѣвочкой въ большую комнату что̀ за биллiардной.

Онъ не отозвался, но обнялъ невѣстку и нѣжно ее поцѣловалъ.

— Такъ я распоряжусь, сказала она уходя.

Къ вечеру того же дня Настя перенесла въ домъ свой сундучокъ, образа, шкафчикъ съ духовными книгами и вступила въ должность. Она изучила немедленно всѣ привычки Семена Ѳедоровича, который проводилъ цѣлый день на диванѣ, скучалъ и требовалъ какъ ребенокъ чтобъ его забавляли. Что касается хозяйства, она была къ нему пріучена съ раннихъ лѣтъ Татьяной Ивановной, умѣла варить варенье, заготовляла на зиму лѣкарства и огородныя произведенiя. На окнахъ ея комнаты и на комодѣ были разсыпаны круглое лѣто, на листахъ сѣрой бумаги, лиловый цвѣтъ, березовыя почки, желтые цвѣтки звѣробоя и другiя цѣлебныя травы. Общiя занятiя сблизили ее съ Варварой Александровной, къ которой она уже питала глубокое чувство благодарности. Степень ихъ развитiя была одинакова: барыня недальняя умомъ, простая сердцемъ, бесѣдовала охотно съ экономкой и не замедлила поставить ее на ногу подруги. Она любила сидя за работой слушать воспоминанiя Насти о ея житьѣ-бытьѣ съ Татьяной Ивановной, о разказахъ странниковъ и наконецъ о подвигахъ святыхъ угодниковъ. Она подчинялась невольно превосходству молодой женщины, но сохранила свои понятiя и свои воззрѣнiя.

— Что̀ и говорить, замѣчала она часто, когда горѣли внутреннимъ восторгомъ глаза разкащицы,—святые пустынники совершили великiй подвигъ предъ Господомъ, только я, грѣшный человѣкъ, не понимаю какъ ты завидуешь ихъ житью. Ну, куда ни шло лѣтомъ,—а то осенью, либо зимой жить въ лѣсу дремучемъ, кажется отъ одного страха умрешь. Опять же кореньями питаться да медомъ!... Я сама до меда охотница, да вѣдь хорошо имъ только полакомиться. Нѣтъ ужь воля твоя, а доля самая плохая!

Подъ предлогомъ что Настя постоянно занята она запретила ей ходить на застольную, велѣла обѣдать дома, и не-

Digitized by Google

смотря на ея сопротивленіе, присылала ей обѣдъ приготовленный для семейства. Что касается Тани, въ первое время своего переселенія она не отходила отъ матери, но скоро привыкла къ лицамъ окружавшимъ ее и сдѣлалась общею любимицей. Варвара Александровна взяла ее подъ свое особое покровительство, наряжала и баловала, а Семенъ Ѳедоровичъ потѣшался дѣвочкой какъ игрушкой. Онъ хранилъ всегда для нея запасъ смоковъ и пряниковъ, и лицо его сіяло когда переживывая съ трудомъ лакомства наполнявшія ея ротъ, она обвивала его шею своими пухлыми ручонками, или приносила въ деревянной чашкѣ песокъ, который мѣшала палочкой, увѣряя что Таня ушла въ садъ, а Варвара Александровна варитъ малиновое варенье для стараго барина.

Даже Василій Семеновичъ привязался не на шутку къ пригожей дѣвочкѣ, игралъ съ ней по цѣлымъ часамъ, сажалъ ее къ себѣ на спину и обѣгалъ комнаты при крикахъ: скокъ-скокъ на живой мостокъ! и при раскатахъ ея звонкаго смѣха, а Борисъ Семеновичъ глядѣлъ на брата съ небывалою еще нѣжностью, и упрекалъ себя въ нетерпимости съ которою относился когда-то къ его слабостямъ.

Не скоро свыклась Настя со своею новою жизнью. На первыхъ порахъ ей все казалось что прислуга смотритъ на нее съ усмѣшкой, и бѣдняжка красвѣла до ушей, когда Борисъ Семеновичъ, въ присутствіи кого бы то ни было заговаривалъ съ ней или бралъ ребенка на руки. Но мирная жизнь, удаленіе отъ грубой среды, гдѣ все оскорбляло ея чувства, привязанность Семена Ѳедоровича, для котораго ея уходъ и заботливость скоро сдѣлались необходимыми, отношенія ея къ Варварѣ Александровнѣ, возможность встрѣчаться безъ страха съ Борисомъ Семеновичемъ и наконецъ любовь семейства къ Танѣ наполняли ея сердце тихою радостью. „Будетъ она расти, моя голубка, въ холѣ да въ довольствѣ,“ думала Настя, глядя на дѣвочку, „не выдадутъ ее за немилаго, а выберетъ она друга по сердцу, и Господь избавитъ ее отъ искушенья.“ Не проходило дня чтобъ она не благодарила Бога за посланное ей счастіе и не молила о прощеніи своего грѣха, а каждое воскресенье вынимала просвирку за упокой рабы Божіей Маріи.

Разъ, жаркимъ лѣтнимъ днемъ, Борисъ Семеновичъ отдыхалъ въ саду подъ грудой деревьевъ, когда Настя, возвращаясь изъ оранжереи, подошла къ нему съ корзиной фрук-

Digitized by Google

товъ которые набрала къ дессерту. Онъ взялъ персикъ и сквозь густую листву показалъ ей улыбаясь на дорожку гдѣ играла Таня. Она натыкала цвѣтовъ въ кучу песку съ цѣлью преобразовать ее въ клумбу. Бѣлокурая дѣвочка, со своими черными глазами и яркимъ румянцемъ игравшимъ на щекахъ напоминала Грезовскую головку.

Въ эту минуту два садовника съ лейками въ рукахъ прошли по дорожкѣ мимо Тани, которая крикнула, указывая на свою клумбу:

— Вода! вода!

Они подошли, и одинъ изъ нихъ нагнулъ свою лейку на кучу песку, промолвивъ:

— Ну, что жь, и полить можно, потомъ онъ прибавилъ, съ добродушною улыбкой, между тѣмъ какъ Таня хлопала ручонками по мокрому песку:

— Вишь, кралечка какая! глядь-ка, Иванъ, словно писаная.

— Что и говорить, отозвался Иванъ,—какъ есть въ отца. Что сама Настасья-то Алексѣевна въ покойника Алексѣя родилась, рябая-разрябая, такъ и эта вся въ Осипа, косая-разкосая.

Они удалились со смѣхомъ и новыми шутками. Настя поблѣднѣла и слеза которую она была не въ силахъ сдержать скатилась съ ея щеки и упала на грудь. Сердце Боброва дрогнуло.

— Настя, воскликнулъ онъ,—мы женимся!

— Жениться! повторила Настя, — да я скорѣй въ сырую землю лягу! и не дожидаясь возраженія она вышла на дорожку, взяла за руку Таню, и несмотря на сопротивленіе дѣвочки, которая упиралась ножонками въ землю, говоря что надо додѣлать клумбу, увела ее домой.

Борисъ Семеновичъ не раскапывался въ словѣ сорвавшемся у него съ языка. Не было женщины которую онъ ставилъ выше Насти. Для него одного могла она удалиться отъ строгаго пути долга и жить съ упрекомъ на совѣсти; съ какого же права подвергалъ онъ ее безжалостно грубымъ оскорбленіямъ? Онъ былъ обязанъ поставить ее въ независимое и уважаемое положеніе. А эта дѣвочка, которая выростетъ съ убѣжденіемъ что она дочь пьянаго Осипа, вольно-отпущенная крѣпостная? При этой мысли его чувство и гордость одинаково страдали, и онъ пошелъ домой съ надеждой уговорить Настю.

Digitized by Google

Дверь ея комнаты была заперта. Онъ постучался. Настя отворила и взглянула на него глазами раскраснѣвшимися отъ слезъ.

— Почему тебя такъ напугали мои слова? спросилъ онъ входя и накидывая крючокъ на дверь.

— Господь велѣлъ принимать наказаніе за свои грѣхи, отозвалась Настя,—а я пошла на беззаконіе, да за это въ барыни попаду! опять же, какая я тебѣ пара? Тебѣ стыдно будетъ добрымъ людямъ показаться съ такою женой. Нѣтъ, объ этомъ и не говори.

— Я намѣренъ жить для себя, а не для другихъ, и пришелъ именно чтобъ объ этомъ говорить, сказалъ Бобровъ, усаживаясь на сундукъ.—Вѣдь мы не за себя однихъ отвѣчаемъ: у насъ дочь.

Она взглянула на него, потомъ обернулась быстро къ образамъ стоявшимъ въ красномъ углу и промолвила, положивъ земной поклонъ:

— Видѣлъ? Я поклялась что этому не бывать, стало и толковать нечего.

Пока Борисъ Семеновичъ глядѣлъ на нее молча, изумленный этою неожиданною выходкой, Настя подошла къ нему и заговорила, положивъ руку на его плечо:

— Послушай, я давно хотѣла тебѣ сказать... Она остановилась на минуту какъ бы собираясь съ духомъ и продолжала:—Если тебѣ какая-нибудь приглянется, ты обо мнѣ не думай: женись.... я буду за васъ Бога молить.... только Таню не оставь.

Онъ привлекъ ее къ себѣ, прижался головой къ ея груди и промолвилъ:

— Нѣтъ, послѣ жены которую я схоронилъ я могъ привязаться къ одной тебѣ; а послѣ тебя ни къ кому.

III. Прозябаніе.

Миновала первая пора любви, прошло волненіе, трепетъ ожиданья, и жизнь подъ однимъ кровомъ образовала окончательно въ сердцѣ Бориса Семеновича глубокую безмятежную привязанность къ Настѣ. Но вся его природа пробудилась разомъ, и по мѣрѣ того какъ его чувство принимало все болѣе спокойный характеръ, она все настоятельнѣе тре-

Digitized by Google

бовала пищи для разнородныхъ элементовъ составлявшихъ ее. Кабинетныя занятія не удовлетворяли Боброва, ему былъ нуженъ обмѣнъ мыслей, была нужна живая бесѣда, и умственныя его способности томились среди однообразія и мертвенности Золотаго Клада. Наступилъ 1805 годъ. На западѣ Европы политическія событія мѣнялись съ неимовѣрною быстротой; всѣхъ обуялъ лихорадочный страхъ, народы и ихъ вожди, въ постоянномъ ожиданіи новаго кризиса, устремляли испуганные взоры на Францію, а въ нашихъ провинціяхъ все дремало въ счастливомъ невѣдѣніи. Очень немногіе подписывались на столичныя вѣдомости, и почтовыя сообщенія были въ такомъ неустройствѣ что помѣщики жившіе въ своихъ имѣніяхъ и посылавшіе въ уѣздный городъ чуть ли не каждый день получали иногда разомъ нѣсколько нумеровъ *Петербургскихъ* или *Московскихъ Вѣдомостей*, которыя выходили еженедѣльно.

Мрачнымъ мартовскимъ утромъ Герасимъ вошелъ къ барину раньше обыкновеннаго и зная что обрадуетъ его извѣстіемъ, поспѣшилъ объявить что Тропка привезъ газеты изъ Жиздры. Бобровъ вскочилъ съ постели и началъ читать одѣваясь. Окончивъ свой туалетъ онъ сѣлъ, не выпуская газетъ изъ рукъ. Часъ спустя Герасимъ появился опять и спросилъ, пожалуетъ ли баринъ въ гостиную кушать чай, или прикажетъ принести его сюда.

— Сюда, отвѣчалъ онъ отрывисто, и нетронутая чашка чаю давно уже остыла, когда его братъ вошелъ съ вопросомъ:

— Что тебя не видать сегодня?

Борисъ Семеновичъ бросилъ газеты на столъ.

— Весь міръ провалится, а мы ничего не узнаемъ въ этой трущобѣ, сказалъ онъ.—Вообрази: вотъ скоро четыре мѣсяца какъ Бонапартъ короновался императоромъ; противъ него составляется сильная коалиція: во главѣ ея стоитъ Россія. Ждутъ что скажетъ Англія: Новосильцовъ уѣхалъ въ Лондонъ.

— Неужели! отозвался Василій Семеновичъ, подвигая къ себѣ газеты.—Видно правду говорилъ Суворовъ: пора унять мальчика.

— Мы здѣсь, Василій, живемъ что на необитаемомъ островѣ. Сколько разъ мнѣ приходило въ голову съѣздить въ Петербургъ и узнать что творится на бѣломъ свѣтѣ, да все меня батюшка держитъ: боюсь....

Digitized by Google

— Въ томъ-то и дѣло: онъ очень ослабѣлъ. Ты видѣлъ его сегодня?

— Нѣтъ еще, отозвался Борисъ Семеновичъ, подымаясь быстро съ мѣста.—Подожди меня здѣсь; я сейчасъ вернусь.

Отецъ очень ему обрадовался.

— Здорово, здорово, Борюшка, сказалъ онъ, между тѣмъ какъ сынъ цѣловалъ его руку, принявъ отъ него благословеніе.— Хорошо что ты ко мнѣ заглянулъ: Настя ушла, говоритъ дѣло есть, и оставила со мной Малашку,—продолжалъ онъ указывая на горничную, которая сидѣла на полу поджавъ подъ себя ноги и вязала шерстяной чулокъ,—а Малашка не умѣетъ въ дурачки играть. Сыграй-ка ты со мной.

Борисъ Семеновичъ сдалъ карты и игра началась, но возрастающая сила Франціи, коронованіе Бонапарта, коалиція, вертѣлись въ его головѣ, и дурачки не шли ему на умъ. Старикъ игравшій безъ малѣйшаго разчета и безъ плана оставался однако вѣренъ механизму игры и очень забавлялся промахами сына.

— Что ты! что ты! говорилъ онъ смѣясь:—Козырнаго туза вздумалъ бить! Ишь затѣйникъ какой!

Чрезъ нѣсколько минутъ Борисъ Семеновичъ, продолжая играть скрѣпя сердце, крылъ короля десяткой, и старикъ заливался новымъ смѣхомъ. Эта интересная партія продолжалась цѣлыхъ два часа. Наконецъ Семенъ Ѳедоровичъ задремалъ, и сынъ вышелъ тихонько изъ его комнаты.

Онъ направился къ гостиной, откуда раздавались голоса, и засталъ своего брата очень занятаго съ Таней постройкой домика изъ чурокъ.

— Ну что? прочелъ газеты? спросилъ Борисъ Семеновичъ.

— Прочелъ. Кажется что совершенный разрывъ съ Франціей неминуемъ.

— Домикъ! домикъ! крикнула дѣвочка, отчаяннымъ голосомъ.

— Таня, перестань! сказалъ Борисъ Семеновичъ,—и поди къ матери.

Она заплакала, и Василій взялъ ее на колѣни.

— Оставь ее, сказалъ онъ,—вѣдь мы съ ней въ коалицію не вступимъ, а домъ-то намъ отстроить надо. Ну, нечего плакать! подай сюда большія-то бревна.

— Да полно, Василій, какъ тебѣ не стыдно! Ее мать займетъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ ужь, воля твоя, а домикъ мы достроимъ.

Борисъ Семеновичъ былъ сильно раздосадованъ. Онъ чувствовалъ совершенную невозможность заняться чѣмъ бы то ни было, и не зная куда дѣваться прошелъ машинально къ Варварѣ Александровнѣ, которую засталъ въ большихъ хлопотахъ. Она осматривала съ Настей нѣсколько банокъ варенья и обернулась къ дверю когда онъ вошелъ.

— Еще въ первый разъ такая со мной бѣда, братецъ, сказала она,—все варенье у меня испортилось. И отчего это? ума просто не приложу. Самъ знаешь, ужь всегда бывало до новыхъ ягодъ дотянемъ.

— Да ужь воля ваша, Варвара Александровна, отозвалась Настя,—а я вамъ вѣрно докладываю: оттого и испортилось что водяная ягода была. Вѣдь все лѣто дожди лили.

— Дожди тутъ не при чемъ.... Ахъ, братецъ, да что это Василій сказывалъ—что-то не ладно въ газетахъ написано?

— Да по всей вѣроятности будетъ у насъ война съ Франціей.

Настя перекрестилась, примолвивъ:

— Избави Господи отъ кровопролитія.

— Это все съ Бонапартомъ-то? отозвалась въ свою очередь Варвара Александровна,—экій разбойникъ какой! Ну, Настя, дѣлать нечего: придется переваривать.

Борисъ Семеновичъ возвратился въ свой кабинетъ, но былъ не въ силахъ усидѣть на мѣстѣ: движеніе было ему необходимо, и въ надеждѣ что погода прояснится и дастъ ему возможность подышать воздухомъ онъ пошелъ въ залу, гдѣ могъ по крайней мѣрѣ походить на просторѣ.

Герасимъ, который занимался каждое утро воспитаніемъ внука своего Николая, спасался обыкновенно съ нимъ въ столовую отъ шума и говора передней, которые помѣшали бы его педагогическимъ упражненіямъ. Урокъ былъ во всемъ разгарѣ, и Борисъ Семеновичъ, измѣряя залу своими шагами, ясно слышалъ каждое слово произнесенное за дверью.

— Буки-арцы-азъ—бра. Буки-арцы-есть—бре. Буки.... Дѣдушка, а вѣдь саврасая-то у насъ добрая лошадь. Вотъ и Иванъ говоритъ что добрая лошадь.

— А нешто у тебя саврасая въ книжкѣ-то написана? Добро, добро, читай-ка.

„Россія во главѣ коалиціи, думалъ между тѣмъ Бобровъ, мы можемъ много потерять, а выиграть намъ нечего. Что

Digitized by Google

принесъ намъ Италіянскій лоходъ? Австрія будетъ намъ опять невѣрною союзницей...."

А въ его ушахъ снова раздавалось:

— Буки-арцы-онъ—бро. Буки-арцы-иже—бри.... Дѣдушка, а были у васъ такія лошадки какъ саврасая когда ты съ господами на Турку ходилъ?

— А тебѣ на что? Нешто ты на Турку собираешься?

— Такъ что жь? Я выпрошу пистолеты у господъ и буду бить Турку. И саблю тоже выпрошу.

— Вѣдь это ты, мошенникъ, какъ-нибудь отлынриваешь, только чтобы тебѣ не читать. Протверди-ка еще тройные-то склады.

А Бобровъ продолжалъ ходить взадъ и впередъ, перестраивая въ своей головѣ европейскую политику, и до него долетало опять изъ-за двери:

— Нашъ-арцы-азъ—нра. Нашъ-арцы-есть—нрс...

„Нѣтъ, здѣсь можно съ ума сойти! подумалъ, наконецъ, Борисъ Семеновичъ, уходя въ свой кабинетъ. Еслибы не метель такъ бы кажется и бросился изъ дома."

Онъ не могъ придти въ нормальное состояніе и проснувшись на слѣдующей день отправилъ одного изъ дворовыхъ въ Москву за газетами. Напившись чаю онъ пошелъ къ отцу. Настя сидя подъ окномъ штопала столовое бѣлье, а Таня пріютилась на диванѣ около Семена Ѳедоровича и оба занимались игрой, которая поглощала ихъ одинаково. Старикъ, засунувъ руку подъ одѣяло покрывавшее его, шевелилъ медленно свои исхудавшіе пальцы, а котенокъ сидѣвшій на его колѣнахъ навострилъ сухія, острыя ушки, блестѣвшія на солнцѣ розовымъ отливомъ, и устремилъ пытливые взоры на мѣсто приведенное въ движеніе, боязливо дотрогиваясь до него по временамъ осторожною лапкой. Звонкій смѣхъ ребенка и слабый смѣхъ старика раздавались то и дѣло въ комнатѣ. Вдругъ Таня залилась слезами и крикнула испуганнымъ голосомъ:

— Старый баринъ!

Настя и Борисъ Семеновичъ, которые разговаривали у окна, бросились къ Семену Ѳедоровичу. Глаза его были закрыты, блѣдная голова склонилась на грудь. Его перенесли на постель и послали за докторомъ. Семейство и Настя не отходили отъ больнаго. Онъ лежалъ недвижимо и слабое дыханіе было единственнымъ признакомъ жизни въ его дряхломъ

Digitized by Google

тѣлѣ. Чрезъ нѣсколько часовъ онъ пришелъ въ себя, посмотрѣлъ безсмысленно на окружавшія его лица, позвалъ Дарью Михайловну, и глаза его закрылись опять. Когда докторъ пріѣхалъ, старикъ одѣтый въ свой люстриновый камзолъ лежалъ уже на столѣ.

Онъ находился давно въ дѣтскомъ состояніи и слабая его воля совершенно уже угасла, но его существованіе было для домашнихъ и для семейства источникомъ постоянной заботы, ежечаснаго попеченія, и его смерть оставила значительный пробѣлъ въ жизни всѣхъ окружавшихъ его. Кромѣ того, добрый старикъ не сказалъ никому обиднаго слова, и всѣ оплакивали его искренно. Онъ не умѣлъ и не желалъ воспользоваться правами которыя давало ему положеніе хозяина дома и главы семейства, но это положеніе было возложено на него судьбой: жители Золотаго Клада сроднились съ мыслію что онъ имѣлъ законную власть надъ ними и всѣ осиротѣли безъ него. Бориса Семеновича одолѣла тоска; онъ не зналъ на что употребить время которое привыкъ посвящать старику, не рѣдко послѣ похоронъ отворялъ машинально дверь спальной въ урочный часъ и сердце его сжималось при видѣ опустѣвшей комнаты.

Все уныло въ Золотомъ Кладѣ, даже пятилѣтняя Таня, которая обнаружила впечатлительность несовмѣстную съ ея годами. Когда ей объяснили что Богъ взялъ Семена Ѳедоровича и что она его больше не увидитъ, дѣвочка проплакала всю ночь, въ продолженіе нѣсколькихъ дней не возвращалась къ обычнымъ занятіямъ, притихла и не смѣла даже пробѣжать по комнатѣ. Иногда Борисъ Семеновичъ, съ надеждой развлечь и ее и себя, сажалъ ее на колѣни и показывалъ ей свои часы. Она ихъ разглядывала, подносила къ ушамъ и забавлялась ими, но вдругъ ея черты принимали печальное выраженіе, она прижималась лицомъ къ его груди и спрашивала шепотомъ, отдастъ ли ей Богъ „стараго барина“.

Борисъ Семеновичъ сознавалъ потребность размыкать свою тоску, подышать свѣжимъ воздухомъ, и справивъ шестинедѣльное поминовеніе по отцѣ, простился со своими и поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ думалъ прожить недолгое время въ кружкѣ бывшихъ товарищей.

Не безъ сильнаго волненія остановился онъ послѣ долгаго и скучнаго пути у Петербургской заставы. Въ его душѣ

Digitized by Google

ничто не вымирало, и когда усталыя лошади проѣхали медленно мимо дома Громовыхъ, у него потемнѣло въ глазахъ. Наслѣдіе его тестя, уже давно умершаго, перешло къ отдаленному родственнику; надъ домомъ возвышался гербъ его настоящаго владѣльца, изъ открытыхъ оконъ комнаты Марьи Николаевны раздавались веселые голоса и выглядывали незнакомыя лица. Лишь дворникъ стоявшій у воротъ узналъ путешественника, снялъ шапку и подбѣжалъ къ дорожной коляскѣ.

— Здорово, Онисимъ, вымолвилъ съ усиліемъ Бобровъ, и сунувъ ему цѣлковый въ руку, крикнулъ ямщику:—пошелъ!

Все волновалось и кипѣло въ городѣ, гдѣ ожидали съ минуты на минуту разрыва съ Франціей: въ гостиныхъ составились двѣ партіи,—одна за, другая противъ войны. Встревоженные умы жадно ловили и передавали безъ разбора самыя разнородныя вѣсти. Споромъ, толкамъ, предположеніямъ и догадкамъ не было конца. Пріятели Бориса Семеновича встрѣтили его съ криками радости и посвятили немедленно во всѣ болѣе или менѣе вѣрныя тайны русской политики. Пока суетились, судили, рядили, по городу пронеслось молніей извѣстіе объ объявленіи войны.

Многіе изъ товарищей Боброва, бывшіе уже въ отставкѣ, вступили опять въ ряды войска.

Глядя на ихъ сборы, слушая ихъ рѣчи, онъ вспомнилъ лагерную жизнь со всѣми ея тревогами, со всею ея поэзіей, и спросилъ себя, отчего не надѣть опять и ему военнаго мундира? Сердце его болѣло при мысли о Настѣ и о бѣдной дѣвочкѣ, которыхъ онъ обрекалъ можетъ-быть на сиротство, но онъ не устоялъ противъ общаго увлеченья. Грезы военной славы преслѣдовали его и даже во снѣ ему мерещились распущенныя знамена, барабанный бой и лагерные огни. Наконецъ онъ написалъ брату что рѣшился идти въ походъ, что въ случаѣ смерти повѣряетъ его попеченію Таню и ея мать и просилъ его передать Настѣ приложенную записку. Отправивъ свое письмо, онъ занялся немедленно приготовленіями къ походу, но военныя его мечты уступили на долго мѣсто инымъ грезамъ. Воображеніе переносило его въ Золотой Кладъ и онъ присутствовалъ мысленно при печальной сценѣ вызванной роковымъ извѣстіемъ: онъ слышалъ какъ Василій читалъ его письмо дрожащимъ голосомъ, видѣлъ какъ плакала Варвара Александровна, какъ плакалъ старый Герасимъ стоя въ дверяхъ гостиной. А Настя? Не видать слезъ

Digitized by Google

въ ея глазахъ, не выпускаетъ она цѣлый день дѣла изъ рукъ и лишь смертная блѣдность выдаетъ тайну ея горя, а вечеромъ, вошедши въ свою комнату, она ладаетъ на колѣни и высказываетъ одному Богу свою неодолимую тоску, но и тутъ сдерживаетъ рыданія чтобы не разбудить дѣвочку спящую около нея.

IV. Бабушка и внучка.

Бобровъ, раненый пулей при началѣ Аустерлицкаго дѣла, былъ вынесенъ безъ чувствъ съ поля битвы и попалъ къ нѣмецкому семейству, гдѣ нашелъ попеченіе и теплое участіе. Кромѣ того за нимъ ходилъ неусыпно камердинеръ его Степанъ и усердно молилъ Бога о его выздоровленіи. сколько изъ привязанности къ барину столько и изъ опасенья что если баринъ „помретъ“, то ему, Степану, плохо придется одному въ Нѣметчинѣ.

Пришедши въ себя раненый посмотрѣлъ съ удивленіемъ на незнакомыя стѣны и долго не могъ понять гдѣ находится и что съ нимъ случилось, но сильная боль въ боку возвратила ему окончательно сознаніе. Онъ привсталъ на постели и спросилъ:

— Что сраженіе?

Когда ему разказали о нашемъ погромѣ и о Пресбургскомъ мирѣ, лихорадочное его состояніе усилилось, и медикъ лѣчившій его очень за него опасался, но здоровое сложеніе и пособіе науки спасли больнаго.

Лишь только силы его стали возвращаться онъ написалъ къ своимъ успокоительное письмо, гдѣ прибавлялъ что для полнаго выздоровленія доктора посылаютъ его въ Италію, и собрался въ путь.

Онъ пріѣхалъ въ Римъ, блѣдный, слабый, и мгновенно ожилъ на италіянской почвѣ; физическій и нравственный его организмъ поддался всецѣло ея вліянію. Богатства природы и человѣческаго генія приводили его въ одинаковый восторгъ, и сердце его билось какъ сердце двадцатилѣтняго юноши. Послѣ блѣдной тоскливой своей жизни въ Золотомъ Кладѣ онъ зажилъ новою жизнью, незнакомыми еще впечатлѣніями. Его настроеніе напоминало расположеніе въ которомъ онъ находился когда попалъ ребенкомъ изъ родимаго гнѣзда въ невѣдомый міръ, и лишь только теперь могъ со-

Digitized by Google

знать сколько неиспытанныхъ еще силъ таилось въ его душѣ, сколько въ ней обнаружилось неизвѣданныхъ ему стремленій. Онъ переживалъ мысленно минувшіе вѣка и возсоздавалъ въ своемъ воображеніи картины прошлаго. „Ужь не правъ ли Пиѳагоръ, думалъ онъ часто, не былъ ли когда-то этотъ Римъ моею родиной? Я помню какъ Цезарь увѣнчанный лаврами шелъ изъ Капитолія, какъ покоренные цари слѣдили за колесницей побѣдителя и сердце мое сжималось когда ихъ слезы падали на окованныя руки. Я видѣлъ какъ молодыя патриціанки, сопровождаемыя рабынями, выходили изъ бань, и римскій щеголь, облеченный въ пурпурную тогу, вѣшалъ гирлянды розъ подъ окнами своей красавицы. Вотъ и площадь съ которой раздавалось мощное слово Цицерона.... я рукоплескалъ ему съ толпой. А этотъ Тибръ? развѣ я не купался въ его волнахъ?“ Онъ слѣдилъ иногда за полетомъ орла и ворона, стараясь угадать что̀ изрекли бы жрецы глядя на нихъ, и проводилъ часто лунныя ночи среди развалинъ Колизея. Съ ранняго утра онъ уходилъ изъ дома чтобы бродить по городу съ Тацитомъ въ рукахъ, и читалъ на тѣхъ мѣстахъ гдѣ совершались событія разказанныя имъ. Онъ останавливался среди остатковъ древняго Капитолія, завѣщавшаго вѣкамъ столько героическихъ преданій, или садился около гробницы Августа и мечталъ о той минутѣ когда осиротѣвшій Римъ опустилъ въ нее прахъ Германика. Предъ его глазами волновалась плачущая толпа, вѣтеръ колыхалъ пламя безчисленныхъ факеловъ, мелькали опущенныя знамена, проходили вооруженные воины, трибуны и центуріоны несли урну на плечахъ, а за ними шла блѣдная плачущая въ траурной мантіи Агриппина, и вмѣстѣ съ ней, вмѣстѣ съ толпой онъ оплакивалъ въ Германикѣ погибшія надежды на свободу. Когда голодъ напоминалъ ему о часѣ обѣда, онъ покупалъ булокъ, каштановъ, фруктовъ, и ѣлъ наскоро, а вечеромъ возвращался домой опьянѣвшій отъ своихъ впечатлѣній и повторялъ вслухъ стихи Горація или Виргилія. Степанъ, сидя въ сосѣдней комнатѣ, прислушивался и крестился.

„Помилуй Богъ, думалъ онъ, пожалуй съ ума спятитъ. Что̀ мнѣ тогда съ нимъ дѣлать? Истинно, по моимъ грѣхамъ заѣхали мы въ эту трущобу!“

Бѣдный малый совсѣмъ стосковался въ средѣ гдѣ ему не съ кѣмъ было слова перемолвить. Постоянно унылое его

Digitized by Google

лицо дѣйствовало болѣзненно на барина, который понималъ что слуга задыхается въ Римѣ, и старался доставить ему какое-нибудь развлеченіе, но Степанъ не находилъ ничего достойнаго своего вниманія. Разъ Борисъ Семеновичъ придумалъ послать его въ соборъ Св. Петра, и спросилъ послѣ его возвращенія:

— Ну что? какъ полюбилась тебѣ церковь?

— Воля ваша, Борисъ Семеновичъ, а вѣдь одно только искушеніе. Какъ я вошелъ, на меня собака тявкнула; а такъ и обмеръ, а тутъ гляжу другая, третья! Какъ же это, они въ Бога вѣруютъ, а псовъ во храмъ пускаютъ? Что же они за христіяне?

— Ужь у нихъ такой обычай. Да какова церковь-то?

— Да какая-же это церковь? Ни одной нѣтъ иконы въ окладѣ, и иконы-то, прости меня Господи! ни на что не похожи, а точно *патреты*, вотъ что у насъ въ Золотомъ Кладѣ. А что она велика, такъ это точно, да толку-то мало. Вы не изволили видѣть какъ въ Жиздрѣ Алексѣевъ Воскресенье Словущее-то отдѣлалъ?

— Нѣтъ, не видалъ.

— Ужь могу сказать: есть на что полюбоваться. Иконостасъ такъ и горитъ, и стѣны расписаны. Онъ тогда говорилъ: у насъ, говоритъ, нѣтъ такихъ мастеровъ, а выписалъ изъ Калуги самого Кургузова, — такъ онъ на диво стѣны ему расписалъ. Вѣдь это только слава идетъ что Русскій супротивъ Нѣмца не постоитъ, а я завсегда скажу что Кургузовъ мастеръ своего дѣла.

Бобровъ не счелъ нужнымъ доказывать что и Микель-Анджело могъ бы постоять *супротивъ* Кургузова, но вникая въ горькое положеніе своего слуги сталъ думать о возможности переслать его въ Россію. Наконецъ, узнавъ что пріѣхалъ недавно въ Римъ Русскій, который собирается обратно на родину, отправился къ нему. Соотечественникъ взялся охотно доставить Степана до Петербурга. Степанъ чуть не сошелъ съ ума отъ радости и живо собрался въ путь, а Борисъ Семеновичъ снабдилъ его длиннымъ письмомъ и массой бездѣлушекъ которыя посылалъ своимъ.

Поживъ довольно долгое время въ Римѣ онъ успокоился духомъ, завелъ знакомство съ путешественниками, съ артистами, сталъ вести свои записки и проводилъ цѣлые часы въ Ватиканской библіотекѣ. Иногда онъ упрекалъ себя въ сво-

Digitized by Google

емъ эгоистическомъ счастіи и писалъ къ своимъ что скоро къ нимъ возвратится, но желаетъ сперва наглядѣться на Римъ и побывать въ дорогой ему Женевѣ. Въ это время заграничная переписка была сопряжена съ большими затрудненіями и онъ получалъ лишь изрѣдка извѣстія изъ Золотаго Клада. Тамъ все было попрежнему: Василій Семеновичъ и его жена взяли окончательно на свое попеченіе Таню, которая радовала ихъ своимъ развитіемъ, а Настя хлопотала по хозяйству или ходила по богомольямъ. Эти извѣстія пробуждали въ немъ обыкновенно интимныя воспоминанія: среди памятниковъ языческаго или христіанскаго Рима ему мерещилась хорошенькая дѣвочка игравшая на его колѣняхъ, женщина обвивавшая его шею руками, и долго преслѣдовало его чувство душевнаго одиночества.

Болѣзненно отозвались на немъ событія 1807 года. Онъ сталъ избѣгать общества, въ особенности Французовъ стоявшихъ въ Римѣ, ѣздилъ во Флоренцію, въ Неаполь, съ надеждой что новая мѣстность разсѣетъ его тоску, и долго не могъ придти въ нормальное состояніе. Прошло около трехъ лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ онъ покинулъ домашній очагъ, по которомъ тосковалъ, откладывая постоянно минуту своего возвращенія, и онъ сталъ думать все чаще о томъ что пора бы проститься съ Италіей, посѣтить Женеву, а оттуда и домой. Между тѣмъ какъ эти планы принимали все болѣе опредѣленности въ его умѣ, онъ продолжалъ осматривать съ любовью Римъ, и разъ встанъ раннимъ утромъ, нанялъ проводника чтобы слуститься въ катакомбы. Живо воскресли предъ нимъ образы первыхъ бойцовъ за христіанство погребенныхъ подъ этими сводами. Онъ останавливался съ умиленіемъ предъ надгробными памятниками и читалъ уцѣлѣвшія на нихъ надписи. На черныхъ стѣнахъ висѣло кое-гдѣ Распятіе грубой работы предъ которымъ молились жертвы обреченныя на страшную смерть. Бобровъ и его проводникъ бродили долго по лабиринту длинныхъ, темныхъ корридоровъ, и остановились наконецъ около группы другихъ посѣтителей катакомбъ.

— Здѣсь открыли недавно, говорилъ на ломаномъ французскомъ языкѣ чичероне, показывая на стѣну, — гробъ мученика. Но имя его неизвѣстно: надпись стерта.

— Почему же знаютъ что тутъ покоится мученикъ? спросилъ кто-то.

Digitized by Google

— Древніе христіане, отвѣчалъ чичероне,—обрѣтая кости своихъ братьевъ, пострадавшихъ за вѣру, собирали кровь въ урны, которыя закладывали въ стѣнахъ вмѣстѣ съ гробомъ. Можете видѣть.

Онъ поднесъ факелъ къ отверстію высѣченному въ стѣнѣ и освѣтилъ стеклянную урну съ засохшею кровью. Молодая женщина, красивой наружности, стала на колѣни, перекрестилась и приложилась къ останкамъ мученика. Глядя на нее Бобровъ вспомнилъ о Настѣ.

„Съ какимъ пламеннымъ восторгомъ бродила бы она подъ этими сводами!“ подумалъ онъ.

— Бабушка, промолвилъ въ эту минуту около него свѣжій голосъ по-французски,—какъ страшно! уйдемте поскорѣй.

Бобровъ обернулся. За нимъ стояла молоденькая дѣвушка. Несмотря на ея блѣдность и на тусклое освѣщеніе факеловъ онъ могъ разглядѣть миловидныя, хотя неправильныя черты.

— Вѣдь ты же желала видѣть катакомбы, отвѣчала ей старушка стоявшая возлѣ нея.

— Нѣтъ, бабушка, ради Бога!.. у меня все сердце изныло. Если мы пойдемъ дальше, я кажется умру отъ страха.

— Какъ же быть, Берта? Однѣ мы не можемъ уйти, а чичероне не оставитъ для насъ другихъ посѣтителей. Да чего жъ ты боишься?

— Какъ холодно! какъ мрачно! Сколько тутъ страдали! и эти могилы!.. мнѣ кажется что мы никогда отсюда не выберемся, отозвалась Берта.

— Позвольте предложить вамъ мои услуги, сказалъ Бобровъ, обращаясь къ бабушкѣ и внучкѣ,—у меня свой проводникъ, и если вамъ угодно онъ выведетъ васъ отсюда.

— Какъ вы добры! какъ я вамъ благодарна! воскликнула молодая дѣвушка.—Бабушка, пойдемте скорѣй.

— Болованное дитя! замѣтила старушка.

Она поблагодарила въ свою очередь Боброва, и они возвратились по пройденному ими пути. Берта вбѣжала первая по лѣстницѣ ведущей въ храмъ Св. Себастіана и крикнула радостнымъ голосомъ:

— Солнце! свѣтъ! какъ тутъ тепло! какъ хорошо!

Лицо ея сіяло. Она бросилась къ отвореннымъ дверямъ. Бобровъ вызвался проводить до города старушку утомлен-

Digitized by Google

ную долгою ходьбой. Она оперлась на его руку, и всѣ трое направились къ Риму.

Легкій румянецъ игралъ на щекахъ Берты. Бѣлокурые, вьющіеся волосы выглядывали изъ-подъ ея соломенной шляпы; профиль молодой дѣвушки и окладъ ея лица были неправильны, но она привлекала взоръ мягкостью веселой улыбки и большихъ сѣрыхъ глазъ. Однако Бобровъ занимался не столько ей сколько ея бабушкой. Ему все казалось что ея изморщенныя черты ему знакомы и онъ старался напрасно уловить неясное воспоминаніе мелькавшее въ его головѣ.

— Вы кажется здѣсь, какъ и мы, на чужой сторонѣ? спросила его старушка.

— Я Русскій.

При этомъ словѣ Берта обернулась и устремила на него глаза въ которыхъ можно было прочесть такое наивное изумленіе что онъ невольно разсмѣялся и спросилъ:

— Вамъ должно-быть не вѣрится что въ варварской Московіи есть существа походящія на людей?

Она сконфузилась и отвѣчала заикаясь:

— Нѣтъ.... право нѣтъ... но Россія такъ далеко!

— Далеко. Бьюсь объ закладъ что дальше вашей родины.

— Мы изъ Женевы, сказала старушка.

— Мадамъ Леманъ! воскликнулъ Бобровъ, и остановился.

— Почемъ вы меня знаете? спросила она, глядя на него съ удивленіемъ.

— Сколько разъ я ѣлъ яблоки изъ вашего сада! Помните: два брата что̀ воспитывались съ вашимъ сыномъ у Корде?

— Базиль?.. Борисъ?.. промолвила старушка.

— Борисъ, отозвался онъ, цѣлуя ея руку, и прибавилъ:—а Максъ?

Слезы навернулись на ея глазахъ, она указала на Берту и отвѣчала:

— Его дочь; осталась восьми лѣтъ круглою сиротой. Берта, дай ему руку, онъ былъ другъ твоему отцу: они жили какъ братья.

— Бѣдный Максъ! сказалъ Бобровъ, ложимая руку молодой дѣвушки.

— Дайте-ка на себя посмотрѣть, говорила мадамъ Леманъ:— ну, разумѣется измѣнились, а если хорошенько вглядѣться, какъ не узнать прежняго Бориса! Да разкажите же о себѣ. Что̀ Базиль? А вы женаты?

Digitized by Google

— Я овдовѣлъ, отвѣчалъ онъ отрывисто, и сталъ разказывать о братѣ. Въ свою очередь онъ узналъ что недавно Берта получила въ наслѣдство отъ отдаленнаго родственника домъ въ Римѣ. Ея здоровье требовало теплаго климата, и бабушка переселилась съ ней въ Италію, гдѣ онѣ пробудутъ около двухъ лѣтъ. Подходя къ дому старушка пригласила Боброва позавтракать. Когда они вошли, небольшая собаченка бросилась съ веселымъ визгомъ къ Бертѣ и стала увиваться около нея. Молодая дѣвушка взяла ее на руки и поцѣловала ея кудрявую головку.

— Если вы хотите подружиться съ Бертой, замѣтила смѣясь мадамъ Леманъ,—познакомьтесь и съ Сальви. Это ея пріемышъ и любимецъ.

Бобровъ погладилъ Сальви, который лизнулъ его руку, причемъ Берта воскликнула:

— Видите, бабушка, онъ понимаетъ что это другъ семейства.

— Вы не забудете этого слова? спросилъ Бобровъ.

— Не таковская, отозвалась мадамъ Леманъ,—полюбитъ такъ не на шутку. Вся въ отца. Помните какъ любилъ васъ Максъ?

Домъ погруженный во вьющіяся растенія стоялъ въ саду. Видно было что его прежній владѣлецъ занимался съ любовью его украшеніемъ. На стѣнахъ небольшой гостиной расписаныхъ въ помпеевскомъ вкусѣ висѣли картины изображавшія похищеніе Сабинянокъ и изверженіе Везувія. Полъ былъ выложенъ бѣлыми и красными плитами. На каминѣ возвышались красивыя мраморныя статуетки и стояли вездѣ большія вазы съ цвѣтами.

Всѣ принялись съ аппетитомъ за завтракъ, состоявшій изъ яичницы, макароновъ и каштановъ, а разговоръ шелъ своимъ чередомъ.

— Покажите-ка что это у васъ за шрамъ на ладони? спросила вдругъ мадамъ Леманъ.—Вѣдь это слѣдъ сожженнаго трута!

— А! вы не забыли этого эпизода нашей школьной жизни. Вовремя Максъ вылилъ мнѣ на руку графинъ воды.

Берта сохранила довольно ясное и почти религіозное воспоминаніе объ отцѣ, который любилъ ее страстно. Она пожелала узнать исторію къ которой было примѣшано его имя.

Digitized by Google

Бобровъ не ограничился этимъ разказомъ. Встрѣча съ мадамъ Леманъ перебросила его въ міръ дорогаго прошлаго и онъ переходилъ невольно отъ одного воспоминанія къ другому. Молодая дѣвушка слушала его внимательно и сказала вдругъ ему:

— Не зовите меня, пожалуста, *mademoiselle*, а просто Берта. Бабушка говоритъ что вы жили съ моимъ отцомъ какъ съ братомъ: вы мнѣ не чужой.

— Благодарю васъ за признаніе родства между нами, моя милая Берта. Вы видите что я не замедлилъ вступить въ мои права, отвѣчалъ Борисъ Семеновичъ цѣлуя ея руку.

Оказалось что онъ переѣхалъ недавно въ сосѣдство мадамъ Леманъ и съ этого дня сдѣлалася у нея своимъ человѣкомъ,—ихъ связывали дорогія воспоминанія, а Берта стала съ первой минуты на короткую ногу съ нимъ. Бобровъ, страдавшій такъ часто отъ тоски навѣянной одиночествомъ, испыталъ отрадное чувство подъ дружескимъ кровомъ, гдѣ всѣ его принимали какъ члена семейства, гдѣ онъ занималъ въ уютной гостиной свое обычное мѣсто у стола, на который ставили каждое послѣобѣда корзину съ его любимыми фруктами, гдѣ все улыбалось ему привѣтливо. Онъ любилъ, подходя къ домику, видѣть издали бѣлокурую головку пригожей дѣвушки ожидавшей его у окна. Каждый день они сближались тѣснѣе и тѣснѣе. Воспитанная слѣпою любовью старушки, Берта, ничѣмъ не стѣсняемая съ минуты рожденія, привыкла руководиться исключительно своими фантазіями, ни надъ чѣмъ не задумывалась и до восемнадцатилѣтняго возраста сохранила дѣтскія понятія и воззрѣнія. Другъ ея отца, внеся новый элементъ въ ея жизнь, показалъ ей жизнь съ новой стороны. Подъ его вліяніемъ неровности ея характера замѣтно изглаживались, ребяческія выходки были забыты. Она стала привыкать къ серіознымъ занятіямъ и часто сопровождаемая Борисомъ Семеновичемъ и своею бабушкой осматривала картинныя галлереи или историческіе памятники. Онъ ей объяснялъ ихъ значеніе и разказывалъ о минувшихъ судьбахъ вѣчнаго города. Иногда Бобровъ читалъ вслухъ произведенія нѣмецкой или французской литературы, а обѣ женщины слушали сидя за работой. Молодая дѣвушка любила его разказы о Россіи, выучилась у него пѣть русскія пѣсни, а старушка вспоминала съ грустною улыбкой о

Digitized by Google

томъ времени когда товарищи ея сына лѣвали ихъ въ школѣ Корде. Эти короткія отношенія благотворно дѣйствовали на всѣхъ: никто не думалъ о будущемъ, планы строились лишь на слѣдующій день, и когда Бобровъ уходилъ домой, Берта спрашивала у него обыкновенно: „въ которомъ часу вы будете завтра?“ Быстро проходили дни, быстро протекло нѣсколько мѣсяцевъ.

Придетъ разъ вечеромъ онъ засталъ Берту подъ окномъ. Она вязала кошелекъ предназначенный бабушкѣ, и при появленіи гостя подняла палецъ къ губамъ, указывая ему на мадамъ Леманъ, дремавшую въ большомъ креслѣ. Борисъ Семеновичъ сѣлъ рядомъ съ молодою дѣвушкой и они начали болтать. Слова ихъ были ничтожны, но пустая бесѣда веденная вполголоса наполняла безотчетною радостью сердце Берты, а онъ, глядя на нее, думалъ что художникъ изобразилъ бы охотно на полотнѣ розовую, веселую бѣлокурую головку, изъ за которой выглядывало, отдѣляясь отъ темнокрасной стѣны кроткое лицо славшей старушки.

Берта разказывала что одинъ изъ ея родственниковъ находился въ монастырѣ Сенъ-Готаръ, когда настоятель и братія встрѣчали русское войско. Онъ присутствовалъ при торжественномъ молебнѣ отслуженномъ Суворовымъ въ обительскомъ храмѣ и при трапезѣ на которую пріоръ пригласилъ нашихъ воиновъ. Берта помнила всѣ подробности разказа и передавала ихъ съ увлеченіемъ, видя что Бобровъ слушаетъ внимательно. Она не забыла даже уломанутъ и о томъ что монастырскій обѣдъ состоялъ изъ картофеля, гороха и рыбы. Фельдмаршалъ и пріоръ сидѣли рядомъ за длиннымъ столомъ, разговаривая то по-французски, то по-нѣмецки, то по-италіянски, и вдругъ Суворовъ приказалъ какому-то плотному господину говорить по-латыни. Разкацица не знала кто этотъ господинъ, но ея родственникъ говорилъ что у него очень умное лицо, что онъ носитъ штатское платье и золотые очки.

— Это Фуксъ! воскликнулъ Бобровъ.

— Вы его знаете? спросила она.

— Очень знаю: онъ отъ Суворова былъ неотлученъ, а я служилъ при Суворовѣ.

Она была убѣждена что его военная служба состояла изъ ряда геройскихъ подвиговъ и ей давно хотѣлось о нихъ разспросить, однако она не рѣшалась заговорить о несчастномъ

Digitized by Google

для насъ походѣ 1805 года, понимая что воспоминанія о немъ должны быть горьки для русскаго человѣка. Но имя Суворова было залогомъ побѣды, и обрадованная Берта спросила:

— Въ какомъ же походѣ вы съ нимъ участвовали?

— Въ Турецкомъ.

О Турецкой войнѣ она не имѣла понятія и поставила новый вопросъ:

— Когда же Россія воевала съ Турціей? И побѣда оставалась за вами,—не правда ли?

— Россія воевала противъ Турціи когда вы были еще у кормилицы, и побѣда осталась за нами.

— Разскажите же, пожалуста, въ какихъ вы участвовали сраженіяхъ? Какіе вы брали города? Вы были ранены?

Щеки ея разгорѣлись. Она опустила работу на колѣни и повторила, останавливая на немъ пытливый взглядъ:

— Ну, разскажите жь.

Но Бобровъ измѣнился въ лицѣ. Отдаленная картина мелькнула въ его воображеніи. Онъ вспомнилъ другой разговоръ о Турецкой войнѣ и другой блестящій взоръ который обдавалъ его блаженствомъ.

— Тутъ нѣтъ ничего интереснаго, Берта, отвѣчалъ онъ отрывисто и облакотившись на окно сталъ глядѣть вдаль. Древняя столица цезарей разстилалась предъ нимъ во всемъ своемъ величіи, освѣщенная пурпурнымъ закатомъ своего горячаго солнца. Но Бобровъ не видалъ ни развалинъ Колизея, ни купола Св. Петра, ни желтыхъ волнъ Тибра. Онъ перенесся всею душой, всѣмъ существомъ въ холодный отдаленный Петербургъ, гдѣ въ богатой гостиной мелькали предъ нимъ красавицы Екатерининскаго двора, а краше всѣхъ была одна, въ голубомъ платьѣ и съ алою розой въ волосахъ. Солнце давно уже исчезло и въ тибрскихъ водахъ, и на небѣ, а онъ все стоялъ и глядѣлъ ничего не видя и забывъ совершенно о присутствіи Берты, которая не спускала съ него глазъ полныхъ тревожнаго безпокойства. Наконецъ голосъ мадамъ Леманъ прервалъ его мечтанія.

— Ахъ! мой милый Борисъ, спросила она,—давно ли вы здѣсь?

Онъ обернулся, поглядѣлъ около себя и промолвилъ:

— Мнѣ пора съ вами проститься.

— Что такъ рано? Посидите съ нами, отозвалась старушка.

Digitized by Google

— Нѣтъ, мадамъ Леманъ, отпустите меня, я не въ своей тарелкѣ. Вѣроятно надоѣлъ уже Бертѣ и боюсь надоѣсть вамъ.

Онъ взялъ шляпу и вышелъ. Берта послѣдовала за нимъ и остановила его въ сосѣдней комнатѣ:

— Нѣтъ, нѣтъ, вы такъ не уйдете, заговорила она тревожнымъ голосомъ,—скажите, что я сдѣлала? За что вы на меня разсердились?

Бобровъ былъ пораженъ ея блѣдностью.

— Берта, отвѣчалъ онъ,—какъ вы могли подумать?....

— Нѣтъ, вы разсердились....

— Клянусь вамъ что вы ошибаетесь. Я, наоборотъ, долженъ просить у васъ прощенія и объясню вамъ въ чемъ дѣло. Я переживалъ многіе тяжкіе дни, и вы сказали слово которое меня навело на воспоминаніе о нихъ. Вотъ и все.

— Я буду молить Бога чтобъ Онъ послалъ вамъ утѣшеніе въ горѣ, сказала грустно Берта,—хотя и не знаю въ чемъ оно состоитъ. Вы вѣроятно довѣряете его однимъ лишь вашимъ друзьямъ.

— Дитя мое, отвѣчалъ онъ,—вы меня глубоко оскорбляете если сомнѣваетесь въ моей дружбѣ, но сохрани васъ Богъ отъ такого горя которое не довѣряется никому, потому что страшно до него коснуться. До завтра, заключилъ онъ, цѣлуя ея руку, и вышелъ на улицу.

Онъ привыкъ смотрѣть на Берту какъ на ребенка, но ея смущеніе, ея блѣдность во время ихъ короткаго разговора навели его на мысль что можетъ-быть женское чувство закралось въ ея сердце. Возможно ли, однако, чтобъ она его любила? Онъ протянулъ ей руку во имя своей дружбы къ ея отцу, ихъ отношенія такъ просты, такъ естественны и наконецъ онъ долженъ быть совершеннымъ старикомъ въ ея глазахъ. Онъ приломиналъ, соображалъ и сказалъ себѣ въ заключеніе: „Невозможно! Въ сорокъ лять лѣтъ не сдѣлаешься героемъ романа хорошенькой дѣвушки; она меня любитъ какъ любитъ свою бабушку, и посмѣялась бы еслибы знала какія нелѣпыя мысли набрели мнѣ на умъ.“

Долго бродилъ онъ по улицамъ большаго города и вернулся домой когда огни вездѣ уже погасли. Въ ту минуту какъ онъ подходилъ къ своей квартирѣ, яркій пламень показался изъза деревьевъ сада: сосѣдній домъ горѣлъ. Борисъ Семеновичъ бросился къ нему и сталъ стучать въ окно. Окно отворилось

Digitized by Google

— Herr Фришманъ, вы горите, крикнулъ онъ,—дайте мнѣ Маріхенъ и выбирайтесь.

Въ комнатѣ поднялась суматоха. Чрезъ нѣсколько минутъ Фришманъ подалъ ему годовую дѣвочку, завернутую въ одѣяло. Бобровъ отнесъ ее къ себѣ, ловѣрилъ попеченію своего камердинера и вернулся на ложаръ. Между тѣмъ явилась помощь; лунная ночь была тиха, и огонь сталъ ослабѣвать не успѣвъ причинить большаго вреда. Одинъ изъ сбѣжавшихся сосѣдей предложилъ Фришману и его женѣ перебраться къ нему. Молодая мать обернулась къ Боброву съ просьбой принести ей ребенка.

Шедши за дѣвочкой онъ вдругъ увидалъ бѣлую фигуру бѣжавшую въ его сторону, и остановился въ недоумѣніи. „Неужели Берта?“ думалъ онъ не довѣряя себѣ, и пошелъ къ ней на встрѣчу. Чрезъ нѣсколько минутъ она бросилась къ нему, рыдая, на шею.

— Берта, что случилось? воскликнулъ онъ испуганный ея появленіемъ.

— Я думала что вашъ домъ горитъ, отвѣчала она всхлипывая.

— Ради Бога, успокойтесь, говорилъ Бобровъ,—успокойтесь, но она не могла совладать съ раздраженными нервами и продолжала плакать, припавъ къ его груди.

— Берта, умоляю васъ.... подумайте что насъ могутъ застать.

Ея слезы мгновенно остановились, она бросилась въ сторону, поглядѣла съ испугомъ около себя и промолвила смущеннымъ голосомъ:

— Я сейчасъ уйду домой.

— Подождите немного, я васъ провожу, а теперь пойдемте за мной.

Онъ ее отвелъ въ бесѣдку своего садика и пошелъ за ребенкомъ. Оставшись одна, Берта озиралась съ безпокойствомъ и вздрагивала при малѣйшемъ шорохѣ: ей все казалось что кто-нибудь войдетъ, и тогда, что она сдѣлаетъ? Какъ объяснить свое присутствіе здѣсь? Куда укроется отъ стыда? Болѣе мучительная еще мысль пришла ей въ голову: „Что *онъ* думаетъ обо мнѣ?“ спросила она вдругъ себя съ ужасомъ, вспоминая о безумномъ порывѣ которому повиновалась за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ, „онъ потерялъ ко мнѣ всякое уваженіе, какъ я теперь на него взгляну?“ Слезы ея [illegible]

Digitized by Google

текли. Она рѣшилась бѣжать домой не дожидаясь Боброва, но выходя изъ бесѣдки увидала его издали и бросилась назадъ. Въ эту минуту ее поразилъ безпорядокъ ея костюма. Бѣдная дѣвочка, которая долго не спала послѣ ухода Бориса Семеновича, увидала пожаръ когда уже замѣнила свое платье бѣлымъ пеньюаромъ и стала расчесывать волосы. На пути туфля соскочила съ ея ноги и волосы разсыпались по спинѣ и по плечамъ. Она заплела ихъ поспѣшно и пыталась уложить кое-какъ около головы, но коса не придержанная гребнемъ падала и расплеталась при малѣйшемъ движеніи.

— Ну, пойдемте, сказалъ Борисъ Семеновичъ входя въ бесѣдку.

Они пошли молча. Вдругъ Берта вскрикнула и остановилась.

—Что съ вами? спросилъ испуганный Бобровъ.

— Я наступила на стекло или на острый камень.... я потеряла туфлю, когда шла сюда.

Онъ сталъ на колѣни чтобъ осмотрѣть ея ногу, и лишь только до нея коснулся, теплыя капли крови полились на его ладонь.

— Вы не можете идти дальше, замѣтилъ онъ, — я васъ понесу.

— Нѣтъ.... нѣтъ... постойте: я попробую.

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ и пошатнулась. Борисъ Семеновичъ ее поддержалъ и поднялъ на руки.

Оставалось около полуверсты до дома. Бобровъ шелъ бодрымъ шагомъ, но возрастающее волненіе овладѣло имъ когда сердце Берты забилось у его сердца и порывъ вѣтра бросилъ на его лицо прядь ея душистыхъ волосъ. При мѣсячномъ сіяніи онъ не могъ разглядѣть ея черты, но чувствовалъ прикосновеніе ея теплыхъ нѣжныхъ взоровъ. Ему стало жутко. Нѣтъ, не дочь Макса прижималъ онъ къ своей груди, не ребенокъ дрожалъ въ объятіяхъ, а молодая, красивая, любящая женщина.

Онъ вошелъ въ калитку садика, потомъ въ двери террасы, которыя Берта оставила отворенными, опустилъ свою ношу на диванъ и спросилъ:

— Дойдете вы одни до вашей комнаты?

— Да..... по ровному полу.

— Не разбудите ли вы Мину? Надо бы послать за докторомъ. Но мнѣ бы не хотѣлось чтобъ обо всемъ этомъ узнали.... какъ вы объясните?

Digitized by Google

— Нѣтъ.... Доктора не нужно: я остановлю кровь, а на счетъ этого.... Я скажу что гуляла по саду и потеряла туфлю.

— Займитесь же вашею ногой, дитя мое, отвѣчалъ Бобровъ,— ложимая ея трепетную руку,—и лягте скорѣй.

Онъ шагнулъ къ двери, но Берта его остановила:

— Послушайте, заговорила она робко,—вѣдь надо будетъ.... иначе нельзя.... я и бабушкѣ то же скажу.

Загадка которую нашъ герой предлагалъ себѣ нѣсколько часовъ тому назадъ была разрѣшена: Берта его любила. Онъ встрѣтился съ ней для того только чтобы нарушить ея покой и разбить ея тихое счастіе. Что же оставалось дѣлать? Удалиться, бѣжать. Но при мысли о разлукѣ имъ овладѣвала невыразимая тоска. Онъ не испыталъ къ Бертѣ тѣни той страсти которую ему внушила Марья Николаевна, и ничего походящаго на глубокую его привязанность къ Настѣ, но несмотря на свои годы онъ поддался невольно обаянію красоты и молодости; онъ согрѣвался подъ теплыми лучами чувства, которое ему приходилось назвать теперь по имени. Нѣтъ, онъ не любилъ Берты, но его неугомонное сердце билось при мысли о ея любви.

„Какъ я ей объявлю о моемъ отъѣздѣ?“ думалъ онъ, „какъ я вымолвлю прощальное слово? Бѣдная дѣвочка! она заплачетъ!“ и ему казалось что ея слезы уже падаютъ одна за другою на его сердце. Подъ вліяніемъ своихъ грустныхъ думъ онъ проходилъ до утра по маленькому садику, и рѣшился наконецъ уѣхать не простившись и увѣдомить письменно о своемъ отъѣздѣ бабушку и внучку. Борисъ Семеновичъ легъ когда физическое утомленіе одолѣло его силы, однако всталъ въ обычный часъ и началъ одѣваться. Хозяинъ дома вошелъ къ нему.

— Моя квартира лишь на недѣлю за синьйоромъ, сказалъ онъ;—я буду очень счастливъ если онъ пожелаетъ оставить ее еще за собой, но если у него другіе планы, я желалъ бы знать о нихъ наперед, такъ какъ синьйоръ Фришманъ ищетъ квартиру, а на эту недѣлю онъ какъ-нибудь устроится.

— Вы можете располагать вашею квартирой, синьйоръ Анджело, отвѣчалъ Борисъ Семеновичъ твердымъ голосомъ,—я получилъ вчера письмо которое вызываетъ меня изъ Рима.

Анджело поклонился и ушелъ, а Бобровъ сѣлъ къ открытому окну. „Первый шагъ сдѣланъ“, сказалъ онъ себѣ съ глубокимъ вздохомъ и взглянулъ на осѣненную деревьями сада

Digitized by Google

темную крышу небольшаго домика, который обрисовывался недалеко на синемъ италіянскомъ небѣ. Его окна подъ лучами солнца горѣли изъ-за гущи зелени. Отъ этого уголка вѣяло миромъ и тишиной. Надо всѣмъ садомъ возвышалось густое каштановое дерево, подъ которымъ Берта любила сидѣть иногда по вечерамъ и пѣть русскія пѣсни. Многія воспоминанія одно другаго свѣтлѣе, одно другаго грустнѣй въ настоящую минуту мелькнули въ душѣ Боброва, и сердце его сжималось все болѣе.

— Пресвятая Богородица! заговорилъ вдругъ подъ его окномъ знакомый голосъ горничной жившей у мадамъ Леманъ,— какъ мы всѣ перепугались! Наша кухарка узнала на рынкѣ что около васъ былъ пожаръ. Дѣва Марія! какъ же это случилось? Я въ ту же минуту разбудила синьйору и разказала ей объ этой страсти. А синьйора такъ и вскрикнула, и говоритъ мнѣ: Мина, подите скорѣй провѣдать синьйора Боброва, и попросите его ко мнѣ завтракать. А синьйорину она не велѣла мнѣ будить. Да что жь вы не разкажете какъ это случилось? Какъ вы увидали пожаръ? Отчего загорѣлось? Очень перепугались жильцы? Кухарка не сумѣла ничего разспросить порядкомъ. Пустая женщина! когда закупаетъ свою провизію ей ни до чего: хоть Римъ провались!

Онъ удовлетворилъ любопытству словоохотливой Мины, и около часа послѣ ея ухода вошелъ въ гостиную мадамъ Леманъ, гдѣ засталъ Берту одну. Когда онъ съ ней поздоровался и освѣдомился о ея ногѣ, яркій румянецъ покрылъ щеки молодой дѣвушки.

— Ничего, отвѣчала она запинаясь,—лучше.

Несмотря на свое грустное настроеніе духа и на неловкость положенія, Бобровъ привыкшій владѣть собой говорилъ развязно и съ надеждой ободрить ее немного пробовалъ начать разговоръ. Но она не знала о приглашеніи посланномъ ему и до такой степени растерялась при его неожиданномъ появленіи что не сумѣла воспользоваться его поддержкой. Она чувствовала что краснѣетъ и смутилась еще болѣе.

— А гдѣ же мадамъ Леманъ? спросилъ онъ разсматривая давно знакомыя ему картины, чтобы дать ей время оправиться.

— Не знаю... Ахъ, да! Она пошла въ булочную.

Digitized by Google

— А я и забылъ! Выборъ кренделей къ кофе дѣло важное, и она не повѣряетъ его кухаркѣ. Надѣюсь что бабушка побалуетъ меня и сваритъ сегодня кофе сама, а я побалую Сальви: угощу его сахаромъ, продолжалъ онъ, лаская собаченку.

Берта, не отозвавшись, взяла ее на колѣни и начала съ ней играть, а Борисъ Семеновичъ, видя что разговоръ невозможенъ, сталъ перелистывать книгу въ ожиданьи что мадамъ Леманъ скоро его выручитъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ Сальви навострилъ ушки, замахалъ хвостомъ и побѣжалъ къ двери. Старушка вошла и воскликнула, ставя на столъ корзину съ хлѣбомъ и сухарями:

— Что это значитъ, мой милый Борисъ, булочникъ слышалъ отъ хозяина вашего дома что вы уѣдете черезъ недѣлю!

— Черезъ недѣлю! вскрикнула Берта. Голосъ ея замеръ; она оперлась локтемъ о столъ, опустила на руку поблѣднѣвшее лицо чтобы скрыть свое смущеніе, и начала быстро перевертывать листы альбома лежавшаго предъ ней.

— Вѣдь я и такъ здѣсь зажился, сказалъ Борисъ Семеновичъ, досадуя на глупую случайность которая выдала его тайну,—но какъ ни откладывай, придется все-таки ѣхать.

— Да вы объ этомъ и не заговаривали. Ахъ, какъ мнѣ жаль! Богъ знаетъ увидимся ли мы еще когда-нибудь. Какъ намъ будетъ пусто безъ васъ! Да почему же вамъ необходимо ѣхать?

Въ эту минуту Сальви подошелъ къ Бертѣ, сталъ на заднія лапки, а передними началъ царалать ея платье. Но она не обращала вниманія на своего любимца и онъ жалобно заплакалъ чтобъ ей напомнить о своемъ присутствіи. Берта выведенная изъ терпѣнья ударила его съ такою силой что испуганная собаченка взвизгнула и спряталась подъ диванъ.

— Берта, воскликнула бабушка,—что съ тобой?

— Онъ мнѣ надоѣлъ! Онъ несносный! Все ко мнѣ пристаетъ, отозвалась Берта, голосомъ звенѣвшимъ отъ внутренняго волненья,—я его.... я....

Она зарыдала и бросилась въ другую комнату. Мадамъ Леманъ всплеснула руками и поглядѣла на Боброва.

— Вотъ почему мнѣ надо ѣхать, замѣтилъ онъ, понизивъ голосъ.

Digitized by Google

— Вѣдь это я виновата, сказала старушка,—я! Что мудренаго? Она васъ видѣла каждый день, а вы такой красавецъ! Надо было предвидѣть что тѣмъ кончится.

— Не упрекайте себя, мадамъ Леманъ, не было, наоборотъ, возможности этого предвидѣть; вѣдь я совершенный старикъ въ сравненіи съ ней. Но утѣшьтесь: въ восемнадцать лѣтъ нѣтъ вѣчнаго горя.

— Но она такъ нервна... здоровье слабое... Я очень за нее боюсь.

— Вы сказали слово которое задѣваетъ меня за живое, замѣтилъ Бобровъ, помолчавъ немного.—Послушайте: предположимъ что я раздѣляю ея чувство и попросилъ бы у васъ ея руку. Вы знаете что рано или поздно я долженъ возвратиться въ отечество; думаете ли вы что Берта можетъ свыкнуться со средой гдѣ все будетъ ей чуждо?

— Нѣтъ, нѣтъ, объ этомъ и говорить нечего. Да она и климата не вынесетъ.

— Въ такомъ случаѣ вы видите что мнѣ осталось одно: ѣхать.

Борисъ Семеновичъ всталъ.

— А когда же вы ѣдете? спросила старушка.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ, и поцѣловавъ ея руку поторопился переступить въ послѣдній разъ черезъ порогъ гостиной, гдѣ провелъ столько свѣтлыхъ часовъ.

Проходя садомъ онъ остановился подъ окномъ комнаты Берты и заглянулъ въ отверстіе оставленное между опущенными гардинами. Берта, сидя на постели, припала головой къ подушкамъ; ея рыданья угадывались по судорожному движенію плечъ. Сальви смотрѣлъ на нее съ безпокойствомъ и лизалъ ея руки и шею. „Бѣдный ребенокъ!“ подумалъ Бобровъ. Ему нужно было много твердости чтобы не уступить искушенію войти и обнять ея плакавшую головку. Долго не могъ онъ оторваться отъ окна. Наконецъ слеза затуманила его взоры; онъ быстра удалился, не обернувшись даже назадъ, но выходя изъ сада онъ увидалъ у калитки черную атласную туфельку и спряталъ ее въ карманъ.

— Надо положить конецъ этому терзанію, сказалъ онъ себѣ, входя въ свою квартиру. Ему хотѣлось скрыть отъ Беры минуту своего отъѣзда, что было невозможно при такомъ близкомъ сосѣдствѣ, и тѣмъ же вечеромъ онъ перебрался въ отдаленную гостиницу. На другой день мадамъ Леманъ полу-

Digitized by Google

чила посылку въ которой заключалась небольшая коробочка и два письма: одно на имя старушки, другое, незапечатанное, къ Бертѣ.

„Милое дитя мое“, писалъ Борисъ Семеновичъ, „я буду уже далеко когда вы прочтете эти строки. Проститься съ вашею бабушкой и съ вами у меня не хватило силъ. Вѣрьте что я никогда не забуду ни вашей дружбы, ни времени которое провелъ съ вами. Прошу васъ принять эту цѣлочку и носить ее въ память о другѣ вашего отца. Дай вамъ Богъ счастья.“

V. Дальше! дальше!

„Взгляну на Женеву, поклонюсь могилѣ Корде, а тамъ и домой!“ думалъ Бобровъ, покидая съ тоской въ сердцѣ Римъ. За нѣсколько мѣсяцевъ предъ отъѣздомъ онъ сталъ вести переписку съ однимъ изъ своихъ бывшихъ товарищей, Французомъ Дильманомъ, наслѣдникомъ маленькаго имущества Корде и директорства его школы. Французъ въ письмахъ полныхъ братской дружбы звалъ къ себѣ пріятеля, который зналъ что много грустныхъ впечатлѣній, за то много радости ожидаетъ его, и душа его рвалась въ обѣтованный уголокъ покинутый имъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Наконецъ-то онъ поживетъ дорогими воспоминаніями первой юности, пожметъ руку старыхъ товарищей, вспомнитъ съ ними о быломъ и отдохнетъ среди нихъ отъ пережитаго горя.

Онъ въѣхалъ ночью въ Женеву и не скоро дозвонился у калитки школы. Наконецъ *портье* отворилъ и промолвилъ заспаннымъ голосомъ что всѣ уже спятъ въ домѣ. Но Бобровъ, не слушая его, побѣжалъ по знакомой тропинкѣ и постучался въ освѣщенное окно бывшей спальной Корде. Директоръ, собиравшійся уже ложиться спать, отворилъ дверь. Онъ понялъ съ перваго взгляда что давно желанный гость стоитъ предъ нимъ и бросился къ нему на шею.

Они вошли въ спальню. Бобровъ, оглянувшись во всѣ стороны, сѣлъ на кровать; онъ былъ такъ взволнованъ что не могъ вымолвить слова. Французъ засуетился.

— Ну, ужь потѣшилъ! потѣшилъ! говорилъ онъ.—А какой ты еще молодецъ!... Сейчасъ велю приготовить тебѣ постель, затопить каминъ и подать ужинъ.

Digitized by Google

— Прежде всего дай мнѣ взглянуть сюда, сказалъ нетвердымъ голосомъ Борисъ Семеновичъ, указывая на дверь кабинета;—но я войду одинъ, прибавилъ онъ, взявъ свѣчу со стола.

Дильманъ не допустилъ въ этой комнатѣ ни малѣйшаго измѣненія. Бѣлое Распятіе, шкафы съ книгами, портретъ Руссо, растенія около оконъ, все осталось на своемъ обычномъ мѣстѣ. Вотъ и первая географическая карта начертанная Борисомъ и подаренная имъ возлюбленному воспитателю—и взоры ученика полные любви и грусти перебѣгали отъ одного предмета къ другому. Многое шевельнулось въ его душѣ, много прожилъ онъ лѣтъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, и когда вышелъ изъ кабинета глаза его хранили слѣды слезъ. Францъ его обнялъ; они сѣли къ столу гдѣ былъ приготовленъ ужинъ, но не скоро еще завязалась между ними бесѣда.

Бобровъ ночевалъ въ комнатѣ гдѣ жилъ когда-то съ братомъ. На другой день не успѣлъ онъ еще одѣться когда къ нему вошли нѣсколько прежнихъ его товарищей.

— Узнавай насъ самъ, говорили они,—мы себя не назовемъ.

Онъ ихъ обнималъ, узнавалъ однихъ, а въ другихъ долго вглядывался при общемъ хохотѣ. Всѣ говорили разомъ, перебивая другъ друга. Распрашивали о Базилѣ.

— Что бы и ему пріѣхать!

— Не вѣрится что я съ вами! сказалъ Бобровъ.—Попрошу Франца чтобъ онъ далъ сегодня роспускъ ученикамъ.

— Роспускъ! роспускъ! А если онъ заупрямится, мы взбунтуемъ всю школу! Я тебѣ покажу своего мальчугана. Онъ уже въ четвертомъ классѣ.

— Покажи, покажи. А помнишь, какъ мы разъ съ тобой....

— А помнишь, Борисъ.... крикнулъ въ свою очередь одинъ изъ друзей, перебивая его; и смѣхъ, недоговоренныя рѣчи, веселые голоса раздавались со всѣхъ сторонъ.

Бобровъ словно помолодѣлъ среди товарищей. Каждый изъ нихъ хотѣлъ ему показать свое житье-бытье, свое семейство, и устраивали что ни день въ честь пріѣзжаго какую-нибудь скромную пирушку. Но воспоминанія о Бертѣ отравляли всѣ его родостныя впечатлѣнія и лишали его часто спокойствія и сна.

Узнавъ отъ одного изъ ея родственниковъ, который былъ въ перепискѣ съ мадамъ Леманъ, что бѣдная дѣвочка опасно

Digitized by Google

занемогла, онъ написалъ немедленно къ старушкѣ, рѣшился остаться въ Женевѣ пока не придетъ успокоительное письмо, но былъ такъ измученъ что ему приходила не разъ мысль возвратиться въ Римъ. Болѣзнь продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ и наконецъ Берта стала поправляться. Словно камень свалился у него съ сердца и онъ объявилъ товарищамъ что пора ему домой. Но они и слышать о томъ не хотѣли.

— Поживи еще съ нами, говорилъ Францъ,—подумай что мы простимся теперь на вѣкъ. Вотъ подходятъ вакаціи: тряхнемъ стариной, и обойдемъ вмѣстѣ часть Гельвеціи, какъ называлъ ее нашъ добрый Корде.

И Бобровъ не устоялъ предъ искушеніемъ. Онъ купилъ синюю блузу, соломенную шляпу, толстую трость и пустился въ горы съ толпой учениковъ. Сколько дорогихъ воспоминаній ожидали его на пути! Вотъ мѣсто гдѣ ихъ застала тридцать лѣтъ тому назадъ гроза; вотъ долина гдѣ Корде разказывалъ легенду, которую Францъ разказываетъ въ свою очередь молодежи; вотъ ущелье гдѣ они заслушались когда-то голоса горнаго охотника, который пѣлъ древнюю пѣснь о Бонивардѣ, а вотъ наконецъ и Шильйонскій замокъ, куда Корде ввелъ своихъ учениковъ словно во храмъ.

По возвращеніи въ Женеву Бобровъ назначилъ день отъѣзда и занялся укладкой своихъ вещей. Онъ вышелъ разъ изъ дома, предупредивъ Дильмана что ѣдетъ купить дорожную фуражку и возвратится къ обѣду. На улицѣ кто-то окликнулъ его по-русски. Борисъ Семеновичъ обернулся и узналъ Радугина, одного изъ своихъ петербургскихъ знакомыхъ.

— Алексѣй Николаевичъ! воскликнулъ онъ,—какъ я радъ!...

— Да и я радъ. Ну, разкажите, какъ ложивается?

Бобровъ разказалъ о себѣ и спросилъ:

— А вы какою судьбой сюда попали?

— По своей глупости попалъ. Да не зайдете ли вы ко мнѣ? Я стою въ двухъ шагахъ.

Они пошли дальше и Радугинъ продолжалъ.

— Изволите видѣть, какъ дѣло-то было: не могъ я помириться съ Аустерлицемъ. Это проклятое имя звучало то и дѣло у меня въ ушахъ, преслѣдовало меня какъ тѣнь. Когда была объявлена новая война съ Франціей, я себѣ и думаю: теперь-то мы загладимъ этотъ позоръ, увѣнчаемъ себя

Digitized by Google

славой. Вотъ и отправился я, за славой-то, подъ Фридландъ. Тамъ хватила меня пуля въ плечо. Отвезли меня въ Маріенбадъ, и часто ругалъ я себя за свою прыть. Изъ чего бился дуракъ? А какъ выздоровѣлъ, такъ вздумалось мнѣ проѣхать во Францію, да тамъ признаться и зажился. Славы-то не очень набрался, не черезчуръ меня лавры обременили, да по крайней мѣрѣ видѣлъ Парижъ. А теперь, взглянувъ на Швейцарію—и домой.

— А вы когда думаете ѣхать?

— На днях. Дѣлать-то нечего. Я уже писалъ къ женѣ: если бы, молъ, грѣхъ меня не полуталъ десять лѣтъ тому назадъ, да не женился бы я, то не видалъ бы милой родины какъ своихъ ушей, и забылъ бы даже что она существуетъ.

— За это не ручайтесь. Иной разъ и хотѣлъ бы да не забудешь: свое!

— Ужъ это мнѣ: свое! замѣтилъ Радугинъ,—да вѣдь у меня и мозоли свои, и Антошка у меня свой. Пріѣхалъ въ Парижъ и говорю этому сокровищу: „ты здѣсь вольный: можешь отъ меня отойти,“ — думалъ, признаюсь: авось хоть однимъ-то *своимъ* меньше будетъ! А онъ такъ и взвылъ. Сталъ я его урезонивать: вѣдь ты, говорю, здѣсь мертвую пьешь, и я тебя пальцемъ не трогаю; а станешь ты эдакъ пить въ Россіи, знай что я велю тебя больно высѣчь. А онъ говоритъ: — что за важность! все-таки *свой* баринъ. Вотъ и толкуй.

— А сознайтесь, отвѣчалъ смѣясь Борисъ Семеновичъ,— что каждый изъ насъ напоминаетъ болѣе или менѣе вашего Антошку. Иначе не лопали бы вы подъ Фридландъ.

— Еще бы! Нешто я не знаю что на словахъ я мудрецъ, а на дѣлѣ тотъ же Антошка. Это-то меня и бѣситъ. Милости просимъ, продолжалъ Алексѣй Николаевичъ, отворяя дверь гостиницы гдѣ стоялъ и пропуская гостя впередъ.—Да отобѣдали бы вы у меня; скоро два часа.

— Я бы радъ, сказалъ Бобровъ снимая фуражку и опускаясь на диванъ,—да меня дома ждутъ. Я здѣсь живу у стараго товарища.

— Вотъ вамъ карандашъ и бумага. Напишите ему что обѣдаете у меня. Нельзя, молъ, отказаться: соотечественникъ. Хоть лыкомъ шитъ да свой!

Когда онъ отправилъ записку и велѣлъ подавать обѣдъ, Бобровъ ему сказалъ:

Digitized by Google

— Вѣдь и я собираюсь восвояси. Нельзя ли намъ ѣхать вмѣстѣ?

— Что жь! Я радехонекъ. Да изъ чего вы-то торопитесь? Неужели не взглянете на Парижъ? Я вамъ скажу: онъ чертовски хорошъ.

— Что и говорить! Очень заманчиво. Да пора мнѣ домой.

— Это вамъ все не терпится на *свое*-то полюбоваться? Успѣете. А хорошъ Парижъ! Вѣдь ужь я лѣвшивъ какъ оселъ, а и меня онъ растшевелилъ. Какая жизнь! Не останешься къ ней равнодушнымъ. Хоть бы подземная борьба партій, она всякаго увлечетъ. Притонъ либераловъ, домъ мадамъ де-Сталь. Что за женщина! Ее Наполеонъ побаивается, того и гляди сошлетъ куда подальше. Префектъ зорко за ней слѣдитъ. Я далъ бы вамъ рекомендательное письмо къ ней.

— Ces messieurs sont servis, провозгласилъ garçon, хлопотавшій около стола.

За обѣдомъ Радугинъ разказывалъ объ общественной французской жизни, о великолѣпіи Парижа, и когда сняли приборъ, показалъ гостю коллекцію парижскихъ видовъ. Онъ увлекался своими воспоминаніями, уговаривалъ Боброва съѣздить во Францію, и пріятели пробесѣдовали часть вечера.

— Ну что? вы не соблазнились? спросилъ наконецъ Алексѣй Николаевичъ.

— Отойди отъ меня, сатана, отозвался Бобровъ, протягивая ему руку и отыскивая глазами фуражку.

„Нечего объ этомъ и думать! говорилъ онъ себѣ, выходя изъ гостиницы, надо ѣхать!“ Но между тѣмъ какъ въ его воображеніи рисовались блестящія описанія Парижа, онъ вспомнилъ послѣднее время проведенное въ Золотомъ Кладѣ, и въ особенности одинъ день.... Все смотрѣло уныло и мертво въ домѣ: Настя читала въ образной *Псалтырь* по покойникѣ и поставила на молитву Таню, которая заснула въ уголкѣ. Варвара Александровна кроила ризы изъ покрова снятаго съ гроба Семена Ѳедоровича. Отецъ Иванъ призванный на совѣтъ сидѣлъ въ углу ожидая чтобы потребовалось его мнѣніе, и подносилъ то и дѣло руку ко рту чтобы скрыть одолѣвавшую его зѣвоту. Василій Семеновичъ, лежа на диванѣ, жаловался на головную боль. Вѣтеръ завывалъ на дворѣ, и въ окна билъ дождь перемѣшанный со снѣгомъ. Это воспоминаніе навѣяло тоску на Боброва. Онъ прошелъ

Digitized by Google

безсознательно мимо школы и долго бродилъ по женевскимъ улицамъ, протягивая разсѣянно руку знакомымъ съ которыми встрѣчался. Картины Парижа и Золотаго Клада мелькали поочередно въ его головѣ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ себѣ наконецъ,—никакая привязанность не помиритъ съ этою жизнью, и эта жизнь убьетъ всякую привязанность! Развѣ я не дошелъ до того что не умѣлъ сказать двухъ словъ Настѣ, и она же уговаривала меня уѣхать, набраться силъ на свѣжемъ воздухѣ. Попадешь туда, оттуда ужь не вырвешься. Хоть воспользоваться временемъ, когда я живу, а не прозябаю. Еще нѣсколько мѣсяцевъ, годъ... много полтора, и всю остальную свою жизнь я отдамъ семейству. Пора будетъ заняться серіозно воспитаніемъ Тани. Я чувствую что и она и Настя будутъ мнѣ еще дороже... Но вернуться на родину чтобы тосковать о чужбинѣ.... Похоронить себя въ Золотомъ Кладѣ, когда Парижъ такъ близко... Парижъ, о которомъ я мечталъ еще съ разказовъ Корде!...

Поздно вернулся онъ домой, а на другой день вошелъ въ комнату Радугина и сказалъ, протягивая ему руку:

— Я попрошу у васъ письмо къ мадамъ де-Сталь.

— Вотъ такъ-то лучше! отозвался Алексѣй Николаевичъ.

Недѣлю спустя Бобровъ выѣхалъ изъ Женевы. Въ Вергалѣ онъ видѣлъ отжившую, а въ Парижѣ современную Францію, дрожавшую послѣ революціи предъ самовластною волей диктатора захватившаго въ свои руки судьбу Европы. Но несмотря на подавляющій страхъ, живость народнаго характера вырывалась наружу. Здѣсь ничто не напоминало величаваго, безмолвнаго Рима; все блестѣло, все сіяло, все кипѣло одинаково въ гостиныхъ и на улицахъ, все питало пытливый умъ: театры, гдѣ публика рукоплескала госпожѣ Марсъ и Тальма; историческіе памятники, библіотеки, музеи, знакомство съ Шатобріаномъ, со всѣми знаменитостями эпохи; клубы, гдѣ люди протягивавшіе руку Мирабо, видѣвшіе Робеспьера и Марата, разказывали о свѣжихъ преданіяхъ террора; гостиная madame де-Сталь, гдѣ свободные мыслители громко протестовали противъ деспотизма не стѣсняясь императорскою полиціей, и наконецъ сама дочь Некера, авторъ *Коринны*, некрасивая, нестройная, съ обнаженными руками и шеей, но съ краснорѣчивымъ взглядомъ круглыхъ на выкатѣ глазъ и восторженною рѣчью, которая лилась съ ея

Digitized by Google

кpуглыхъ губъ. Дни пролетали незамѣтно одинъ за другимъ, и Бобровъ, увлеченный ихъ вихремъ, не находилъ ни времени, ни возможности отрезвиться. Вырвавшись съ усиліемъ изъ Парижа, гдѣ прожилъ болѣе полутора года, онъ писалъ своимъ чтобъ они его скоро ждали, что онъ уже на возвратномъ пути и думаетъ лишь остановиться не надолго на рейнскихъ берегахъ.

Пріѣхавъ осенью въ Германію онъ нанялъ комнатку въ небольшой деревушкѣ около остатковъ замка Фалькенбургъ. Борисъ Семеновичъ любилъ эти благородныя развалины покрытыя мохомъ, плющомъ и терновыми кустами, въ которыхъ пріютились ящерицы и птицы вили гнѣзда, любилъ повѣтическія преданія рыцарскихъ временъ и державный Рейнъ видѣвшій римскіе легіоны и волчица крестоносцевъ. Часто туристъ садился на лошадь или въ лодку и осматривалъ окрестности: Драконову скалу, Мышиную башню, остатки римскихъ или феодальныхъ памятниковъ, или уцѣлѣвшую арку замка гдѣ умеръ преданный рыцарь не спуская глазъ съ обители въ которой его возлюбленная посвятила себя Богу.

Отдыхъ былъ ему необходимъ послѣ оглушительнаго шума парижской жизни. Онъ привязался съ увлеченіемъ за покинутыя занятія и не оставался безъ общества. Около него жилъ старый пасторъ съ сыномъ, невѣсткой, съ двѣнадцатилѣтнею черноглазою внучкой. Онъ напоминалъ христіанъ первыхъ временъ: его сердце, домъ и казна были одинаково открыты для несчастныхъ. Горе ли, недугъ ли постигалъ кого въ приходѣ, онъ бралъ Евангеліе, вооружался тростью и, несмотря на позднюю ночь или непогоду, спѣшилъ съ утѣшительнымъ словомъ къ страждущему. Любящая его природа не знала ненависти; одно лишь имя Наполеона произносилъ онъ съ гнѣвомъ, не могъ помириться съ униженіемъ своей родины и видѣлъ бичъ Божій въ разрушителѣ тысячелѣтняго зданія Германской имперіи. Домашній его бытъ дышалъ патріархальною простотой и даже видъ его свѣтлыхъ уютныхъ комнатъ, уставленныхъ растеніями и украшенныхъ гравюрами духовнаго содержанія, радовалъ взоръ и наводилъ спокойствіе на душу. Всѣ любили, уважали пастора и по воскресеньямъ бургомистръ и другіе почетные члены околотка съѣзжались къ нему на пріятельскую бесѣду.

Digitized by Google

Тутъ за сладкимъ пирогомъ, который хозяйка готовила мастерски, онъ разказывалъ анекдоты о Маріи Терезіи и грустно вспоминалъ о томъ, какъ, бывъ во Франкфуртѣ при императорѣ Леопольдѣ, онъ осматривалъ во дворцѣ портретную галлерею германскихъ цезарей. Въ ней оставалось мѣсто на одинъ лишь только портретъ, и въ народѣ говорили что это мѣсто предназначено для изображенія послѣдняго германскаго императора, что съ его царствованіемъ рухнетъ имперія.

Борисъ Семеновичъ любилъ все семейство пастора, въ особенности маленькую Луизу, которая напоминала ему Таню, дарилъ ей разныя бездѣлушки, игралъ зимними вечерами въ шашки съ пасторомъ и вступалъ съ его сыномъ въ философскіе и политическіе споры.

Разъ послѣ долгой прогулки, возвращаясь домой весеннимъ вечеромъ, онъ засталъ своихъ сосѣдей сидѣвшихъ на дворѣ около группы каштановыхъ деревьевъ. Старикъ читалъ вслухъ путешествіе въ Іерусалимъ, его невѣстка вязала на зиму красивую шерстяную юпку Луизѣ, а дѣвочка разбирала лоскутки подаренные ей для наряда куклы. Бобровъ взглянулъ съ грустью на семейную картину, которая напоминала ему о привязанностяхъ манившихъ его къ себѣ, между тѣмъ какъ блестящіе призраки отвлекали его отъ нихъ. Пасторъ увидалъ его первый, снялъ очки, закрылъ книгу и протянулъ ему руку.

— Фридерикъ принесъ сегодня дичи, сказалъ онъ,—не хотите ли поужинать съ нами здѣсь на воздухѣ?

Бобровъ принялъ охотно приглашеніе и сѣлъ на деревянную скамью. Чрезъ нѣсколько минутъ работница накрыла столъ и принесла ужинъ.

— А гдѣ же вашъ мужъ? спросилъ Борисъ Семеновичъ у хозяйки дома.—Неужели онъ не отвѣдаетъ своихъ бекасовъ и не поспоритъ со мной опять о Меттернихѣ?

— Онъ ушелъ съ ружьемъ еще до зари, отвѣчала она,—и такъ утомился что отказался отъ ужина и легъ спать.

— Какъ скоро Фридерикъ взялъ ружье въ руки, то онъ радъ ходить до упада, замѣтилъ смѣясь пасторъ.—Я ему не разъ предсказывалъ что надъ нимъ повторится когда-нибудь исторія рыцаря Пскопина.

— А что случилось съ этимъ рыцаремъ? спросилъ Бобровъ.

— Развѣ вы не знаете легенды о нашемъ замкѣ?

Digitized by Google

— Нѣтъ, я послушалъ бы ее охотно. Я большой любитель легендъ.

— Ладно. А ты, Маделенъ, угости-ка насъ рейнскимъ виномъ, чтобы веселей было разказывать.

Хозяйка принесла двѣ рюмки, узкую янтарнаго цвѣта бутылку, и старикъ началъ свой разказъ: *

Жилъ въ то время не далеко отсюда благородный рыцарь Псколинъ. Онъ былъ сынъ Соннекскаго бургграфа и полюбилъ Бульдуру, а Бульдура его. Оба были имениты, молоды, красивы, и отецъ Бульдуры, владѣлецъ замка Фалькенбургъ, обѣщалъ рыцарю руку своей дочери.

День свадьбы былъ уже назначенъ, но на бѣду, кромѣ своей невѣсты, Псколинъ любилъ еще страстно охоту, и за недѣлю до блаженнаго дня онъ простился съ Бульдурой, обѣщаясь возвратиться на слѣдующій день, позвалъ свою собаку и отправился въ лѣсъ, а Бульдура проводивъ его глазами изъ рѣшетчатыхъ оконъ своей башни, принялась за прялку. Бульдура была трудолюбива и набожна; она проводила бо́льшую часть дня въ своей молельнѣ и за прялкой.

Небо было ясно и птицы весело пѣли, когда Псколинъ вышелъ изъ предѣловъ своихъ владѣній. Тутъ онъ увидалъ стараго крестьянина который грѣлся на солнцѣ.

— Благородный рыцарь, спросилъ его старикъ,—слышите ли вы что́ говорятъ эти птицы?

— Онѣ поютъ и щебечутъ, отвѣчалъ охотникъ.

— Для молодаго человѣка онѣ поютъ и щебечутъ, отозвался крестьянинъ,—а для старика понятенъ ихъ голосъ. Вы думаете вернуться завтра домой?

— Да, отвѣчалъ удивленный рыцарь.

— Такъ знайте же что эти птицы говорятъ: „ѣдешь на день, а не вернешься и къ году.“

— Ты не въ своемъ умѣ, старинушка, отозвался Псколинъ и поѣхалъ дальше. Около опушки лѣса встрѣтилъ его Палатинскій графъ со своею охотой и предложилъ ему ѣхать вмѣстѣ. Они поѣхали и такъ увлеклись что проохотились цѣлыхъ три дня. Потомъ графъ пригласилъ Псколина въ свой замокъ, угостилъ его на славу и такъ полюбилъ что въ знакъ довѣрія отправилъ его съ важнымъ порученіемъ къ

* Мы позволимъ себѣ заимствовать содержаніе легенды изъ путевыхъ записокъ Виктора Гюго.

Digitized by Google

другу своему, герцогу Бургундскому. На бѣду полюбилъ его также герцогъ и послалъ въ знакъ довѣрія ко Французскому королю, а король также его полюбилъ и отправилъ для переговоровъ въ Исланію. Полалъ наконецъ рыцарь и на Востокъ. Тамъ, увидѣвъ его случайно, влюбилась въ него жена Тунисскаго бея и прислала къ нему чрезъ негритянку бирюзовый камень висѣвшій на золотой цѣпи.

— Тебя любитъ прекрасная принцесса, но ты ея никогда не увидишь, сказала рабыня.—Она прислала тебѣ этотъ талисманъ. Пока ты будешь его носить, ты не умрешь и останешься молодъ. Но если ты его потеряешь, то состарѣешься мгновенно за всѣ годы прожитые съ этой минуты. Прощай, прекрасный гауръ.

Онъ поблагодарилъ и надѣлъ талисманъ на шею, а негритянка удалилась, и въ ту же минуту вошелъ въ его комнату неизвѣстный человѣкъ.

— Хочешь, я устрою свиданіе между тобою и прекрасною принцессой что̀ тебя любитъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Псколинъ,—я люблю другую. Къ тому же эта красавица не вѣруетъ въ Іисуса Христа и Пресвятую Богородицу, а мнѣ дорого спасеніе моей души.

Незнакомецъ настаивалъ, и Псколинъ выведенный изъ терпѣнія ударилъ его по лицу своимъ мечомъ. Черная кровь полилась изъ раны, непрошенный гость вскрикнулъ нечеловѣческимъ голосомъ, зеленый огонекъ блеснулъ изъ-подъ его ноги, и Псколинъ узналъ чорта. А чортъ крикнулъ, задыхаясь отъ злобы:

— Я расплачусь съ тобой! и провалился сквозь землю.

Много было приключеній съ нашимъ рыцаремъ, много видѣлъ онъ разныхъ странъ и не мало обрадовался когда, исполнивъ наконецъ всѣ возложенныя на него порученія, онъ собрался въ обратный путь. Въ тотъ день когда онъ достигъ Рейна минуло цѣлыхъ пять лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ онъ простился со своею невѣстой. Ей тогда было пятнадцать, а теперь ей двадцать лѣтъ, думалъ онъ. Самая блестящая пора женской красоты. Какъ обрадуется мнѣ Бульдура!

Солнце уже склонялось къ горизонту и онъ надѣялся доѣхать къ утру до Фалькенбурга, но лошадь его захромала, и ему пришлось, скрѣпя сердце, остановиться въ гостиницѣ около опушки дремучаго лѣса. Пока онъ ужиналъ, подошелъ къ нему старикъ въ великолѣпномъ охотничьемъ нарядѣ. Онъ

Digitized by Google

разговорились. Псколинъ разказалъ ему о своемъ горѣ, и старикъ его спросилъ:

— Не хотите ли вы поохотиться со мной этою ночью? А утромъ вы уѣдете въ Фалькенбургъ.

— Да я никогда не охотился ночью, возразилъ Псколинъ.

— Это очень весело. Попробуйте: полюбится. Пойдемте въ лѣсъ, взгляните на моихъ собакъ.

Они пошли въ лѣсъ. Старикъ затрубилъ въ рогъ и немедленно явилась предъ ними такая великолѣпная стая какой и во снѣ не удастся видѣть. Тутъ были и гончія, и борзыя, и всѣ породы которыми любуется охотникъ. Ихъ вели молодцы одѣтые въ цвѣтныя платья расшитыя золотомъ. У Псколина загорѣлись глаза

— А лошади? спросилъ онъ.

Два конюха вышли изъ-за деревьевъ. Они держали въ поводахъ двухъ великолѣпныхъ коней.

— Выбирай, сказалъ старикъ.

Псколинъ вскочилъ въ сѣдло. Полный мѣсяцъ стоялъ на небѣ. Гдѣ-то на отдаленной башнѣ пробило полночь. Старикъ захохоталъ страшнымъ хохотомъ и захохотали также всѣ деревья дремучаго лѣса. Дрожь пробѣжала по всѣмъ членамъ рыцаря. Его старый товарищъ прыгнулъ также на лошадь и крикнулъ: „пускать собакъ!“ Вдали пробѣжалъ громадный олень, и охота помчалась.

Псколину показалось что его несетъ не лошадь, а буйный вихрь. Все закружилось, завертѣлось около него, словно въ демонской пляскѣ. Въ его ушахъ раздавались неугомонные крики охотниковъ, лай собакъ, и трубилъ, какъ громъ, рогъ старика. Земля дрожала подъ копытами коней, а кони летѣли все дальше и дальше, быстрѣе и быстрѣе, а громадный олень все мелькалъ впереди. Предъ глазами рыцаря проносились моря, водопады, снѣжныя равнины усѣянныя серебряными звѣздочками, при яркомъ мѣсячномъ сіяніи, хвойные лѣса наполненные медвѣдями, и холодъ проникалъ его до костей, а руки его коченѣли. Но воздухъ нагрѣвался и всадникъ видѣлъ какъ обезьяны дремали, покачиваясь на вѣткахъ высокихъ банановъ, какъ пробужденные шумною охотой быстро вскакивали полосатые тигры и уродливые слоны медленно поднимали опущенныя головы. Потомъ открывалась предъ нимъ необозримая степь, и знойный вѣтеръ жегъ ему лицо, а громадный олень все мелькалъ

Digitized by Google

впереди. Иногда густой туманъ стелился по землѣ, и все пропадало въ глазахъ Псколина, но онъ слышалъ трубившій рогъ, страшные крики охотниковъ и свирѣпый лай собакъ. Духъ замиралъ въ его груди отъ этой бѣшеной скачки. То онъ молился, то думалъ о невѣстѣ, то мысли его путались, и онъ не зналъ на яву ли творятся съ нимъ такія чудеса, или онъ во снѣ, или подъ вліяніемъ тяжелаго бреда. Иногда ему казалось что эта страшная ночь превратилась въ вѣчность, и что вѣчно будетъ увлекать его куда-то невѣдомая сила. Вдругъ башни Фалькенбурга обрисовались на горизонтѣ. Онъ хотѣлъ броситься на землю, несмотря на опасность расшибиться до смерти, но пытался напрасно высвободить ноги изъ стременъ: стремена держали его словно богатырскія руки, и знакомыя мѣста уже исчезли изъ его глазъ. А конь переламывалъ моря и шумные потоки; скакалъ черезъ горы и мимо дремучихъ лѣсовъ, и все мчался дальше и быстрѣе, а громадный олень все мелькалъ впереди.

Наконецъ выглянула заря, конь остановился, и олень, охотники, собаки, все исчезло. Всадникъ прыгнулъ на земную равнину и вскрикнулъ отъ радости: замокъ Фалькенбургъ возвышался предъ его глазами. Но чья-то рука схватила руку рыцаря. Онъ обернулся. Старый охотникъ стоялъ за нимъ и спросилъ:

— Узнаешь ли ты меня?

Онъ сверкнулъ глазами, зеленый огонекъ блеснулъ изъ подъ его ноги, и Псколинъ узналъ демона, а демонъ указалъ на широкій шрамъ оставшійся на его лицѣ, и примолвилъ:

— Я тебѣ обѣщалъ что расплачусь съ тобой.

— Бульдура умерла! крикнулъ Псколинъ блѣднѣя.

— Нѣтъ, возразилъ демонъ,—она жива, свободна и любитъ тебя; но я съ тобой поквитался.

И онъ провалился сквозь землю.

„Жива, свободна, любитъ меня!“ подумалъ Псколинъ, „я самого чорта не боюсь!“

Онъ взглянулъ около себя и замѣтилъ мелькомъ что разросались значительно рощи около Фалькенбурга, новыя тропинки пестрѣли около его подножія; самый замокъ словно постарѣлъ и осунулся и плющъ обвилъ густою сѣтью его стѣны. Подъемный мостъ былъ опущенъ, и Псколинъ вошелъ быстрымъ шагомъ на широкій дворъ. Часовые стоявшіе на башняхъ и зубчатыхъ стѣнахъ пропустили благород-

Digitized by Google

наго гостя. Измѣнилось многое и во внутреннемъ дворѣ въ продолженіе пяти лѣтъ, но влюбленный твердо зналъ дорогу къ башнѣ, гдѣ прощался со своею красавицей. Онъ вбѣжалъ мигомъ по высокой, узкой лѣстницѣ, но остановился у затворенной двери чтобы перевести духъ. Сердце сильно билось въ его груди.

За дверью раздавалась немолчная лѣсня прялки, и рыцарь, прислушиваясь къ ней, услыталъ такое блаженство что не торопился войти. „Но можетъ-быть это и не ея прялка“, подумалъ онъ наконецъ, „можетъ-быть Бульдура теперь въ своей молельнѣ, а прядетъ кто-нибудь изъ ея прислуги“, и онъ отворилъ дверь.

И точно, пряла не Бульдура, а старуха сгорбленная, худая, сѣдая, наморщенная, страшная старуха, напоминавшая сказочныхъ колдуній. Псколинъ низко ей поклонился и спросилъ:

— Гдѣ Бульдура?

Старуха остановила на немъ полуугасшій взоръ, вскрикнула, приподнялась со своей скамьи, всплеснула руками и заговорила дрожавшимъ голосомъ:

— Псколинъ! благородный рыцарь! Зачѣмъ твоя тѣнь бродитъ по землѣ? Развѣ мало служатъ по тебѣ заупокойныхъ обѣденъ?

Подивился Псколинъ что она его знаетъ, засмѣялся и отвѣчалъ:

— Я не умеръ, и не прошу заупокойныхъ обѣденъ, но хочу видѣть мою Бульдуру; я жажду ея поцѣлуя.

Не успѣлъ онъ договорить этихъ словъ какъ старуха бросилась къ нему на шею.

То была Бульдура. Ночная охота продолжалась цѣлыхъ сто лѣтъ.

Бѣдный Псколинъ обмеръ. Онъ вырвался изъ объятій державшихъ его и бросился къ лѣстницѣ, не понимая что съ нимъ случилось. Онъ бѣжалъ безъ оглядки до своего Соннекскаго замка; ему все казалось что страшная старуха его преслѣдуетъ. Наконецъ онъ остановился. Около него изъ подземелья раздался нечеловѣческій хохотъ. Несчастный, въ порывѣ отчаянія, сталъ рвать съ себя украшенія которыя носилъ на шеѣ и свои черные кудри. Но вдругъ онъ увидѣлъ съ ужасомъ что въ рукѣ его прядь бѣлыхъ волосъ и въ ту же минуту зубы его застучались и колѣни задрожали.

Digitized by Google

Онъ все понялъ: бирюзовый талисманъ лежалъ у его ногъ и рыцарь постарѣлъ мгновенно на сто слишкомъ лѣтъ.

Онъ дотащился съ трудомъ до своего замка и опустился на порогъ. Пока онъ тутъ сидѣлъ утомленный, надъ его головой взвилась птичка. Для молодыхъ людей она пѣла, но старикъ понималъ ея слова. Она говорила:

Уѣхалъ ты молодъ, а старъ возвратился,
Сто лѣтъ ужь прошло
Съ тѣхъ поръ какъ съ отчизной ты на день простился.

Легенда такъ понравилась Боброву что онъ ее записалъ и принялъ къ сердцу похожденія бѣднаго рыцаря, какъ будто его исторія не подлежала никакому сомнѣнію. Сидя среди развалинъ Фалькенбурга онъ до такой степени увлекался что отыскивалъ глазами остатки башни гдѣ Бульдура, между своею молельной и прялкой, состарилась, мечтая о погибшихъ надеждахъ. Ему снился не разъ рыцарь скакавшій за оленемъ и онъ думалъ иногда: „не потому ли полюбился мнѣ этотъ вѣчный странникъ что я самъ похожу на него? Онъ также рвался сердцемъ къ любимой женщинѣ, между тѣмъ какъ невѣдомая сила влекла его въ даль.“

Подходилъ къ концу апрѣль Двѣнадцатаго Года, тревожные, но неясные еще слухи, возникшіе въ Европѣ насчетъ нашихъ отношеній къ Франціи, стали принимать болѣе опредѣленный характеръ. Французская печать приготовляла умы къ необходимости войны съ нами. Бобровъ читалъ жадно журналы; политическія извѣстія стали мало-по-малу отвлекать его ото всякихъ другихъ занятій и наконецъ поглотили совершенно его вниманіе. Въ одинъ вечеръ онъ былъ сильно взволнованъ статьей *Монитера:* Наполеоновскій органъ говорилъ что Россія домогается нарушить спокойствіе Европы и что пора положить преграды ея честолюбію. „Неужели новая война?“ подумалъ Борисъ Семеновичъ, и воспоминанія объ Аустерлицѣ и Фридландѣ обдавали его холоднымъ потомъ. „А кто знаетъ? можетъ на этотъ разъ и Франція дрогнетъ предъ нами?“ продолжалъ онъ мысленно, и сердце его билось усиленно, а глаза горѣли. Онъ перевертывался всю ночь съ боку на бокъ въ своей кровати, исчисляя наши силы или спрашивая себя, возможно ли чтобы Наполеонъ дерзнулъ перейти черезъ наши границы. Наконецъ измученный безсонницей и тревожными мыслями онъ всталъ только что заря начала заниматься, вышелъ изъ дома и поднялся на гору. Не подалеку

Digitized by Google

видѣлась у его ногъ маленькая убогая церковь утопавшая въ зелени; около нея возвышались развалины Рейнштейнскаго замка, выстроеннаго на утесѣ, который склонился надъ самымъ Рейномъ, озлащеннымъ лучами восходившаго солнца. По другому берегу разстилались цѣпью горы увѣнчанныя густымъ лѣсомъ. Птичій хоръ носился въ воздухѣ и лодки мелькали по рѣкѣ. Но Бобровъ взглянулъ безучастно на красоту картины. Въ его душѣ тѣснились образы иныхъ лѣсовъ, иного солнца, иныхъ волнъ. Горячее чувство къ родинѣ дремавшее такъ долго въ его душѣ подъ напливомъ разнородныхъ впечатлѣній охватило его самовластно, всецѣло, точно такъ же какъ на ночь Ивана Купалы цвѣтъ папоротника, раслускаясь мгновенно, съ шумомъ и трескомъ горитъ живымъ огнемъ. Россія! звучало трепетною струной въ его душѣ: Россія, думалъ онъ устремляя взоры впередъ. Россія! сорвалось наконецъ съ его языка и ему показалось что горы, лѣса, развалины замковъ и рейнскія волны повторили за нимъ: Россія!

Онъ бросился домой, разбудилъ своего камердинера, которому объявилъ что ѣдетъ, и приказалъ укладываться. Оторопѣвшій Нѣмецъ жалобно замѣтилъ что пріискалъ бы себѣ заранѣе мѣсто еслибы былъ предупрежденъ. Но Бобровъ успокоилъ его обѣщаніемъ двухмѣсячнаго жалованья и прибавилъ: „лишь бы все было готово сегодня: я хочу выѣхать завтра.“

„Слава или новое пораженіе ожидаетъ наше оружіе“, думалъ онъ, „я приму свою долю того или другаго. Но если не предстоитъ намъ борьбы, пора мнѣ отдохнуть подъ старость на родной сторонѣ среди тихихъ привязанностей семейной жизни. Богъ съ ними, со всѣми прелестями чужбины! Домой! домой!“

Живо закипѣли приготовленія къ пути. Онъ хлопоталъ безъ устали, и укладывая гостинцы, которыми запасся въ Парижѣ для домашнихъ, думалъ съ улыбкой о той минутѣ когда каждый получитъ отъ него свой подарокъ. Яркая радость вкрадывалась все глубже въ его сердце по мѣрѣ того какъ приближалась минута отъѣзда. Онъ переносился всею душой, всѣмъ существомъ подъ родимый кровъ, мечталъ съ возростающею любовью о желанной пристани и о планахъ которые сообщитъ Василію о новой ихъ жизни.

Къ вечеру все было готово: Борисъ Семеновичъ укладывалъ въ чемоданъ послѣднія вещи оставшіяся на его столѣ,

Digitized by Google

когда получилъ изъ Россіи письмо которое путешествовало уже цѣлые два мѣсяца. Онъ сорвалъ нетерпѣливо печать.

Братъ увѣдомлялъ его о кончинѣ Герасима.

Письмо выпало изъ рукъ Боброва. Онъ легъ поздно и задремалъ лишь только къ утру.

VI. Странникъ дома.

По мѣрѣ того какъ онъ подъѣзжалъ къ Золотому Кладу, все ярче, все отчетливѣй, все ближе къ сердцу являлись предъ нимъ милые образы родимаго гнѣзда. Кого обниметъ онъ перваго когда всѣ выбѣгутъ къ нему на встрѣчу? Настя не посмѣетъ подойти къ нему, но поздоровавшись со всѣми онъ уйдетъ въ свою комнату, подъ предлогомъ переодѣться, а она прибѣжитъ, запыхавшись, по темной лѣстницѣ. А Таня? Онъ старался угадать насколько измѣнился пятилѣтній ребенокъ, ставшій двѣнадцатилѣтнею дѣвочкой. Сохранила ли она мягкій взглядъ своихъ большихъ черныхъ глазъ? Образуются ли, какъ прежде, при улыбкѣ, ямочки на щекахъ и потемнѣли ли ея бѣлокурые, волнистые волосы? Какою радостью заблестятъ ея глазки когда она увидитъ свое корадловое ожерелье и красивыя сережки! Какъ нѣжно обниметъ она его! А добрый Василій и добрая его жена, состарѣлись ли они? Лишь воспоминаніе о Герасимѣ омрачало его свѣтлое расположеніе духа и тѣснило по временамъ его сердце.

Но вотъ и послѣдняя станція, оставалось всего верстъ двадцать до Золотаго Клада. „Выводи лошадей и закладывай, да проворнѣй!“ крикнулъ Борисъ Семеновичъ, высовываясь изъ коляски, когда лихая четверня остановилась предъ знакомою избой,—„цѣлковый на водку!“

Ямщикъ спрыгнулъ живо съ козелъ и побѣжалъ за лошадьми.

— Э! да это никакъ Золотокладскій баринъ! промолвилъ старикъ сидѣвшій на завалинкѣ.—Пожалуйте ручку, батюшка, продолжалъ онъ, подходя къ коляскѣ.

— Здорово Ефремъ, здорово, отозвался Бобровъ, приподнявшись чтобъ обнять его,—какъ поживаешь?

— Живу помаленьку, отвѣчалъ Ефремъ, и прибавилъ между тѣмъ какъ сіяющая улыбка озарила его наморщенное лицо: — А отписали вамъ что братецъ-то приказалъ долго жить?

Digitized by Google

У Боброва потемнѣло въ глазахъ. Онъ тяжело опустился на подушки экипажа.

— Какже! какже! померъ! подъ самаго Егорья померъ, началъ опять старикъ.—Барыня таково хорошо его хоронила и очень по немъ убивается. Отецъ Иванъ въ запрошлое воскресенье здѣсь проѣзжалъ, такъ онъ сказывалъ.

Ефремъ помолчалъ немного, потомъ промолвилъ, не спуская глазъ съ Бориса Семеновича:

— Итъ, сердечный! ажно весь лололовѣлъ!

Нѣсколько мужиковъ и бабъ заглянули въ коляску чтобы посмотрѣть какъ баринъ лололовѣлъ и стали безцеремонно обмѣниваться своими замѣчаніями:

— Итъ родимый! лица на немъ нѣтъ! Глядь-ка Иванъ, словно его мукой обсыпали!

— Знать ужь больно братецъ-то ему любъ былъ.

— Вѣстимо дѣло: любъ. Своя кровь.

Но Бобровъ ничего не слыхалъ и не видалъ: „Умеръ!“ вертѣлось у него въ головѣ, „Василій умеръ!“ Между тѣмъ ямщикъ заложилъ лошадей, влѣзъ на козлы, весело крикнулъ: гей вы, касатики! и свѣжая четверня, съѣхавъ съ деревенской улицы, помчалась по дорогѣ проложенной лѣсомъ. Путнику показалось словно въ туманномъ снѣ что какія-то странныя, живыя деревья бѣгутъ отъ него и онъ все думалъ: „куда они бѣгутъ?“ А между тѣмъ повторялъ мысленно: „умеръ, Василій умеръ!“ Онъ не могъ бы сказать два ли часа, двое ли сутокъ ѣхалъ онъ до Золотаго Клада и не очнулся даже когда родимая усадьба раскинулась предъ нимъ и онъ въѣхалъ на широкій дворъ. Толпа женщинъ и мущинъ выбѣжала изъ людскихъ избъ и окружила коляску въ ту минуту какъ ямщикъ осадилъ лошадей предъ крыльцомъ.

— Кормилецъ ты нашъ! батюшка нашъ! кричали многіе голоса,—братецъ-то приказалъ вамъ долго жить, а барыня въ тотъ флигель перешли.

Лошади поѣхали медленно вдоль одной изъ боковыхъ галлерей и остановились у флигеля, провожаемыя тою же толпой, которая продолжала причитать:

— Соколикъ ты нашъ! уже и не чаяли мы тебя видѣть! Вотъ ужъ шесть недѣль по братцѣ-то справили. А барыня-то никакъ на кладбище пошла. Сейчасъ сбѣгаю!

Бобровъ вышелъ, шатаясь, изъ коляски и не поздоровавшись ни съ кѣмъ добрался до первой комнаты, гдѣ опустился на

Digitized by Google

кресло и закрылъ руками блѣдное лицо. Несмотря на жару его пробирала дрожь. „Умеръ, думалъ онъ, и Настя нѣтъ... можетъ и она умерла!“

Черезъ нѣсколько минутъ прибѣжала Варвара Александровна и бросилась къ нему на шею.

— Братецъ! голубчикъ! говорила она сквозь слезы,—не дождался онъ тебя!

Она сѣла около него. Оба молчали, и у него опять вертѣлось въ головѣ: „умеръ, вѣрно и Настя умерла!“ Но онъ не смѣлъ произнести ея имени; онъ боялся услыхать роковой отвѣтъ.

Вдругъ хорошенькая, смуглая головка выглянула изъ-за двери.

— Таня, крикнула Варвара Александровна,—войди.

Сердце Боброва сильно забилось.

— Таня! повторилъ онъ вставая, и прибавилъ, рѣшившись наконецъ поставить прямо вопросъ:—А гдѣ?... но голосъ его замеръ. Варвара Александровна поняла.

— Войди же, сказала она.—А мать ушла?

— Ушла, отвѣчала дѣвочка входя и останавливаясь у порога.

Бобровъ вздохнулъ свободнѣй. Онъ подошелъ, обнялъ Таню и окинулъ ее пытливымъ, нѣжнымъ взглядомъ. Она спряталась за барыню.

— Что ты, глупая! сказала Варвара Александровна,—вѣдь это Борисъ Семеновичъ. Сама же ты все молилась чтобъ онъ скорѣй пріѣхалъ. Поди, поцѣлуй у него ручку.

Таня подошла, робко поцѣловала руку Бориса Семеновича и поторопилась скрыться опять за кресло его невѣстки, которая встала.

— Пойдемъ ко мнѣ, братецъ, сказала она,—ты чай проголодался въ дорогѣ; я сейчасъ велю подать самоваръ и что-нибудь закусить. На бѣду Настя ушла ко всенощной въ монастырь и придетъ не скоро, пожалуй къ исходу десятаго, а я безъ нея какъ безъ рукъ.

Флигель, куда перешла Варвара Александровна послѣ похоронъ мужа, былъ въ продолженіе многихъ лѣтъ завалевъ всякою всячиной. Вывося изъ него наскоро старую мебель, не позаботились о томъ чтобъ очистить его отъ разнаго хлама. Въ спальной висѣли на стѣнѣ нѣсколько ружей и пистолетовъ покойнаго Ѳедора Никитича, рядомъ прорванная сверху до низу въ заколтѣвшей рамѣ большая картина,

Digitized by Google

изображавшая семейство Дарія у ногъ Александра Македонскаго. Разрозненные стулья и кресла были разставлены около стѣнъ. Въ углу стоялъ покрытый бѣлою салфеткой ободранный шкафъ, на которомъ возвышались образа. На столикѣ, около кровати, лежалъ Псалтирь, который горькая вдова читала ежедневно за упокой души усопшаго.

Войдя въ спальню Бобровъ сѣлъ, а Варвара Александровна прошла дальше, примолвивъ:

— Я сейчасъ распоряжусь.

Таня хотѣла слѣдовать за ней, но барыня сказала ей строго:

— Куда? Оставайся здѣсь, да будь умна, и дѣвочка забилась въ уголъ.

— Подойди ко мнѣ Таня, сказалъ Борисъ Семеновичъ, — или ты меня боишься?

Она подошла потупясь.

— Ты меня не помнишь? спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Какъ же ты молилась Богу чтобъ я скорѣй пріѣхалъ?

— Мама велѣла.

— А маму ты любишь?

— Люблю.

— А еще кого любишь?

— Варвару Александровну.

— А еще кого?

— Василья Семеновича, отвѣчала она и заплакала.

— Авось и меня полюбишь, сказалъ Бобровъ, цѣлуя ее въ лобъ. Въ эту минуту онъ увидалъ лежавшую около Псалтиря эмалевую табатерку своего брата и взялъ ее машинально въ руку.

— Оставьте! крикнула дѣвочка,—это Василья Семеновича.

— Такъ что жь? Вѣдь онъ былъ мнѣ не чужой.

— Это Василья Семеновича! повторила Таня и бросилась въ сосѣднюю комнату.

— Варвара Александровна, заговорила она быстро,—посмотрите, онъ взялъ табатерку Василья Семеновича!

— Да что ты, опалѣла что ль? раздался за дверью голосъ Варвары Александровны.—Борисъ Семеновичъ здѣсь хозяинъ и все здѣсь его.

— Нѣтъ, вы здѣсь хозяйка.

— Да полно же вздоръ-то молоть. Если ты станешь отъ

Digitized by Google

него тауриться, да любить его не будетъ, я тебя высѣку. Слышишь? Стулай за мной, а ты, Лушка, проворнѣй.

Лушка накрыла столъ въ спальной, принесла самоваръ и остатки обѣда. Варвара Александровна налила чай.

— Ну, братецъ, сказала она,—не ждала я сегодня дорогаго гостя, такъ ужь приходится тебя угощать чѣмъ Богъ послалъ. Чайку-то выкушай; вотъ кстати твои любимые сухари. Таня, подай чашку Борису Семеновичу и попроси чтобъ онъ кушалъ на здоровье. Да проси хорошенько: ручку у него поцѣлуй, продолжала она грозясь на нее внушительно украдкой.

Таня подала чашку Боброву и, чмокнувъ его въ руку, бросилась къ Варварѣ Александровнѣ, спрятала голову въ ея колѣни, потомъ схватила ея руки, которыя поцѣловала одну за другою, и выбѣжала изъ комнаты.

— Экая дикарка! замѣтила Варвара Александровна.—Вѣдь она, братецъ, со всѣми такъ; вѣкъ бы ей сидѣть со мной да съ матерью, а кто пріѣдетъ: бѣда! Покойника моего тоже безъ души любила. И то сказать: что̀ мудренаго? Росла около насъ. Да вѣдь она и къ тебѣ скоро привяжется, прибавила она послѣдне, — точно также привяжется: ужь я напередъ знаю.

Сердце Бориса Семеновича сжималось все тѣснѣе и все болѣзненнѣе: онъ понималъ что первое мѣсто въ привязанностяхъ его дочери не можетъ принадлежать ему. Варвара Александровна прервала его горькія размышленія вопросомъ:

— Гдѣ ты прикажешь приготовить себѣ постель?

— Въ моей прежней комнатѣ, отвѣчалъ онъ.

— Въ домѣ! Одному-то! Что̀ это тебѣ вздумалось? Моихъ силъ не хватило тамъ оставаться. Не лучше ли здѣсь, въ угольной? Ее скорехонько очистятъ.

Но онъ настаивалъ, и она приказала отлереть домъ и приготовить его спальню, потомъ приступила, обливаясь горькими слезами, къ разказу о кончинѣ мужа.

— Вѣдь это онъ на похоронахъ Герасима простудился, мой голубчикъ, сказала она;—въ этотъ день вьюга была, а онъ несъ гробъ, да съ открытою головой. Ужь онъ перемогался какъ на другой день къ тебѣ писалъ. А во время болѣзни сколько разъ мнѣ говорилъ: „Гдѣ-то теперь братъ? Зналъ бы онъ что я такъ плохъ, такъ пріѣхалъ бы; а меня не станетъ,

Digitized by Google

такъ къ тебѣ навѣрное вернется.“ Да еще,—продолжала Варвара Александровна робкимъ голосомъ,—онъ еще до болѣзни бумагу приготовилъ, и хотѣлъ тебѣ объ этомъ написать, говорилъ что мы не можемъ этого сдѣлать безъ твоего согласія. А какъ занемогъ, то мнѣ приказывалъ, мой родной: ты, говоритъ, этимъ дѣломъ займись, ты можешь и безъ меня все устроить съ разрѣшенія брата.

Она встала, выдвинула ящикъ комода и вынула изъ него бумагу, которую подала Боброву. Василій Семеновичъ просилъ отъ имени жены и отъ своего о позволеніи усыновить, съ правомъ наслѣдства, двѣнадцатилѣтнюю Татьяну Іосифовну.

Прочитавъ бумагу Бобровъ, изъ опасенія чтобы дрожавшій голосъ не выдалъ тайны его внутренняго волненія, не скоро заговорилъ.

— Спасибо ему и спасибо тебѣ, сказалъ онъ наконецъ, обнимая невѣстку,—добрыя вы души и не стою я вашей дружбы.

— Христосъ съ тобой, братецъ, что ты это говоришь! отозвалась она. Я радехонька что ты согласенъ. Дѣтей Богъ намъ не далъ, а къ Танѣ мы что къ родной привязались. Да и дѣвочка-то славная: смышленая такая! Читаетъ хорошо и писать начала. Мой покойникъ самъ ее училъ. Вѣдь нетерпѣливъ былъ, мой голубчикъ, а ея уроками не скучалъ. Да ужь и она чувствовала его ласку. Славная дѣвочка! А что она дичится,—ты на это не смотри. Опять же, нечего грѣха таить: наболовали мы ее. Да я у нея дурь-то выбью изъ головы.

— Оставь ее: она тутъ не виновата, замѣтилъ Борисъ Семеновичъ.

— Какъ не виновата! Нешто она маленькая? Вѣдь ужь она понимать должна. Однако послушай, братецъ, надо бы еще объ дѣлѣ поговорить: неужели ты хочешь оставаться въ Золотомъ Кладѣ?

— Ни въ какомъ случаѣ.

— И слава Богу! А ужь я такъ боялась! Я бы, кажется, просто здѣсь извелась. Такъ какъ же ты думаешь? Въ Норки что ль переѣхать, а можетъ зимой гдѣ въ городѣ жить?

— Объ этомъ послѣ. Дай мнѣ съ мыслями сообразиться: я хотѣлъ рѣшить этотъ вопросъ съ братомъ, и пріѣхалъ къ его могилѣ.

Чрезъ нѣсколько минутъ онъ всталъ, разчитывая что Настя скоро возвратится, а ему хотѣлось встрѣтиться съ ней безъ

Digitized by Google

свидѣтелей. Простившись съ невѣсткой онъ пошелъ на кладбище. Широко раскинули свои вѣтки молодые клены и березы рослые около ограды. Ночь была тихая, соловей пѣлъ въ кустѣ и полный мѣсяцъ всплывшій на небо ярко освѣщалъ бѣлую церковь и бѣлые памятники сгруппированные около нея. У ихъ подножія красовались цвѣты разсаженные заботливою рукой Варвары Александровны. Лишь только черный мраморный столбъ возвышался одиноко поодаль отъ другихъ надъ прахомъ Ѳедора Никитича. Со дня смерти стараго Якова эта могила не видала слезъ, не слыхала теплыхъ молитвъ и не цѣли около нея кусты розановъ или жасмина. Казалось что кладбище, облитое мѣсячнымъ сіяніемъ и блестящею росой, принято праздничный видъ къ пріѣзду странника, между тѣмъ какъ домъ погруженный въ глубокую тѣнь походилъ на темницу: ни одного огонька не свѣтилось въ окнахъ покинутаго жилища.

Борисъ Семеновичъ прилодалъ долго головой то къ свѣжимъ насыпямъ, то къ надгробнымъ памятникамъ не слыхавшимъ такъ давно звука его шаговъ. Что онъ перечувствовалъ, что передумалъ въ эти горькія минуты—осталось тайной между имъ и дорогими ему могилами. Наконецъ онъ всталъ и окинулъ взоромъ кладбище: „Когда же я здѣсь отдохну?“ подумалъ онъ и направился къ дому.

Заспанный слуга дожидался его въ передней. Бобровъ велѣлъ ему идти въ людскую, взялъ свѣчу горѣвшую на столѣ и вошелъ въ залу. Вездѣ лежала густыми слоями пыль, комната залертая со дня отлѣванья Василія Семеновича сохранила еще запахъ ладона; въ гостиной, гдѣ зеркала были завѣшаны, забытые деревья и цвѣты уже засохли. Ихъ дрожавшія тѣни разостлались по полу косматыми, неуклюжими образами, при слабомъ блескѣ свѣчи, которую держалъ Бобровъ. Вотъ и комната Василья, его пустая кровать, его станокъ, книги разбросанныя на столѣ. Слезы потекли по щекамъ Боброва. „Бѣдный братъ!“ промолвилъ онъ. Каждый шагъ наполнялъ его душу новою грустью. Настоящее кладбище было не въ томъ мирномъ уголкѣ гдѣ свѣтилъ мѣсяцъ, гдѣ пѣлъ соловей, гдѣ росли цвѣты и деревья, нѣтъ, оно было въ этомъ домѣ, опустошенномъ смертію.

Борисъ Семеновичъ поторопился войти въ свою комнату, которую успѣли привести въ порядокъ. Она не измѣнилась со дня его отъѣзда. Полусгорѣвшія восковыя свѣчи стояли

Digitized by Google

еще на бюро. Онъ ихъ зажегъ, отворилъ окно и сталъ прислушиваться. Тихая радость шевельнулась на его наболѣвшемъ сердцѣ при мысли что смерть не все у него отняла, что не одинъ доживетъ онъ свой грустный вѣкъ, что скоро его обнимутъ нѣжныя руки, что осталась вѣчно любящая, вѣчно преданная ему душа. Вдругъ быстрые шаги раздались въ сосѣдней комнатѣ; онъ бросился къ двери, и Настя упала рыдая къ нему на грудь. Въ припадкѣ безумной радости она цѣловала у него руки, несмотря на его сопротивленіе, цѣловала его одежду.

— Дай на себя взглянуть, проговорила она наконецъ, еле переводя духъ отъ внутренняго волненія:—перемѣнился ты постарѣлъ, вотъ и сѣдые волосы, продолжала она, обвивая его шею руками.

И сама она не мало измѣнилась, похудѣла, глаза впали; въ ея черныхъ волосахъ также блестѣли тонкія серебряныя нити, но правильныя черты еще сохранили много миловидности.

— Настя, другъ мой, сказалъ Борисъ Семеновичъ усаживаясь съ ней на диванѣ,—заждалась ты меня!

Наступило молчаніе. Они не знали что сказать другъ другу послѣ такой долгой разлуки. Настя то смотрѣла на него, то его обнимала.

— И вернулся ты на горе, промолвила она наконецъ,—и горе-то какое! А Таню видѣлъ?

— Видѣлъ.

— Что за дѣвочка! Умница такая, и красивая, прибавила Настя съ гордою улыбкой:—вся въ тебя. Обрадовалась она тебѣ?

— Какое обрадовалась! Боится на меня взглянуть, отвѣчалъ онъ, стараясь говорить развязно чтобы скрыть отъ нея грустное впечатлѣніе вынесенное имъ изъ свиданія съ Таней.

— Робка, вѣдь она тебя не помнитъ, а вотъ увидишь какъ привыкнетъ. Ужь кого любитъ—рада душу отдать. Только мнѣ и было безъ тебя свѣта въ окно что отъ Тани. Смотрю на нее бывало и думаю: когда-то онъ на нее порадуется? а самое такъ слезы и душатъ.

— Забудь о горькихъ дняхъ, благо они за плечами, сказалъ онъ,—ужь теперь мы не разстанемся.

Настя мгновенно поблѣднѣла. Сіяющее ея лицо приняло грустное выраженіе.

Digitized by Google

— Настя, что съ тобой? воскликнулъ Борисъ Семеновичъ.

— Желанный ты мой, проговорила она съ усиліемъ,—не велѣлъ намъ Богъ жить вмѣстѣ. Вѣдь я.... я иду въ монастырь.

— Въ монастырь?... Какъ въ монастырь?... Настя, что ты сказала?...

— Я обѣщалась.... я во храмѣ Божіемъ поклялась.

Чаша испытаній переполнилась: все горе накопившееся въ сердцѣ Боброва вырвалось наружу: онъ схватилъ себя руками за голову и зарыдалъ. Настя припала съ плачемъ къ его плечу.

— Какъ у тебя духа хватило!... вымолвилъ онъ наконецъ

— Родимый ты мой, голубчикъ ты мой, да ты только выслушай, какъ дѣло-то было. Когда написалъ ты что на войну пойдешь, разсказала бы я тебѣ что со мной сталось, да словъ такихъ у меня нѣтъ. Кабы не покойникъ съ Варварой Александровной, не ихъ ласка и доброта, я бы кажется въ умѣ помутилась. Тутъ прислалъ ты письмо что отъ раны поправляешься и скоро пріѣдешь; я все ходила по богомольямъ и тебя ждала. А время-то шло да шло, и все тебѣ вернуться нельзя, все какая-нибудь помѣха. Вотъ я и подумала: видно меня Господь за мой грѣхъ караетъ.

— Нѣтъ, за мой, отозвался Бобровъ, вставая и принимаясь ходить по комнатѣ.—За что я тебя погубилъ!

— Какъ погубилъ! Нѣтъ, ты этого не говори. Нешто я малолѣтка была? Развѣ ты меня приневоливалъ? Ты никому клятвы не давалъ, а вѣдь я была мужнина жена. Вотъ и теперь скажу какъ предъ Богомъ: плачу я о своемъ грѣхѣ, а еслибы вернуться къ тому времени, можетъ на то же бы пошла.

Онъ подошелъ, нагнулся къ ней, поцѣловалъ ее въ лобъ и примолвилъ:

— Ты святая!

— Богъ съ тобой! какая я святая? я грѣшница окаянная. Да ты послушай. Думаю эдакъ я: надо свой грѣхъ замаливать, и положила что пойду въ монастырь: ужь душу спасать, такъ ни объ чемъ бы объ другомъ и не думать, а меня какое искушеніе одолѣло: что жь, думаю, надѣну я рясу, а онъ пріѣдетъ, ужь и повидать его нельзя будетъ, и обнять его нельзя, да такъ и обѣщалась что дождусь тебя, побуду съ тобой девечковъ десять, нагляжусь на тебя, наговорюсь съ тобой, а тамъ и въ келію.

Digitized by Google

Она замолчала; онъ продолжалъ ходить по комнатѣ.

— А тутъ я другимъ измучилась, начала опять Настя: — все мнѣ думалось что такой обѣтъ не угоденъ Господу, и пошла я къ отцу Іонѣ,—святой старецъ тутъ у насъ въ монастырѣ,— и во всемъ ему покаялась что̀ на духу. Велѣлъ онъ мнѣ говѣть, я у него исповѣдывалась, и долго онъ со мною бесѣдовалъ: „разумѣется, говоритъ, дитятко, чувство твое грѣховное, да ужь не вырвешь ты его изъ сердца. Пойдешь ты теперь въ монастырь, и не покаянье, не молитва будутъ у тебя на умѣ. Господь видитъ твою слабость и проститъ тебѣ ради принятаго горя. Повидайся съ твоимъ дорогимъ и ужь тогда прими святое постриженіе: тогда ты будешь вся Божія.“

— И ты сама думаешь, Настя, что въ монастырѣ ты будешь вся Божія? спросилъ Борисъ Семеновичъ, опускаясь, утомленный, на диванъ.

— Нѣтъ, отвѣчала Настя,—хоть я и рясу надѣну, хоть буду за тридевять земель отъ тебя, ты все-таки на умѣ у меня будешь. Я такъ и старцу сказала, а онъ говоритъ:—Матерь Божія не требуетъ что̀ свыше твоихъ силъ, и Она тебя подкрѣпитъ. А постригись ты теперь, да узнай что онъ вернулся, ты станешь ролтать на жертву что̀ принесла Богу.

Небо уже свѣтлѣло и ночная сырость проникала въ комнату. Бобровъ былъ блѣденъ и дрожалъ. Онъ провелъ нѣсколько ночей безъ сна и волненіе послѣднихъ часовъ сильно потрясло его нервы. Настя затворила окно.

— Лягъ, мой родимый и отдохни, сказала она,—совсѣмъ ты умаялся, лица на тебѣ нѣтъ. А мы еще десять денечковъ пробудемъ вмѣстѣ, продолжала она, обнимая его и улыбаясь, съ надеждой вызвать его улыбку.

Онъ взялъ свѣчу чтобы проводить ее съ темной лѣстницы и, возвращаясь въ свою комнату, остановился въ гостиной предъ портретомъ Ѳедора Никитича.

„Грѣхъ дѣда.... мелькнуло у него въ умѣ, бѣдный Непрядевъ былъ правъ: грѣхъ дѣда на мнѣ лежитъ.“

Пришедши къ себѣ онъ раздѣлся наскоро, легъ и не замедлилъ заснуть, несмотря на свое душевное волненіе. Странный сонъ приснился ему: онъ видѣлъ что ѣдетъ на лихомъ конѣ, который его увлекаетъ, помимо его воли, къ какой-то невѣдомой цѣли: предъ глазами всадника мелькали всѣ мѣста видѣнныя имъ, но ландшафты мѣнялись съ такою быстротой

Digitized by Google

что онъ успѣвалъ только разглядѣть издали Женевское озеро, куполъ Св. Петра, Тюильрійскій дворецъ и развалины рейнскихъ замковъ. Ему казалось что въ этой скачкѣ, отъ которой у него захватывало духъ, таилось что-то знакомое, что-то бывалое, но онъ старался напрасно привести въ ясность свои смутныя воспоминанія. Наконецъ онъ увидалъ родимые луга и поля и милые сердцу образы: Настя, братъ, умирающій Герасимъ манили его къ себѣ, пятилѣтняя Таня протягивала къ нему съ крикомъ розовыя ручонки. Онъ хотѣлъ остановиться, но конь былъ уже далеко отъ Золотаго Клада, онъ мчался съ крутой горы, и вдругъ оступился. Бобровъ упалъ, покатился въ пропасть, и ночныя грезы стали пропадать. Онъ почувствовалъ глухое, безыменное, безотчетное страданіе охватывавшее его. По мѣрѣ того какъ онъ просыпался оно росло, становилось яснѣе и возвращало его постепенно къ сознанію дѣйствительности: свѣжія насыпи около церкви, испуганные взгляды и холодныя слова дѣвочки, которую онъ любилъ такъ нѣжно, Настя на порогѣ темной кельи... Да, онъ въ Золотомъ Кладѣ, но Золотой Кладъ превратился для него въ мѣсто пытки.

Онъ всталъ, сошелъ внизъ и отворилъ террасу. Роса уже сохла подъ лучами горячаго солнца, но аллеи были еще покрыты тѣнью. Борисъ Семеновичъ сѣлъ на каменныя ступени и окинулъ равнодушнымъ взоромъ песчаныя дорожки, полныя для него столькихъ воспоминаній. Онъ не могъ еще свыкнуться съ окружавшимъ его міромъ. Для него проходили незамѣтно годы прожитые на чужбинѣ, онъ еще не утратилъ свѣжести чувствъ и отблеска молодости, а здѣсь все вымирало, все измѣнялось, здѣсь не уцѣлѣло камня на камнѣ изъ того что онъ оставилъ. Неужели еще накануунѣ тихая пристань казалась ему такъ близка? Неужели прошли не мѣсяцы, не годы съ тѣхъ поръ какъ онъ сознавалъ въ себѣ столько горячихъ порывовъ и лелѣялъ столько надеждъ на мирную, свѣтлую старость? Послѣдніе часы легли на его сердце тяжкимъ гнетомъ, который подавилъ совершенно его силы. Онъ походилъ на человѣка сорвавшагося съ какой-нибудь вышины и чувствовалъ что одряхлѣлъ отъ внезапности паденья. Вдругъ ласточка свившая гнѣздо подъ кровлей дома взлетѣла со звонкою пѣснею къ небу. Бобровъ вздрогнулъ: ему вспомнился мгновенно его сонъ, вспомнился рыцарь отдыхавшій послѣ вѣковаго отсутствія у порога

Digitized by Google

своего зáмка, и ему показалось что птичка лѣла надъ его головой:

Уѣхалъ ты молодъ, а старъ возвратился,
Сто лѣтъ ужь прошло
Съ тѣхъ поръ какъ съ отчизной ты на день простился.

Чрезъ нѣсколько дней распространился по Калужской губерніи слухъ что Наполеонъ перешелъ нашу границу съ несмѣтною арміей. При этомъ извѣстіи Бобровъ поѣхалъ въ городъ, гдѣ написалъ на имя невѣстки заемныя письма на цѣлость своего наслѣдія. Потомъ онъ простился какъ съ живыми, такъ и съ усопшими обитателями Золотаго Клада и поѣхалъ въ армію Барклая. Онъ былъ въ числѣ удальцовъ Невѣровскаго отражавшихъ подъ Смоленскомъ кавалерію Мюрата и сложилъ голову на Бородинскихъ поляхъ. Товарищи его разказывали что онъ видимо искалъ смерти. Тѣла его найти не могли.

ТОЛЫЧЕВА.

Digitized by Google

СКЕЛЕТЪ ВЪ БОЛОТѢ

ЛИ́ТОВСКАЯ БЫЛЬ

Іюльскій день. Палящій солнца зной
Покрылъ кругомъ, какъ будто леденой,
Обширное литовское болото.
На немъ идетъ тяжелая работа:
Толпа крестьянъ, какъ муравьи весной,
Кишитъ, копая торфъ. Но утомленье
Ослабило ихъ силы и движенье,
И медленно работа ихъ идетъ.
Съ ихъ темныхъ лицъ струею льется потъ,
Намокшія рубахи прилипаютъ
Къ горячему ихъ тѣлу; душный зной
Тяжелый трудъ работы отягчаетъ,
А комаровъ кругомъ шумящій рой
Ихъ жалами неистово терзаетъ.

Одна толпа въ огромной котловинѣ,
Какъ въ кратерѣ, копаясь въ черной тинѣ,
Кусками рѣжетъ торфъ и отдаетъ
Другой толпѣ, а та его везетъ
По лавамъ, въ тачкахъ, длинною грядою
Къ сухому мѣсту, гдѣ его кладетъ
Рядами такъ чтобъ солнечному зною
Къ нему свободный доступъ былъ кругомъ.

Digitized by Google

Вотъ наконецъ вечернимъ вѣтеркомъ
Повѣяло отъ лѣса. Вдругъ раздался
Среди рабочихъ крикъ: они скелетъ
Отрыли въ торфѣ, и народъ собрался
Его смотрѣть. Должно-быть съ давнихъ лѣтъ
Лежалъ онъ тутъ; но каждый дивовался,
Когда и какъ сюда лопасть онъ могъ.
Онъ скорчившись лежалъ: одинъ салогъ
Еще охваченъ былъ желѣзной шлорой;
Въ рукѣ его былъ сжатъ лалашъ, который
Былъ слоемъ черной ржавчины покрытъ.
Всѣхъ удивлялъ скелета странный видъ.
Онъ воинъ былъ при жизни,—нѣтъ сомнѣнья;
Но какъ давно въ болото онъ забрелъ,—
И старики изъ всѣхъ окружныхъ селъ
Дать не могли на это объясненья.

—Вотъ еслибъ кто лѣсничаго спросилъ,—
Сказалъ одинъ,—онъ здѣшній старожилъ:
Нѣтъ старше никого во всемъ селеньѣ.
— Да, это правда,—отвѣчалъ другой,—
Онъ знаетъ то чего никто иной:
Онъ помнитъ всѣхъ покойниковъ логоста,—
Вѣдь говорятъ, ему подъ девяносто.

А между тѣмъ и солнце ужь зашло
За ближній лѣсъ, и нѣтъ ужь больше зноя,
И вся толпа рабочихъ для покоя
Отправилась въ сосѣднее село.
Тамъ быстро вѣсть о найденномъ скелетѣ
По всѣмъ крестьянскимъ избамъ разнеслась
И всполошила всѣхъ, и на разсвѣтѣ
Толпа крестьянъ къ болоту собралась.
Пришелъ и Янъ Якутисъ, престарѣлый
Лѣсничій ихъ, высокій ростомъ, бѣлый
Какъ лунь, но бодрый и прямой.
Старикъ пришелъ изъ хижины лѣсной,
Гдѣ онъ провелъ весь вѣкъ свой одинокій,
Гдѣ, какъ отшельникъ, въ тишинѣ глубокой
Бесѣду велъ съ природой онъ одной.
На этотъ разъ старикъ привелъ съ собою
Двухъ молодыхъ охотниковъ, дѣтей

Digitized by Google

Сосѣдняго ломѣщика, порою
Его печальной хижины гостей:
Въ каникулы, собравшись на охоту,
Они къ нему являлись, и старикъ
Радушно ихъ встрѣчалъ и по болоту
Всегда имъ былъ надежный проводникъ.

Онъ подошелъ къ скелету, наклонился
И долго, долго на него глядѣлъ,
Въ глубокое раздумье погрузился,
Какъ будто что̀ припомнить онъ хотѣлъ;
При этомъ кости цулая рукою,
Какую-то вещицу онъ досталъ
И незамѣтно спряталъ подъ полою,
И никому ни слова не сказалъ;
Когда жъ потомъ онъ спрошенъ былъ толпою,
Не знаетъ ли чего онъ про скелетъ,
Онъ покачалъ сѣдою головою
И коротко отвѣтилъ только: „нѣтъ“,
Но никого конечно тѣмъ отвѣтомъ
Не убѣдилъ старикъ угрюмый въ этомъ.

Одинъ охотникъ взялъ лалашъ и сталъ
Разсматривать клинокъ его тяжелый;
Онъ ржавчину ножомъ съ него счищалъ
И просіялъ улыбкою веселой.
— Покойникъ этотъ не изъ нашихъ странъ,—
Сказалъ онъ окружавшимъ,—онъ не Русскій:
На лалашѣ тутъ видно: „Rep.“ и „Fran“:
Онъ воинъ былъ реслубликн Французской;
А это было очень ужъ давно,
Въ тотъ годъ когда войскамъ Наполеона
Въ Россіи сгибнуть было суждено;
И это былъ одинъ изъ легіона
Нашедшихъ тутъ костямъ своимъ покой.
Не такъ ли Янъ?
Старикъ лишь головой
Кивнулъ на это погруженный въ думы,
И изъ толпы домой пошелъ угрюмый.
Потомъ за нимъ и юноши ушли
И, возвратившись въ хижину, нашли
Его въ углу съ поникшей головою

Digitized by Google

Сидящимъ у стола. Онъ былъ унылъ,
Какъ будто бы тревогой или тоскою
Былъ угнетенъ. Онъ взоръ свой устремилъ
Куда-то вдаль; онъ будто не замѣтилъ
Своихъ гостей и даже не отвѣтилъ
На ихъ привѣтъ. Тогда одинъ спросилъ:
„Старинушка! что сдѣлалось съ тобою?
Съ чего ты такъ внезапно приунылъ?
Или вспомнилось печальное былое?
Или что-нибудь напомнилъ тотъ скелетъ?“
А онъ на то: „А вамъ какое дѣло?
Вы судьи что ль, чтобъ далъ я вамъ отвѣтъ?
Что было, то на вѣкъ ужь улетѣло
Давнымъ давно, и я тутъ не причемъ,
Не виноватъ ни тѣломъ, ни душою.“
И онъ умолкъ и болѣе потомъ
Не говорилъ ни слова. Межъ собою
Они переглянулись. Старшій братъ,
Мигнувъ, шепнулъ съ улыбкою другому:
„Достань-ка тамъ въ мѣшкѣ бутылку рому,—
Старикъ улрямъ, но выпить будетъ радъ,—
Вино ему языкъ-то поразвяжетъ
И онъ тогда намъ кое-что разскажетъ.“
И на столѣ предъ хмурымъ старикомъ
Поставленъ тотчасъ былъ янтарный ромъ;
Тогда одинъ изъ юношей радушно
Наливъ стаканъ, лѣсничему поднесъ:
„Послушай-ка, старинушка, намъ скучно
Смотрѣть какъ ты сидишь, ловѣся носъ,
Вотъ посмотри, какое подкрѣпленье
Лишь для тебя мы привезли съ собой:
Въ немъ лучшее найдешь ты утѣшенье,—
И грусть, и скуку снимешь какъ рукой.
На, вылей на здоровье!“ Улыбнулся
Старикъ, взглянувъ на поднесенный ромъ,
Къ любимому напитку потянулся,
Взялъ, отхлебнулъ медлительнымъ глоткомъ
И юношамъ сказалъ: „За угощенье
Спасибо вамъ! но умыселъ иной
Въ умѣ у васъ я вижу: безъ сомнѣнья
Вамъ хочется разказъ услышать мой

Digitized by Google

О найденномъ случайно тамъ скелетѣ,—
Когда и какъ въ болото онъ попалъ.
Ну, да, его когда-то я зналъ.
Чего-чего не встрѣтится на свѣтѣ!
Такъ вотъ и я не мало испыталъ."
И онъ, хлѣбнувъ вторично изъ стакана,
Потеръ свой лобъ рукой и продолжалъ:
„Какъ это все какъ будто изъ тумана
Мнѣ видится. Да, шестьдесятъ пять лѣтъ
Прошло съ тѣхъ поръ; я парень былъ красивый
И весело смотрѣлъ на Божій свѣтъ,
Живя въ семьѣ богатой и счастливой.
Любилъ я Лизу, старостину дочь,—
Она была красивѣй всѣхъ въ семьѣ:
Бѣла, румяна—просто заглядѣнье!
И за меня, казалось мнѣ, не прочь
Была пойти: бывало не плясала
Ни съ кѣмъ охотнѣй какъ со мной,
Всегда меня съ улыбкою встрѣчала,—
И поръшилъ съ отцомъ я что зимой
Свой домикъ я въ селѣ себѣ устрою
И заживу съ хозяйкой молодою.
Но вдругъ разнесся слухъ что на Москву
Наполеонъ идетъ, грозя войною,
Что путь его лежитъ черезъ Литву,
И все село тревога обуяла:
Кто только могъ, спѣшилъ скорѣй бѣжать,
Зарывъ въ лѣсу добро свое сначала,
Но намъ пришлось врага не долго ждать:
Онъ скоро къ намъ нагрянулъ, размѣстился
По всѣмъ окрестнымъ селамъ на постой,
И нашей жизни мирный, тихій строй
На краткій срокъ внезапно измѣнился:
По улицамъ съ утра и шумъ, и гамъ,
И пляска на лугу по вечерамъ,
Гдѣ нашихъ парней вовсе и не видно:
Они стоятъ уныло въ сторонѣ,
Ихъ душитъ гнѣвъ: имъ больно и обидно
Что гости ихъ незванные вполнѣ
Подругами ихъ сердца овладѣли.
Съ досадою замѣтилъ тутъ и я

Digitized by Google

Что старостина дочь и на меня
Ужь не глядитъ. Такъ длилось двѣ недѣли.
Но наконецъ пришелъ войскамъ приказъ
Идти въ походъ; всѣ начали сбираться,
А мы-то рады что подходитъ часъ
Съ тяжелыми гостями распрощаться.
Я, взявъ ружье, пошелъ въ сосѣдній боръ
Чтобъ совершить обычный свой дозоръ,
И, проходя близь старостина сада,
Вдругъ услыхалъ тамъ чей-то разговоръ,
Не высока была его ограда,—
Черезъ нее, сквозь вѣтви бузины,
Увидѣлъ я красиваго улана:
Онъ съ Лизою прижался у стѣны;
Обвивши одну руку вокругъ стана
Красавицы, другою онъ игралъ
Ея густой косою и съ любовью
Ея глаза и губы цѣловалъ
И нѣжности свои ей напѣвалъ...
Ахъ, у меня облилось сердце кровью!
Я вскрикнулъ задрожавъ, и этотъ крикъ
Ихъ испугалъ, и Лиза, изъ объятья
Любовника рванувшись, въ тотъ же мигъ
Исчезла, а уланъ, ворча проклятья,
Стремительно палашъ свой обнажилъ
И, увидавъ меня, въ негодованьи
Къ оградѣ сада быстро подскочилъ,
Готовя мнѣ за дерзость наказанье;
Но я его ударъ предупредилъ:
Я выстрѣлилъ въ него, онъ зашатался,
Упалъ иль нѣтъ,—не знаю,—я стрѣлой
Летѣлъ укрыться въ лѣсъ: я опасался
Что возбудилъ тревогу выстрѣлъ мой
И что въ погоню кинутся за мною.
Бѣжалъ я долго,—лѣсъ ужь недалекъ;
Вдругъ слышу конскій топотъ за собою,—
А мнѣ ужь измѣняетъ сила ногъ...
Я оглянулся: палашомъ махая,
Ко мнѣ летитъ уланъ, соперникъ мой,
И вижу я что какъ ни поспѣшай я,
Не добѣжать до чащи мнѣ лѣсной,

Digitized by Google

И онъ меня настигаетъ непремѣнно.
Что дѣлать мнѣ? какъ избѣжать бѣды?
И, осѣненный мыслію мгновенной,
Я бросился къ болоту: въ немъ слѣды
Мнѣ скрыть легко, а гнаться тамъ за мною
Верхомъ нельзя, да страшно и пѣшкомъ,
Особенно тому кто незнакомъ
Съ извилистой болотною тропою.
И я стремглавъ къ болоту подбѣжалъ
И сталъ скакать по кочкамъ мнѣ извѣстнымъ.
Гляжу: мой врагъ къ болоту прискакалъ
И бросился, какъ я и ожидалъ,
Пѣшкомъ за мной съ азартомъ безполезнымъ,
Но онъ слѣдить не долго могъ за мной:
Въ болотной тинѣ слѣдъ утративъ мой,
Онъ наугадъ пошелъ и оступался
И падалъ... Вдругъ за мною вопль раздался:
Знать онъ попалъ въ то мѣсто, гдѣ ему
Спасенья нѣтъ среди бездонной тины,
Гдѣ все глотаетъ алчный зѣвъ пучины
И не даетъ пощады никому,
Онъ утопалъ и воплемъ о спасеньѣ
Пустынное болото оглашалъ;
Но я помочь не могъ: въ изнеможеньѣ,
Едва дыша, я на травѣ лежалъ,—
Но вотъ онъ смолкъ. Передохнувъ немного,
Пошелъ я въ лѣсъ и три дня тамъ провелъ,
Волнуемый душевною тревогой.
Когда жъ назадъ въ деревню я пришелъ,
Я не засталъ военнаго постоя:
Полкъ выступилъ въ походъ; но передъ тѣмъ
Былъ весь отрядъ встревоженъ: вдругъ узнали
Что безъ вѣсти пропалъ на диво всѣмъ
Одинъ изъ офицеровъ. Разослали
Его искать; но не нашли нигдѣ,
Хотя гонцы въ окрестности вездѣ
У поселянъ о немъ разузнавали.
Лишь къ вечеру нашли его коня,—
Осѣдланный бродилъ онъ одинокo
Въ глуши лѣсной, и тайною великой
Для всѣхъ осталось, гдѣ его сѣдокъ.
Лишь я одинъ сказать про это могъ,

Digitized by Google

Но я молчалъ изъ страха наказанья.
Войска ушли; но Лизы я съ тѣхъ поръ
Ужь не видалъ: я избѣгалъ свиданья,
Съ разсвѣтомъ дня я отправлялся въ боръ
И возвращался къ ночи для покоя.
Такъ дни текли обычной чередою;
Но доходили вѣсти къ намъ порой
Про ужасы внесенные войною
Въ родной нашъ край, про Бородинскій бой
И про пожаръ Москвы, и про отмщенье
Постигшее французскіе полки,
Что ихъ народъ въ своемъ ожесточеньѣ
Преслѣдуетъ повсюду: казаки,
Напавъ на нихъ внезапно изъ засады,
Ихъ бьютъ вездѣ, что даже мужики
По деревнямъ ихъ рѣжутъ безъ пощады,
И что назадъ ведетъ Наполеонъ
Свои войска. Но въ это отступленье
Конечное грозитъ имъ истребленье:
Морозъ и голодъ, врагъ со всѣхъ сторонъ,
Зима у насъ особенно сурова
Была въ тотъ годъ и рано началась,—
И вотъ черезъ селенье наше снова
Прошли Французы; но на этотъ разъ
Смѣшонъ и жалокъ былъ ихъ видъ печальный:
Ужь не было той дерзости нахальной,
Какою прежде оскорбляли насъ,
Угрюмые, въ лохмотьяхъ по дорогѣ
Они плелись, едва таская ноги
И падая отъ истощенья силъ;
Видъ казака ихъ въ ужасъ приводилъ,—
И много ихъ замерзшихъ находили
Мы по большимъ дорогамъ и лѣсамъ.
За днями дни, недѣли проходили;
Съ весною снова возвратились къ намъ
Обычныя работы по полямъ,
И молодежь попрежнему сбиралась
Для игръ и пляски въ праздники на лугъ,
Но Лиза тамъ ужь больше не являлась:
Она своихъ покинула подругъ.
И всѣ о ней жалѣли, говорили

Digitized by Google

Что черные глаза ее сгубили,
Что съ той поры, какъ полкъ ушелъ отъ насъ,
Она совсѣмъ изсохла, извелась,
Что тотъ, кого она такъ полюбила
Въ день выступленья безъ слѣда пропалъ,
И вѣсть объ этомъ такъ ее сразила
Что даже міръ ей ненавистенъ сталъ,
Съ тѣхъ поръ она замѣтно чахнуть стала,
И безотрадно дни ея текли,
А наконецъ, когда весна настала,
Мы на кладбище Лизу отнесли.
Все это мнѣ далекое былое
Напомнилъ живо найденный скелетъ,
Когда вчера надъ нимъ въ раздумьѣ стоя
Узналъ того кто шестьдесятъ пять лѣтъ
Тому назадъ погибъ въ болотѣ этомъ."
Старикъ умолкъ.
„Но по какимъ примѣтамъ
Ты могъ узнать что это точно онъ?"
Спросилъ одинъ изъ юношей: „въ болото
Могъ точно такъ другой быть занесенъ."
Старикъ молчалъ, смутившись отъ чего-то;
Но, погодя немного, отвѣчалъ:
„Ну, такъ и быть и этого не скрою,
Хоть станете глумиться надо мною:
У мертвеца колечко я укралъ;
Въ немъ вижу я примѣту безъ обмана.
(И онъ досталъ колечко изъ кармана.)
Его носила Лиза, я сейчасъ
Его узналъ, видавъ его не разъ.
Она его конечно въ день прощанья
Дала на память другу своему,
Но не могла дождаться съ нимъ свиданья.
Теперь кольцо не нужно никому,
Такъ лучше я себѣ его возьму.
Сама судьба его мнѣ подарила
Чтобъ мнѣ оно напомнило что было.
Вотъ вамъ, друзья, разказъ правдивый мой.
Ну, а теперь пора и на покой."
Онъ всталъ, съ гостями ласково простился
И медленно въ каморку удалился.

Ѳ. МИЛЛЕРЪ.

Digitized by Google

ПИСЬМА СВЯЩЕННИКА

СЪ ПОХОДА 1877 И 1878 ГОДА *

XXV.

4го декабря 1877 года.

Только вчера пріѣхалъ Красный Крестъ, а сестры опять ни одной. Навалили на меня все: бѣлье, полушубки, шапки, фуфайки, одѣяла, табакъ, вино и проч. Работы пропасть.... Но теперь работаемъ съ удовольствіемъ: польза есть, раненые довольны. Мой Елисей трудится за пятерыхъ. Врачи наши друзья человѣчества. Работаютъ съ восьми утра до трехъ часовъ ночи.... А сколько я уже похоронилъ!... Боже, какъ это грустно, тяжело.... Еще дня два, три, и мы отправимъ всѣхъ раненыхъ. Погода отвратительная: мокрый снѣгъ хлопьями; а мы цѣлый день на открытомъ воздухѣ, укладываемъ, провожаемъ.... Прощай.

XXVI.

Трестеникъ, 7го декабря.

Вчера утромъ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, мы отправили послѣдній транспортъ съ одними только больными; раненые уже всѣ отправлены.... Погода совсѣмъ испортилась: всю ночь и цѣлый вчерашній день и сегодня

* См. *Русск. Вѣст.* № 2.

Digitized by Google

тоже валитъ густой, мокрый снѣгъ, залѣпляя глаза, увеличивая и безъ того невылазную грязь. Отправивъ транспортъ и возвратившись въ свою хатку, мы задали себѣ полный отдыхъ. Насколько физическія силы наши требовали возстановленія и укрѣпленія, можешь заключить изъ того что, завалившись въ постель около 12 часовъ дня, мы проснулись только въ 10 часу ночи, напились чаю, крѣпко поужинали и опять на боковую; а сегодня проснулись въ 7 часовъ, значитъ, проспали около 15 часовъ... Что случилось съ нами, то самое было, безъ сомнѣнія, и въ квартирахъ всѣхъ прочихъ врачей, потому что работа была для всѣхъ одинаково тяжелая и неустанная... Итакъ, цѣлыхъ восемь дней мы заняты были такъ что о письмахъ и думать было нѣкогда; урывками, на клочкахъ бумаги я все-таки послалъ тебѣ двѣ, три записочки, и то благодаря тому обстоятельству что какъ-то отъ нечего дѣлать, еще дня за три до Плевны, я написалъ адресы на нѣсколькихъ конвертахъ, какъ будто предчувствуя что наступитъ такое время когда и адреса нѣкогда будетъ написать... Не знаю, съ кѣмъ и какъ я послалъ эти записочки, не помню и того что̀ написалъ въ нихъ; получишь — хорошо, не получишь — потери не много. Теперь, отдохнувъ совершенно, начинаю приводить свою голову въ порядокъ и припоминать все что̀ случилось, что̀ я видѣлъ, слышалъ, дѣлалъ: постараюсь быть послѣдовательнымъ. Но куй желѣзо пока оно горячо, пиши письма, описывай событія, предметы, явленія, пока все это непосредственно дѣйствуетъ на твое воображеніе, волнуетъ тебѣ кровь; пропустишь эти неповторяемые моменты, и многое пропадетъ. Въ подогрѣтомъ супѣ далеко не тотъ вкусъ что̀ въ свѣжемъ. Теперь уже другіе предметы, другія явленія выступили на сцену, и прежнихъ думъ, и прежнихъ чувствъ никто не въ силахъ воскресить... Вѣришь ли, мой другъ, до слезъ мнѣ жаль что не было у меня ни малѣйшей возможности написать тебѣ нѣсколько строкъ въ то горячее время какое мы пережили послѣ Плевненскаго боя; эти строки, я увѣренъ, дышали бы истиннымъ человѣческимъ чувствомъ, свѣтились чистою, святою слезой.... Теперь, повторяю, не то... Многое успѣло исчезнуть изъ моей слабой памяти, иное поблекло, потускнѣло; другое совсѣмъ иначе представляется теперь нежели тогда. А жаль.... Пережитое мною, перечувствованное такъ грандіозно, такъ поразительно что

Digitized by Google

я теперь нахожусь въ положеніи человѣка котораго ослѣпила яркая молнія и оглушилъ трескучій, страшный громъ... А все же попытаюсь возстановить въ памяти все что могу припомнить и болѣе или менѣе живо себѣ представить...

Въ понедѣльникъ, 28 ноября, съ ранняго утра, на самомъ разсвѣтѣ, послышалась у насъ въ Трестеникѣ сильная артиллерійская канонада и потомъ вскорѣ же учащенная ружейная перестрѣлка и съ той именно стороны гдѣ бивуакируетъ наша дивизія. Вошедшій деньщикъ доложилъ намъ свое соображеніе что должно-быть и до нашей дивизіи дошла очередь. — „А что такое?“ въ одинъ голосъ спросили мы съ сожителемъ. — „Да Турки начали палить въ нашихъ“, отвѣтилъ онъ. — „А почемъ ты это знаешь?“ — „Да видно съ нашего крыльца и со двора.“ Мы бросились на дворъ. Дѣйствительно, всѣ высоты, усѣянныя турецкими редутами и до сего дня упорно молчавшія, теперь всѣ дымились, и сквозь этотъ дымъ ежеминутно сверкали огоньки, а чрезъ нѣкоторое время доносились къ намъ очень сильные удары пушечныхъ выстрѣловъ. Очевидно было что эта пальба открыта и направлена противъ нашей позиціи. Я накинулъ на себя кожанъ и побѣжалъ къ лазарету, такъ какъ оттуда виднѣе была вся мѣстность. Около лазарета собрались уже всѣ наши фельдшера, санитары и служители, всѣ они съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли туда гдѣ мелькали частые огоньки среди густыхъ клубовъ бѣлаго дыма. „А что, кажется, это у нашихъ завязалось дѣло? спросилъ я, подходя къ наблюдавшимъ.“ И то, кажись, у нашихъ, батюшка, отвѣчали они въ одинъ голосъ.“ Тутъ начались обычныя у русскихъ солдатъ разсужденія, предположенія, посылались остроты на счетъ Османа....

Я выбралъ самую возвышенную точку за нашимъ лазаретомъ и сталъ наблюдать: огонь изрѣдка сверкалъ съ Опанецкаго редута, сверкалъ съ противоположной горы, но поминутно блестѣлъ внизу, съ той ли стороны Вида или съ этой, за густымъ дымомъ трудно было разобрать. Огня нашихъ батарей не видно было, но что съ нихъ производилась пальба, это можно было замѣтить по густымъ клубамъ дыма, ежеминутно подымавшагося въ томъ направленіи гдѣ стояли

Digitized by Google

наши батареи. Ружейная перестрѣлка все болѣе и болѣе усиливалась, застилая дымомъ все пространство надъ нашими позиціями. Не было никакого сомнѣнія что сраженіе началось у нашихъ, въ нашей дивизіи. Еще со вчерашняго вечера намъ извѣстно было что дежурнымъ на позиціи былъ нашъ Сибирскій полкъ, поэтому тревожно-мучительное чувство невольно усиливалось по мѣрѣ того какъ усиливался батальный огонь разгоравшагося сраженія. Не умѣю выразить того тяжелаго чувства тоски, невыносимо - непріятной душевной тревоги съ какими я слѣдилъ за направленіемъ огоньковъ, за клубами дыма, за движеніемъ ружейныхъ выстрѣловъ, которые къ 9 часамъ сдѣлались такъ часты, такъ сильны что звукъ ихъ походилъ на дребезжаніе мелкой дроби, если ее перекатывать на желѣзномъ листѣ. Вернувшись къ своимъ санитарамъ, я спросилъ ихъ: „А что у васъ все готово на случай тревоги?“ „Все, батюшка, лошади въ хомутахъ, вещи всѣ уложены, мы будемъ готовы въ лять минутъ“.... Пришедши домой, я не засталъ уже Ал. Ив. Онъ ушелъ на операцію которую предположено было сдѣлать въ это утро. На душѣ у меня было такъ тяжело что я не зналъ куда дѣваться. Поѣхать туда одному, но у меня нѣтъ отдѣльной повозки, у насъ одна со смотрителемъ; если мнѣ поѣхать, какъ же онъ будетъ, куда же положатъ его вещи, если вдругъ прикажутъ трогаться, а еще хуже—отступать?... Верховой лошади у меня нѣтъ; взялъ бы изъ обоза, да теперь не дадутъ, да я и не мастеръ ѣздить верхомъ.... Сообразивъ все это, я снова побрелъ на горку къ лазарету: пальба не прекращалась, ружейные выстрѣлы сдѣлались какъ будто еще ожесточеннѣе; на часахъ было ровно 10. Подхожу къ горѣ, стоящіе на ней солдаты показываютъ мнѣ рукой за рѣку Видъ и говорятъ: „Посмотрите-ка, батюшка, какъ Румынцы-то полѣзли“. Я обернулся въ ту сторону куда мнѣ показывали и дѣйствительно увидѣлъ цѣлыя колонны Румынъ, быстро поднимавшіяся по косогору лежащему сзади Оланецкаго редута; передняя ихъ колонна уже огибала вершину Оланецкой горы и вскорѣ скрылась за нею; не прошло и десяти минутъ какъ за этою горой затрещалъ сильный ружейный огонь и въ ту же секунду поднялись густые клубы бѣлаго дыма: началась канонада, загремѣли полновѣсные лущечные удары.... Значитъ на Плевну, начинаю соображать я, дѣлается еще одна общая атака.... Господи, помоги имъ, невольно вырвалось у меня изъ груди....

Digitized by Google

— А молодцы эти Румынцы, замѣтилъ какой-то солдатикъ,— вишь лѣзутъ что твои кошки....

Вдругъ раздался сильный залпъ ружейный и лушечный и вовсе не далеко отъ насъ, именно за Дольнимъ Нетрополемъ, гдѣ стояла 1я бригада 5й дивизіи,—это отъ насъ версты три не болѣе....

— Одначе это ужь и къ намъ близко, тревожно сказалъ какой-то солдатикъ.

— Что жь, коли придетъ сюда Турка, такъ и мы его тоже на штыки возьмемъ, весело проговорилъ другой.

— Въ какіе такіе штыки, гдѣ они у тебя?

— А носилки-то на что? Мы, братъ, носилками угостимъ такъ что своихъ не соберетъ....

Между солдатами поднялся споръ о томъ что имъ дѣлать если Турка придетъ въ Трестеникъ. Среди этого спора вдругъ раздался сигнальный рожокъ нашего горниста. Я невольно вздрогнулъ; „что это такое?“ спрашиваю съ безпокойствомъ. „На обѣдъ зовутъ“, отвѣтилъ мнѣ ближайшій санитаръ. Этотъ спокойный отвѣтъ такъ пристыдилъ меня что я покраснѣлъ и отвернулся; и было отъ чего покраснѣть: сигналъ „на обѣдъ“ я ежедневно слышалъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ и, кажется, сонный могу различить среди другихъ сигналовъ, а тутъ чуть не принялъ его за тревогу.... Сконфуженный этимъ пустякомъ, я тихо поплелся въ свою хатку, а солдаты—на обѣдъ. Пальба все еще гремѣла, но она не производила уже того остраго впечатлѣнія какъ въ началѣ; чувства стали помемногу притупляться и наступало уже то состояніе апатіи, одервенѣлости, какое всегда бываетъ послѣ сильныхъ возбужденій. Пришелъ я домой въ самомъ непріятномъ расположеніи духа. Ровно въ 12 часовъ *пришелъ пѣшкомъ* вѣстовой казакъ (лошадь онъ едва тащилъ въ поводу) и принесъ лаконическую записку начальника штаба, написанную карандашомъ на клочкѣ бумаги и посланную къ намъ еще въ 9 часовъ утра. Въ одну минуту поднялась тревога, бѣготня, суета; пока запрягали лошадей, мы стали разспрашивать казака что дѣлается на позиціи? „Турки, сказалъ онъ, ранымъ рано навалили видимо-невидимо, разбили Сибирскій полкъ, разбили другой съ синими околышками * и пошли на Нетрополь; въ это самое время меня услали....“

---

* 10й гренадерскій Малороссійскій фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго полкъ.

Digitized by Google

Можете себѣ представить какъ подѣйствовали на насъ эти глупыя рóзсказни Донца. Ал. Ив. поскакалъ верхомъ къ лазарету посмотрѣть какъ двинутся линейки, а я, какъ только сказали что повозка готова, бросился изъ комнаты на крыльцо; выхожу, или вѣрнѣе выбѣгаю садиться, но какъ разъ предъ моими глазами показались у насъ на дворѣ, еле-еле передвигая ноги, Новгородскій, * Бзовскій ** и Ордановскій, *** блѣдные, какъ полотно, съ подвязанными руками; а по улицѣ мимо насъ тяжело подымалась въ гору лазаретная линейка. Бросаюсь къ нимъ: Бога ради, что̀ съ вами, что̀ съ полками, кого повезли въ линейкѣ?

— Дайте намъ отдохнуть, покормите, мы вамъ все разкажемъ...

Я ввелъ ихъ въ свою хату, приказалъ принести горячаго сула, досталъ водки, коньяку, вина, далъ закусить; а самъ стремглавъ бросился къ лазарету; подбѣгаю—на встрѣчу мнѣ несутъ на носилкахъ Буцковскаго, а за нимъ Шлицбарта...

— Милые мои, голубчики, что̀ съ вами?

— Въ ногу, ниже колѣна, говоритъ первый.

— Въ обѣ ноги, грустно отвѣчаетъ другой.

— А кости цѣлы? тороплпво допрашиваю ихъ.

— Кажется, цѣлы, неувѣренно отвѣчаютъ они.

— Ребята, кричу носильщикамъ,—несите ихъ къ коммиссару....

Между тѣмъ лазаретъ ускакалъ и съ нимъ весь нашъ служебный персоналъ; сгорача не сообразили что нужно же будетъ кому-нибудь распоряжаться и здѣсь. Кричу чтобы ко мнѣ позвали *чорбаджи* (сельскій староста), а тутъ на встрѣчу новыя двѣ линейки.—Сколько? спрашиваю.—24 человѣка.—Какого полка?—Сибирцы. — Офицеры есть? — Никакъ нѣтъ-съ.—Везите въ большія палатки, тамъ дежурный фельдшеръ... Прибѣгаю снова въ свою хатку.

— Но, разкажите же что̀ съ полками, раненыхъ много?

— Страсть... отвѣчаютъ мои калѣки.—Дѣло началось съ разсвѣтомъ, началъ Новгородскій. Турки, прикрытые туманомъ, густою массой бросились на наши стрѣлковыя роты; пока у насъ забили тревогу, открыли пальбу, а они уже по-

---

* Штабсъ-капитанъ 9го гренад. Сибир. полка, командиръ 2й стрѣлковой роты.

** Майоръ 10го гренад. Малорос. полка, начальникъ стрѣлковъ.

*** Охотникъ вольно-опредѣляющійся 9го Сибирскаго полка.

Digitized by Google

чти на носу: огонь ужасный; въ десять минутъ ротные командиры наши ранены, субалтерны убиты на ловалъ; роты стали отступать; Турки взяли вторую батарею; смяли Шлицбарта съ пятою ротой и бросились къ Колиной Могилѣ (ключъ нашей позиціи); но тутъ подошли Малороссійцы и завязался ужасный бой!... Въ это время мы всѣ ранены, и что дальше—не знаемъ; но когда насъ перевязывали въ Петрополи, тамъ уже говорили что наша вторая бригада взяла Турокъ во флангъ; больше не знаемъ. Убиты при насъ еще Лихачевъ, * Манассеинъ, ** Кутузовъ... ***

Приходитъ чорбаджи. Я принимаю тонъ начальства и приказываю сейчасъ же очистить еще 20 землянокъ, наносить въ нихъ соломы, поставить воды, а если можно, то хлѣба, молока,—собрать всѣхъ Болгаръ чтобы помогали выносить и укладывать раненыхъ. Предоставивъ нашу хату въ полное распоряженіе моихъ бѣдныхъ гостей, бросаюсь въ повозку и слѣду въ Петрополь. Отъѣхалъ версты двѣ,—везутъ Стерлингова. ****—Что съ вами?—Въ ногу выше колѣна.—Предлагаю коньяку и кусочекъ сыра. Ѣду дальше: на встрѣчу линейка съ офицерами Астраханскаго полка,—страшно изуродованы лица; даю по глотку водки, коньяку, по кусочку хлѣба съ сыромъ (пока я ходилъ въ лазаретъ и распоряжался, пока разспрашивалъ, Елисей нарѣзалъ ломтей хлѣба цѣлый мой сакъ-вояжъ, нарѣзалъ сыру, положилъ баночку икры нарѣзанной ломтиками, уставилъ двѣ бутылки коньяку, столько же водки, краснаго вина; наложилъ въ повозку нѣсколько фляжекъ съ водой; завернулъ въ бумагу большіе куски мяса приготовленнаго намъ на обѣдъ. (Какъ все это пригодилось!...) Подъѣзжаю къ Петрополю—перевязочный пунктъ: масса раненыхъ. Докторъ Косинскій кричитъ мнѣ: Батюшка, возьмите съ собою раненаго офицера. Смотрю, къ моей повозкѣ бредетъ Катинъ, † весь залитый кровью, узнать его нельзя.—Куда васъ? спрашиваю.—Въ лицо, еле-еле слышно проговорилъ онъ, карабкаясь въ повозку. Осколокъ гранаты раздробилъ ему нижнюю челюсть, лицо распухло страшно,

* Майоръ Сибирскаго полка, начальникъ стрѣлковъ.

** Подполковникъ Малороссійскаго полка, командиръ 1го баталіона.

*** Ротный командиръ того же баталіона.

**** Майоръ 11го гренадерскаго Фанагорійскаго, князя Суворова полка, начальникъ стрѣлковъ.

† Офицеръ Малороссійскаго полка.

Digitized by Google

глазъ не видно, губы какъ толстыя бревна... Что у васъ тутъ дѣлается, гдѣ наши?—Въ Плевнѣ, глухо отвѣчаетъ онъ.—Неужели? вскрикнулъ я, мгновенно, невыразимо обрадованный.—Вѣрно; Османъ и вся армія сдались, съ трудомъ выговорилъ обезображенный страдалецъ. Я чуть не бросился цѣловать его окровавленныя губы. Объ исходѣ битвы я еще ничего не зналъ; а когда явились первые раненые, я пересталъ слѣдить за пальбой и не слыхалъ даже когда она прекратилась. Можете же представить мою радость, мой восторгъ!—Голубчикъ мой, да неужели это правда? — Правда, вѣрно, чуть слышно проговорилъ раненый. Эту радостную вѣсть подтвердилъ мнѣ и нашъ старшій полковой врачъ С — ій, работавшій на перевязочномъ пунктѣ въ самомъ Нетрополѣ, около церкви. Отъ Нетрополя до самой Коланой Могилы почти на каждомъ шагу, почти непрерывною цѣпью тянулись легко раненые имѣвшіе возможность идти безъ помощи; другихъ вели подъ руки, несли на носилкахъ—и вездѣ кровь, кровь и кровь.... У Коланой Могилы я засталъ наши лазаретныя линейки уже наполненныя ранеными; но врачи мнѣ сказали что не могли подобрать еще очень много, особенно раненыхъ Турокъ. Взобравшись на самую вершину Коланой Могилы я оглянулъ кругомъ страшную картину поля битвы и положительно на нѣсколько минутъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса. Что я видѣлъ, что я видѣлъ, другъ мой! Это неописуемо никакими человѣческими словами. Точно сжатое поле покрытое густо разбросанными снопами.... Косцы и жницы не успѣли снести ихъ и сложить въ копны, а только мѣстами свалили въ кучи.... Такая куча, цѣлый длинный валъ наваленныхъ труповъ въ ужаснѣйшихъ положеніяхъ виднѣлся какъ разъ на томъ мѣстѣ около артиллерійскихъ землянокъ, гдѣ мы еще такъ недавно, 8го ноября, такъ весело и шумно пировали на батарейномъ праздникѣ... Другая еще бо́льшая куча лежала около 2й батареи, гдѣ кипѣлъ ужасный рукопашный бой... Пораженный, подавленный, схожу съ Коланой Могилы внизъ. Что вокругъ дѣлается—невозможно разсказать, сообразить: врачи, санитары, офицеры, простые солдаты, Болгары ведутъ, несутъ, тащатъ,—кругомъ стонъ, вопль, одинъ какой-то гулъ, душу раздирающій гулъ, среди котораго какъ отдѣльные аккорды какой-то адской музыки пронесутся то сильный вопль, то скрежетъ, то предсмертное хрипѣнье, прерывчатое, клокочущее.... Ужасъ! Неизобразимая картина!... Что же

Digitized by Google

мнѣ дѣлать? И можно ли тутъ что-нибудь дѣлать?—Идите дальше, говоритъ мнѣ одинъ врачъ, можетъ-быть кому ломожете.... Эти слова какъ будто разбудили меня, привели въ сознаніе; беру изъ повозки сакъ-вояжъ съ припасами, кто-то взялся нести его, идемъ прямо къ артиллерійскимъ землянкамъ: какъ разъ на дорогѣ лежатъ нѣсколько труповъ, прикрытые однимъ офицерскимъ пальто; приподымаю, взглянулъ, и какъ будто застылъ на мѣстѣ: страшно обезображенный и донага обобранный нашъ величавый, нашъ красавецъ Манассеинъ, возлѣ него Кутузовъ, Тимашевъ, Горимовъ—убитыхъ офицеровъ сложили въ особую кучку.... Иду дальше: Турокъ съ оторванною ногой подымаетъ ко мнѣ руки,—черный какъ уголь, страшный Арабъ, весь окрававленный, но еще живой, движеніемъ головы о чемъ-то умоляетъ, — даю тому и другому глотокъ коньяку; солдатикъ нашъ, залитый кровью, вопитъ завидѣвъ меня: Батюшка, кормилецъ, подберите меня, третій разъ обошли санитары,—тяжко мнѣ, родимый мой.... Со всѣхъ сторонъ вопли, стоны, мольбы:

— Прикройте меня, озябнулъ я....

— Други мои, стерпѣть не могу, коженьки мои....

— Жарко, душно, разстегните, вопитъ въ предсмертной агоніи какой-то солдатикъ, прижимая руки къ разбитой груди...

— Хоть кусочекъ хлѣбца, другой день не ѣмши, проситъ одинъ....

— Водочки мнѣ, али водицы, утроба моя горитъ, все нутро, не своимъ голосомъ вопитъ другой.

Одинъ въ предсмертныхъ мукахъ лепечетъ какія-то невнятныя слова, лолушмена; а вотъ Сибирецъ узнавшій меня со-слезами проситъ: Батюшка, отпишите въ Курску губернію моей Аринушкѣ что я вонъ какъ—и показываетъ здоровою рукой на другую или вѣрнѣе на половину другой оторванной гранатой.—Не желаетъ ли причаститься? спрашиваю его.—Охъ, батюшка, да развѣ тутъ можно?—Можно, говорю, и становлюсь на колѣна, разстегиваю кожанъ,—подъ нимъ у меня короткая епитрахиль и на груди дарокосица.—Говори за мною: Вѣрую Господи! Онъ повторилъ и я причастилъ его... Гдѣ же тутъ читать молитвы? Господь ихъ слышитъ, Господь ихъ видитъ!...

Подошли санитары, стали подбирать тяжело раненыхъ,—на дворѣ совсѣмъ вечеретъ; а мы не прошли и сотой части роковаго поля, въ тратеяхъ около 2й батареи масса

Digitized by Google

убитыхъ, есть еще и тяжело раненые; сначала собирали и сносили ихъ съ самыхъ отдаленныхъ окраинъ поля битвы, почти отъ самаго Вида, а къ вечеру стали подбирать съ ближайшихъ мѣстъ. Иду дальше, постоянно переступаю черезъ трупы, нога тонетъ въ кровавой грязи,—вижу: Турокъ манитъ меня рукой; наклоняюсь, блѣдное красивое лицо съ маленькими заостренными русыми усиками; тихо, хрипло, но чистымъ русскимъ языкомъ онъ говоритъ мнѣ: „Кто бы вы ни были, Бога ради, передайте въ Варшаву Пржеславскимъ",—тутъ онъ на минуту смолкъ, потомъ, собравшись съ духомъ, добавилъ „что Владиславъ погибъ... у меня сквозная рана въ груди.... Я озябъ"... Онъ закрылъ глаза, на нихъ проступали слезы.... Я предложилъ ему глотокъ коньяку и увѣрилъ что непремѣнно исполню его предсмертную просьбу и сейчасъ же записалъ карандашомъ фамилію *, онъ проглянулъ, съ жадностію проглотилъ коньяку и безмолвно протянулъ мнѣ руку. До слезъ тронула меня эта сцена; я попросилъ сопровождавшихъ меня двухъ солдатъ скинуть съ ближайшаго убитаго шинель и прикрыть ею несчастнаго страдальца; затѣмъ подошли еще нѣсколько нашихъ солдатъ; я упросилъ ихъ перенести бѣднаго, молодаго Привислинца въ землянку около траншей, гдѣ была солома и гдѣ все же теплѣе нежели въ открытомъ полѣ, въ кровавой грязи, въ холодную осеннюю ночь... Стало совсѣмъ темнѣть; я возвратился къ Коланой Могилѣ; наши линейки уже отправились. Когда я доплелся до этого сборнаго мѣста, наступила совершенная темнота; присѣвъ у подножія Коланой Могилы, я зажегъ спичку и посмотрѣлъ на часы, была половина седьмаго; усталъ я порядочно, измучился душою невыразимо... Тутъ нахлынули на меня такія горькія, тяжкія чувства что я не выдержалъ и зарыдалъ..... Но что я могу сдѣлать? Чѣмъ могу облегчить горькую участь страдальцевъ? Тѣмъ что сниму шинель съ убитаго и прикрою окостенѣлыя ноги раненаго, что дамъ глотокъ вина или кусокъ хлѣба: развѣ это помощь? Развѣ то бы нужно было, должно было сдѣлать для нихъ?.. И ни малѣйшей возможности, ни малѣйшей!.. Видѣть все что

* Что сталось съ нимъ—не знаю; его предсмертное завѣщаніе я старался исполнить: былъ въ Варшавѣ, разспрашивалъ, наводилъ справки въ полиціи, въ адресномъ столѣ: фамиліи Пржеславскихъ не оказалось въ городѣ.

Digitized by Google

я видѣлъ и не имѣть ни силъ, ни средствъ облегчать ужасное положеніе несчастныхъ страдальцевъ, слышать ихъ стоны, ихъ воплн и мольбы и проходить мимо съ однимъ пустымъ соболѣзнованіемъ, это такая пытка душевная, такое терзаніе сердца, что я умѣю только все это чувствовать, но пересказать не могу, не умѣю. Картина свѣжаго поля битвы ужасна, непзобразима!...

Отъ подошвы Колпой Могилы я побрелъ по направленію къ бивуакамъ; впереди далеко свѣтились огоньки отъ фонарей нашихъ линеекъ; поэтому сбиться съ дороги я не могъ, несмотря на непроглядную темноту. Когда я шелъ здѣсь днемъ, то еще можно было обходить рытвины и глубокія колеи, прорѣзанныя нашею артиллеріей и наполненныя жидкою грязью; но теперь въ темнотѣ нужно было держаться этихъ самыхъ колей чтобы попасть на бивуакъ. Я и поплелся; впрочемъ опасенія мои были напрасны: слутниковъ бредущихъ въ томъ же направленіи было довольно. Около артиллерійскаго бивуака я догналъ двѣ наши линейки съ ранеными: лошади стали и не могутъ тащить по грязи этихъ неуклюжихъ колесницъ... Когда я подошелъ и заговорилъ, нашъ смотритель и обозный офицеръ стали просить меня зайти къ артиллеристамъ, которые всѣ мнѣ знакомы, и попросить у нихъ двѣ пары уносовъ чтобы дотащить линейки до Трестеника. Дежурный ночной довелъ меня до землянки бригаднаго командира Н. П. С—ва, у котораго я засталъ цѣлую компанію; но раздѣлить ихъ оживленную бесѣду я не могъ, чувствуя сильную усталость и желая поскорѣе добраться на бивуакъ къ своимъ Сибирцамъ, изъ которыхъ я еще никого не видалъ, даже не зналъ кто изъ нихъ живъ, кто убитъ, кто раненъ. Попросивъ выносныхъ лошадей, я взялъ проводника съ фонаремъ и побрелъ къ Сибирцамъ. Съ потерею всякой способности о чемъ-нибудь думать, съ однимъ только хорошо ощущаемымъ чувствомъ совершеннаго изнеможенія, я еле-еле доплелся до землянки П—ва и М—ва; былъ уже десятый часъ... Хозяева землянки, равно какъ и всѣ Сибирцы, возвратились съ поля битвы и побѣды около четырехъ часовъ вечера и успѣли уже немножко отдохнуть; но я былъ измученъ до послѣдней степени. Деньщикъ П—ва, знаменитый Акимъ, очищалъ грязь съ моего кожана и салогъ ножомъ.... Вдругъ прилетаетъ казакъ изъ штаба дивизіи съ приказаніемъ Сибирскому и Малороссійскому полкамъ немедленно выступить къ рѣкѣ Виду

Digitized by Google

для одѣленія сдавшейся въ плѣнъ турецкой арміи. Надѣялись отдохнуть, выспаться, подкрѣпиться,—ужъ имъ ли не досталось за эти полтора сутокъ?... Но не тутъ-то было: отправляйтесь Турокъ караулить.... А ночь тюрьмы чернѣй, грязь невылазная и до Вида добрыхъ четыре версты... Отдохнувъ съ полчаса, мы пошли въ землянку полковника *, чтобы поздравить его со славною побѣдой, но застали героя въ постели, блѣднаго какъ полотно, измученнаго до крайности; фельдшеръ растиралъ ему ногу, причемъ онъ морщился и вздрагивалъ отъ боли... Оказалось что онъ получилъ порядочную контузію и не чувствовалъ ея до самаго вечера, когда, возвратившись въ землянку и успокоившись немного отъ пережитыхъ въ этотъ день потрясеній, сталъ раздѣваться чтобы лѣчь въ постель, и тутъ только, скидая сапогъ, почувствовалъ боль; осмотрѣли ногу, на ней синякъ отъ колѣна до ступни, стали растирать спиртомъ, и боль сдѣлалась очень острою.... Но удивительный человѣкъ, настоящій военный: когда узналъ что полкъ выступаетъ въ караулъ, онъ хотѣлъ снова одѣваться чтобы вести полкъ.... Насилу мы съ докторомъ урезонили его остаться въ постели. Возвратившись отъ полковника въ ту же землянку М—ва, я повалился на разостланную кошму, какъ былъ въ сапогахъ и кожанѣ, накрылся другимъ концомъ войлока и заснулъ, какъ на самомъ лучшемъ пружинномъ матрацѣ...

На другой день, 29 ноября, я остался на бивуакѣ въ томъ предположеніи что будетъ назначено молебствіе за дарованную славную побѣду. Но молебствія не послѣдовало. Прождавъ до обѣда я выпросилъ себѣ лошадей и отправился въ свой Трестеникъ, куда фура за фурой, линейка за линейкой все еще поревозили несчастныхъ раненыхъ. Проѣзжая черезъ Нетрололь, я зашелъ въ штабъ дивизіи и засталъ самую слѣпную работу: изъ полученныхъ отъ полковъ донесеній составляли первую реляцію о нашихъ потеряхъ въ день славной Плевненской битвы; я выпросилъ себѣ эти роковыя цифры, хотя меня предупредили что эти цифры могутъ оказаться неточными, когда будутъ собраны болѣе вѣрныя свѣдѣнія:

---

* Бывшій командиръ 9го гренад. Сибир. полка, полковникъ Василій Карловичъ Водаръ, нынѣ генералъ-майоръ, командиръ 2й бригады 24й пѣхотной дивизіи.

Digitized by Google

Сибирцы —	убито:	110	ранено:	276
Малороссійцы	„	137	„	414
Суворовцы	„	54	„	148
Астраханцы	„	90	„	310
		391		1.148

1.539 чел.

Этими кровавыми жертвами мы одолѣли Плевну—эту бездонную пропасть въ которую свалилось прежде насъ столько десятковъ тысячъ людей... Жертвы наши съ военной точки зрѣнія считаются совершенно ничтожными въ сравненіи съ достигнутымъ результатомъ. Этимъ величайшимъ подвигомъ обезсмертила себя наша 3я Гренадерская дивизія: она не только удержала отчаянный натискъ цѣлой турецкой арміи, предводимой Османомъ (Сибирцы и Малороссы), но разбила ее, обратила въ бѣгство, прилерла къ Виду (Астраханцы и Суворовцы) и, съ помощію 2й Гренадерской дивизіи и 1й бригады 5й дивизіи заставила положить оружіе и сдаться военноплѣнною. Вѣчная слава несокрушимой доблести 3й Гренадерской дивизіи! Вѣчная память павшимъ героямъ! Восторгъ здѣсь неописанный....

Въ Нетрополѣ я не засталъ ни начальника дивизіи, ни начальника штаба; они съ ранняго утра хлопочутъ около плѣнныхъ Турокъ, которыхъ оказалось болѣе 35 тысячъ; нужно распорядиться и продовольствіемъ такой массы голодныхъ оборванцевъ, и отправкой ихъ за Дунай, а это не легко.... Одна пріемка и сортировка оружія положеннаго турецкою арміей къ ногамъ нелобѣдимыхъ гренадеръ потребуетъ нѣсколько дней.... Проѣзжая мимо небольшой площадки около Нетропольской церкви я засталъ тутъ самую кипучую работу врачей Краснаго Креста: здѣсь были сосредоточены главные перевязочные пункты для подданія первоначальной помощи, куда прямо съ поля битвы сносили несчастныхъ раненыхъ и нашихъ и турецкихъ и уже отсюда отправляли въ подвижные лазареты и военно-временные госпитали для дальнѣйшаго, болѣе основательнаго лѣченія. Тутъ я познакомился съ докторомъ В. Н. Половымъ и уполномоченнымъ Краснаго Креста княземъ И. А. Накашидзе; перваго я засталъ на площади въ одной сорочкѣ, въ окровавленномъ фартукѣ, съ залачканными въ гилсѣ руками,— онъ быстро накладывалъ какому-то раненому гилсовую повязку; а князь неутомимо раздавалъ бѣлье, фуфайки, шапки,

Digitized by Google

одѣяла, слѣшилъ отправкой перваго транспорта въ Боготъ. Тутъ же я засталъ за работой нашего неутомимаго А. Д. Снисаревскаго, бывшаго вчерашній день подъ градомъ картечъ и гранатъ, которому многія сотни нашихъ раненыхъ обязаны своимъ спасеніемъ. При выѣздѣ изъ Нетрополя еще обширный перевязочный пунктъ 2й нашей бригады; тутъ работалъ достойнѣйшій врачъ Суворовскаго полка Арцышевскій со своими помощниками—младшими врачами. Всѣ они надавали мнѣ кучу порученій и соображеній, которыя я долженъ былъ передать моему сожителю, какъ главному врачу дивизіи. За этими остановками я добрался до нашего Трестеника уже поздно вечеромъ. Въ своей хаткѣ я засталъ одного только Ордановскаго, который сильно стоналъ отъ жгучей боли въ раздробленной рукѣ.... Сейчасъ же я побѣжалъ провѣдать сослуживцевъ Шлицбарта, Буцковскаго, Катина, Пеннуша и другихъ. Оказалось что въ теченіе этого дня въ нашъ лазаретъ привезли много тяжело раненыхъ офицеровъ, между прочими: командира нашей 3й батареи подполковника Квантана, раненаго въ животъ, капитана Смоленскаго—въ ключицу, Молчанова—въ грудь, съ перебитою еще ногой, и многихъ другихъ.... Узнавъ въ чемъ они особенно нуждаются, я послѣшилъ въ лазаретъ и засталъ тамъ всѣхъ нашихъ врачей работающихъ съ полнымъ самоотверженіемъ. Дежурный фельдшеръ доложилъ мнѣ что уже есть 17 покойниковъ, а за ночь навѣрное еще будутъ.... Осмотрѣвъ мѣсто гдѣ они сложены, я пошелъ обходить палаты; при мнѣ неотлучно епитрахиль и дароносица. Двоихъ особенно трудныхъ пріобщилъ, многіе заявили желаніе пріобщиться завтра утромъ пораньше.

Со всѣхъ сторонъ несутся ко мнѣ многоразличныя просьбы:

— Батюшка, нельзя ли мнѣ рюмочку водочки, иззябъ я совсѣмъ, проситъ одинъ...

— Нѣтъ ли чѣмъ, батюшка, накрыть мнѣ стрѣленную ногу, совсѣмъ окоченѣла, умоляетъ другой.

— Батюшка, нельзя ли горяченькаго чайку, намъ не достало....

— А мнѣ бы фуфаечку; мою совсѣмъ разорвали на перевязкѣ....

Къ докторамъ и фельдшерамъ съ такими просьбами не обращаются—сами раненые видятъ что имъ не до того, и вотъ только завидѣли меня—просьбамъ нѣтъ конца.... А что я могу

Digitized by Google

сдѣлать? Дѣлалъ, видитъ Богъ, дѣлалъ что̀ могъ и какъ умѣлъ... Прежде всего снялъ съ безотвѣтныхъ мертвецовъ шинели фуфайки, сапоги.... О, какъ тяжела эта жестокая обязанность! И еще ночью какъ будто воры-гробокопатели.... Отыскалъ нашего добрѣйшаго коммиссара П. А. Койленскаго, выпросилъ у него два штофа водки и пошелъ разносить на сонъ грядущій коченѣющимъ отъ холода страдальцамъ.... Мой добрый Елисей не отстаетъ отъ меня ни на шагъ, безмолвно, серіозно, но съ полнѣйшимъ усердіемъ онъ готовъ работать день и ночь....

30го ноября. Укрѣпившись сномъ, подкрѣпившись чаемъ, мы опять вышли на дѣло свое и на дѣланіе даже до вечера... Я пріобщилъ многихъ и потомъ похоронилъ 17 скончавшихся героевъ Плевны... Затѣмъ, обойдя палаты и удовлетворивъ насколько возможно было, многочисленныя просьбы несчастныхъ страдальцевъ, я отправился къ раненымъ офицерамъ, которые размѣщены по всѣмъ квартирамъ нашихъ врачей и въ нѣсколькихъ землянкахъ. Не успѣлъ я обойти и половины какъ за мной прибѣжалъ вѣстовой.—Что̀ случилось? торопливо спрашиваю его.—Казакъ изъ дивизіи пріѣхалъ за вами, батюшка. Вернувшись домой, я получилъ записку штаба съ приглашеніемъ немедленно прибыть въ Нетрополь для погребенія убитыхъ и отъ ранъ скончавшихся офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Я поспѣшилъ. Проѣзжая черезъ Нетрополь, на той же самой площадкѣ около церкви я опять увидалъ такую же горячую работу Краснаго Креста какъ и наканунѣ. Указавъ мѣсто для могилы убитымъ офицерамъ на сѣверной сторонѣ алтаря болгарской церкви, я отправился на кровавое поле недавней битвы, гдѣ цѣлыя команды (по 150 человѣкъ) ото всѣхъ полковъ дивизіи съ ранняго утра сносили въ одно мѣсто (Коланая Могила) всѣхъ убитыхъ и отъ ранъ умершихъ; но къ моему пріѣзду онѣ не успѣли подобрать и половины: поле обширное, въ нѣсколько верстъ, убитые разсѣяны по всему этому пространству и собрать ихъ въ одинъ день оказалось невозможнымъ; по неволѣ пришлось отложить погребеніе еще до слѣдующаго дня... А между тѣмъ голодныя турецкія собаки по ночамъ стали уже терзать неприбранные трупы... На большой полукруглой площадкѣ обширнаго редута названнаго „Коланою Могилой“ вырыты четыре огромныя могилы, по числу полковъ дивизіи; пятую, поменьше, недавно

Digitized by Google

начали колать артиллеристы; каждый полкъ сноситъ свои жертвы, своихъ героевъ къ одной „своей“ братской могилѣ.. Страшны эти могилы, еще страшнѣе самыя жертвы застывшія въ разныхъ положеніяхъ: есть трупы совсѣмъ безъ головы, есть съ оторванными ногами, съ разорваннымъ животомъ, изъ котораго вывалились всѣ внутренности... Ужасно... Картина приводящая въ содроганіе!... Обозрѣвая съ Копаной Могилы (день ясный, солнечный) обширное поле битвы, усѣянное трупами, брошенными орудіями, разбитыми патронными ящиками, я замѣтилъ множество бродящихъ туда и сюда Болгаръ съ ихъ неизмѣнными спутниками-буйволами и ослами. Что они тутъ дѣлаютъ? спросилъ я офицера распоряжавшагося собираніемъ мертвыхъ.

— Они собираютъ Турокъ, отвѣтилъ онъ, — и стаскиваютъ ихъ въ наши траншеи по всей позиціи, гдѣ и зарываютъ въ землю; другой уже день какъ жители окрестныхъ деревень, по распоряженію начальства, занимаются этимъ дѣломъ и едва ли еще въ два дня успѣютъ покончить... Турецкихъ труповъ масса... Говорятъ что въ этотъ злополучный для турецкой арміи день она потеряла однимъ убитыми до четырехъ тысячъ. Такая огромная потеря обусловливается самою мѣстностью сраженія, совершенно открытою со всѣхъ сторонъ, на которой массы турецкихъ войскъ, прилертыя къ Виду, въ теченіе почти цѣлаго часа были поражаемы сосредоточенныхъ огнемъ всѣхъ нашихъ батарей, дѣйствовавшихъ и съ фронта (наша бригада), и съ обоихъ фланговъ (съ одного—бригада 2й гренадерской дивизіи, съ другаго—5й дивизіи).

Возвратившись къ Копаной Могилѣ въ Нетрололь, я приступилъ къ печальному обряду погребенія павшихъ героевъ офицеровъ нашей дивизіи. По тѣснотѣ болгарской церкви обрядъ совершался на площадкѣ около церкви; наступалъ вечеръ, тихій, ясный, безоблачный... Съ каждаго бивуака тронулись къ церкви печальныя процессіи; каждый полкъ несъ своихъ героевъ- мучениковъ.. Грустно-торжественные звуки погребальныхъ маршей въ одно и то же время раздались съ разныхъ сторонъ и огласили всю окрестность.., Къ хору нашихъ лѣвчихъ присоединилось много любителей офицеровъ, лѣніе вышло звучное, торжественно-печальное; всѣ стояли съ зажженными свѣчами въ рукахъ; наступала уже ночь, ясная, звѣздная. Картина была необыкновенно грустная и вмѣстѣ торжественная! И среди всего этого вдругъ раз-

Digitized by Google

дается поражающій душу церковный гимнъ: „Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть, и вижду во гробѣхъ лежащую, по образу Божію созданную, нашу красоту, безобразну, безславну, не имущую вида...“ а тутъ предъ вашими глазами лежатъ распростертыми на землѣ десять труповъ молодыхъ юношей, за три дня назадъ полныхъ жизни и силы, а теперь бездыханныхъ, страшно обезображенныхъ, съ лицами дѣйствительно неимущими вида. Впечатлѣніе было потрясающее! Слезы и рыданія сдѣлались общими!.. То плакали герои оставшіеся въ живыхъ надъ трупами героевъ-друзей безвременно погибшихъ въ битвѣ.... Четверо положены въ гробахъ сколоченныхъ изъ теса, а остальные прямо на землѣ, покрытые только простынями...

По окончаніи печальнаго обряда, несмотря на поздній вечеръ, я все-таки зашелъ на перевязочный пунктъ Краснаго Креста и спросилъ князя Накашидзе, пріѣдутъ ли они къ намъ въ Трестеникъ.—Непремѣнно, непремѣнно, отвѣчалъ онъ, какъ только здѣсь немного управимся, тотчасъ же и къ вамъ; а въ чемъ вы особенно нуждаетесь? спросилъ онъ.—Да почти во всемъ: наши врачи жалуются что у нихъ гилсъ не хорошъ, перевязочныхъ средствъ и шинъ недостаетъ; а раненые нуждаются рѣшительно во всемъ, отъ шапки до сапога.—Хорошо, дня черезъ два мы непремѣнно пріѣдемъ. Возвратившись въ Трестеникъ, я засталъ въ своей хаткѣ четыре кровати, тѣснѣе нежели во всякомъ лазаретѣ.—Что это значитъ, кто у насъ? спрашиваю деньщика.—Пріѣхали два доктора, одинъ изъ главной квартиры, отвѣчалъ онъ. Я сбѣгалъ провѣдать товарищей и потомъ отправился въ лазаретъ; тутъ я засталъ то же самое что и вчера: врачи усердно работали, раненые засыпали меня просьбами, а дежурный фельдшеръ доложилъ что на завтра есть 15 покойниковъ. Въ операціонной палатѣ я познакомился съ хирургомъ Назаровымъ, пріѣхавшимъ изъ главной квартиры; онъ вмѣстѣ съ нашимъ операторомъ Александровскимъ, окончивъ осмотръ тяжело раненыхъ и намѣтивъ порядокъ работъ въ операціонной палатѣ, наблюдали теперь за тѣмъ какъ фельдшера разставляли и приготовляли на завтра все необходимое для амплутацій и гилсовыхъ повязокъ... Предположено: на одномъ столѣ производить операціи, на другомъ въ то же время гилсовыя повязки. Вернулся домой во второмъ часу ночи.

Digitized by Google

1го декабря, рано утромъ, явились къ моему сожителю, какъ главному врачу, командированные въ нашъ лазаретъ три врача: 2й гренадерской дивизіи хирургъ Рибо и Худяковъ и 16й лѣхотной дивизіи Хлолицкій. Познакомившись и потолковавъ между собой о порядкѣ занятій на этотъ день, всѣ они собрались идти вмѣстѣ въ лазаретъ, а я имѣлъ причину остаться дома.

— А вы, батюшка, что же не собираетесь съ нами? спросили они.

— Я сегодня поѣду на позицію хоронить убитыхъ, отвѣчалъ я.

— А развѣ безъ васъ тамъ нѣкому этого сдѣлать?

— Конечно есть кому, тамъ три полковые священника. но все же и я долженъ тамъ быть...

— А мнѣ кажется, замѣтилъ довольно серіозно мой добрый сожитель,—что ваше присутствіе здѣсь будетъ гораздо полезнѣе нежели тамъ; вы намъ нужны здѣсь; вы должны помогать намъ, и особенно теперь...

— Да чѣмъ же я могу помогать вамъ? спросилъ я въ недоумѣніи.

— А вотъ пойдемте съ нами въ лазаретъ, отвѣтилъ мнѣ за всѣхъ энергичный Назаровъ,—тамъ мы вамъ покажемъ на что вы тутъ нужны; я ужь это испыталъ не разъ, знаю, пойдемте непремѣнно...

— Но какъ же мнѣ быть, обратился я къ Ал. Ив—чу,—тамъ меня будутъ ждать, я вчера обѣщался пріѣхать?...

— А вы напишите записку что не можете быть, и пошлите въ штабъ дивизіи съ конвымъ вѣстовымъ; если хотите, прибавилъ онъ съ улыбкой,—напишите что я васъ удержалъ по дѣламъ службы...

Я такъ и сдѣлалъ. Приходимъ въ лазаретъ: врачи-хирурги раздѣлились на очереди: первая операція досталась Назарову, первая гипсовая повязка—Рибо. Привезли раненыхъ: первымъ былъ рядовой Астраханскаго полка Каленникъ Коваленко съ огнестрѣльною раной лѣвой руки выше локтя съ раздробленіемъ костей. Когда его положили на столъ, Назаровъ обратился ко мнѣ и сказалъ: батюшка, благословите его, успокойте, уговорите... Я подошелъ къ несчастному страдальцу,—блѣденъ какъ смерть и весь дрожитъ не столько отъ холода, сколько отъ волненія и боязни за свою жизнь... Я благословилъ его и братски сталъ убѣждать что рука его (чер-

Digitized by Google

ная отъ гангрены) никуда уже не годится, что ее нужно отнять, что онъ будетъ живъ, Богъ дастъ выздоровѣетъ и скоро возвратится на родину къ своей семьѣ... Жадно слушалъ меня страдалецъ, остановивъ на мнѣ свои большіе, открытые глаза, и когда я кончилъ, онъ тихо, умоляюще, сказалъ мнѣ: „батюшка, не отходите отъ меня...“ Стали хлороформовать, потомъ изслѣдовать рану, а въ это время на другомъ столѣ раненый, которому стали немного выпрямлять ногу для наложенія гипсовой повязки, поднялъ страшный крикъ. „Батюшка, закричалъ мнѣ Рибо, да уговорите хоть вы этого горлана чтобъ онъ не оралъ, чистая баба, а не гренадеръ.“ Сталъ я уговаривать; мало-по-малу онъ угомонился и пересталъ ревѣть... По тщательному осмотру раны Коваленки и по состоянію всей руки пораженной гангреной до самаго плечеваго сустава, порѣшили единогласно произвесть *вылущеніе* плечевой головки... Эту тяжелую операцію Назаровъ сдѣлалъ блистательно... Когда привели бѣднаго Коваленку въ чувство, онъ прямо взглянулъ на меня и тихо спросилъ: вы тутъ, батюшка?—Тутъ, тутъ, мой дорогой, и я поцѣловалъ его, подалъ ему глотокъ бѣлаго вина; онъ видимо сталъ приходить въ полное сознаніе... Стали снимать со стола, уложили на носилки, а онъ поворачиваетъ ко мнѣ голову и такъ-то жалостно молвитъ: „батюшка!...“—Съ тобою, съ тобою, мой милый, я самъ тебя уложу въ постель... Проводили мы его вмѣстѣ съ Назаровымъ, который послѣ того какъ уложили больнаго, шепнулъ мнѣ на ухо: дайте ему еще полрюмки вина, онъ васъ послушаетъ... Я предложилъ, больной принялъ и сталъ закрывать глаза, засыпая. На обратномъ пути въ операціонную, Назаровъ спросилъ меня: „Ну, батюшка, теперь вы поняли, какую именно помощь вы намъ можете здѣсь оказывать?“ И съ этой минуты на мнѣ лежала обязанность уговаривать кричащихъ, успокаивать стонущихъ, ободрять приготовляемыхъ къ ампутаціямъ, давать вино послѣ тяжелыхъ операцій, кормить молокомъ и яйцами безруких, безногих, а въ свое время напоить чаемъ и весь наличный персоналъ врачей. Чай пили, обѣдали и ужинали здѣсь же между палатками, подъ открытымъ небомъ, и не всѣ вдругъ, а по очереди, кто свободенъ, чтобы не прерывать работы...

Въ то время какъ хирурги работали въ операціонной, въ другихъ палаткахъ трудились врачи-терапевты. Они также

Digitized by Google

подѣлили между собой работы: одинъ перевязывалъ и ухаживалъ исключительно за ранеными офицерами; другой навѣщалъ больныхъ, которыхъ нельзя же было покинуть безо всякаго призрѣнія: остальные съ утра до глубокой полуночи занимались перевязками, производя въ то же время небольшія операціи въ родѣ извлеченія пуль изъ мягкихъ частей, отнятія пальцевъ на рукахъ и ногахъ; нерѣдко къ нимъ на помощь заходили и хирурги, если у кого-нибудь изъ нихъ выпадала свободная минутка. Помню одинъ такой случай: мы вдвоемъ съ Рибо вышли изъ операціонной чтобы дохнуть свѣжимъ воздухомъ; вдругъ въ палатѣ врача Цвирбута раздается страшный, отчаянный крикъ. Пойдемте, посмотримъ, сказалъ Рибо, и мы вошли въ палату: ревѣлъ благимъ матомъ казакъ которому Цвирбутъ отнялъ мизинецъ державшійся на одной кожицѣ. Такъ какъ въ этой палатѣ оказалось много такихъ паціентовъ которымъ нужно было немедленно дѣлать операціи, хотя и малыя, то Рибо предложилъ свои услуги на нѣсколько минутъ. Цвирбутъ указалъ рукой на одного раненаго и сказалъ: Потрудитесь пожалуста извлечь пулю у него въ спинѣ. Раненаго обнажили; это былъ фельдфебель Астраханскаго полка Тараненко. Рибо предложилъ ему сѣсть на тубаретъ; раненый не согласился: „Позвольте мнѣ, ваше высокородіе стоять; ужь коли предъ поганымъ Туркомъ стояли, такъ предъ вашимъ высокородіемъ и Богъ повелѣлъ,“ твердо, безъ самохвальства, но совершенно увѣренно сказалъ Тараненко. Рибо улыбнулся и не счелъ нужнымъ противорѣчить. Ощупавъ пулю въ мягкой части подъ правою плечною лопаткой, операторъ взялъ въ руки инструментъ и сказалъ фельдшеру и санитару:—Подержите его за плечи чтобы не пошатнулся. Тараненко какъ будто даже обидѣлся: „Зачѣмъ, ваше высокородіе, держать не надо, я не пьяный. шататься не буду“.—А кричать будешь? шутливо спросилъ хирургъ.—„Когда я былъ маленькимъ, мать говорила что я шибко ревѣлъ; ну, а съ тѣхъ поръ нѣтъ, ни разу“, опять твердо проговорилъ герой фельдфебель. Видя съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло, я сталъ предъ Тараненкомъ и началъ его разспрашивать, въ какое именно время и на какомъ мѣстѣ онъ былъ раненъ. Во время его весьма оживленнаго разказа операторъ сдѣлалъ мгновенный разрѣзъ, по лицу Тараненка пробѣжало легкое конвульсивное движеніе, передернулись лицевые мускулы, на глазахъ навернулись слезы, но ни стона, ни испуга, ни еди-

Digitized by Google

наго слова не проронилъ онъ во всѣ тѣ секунды когда ловкій хирургъ доставалъ изъ разрѣза пулю; все ужасное ощущеніе отъ операціи у него выразилось тѣмъ что онъ прервалъ свой разказъ мнѣ и видимо стиснулъ зубы. Окончивъ перевязку Рибо съ глубокимъ уваженіемъ протянулъ руку Тараненкѣ, а я обнялъ и поцѣловалъ его. По выходѣ изъ палаты Рибо долго не могъ придти въ себя отъ удивленія:

— Удивительный экземпляръ, восклицалъ онъ не разъ останавливаясь:—вѣдь разрѣзъ нужно было сдѣлать большой, вертка въ два и глубиною почти въ вершокъ; пуля Смайдеровская, большая; и не дрогнулъ, ни пикнулъ: удивительный экземпляръ!...

Мимоходомъ мы зашли провѣдать Коваленку; онъ еще глубоко спалъ; Рибо пощупалъ его пульсъ и нашелъ очень хорошимъ. За вечернимъ чаемъ и за ужиномъ много говорили о Тараненкѣ. Закончили работу очень поздно, въ три часа ночи, благодаря неугомонной энергіи Назарова, который всѣхъ подтягивалъ, возбуждалъ и готовъ былъ трудиться до утра, надѣясь на свои желѣзныя силы (онъ высокаго роста, плотный, здоровый); но прочіе врачи, и въ особенности бѣдные фельдшера устали до изнеможенія.

Возвратившись домой мы застали Ал. Ив—ча за бумагами, онъ составлялъ и провѣрялъ списки легко раненымъ которые завтра должны отправляться съ транспортомъ въ ближайшій военно-временный госпиталь. Стали ему разказывать о главнѣйшихъ событіяхъ дня случившихся въ его отсутствіе, въ особенности о Тараненкѣ, и проговорили еще болѣе часа; а завтра нужно вставать опять рано....

2го декабря. Утромъ пріобщилъ всѣхъ вчера амлутированныхъ, а потомъ вмѣстѣ съ Елисеемъ мы кормили и поили этихъ несчастныхъ безруких и безногихъ. Моего милаго паціента Каленика я кормлю изъ своихъ рукъ: накрошу булки въ горячее молоко и даю ему чайною ложечкой, точь въ точь какъ кормятъ малыхъ дѣтей. Окончивъ утреннее кормленіе нашихъ *убогихъ*, я отправился на кладбище и похоронилъ 15 умершихъ, а также руки и ноги вчера отрѣзанныя въ операціонной палаткѣ. Не умѣю передать тебѣ испытаннаго мною ощущенія, когда изъ рогожки вывалили въ могилу нѣсколько почернѣлыхъ и окровавленныхъ рукъ и ногъ. Человѣкъ еще живъ, а часть его уже въ могилѣ.... Послѣ погребенія я обошелъ всѣ землянки и домики въ которыхъ

Digitized by Google

помѣщаются раненые офицеры: есть раны тяжелыя, мучительныя, напримѣръ: у Квантена въ животъ, страдаетъ онъ ужасно; есть и безобразныя: у одного офицера пуля оторвала носъ до самаго основанія, а онъ человѣкъ еще молодой и былъ, кажется, очень красивый, теперь же лицо его представляетъ одну разлухшую массу...

Посѣтивъ товарищей, я возвратился въ лазаретъ, гдѣ производилось довольно трудное дѣло: размѣщеніе и усаживаніе легко раненыхъ отправляемыхъ въ госпиталь № 71, въ деревню Сгалевицу. Съ этимъ же транспортомъ, только въ нашихъ лазаретныхъ линейкахъ, отправляются въ Плевну 45 человѣкъ Турокъ бывшихъ въ нашемъ лазаретѣ,—всѣ они тяжело раненые, по двѣ, по три раны у каждаго. Красивый народъ, здоровые, плотные, все гвардейцы; между ними были три или четыре Негра, черные какъ уголь... Замѣчательно терпѣливый народъ эти Турки, а особенно Негры; я видѣлъ разъ какъ одному изъ нихъ дѣлали перевязку разбитой нижней челюсти: въ густой бородѣ его запеклась кровь, нужно было отпаривать горячею водой чтобы добраться до раны; а онъ самъ своею рукой обдираетъ запекшіеся колтуны крови, страшно при этомъ морщась и стиснувъ зубы; боль была, должно-быть, ужасна, потому что у него брызнули слезы изъ глазъ; но ни крика, ни стона не вырвалось у него при этомъ... Отправка раненыхъ, даже легко раненыхъ, дѣло дѣйствительно не легкое: всякому изъ нихъ хочется попасть въ число отправляемыхъ, всякій думаетъ что разъ онъ попадетъ въ транспортъ, то ужъ непремѣнно его повезутъ въ Россію; поэтому вокругъ телѣгъ настоящая давка: не дожидаясь переклички, не получивъ санитарныхъ книжекъ, раненые безтолково лѣзутъ на телѣги, толкаются, бередятъ другъ другу пораненыя руки, наступаютъ на раненыя ноги, кричатъ, стонутъ и воютъ отъ боли, а сами все-таки лѣзутъ... Съ самаго ранняго утра и до обѣда все возились съ ними, пока разсортировали и усадили. Съ отѣздомъ транспорта (отправились 243 чел.), у насъ сдѣлалось и просторнѣе, и какъ-то всѣмъ легче отъ того именно что мы сбыли съ рукъ массу легко раненыхъ, между которыми было не мало безпокойныхъ; своими просьбами и претензіями они намъ постоянно докучали: то имъ хлѣба мало, говядины мало, супъ или чай не горячій, подстилки въ землянкахъ нѣтъ, накрыться имъ отъ холода не-

Digitized by Google

чѣмъ и т. л. Толковать каждому изъ нихъ что нашъ лазаретъ устроенъ только на 80 человѣкъ, тогда какъ въ немъ въ настоящее время около 1.000 человѣкъ, что такая масса раненыхъ поступила почти разомъ и притомъ неожиданно, что ничего нельзя было напередъ заготовить, да и взять негдѣ,—толковать имъ все это значило терять только время. Накормить, напоить чаемъ два раза въ день около тысячи человѣкъ поступившихъ въ теченіе двухъ дней, когда штатъ лазарета всего на 83 человѣка, это было не легкое дѣло. Какъ и откуда все бралось у нашего достойнѣйшаго коммиссара П. А. Койленскаго, объ этомъ знаетъ только его высоко-честная добрая душа!...

3го декабря. На разсвѣтѣ, во время чаепитія, къ намъ прибылъ представитель Краснаго Креста князь Накашидзе. Всѣ мы обрадовались его пріѣзду какъ нельзя болѣе, и въ особенности еще потому что у насъ въ этотъ день готовился къ отправкѣ второй транспортъ съ болѣе тяжело ранеными, которые очень нуждались въ теплой одеждѣ, такъ какъ погода все болѣе и болѣе дѣлалась холодною и вмѣстѣ съ мелкимъ дождемъ сталъ перепадать уже снѣжокъ. Князь заявилъ, между прочимъ, что пріѣхалъ всего на одинъ день; такъ какъ предположено уже выступленіе нѣкоторыхъ дивизій изъ-подъ Плевны по Софійскому шоссе на подкрѣпленіе отряда Гурко, то съ этими дивизіями долженъ выступить и летучій отрядъ Краснаго Креста. По единогласному заявленію врачей меня избрали на должность „сестры милосердія“ и назвали членомъ Краснаго Креста. Съ глубокою радостью принялъ я это назначеніе... Отправились въ лазаретъ и началась обычная работа; но чтобы въ нашей собственно работѣ былъ надлежащій порядокъ, мы условились съ почтеннымъ княземъ такъ: онъ обойдетъ землянки гдѣ помѣщаются офицеры, особенно назначенные въ нынѣшній день къ отправкѣ, и узнаетъ кто изъ нихъ и въ чемъ именно нуждается, и станетъ надѣлять ихъ; а я прежде всего займусь раздачей всѣмъ раненымъ и больнымъ бѣлья, фуфаекъ, шалокъ, чулковъ; а когда будетъ готовъ транспортъ, я раздамъ особенно нуждающимся полушубки и байковыя одѣяла. Такъ и сдѣлали: онъ пошелъ къ офицерамъ, а я остался въ лазаретѣ и принялъ тюки съ разными вещами. Между палатками, около лазаретной аптеки, я разостлалъ нѣсколько рогожекъ и разложилъ свой мате-

Digitized by Google

ріалъ. Считаю нужнымъ описать тебѣ мой рабочій костюмъ: на мнѣ мой дубленый полушубокъ, подпоясанный ремнемъ, черная барашковая шапка и длинные походные сапоги на четверть въ грязи; въ такомъ нарядѣ трудно признать во мнѣ священника, и многіе солдаты чужихъ полковъ дѣйствительно принимали меня за торговца, безденежно раздающаго свои товары: подходя съ приподнятою шапкой, они пренаивно обращались ко мнѣ съ такими словами: „господинъ купецъ, пожалуйте мнѣ табачку, или одолжите фуфаечку"... Даже нашъ корпусный командиръ, посѣтившій въ этотъ день нашъ лазаретъ и заставшій меня въ одной палатѣ за раздачей бѣлья, долго не могъ узнать, кто это... Когда транспортъ былъ готовъ, я разбилъ тюки съ полушубками и одѣялами и, по указанію врача назначеннаго сопровождать транспортъ, началъ раздавать это величайшее благодѣяніе для нашихъ несчастныхъ раненыхъ. Среди этой работы за мною прислали въ операціонную, я отказался за спѣшнымъ недосугомъ; фельдшеръ прибѣжалъ въ другой разъ и говоритъ: непремѣнно нужно, батюшка, и тамъ спѣшная работа. Прихожу.— Чтò вамъ нужно? спрашиваю Назарова. — А вотъ гг. офицеры просятъ васъ... Смотрю: въ палату принесены два тяжело раненые офицера: штабсъ-капитанъ Молчановъ и прапорщикъ Каневцевъ; у перваго перебита голень и сквозная рана въ груди, у другаго пуля засѣла въ колѣнномъ составѣ; ихъ принесли сюда для того чтобы произвести окончательный діагнозъ ихъ ранъ и опредѣлить нужно ли произвесть немедленно ампутаціи или отправить съ однѣми перевязками въ Боготъ. Объ этомъ я зналъ еще съ утра, когда за чаемъ распредѣляли, какія работы нужно произвести въ этотъ день. Завидѣвъ меня Каневцевъ, уже положенный на операціонный столъ, почти закричалъ мнѣ: „батюшка, подите сюда." Я подошелъ; „станьте, пожалуста, вотъ тутъ возлѣ меня," умоляющимъ голосомъ проговорилъ онъ. Бѣдный молодой человѣкъ былъ въ страшно возбужденномъ, почти истерическомъ состояніи.—Чтò они хотятъ со мною дѣлать? испуганно-растерянно спросилъ онъ, смотря какими-то пронзительно-устремленными на меня глазами. Тихо, спокойно я разказалъ ему, зачѣмъ принесли его сюда, чтò и для чего хотятъ сдѣлать и завѣрилъ священническою совѣстью что ни въ какомъ случаѣ ему не будутъ теперь же дѣлать операціи. Онъ немного успокоился; но только что

Digitized by Google

наложили хлороформъ, какъ съ нимъ сдѣлался сильнѣйшій нервный припадокъ, онъ чуть не соскочилъ со стола. Опять нѣсколько минутъ я долженъ былъ урезонивать его, пока онъ снова успокоился. Когда хлороформъ подѣйствовалъ и онъ безчувственно заснулъ, Назаровъ и другіе врачи разсказали мнѣ что то же самое что я ему говорилъ они повторяли десять разъ, увѣряли его честнымъ словомъ; но онъ ничего слушать не хотѣлъ, твердя настойчиво: лозовите ко мнѣ батюшку.... Діагнозъ Молчанова не требовалъ хлороформа; судя по тому что гангрена въ теченіе трехъ дней не только не распространилась, а даже отступила отъ намѣченныхъ, демаркаціонныхъ линій, признали возможнымъ отправить его въ такомъ положеніи въ Боготъ на усмотрѣніе знаменитаго Пирогова. То же самое порѣшили и о Каневцевѣ, которому предстояло одно изъ двухъ: или ампутація бедра, или резекція колѣннаго состава.

Укладка тяжело раненыхъ затянулась до самаго вечера, хотя этотъ транспортъ и не такъ великъ какъ прежніе — всего 168 человѣкъ. Особенно долго возились съ укладкой тяжело раненыхъ офицеровъ: нужно было выбрать телѣги попросторнѣе, подстилки побольше и пр. Грустно и радостно было прощаніе съ товарищами.... Радостно за нихъ, грустно за себя.... Какъ дѣти они рады что отправляются домой въ Россію. А мы-то когда вернемся, да и вернемся ли?... Совсѣмъ уже стемнѣло когда транспортъ тронулся съ мѣста... Далеко, далеко, пока было видно, я провожалъ его и глазами и сердцемъ....

4го декабря (воскресенье). Послѣ краткаго богослуженія я пріобщалъ всѣхъ оставшихся въ живыхъ ампутированныхъ и гипсованныхъ, которые въ тотъ день отправлялись въ госпиталь, и хоронилъ умершихъ. Укладка несчастныхъ страдальцевъ продолжалась цѣлый день и при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: послѣ обѣда пошелъ густой, мокрый снѣгъ; не дай Богъ хватитъ ночью морозъ,—что будетъ съ нашими безруками и безногими, которые должны проѣхать болѣе 30 верстъ до Богота?.. Укладка эта показала мнѣ еще одну прекрасную сторону характера нашихъ почтенныхъ врачей: дай Богъ чтобы родныя сестры и матери съ такою любовью и мягкостью ухаживали за своими больными братьями и дѣтьми какъ ухаживали наши врачи за несчастными страдальцами ранеными: каждаго ампутированнаго или гипсован-

Digitized by Google

наго уложили въ отдѣльную телѣгу, наклали чуть не полвоза подстилки, обложили полушубками, накрыли байковыми одѣялами, а сверху шинелями. На дорогу положили бѣлаго хлѣба, яицъ, нѣсколько бутылокъ молока, вина, чаю и пр. и пр. Отрадно было видѣть такое истинно христіанское попеченіе о больныхъ и раненыхъ...

По отъѣздѣ транспорта началась уборка и приведеніе въ надлежащій порядокъ всего нашего лазарета, въ которомъ остались теперь пять-шесть человѣкъ совершенно безнадежныхъ: у одного—столбнякъ, у другаго—пиэмія, у третьяго—тифъ.... да человѣкъ 150 изъ прежнихъ еще больныхъ, но и тѣ будутъ отправлены послѣзавтра.. Покончивъ и убравъ все въ лазаретѣ, мы рано вернулись домой. Назаровъ, скинувъ съ себя свой ужасный операціонный костюмъ и преобразившись въ обыкновеннаго смертнаго, обратился къ моему дорогому сожителю съ краткимъ поздравленіемъ.—„Теперь я считаю себя въ правѣ, сказалъ онъ, поздравить васъ; Ал. Ив—чъ, съ окончаніемъ славнаго Плевненскаго дѣла“... Начались самыя искреннія рукоположатія, поздравленія; подошли еще кое-кто изъ врачей и у насъ составилась очень одушевленная, горячая бесѣда...

5го декабря. По приказанію Ал. Ив—ча, всѣхъ больныхъ лежавшихъ по болгарскимъ землянкамъ перевели и перенесли въ наши лазаретные шатры для болѣе удобнаго приготовленія ихъ къ отправкѣ. Я осмотрѣлъ ихъ въ качествѣ члена отъ Краснаго Креста и снабдилъ всѣмъ въ чемъ они нуждались, особенно бѣльемъ, фуфайками, суконными чулками и теплыми шапками. Какъ они довольны, какъ благодарны! Запасъ вещей оставленныхъ мнѣ княземъ Накашидзе такъ великъ что за удовлетвореніемъ всѣхъ нуждающихся у меня еще осталось шесть полушубковъ, пятнадцать одѣялъ и довольно разныхъ мелкихъ вещей; ко всему этому Ал. Ив. сдѣлалъ замѣчательно мудрое и предусмотрительное распоряженіе: каждому врачу отправляющемуся съ транспортомъ поручено было, по пріѣздѣ въ госпиталь, снимать съ нѣкоторыхъ раненыхъ, менѣе нуждающихся, какъ одѣяла, такъ и полушубки, имѣя въ виду то что шатры военно-временныхъ госпиталей отапливаются желѣзными печками и въ нихъ бываетъ не только тепло, но даже жарко; между тѣмъ какъ въ наши холодныя палаты станутъ поступать новыя серіи больныхъ, и теплыя вещи потребуются

Digitized by Google

непремѣнно, особенно въ виду наступающей настоящей зимы. Такимъ образомъ въ нашемъ лазаретѣ имѣется порядочный запасъ теплыхъ вещей, и все отъ Краснаго Креста... Мы и представить себѣ не можемъ того ужаснаго положенія въ какое мы были бы поставлены еслибы не явился къ намъ на помощь благодѣтельный Красный Крестъ!...

Покончивъ свои дѣла въ лазаретѣ, я возвратился въ свою хату, гдѣ засталъ всѣхъ нашихъ врачей собравшихся провожать дорогихъ гостей—Назарова, Рибо, Худякова и Хлопицкаго. Проводы и прощанье были самыя задушевныя, дружескія...

По отъѣздѣ врачей, мой бѣдный Ал. Ив. опять усѣлся за трудную письменную работу: повѣрять списки отправленныхъ транспортовъ раненыхъ, заготовлять донесенія начальнику дивизіи, корпусному врачу, полевому военно-медицинскому управленію и т. д.

Вечеромъ я служилъ всенощную; наступалъ день Святителя Николая... Сколько дорогихъ воспоминаній!... Послали телеграмму въ Одессу, а на бивуакъ къ Н. П. С—ву посылали коннаго вѣстоваго съ поздравленіемъ. Намъ самимъ все еще нельзя было вырваться изъ Трестеника, въ этотъ день назначена отправка послѣдняго транспорта съ одними почти больными...

6го декабря. За ночь навалило снѣгу чуть не по колѣно, такъ что я едва-едва дотащился въ лазаретъ чтобъ отслужить обѣдницу и молебенъ. Послѣ богослуженія стали усаживать на телѣги послѣднихъ нашихъ больныхъ, въ количествѣ 166 человѣкъ. Наступившій и съ каждымъ часомъ возраставшій холодъ заставилъ насъ еще прибавить и увеличить количество теплыхъ вещей выданныхъ больнымъ. Итакъ это послѣдній транспортъ! Слава Богу!

Теперь подведемъ итоги чтобы хотя приблизительно можно было судить о дѣятельности нашего лазарета за эту тяжелую недѣлю; отправлено четыре транспорта:

2го числа.....	243	человѣка.
3го „	168	„
4го „	237	„
6го „	166	„
Выздоровѣло за эти дни	58	„
Умерло.....	49	„
Итого	921	человѣкъ.

Digitized by Google

Большихъ, тяжелыхъ операцій произведено 6, малыхъ 12, гипсовыхъ повязокъ наложено 40, большею частію на перебитыя голени и бедра; пуль и осколковъ извлечено болѣе 100.

9го декабря. Благодари погоду; третій день у насъ свирѣпствуетъ буря, мятель, свѣту Божьяго не видно, никуда носа показать нельзя, и сидимъ мы съ дорогимъ сожителемъ и третій день пишемъ: онъ — официальный отчетъ по начальству, а я—неофиціальное донесеніе тебѣ; такъ какъ сегодня буря начинаетъ стихать, то Ал. Ив. собирается завтра и къ начальнику дивизіи, и къ корпусному врачу; если онъ поѣдетъ не верхомъ, то и я съ нимъ отправлюсь и лично сдамъ это длиннѣйшее письмо-дневникъ на почту.

XXVII.

Трестеникъ, 13го декабря.

Послѣ страшной вьюги свирѣпствовавшей цѣлыхъ два дня 7го и 8го декабря наступили морозы, которые постепенно усиливаются отъ 10ти до 15°. А во время этой вьюги наши сосѣди-Румыны выступали въ походъ подъ Виддинъ. Солдатская одежда у нихъ далеко легче нашей шинели и мундиры изъ тонкаго сукна, на ногахъ не сапоги, а *опанки*; башлыковъ почти ни у кого,—а тутъ походъ; выступали они, какъ долгъ велитъ, съ пѣснями, съ музыкой, но смотрѣть на нихъ было жалко... Несчастный обозъ ихъ цѣлый день мучился выбиваясь на нашу Трестеникскую гору, а ихъ обозъ несравненно легче нашего; глубокія колеи прорѣзанныя обозными колесами по взбудораженной ими грязи такъ и замерзли, закостенѣли, и теперь у насъ дорога, какъ говорится, ни туда, ни сюда, не саньми, ни возомъ; на саняхъ-то еще можно бы ѣздить—снѣгу навалило почти въ колѣно, но Болгары избалованные своимъ теплымъ климатомъ почти не имѣютъ саней, а мы, выступая изъ Россіи, не захватили съ собой нашихъ *розвальней* и теперь не имѣемъ возможности двинуться съ мѣста, особенно въ нашихъ неуклюжихъ линейкахъ и артелкахъ, между тѣмъ походъ и у насъ на носу: кромѣ румынскихъ дивизій и всѣ наши войска стоявшія подъ Плевной также выступили въ походъ, кто на Шипку, кто въ отрядъ Гурко по Софійскому шоссе; только мы, гренадеръ-

Digitized by Google

ры, продолжаемъ стоять и прозябать на бивуакахъ неизвѣстно почему и для чего... Носятся слухи что нашъ корпусъ будетъ составлять такъ-называемый глубокій резервъ дѣйствующей арміи и двинется въ походъ только въ рѣшительныя минуты кампаніи; но какъ бы тамъ ни было, а настоящее наше положеніе больно не завидно: во время тяжелой, *страдной* недѣли, когда всѣ мы поглощены были заботами о раненыхъ, не до того было чтобы думать и заботиться о фуражѣ для нашихъ лошадей, а скирды сѣна и ячменя заготовленные заранѣе всѣ пошли на подстилку раненымъ, такъ что когда наступило полное бездорожье, у насъ фуража оказалось какъ есть ни соломенки; то же самое случилось и съ сухарями и другими продуктами, и мы, почти не замѣчая того, очутились въ самомъ плачевномъ положеніи: подвоза никакого и ни откуда ждать нельзя,—прошелъ даже слухъ что на Дунаѣ мосты наши сорвало ледоходомъ и что всякое сообщеніе прекратилось; запасы сухарей, привезенные тѣми транспортами на которыхъ мы отправляли нашихъ раненыхъ, всѣ пошли на кормежку плѣнныхъ Турокъ, которыхъ пока разобрали, раздѣлили на эшелоны, да пока отправили, нужно же было кормить, нужно было выдать имъ и на дорогу, а ихъ оказалось болѣе 30 тысячъ. Говорятъ что на пути отъ Плевны до Никополя, на протяженіи какихъ-нибудь 45 верстъ, Турокъ померзло около *пяти* тысячъ... Бѣдствіе въ несчастной Османовской арміи страшное!... Но не многимъ лучше и настоящее наше положеніе: замерзшихъ у насъ, слава Богу, еще нѣтъ, но съ обмороженными руками и ногами уже довольно, а больныхъ опять дѣвать некуда: въ теченіе какихъ-нибудь четырехъ-пяти дней къ намъ поступило болѣе 200 человѣкъ. За невозможностію класть ихъ на голой, промерзлой землѣ въ нашихъ лазаретныхъ шатрахъ, размѣщаемъ ихъ по болгарскимъ землянкамъ, гдѣ близкое сосѣдство буйволовъ даетъ порядочное количество тепла; но какой воздухъ въ этихъ землянкахъ—ужасъ! Буйволы и дизентерики.... Опять тысячу разъ спасибо Красному Кресту: безъ его полушубковъ, одѣялъ, фуфаекъ я не знаю что бы это было? На дняхъ пріѣзжалъ къ намъ изъ Петрополя А. Д. Спасаревскій и передавалъ грустное извѣстіе что на бивуакахъ полнѣйшее бѣдствіе!.. За дровами стали посылать цѣлыми баталіонами верстъ за 15—20, и солдаты на себѣ волокутъ сырыя, только что ихъ же тесаками

Digitized by Google

нарубленныя дрова, которыя потомъ не горятъ безъ подтопки, безъ щелокъ,—и бѣдные солдаты дуютъ, дуютъ, раздуваютъ, густой дымъ глаза имъ ѣстъ, а толку никакого, тепла нѣтъ, одна только мука.... Не лучшее житье выпало на долю и нашимъ офицерамъ: мерзнутъ бѣдные!... Вчера пріѣзжалъ ко мнѣ Б—скій депутатомъ отъ товарищей и я послалъ съ нимъ нѣсколько паръ шерстяныхъ чулокъ, шапокъ, шейныхъ шарфиковъ, два одѣяла и даже одну перемѣну бѣлья. Впрочемъ и мы съ сожителемъ недавно испытали также что значитъ нашъ русскій морозъ, забравшійся въ теплыя страны Болгаріи: два дня у насъ (10го и 11го) не было ни полѣна дровъ, и мы сидѣли въ своей хатѣ въ полномъ походномъ облаченіи—въ полушубкахъ, рукавичкахъ и валенкахъ....

Но несмотря ни на что нравственное вліяніе Плевненской побѣды необычайно велико: отъ Государя до послѣдняго солдата всѣ какъ будто изъ мертвыхъ воскресли; а о нашихъ гренадерахъ и толковать нечего: они на седьмомъ небѣ.... Самыя лишенія, недостатки, даже бѣдствія переносятся ими съ большимъ мужествомъ и совершенно безропотно....

— Теперь можетъ и въ Расею скорѣй поладемъ коли Плевну забрали, мечтаютъ наши голодные и мерзнущіе гренадеры;—ежели самого Османа половили и все у него войско забрали, такъ намъ теперь и воевать-то больше не съ кѣмъ....

И нужно слышать въ какомъ тонѣ ведутся подобные разговоры, съ какимъ духомъ, съ какою самоувѣренностью, какъ будто послѣ Османа у нашихъ гренадеръ нѣтъ болѣе достойнаго противника; почти всѣ солдаты увѣрены въ томъ (да и одни ли солдаты?) что коли мы съ Плевной управились, такъ теперь конецъ войнѣ, замиренье и—въ Россію.... О, еслибы не обманула ихъ искренняя и твердая увѣренность!... Впрочемъ Сисаревскій передавалъ слухъ распространившійся изъ Главной Квартиры что будто бы какъ только получены были телеграммы о паденіи Плевны, тотчасъ же всѣ европейскіе кабинеты взяли на себя посредничество и предложили воюющимъ сторонамъ заключить предварительное перемиріе и потомъ при ихъ участіи окончательный миръ. Но все это одни только разсказы, слухи, предположенія... Газетъ мы еще не читали и даже не знаемъ содержанія тѣхъ офиціальныхъ телеграммъ которыми извѣщалась Россія о знаменитомъ

Digitized by Google

гренадерскомъ лобовищѣ, о взятіи Плевны, о плѣненіи Османа. Наши офицеры настроены тоже на очень высокій ладъ и между прочимъ отъ того еще что телерь они не считаютъ себя въ долгу предъ гвардіей; Дубнякъ и Плевна стоятъ другъ за друга.... Прощай....

XXVIII.

Трестеникъ, 15го декабря.

Сейчасъ вернулся изъ путешествія по землянкамъ, провѣдалъ всѣхъ, усталъ порядочно.... Да, другія уже явленія, новыя заботы.... Суровая зима даетъ себя чувствовать, особенно на бивуакахъ, среди открытыхъ снѣжныхъ полей.... Молись, мой другъ, не уставай стучать въ широкія двери небеснаго милосердія! Объ одномъ лока молись: здоровья мнѣ проси, укрѣпленія моихъ изнемогающихъ силъ проси мнѣ у Царицы Небесной!... Опять трудное время подошло: морозы крѣпнутъ, обмороженныхъ много, помощи ни откуда, дороги—ужасъ что̀ такое; подвоза нѣтъ, голодъ за спиной; лошади въ полкахъ и у насъ валятся десятками; люди коченѣютъ отъ холода; больные прибываютъ къ намъ чуть не ежеминутно.... Положеніе становится критическимъ.... У кого есть здоровье, силы, энергія, тѣмъ работы много.... Вотъ она настоящая жизнь военная: побѣдили, разбили, несокрушимую Плевну взяли, 40 тысячъ плѣнныхъ захватили, а сами зубъ на зубъ не попадемъ.... И что̀ это за чудное созданіе—нашъ русскій солдатъ! Холоденъ, голоденъ, у самого еле душа въ тѣлѣ, а онъ лѣсни распѣваетъ и голоднаго Турку послѣднимъ сухаремъ кормитъ....

„Намъ-то подвезутъ, а *ему* неоткуда взять“, разсуждаютъ наши солдаты, даже не сознавая своего удивительнаго великодушія, самоотверженія.... Недавно мнѣ сообщили слѣдующій фактъ: въ день знаменитой битвы, 28го ноября, въ полковомъ околоткѣ нашего Сибирскаго полка лежало человѣкъ *сорокъ* больныхъ лихорадкой и дизентеріей; всѣ они вечеромъ того же дня предназначались къ отправкѣ въ нашъ лазаретъ для дальнѣйшаго лѣченія. Начинается бой, приходитъ съ позиціи на бивуакъ извѣстіе что Турки *навалили—страсть!* что наши стрѣлки уже бросили первую линію ложементовъ и отступаютъ. Прилетаетъ другое извѣстіе: обозу

Digitized by Google

приказано отступать, денежный полковой ящикъ увезти подальше за Нетрополь.... Между больными въ околоткѣ былъ фельдфебель Антипинъ. Услыхавъ такія нерадостныя вѣсти съ поля битвы, онъ обращается къ своимъ соболѣзнующимъ и говоритъ:

— Братцы, нашихъ Сибирцевъ поганые Турки бьютъ, силою ломятъ, а мы-то чего тутъ лежимъ? Пойдемте, голубчики, на выручку; авось и мы уколотимъ хоть по одному нехристю....

Сказано, сдѣлано: въ пять минутъ изъ болящихъ составился цѣлый взводъ; мигомъ похватали ружья, патронныя сумки, рысью побѣжали на позицію, гдѣ кипѣлъ настоящій адъ, и сдѣлали свое дѣло, да какъ? По приговору ротъ и начальства герой Антипинъ и трое изъ болящихъ получили Георгіевскіе кресты; два убиты, четверо ранены, а у остальныхъ—замѣчательный случай: ни лихорадка, ни дизентерія не повторялись болѣе....

— Какъ рукой сняло, разказываютъ про себя бывшіе больные....

Такихъ эпизодовъ, такихъ геройскихъ подвиговъ случилось въ этотъ день много: спроси у Шипцбарта, кто ему спасъ жизнь? Спроси у Геннуша о томъ же; даже одинъ деньщикъ получилъ Георгія!...

XXIX.

Трестеники, 17го декабря.

Цѣлыхъ два дня не могъ продолжать письма, и по самымъ резоннымъ причинамъ: со вчерашняго утра у насъ неожиданная перемѣна декорацій: всеобщая радость, неописанный восторгъ!... И сухарей привезли, и корму лошадямъ достали, за полушубками въ Систово поѣхали, даже морозы поменьшали, — словомъ всѣ спасены, отъ голодной смерти избавлены; ну, понятно, сейчасъ же повсюду пѣсни, ликованье во всю широкую русскую натуру!... Въ этихъ неожиданностяхъ, въ этихъ быстрыхъ переходахъ изъ одного душевнаго состоянія въ другое, совершенно противоположное, заключается невыразимая прелесть военно-походной жизни.... Поутру горе, бѣда, отчаяніе; а къ вечеру—восторгъ, экстазъ... Сегодня—голодъ, нужда, перекусить нечего; на завтра—ни-

Digitized by Google

дѣйки, ликеры, шампанское рѣкой.... Вотъ, напримѣръ, какъ мы вчера обѣдали: на дняхъ наши обозные отправились за фуражомъ и толливомъ, нечаянно наѣхали на одну усадьбу (чифликъ) брошенную Турками. Въ усадьбѣ хозяйничалъ уже какой-то Болгаринъ со своимъ семействомъ; у него наши фуражиры набрали пять возовъ сѣна, три воза дровъ (разобрали сарай) и нѣсколько штукъ живыхъ куръ и индѣекъ. Сейчасъ же мы ихъ зажарили и начали роскошничать, но, увы, хлѣба у насъ ни кусочка, одни сухари, и вотъ за обѣдомъ кусаешь индѣйки, грызешь сухарика—и превкусно выходитъ....

Вечеромъ, посѣтивъ всѣхъ больныхъ офицеровъ (представь себѣ: Квантенъ поправляется, у него рана въ животъ, смертельная рана, такъ что его и не отправляли въ ожиданіи смерти, и онъ теперь поправляется и по комнатѣ уже ходитъ), я зашелъ къ Г—ту; сидимъ, разговариваемъ, вдругъ является мой Елисей и докладываетъ:

— Пожалуйте, батюшка, домой....

— Что такое случилось?

— Походъ, лаконически отвѣчаетъ онъ невозмутимо.

— Какъ, неужели?

— Главный врачъ получилъ сейчасъ бумагу изъ Нетрополя....

Прибѣгаю домой и нахожу суматоху: весь наличный персоналъ лазарета столпился въ нашей хаткѣ, всѣ говорятъ, спорятъ, горячатся....

— Походъ, батенька! въ одно слово заголили всѣ при моемъ появленіи.

— Ну что жъ? Походъ такъ походъ; да куда?

— А вотъ прочитайте.

Подаютъ мнѣ бумагу. Читаю слѣдующее: „По случаю скораго выступленія въ походъ, предписываю (корпусной врачъ) немедленно закрыть лазаретъ, больныхъ отправить въ Плевну и болѣе изъ полковъ не принимать“... Кратко, но не ясно...

Составили консиліумъ и порѣшили: просить Ал. Ив—ча отправиться въ штабъ дивизіи и разузнать все толкомъ. Такъ и сдѣлали.

Ал. Ив—чъ привезъ изъ штаба дивизіи любопытныя новости, между прочимъ — что изъ главной квартиры присланы 400 знаковъ отличія Военнаго Ордена для раздачи нижнимъ чинамъ особо отличившимся 28го ноября. Неизвѣстно почему

Digitized by Google

все это количество раздѣлено *поровну* между всѣми полками двухъ дивизій, по 45 знаковъ на полкъ и по 20 на артиллерійскія бригады. Это распредѣленіе насъ озадачило: въ сраженіи 28го ноября участвовала наша дивизія — это фактъ неоспоримый; а награды между тѣмъ назначаются и такимъ полкамъ которые въ этой битвѣ даже не участвовали... Какъ станутъ они дѣлить между собою эти награды? кто у нихъ *особенно* отличился? Но вторая новость идетъ въ совершенный разрѣзъ съ первою: Великій Князь Главнокомандующій прислалъ еще отъ себя 200 крестовъ для раздачи раненымъ по количеству таковыхъ въ каждой части, въ каждомъ полку. Распредѣленіе этихъ орденовъ сдѣлано совершенно справедливо: въ Самогитскій полкъ 2й гренадерской дивизіи, по количеству въ немъ раненыхъ, назначено *три* креста, въ нашъ Сибирскій—40, въ Малороссійскій—72, въ Фанагорійскій—27, въ Астраханскій — 51, артиллеристамъ 2й дивизіи — 1 и нашимъ 6. Три полка 2й дивизіи: Кіевскій, Таврическій и Московскій, не получили изъ этихъ орденовъ *ни одного*, такъ какъ раненыхъ у нихъ не было. Непремѣнно завтра же поѣду въ Нетрополь, а то и въ Дубнякъ, можетъ-быть недоумѣнія разъяснятся.

XXX.

Трестеникъ, 19го декабря.

Былъ, а лучше бы сдѣлалъ еслибы вовсе не былъ.... Разузналъ, а лучше бы никогда не узнавалъ.... Повѣришь ли, мой другъ, всѣ мы въ данную минуту въ такомъ возбужденномъ состояніи котораго ни коимъ образомъ описать нельзя.... Тебѣ конечно непонятно то о чемъ я говорю; вы прочитали телеграммы, порадовались какъ могли и какъ умѣли—и только; для всѣхъ васъ, для цѣлой Россіи, важенъ самый фактъ: „Плевна пала, Плевну взяли,“ а какъ, кто, что, васъ это всего меньше интересуетъ,—Сибирцы ли и Астраханцы, или Бутырцы съ Угличанами забрали Плевну—для васъ это безразлично; важенъ фактъ: Плевна пала, а все прочее для васъ вещь второстепенная... Для насъ же совершенно иное: кто разбилъ Османа, кто заставилъ его армію положить оружіе,—это для насъ самый первый, главнѣйшій, существеннѣйшій фактъ!... А что Плевна пала,—это второстепенное дѣло, это только

Digitized by Google

необходимое послѣдствіе, неизбѣжный результатъ перваго; не будь этого перваго—не было бы и послѣдняго!.. Вчера утромъ я отправился въ Дубнякъ, въ нашъ корпусный штабъ. Штабные приняли меня очень радушно; живутъ они въ одной комнатѣ, кажется, еще тѣснѣе нашего: у двухъ есть складныя походныя кровати, а Спартанецъ Мецгеръ ломѣщается прямо на полу, на своей kавkазской буркѣ. Засталъ всѣхъ въ самомъ оживленномъ разговорѣ. Рѣчь шла о Плевненской битвѣ и объ участіи въ ней разныхъ полковъ; изъ недоговоренныхъ фразъ и полунамековъ я могъ только догадываться что разговоръ kасается нашей дивизіи, но вмѣшиваться въ этотъ разговоръ, разспрашивать, я счелъ для себя неудобнымъ, и хотя штабные обращались и ko мнѣ съ такими же полунамеками, я упорно молчалъ; когда же они стали и на меня насѣдать, я отвѣчалъ что положительно ничего не знаю.

— Да развѣ вы еще не читали? въ одинъ голосъ спросили меня штабные.

— Ничего не читалъ, у насъ газетъ никакихъ нѣтъ.

— А-а, многозначительно протянули они и отстали отъ меня, прибавивъ:—ну, все равно, не сегодня такъ завтра всѣ узнаютъ, это теперь не секретъ, тила въ мѣшкѣ не утаишь...

Это тило меня очень занимало, но разспрашивать было kакъ-то неудобно. Отдохнувъ у милыхъ штабниковъ, я сталъ собираться домой.

— Вы чрезъ Нетрополь? спросилъ меня Мецгеръ.

— Да, отвѣчалъ я.

— А на бивуакъ къ своимъ заѣдете?

— Непремѣнно заѣду...

— Ну, такъ возьмите меня съ собой, мнѣ нужно повидаться съ Водаромъ.

Мы усѣлись и покатили. Только что мы выѣхали за Дубнякъ, Мецгеръ досталъ изъ kармана нумеръ *Голоса* и прочелъ мнѣ первую телеграмму о Плевненской битвѣ...

— Да не можетъ быть, закричалъ я.—А мои Малороссійцы, вѣдь я самъ служилъ въ этомъ полку, что же объ нихъ? Ничего?

— Ничего, грустно отвѣтилъ мнѣ мой спутникъ,—и теперь это неполправимо; но будетъ время когда все это всплыветъ на чистую воду...

Пріѣхали мы на бивуакъ и застали у Водара нашего бри-

Digitized by Google

шими товарищами-Сибирцами, они вмѣстѣ съ ними открыли по Туркамъ жесточайшій, какой только можно вообразить себѣ, ружейный батальный огонь. Турки остановились, не выдержали и попятились назадъ въ занятыя ими траншеи нашей первой линіи; прошло какихъ-нибудь десять минутъ, четверть часа,—ошеломленные огнемъ Малороссійцевъ Турки оломались, устроились подъ прикрытіемъ траншей и батарейныхъ насыпей и снова съ отчаянною яростью выскочили изъ-за околовъ и бросились въ направленіи къ Лѣвому люнету,—минута была опять страшная, критическая,—не удержись—и все бы пропало... Но изъ-за Лѣваго люнета какъ будто изъ-подъ земли вдругъ явились стройные ряды двухъ Астраханскихъ баталіоновъ, со своимъ отважнымъ командиромъ бригады во главѣ; за ними уступомъ виднѣлись грозныя колонны Суворовцевъ. Съ громкимъ *ура*, съ необыкновенною быстротой и энергіей удалые Астраханцы повели свою знаменитую, образцовую атаку, имѣвшую рѣшительное вліяніе на весь ходъ боя. Завидя ихъ, заслыша родное, могучее *ура*, Малороссійцы и Сибирцы выскочили изъ траншей и бросились въ отчаянную, ужасную атаку!.. Турки, пораженные, изумленные этимъ дружнымъ, общимъ наступленіемъ всей нашей боевой линіи, бросились въ безпорядочномъ бѣгствѣ назадъ опять къ траншеямъ нашей первой линіи, думая укрыться и удержаться тамъ; но по пятамъ ихъ наши гренадеры ворвались въ тѣ же самыя траншеи, и тутъ закипѣлъ никакимъ перомъ неизобразимый, отчаянный рукопашный бой... Прибѣжали артиллеристы (геройскій подвигъ Миловидова), затрещала картечь, посылались гранаты, трахнули—и пораженіе Турокъ сдѣлалось ужаснымъ, неотразимымъ!.. Завидѣвъ около своихъ траншей и въ самыхъ траншеяхъ несчастные трупы своихъ героевъ-офицеровъ обезображенные и обобранные уже догола нечестивыми Турками, Сибирцы и Малороссы пришли въ неописанную ярость: нѣтъ болѣе пардону проклятымъ нехристямъ, загремѣли наши богатыри и начали косить Турокъ цѣлыми рядами, словно густую траву на сѣнокосѣ.... Дѣйствительно, на другой день битвы, когда я ходилъ и осматривалъ страшное поле этого сѣнокоса, около второй нашей батареи и въ траншеяхъ и за траншеями нашей 5й линейной и 2й стрѣлковой роты турецкіе трупы лежали огромными кучами, настоящими копнами!...

Digitized by Google

Между тѣмъ о Малороссійцахъ даже не упомянуто въ первыхъ телеграммахъ; а вѣдь эти телеграммы облетѣли всю Россію, всю Европу.

XXXII.

Трестеникъ, 23го декабря.

Кажется изъ Трестеника не придется уже болѣе писать, мы выступаемъ въ походъ на Шипку и получили уже маршрутъ до Габрова. Нашимъ Сибирцамъ приходится выступать въ первый день праздника Рождества Христова, а намъ на другой день,—вотъ вамъ и праздники.... Впрочемъ о нашемъ походѣ вы скорѣе узнаете изъ газетъ нежели изъ моего письма; да и вообще о ходѣ военныхъ операцій и о всѣхъ событіяхъ на театрѣ войны вы получаете свѣдѣнія гораздо раньше нежели мы; такъ напримѣръ вы давнымъ давно отпраздновали нашу побѣду и, пожалуй, уже забыли о Плевнѣ, а мы только теперь начинаемъ получать газеты и изъ нихъ узнаемъ *яко бы* подробности о нашемъ собственномъ дѣлѣ.... Какъ исковеркано въ газетахъ это блестящее, славное дѣло! Истинные герои дня, на своихъ плечахъ вынесшіе всю тяжесть боя, оставлены въ тѣни, неужели изъ-за того чтобы показать что не одна наша дивизія совершила великій подвигъ, а *весь* гренадерскій корпусъ, значитъ и 2а гренадерская дивизія. Изъ прежнихъ моихъ писемъ ты уже знаешь какіе именно полки участвовали въ битвѣ 28го ноября, знаешь и скорбную цифру потерь которыя понесли эти доблестные полки, и вдругъ о нихъ въ телеграммахъ и газетахъ ни слова.... Ужь одно то что Малороссійскому полку назначено *семдесятъ два* Георгія, а Самогитскому—*три*.... За что же такая награда, такое предпочтеніе Малороссійскому полку, неужели за то о чемъ не стоило и упоминать въ телеграммахъ?... А вѣдь эти телеграммы облетѣли всю Россію....

Но случившагося не воротишь....

У насъ уже начались походные сборы: на мѣсто павшихъ лошадей покупаютъ воловъ; вмѣсто изношенныхъ салогъ шьютъ болгарскіе *опанки* изъ сырыхъ воловьихъ шкуръ шерстью вверхъ; прилаживаютъ башлыки изъ старыхъ порванныхъ шинелей и мундировъ. Приказомъ по корпусу велѣно еще каждому солдату взять на себя по нѣсколько полѣнъ дровъ, такъ какъ до самыхъ Балканъ страна безлѣсная и

Digitized by Google

можетъ-быть придется разбивать лалатки и становиться бивуакомъ среди открытаго поля прямо на снѣгу.

Итакъ съ Богомъ въ походъ, и какой походъ! страшно подумать... Но не мы первые, не мы и послѣдніе... Гвардія, говорятъ, уже перевалила Балканы, отчего же и гренадерамъ не перешагнуть ихъ? На дорогу мы купили семь курицъ и поросенка, все это зажаримъ, заморозимъ и въ походъ... Вообще въ мясной пищѣ у насъ нѣтъ и не было недостатка только бѣда въ томъ что хлѣба нѣтъ... Вотъ когда кстати бы пришлась твоя посылка со съѣстными припасами; но объ ней ни слуху, ни духу... Пускай догоняетъ меня гдѣнибудь за Балканами, тамъ ложалуй она будетъ еще болѣе кстати... А полушубковъ и валенокъ изъ Систова не привезли, почему? Богъ вѣсть... Прощайте, молитесь и не забывайте вашего задунайскаго, а чрезъ нѣсколько дней можетъ быть и забалканскаго странника...

XXXIII.

Трестеникъ, 26го декабря.

Мартрутъ перемѣнили: мы выступаемъ послѣзавтра, 28го декабря, какъ разъ день въ день чрезъ мѣсяцъ послѣ Плевны. Уже нѣсколько дней какъ мы совершенно готовы къ походу и даже боимся чтобъ опять не отложили; ужь что-нибудь одно: походъ такъ походъ, а то дѣлается какъ-то скучно и тоскливо; работы никакой, и слоняемся мы изъ угла въ уголъ, переливая изъ пустаго въ порожнее... Вчера, въ первый день праздника Рождества Христова, мы задали здѣсь пиръ горой: обѣдъ съ пирогомъ!... Накупили въ Плевнѣ всякой всячины, даже крупчатой муки, и *состряпали* пирогъ, якобы нашъ русскій, родной пирогъ... Посмотрѣли бы вы на эту жалкую пародію пирога: пекли его, за неимѣніемъ печей, на очагѣ, на угольяхъ, и онъ снизу подгорѣлъ въ уголь, но ничего, всѣ были въ восторгѣ и запивали пирогъ шампанскимъ.

Наканунѣ сочельника, въ ночь на 24е, у нашихъ хозяевъ Болгаръ случилось великое семейное горе: умеръ старшій, семнадцатилѣтній сынъ Мико (Михаилъ). Часовъ въ пять утра, какъ разъ у оконъ нашей хатки, раздался рѣзкій, пронзительный женскій крикъ, произносившій одно имя: Мико, Мико, мой Мико! То кричала пораженная горемъ не-

Digitized by Google

счастная мать умершаго. Крикъ продолжался не менѣе четверти часа. Ночь была свѣтлая, лунная, морозная; слышимъ: мимо нашей хатки скрипятъ по снѣгу чьи-то шаги, и только что эти шаги повернули за уголъ къ хозяйской землянкѣ, какъ раздался новый, пронзительный крикъ; спать было невозможно, и я, усѣвшись у окна, началъ наблюдать: на крикъ несчастной матери начали сходиться родные и сосѣдки-женщины; каждая приходящая, приближаясь къ кричащей матери, бросалась ей на шею и обѣ нѣсколько минутъ кричали вмѣстѣ, затѣмъ пришедшая уходила въ землянку гдѣ былъ умершій, а мать продолжала стоять среди двора и истерично кричать. Оказалось потомъ что этотъ крикъ замѣняетъ у Болгаръ колокольный звонъ, который въ нашихъ русскихъ деревняхъ употребляется какъ грустная повѣстка о какомъ-либо умершемъ. Прокричавъ почти цѣлый часъ и собравъ своимъ крикомъ чуть не всѣхъ женщинъ Трестеника, бѣдная мать ушла къ себѣ въ землянку, но не болѣе какъ чрезъ полчаса она снова вышла на дворъ и снова продолжительно кричала. Этотъ крикъ матери періодически продолжался до самаго утра. Когда разсвѣло, мы увидѣли наверху хозяйской землянки большой воткнутый шестъ съ повѣшеннымъ на немъ полотенцемъ; оказалось что этотъ флагъ означаетъ умершаго неженатаго... Часовъ въ девять я созвалъ своихъ лѣвчихъ и поѣдъ отслужить панихиду, и хозяева наши, и собравшіеся къ нимъ сосѣди и родные и удивлены, и обрадованы, и невыразимо были мнѣ благодарны за это,— у нихъ нѣтъ обычая служить панихиды въ домахъ. Умершій лежалъ прямо на землѣ на разостланной рогожкѣ; всѣ собравшіяся женщины сидѣли около него также на землѣ, по-турецки, и кричали до хрипоты; въ правой рукѣ умершаго былъ пучекъ зажженныхъ тоненькихъ восковыхъ свѣчъ, а въ лѣвой — книжка папироской бумаги; на ногахъ турецкія желтыя сафьянныя туфли; около головы сухіе цвѣты и листья... Послѣ обѣда пришелъ хозяинъ и усердно просилъ меня совершить погребеніе по-русски; явился старичокъ отецъ Стоянъ со своею убогою епитрахилью и большимъ *Требникомъ* — единственною богослужебною книгой. Нужно тебѣ сказать что у Болгаръ по деревнямъ при всѣхъ богослуженіяхъ не употребляется церковное пѣніе,—священникъ читаетъ ектенію и самъ же себѣ отвѣчаетъ на всѣ возгласы; поэтому Болгары не говорятъ даже: служилъ, отправлялъ,

Digitized by Google

совершалъ богослуженіе, а просто: попъ читалъ обѣдню, вечерню, молебенъ или какое-либо другое молитвословіе. Такъ какъ и сами священники весьма слабо понимаютъ нашъ церковно-славянскій богослужебный языкъ, а о простыхъ Болгарахъ и говорить нечего, то ты можешь себѣ представить какое впечатлѣніе производитъ на слушающихъ и предстоящихъ такая форма читаннаго богослуженія... Своею невыносимо скучною монотонностью, своею непонятностью она не привлекаетъ, а скорѣе отталкиваетъ отъ себя. И дѣйствительно, Болгаре посѣщаютъ свои храмы очень рѣдко, не охотно и на самое короткое время, для того только чтобы поставить свѣчу и затѣмъ поскорѣе уйти домой, такъ какъ въ церкви ничто ихъ не привлекаетъ и не интересуетъ. Поэтому стройное, звучное пѣніе нашихъ пѣвчихъ, мое громкое, раздѣльное, понятное произношеніе возгласовъ, молитвъ Евангелія, мое облаченіе, блестящій крестъ въ рукахъ, серебряное кадило,—все это вмѣстѣ производило на Болгаръ сильное впечатлѣніе и видимо имъ нравилось. Къ погребенію собрались почти всѣ жители Трестеника: русскій священникъ хоронилъ Болгарина, — событіе для нихъ невиданное и неслыханное... Когда умершаго положили во гробъ, мать насыпала ему въ правую руку пшеницы и мелкихъ турецкихъ денегъ—галагановъ; я не сталъ противорѣчить этому народному обычаю, смыслъ котораго никто не могъ мнѣ объяснить. По возвращеніи съ кладбища, на нашемъ дворѣ разведенъ былъ большой пылающій костеръ, вокругъ котораго всѣ возвратившіеся умывали себѣ руки,—опять народный обычай котораго не умѣли мнѣ объяснить. Жалѣю очень что не могъ быть на обѣдѣ, на который меня приглашали, нужно было служить всенощную; навѣрно и за похоронымъ столомъ соблюдаются какіе-нибудь народные обычаи.

Всенощную служилъ я въ бывшей болгарской школѣ, въ которой до сего ломѣщались наши больные. Мѣстные священники, отцы Нúко (Николай) и Стоянъ (Стефанъ), не служили со мной, они остались на обѣдѣ... Не смѣю осуждать ихъ: безысходная нищета и голодъ многое извиняютъ имъ... Вечеръ наканунѣ Рождества Христова провели мы очень грустно, воспоминанія душили до слезъ... Именно въ праздники бываетъ какъ-то особенно тоскливо...

Обѣдницу и молебенъ въ самый праздникъ служили мы вмѣстѣ, втроемъ, то-есть служилъ-то собственно я, а отцы

Digitized by Google

Нѝко и Стоянъ только присутствовали, стоя рядомъ со мной въ своихъ убогихъ епитрахиляхъ, — болѣе у нихъ никакихъ облаченій не имѣется, — и въ праздникъ, и въ будни все одна и та же епитрахиль... Болгаръ и Болгарокъ было очень много, но, бѣдные, они и креститься почти не умѣютъ... По окончаніи обѣдницы, я объяснилъ значеніе молебна который совершается русскою церковью въ первый день праздника Рождества Христова въ память избавленія Россіи отъ нашествія Французовъ въ 1812 году. Болгары слушали мою рѣчь съ большимъ вниманіемъ и любопытствомъ, почти всѣ они понимаютъ по-русски, а нѣкоторые даже говорятъ, хотя конечно съ грѣхомъ пополамъ. Въ концѣ молебна, послѣ вѣчной памяти императору Александру I, я произнесъ многолѣтіе всероссійскому, румынскому, сербскому, черногорскому христолюбивому воинству и защитникамъ своего многострадальнаго отечества — болгарскимъ дружинамъ. Это многолѣтіе произвело на Болгаръ сильнѣйшее впечатлѣніе; они не знали какъ и чѣмъ выразить свой восторгъ, заговорили громко, зашумѣли и, подходя ко кресту, цѣловали меня со слезами радости; а по выходѣ изъ школы они устроили мнѣ цѣлую овацію —проводили до самой квартиры съ восторженными криками: „Да живѣй Русскій Царъ, да живѣй русскій полъ на многа лѣта-та!...“ Эта неожиданная овація сильно меня тронула. Нѣтъ, несправедливы тѣ кто укоряютъ Болгаръ въ недружелюбіи къ намъ,— это совершенная неправда: нужно только умѣть говорить и обращаться съ народомъ, нужно умѣть затронуть и вызвать его истинныя чувства; а высокомѣрнымъ отношеніемъ, несправедливыми укоризнами, грубостью не вызовешь конечно этихъ истинныхъ народныхъ чувствъ. И многимъ нашимъ неразборчивымъ укорителямъ и поносителямъ Болгаръ мнѣ хотѣлось бы напомнить изреченіе: врачу, исцѣлися самъ.... Я не бывалъ еще въ болгарскихъ городахъ, не знаю какъ ведутъ себя горожане; но сельскими жителями не могъ довольно нахвалиться: Болгаринъ прежде всего и, что̀ важнѣе всего, постоянно трезвый человѣкъ; отсутствіе кабаковъ — это величайшее счастіе для Болгарина и неизлѣчимая общественная и семейная язва для нашего русскаго простолюдина!... Отъ этого одного Болгаринъ постоянно скроменъ, сдержанъ, разсудителенъ, миролюбивъ съ сосѣдями, а въ своей семьѣ— это типъ доброты, мягкости, самаго гуманнаго отношенія ко

Digitized by Google

всѣмъ членамъ семьи и вмѣстѣ съ тѣмъ это неизмѣнно-вѣрный супругъ всецѣло преданный своему домашнему очагу. Я часто заходилъ въ семью нашихъ хозяевъ, подолгу бесѣдовалъ съ ними, разспрашивалъ до мелочей, заходилъ въ семейства гдѣ квартировали наши врачи и офицеры, просилъ всѣхъ наблюдать семейную жизнь и взаимныя отношенія въ ней,—въ результатѣ оказывалось вездѣ что всѣ мы такъ-называемые образованные русскіе люди должны были только восхищаться прекраснымъ строемъ болгарской семейной жизни. Но письмо—слишкомъ узкая рамка. Объ этомъ нужно бы написать цѣлую монографію, а для этого необходимо прожить въ Болгаріи не два мѣсяца, а два года, задавшись спеціальною задачей — изученіемъ Болгарскаго народа, мы же пришли сюда далеко не съ такими задачами и цѣлями. Прощай, жди писемъ изъ похода...

(Продолженіе будетъ.)

ПРОТОІЕРЕЙ ВАКХЪ ГУРЬЕВЪ.

Digitized by Google

БЛЕСТЯЩІЙ ПЕРІОДЪ

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАГО ПРАВЛЕНІЯ ВО ФРАНЦІИ

Geschichte Frankreichs von der Tronbesteigung Louis-Philipps sum Fall Napoleons III. Von Karl Hillebrand.

Книга о современной исторіи Франціи вышедшая изъ-подъ пера Нѣмца невольно возбуждаетъ недовѣріе. Съ перваго взгляда кажется совершенно невозможнымъ чтобъ автору ея удалось сохранить безпристрастіе въ сужденіяхъ своихъ о странѣ которая еще такъ недавно понесла страшный разгромъ отъ Германіи и не питаетъ конечно ничего кромѣ ненависти къ своимъ побѣдителямъ. Правда, въ предисловіи г. Гиллебрандъ говоритъ: „Читатель можетъ быть увѣренъ что предъ нимъ выступаетъ не суровый цензоръ и не ослѣпленный приверженецъ какой-либо партіи, а человѣкъ вообще симпатизирующій Франціи, совершенно безпристрастный зритель, который старается какъ можно добросовѣстнѣе вникать въ смыслъ событій". Но если авторъ держится такого мнѣнія о себѣ, то изъ этого еще не слѣдуетъ чтобъ оно раздѣлялось и другими. Въ этомъ отношеніи любопытно посмотрѣть, какъ взглянули на его книгу сами Французы. Мы встрѣтили отзывы о ней въ двухъ серіозныхъ изданіяхъ: въ

Digitized by Google

Revue historique и въ *Revue critique d'histoire et de littérature*, поставившихъ себѣ задачей держаться строго научной точки зрѣнія и исполняющихъ эту задачу вполнѣ успѣшно. Нельзя было конечно ожидать чтобы то и другое изъ нихъ вполнѣ присоединились къ воззрѣніямъ г. Гиллебранда; они не отказываютъ ему однако въ безпристрастіи, хотя находятъ это безпристрастіе „нѣсколько сухимъ, даже жесткимъ"; по словамъ ихъ, книга о которой идетъ рѣчь „содержитъ много поучительнаго, хотя иногда и нельзя читать ее безъ раздраженія". Помѣщенный въ *Revue critique* отзывъ такого почтеннаго писателя какъ Альберъ Сарель особенно благопріятенъ: „Нельзя не привѣтствовать похвалами трудъ г. Гиллебранда, говоритъ онъ; со смущеніемъ и досадой долженъ я сознаться что въ самой Франціи еще не сдѣлано попытки обозрѣть событія новѣйшаго времени въ ихъ совокупности, съ ихъ перспективой и въ характеристическихъ ихъ очертаніяхъ; подобная задача требуетъ обширной начитанности, рѣдкой способности обобщенія, и я нахожу что всѣми этими условіями вполнѣ обладаетъ г. Гиллебрандъ." Наконецъ, по общимъ отзывамъ, книга содержитъ много новаго, преимущественно въ главахъ посвященныхъ внѣшней политикѣ іюльской монархіи, для которыхъ авторъ пользовался документами Прусскаго и Піемонтскаго архивовъ. Если даже французская критика отнеслась подобнымъ образомъ къ г. Гиллебранду, если и она находитъ что сужденія его, даже такія которыя особенно непріятны ей, всегда „основательно мотивированы", то это должно конечно служить лучшею ему похвалой. Онъ встрѣтилъ снисходительность со стороны Французовъ, на которую не могъ разчитывать уже потому что картина изображенная имъ далеко не льститъ ихъ самолюбію.

Г. Гиллебрандъ задумалъ написать исторію Франціи отъ вступленія на престолъ короля Лудовика-Филиппа до низверженія Наполеона III. Трудъ его не конченъ. Предъ нами только два первые обширные тома (около 800 стр. каждый) посвященные іюльской монархіи и какъ бы представляющіе отдѣльное цѣлое. Періодъ отъ 1830 до 1848 года имѣетъ весьма важное значеніе: въ теченіе этого времени все что было наиболѣе просвѣщеннаго во Франціи ревностно старалось утвердить въ этой странѣ конституціонную монархію; многіе полагали даже что задача разрѣшена окончательно и съ пол-

Digitized by Google

нымъ успѣхомъ; даже долго послѣ того какъ конституціонный порядокъ вещей рухнулъ, воспоминаніе о немъ продолжало дѣйствовать обаятельно на умы, особенно при второй имперіи, учрежденія коей имѣли съ нимъ такъ мало общаго. Вліяніе его на Европу было также чрезвычайно сильно. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ европейская публика мало изучала представительныя учрежденія въ самой ихъ родинѣ, т.-е. въ Англіи, и была знакома съ ними лишь въ той формѣ въ какой истолковалъ ихъ Монтескье и въ какой получили они господство на французской почвѣ. Парламентскія пренія ознаменованныя столькими образцами блестящаго краснорѣчія, борьба политическихъ партій одушевляемая повидимому безкорыстными и возвышенными стремленіями, сильно прельщали публику, для которой самое слово „конституція“ пріобрѣло какой-то магическій смыслъ. Но дѣйствительно ли конституціонныя учрежденія оказываются благотворными повсюду гдѣ они возникаютъ? Какую пользу принесли они Франціи и почему существованіе ихъ тамъ было столь эфемерно? Вотъ вопросы которыми занятъ въ своей книгѣ г. Гиллебрандъ. Предметомъ его изслѣдованія служитъ лишь одна страна, но странѣ этой принадлежитъ столь видное мѣсто въ Европѣ, и такъ долго была она образцомъ для другихъ государствъ что выводы къ которымъ приходитъ авторъ не для Франціи только представляютъ много поучительнаго.

I.

Не совсѣмъ понятно почему г. Гиллебрандъ начинаетъ свой разказъ съ революціи 1830 года? Вся книга его, какъ мы уже упомянули, посвящена разсмотрѣнію того, оказались ли конституціонныя учрежденія пригодными для Франціи, но учрежденія эти возникли еще прежде. Развѣ конституціонная монархія Бурбоновъ опиралась на болѣе прочныя основы чѣмъ конституціонная монархія Людовика-Филиппа? Развѣ и она не засвидѣтельствовала своимъ паденіемъ какъ безразсудно было вѣрить въ ея долговѣчность? Г. Гиллебрандъ почти вовсе не останавливается на періодѣ реставраціи, но по всему видно что онъ относится къ нему съ большими симпатіями. Онъ выставляетъ на видъ благотворное вліяніе которое обнаружила возвратившаяся въ свое отече-

Digitized by Google

ство аристократія на всѣ стороны общественной жизни; но если дѣйствительно это вліяніе было весьма полезнымъ, то все-таки не подлежитъ сомнѣнію что старое дворянство не было способно для той политической роли которую хотѣли навязать ему, не могло быть господствующимъ классомъ и служить твердою опорой королевской власти, ибо среди непріязненно расположеннаго къ ней народа само нуждалось въ ея поддержкѣ. Вообще это вопросъ весьма важный, и жаль что въ разбираемой нами книгѣ онъ оставленъ совершенно въ сторонѣ. Для Франціи въ то время о которомъ мы говоримъ точно такъ же какъ теперь и вѣроятно еще долго впереди сущность дѣла заключалась и заключается въ слѣдующемъ: какимъ образомъ послѣ страшнаго революціоннаго переворота создать прочный порядокъ вещей, который встрѣчалъ бы единодушное признаніе со стороны всѣхъ классовъ общества и тѣмъ самымъ обезпечивалъ бы мирное развитіе страны? Разсматривая исторію Франціи съ конца прошлаго столѣтія, нельзя не сознаться что лучше и успѣшнѣе другихъ задачу эту разрѣшилъ Наполеонъ I,—убѣдительное доказательство того какъ много можетъ совершить человѣкъ съ геніальными способностями, вѣрно понимающій характеръ своего народа, условія въ которыхъ онъ находится и обладающій сильною волей для осуществленія своихъ идей. Что бы ни говорили о Наполеонѣ, остается тотъ фактъ что административное, судебное, церковное устройство, дарованное имъ Франціи, сохранились въ главныхъ своихъ чертахъ неизмѣнными до сихъ поръ, несмотря на всѣ потрясенія которымъ подвергалась страна. Онъ палъ, но палъ не потому чтобъ основанный имъ порядокъ вещей оказался несостоятельнымъ, — громадное большинство народа охотно мирилось съ нимъ,—а вслѣдствіе непомѣрнаго, можно даже сказать безумнаго своего честолюбія, которое требовало отъ французской націи непосильныхъ жертвъ. Съ возстановленіемъ Бурбоновъ снова поднималася тревожный вопросъ о томъ, какими средствами обезпечить будущность страны? Незначительное меньшинство поддерживаемое иностранными вліяніями утверждало что лучшій для этого путь водворить въ странѣ либеральныя учрежденія. Громко и не безосновательно вопило оно противъ деспотизма Наполеона,—конституція казалась необходимою уже потому что дѣлала невозможнымъ подобный деспотизмъ; она должна

Digitized by Google

была служить гарантіей противъ приписываемаго Бурбонамъ намѣренія „посягнуть на великое достояніе завѣщанное Франціи революціей 1789 года“; она должна была обезпечить свободу, а если задача состояла въ томъ чтобы, какъ выражается графъ Беньо въ своихъ мемуарахъ, „слить или по крайней мѣрѣ привести къ соглашенію два класса общества жившіе на одной почвѣ, подъ сѣнью одинаковыхъ законовъ“, то по убѣжденію тогдашняго просвѣщеннаго меньшинства столь великое дѣло могло совершиться успѣшно именно при господствѣ свободныхъ учрежденій путемъ взаимныхъ уступокъ. Въ настоящее время, послѣ неудачнаго опыта, было бы странно предполагать чтобъ избранный путь былъ спасителенъ для Франціи. Если страна нуждалась въ томъ чтобъ изгладить въ ней слѣды переворота прошлаго столѣтія, то къ подобному предпріятію могла приступить лишь власть сильная своимъ авторитетомъ, которая стояла бы выше партій, являлась бы примирительницей между ними, налагала бы на нихъ свою волю ради блага государства. Такъ поступилъ нѣкогда Генрихъ IV послѣ кровавыхъ религіозныхъ смутъ, такъ могъ бы поступить и его потомокъ Людовикъ XVIII. Говорятъ что для этого нужны незаурядныя способности, нуженъ опредѣленный политическій взглядъ и сильный характеръ; но ни того, ни другаго не было у Людовика, такъ что еслибы даже широкая власть сосредоточена была въ его рукахъ, онъ все-таки не былъ бы въ состояніи воспользоваться ею надлежащимъ образомъ. Несомнѣнно однако что онъ лучше многихъ другихъ понималъ положеніе дѣлъ, былъ способенъ многое забыть и многому научиться, не связывалъ интересы династіи съ интересами людей которые, несмотря на всю свою къ ней преданность, могли нерѣдко ее компрометтировать. Конечно, король Людовикъ XVIII былъ далеко не такимъ правителемъ въ какомъ нуждалась тогдашняя Франція, но не надо забывать что и условія въ которыя былъ онъ поставленъ не дозволяли ему сколько-нибудь энергически заявлять свою дѣятельность. Во всякомъ же случаѣ люди не хотѣвшіе понять что для водворенія прочнаго порядка вещей въ ихъ отечествѣ необходимъ прежде всего сильная и пользующаяся общимъ довѣріемъ власть, люди заботившіеся не о томъ чтобъ укрѣпить ее, а о томъ чтобъ ее ограничивать, не могли сослаться на то чтобы либеральныя учрежденія, на которыя они возлагали столько надеждъ,

Digitized by Google

послужили для Франціи панацеей отъ угнетавшаго ее зла. Дѣло нисколько не подвигалось впередъ. Поставленныя лицомъ къ лицу политическія партіи не только не обнаруживали взаимной уступчивости, но напротивъ вражда между ними разгаралась все болѣе; парламентскія пренія были ожесточенными схватками двухъ непримиримыхъ лагерей; посредническая роль королевской власти выражалась лишь въ томъ что она склонялась попеременно то на одну, то на другую сторону: въ первомъ случаѣ волили что она приноситъ въ жертву своихъ друзей, во второмъ что она дѣлаетъ опасныя уступки либерализму, и авторитетъ ея ослаблялся съ каждымъ днемъ. Въ критическую минуту задумала она прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, но уже такъ были подорваны и вѣра въ нее, и довѣріе къ ней что попытка эта—попытка безразсудная и неловкая—вызвала лишь окончательную катастрофу, въ которой погибла и сама династія.

Франція очутилась въ такомъ же положеніи въ какомъ находилась въ 1814 году. Снова возникалъ вопросъ о той или другой формѣ государственнаго устройства. Неудачный результатъ стараній водворить конституціонныя учрежденія долженъ былъ повидимому навести на грустное раздумье мыслящее общество, но къ удивленію не случилось ничего подобнаго. Напротивъ, для извѣстной партіи будущее представлялось въ блестящемъ свѣтѣ, и никогда еще не предавалась она такимъ радужнымъ надеждамъ. За весьма немногими исключеніями эта партія видѣла даже въ революціи желанное событіе, составлявшее будто бы необходимое звено въ исторіи развитія французскаго конституціонализма. Нельзя не удивляться что люди высокаго ума и обширнаго образованія держались подобнаго взгляда. Они были введены въ обманъ чисто внѣшними аналогіями между Англіей и ихъ отечествомъ. Они утверждали что во Франціи произошелъ въ 1830 году совершенно такой же переворотъ какой сосѣдняя съ нею страна пережила въ 1688 году. Но это сравненіе не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Яковъ II былъ низвергнутъ потому что онъ унизилъ свое государство, собиралъ подати и содержалъ армію безъ согласія парламента, воздвигъ гоненіе на господствующую церковь и старался возстановить католицизмъ. Что касается Карла X, то до самой послѣдней минуты онъ никогда не посягалъ на установленный порядокъ вещей, и нельзя отрицать того что при немъ, точно

Digitized by Google

такъ же какъ при Людовикѣ XVIII, Франція наслаждалась благосостояніемъ и свободой. Въ Англіи переворотъ былъ подготовленъ аристократіей, руководилъ имъ парламентъ, никому не приходило на мысль произвести какія-либо измѣненія въ конституціи,—напротивъ всѣ помыслы обращены были на то чтобы сохранить прежній государственный строй. Такимъ образомъ Англичане имѣютъ полное право утверждать что революція 1688 года отличалась консервативнымъ характеромъ. Можно ли сказать то же самое о движеніи породившемъ переворотъ 1830 года во Франціи? Нужно было предаваться крайнему самообольщенію чтобы не видѣть что движеніе это было направлено противъ всякаго авторитета—политическаго, религіознаго и общественнаго; разыгралось оно на улицѣ; главная роль принадлежала въ немъ толпѣ; консервативныя партіи—принимая даже это слово въ самомъ ограниченномъ смыслѣ—нисколько не руководили имъ, и только въ послѣднюю минуту, немного ободрившись, едва успѣли помѣшать провозглашенію республики; побѣдителямъ удалось однако отмѣнить наслѣдственность званія перовъ, и въ государственную хартію включили они статью гласившую что конституція находится отнынѣ подъ охраной патріотизма и „мужества національной гвардіи и всѣхъ вообще гражданъ“, т.-е., другими словами, они узаконили право насильственнаго сопротивленія. Было много справедливаго въ словахъ Шатобріана: „Карлъ X свергнутъ или отрекся—все равно, но престолъ не упраздненъ, онъ принадлежитъ законному его наслѣднику. Если хотятъ устранить права этого малолѣтняго принца, то этимъ самымъ провозглашаютъ принципъ народной воли,—поразительное доказательство того что и наши либералы, подобно роялистамъ, которыхъ осыпаютъ они упреками, ничего не забыли и ничему не научились“. Несмотря на это многіе краснорѣчивые голоса доказывали будто не произошло никакой радикальной перемѣны, будто все дѣло ограничилось тѣмъ что Франція обрѣла въ лицѣ Людовика-Филиппа Орлеанскаго такого же законнаго и мудраго правителя какимъ для Англіи былъ Вильгельмъ Оранскій. „Умъ нашъ, говоритъ Гизо въ своихъ мемуарахъ, былъ поглощенъ мыслью объ англійской революціи 1688 года, объ ея успѣхѣ, о созданной ею свободной формѣ правленія, о славномъ благосостояніи которое обезпечила она Англіи; мы были воодушевлены честолюбіемъ и надеждами совер-

Digitized by Google

шить такое же громкое дѣло, упрочить свободу и величіе нашего отечества, и преслѣдуя эту цѣль, возвыситься въ нашихъ собственныхъ глазахъ."

Въ книгѣ г. Гиллебранда весьма рельефно изображенъ періодъ іюльской монархіи отъ 1830 до 1836 года, который онъ называетъ Sturm und Drangpriode. Побѣда въ борьбѣ, окончившейся низверженіемъ Бурбоновъ, принадлежала главнымъ образомъ демократической партіи; весьма естественно что она хотѣла воспользоваться своимъ успѣхомъ, явно стремилась къ тому чтобъ установить реслубликy; лишь съ большими усиліями удалось кое-какъ ублажить ее лутемъ компромиссовъ и уступокъ, причемъ уступки клонились преимущественно въ ущербъ королевской власти. Старый утолистъ Лафайетъ, toujours amoureux de la délicieuse sensation du sourire de la multitude, какъ выразился о немъ одинъ изъ французскихъ писателей *, принялъ на себя роль великодушнаго покровителя новаго монарха; въ первую минуту и онъ былъ на сторонѣ реслубликанскихъ учрежденій, но былъ удержанъ своими друзьями, между которыми главная роль принадлежала американскому посланникy Ривсу. Въ отвѣтъ на упреки революціонеровъ онъ повторялъ: „не бойтесь ничего, мы заручились гарантіями,—новая монархія будетъ лучшею изъ реслубликъ." Лудовикъ-Филиллъ со своей стороны старался укоренить такое же убѣжденіе; онъ обратился съ воззваніемъ къ „геройскому народонаселенію Парижа", приказывалъ чтобы при всѣхъ торжественныхъ случаяхъ встрѣчали его не иначе какъ звуками *Марсельезы*, согласился ассигновать семь милліоновъ франковъ на пенсіи семействамъ раненыхъ и убитыхъ на іюльскихъ баррикадахъ и въ pendant Лафайету говорилъ что престолъ „будетъ окруженъ реслубликанскими учрежденіями". Конституціонная монархія вступала такимъ образомъ въ компромиссъ съ революціей; съ самаго начала, какъ бы умышленно, все сдѣлано было для того чтобы подорвать авторитетъ королевской власти. Очевидно такое положеніе дѣлъ не могло продолжаться,—не могло, вопервыхъ, потому что Европа относилась крайне недовѣрчиво къ порядкy вещей созданному во Франціи революціей 1830 года.

* Бледъ (Bled), издавшій недавно весьма обстоятельную исторію іюльской монархіи, хотя написаную съ другой точки зрѣнія чѣмъ книга г. Гиллебранда.

Digitized by Google

Людовикъ-Филиппъ не щадилъ усилій чтобъ увѣрить европейскія правительства въ своихъ консервативныхъ намѣреніяхъ. „Объясните королю то невыносимое положеніе въ какомъ я нахожусь“, говорилъ онъ прусскому посланнику; „поневолѣ долженъ я обращаться къ содѣйствію Лафитта, cet homme abominable; на нѣкоторое время онъ полезенъ мнѣ для того чтобъ обуздать радикализмъ.“ Австрія страшилась что революціонеры заставятъ короля возбудить смуты въ Италіи; императоръ Николай не считалъ нужнымъ скрывать своего къ нему недоброжелательства. Съ другой стороны, демократія стояла во всеоружіи, зорко слѣдя за тѣмъ, будутъ ли исполнены данныя ей обѣщанія, и при всякомъ сколько-нибудь энергическомъ дѣйствіи власти поднимала вопль что оно находится „въ противорѣчіи съ духомъ іюльской революціи“. Среди этихъ крайностей Людовикъ-Филиппъ являлся то законнымъ королемъ, то избранникомъ народа, но въ первомъ онъ никакъ не могъ убѣдить легитимистовъ, а во второмъ реслубликанцевъ. Корень несостоятельности его власти лежалъ въ самомъ ея происхожденіи. Справедливо замѣтилъ Ренанъ: „Королевская власть не можетъ быть рождена въ городской ратушѣ при руколесканіяхъ толпы дравшейся на баррикадахъ; тѣ которыхъ называли товарищами и дорогими гражданами никогда не будутъ подданными.“

Людовикъ-Филиппъ возведенъ былъ на престолъ извѣстною партіей. Мы увидимъ какъ относилась она къ нему въ послѣдствіи, но въ первые годы его царствованія она оказывала ему все то содѣйствіе какое было въ ея силахъ. Иначе не могла она поступать въ интересахъ самозащиты, ибо уступки революціонному броженію нисколько не обезоруживали его,—оно черпало въ нихъ только новыя силы, и каждый неосторожный шагъ могъ вызвать катастрофу. Великимъ счастіемъ для Людовика-Филиппа было то что въ первые годы своего царствованія онъ нашелъ себѣ именно такого министра какого требовали тогдашнія обстоятельства. Мы говоримъ о Казиміре Перье. Вотъ превосходная характеристика его начертанная г. Гиллебрандомъ: „Казиміръ Перье былъ третій сынъ Клода Перье изъ Гренобля, одного изъ тѣхъ патріарховъ французской буржуазіи какихъ было много въ XVIII вѣкѣ и о которыхъ теперешняя буржуазія знаетъ лишь по наслышкѣ. Послѣ семидесятилѣтней промышленной дѣятельности семейство это, обогатившееся упорнымъ тру-

Digitized by Google

домъ и благодаря своему богатству пользовавшееся значительнымъ вліяніемъ, играло еще предъ революціей видную роль въ рядахъ высшей судебной магистратуры. Имперія и реставрація открыли ему доступъ къ законодательному полпрщу, самъ Клодъ Перье, шестеро его сыновей и его племянники съ честью занимали мѣста въ различныхъ представительныхъ палатахъ. Строгая нравственность, глубокая набожность съ оттѣнкомъ янсенизма, обширное классическое образованіе, были унаслѣдованы всѣми членами этой семьи; общій голосъ свидѣтельствовалъ также въ ея пользу что въ то время, когда быстро возрастали матеріальныя ея средства, никогда не упускала она изъ виду благосостоянія своихъ многочисленныхъ рабочихъ, относилась къ нимъ съ отеческою заботливостью. Казиміру Перье суждено было особенно прославить свой родъ. Въ первый, а можетъ-быть и въ послѣдній разъ со времени низверженія Наполеона Франція увидѣла во главѣ управленія государственнаго человѣка который въ полномъ смыслѣ слова былъ лоборникомъ политики національной, не раболѣпствовалъ предъ заносчивостью такъназываемаго общественнаго мнѣнія, не искалъ популярности, а старался только строго соблюдать интересы своей страны. Четырнадцатимѣсячное его управленіе доказало чего можетъ достигнуть правительство во Франціи если только оно не трепещетъ предъ революціей или не заигрываетъ съ нею, если оно имѣетъ въ виду всю націю, а не какой-либо одинъ классъ общества и если столько же съ умѣренностью сколько съ твердостью не отступаетъ отъ законнаго пути. Незавидное зрѣлище представляла Франція въ то время когда вступилъ въ должность Казиміръ Перье. Многочисленныя тайныя общества поставили себѣ задачей низвергнуть престолъ; въ клубахъ которыми усѣянъ былъ Парижъ ежедневно слышались призывы къ вооруженному возстанію; ни судебныя власти, ни чиновники не внушали довѣрія. Чиновники поступившіе на службу въ 1830 году принадлежали большею частью къ революціоннымъ элементамъ; что касается судебнаго вѣдомства, то при зловредной атмосферѣ того времени и въ виду постыдной уступчивости власти, оно какъ бы совсѣмъ утратило лучшее достояніе французской юстиціи—мужество въ примѣненіи законовъ. Оно соперничало съ присяжными, которые съ 1830 года привлечены были и къ политическимъ процессамъ, въ стремленіи оправдывать такія дѣй-

Digitized by Google

ствія преступность коихъ не подлежала ни малѣйшему сомнѣнію. Въ сущности не король и не его министры, не большинство парламента и не органы администраціи распоряжались судьбами страны, а распоряжалась ими та анонимная, не несущая на себѣ никакой отвѣтственности сила (jene anonym unverantwortliche Macht) которую называютъ общественнымъ мнѣніемъ. Симпатіи и антипатіи, предразсудки и увлеченія этого общественнаго мнѣнія, не имѣвшаго никакого понятія о практическихъ условіяхъ государственнаго управленія, безпрерывно выбивали правительство изъ колей на которыя требованія дѣйствительности должны направлять власть сознающую какія важныя обязанности лежатъ на ней. Все это должно было измѣниться со вступленіемъ въ министерство Казиміра Перье. Онъ былъ не такой человѣкъ чтобы принять отвѣтственность за дѣйствія которыя исходили бы не отъ него самого; онъ твердо вознамѣрился держать на службѣ только тѣхъ кто безусловно подчинялся его руководству. Въ званіи главы кабинета онъ не допускалъ чтобъ и товарищи его по министерству сколько-нибудь отдѣлялись отъ него. Долго не могли забыть какъ однажды въ палатѣ депутатовъ громко крикнулъ онъ министру публичныхъ работъ: „назадъ, Аргу“, когда тотъ безъ предварительнаго съ нимъ соглашенія направлялся къ трибунѣ чтобъ отвѣчать какому-то оратору оппозиціи. Нельзя не пожалѣть что Казиміръ Перье слишкомъ неразчетливо тратилъ свои силы въ парламентскихъ схваткахъ: это была натура страстная, горячо принимавшая къ сердцу несправедливыя обвиненія противниковъ, а противники пользовались этимъ чтобы безпрерывно раздражать его. Луи-Бланъ въ своемъ памфлетѣ—*Histoire de dix ans* съ видимымъ злорадствомъ замѣчаетъ что реслубликанская оппозиція своими ожесточенными нападками свела его въ могилу. „Казиміръ Перье, говоритъ г. Гилебрандъ, не сознавалъ что человѣку съ вѣрными и глубокими убѣжденіями и съ сильною волей, человѣку дѣйствія, нечего тратить свои силы на борьбу съ выходками устнаго и печатнаго слова. Онъ считалъ нужнымъ защищаться“....

Знаменитый министръ никогда не скрывалъ того чего хотѣлъ; онъ во всеуслышаніе излагалъ свою программу, и всѣ понимали что у него хватитъ мужества въ точности исполнить ее. „Вслѣдствіе того что былъ потрясенъ законный порядокъ и что правительство не было достаточно сильно“—

Digitized by Google

говорилъ онъ въ одной изъ своихъ рѣчей—„недовѣріе овладѣло умами. Оно-то и служитъ главнымъ источникомъ теперешнихъ затрудненій и опасностей. Все зло заключается въ настроеніи умовъ. Сознавая что ничто не прочно, общество поддается подозрительности и страху. Отсюда или крайнее возбужденіе, или совершенный упадокъ духа; отсюда безвыходныя колебанія должностныхъ лицъ; отсюда застой производительной дѣятельности, безъ которой немыслимо благосостояніе общества; отсюда наконецъ прискорбныя явленія въ частной жизни, послѣдствія коихъ отражаются и въ сферѣ государственныхъ интересовъ. Чувство страха овладѣло обществомъ, а крамола старается еще болѣе разжигать это чувство чтобы пользоваться имъ для своихъ цѣлей. Правительство намѣрено измѣнить такое положеніе дѣлъ. Для этого оно требуетъ повиновенія. Всѣ тѣ которые служатъ ему не должны безнаказанно потворствовать духу мятежныхъ партій, оказывать послабленіе преступнымъ замысламъ.“ Въ началѣ тридцатыхъ годовъ французскіе революціонеры и даже либералы настойчиво требовали вмѣшательства въ дѣла Европы съ цѣлью возбуждать народныя возстанія и поддерживать ихъ. Казиміръ Перье постоянно повторялъ что нечего ожидать отъ него подобной пропаганды. „Мы сочувствуемъ всѣмъ благороднымъ стремленіямъ европейскихъ народовъ“, говорилъ онъ, „но судьбы ихъ находятся въ ихъ собственныхъ рукахъ; если они хотятъ утвердить у себя свободу, то эта свобода должна быть вполнѣ національною. Всякое внѣшнее подстрекательство только вредитъ ей и компрометтируетъ ее. Въ этомъ отношеніи Франція можетъ обнаруживать вліяніе на другія государства не иначе какъ подавая имъ примѣръ мирнаго и законнаго развитія своихъ учрежденій“....

Трудно сказать удалось ли бы Казиміру Перье при существовавшихъ обстоятельствахъ достигнуть задуманной имъ цѣли, но во всякомъ случаѣ достигнуть ея можно было лишь держась того пути на который онъ выступилъ съ такимъ мужествомъ и энергіей. Кратковременною своею дѣятельностью онъ представилъ доказательство какое благо для страны когда во главѣ ея стоитъ человѣкъ съ широкими и здравыми идеями, проникнутый глубокою вѣрой въ то великое дѣло въ которомъ онъ видитъ свое призваніе.

Digitized by Google

II.

Смуты и волненія нѣсколько улеглись. Нанесены были сильные удары революціонной партіи, не замедлившей прибѣгнуть къ своей ultima ratio, т.-е. къ баррикадамъ; легитимисты были компрометтированы неудачнымъ исходомъ заговора устроеннаго въ Вандеѣ подъ предводительствомъ герцогини Беррійской. Воздухъ очистился, и начинается періодъ который можно назвать сравнительно періодомъ спокойствія, какъ ни дико звучитъ это слово въ примѣненіи къ такому времени когда мятежныя вспышки, хотя и не въ большихъ размѣрахъ, возобновлялись періодически и когда произведено было не менѣе 14 покушеній на жизнь короля. Во всякомъ случаѣ на первомъ планѣ стоитъ теперь не революціонная партія, а королевская власть, и парламентъ, и исторія ихъ взаимныхъ отношеній какъ нельзя лучше объясняетъ что такое была конституціонная монархія во Франціи.

Лудовику-Филиппу было уже около 60 лѣтъ при вступленіи его на престолъ. Онъ обладалъ большими достоинствами, но такими которыя могли сдѣлать изъ него замѣчательнаго человѣка на всякомъ другомъ поприщѣ, только не на томъ къ которому онъ былъ призванъ своимъ происхожденіемъ и обстоятельствами. Онъ былъ уменъ, легко овладѣвалъ всякимъ предметомъ, много читалъ и видѣлъ, и столько испыталъ въ своей жизни, значительная часть коей протекла въ изгнаніи, что могъ съ полнымъ правомъ гордиться своею опытностью. Это былъ наконецъ человѣкъ менѣе всего способный подчиняться чуждому вліянію, служить орудіемъ кого бы то ни было. Несчастіе его заключалось въ томъ что время когда онъ жилъ слишкомъ тяжело наложило на него свою руку. На его глазахъ совершился первый страшный разгромъ вѣковаго порядка вещей во Франціи; отецъ его открыто сталъ на сторону революціи и онъ самъ служилъ ей; уже тогда утратилъ онъ вѣру въ принципъ старой традиціонной монархіи и считалъ что она отжила свои дни, и это убѣжденіе сохранилось у него до конца его дней. Революцію Лудовикъ-Филиппъ ненавидѣлъ болѣе чѣмъ кто-нибудь, но въ умѣ его никогда не изглаживалось впечатлѣніе тѣхъ ужасовъ которыми она ознаменовала свои первые шаги; онъ

Digitized by Google

считалъ ее несокрушимою силой, которую можно сдерживать, обуздывать, но совершенно лобороть нѣтъ возможности. Этимъ вполнѣ объясняется его нравственная физіономія: онъ ревностно трудился надъ своимъ дѣломъ, но успѣхъ казался ему болѣе чѣмъ сомнительнымъ. „Мы послѣдніе Римляне, говорилъ онъ Гизо,—машина можетъ лопнуть каждую минуту; повѣрьте мнѣ, сколько бы ни было расточаемо усилій, the world will be unkinged.“ Лудовику-Филиллу нельзя было отказать въ личномъ мужествѣ, но ему совершенно недоставало того мужества которое дается глубокою вѣрой въ непреложность одушевляющей человѣка идеи. „Онъ одинаково не вѣрилъ, замѣчаетъ о немъ г. Гиллебрандъ, ни въ силу права, ни въ право силы. Презрительно относился онъ къ утопіямъ революціонной партіи, но никогда не хватало у него энергіи чтобы—когда начинались уличныя смуты—выступить противъ мятежа во всемъ величіи своихъ царственныхъ правъ, обязанностей и лежавшей на немъ отвѣтственности. Онъ воспользовался анархическими элементами для достиженія престола, затѣмъ, потворствуя имъ, старался ихъ обезсилить, потомъ вступилъ въ открытую съ ними борьбу, и въ то же время неутомимо, упорно преслѣдовалъ свою задачу—создать на основѣ господствовавшихъ въ его время интересовъ сколько-нибудь прочное зданіе для себя и для своихъ дѣтей.“ Полагаясь на свою опытность и проницательность, Лудовикъ-Филиллъ былъ твердо убѣжденъ что только онъ самъ способенъ съ успѣхомъ исполнить подобное предпріятіе; роль правителя который довольствуется лишь почестями, а всѣ дѣла возлагаетъ на своихъ министровъ, отнюдь не соотвѣтствовала его характеру; напротивъ, онъ хотѣлъ во все вмѣшиваться и всѣ нити управленія держать въ своихъ рукахъ. Странно было бы винить его за это. Правда, пресловутая конституція 1830 года гласила что отвѣтственность лежитъ исключительно на министрахъ, а король не подлежитъ ей; но Лудовикъ-Филиллъ понималъ какое значеніе имѣютъ подобныя конституціонныя гарантіи. Примѣръ Бурбоновъ былъ у него предъ глазами: Карлъ X не только отправился въ изгнаніе, но помѣстья его фамиліи были конфискованы. Могъ ли же Лудовикъ-Филиллъ отказаться отъ инціативы въ управленіи, когда удары внутреннихъ враговъ направлялись прямо противъ него.

Понятна такимъ образомъ политика Лудовика-Филиппа, но нельзя сказать того же самаго о дѣйствіяхъ партіи ко-

Digitized by Google

торая возвела его на престолъ и которая считала монархическую форму правленія необходимою и спасительною для Франціи. Слѣдовало бы, кажется, ожидать что она будетъ дѣйствовать въ тѣсномъ съ нимъ согласіи, а между тѣмъ едва порядокъ былъ нѣсколько обезпеченъ въ странѣ, она начинаетъ съ нимъ борьбу. Чѣмъ объяснить подобное явленіе?

Партія о которой мы говоримъ задалась мыслію перенести англійскія государственныя учрежденія на французскую почву. Возможна ли была подобная задача? Политическій строй Англіи созидался въ теченіе вѣковъ и при условіяхъ какихъ не было ни въ одномъ изъ государствъ континентальной Европы. Тамъ издавна получилъ преобладаніе классъ общества который можно назвать господствующимъ классомъ въ полномъ значеніи этого слова. Справедливо замѣтилъ о немъ г. Гиллебрандъ что, „вступая въ парламентъ, онъ пріобрѣтаетъ лишь однимъ средствомъ болѣе укрѣпить за собой господствующее положеніе которое и безъ того принадлежитъ ему“. Всѣ функціи мѣстнаго самоуправленія сосредоточиваются въ его рукахъ; онъ дѣйствительно пользуется властью; на немъ лежитъ наибольшее бремя налоговъ; народъ привыкъ подчиняться его руководству. Представители этого господствующаго класса засѣдаютъ въ парламентѣ и посредствомъ его управляютъ страной; ибо кромѣ того что парламенту принадлежитъ законодательная дѣятельность, министры назначаются не иначе какъ изъ среды парламентскаго большинства. Въ парламентѣ, точно такъ же какъ въ странѣ, господствуютъ двѣ партіи стремящіяся къ однѣмъ и тѣмъ же цѣлямъ, но только различными путями; несмотря на происходящую между ними борьбу, онѣ смотрятъ совершенно одинаково на все что касается основъ государственнаго устройства, и королевская власть можетъ безразлично опираться на нихъ съ полнымъ довѣріемъ. Если одна изъ нихъ пользуется властью, другая зорко слѣдитъ за ея дѣйствіями, строго критикуетъ ихъ и всегда готова занять ея мѣсто. Неизвѣстно что ожидаетъ Англію впереди. „Тревожный вопросъ,“ говоритъ г. Гиллебрандъ, „высказанный герцогомъ Веллингтономъ въ 1832 году при обсужденіи билля о парламенской реформѣ — окажется ли и въ будущемъ англійская конституція столь же прочною какъ до сихъ поръ—начинаетъ озабочивать не однихъ только торіевъ стараго

Digitized by Google

закала, но и мыслящихъ виговъ. Очевидно Европа заблуждалась, предполагая что билль о реформѣ знаменовалъ собою лишь послѣдовательную и высшую ступень въ развитіи англійскихъ конституціонныхъ учрежденій. Скорѣе надо видѣть въ немъ начало новой эпохи: демократическіе элементы нашли доступъ въ аристократическій парламентъ, бюрократическія формы стали проникать въ старинное самоуправленіе; между двумя прежними партіями являются новыя не поддающіяся дисциплинѣ; большинство въ палатѣ общинъ не всегда компактно; безпрерывно слышатся жалобы что молодые таланты въ средѣ высшихъ классовъ начинаютъ устраняться отъ парламентской дѣятельности, ибо выборы зависятъ отъ случайностей..." Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ не успѣли еще обнаружиться всѣ послѣдствія билля о реформѣ; парламентская система была въ полномъ блескѣ, и политическіе люди Франціи твердо надѣялись создать нѣчто подобное и въ своей странѣ.

Но гдѣ же были необходимыя для того условія? „Доктринеры іюльской монархіи," говоритъ г. Гиллебрандъ, „совершенно упускали изъ виду что въ тогдашней Франціи престолъ стоялъ изолированно, безо всякаго освященнаго преданіями авторитета, который служилъ бы ему опорой; что трудно совмѣстить либеральныя учрежденія съ пустившею глубокіе корни административною централизаціей; что нельзя, устанавливая такой или другой избирательный цензъ, создать искусственно господствующій классъ общества; что такимъ господствующимъ классомъ съ конца XVIII вѣка была во Франціи собственно лишь бюрократія." Въ то время Франція еще не дошла до того чтобы распространять политическія права на всѣхъ безъ различія гражданъ, но если не на всѣхъ, то кому же слѣдовало ихъ предоставить? Такъ какъ не было ничего подобнаго тому классу который въ Англіи въ теченіе вѣковъ пользовался преобладающимъ положеніемъ, то оставалось лишь прибѣгнуть къ внѣшнему признаку, а именно къ цензу. Большою ошибкой было однако предполагать что та часть народонаселенія политическая правоспособность коей была установлена на этомъ основаніи будетъ въ состояніи съ успѣхомъ исполнить роль которая лежала на высшихъ слояхъ англійскаго общества. Не будемъ отрицать что сравнительно съ другими отличалась она большею образованностью, что вслѣдствіе своей зажиточно-

Digitized by Google

сти была она проникнута консервативными инстинктами, но всего этого было еще мало. Не было въ средѣ ея той солидарности, того единства, которыя издавна одушевляли англійское gentry; никогда не находилась она въ такомъ положеніи относительно другихъ классовъ общества чтобы могла руководить ими; а если такъ, то во имя чего могли возвышать свой голосъ ея представители въ парламентѣ? Во имя той неуловимой, измѣнчивой, анонимной, какъ выражается г. Гилебрандъ, силы которую величали общественнымъ мнѣніемъ? Но почему любой депутатъ, при всѣхъ неоспоримыхъ его достоинствахъ, имѣлъ право утверждать о себѣ что въ извѣстную минуту онъ являлся вѣрнымъ истолкователемъ настроенія и потребностей публики? Іюльскую монархію упрекали въ томъ что такъ-называемая pays légal, то-есть та часть народонаселенія которая пользовалась политическими правами, была ограничена слишкомъ тѣснымъ кругомъ. Упрекъ этотъ справедливъ. На основаніи конституціи избирателями могли быть только граждане платившіе не менѣе 200 франковъ прямыхъ налоговъ, а число ихъ не превышало 200.000. Въ странѣ происходила сильная агитація въ пользу пониженія ценза, требовали чтобы число избирателей было по крайней мѣрѣ удвоено, и отказъ Людовика-Филиппа послужилъ, какъ извѣстно, поводомъ къ низверженію его съ престола. Нельзя предполагать чтобы король и ближайшіе его совѣтники въ родѣ Гизо дѣйствовали въ этомъ случаѣ лишь подъ вліяніемъ какого-то непонятнаго упорства: они очень хорошо сознавали что несмотря на всѣ толки будто при господствѣ либеральныхъ учрежденій революція будетъ обуздана, она не только не ослабѣвала, но усиливалась съ каждымъ днемъ; они боялись что уступки вызовутъ новыя требованія, что такимъ образомъ придется постепенно понижать избирательный цензъ до тѣхъ поръ пока онъ потеряетъ всякое значеніе, чего собственно и хотѣла демократическая партія. Но предположимъ что реформа осуществилась бы, что вмѣсто 200.000 избирателей было бы ихъ 400.000 или даже болѣе; развѣ это измѣнило сущность дѣла? Развѣ все зависѣло отъ количества, а не отъ качества?

Изъ сказаннаго нами видно какъ были шатки основы на которыя опирался парламентъ іюльской монархіи. А между тѣмъ притязанія его были чрезвычайны. Извѣстна формула изобрѣтенная Тьеромъ: le roi règne, mais ne gouverne pas. Не

Digitized by Google

довольствуясь тѣмъ что палатѣ депутатовъ принадлежалъ рѣшающій голосъ въ установленіи бюджета, преобладающій въ законодательствѣ, и право широкаго контроля за дѣйствіями правительства, Тьеръ хотѣлъ заставить королевскую власть довольствоваться тою ролью которую разыгрывали послѣдніе государи Меровингскаго дома. Къ этому впрочемъ стремился не онъ одинъ, но и почти всѣ другіе корифеи тогдашняго парламентаризма. И еслибы по крайней мѣрѣ можно было это объяснить хотя ошибочнымъ, но искреннимъ увлеченіемъ тѣми порядками которые господствовали въ Англіи, еслибы на первомъ планѣ были тутъ дѣйствительно извѣстныя политическія идеи, но къ сожалѣнію отнюдь нельзя сказать этого. Парламентарная система при тѣхъ условіяхъ при которыхъ искусственно пересадили ее во Францію открывала лишь широкое поприще для всевозможныхъ интригъ, и всякое честолюбіе могло пользоваться ею для достиженія своихъ цѣлей. Мы не лишемъ здѣсь исторію іюльской монархіи, мы не можемъ въ подтвержденіе своихъ словъ излагать подробно событія того времени, но для примѣра остановимся на одномъ замѣчательномъ эпизодѣ,—на той борьбѣ которую въ концѣ тридцатыхъ годовъ должно было выдержать министерство графа Моле. „Ни одинъ изъ главныхъ вождей палаты депутатовъ, говоритъ г. Гиллебрандъ, не занималъ мѣста въ этомъ министерствѣ, которое было сформировано исключительно изъ членовъ палаты перовъ, — вотъ что возбуждало противъ него крайнее озлобленіе. Враги его не хотѣли принять въ разчетъ что еслибы король обратился къ Гизо, Тьеру, Дюпену и др., то никто изъ нихъ при тогдашнемъ составѣ палаты не могъ бы обезпечить себѣ большинства, что онъ былъ слѣдовательно совершенно правъ, призвавъ къ управленію человѣка хотя и не считавшагося представителемъ какой-либо партіи, не первостепеннаго оратора, но опытнаго въ дѣлахъ, который внѣ парламента пользовался уваженіемъ и внушалъ довѣріе Европѣ.“ Графа Моле ненавидѣли главнымъ образомъ за то что между нимъ и королемъ установилось согласіе по всѣмъ главнымъ вопросамъ и что такимъ образомъ онъ служилъ органомъ личной политики Людовика-Филиппа. Образовалась противъ него коалиція изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ; забыты были на время всѣ несогласія чтобъ отстоять попранныя будто права народнаго представительства. Гизо не уступалъ въ запальчивости Тьеру; онъ не

Digitized by Google

задумался, между прочимъ, упрекнуть перваго министра въ раболѣпіи, приведя слова Тацита: omnia serviliter pro dominatione. „Слова эти, мѣтко вазразилъ ему Моле, можно гораздо удобнѣе примѣнить къ моимъ противникамъ, — они были сказаны о честолюбцахъ..." Пренія продолжались цѣлыхъ двѣнадцать дней; какой-то досужій человѣкъ высчиталъ что произнесено было 128 рѣчей и президентъ долженъ былъ 135 разъ возвышать голосъ чтобъ успокоивать страсти, сдерживать ораторовъ въ границахъ приличія. „И вся эта борьба", говоритъ г. Гиллебрандъ, „сводилась въ сущности къ одному— къ борьбѣ за власть. Конечно, такъ было всегда и повсюду, но едва ли когда-нибудь личное честолюбіе такъ безцеремонно прикрывалось лыпными и либеральными теоріями, едва ли когда-нибудь страсти и идеи волновавшія парламентъ имѣли столь мало общаго съ дѣйствительными интересами страны." Европа съ жадностью прислушивалась къ этимъ рѣчамъ проникнутымъ повидимому возвышенными принципами, но вникнувъ въ дѣло не трудно было замѣтить что на первомъ планѣ были тутъ не принципы а — по выраженію Лудовика-Филиппа — les grands amours propres.

Парламентскія пренія временъ реставраціи имѣли все-таки болѣе смысла. Тогда по крайней мѣрѣ шла распря между приверженцами стараго и новаго порядка вещей; лицомъ къ лицу стояли два класса общества разъединенные революціей, но чѣмъ условливалась борьба партій во время іюльской монархіи? Политическія ихъ воззрѣнія, симпатіи и антипатіи были совершенно одинаковы; въ сущности это была одна партія, раздираемая несогласіями своихъ вождей, а несогласіе ихъ происходило отъ того что каждый хотѣлъ пользоваться властью. Какой поразительный контрастъ представляла Франція со страной которая будто бы служила для нея образцомъ! Въ періодъ времени отъ 1830 до 1848 года въ Англіи шла неутомимая работа, разрѣшены были вопросы огромной важности, какъ напримѣръ вопросы о парламентской реформѣ и о свободной торговлѣ, и, несмотря на то что они затрогивали самые животрепещущіе интересы, все совершилось спокойно, безъ потрясеній. То ли было во Франціи? прочтите, напримѣръ, обширный трудъ г. Гиллебранда, и что вынесете вы изъ этого разказа о великолѣпныхъ турнирахъ краснорѣчія? Подводя имъ итогъ Ламартинъ имѣлъ полное право вос-

Digitized by Google

кликнуть: „ничего, ничего и ничего“. Во Франціи министерства смѣнялись съ необычайною быстротой, и это опять-таки на основаніи укоренившейся доктрины будто въ сосѣдней странѣ — странѣ парламентаризма — достаточно министрамъ очутиться въ меньшинствѣ даже по какому-нибудь незначительному второстепенному вопросу чтобъ они тотчасъ же выходили въ отставку: поэтому иногда простая случайность отразившаяся на голосованіи непремѣнно вызывала министерскій кризисъ. Такъ какъ во время подобныхъ кризисовъ особенно рѣзко выступали наружу эгоистическія, честолюбивыя притязанія людей стремившихся ко власти, мелкое соперничество ихъ изъ личныхъ разчетовъ, то Лудовикъ-Филиппъ никогда не отказывалъ себѣ въ удовольствіи какъ можно болѣе затягивать эти кризисы: такъ, напримѣръ, послѣ низверженія графа Моле въ теченіе болѣе полутора мѣсяца не могло сформироваться новое министерство, хотя переговоры происходили между людьми тѣсно сплотившимися для того чтобы нанести ударъ ненавистному имъ государственному человѣку. Долго не могли они условиться относительно распредѣленія между собою мѣстъ. Лудовикъ-Филиппъ нисколько не помогалъ имъ въ этомъ, съ цѣлью дискредитировать ихъ въ глазахъ публики,— жалкая политика, ибо подобное зрѣлище подрывало довѣріе и ко всему господствовавшему порядку вещей, отзывалось невыгодно и на самой королевской власти. Авторитетъ этой власти не мало страдалъ также отъ того что люди похвалявшіеся своею преданностью монархическимъ учрежденіямъ не задумывались выступать съ заявленіями находившимися въ явномъ противорѣчіи съ ихъ принципами. Они говорили о необходимости утвердить монархію во Франціи, но идеи революціи такъ сильно запечатѣлись въ ихъ умѣ что никогда не были они въ состояніи совершенно отдѣлаться отъ нихъ. По мнѣнію ихъ было патріотическимъ дѣломъ какъ можно чаще напоминать королевской власти объ ея революціонномъ происхожденіи. „Я не радикалъ“, говорилъ Тьеръ въ палатѣ депутатовъ: „радикаламъ это хорошо извѣстно и достаточно читать ихъ газеты чтобъ убѣдиться въ этомъ; но я принадлежу къ партіи революціи какъ въ самой Франціи, такъ и въ Европѣ (je suis du parti de la révolution tant en France qu'en Europe); я желалъ бы чтобы власть находилась въ рукахъ людей умѣренныхъ и готовъ сдѣлать для этого все зависящее отъ меня; но еслибы даже перешла она въ

Digitized by Google

руки людей крайняго образа мыслей, въ руки радикаловъ, я не измѣню своему принципу и все-таки буду стоять на сторонѣ революціи.“ Не правъ ли г. Гиллебрандъ когда онъ говоритъ что люди разсуждавшіе такимъ образомъ только воображали будто они создаютъ что-то прочное, а въ сущности продолжали дѣло разрушенія?

III.

„Конституціонная система“, воскликнулъ однажды депутатъ Жоберъ, „нуждается въ аристократіи,—у насъ аристократію составляютъ крупные торговцы и фабриканты.“ Мы уже упомянули что политическія права были предоставлены наиболѣе зажиточному классу общества, отличавшемуся въ то же время и наибо́льшимъ образованіемъ, и едва ли можно было поступить иначе. Любопытно теперь взглянуть какъ исполнилъ онъ свою задачу. По поводу приведенныхъ выше словъ Жобера г. Гиллебрандъ замѣчаетъ: „Нельзя вдругъ создать политическую аристократію. Она находится въ тѣсной связи съ совокупностью политическихъ преданій—съ интересами, формами, обычаями, правилами; каждое ея поколѣніе должно быть воспитано на общественной службѣ, должно представить доказательства своей плодотворной дѣятельности прежде чѣмъ будетъ она призвана къ участію въ дѣлахъ государственныхъ. Если не обладаетъ она ни традиціями, ни опытностью, то окажется и неспособною исполнять обязанности сопряженныя съ ея правами. Аристократія іюльской монархіи обнаруживала не только неспособность, но и нежеланіе исполнять ихъ именно вслѣдствіе того что недоставало ей исчисленныхъ выше условій. Она думала что если платитъ значительныя подати, то ничего болѣе нельзя и требовать отъ нея; она не хотѣла жертвовать для государственныхъ цѣлей своимъ временемъ и трудомъ, а главное—не умѣла подобно аристократіи англійской взять въ свои руки и оберегать интересы той части общества которая не имѣла своихъ представителей въ парламентѣ. Господствующій классъ во Франціи при Лудовикѣ-Филиппѣ отличался такою замкнутостью что онъ неохотно прибѣгалъ къ содѣйствію талантовъ, если они не принадлежали къ его средѣ, не поль-

Digitized by Google

зовался ими въ своихъ интересахъ, какъ мы это видимъ въ Англіи. Онъ помышлялъ только о своихъ выгодахъ. Токвиллъ въ одномъ изъ писемъ къ Сеніору говоритъ что главнѣйшею причиной февральской революціи слѣдуетъ считать то что господствующій классъ забылъ о народѣ и предалъ его руководству людей которые будто бы съ цѣлью улучшить его матеріальное положеніе распространяли среди его самыя превратныя понятія." Сами Французы совершенно такого же мнѣнія на этотъ счетъ какое высказано нѣмецкимъ авторомъ. „Мы еще не имѣемъ понятія", писалъ Токвилль Густаву де-Бомону, „что̀ такое во Франціи могущество денегъ когда оно не соединяется съ благородствомъ происхожденія." Такъ какъ помыслы французской буржуазіи вращались преимущественно въ сферѣ матеріальныхъ интересовъ, то хоть бы по крайней мѣрѣ въ этой сферѣ достигла она такихъ результатовъ которые отразились бы благотворными послѣдствіями на низшихъ слояхъ народа; но для этого нужно было проникнуться заботой объ общихъ интересахъ, а она не была въ состояніи возвыситься до этой точки зрѣнія. „Конечно, пристрастіе руководило Эмилемъ Жирарденомъ", говоритъ нѣмецкій историкъ, „когда онъ восклицалъ въ газетѣ *Presse* что ровно ничего не сдѣлано было ни для промышленности, ни для торговли, и министръ второй имперіи Рухеръ обнаружилъ столь же мало безпристрастія, повторяя эти слова журналиста. Несомнѣнно однако что и краснорѣчивая брошюра въ которой графъ Монталиве старался опровергнуть подобныя нареканія не содержитъ убѣдительныхъ доказательствъ будто восемнадцатилѣтнее господство мира было благотворно для массы народа. Какая польза была народу отъ того что министры, страшась оппозиціи въ камерахъ, отказывались даже отъ необходимыхъ займовъ и старались по обыкновенію всѣхъ слабыхъ правительствъ прикрыть неблагопріятное положеніе финансовъ посредствомъ неблаговиднаго увеличенія текущаго долга? Для крестьянина, вообще для трехъ четвертей народонаселенія, правительство буржуазіи оказывалось безсердечнымъ. Конечно, оно не въ состояніи было исцѣлить старинную язву отъ которой страдало земледѣліе—абсентеизмъ; только радикальная перемѣна въ нравахъ могла побудить крупныхъ землевладѣльцевъ предпочитать однообразіе сельской жизни роскоши и комфорту большихъ городовъ. Но крестьянинъ

Digitized by Google

терпѣлъ не отъ этого только, онъ терпѣлъ отъ недостатка капиталовъ, отъ затруднительности кредита, ибо при займахъ долженъ былъ платить отъ 8 до 11%; здѣсь можно было бы облегчить его положеніе преобразованіемъ крайне неудовлетворительной гипотечной системы, но никто не заботится объ этой реформѣ. Государственный банкъ продолжалъ удерживать за собой монополію, ибо парижская буржуазія не вѣрила въ пользу провинціальныхъ банковъ. При Людовикѣ-Филиппѣ было устроено нѣсколько дорогъ, расширено нѣсколько гаваней и получила дальнѣйшее развитіе та система каналовъ которая не имѣетъ ничего подобнаго себѣ въ Европѣ; но въ то время какъ въ другихъ государствахъ стали возникать желѣзныя дороги и даже въ сравнительно бѣдной Германіи частная индустрія получила возможность пользоваться этими средствами сообщенія, Франція обнаруживала печальное отсутствіе предпріимчивости; въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду довольствовалась она увеселительною дорогой изъ Парижа въ Версаль: происходило это частью отъ противодѣйствія палатъ, которыя отказывали въ довѣріи тому или другому министерству, частью отъ происковъ крупныхъ банкировъ, изъ которыхъ каждый добивался захватить въ свои руки выгодную спекуляцію; при Людовикѣ-Филиппѣ все ограничивалось въ этой области только начинаніями, и уже Людовикъ-Наполеонъ далъ энергическій толчекъ дѣлу, довелъ до конца то что было начато. То же самое видимъ мы и во всѣхъ другихъ отрасляхъ: такъ напримѣръ знаменитое преобразованіе почтъ осуществленное въ Англіи Роуландомъ Гиллемъ не встрѣтило подражанія во Франціи. Нечего было и думать при этомъ о широкихъ и требовавшихъ значительныхъ расходовъ предпріятіяхъ: крестьяне юго-западныхъ провинцій тщетно обращались къ правительству чтобы сдѣлать годными для обработки ихъ landes, эти безплодныя пустыни. Croix rousse въ Ліонѣ Rue de la bassesse въ Руанѣ, impasse des cloaques въ Лиллѣ, мрачныя улицы С. Антуанскаго предмѣстья въ Парижѣ служили притонами страшной нищеты, глубокаго разврата и невѣжества, но никто не обращалъ на это вниманія. Къ рабочему классу относились недовѣрчиво, потому что онъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ смутахъ, но никому не приходило въ голову принять мѣры чтобъ оградить его отъ вліянія революціонной пропаганды. Конечно, эти мѣры не

Digitized by Google

должны были имѣть ничего общаго съ тѣми къ которымъ прибѣгалъ въ послѣдствіи Наполеонъ III; безсмысленно и вредно было занимать толпу непроизводительными работами, но по крайней мѣрѣ если ужь Франція хотѣла подражать Англіи, то слѣдовало бы заняться распространеніемъ въ средѣ рабочаго класса здравыхъ экономическихъ понятій; но и это было пренебрежено. По всему вѣроятію нелѣпыя теоріи не проникали бы такъ легко въ низшіе слои народонаселенія, еслибы законодательства съ одной стороны, а наука съ другой энергически противодѣйствовали имъ; но въ разсматриваемое время политическая экономія какъ бы совсѣмъ исчезла во Франціи. Лишь подъ конецъ раздался голосъ изъ среды тогдашнихъ профессоровъ и ученыхъ, которые привыкли смотрѣть на соціализмъ съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ какъ на глупую дѣтскую забаву. Въ январѣ 1845 года появились въ *Journal des économistes* умныя и талантливыя статьи Бастіа. Онѣ далеко не отличались оригинальностью; Бастіа много заимствовалъ у иностранцевъ; въ своемъ главномъ произведеніи *Harmonies économiques* является онъ послѣдователемъ Американца Кери, но иначе не могло и быть, ибо—повторяемъ еще разъ—наука политической экономіи, процвѣтавшая во Франціи въ прежнее время, была мало разрабатываема въ періодъ іюльской монархіи. Отечество меркантильной школы и школы физіократовъ пробавлялось свѣдѣніями заимствованными изъ вторыхъ рукъ.“ *

Находился въ тогдашней Франціи кружокъ людей которые сознавали что политической жизни, несмотря на весь ея внѣшній блескъ, не доставало серіознаго содержанія. Къ сожалѣнію такихъ людей было не много. Между ними можно указать на Токвилля, Густава де-Бомона, Корселля, Карне. Всѣ ихъ усилія стремились къ тому чтобы направить и правительство, и вліятельную часть общества на путь болѣе плодотворный для интересовъ страны. Они не добивались

* Въ самой Франціи наиболѣе замѣчательные люди высказывали совершенно такое же мнѣніе. Токвилль писалъ Англичанину Сеніору: „Величайте наше зло происходитъ не столько отъ политическихъ страстей сколько отъ поразительнаго невѣжества массъ во всемъ что̀ касается настоящихъ условій производства и народнаго благосостоянія. Насъ губятъ нелѣпые предразсудки въ политикѣ, но главнымъ образомъ,—совершенное незнаніе политической экономіи.“

Digitized by Google

власти, они были заняты лишь распространеніемъ своихъ идей, они хотѣли чтобы дѣятельность ихъ служила примѣромъ для другихъ. Въ палатѣ депутатовъ вниманіе ихъ сосредоточивалось преимущественно на вопросахъ о народномъ образованіи, улучшеніи тюремъ, реформѣ уголовнаго законодательства и т. п.—вопросахъ не волновавшихъ страсти, но практическая важность коихъ очевидна для всякаго. Они жили идеалами которымъ не встрѣчали отзыва въ окружавшей ихъ средѣ, — оттого и вліяніе ихъ было незначительно. Но они вѣрно понимали тогдашнее положеніе дѣлъ, гораздо вѣрнѣе тѣхъ для которыхъ весь смыслъ политической жизни заключался въ пресловутой jeu des institutions, отражавшейся на обществѣ лишь безплоднымъ броженіемъ.

Франція какъ теперь, такъ и въ прежнее время была страною сильной административной централизаціи. Этотъ порядокъ вещей пустилъ въ ней корни еще до переворота совершившагося въ концѣ прошлаго столѣтія; Наполеонъ окончательно организовалъ его, и съ тѣхъ поръ онъ остается непоколебимымъ. Ничего ровно не измѣнилось въ немъ и послѣ того какъ возникли конституціонныя учрежденія. Нерѣдко слышались краснорѣчивые голоса доказывавшіе необходимость развить въ странѣ самоуправленіе, но пока еще былъ бы сдѣланъ этотъ опытъ, и въ ожиданіи того оказался ли бы онъ удачнымъ, никому не приходила мысль поколебать господствовавшую систему администраціи. Такимъ образомъ бюрократія и либеральныя формы существовали совмѣстно и не было между ними никакой органической связи. Результаты оказались одинаково вредными и для бюрократіи и для народнаго представительства. Министры находились въ непосредственной зависимости отъ парламента; если большинство въ палатѣ депутатовъ не поддерживало ихъ, то они не могли оставаться на своихъ мѣстахъ, — отсюда ревностныя ихъ заботы о томъ чтобы парламентскіе выборы оказывались благопріятными людямъ принадлежавшимъ къ ихъ партіи. Возможно ли было требовать отъ нихъ такого самоотверженія чтобы въ виду этой цѣли они не пользовались услугами многочисленнаго административнаго персонала находившагося въ ихъ распоряженіи? Чиновники на всѣхъ ступеняхъ административной лѣстницы становились агентами парламентскихъ выборовъ, вслѣдствіе чего уклонялись отъ прямыхъ своихъ обязанностей. Мѣриломъ ихъ

Digitized by Google

усердія и ихъ способностей служило — насколько удавалось имъ содѣйствовать успѣху тѣхъ или другихъ кандидатовъ. Успѣхъ во всякомъ случаѣ не пріобрѣтался дешевою цѣной: кандидатъ щедро раздавалъ обѣщанія вліятельнымъ людямъ своей мѣстности, городскимъ и сельскимъ обществамъ, промышленнымъ и торговымъ компаніямъ, и нужно было по возможности непремѣнно исполнить ихъ,—иначе это значило бы компрометтировать его въ глазахъ избирателей. Бѣда только въ томъ что общій интересъ очень часто приносился при этомъ въ жертву интересамъ частнымъ, правительство вынуждено было соглашаться на такія мѣры, на такія уступки, которыя насколько не условливались дѣйствительными потребностями той или другой мѣстности. Но и это еще не все. Отчасти изъ желанія удовлетворить ходатайства своихъ приверженцевъ въ парламентѣ, отчасти же, считая выгоднымъ для себя по политическимъ соображеніямъ имѣть въ своемъ распоряженіи какъ можно болѣе многочисленный персоналъ лицъ состоявшихъ на государственной службѣ, правительство создавало новыя должности, дробило должности уже существовавшія; ряды бюрократіи безо всякой нужды разростались все болѣе и болѣе; наполнялась она людьми мало способными. Въ восемнадцатилѣтнее правленіе Лудовика-Филиппа, при господствѣ крайне либеральной конституціи, число чиновниковъ увеличилось сравнительно съ прежнимъ на 35.000. Вотъ каковы были послѣдствія конституціоннаго режима для французской администраціи! Полагали что либеральныя учрежденія окажутъ благотворное вліяніе на бюрократію, что подъ бдительнымъ контролемъ народнаго представительства она освободится отъ рутины, исчезнутъ въ ней злоупотребленія; но надежды эти не оправдались. Въ свою очередь и ея вліяніе отзывалось вредно на парламентѣ: не мало лицъ засѣдали въ немъ только благодаря ея поддержкѣ, многія изъ нихъ состояли на службѣ, находились въ прямой зависимости отъ правительства; подъ конецъ изъ 460 членовъ палаты депутатовъ было не менѣе 200 чиновниковъ. И такой-то парламентъ хотѣлъ разыгрывать роль парламента англійскаго!

Печальную картину представляла Франція тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Либерализмъ ея дѣйствовалъ обаятельно на Европу, но огромное большинство французскаго общества, знавшее ближе и лучше что̀ скрывается подъ этимъ

Digitized by Google

либерализмомъ, относилось къ дѣлу совершенно иначе. Извѣстныя слова Ламартина сказанныя имъ почти наканунѣ февральской революціи: „la France s'ennuie“ весьма вѣрно выражали настроеніе публики. „Со всѣхъ сторонъ“, говоритъ г. Гиллебрандъ, „раздавался вопросъ, какую пользу извлекала страна изъ безпрерывныхъ столкновеній между короной и парламентомъ и не благоразумнѣе ли было бы или дать королю средства послѣдовательно и безпрепятственно исполнить свою политику, или же совсѣмъ низвергнуть монархическую власть, если осуждена она служить игралищемъ честолюбія и интригъ? Даже внѣшній блескъ парламентаризма прельщалъ лишь немногихъ. Общество не обнаруживало намѣренія положить насильственный конецъ этому дорогому и безсодержательному зрѣлищу, но оно относилось къ нему равнодушно, и нельзя было сомнѣваться что оно останется совершенно безучастнымъ, если вслѣдствіе какихъ-нибудь обстоятельствъ рухнутъ театральныя подмостки со всѣми находившимся на нихъ актерами.“ Этимъ объясняется характеръ переворота 1848 года. Въ послѣдствіи говорили что онъ былъ произведенъ лишь парижскою чернью подъ предводительствомъ нѣсколькихъ демагоговъ, что громадное большинство націи не играло тутъ никакой роли, и это было справедливо; но съ другой стороны, самый индифферентизмъ обнаруженный націей доказываетъ что переворотъ отнюдь не былъ такою случайностью какою хотѣли его выставить. Г. Гиллебрандъ, оканчивая обзоръ политическаго состоянія Франціи при Лудовикѣ-Филиппѣ, останавливается еще разъ на вопросѣ, въ чемъ заключались причины господствовавшаго при немъ порядка вещей. „Не слѣдуетъ ли думать“, говоритъ онъ, „что зародышъ смерти лежалъ въ самомъ государственномъ организмѣ, который не могъ выдержать перваго сильнаго натиска бури. Нельзя относиться высокомѣрно къ садовникамъ перенесшимъ экзотическое растеніе на свою почву и въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ заботливо слѣдившимъ за его ростомъ: конечно, Ройе-Коларъ и Броль, Гизо и Тьеръ, Казиміръ Перье и Моле, Дюфоръ и Ремюза, Токвилль и Дюпенъ не уступали умомъ, талантами и образованіемъ государственнымъ людямъ никакой другой страны и никакого другаго времени; зрѣлище усилій которыя расточали они для упроченія излюбленнаго ими порядка вещей было такого рода что воспоминаніе о немъ пере-

Digitized by Google

жило то чувство раздраженія и негодованія съ которыми судили о конституціонной монархіи тотчасъ послѣ постигшей ее катастрофы. Сначала думали впрочемъ что парламентаризмъ рушился вслѣдствіе своихъ крайностей. Подъ вліяніемъ этой мысли Наполеонъ III отстранилъ въ немъ все что въ прежнее время особенно давало поводъ къ безплодной борьбѣ партій—прежія объ адресахъ въ отвѣтъ на тронную рѣчь, интерпелляціи, выборы палатами своихъ представителей и т. п.,—онъ хотѣлъ придать народному представительству исключительно дѣловой характеръ, но все-таки результаты оказались не лучше. Не внушаетъ довѣрія парламентаризмъ и теперь, когда въ основу его поставлена поголовная подача голосовъ. Въ виду этихъ разнообразныхъ и одинаково неудачныхъ экспериментовъ пора усомниться въ достоинствахъ самой формы правленія о которой идетъ рѣчь, какъ бы ни старались прилаживать ее къ непригодной для нея почвѣ. Теоретики конституціоннаго режима сознавали еще въ 1814 году громадныя трудности ожидавшія ихъ на избранномъ ими пути. Когда не удался первый опытъ—опытъ совмѣстить народное представительство со старою династіей и старымъ дворянствомъ,—то они задумали возобновить его на другихъ основаніяхъ, но едва ли еще не болѣе неудачно. Государственный порядокъ при Лудовикѣ-Филиппѣ можно уподобить подмосткамъ на которыхъ престолъ и корона служили декораціей, а парламентъ—труппѣ талантливыхъ актеровъ, разыгрывавшихъ свою роль съ тѣмъ большею добросовѣстностью что они весьма серіозно принимали театральное зрѣлище за дѣйствительность, но дѣйствительность надлежало искать за кулисами, и рано или поздно она жестоко должна была отмстить за себя тѣмъ которые не хотѣли сообразоваться съ нею."

IV.

Г. Гиллебрандъ не ограничивается въ своей книгѣ изложеніемъ только политическихъ событій въ царствованіе короля Лудовика-Филиппа, но остановился довольно подробно на литературномъ, научномъ и религіозномъ движеніи того времени. Это было необходимо для того чтобъ оцѣнить вполнѣ то значеніе какое имѣли для Франціи конституціонныя учрежденія. Если они не принесли ей пользы собственно въ поли-

Digitized by Google

тической сферѣ, то интеллектуальная ея дѣятельность не развивалась ли болѣе успѣшно подъ ихъ вліяніемъ?

Если судить по началу, то отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ быть утвердительный. Пятнадцатилѣтнее правленіе Бурбоновъ дѣйствительно было ознаменовано процвѣтаніемъ литературы и науки. Авторъ разбираемой нами книги, вообще относящійся съ симпатіями къ реставраціи, съ любовью рисуетъ картину блестящихъ успѣховъ которые были достигнуты тогда французскимъ обществомъ и которые поставили его такъ высоко во мнѣніи Европы. Въ этомъ отношеніи онъ повторяетъ лишь то что неоднократно было высказываемо самими Французами, по крайней мѣрѣ самыми преосвѣщенными изъ нихъ, какъ напримѣръ Ренаномъ. Старая Франція, которой нанесенъ былъ ударъ въ концѣ прошлаго столѣтія, снова напомнила о себѣ; вліяніе аристократіи на общественную жизнь оказалось въ высшей степени благотворнымъ; въ салонахъ ея какъ бы воскресли преданія того времени когда эти салоны служили средоточіемъ замѣчательнѣйшихъ умственныхъ силъ страны. Если обратимся затѣмъ къ періоду іюльской монархіи, то разница окажется поразительною. При Людовикѣ-Филиппѣ продолжается быть-можетъ еще болѣе усиленная умственная дѣятельность, но самые видные таланты принадлежатъ предшествовавшему времени, т.-е. времени реставраціи; уже тогда вполнѣ опредѣлилось ихъ направленіе и сдѣлалось достояніемъ публики то что особенно способствовало ихъ славѣ; между новыми талантами было мало такихъ которые могли бы соперничать съ ними, и въ общемъ характерѣ ихъ дѣятельности обнаруживается что-то ненормальное. Иначе не могло и быть. Это было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ революціи 1830 года. Мы видимъ тутъ еще новое доказательство какъ ошибались различные мудрецы, полагая будто упомянутая революція не произвела въ странѣ коренного переворота, будто главныя основы господствовавшаго порядка вещей не были поколеблены ею,—мало того, будто бы она только упрочила ихъ. Нѣтъ, разрушительный ея характеръ не подлежалъ сомнѣнію. Она пробудила въ обществѣ усыпленные на время опасные инстинкты, на сцену выступила демократія, завистливая, нетерпимая, и требовала полнаго господства. „Удивительное дѣло“, замѣчаетъ г. Гиллебрандъ,—„прежнее единство жизни исчезало все болѣе по мѣрѣ того какъ упрочивалось установленное закономъ граждан-

Digitized by Google

ское равенство. Все распалось на отдѣльные лагери; художники и люди игравшіе видную роль въ политическомъ мірѣ чуждались другъ друга; духовенство стояло особнякомъ; духъ партій преобладалъ всюду. Зараженная своими предразсудками демократія относилась презрительно къ высшему обществу, а высшее общество отплачивало ей такимъ же презрѣніемъ; такимъ образомъ расширялась пропасть между ними, вслѣдствіе чего одни жили въ области отвлеченныхъ теорій, въ совершенномъ невѣдѣніи міра и людей, а другіе не обращали никакого вниманія на то что волновало или занимало народъ. Въ обществѣ совершенно исчезли то изящество тона, та свѣжесть и воспріимчивость, которыя придавали столько прелести обществу временъ реставраціи; грубый идеализмъ торжествовалъ надъ идеализмомъ первой четверти нынѣшняго столѣтія,—идеализмомъ быть-можетъ черезчуръ юношескимъ и породившимъ преимущественно въ политикѣ тѣхъ разочарованія, но служившимъ благотворнымъ двигателемъ въ другихъ сферахъ дѣятельности. Вошло въ моду хвалиться практическимъ смысломъ, но правда, жизненная правда выигрывала очень мало отъ этого такъ-называемаго практическаго смысла: прежній не всегда ясный и сознательный энтузіазмъ замѣнился словами и пустыми формами; публика относилась насмѣшливо къ отжившимъ идеаламъ, но не было у нея ничего что она могла бы поставить на ихъ мѣсто....“

Нельзя впрочемъ сказать чтобъ умственное движеніе во Франціи даже въ лучшій періодъ конституціоннаго режима—въ періодъ реставраціи—не отличалось существенными недостатками. Въ наукѣ господствовало историческое направленіе. Повидимому что могло быть лучше этого? Изученіе исторіи, изслѣдованіе прошлыхъ судебъ своей страны должно было отрезвить французское общество отъ того крайняго раціонализма который господствовалъ въ концѣ XVIII вѣка и причинилъ Франціи столько вреда. Это было самое надежное средство оградить себя отъ увлеченій политическими теоріями и научиться вѣрно понимать дѣйствительность. Но историческое направленіе о которомъ мы говоримъ возникло во Франціи въ то время когда она поставила себѣ задачей привить къ своему государственному быту такія формы которыя были заимствованы извнѣ, являлись подражаніемъ чуждому образцу. Много ума, таланта и знанія потрачено было на то чтобы доказать законность и необходимость конститу-

Digitized by Google

ціоннаго порядка вещей во Франціи. Къ исторіи обращались для того чтобы найти аргументы въ его пользу. Господствовавшая историческая школа заботилась главнымъ образомъ о томъ чтобъ установить тѣсную связь между старою Франціей и Франціей XIX вѣка, доказать что люди стремившіеся утвердить во Франціи либеральныя учрежденія лишь продолжали то дѣло надъ которымъ въ теченіе вѣковъ трудились прежнія поколѣнія. Съ большимъ искусствомъ рисовали они картину того какъ, начиная съ XI вѣка, выступаетъ на сцену среднее сословіе, какъ, отстаивая принципы свободы, дѣйствуетъ оно заодно съ королевскою властью, какъ мало-по-малу народное представительство расширяетъ свои права и какъ этотъ порядокъ вещей, который могъ бы привести страну къ широкой политической свободѣ, не получилъ дальнѣйшаго развитія вслѣдствіе того что королевская власть, достаточно окрѣпнувъ, не считала уже нужнымъ созывать государственные чины, а дворянство стало группироваться при дворѣ, отдѣливъ свои интересы отъ интересовъ остальнаго народонаселенія. Затѣмъ указывалось на то что страшная революція была возмездіемъ за это нарушеніе естественнаго порядка вещей, но не уничтожила всего что завѣщано было Франціи ея исторіей. Водворивъ у себя по возстановленіи Бурбоновъ конституціонныя учрежденія, Франція оставалась будто бы какъ нельзя болѣе вѣрна общему характеру своего историческаго развитія. „Все получило новый видъ“, восклицалъ Августинъ Тьерри, „но при этомъ нисколько не прерваны преданія.“ Таково было убѣжденіе лучшихъ представителей исторической школы, произведенія коихъ съ жадностью читались тогдашнимъ обществомъ; они старались себя увѣрить что Франція навсегда покончила съ насильственными переворотами, что наступилъ для нея періодъ спокойнаго и мирнаго прогресса. Революція 1830 года должна была повидимому поколебать эти надежды, но таково свойство человѣческой природы увлекаться до послѣдней возможности въ преслѣдованіи какого-либо идеала что, напротивъ, она только подкрѣпила ихъ. За нѣсколько времени до упомянутаго событія Августинъ Тьерри помѣстилъ въ *Censeur Européen* статью въ которой рѣзко осуждалъ англійскую революцію 1688 года и говорилъ что было бы величайшимъ бѣдствіемъ для Франціи еслибы произошло въ ней нѣчто подобное, а нѣсколько позднѣе переворотъ стоившій престола Стюартамъ

Digitized by Google

былъ превознесенъ имъ до небесъ. Въ своихъ *Considérations sur l'histoire de France* онъ помѣстилъ, между прочимъ, слѣдующія строки: „французская революція 1830 года, изумительная по своей быстротѣ и еще болѣе по тому что она нисколько не преступила предположенной ею себѣ цѣли, окончательно и безповоротно упрочила связь между теперешнимъ порядкомъ вещей въ нашемъ отечествѣ и великимъ движеніемъ 1789 года. Нынѣ все исходитъ изъ этой революціи—принципъ нашего государственнаго устройства, основы власти, права народа, цвѣта національнаго знамени. Королевская власть сохраняетъ свое прежнее высокое значеніе, она пріобрѣла только въ народномъ признаніи новыя силы. Вся наша исторія свидѣтельствуетъ въ ея пользу, ибо въ теченіе вѣковъ развитіе ея шло совмѣстно съ развитіемъ средняго сословія; революція конца прошлаго вѣка не хотѣла и не была въ силахъ ее ниспровергнуть, а успѣла лишь пріостановить ея дѣятельность на короткій срокъ." Воззрѣнія о которыхъ мы говоримъ пользовались огромнымъ успѣхомъ; они получили такъ-сказать официальный характеръ, благодаря тому что люди проповѣдывавшіе ихъ играли (за исключеніемъ А. Тьерри, удрученнаго тяжкимъ недугомъ) видную роль въ политикѣ, пользовались значительнымъ вліяніемъ и поддерживали ихъ всею силой своего авторитета. Идти на перекоръ имъ значило возстановить противъ себя сильную и многочисленную партію. „Въ этомъ отношеніи, говоритъ г. Гиллебрандъ, даже извѣстная Парижская учительская семинарія (Нормальная Школа), окруженная тогда особеннымъ блескомъ, скорѣе вредила историческимъ и философскимъ знаніямъ чѣмъ приносила имъ пользу. Здѣсь получали образованіе будущіе профессоры и преподаватели коллегіумовъ и лицеевъ, и образованіе это было чисто риторическимъ. Изслѣдованія Гизо и Тьерри были принимаемы какъ нѣчто совершенно законченное, не допускавшее критики и требовавшее лишь какъ можно болѣе широкаго распространенія. Всякое самостоятельное отношеніе къ источникамъ было невозможно, точно также какъ всякое оригинальное философское мышленіе встрѣчало отпоръ; требовалось усваивать уже готовые результаты; все было разчитано на то чтобы люди выходившіе изъ Нормальной Школы были въ состояніи знакомить молодежь съ историческими воззрѣніями Гизо, съ философскою системой Кузена и съ литературными принципами установленными Вилль-

Digitized by Google

меномъ. И въ преподаваніи, и въ книгахъ господствовало точно такое же направленіе, но подобная дидактическая и литературная дѣятельность лишена была строго научнаго характера. Всякій кто не хотѣлъ подчиниться такимъ требованіямъ, кто не довольствовался вульгаризаціей господствовавшихъ идей, посвящалъ свое время спеціальнымъ изысканіямъ по тѣмъ или другимъ частнымъ вопросамъ, которые не имѣли вліянія на умственное развитіе общества по той причинѣ что были лишены философскаго характера."

Историческая школа во Франціи, имѣвшая своими представителями Гизо, Тьерри, не говоря о многихъ другихъ, оказала огромныя услуги, но вліяніе ея на общество чисто въ политическомъ отношеніи представляется весьма сомнительнымъ. И это потому что, какъ замѣчено выше, при изученіи прошедшаго она не была въ состояніи освободиться отъ предвзятыхъ теорій; она упорно держивалась въ исторіи лишь подтвержденія и оправданія того что соотвѣтствовало ея тенденціямъ. Съ этой точки зрѣнія г. Гиллебрандъ совершенно правъ, когда онъ говоритъ что направленіе господствовавшее въ наукѣ нельзя было назвать въ строгомъ смыслѣ слова историческимъ, что въ основѣ его лежалъ тотъ же раціонализмъ который породилъ революцію прошлаго столѣтія. Въ 1789 году приступлено было къ радикальному преобразованію государственнаго и общественнаго строя Франціи на основаніи чисто отвлеченныхъ политическихъ системъ, не сообразуясь нисколько съ исторіей, преданіями, нравами и обычаями народа; послѣ тяжкаго опыта путь этотъ былъ признанъ гибельнымъ; но развѣ не значило идти тѣмъ же самымъ путемъ когда къ исторіи обращались съ цѣлью найти въ ней именно такой, а не другой отвѣтъ на предлагаемые ей вопросы? Развѣ въ сущности и тутъ отвлеченныя теоріи не играли первой роли? Не удивительно слѣдовательно что наряду со школой либеральною стояли другія или проникнутыя крайними демократическими тенденціями, или же отстаивавшія идеи обнаруживавшія совершенное отсутствіе историческаго смысла, которыя однако въ свою очередь хотѣли доказать законность своихъ притязаній, ссылаясь также на свидѣтельства исторіи. Словомъ, никогда еще не занимались такъ много исторіей, но пользы отъ этого для развитія политическаго смысла въ обществѣ было очень мало, ибо каждый извлекалъ изъ исторіи только такіе уроки

Digitized by Google

которые считалъ пригодными для себя. Генрихъ Мартенъ въ пятнадцати томахъ своей *Исторіи Франціи* доказывалъ что страна эта чуть ли не со временъ Друидовъ подготовлялась постепенно къ реслубликанской формѣ правленія. Подъ леромъ Кине и Мишле исторія получила совершенно особую окраску: то не было лишь послѣдовательное изложеніе фактовъ въ извѣстномъ духѣ, а какія-то видѣнія, прорицанія, дѣйствовавшія не столько на умъ сколько на фантазію и страсти. Особенно широкое поле для самыхъ произвольныхъ толкованій представляла, разумѣется, революція прошлаго столѣтія. „Либеральная школа, говоритъ г. Гиллебрандъ, много содѣйствовала тому вредному заблужденію будто движеніе 1789 года было исполнено мудрости и великодушія какъ въ своихъ цѣляхъ такъ и въ своихъ стремленіяхъ и будто только Конвентъ направилъ его на ложный путь, тогда какъ было бы въ высшей степени полезно для французскаго общества уразумѣть что самыя опасныя нововведенія, самая гибельная ломка стараго совершились подъ вліяніемъ политическихъ страстей и отвлеченныхъ теорій именно въ первые годы революціи. Какъ и слѣдовало ожидать, восхваленіе Конституанты не замедлило вызвать апологію Конвента; восторженные отзывы о главнѣйшихъ его дѣятеляхъ, преступленія коихъ старались истолковать въ наиболѣе выгодномъ для нихъ смыслѣ, упрочили нелѣпое заблужденіе что импровизованные политики въ родѣ Робеспьера и Дантона были дѣйствительно великіе люди, а если такъ, то отсюда не трудно было сдѣлать выводъ что всякій не оперившійся адвокатъ, всякій бойкій журналистъ можетъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ руководить судьбами своей страны. Тьеръ и Минье еще довольно умѣренно защищали преданія 1793 года; не оправдывая вожаковъ Конвента они старались только доказать что возмутительные ихъ подвиги были неизбѣжнымъ послѣдствіемъ предшествовавшихъ событій. Впервые при іюльской монархіи началось систематическое прославленіе террора. Образовались двѣ школы, изъ коихъ одна, къ изумленію, съ католическимъ оттѣнкомъ, а другая съ соціалистическимъ; къ нимъ присоединилась еще школа живая преданіями жирондистовъ. Повидимому приверженцы крайнихъ ученій хотѣли возобновить неистовую борьбу прежняго страшнаго времени, но къ счастію вмѣсто крови они не цадили только чернилъ. Луи-Блана выступилъ съ памфлетомъ противъ Орлеанской

Digitized by Google

династіи, памфлетомъ не имѣвшимъ и признака того достоинства, разсудительности и безпристрастія которыми должно отличаться историческое изслѣдованіе. Его обширная *Histore de dix ans* была апоѳеозой презрѣнія къ закону, риторическимъ разглагольствованіемъ о правахъ четвертаго сословія, т.-е. попыткой возбудить междуусобія въ обществѣ которое едва начало оправляться отъ своихъ раздоровъ, и все это было изложено языкомъ Камилла Демулена съ примѣсью политической мудрости С. Жюста и соціалистическихъ бредней Бабефа, однако, какъ не рѣдко случается во Франціи, и это исполненное ненависти произведеніе было съ жадностью прочитано даже тѣми противъ кого было оно направлено. Съ этой минуты болѣе чѣмъ когда-нибудь въ политической, экономической и литературной скудости революціонеровъ прошлаго вѣка стала выражаться для молодежи, для людей необразованныхъ и полуобразованныхъ сумма національныхъ и государственныхъ идеаловъ. Писатели революціоннаго направленія старались доказать неизбѣжимость демократіи, ея спасительное для человѣчества призваніе и для этого опять-таки прибѣгали они къ исторіи. По ихъ словамъ, терроръ 1793 года былъ послѣдствіемъ идеальныхъ стремленій XV и XVI вѣковъ, эпохи Возрожденія и реформаціи; героямъ Конвента навязывали они глубокія философскія идеи и даже тѣхъ изъ нихъ которые просто-напросто были палачами усиливались выставить въ обольстительномъ свѣтѣ. Для однихъ вся исторія Франціи заключалась въ борьбѣ „народа“ съ жестокосердою буржуазіей; для другихъ виновницами всевозможнаго зла были королевская власть и церковь, а третьи истинно великихъ людей видѣли только въ тѣхъ кто возбуждалъ чернь къ мятежу.

Между школой либеральною и школой революціонною при всей противоположности ихъ принциповъ было сходство въ томъ отношеніи что онѣ одинаково смотрѣли на Францію сквозь призму своихъ излюбленныхъ теорій. Истинный политическій смыслъ заключался, напротивъ, въ томъ чтобы видѣть страну такою какою была она въ самомъ дѣлѣ, уразумѣть дѣйствительныя ея потребности и пріискивать соотвѣтственныя имъ политическія формы, а не навязывать странѣ формы непригодныя для нея, какъ бы ни казались онѣ обольстительными съ той или другой точки зрѣнія. Къ сожалѣнію подобный взглядъ былъ удѣломъ лишь весьма

Digitized by Google

немногихъ. Между ними первое мѣсто безспорно принадлежало Токвиллю. Онъ не придавалъ существенной важности вопросамъ которые въ его время волновали политическія партіи во Франціи; онъ старался дать себѣ ясный отчетъ, къ чему привело Францію историческое ея развитіе; нисколько не будучи демократомъ по своимъ убѣжденіямъ, онъ сознавалъ однако что французское общество сдѣлалось вполнѣ демократическимъ и, какъ скоро примирился онъ съ этимъ фактомъ, всѣ усилія его были посвящены разрѣшенію задачи—какъ достигнуть того чтобы господство демократіи совмѣстить съ прочностью верховной власти, съ уваженіемъ къ религіи и съ господствомъ разумной свободы. Но Токвилль стоялъ особнякомъ. Знаменитое сочиненіе его читали очень усердно, но, какъ выразился онъ самъ „лишь весьма немногіе способны были вникнуть въ его смыслъ; оно нравилось людямъ различныхъ направленій не потому чтобъ они сочувствовали выраженнымъ въ немъ идеямъ, а единственно по той причинѣ что смотря на это сочиненіе съ какой-либо исключительной точки зрѣнія они черпали въ немъ аргументы благопріятные для ихъ минутныхъ страстей“. Въ этомъ отношеніи Ройе-Коларъ былъ совершенно согласенъ съ Токвиллемъ. „Повѣрьте мнѣ“, говорилъ онъ ему, „что въ демократической Франціи едва ли найдется десять человѣкъ способныхъ оцѣнить ваши идеи о демократіи.“

Къ изящной литературѣ времени Лудовика-Филиппа г. Гиллебрандтъ относится очень строго. Нѣсколько стихотвореній Виктора Гюго и Альфреда Мюссе, нѣсколько повѣстей Мериме и Бальзака—вотъ, по его мнѣнію, все что̀ уцѣлѣетъ отъ нея; что касается Жоржъ Сандъ, едва ли кто-нибудь будетъ перечитывать ея произведенія, въ которыхъ крайняя тенденціозность преобладаетъ надъ художественностью. Несомнѣнно, говоритъ авторъ разбираемой нами книги, что поколѣніе дѣйствовавшее въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ было чрезвычайно даровито; отчего же всѣ эти люди промелькнули какъ метеоры не оставивъ послѣ себя почти ничего долговѣчнаго? Причины этого, по словамъ его, разнообразны: обоготвореніе собственной личности, неспособность подчиниться какимъ-либо общимъ правиламъ и школѣ, отсутствіе твердыхъ и для всѣхъ одинаково обязательныхъ принциповъ, недостатокъ высокаго сознанія долга. „Демократическое направленіе—такъ продолжаетъ онъ развивать свою мысль—относа-

Digitized by Google

щееся съ непримиримою враждой ко всякой независимой выходящей изъ ряда вонъ личной дѣятельности, старающееся подвести ее подъ общій уровень, содѣйствуетъ однако широкой эмансипаціи индивидуализма посредственности, такъ какъ для всѣхъ индивидуумовъ требуетъ оно одинаковаго значенія; что же касается этихъ индивидуумовъ, то не связанные никакими традиціонными узами, они, какъ атомы, не заботясь ни о прошедшемъ, ни о будущемъ, не сообразуясь съ чьими бы то ни было правами, преслѣдуютъ лишь свои личныя, преходящія цѣли. Такимъ образомъ каждый обоготворяетъ самого себя; личныя его прихоти и вожделѣнія служатъ ему единственнымъ закономъ; все же вѣчное и непреходящее, что должно давать содержаніе искусству, теряетъ цѣну. Все это обнаружилось вскорѣ послѣ 1830 года. Никто не былъ въ состояніи отдѣлаться отъ узкихъ эгоистическихъ стремленій; всякій, помышляя лишь о самомъ себѣ, имѣлъ въ виду лишь успѣхъ съ которымъ были сопряжены обогащеніе, почести, а главнымъ образомъ удовлетвореніе своего тщеславія; но рѣдкимъ, крайне рѣдкимъ исключеніемъ являлась такая творческая дѣятельность которая и побужденіе и награду находила лишь въ совѣсти самого художника. Все разчитано было на внѣшній эффектъ; писали для того только чтобы писать, а не для того чтобы высказать глубоко передуманное и испытанное; слава доставалась при этомъ безъ большаго труда, но слава далеко не долговѣчная. Удивительно ли что изъ двухъ наиболѣе талантливыхъ поэтовъ того времени одинъ заразился безграничнымъ самолоклоненіемъ, другой страдалъ политическимъ сумасбродствомъ и что источники истиннаго вдохновенія рано изсякли у обоихъ?

„И не одно только искусство, а вообще жизненная правда страдала отъ этой неутомимой погони за успѣхомъ. Всѣ хотѣли только казаться тѣмъ чѣмъ не могли или не давали себѣ труда быть на самомъ дѣлѣ. Отсюда аффектація и ложь и этой литературы и этого искусства, которыя теперь кажутся намъ столь призрачными, и мертвенными, особенно по сравненію съ вѣчно юною и живою литературой XVII и XVIII столѣтій. Снова обнаружилось тутъ что талантъ есть одинъ изъ худшихъ даровъ природы если не присущи ему строгая серіозность и добросовѣстность въ преслѣдованіи своихъ цѣлей.“

Во время іюльской монархіи люди завоевавшіе себѣ громкое имя въ наукѣ не долго довольствовались ученою дѣятель-

Digitized by Google

ностью, а слѣпили испробовать свои силы на политическомъ поприщѣ. Политика совершенно овладѣла ими. Пользы отъ этого было мало, ибо, какъ справедливо замѣчаетъ г. Гиллебрандтъ, „съ государственными дѣлами обращались они не какъ государственные люди, а какъ историки, философы, поэты и въ лучшемъ случаѣ какъ ораторы“. То же самое было и въ изящной литературѣ. Почти всѣ главнѣйшіе ея дѣятели отдали себя въ услуженіе той или другой политической партіи. „Но тотъ, говоритъ авторъ разбираемой нами книги, кто становится орудіемъ партіи, или вовсе не видитъ истины, или видитъ только часть ея, а объектомъ художника должна быть вся истина.“

V.

Мы познакомили нашихъ читателей со взглядомъ г. Гиллебрандта на ту форму правленія которая господствовала во Франціи до 1848 года. Онъ вообще не вѣритъ въ прочность ея въ какомъ бы то ни было изъ государствъ континентальной Европы за исключеніемъ лишь Бельгіи, вслѣдствіе особыхъ пригодныхъ для нея тамъ обстоятельствъ. „Большою ошибкой XIX вѣка было не понять“, говоритъ онъ, „что парламентарная монархія не есть осуществленіе извѣстной политической теоріи, что она является историческимъ продуктомъ опредѣленныхъ мѣстныхъ условій и послѣдовательнымъ ихъ развитіемъ“. Франція прежде другихъ не поняла этого. Она плѣнилась либеральными учрежденіями сосѣдней съ нею страны и сдѣлала попытку перенести ихъ на свою почву; она была такъ убѣждена въ ихъ превосходствѣ что не сомнѣвалась въ успѣхѣ; предпріятіе это казалось ей тѣмъ болѣе раціональнымъ и естественнымъ что исторія свидѣтельствовала о нѣкоторыхъ явленіяхъ въ ея государственной жизни имѣвшихъ сходство съ англійскими, что и у нея были когда-то зачатки народнаго представительства, какъ будто нельзя было отыскать чего-либо подобнаго въ какой угодно странѣ, между прочимъ въ Россіи съ ея земскими соборами. Но все это были лишь воспоминанія о прошедшемъ. Вмѣсто того чтобы воскрешать и подновлять то что не оставило послѣ себя слѣда, вмѣсто того чтобы придумывать конституціи казавшіяся безупречными съ точки зрѣнія теоріи, не лучше ли было бы озаботиться объ упроченіи вполнѣ національной

Digitized by Google

сильной власти,—власти которая стояла бы внѣ партіи, не увлекалась бы ихъ страстями и поставила бы себѣ задачей исцѣлить Францію отъ терзавшаго его недуга? Этого не было сдѣлано, а парламентарныя учрежденія, на которыя было возлагаемо столько надеждъ, не принесли пользы. Они не послужили для Франціи хорошею школой, какъ доказываютъ это тѣ изумительныя испытанія и перевороты которымъ подвергалась она начиная съ 1848 года до сего времени.

Обыкновенно говорятъ что примѣръ Франціи нельзя считать убѣдительнымъ, что если конституціонная монархія была эфемернымъ явленіемъ на ея почвѣ, то это вслѣдствіе различныхъ исключительныхъ обстоятельствъ, но что другія государства пошли тѣмъ же путемъ который былъ указанъ Франціей, и нѣтъ еще достаточнаго основанія утверждать что такой путь былъ избранъ ими ошибочно. Конечно, еще не наступило время для окончательнаго приговора. Одно только несомнѣнно уже и теперь: если въ теченіе послѣднихъ лѣтъ Пруссія и Италія разрѣшили блестящимъ образомъ чрезвычайно важныя и сложныя задачи своей государственной жизни, то ужь никакъ нельзя утверждать будто онѣ обязаны были этимъ тому что усвоили себѣ конституціонныя учрежденія. Бисмаркъ шелъ къ предположенной имъ цѣли въ явной враждѣ съ народнымъ представительствомъ, и встрѣтилъ поддержку съ его стороны лишь послѣ того какъ значительная часть дѣла была совершена; въ рукахъ Кавура парламентаризмъ былъ послушнымъ и удобнымъ орудіемъ, потому что онъ умѣлъ направлять его по своей волѣ, воодушевляя его своими идеями и своими стремленіями. Единственно въ томъ что каждое изъ названныхъ нами государствъ имѣло своимъ руководителемъ человѣка съ необыкновенными способностями нужно искать разгадку ихъ успѣховъ.

Р.

Digitized by Google

НЕДОСТАТКИ СОВРЕМЕННАГО МЕТОДА ИЗСЛѢДОВАНІЯ БІОЛОГИЧЕСКИХЪ ВОПРОСОВЪ *

I.

Нашъ вѣкъ славится и гордится успѣхами которые сдѣлало въ немъ естествознаніе. Я нахожу это мнѣніе вполнѣ основательнымъ, но считаю нужнымъ обратить вниманіе на одно обстоятельство,— что эти успѣхи распредѣлены весьма неравномѣрно между различными отраслями естествовѣдѣнія. Въ этомъ отношеніи міръ физическихъ фактовъ, понимая подъ этимъ словомъ сумму всѣхъ вообще вещественныхъ явленій, можетъ быть раздѣленъ или правильнѣе говоря распадается самъ собой на двѣ большія группы—міръ неорганической, неоживотворенной природы, или физико-химическихъ явленій въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и міръ организованной живой природы, область явленій біологическихъ.

Я могъ бы привести громадное число примѣровъ въ подтвержденіе ясности, отчетливости и, главное, основательности

* Читано въ засѣданіи Московскаго Медицинскаго Общества 6 мая 1880.

Digitized by Google

нашихъ свѣдѣній въ области явленій первой категоріи и неясности, неточности, неопредѣленности нашихъ знаній о предметахъ второй, но считаю это излишнимъ, вопервыхъ, потому что едва ли кто изъ васъ сомнѣвается въ этомъ превосходствѣ точныхъ естественныхъ наукъ надъ біологическими, а вовторыхъ, потому что лучшее доказательство справедливости моего положенія,—тѣ практическіе результаты которые мы извлекаемъ изъ той и другой области нашихъ знаній. Примѣромъ перваго рода можетъ служить хотя бы наше искусство въ сооруженіи путей сообщеній, въ добываніи и выдѣлываніи многоразличныхъ предметовъ промышленности; примѣромъ втораго наше искусство въ распознаваніи, предупрежденіи и врачеваніи многочисленныхъ человѣческихъ недуговъ. Разница въ первомъ и второмъ случаѣ такъ очевидна и ощутительна что конечно не стóитъ распространяться о ней. Но если фактъ превосходства нашего знанія предметовъ неорганической природы сравнительно съ предметами природы органической не подлежитъ сомнѣнію—другое дѣло объяснить его. Большинство того мнѣнія что причина нашей отсталости въ сферѣ біологіи кроется въ самомъ предметѣ изслѣдованія; что явленія жизни сами по себѣ необыкновенно сложны и непостоянны, а потому весьма нелегко поддаются разслѣдованію и разъясненію, а какъ они кромѣ того находятся въ тѣсной зависимости отъ физическихъ и химическихъ силъ, то и неудивительно если естествоиспытатели направили всѣ свои силы къ ознакомленію съ этими послѣдними, съ тѣмъ чтобы пріобрѣтенныя этимъ путемъ свѣдѣнія употребить на разъясненіе запутанныхъ явленій жизни. Я допускаю безпрекословно это объясненіе, но думаю что не одна только эта причина вліяетъ на несовершенство нашихъ познаній о живой природѣ, а что существуетъ еще другой моментъ препятствующій процвѣтанію біологіи—*именно недостаточность метода употребляемаго для ея разработки.* Въ чемъ же, спросятъ меня, заключается эта недостаточность? Неужели я недоволенъ широкимъ примѣненіемъ которое въ наше врéмя получилъ въ біологіи методъ опыта и наблюденія и допускаю для біологическихъ наукъ иной способъ изслѣдованія чѣмъ тотъ который заповѣдалъ намъ Бекономъ и который ознаменовалъ себя такими блестящими успѣхами въ другихъ областяхъ естествознанія, въ физикѣ напримѣръ и въ химіи! Нѣтъ, я далекъ отъ этой мысли

Digitized by Google

и не только не раздѣляю ея, но держусь совершенно противоположнаго воззрѣнія. По моему мнѣнію, недостатокъ современнаго способа изслѣдованія біологическихъ вопросовъ заключается вовсе не въ томъ что онъ составляетъ повтореніе метода употребляемаго при разрѣшеніи болѣе простыхъ задачъ поставляемыхъ намъ неорганическою природой, но наоборотъ, я вижу всю его недостаточность именно въ томъ что въ примѣненіи къ организованной природѣ онъ значительно уклонился отъ своего прототипа. Я сейчасъ объясню что я подразумѣваю подъ этими словами. Въ такъ-называемыхъ точныхъ естественныхъ наукахъ, химіи и физикѣ, наряду съ опытомъ и наблюденіемъ, мы имѣемъ еще строго опредѣленныя и законченныя теоріи обслѣдуемыхъ ими явленій,—таковы ученія о строеніи химической молекулы и сложеніи вещества изъ атомовъ. Вокругъ этихъ двухъ основныхъ понятій сосредоточиваются всѣ данныя опыта и наблюденія и всѣ разсужденія касающіяся физико-химическихъ процессовъ. Къ нимъ, какъ къ какимъ-нибудь центрамъ притекаютъ постоянно всѣ факты собранные различными изслѣдователями, и здѣсь въ сферѣ субъективнаго мышленія одновременно съ истолкованіемъ они пріобрѣтаютъ смыслъ и значеніе, и отъ нихъ же, какъ отъ центровъ, исходитъ непрестанно другое теченіе въ видѣ ясныхъ, послѣдовательныхъ и осмысленныхъ теоремъ, программъ и положеній, которыя немедленно превращаются на лонѣ объективной природы въ матеріальные факты, возобновляющіе снова прежнее теченіе со всѣми указанными послѣдствіями. Здѣсь теорія и практика находятся такимъ образомъ въ полной гармоніи, и нѣтъ сомнѣнія что это согласіе между ними составляетъ истинный источникъ плодотворныхъ результатовъ къ которымъ пришли изслѣдователи неорганическаго міра, и оно есть въ то же время вѣрный залогъ ихъ будущаго преуспѣянія на этомъ полприщѣ.

Иную картину представляетъ намъ методъ употребляемый при разработкѣ біологическихъ вопросовъ. Здѣсь только одинъ изъ двухъ факторовъ необходимыхъ для образованія вполнѣ раціональнаго метода достигаетъ должной степени развитія, а другой находится въ полномъ пренебреженіи. Во всѣхъ отдѣлахъ біологіи господствуетъ опытъ и наблюденіе на тѣхъ же правахъ и въ тѣхъ же размѣрахъ, это правда, какъ и въ точныхъ естественныхъ наукахъ, но теоретическое истолкованіе и обслѣдованіе фактовъ, играющія такую

Digitized by Google

видную роль при разработкѣ физико-химическихъ вопросовъ— словомъ, теорія біологическихъ явленій находится въ младенчествѣ или проще сказать отсутствуетъ. Я вовсе не желаю этимъ сказать чтобъ изслѣдованія предпринимаемыя въ біологическихъ наукахъ, напримѣръ въ физіологіи или патологіи, дѣлались безъ основанія и смысла или вообще совершались безъ плана, — нѣтъ, и то и другое есть, но только въ размѣрахъ далеко не соотвѣтствующихъ высотѣ и трудности задачи представляемой живою природой. Скажу прямо, современной біологіи не достаетъ одного, но самаго главнаго — общей идеи которая служила бы объединяющимъ началомъ для всего ея содержанія и которая одна только и можетъ дать ясно формулованный взглядъ на то въ чемъ заключается органическая жизнь, что составляетъ сущность ея. Чрезъ это біологія лишена единства плана и всѣхъ выгодъ сопряженныхъ съ этимъ единствомъ, то-есть въ ней отсутствуетъ широта воззрѣнія, необходимая не только для прокладыванія новыхъ путей изслѣдованія, но и для полнаго уразумѣнія и успѣшнаго пользованія тѣмъ что стало уже извѣстнымъ. Въ этомъ заключается недостатокъ современнаго метода изслѣдованія въ біологіи и причина нашей относительной отсталости на этомъ поприщѣ естествознанія.

Мнѣ скажутъ можетъ-быть что я ошибаюсь утверждая что въ современной біологіи нѣтъ общей идеи или начала вокругъ котораго группировались бы всѣ извѣстные въ ней факты и объясненія предложенныя для нихъ, и что эту роль объединяющаго начала вполнѣ достаточнымъ образомъ выполняетъ въ біологіи понятіе объ органической клѣточкѣ; но не трудно опровергнуть это предположеніе и показать что понятіе о клѣточкѣ которое мы до сихъ поръ имѣли и которое Вирховъ положилъ между прочимъ въ основу целлулярной патологіи, то-есть клѣточка необходимо имѣющая оболочку и по крайней мѣрѣ въ извѣстномъ стадіи развитія ядро,—что это понятіе никакимъ образомъ нельзя признать за самое крайнее выраженіе органической жизни, на которое уполномочивала бы насъ современная наука. Не говоря уже о томъ что пониманіе фундаментальныхъ свойствъ живаго организма, заключающихся въ способности послѣдняго питаться, расти и размножаться, нисколько не дѣлается отъ того яснѣе если будемъ разсматривать эти способности какъ принадлежность клѣточнаго элемента, — мы на основаніи

Digitized by Google

послѣднихъ изслѣдованій должны вовсе отказать клѣточкѣ въ прерогативѣ служить исключительно носительницей жизни. Въ настоящее время несомнѣнно доказано существованіе органической жизни при совершенномъ отсутствіи какихъ-либо гистологическихъ особенностей, каковой примѣръ представляютъ всѣ амёбообразныя существа, многія споры растеній и зародышевыя яйца животныхъ, и потому новѣйшіе гистологи съ Максъ Шульцемъ во главѣ по справедливости приписываютъ свойство проявлять жизнь не клѣточкѣ, а той безформенной протоплазмѣ, саркодѣ, изъ которой эта клѣточка состоитъ. Этотъ приговоръ гистологіи весьма знаменателенъ: онъ наилучшимъ образомъ опредѣляетъ значеніе этой науки въ занимающемъ насъ вопросѣ. Область гистологіи начинается съ того момента какъ появляются ясно ограниченные форменные элементы, доступные вооруженному глазу; если же эти образованія являются сами какъ послѣдующіе продукты жизненной дѣятельности, то понятно что разрѣшеніе вопроса объ отличительной сущности жизни находится внѣ предѣловъ гистологіи и должно быть отыскиваемо въ другомъ мѣстѣ.

Существуетъ еще и другая теорія о сущности органической жизни, еще болѣе можетъ-быть распространенная чѣмъ выше упомянутая,—это та которая отождествляетъ органическую жизнь съ процессами физико-химическими. Я буду имѣть случай подробно поговорить о ней ниже, но несостоятельность ея не трудно доказать въ нѣсколькихъ словахъ. То что̀ чаще всего подаетъ поводъ къ выраженію подобнаго взгляда на жизнь, къ сравненію организма съ паровою машиной и т. п., есть процессъ питанія или, правильнѣе говоря, процессъ окисленія, продукты котораго, находимые въ организмѣ, часто дѣйствительно вполнѣ тождественны съ веществами приготовляемыми искусственно въ химическихъ лабораторіяхъ. Но въ томъ-то и дѣло что въ примѣненіи къ гораздо болѣе характеристическимъ для жизни процессамъ развитія и размноженія этотъ взглядъ до сихъ поръ оставался совершенно безплоднымъ, да собственно говоря никогда и не было сдѣлано серіозной попытки разъяснить процессы жизни въ указанномъ смыслѣ, и все дѣло по настоящее время ограничивалось однѣми угрозами. Такимъ образомъ ни то, ни другое мнѣніе не удовлетворяютъ насущной потребности біологіи въ ясно формулованномъ понятіи о сущности жизненнаго

Digitized by Google

процесса. Первое изъ нихъ *ограничиваетъ разслѣдованіе тѣсною гистологическою рамкой и потому не въ состояніи обнять вопросъ во всей его полнотѣ, а второе, отваживаясь на смѣлыя обобщенія, упускаетъ изъ виду самый предметъ изслѣдованія.*

Указанный недостатокъ современнаго способа изслѣдованія біологическихъ вопросовъ имѣетъ особенно важное значеніе въ медицинѣ. Патологія, какъ руководительница терапіи и какъ исключительно практическая наука, болѣе всѣхъ другихъ отдѣловъ біологіи, не исключая и физіологіи, нуждается въ одной общей руководящей идеѣ. Возможно еще допустить что физіологія сама нисколько не страдаетъ отъ отсутствія ясно формулованнаго понятія о сущности своего предмета, то-есть органической жизни, и утверждать, хотя съ нѣкоторымъ правомъ, что проистекающій для нея изъ этого недостатокъ цѣлостности съ избыткомъ вознаграждается независимостью въ разработкѣ отдѣльныхъ процессовъ на которые физіологи раздѣляютъ жизнь. Но уже никакъ нельзя этого сказать о патологіи. Патологія немыслима иначе какъ цѣлое, въ томъ случаѣ конечно, если мы будемъ на нее смотрѣть какъ на руководительницу терапіи, а не какъ на науку имѣющую самостоятельный интересъ и значеніе. Конечно, мы не можемъ и не должны ожидать отъ патологіи въ продолженіе можетъ-быть еще многихъ вѣковъ чтобъ она вполнѣ ощутительнымъ образомъ объяснила намъ тѣ таинственные процессы которые представляютъ болѣзни, такъ какъ изо всѣхъ задачъ представляющихся человѣческому разсудку это безъ сомнѣнія одна изъ труднѣйшихъ; но мы въ правѣ ожидать и требовать отъ патологіи чтобъ она формуловала извѣстный взглядъ на болѣзненный процессъ и притомъ непремѣнно такой чтобы можно было принять его въ руководство при разработкѣ фармакологіи и клинической медицины. Условія врачебной практики напоминаютъ въ этомъ случаѣ какъ нельзя болѣе условія практической жизни вообще; подобно тому какъ въ гражданской жизни необходимъ извѣстный положительный кодексъ, какъ бы несовершенъ онъ ни былъ, также безусловно нуждается терапія въ патологическомъ кодексѣ. И тотъ, и другой кодексы постоянно нуждаются въ исправленіяхъ, но обойтись безъ нихъ невозможно. Ихъ существованіе предполагаетъ соблюденіе одного только условія:

Digitized by Google

чтобъ основныя положенія изъ которыхъ законодатель выводитъ всѣ остальныя были общепринаты и признаны за истинныя. Въ патологическомъ кодексѣ эту роль, безъ сомнѣнія, выполняютъ физіологическія понятія. Если же отсутствуетъ главное основное понятіе для всей физіологіи, не существуетъ опредѣленнаго воззрѣнія на сущность органической жизни, понятно что и патологія не въ состояніи выполнить своего назначенія, т.-е. формуловать опредѣленный взглядъ на болѣзненный процессъ, и сдѣлаться такимъ образомъ руководительницей терапіи дѣйствительно раціональною.

Что же слѣдуетъ предпринять чтобы вывести біологію, а за нею и всѣ вытекающія изъ нея прикладныя науки, въ томъ числѣ и медицину, изъ этого положенія? Очевидно что біологія должна послѣдовать примѣру точныхъ естественныхъ наукъ и наряду съ опытомъ и наблюденіемъ должна выработать теорію для объясненія явленій ею обслѣдуемыхъ, или что то же, ей надлежитъ формуловать точное и опредѣленное понятіе о томъ что составляетъ сущность органической жизни. Не знаю, нужно ли мнѣ добавлять, какого рода можетъ быть эта теорія. Біологія, безъ сомнѣнія, не можетъ составить исключенія изъ общаго для всѣхъ естественныхъ наукъ правила, и самое высшее понятіе до котораго она можетъ достигнуть не можетъ подняться конечно выше гипотезы.

Въ настоящемъ очеркѣ позволю себѣ высказать гипотезу, которая, какъ мнѣ кажется, способна выполнить роль объединяющаго начала для обширнаго цикла біологическихъ явленій. Надѣюсь что мнѣ извинятъ мою смѣлость, если я скажу что меня побуждаетъ къ такому поступку не самонадѣянная увѣренность въ достоинство моей гипотезы, но искреннее желаніе возбудить интересъ къ вопросу, разрѣшеніе котораго, по моему мнѣнію, составляетъ насущную потребность для современной біологіи, медицины, да и для многихъ еще другихъ отдѣловъ человѣческаго знанія и людскихъ интересовъ. Другая причина оправдывающая въ моихъ глазахъ предпринимаемый мною шагъ та что въ отличіе отъ другихъ прежде извѣстныхъ системъ предлагаемая мною теорія о сущности органической жизни совершенно исключаетъ метафизическую и психологическую точки зрѣнія и строго держится почвы матеріальныхъ измѣненій, которыя, какъ доказалъ опытъ

Digitized by Google

этого столѣтія, составляютъ единственно удобное поприще для полученія практическихъ результатовъ въ области естественныхъ наукъ. Въ основу толкованія явленій органической жизни я принялъ ту самую гипотезу о строеніи вещества и свойствахъ его которая давно установилась во всѣхъ другихъ отрасляхъ естествознанія и извѣстна подъ именемъ „атомистической гипотезы“. Мнѣ предстояло только расширить объемъ гипотезы и ввести въ кругъ ея толкованія интересующія насъ явленія.

По смыслу общепринятой въ настоящее время въ наукѣ гипотезы, извѣстной, подъ именемъ атомистической, всѣ явленія внѣшняго міра сводятся къ двумъ факторамъ: *веществу и движенію* какимъ это вещество одарено, такъ что различнаго рода сложеніе вещества и различные виды движенія которымъ оно подвержено, составляютъ единственную причину разнообразія обнаруживаемаго природой.

Разнообразіе движеній на которое способно вещество предполагается при этомъ очень большимъ. Для насъ важно отмѣтить что изъ числа различныхъ формъ сложенія и движенія матеріи современная наука выдѣляетъ двѣ рѣзко отличныя другъ отъ друга группы. Первую изъ этихъ группъ составляютъ физическія явленія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, вторую—химическіе процессы.

Для объясненія явленій перваго рода: теплоты, свѣта, электричества, магнетизма, сцѣпленія—нѣкоторые даже не исключаютъ тяготѣнія,—ученая гипотеза допускаетъ что міръ состоитъ изъ безконечнаго числа безконечно малыхъ, недѣлимыхъ частей, называемыхъ атомами, которыя погружены въ атмосферу эѳира, особеннаго рода невѣсомой матеріи, обладающей чрезвычайною упругостью и состоящей также изъ атомовъ, и что далѣе эти атомы вещества, такъ же какъ и атомы эѳира, обладаютъ различными вращательными, колебательными и поступательными движеніями. При посредствѣ этихъ движеній, отдѣльныхъ и комбинированныхъ, одного эѳира или эѳира и вѣсомой матеріи, объясняются всѣ вышеназванныя физическія явленія, для выраженія которыхъ кратчайшая формула будетъ такимъ образомъ слѣдующая: *атомы вещества и атомы эѳира и разнообразныя движенія этихъ атомовъ какъ таковыхъ.*

Явленія второй группы, составляющія предметъ химіи, разсматриваются современными учеными точно такъ же какъ

Digitized by Google

результатъ движенія которому подвергается матерія. Но какъ химическіе процессы представляютъ особенности рѣзко отличающія ихъ отъ чисто физическихъ, то для объясненія ихъ потребовалось введеніе особаго понятія. Это понятіе, которое самымъ рѣшительнымъ образомъ легло въ основу современной химіи и уже теперь оказало ей столько неоцѣненныхъ услугъ, есть химическая единица, играющая ту же роль въ отношеніи химическихъ процессовъ какую выполняетъ атомъ относительно физическихъ. Единицу эту называютъ *молекулой* и ее представляютъ себѣ такимъ образомъ что нѣсколько однородныхъ или разнородныхъ физическихъ атомовъ соединяются въ группу и при этомъ столь тѣсно что образованное цѣлое пріобрѣтаетъ съ этого времени самостоятельное значеніе. Ближайшая причина этого группированія физическихъ атомовъ въ самостоятельную молекулу остается, это правда, еще плохо разъясненною и ее до сихъ поръ выражаютъ словомъ химическое сродство, но по смыслу атомистической гипотезы ясно что образованіе молекулъ слѣдуетъ признать за конечный результатъ движенія физическихъ атомовъ. Въ этомъ случаѣ мы представляемъ себѣ химическую молекулу какъ сложную систему, находящуюся въ состояніи равновѣсія, благодаря стройнымъ, ритмическимъ движеніямъ которыми одарены элементы ее составляющіе; отъ разнообразія въ этихъ движеніяхъ зависитъ все различіе свойствъ и состава обнаруживаемое отдѣльными тѣлами.* Общая формула для выраженія явленій химическаго порядка будетъ такимъ образомъ слѣдующая: *молекула составленная изъ атомовъ вещества и эвира и движенія этихъ послѣднихъ въ строго ограниченной сферѣ молекулы какъ таковой.*

При взглядѣ на эти формулы, выражающія взглядъ на процессы наиболѣе часто встрѣчающіеся въ природѣ, возможно ли удержаться отъ желанія провести аналогію дальше и не предположить что вѣроятно существуетъ въ природѣ комбинація еще болѣе сложнаго характера, въ отношеніи которой химическія молекулы играютъ ту же роль какую выполняютъ атомы относительно химической моле-

* По вычисленіямъ нѣкоторыхъ физиковъ, атомы составляютъ величины настолько малыя что сравнительно съ ними взаимныя ихъ разстоянія въ тѣлахъ наиболѣе плотныхъ сходны съ разстояніями небесныхъ тѣлъ относительно объема послѣднихъ.

Digitized by Google

кулы. Эту комбинацію въ томъ случаѣ еслибъ она существовала отнюдь не слѣдовало бы представлять себѣ какъ химическую молекулу, только болѣе сложнаго характера. Подобное условіе, предполагающее полную тождественность этой новой комбинаціи со всякимъ химическихъ соединеніемъ, соотвѣтствовало бы полному отрицанію ея. Наоборотъ, по аналогіи съ фундаментальною разницей рѣзко выступающею предъ нами при переходѣ отъ чисто физическихъ къ чисто химическимъ явленіямъ, мы должны ожидать не менѣе знаменательнаго различія при переходѣ отъ химическихъ явленій къ явленіямъ этого новаго порядка.

Если химическій процессъ характеризуется тѣмъ что физическія свойства атомовъ вошедшихъ для составленія химической молекулы исчезаютъ и полученный результатъ (молекула) представляетъ новое тѣло съ совершенно другими свойствами, то мы то же самое должны ожидать и для предполагаемыхъ нами новыхъ явленій и a priori допустить что новая комбинація заключающая въ своемъ составѣ ничего болѣе какъ отдѣльныя химическія молекулы не представляетъ ни единаго свойства присущаго этимъ молекуламъ, но обладаетъ совершенно новыми необыкновенными свойствами.

Я не хочу этимъ сказать чтобы главные законы бытія, приложимые ко всякому явленію вещественнаго міра, законы рожденія, жизни и смерти, не были въ общемъ сходны въ химической молекулѣ и въ нашей гипотетической комбинаціи. Такъ если напримѣръ намъ извѣстно, что всякая химическая единица, какъ бы разнообразенъ ни былъ способъ ея происхожденія, всегда возникаетъ изъ прежде бывшихъ молекулъ, но никогда непосредственно изъ атомовъ, * что жизнь обозначается для нея непремѣннымъ условіемъ оставаться тождественною съ самою собой, а смерть—расла-

---

* Законъ образованія химическихъ молекулъ не прямо изъ атомовъ остается вѣрнымъ и для тѣлъ образованныхъ прямо сложеніемъ простыхъ элементовъ, такъ какъ по современнымъ химическимъ воззрѣніямъ элементы являются только въ видѣ молекулъ, какъ напр. HH, ClCl, а не просто H, Cl. Поэтому образованіе соляной кислоты слѣдуетъ понимать не въ видѣ уравненія H+Cl=HCl, но какъ взаимодѣйствіе HH на ClCl, такъ что HH+ClCl=HCl+HCl.

Digitized by Google

деніемъ на первоначальные элементы изъ которыхъ она составлена, причемъ эти послѣдніе пріобрѣтаютъ тотчасъ свойства утраченныя ими въ моментъ вступленія въ составъ этой единицы; возможно что и наша новая молекула точно также окажется не обладающею свойствомъ самопроизвольнаго зарожденія, въ томъ смыслѣ что она никогда не возникаетъ непосредственно изъ сложенія химическихъ молекулъ, но всегда своимъ происхожденіемъ обязана другой молекулѣ одинаковаго съ нею порядка: жизнь ея также будетъ своего рода сохраненіе тождественности съ самою собою и смерть означать распаденіе на химическія частицы изъ которыхъ она была составлена. Все это, говорю я, можетъ быть, и тѣмъ не менѣе мы можемъ быть твердо убѣждены, на томъ основаніи что, переходя отъ процессовъ химическихъ къ процессамъ присущимъ нашимъ гипотетическимъ молекуламъ, мы входимъ въ область строго специфическую, что перечисленные процессы выразятся въ нашихъ молекулахъ въ совершенно своеобразныхъ формахъ,; что способъ ихъ происхожденія и жизнь будутъ совершенно иные, и нельзя наперед отрицать того напримѣръ что сохраненіе тождественности съ собою совладетъ въ этомъ случаѣ съ увеличеніемъ объема и метаморфозами совершенно неожиданными, которыя можно было бы обозначить словами ростъ и развитіе, равно какъ смерть можетъ явиться здѣсь въ необыкновенныхъ, дотолѣ неизвѣстныхъ формахъ и представлять,—кто это можетъ знать,—не мгновенное распаденіе сложнаго соединенія на составныя части, но постепенные переходы отъ жизни къ смерти, состоянія которыя прилично было бы (можетъ-быть) назвать патологическими и т. д.

Но скажутъ мнѣ, какъ же объяснить существованіе подобной комбинаціи, чтобы сложная единица, состоящая исключительно изъ химическихъ молекулъ, перестала вдругъ быть химическою частицей и представляла бы нѣчто совершенно особенное? Я прямо скажу что объяснить этого не могу. Очевидно мы здѣсь встрѣчаемся съ тѣмъ что составляетъ сокровенное природы, разъяснить которое есть такая же неблагодарная задача какъ отыскать основную причину сложенія физическихъ атомовъ въ химическую молекулу съ совершеннымъ исчезновеніемъ свойствъ первыхъ, или удобопонятнымъ образомъ истолковать явленія называемыя нами притяженіемъ, свѣтомъ, магнетизмомъ и т. д. Отсюда

Digitized by Google

слѣдуетъ что мы принуждены ограничиться для нашего случая такимъ же схематическимъ объясненіемъ какое даетъ намъ гипотеза для другихъ явленій природы, и какъ мною выше приведено, т.-е. что новая комбинація является результатомъ особеннаго рода движенія позволяющаго нѣсколькимъ химическимъ молекуламъ тяготѣть одной около другой и вслѣдствіе того сохранить извѣстное сложеніе сопряженное съ извѣстными свойствами. Кратчайшая формула для выраженія явленій нашего гипотетическаго третьяго порядка *была бы* такимъ образомъ слѣдующая: *матеріальная частица, сложная молекула, состоящая изъ химическихъ молекулъ, и различныя движенія этихъ послѣднихъ какъ составныхъ частей одного цѣлаго.*

Ни для кого не тайна конечно что я подразумѣвалъ здѣсь, когда говорилъ о матеріальной частицѣ, сложной молекулѣ или комбинаціи третьяго порядка. Я пытался разгадать путемъ наведенія существенную черту органической жизни и, какъ схематическое выраженіе, получилъ вышеприведенную формулу. Пока эта формула представляетъ результатъ однихъ теоретическихъ соображеній, она лишена почти всякаго значенія; чтобъ его пріобрѣсть она нуждается въ подтвержденіи фактовъ. Поэтому мы обратимся теперь къ этимъ послѣднимъ и постараемся выработать формулу для жизненнаго процесса, на основаніи его фактическихъ проявленій.

Само собой разумѣется что формула которую намъ предстоитъ отыскать должна быть сколь возможно общею, выражать собой только самыя элементарныя, существенныя свойства живой матеріи. Наша задача поэтому будетъ состоять въ томъ чтобъ изъ среды безконечнаго разнообразія фактовъ представляемыхъ органическою жизнью выдѣлить самый существенный моментъ ея, лежащій въ основѣ всѣхъ остальныхъ жизненныхъ проявленій матеріи, и затѣмъ разъяснить его въ той мѣрѣ чтобы зависимость отъ него всѣхъ органическихъ процессовъ была для насъ болѣе или менѣе понятна и согласна съ тѣмъ что мы достовѣрнаго знаемъ о процессѣ жизни.

Рѣшеніе первой половины этой задачи — отысканіе существеннаго момента для всѣхъ жизненныхъ процессовъ, не представитъ намъ никакихъ затрудненій и даже не потребуетъ отъ насъ новыхъ изысканій въ области рудиментарныхъ

Digitized by Google

органическихъ формъ, т.-е. низшихъ организмовъ или первоначальныхъ стадій развитія высшихъ, среди которыхъ только и можно было бы надѣяться отыскать основной типъ для всѣхъ остальныхъ формъ жизненныхъ проявленій, обладающій одними только элементарными, дѣйствительно характеристическими для жизни свойствами, потому что эти изслѣдованія уже сдѣланы и они увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

Въ настоящее время установилось самымъ прочнымъ образомъ въ наукѣ убѣжденіе что настоящее средоточіе всѣхъ органическихъ процессовъ, прототипъ самыхъ простыхъ какъ и самыхъ сложныхъ біологическихъ формъ, истинный носитель жизни, матеріальный ея субстратъ (во всемъ что только есть организованнаго)—не что иное какъ лишенная всякой *видимой* организаціи, безформенная, студне- или амёбообразная масса, называемая протоплазмой или саркодой. Такимъ образомъ наша задача сводится къ уясненію характера протоплазмы,— той связи которая существуетъ между нею и свойствами отличающими органическую жизнь. Вопросъ, на который намъ нужно отвѣтить, слѣдующій: *что такое протоплазма, чему обязана она своими жизненными свойствами?*

III.

Чтобы получить отвѣтъ на вопросъ что такое протоплазма, мы прежде всего конечно должны обратиться къ анализу этой субстаціи, анализу разумѣется химическому, ибо только онъ одинъ приложимъ къ данному случаю. Въ этомъ отношеніи многое, это правда, остается еще выполнить, но многое уже сдѣлано, и если угодно, самое главное, необходимое для того чтобы можно было приступить къ синтезу явленія. Такъ химическій анализъ показалъ, во первыхъ, что протоплазма въ высшей степени сложное или, правильнѣе говоря, самое сложное изо всѣхъ существующихъ въ природѣ веществъ; и второе, что вещества на которыя способна быть разложена протоплазма принадлежатъ къ самымъ разнороднымъ химическимъ тѣламъ. Изъ числа этихъ веществъ многія, какъ уже сказано, остаются еще до сихъ поръ для насъ совершенно неизвѣстными или изучены весьма недо-

Digitized by Google

статочно и только нѣкоторыя изслѣдованы болѣе или менѣе удовлетворительно. Эти послѣднія могутъ быть довольно удобно раздѣлены на слѣдующія четыре категоріи: 1) Протеиновыя тѣла, куда кромѣ разныхъ видовъ собственно бѣлковъ, глобулиновъ, альбуминатовъ, я причисляю еще албуминоиды, какъ коллогенъ, хондрогенъ, и т. д., ферменты и слизи; 2) углеводы, заключающіе разные виды глюкозъ, инозитъ, гликогенъ и т. д.; 3) жиры съ мылами; 4) минеральныя вещества, по преимуществу состоящія изъ солей.

Я не буду входить въ подробное химическое разсмотрѣніе этихъ веществъ, для нашей цѣли совершенно излишнее, а ограничусь самымъ общимъ ихъ обзоромъ, имѣя главнымъ образомъ въ виду указать на одну чрезвычайно важную особенность представляемую этими тѣлами. Прежде всего мы должны отмѣтить чрезвычайную сложность состава протеиновыхъ или бѣлковыхъ тѣлъ. Хотя химическая ихъ конституція совершенно неизвѣстна, но это фактъ никѣмъ не оспариваемый, что ихъ частица представляетъ наибо́льшій молекулярный вѣсъ, какой только извѣстенъ намъ. Отсюда проистекаетъ чрезвычайная подвижность молекулъ составляющихъ эту частицу, т.-е. необыкновенная склонность этой послѣдней подвергаться расладенію. Кромѣ того, бѣлковыя тѣла представляются въ химическомъ отношеніи тѣлами обладающими весьма малою энергіей, т.-е. мало способны вступать въ соединеніе, и если даютъ соединенія, то не стойкія, склонныя также къ расладенію. То же самое слѣдуетъ сказать о веществахъ второй категоріи, углеводахъ, съ тою только разницей что частица ихъ не такъ сложна какъ у бѣлковъ и потому продукты ея расладенія не такъ разнообразны. Они въ химическомъ смыслѣ такія же индиферентныя тѣла и образуютъ очень мало соединеній и то весьма непостоянныхъ. Послѣднія двѣ категоріи состоятъ изъ веществъ очень хорошо изслѣдованныхъ въ химіи и не отличающихся сложностью состава. Но и эти вещества, вслѣдствіе насыщенности своихъ частицъ, представляютъ тѣла весьма индиферентныя, очень рѣдко вступающія въ прямыя соединенія, а способныя только на взаимодѣйствія, сопряженныя съ бо́льшимъ или меньшимъ расладеніемъ частицъ. Такимъ образомъ общій выводъ изъ произведеннаго нами обзора тотъ *что вещества входящія въ составъ протоплазмы*, по крайней мѣрѣ главнѣй-

Digitized by Google

шія изъ оныхъ, *отличаются характеромъ индифферентности, большинство ихъ весьма склонно къ распаденію и всѣ они чрезвычайно трудно вступаютъ въ химическія соединенія.*

Таковъ результатъ химическаго анализа; спрашивается, какое заключеніе позволяетъ онъ намъ сдѣлать о натурѣ протоплазмы?

Очевидно, здѣсь возможны два мнѣнія. Одно изъ нихъ, въ настоящее время господствующее, разсматриваетъ протоплазму какъ родъ аггрегата или смѣси вышеупомянутыхъ веществъ, между которыми (или надъ которыми) совершаются разнообразные химическіе процессы. Средоточіемъ для этихъ процессовъ служатъ бѣлковыя тѣла обладающія особенными свойствами, дозволяющими протоплазмѣ обнаруживать характеристическія для жизни явленія, а остальныя вещества имѣютъ болѣе косный характеръ, способствуя процессамъ дифузіи, окисленія и т. п. Этому мнѣнію можно противопоставить другое ему противоположное. Можно представить себѣ протоплазму не какъ аггрегатъ, но какъ цѣлое, строгимъ образомъ конституированное, въ которомъ различныя вещества существуютъ не какъ самостоятельныя единицы, но какъ составныя части вполнѣ опредѣленнаго качества и количества. Разсмотримъ эти оба мнѣнія.

Нужно сознаться что на первый взглядъ второе мнѣніе представляетъ много привлекательнаго и бо́льшую степень вѣроятія. Очевидно что тотъ кто захотѣлъ бы защищать понятіе протоплазмы какъ цѣлое не переступаетъ предѣлы гипотезы обыкновенно употребляемой нами, когда мы имѣемъ дѣло съ тѣломъ сложнаго состава, которое намъ удалось разложить, но свойства котораго рѣзко отличаются отъ продуктовъ его разложенія. Въ отношеніи къ протоплазмѣ, разумѣется живой, это правило примѣнимо болѣе чѣмъ когда-нибудь,—такъ характеристичны ея свойства. Для примѣра возьмемъ фактъ воспроизведенія ею совершенно тождественнаго комплекса,—все равно будетъ ли это простое увеличеніе въ количествѣ путемъ питанія, или появленіе на свѣтъ новаго индивидуума путемъ дѣленія. Несомнѣнно что гораздо легче и естественнѣе можно объяснить это явленіе если предположить что протоплазма представляетъ единицу опредѣленнаго сложенія, всѣ составныя части которой, будучи тѣсно связаны между собою, необходимо приводятся къ согласному дѣйствію, нежели мы допустимъ что всякій сахаръ, жиръ

Digitized by Google

или бѣлокъ подвергаются въ ней самостоятельному дѣйствію безчисленнаго количества химическихъ и физическихъ агентовъ, и что конечный результатъ зависитъ отъ простаго суммированія проистекающихъ отсюда отдѣльныхъ процессовъ. Такихъ примѣровъ можно представить очень много; и что же, несмотря на всѣ кажущіяся выгоды этого способа объясненія, ученые должны были отъ него отказаться въ виду слѣдующаго соображенія. Если существуетъ связь, и притомъ тѣсная, между составными частями протоплазмы, то, говорятъ они, она можетъ быть только химическая, между тѣмъ анализъ показалъ что химическая натура веществъ изъ которыхъ состоитъ протоплазма такова, что не допускаетъ даже мысли объ ихъ тѣсномъ химическомъ соединеніи. Если эти вещества чѣмъ-нибудь отличаются, такъ это именно слабостью химическаго сродства и законченностью молекулярнаго строенія, которыя склоняютъ ихъ къ распаденіямъ, но уже никакъ не къ соединеніямъ. Тотъ фактъ что существуютъ нѣкоторыя химическія соединенія этихъ веществъ, напримѣръ сахара съ окисями металловъ, такъ-называемые сахараты и подобныя же соединенія бѣлковъ называемыя альбуминатами, не можетъ умалить силу представленнаго возраженія, потому что это значило бы злоупотреблять аналогіей и пренебрегать химическими фактами и законами, заключать изъ этого о возможности химическаго соединенія между какимъ-нибудь бѣлкомъ и сахаромъ или гликогеномъ и среднимъ жиромъ и т. п. Самая необузданная химическая фантазія не въ состояніи позволить себѣ подобнаго предположенія, противорѣчащаго всякому понятію о химическомъ соединеніи или химическомъ сродствѣ. Такимъ образомъ оказывается что понятіе о протоплазмѣ какъ цѣломъ всѣ части котораго тѣсно соединены между собою *химически*, не выдерживаетъ критики.

Теперь разсмотримъ первое мнѣніе, согласно которому протоплазма есть простая смѣсь или собраніе веществъ между которыми или вѣрнѣе съ которыми совершаются разнообразные химическіе процессы. Основаніями для него служатъ, во-первыхъ, фактъ что безъ посредства энергическихъ реагентовъ и сложныхъ манипуляцій удалось выдѣлить изъ протоплазмы цѣлую массу веществъ совершенно точно опредѣленныхъ химіей, что заставляетъ допустить что вещества эти дѣйствительно существуютъ въ ней готовыми въ той формѣ

Digitized by Google

какъ ихъ удалось выдѣлить; а вовторыхъ то что, какъ мы сейчасъ видѣли, вещества эти настолько лишены между собою химическаго сродства что не представляется возможности вообразить себѣ опредѣленной между ними связи.

Несмотря на эти доводы не трудно однако убѣдиться что вышеприведенное мнѣніе примѣнимо только къ протоплазмѣ въ состояніи такъ-сказать покоя, но совершенно неприложимо къ протоплазмѣ въ состояніи дѣятельности. Самый элементарный процессъ въ жизни протоплазмы, сопутствующій всѣ фазы ея проявленія—процессъ питанія, т.-е. обмѣна веществъ между протоплазмой и окружающимъ ея міромъ, не только не объясняется нашею гипотезей, но находится съ нею въ совершенномъ противорѣчіи. Въ самомъ дѣлѣ, если протоплазма представляетъ массу веществъ опредѣленнаго количества, то никакъ этого нельзя сказать о природѣ окружающей ея матеріи, изъ которой она должна извлекать свои составныя части; эта послѣдняя, наоборотъ, имѣетъ самый случайный и самый измѣнчивый составъ. Если теперь допустить, какъ это дѣлаетъ гипотеза, что протоплазма, лишена самостоятельной дѣятельности и представляетъ смѣсь равноправныхъ веществъ повинующихся исключительно физико-химическимъ законамъ, то неизбѣжный результатъ долженъ быть тотъ что и протоплазма весьма скоро должна сравниться съ окружающимъ ее внѣшнимъ міромъ въ свойствѣ представлять самый измѣнчивый составъ и притомъ совершенно случайнаго характера, зависящаго вполнѣ отъ случайнаго состава веществъ окружающихъ ея и случайныхъ точно также колебаній въ дѣйствіи физическихъ силъ. Но при такихъ условіяхъ органическая жизнь становится совершенно невозможною. Въ чемъ бы ни заключался процессъ жизни, необходимо допустить для него совершенно опредѣленное смѣшеніе въ составныхъ частяхъ протоплазмы. Если же это смѣшеніе способно измѣниться отъ случайныхъ вліяній, то ясно что то которое для жизни необходимо можетъ появиться какъ исключеніе, какъ результатъ стеченія необыкновенно благопріятныхъ обстоятельствъ, но никогда оно не могло бы существовать какъ правило, какъ явленіе нормальное. Слѣдовательно мнѣніе разсматривающее протоплазму какъ простую смѣсь химическихъ веществъ не въ состояніи объяснить намъ процессъ органической жизни.

Мы пришли такимъ образомъ къ весьма любопытному результату изъ двухъ противоположныхъ мнѣній, повидимому,

Digitized by Google

настолько взаимно исключающихъ другъ друга что если одно изъ нихъ невѣрно, то уже по тому самому должно было бы быть справедливымъ другое; мы вполнѣ ни одного не можемъ принять, но должны согласиться что каждое изъ нихъ объясняетъ отдѣльныя стороны вопроса. Такъ первое разобранное нами предположеніе, представляющее себѣ протоплазму какъ одно связное цѣлое, весьма удовлетворительно объясняетъ особенности органической жизни, но его нельзя согласить съ нашими понятіями о химическомъ процессѣ и знаніемъ химическаго состава протоплазмы; наоборотъ, второе предположеніе легко согласуется съ данными химическаго состава протоплазмы, но безсильно объяснить характеристическія отличія жизненнаго процесса. Какъ объяснить это обстоятельство и какимъ образомъ можемъ мы выйти изъ этой дилеммы не покидая матеріальной почвы, т.-е. того факта что всякое проявленіе органической жизни тѣснѣйшимъ образомъ связано съ существованіемъ протоплазмы и измѣненіями въ ней совершающимися?

Всякій разъ какъ встрѣчается вообще подобное затрудненіе, т.-е. приходится дѣлать выборъ между двумя взаимно исключающими другъ друга положеніями, и между тѣмъ оказывается что какъ то, такъ и другое имѣютъ извѣстныя права на наше вниманіе, отчасти объясняя подлежащее явленіе и отчасти нѣтъ,—можно быть твердо убѣжденнымъ что причина этого кроется въ неправильной постановкѣ вопроса. То же самое имѣетъ мѣсто въ нашемъ случаѣ. Вслѣдствіе предвзятаго мнѣнія что процессы относящіеся къ протоплазмѣ суть процессы чисто физико-химическіе и связь между химическими тѣлами найденными въ протоплазмѣ можетъ быть только химическая, поставленъ былъ и вопросъ такимъ образомъ: *существуетъ или не существуетъ тѣсная химическая связь между составными частями протоплазмы?*

Но такая постановка вопроса совершенно произвольна, а потому и привела насъ къ отрицательному результату.

Понятно что для того чтобы выйти изъ дилеммы въ которой мы очутились мы должны прежде всего озаботиться о правильной постановкѣ вопроса касательно состава протоплазмы. А это означаетъ что прежде чѣмъ разсуждать о характерѣ связи между составными частями протоплазмы и тѣмъ болѣе прежде чѣмъ предрѣшать его, мы должны отвѣтить на слѣдующій прямой вопросъ: *есть ли протоплазма*

Digitized by Google

одно цѣлое или смѣсь веществъ, т.-е. существуетъ ли вообще связь между составными частями протоплазмы или этой связи нѣтъ, нисколько не предрѣшая вопроса о характерѣ этой связи. На этотъ вопросъ отвѣтить не трудно. Предыдущія разсужденія и въ особенности разборъ мнѣнія представляющаго себѣ протоплазму за простой комплексъ веществъ несомнѣнно намъ показали что невозможно допустить самостоятельности для каждаго изъ элементовъ протоплазмы, но все, наоборотъ, заставляетъ насъ признать что эти элементы связаны между собою для достиженія спеціальныхъ цѣлей отличающихъ органическую жизнь. Отвѣтъ нашъ поэтому долженъ быть слѣдующій: *протоплазма не есть смѣсь веществъ, она есть цѣлое, ея составныя части между собой связаны.* За этимъ вопросомъ неизбѣжно слѣдуетъ другой: какого это рода связь, которая существуетъ между составными частями протоплазмы? Естествоиспытатели, хорошо усвоившіе себѣ процессы физико-химическіе, господствующіе въ неорганической природѣ, приступая къ разбору новаго для нихъ ряда явленій, біологическихъ, весьма натурально предположили что и въ основѣ этихъ новыхъ явленій лежатъ тѣ же самые знакомые имъ физико-химическіе процессы и что слѣдовательно связь между элементами протоплазмы есть связь чисто химическая. Но мы выше разсмотрѣли довольно подробно это предположеніе и убѣдились что оно совершенно не выдерживаетъ критики и что немыслимо даже допустить чтобы связь между составными частями протоплазмы была связь химическая. Въ правѣ ли мы однако сдѣлать отсюда обратный выводъ и сказать что если связь между составными частями протоплазмы не есть химическая, то значитъ ея вообще не существуетъ? Очевидно нѣтъ, ибо такое заключеніе противорѣчило бы самымъ элементарнымъ требованіямъ логики. Разъ мы установили что составныя части протоплазмы образуютъ одно цѣлое или, что то же, тѣсно между собою связаны, мы не можемъ измѣнить этого опредѣленія только на томъ основаніи что связь между ними оказалась не такого рода какою мы желали ее найти. Намъ остается поэтому только признать справедливость обоихъ положеній, т.-е. согласиться съ тѣмъ что существуетъ связь между элементами протоплазмы, но что эта связь не химическая. Еще менѣе конечно можетъ она быть физическою.

Digitized by Google

Спрашивается: какого же это рода связь? Отвѣчаю—*органическая*. Дѣло тутъ конечно не въ терминѣ и не въ словахъ; важно для насъ и важно чрезвычайно то что *связь элементовъ протоплазмы* оказывается не физическою и не химическою, но совершенно иного, *особеннаго рода*. Поэтому на вопросъ сдѣланный нами выше: *что такое протоплазма, чему она обязана своими жизненными свойствами*, мы должны отвѣтить слѣдующимъ образомъ: *протоплазма есть вещество составленное изъ очень сложныхъ химическихъ молекулъ, которыя сплочены воедино, не въ силу химическаго сродства, но въ силу особенной связи, дозволяющей ему проявить особенныя, исключительныя свойства, рѣзко отличающія процессы, имѣющіе мѣсто въ немъ отъ всѣхъ другихъ господствующихъ въ неорганической природѣ*. Но какъ мы изъ предыдущаго знаемъ, органическая жизнь наитѣснѣйшимъ образомъ связана съ существованіемъ протоплазмы и въ сущности есть только внѣшнее выраженіе процессовъ совершающихся внутри послѣдней, на этомъ основаніи мы слѣдующимъ образомъ должны формуловать сущность органической жизни: *органическая жизнь*, та которая проявляется въ сферѣ біологическихъ явленій, *есть процессъ молекулярный, но молекулярный процессъ особеннаго рода, существеннымъ образомъ отличный ото всѣхъ другихъ и обязанный своимъ существованіемъ тому что самыя сложныя химическія молекулы, не допускающія по своей индифферентной сложности дальнѣйшаго химическаго соединенія, сочетаются по новому типу и черезъ это полагаютъ основаніе для цѣлаго ряда новыхъ явленій, управляемыхъ особенными законами пополняющими законы физико-химическіе*, присущіе исключительно молекуламъ менѣе сложнаго состава.

Вы спросите: какимъ же образомъ объяснить сочетаніе сложныхъ молекулъ въ единицу высшаго порядка безъ помощи химическаго сродства, какая сила въ этомъ случаѣ соединяетъ молекулы въ одно цѣлое, управляетъ ими для достиженія извѣстныхъ результатовъ и наконецъ охраняетъ цѣлое отъ разрушающаго вліянія могучихъ физическихъ и химическихъ агентовъ,—и я отвѣчу: *эта сила—движеніе*. Мы должны признать что сложныя молекулы входящія въ составъ протоплазмы не составляютъ инертныхъ массъ, но находятся въ непрестанномъ движеніи, только движенія претерпѣваемыя ими не простыя—физическія, а комбинирован-

Digitized by Google

ныя. Поэтому, согласно господствующему въ наше время воззрѣнію, мы должны представлять себѣ протоплазму какъ гармоническую систему, всѣ члены которой удерживаются между собою въ связи благодаря сопряженнымъ движеніямъ которымъ они подвержены и которыя могутъ различнымъ образомъ видоизмѣняться, не нарушая нисколько при этомъ равновѣсія системы, но наоборотъ, охраняя ее черезъ это отъ разрушающаго вліянія внѣшнихъ дѣятелей.

IV

Полученный нами результатъ совершенно совпадаетъ съ тѣмъ къ которому мы еще раньше пришли путемъ наведенія, пытаясь приложить къ объясненію явленій органической жизни основныя понятія о строеніи природы господствующія въ современной наукѣ. Отличіе заключается только въ названіи, и для охарактеризованія живаго вещества я вмѣсто протоплазмы употребилъ выраженіе „сложная молекула“, „матеріальная частица“, въ которой сгруппированы различныя химическія тѣла какъ составныя части цѣлаго болѣе высокаго порядка. Такое совпаденіе чисто теоретическихъ выводовъ съ тѣми которые возникаютъ изъ разсмотрѣнія дѣйствительныхъ фактовъ несомнѣнно говоритъ въ пользу предлагаемой мною формулы органической жизни и совершенно оправдываетъ существованіе ея какъ гипотезы. Но такъ какъ я утверждаю что органическая жизнь есть молекулярный процессъ особеннаго рода и въ силу этого имѣетъ свои особенные спеціальные законы, то понятно, самое лучшее подтвержденіе для моей гипотезы получилось бы въ томъ случаѣ еслибъ я въ состояніи былъ указать на эти законы, т.-е., другими словами, представилъ бы другое объясненіе для жизненныхъ явленій чѣмъ то которое намъ даетъ общепринятая въ настоящее время теорія. Вполнѣ сознавая справедливость такого заключенія, я дѣйствительно попытаюсь исполнить, хотя отчасти, эту задачу и позволю себѣ предложить объясненіе существенныхъ проявленій органической жизни которое соотвѣтствовало бы новому понятію объ этой послѣдней.

Но я долженъ сказать что приступая къ этой задачѣ, я вполнѣ разсчитываю на снисходительность читателей. Не слѣдуетъ впрочемъ забывать и то что я имѣю право на

Digitized by Google

эту сиисходительность. Въ доказательство этого я предложилъ своему толкованію жизненныхъ процессовъ тѣ объясненія ихъ которыя въ настоящее время наиболѣе распространены между учеными. Не трудно убѣдиться что эти послѣднія также крайне неясны, неполны и недостаточны даже въ чисто гипотетическомъ смыслѣ. Поэтому я полагаю что я довольно удовлетворительно выполнилъ бы свою задачу еслибы мнѣ удалось безъ противорѣчій привести въ связь то что намъ фактически извѣстно о сказанныхъ процессахъ съ тѣмъ понятіемъ объ органической жизни которое я выше установилъ. Прибавлю что въ случаѣ если мои объясненія покажались бы фантастическими, то изъ этого отнюдь не слѣдовало бы заключать о несостоятельности нашей основной формулы о сущности органической жизни. Чтобъ опровергнуть нашъ взглядъ на жизнь необходимо разсмотрѣть вопросъ по существу, какъ говорятъ юристы, и разрушить тѣ посылки изъ которыхъ онъ возникъ. Еслибъ оказалось что я не сумѣлъ воспользоваться понятіемъ о жизни какъ молекулярномъ процессѣ особеннаго рода для истолкованія физіологическихъ явленій, изъ этого не слѣдуетъ что другой не можетъ этого сдѣлать, и воспользовавшись удачнымъ образомъ существующими фактами, только болѣе подтвердитъ справедливость общаго положенія. Во всякомъ случаѣ наша формула должна остаться неприкосновенною. Я начну, какъ уже сказалъ, съ изложенія существующихъ мнѣній объ основныхъ жизненныхъ процессахъ, подразумѣвая подъ основными процессами тѣ общепринятыя четыре категоріи жизненныхъ явленій къ которымъ можно подвести всѣ разнообразныя функціи организованныхъ существъ, какъ-то: процессы питанія, развитія, размноженія и функціональные.

Господствующее мнѣніе объ основныхъ физіологическихъ процессахъ: питаніи, развитіи, размноженіи и функціональныхъ никогда, собственно говоря, не было выражено въ видѣ строго законченной теоріи, и то что я называю этимъ именемъ представляетъ не болѣе какъ отрывочныя сужденія объ этихъ предметахъ или еще чаще простые постулаты. Тѣмъ не менѣе не трудно уловить общій характеръ современныхъ воззрѣній на занимающіе насъ вопросы. Этотъ характеръ ясно обнаруживается въ той постепенности въ разсмотрѣніи этихъ процессовъ которую я выше представилъ,

Digitized by Google

предпославъ всѣмъ процессамъ жизни процессъ питанія, за которымъ уже слѣдуютъ всѣ остальные. Дѣйствительно, по современнымъ понятіямъ, въ основѣ всѣхъ жизненныхъ явленій лежитъ процессъ питанія. Брюкке еще недавно выразилъ это категорически въ своемъ руководствѣ физіологіи. Сознавая что въ частностяхъ процессъ питанія весьма мало разработанъ и представляетъ много неяснаго, физіологи убѣждены что они въ общемъ имѣютъ, не скажу ясное, но довольно правильное представленіе о немъ. Это знаніе процесса питанія находитъ свое выраженіе въ обозначеніи послѣдняго какъ „процессъ обмѣна". По понятіямъ школы, *питаніе есть непрестанный обмѣнъ вещества между органическимъ существомъ и окружающимъ его внѣшнимъ міромъ.* Отсюда всякое проявленіе жизни или *функціональный процессъ* объясняютъ такимъ образомъ что вещество клѣточки подъ вліяніемъ внѣшнихъ агентовъ, въ числѣ которыхъ кислородъ играетъ главную роль, претерпѣваетъ извѣстное химическое измѣненіе сопряженное съ большею или меньшею потерей части его, но что тотчасъ за этимъ слѣдуетъ вознагражденіе потеряннаго вещества и возстановленіе прежняго химическаго состава клѣточки на счетъ веществъ почерпаемыхъ ею извнѣ, изъ такъ-называемаго питательнаго матеріала приспособленнаго для этой цѣли и всегда окружающаго ее въ избыткѣ. Стоитъ представить себѣ теперь что уподобленіе питательнаго матеріала беретъ перевѣсъ въ клѣточкѣ надъ непрестаннымъ разрушеніемъ организованнаго вещества, и вотъ становится, говорятъ, понятнымъ возможность прогрессивнаго роста, *развитія* организма. Еще одинъ шагъ, вообразимъ себѣ избытокъ питательнаго матеріала, накопленіе его, и является новая форма проявленія жизни организма или клѣточки,—процессъ *размноженія.*

Я не буду входить въ критическій разборъ приведеннаго здѣсь объясненія жизненныхъ процессовъ, считая это излишнимъ послѣ произнесеннаго мною осужденія принципа лежащаго въ основѣ его—что жизнь есть не болѣе какъ физико-химическій процессъ. Я позволю себѣ только обратить вниманіе на одно обстоятельство довольно рѣзко выступающее уже при поверхностномъ обозрѣніи данныхъ объясненій и по мнѣнію моему громко свидѣтельствующее противъ ихъ пригодности,—то именно что по мѣрѣ удаленія нашего отъ процесса питанія или вѣрнѣе обмѣна къ гораздо

Digitized by Google

болѣе существеннымъ и характеристичнымъ для органической жизни процессамъ развитія и размноженія постепенно все болѣе уменьшается ясность представленія и толкованія подлежащаго факта. Такъ мѣсто наибольшаго торжества для теоріи, гдѣ она дѣйствительно одерживаетъ блестящія побѣды, это область явленій извѣстныхъ подъ именемъ регрессивнаго метаморфоза; гдѣ только рѣчь идетъ объ угольной кислотѣ, мочевинѣ, мочевой кислотѣ и ея сподвижникахъ, креатинѣ, ксантинѣ, и т. п., тамъ наша гипотеза какъ нельзя болѣе умѣстна, и всякое новое разслѣдованіе фактовъ только болѣе укрѣпляетъ насъ въ надеждѣ быть въ состояніи скоро доказать непреложнымъ образомъ тождество органической жизни со всѣми другими физико-химическими процессами. Эта надежда начинаетъ слабѣть уже въ значительной степени при переходѣ отъ явленій регрессивнаго къ явленіямъ прогрессивнаго метаморфоза и при объясненіи явленій уподобленія мы постоянно встрѣчаемъ ссылки на недостаточность произведенныхъ изысканій или жалобы на неудовлетворительное состояніе органической химіи въ дѣлѣ разъясненія природы бѣлковыхъ тѣлъ, наиболѣе, какъ любятъ выражаться, заинтересованныхъ въ этихъ вопросахъ. Но самое большее затрудненіе для гипотезы представляетъ безъ сомнѣнія объясненіе процессовъ развитія и размноженія, процессовъ между тѣмъ самыхъ характеристическихъ для жизни. Объ этомъ можно заключить, во первыхъ, изъ стремленія которое обнаруживаютъ всѣ писатели перевести эти вопросы на почву гистологіи и такимъ образомъ сложить съ себя попеченіе о нихъ, и во вторыхъ, изъ весьма ограниченнаго числа попытокъ которыя были дѣлаемы съ цѣлью разъяснить эти процессы, и притомъ настолько незначительныхъ что на нихъ скорѣе можно смотрѣть какъ на угрозы дать извѣстное объясненіе нежели на серіозныя попытки къ этому. Можно привести нѣсколько причинъ въ объясненіе предпочтительности которую оказываетъ общепринятая гипотеза одному процессу (питанія) предъ всѣми другими, но я не имѣю нужды входить въ разбирательство ихъ и, какъ я сказалъ, ограничусь указаніемъ на этотъ во всякомъ случаѣ знаменательный фактъ.

Перехожу къ изложенію объясненій которыя я предлагаю дать для основныхъ физическихъ процессовъ.

Порядокъ разсмотрѣнія органическихъ процессовъ будетъ у меня иной или даже обратный общепринятому. Такъ

Digitized by Google

какъ ближайшая наша задача, опредѣлить основную способность организованнаго вещества, отъ которой зависятъ всѣ остальныя его свойства, то я нахожу что гораздо естественнѣе отыскивать это фундаментальное свойство организованнаго вещества не въ тѣхъ его проявленіяхъ которыя сближаютъ его съ неорганическимъ міромъ, но наоборотъ, въ тѣхъ гдѣ всего рѣзче выказываются его особенности. Поэтому я начну не съ процесса питанія или обмѣна, но съ процесса размноженія, который какъ процессъ творческій громко свидѣтельствуетъ о самостоятельности органическаго міра. Прибавлю что какъ я разсматриваю здѣсь процессъ размноженія въ самой общей его формѣ, то отношу его прямо къ протоплазмѣ, которая безъ сомнѣнія и для клѣтки составляетъ дѣятельное начало. Какъ же объяснить съ нашей точки зрѣнія *размноженіе*, эту необыкновенную способность протоплазмы порождать безграничное число тождественныхъ ей единицъ не переставая въ то же время самой существовать? Съ одной стороны, не подлежитъ сомнѣнію что матеріалъ для этихъ новыхъ единицъ составляютъ тѣ химическія вещества которыя окружаютъ протоплазму и для нея образуютъ наружный міръ, съ другой, я утверждаю что протоплазма составлена изъ молекулъ сплоченныхъ воедино не въ силу химическаго, но совершенно особаго рода сродства не дозволяющаго ей подчиниться вліянію физико-химическихъ силъ. Какъ согласить это кажущееся противорѣчіе и показать возможность взаимнодѣйствія между столь разнородными началами, какъ протоплазма и окружающій ея наружный міръ?

V.

Предлагаемое мною объясненіе слѣдующее. Между протоплазмой и окружающимъ ее наружнымъ міромъ не существуетъ взаимодѣйствія въ собственномъ смыслѣ этого слова невольно заставляющаго подозрѣвать что эти оба начала равноправны и что между ними совершается нѣчто въ родѣ вещественнаго обмѣна характеризующаго химическій процессъ. Здѣсь имѣетъ мѣсто не обмѣнъ, а совершенно особаго рода процессъ. Изъ двухъ заинтересованныхъ началъ, *одна только живая протоплазма обладаетъ активною способностью*, вещество же окружающее ея играетъ вполнѣ пас-

Digitized by Google

сивную роль, и мы имѣемъ не взаимодѣйствіе, а *воздѣйствіе* протоплазмы на вещество способное организоваться. Размноженіе протоплазмы происходитъ такимъ образомъ что въ силу присущей ей способности она *оживотворяетъ ту химическую смѣсь веществъ съ которою она приходитъ въ соприкосновеніе*, она устрояетъ въ ней порядокъ, группируетъ ея элементы въ стройное цѣлое и такимъ образомъ вызываетъ къ бытію новую, совершенно тождественную ей самой форму. Но творческая способность протоплазмы не идетъ при этомъ такъ далеко чтобъ изъ данныхъ элементовъ воспроизвести какую-нибудь химическую комбинацію; для проявленія ея дѣятельности, по крайней мѣрѣ у животныхъ и человѣка, необходимо чтобы существовали совершенно готовыми тѣ сложныя химическія молекулы, бѣлки, углеводы и т. д., изъ которыхъ она сама состоитъ, но это послѣднее постоянно имѣетъ мѣсто въ природѣ; ибо мы знаемъ что матеріалъ изъ котораго созидаетъ клѣточка или правильнѣе протоплазма въ ней заключающаяся всегда дѣйствительно состоитъ изъ веществъ самаго сложнаго химическаго состава, составляющихъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ ближайшіе продукты разложенія нѣкогда существовавшихъ организованныхъ существъ.

Это объясненіе процесса размноженія можетъ показаться иному слишкомъ смѣлымъ и не совсѣмъ удоболюятнымъ, а потому и маловѣроятнымъ. Чтобы оправдать свою гипотезу, считаю нужнымъ напомнить вамъ процессъ весьма аналогичный только-что описанному и давно пріобрѣтшій общее признаніе, хотя сущность его до сихъ поръ остается весьма плохо и даже вовсе неразъясненною, — я разумѣю *броженіе*. Мнѣ кажется нельзя отрицать значительную степень сходства между способомъ воздѣйствія протоплазмы на питательный матеріалъ, который я допускаю, и вліяніемъ которое оказываетъ ферментъ на вещество подвергающееся броженію. Сродство обоихъ процессовъ настолько даже велико что первый человѣкъ подмѣтившій фактъ броженія, навсегда знаменитый-Фанъ Гельмонтъ, отождествлялъ органическую жизнь съ броженіемъ, полагая его въ основу всякой физіологической функціи организма, точно такъ же какъ послѣдній ученый разрабатывавшій этотъ вопросъ и болѣе всѣхъ подвинувшій наше знаніе о немъ,— Пастёръ, наоборотъ отождествляетъ всякое броженіе съ

Digitized by Google

органическою жизнью, полагая эту послѣднюю въ основаніе первой. Ихъ побуждало къ этому, безъ сомнѣнія, постоянное совладеніе обоихъ процессовъ; но ихъ мнѣніе только еще болѣе подтверждается позднѣйшими изслѣдованіями, и въ настоящее время трудно отыскать мѣсто въ организмѣ гдѣ не было бы доказано существованіе какого-либо фермента, или по крайней мѣрѣ гдѣ присутствіе его не было бы въ высшей степени вѣроятнымъ. Я вполнѣ присоединяюсь къ сужденію названныхъ физіологовъ и думаю что если уже нужно выбрать символъ для болѣе осязательнаго и удобопонятнаго выраженія органическаго процесса, включая сюда всѣ явленія жизни, начиная съ воздѣйствія пищеварительныхъ соковъ на перевариваемую пищу и кончая вліяніемъ оказываемымъ спермой на все послѣдующее развитіе зародышеваго яйца, то лучше всего выбрать для этого броженіе.

Но здѣсь необходимо сдѣлать большую оговорку. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ явленія броженія представляются намъ какъ явленія разложенія; поэтому казалось бы они не могутъ имѣть ничего общаго съ процессами жизни, отличающимися наоборотъ своимъ синтетическимъ, плодотворнымъ характеромъ. Это совершенно вѣрно, и потому я вовсе и не отождествляю оба процесса, а только указываю на ихъ взаимное сходство. Къ несчастію мы совершенно не знаемъ и сущности явленій броженія,—несомнѣнно только одно, что явленія эти возникаютъ не въ силу обыкновенныхъ химическихъ, но совершенно особенныхъ, спеціальныхъ, законовъ. Мнѣніе Либиха о сущности броженія составляетъ и до настоящаго времени наилучшую схему для этого процесса, а онъ говоритъ что броженіе можно представить себѣ такимъ образомъ что молекулы входящія въ составъ бродила находятся въ состояніи неустойчиваго равновѣсія, которое они и передаютъ молекуламъ вещества подвергающагося броженію. Мы можемъ удержать эту схему для объясненія процесса размноженія протоплазмы, сдѣлавъ только слѣдующее замѣчаніе: въ обыкновенныхъ бродилахъ * молекулы находятся въ состояніи неустойчиваго равновѣсія, имѣющаго склонность вызывать разложенія, вслѣдствіе того что сами эти бродила составляютъ продуктъ разложенія протоплазмы,

* Организованные ферменты допускаютъ другое (жизненное) толкованіе.

Digitized by Google

они переносятъ на другія вещества характеръ пріобрѣтенный ими при своемъ выдѣленіи изъ мертвой протоплазмы. Но представимъ себѣ живую протоплазму. Молекулы въ этой живой массѣ находятся точно такъ же въ состояніи неустойчиваго равновѣсія (эта неустойчивость обусловливаетъ вообще возможность всѣхъ жизненныхъ проявленій протоплазмы), но при всей своей неустойчивости равновѣсіе молекулъ составляющихъ протоплазму сохраняетъ свой живой, гармоническій типъ; если теперь эти молекулы придутъ въ соприкосновеніе съ другимъ веществомъ и они должны передать ему движеніе, которому они сами подвержены, то нѣтъ основанія предполагать чтобы результатомъ этого было разложеніе этого вещества, а гораздо вѣроятнѣе что это вещество пріобрѣтетъ склонность перейти въ то гармоническое сложеніе какимъ обладаетъ воздѣйствовавшее на него бродило. Вотъ съ какой точки зрѣнія позволяю я себѣ проводить параллель между размноженіемъ протоплазмы и тѣмъ что мы называемъ броженіемъ.

Намъ надлежало бы перейти теперь къ объясненію которое наша теорія жизни въ состояніи предложить для явленій *развитія* организмовъ, т.-е. эмбріологическаго процесса. Но я не рѣшаюсь приступить къ этой задачѣ, а предпочитаю сохранить ту сдержанность относительно ея какую соблюдаютъ мои противники. Причина та что мы имѣемъ въ этой области слишкомъ мало фактическихъ данныхъ, чтобы можно было приступить къ какому-нибудь объясненію. Я позволю себѣ только обратить ваше вниманіе на то что положеніе мое относительно такого таинственнаго процесса, какъ эмбріологическій, во всякомъ случаѣ выгоднѣе сторонниковъ химизма, ибо очевидно легче провести связь между пластическимъ броженіемъ, которымъ, по моей теоріи, обладаетъ протоплазма, и архитектоническою способностью проявляющеюся въ зародышевомъ яйцѣ, нежели доказать что химическія силы суть единственныя силы руководящія такимъ сложнымъ явленіемъ какъ организація живаго существа.

Но если, такимъ образомъ, я могу устранить отъ себя объясненіе эмбріологическаго процесса, за то положеніе мое совершенно иное относительно остальныхъ двухъ процессовъ подлежащихъ нашему разбору и тѣсно связанныхъ между собою,—процессовъ питанія и функціональной дѣятельности

Digitized by Google

организмовъ. Какъ извѣстно, процессъ питанія или метаморфоза составляетъ краеугольный камень физико-химической теоріи о жизни, поэтому необходимо чтобъ я также представилъ толкованіе этого процесса на основаніи моей теоріи органической жизни.

Утверждаютъ что всякій живой организмъ постоянно истребляется, истрачивается, словомъ, окисляется, и что то что въ немъ разрушено возстанавливается вновь изъ притекающаго извнѣ питательнаго матеріала; доказательство этого видятъ въ безпрерывномъ выдѣленіи организмомъ (рѣчь идетъ о животномъ метаморфозѣ) мочевой кислоты, мочевины, угольной кислоты и воды. *Спрашивается: можно ли сомнѣваться что упомянутыя вещества составляютъ продукты окисленія, и что такимъ образомъ питаніе организма и тѣсно связанныя съ нимъ функціональныя проявленія послѣдняго суть такіе процессы чисто химическіе?*

Нисколько не отрицаю первой половины этого положенія не думаю даже чтобы можно было сомнѣваться что мочевина и подобные ей продукты составляютъ результатъ окисленія, но не вижу необходимости заключать отсюда что всякое измѣненіе въ организмѣ, сопряженное съ проявленіемъ его функціи, и возстановленіе прежняго состоянія при содѣйствіи питательнаго матеріала, суть тоже процессы чисто химическіе. Я сначала докажу что оба эти обстоятельства могутъ существовать независимо одно отъ другаго, а затѣмъ разъясню, какое понятіе я имѣю о функціональной дѣятельности различныхъ органовъ и о томъ что привыкли называть питаніемъ организма. Для этого я вернусь къ моему предположенію о способѣ размноженія протоплазмы. Я сказалъ что можно представить себѣ размноженіе такимъ образомъ что протоплазма, воздѣйствуя на подлежащій питательный матеріалъ на подобіе бродила, организуетъ его, то-есть связываетъ въ одно цѣлое различныя сложныя химическія вещества заключающіяся въ немъ. Но питательный матеріалъ имѣетъ конечно совершенно случайный составъ. Отсюда, понятно, за организованіемъ новой протоплазмы, долженъ остаться излишекъ веществъ, которыя, хотя и тождественны съ матеріалами вошедшими въ составъ протоплазмы, но не будучи соразмѣрны другъ другу по количеству, не могли войти въ тѣсную органическую связь. Ясно какая будущность ожидаетъ эти остаточныя вещества, не

Digitized by Google

удостоившіяся воспринять жизнь,—ихъ ничто не гарантируетъ отъ вліянія физическихъ и химическихъ силъ и потому они обречены на разрушеніе, которое, какъ извѣстно, въ большинствѣ случаевъ совершается путемъ окисленія.

Перенесемъ теперь эти соображенія на процессъ метаморфоза или обмѣна, и *мы можемъ сказать что мочевина, мочевая и угольная кислоты*, вообще всѣ выдѣляемыя организмомъ вещества *составляютъ продукты окисленія тѣхъ веществъ которыя въ такомъ изобиліи въ видѣ пищи входятъ въ организмъ, но не достигаютъ въ немъ организаціи и остаются въ видѣ питательныхъ соковъ*. Этимъ объясняется вполнѣ происхожденіе различныхъ продуктовъ окисленія, и нѣтъ никакой необходимости принимать что кромѣ неорганизованныхъ питательныхъ веществъ подвергаются еще окисленію всѣ органы и ткани изъ которыхъ построенъ организмъ, поэтому *я отрицаю совершенно современную гипотезу что организованныя части нашего тѣла постоянно подвергаются разрушенію и возстановленію*. Прибавлю еще что это послѣднее предположеніе не только никѣмъ не доказано, но даже a priori мало вѣроятно, потому что оно допускаетъ вмѣшательство чисто химическаго процесса (окисленія) въ сферу органическаго процесса имѣющаго свои особенные самостоятельные законы.

Но спросятъ меня: какимъ образомъ объяснить въ такомъ случаѣ фактъ питанія, то что организмъ постоянно нуждается во введеніи въ себя питательныхъ веществъ, если, какъ я говорю, онъ самъ, то-есть матерія изъ которой онъ построенъ, не истрачивается (я говорю конечно о частичномъ разложеніи протоплазмы, ибо не только не отрицаю факта смерти или разрушенія цѣлыхъ отдѣльныхъ органическихъ молекулъ, но наоборотъ предполагаю что этотъ процессъ происходитъ въ организмѣ гораздо чаще чѣмъ думаютъ), и опять на счетъ какихъ же силъ происходитъ всякая работа производимая организмомъ въ видѣ разнообразныхъ функціональныхъ процессовъ, сокращенія мышцъ напримѣръ и т. п., если напередъ гарантирована цѣлость функціонирующаго элемента? Вотъ какъ я это объясняю. Введеніе питательнаго матеріала необходимо чтобы возвратить организму силы потраченныя имъ на функціональные процессы, но освобожденіе и пріобщеніе силъ происходитъ здѣсь не путемъ разрушенія и замѣщенія вещества протоплазмы, а совершенно

Digitized by Google

особеннымъ образомъ. Когда органическій элементъ функціонируетъ, то-есть производитъ какую-нибудь работу, то въ массѣ составляющей его протоплазмы происходитъ простое молекулярное перераспредѣленіе вещества такого рода что эта масса, по совершеніи работы, обладаетъ въ итогѣ меньшимъ запасомъ потенціальной силы чѣмъ какой заключался въ ней первоначально, когда она находилась въ состояніи покоя, равно настолько меньшимъ насколько употреблено было живой силы для производства данной работы. Такъ можетъ быть объяснено освобожденіе живой силы организмомъ безъ наималѣйшей потери имъ вещества. Вторую половину явленія—пріобщеніе къ функціонировавшему элементу силы только что утраченной имъ во время работы, или что то же самое, возстановленіе прежняго, не говорю состава, но *строенія* протоплазмы, я объясняю слѣдующимъ образомъ. Въ то время какъ происходитъ молекулярное перераспредѣленіе вещества въ функціонирующемъ элементѣ или, что еще вѣрнѣе, въ силу этого самаго частичнаго перераспредѣленія, вещество окружающее функціонирующій элементъ, я разумѣю циркулирующій въ организмѣ неорганизованный питательный матеріалъ, неизбѣжно претерпѣваетъ соотвѣтственное *молекулярное передвиженіе*, результатомъ котораго является частичное расладеніе сложныхъ бѣлковъ и сахаровъ на ихъ ближайшія составныя части, при энергическомъ содѣйствіи кислорода, отчего становится свободнымъ извѣстное количество силы, часть которой обнаруживается въ видѣ теплоты, а другая часть пріобщается къ протоплазмѣ и возстановляетъ въ ней тотъ запасъ потенціальной силы какимъ она обладала до обнаруженія своей функціи, вслѣдствіе чего возстановляются въ ней прежнее ея строеніе и прежнія свойства. Такимъ образомъ *питаніе* организма резюмируется для меня въ переходѣ одной силы въ другую, и для объясненія сказаннаго процесса я не нуждаюсь въ гипотезѣ частичнаго замѣщенія вещества протоплазмы, но заставляю претерпѣвать это измѣненіе неорганизованныя составныя части организма, которыя какъ таковыя остаются вполнѣ подчиненными химическимъ законамъ сложенія и разложенія.

Сущность моей гипотезы заключается въ томъ что органическая дѣятельность происходитъ не на основаніи обмѣна веществъ, какъ обыкновенно принимаютъ, а на основаніи

Digitized by Google

простаго обмѣна силъ. Этотъ обмѣнъ силъ я обусловливаю особенною способностью протоплазмы претерпѣвать молекулярное измѣненіе, которое, не измѣняя ея состава, измѣняетъ въ ней содержаніе потенціальной силы. Мнѣ нужно слѣдовательно показать, во-первыхъ, *что явленія подобнаго рода вообще имѣютъ мѣсто въ природѣ и во-вторыхъ что въ организмъ даны именно тѣ условія при которыхъ эти явленія замѣчаются.* Что такія явленія возможны, доказываютъ калориметрическія изслѣдованія произведенныя надъ тѣлами изомернаго состава. Согласно нашей гипотезѣ нужно допустить что всякій разъ какъ одно тѣло переходитъ въ другое ему изомерное неизбѣжно происходитъ освобожденіе или присоединеніе живой силы и слѣдовательно различныя изомерныя тѣла при своемъ сгараніи должны обнаружить, то-есть выдѣлить различное количество единицъ теплоты. Но это-то именно и доказали изслѣдованія Фавра и Зильберманна, * а затѣмъ и Бертело. ** При этомъ оказалось что не только измѣненія строенія въ смыслѣ метамеріи и полимеріи вліяетъ на количество освобожденнаго тепла, но то же самое замѣчается и при наибольшемъ сходствѣ строенія и состава, какое только извѣстно, когда химическое различіе исчезаетъ вполнѣ и рѣчь идетъ исключительно о разстановкѣ совершенно тождественныхъ молекулъ. Изъ метамерныхъ тѣлъ Фавръ и Зильберманнъ сравниваютъ и сложные эѳиры жирнаго рода какъ между собой, такъ и изомерными кислотами. Изъ полученныхъ ими результатовъ видно что несмотря на одинаковую эмпирическую формулу, замѣтна довольно большая разница въ количествѣ тепла выдѣляемаго этими изомерами при сгараніи.

Примѣръ полимеріи представляютъ намъ углеводороды ряда $(CH_2)_{10}$ начиная отъ C_2H_4 до $C_{20}H_{40}$ включительно. Здѣсь Фавръ и Зильберманнъ могли даже установить законъ что съ новымъ прибавленіемъ группы CH_2 уменьшается количество тепла получаемаго при сгараніи изомера на 37,48 единицъ.

Къ разряду изомеріи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова принадлежатъ слѣдующіе весьма интересные факты. По свидѣтельству тѣхъ же изслѣдователей, *** хлоръ выдѣляетъ раз-

---

* *Annales de Chimie et de Physique* 3 série, tome 34 et 36.

** Тоже 4 série, tome 6.

*** Loc. cit. т. 36, стр. 17.

Digitized by Google

личное количество тепла, смотря по тому подвергался ли онъ или нѣтъ прямому вліянію солнечныхъ лучей, хотя его объемъ остается при этомъ безъ измѣненія, а Berthelot говоритъ что при переходѣ сѣры изъ нерастворимой формы въ октаэдрическую происходитъ всегда выдѣленіе теплоты и, прибавляетъ онъ, количество различное, смотря по тому откуда была добыта нерастворимая сѣра. Такимъ образомъ даже простыя тѣла слѣдуютъ указанному закону.

Но самое важное для насъ наблюденіе то которое было сдѣлано надъ изомерными углеводородами формулы C_{10} H_{16}. Три вида этого углеводорода были подвергнуты Фавромъ и Зильберманномъ сожиганію и всѣ три дали различное число единицъ теплоты.

Количество единицъ теплоты.

		Разч. на 1 грам.	Разч. на эквивалентъ (Berthelot).
C_{10} H_{16}	лимонная эссенція.....	10.959	1.400.090
	эссенція терпентина.....	10.836	1.475.000
	теребенъ.....	10.662	1.450.000

На этомъ основаніи нужно ожидать что при переходѣ одного изъ этихъ видовъ терпентина въ другой происходитъ выдѣленіе теплоты, и въ самомъ дѣлѣ Бертело удостовѣряетъ * что при переходѣ терпентина въ теребенъ подъ вліяніемъ сѣрной кислоты выдѣляется *очень много* тепла. Чѣмъ же отличаются оба эти тѣла другъ отъ друга? Да рѣшительно ничѣмъ, кромѣ нѣсколько инаго расположенія молекулъ. У обоихъ одинъ и тотъ же эквивалентъ, одна и та же точка кипѣнія, та же плотность въ видѣ пара и жидкости, одинаковая специфическая теплота; различіе одно, что первое отклоняетъ плоскость поляризаціи, а второе нѣтъ. И вотъ потеря этой способности сопровождается для терпентина выдѣленіемъ 25,000 единицъ теплоты, т.-е. лишеніемъ соотвѣтственнаго количества потенціальной силы.

Такимъ образомъ мы можемъ считать доказаннымъ что передвиженіе молекулъ внутри даннаго вещества сопряжено съ колебаніемъ количества силы заключающейся въ немъ, что слѣдовательно тѣ явленія на которыя я указываю въ моей гипотезѣ дѣйствительно имѣютъ мѣсто въ природѣ.

---

* Стр. 348.

Digitized by Google

Что могу я отвѣтить на второй вопросъ, — *даны ли дѣйствительно въ организмѣ условія подобныя тѣмъ при которыхъ были наблюдаемы указанныя явленія или нѣтъ*, т.-е. вѣроятно ли чтобъ указанные процессы въ самомъ дѣлѣ происходили во время жизни организмовъ? Я смѣло отвѣчаю на этотъ вопросъ утвердительно. Гдѣ же въ самомъ дѣлѣ какъ не въ живыхъ организмахъ сосредоточены *несмѣтные запасы изомеровъ* всевозможныхъ видовъ, и не стали ли даже эти послѣдніе извѣстны намъ съ того именно времени какъ химія отъ изслѣдованія неорганическаго міра обратилась къ изслѣдованію органическаго. Начнемъ съ того что уже простые элементы, изъ которыхъ построенъ организмъ, отличаются отъ другихъ, по крайней мѣрѣ отъ большинства, свойствомъ полиморфизма: сколько мы знаемъ видовъ сѣры, фосфора, углерода; кислородъ и тотъ представляетъ двѣ модификаціи. Что же, если мы пойдемъ далѣе и отъ изомеровъ какой-нибудь молочной кислоты (Вислиценіусъ признаетъ четыре формы ея) перейдемъ къ обозрѣнію громаднаго числа изомерныхъ глюкозъ и крамала, добытыхъ изъ растительнаго и животнаго царствъ, или отъ знакомыхъ намъ мета-лара и просто лептоновъ отъ a до c, перейдемъ вообще къ протеиновымъ тѣламъ, имя которыхъ легіонъ, а молекулярное строеніе настолько сложно и склонно измѣняться отъ наипичтожнѣйшихъ причинъ что навѣрное можно сказать никому не удалось до сихъ поръ два раза въ жизни наблюдать двѣ совершенно тождественныя порціи бѣлковиннаго вещества, а отъ этихъ послѣднихъ, обратимся наконецъ къ самой протоплазмѣ, представляющей для иныхъ аггрегатъ или складочное мѣсто всѣхъ только-что поименованныхъ веществъ, но для насъ представляющейся строго конституированнымъ цѣлымъ, составленнымъ изъ огромнаго числа сложныхъ молекулъ, столь огромнаго что даже наука не могла до сихъ поръ подвести имъ итогъ! Не правъ ли я былъ, отвѣчая утвердительно на вопросъ о существованіи въ организмахъ условій благопріятствующихъ проявленію чисто молекулярныхъ процессовъ въ вышеуказанномъ смыслѣ, т.-е. не сопровождающихся измѣненіями въ химическомъ составѣ дѣятельнаго вещества и нисколько не видоизмѣняющихъ количества его, но дѣйствіе которыхъ ограничивается простымъ передвиженіемъ молекулъ въ средѣ данной системы, соотвѣтствующей извѣстному колебанію въ содержаніи въ ней потенціальной силы.

Digitized by Google

Но если справедливы оба положенія,—первое, что вышеупомянутые молекулярные процессы дѣйствительно имѣютъ мѣсто въ природѣ, и второе, что въ организмахъ даны всѣ условія для ихъ проявленія,—то и не остается, само собой разумѣется, ничего болѣе какъ допустить что *вѣроятно* эти процессы и совершаются въ живыхъ организмахъ.

Какъ велика эта вѣроятность, судить не мнѣ, такъ какъ я слишкомъ заинтересованъ въ рѣшеніи вопроса въ утвердительномъ смыслѣ и потому умалчиваю о ней. Еще болѣе конечно причинъ на то чтобъ я воздержался ото всякаго заключенія на счетъ пригодности выраженнаго мною взгляда на сущность органической жизни въ примѣненіи къ изслѣдованію вопросовъ патологіи или по крайней мѣрѣ провѣрки ихъ, хотя долженъ сознаться что то что побудило меня къ спекулативнымъ изысканіямъ было не что иное какъ интересы патологіи,—я разумѣю необходимость составить себѣ болѣе точное и опредѣленное понятіе о самыхъ существенныхъ вопросахъ патологіи,—о томъ въ чемъ заключается сущность лихорадки, столь многими учеными изслѣдованной и до сихъ поръ между тѣмъ не приведенной въ согласіе съ господствующими въ наукѣ воззрѣніями, ибо калориметрическія изслѣдованія Сенатора доказали что далеко не существуетъ полнаго соотвѣтствія между количествомъ тепла вычисленнымъ на основаніи продуктовъ горѣнія и тѣмъ которое организмъ выдѣляетъ въ дѣйствительности, причемъ именно это послѣднее является въ избыточномъ количествѣ и намъ остается совсѣмъ неизвѣстнымъ источникъ этого избытка; далѣе о томъ какъ должны мы понимать многоразличныя конституціональныя болѣзни или дискразіи, если только дѣйствительно мы твердо и навсегда распростились съ устарѣлымъ воззрѣніемъ о существованіи неуловимой „materiae peccantis“, въ чемъ заключается и какъ объяснить чрезвычайно важный моментъ наслѣдственной передачи тѣхъ же дискразій, возможность перехода ихъ одна въ другую и тому подобныхъ многихъ и многихъ вопросахъ.

Какой выводъ въ правѣ мы сдѣлать изъ изложеннаго? Выводъ заключается въ слѣдующемъ.

Если дѣйствительно справедливо что органическая жизнь образуетъ въ природѣ нѣчто совершенно особенное и проявленія ея только связаны съ процессами физико-химически-

Digitized by Google

ми, но происхожденіемъ своимъ, сохраненіемъ и обнаруженіемъ она всецѣло обязана совершенно особенной причинѣ, такимъ образомъ что мы оказываемся въ необходимости наряду съ веществомъ и силой признать въ экономіи природы существованіе третьяго мірового агента, третьяго разряда бытія соотвѣтствующаго организаторскому, архитектоническому, цѣлепреслѣдующему началу природы, то неизбѣжно должны мы признать что это третье начало имѣетъ совершенно такія же права на неистребимость какія еще такъ недавно утвердила наука за веществомъ и физическими силами обнаруживающимися въ немъ.

Неистребимо вещество наполняющее міръ въ томъ смыслѣ что сумма его остается всегда неизмѣнною, ни одна частичка его не исчезаетъ и не прибавляется и запасъ его въ природѣ постоянно пребываетъ одинъ и тотъ же, какъ неистребимы физическія силы природы въ томъ смыслѣ что запасъ ихъ остается неизмѣннымъ, а видоизмѣняются только формы въ которыхъ онъ проявляется, совершенно въ этомъ же смыслѣ неистребима и та организаторная сущность, лораждающая жизнь въ мірѣ, которая справедливо насъ удивляетъ. Ея запасъ въ природѣ остается всегда неизмѣннымъ.

Выводъ этотъ не составляетъ впрочемъ исключительной принадлежности моего воззрѣнія на органическую жизнь. Всякая біологическая теорія, за исключеніемъ лишь отождествляющей процессъ жизни съ процессами физико-химическими, неизбѣжно должна вести къ тому же результату. Но этотъ же выводъ обусловливаетъ для біологіи цѣлую программу дѣйствія: открывая ей новые обширные горизонты онъ ставитъ ее въ необходимость окончательно доказать справедливость этого положенія, то-есть разъяснить натуру приличествующаго организаторскому началу, возобновить для молекулярнаго движенія характеризующаго органическую жизнь открытіе сдѣланное Майеромъ, когда онъ доказалъ что движеніе которое очень давно уже претерпѣло физическое тѣло не остается для природы предметомъ платоническаго воспоминанія, но выражаетъ вполнѣ опредѣленный запасъ силы, способный всякое мгновеніе обнаружить свое существованіе, но, конечно, возобновить это открытіе въ иной новой формѣ; ибо оба вида движенія, физическое и организаціонное, представляютъ двѣ существенно различныя категоріи явленій не имѣющихъ ничего общаго между собой,

Digitized by Google

а слѣдовательно выработать не только новый планъ, но и новый методъ изслѣдованія и для этого не логаушаться обратить серіозное вниманіе на самыя повидимому безразсудныя гипотезы, хотя бы онѣ превосходили въ этомъ давно позабытую гипотезу Сталя о существованіи „флогистона“, разчитывая при этомъ вовсе не на непосредственныя выгоды которыя могла бы намъ доставить та или другая гипотеза, но на новые факты къ которымъ можетъ насъ привести провѣрка такой гипотезы, что и удалось сдѣлать такимъ блестящимъ образомъ Лавуазье съ теоріей „флогистона“, словомъ, рѣшиться стряхнуть съ себя оковы наложенныя на міросозерцаніе рабскимъ поклоненіемъ химическимъ и гистологическимъ фактамъ, смѣло выйти изъ заколдованнаго круга коловращенія вещества и попытать свои силы на новомъ поприщѣ изслѣдованій, руководясь твердою вѣрой въ безграничное богатство природы и необъятность горизонтовъ приберегаемыхъ ею для взоровъ ея вѣрныхъ почитателей и смѣлыхъ изслѣдователей. Въ началѣ настоящаго строя я обѣщалъ сдѣлать устраненія недостатковъ современнаго метода изслѣдованій біологическихъ вопросовъ, не въ схемѣ предложенной мною для выраженія сущности органической жизни, но въ гипотезѣ предложенной мною для объясненія функціональныхъ жизненныхъ проявленій, вижу я главнымъ образомъ осуществленіе этой попытки. Моя главная цѣль возбудить прочное сомнѣніе въ устойчивости началъ на которыхъ зиждется современное біологическое воззрѣніе и содѣйствовать хотя бы косвеннымъ путемъ къ новымъ попыткамъ, имѣющимъ превзойти своею раціональностью ту которую рѣшился я предложить вниманію читателей.

Д. ТРИФАНОВСКІЙ.

Digitized by Google

ЦАРЕВНА ВЪ ЗЕЛЕНИ

ВПЕЧАТЛѢНІЯ ДѢТСТВА

АНДРЕЯ ТЭРІЕ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

I.

Мнѣ тогда было еще только восемь лѣтъ, и то невступно. Бо́льшую часть времени я проводилъ у дѣдушки и бабушки Пакэновъ; они занимали маленькую квартиру въ домѣ шляпника Боннетѐ. Домъ этотъ находился на одной изъ торговыхъ улицъ городка Жювиньи, рядомъ съ театромъ. Самъ шляпникъ занималъ весь нижній этажъ. Я вижу предъ собой, какъ будто все это было вчера, два выступа этого дома, раздѣлявшій ихъ узенькій дворикъ, гдѣ цвѣли бальзамины и настурціи, лѣстницу выбѣленную известкой, галлерею съ деревянными пилястрами съ которой прямо былъ ходъ въ квартиру дѣдушки и бабушки, находившуюся въ бельэтажѣ. Когда странствующая труппа давала представленія въ театрѣ, я иногда слыхалъ съ этой галлереи звуки скрипки и голоса актеровъ твердившихъ водевильные куплеты. Звуки раздавались по ту сторону толстой каменной стѣны и, слушая ихъ, я создавалъ себѣ различныя странныя представленія о театрѣ взрослыхъ людей въ которомъ видѣнныя мною на ярмаркѣ маріонетки были замѣнены живыми, настоящими актерами.

Digitized by Google

Квартира дѣдушки и бабушки Пакэновъ представляла образецъ простоты. Вы входили прямо въ кухню, порядочно закопченую, а оттуда въ очень свѣтлую столовую, окна которой смотрѣли на улицу. Столовая была оклеена сѣрыми обоями; на нихъ изображены были эпизоды отступленія французской арміи изъ Россіи: старые ворчуны-солдаты сидѣли вокругъ огня на которомъ варился супъ, гренадеры шли въ штыки на Русскихъ наряженныхъ въ остроконечные кивера, кавалеристы въ широкихъ плащахъ переправлялись длинною вереницей черезъ замерзшую рѣку. Я по цѣлымъ часамъ могъ тихо заниматься разглядываніемъ этихъ картинъ. Но моя бабушка не любила „ротозѣевъ"; она отрывала меня отъ этого дѣтскаго созерцанія и рѣзкимъ тономъ приглашала садиться подлѣ нея и читать вслухъ цѣлую страницу изъ моей книги для чтенія. Я читалъ; бабушка слѣдила вязальною иглой за строчками. Въ то время я еще не ходилъ въ школу, и на бабушку была возложена обязанность преподать мнѣ первыя основанія чтенія и письма.

Нельзя сказать чтобы моя бабушка отличалась особенною кротостью. Если я оказывался разсѣяннымъ, вязальная игла быстро покидала строки и ловко ударяла меня по пальцамъ. Бабушка была худощавая старушка, небольшаго роста, съ желчнымъ цвѣтомъ лица, со вздернутымъ носомъ и впалыми голубыми глазами строго смотрѣвшими чрезъ очки въ стальной оправѣ. Превосходная хозяйка, въ высшей степени дѣятельная и аккуратная женщина, бабушка Пакэнъ во всемъ любила порядокъ и чистоту; у нея былъ положительный, методическій умъ не допускавшій никакихъ фантазій ни во мнѣ, ни въ дѣдушкѣ. Несмотря на ея строгость я проводилъ однако прекрасныя утра въ этой небольшой комнатѣ, поджидая обѣда который неизмѣнно подавался въ полдень. Особенно пріятно и уютно бывало здѣсь зимой. Дрова тихонько трещали въ изразцовой печи; двѣ канарейки—клѣтки ихъ висѣли высоко на стѣнѣ—не умолкая заливались своими звонкими голосами; въ печи всегда варилось или пеклось какое-нибудь лакомое блюдо; перелистывая книгу съ картинками, съ наслажденіемъ вбиралъ въ себя лакомый запахъ вестійся изъ печи и по нему старался угадать какого рода сюрпризъ готовился намъ къ обѣду.

На галереѣ раздавался внезапно стукъ палки мѣрно ударявшей по полу. Вмѣстѣ съ этимъ стукомъ слышался голосъ распѣвавшій басомъ, фальшиво, но очень весело:

Digitized by Google

— Брумъ! брумъ! брумъ!

Это былъ дѣдушка возвращавшійся со своей утренней прогулки. Онъ быстро растворялъ дверь и появлялся закутаннымъ въ свой широкій плащъ каштановаго цвѣта съ металлическимъ аграфомъ и мѣховымъ воротникомъ. Съ дѣдушкой входило въ комнату что-то молодое, добродушное, веселое. Ему было тогда около шестидесяти восьми лѣтъ, но онъ остался такимъ бодрымъ и проворнымъ какимъ былъ въ тридцать. Высокій, худой, длинноногій, прямой какъ шестъ, дѣдушка не потерялъ еще ни одного изъ своихъ бѣлоснѣжныхъ волосъ, ни одного изъ своихъ свѣжихъ и здоровыхъ зубовъ. У него были красныя уши, цвѣтущій видъ лица, сѣрые смѣющіеся глаза, длинный носъ, большія красныя губы изобличавшія его добродушіе и охоту хорошо покушать. Вокругъ дѣдушки распространялась какая-то атмосфера доброты, честности, веселости. Онъ былъ со всѣми добръ, всѣмъ готовъ былъ помочь своимъ кошелькомъ и въ этомъ отношеніи представлялъ совершенную противоположность бабушкѣ которая была очень сдержана и разчетлива. Прибавьте ко всему этому откровенность и развязность военнаго человѣка, — онъ былъ при Наполеонѣ I лейтенантомъ въ драгунскомъ полку, а во время реставраціи помощникомъ инспектора лѣсовъ,—и вы получите полное представленіе о моемъ дѣдушкѣ Пакэнѣ.

Иногда, въ базарные дни, когда погода бывала хороша и дѣдушка рано возвращался домой, онъ кричалъ мнѣ изъ кухни, не снимая плаща:

— Ты, чучелка! стулай со мной гулять!

Разумѣется, я не заставлялъ просить себя два раза, и мы весело отправлялись вдвоемъ на площадь, гдѣ огородники раскладывали подъ открытымъ небомъ свою зелень, а крестьянки продавали сдобные хлѣбы и сливки. Отъ этихъ прилавковъ неслся заманчивый залахъ деревни; пріятно было его обонять. По дорогѣ мы останавливались предъ лавками продавцовъ гастрономическихъ вещей. Дѣдушка, любившій лакомо поѣсть, разсматривалъ предметы выставленные на окнахъ: шамлиньёны, сосиськи съ трюфлями, заливныя, фарши; ноздри его расширялись, губы становились влажными. Иногда, если искушеніе было уже слишкомъ сильно, онъ проталкивалъ меня въ лавку и мы выбирали здѣсь какой-нибудь лакомый кусокъ, за который дѣдушка платилъ не торгуясь.

Digitized by Google

Опасаясь однако гнѣва бабушки и не надѣясь на мой языкъ, онъ прежде чѣмъ идти домой училъ меня какъ отвѣчать на разные злокозненные вопросы; они были неизбѣжны, ибо бабушка Пакэнъ не любила экстраординарныхъ расходовъ. По возвращеніи, когда столъ былъ уже накрытъ, дѣдушка, напѣвая, развертывалъ свою локулку и клалъ ее на тарелку.

— Что это такое? спрашивала бабушка сквозь зубы и хмуря брови.—Опять роскошества?

— Я это купилъ по случаю, робко отвѣчалъ дѣдушка,— почти задаромъ.

— Задаромъ! Скажите! а сколько вы заплатили?

— Двадцать су.

— За это-то? Двадцать су? Врунъ вы, вотъ что!

— Да спросите хоть у чучелки.

И чучелку подвергали правильному допросу, который всегда оканчивался посрамленіемъ виновныхъ. Тогда начинались ворчаніе и упреки продолжавшіеся во все время обѣда и служившіе искупленіемъ за пріобрѣтенное лакомство. После скромнаго десерта, состоявшаго изъ грушъ и вишенъ завялен-ныхъ въ печи, дѣдушка закуривалъ трубку и отправлялся въ Казино читать газеты; я оставался съ глазу на глазъ съ бабушкой и со страницей бумаги которую мнѣ предстояло наполнить *палочками*. Это была наименѣе пріятная часть дня. По счастію бабушка любила играть: совершенства нѣтъ на свѣтѣ. Часу во второмъ къ ней являлись двѣ или три старыя дамы, ея сверстницы; устраивалось лото. Я пользовался внимательностью съ которою эти завзятыя картежницы слѣдили за своими картами и ставили на нумера стеклянные жетоны. Я искусно прокрадывался чрезъ полуотворенную дверь, выбирался на галлерею, а оттуда въ три прыжка спускался въ лавку моего друга-шляпника.

Я любилъ эту лавку, хотя съ перваго взгляда она, казалось, не могла представлять большой привлекательности для ребенка. Вдоль стѣнъ стояли стеклянные шкапы съ раздвижными дверцами; они были сверху до низу наполнены образцами всѣхъ употребительныхъ въ то время мужскихъ головныхъ уборовъ: высокими шляпами завернутыми въ синюю бумагу, соломенными шляпами, мягкими сѣрыми шляпами, фуражками. Послѣднія преобладали, такъ какъ локулщики Боннетѣ состояли по преимуществу изъ деревенскихъ обывателей. Тутъ были фуражки всѣхъ

Digitized by Google

цвѣтовъ и всѣхъ видовъ: плоскія, круглыя, вылуклыя, украшенныя петлями, вылутками, мѣхомъ. Въ срединѣ магазина помѣщалось большое зеркало состоявшее изъ двухъ половинъ и отражавшее въ себѣ длинные ряды головныхъ уборовъ. Налѣво отъ входной двери стояла контора, за которою сидѣли прикащица и Лиза, старшая дочь хозяина; они шили тульи и пришивали козырьки. Направо, позади цѣлой стѣны шлялъ разставленныхъ на сквозныхъ полкахъ, находилось помѣщеніе гдѣ старикъ Боннетѐ утюжилъ шляпы и велъ свои счеты за особымъ пюпитромъ. Именно въ этомъ-то уголкѣ и заключалась для меня вся прелесть лавки, ибо позади письменнаго стола находилась стеклянная этажерка наполненная книгами которыя были предоставлены въ мое свободное пользованіе. Здѣсь лежало полное собраніе сказокъ, такъ-называемый *Cabinet des fées* * и *La Bibliothèque bleue*: мнѣ оставалось только брать и читать.

Взобравшись на высокій соломенный табуретъ, уставившись локтями на пюпитръ, уткнувъ голову въ руки, я пожиралъ одинъ за другимъ эти томы, переплетенные въ бумажки съ красными и синими жилками подъ мраморъ. Покупатели являлись и уходили. Боннетѐ примѣривалъ свои фуражки на узкія дѣтскія головы и на всклоченныя головы поселянъ. Онъ вертѣлся точно одержимый бѣсомъ чтобы только повыгоднѣе продать свой товаръ; въ свою очередь покупатели торговались изъ-за каждаго су. По поводу какой-нибудь фуражки поднимались цѣлыя бури споровъ. На самомъ порогѣ дверей завязывались самые оживленные разговоры:

— Такъ это ваше послѣднее слово, господинъ Боннетѐ?

— Клянусь вамъ честью что я продаю себѣ въ убытокъ.

— Ну, вотъ что: хотите—грѣхъ пополамъ?

— Не могу. Полушки уступить не могу.

---

* Не можемъ удержаться отъ искушенія сообщить нашимъ читателямъ нѣсколько свѣдѣній о замѣчательной коллекціи сказокъ про которую упоминаетъ здѣсь Тэ́ріе. *Cabinet des fées* состоитъ изъ *тридцати семи томовъ* in 8°. Въ составъ этого изданія входятъ всѣ фантастическіе разсказы и сказки бывшіе извѣстными въ концѣ XVIII вѣка. Кромѣ собственно французскихъ легендъ и сказокъ, здѣсь помѣщены сказки: арабскія, персидскія, монгольскія, татарскія, восточныя, индусскія. *Cabinet des fées* былъ изданъ въ 1785—1786 годахъ Майеромъ, носитъ помѣтку *Amsterdam et Paris* и украшенъ прелестными рисунками Мариллье. *Примѣчаніе переводчика.*

Digitized by Google

— Ну, такъ до свиданія. До другаго раза. Тогда вы можетъ будете лосговорчивѣе.

— Ни въ жизнь!

Покупатели медленно выходили. Старикъ Боннетѣ, держась одною рукой за косякъ двери, выставлялъ за нее свою голову и глазами провожалъ удалявшихся. Когда покупатели готовились завернуть за уголъ, онъ звалъ ихъ назадъ, крича имъ отчаяннымъ голосомъ:

— Ужь такъ и быть! Берите! Даромъ отдаю!

Я машинально слышалъ сквозь чтеніе всѣ эти комическіе разговоры между продавцомъ и покупателями, но они мена нисколько не смущали. Я былъ далеко за предѣлами лавки; я путешествовалъ по волшебному царству, жилъ съ его героями, проникалъ вмѣстѣ съ Аладиномъ въ таинственные сады, гдѣ каждый цвѣтокъ былъ брилліантомъ, а каждый плодъ изумрудомъ или топазомъ. Я жилъ въ особомъ мірѣ, гдѣ цвѣты пѣли, птицы были одарены человѣческимъ языкомъ, гдѣ феи превращали человѣка въ дерево, а тыкву—въ карету, гдѣ великаны оберегали чудесные источники, изгнанныя принцессы стерегли индюшекъ, а королевскіе сыновья являлись съ охоты какъ разъ вовремя чтобы вступить въ бракъ съ этими принцессами. Это былъ *мой* міръ, міръ одинъ казавшійся мнѣ истиннымъ и прекраснымъ. Исполненный того довѣрія и уваженія къ печатной книгѣ которыя отличаютъ крестьянина и ребенка, я полагалъ что все прочитанное мною дѣйствительно случилось. Я зналъ наизусть каждый томъ стеклянной этажерки; я жилъ запросто, по-домашнему, со всѣми лицами этихъ сказокъ. Они приняли въ моемъ воображеніи такую напряженность жизни что я находился какъ бы въ галлюцинаціи и счелъ бы самымъ естественнымъ дѣломъ встрѣчу на улицѣ съ волшебникомъ или феей. Память моя была наполнена рѣчами и дѣйствіями сказочныхъ героевъ и героинь; предъ моими глазами сверкали и искрились ихъ платья цвѣта солнца и луны.

Разъ, поднявъ голову отъ книги, я внезапно увидалъ сквозь полки ослѣпительный блескъ разноцвѣтныхъ матерій на полированной дубовой конторкѣ магазина. Среди шлаваго магазина настало точно какой-то праздникъ; такъ ярко выдѣлялись здѣсь золотисто-желтыя, свѣтло-зеленыя, лиловыя и темнокрасныя ткани. Лиза и прикащица бережно брали эти шелковыя матеріи, любовались ихъ блескомъ и обшивали

Digitized by Google

ими шляпы и токи украшенные лозументами и перьями. Какая царственная особа могла заказать старику Боннете всѣ эти удивительные, необычайные головные уборы? Быть-можетъ жители земли фей, узнавъ про расположеніе шляпника къ ихъ судьбамъ, внезапно избрали его своимъ поставщикомъ?... Я рѣшился слѣзть съ моего табурета и обратиться съ разспросами къ прикащицамъ, которыя и объяснили мнѣ причину этой роскошной выставки матерій и фольги.

Въ Жювиньи явилась странствующая труппа актеровъ чтобы представлять здѣсь балеты и пантомимы. На слѣдующее воскресенье назначено было въ театрѣ первое представленіе, и директоръ труппы заказалъ ближайшему шляпнику цѣлый рядъ головныхъ уборовъ для фигурантовъ. Знаете ли вы какая піеса объявлена была для перваго дебюта? Одно названіе ея заставило меня задрожать съ ногъ до головы, когда я въ тотъ же день прочиталъ на красной афишѣ приклеенной къ стѣнѣ театра: *„Спящая Красавица*, волшебное представленіе въ семи картинахъ, съ превращеніями и совершенно новою обстановкой.“ Послѣ обѣда, бродя по галлереѣ, я различилъ (приложивъ ухо къ сосѣдней стѣнѣ) отдаленные звуки чарующей музыки, которая не имѣла ничего общаго съ мотивами куплетовъ слышанными мною до той поры. Эта музыка окончательно увлекла меня. На слѣдующее утро я устроилъ такъ чтобъ отправиться гулять вмѣстѣ съ дѣдушкой; я потащилъ его къ красной афишѣ и не далъ ему покоя пока не выманилъ отъ него обѣщанія что онъ поведетъ меня въ воскресенье въ театръ.

Самое трудное было получить согласіе бабушки. Кромѣ своего отвращенія къ излишнимъ расходамъ, она, какъ женщина очень строгая, имѣла еще множество другихъ возраженій:—не слѣдуетъ такъ рано возбуждать въ дѣтяхъ охоту къ удовольствіямъ; спектакль протянется очень долго, а дѣтямъ нужно ложиться спать вовремя; театръ слишкомъ сильно заставляетъ работать воображеніе ребенка и т. д. Пришлось вести осаду по всѣмъ правиламъ. Побѣда наконецъ осталась за нами и было рѣшено что послѣ представленія я возвращусь ночевать къ дѣдушкѣ и бабушкѣ. Вы можете представить себѣ какъ нескончаемо длинно казалось мнѣ время въ воскресенье; наконецъ насталъ вечеръ, дѣдушка надѣлъ свой плащъ и мы отправились.

Маленькая зала театра, скромно оклеенная свѣтлозеле-

Digitized by Google

ными обоями, показалась мнѣ великолѣпною съ ея двумя рядами галлерей и узкимъ партеромъ. Я любовался на люстру которая медленно спустилась сверху; ламповщики начинали зажигать одинъ за другимъ ея коптившіе рожки. Я смотрѣлъ на единственныя двѣ ложи—префекта и мера—находившіяся подлѣ авансцены, на оркестръ, гдѣ старые любители настраивали свои инструменты, и, въ особенности, на большой красный занавѣсъ, сквозь два отверстія которато чьи-то пальцы время отъ времени подавали какіе-то таинственные знаки. Мало-по-малу залъ наполнился; поднялся шумъ; капельмейстеръ махнулъ палочкой, и грянула увертюра. Сердце мое страшно билось. На сценѣ послышалось три удара и занавѣсъ поднялся.

Не буду разказывать вамъ какъ я былъ ослѣпленъ и восхищенъ видомъ всѣхъ этихъ знатныхъ лицъ и лажей одѣтыхъ въ блестящіе, яркіе костюмы. Подъ звуки тихой и мелодичной музыки начали появляться феи на воздушныхъ колесницахъ. Онѣ сходили съ облака, держа въ рукѣ палочку, дѣлали пируэтъ и одна за другою приносили свои дары новорожденной принцессѣ. Раздались угрожающіе звуки мѣдныхъ инструментовъ. Появилась старая фея которую забыли пригласить. Потрясая головой она предрекла что принцесса умретъ уколовъ руку о веретено. Послышался невидимый звонокъ, декораціи перемѣнились и открылась бѣдная комната пряхи въ которой должно было свершиться предсказаніе.

Я смотрѣлъ на сцену неподвижно вытянувъ шею. То что происходило здѣсь было для меня дѣйствительностью; все остальное болѣе не существовало или казалось мнѣ непріятнымъ и излишнимъ. Антракты были для меня невыносимы; я начиналъ жить лишь съ поднятіемъ занавѣса. Упоеніе мое достигло высшаго своего предѣла когда началось очарованіе феи и весь дворъ внезапно погрузился въ сонъ: лажи прислонились къ дверямъ, стражи опершись о свои алебарды, вереницы поварятъ замерли на одномъ мѣстѣ, все было охвачено сномъ по одному взмаху палочки. Затѣмъ въ заснувшемъ замкѣ настала тишина, кругомъ его выросли деревья, плющъ застлалъ окна. Такъ продолжалось пока не появился сынъ короля. Онъ былъ прекрасенъ какъ день и весь блисталъ въ своемъ бархатномъ платьѣ осыпанномъ стальными блестками. Принцъ медленно прошелъ по дремлющей сценѣ и

Digitized by Google

опустился на колѣна близь изголовья прекрасной принцессы, которая сейчасъ же проснулась и съ улыбкой взглянула на пришельца. Въ то же мгновеніе лажи начали потягиваться, стражи ударили о полъ своими аллебардами, поваренки быстро побѣжали далѣе; дамы начали ходить, стали взаимно поздравлять другъ друга и пустились въ танцы. За пантомимой послѣдовалъ балетъ, замелькали ноги, закружились и завертѣлись газовыя юпки... Занавѣсъ упалъ, а я все не шевелился, надѣясь что онъ опять поднимется надъ новою картиной. Дѣдушкѣ пришлось стащить меня съ моей скамьи и вывести на улицу. Дома насъ поджидала бабушка; она вязала свой чулокъ и ворчала. Весь разгорячённый я слѣпилъ разсказать ей про видѣнныя мною чудеса, но она не дала мнѣ на это времени. Въ одну минуту я уже былъ раздѣтъ и уложенъ въ постель. Я заснулъ съ трудомъ; мнѣ все казалось что я еще нахожусь въ волшебномъ царствѣ. Среди ночи я вдругъ проснулся и поднялся на своей постели услыхавъ звонъ; я раскрылъ глаза въ темнотѣ и думалъ что опять мѣняется декорація. Но это былъ только звонъ часовъ, и я снова уснулъ безмятежнымъ сномъ дѣтства.

II.

Несмотря на то что дѣдушка мой былъ въ отставкѣ, онъ сохранилъ привычки и склонности лѣсничаго. Онъ не могъ долго переносить жизнь домосѣда; не надолго удовлетворяли его и развлеченія доставляемыя клубомъ. Замкнутый въ тѣсную рамку домашней и общественной жизни онъ очевидно тосковалъ зимой по своимъ деревьямъ. Ему постоянно былъ необходимъ свѣжій воздухъ и ароматъ лѣсовъ, среди которыхъ онъ провелъ лучшіе годы своего зрѣлаго возраста. Вотъ почему онъ, немедленно послѣ своего окончательнаго поселенія въ Жювиньи, послѣшилъ пріобрѣсти въ окрестностяхъ города десятины три лѣса, гдѣ и проводилъ съ марта по ноябрь свои лучшіе дни. Разъ въ недѣлю я отправлялся вмѣстѣ съ нимъ въ этотъ лѣсъ, когда бабушка соглашалась освободить меня отъ урока.

Послѣ чтенія сказокъ въ магазинѣ шляпника эти посѣщенія лѣса были для меня величайшимъ наслажденіемъ. Начиная съ конца февраля, когда уже слышался свистъ черныхъ дроз-

Digitized by Google

довъ и желтѣли почки орѣшника въ нашемъ саду, я каждое утро спрашивалъ:

— Дѣдушка! а скоро ли мы пойдемъ въ лѣсъ?

А дѣдушка, вдыхая въ себя сырой воздухъ и смотря на землю всю размокшую послѣ оттепелей, отвѣчалъ, ложимая плечами:

— Подождемъ еще немного. Теперь еще очень плоха дорога.

Наконецъ, вечеромъ, посмотрѣвъ на то какъ сѣло солнце и справившись съ барометромъ, дѣдушка кричалъ мнѣ:

— Чучелка! завтра погода будетъ хорошая. Вставай пораньше, мы пойдемъ въ лѣсъ.

На слѣдующій день я бывалъ уже совершенно готовъ къ восьми часамъ утра. Дѣдушка укладывалъ въ большую сумку свой табакъ, садовый ножъ, хлѣбъ и ветчину для завтрака; онъ надѣвалъ блузу, гетры изъ синяго холста, кожаную фуражку—и мы отправлялись въ путь. Чрезъ полчаса мы выходили въ поле, гдѣ жаворонки уже пѣли и откуда видѣлась фіолетовая опушка лѣса.

Нашъ участокъ былъ четвертый съ лѣвой стороны. Начало его обозначалось рощею здѣсь дикою яблоней. Въ срединѣ участка стоялъ досчатый бараkъ, гдѣ была сложена печь и вырыта яма служившая погребомъ; тутъ же находилась цистерна для воды; въ случаѣ надобности здѣсь можно было стрѣлять. Предъ домикомъ помѣщался небольшой цвѣтникъ, между двумя рядами вишневыхъ деревьевъ. Затѣмъ налѣво и направо тянулся лѣсъ прорѣзанный извилистыми тропинками; осенью здѣсь ловили птицъ. Это было дѣдушкино и мое царство.

Растворивъ двери барака мы немедленно разводили огонь изъ сухихъ вѣтвей. Дѣдушка, покуривая свою трубочку, прививалъ дикій шиповникъ, обтачивалъ колья или обрывалъ вѣтки мѣшавшія ходить по тропинкамъ. Мнѣ предоставлялась полная свобода и я пускался бродить по лѣсу, который казался мнѣ необъятнымъ.

Оставаясь почти всегда одинъ въ эти долгіе и свѣтлые весенніе дни, я знакомился съ лѣсными деревьями и цвѣтами. Весь этотъ лѣсной міръ шагъ за шагомъ раскрывался предо мной; при каждомъ посѣщеніи лѣса я дѣлалъ все новыя открытія которыя приводили меня въ восторгъ. Одинъ разъ я открывалъ сережки ивы съ ихъ медвянымъ запахомъ и ты-

Digitized by Google

чинками осыпанными золотистою пылью; въ другой разъ мнѣ попадался бѣлый цвѣтокъ анемона пахнувшій миндалемъ, или же я нечаянно встрѣчалъ на кустарникѣ розовыя почки цвѣтовъ распускавшіяся на безлистныхъ еще вѣтвяхъ. Для возраста въ которомъ я тогда находился все составляетъ предметъ удивленія и восхищенія: гнѣздо птицы или осы, куколка бабочки, наростъ на дубовомъ листкѣ, посѣвъ выходящій изъ-подъ земли, плодъ завязывающійся вокругъ цвѣтка, нити паутины летающія по воздуху. Ребенокъ внезапно вступающій въ среду природы и впервые воспринимающій жаднымъ зрѣніемъ и слухомъ впечатлѣнія внѣшней жизни, такой ребенокъ испытываетъ изумленіе, внезапный страхъ и очарованія первобытнаго человѣка. Внѣшнія мои чувства раскрывались во время этого пребыванія среди лѣса. Я хотѣлъ все отвѣдать, ко всему прикоснуться. Какъ дикая коза, я жевалъ молодыя почки, на всемъ испытывалъ свои зубы, добирался до вкуса всевозможныхъ травъ, ягодъ, цвѣтовъ, стеблей. Моя гастрономическая любознательность была ненасытима, и разъ я за нее жестоко поплатился обжегши себѣ языкъ молочнымъ сокомъ обыкновенной евфорбіи, стебель которой мнѣ вздумалось пососать. Голова моя была полна исторіями про фей и волшебниковъ; я населялъ весь лѣсъ фантастическими существами. Ослѣпленный одиночествомъ, я громко вызывалъ фей приключенія которыхъ были мною прочитаны. Сидя на берегу крохотнаго пруда, окруженнаго тростникомъ и покрытаго тѣнью отъ нависшихъ надъ нимъ деревьевъ, я часто съ довѣріемъ поджидалъ ту минуту когда сюда явится фея почерпнуть воды; я надѣялся что фея эта будетъ очарована моею учтивостью и сообщитъ мнѣ какой-нибудь чудесный даръ, напримѣръ: свойство при каждомъ словѣ ронять изо рта цвѣтокъ или драгоцѣнный камень. Я мысленно умолялъ фею явиться и исполнить мою просьбу. Иногда я даже представлялъ себѣ что получилъ уже желаемый мною даръ и начиналъ громко говорить чтобъ убѣдиться не выпадетъ ли у меня изо рта нѣсколько драгоцѣнныхъ камней... Не тутъ-то было! Разсерженный этимъ обманутымъ ожиданіемъ, я топалъ тогда ногой о землю, тихонько ворча про себя:

— Дура фея!

Но въ ту же минуту мною овладѣвалъ внезапный ужасъ при мысли что оскорбленная фея можетъ наказать меня примѣрнымъ образомъ, и я безъ оглядки пускался бѣжать, самъ испугавшись моей дерзкой непочтительности.

Digitized by Google

У опушки лѣса тянулось большое поле засѣянное рожью; за нимъ шло что-то въ родѣ лапки оставленной для отдыха подъ паръ; лапка эта вся была покрыта травой и лазорникомъ, волнами переливавшимися подъ вѣтромъ; вдали, на разстояніи казавшемся мнѣ неодолимымъ, мѣстность опять поднималась въ гору и снова начинался лѣсъ. Дѣдушка называлъ этотъ дальній лѣсъ „большимъ лѣсомъ“, и одно это слово заставляло складываться въ моей головѣ цѣлый міръ таинственныхъ предположеній. Въ концѣ концовъ я вообразилъ что этотъ „большой лѣсъ“ долженъ быть дѣйствительнымъ мѣстопребываніемъ фей и очарованныхъ принцессъ, которыя пренебрегали посѣщеніемъ нашего слишкомъ скромнаго лѣска. Я проводилъ цѣлые часы смотря съ желаніемъ и страхомъ на туманныя массы дальняго лѣса въ которомъ мачтовыя деревья поднимались на извѣстныхъ разстояніяхъ точно какія-то зеленыя облака. Подъ вечеръ, когда заходящее солнце кидало длинныя тѣни, мною овладѣвало какое-то особенное, мучительное и смутное желаніе перейти черезъ поле, черезъ лапку и отправиться въ неизвѣстный дальній лѣсъ искать приключеній.

Вѣтеръ слабо колыхалъ живо; голуби, мелодично разсѣкая воздухъ крыльями, тихо двигались по небу покрытому розовыми облачками; птицы со щебетаніемъ разсаживались по вѣтвямъ на ночлегъ; на открытомъ пространствѣ появлялся иногда пастухъ, медленно гоня предъ собой стадо овецъ, тѣсно жавшихся одна къ другой. Я мечталъ о принцессѣ которая, безъ сомнѣнія, должна жить въ какомъ-нибудь очарованномъ замкѣ стоящемъ въ самой глуши этого темнаго лѣса. Я такъ долго мечталъ объ этомъ что наконецъ убѣдилъ самого себя въ дѣйствительномъ существованіи такой принцессы. Мои глаза, постоянно направленные на одну точку горизонта, стали подъ конецъ видѣть какіе-то миражи. Мнѣ казалось что я, точно какъ въ сказкѣ о *Спящей Красавицѣ*, различаю надъ вершинами деревьевъ неопредѣленныя очертанія остроконечныхъ башенъ и крышъ фантастическаго замка. Я установилъ даже всю чудесную исторію моей невидимой принцессы. Она называлась *Царевна въ зелени*. Ее называли такъ потому что она была одѣта въ зеленую шелковую тунику и носила изумрудную корону въ своихъ бѣлокурыхъ волосахъ. Злой волшебникъ, врагъ ея семьи, унесъ царевну отъ отца и матери, царя и царицы Курдистана, и

Digitized by Google

заперъ ее въ глуши лѣса, въ замкѣ, достулъ къ которому стерегли драконы и саламандры.

Начиная съ этой минуты я относилъ къ *Царевнѣ въ зелени* все что̀ случалось со мною, хорошее и дурное. Когда бабушка крѣпко журила меня за невыученный урокъ или за „навараксанную“ страницу письма, я начиналъ мечтать о томъ какъ я убѣгу изъ дома, отправлюсь отыскивать царевну и освобожу ее отъ чаръ. Планъ мой былъ уже давно готовъ. Я хотѣлъ пуститься въ путь рано утромъ. Дорогу разумѣется показалъ бы мнѣ какой-нибудь воронъ съ которымъ бы я подружился на пути, какъ это случалось со многими принцами. Благодаря услугамъ этой птицы я прибылъ бы живымъ и здоровымъ къ самому замку волшебника. Я усыпилъ бы драконовъ бросивъ имъ нѣсколько сладкихъ пирожковъ которые я отложилъ бы наканунѣ и захватилъ бы съ собою завязанными въ носовой платокъ. Потомъ я пробрался бы въ главную залу и нашелъ бы тамъ царевну золотымъ гребнемъ разчесывающую себѣ волосы.

Въ ожиданіи осуществленія этого превосходнаго проекта, я предавался пріуготовительнымъ упражненіямъ. Они должны были казаться очень странными для человѣка не посвященнаго въ дѣло и обладали свойствомъ приводить въ необычайное раздраженіе мою бабушку. Во время представленія *Спящей Красавицы* меня особенно поразила совершенная естественность и непринужденность съ которыми различные геніи слускались съ верху и подымались на верхъ, махая своими красивыми крыльями. Я сидѣлъ слишкомъ далеко отъ сцены чтобы различить проволоки служившія для производства этихъ полетовъ; меня поражали легкость и спокойствіе съ какими летали дѣйствующія лица: отъ чего это могло зависить? Отъ особой формы крыльевъ или отъ какого-нибудь особаго волшебства? Какъ бы то ни было, но послѣ этого знаменитаго вечера я по цѣлымъ часамъ учился летать. Я вырѣзалъ изъ двухъ листовъ толстой бумаги пару крыльевъ похожихъ на крылья бабочекъ; я прикалывалъ ихъ булавками къ спинѣ и снарядившись такимъ образомъ, упражнялся въ полетахъ съ трехъ первыхъ ступенекъ нашей лѣстницы. Пока дѣло шло о томъ чтобы спускаться внизъ, все шло довольно хорошо; но подниматься вверхъ—это была совсѣмъ особая статья. Тщетно подпрыгивалъ я на одномъ мѣстѣ, тщетно разбѣгался изо всей силы: законы тяготѣнія

Digitized by Google

заставляли меня тяжело уладать опять на землю. Сосѣди смотрѣли на меня изъ-за угла и ничего не понимали въ моихъ странныхъ занятіяхъ; они только пожимали плечами и не прочь были считать меня немного тронувшимся въ разсудкѣ. Сомнѣнія ихъ въ благополучномъ состояніи моего мозга увеличивались еще тѣмъ обстоятельствомъ что я громко разговаривалъ наединѣ съ самимъ собою. Я не рѣдко призывалъ крикомъ какія-то существа; случалось также что послѣ ожесточеннаго сраженія противъ старой скамьи стоявшей на дворѣ, я, весь запыхавшись, отпиралъ дверцу дровянаго сарая и, снявъ картузъ, учтиво восклицалъ:

— Не бойтесь болѣе ничего, прекрасная принцесса,— я убилъ дракона, и вы свободны....

Я только что прочелъ у шляпника сказку про *Царевну съ золотыми волосами* и выучилъ наизусть нѣкоторыя мѣста изъ нея. Меня затрудняло лишь одно: въ сказкѣ не говорилось въ какой странѣ находился замокъ этой царевны. Что если она и моя *Царевна въ зелени* были одно и то же лицо? Это очень меня безпокоило, ибо я находилъ между ними большое сходство; я охотно отдалъ бы свое ежедневное лакомство лишь бы только получить разъясненіе этого важнаго вопроса. Разъ, послѣ обѣда, когда бабушка спрашивала у меня урокъ изъ географіи, я вдругъ перебилъ ее вопросомъ:

— Бабушка! въ какой странѣ жила *Царевна съ золотыми волосами?*

Бабушка на одно мгновеніе какъ будто даже потерялась отъ изумленія. Потомъ она погрозила мнѣ своею вязальною иглой и строго посмотрѣла на меня сквозь очки.

— Будьте внимательны къ вашему уроку, сударь, и не перебивайте меня всякимъ вздоромъ.

— Да это не вздоръ, бабушка, это въ самомъ дѣлѣ было.

— Что такое было?

— А вотъ исторія съ Царевной у которой были золотые волосы.

— Это не исторія, а вздоръ отъ котораго уши вянутъ.

— Совсѣмъ не вянутъ, бабушка.... Только въ книгѣ забыли сказать гдѣ находится замокъ царевны, такъ вотъ я и думаю: нельзя ли найти это въ географіи?

— Географія не занимается такими выдумками.

— Да какъ же, бабушка, вѣдь это все напечатано въ книгѣ въ той самой гдѣ еще говорится про фей.

Digitized by Google

— Вздоръ, сударь. Никакихъ фей не существуетъ.

— Это вы говорите, бабушка, отвѣтилъ я и посмотрѣлъ на нее съ видомъ человѣка котораго не легко обмануть.

— Такъ слѣдовательно я соврала! воскликнула бабушка Пакэнъ.—Видали вы когда-нибудь фей, господинъ чучелка?

— Разумѣется видѣлъ.

— Гдѣ же это?

— А въ тотъ разъ, въ театрѣ.... И какія хорошенькія феи, въ золотыхъ и серебряныхъ платьяхъ.... Онѣ сидѣли на колесницахъ которыя везли птицы.... Я видѣлъ ихъ какъ теперь васъ вижу, бабушка.

— Скажите пожалуста!

Бабушка закрыла книгу и посмотрѣла на меня съ сердитымъ и недовѣрчивымъ выраженіемъ лица. А я смотрѣлъ на нее и думалъ самъ про себя: ужъ не фея ли она сама, только самая сердитая.

Сильно ошибаются старые люди полагающіе что они могутъ устрашить дѣтей однимъ только сердитымъ видомъ. Они не воображаютъ съ какою непочтительностью безпощадный маленькій умъ ребенка анализуетъ и обсуждаетъ въ это время ихъ самихъ.

Бабушка принялась опять за свое вязанье и обернулась ко мнѣ спиной. Вечеромъ, когда отецъ пришелъ чтобъ отвести меня домой, она сказала ему:

— Этого ребенка воспитываютъ точно язычника. Ему восемь лѣтъ; онъ долженъ бы уже знать катехизисъ, а у него голова набита одними бабьими сказками... Давно пора учить его какъ слѣдуетъ и вамъ нужно бы отвести его въ школу къ сестрамъ.

III.

Въ тотъ же вечеръ въ семействѣ нашемъ было рѣшено что настало время серіозно заняться моимъ образованіемъ и что въ слѣдующій понедѣльникъ я отправлюсь въ школу сестеръ. Рѣшеніе это не имѣло для меня ничего пріятнаго. Школа „сестеръ христіанскаго ученія“ совсѣмъ не представлялась мнѣ привлекательною; одинъ видъ странной одежды этихъ монахинь внушалъ моему дѣтскому уму непреодолимое отвращеніе. Насталъ понедѣльникъ. Послѣ обѣда бабушка положила мнѣ въ коробку двѣ тартинки съ вареньемъ и,

Digitized by Google

несмотря на всѣ мои сопротивленія, поручила дѣдушкѣ отвести меня къ „сестрамъ“. Я медленно шелъ по улицѣ, изобрѣтая различные предлоги чтобъ отдалить минуту вступленія въ школу. Внезапно я увидалъ при одномъ поворотѣ изъ переулка монахиню стоявшую на порогѣ двери.

— Вотъ сестра которая ожидаетъ насъ, сказалъ дѣдушка.

Меня взялъ страхъ. Я быстро выдернулъ мою руку изъ руки дѣдушки Пакэна, бросился изо всѣхъ силъ бѣжать и спрятался въ какой-то сарай, гдѣ и забился между двухъ тюковъ съ товаромъ. Меня вытащили оттуда съ величайшимъ трудомъ; я отбивался руками и ногами и горько плакалъ. „Сестра“ вышедшая къ намъ на встрѣчу тщетно старалась успокоить меня ласками, а дѣдушкѣ повидимому очень хотѣлось отвести меня опять домой; отчаяніе мое его тронуло. Но онъ вѣроятно опасался разгнѣвать бабушку, и дѣло кончилось тѣмъ что онъ передалъ меня съ рукъ на руки „сестрамъ“.

„Сестры христіанскаго ученія“ держали школу для дѣвочекъ; къ ней былъ присоединенъ особый классъ для мальчугановъ моего возраста. Чтобы нѣсколько приручить меня я былъ сначала оставленъ въ классѣ у сестры Алексіи, которая обучала чтенію самыхъ маленькихъ дѣвочекъ и отличалась особенною кротостью. Это пребываніе въ младшемъ классѣ, эти бѣлокурыя и розовыя головки среди которыхъ я былъ единственный мальчуганъ, пріятное и открытое лицо сестры, ея добрая улыбка и большіе голубые глаза, все это заставило меня найти школу гораздо болѣе сносною нежели я себѣ представлялъ; мнѣ уже начинало нравиться здѣсь, когда сестры, безъ сомнѣнія считая меня достаточно приученнымъ, рѣшили что я перейду въ классъ мальчиковъ, къ сестрѣ Евлогіи. Тутъ только началось для меня непріятное обученіе школьнымъ порядкамъ.

Классъ мальчиковъ находился въ нижнемъ этажѣ, въ желтой закопченной комнатѣ выходившей окномъ на улицу. Вдоль стѣнъ тянулись деревянныя скамьи на которыхъ сидѣло человѣкъ двадцать мальчиковъ; каждый изъ нихъ держалъ въ рукахъ книгу; самому старшему не было девяти лѣтъ; младшимъ было лѣтъ по шести. У стѣны противоположной окну помѣщались на возвышеніи столъ и люпитръ сестры Евлогіи; надъ ними на стѣнѣ висѣло Распятіе украшенное нѣсколькими вѣтками букса. Сестра Евлогія была

Digitized by Google

дѣвушка лѣтъ тридцати ляти, съ темнымъ цвѣтомъ лица и черными глазами строго смотрѣвшими изъ-подъ густыхъ бровей. Она имѣла мужественный и строгій голосъ, печальное выраженіе рта и порывистыя движенія. На столѣ, рядомъ съ кучею книгъ, лежала линейка и ломѣцался желѣзный *сигналъ* въ который она ударяла время отъ времени чтобы водворить въ классѣ молчаніе.

Сестра Евлогія ни на одно мгновеніе не выпускала изъ вида своихъ учениковъ, которые боялись ея какъ огня и не смѣли лошевельнуться. Эти двадцать мальчугановъ—нѣкоторые изъ нихъ были довольно неблаговоспитанны и плохо одѣты—слишкомъ рѣзко отличались отъ спокойныхъ бѣлокурыхъ дѣвочекъ моего прежняго класса чтобы не внушить мнѣ на первое время непріятнаго чувства тоски и неудовольствія. Я съ трудомъ удерживалъ слезы. Сестра Евлогія дала мнѣ въ руки Священную Исторію въ вопросахъ и отвѣтахъ, указала мнѣ мѣсто на скамьѣ, отмѣтила ногтемъ страницу которую я долженъ былъ заучить наизусть и строгимъ голосомъ велѣла мнѣ садиться.

Моимъ сосѣдомъ на скамьѣ былъ толстощекій девятилѣтній мальчикъ съ курчавою головой и съ добродушнымъ выраженіемъ лица. Онъ назывался Клодъ Бижаръ. Сосѣдъ этотъ осматривалъ меня съ удивленіемъ и любопытствомъ. Моя хорошая одежда вѣроятно внушила ему нѣкоторое уваженіе, ибо онъ любезно потѣснился чтобы дать мнѣ мѣсто и въ нѣсколькихъ словахъ прелодалъ мнѣ мѣры предосторожности необходимыя для того чтобы не разсердить весьма раздражительную сестру Евлогію. Веселость Бижара и его нескрываемый восторгъ предъ моею суконною курткой и моими ботинками немедленно расположили къ нему мое сердце. Чрезъ нѣсколько дней мы сдѣлались друзьями. Бижаръ былъ сынъ сосѣдняго столяра; онъ не имѣлъ большой склонности къ чтенію, но былъ очень ловокъ на руку и умѣлъ дѣлать множество презанимательныхъ игрушекъ. Никто лучше его не могъ превратить четырехугольный кусокъ бумаги въ „лѣтушка“, въ „лодку“, въ „корабль“. Онъ обладалъ еще однимъ искусствомъ которое повергало меня въ восторгъ и изумленіе. При помощи перочиннаго ножа и куска картона Бижаръ дѣлалъ изящныя коробочки для мухъ; коробочки эти были герметически закрыты; въ нихъ искусно продѣлывалось нѣсколько узкихъ оконъ и маленькая дверь; во время рекреаціи

Digitized by Google

Бижаръ запиралъ въ эти коробочки мухъ, и мы добросовѣстно кормили ихъ тамъ хлѣбнымъ мякишемъ. Въ свою очередь я разказывалъ ему всѣ мои исторіи про фей; Бижаръ былъ отличный слушатель, очень довѣрчивый, очень наивный, никогда не утомлявшійся. Съ нимъ я могъ давать полный просторъ моему воображенію и фантазировать безъ малѣйшей запинки. Я съ мельчайшими подробностями передавалъ ему самыя необыкновенныя сказки про геніевъ, волшебниковъ людоѣдовъ и принцессъ. Онъ слушалъ меня, полуоткрывъ ротъ, вытаращивъ глаза, почесывая себѣ голову. По временамъ мои исторіи становились до такой степени фантастическими что практическій здравый смыслъ Бижара невольно возмущался. Тогда Бижаръ отваживался представить мнѣ какое-либо тривіальное возраженіе. Возраженіе это нѣсколько затрудняло меня, но я не легко давалъ сбить себя съ толку:

— Говорятъ тебѣ что я читалъ это въ книгѣ, а книги никогда не врутъ, отвѣчалъ я Бижару.

Особенно много бесѣдовали мы про мою таинственную *Царевну въ зелени*. Я столько разказывалъ про нее Бижару что наконецъ самъ увѣровалъ въ дѣйствительное существованіе всего о чемъ я говорилъ.

— И ты ее видѣлъ, эту царевну? спрашивалъ меня Бижаръ, широко раскрывая свои глаза,—ты видѣлъ ее, Жакъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я,—не видалъ еще, но я знаю гдѣ она живетъ. Знаешь, тамъ, въ большомъ лѣсу.... Разъ вечеромъ я съ дерева видѣлъ башни ея замка, какъ теперь вижу тебя... Я какъ-нибудь пойду къ ней. Если хочешь, я возьму тебя съ собою.

По прошествіи мѣсяца мы такъ подробно обсудили этотъ предметъ что существованіе *Царевны въ зелени* не представляло болѣе сомнѣнія ни для Бижара, ни для меня. Во время ужина мы только и шептались тайкомъ про *Царевну*. Эти полусекретныя бесѣды, прелесть которыхъ еще увеличивалась стараніями избѣгнуть бдительнаго ока сестры Евлогіи, составляли одно изъ лучшихъ нашихъ развлеченій, особенно въ зимнія утра. Печь весело шумѣла и бросала розовый свѣтъ на желтую стѣну. На улицѣ слышался стукъ деревянныхъ башмаковъ проходящихъ, въ классѣ глухо гудѣли голоса учениковъ повторявшихъ свои уроки. Въ комнатѣ распространялся запахъ поджареннаго хлѣба и печеныхъ

Digitized by Google

яблоковъ; все было наполнено какою-то атмосферою клонившею ко сну, и даже сама сестра Евлогія съ трудомъ противилась этому сногворному вліянію. А я въ это время все разказывалъ, все разказывалъ:

— Замокъ, говорилъ я Бижару,—весь построенъ изъ мрамора и агата. По срединѣ зала вся покрытая зеркалами, а въ этой залѣ сидитъ царевна.

— Да, прозаически возражалъ Бижаръ,—но если у нея все такъ богато устроено, то она должна быть знатная дама и велитъ насъ выгнать когда мы явимся къ ней перепачканные въ грязи и плохо одѣтые.

— Нѣтъ, ты меня не понимаешь... Она околдована. Когда мы убьемъ драконовъ которые ее стерегутъ, она будетъ въ восторгѣ, захочетъ доказать намъ свою благодарность и оставитъ насъ обѣдать у себя.

— Что это за звѣри такіе: драконы?

— Огромные зеленые звѣри. Они дышутъ изъ ноздрей огнемъ.

— Чѣмъ же ты ихъ убьешь? У тебя даже и ножа-то нѣтъ!

— У меня есть талисманъ.... я ихъ усыплю....

Трахъ! Насъ вырвалъ изъ волшебнаго царства знакомый звукъ. Линейка сестры Евлогіи съ трескомъ улала къ нашимъ ногамъ. Въ этихъ случаяхъ слѣдовало относить линейку обратно къ сестрѣ, которая отвѣшивала вамъ по ладони полновѣсный ударъ. Мы съ ужасомъ глядѣли на роковую линейку улавшую промежду насъ. Бижаръ толкнулъ меня локтемъ:

— Она тебѣ ее кинула. Стулай.

— Нѣтъ, ты стулай, это тебѣ.

— Подите сюда оба, закричала сестра,—вотъ уже четверть часа какъ вы выводите меня изъ терпѣнія вашею болтовней. Monsieur Jacques! принесите мнѣ линейку!

Линейку пришлось нести. Сконфуженные и обробѣвшіе мы медленно направились къ столу сестры Евлогіи и я подалъ грозной наставницѣ орудіе нашей казни. Она не тронулась нашими сокрушенными лицами и мы по очереди должны были протянуть руки чтобы получить ударъ. Бижаръ отлынивалъ; онъ протягивалъ руку, потомъ отдергивалъ ее, и въ концѣ концовъ ударъ приходился ему прямо по пальцамъ; тогда онъ принимался кричать точно сова. Во мнѣ было болѣе стоицизма. Я безъ колебаній протяги-

Digitized by Google

валъ открытую руку и молча получалъ ударъ. Я подавлялъ желаніе вскрикнуть, я проглатывалъ свои слезы, но про себя обрекалъ свирѣпую сестру Евлогію всѣмъ мученіямъ знакомыхъ мнѣ волшебниковъ и фей.

Гораздо болѣе жестокимъ мученіемъ казалось мнѣ, сравнительно съ этою линейкой, заучиваніе цѣлыхъ страницъ изъ книги. Я не скрывалъ что сказки кажутся мнѣ гораздо болѣе занимательными. нежели то что заставляли меня учить здѣсь наизусть, и сестра Евлогія въ отмщеніе удваивала мои уроки. Разъ утромъ я нелочтительно отозвался про отношенія Давида къ Саулу; Бижаръ, какъ эхо, счелъ нужнымъ выразить то же мнѣніе; сестра Евлогія въ наказаніе задала намъ выучить двѣ страницы изъ исторіи Авессалома. Нужно было приготовить ихъ къ одиннадцати часамъ, въ противномъ же случаѣ оставаться въ школѣ по уходѣ остальныхъ товарищей. Было уже почти одиннадцать часовъ, а я не зналъ еще и двухъ первыхъ строкъ. Сестра Евлогія подозвала насъ къ своему столу и приказала Бижару начинать. Онъ за одинъ духъ сказалъ первыя десять строкъ, затѣмъ остановился весь запыхавшись и упорно замолчалъ. Отъ него нельзя было добиться болѣе ни одного слова.

— Ваша очередь, monsieur Jacques, сказала сестра.—Что случилось съ Авессаломомъ?

Я узналъ это въ послѣдствіи и, кляну́сь вамъ, мученія его были ничто въ сравненіи съ терзаніемъ которое я испытывалъ глядя на грозное лицо моей наставницы. Я слышалъ какъ вездѣ было одиннадцать часовъ; другіе ученики собирали свои книги и тетради и шумно выходили изъ класса; дѣдушка поджидалъ меня дома чтобъ отправиться гулять на ярмарку — она въ этотъ день была въ полномъ блескѣ, а я, какъ новый Авессаломъ, мысленно оставался прицѣпленнымъ къ книгѣ которою сестра Евлогія нервно махала предо мной, повторяя угрожающимъ тономъ:

— Что случилось съ Авессаломомъ?

Я наконецъ отвѣтилъ:

— Не знаю, милая сестра.

— А, вы не знаете, сказала сестра и закрыла книгу.—Вы останетесь здѣсь съ вашимъ другомъ Бижаромъ пока не узнаете.... А если не будете знать черезъ часъ, то останетесь безъ обѣда.

Послѣ этихъ словъ она встала, поправила свое черное

Digitized by Google

платье, вышла изъ класса и заперла насъ на замокъ. Мы съ Бижаромъ смотрѣли другъ на друга совершенно растерянные. Бижаръ кинулъ свою книгу въ потолокъ, я сдѣлалъ то же самое; потомъ мы съ бѣшенствомъ начали топтать ногами наши несчастныя книжки. Когда прошла первая минута гнѣва, практическій Бижаръ пошелъ осматривать замóкъ. Онъ былъ запертъ въ два оборота. Бижаръ возвратился ко мнѣ и убѣжденнымъ голосомъ сказалъ:

— Не позвать ли тебѣ на помощь какого-нибудь волшебника которому стоитъ только дунуть на замокъ чтобъ его отпереть? Ты съ ними въ хорошихъ отношеніяхъ... Чего бы лучше!...

Дѣйствительно, какого еще случая было ждать чтобы призвать на помощь волшебство! Только я не былъ увѣренъ что волшебство явится на помощь. Чтобы сохранить однако въ глазахъ Бижара свой авторитетъ, я съ важностію отвѣтилъ:

— Мои знакомые волшебники всѣ теперь обѣдаютъ, а за обѣдомъ имъ мѣшать нельзя.

— Да, они вотъ обѣдаютъ, со вздохомъ сказалъ Бижаръ,— имъ вотъ счастье! А мы безъ обѣда останемся.

Увы! къ довершенію горя былъ яркій солнечный іюньскій день; до насъ доносились веселые клики дѣтей игравшихъ на улицѣ, и я съ тоской думалъ о пряникахъ которые продаются на ярмаркѣ. Дѣдушка навѣрное купилъ бы мнѣ пряникъ съ миндалемъ.

— Проклятая дверь! воскликнулъ я, дергая за ручку.

— Тутъ есть окно, подсказалъ искуситель Бижаръ.—Окно не высоко.

— Я боюсь.

— Вотъ! есть чего бояться! Я и не черезъ такія лазилъ. Въ одинъ прыжокъ мы будемъ на улицѣ. Вотъ, посмотри....

Онъ влѣзъ на скамью, открылъ окно, вспрыгнулъ на подоконникъ и началъ оттуда шептать:

— Стулай! посмотри какъ легко! никто насъ не увидитъ.

Случай былъ уже слишкомъ хорошъ. Я послѣдовалъ за Бижаромъ и мы выпрыгнули на мостовую. Черезъ минуту мы шли каждый въ свою сторону, и я скоро нашелъ дѣдушку на ярмаркѣ.

Прогуливаясь по рядамъ съ лавками, я быстро забылъ про Авессалома и про сестру Евлогію. Но когда насталъ обѣдъ и я былъ посаженъ между дѣдушкой и бабушкой, мысль о

Digitized by Google

возвращеніи въ школу представилась мнѣ въ чрезвычайно мрачныхъ краскахъ. Я со страхомъ смотрѣлъ на стѣнные часы и находилъ что стрѣлки необыкновенно быстро бѣгутъ къ часу.

— Что это сегодня съ чучелкой? говорилъ дѣдушка.—Онъ ничего не ѣстъ.

— У меня немного голова болитъ, отвѣчалъ я притворничая.

— Ахъ, вздоръ какой! воскликнула бабушка. — Поскорѣе, сударь! Пора идти въ школу. Десертъ вамъ положатъ въ мѣшокъ, вы его скушаете въ классѣ.

Тщетно старался я выиграть время, отыскивая свои книги; нужно было идти. Печально смотрѣлъ я на солдатъ изображенныхъ на обояхъ. Я завидовалъ имъ, ибо они могли оставаться дома, въ обществѣ канареекъ, а мнѣ приходилось отправляться къ сестрѣ Евлогіи. Въ городѣ пробилъ часъ; я все еще былъ на нашей галлереѣ. Наконецъ я медленно побрелъ въ школу, и вошелъ въ классъ когда всѣ стояли уже подлѣ своихъ скамеекъ и читали молитву. Я началъ искать глазами Бижара. Измѣнника не было въ школѣ.

— Ахъ, вы здѣсь, monsieur Jacques, сказала сестра Евлогія, когда молитва была окончена.—Не потрудитесь ли вы разсказать какимъ образомъ вы безъ моего позволенія вышли изъ класса?

— Черезъ окно, милая сестра.

— Въ самомъ дѣлѣ! И вамъ не совѣстно? Какже вы осмѣлились точно воръ вылѣзать черезъ окно?

— Я полѣзъ за Бижаромъ, милая сестра.

— А если Бижаръ сказалъ бы вамъ: кидайся въ воду,—вы тоже бы его послушались? Я выгнала его за дверь. Ступайте и вы къ нему.

Сестра Евлогія взяла меня за руку и со срамомъ вывела въ корридоръ.

Корридоръ этотъ, широкій, сырой и темный, получалъ свѣтъ только изъ внутренняго двора. Едва глаза мои успѣли привыкнуть къ темнотѣ какъ я началъ искать ими Бижара. Корридоръ оказывался пустымъ. Сестры были въ классахъ, во всемъ домѣ только и слышался глухой шумъ голосовъ твердившихъ свои уроки. Куда могъ дѣваться Бижаръ? На одно мгновеніе я остался въ нерѣшительности, переминаясь съ ноги на ногу и не зная что мнѣ дѣлать. Клохтанье

Digitized by Google

куръ доносившееся до меня съ другой стороны двора, напомнило мнѣ что тамъ есть старая сукновальня въ которую никто не ходилъ и которая была превращена сестрами въ курятникъ. Старыя кадки и пустые ящики были свалены кучей въ этомъ темномъ сараѣ; при случаѣ тамъ можно было спрятаться такъ что начальница ничего не замѣтила бы во время своего обхода. Я на цыпочкахъ пустился впередъ, перешелъ дворъ и благополучно добрался до сукновальни.

Куры все продолжали громко кохтать. Я обратился по направленію къ курятнику и увидалъ Бижара который шарилъ тамъ и поддразнивалъ несчастныхъ птицъ какою-то щелкой.

— Перестань! сказалъ я ему шепотомъ,—сейчасъ начальница придетъ!

Онъ быстро захлопнулъ дверь курятника и посмотрѣлъ на меня, поправляя поясъ своей блузы.

— Ахъ! это ты, Жакъ, сказалъ онъ.—Ну, нечего сказать, испугалъ ты меня!

Куры начали успокоиваться. На дворѣ водворилась опять тишина.

— Тебя тоже выгнали изъ класса? спросилъ Бижаръ.

— Да.

Мы меланхолически посмотрѣли другъ на друга.

— Ну, дѣла! заговорилъ опять Бижаръ, почесывая свою курчавую голову.—Теперь сестры скажутъ нашимъ.... Я знаю что мнѣ дома достанется. Трепка мнѣ будетъ. Поэтому я и не тороплюсь домой.

Со своей стороны я не безъ замиранія сердца помышлялъ о томъ какъ примутъ меня дома. Я заранѣе представлялъ себѣ какъ раскричится бабушка, не говоря уже про то что мой отецъ былъ такъ же горячъ какъ и отецъ Бижара.

— Что же намъ дѣлать? спросилъ я.—Не можемъ же мы оставаться здѣсь до четырехъ часовъ.

— Мы можемъ отворить дверь сукновальни и пойти на ярмарку, предложилъ Бижаръ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ я,—мы можемъ встрѣтить тамъ кого-нибудь изъ нашихъ.

— Въ такомъ случаѣ пойдемъ въ лѣсъ.

— Въ лѣсъ!

Въ моемъ умѣ промелькнула свѣтлая, побѣдоносная мысль.

— Послушай, сказалъ я Бижару, смотря на него вдохно-

Digitized by Google

вѣнымъ взоромъ и хватая его за руку,—послушай! ты не боишься?

— Нѣтъ, я не боюсь. Я только хочу уйти отсюда.

— Ну, такъ пойдемъ. Пойдемъ въ большой лѣсъ. Если ты не трусъ, пойдемъ прямо въ замокъ *Царевны въ зеленомъ*. Дни большіе; теперь еще нѣтъ и двухъ часовъ. Прежде чѣмъ солнце сядетъ мы придемъ въ замокъ. Тамъ я уже беру на себя какъ въ него войти, а если мы въ него войдемъ, то намъ болѣе нечего бояться. Царевна дастъ намъ свои сокровища, мы будемъ богаче всякихъ королей, родители наши будутъ совершенно счастливы когда мы вернемся и раздѣлимъ съ ними наши богатства. Сестрамъ тогда ничего съ нами не сдѣлать и никакихъ наказаній намъ не будетъ. Согласенъ ты?

Бижаръ все еще колебался:

— Да увѣренъ ли ты что царевна насъ впуститъ?

— Совершенно увѣренъ. Впрочемъ у меня есть съ собой талисманъ.

— Дай-ка его посмотрѣть.

Я поискалъ въ карманѣ и вынулъ изъ него бѣлый камешекъ съ розовыми жилками. Я нашелъ его въ погребѣ у дѣдушки и приписывалъ ему чудодѣйственныя свойства. Видъ этого краснваго камешка, повидимому, побѣдилъ сомнѣнія Бижара. Моя увѣренность и мой энтузіазмъ устранили его послѣднія колебанія.

— Ну, такъ и быть, пойдемъ, сказалъ онъ въ полголоса.

Мы потихоньку приподняли щеколду въ двери кузнеца и очутились на улицѣ ярко освѣщенной солнцемъ.

— Теперь, воскликнулъ я съ видомъ Фердинанда Кортеса отправляющагося въ Мексику,—теперь ступай за мной и отправимся освобождать *Царевну въ зеленомъ!*

IV.

Былъ одинъ изъ самыхъ жаркихъ іюльскихъ дней. Мы выбрались въ поле. Лучи солнца почти отвѣсно падали на насъ съ безоблачнаго неба; справа и слѣва каменистыя покатости виноградниковъ также отражали на насъ жаръ; со всѣхъ сторонъ слышалось ритмическое стрекотаніе кузнечиковъ которое казалось какъ бы дрожаніемъ теплаго, коле-

Digitized by Google

блящагося воздуха. Время отъ времени надъ нашими головами пролетали стрекозы, и ихъ голубыя, красивыя крылья рѣзко вырѣзались на яркой зелени виноградниковъ. Мы не обращали никакого вниманія на жару. Мы были счастливы тѣмъ что отдѣлались отъ сестры Евлогіи и бродимъ на чистомъ воздухѣ. Все насъ занимало. Мы рвали цвѣты, бѣгали за бабочками, словомъ, предавались всему блаженству которое только можетъ испытывать школьникъ улизнувшій отъ уроковъ.

Дорога наша шла по косогору. На одномъ изъ поворотовъ до насъ донеслись острые и какъ бы прыгающіе звуки флажолета.

— Это Сезаренъ, сказалъ Бижаръ, ускоряя шагъ.—Я узнаю его флажолетъ. Вотъ позабавимся-то!

И въ самомъ дѣлѣ: пройдя еще шаговъ двадцать, мы увидали Сезарена.

Это былъ высокій парень лѣтъ около тридцати. Носильщикъ по ремеслу, онъ три четверти года ничего однако не дѣлалъ. Сезаренъ пользовался въ городкѣ Жювиньи величайшею популярностью и былъ обязанъ этимъ своему добродушію, своему самостоятельному характеру и своему эксцентричному образу жизни. Обыватели, правда, считали его за ницаго и за негодяцаго человѣка, но спускали ему множество грѣшковъ ради его безобидчивости и веселости. Главный недостатокъ Сезарена состоялъ въ тѣмъ что онъ любилъ болѣе чѣмъ нужно вино мѣстнаго производства. Едва успѣвъ заработать себѣ тридцать су складкой дровъ или переноской товаровъ, онъ оставлялъ дѣло и отправлялся посѣщать харчевни предмѣстья и бродить по солнцу. Сезаренъ загуливалъ. Онъ не лазилъ въ карманъ за словомъ и въ глаза говорилъ тогда людямъ правду съ добродушною откровенностью полупьянаго человѣка; по улицамъ раздавались его громкій смѣхъ и фіоритуры его флажолета. Истративъ послѣдній су, Сезаренъ становился угрюмымъ, нѣмымъ точно рыба и отправлялся высыпаться подъ дерево или подъ навѣсъ. На слѣдующій день онъ энергически принимался опять за трудъ и работалъ какъ лошадь, пока не набиралъ опять денегъ сколько нужно было ему чтобы нѣсколько времени болтаться ничего не дѣлая.

Итакъ, Сезаренъ стоялъ на срединѣ косогора и продолжалъ играть. Родители не пускали меня бѣгать по улицамъ; я никогда не видалъ такъ близко Сезарена и съ любопытствомъ

Digitized by Google

смотрѣлъ на него. Это былъ здоровый и сильный парень съ широкими плечами, съ краснымъ лицомъ, голубыми глазами на выкатѣ и чувственными губами, на половину скрытыми бѣлокурою бородой. Спутанные волосы густыми прядями выбивались изъ-подъ его фуражки не имѣвшей козырька; изорванная блуза позволяла видѣть еще болѣе изорванную рубашку; голыя ноги выглядывали чрезъ худые башмаки подбитые гвоздями. Бижаръ прыгалъ вокругъ него и кричалъ:

— Сезаренъ! Эй, Сезаренъ! Слой намъ лѣсенку!

Онъ пересталъ играть, отеръ свои влажныя губы рукавомъ и отвѣтилъ, широко ухмыляясь:

— Ну, чего вы пристали? Ну да, я Сезаренъ....

Онъ разказалъ намъ что идетъ собирать чернобыльникъ для аптекаря.

— Обыкновенно я толку ему травы, продолжалъ онъ,—но сегодня такая жара что я захотѣлъ выпить бутылочку.... Отъ этого никому нѣтъ вреда, а мнѣ это полезно.

И затѣмъ, внезапно взмахнувъ своимъ флажолетомъ и выпрямившись предъ нами во весь ростъ, онъ громовымъ голосомъ закричалъ:

— Лѣвое плечо впередъ, маршъ!

Сезаренъ поднесъ опять флажолетъ къ губамъ и заигралъ маршъ, отмѣчая ритмъ головой и руками. Мы отправились за нимъ и дошли такимъ образомъ до вершины косогора. Онъ все игралъ, мы послушно маршировали вслѣдъ ему. Когда мы добрались до лапень, Сезаренъ, весь запыхавшійся и побагровѣвшій, остановился подлѣ купы изъ нѣсколькихъ ивъ.

— Стой! скомандовалъ онъ.

Онъ улыбнулся во весь ротъ.

— Гуляй, ребята! прибавилъ онъ, и растянулся на травѣ.

Мы сдѣлали то же самое. Ивы защищали насъ отъ солнца; мы были очень рады находиться въ веселомъ обществѣ Сезарена. Онъ сорвалъ листъ плюща бывшаго у него подъ рукой, положилъ этотъ листъ между губъ и началъ извлекать изъ него мелодическіе звуки которые повергли насъ въ восторгъ.

Онъ повидимому гордился впечатлѣніемъ производимымъ на насъ и поочередно подражалъ пѣнію иволги, жаворонка, соловья. Мы слушали не переводя духъ; мнѣ уже начинало сдаваться что Сезаренъ волшебникъ. Не переставая свистѣть соловьемъ, онъ всталъ и направился къ ряду вишневыхъ деревьевъ, зрѣлые плоды которыхъ замѣтно выдѣлались среди зелени.

Digitized by Google

— Вишни-то шпанскія, сказалъ Сезаренъ и щелкнулъ языкомъ. Онъ посмотрѣлъ по сторонамъ, значительно подмигнулъ намъ, приложилъ палецъ къ губамъ, схватился за одно изъ вишневыхъ деревьевъ и, дѣйствуя руками и ногами, въ одно мгновеніе очутился среди вѣтвей. Здѣсь онъ сорвалъ прямо губами нѣсколько штукъ вишень и проглотилъ ихъ вмѣстѣ съ косточками. Затѣмъ, когда жажда его была удовлетворена, онъ наконецъ вспомнилъ о насъ и сорвавъ нѣсколько вѣтвей покрытыхъ зрѣлыми вишнями бросилъ ихъ намъ, повторяя своимъ веселымъ, нѣсколько хриплымъ голосомъ:

— Это вамъ, малюги! Гуляй, ребята!

Ему самому повидимому было очень весело. Онъ смѣялся и продолжалъ уплетать вишни. Мы подражали его примѣру и съ наслажденіемъ лакомились свѣжими плодами которые такъ и щелкали отдѣляясь отъ косточекъ. Мы все кричали Сезарену: еще! еще! а онъ только покачивался на деревѣ среди вѣтвей трещавшихъ подъ его тяжестью. Повидимому въ природѣ его было что-то родственное съ иволгой: сокъ вишень какъ будто возвращалъ ему голосъ, ибо вкезапно Сезаренъ защелкалъ опять соловьемъ. Мы не шевелясь сидѣли подъ нами; точно привлеченныя какими-то чарами, птицы начали виться вокругъ дерева гдѣ сидѣлъ Сезаренъ. Какихъ только тутъ не было! пѣночки, зяблики, щеглы.... А одинъ большой дроздъ съ желтымъ носомъ дошелъ до такой дерзости что прямо сѣлъ на вишневое дерево стоявшее рядомъ.

Я былъ пораженъ и въ моихъ глазахъ все это принимало уже видъ волшебнаго приключенія.

— Сезаренъ волшебникъ, шепнулъ я Бижару.—Не взять ли намъ его съ собой къ царевнѣ?

Товарищъ мой насмѣшливо подмигнулъ глазомъ:

— Вотъ тебѣ разъ! Сезарена-то вести къ царевнѣ? Да она и насъ-то выгонитъ когда увидитъ что мы привели съ собой носильщика въ худыхъ башмакахъ.

— Однако вѣдь вишни-то его.

— Его? Ври больше! Это вишни Мино Дурша, знаешь: который полотномъ въ городѣ торгуетъ.

— Такъ онъ слѣдовательно не имѣетъ права влѣзать на это дерево и рвать вишни?

— Разумѣется не имѣетъ, да и мы тоже. Если явится сторожъ, насъ задержатъ и отведутъ въ ложарный сарай.

Digitized by Google

Эти слова внезапно лишили меня всякой охоты ѣсть вишни. Пожарный сарай былъ чѣмъ-то въ родѣ арестантской, куда полиція запирала иногда бродягъ и пьяныхъ. Одна мысль быть запертымъ туда вмѣстѣ съ Сезареномъ заставила меня похолодѣть. Я не осмѣливался болѣе прикасаться къ вишнямъ и съ безпокойствомъ смотрѣлъ на равнину. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ изъ-за пригорка дѣйствительно показалась какая-то темная фигура которая быстро начала приближаться къ намъ.

— Бижаръ, прошепталъ я дрожащимъ голосомъ,—посмотри: видишь?

Бижаръ поднялъ голову, загородился рукой отъ солнца и сказалъ:

— Вижу. Идетъ человѣкъ.

— Можетъ-быть это Мино Дуршъ или сторожъ?

Сезаренъ все продолжалъ качаться на деревѣ и свистѣть соловьемъ; человѣкъ все продолжалъ приближаться и очевидно шелъ прямо къ намъ. Бижаръ схватилъ меня за руку:

— Это сторожъ!. сказалъ онъ измѣнившимся голосомъ.—Я вижу какъ блеститъ на солцѣ его бляха. Побѣжимъ!

— А какъ же Сезаренъ?

— Это ужь его дѣло... Бѣги, а не то придется сидѣть въ пожарномъ сараѣ!

Бижаръ уже пустился бѣжать; я рѣшился бѣжать за нимъ. Но мнѣ все-таки было жаль Сезарена и я закричалъ ему изо всей силы:

— Сезаренъ! сторожъ идетъ!

И съ этими словами я бросился догонять Бижара который какъ стрѣла летѣлъ по равнинѣ.

Такимъ образомъ мы бѣжали добрыхъ четверть часа и все прямикомъ. Поля ржи и овса, лашни, травы, лапортники доходившіе намъ почти до лояса, ничто насъ не останавливало. Наконецъ, запыхавшись, всѣ мокрые и не слыша подъ собою ногъ, мы прикорнули за кустомъ чтобы перевести духъ. Черезъ мгновеніе я рѣшился выглянуть и осмотрѣться. Ивы, вишневыя деревья и сторожъ исчезли, а кругомъ все было пусто. Позади насъ тянулась равнина насколько можно было окинуть глазомъ; налѣво высилась на горизонтѣ колокольня деревенской церкви; не лодалеку вилась стая голубей. Надъ нашими головами жаворонки съ пѣніемъ поднимались все выше и выше къ синему небу, точно

Digitized by Google

имъ хотѣлось долѣе докупаться въ золотистыхъ лучахъ заходящаго солнца. Предъ нами, шагахъ во ста, поднималась, точно зеленая стѣна, опушка большаго лѣса. Мы могли различить ровъ поросшій высокою травой и отдѣлявшій лѣсъ отъ равнины. По ту сторону вала стояли на ровныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, точно часовые, бѣлые стволы буковыхъ деревьевъ посаженныхъ на границѣ лѣса. Между двухъ сѣрыхъ каменныхъ столбовъ, окутанныхъ плющемъ, открывалась, почти прямо противъ насъ, длинная просѣка, таинственно уходившая въ самую глубь.

Такъ вотъ онъ, этотъ заколдованный лѣсъ, думалъ я, глядя въ зеленую чащу, свѣжая тѣнь которой имѣла что-то манящее. Вѣтви тихо склонялись подъ вечернимъ вѣтеркомъ и какъ будто дѣлали намъ какіе-то знаки. И въ то же время сердце мое билось при одной мысли войти въ этотъ незнакомый лѣсъ. Развязка исторіи съ вишнями сдѣлала меня болѣе благоразумнымъ, и я не безъ смущенія ломышлялъ о томъ какъ мнѣ найти замокъ царевны. Меня успокоивало одно: въ моихъ сказкахъ всегда являлась въ нужную минуту какая-нибудь благодѣтельная птица или добрая фея; онѣ показывали дорогу и вручали волшебный перстень или очарованное яйцо, при помощи которыхъ можно было преодолѣть всѣ препятствія. Но даже допустивъ что мы нашли бы замокъ царевны, что̀ мнѣ было дѣлать чтобъ убить дракона? Видъ Бижара—онъ преспокойно срѣзалъ себѣ ножомъ палку—возвратилъ мнѣ мою увѣренность, и я сказалъ ему:

— Вотъ лѣсъ гдѣ живетъ царевна.

— Ну что̀ же, отвѣтилъ онъ съ хладнокровіемъ которое меня изумило,—вотъ и прекрасно. Мы значитъ послѣмъ какъ разъ вовремя.

— Береги палку, прибавилъ я,—она намъ сейчасъ понадобится.

Бижаръ положилъ свой ножъ обратно въ карманъ, помахалъ по воздуху палкой, и чрезъ нѣсколько мгновеній мы вступили въ просѣку. Едва успѣли мы сдѣлать по ней шаговъ двадцать, какъ намъ снова пришлось остановиться: такъ были мы поражены открывшеюся предъ нами картиной.

И дѣйствительно: я никогда еще не видалъ ничего болѣе прекраснаго и величественнаго. Направо и налѣво громадныя мачтовыя деревья образовали вдоль просѣки родъ колоннады

Digitized by Google

шись какъ два пѣтуха и смотря изподлобья другъ на друга. Бижаръ не могъ простить мнѣ гибели обоихъ яицъ.

— Я больше не стану играть, ворчалъ онъ.—Будетъ. Я пойду домой. Тамъ мнѣ по крайней мѣрѣ поужинать дадутъ.

— Да кстати ужъ и выдерутъ, возразилъ я иронически.

Бижаръ задумался. Я видѣлъ что онъ колеблется и, чтобы совсѣмъ склонить его на свою сторону, отдалъ ему обѣ тартинки. Онъ проглотилъ ихъ въ два глотка.

— Ну, заговорилъ онъ, отирая себѣ ротъ рукой,—теперь нечего мѣшкать, гдѣ дорога къ твоей царевнѣ?

Неудачный опытъ надъ яйцами нѣсколько охладилъ мой энтузіазмъ. Я рисковалъ однако потерять всякій авторитетъ въ глазахъ Бижара и поэтому рѣшился дѣйствовать на удалую. Съ торжественнымъ видомъ протянулъ я руку въ томъ направленіи гдѣ садилось солнце и важно сказалъ:

— Вотъ дорога. Пойдемъ.

V.

Мы все шли и шли, а между тѣмъ никакъ не могли добраться до конца просѣки. Тамъ гдѣ еще такъ недавно яркое зарево заката освѣщало край лѣса, виднѣлись теперь облачка переходившія изъ розовыхъ въ оранжевыя, потомъ въ блѣдно-лиловыя. Между облаками, становившимися все болѣе и болѣе безцвѣтными, небо принимало водяно-зеленоватый оттѣнокъ, и первая звѣздочка сверкнула уже, какъ серебряная блестка. Подъ деревьями насталъ совершенный мракъ. Въ самой просѣкѣ предметы становились трудно различимыми.

— Скоро ли мы придемъ? плаксивымъ голосомъ сказалъ Бижаръ, волоча ноги.

— Чрезъ четверть часа, отвѣтилъ я на угадъ.

Я еще пытался храбриться, но безпокойство мое все увеличивалось. Суровый видъ принимаемый лѣсомъ въ сумерки наполнялъ меня тайнымъ ужасомъ. Дни были такъ длинны что ночь, казалось мнѣ, никогда не можетъ настать; по крайней мѣрѣ я надѣялся что какое-нибудь пріятное приключеніе сюрпризомъ случится съ нами до наступленія темноты. Но ничего особеннаго не случалось, и я начиналъ сознавать всю тяжесть отвѣтственности которую я взялъ на себя, заманивъ Бижара въ большой лѣсъ. Къ тому же обувь

Digitized by Google

моя не была разчитана на долгую ходьбу; ноги мои ослабли и заставляли меня жестоко страдать. Восклицаніе моего товарища вывело меня изъ моихъ горестныхъ размышленій. Я поднялъ голову: мы стояли на перекресткѣ въ формѣ звѣзды. Пять тропинокъ лучеобразно шли отсюда въ разныя стороны въ глубь лѣса.

— По какой тропинкѣ нужно идти? спросилъ Бижаръ сердитымъ голосомъ.

Я былъ совсѣмъ озадаченъ и смотрѣлъ на эти тропинки совершенно не зная что дѣлать. Наугадъ я указалъ на одну тропинку шедшую налѣво.

— Кажется нужно идти по этой, сказалъ я.

— Какъ же это? *Кажется!* воскликнулъ онъ сердито.—Ты слѣдовательно не знаешь навѣрное? Ты слѣдовательно не знаешь дороги?

— Нѣтъ, знаю, отвѣтилъ я, содрагаясь внутренно.—Нужно идти по этой тропинкѣ.

Я не угадалъ. Чѣмъ болѣе мы подвигались, тѣмъ уже и глуше становилась эта проклятая тропинка. Луна еще не вставала; въ лѣсу было такъ темно что мы ничего не видали въ двухъ шагахъ предъ собою. Въ довершеніе неблагополучія мы вдругъ услышали вдали, въ глубинѣ лѣса, жалобный и долгій крикъ. Это былъ крикъ филина, похожій на плачъ ребенка. Я никогда не бывалъ въ лѣсу въ такое время и слѣдовательно не могъ отдать себѣ отчета въ этомъ страшномъ звукѣ. Дрожь пробѣжала по моему тѣлу; въ горлѣ пересохло. Бижаръ жался ко мнѣ и уцѣпился за мою руку.

— Я боюсь! кричалъ онъ слезливымъ голосомъ.—Гдѣ замокъ? Куда ты меня ведешь? Я хочу вернуться!... Я хочу домой!...

Домой! Какъ хорошо было теперь дома! Я въ эту минуту промѣнялъ бы всѣхъ фей и всѣхъ царевенъ чтобы только сидѣть въ маленькой столовой моего дѣдушки Пакэна, подъ клѣткой съ канарейками, среди французской гвардіи изображенной на обояхъ. Днемъ я почти не думалъ о домѣ среди волненій и удовольствій сопровождавшихъ нашъ побѣгъ изъ школы. Теперь мной овладѣвали воспоминанія о нашихъ мирныхъ семейныхъ ужинахъ и острыя угрызенія совѣсти по поводу моего предосудительнаго поведенія. Я представлялъ себѣ безпокойство въ которомъ несомнѣнно должны были находиться мои родители вслѣдствіе моего исчезновенія;

Digitized by Google

мнѣ казалось что я слышу какъ кричитъ бабушка и какъ горюетъ мой добрый дѣдушка. Чѣмъ болѣе думалъ я обо всемъ этомъ, тѣмъ тяжелѣе становилось у меня на душѣ. Глядя на темный, страшный лѣсъ, прислушиваясь къ подозрительному шуму раздававшемуся по сторонамъ, я съ глубокимъ горемъ думалъ о комнаткѣ въ которой стоитъ подъ голубыми занавѣсками моя маленькая, уютная и мягкая кровать, и.... и вдругъ залился слезами.

— Мы погибли! рыдая сказалъ я Бижару,—погибли какъ Мальчикъ съ пальчикъ!

Вѣроятно Бижаръ мучился тѣми же угрызеніями совѣсти и тѣми же сожалѣніями, ибо онъ разревѣлся въ свою очередь. Мы нѣсколько времени стояли, держа другъ друга за руки, и горько плакали. Филинъ между тѣмъ все продолжалъ время отъ времени испускать свои жалобные крики, которые заставляли всю кровь стынуть въ нашихъ жилахъ.

— Это волки, всхлипывая говорилъ Бижаръ.—Что мы будемъ дѣлать если они придутъ? Они ѣдятъ людей когда бываютъ голодны....

Я былъ ни живъ, ни мертвъ. Подумавъ минуту я сказалъ Бижару:

— Влѣземъ на дерево. Ты умѣешь лазить?

— Умѣю.... днемъ, когда свѣтло, отвѣтилъ мой товарищъ. Онъ былъ отчаянный разоритель птичьихъ гнѣздъ.

Среди всѣхъ нашихъ страховъ я все-таки припоминалъ вычитанное мною въ книгахъ. Исторія о *Мальчикѣ съ пальчикъ* подала мнѣ мысль воспользоваться талантомъ Бижара, хотя мнѣ очень было страшно оставаться одному лока онъ будетъ на деревѣ.

— Послушай, сказалъ я,—если ты влѣзешь на дерево, ты можетъ-быть увидишь гдѣ-нибудь свѣтъ. Мы пойдемъ въ ту сторону и попросимъ чтобы насъ пустили переночевать. Попробуй,—прибавилъ я заискивающимъ голосомъ,—только не оставайся тамъ слишкомъ долго!

Совѣтъ мой вѣроятно показался Бижару благоразумнымъ, ибо онъ рѣшился ему послѣдовать. Изслѣдовавъ ощупью нѣсколько деревьевъ, Бижаръ выбралъ наконецъ одно не слишкомъ толстое и достаточно высокое. Онъ храбро поплевалъ себѣ въ руки и полѣзъ. Притаившись въ травѣ я изо всѣхъ силъ напрягалъ зрѣніе чтобы слѣдить за Бижаромъ, но ничего не могъ различить и былъ принужденъ судить объ успѣ-

Digitized by Google

хѣ его усилій лишь по шуму который производили его каблуки о кору дерева.

Чрезъ нѣсколько мгновеній, показавшихся мнѣ нескончаемыми, изъ темной вершины дерева раздался голосъ моего товарища.

— Какъ, говорилъ онъ,—я вижу свѣтъ... вотъ тамъ... вдали.

— Послушай, кричалъ я ему въ свою очередь,—замѣть хорошенько съ какой стороны онъ свѣтитъ и поскорѣе слѣзай. Мы въ ту сторону и пойдемъ.

Вслѣдъ затѣмъ я услышалъ какъ онъ спускается съ дерева. Несчастный летѣлъ внизъ быстрѣе нежели ему хотѣлось и оставилъ на деревѣ большой кусокъ отъ своихъ панталонъ. Когда Бижаръ очутился подлѣ меня, я началъ спрашивать его о направленіи въ которомъ онъ видѣлъ свѣтъ, но Бижаръ не могъ ориентироваться.

Тутъ только узналъ я все различіе существующее между повзіей и дѣйствительностью. Въ сказкѣ — Мальчикъ съ пальчикъ легко находилъ огонекъ который онъ видѣлъ съ дерева. На практикѣ дѣло выходило гораздо затруднительнѣе. Бижаръ увѣрялъ впрочемъ что свѣтъ долженъ находиться въ концѣ тропинки, и мы рѣшились идти въ эту сторону. Мы шли прижавшись другъ ко другу, безпрестанно спотыкаясь о корни, вздрагивая при малѣйшемъ шелестѣ листьевъ. Наконецъ мы достигли мѣста гдѣ лѣсъ образовалъ прогалину, и я внезапно замѣтилъ сквозь листья свѣтъ видѣнный Бижаромъ съ верхушки дерева.

Лѣсъ былъ въ этомъ мѣстѣ вырубленъ и можно было видѣть далеко впередъ по нѣсколько покатой полянѣ, на которой еще подымалось по мѣстамъ нѣсколько одинокихъ старыхъ деревьевъ. На опредѣленныхъ разстояніяхъ на полянѣ были разставлены столы расплепленныхъ бревенъ; довольно далеко за ними пылалъ огонь, на яркомъ фонѣ котораго рѣзко выдѣлялись предметы. Это не былъ дрожащій, блѣдный свѣтъ свѣчи или лампы, но яркое красное сіяніе какое вырывается изъ устья большой печи. По мѣрѣ того какъ мы приближались свѣтъ какъ будто размножался, и мы скоро могли различить три или четыре свѣтящіеся очага, вокругъ которыхъ двигались какія-то странныя фигуры, совершенно какъ китайскія тѣни. Въ то же время въ воздухѣ послышался ѣдкій запахъ дыма.

Мы остановились въ нерѣшительности; намъ что-то становилось страшно.

Digitized by Google

— Можетъ это людоѣды которые жарятъ человѣческое мясо! сказалъ я шепотомъ Бижару, хватая его за руку.

— Отвяжись ты съ твоими людоѣдами! возразилъ съ нетерпѣніемъ мой товарищъ.—Это просто дровосѣки варятъ себѣ ужинъ. Я ихъ видѣлъ разъ когда мы ходили съ отцомъ покупать лѣсъ на рубкѣ. Слушай! вотъ кто-то поетъ...

И въ самомъ дѣлѣ до насъ долетали слова пѣсни которую медленно распѣвалъ какой-то сильный мужской голосъ. Не знаю почему, но пѣсня эта возвратила мнѣ опять довѣріе. Въ ней говорилось про „царевну прекрасную какъ день“ и мнѣ казалось что это могла быть только моя *Царевна въ зелени*.

— Пойдемъ къ нимъ, сказалъ я Бижару.

Мы направились къ огнямъ и очутились среди угольщиковъ. Они сидѣли не подалеку отъ своихъ печей, вокругъ костра на которомъ варилась похлебка.

— Кто тамъ? закричалъ тотъ который пѣлъ пѣсню.

— Не трогайте насъ пожалуста, сказалъ я снимая фуражку и подходя къ нимъ.—Мы заблудились въ лѣсу и очень устали. Позвольте намъ сѣсть подлѣ вашего огня.

— Э! да это мальчуганы изъ города, воскликнулъ старикъ который вѣроятно былъ старостой.—Ловко они по лѣсу одежу свою отрепали! Садитесь, мальцы, не съѣдимъ васъ. Голодъ-то васъ поди разбираетъ?

— Да, сказалъ Бижаръ и со вздохомъ опустился на пустой мѣшокъ.

— Картофель ужь вѣрно сварился, продолжалъ староста Захарій,—дай имъ каждому по чашкѣ, да отрушь имъ хлѣба.

Захарій приподнялъ крышку котла и далъ намъ по чашкѣ похлебки и по куску хлѣба. Бижаръ принялся ѣсть такъ что у него за ушами трещало. Мнѣ тоже очень хотѣлось ѣсть, но я останавливался послѣ каждаго глотка чтобы разсмотрѣть нашихъ хозяевъ. Ихъ высокія, худощавыя фигуры покрытыя угольною пылью, изъ-подъ которой глаза горѣли особымъ блескомъ, внушали мнѣ какое-то смутное безпокойство, и я съ недовѣрчивостью прикасался къ предложенной мнѣ пищѣ. Единственнымъ напиткомъ была свѣжая вода налитая въ большой глиняный кувшинъ, къ горлышку котораго каждый прикладывалъ свои губы. Когда очередь дошла до меня, мнѣ стало непріятно пить изъ этого горлышка: къ нему прикоснулось уже столько влажныхъ черныхъ ртовъ.

Digitized by Google

— Не ломайся, малый, иронически крикнулъ мнѣ Захарій.— Пей себѣ на здоровье. Мы, братецъ, не гарпивые.

Эти шутки еще болѣе увеличивали мое смущеніе.

— Ну-ка, ребята, заговорилъ опять староста,—сказывайте-ка, что вы дѣлали въ лѣсу въ такіе часы?

— Мы кое-кого искали, уклончиво отвѣтилъ я.

— Да, прибавилъ Бижаръ съ оттѣнкомъ недовѣрія въ голосѣ,—мы искали *Царевну въ зелени*. Вы не знаете гдѣ она живетъ?

Угольщики посмотрѣли другъ на друга съ улыбкой которая показалась мнѣ странною.

— Вы сейчасъ пѣли про какую-то царевну, наивно спросилъ я у того который пѣлъ.—Можетъ это она самая. Знаете вы ее?

— Знаю, отвѣтилъ угольщикъ и покатился со смѣха.

— Ахъ! гдѣ же она живетъ?

— У меня въ глазу, важно отвѣтилъ онъ и притронулся пальцемъ къ вѣкамъ.

Я смотрѣлъ на него съ растеряннымъ видомъ, стараясь понять его слова.

Угольщики сохраняли такое серіозное выраженіе что я началъ подозрѣвать существованіе какой-нибудь страшной тайны и не осмѣлился произнести болѣе ни одного слова.

Между тѣмъ староста осыпалъ насъ вопросами. Онъ хотѣлъ знать откуда мы и кто мы. Бижаръ совсѣмъ спалъ и едва могъ отвѣчать среди зѣвоты. Я былъ остороженъ и мало говорилъ.

— Я знаю теперь что это такое, сказалъ староста.—Это двое мальчугановъ которые убѣжали изъ школы и не смѣютъ показаться домой чтобъ ихъ тамъ не высѣкли. Завтра утромъ мы съ ними потолкуемъ; теперь отъ нихъ ничего не добьешься, они совсѣмъ спятъ. Постелите имъ постель изъ мѣшковъ... травы положите... они уснутъ такъ что чудо.

И дѣйствительно, угольщики положили намъ подъ навѣсомъ нѣсколько охапокъ травы которыя покрыли пустыми мѣшками изъ-подъ угольевъ. Мы легли. Бижаръ сейчасъ же уснулъ. Я лежалъ съ полузакрытыми глазами, посматривая на звѣзды. Угольщикъ опять затянулъ свою пѣсню. Оказывалось что царевна вдругъ умерла и что ее схоронили въ саду подъ кустомъ лилій. Эта грустная пѣсня съ ея меланхолическимъ напѣвомъ усыпляла меня, но не увеличивала моего довѣрія.

Digitized by Google

Наконецъ я задремалъ. Не знаю сколько времени продолжался мой сонъ, какъ меня вдругъ пробудило непривычное мнѣ ощущеніе свѣжести. Вѣроятно была уже поздняя ночь, ибо послѣдняя четверть луны высоко стояла надъ деревьями. Открывъ глаза и не вполнѣ сознавая еще гдѣ я нахожусь, я вдругъ услышалъ звукъ голосовъ не подалеку отъ навѣса и различилъ фигуру старосты-угольщика разговаривавшаго съ какимъ-то неизвѣстнымъ человѣкомъ страннаго вида.

Это былъ человѣкъ огромнаго роста, худой какъ палка. За плечомъ у него висѣло длинное ружье. Онъ былъ одѣтъ въ козлиныя шкуры. На головѣ у него была скомканная и худая шляпа, а ноги были обернуты въ листья лапортника вѣроятно для того чтобы заглушать шумъ шаговъ.

Угольщикъ и незнакомецъ говорили между собой въ полголоса, но въ тишинѣ ночи можно было совершенно отчетливо слышать ихъ слова. Я началъ прислушиваться и услышалъ слѣдующій разговоръ:

— Гдѣ они? спрашивалъ человѣкъ съ ногами обернутыми въ лапортникъ.

— Подъ навѣсомъ, въ травѣ, отвѣчалъ угольщикъ.

Подъ навѣсомъ! Разумѣется дѣло шло о насъ. Я сталъ еще внимательнѣе.

— Ладно, нужно будетъ покончить съ ними нынче ночью чтобы какъ-нибудь не узнали лѣсные сторожа. Есть у тебя хорошій ножъ?

— Есть. Захарій вчера наточилъ его какъ бритву. Четыре ноги ты отнесешь въ деревню, а остальное мы себѣ оставимъ. Сваримъ похлебку.

Я чувствовалъ какъ волоса мои вставали дыбомъ. Рѣшительно, это были людоѣды, какъ я опасался съ перваго же раза. Теперь они хотѣли ни болѣе и ни менѣе какъ разрубить насъ на части. Угольщикъ заговорилъ опять:

— Прежде чѣмъ за дѣло браться зайдемъ ко мнѣ выпить рюмочку. Послѣ водки силы-то у тебя прибавится.

Они обогнули вокругъ печей и вошли въ хижину стоявшую на другомъ концѣ рабочей площади. Едва успѣли они скрыться, какъ я принялся расталкивать Бижара который спалъ точно убитый. Наконецъ онъ проснулся.

— Ну что тамъ еще? заговорилъ онъ потягиваясь.—Что случилось?

— Говори тише, прошепталъ я ему задыхающимся голо-

Digitized by Google

сомъ.—Случилось то что мы попали къ людоѣдамъ и что они хотятъ насъ съѣсть.

— Надоѣлъ ты мнѣ съ твоими людоѣдами, сказалъ онъ и опять повернулся на бокъ.—Ты все вздоръ мелешь, оставь меня спать.

Но я настаивалъ на своемъ и чтобъ убѣдить Бижара разсказалъ ему слышанный мной разговоръ угольщика съ высокимъ человѣкомъ. Это подѣйствовало.

— Они разбойники, сказалъ онъ, сѣлъ на своей постелѣ и вдругъ залаялъ.

— Слезами тутъ не поможешь, энергично возразилъ я.—Нужно пользоваться тѣмъ что они насъ не видятъ. Мы можемъ пробраться за эти склады бревенъ и оттуда добраться до лѣса. Побѣжимъ скорѣе!

Я поднялъ его на ноги, взялъ его за руку, и мы оба, согнувшись, выбрались изъ-подъ навѣса и проскользнули въ высокую траву, совсѣмъ мокрую отъ росы. Мы двигались почти на четверенькахъ, сдерживая дыханіе и выбирая по преимуществу мѣста поросшія травой для того чтобы не слышно было нашихъ шаговъ. Мы безпрестанно кололи себѣ руки о терній и о колючки, но страхъ мѣшалъ намъ быть разборчивыми. Наконецъ мы безпрепятственно достигли опушки и только тутъ выпрямились во весь ростъ. Я обернулся назадъ. На полянѣ вырѣзались черныя массы шести угольныхъ печей испещренныя красными огненными точками. Узкій серпъ луны насмѣшливо смотрѣлъ на насъ промежду двухъ деревьевъ.

— Они ничего не видали, сказалъ я Бижару.—Теперь пролустимся бѣжать.

VI.

Въ концѣ іюня ночи коротки. Мы не пробыли въ лѣсу одного часа, какъ заря начала уже освѣщать небо между высокими вѣтвями буковыхъ деревьевъ, а птицы проснулись и начали щебетать. Ни я, ни Бижаръ не говорили ни слова. Мы все шли, отеломленные страхомъ и внезапнымъ пробужденіемъ. Я чувствовалъ себя совсѣмъ разбитымъ и посматривая на Бижара, угадывалъ по его надутому лицу какъ онъ сердитъ на меня. Мало-по-малу деревья стали рѣже и мы опять вышли на опушку. Какъ будто сговорившись, но все еще не открывая рта, мы опустились на мохъ

Digitized by Google

ростій по слуску рва и, молча покачивая колѣнями, начали размышлять о нашемъ печальномъ положеніи. Ночная неудача сильно охладила мое рвеніе къ поискамъ *Царевны изъ зелени*. Съ другой стороны перспектива возвращенія въ Жювиньи послѣ нашего побѣга не заключала въ себѣ ничего пріятнаго. Убѣжавъ изъ класса сестры Евлогіи и изъ родительскаго дома я воображалъ себѣ что совершилъ одно изъ тѣхъ непростительныхъ преступленій послѣ которыхъ остается только отчаиваться въ милосердіи Бога и людей. Еслибы дѣло шло объ одномъ только дѣдушкѣ, то я не имѣлъ бы подобныхъ сомнѣній; этотъ добрый человѣкъ слишкомъ любилъ меня и встрѣтилъ бы меня съ распростертыми объятіями. Но кромѣ него у меня были еще бабушка и отецъ; я представлялъ себѣ какъ сердито они примутъ меня и какъ строго накажутъ. Я видѣлъ себя запертымъ въ тѣсномъ чуланѣ и посаженнымъ на хлѣбъ и на воду въ продолженіи цѣлаго года. Одна мысль о такомъ наказаніи нисколько не располагала къ возвращенію домой. Да еще гдѣ находился нашъ домъ? Наши путешествія взадъ и впередъ по лѣсу совершенно уничтожили во мнѣ ясное представленіе о мѣстности и, со свойственною дѣтямъ склонностью къ преувеличенію, я уже представлялъ себѣ нашъ городокъ гдѣ-то далеко, далеко.

Мнѣ совершенно незнакомо было то мѣсто гдѣ мы находились. Подъ нашими ногами распаханное поле спускалось до глубокой лощины, по дну которой вѣроятно протекалъ ручей, ибо изъ нея поднималась полоска тумана скрывавшая конецъ долины. Напротивъ былъ холмъ покрытый виноградниками; надъ нашими головами, въ свѣтломъ голубомъ воздухѣ, уже раздавались пѣсни жаворонковъ. Гдѣ-то вдали пробило пять часовъ. Солнце, совсѣмъ красное, вышло изъ-за виноградниковъ орошенныхъ росою. Лучи его скользнули по туману который вдругъ засеребрился, разорвался, распался на небольшіе бѣлые клочья и наконецъ совсѣмъ разсѣялся. Предъ нами открылись сверкающій ручей, поля покрытыя послѣвшимъ жнивомъ, деревня расположенная у входа въ лощину. Оконныя стекла блестѣли и казались совершенно розовыми. Запѣлъ пѣтухъ; рожокъ пастуха раздался по улицамъ деревни и ему стало вторить мычаніе коровъ изнутри стойлъ.

Это свѣтлое солнце, цвѣтущіе луга, пѣніе жаворонковъ, весь этотъ шумъ пробуждающагося дня придали мнѣ нѣсколько

Digitized by Google

бодрости. Мрачное настроеніе которое я чувствовалъ въ самомъ себѣ разсѣялось въ свою очередь; мнѣ казалось невозможнымъ чтобъ это прекрасное утро не вознаградило насъ наконецъ хотя бы чѣмъ-нибудь пріятнымъ.

— Бижаръ, сказалъ я робко,—ты развѣ на меня сердишься?

Онъ только зашевелилъ плечами.

— Ты мнѣ надоѣдаешь, проворчалъ онъ.—Да, я на тебя сердитъ и очень сожалѣю что тебя послушался. Вся эта исторія про фей—одно вранье, и я дуракъ что тебѣ повѣрилъ. Хорошо занятіе! все бѣгать по колючкамъ, не поѣсть какъ слѣдуетъ, не выспаться, — благодарю покорно! Теперь мнѣ только одного хочется: вернуться домой.

Я началъ доказывать Бижару что встрѣча которая ожидаетъ насъ дома не имѣетъ ничего привлекательнаго, и безъ труда убѣдилъ его въ этомъ. Замѣтивъ что онъ задумался, я началъ дѣлать намеки на то что быть-можетъ мы лучше сдѣлаемъ если будемъ продолжать начатыя приключенія и отдадимся подъ покровительство лѣсныхъ фей. Но эта мысль только возбудила опять гнѣвъ Бижара.

— Отстань отъ меня съ твоими феями! воскликнулъ онъ.—Еслибъ у нихъ было хотя на каплю доброты, то онѣ послали бы намъ теперь хорошій завтракъ. Онѣ просто насмѣхаются надъ нами, и за это—плевать мнѣ на твоихъ фей и на твоихъ принцессъ! Что мнѣ за дѣло что твоя зеленая царевна околдована? Пусть расколдовываетъ ее кто хочетъ, только ужь я, извини, заниматься этимъ не стану. Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось теперь быть дома, сидѣть въ кухнѣ, за столомъ, пить кофе!.. Да что, тебѣ развѣ ѣсть не хочется?

— Хочется, отвѣтилъ я.—Мы можемъ спуститься въ деревню и купить тамъ хлѣба и вишень. У меня есть деньги.

Глаза Бижара заблестѣли и физіономія его прояснилась.

— Сколько у тебя денегъ?

— Пять су, съ гордостію возразилъ я, позванивая монетами въ моемъ карманѣ.—А у тебя сколько?

— У меня, отвѣтилъ онъ съ замѣшательствомъ,—у меня, братъ, кажется не много.

Онъ вывернулъ свои карманы и выложилъ изъ нихъ: перочинный ножъ, обрывокъ веревки, три деревянные шарика и старый гвоздь.

— Это ничего, сказалъ я великодушнымъ тономъ.—Мы прекрасно можемъ позавтракать вдвоемъ на пять су. Пойдемъ!

Digitized by Google

Перелектива завтрака значительно улучшила настроеніе духа Бижара. Мы спустились по узенькой тропинкѣ извивавшейся между лѣсомъ и полемъ, напились у ручья свѣжей воды и вошли въ деревню. На большой улицѣ замѣтно было необыкновенное оживленіе. На порогѣ домовъ женщины ощипывали утокъ; другія хозяйки, засучивъ рукава, мѣсили тѣсто или украшали вишнями большіе пироги; чрезъ окно лекаренъ видно было какъ пылаютъ большія хлѣбныя печи. Это зрѣлище еще болѣе возбуждало мученія нашихъ отощавшихъ желудковъ.

— Здѣсь однако любятъ хорошо поѣсть, сказалъ я Бижару, круглые глаза котораго кажется такъ и хотѣли выпрыгнуть.

— Должно-быть у нихъ сегодня праздникъ, замѣтилъ онъ слѣдя взоромъ за крестьянкой несшею по улицѣ два пирога на желѣзномъ листѣ. За этими пирогами такъ и струился аллетитный запахъ варенныхъ вишенъ.

Когда мы подошли къ гостиницѣ—она находилась противъ церкви и дома сельской управы — насъ встрѣтили тамъ еще бо́льшія приготовленія. На желѣзныхъ рѣшеткахъ окомъ висѣло нѣсколько заколотыхъ цыплятъ, утки съ крикомъ спасались отъ преслѣдованія стряпухъ, большой котъ ворча и мурлыкая, лѣзъ что-то на стуленахъ лѣстницы. Чрезъ широко распахнутую дверь виденъ былъ пылающій огонь плиты и жарившіеся на вертелѣ утки и большіе куски свинины.

— А вѣдь хорошо, Жакъ! сказалъ Бижаръ, вбирая въ себя воздухъ.—Зайдемъ поглядѣть. Смотри только: не говори ничего про твою царевну, а не то насъ выгонятъ.

Хозяйка, маленькая, сухощавая, бойкая женщина съ визгливымъ голосомъ, бѣгала взадъ и впередъ по кухнѣ, заглядывала въ кострюли, мѣшала кочергой въ печи, по дорогѣ давала ногой толчокъ кошкѣ. На порогѣ двое мальчугановъ одинакаго съ нами возраста не спускали глазъ съ кипѣвшей на плитѣ молочной похлебки и держали на готовѣ свои ложки и маленькую миску. У насъ потекли слюнки при одномъ взглядѣ на этихъ мальчугановъ и на эту похлебку.

— Чего вамъ требуется, сударики? закричала намъ хозяйка.

Я положилъ на столъ свои пять су и спросилъ на нихъ хлѣба и вишенъ.

— Хлѣба сколько угодно, отвѣтила хозяйка,—я вамъ сей-

Digitized by Google

часъ отрѣжу свѣжаго. Ну а на счетъ вишенъ не прогнѣвайтесь: и званія ихъ не осталось.

Она отрѣзала намъ два kuска хлѣба, безъ церемоніи взяла мои лять су и обернулась къ пожилому уже человѣку kоторый съ важнымъ видомъ ходилъ вокругъ лапты и понюхивалъ запахъ несшійся изъ кострюль:

— Повѣрите ли вы, гослодинъ учитель, что нынѣшній день во всей округѣ не найдешь ни одной вишни? Вотъ сkолько налекли пироговъ къ празднику!

— Вѣрю, отвѣтилъ учитель откpывая свою табатерку и нюхая щелотку табаку.—Кромѣ того водятся еще и воришки. Вотъ, напримѣръ, не далѣе kакъ вчера сторожъ поймалъ такого молодца kоторый воровалъ вишни вмѣстѣ съ kакими-то двумя маленькими бродягами. Мальчишки улизнули, а большаго вора задержали въ ту минуту kакъ онъ слѣзалъ съ дерева. Привели его сюда, составили актъ и сегодня поведутъ въ Жювиньи. Судить его будутъ.

— И прекрасно! воскликнула хозяйка наливая похлебку въ миску своимъ мальчуганамъ.—Этихъ воришекъ всѣхъ бы на kаторгу нужно было ссылать!

Я такъ и замеръ на мѣстѣ. Въ этой мѣстности выдѣлываютъ много *кирш*у, жители очень дорожатъ своими вишнями, и всякое присвоеніе ихъ наказывается очень строго. Судя по словамъ учителя было очевидно что дѣло шло о Сезаренѣ; насъ могли узнать, тогда намъ также было бы плохо. Я дернулъ Бижара за блузу; онъ мигнулъ мнѣ глазомъ; у насъ обоихъ промелькнула одна и та же мысль о необходимости незамѣтно исчезнуть, kакъ вдругъ на дорогѣ явился новый пришлецъ, видъ kотораго еще болѣе увеличилъ мой страхъ.

Это былъ высокій человѣкъ одѣтый въ kозлиную шкуру, тотъ самый разговоръ kотораго съ угольщикомъ я подслушалъ ночью. Онъ былъ теперь безъ ружья, а вмѣсто лаптей на ногахъ у него были толстые башмаkи подбитые гвоздями. Въ рукѣ онъ держалъ большую корзину покрытую бѣлою тряпkой.

— Здравствуйте, Питуазѣ, закричала, хозяйка.—Что вы принесли хорошенькаго, почтенный?

— Я принесъ свѣжинки, отвѣтилъ онъ таинственнымъ голосомъ и сдѣлалъ такую гримасу что я невольно вздрогнулъ. Въ то же время онъ приподнялъ тряпkу закрывавшую kорзину и я увидалъ двѣ ноги kосули. Хозяйка поспѣшно накрыла опять kорзину.

Digitized by Google

— Нужно будетъ поставить это въ потемочки чтобы не увидали кому не слѣдуетъ, сказала она вполголоса.—Пойдемте-ка, я проведу васъ на погребъ.

Но пока она снимала съ гвоздя связку ключей, вниманіе ея было привлечено громкимъ споромъ двухъ мальчугановъ ѣвшихъ молочную похлебку. Старшій зазѣвался на человѣка съ корзиной; младшій—его называли Кудряшомъ—воспользовался этимъ случаемъ и забралъ себѣ всѣ пѣнки. Когда его братъ замѣтилъ такое злоупотребленіе довѣріемъ, онъ началъ громко кричать:

— Мама, мама! Кудряшъ всѣ пѣнки съѣлъ!

— Тѣмъ хуже для тебя, отвѣтила хозяйка занятая дѣломъ.

— Что же мнѣ-то достанется? Что же мнѣ-то достанется? зачастилъ старшій и заревѣлъ благимъ матомъ.

— Вотъ тебѣ что достанется! взвизгнула хозяйка, выведенная изъ терпѣнія, и закатила мальчугану полновѣсную пощечину.—Теперь по крайней мѣрѣ будетъ тебѣ отъ чего ревѣть!

Поднялся неописанный шумъ: дѣти, собаки, учитель, хозяйка, всѣ старались перекричать другъ друга.

— Намъ нечего здѣсь дѣлать, шепнулъ я Бижару,—давай утекать.

Я потащилъ его на улицу, между тѣмъ какъ учитель держалъ рѣчь Кудряшу. Но испытанія наши еще не кончились. Въ ту минуту какъ мы проходили мимо дома сельской управы, въ немъ растворилась маленькая дверь и изъ нея показался Сезаренъ сопровождаемый толпой любопытныхъ. По сторонамъ его шли два сторожа. Несчастный уже не смѣялся и не игралъ на своемъ флажолетѣ. Онъ печально смотрѣлъ на яркое солнце, на цвѣтущія липы, на бѣгущую воду ручья, и на лицѣ его выражалось уныніе.

— Эй, Сеза.... закричалъ было Бижаръ, раскрывъ свои круглые глаза.

Я сильно толкнулъ его локтемъ чтобы заставить его замолчать.

— Вотъ онъ мерзавецъ! вотъ онъ негодяй! закричали женщины увидавъ похитителя вишенъ.—Ведите его въ тюрьму, такъ ему и слѣдуетъ!

Я весь похолодѣлъ и думалъ въ это время: *кончено*; онъ насъ узнаетъ и насъ поведутъ вмѣстѣ съ нимъ.

И въ самомъ дѣлѣ, онъ насъ узналъ. Его большіе голубые

Digitized by Google

глаза на мгновеніе остановились на насъ. Но у Сезарена было доброе сердце и онъ не захотѣлъ втягивать насъ въ бѣду. Онъ только мигнулъ намъ украдкой, потомъ внезапно обернулся къ своимъ провожатымъ, поднялъ руку и громко закричалъ:

— Лѣвое плечо впередъ, маршъ!

— Ахъ безстыжіе твои глаза! говорили озадаченныя женщины.

Сезарена увели. Толпа отправилась за нимъ, а мы въ это время успѣли свернуть въ переулокъ и выбрались опять на тропинку которая вела къ лѣсу.

Видъ арестованнаго Сезарена произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе. Я былъ растроганъ его милосердіемъ къ намъ; не говоря ни слова шелъ я по тропинкѣ и молча ѣлъ свой хлѣбъ. Бижаръ угрюмо плелся за мной и подбрасывалъ ногой каждый попадавшійся ему камешекъ. Когда мы подошли къ лѣсу, онъ скрестилъ руки на груди и остановился.

— Слушай! сказалъ онъ,—куда ты это опять хочешь меня завести? Твоя *Зеленая царевна* у меня ужъ, братъ, на затылкѣ сидитъ! Я хочу вернуться въ городъ, вотъ что!

— Бижаръ, воскликнулъ я,—если мы вернемся теперь, насъ пожалуй арестуютъ какъ Сезарена и запрутъ въ пожарный сарай!

— Мнѣ все равно. Лучше уже ночевать въ пожарномъ сараѣ, чѣмъ въ лѣсу, подъ деревомъ. Если ты хочешь путаться по вчерашнему, оставайся здѣсь: я уйду одинъ.

— И у тебя достанетъ духа оставить меня одного послѣ того какъ я отдалъ тебѣ мои тартинки?

— Ты ихъ и долженъ былъ отдать мнѣ послѣ того какъ ты разбилъ мои яйца.

— Я на свои деньги накормилъ тебя сегодня завтракомъ.

— Хорошъ былъ завтракъ! простой хлѣбъ!

— Я знаю твоего отца, заговорилъ я, прибѣгая къ послѣднему средству.—Насъ обоихъ высѣкутъ и потомъ посадятъ въ тюрьму. А если мы вернемся въ лѣсъ, мы можетъ-быть встрѣтимъ....

— Кого это мы встрѣтимъ?

Я не осмѣливался болѣе говорить про царевну, но лѣсъ наполненный солнечнымъ свѣтомъ, цвѣтами и бабочками все же представлялъ для меня болѣе привлекательности нежели возвращеніе подъ родительскій кровъ.

Digitized by Google

— Мы встрѣтимъ можетъ-быть кого-нибудь кто пригласитъ насъ обѣдать въ свой замокъ. Послушай: если ты останешься со мною, я дамъ тебѣ одну штуку.

— Какую такую штуку?

Я вынулъ изъ кармана волчокъ (мой любимый) и тоненькій крѣпкій шнурокъ служившій для его запусканія. То и другое я показалъ Бижару, у котораго глаза такъ и заблистали:

— Твой волчокъ! воскликнулъ онъ. — И ты отдаешь мнѣ его вмѣстѣ со шнуркомъ?

— Вмѣстѣ со шнуркомъ.

— Давай мнѣ его сейчасъ, сказалъ недовѣрчивый Бижаръ и протянулъ руку.

Я согласился. Онъ положилъ въ карманъ мой волчокъ и заговорилъ рѣшительнымъ тономъ:

— Ну, хорошо. Я пойду съ тобою. Только вотъ что. Если мы черезъ часъ никого не найдемъ, обѣщаешь ты мнѣ вернуться домой?

Я отвѣтилъ утвердительнымъ жестомъ.

— Честное слово?

— Честное слово!

Я даже перекрестился. Мы снова вошли въ лѣсъ по прекрасной широкой тропинкѣ. Кругомъ росли цвѣты и было множество земляники. Бижару и мнѣ удалось найти нѣсколько спѣлыхъ ягодъ; пока мы собирали землянику, время не казалось долгимъ Бижару. Но тропинка вела все далѣе въ глушь, почва становилась влажною, земляника исчезла, и мой товарищъ опять началъ ныть.

— Что же это? Мы должно-быть никогда не дойдемъ! Какіе тутъ замки? Ихъ и въ заводѣ тутъ нѣтъ!

— Пройдемъ еще подальше, просилъ я,—вотъ хоть до этого большаго дерева которое стоитъ тамъ впереди.

Когда мы подошли къ большому дереву, то оказалось что тропинка раздѣляется здѣсь на двѣ дорожки. Одна шла опять назадъ къ деревнѣ, другая вела далѣе въ лѣсъ. Мы стали разсуждать, по которой намъ идти. Бижаръ говорилъ что нужно идти по первой. Тщетно доказывалъ я ему что въ этомъ случаѣ мы вернемся назадъ, онъ упорно держался своего предложенія.

— Ну, вотъ что, внезапно сказалъ онъ, — подожди меня здѣсь, у этого дерева. Я пойду по этой дорожкѣ до перваго

Digitized by Google

поворота и посмотрю куда она ведетъ. Потомъ вернусь и скажу тебѣ.

Мнѣ было жарко, вокругъ дерева росъ отличный мягкій мохъ, отдохнуть было пріятно. Я съ полнымъ довѣріемъ къ Бижару усѣлся подъ деревомъ и занялся разсматриваніемъ муравьевъ которые суетились промежду сухихъ вѣтвей и листьевъ. Прошло четверть часа, прошло полчаса. Бижаръ не возвращался. Странное дѣло! Ужь не заблудился ли онъ? Я всталъ и началъ громко звать:

— Бижаръ! Бижа-а-а-ръ!

Все молчало вокругъ. Я въ свою очередь пошелъ по той же тропинкѣ. Бижара и слѣдъ простылъ. Я надсадился выкрикивая его имя. Одни иволги отвѣчали мнѣ своимъ насмѣшливымъ свистомъ. Тропинка вывела на лѣсную дорогу: на ней также не было никого видно. Сомнѣній болѣе не было. Измѣнникъ Бижаръ покинулъ меня.

VII.

Покинулъ, унеся съ собою мой волчокъ вмѣстѣ съ моимъ тюркомъ!

Слезы брызнули у меня изъ глазъ и въ слезахъ этихъ сказались въ одно и то же время гнѣвъ и страхъ. Что будетъ теперь со мною? Пока я былъ съ Бижаромъ я не считалъ себя совершенно оторваннымъ отъ Жювиньи. Среди этого лѣса, въ которомъ мы были затеряны, наивный и прожорливый Бижаръ представлялъ для меня что-то знакомое, обычное, домашнее, что-то придававшее мнѣ увѣренность. Бижаръ былъ какъ бы связующая нить между домашнимъ кровомъ и этимъ таинственнымъ, невѣдомымъ міромъ „большаго“ лѣса. Теперь нить эта порвалась, и я остался одинъ среди зеленой пустыни

Возвратиться въ деревню значило подвергнуть себя опасности быть принятымъ за бродягу и раздѣлить участь Сезарена. Идти глубже въ лѣсъ? Но тамъ меня могли растерзать звѣри и, наконецъ, я могъ умереть тамъ съ голода. Нельзя было мнѣ однако оставаться и на одномъ мѣстѣ, среди большой дороги. Я боялся идти впередъ и не отваживался оставаться на мѣстѣ. Наконецъ я рѣшился идти по лѣсной дорогѣ которая казалась мнѣ болѣе нахоженною чѣмъ другія тропинки. Я отеръ слезы и пустился въ путь.

Digitized by Google

Погода была превосходная. Деревья росшія по сторонамъ задерживали своими вѣтвями лаляціе лучи солнца и бросали на дорогу свѣжую тѣнь усѣянную солнечными пятнами. Это было точно какое-то кружево изъ свѣтлыхъ пятенъ солнца и темной зубчатой тѣни листьевъ. Я какъ будто теперь вижу предъ собой эту прелестную дорогу погруженную въ свѣжую полутѣнь, поросшія травою канавы по бокамъ, маленькіе розовые цвѣточки росшіе посреди самой дороги. То тамъ, то здѣсь вѣтви ежевики выползали изъ канавы на самую средину луги или же внезапно вытягивался предо мною высокій чертополохъ, прямой точно свѣчка, раслуская подъ солнцемъ свой лиловый цвѣтокъ. Душистая жимолость высоко взбиралась по вѣтвямъ орѣшника, опутывала ихъ и спускалась оттуда гроздами желтыхъ и розоватыхъ цвѣтковъ. Весь лѣсъ былъ наполненъ ея благоуханіемъ похожимъ на запахъ ванили. Въ боярышникѣ, усыпанномъ черными ягодами, иволги нѣжно выводили три мелодичныя ноты своего напѣва. Можно было подумать что это звучали невидимыя флейты.

Несмотря на всѣ мои огорченія и заботы чары лѣса мало-помалу опять овладѣвали мною. Тотъ возрастъ въ которомъ я находился легко поддается впечатлѣнію внѣшнихъ явленій. Я проникался радостію на все меня окружавшее и снова началъ надѣяться. Я испытывалъ что-то въ родѣ ольяненія среди этой гармоніи лѣса. Легкій трескъ четуекъ, градомъ падавшихъ съ вершины громадныхъ буковъ, едва замѣтный шелотъ росы капавшей съ одного листа на другой, жужжаніе шмеля забравшагося въ чашечку цвѣтка, вся эта тихая жизнь лѣса погружала меня опять въ мечты о феяхъ и очарованіяхъ. Въ продолженіе минувшихъ сутокъ мои иллюзіи относительно *Царевны въ зелени* значительно поблекли, и я думаю что прозаическій Бижаръ помогъ этому. Но теперь я чувствовалъ какъ иллюзіи эти опять потихоньку оживали во мнѣ, точно сорванные цвѣты которые кто-нибудь долго держалъ въ рукѣ и потомъ поставилъ въ воду. Чудные цвѣты фантазіи, еще столь недавно съ тоской опустившіе свои головки, теперь мало-по-малу поднимали ихъ опять и начинали получать прежній блескъ. Я тихо шелъ по лѣсу, все смотря вверхъ; въ ушахъ моихъ звучала какая-то музыка; я съ наслажденіемъ вдыхалъ ароматный воздухъ и точно убаюкивалъ себя, повторяя безпрестанно: *Царевна въ зелени! Царевна въ зелени!*

Digitized by Google

Внезапно нога моя споткнулась о какую-то преграду. Я опустилъ глаза внизъ и въ изумленіи остановился.

Предо мной была перекладина вся источенная червями и вложенная промежду двухъ ветхихъ каменныхъ столбовъ. За нею шла въ глубь лѣса аллея изъ старыхъ сосенъ поросшихъ мхомъ; между соснами росли громадные кусты столистенныхъ розъ. Не могло быть сомнѣнія относительно того что эти симметрично расположенныя деревья, эти садовыя розы и эта загородка указываютъ на близость какого-либо жилища. Правда, загородка была очень старая, совсѣмъ почернѣвшая и искривившаяся отъ ветхости; всюду росла густая трава, розовые кусты почти совсѣмъ закрывали дорогу своими безпорядочно разросшимися вѣтками; все указывало что по этой аллеѣ не ходятъ. Но меня прельщалъ именно этотъ видъ чего-то запущеннаго, стараго, покинутаго. Я воображалъ себѣ что попалъ въ такую же область какъ та гдѣ жила *Спящая Красавица*. Ужели феи исполнили наконецъ мои желанія? Ужели эта таинственная аллея вела наконецъ къ очарованному замку моей царевны?

Сердце мое громко забилось. Я рѣшился подлѣзть подъ перегородку и робко пошелъ по аллеѣ, густая трава которой совершенно скрывала шумъ моихъ шаговъ. Казалось все здѣсь спало. Сосны стояли неподвижно вытянувшись; въ чашечкахъ розъ, вѣтви которыхъ я раздвигалъ по пути, дремали золотисто-зеленые жуки, уткнувъ головки въ тычинки. Ни вѣтерка, ни звука. Чрезъ нѣсколько минутъ ходьбы я замѣтилъ въ концѣ аллеи довольно красивый домъ; сѣрыя стѣны его были обвиты плющемъ и дикимъ виноградомъ, крыша покрыта черепицей. Разумѣется я сейчасъ же рѣшилъ что это замокъ. По мѣрѣ того какъ я приближался, предметы становились все опредѣленнѣе. Замокъ возвышался среди круга образуемаго соснами; по густому газону раскиданы были цвѣтущіе кусты наполнявшіе воздухъ сильнымъ, почти одуряющимъ ароматомъ. Вокругъ не видно было ни одного живаго существа. Рѣшительно, я былъ предъ очарованнымъ замкомъ. Окна были закрыты. Но дверь, возвышавшаяся надъ нѣсколькими ступенями изъ бѣлаго камня, дверь эта была отворена настежь. Вмѣсто драконовъ на верхней ступенькѣ лѣстницы сидѣли: съ одной стороны—собака изъ породы шпицовъ, съ другой стороны—кошка, сѣрая съ черными пятнами. И та и другая сидѣли поднявъ

Digitized by Google

головы съ важнымъ и сосредоточеннымъ видомъ. Мое появленіе не вызвало у нихъ ни малѣйшаго вниманія. Онѣ остались въ своей неподвижности и своемъ молчаніи, вѣроятно считая приходъ такого маленькаго мальчугана обстоятельствомъ лишеннымъ всякой важности.

Ихъ равнодушіе придало мнѣ нѣсколько смѣлости. Я сдѣлалъ было уже нѣсколько шаговъ по газону, какъ вдругъ изъза кустовъ раздался голосъ принадлежавшій какому-то невидимому существу. Голосъ этотъ обращался ко мнѣ:

— Стой! кричалъ голосъ.—Не двигайся съ мѣста!

Въ то же мгновеніе надъ моею головой раздался какой-то странный свистъ и къ моимъ ногамъ упала трепещущая ворона, пораженная на смерть таинственною пулей свистъ которой я слышалъ. При видѣ этой вороны собака молча бросилась на газонъ, а кошка послѣдовала за ней, поднявъ хвостъ и странно мяукая. Но прежде чѣмъ онѣ успѣли добраться до птицы, изъ-за кустовъ появилось новое существо, еще болѣе странное.

Это былъ маленькій, очень подвижный старикъ въ красномъ бархатномъ картузѣ и длинной сѣрой шерстяной одеждѣ доходившей ему до пятокъ и имѣвшей форму халата. У старика этого были пронзительные глаза сверкавшіе изъ-подъ большихъ сѣрыхъ бровей, острая сѣдая бородка и кирпичный цвѣтъ лица. Сквозь распахнутую одежду и незастегнутую сорочку виднѣлась грудь вся покрытая волосами; морщинистая шея была открыта; по мѣрѣ того какъ онъ приближался мнѣ казалось что старикъ хромаетъ на одну ногу.

Внезапное появленіе этого лица окончательно повергло меня въ трепетъ. Глядя на его черный бархатный картузъ и длинную одежду я рѣшилъ что это непремѣнно волшебникъ. Не обращая на меня ни малѣйшаго вниманія, онъ повелительно махнулъ собакѣ и кошкѣ:

— Эй! закричалъ онъ гнусливымъ голосомъ.—Эй вы! Бѣлянка! стулай ложись! Замарашка! назадъ!

Животныя послушно повернулись и все съ тѣмъ же молчаніемъ усѣлись опять по обѣ стороны двери въ своихъ важныхъ и созерцательныхъ позахъ. Старикъ поднялъ ворону.

— Славный будетъ у насъ къ вечеру супъ, дружки!

Только теперь удостоилъ онъ замѣтить меня:

— Ты откуда взялся, каралузикъ?

Я отвѣтилъ дрожащимъ голосомъ что заблудился въ лѣсу,

Digitized by Google

случайно набрелъ на проѣздъ къ его замку и осмѣлился войти чтобы спросить про дорогу.

Онъ посмотрѣлъ на мое утомленное лицо, на мою изорванную блузу, на волосы въ которые набился мохъ и лапоротникъ, и погрозилъ мнѣ пальцемъ:

— Ты изъ Жювиньи. Ты ночевалъ въ лѣсу, не такъ ли? Должно-быть ты убѣжалъ изъ школы?

Что оставалось мнѣ дѣлать предъ такою проницательностію? Я повѣсилъ носъ и на все отвѣчалъ: да.

— Вчера васъ въ лѣсу было двое, продолжалъ онъ.—Гдѣ же твой товарищъ?

— Бижаръ? отвѣчалъ я, пораженный изумленіемъ предъ всевѣдѣніемъ старика.—Онъ былъ со мною, а теперь ушелъ.

Я разказалъ старику про измѣну моего товарища. Волшебникъ слушалъ меня, а самъ все теребилъ свою бородку. Когда я кончилъ, онъ быстро положилъ мнѣ на голову руку и сказалъ:

— Ты маленькій Пакэнъ!

Я задрожалъ. Этотъ удивительный человѣкъ зналъ все. Я рѣшительно находился въ его власти.

— Да, отвѣтилъ я слабымъ голосомъ.

— А! сказалъ онъ строго. — Ну, стой теперь здѣсь и не двигайся съ мѣста пока я не вернусь.

Онъ быстро удалился, вбѣжалъ въ замокъ и началъ тамъ отдавать приказаніе какому-то также невидимому существу. Что онъ хотѣлъ сдѣлать со мною? Околдовать меня какъ этихъ двухъ животныхъ которыхъ я видѣлъ на порогѣ дверей? Ибо сомнѣній не могло теперь быть. Собака и кошка, называвшіяся Бѣлянкой и Замаранкой, и устремившія на меня теперь странный взоръ, были люди превращенные въ звѣрей волшебникомъ-старикомъ. Онъ вѣроятно наказалъ ихъ за неумѣстное любопытство. Чѣмъ болѣе смотрѣлъ я на нихъ, тѣмъ болѣе убѣждался я въ вѣрности моего предположенія. У этой собаки и у этой кошки были такіе странные пріемы! Кошка важно сидѣла и внимательно слѣдила за мухами пролетавшими у нея подъ носомъ. Потомъ она внезапно подымала обѣ переднія лапы и схватывала ими муху совершенно такъ же какъ сдѣлалъ бы я самъ руками. Собака безпрестанно „играла“ мордой, выраженіе которой казалось мнѣ чрезвычайно похожимъ на человѣческое, въ особенности выраженіе глазъ. Кромѣ того она дѣлала нѣкоторые жесты совершенно

Digitized by Google

ло-кошачьи: лизала себѣ лапку, тщательно умывалась провода ею себѣ за ухомъ. Все это казалось мнѣ неестественнымъ, а странная манера волшебника, его одежда и его слова не оставляли во мнѣ болѣе никакихъ сомнѣній относительно участи которая меня ожидала.

Еслибъ я болѣе былъ посвященъ въ сплетни нашего маленькаго городка, то я обладалъ бы ключомъ ко всѣмъ этимъ тайнамъ и догадался бы что мой волшебникъ попросту былъ старый чудакъ называвшійся „канониръ Банне“, чудакъ о которомъ говорили иногда у дѣдушки. Этотъ канониръ Банне служилъ въ арміи Наполеона I и былъ раненъ подъ Ватерлоо. Когда наступила Реставрація, онъ женился въ Жювизьи, потомъ овдовѣлъ, разсорился съ дѣтьми и возненавидѣлъ городское житье. Онъ построилъ себѣ домъ въ лѣсу и жилъ тамъ уже нѣсколько лѣтъ, рѣдко показываясь въ городѣ. Онъ самъ стрялалъ на себя, самъ дѣлалъ себѣ постель, собиралъ травы и насѣкомыхъ, ловилъ лѣвчихъ птицъ. Въ качествѣ слодвижника по оружію мой дѣдушка зналъ его и по временамъ заходилъ къ нему. Въ послѣдствіи онъ часто разказывалъ мнѣ эксцентрическую жизнь своего товарища-артиллериста. Но въ то время я не вмѣшивался въ разговоры взрослыхъ людей и не обращалъ особеннаго вниманія на имя канонира Банне. Феи слишкомъ занимали мое воображеніе и не оставляли въ моемъ умѣ мѣста для разныхъ прозаическихъ подробностей.

Прошло минутъ десять. Разговоръ въ домѣ прекратился; изъ двери вышелъ маленькій работникъ въ синей блузѣ, побѣжалъ по аллеѣ и исчезъ. Вскорѣ самъ волшебникъ появился на порогѣ, спустился по ступенькамъ и съ задумчивымъ видомъ направился ко мнѣ, прихражывая одною ногой.

Въ какого звѣря превратитъ онъ меня? вотъ вопросъ который я съ содраганіемъ задавалъ самому себѣ. Волшебникъ между тѣмъ подошелъ, молча осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ, потомъ вдругъ слегка схватилъ меня за ухо:

— Что, маленькій Пакэнъ, по лѣсу-то лучше бѣгать чѣмъ въ школѣ сидѣть?

— Сестра сама вывела меня за дверь, отвѣтилъ я сквозь зубы.

— А зачѣмъ ты не пошелъ домой?

— Я боялся что меня будутъ бранить. Потомъ мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть „большой“ лѣсъ.

Digitized by Google

— Какого же ты дьявола цѣлый вечеръ дѣлалъ въ лѣсу? Ты навѣрное лазилъ за гнѣздами! Опоздалъ, малый. Теперь время прошло.

— Нѣтъ, воскликнулъ я чтобы оправдаться въ этомъ обвиненіи,—мнѣ гнѣзда не нужны, я не гнѣздъ искалъ!

— Что же ты искалъ? Ну, признавайся. Я увижу, правду ли ты говоришь, я все знаю.

Была ли какая-нибудь возможность обмануть его, когда онъ *все* зналъ! Я сознался ему что отправился отыскивать царевну которую хотѣлъ освободить отъ чаръ. Волшебникъ слушалъ меня и потиралъ себѣ руки.

— Какой ты странный ребенокъ! сказалъ онъ тихо. Потомъ лукаво прибавилъ:—Нельзя ли узнать какъ зовутъ твою царевну?

— Она называется *Царевна въ зелени*.... то-есть это я ее такъ назвалъ. Можетъ-быть ее зовутъ иначе... потому что... я.... знаете ли.... я не совсѣмъ увѣренъ....

— Да, да, понимаю, перебилъ онъ меня съ усмѣшкой.— Только ты, ларенекъ, не ошибся. Она дѣйствительно называется *Царевна въ зелени*.

— Вы знаете ее?

— Я ее знаю, отвѣтилъ онъ серіозно.

— Ужь не живетъ ли она.... въ вашемъ замкѣ?

— Она живетъ здѣсь и въ другихъ мѣстахъ.... вездѣ гдѣ есть зелень и деревья.

— Слѣдовательно это очень знатная царевна?

— Да, сказалъ онъ оживляясь.—Она царица и волшебница въ одно и то же время. Царица цвѣтовъ, насѣкомыхъ и травъ.

Его маленькіе сѣрые глаза засверкали.

— Ни одна травка не выростаетъ безъ ея позволенія. Это она питаетъ людей и животныхъ. Безъ нея міръ погибнетъ.

— Ахъ! воскликнулъ я въ восторженномъ изумленіи.—И вы ее видаете иногда?

— Каждый день.

— А маленькіе мальчики могутъ ее видѣть?

— Да, когда они умны и обладаютъ даромъ.

Я не совсѣмъ понималъ что значитъ „обладать даромъ“, но эта таинственная формула опять заставила работать мое воображеніе. Я замолкъ и съ любопытствомъ сталъ глядѣть по сторонамъ. А волшебникъ все не спускалъ съ меня глазъ

Digitized by Google

и какъ будто хотѣлъ проникнуть ими въ самую глубину моей души.

— А вѣдь тебѣ хочется ѣсть? внезапно сказалъ онъ мнѣ.

Я дѣйствительно начиналъ ощущать голодъ и утвердительно кивнулъ головой.

— Ладно. Мы поищемъ въ огородѣ чѣмъ тебѣ позавтракать. Пойдемъ.

Онъ повелъ меня на узкую прогалину находившуюся недалеко отъ его дома.

— Вотъ мой огородъ, сказалъ онъ.

Я тщетно напрягалъ глаза чтобъ увидать то что онъ называлъ своимъ „огородомъ“. Я только видѣлъ гладкую лужайку выжженную солнцемъ. По мѣстамъ, впрочемъ, росла еще зеленая трава и трава эта образовала вокругъ одного дерева родъ широкаго кольца. Мой волшебникъ сталъ на колѣни и началъ копаться здѣсь руками. Онъ собиралъ маленькіе черные грибы. Набравъ ихъ съ полсотни, онъ поднялся и сказалъ мнѣ:

— Пойдемъ теперь ихъ варить!

Ужь не хочетъ ли онъ отравить меня? подумалъ я и мною снова овладѣли страхъ и сомнѣніе. Я рѣшился предложить ему робкій вопросъ о томъ не ядовиты ли грибы вообще.

— Есть хорошіе и дурные грибы, отвѣтилъ онъ,—какъ есть добрые и злые люди. Эти грибы ты можешь спокойно ѣсть: ихъ посылаетъ намъ *Царевна въ зелени*.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да, продолжалъ онъ улыбаясь,—она приходитъ гулять сюда каждое утро. Тамъ, гдѣ она проходитъ, трава становится зеленою и начинаютъ расти грибы.

Я приходилъ все въ большій восторгъ отъ его словъ и послушно отправился за нимъ въ кухню, куда съ нами пошли также Бѣлянка и Замарашка. Кухня была очень простая, закопченая комната съ печкой сложенною изъ простыхъ камней. Волшебникъ бросилъ въ эту печь охапку хвороста, который быстро запылалъ. Потомъ онъ взялъ горшокъ, поставилъ его на таганъ и началъ крошить въ него небольшіе кусочки сала. Собака и кошка сидѣли по обѣ стороны печи, внимательно слѣдили за всѣми движеніями своего хозяина и молча облизывались; повидимому ихъ приводилъ въ умиленіе шумъ кипящаго сала. Между тѣмъ волшебникъ вымылъ

Digitized by Google

накрошилъ какихъ-то травъ и положилъ все это въ горшокъ. По кухнѣ распространился лакомый запахъ. Волшебникъ поставилъ на концѣ стола приборъ, досталъ хлѣба и вина, усадилъ меня и вынулъ изъ печи свою стряпню. Сначала я съ нѣкоторымъ недовѣріемъ попробовалъ грибы, но они показались мнѣ очень вкусными и скоро на моей тарелкѣ не осталось ни одного.

— Что, братъ, не дурно? сказалъ мнѣ волшебникъ и опять насмѣшливо улыбнулся.—Теперь вылей немного вина.... Такъ ты любишь исторіи про фей, маленькій Пакэнъ?

— Да, отвѣтилъ я отирая себѣ ротъ.—Особенно я люблю добрыхъ фей и добрыхъ волшебниковъ, которые однимъ взмахомъ палочки дѣлаютъ разныя чудеса. Только дѣдушка говоритъ что это прежде бывало, и что теперь уже этого не случается.

— Случается и теперь если только человѣкъ умѣетъ видѣть, возразилъ онъ очень серіозно.

Глотокъ вина началъ развязывать мнѣ языкъ. Но и помимо этого волшебникъ казался такимъ добрымъ малымъ что я почувствовалъ въ себѣ смѣлость.

— Ахъ! какъ бы мнѣ хотѣлось увидать какое-нибудь чудо! воскликнулъ я.—Не можете ли вы сдѣлать что-нибудь?

— Пойдемъ! сказалъ онъ и поднялся съ своего мѣста.

Онъ повелъ меня въ комнату находившуюся рядомъ. По-видимому это былъ его рабочій кабинетъ; но крайней мѣрѣ комната была убрана самымъ необыкновеннымъ образомъ. Сѣтки для ловли бабочекъ и какія-то продолговатыя жестянки висѣли на стѣнахъ подлѣ рамъ, гдѣ подъ стеклами виднѣлось множество насѣкомыхъ. На полкахъ изъ простаго некрашенаго дерева лежали груды книгъ, кипы сѣрой бумаги, стояли чучелы совъ со страшными стеклянными глазами, банки со спиртомъ въ которомъ плавали различные гады. На широкомъ четырехугольномъ столѣ я увидалъ тетрадь переплетенную въ пожелтѣвшій пергаментъ—вѣроятно это была его волшебная книга—и цѣлую коллекцію странныхъ предметовъ: щипчики, увеличительныя стекла, стклянки, разныя незнакомыя растенія. Предъ окномъ стоялъ на самомъ солнцѣ квадратный ящикъ герметически закрытый стеклянною крышей.

Волшебникъ поглядѣлъ чрезъ стекло, потомъ заставилъ

Digitized by Google

меня влѣзть на скамью и указалъ мнѣ пальцемъ на дно ящика:

— Смотри, сказалъ онъ,—и будь внимателенъ!

Сначала я видѣлъ только слой земли находившійся на днѣ. Потомъ я началъ различать на этой землѣ что-то похожее на длинный коричневый бобъ покрытый кольцами и заостренный на обоихъ концахъ. Чрезъ нѣсколько времени, когда лучи солнца дошли до этого предмета, предметъ мало-по-малу началъ шевелиться и наконецъ „бобъ“ трескулъ точно скорлупа каштана поджариваемаго на огнѣ... О чудо! чрезъ оболочку внезапно засверкали краски и живое существо показалось изъ скорлупокъ. Это была бабочка. Я различалъ теперь ея острую головку украшенную тонкими сѣрыми рожками, блестящіе коричневые глаза, бархатистое тѣло къ которому еще плотно прилегали сложенныя крылья. Мало-помалу крылья начали распахиваться, затрепетали, потомъ опять остановились. Они были розовыя съ сѣрыми и коричневымъ пятнами. Скоро бабочка появилась предъ моими глазами во всемъ своемъ блескѣ и медленно начала летать между землею и стекломъ. Изумленіе мое было такъ велико что изъ груди вырвался невольный вздохъ.

— Ну что? хорошо? сказалъ въ свою очередь волшебникъ наклонившійся надо мною.—Что за превосходный экземпляръ!

— И это вы превратили этотъ гадкій коричневый бобъ въ эту прекрасную бабочку? спросилъ я, со страхомъ смотря на волшебника.

— Я ничего не сдѣлалъ, отвѣтилъ онъ.—Та которую ты называешь *Царевна въ зелени* совершила это чудо... Я только ея смиренный слуга.

— Она должна быть очень могущественна, моя царевна?

— Еще бы не могущественна! воскликнулъ онъ, и все лицо его просіяло.—Ей стоитъ только дохнуть на зернышко, и изъ него выйдетъ цвѣтокъ.

Онъ взялъ со стола желудь и показалъ мнѣ его:

— Видишь, я держу вотъ это на ладони. А если царевна захочетъ, то она превратитъ этотъ желудь въ такое же громадное дерево какія ты видишь тамъ въ лѣсу.

— Мнѣ очень хотѣлось бы... робко заговорилъ я.

— Что тебѣ хотѣлось бы?

— Увидать *Царевну въ зелени!*

— Ты ее увидишь. Подожди.

Digitized by Google

— Когда же я ее увижу? воскликнулъ я, и сердце мое забилось.

— Сегодня вечеромъ, если ты будешь послушенъ. Сначала только нужно тебѣ уснуть, намъ придется далеко идти. Ложись вотъ здѣсь.

Онъ подвелъ меня къ старому дивану обитому желтымъ выцвѣвшимъ утрехтскимъ бархатомъ.

— Спи! сказалъ волшебникъ и прикоснулся пальцемъ къ моему лбу.—А я тебѣ устрою музыку.

Онъ порылся въ шкафу, вынулъ изъ кожанаго футляра небольшой ящичекъ имѣвшій видъ черепаховой табатерки, завелъ его ключомъ, точно часы, и осторожно поставилъ на столъ.

Вдругъ, какъ бы по волшебству, изъ ящика раздалась тихая и мелодическая музыка. Звуки лились точно капли воды падающія одна за другою. Пока эта тихая мелодія убаюкивала меня, волшебникъ сѣлъ за свой столъ противъ пучка дикихъ травъ поставленныхъ въ большой стаканъ съ водою. Наклонивъ голову онъ разсматривалъ въ увеличительное стекло каждый разцвѣтшій стебелекъ. Глаза мои начали закрываться. Сквозь полузакрытыя рѣсницы я еще видѣлъ острый старческій профиль вырѣзавшійся на фонѣ открытаго окна; за окномъ тихо качались зеленые листья, какъ будто въ тактъ таинственной музыкѣ табатерки. Потомъ все начало теряться въ какомъ-то туманѣ и я заснулъ.

VIII.

Пробудился я отъ шума котораго въ первую минуту никакъ не могъ понять. Оказалось что это Бѣлянка съ лаемъ прыгала вокругъ волшебника, между тѣмъ какъ Замарашка глухо мяукала и терлась о ножки стола. Я замѣтилъ что мой хозяинъ переодѣлся пока я спалъ. На немъ была надѣта теперь охотничья куртка и соломенная шляпа; на ногахъ были кожаныя гетры. Именно это превращеніе и возбудило волненіе въ обоихъ животныхъ; безъ сомнѣнія они приводили такую одежду въ связь съ воспоминаніями о пріятной прогулкѣ. Солнце было уже низко и бросало въ комнату косвенные лучи; чрезъ отворенную дверь кухни я увидалъ столъ накры-

Digitized by Google

тый на два прибора съ поставленною между ними дымящеюся миской супа.

— Вставай, маленькій Пакэнъ, сказалъ волшебникъ и взялъ меня за руку,—вставай, пора обѣдать! Намъ сегодня вечеромъ еще далеко идти до *Царевны въ зелени*, тебѣ нужно подкрѣпить силы.

Я потягиваясь поднялся съ мягкаго дивана и мы перешли въ кухню. Обѣдъ состоялъ изъ знаменитаго супа съ вороной и куска баранины изжареннаго маленькимъ слугой. Волшебникъ повидимому обладалъ отличнымъ аппетитомъ и ѣлъ за четверыхъ. Что касается меня, то я едва могъ проглотить положенное мнѣ на тарелку; быть-можетъ причиной этому былъ такъ хорошо извѣстный мнѣ странный составъ супа, быть-можетъ меня слишкомъ волновало ожиданіе увидать *Царевну въ зелени*. Въ качествѣ десерта мы поѣли сыра и вишень; потомъ волшебникъ набилъ свою трубку, закурилъ ее, пристально посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и торжественно сказалъ:

— Пора въ путь. Тебѣ не страшно, маленькій Пакэнъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, а между тѣмъ меня пробирала дрожь.

— Обѣщаешь-ли ты повиноваться мнѣ и исполнять всѣ мои приказанія, что бы ни случилось?

Я далъ обѣщаніе нѣсколько задыхающимся голосомъ.

— Хорошо! Ты у меня молодецъ! продолжалъ волшебникъ и взялъ свою палку.—Ну, теперь отправимся!

Мы сошли со ступеней. Бѣлянка и Замарашка шли за нами, поднявъ хвосты и настороживъ уши.

— Вы дома останетесь, закричалъ волшебникъ, оборачиваясь къ нимъ.—Назадъ! Живо!

Онѣ сейчасъ же обернулись, поджали хвосты и пошли домой не издавъ ни одного звука. Когда мы вступили въ аллею я на мгновеніе обернулся и увидалъ что собака и кошка сидятъ опять на ступеняхъ въ той же важной позѣ которою онѣ встрѣтили меня при моемъ приходѣ.

Въ концѣ аллеи старикъ свернулъ на узкую тропинку, вмѣсто того чтобъ идти по лѣсной дорогѣ которою я шелъ утромъ. По временамъ онъ срывалъ и показывалъ мнѣ какой-нибудь листъ:

— Знаешь ли ты что это такое, маленькій Пакэнъ? спрашивалъ онъ меня.—Это листъ бука, а это вотъ листъ клена. Замѣть какъ они различны между собою. Такъ и со всѣми

Digitized by Google

другими деревьями. У каждаго листа своя форма и свой особый узоръ. Все равно какъ у людей. Кажется всѣ одинаковы, а между тѣмъ у каждаго особые глаза, особый носъ, особый лобъ. Это все листья, но какъ они разнообразны! Это тоже чудо. Ты видишь что чудеса можно встрѣтить не въ однѣхъ сказкахъ....

— А это вотъ, говорилъ онъ срывая цвѣточную почку мака,— это опять чудо! Онъ раскрылъ почку и показалъ мнѣ какъ были уложены внутри ея красные лепестки будущаго цвѣтка.

— Еслибы тебѣ пришлось уложить платье въ картонъ отъ шляпы, ты бы не уложилъ его такъ искусно какъ уложены здѣсь лепестки! Въ какой-то сказкѣ говорится про фею которая уложила аршинъ полотна въ орѣховую скорлупку. Это также удивительно какъ и то что большой цвѣтокъ весь укладывается въ такой маленькой оболочкѣ и выходитъ изъ нея свѣжій, не смятый, безъ складочки. Да,—продолжалъ онъ все болѣе увлекаясь и ударяя по землѣ своею палкой,—да, весь лѣсъ наполненъ чудесами. Мы не можемъ сдѣлать шага безъ того чтобы не наткнуться на чудо, мы живемъ среди чудесъ и сами не знаемъ этого. Въ деревьяхъ, во мху, подъ землей собрано болѣе чудесъ нежели сколько изобрѣло воображеніе человѣка со времени изобрѣтенія письма. Запомни это. Ты увидишь что это правда, когда познакомишься съ *Царевной въ зелени.*

Я слушалъ его съ разинутымъ ртомъ, а между тѣмъ мы все шли да шли по извилистымъ тропинкамъ. Становилось все темнѣе.

— Скоро ли мы придемъ къ царевнѣ? спросилъ я у волшебника.

Мы вышли въ это время на вершину холма съ которой открывалась просѣка имѣвшая сверху видъ воронки. Лѣсъ разстилался подъ нами; переходя по массамъ зелени, еще различимымъ въ началѣ, глазъ утолялъ наконецъ въ голубоватомъ туманѣ поднимавшемся вдали надъ зеленымъ моремъ лѣса. Туда, въ эту лѣсную глубь, указалъ мнѣ волшебникъ своею палкой.

— Вотъ гдѣ живетъ царевна, сказалъ онъ.—Видишь? тамъ, гдѣ встаютъ туманы. Намъ еще долго придется идти, а ночь наступила. Ты не боишься ночи, маленькій Пакэнъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, пролепеталъ я, и самъ испугался смѣлости съ которою я лгалъ. Дома я боялся даже ложиться спать безъ свѣчи.

Digitized by Google

— Ну вотъ и прекрасно, возразилъ онъ,—потому что теперь начнется самое трудное. Впрочемъ, темно ли, свѣтло ли, тебѣ будетъ все равно; я долженъ теперь завязать тебѣ глаза.

Въ то же время онъ вынулъ изъ кармана платокъ и началъ складывать его у себя на колѣнахъ. Я сдѣлалъ боязливое движеніе, которое отъ него не укрылось.

— Помни, воскликнулъ онъ строгимъ голосомъ,—что ты обѣщалъ мнѣ безпрекословно повиноваться. Я завяжу тебѣ глаза и поведу тебя за руку. Если ты только вздумаешь приподнять платокъ, съ тобою случится бѣда, предупреждаю тебя.

Что было мнѣ дѣлать? Я находился въ его власти и не смѣлъ противиться фантазіямъ этого ужаснаго старика. Я обѣщалъ ему еще разъ во всемъ повиноваться его приказаніямъ. Онъ закрылъ мнѣ глаза платкомъ, крѣпко завязалъ сзади его концы, потомъ сверху надѣлъ мнѣ на лобъ еще другой платокъ и плотно нахлобучилъ мнѣ на все это фуражку. Я очутился погруженнымъ въ совершенный мракъ и услыхалъ голосъ волшебника который спрашивалъ меня:

— Свободно ли тебѣ дышать, маленькій Пакэнъ?

— Да.

— Отлично, сказалъ онъ и взялъ меня за руку.—Теперь иди хорошенько.

Мы опять тронулись въ путь. Я ничего не видалъ, но воображеніе мое разыгрывалось тѣмъ сильнѣе. Странныя рѣчи волшебника, повязка на глазахъ, вся эта таинственная обстановка въ крайней степени возбудила мой умъ. Я полагалъ что на этотъ разъ серіозно нахожусь среди волшебствъ и чаръ. Малѣйшій шелестъ вѣтра въ листьяхъ казался мнѣ шорохомъ влачащагося платья феи; я принималъ за полетъ сильфовъ каждый звукъ производимый пролетавшими мимо насъ жуками и насѣкомыми. Мнѣ казалось что я слышу по сторонамъ шаги безчисленныхъ гномовъ. По временамъ вѣтеръ вызывалъ между древесныхъ вѣтвей какіе-то вздохи похожіе на звукъ человѣческаго голоса; мнѣ чудилось тогда что я слышу чье-то дыханіе; вдали раздался протяжный звукъ рога: мнѣ сейчасъ же вспомнился волшебный рогъ Оберона. Вопреки приказанію волшебника я на мгновеніе приподнялъ край платка и со страхомъ увидалъ сотни маленькихъ свѣтящихся зеленыхъ огоньковъ какъ будто плясавшихъ по травѣ. Это до такой степени потрясло меня что я вздрогнулъ.

Digitized by Google

— Что съ тобою? спросилъ ...

— Ничего, ничего, прошепталъ я ...

мое непослушаніе.—У меня ...

— Ты должно-быть усталъ, сказалъ ...

Дорога тутъ становится плоха.

Онъ приподнялъ меня своими ...

дилъ меня верхомъ къ себѣ на плеча ...

венія я пересталъ отдавать себѣ отчетъ ...

было. По прошествіи четверти часа ...

шумъ листьевъ прекратился и что я ...

ароматнаго залаха лѣса. Воздухъ ...

мы какъ будто шли по открытому мѣсту. ...

шился шумъ колесъ, а въ далекѣ раздавался ...

— Гдѣ мы? спросилъ я съ безпокойствомъ.

— Мы скоро придемъ, отвѣтилъ волшебникъ.

Мало-по-малу воздухъ началъ становиться ...

стымъ. Послышались какіе-то уже знакомые мнѣ ...

казалось что мы входимъ въ какое-то жилище и ...

емся по лѣстницѣ. Я отчетливо услыхалъ скрипъ ...

шейся двери. Наконецъ волшебникъ внезапно сялъ меня ...

плечъ и поставилъ на ноги.

— Теперь, сказалъ онъ, развязывая узелъ платка,—голосъ его былъ опять насмѣшливъ,—теперь ты можешь снять свою повязку....

О стыдъ! о посрамленіе! Въ ту минуту когда я думалъ созерцать наконецъ *Царевну въ зелени* во всемъ сіяніи и блескѣ ея роскошно освѣщеннаго дворца, я очутился въ нашей кухнѣ, лицомъ къ лицу съ бабушкой Пакэнъ, которая сейчасъ потащила меня за руку въ столовую. Тамъ горѣла одна тонкая свѣча при свѣтѣ которой я прежде всего увидалъ дѣдушку и отца.

— Поди сюда, бродяга! свирѣпымъ голосомъ рыкала бабушка.

Первымъ движеніемъ дѣдушки было заключить меня въ свои объятія. Онъ остановился однако по знаку сдѣланному моимъ отцомъ и удовольствовался тѣмъ что ложалъ руку предателю-волшебнику, который лукаво улыбался.

— Спасибо вамъ, канониръ Баннѣ. Мы очень благодарны вамъ за то что вы привели намъ этого чучелку. Онъ надѣлалъ всѣмъ намъ страшнаго безпокойства.

— Полноте! сказалъ смѣясь старый артиллеристъ,—вашъ мальчуганъ премилый ребенокъ, онъ очень меня позаба-

Digitized by Google

вилъ. Надѣюсь что вы не очень его будете бранить, онъ и безъ того достаточно наказанъ. Онъ со мной обѣдалъ. Теперь бы его нужно было прямо уложить спать.

— Да, строго сказалъ мой отецъ,—пусть онъ теперь идетъ спать. Завтра мы съ нимъ поговоримъ!

— Я сама сведу его къ сестрѣ Евлогіи, прибавила бабушка, зажигая свѣчу и проталкивая меня въ комнату.—Я попрошу чтобы съ нимъ поступили тамъ какъ слѣдуетъ. Ступай спать, негодный мальчишка!

— Прощай, маленькій Пакэнъ, крикнулъ мнѣ старикъ Банвѣ въ видѣ утѣшенія.—Приходи какъ-нибудь опять ко мнѣ въ замокъ, мы опять потолкуемъ про *Царевну въ зелени*...

На слѣдующій день было воскресенье. Я провелъ его въ заперти, въ чуланѣ на чердакѣ; мнѣ дали туда кусокъ хлѣба и книгу для приготовленія урока. Потомъ насталъ ужасный день возмездія, ужасный понедѣльникъ въ который я долженъ былъ опять идти въ школу вмѣстѣ съ бабушкой. Грозившая мнѣ мрачная будущность почти не дала мнѣ уснуть въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ. Свернувшись клубочкомъ въ моей маленькой постели, я со страхомъ поджидалъ первыхъ лучей разсвѣта. Я пламенно желалъ чтобы ночь никогда не кончилась и чтобъ солнце не вставало. Увы! оно поднялось вопреки моимъ мольбамъ, поднялось сіяющимъ какъ бы для того чтобъ ярче освѣтить мое замѣшательство. Едва успѣло пробить восемь часовъ, какъ бабушка Пакэнъ, непреклонная точно рокъ, повлекла меня въ школу. Когда мы вошли въ классъ сестры Евлогіи, всѣ ученики были уже на своихъ мѣстахъ, за исключеніемъ измѣнника Бижара который стоялъ на колѣняхъ предъ эстрадой нашей наставницы, съ ослиною шапкой на головѣ. Въ видѣ привѣтствія онъ высунулъ мнѣ языкъ, но это оскорбленіе оставило меня равнодушнымъ: я думалъ только о моей собственной невзгодѣ и о предстоявшемъ мнѣ наказаніи.

Оно было жестоко. Выслушавъ рѣчь моей бабушки и проводивъ ее до самаго корридора, сестра Евлогія вернулась ко мнѣ съ насупленными бровями:

— А! сказала она,—такъ вы любите гулять, monsieur Jacques! Пойдемте теперь гулять со мной. Я покажу васъ всѣмъ вашимъ сестрамъ, а чтобъ онѣ знали что вы такое, то я вамъ сначала привѣшу кое-что на спину.

Digitized by Google

Она вынула изъ своего люлитра широкій kусокъ картона на которомъ прекраснымъ четкимъ почеркомъ написано было: *Бродяга*. Несмотря на мое сопротивленіе kартонъ этотъ повѣсили мнѣ между плечъ; затѣмъ сестра Евлогія взяла меня за руку и повела черезъ классы дѣвочекъ.

При моемъ появленіи всѣ дѣвочки въ каждомъ классѣ подымались на своихъ мѣстахъ и перешептываясь показывали на меня пальцами; сестра Евлогія громко разказывала другимъ „сестрамъ“ мои преступленія; всѣ закатывали глаза, подымали руки къ небу, говорили: *Oh! monsieur Jacques!* Это меня чрезвычайно раздражало. Но всего обиднѣе для меня были насмѣшливыя восклицанія всѣхъ этихъ маленькихъ дѣвочекъ и ихъ затаенный смѣхъ. Въ каждомъ классѣ начиналась та же самая сцена, а всѣхъ классовъ было шесть! Наконецъ я не выдержалъ. Весь раскрасившійся отъ стыда, рыдая отъ злости, я сталъ кататься по паркету чтобы скрыть позорную надпись прикрѣпленную къ моей спинѣ. Со мной сдѣлался нервный припадокъ который прекратилъ мои мученія...

Теперь я съ улыбкой думаю про эти дѣтскія страданія и понимаю сколько глубокаго, истинно-человѣческаго заключается въ стихѣ Виргилія:

.... Forsan et haec olim meminisse juvabit.

Да, воспоминаніе о минувшихъ скорбяхъ и испытаніяхъ становится для насъ въ послѣдствіи источникомъ радости. Я съ наслажденіемъ вспоминаю добраго дѣдушку, строгую бабушку, безпощадную сестру Евлогію; въ особенности пріятно мнѣ воспоминаніе о днѣ проведенномъ въ „большомъ“ лѣсу у канонира Баннѣ. Я часто навѣщалъ его потомъ. Онъ познакомилъ меня наконецъ съ *Царевной въ зелени*, то-есть съ лѣсомъ и всѣми его чудесами и чарами, съ лѣсомъ которому я посвятилъ вѣчную и горячую любовь.

Digitized by Google

ПЕРЕЛОМЪ*

ПРАВДИВАЯ ИСТОРІЯ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I.

Du musst nur alles nicht verlangen gleich von allen.
So wird in seiner Art dir alles wohlgefallen.
Rückert. Die Weisheit des Bramahnen.

Она и внемлетъ, и не внемлетъ
И каватинѣ, и мольбамъ...
Пушкинъ.

Une femme d'esprit est un diable en intrigue
Molière. L'école des femmes.

Мы опять въ Петербургѣ, опять въ знакомомъ читателю салонѣ Ольги Елпидифоровны Ранцевой... Истекъ почти годъ съ тѣхъ поръ какъ мы разстались съ нею. Вернувшись изъ Москвы послѣ смерти отца, она не долго оставалась на берегахъ Невы, находя себя послѣ этого обстоятельства въ нѣсколько затруднительномъ положеніи. Ей казалось неприличнымъ—да и внутренно „совѣстно было"—не надѣть траура по человѣкѣ горячо любившемъ ее всегда, и о потерѣ

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 2, 3 и 4.

Digitized by Google

котораго сама она скорбѣла насколько было это лишь дано ея подвижной натурѣ; но съ другой стороны, ее коробило отъ одной мысли что трауръ долженъ будетъ естественнымъ образомъ вызвать разговоръ объ этомъ отцѣ ея, имени котораго никогда не произносила она до сихъ поръ предъ своими петербургскими знакомыми. „Раскапывать опять старую генеалогію начнутъ“, разсуждала она, „что̀ позабыто всѣми—снова на верхъ выплыветъ, и *частный приставъ*, и прочее...“ На основаніи такого соображенія она, по возвращеніи изъ Москвы, объявила себя больною, не велѣла принимать никого кромѣ двухъ-трехъ изъ интимнѣйшихъ ея „паричковъ“, вытребовала письмомъ отъ мужа (онъ дѣйствительно и тяжело больной лежалъ одинокo въ своемъ Рай-Никольскомъ) свидѣтельство на свободное полученіе заграничнаго паспорта, получила таковое чрезъ недѣлю, и въ концѣ марта уѣхала по Варшавской дорогѣ ни съ кѣмъ не простившись и никого не увѣдомивъ о днѣ своего отъѣзда... Нежданное исчезновеніе это произвело въ первую минуту настоящій переполохъ среди „элегантнаго“ мужскаго роя, привыкшаго жужжать отъ 2хъ до 5ти пополудни въ ея гостиной, на Почтамтской. „Что̀ такое, куда, зачѣмъ?“ Объясненія, само собой, искали и отыскивали менѣе всего подходящія къ простой истинѣ: намекали на dépit amoureux вслѣдствіе-де женитьбы Троекурова, о которой, вмѣстѣ съ вѣстью о его колоссальномъ наслѣдствѣ, много было тогда рѣчей въ свѣтѣ. Пронесся слухъ, Богъ вѣсть кѣмъ пущенный, о томъ что изъ-за этого самаго Троекурова произошелъ де у прелестной женщины разрывъ съ ея „sarajou de mari“, вздумавшимъ будто бы приревновать ее къ Кавказцу въ ту минуту когда всего менѣе было это кстати; говорили наконецъ что она просто уѣхала отъ долговъ, въ уплатѣ которыхъ этотъ ужасный мужъ отказалъ де ей наотрѣзъ. Но все это весьма скоро смолкло послѣ того какъ графъ Наташанцевъ, весьма высоколоставленный и всѣми уважаемый человѣкъ, со свойственнымъ ему *grand air*, заявилъ торжественно и со вздохомъ печали за обѣдомъ въ Яхтъ-Клубѣ что „cette charmante jeune femme a pris une fluxion de poitrine dans ce chien de Moscou“, что онъ „имѣлъ честь быть допущеннымъ къ ней предъ отъѣздомъ“ и засталъ у нея доктора Здекауера, „qui a cru nécessaire de l'expédier dare-dare avant la débâcle, de crainte de quelque complication sérieuse. Отво-

Digitized by Google

сительно слуха о размолвкѣ съ ея „sapajou de mari“, о чемъ тутъ же было упомянуто кѣмъ-то, графъ, ни подтверждая, ни отрицая этого, ложалъ только плечами и медленно уронилъ съ губъ: un triste sire en tout cas!...—„Позвольте узнать, ваше сіятельство“, спросилъ обѣдавшій за тѣмъ же столомъ пулырь Шастуновъ, обращаясь къ нему съ почтительною улыбкой,—„куда же она направилась и гдѣ можетъ находиться теперь?“—„Je l'ignore absolument, mon prince,“ сухо и слегка нахмурившись отвѣтилъ ему тотъ, и отвернулся отъ него.— Пылкій Basile счелъ нужнымъ съ отчаянія опрокинуть въ себя вслѣдъ за этимъ бутылки двѣ шампанскаго и, уѣзжая изъ клуба въ каретѣ съ товарищемъ, которому во все время лути валился безнадежно на плечо, упорно повторялъ со стономъ и икотой: „*moi je* la trouverai... *moi je* partirai la chercher.... и если генералъ не дастъ мнѣ отпуска *moi je* prendrai mon congé...“—„Не дадутъ предъ лагеремъ, нечего и думать“, доказывалъ ему его слутникъ.— „Дадутъ“, крикалъ Шастуновъ, „parceque *moi je* puis dépenser cent mille par an (онъ говорилъ по-французски совершенно какъ маменька), et c'est toujours flatteur pour un régiment....“ Но отпуска все-таки ему не дали, а товарищи посовѣтовали ему подъ рукой выражаться осторожнѣе о своихъ доходахъ, такъ какъ его хвастовство имъ не только не лестно для его полка, но можетъ весьма не лестно для него самого окончиться тѣмъ что его попросятъ избавить этотъ полкъ отъ своего присутствія. Basile тотчасъ же поджалъ хвостъ какъ ошпаренный пудель и, убѣдившись въ невозможности скакать за границу отыскивать Ольгу Елпидифоровну Ранцеву, обратился за утѣшеніями на время ея отсутствія къ mlle Irma Thénard, замѣнившей извѣстную намъ Lucie Ladrague въ роляхъ ingénues Михайловскаго театра.

Ольга Елпидифоровна вернулась въ Петербургъ лишь въ первыхъ числахъ декабря, послѣ осьмимѣсячнаго отсутствія. Весну она провела въ Парижѣ, лѣтомъ побывала въ Эмсѣ, Гомбургѣ и Баденѣ, гдѣ много играла и, какъ говорили, даже порядочно проигралась; прожила три недѣли въ Карлсбадѣ не съ цѣлью лѣченія, но „изъ дружбы“, такъ какъ графъ Наташанцевъ лилъ тамъ свой обычный курсъ Шлосбруна, а осенью свидѣлась съ нимъ опять на берегахъ Сены, гдѣ былъ у него давнишнія и близкія отношенія въ faubourg St.-Germain, куда онъ и успѣлъ ввести madame de Rantzef.

Digitized by Google

Княгиня Краснорѣцкая, находившаяся одновременно съ нею въ Парижѣ и уѣхавшая оттуда ранѣе ея, разказывала по пріѣздѣ въ Петербургъ со злобнымъ удивленіемъ что она встрѣчала ее chez la duchesse de la Trémouille et chez madame de Gabriac, и что „cette péronelle s'y tient avec un toupet incroyable.“ Къ довершенію торжества *весь Петербургъ* прочелъ однажды въ фельетонѣ *Indépendance Belge* что „madame de Rantzef, cette grande dame russe d'une beauté si éminemment slave et d'un brio d'esprit si parisien“, состояла въ числѣ приглашенныхъ „aux dernières chasses de Compiègne“ *.

Когда послѣ такихъ звонкихъ рекламъ Ольга Еллидифоровна появилась въ первый разъ въ Большомъ Театрѣ въ платьѣ новомоднаго тогда цвѣта Solferino,—неподражаемый cachet котораго тотчасъ же сказалъ всему тутъ бывшему женскому бомонду что оно выходило прямо изъ ateliers великаго Ворта **,—изо всѣхъ угловъ театра устремились на нее бинокли, а ложу ея (ложа эта была теперь первая внизу, подлѣ царской) въ первый же антрактъ буквально осадилъ весь знакомый ей сановный и военный персоналъ понедѣльничныхъ абонентовъ италіянской оперы. Возгласамъ, радостнымъ привѣтствіямъ, ухищренно льстивымъ шуткамъ не было конца. Успѣхъ былъ несомнѣнный, *публичный*, заставлявшій покусывать досадливо губы не одну изъ чистокровныхъ mondaines, надменно взиравшихъ на него съ высоты противоположнаго бельэтажа. Досада этихъ дамъ увеличивалась еще болѣе тѣмъ что tenue и *обстановка* особы къ которой относился этотъ успѣхъ были совершенно безукоризненны. Вопервыхъ, рядомъ съ нею сидѣла не какъ прежде какая-то никому невѣдомая компаніонка, а всѣмъ извѣстная, принадлежавшая къ хорошему обществу, уже не молодая и почтенная вдова, занимавшаяся спеціально благотвореніемъ ближнихъ, Варвара Петровна Мосягина, рожденная графиня Салгутова, съ которой Ольгу Еллидифоровну познакомилъ въ Карлсбадѣ графъ Натаншцевъ, сказавъ ей предварительно что „cette ravissante jeune femme n'est pas heureuse en ménage“ и которая вслѣдствіе этого воспылала съ первой минуты къ этой бѣдной „ravissante jeune femme“ самою

* Бывшая, какъ извѣстно, осенняя резиденція Наполеона III.

** Женскій портной въ Парижѣ, обязанный своею знаменитостью императрицѣ Евгеніи.

Digitized by Google

горячею и преданною дружбой, что̀ и доказывала она ей теперь предъ лицомъ всего свѣтскаго Израиля присутствіемъ своимъ въ ея ложѣ. Вовторыхъ, сама гжа Ранцева держала себя неузнаваемо даже для ближайшихъ своихъ поклонниковъ, сравнительно съ тѣмъ какою привыкли они знать ее въ продолженіе многихъ прежнихъ лѣтъ. Она была для нихъ, само собою, все такъ же „прелестна“ какъ всегда, но эта прелесть, чувствовалось, приняла теперь какой-то сдержанный, сосредоточенный характеръ, какъ бы запрещавшій слишкомъ восторженное и откровенное отношеніе къ ней. Голосъ ея словно потерялъ на половину свою прежнюю звучность; внезапный, широкій смѣхъ, которымъ она, бывало, не стѣсняясь, въ томъ же театрѣ, отвѣчала на нѣсколько *рискованную* иногда галантерейность антрактовыхъ своихъ посѣтителей, замѣнила снисходительная, чуть-чуть даже недовольная улыбка. Подвижность выраженія, игра глазъ, веселое то и дѣло *сверканіе* бѣлыхъ зубовъ изъ-подъ лишныхъ алыхъ губъ, чѣмъ недавно еще такъ восхищались *всѣ они*, тщетно отыскивали они это теперь на ея лицѣ, спокойномъ, самообладающемъ, чуть не безжизненномъ. Все это исчезло вмѣстѣ съ русскою рѣчью, московскій лоцибъ которой и бойкіе обороты были всегда такъ милы въ ея устахъ для большинства ея обожателей. Гжа Ранцева говорила теперь уже неизмѣнно по-французски, примѣшивая страннымъ сочетаніемъ самомодныйшія въ ту пору словца парижскаго свѣтскаго argot Второй Имперіи къ изысканно рутиннымъ фразамъ петербургско-французскаго придворнаго и дипломатическаго языка...

Все это тотчасъ же было замѣчено и со свойственною свѣтскимъ людямъ проницательностью соображено, разобрано и истолковано надлежащими побужденіями. „Elle *pose* pour la femme sérieuse,“ рѣшено было прежде всего...“ Elle quitte son mari et veut se faire épouser par Натаншцевъ,“ *разнеслось* вскорѣ за тѣмъ негодующимъ крикомъ по всѣмъ будуарамъ петербургскаго большаго свѣта.

Въ какой мѣрѣ было основательно это послѣднее предположеніе, терпѣливый читатель узнаетъ изъ послѣдующихъ страницъ настоящаго разсказа. Но мы считаемъ нужнымъ сообщить ему, не откладывая, что Ольга Елпидифоровна *вернулась* дѣйствительно изъ-за границы болѣе чѣмъ когда-либо femme politique... Вопросъ первостепеннаго государственнаго значенія рѣшался въ ту пору на берегахъ Невы. Съ

Digitized by Google

нимъ, весьма хитро слетенною комбинаціей ея лылкаго воображенія, соединялась для нея лично цѣлая программа и цѣлая перспектива будущаго...

Въ ту минуту когда мы застаемъ ее опять у себя въ Почтамтской — это было въ началѣ февраля 1860 года—она, сидя на диванѣ, съ блестящими отъ какого-то волненія глазами, быстро перекидывалась словами со стоявшимъ предъ ней въ вицмундирѣ и звѣздахъ, и со шляпой въ рукѣ, чиновнымъ господиномъ, извѣстнымъ въ то время всему Петербургу подъ кличкой *„статскій генералъ* Прытковъ". Онъ уже минутъ съ двадцать сидѣлъ у нея, и слѣшилъ теперь куда-то... Она его удерживала:

— Погодите, Петръ Владиміровичъ, еще рано, всего три часа, вы мнѣ ничего толкомъ не успѣли разсказать. (Бесѣда велась на этотъ разъ сплошь по-русски, такъ какъ „статскій генералъ" не разумѣлъ никакого иностраннаго нарѣчія)...

Онъ страдалъ какимъ-то тикомъ горловыхъ нервовъ, заставлявшимъ его то и дѣло дергать судорожно головой въ бокъ, точно отъ слишкомъ туго повязаннаго галстука. Онъ дернулъ ее, откинулъ назадъ, подавшись при этомъ всею грудью впередъ, и захохоталъ безпричиннымъ, оглушительно грубымъ смѣхомъ, бывшимъ у него почему-то въ обычаѣ...

— Все еще вамъ мало! Ненасытная!... Скажите, прелестная женщина, добавилъ онъ съ весьма лоцловатымъ по своему намѣренію подмигиваньемъ глаза,—вы и въ любви не знаете предѣловъ... своему любопытству?...

Она брезгливо поморщилась:

— Пожалуста не говорите мнѣ вашихъ гадостей! Я терпѣть не могу этого жанра... Досказите лучше что умирающій... Когда же, вы говорите, Государь былъ у умирающаго?

— Въ четвертомъ часу утра сегодня.

— Какой ангелъ Государь! Стоилъ ли такой милости этотъ monstre, который со всѣми своими Линютиными, Бековичами и Гундуровыми хотѣлъ всѣхъ насъ, дворянъ, поміру пустить!.. Скажите, и Государь оставался тамъ до послѣдней его минуты?

— Да, онъ уѣхалъ въ половинѣ седьмаго, когда все уже было кончено.

— И до этой минуты никакого разговора у нихъ не было, не знаете?

— Нѣтъ; когда Государь пріѣхалъ, агонія уже началась...

Digitized by Google

— Господинъ Хазаровъ! доложилъ въ дверяхъ слуга.

Прытковъ протянулъ ей руку.

— Ну, прощайте, прелестная женщина!

Она слегка ударила по ней пальцами.

— Погодите, вамъ говорятъ!... Скажи что одѣваюсь, принять не могу, отпустила она докладывавшаго.—И кто же на его мѣсто, обратилась она снова къ своему собесѣднику,—извѣстно?

— *Неизвѣстно*, подчеркнулъ онъ.

— Вы, вы! всплеснула она вдругъ руками;—признайтесь что вы, милый Петръ Владиміровичъ!.. Мнѣ говорили что вы этого очень желаете сами...

— Кто вамъ говорилъ? быстро и тревожно замоталъ онъ головой, спрашивая.

— Конечно, не скажу! Вы знаете что я никогда никого не выдаю. Вы можете поэтому совершенно откровенно говорить со мной.... Тѣмъ болѣе что вы знаете что въ этомъ случаѣ исполненіе вашего желанія обрадовало бы всѣхъ насъ ужасно....

Прытковъ осторожно оглянулся.

— Я знаю что вы такая же умная какъ и очаровательная женщина и что съ вами дѣйствительно можно говорить серіозно и не опасаясь... Я дѣйствительно не прочь бы взять это дѣло въ руки и, полагаю, не безъ пользы... *для спокойствія Россіи*, значительно примолвилъ онъ;—но тутъ ловыше меня люди на примѣтѣ...

— Кто такой?

— Вопервыхъ, самъ покойный указывалъ, слышно, какъ на лучшаго себѣ преемника, на графа Кисловскаго... Онъ къ тому же Лизютину дядя родной и въ Михайловскомъ дворцѣ большой другъ, не безъ ядовитости примолвилъ Прытковъ.

— На графа Павла Дмитріевича! вскликнула Ольга Елпидифоровна:—я у него обѣдала двѣ недѣли тому назадъ въ Парижѣ. Ему слишкомъ хорошо тамъ, онъ не промѣняетъ своего лосольства на незавидное наслѣдство господина Ростовцева, онъ никуда оттуда не уѣдетъ, онъ мнѣ это en toutes lettres сказалъ... Ну, кого же еще думаютъ?...

— Князь Шастуновъ, лейбъ-гусаръ! доложилъ еще разъ слуга въ дверяхъ.

Она досадливо замахала руками:

— Ахъ, Боже мой, скажи что занята, что не принимаю....

Слуга удалился.

Digitized by Google

Прытковъ торопливо подсунулъ большую, круглую, въ золотой оправѣ, одноглазку подъ правую бровь и направилъ ее на красивую барыню, стараясь придать всему чиновничьему облику своему выраженіе самаго тонкаго свѣтскаго лукавства:

— Графъ Леонидъ Александровичъ залретилъ? пролустилъ онъ шелотомъ и хихикая.—Скажу непремѣнно Ирмѣ: она этого богача-князька ужасно къ вамъ ревнуетъ. Успокою ее, бѣдную, донесу что вы его къ себѣ не пускаете.

— Вы опять со своимъ вздоромъ! строго возразила она ложимая плечами.—И когда это вы успѣваете среди такихъ серіозныхъ занятій, удивляюсь, ко всякимъ Ирмамъ ѣздить!...

— Не могу жить безъ этихъ погибшихъ, но милыхъ созданій! возгласилъ, закатывая глаза, Прытковъ, тщательно и всячески старавшійся поддерживать свою ложную репутацію неистоваго женолюбца.—Ну, однако прощайте, прощайте, очаровательница,—заторопился онъ, взглянувъ на часы:—я обѣщалъ князю Алексѣю Ѳедоровичу * заѣхать къ нему сейчасъ послѣ лаванхиды, и вотъ съ вами заболтался...

Онъ схватилъ ея руку, высоко прилодналъ ее, чмокнулъ жирными губами, причемъ небольшіе глазки его приняли пресквернное выраженіе налуской страстности, и проговоривъ скороговоркой: „ручка одна—цѣлый міръ блаженства!“ быстро повернулъ налѣво кругомъ и направился къ двери, закидывая на ходу правою ногой влередъ съ какимъ-то спеціальнымъ, далеко не изящнымъ ухорствомъ.

— Когда же мы увидимся? крикнула ему вслѣдъ хозяйка;—мнѣ такъ много еще сказать вамъ...

Но изъ другой комнаты несся уже его оглушительный хохотъ и возгласы какой-то словно неслыханной радости:

— Графъ Леонидъ Александровичъ! тянулъ онъ на сей разъ визгливымъ дискантомъ какъ бы отъ преизбытка счастія:—легки на поминѣ, мы вотъ только что съ красавицей о васъ говорили... Здравствуйте, здравствуйте!...

Ольга Еллидифоровна вскочила съ мѣста и побѣжала на встрѣчу новому гостю.

Онъ стоялъ посреди комнаты, чуть-чуть улыбаясь на неестественныя изъявленія чувствъ чиновнаго прбходимца,

* Тогдашній предсѣдатель Государственнаго Совѣта и главнаго комитета по крестьянскимъ дѣламъ.

Digitized by Google

какимъ былъ для него въ душѣ Прытковъ, и глядя какъ тотъ мялъ и прижималъ руку его ко груди своей, съ учтивымъ спокойствіемъ прирожденнаго барина, проведшаго всю жизнь свою въ изысканномъ обществѣ и при дворѣ.

— Cher comte, bonjour! молвила, быстро подходя къ нему. Ранцева:—вы уже все знаете, разумѣется.

— Да, сказалъ онъ, почтительно и нѣжно лобзая ея руку къ губамъ,—и удерживая ее затѣмъ на мигъ въ своей:—Знаете ли вы,—обратился онъ къ Прыткову негромкимъ голосомъ,—что Государю доставлена часъ тому назадъ племянникомъ Якова Ивановича предсмертная его записка?

— Онъ оставилъ предсмертную записку? вскликнулъ тотъ, задергавъ въ объявшей его вдругъ тревогѣ головой уже такъ какъ будто хотѣлъ отвинтить ее и скинуть съ плечъ.

— Значитъ, все у нихъ тамъ, въ коммиссіи, останется по-прежнему, le même esprit révolutionnaire! вскрикнула Ольга Елпидифоровна.

Графъ Наташанцевъ наклонилъ только голову и слегка развелъ руками.

— Останется, можетъ-быть... и даже вѣроятно, подтвердилъ Прытковъ, подымая вдругъ глаза и съ совершенно измѣнившеюся, уже бодрою интонаціей въ голосѣ,—но послѣднее слово все-таки не этимъ господамъ принадлежитъ. Положенія которыя выработаются редакціонными коммиссіями поступятъ въ Главный Комитетъ, а потомъ и въ Государственный Совѣтъ,—а тамъ мы еще увидимъ какъ все это пройдетъ!..

Графъ молча поглядѣлъ на него и какъ бы недовѣрчиво и невесело повелъ губами.

Прытковъ мгновенно вскинулся и сталъ прощаться.

— Да, словно припомнилъ Наташанцевъ,—то что я сообщилъ вамъ, Петръ Владиміровичъ, не секретъ, сколько я понимаю, и въ настоящую минуту вѣроятно извѣстно всѣмъ кого это интересуетъ, но я былъ бы обязанъ вамъ еслибы вы не говорили что слышали это именно отъ меня...

Тотъ схватилъ его руку обѣими своими и опять притиснулъ къ лацкану своего вицмундира.

— И самому князю Алексѣю Ѳедоровичу не скажу отъ кого узналъ, и ему не скажу, будьте покойны! загоготалъ онъ, надрываясь своимъ неизбѣжнымъ смѣхомъ; — прощайте, ваше сіятельство, прощайте, очаровательница!..

— Погодите, возгласила она,—я васъ не пущу прежде чѣмъ вы мнѣ не дадите слова извѣстить меня двумя словами, какъ

Digitized by Google

только узнаете, кто будетъ назначенъ на мѣсто Ростовцева. Вы знаете что графъ Леонидъ Александровичъ и я—могила!..

— Вамъ очень хочется знать первой?

— Да, очень.

— Ну хорошо, извѣщу!

— Слово?

— Слово.

Онъ исчезъ.

— Quel monsieur impossible! тутъ же свысока проговорила по его адресу Ольга Елпидифоровна, и обращаясь къ своему поклоннику:—Et vous cher, какъ вы милы что пріѣхали сегодня раньше обыкновеннаго! проговорила она, озирая его изъ-подъ полуопущенныхъ рѣсницъ долгимъ, проницающимъ взглядомъ.

Онъ въ свою очередь засіялъ счастьемъ, осторожно продѣлъ подъ локоть ея руку и, прикнувъ къ ней губами, съ наклоненною головой, медленно повелъ „очаровательницу“ въ гостиную.

II.

En vérité les gens d'un mérite sublime
Entraînent de chacun et l'amour et l'estime;
Et le vôtre, sans doute, a des charmes secrets
Qui font entrer mon coeur dans tous vos intérêts.

Molière. *Le Misanthrope.*

Menschen sind schwimmende Töpfe die sich an einander stossen.

Göthe.

Графу Леониду Александровичу Наташанцеву было далеко за пятьдесятъ, но онъ казался, да и самъ чувствовалъ себя, гораздо моложе своихъ лѣтъ, и могъ не въ шутку еще нравиться умнымъ умнымъ и слегка экзальтированнымъ женщинамъ.... Его *точеныя* черты, бѣлые какъ лунь волосы, при живыхъ, черныхъ и, какъ говорится, „въ душу просящихся“ глазахъ, давали всему характеру его наружности подобіе тѣхъ изящныхъ пастелевыхъ портретовъ которые аристократическій XVIII вѣкъ завѣщалъ, словно въ насмѣшку, грубому равенству нашихъ поколѣній.... Самъ онъ по воспитанію, по вкусамъ, по пріемамъ, какъ бы еще принадлежалъ къ тому вѣку. Въ немъ сохранялся послѣдній залахъ того старин-

Digitized by Google

наго, тонкаго *грансеніорства* съ его неуловимымъ, но неотразимымъ обаяніемъ, самое понятіе о которомъ отойдетъ въ область миѳовъ для нашихъ внуковъ... Умъ его былъ не глубокъ, сила характера не велика, но онъ былъ одаренъ рѣдкимъ тактомъ, необычайною чуткостью и почти женскою впечатлительностью сердца, которую сознавалъ въ себѣ, отъ которой въ теченіе всей своей жизни старался остеречься, и которая всегда брала въ немъ верхъ надо всѣми доводами его разума. Отношенія его къ женщинамъ отличались совершенно рыцарскимъ, чтобы не сказать сентиментальнымъ оттѣнкомъ, источникъ котораго слѣдовало искать въ герояхъ романовъ госложъ Cottin, de Duras и de Souza, во впечатлѣніяхъ навѣянныхъ ему литературой и духомъ эпохи его первой молодости. Вертеръ и *Le dernier des Abencerages* Шатобріана—двѣ книги, скажемъ мимоходомъ, съ которыми никогда не разставался Наташанцевъ и которыя онъ *перечитывалъ каждую весну*,—пробуждали въ немъ и теперь то же мечтательное и сладкое волненіе какимъ наполняли они его въ тѣ минувшіе годы „грезъ первоначальныхъ“....

Съ Ольгой Елпидифоровной онъ былъ знакомъ уже нѣсколько лѣтъ, но долго держался настороже, ограничиваясь тѣмъ поверхностнымъ, ни къ чему не обязывающимъ ухаживаньемъ безъ котораго какъ бы никому не было мѣста въ ея салонѣ. Она ему сильно нравилась, но онъ долго не довѣрялъ ни ей, ни себѣ,—не допускалъ „чтобъ она могла *понять его и избрать*“, боялся и собственнаго „*неразумнаго* увлеченія *такою особой*“. Затѣмъ онъ незамѣтно сталъ относительно ея въ положеніе друга, *оберегателя*, тонко и осторожно стараясь отстранить „опаснѣйшихъ“ изъ ея обожателей.... Но онъ былъ уже такъ отуманенъ кипѣвшимъ въ немъ чувствомъ что проглядѣлъ.... или, можетъ-быть,—и на это, увы, бываетъ иногда способенъ влюбленный человѣкъ!—не хотѣлъ видѣть связь ея съ Троекуровымъ.... Когда послѣ его телеграммы къ ней въ Москву она вернулась въ Петербургъ и передала ему о своемъ разрывѣ съ мужемъ, вслѣдствіе де его „грубаго нрава и невоспитанности, которые она, *никому до сихъ поръ не говоря о своихъ тайныхъ слезахъ*, имѣла-молъ терпѣніе переносить девять лѣтъ сряду“, вслѣдствіе его „сумасшедшей, *ничѣмъ серіознымъ неоправдываемой* ревности“, — Наташанцевъ ей слѣпо повѣрилъ, и положилъ тутъ же въ душѣ своей „замѣнить насколько будетъ въ его силахъ, все чѣмъ суд-

Digitized by Google

ба обездолившая до сихъ это прелестное созданіе,—cet être adorable, si merveilleusement doué et si digne d'un meilleur sort!"....

Ольга Елпидифоровна поняла это съ самыхъ первыхъ словъ произнесенныхъ имъ въ ея утѣшеніе,—поняла что „этотъ человѣкъ *весь ея* съ этой минуты"... Смутное чаяніе возникшее въ ея головѣ при полученіи его депеши, и на которомъ она со свойственною ей смѣлостью *порѣшила* съ мужемъ, становилось для нея теперь несомнѣнною дѣйствительностью. Она кинулась всѣмъ существомъ въ эту нежданно открывавшуюся предъ нею дверь лучезарнаго будущаго.....

Они почти не разставались за границей... Графъ былъ вдовъ, занималъ очень важную по іерархіи, но не обременительную придворную должность, былъ поэтому полный хозяинъ своего времени. Онъ вернулся въ Россію только за двѣ недѣли до нея и то „для избѣжанія разговоровъ". Волна любви—той „послѣдней любви", о которой сказано поэтомъ *: „ты и блаженство, и безнадежность",— уносила его все далѣе и далѣе отъ надежныхъ береговъ старческаго благоразумія...

Въ первый разъ еще въ жизни испытывала въ свою очередь Ольга Елпидифоровна то чувство которое наполняло ее въ настоящую пору. Страсть такого человѣка какъ Наташанцевъ и льстила ей, и подымала ее въ собственныхъ глазахъ, и налагала на нее цѣпи, которыхъ никогда не знала она до сихъ поръ и которыя несла теперь съ невыразимою радостью. Она понимала, она должна была *заслужить* то что обѣщала ей эта страсть, эта безграничная привязанность; ей надобно было поставить себя на ту ногу, завоевать себѣ ту степень *респектабельности* при которыхъ честолюбивыя цѣли ея могли бы быть достигнуты не возбуждая слишкомъ отчаянной оппозиціи, не вызывая слишкомъ бѣшеныхъ криковъ. Природный инстинктъ подсказывалъ ей то до чего додумалась великая мысль Гёте: „wer will drosses leisten, der muss sich beschränken wissen". Ольга Елпидифоровна *ограничивала, собирала* себя, сосредоточивалась въ ожиданіи той минуты когда новымъ, невидимымъ еще свѣтомъ должна была уже во всѣ стороны заблестѣть ея счастливая звѣзда.... Она перевоспитывала себя въ постоянномъ обществѣ Наташанцева, прилежно изучала его пріемы, его элегантно небрежную рѣчь,

* Тютчевъ.

Digitized by Google

потибъ и складъ его сужденій. „Mésalliance, конечно“, признавалась она себѣ,—„но чтобы ни въ какомъ уже случаѣ не mésalliance d'éducation. А тамъ все забудутъ!....“ Пылкость, самолюбіе и льстивый туманъ надеждъ застилали предъ ней безпощадную и вѣковѣчную истину: люди никогда не забываютъ того что̀ они не хотятъ позабыть....

По возвращеніи ея въ Петербургъ замѣченная въ ней наружная перемѣна возбудила, какъ мы уже знаемъ, удивленіе и толки во всемъ обширномъ кругѣ ея знакомыхъ. Перемѣна отозвалась и на самыхъ отношеніяхъ ея къ этому кругу. Ольга Елпидифоровна сочла необходимымъ „épurer son salon“, очистить его отъ непригодныхъ плевелъ и окончательно изгнать изъ него тотъ тонъ веселаго балагурства и легкой скабрёзности который до этого времени примѣшивался здѣсь ко всякому разговору, хотя бы даже самаго серіознаго свойства. Юное офицерство толпившееся нѣкогда у нея и тѣ, подобныя ей самой, дамы такъ-называемаго „втораго общества“, къ которымъ изъ „большаго“ ѣздятъ, когда онѣ хорошенькія, всѣ мущины и ни одна почти женщина, блистали теперь здѣсь, какъ говорится, своимъ отсутствіемъ. „Невозможные“ господа въ родѣ Прыткова допускались еще сюда лишь въ силу своего служебнаго положенія и пользы ожидаемой отъ нихъ тою „партіей“ которой Ольга Елпидифоровна, принимая въ серіозъ шуточныя слова сказанныя про нее въ Михайловскомъ дворцѣ, почитала себя теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь „madame Roland“.

Она принимала горячо къ сердцу интересы этой своей „партіи“, ужасно волновалась кипѣвшими кругомъ ея мрачными слухами о томъ что „всѣ эти Линютины, Бековичи и К° veulent amener un quatre vingt-treize en Russie“, и весьма краснорѣчиво доказывала, повторяя слова ходившей тогда по рукамъ весьма рьяной записки одного камергера (отставленнаго за составленіе ея отъ службы и недавно сосланнаго въ дальнюю губернію) что „толпѣ обѣщаютъ отдать на добычу чужую собственность“ и что русское дворянство этого никакъ допустить не должно... О такой ея пламенной преданности „à la bonne cause“ заговорили серіозно въ свѣтскомъ Петербургѣ. Въ противоположномъ лагерѣ посыпался по ея адресу градъ раздраженныхъ насмѣшекъ (лагерь этотъ въ свою очередь не щадилъ своихъ противниковъ). Ольгу Елпидифоровну позвали за то на балъ въ два-три „maisons huppées“, двери которыхъ

Digitized by Google

закрыты были для нея до сихъ поръ.... Графъ Наташанцевъ (представительству котораго въ сущности одолжена она была этими приглашеніями) радовался ея успѣху на этихъ балахъ, любовался горячностью ея „консервативныхъ“ рѣчей, но какъ бы вскользь напоминалъ ей по этому поводу что „prudence est mère de sûreté!...“

Самъ онъ не волновался. онъ скорбѣлъ... Онъ признавалъ себя „Европейцемъ“, да и по натурѣ своей былъ весьма человѣколюбивый, великодушный и образованный человѣкъ,— онъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ и самымъ искреннимъ образомъ желалъ „свободы Русскому народу“. Но то какъ „la question a été emmanchée“, говорилъ онъ, лугало его. Вопросъ для него вовсе не состоялъ въ тѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ ложертвованіяхъ которыя при этой „свободѣ“ долженъ былъ понести владѣльческій классъ въ Россіи; лично онъ готовъ былъ и на гораздо бо́льшія жертвы на пользу дѣла которое называлъ святымъ, „une cause sainte“. Но тотъ способъ какимъ руководились при разрѣшеніи его казался Наташанцеву гибельнымъ для всего русскаго будущаго. „Je ne comprends rien, говорилъ онъ, à toutes ces questions de надѣлъ, de пользованіе, de выкупъ; крестьянину, comme de raison, нужна земля, и я безо всякаго выкупа дамъ ему ее, и гораздо больше даже чѣмъ ces messieurs могутъ придумать, mais il faut подчеркивалъ онъ, *que nous restions les seigneurs de nos paysans*“ У него было какое-то свое, феодально - патріархальное, представленіе объ этомъ предметѣ, отъ котораго онъ не отступалъ: онъ не понималъ крестьянина безъ *барина*, — безъ хорошаго, „настоящаго“ барина, какимъ онъ былъ самъ (крестьяне его дѣйствительно благоденствовали),—руководителя, воспитателя, судьи, и—это было въ глазахъ его главное,—оберегателя темнаго мужика отъ „этой lèpre odieuse du чиновничество, которое и такъ у насъ все захватило“... „Faites des lois sévères“, доказывалъ онъ, „противъ тѣхъ ломѣщиковъ которые вздумали бы злоупотреблять своею патримоніальною властью, но не лишайте народъ его естественныхъ покровителей. Вы отымете дворянство у народа, и что́ дадите на его мѣсто? un самоуправленіе, c'est à dire un кабакъ en permanence, ou bien toujours le même omnicient, omnipotent et вездѣсущій чиновникъ, cet affreux тараканъ расплодившійся на нашей русской землѣ! А само дворянство, qu'en ferez vous?—лишнихъ dans la hiérarchie sociale людей и слѣдовательно враговъ de ce

Digitized by Google

Trône, котораго отцы ихъ и прадѣды были самые преданные слуги, ou une bourgeoisie sans traditions, envieuse de lucre et de pouvoir, comme en France, то-есть тѣхъ же опять ennemis nés du само-дер-жа-вія, произносилъ онъ по складамъ,—hors lequel point de salut въ Россіи."

„Насъ ждетъ toute une révolution sociale", печально вздыхалъ Наташанцевъ въ интимныхъ бесѣдахъ своихъ съ предметомъ его страсти... Онъ предвидѣлъ всѣ послѣдствія такой революціи: внезапный разгромъ цѣлаго, сложившагося вѣками, общественнаго строя, наплывъ чуждыхъ, невѣдомыхъ Россіи элементовъ броженія и недовольства, смута въ умахъ, разоренія, „une mauvaise carricature de l'Europe вмѣсто нашей доброй старой матушки, святой Руси, comme Dieu l'a faite!.." „Не все было хорото dans cette bonne matouschka, сознавался онъ, но вѣдь жилось же, и хорото, многимъ очень хорото жилось, en commençant par mes paysans. Лучше ли имъ будетъ... да и кому лучше будетъ когда все прошлое, а съ нимъ de glorieux souvenirs et tout ce qu'a créé l'esprit national, особенный духъ нашего народа, сметутъ съ лица земли и замѣнятъ какимъ-то mauvais échafaudage libéral à l'instar de l'étranger?"... Странное дѣло, этотъ старый царедворецъ и „Европеецъ", не умѣвшій сложить русской фразы безъ примѣси французскихъ словъ, какимъ-то прирожденнымъ чутьемъ своей народности возмущался болѣе всего опасеніемъ что перестроенію всей русской жизни будетъ недоставать въ самомъ корнѣ самобытнаго, „особеннаго" русскаго духа!...

Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ переживалъ въ тѣ дни свой трагическій кризисъ.... Делутаты „перваго призыва", приглашенные во второй половинѣ 1859 года для совѣщаній по этому вопросу, разъѣхались въ началѣ зимы изъ Петербурга въ самомъ раздраженномъ состояніи *. „Петербургскія власти" не имѣли, говорили они, никакого основанія сомнѣваться въ ихъ горячемъ желаніи содѣйствовать благимъ начинаніямъ Государя. Они пріѣхали съ искреннѣйшимъ намѣреніемъ доказать это на дѣлѣ. На милостивое обращеніе къ нимъ Его Величества, при пріемѣ ихъ въ Царскомъ Селѣ **, на которомъ произнесены были Государемъ знаменательныя

* *Матеріалы для ист. упраздненія крѣп. состоянія въ Россіи*, Берлинъ 1860—1861.

** 4 сентября 1859.

Digitized by Google

слова: „Я считалъ себя первымъ дворяниномъ когда былъ еще Наслѣдникомъ, гордился и горжусь этимъ и теперь“ *, одинъ изъ нихъ ** прямо объяснилъ даже что „дворянство готово на жертвы, хотя бы онѣ простирались и до трети ихъ состоянія“, и уже самъ Государь изволилъ выразить что „Онъ не требуетъ такихъ значительныхъ жертвъ и желаетъ чтобы великое дѣло совершилось безобидно и удовлетворительно для всѣхъ“.... А между тѣмъ ихъ, представителей *дворянства*, отстранили де отъ этого дѣла имѣвшаго рѣшить всю будущность ихъ сословія. „Они, конечно, вовсе не воображали быть ловѣренными отъ земли на совершеніе, обще съ правительствомъ, великаго дѣла уничтоженія крѣпостнаго состоянія, но они никакъ не думали чтобъ ихъ призвали въ С.-Петербургъ *чтобы сидѣть каждому на своей квартирѣ, отвѣчать на заданные вопросы и представлять справки*“ ***. Они почитали себя „законно въ правѣ“ надѣяться что голоса ихъ выслушаются въ высшемъ учрежденіи назначенномъ Государемъ для разрѣшенія вопроса объ освобожденіи ****, и не по отдѣльнымъ только вопросамъ, но „вообще по существу крестьянскаго положенія“; а имъ самымъ рѣшительнымъ образомъ запрещено было „касаться общихъ началъ“ †, совѣщаніямъ ихъ между собой не дозволили „имѣть офиціальнаго характера“, отняли у нихъ всякую инициативу, даже ихъ названіе *депутатовъ*, замѣнивъ его обозначеніемъ „членовъ губернскихъ комитетовъ“; заставили какъ школьниковъ отвѣчать на вздорные детальные пункты, какіе вздумала предложить имъ редакціонная коммиссія, составленная изъ „бюрократовъ“,—исполненныхъ де „самыхъ крайне демократическихъ и враждебныхъ дворянству убѣжденій“,—назначивъ имъ притомъ для отвѣтовъ такой короткій срокъ который дѣлалъ невозможнымъ какое-либо общее соображеніе и соглашеніе.... Они почитали себя, а въ лицѣ ихъ и все сословіе ихъ избравшее, обманутыми „бюрократіей“, униженными подка-

---

* *С.-Петерб. Вѣд.* 1859, № 164.

** Воронежскій предводитель, князь Гагаринъ.

*** *Депутаты и редакціонныя коммиссіи по крестьянскому дѣлу.* Лейпцигъ 1860. Брошюра написанная однимъ изъ этихъ депутатовъ.

**** Главный комитетъ и окрестьянскому дѣлу, учрежденный 8 января 1858.

† *Вызовъ и пріемъ депутатовъ перваго приглашенія.* Ст. Н. П. Семенова, *Русск. Вѣстн.* 1867.

Digitized by Google

чальною ролью въ которую поставили ихъ въ отношеніи къ коммиссіи, глубоко оскорбленными „недовѣріемъ“ которое оказано имъ было вообще правительствомъ...

Съ такими свѣтованіями, упреками и обвиненіями вернулись эти представители дворянства въ свои губерніи. Во многихъ изъ этихъ губерній готовились выборы. Они были вообще шумны съ самой той минуты когда правительствомъ возбужденъ былъ крестьянскій вопросъ. Явилось опасеніе что разказы о горькихъ впечатлѣніяхъ вынесенныхъ депутатами изъ Петербурга придадутъ имъ еще болѣе острый характеръ... Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ * извѣстилъ нежданно дворянство всей Россіи что оно „на собраніяхъ своихъ отнюдь не должно входить ни въ какія сужденія по предметамъ вообще касающимся крестьянскаго вопроса“.

Лѣкарство оказалось хуже болѣзни. На выборахъ заволновались, заголосили... Изъ Петербурга отвѣчали молчаніемъ, отказомъ или удаленіемъ предводителей отъ должности на получаемые отъ дворянства адресы и *прошенія*... **

Политическая рознь, явленіе невиданное до тѣхъ поръ на Руси, проникала теперь во всѣ углы ея... Частные люди и служащіе, сановныя лица и вѣдомства—избранные органы и слуги одной и той же высшей, самодержавной власти—раздѣлились на два лагеря мгновенно возненавидѣвшіе другъ друга съ ожесточеніемъ свойственнымъ лишь какой-либо наслѣдственной, племенной враждѣ... „Прогрессисты“, какъ выражалась тогдашняя журнальная публицистика, обзывали „*плантаторами*“ ревнителей „сословныхъ привилегій“; „дворянская партія“ въ свою очередь клеймила недруговъ своихъ прозвищемъ „соціалистовъ“. Вражда усиливалась отъ недоразумѣній, отъ бабьихъ сплетенъ и постыдныхъ клеветъ. Самомнѣніе „передоваго“ канцеляризма и личныя честолюбія съ одной стороны, угрожаемые интересы и оскорбленныя самолюбія съ другой вели каждый день въ стѣнахъ казенныхъ зданій и въ салонахъ Петербурга неустанную мелкую борьбу взаимныхъ обличеній, презрительныхъ надмеваній и смѣхотворныхъ другъ про друга „анекдотцевъ“... Смыслъ великаго дѣла терялся въ тинѣ всякихъ личныхъ счетовъ и дрязгъ...

---

* Ноябрь 1859.

** Отъ рязанскаго, ярославскаго, орловскаго, владимірскаго, тверскаго. *Матер. для ист. упразд. крпн. сост. въ Россіи.*

Digitized by Google

Неслыханнымъ нареканіямъ подвергался прежде всего человѣкъ поставленный выспимъ довѣріемъ во главу этого дѣла... Онъ служилъ мишенью для ударовъ со всѣхъ сторонъ. „Дворянская партія“ видѣла въ немъ лютаго себѣ врага. *Колоколъ*—эта гроза и Аѳкоранъ той поры—громилъ и клеймилъ въ то же время имя его чуть не въ каждомъ своемъ листкѣ. Въ самой средѣ ближайшихъ его пособниковъ относились о немъ нѣкоторые небрежно или свысока; онъ слылъ у нихъ подъ кличкой „капитана“ * угодникомъ и честолюбцемъ... Нелицепріятная исторія заговоритъ иначе объ этомъ человѣкѣ; она воздастъ ему подобающую честь и хвалу за великую заслугу его предъ родиной... Возложенной на него задачѣ онъ отдалъ всю душу свою... и жизнь. Желчная болѣзнь, прямое послѣдствіе неломѣрныхъ трудовъ, заботъ и душевнаго огорченія, уложили его въ постель. *Задача* не дала ему ни времени, ни нужныхъ силъ бороться съ недугомъ. Онъ волновался ею сердцемъ на самомъ порогѣ могилы ** и угасъ, повторяя еще въ предсмертномъ бреду: „Государь, не бойтесь!“...

Должно ли было это дѣло его погибнуть вмѣстѣ съ нимъ? Оттянется ли оно на неопредѣленный срокъ? Успѣютъ ли „крѣпостники“ вырвать его у „бюрократовъ“ и „соціалистовъ“?

---

* О несочувственныхъ къ нему отношеніяхъ этихъ лицъ свидѣтельствуетъ лучше всего отзывъ о немъ въ упомянутыхъ изданныхъ за границей *Матеріалахъ для упр. кр. сост.* (Выпускъ I, стр. 380), происхожденіе которыхъ изъ ихъ среды не подлежитъ, кажется, сомнѣнію.

** 1 февраля, утромъ, Яковъ Ивановичъ приказалъ настойчиво послать за княземъ Черкасскимъ. Когда послѣдній и завѣдывавшій дѣлами (П. П. Семеновъ) вошли къ нему, онъ сказалъ: „Вотъ цѣлый мѣсяцъ, князь, какъ я не видалъ васъ, по возвращеніи вашемъ изъ Москвы. Въ это время я былъ безъ силъ; теперь чувствую силы и долженъ поговорить съ вами.“ Затѣмъ онъ повелъ бесѣду о работахъ коммиссіи, сначала шепотомъ, потомъ внятно; онъ спрашивалъ: „Увѣрены ли вы такъ же какъ я что обязательный выкупъ для правительства невозможенъ? Увѣрены ли вы такъ же какъ я что срочно-обязанныя отношенія, при всѣхъ ихъ неудобствахъ, неизбѣжны?“ Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ сказалъ: „Въ такомъ случаѣ мы сдѣлали все что могли только сдѣлать; совѣсть моя спокойна. Силы мои слабѣютъ, но одинъ только савванъ можетъ отдѣлить меня отъ крестьянскаго вопроса.“ *Некрологъ І. И. Ростовцева*, сост. Ѳ. Еленевымъ 19 февраля 1860 года, стр. 19.

Digitized by Google

Кто станетъ теперь во главѣ его, кто замѣнитъ это лицо, сильное положеніе котораго не въ силахъ были сломить самые высокопоставленные противники его воззрѣній?

Вопросы эти стояли теперь у каждаго на устахъ и въ мысли. Въ канцеляріяхъ были тревогу; свѣтскія гостиныя ликовали...

— Это развѣ очень важно по вашему, его предсмертная записка? спрашивала въ гостиной, усаживаясь въ глубокое кресло, Ольга Елидифоровна Ранцева: — expliquez moi cela, cher.

Наташанцевъ не успѣлъ отвѣтить.

— Графъ Шепелевъ. Генералъ, графъ Анисьевъ! доложилъ слуга.

Она чуть-чуть повела бровью и вопросительно поглядѣла на своего собесѣдника.

— Конечно, примите! изобразилъ онъ движеніемъ головы и какъ бы благодарно улыбаясь ей за этотъ нѣмой вопросъ.

— Проси!

Оба они были люди лѣтъ сорока, оба красивы, оба занимали видныя положенія: Анисьевъ по служебной должности (онъ недавно былъ назначенъ на нее изъ губернаторовъ), — Шепелевъ, или, какъ прозывали его друзья, „Chou-Paul", по выборамъ.

— Eh bien, c'est fini! молвилъ входя первый изъ нихъ, предупредительно раскланиваясь съ Наташанцевымъ и подавая съ особенною любезностью руку хозяйкѣ.

— Вы были на панихидѣ? спросила она.

— Само собою, по обязанности... Но если это можетъ васъ утѣшить, примолвилъ Анисьевъ со своею особенною улыбкой,—я могу вамъ сообщить что и графъ Игловъ-Савловъ былъ тамъ и громко всѣмъ выражалъ свою горесть о понесенной отечествомъ потерѣ.

— Не можетъ быть! вскрикнула Ранцева:—послѣ его знаменитаго письма къ покойному, которымъ онъ такъ хвалился намъ и напечаталъ въ Парижѣ!..

— Et dont on a été fort mécontent, протянулъ многозначительно Наташанцевъ.

—„Malheureusement! быстро проговорила она,—но это не мѣшаетъ что онъ высказалъ въ немъ des choses très dures, но совершенно справедливо насчетъ самовластныхъ дѣйствій Ростовцева, который со своими Линютиными et compagnie

Digitized by Google

долженъ былъ только сдѣлать сводъ изъ того что постановили комитеты въ провинціяхъ, а никакъ не выдумывать своего положенія... N'est-ce pas, comte?—обратилась она къ Шелелеву, который не то угрюмо, не то устало опустился въ кресло насупротивъ ея, и молча глядѣлъ на нее бархатно нѣжными и какъ бы упрекающими глазами (онъ ревновалъ ее къ Наташанцеву).

Онъ утвердительно повелъ головой на ея вопросъ.

— Да, но вы слышали что сказалъ сейчасъ графъ Леонидъ Александровичъ, продолжалъ Анисьевъ:—эти „choses dures" очень не понравились...

— Такъ вы думаете что онъ это pour rentrer en grâce?...

— Предоставляю вамъ заключать...

— Mon Dieu, mon Dieu! Человѣкъ такой богатый, si aristocrate, en paroles... Для чего это ему?... — И Ольга Еллидифоровна подняла глаза къ небу.

Анисьевъ, прикусивъ усъ, иронически поглядѣлъ на нее:

— La grande propriété, ваша надежда, а?...

Шелелевъ поморщился. Наташанцевъ опустилъ глаза и тихо вздохнулъ.

— Вы рѣшительно сдѣлались краснымъ въ вашей губерніи! сказала досадливо хозяйка Анисьеву.

— Повозились бы вы тамъ съ *бѣлыми*, весело возразилъ онъ,—пунцовымъ можно сдѣлаться!...

Она обратилась опять къ Шелелеву:

— И вы не знаете кто же на мѣсто покойнаго?

— Графъ Сергѣй Северовъ, on dit.

— Онъ не пойдетъ... да ему и не предложатъ, молвилъ негромко графъ Наташанцевъ.

— Это почему?

— Trop entier de caractère....

— Баронъ фонъ-Гагернъ, ломѣцкій Перстневъ, раздался въ дверяхъ голосъ слуги.

— Перстневъ, c'est précisément mon homme, сказалъ Шелелевъ хозяйкѣ:—делутатъ про котораго я вамъ говорилъ. Très intelligent, промолвилъ онъ.

— Ахъ, да, я очень рада... Проси!

Баронъ фонъ-Гагернъ, Остзеецъ, когда-то товарищъ графа Наташанцева по конной гвардіи, высокій, сухой старикъ съ лосившеюся до затылка кирпичнаго цвѣта лысиной и съ сѣдыми усами подчесанными къ верху, держалъ себя чрезвы-

Digitized by Google

чайно прямо, чинно и щеголевато, какъ и приличествовало прибалтійскому феодалу и бывшему кавалеристу. Онъ въ прошломъ году выдалъ одну изъ дочерей своихъ, фрейлину, за сына Наташанцева, и почиталъ нужнымъ, снисходя къ слабости стараго „камрада и нынѣ родственника", не оставлять своимъ вниманіемъ и „прекрасную даму его сердца".

Перстневъ, стеклякъ и крѣлышъ, съ ворохомъ взъерошенныхъ полусѣдыхъ волосъ на головѣ, высунутою впередъ челюстью и острыми, умными глазами, надъ которыми непродорнымъ кустарникомъ висѣли густыя темныя брови, глядѣлъ на первый разъ циникомъ и нелюдимомъ. Но это первое впечатлѣніе, какъ только онъ отворялъ ротъ, оказывалось совершенно ошибочнымъ:—онъ былъ ужасный болтунъ.

— Очень рада съ вами познакомиться, говорила Ранцева протягивая ему руку, между тѣмъ какъ другую галантно подносилъ къ устамъ своимъ баронъ фонъ-Гагернъ;—графъ Шелелевъ вотъ говоритъ о васъ какъ о...

— Какъ о товарищѣ въ будущихъ бояхъ противъ нашихъ Сенъ-Жюстовъ и Бабефовъ, не далъ ей договорить онъ:—такъ оно точно. Да много ли лооператорствовать-то намъ дадутъ? Вѣдь у нихъ тамъ, говорятъ, на Васильевскомъ Острову не совѣщанія-съ, а экзамены происходятъ: сидятъ это учителя и наставники—господа все изъ здѣшнихъ министерій—и предлагаютъ темы для упражненія въ прекрасномъ слогѣ, а практики — ломѣщики избранные русскимъ дворянствомъ, обращенные въ школьниковъ—строчатъ на эти темы сливы не разгцбая, чтобы къ сроку не опоздать, а то и вовсе съ экзамена, изъ Петербурга то-есть, прогонятъ.

Кругомъ засмѣялись.

— Позвольте познакомить васъ съ... и хозяйка переименовала ему своихъ гостей.

Онъ неловко раскланивался и ложималъ протянувшіяся къ нему руки...

— Я сосѣдъ вашему сіятельству по Чембарскому уѣзду, началъ онъ опять, обращаясь къ Наташанцеву;—мужики-то у васъ отъ чая да пшеничнаго хлѣба эвоть какъ отъѣлись, тузы тузами, и не подходи!...

— Да, имъ жить кажется не дурно, усмѣхнулся въ отвѣтъ графъ.

---

* Редакціонныя коммиссіи, какъ извѣстно, собирались въ зданіи бывшаго 1го Кадетскаго корпуса, на набережной, Вас. Острова.

Digitized by Google

Баронъ Гагернъ степенно усмѣхнулся тоже:

— Ну, я полагаю, такихъ мужиковъ которые каждый день чай лопиваютъ и *булка* ѣдятъ не много въ Россіи?

Перстневъ живо обернулся на него:

— А въ Курляндіи много ихъ, господинъ баронъ?

Тотъ нахмурился:

— У насъ земледѣлецъ давно свободный есть; ломѣщикъ не отвѣчаетъ за него.

— А земли у него своей нѣтъ, у земледѣльца у вашего? примолвилъ ему въ тонъ степнякъ.

— Онъ можетъ нанимать у *помѣщика* и даже покупать....

— А отдавать ему вашу землю даромъ васъ никто не принуждаетъ?

— Я полагаю, строго протянулъ Гагернъ, медленно проводя рукой по усамъ и изподлобья глядя на своего собесѣдника,—что никто не думаетъ отымать у насъ наши *привилегіи*.

— О, на этотъ счетъ будьте покойны! желчно отрѣзалъ Перстневъ,—никто васъ никогда не тронетъ, ни вашихъ „привилегій“, ни вашей земли! Съ *нами* все это можно, а съ вами нельзя!.. Вы настоящее *сословіе*, вы—*рыцарство*, а мы.... намъ, представителямъ дворянства, господа эти отъ министерій чуть ужь не прямо теперь въ глаза плюютъ....

— Ну, какъ это возможно! возгласилъ баронъ.

— Очень просто-съ. А вы объ этомъ не слыхали? уже шипѣлъ степной делутатъ: — когда товарищей нашихъ перваго призыва пригласили въ коммиссію въ первое засѣданіе *, прочли имъ вопросные пункты и строжайшую инструкцію чтобы ни о чемъ другомъ не смѣли они разсуждать помимо этихъ пунктовъ, вышли они оттуда, вы понимаете, какъ въ воду опущенные, уничтоженные, можно сказать...

Остзеецъ и ловелъ кругомъ себя вопросительнымъ взглядомъ.

Анисьевъ иронически улыбался. Остальные молчали, опустивъ глаза.

— Генералъ Базанкуръ!... Господинъ Риччи!... Господинъ Чижевскій! произнесъ слуга одно имя за другимъ.

— Vous savez? первымъ дѣломъ спросилъ высокій, благообразный, похожій на барона Гагерна по нерусскому типу наружности, генералъ, поцѣловавъ руку хозяйки и обводя кругомъ общимъ поклономъ.

---

* 25 августа, 1859 года.

Digitized by Google

— Quoi?

— Le remplaçant de Ростовцевъ?

Все обернулось къ нему, все крикнуло:

— Кто же, кто?

— Моравовъ, le ministre des domaines.

— Въ самомъ дѣлѣ? Откуда вы знаете?

— De très bonne source, подчеркнулъ Базанкуръ;—онъ вчера представилъ записку о необходимости освобожденія государственныхъ крестьянъ вмѣстѣ съ ломѣщичьими, и ввернулъ въ нее entr'autres что государственныя имущества могутъ дать шестьдесятъ милліоновъ для выкупной операціи. Vous comprenez qu'un homme qui vous offre soixante millions pour vous tirer d'embarras...

— И который не „красный", замѣтилъ Анисьевъ насмѣшливо глядя на Ольгу Еллидифоровну.

— Совсѣмъ напротивъ, слава Богу! вскликнула она.—Какъ я рада, какъ я рада!...

— Un homme d'esprit! кивнулъ одобрительно графъ Натташанцевъ.

— Et tout d'une pièce! примолвилъ Шелелевъ.

— Имѣю честь знать, сказалъ въ свою очередь Перстневъ, скаля зубы и потирая руки отъ удовольствія,—баринъ этотъ съ редакціонными коммиссіями, полагаю, много разговаривать не станетъ.

Общій сочувственный смѣхъ отвѣчалъ на эту выходку.

— Moi z'ai (j'ai) entendu autre sose (chose), вмѣшался въ разговоръ сѣдовласый Руччи, композиторъ, учитель пѣнія и любезный человѣкъ, принадлежавшій къ числу „паричковъ" хозяйки дома: z'ai vu auzourd'hui (aujourd'hui) quelqu'un qui m'a dit que le ministre de l'intérieur, Danskoi avait présenté, une zapiska à Sa Mazesté (Majesté) et que c'est lui qui remplacerait le zénéral défunt.

— Un vieux ramolli! вскрикнула нѣсколько испуганно Ольга Еллидифоровна;—это значитъ опять Линютинъ, Соловейкинъ, tout le fond du panier?

Чижевскій, служившій помощникомъ статсъ-секретаря въ Государственномъ Совѣтѣ, заговорилъ въ свою очередь:

— Меня сегодня увѣряли что ни Данской, ни Моравовъ, а будетъ назначенъ министръ путей сообщенія Чевыкинъ....

— Ce méchant bossu? перебила его Ранцева.

— Да... и что-то очень похоже на это: онъ сегодня потребовалъ къ себѣ товарища моего по службѣ, Жукова, который

Digitized by Google

непремѣнный членъ въ редакціонной коммиссіи, и очень долго его разспрашивалъ о ея трудахъ... Онъ также представилъ спеціальную записку по вопросу освобожденія...

— Современный турниръ, сострилъ Перстневъ: — рыцари копьями вышибали другъ друга изъ сѣдла, а наши министры выковыриваютъ другъ друга записками... О чемъ же именно, не изволите знать, записка генерала Чевыкина?

— О необходимости пересмотра остзейскаго крестьянскаго положенія.

Баронъ Гагернъ даже привскочилъ на своемъ стулѣ.

— Pardon, monsieur, вы это знаете какъ... *вѣрное?* обратился онъ къ Чижевскому съ судорожно заходившимъ лицомъ.

— Я, разумѣется, записки не читалъ, отвѣчалъ тотъ съ полуусмѣшкой,—но имѣю основаніе думать что она дѣйствительно представлена....

— Но это невозможно.... невозможно совсѣмъ! забормоталъ баронъ, послѣдно вставая съ мѣста.

Онъ торопливо ложалъ руку хозяйкѣ, кивнулъ разсѣянно остальнымъ, и быстрыми шагами вышелъ изъ гостиной.

Оставшіеся переглянулись съ невольною улыбкой.

— Да-съ, сказалъ Перстневъ,—вотъ эти господа умѣютъ стоять за себя.... И отстоятъ, бояться за нихъ нечего!...

— Европейцы! коротко проговорилъ на это Шелелевъ.

— Да что вы думаете, графъ, вскинулся тутъ же словоохотливый степнякъ,—еслибы насъ, варваровъ, поставили въ тѣ же условія въ какихъ....

— Я къ вамъ только на полминуты, ma chère, перебилъ его рѣчь голосъ показавшейся въ дверяхъ довольно тучноватой, но очень живой дамы, въ шляпѣ и мантильѣ и съ *дѣловымъ* портфелемъ въ рукѣ (это была Варвара Петровна Мосягина, пользовавшаяся, какъ и графъ Натаншевъ, правомъ входить во всякое время безъ доклада къ гжѣ Ранцевой),—я и такъ ужь опоздала въ комитетъ.... Bonjour, messieurs! послала она съ мѣста поклонъ поднявшимся при ея появленіи мущинамъ, и вдругъ разсмѣялась и проговорила въ придачу изъ пѣсни о „Мальбрукѣ“:

La nouvelle que j'apporte
Fera pleurer vos beaux yeux....

— Quelle nouvelle? воскликнула идя ей на встрѣчу Ольга Елпидифоровна.

Digitized by Google

— У меня сейчасъ была Нелли Новицкая, прямо изъ Михайловскаго дворца; ей тамъ сказали что назначеніе Линютина рѣшено.

— Куда?

— На мѣсто Ростовцева.

Произошло настоящее смятеніе. Все устремилось къ ней....

— Вы шутите?

— Не можетъ быть!

— Quelle infâmie! взвизгнула Ранцева....

Перстневъ махнулъ отчаянно рукой по воздуху:

— Продамъ все, заберу семью и удеру въ Америку! Чтобъ уши мои не слышали, глаза не видали!...

— А затѣмъ прощайте! молвила тѣмъ временемъ Мосягина, оборачиваясь и уходя,—слѣшу....

— Куда же вы? погодите минутку, Варвара Петровна! кинулась за ней хозяйка.—Вы намъ ничего не успѣли обстоятельно разсказать, какъ это случилось и навѣрное ли....

— И ничего не знаю кромѣ того что мнѣ сказали, и не спрашивайте!... Мнѣ очень жаль что это васъ, милая, огорчаетъ (Варвара Петровна неожиданно охватила при этомъ Ранцеву за шею и звонко чмокнула ее въ щеку), но мои пріютскія сироты гораздо для меня дороже чѣмъ всѣ ваши combinaisons politiques... Я personellement его даже очень люблю, Линютина и Бековича тоже... Премилые оба et très drôles quand ils s'en mêlent.... а я люблю посмѣяться.... Прощайте!

— Позвольте мнѣ предложить вамъ руку до крыльца! любезно молвилъ ей Анисьевъ, взявъ свою каску и уходя за нею... Продольная морщинка стояла между его бровями: онъ былъ озабоченъ не вѣстью объ этомъ назначеніи Линютина,— онъ ей не вѣрилъ,—а тѣмъ что ему было еще неизвѣстно объ этомъ столь уже рѣшительно, повидимому, распространяемомъ „au palais Michel“ слухѣ... Надо было сейчасъ же *провѣрить*.

— Très curieux! сказалъ прощаясь въ свою очередь генералъ Базанкуръ: — je vais aux informations.

— Напишите мнѣ сейчасъ же когда узнаете что-нибудь положительное! потребовала отъ него Ольга Елпидифоровна.

— Vos désirs sont des ordres, madame! отвѣчалъ генералъ нѣжнымъ тономъ и заглядывая ей прямо въ глаза.

Онъ слегка вздохнулъ, замѣтивъ что глаза эти совершенно нѣмы для него въ эту минуту, пережалъ всѣмъ руки и исчезъ.

Digitized by Google

— Venez diner chez moi après-demain, Ricci! какъ бы вспомнивъ вдругъ сказала Ранцева.

Влюбленный Итальянецъ понялъ что это приглашеніе на послѣзавтра означало: „а въ эту минуту ты здѣсь лишній.“ Вспышка досады изобразилась на его немолодомъ, но еще свѣжемъ и красивомъ лицѣ.

— Ze vous avais apporté oune (une) nouvelle romance de Gordigiani à santer (chanter), молвилъ онъ подымая шляпу съ пола и медленно вставая со стула.

Она только головой кивнула.

— Sortons nous ensemble, monsieur Tzizewski? спросилъ онъ молодаго чиновника.—Уходить-молъ, такъ хоть не одному.

Чижевскій всталъ. Перстневъ шевельнулся въ своемъ креслѣ какъ бы съ тѣмъ же намѣреніемъ.

— Погодите, шепнула наклоняясь къ нему хозяйка.

Риччи сверкнулъ глазами по направленію Наташанцева и Шепелева не трогавшихся съ мѣстъ (всѣ „парички“ Ольги Елпидифоровны страшно ревновали къ ней другъ друга) и удалился съ Чижевскимъ.

Оставшись съ одними „серіозными людьми“, Ольга Елпидифоровна первымъ дѣломъ поставила имъ такого рода вопросъ:

— Неужели вы теперь, господа, не соединитесь крѣпко, не примете рѣшительныхъ мѣръ?... Une adresse à Sa Majesté, que sais-je!.. Вѣдь теперь съ Линютинымъ en tête это будетъ уже не то что дворянство болѣе или менѣе оберутъ; они уже, не церемонясь, прямо поведутъ à une révolution sociale, comme vous dites très bien cher comte.—И она обернулась ко графу Наташанцеву.

— Такъ или иначе, cela en sera toujours une! печально и тихо промолвилъ онъ на это.

— Въ Америку-съ, въ Австралію бѣжать только и остается! пролѣпъ отъ избытка волненія визгливымъ дискантомъ Перстневъ.

— Извѣстіе прежде всего требуетъ подтвержденія, замѣтилъ спокойнымъ тономъ графъ „Chou-Paul“; — я въ немъ очень сомнѣваюсь.

— Почему?

— Я, вопервыхъ, видѣлъ сегодня Линютина на панихидѣ, il n'avait pas l'air joyeux du tout...

— Но знаете, замѣтилъ Шепелевъ, — я не удивлюсь если это самое назначеніе произойдетъ par la force même des choses.

Digitized by Google

— А фельдмаршалъ что же? перебила его вдругъ Ранцева, глядя на него заискрившимися снова глазами;—говорили ему? Что онъ сказалъ? Онъ такъ силенъ, близокъ... и съ нами однихъ мнѣній... Онъ можетъ объяснить наконецъ куда хотятъ вести Государя и Россію эти Прудоны въ вицмундирахъ.

— Le maréchal n'a que sa gloire en tête, отвѣчалъ недовольнымъ голосомъ „Chou-Paul“;—онъ взялъ Имама, прекратилъ вѣковую войну, съ него довольно... Il s'est refusé à tout: „не мое дѣло“, говоритъ...

— И онъ правъ! какъ бы про себя пролустилъ Наташанцевъ.

— Никакой надежды, значитъ, не осталось! вскликнула съ отчаяніемъ лысая молодая женщина (она такъ вошла въ свою „политическую“ роль что слезы дѣйствительно готовы были брызнуть изъ ея прекрасныхъ карихъ глазъ)...

Въ дверяхъ показался еще разъ слуга: онъ несъ письмо на серебряномъ подносѣ.

Ольга Елпидифоровна взглянула на адресъ, узнала руку Прыткова и съ судорожною поспѣшностью сорвала обложку.

На клочкѣ бумаги мельчайшимъ почеркомъ и безъ подписи начертаны были ровно девять словъ:

„По всѣмъ признакамъ графъ Вилинъ. Сейчасъ потребованъ во дворецъ.“

— Браво, messieurs, браво! вся вспыхнувъ вскрикнула Ольга Елпидифоровна, передавая письмо графу Наташанцеву,—Линютинъ à bas! Вилинъ будетъ, un grand seigneur, какого нужно было!...

— Графъ Вилинъ! повторилъ, всплеснувъ радостно руками Перстневъ,—ну, значитъ дѣло въ архивъ сдано! Онъ Васильеостровскую компанію похоронитъ и камнемъ завалитъ.

— Чего онъ не похоронитъ, засмѣялся графъ Шелелевъ,—il est né croquemort!

— Я воображаю какъ взбѣсится Герценъ, который называлъ его „трехполѣннымъ“, и всѣ наши „либералы“, молвила Ранцева, вторя его смѣху.

— Рано лягушечка запѣла, неожиданно уронилъ графъ Наташанцевъ, улыбаясь своею тихою и тонкою улыбкой.

— Вы не вѣрите?

— Чему? А la nouvelle? Вѣрю. Въ остальномъ сомнѣваюсь.

Chou-Paul поднялъ на него свои бархатные глаза:

— Я не менѣе васъ, графъ, сомнѣваюсь чтобъ изъ этого

Digitized by Google

назначенія могло что-нибудь выдти. Nous connaissons l'homme. Но это самое и должно повести къ желанной цѣли. Вилинъ rendra la редакціонная коммиссія impossible. Онъ ею надоѣстъ до смерти, и ее закроютъ, дѣло перейдетъ опять въ главный комитетъ, который bongré, malgré, принужденъ будетъ созвать представителей отъ дворянства....

— Et la Russie sera sauvée! перебила его восторженнымъ возгласомъ Ольга Елпидифоровна.

— И мы спасемъ ее дѣйствительно, владая въ тонъ молодой женщины, заслѣшилъ говорить Перстневъ;—мы докажемъ правительству что путемъ спопіаціи можно только привести ее къ разгрому и разоренію, что единственный путь въ этомъ вопросѣ есть полное довѣріе къ преданности дворянства престолу, къ его великодушію и патріотическому духу, а исходъ— добровольныя соглашенія помѣщиковъ о землѣ съ освобождаемымъ *лично* народомъ....

— А къ этому, какъ условіе sine qua non, примолвилъ Шепелевъ,—полное, и прежде всего другаго, преобразованіе суда и мѣстной администраціи...

— Суда и мѣстной администраціи, уже захлебываясь повторилъ за нимъ стелной помѣщикъ:—съ какой бы стороны вы ни подошли къ этому, можно сказать, роковому вопросу освобожденія, съ политической, административной, экономической, соціологической....

— Однако, я думаю, вамъ и обѣдать пора? обратился вдругъ вынимая часы графъ Наташанцевъ къ хозяйкѣ, видимо ислугавшись дальнѣйшаго краснорѣчія этого „Демосѳена изъ Чембаръ", какъ назвалъ онъ мысленно Перстнева.

— Въ самомъ дѣлѣ поздно! подтвердилъ Chou-Paul, послѣшно вставая съ мѣста.

Стелной депутатъ досадливо поглядѣлъ на двухъ „аристократовъ" не давшихъ ему довести даже перваго періода его рѣчи до конца, вздохнулъ и поднялся тоже.

— Messieurs, сказала хозяйка, спеціально относясь впрочемъ къ нему, Перстневу,—то что я вамъ прочла—до поры до времени величайшій секретъ, помните!

— Помилуйте, само собой! воскликнулъ онъ, прикладывая даже руку къ сердцу...

Всѣ трое мущинъ, распростившись съ хозяйкой, направились къ дверямъ. Она поднялась въ свою очередь проводить ихъ.

Digitized by Google

Въ слѣдующей комнатѣ графъ Наташанцевъ замедлилъ шаги и остановился предъ висѣвшею на стѣнѣ одною изъ немногихъ картинъ покойнаго Акулина удержанныхъ за собою его дочерью.

— J'aime beaucoup ce Lancret, молвилъ онъ, какъ бы задержанный желаніемъ полюбоваться ею еще разъ, между тѣмъ какъ графъ Шепелевъ и Перстневъ выходили въ переднюю...

— Я недовольна вами, какъ только остались они одни, проговорила полушепотомъ Ольга Елпидифоровна, нѣжно глядя ему въ глаза и роняя руку свою въ протянувшуюся къ ней его руку,—вы чѣмъ-то тревожитесь?

Онъ поглядѣлъ на нее, и произнесъ тѣмъ задушевнымъ тономъ которымъ позволялъ онъ себѣ говорить только съ нею,—тономъ выдававшимъ своимъ искреннимъ пафосомъ романическую подкладку его натуры:

— J'aime mon pays—et je tremble pour lui!

— Это требуетъ объясненія, сказала Ранцева,—вернитесь въ гостиную.

Они усѣлись тамъ рядомъ на диванчикѣ и заговорили какъ бы невольно тихими голосами...

— Скажите, спрашивала она,—вы недовольны назначеніемъ графа Вилина? Почему?

— Милый другъ мой, отвѣчалъ онъ,—вы ошибаетесь. Я тревожусь, это правда, но Вилинъ тутъ не причемъ... Вы и наши друзья придаете какое-то огромное значеніе тому въ чьи руки перейдетъ задача не довершенная Ростовцевымъ. А я вамъ вотъ что скажу,—онъ осторожно оглянулся кругомъ:—того чего хотѣли бы мы—никогда не будетъ! Ни Вилинъ, ни,—кто бы, излюбленнѣйшій изъ насъ, ни сталъ теперь во главу этого дѣла,—не въ силахъ будетъ сдвинуть его съ того направленія какое ему дано. Освобожденіе крестьянъ—*лич-но-е дѣ-ло Государя*, протянулъ многозначительно графъ:—оно ему всецѣло принадлежитъ, и ни-ко-му другому; Линютинъ et compagnie ne sont que des comparses qui s'ima-ginent grands rôles, больше ничего. А все это безо всякаго ихъ посредства зародилось въ душѣ Государя; онъ же, не сомнѣвайтесь въ этомъ, доведетъ дѣло до конца, и въ томъ духѣ въ какомъ оно было имъ задумано.... Вы слышали переданныя мною Прыткову слова Его Величества при полученіи посмертной записки покойнаго?... Онъ въ ней видитъ „завѣщаніе" чело-

Digitized by Google

вѣка глубоко и искренно проникшагося *его* волею и мыслію, и не отступитъ отъ ея началъ,—вы можете быть въ этомъ увѣрены!

— Но однако же, возразила Ольга Елпидифоровна,—назначенъ на мѣсто этого человѣка другой, совершенно ему противоположный, un grand seigneur, другихъ понятій, воспитанія, традицій...

— Этотъ „grand seigneur“, молвилъ старый царедворецъ покачивая головой,—безпрекословный слуга высшей власти: онъ строго исполнитъ то что̀ ему будетъ указано....

— Но въ такомъ случаѣ... вы сами предвидите такія печальныя послѣдствія.... не договорила она и вопросительно подняла на него глаза.

Онъ уныло усмѣхнулся:

— Что̀ же дѣлать! Государь не можетъ имѣть къ намъ довѣрія болѣе чѣмъ мы сами имѣемъ его къ себѣ.... А мы... soyons francs: никто изъ насъ *въ себя не вѣритъ!* уже чуть слышно и съ какимъ-то отчаяніемъ проговорилъ графъ.

Оба они замолкли за этими словами.

Онъ первый прервалъ молчаніе:

— Вы не получили еще приглашенія изъ ***го дворца? молвилъ онъ уже съ улыбкой, какъ бы приходя въ себя и отгоняя докучную заботу.

Она вся вздрогнула и загорѣлась взглядомъ:

— Нѣтъ.. а развѣ?.. не въ силахъ была она докончить отъ радостнаго волненія.

— Vous êtes sur la liste; мнѣ вчера у Оссовицкихъ на балѣ сказала la demoiselle d'honneur de l'endroit, княжна Кубенская.

Ольга Елпидифоровна схватила руку его обѣими своими:

— Oh, mon ami, какъ вы милы, добры, какъ я васъ люблю!...

Онъ обнялъ ее и привлекъ къ себѣ... Она горячо поцѣловала его въ щеку.

— Не почитайте меня пустою и тщеславною, шептала она, прильнувъ *кошечкой* къ его плечу:—я радуюсь всему этому теперь, потому что я этимъ становлюсь ближе къ вамъ, cher,—къ вамъ, моей единственной привязанности въ жизни...

— О, проговорилъ Наташанцевъ, и пламень глубокой страсти освѣтилъ совершенно юношескимъ пыломъ его красивыя старческія черты, — когда будете вы совсѣмъ моею предъ Богомъ и предъ людьми!..

Digitized by Google

— Это зависитъ отъ васъ... вы знаете, вся румяная и счастливая отвѣчала она тѣмъ же шепотомъ, глянувъ на него изъ-ока своимъ неотразимымъ взглядомъ.

Онъ весь сгаралъ, страстно сжимая и цѣлуя ея руки...

— А изъ Рай-Никольскаго, спросилъ онъ,—есть отвѣтъ на ваше письмо?...

— Сегодня утромъ, я только что встала, явился ко мнѣ *его* довѣренный; онъ пріѣхалъ изъ Москвы безъ письма, но съ порученіемъ сказать мнѣ что онъ, то есть mon mari, „на все согласенъ“... „Скажите ей“, передалъ мнѣ тотъ его слова, „что я никогда не захочу помѣшать ея счастью, и какъ сказалъ ей такъ и исполню: вину я приму на себя, пусть она выходитъ какъ сердце ей скажетъ!“

— Ah, tenez, c'est très beau de sa part! невольно воскликнулъ графъ:—не многіе на его мѣстѣ способны были бы отречься отъ васъ съ такимъ великодушіемъ.

— Да, я всегда скажу, онъ невозможный по воспитанію, но совершенно честный человѣкъ... Не съ его стороны конечно я опасалась... и боюсь препятствій, примолвила Ольга Елпидифоровна съ легкимъ вздохомъ и опущенными глазами, перебирая кольца на рукѣ.

Замѣтное смущеніе сказалось на мигъ въ лицѣ ея собесѣдника:

— Expliquez vous! и онъ тревожно задвигался въ своемъ креслѣ.

— Меня не любятъ въ вашей семьѣ, прерывающимся голосомъ отвѣтила она:—мнѣ извѣстно de bonne source что ваша дочь, княгиня Андомская, напримѣръ.....

— Она васъ не знаетъ! не далъ договорить ей Наташанцевъ, какъ бы слѣпа успокоить ее этими словами.

— То-есть, *не хочетъ знать*, подчеркнула молодая женщина съ горькою усмѣшкой,—я объ этомъ и говорю....

Онъ вдругъ всталъ, выпрямился; глаза его раскрылись и сверкнули.

— Eh bien, tant pis pour elle, mais il faudra bien quelle passe par là! лишко выговорилъ онъ;—я довольно сдѣлалъ для моихъ дѣтей и они достаточно богаты и хорошо поставлены въ свѣтѣ чтобы дозволить наконецъ и ихъ отцу подъ старость лѣтъ de prendre sa part de bonheur dans ce monde!...

Ольга Елпидифоровна всплеснула руками:

— Pas d'emportement cher ami, au nom du ciel, pas d'empor-

Digitized by Google

tement! Я лучше соглашусь навѣки отказаться отъ васъ, бѣжать, исчезнуть навсегда, чѣмъ быть причиной раздора между вами и вашими дѣтьми!... Княгиню Андомскую я понимаю, для нея никакъ не можетъ быть пріятна мысль что я могу... На ея мѣстѣ я чувствовала бы то же недружество къ такой неизвѣстной, незнатной особѣ какъ я,—слезы стояли въ горлѣ „очаровательницы“,—у которой нѣтъ ничего въ замѣнъ того что вы хотите ей дать, кромѣ своего чувства къ вамъ...

— Ваше чувство, mais c'est le ciel... et vous êtes un ange! вскликнулъ замирая отъ восторга влюбленный старикъ, прижимая ее еще разъ къ сердцу.

Она стыдливымъ движеніемъ отстранилась чуть-чуть отъ него и продолжала:

— Я хотѣла бы только имѣть случай свидѣться гдѣ-нибудь съ вашею дочерью; я успѣла бы, я надѣюсь, внушить ей если не больше расположенія, то во всякомъ случаѣ менѣе враждебности ко мнѣ.

— Я васъ познакомлю съ нею на балѣ у великой княгини, сказалъ рѣшительнымъ голосомъ графъ. — Вы знакомы съ фрейлиной ея высочества? перебилъ онъ вдругъ себя этимъ вопросомъ.

— Да... и нѣтъ... Я познакомилась съ княжной Кубенской въ Москвѣ, когда она еще жила у тетки, потомъ была у нея предъ представленіемъ великой княгинѣ, но она до сихъ поръ не отдала мнѣ визита...

— C'est une personne qui s'en fait accroire, je m'en suis aperçu, промолвилъ онъ сквозь зубы,—но все равно... сдѣлайте ей лишнюю учтивость, заѣзжайте къ ней, elle a de l'influence dans la maison...

— Я поѣду къ ней завтра же, произнесла покорнымъ голосомъ Ольга Елпидифоровна.

Онъ помолчалъ опять.

— Вы знаете что 12го числа grand bal masqué въ Михайловскомъ дворцѣ?

— Да, знаю! вздохнула она... не совсѣмъ искренно: то что она читала на лицѣ его не предвѣщало ей нисколько повода ко вздохамъ,—напротивъ.

— Надо чтобы вы тамъ были, дѣйствительно сказалъ онъ.

— Я! вскрикнула она опять далеко неискренно:—меня тамъ терпѣть не могутъ!

Графъ пожалъ плечами:

Digitized by Google

— Во-первыхъ, ненависть вовсе не въ привычкахъ de la maîtresse du logis. Во-вторыхъ,—добавилъ онъ со своею тонкою царедворческою улыбкой,—вы ни во что не ставите любопытство?

— Любопытство чего?

— Видѣть васъ.

— La madame Roland du parti perruque? расхохоталась во весь раскатъ своего бывалаго дѣвичьяго смѣха Ольга Елпидифоровна.

Онъ разсмѣялся тоже:

— Eh bien, oui, мнѣ было это сказано.

— Что меня желали бы видѣть?

Онъ утвердительно повелъ головой.

— И я, можетъ-быть.... получу пригла....—Голосъ ея оборвался окончательно.

— Надѣюсь.

Она вскочила съ мѣста:

— Oh, cher, cher, cher!...

— И когда моя дочь увидитъ васъ *и тамъ*, il faudra bien qu'elle vous *connaisse*, подчеркнулъ онъ въ заключеніе.

Она нежданно закинула ему обѣ свои руки за шею и прижалась къ нему въ порывѣ невыразимаго счастія....

Ольга Елпидифоровна сѣла въ этотъ день за столъ одна, въ десятомъ часу вечера, такъ какъ, по отъѣздѣ графа Натальинцева, тотчасъ же принялась писать письмо къ мужу. Въ длинномъ, на четырехъ страницахъ письмѣ этомъ, какъ солнце въ гладкой скатерти водъ, отразилось все блаженное настроеніе ея духа въ ту минуту. Никогда еще Никаноръ Ильичъ не получалъ отъ нея, да и вообще, такихъ нѣжныхъ строкъ: она его называла въ нихъ „ангеломъ“, „благороднѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ“, „лучшимъ своимъ другомъ“, и обѣщалась ему молиться за него утромъ и вечеромъ... Получивъ письмо Ранцевъ проплакалъ, запершись у себя, цѣлый вечеръ, а на другой день выѣхалъ изъ деревни... исполнять то что было имъ обѣщано ей....

Digitized by Google

III.

Онъ имѣлъ одно видѣнье
Непостижное уму,
И глубоко впечатлѣнье
Въ сердце врѣзалось ему.

Пушкинъ.

—

Блаженъ кто посѣтилъ сей міръ
Въ его минуты роковыя...

Тютчевъ.

—

Das Hofleben gleicht einer Musik, wo jeder seine Takte und Pause halten muss.

Göthe.

Слѣдующій день былъ воскресенье.... Изъ толпы молельщиковъ сходившей со ступеней Исаакіевскаго собора по окончаніи обѣдни отдѣлился бѣлокурый, худощавый и еще молодой человѣкъ въ мѣховомъ пальто мѣшкомъ и бобровой шапкѣ и, перейдя черезъ площадь на тротуаръ, зашагалъ медленно и опустя голову по направленію одного изъ петербургскихъ дворцовъ.

Онъ шелъ не замѣчая ни движенія на улицахъ, ни холоднаго вѣтра рѣзавшаго ему лицо, глубоко погруженный въ самого себя.... Богослуженіе только что прослушанное имъ навѣяло на него какое-то мистически успокоительное настроеніе. Онъ чувствовалъ себя размягченнымъ и *поднятымъ* въ одно и то же время,—поднятымъ на ту созерцательную высоту духа съ которой земная забота, земная печаль теряютъ всю ѣдкость свою и самое значеніе. „Житіе бо се—сонъ и сѣнь, и всуе мятется всякъ земнородный", какъ бы безсознательно шептали его уста. и то для чего онъ жилъ теперь второй годъ въ Петербургѣ, проводя дни и ночи за упорнымъ трудомъ, вовсе исчезало въ эту минуту изъ его сознанія въ охватывавшемъ его ощущеніи того „таинственно несомнѣннаго...." что впервые прозрѣло было имъ „до дна души" предъ однимъ чудно прекраснымъ, объятымъ смертью женскимъ ликомъ... Самъ онъ съ минуты той смерти—десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ—пересталъ жить личною жизнью; *ея* могила схоронила и его молодость. Безпощадный

Digitized by Google

ударъ сокрушилъ ее на самомъ разцвѣтѣ и, какъ дубъ пораженный грозой зловѣще звенитъ подъ вѣтромъ своими засохшими вѣтвями, душевныя силы его послѣ того удара трепетали лишь отзвукомъ мрачнаго и безысходнаго отреченія. Онъ дожилъ,—дотянулъ до тридцати трехъ лѣтъ безъ радостей, безъ упованій, почти безъ людей, въ суровомъ деревенскомъ отшельничествѣ, исключительно съ книгами и *для книгъ*, отказавшись ото всякой *внѣшней* дѣятельности, отъ каѳедры—первоначальной золотой мечты юныхъ дней его,—и тщетно стараясь въ своей пустынѣ „забыться и забыть...“ Онъ былъ одинъ какъ перстъ на свѣтѣ. Тетка воспитавшая его и бывшая ему второю матерью истаяла и угасла отъ его горя, избыть которое она чувствовала себя безсильною помочь ему....

Онъ зачахъ бы самъ послѣ этой послѣдней потери, или ушелъ бы куда-нибудь въ дальнюю обитель,—не разъ въ теченіе безконечно долго тянувшихся для него годовъ приходила ему эта мысль въ голову,—еслибы не получилъ однажды совершенно неожиданно въ деревнѣ отъ университетскаго товарища своего, князя Бековича, письма съ предложеніемъ отъ генерала Ростовцева принять участіе въ разрѣшеніи дѣла объ освобожденіи крестьянъ. Что-то давно забытое шевельнулось вдругъ и заискрилось во мракѣ души его. То великое дѣло о которомъ онъ въ тѣ дни блаженныхъ порывовъ и трепетныхъ идеаловъ юности говорилъ *ей* прерывавшимся отъ волненія или счастія голосомъ—оно призывало его теперь къ себѣ, его, рвавшагося тогда къ его недосягаемому призраку всѣми лучшими помыслами и чаяніями своими. Золотые сны тѣхъ дней осуществлялись для него на яву: ему давалось теперь дѣйствительно въ руки „*послужить* освобожденію своего народа“... * Онъ тотчасъ же уѣхалъ въ Петербургъ, принялся за общую съ другими работу....

Онъ внесъ въ нее, вмѣстѣ съ огромнымъ запасомъ знанія въ подтвержденіе тѣхъ началъ „московской школы“ которымъ оставался онъ незыблемо вѣренъ, какой-то строгій энтузіазмъ народности, мало похожій на тотъ, почерпнутый изъ французскихъ книжекъ, задоръ западнаго демократизма на которомъ опирались столпы убѣжденій не малаго числа его петербургскихъ сочленовъ. Онъ *зналъ* и глубоко вѣро-

* *Четверть вѣка назадъ*. Часть I.

Digitized by Google

валъ въ то о чемъ очень часто и понятія никакого не имѣли эти лица; не мало было имъ уяснено, направлено, отвоевано у нихъ... Бюрократическіе parti pris, заемныя теоріи, должны были не разъ ласовать предъ ратоборцемъ выходившимъ противъ нихъ во всеоружіи русской бытовой и исторической правды...

Холодная съ виду, почти суровая личность его внушала къ себѣ глубое уваженіе; друзья и недруги его дѣятельности, руколлеца ей или ненавидя ее, называя самого его „идеалистомъ“ или „фанатикомъ“, видѣли въ немъ равно совершенно „чистаго“ человѣка, служащаго дѣлу съ полнымъ забвеніемъ самого себя и отсутствіемъ всякой задней мысли... Упреки и подозрѣнія въ разчетахъ личнаго честолюбія, которымъ подвергались нѣкоторые, ближайшіе къ нему по рѣшительности „направленія“, его товарищи, обходили его; для всѣхъ было внѣ сомнѣнія что *этотъ* человѣкъ „ничего не ищетъ и отъ всего откажется“.

Онъ ничего, дѣйствительно, не искалъ кромѣ торжества тѣхъ началъ свободы русскаго крестьянства которыхъ самъ и эти ближайшіе къ нему люди были представителями. Борьба за нихъ глубоко волновала его; онъ возмущался каждою доносившеюся до него клеветой, каждымъ невѣрнымъ, сознательно или легкомысленно искаженнымъ слухомъ... Онъ увлекался въ этомъ отношеніи иногда до несправедливости; въ своемъ страстномъ увлеченіи, онъ не допускалъ другаго рѣшенія великаго вопроса какъ то какое исходило изъ его воззрѣній, и всякое противодѣйствіе ему считалъ „позорнымъ дѣломъ“, дѣломъ эгоизма, корыстолюбія и интриги, доводившимъ его часто до болѣзненнаго нервнаго раздраженія...

Онъ шелъ теперь умягченный, какъ мы уже сказали, молитвою и торжественностью прослушаннаго имъ богослуженія, направляясь къ одной молодой особѣ, фрейлинѣ, княжнѣ Кубенской, звавшей его къ себѣ утромъ „на чай“,—особѣ съ которою онъ довольно часто встрѣчался въ Михайловскомъ дворцѣ (гдѣ весьма благоволили къ нему) и которая на первыхъ же порахъ его знакомства съ нею поразила его смѣлостью не совсѣмъ обыкновеннаго, и какъ бы не совсѣмъ женскаго, ума и самымъ искреннимъ, показалось ему, сочувствіемъ крестьянскому освобожденію въ томъ смыслѣ въ какомъ самъ онъ понималъ его... Въ другое время

Digitized by Google

онъ вѣроятно *забылъ* бы объ этомъ приглашеніи,—онъ избѣгалъ вообще женскаго общества,—но въ эту минуту онъ чувствовалъ себя расположеннымъ на *тихій разговоръ* безъ горячихъ преній и ожесточенія, обычныхъ тому кружку въ которомъ онъ исключительно вращался въ Петербургѣ,—разговоръ который не слишкомъ бы противорѣчилъ тому настроенію какое уносилъ онъ изъ храма Божія...

Онъ вошелъ во дворецъ съ одного изъ боковыхъ его входовъ, какъ указано было ему, и спросилъ княжну.

— Пожалуйте! Вотъ онъ васъ проведетъ, отвѣтилъ швейцаръ, указывая на стоявшаго на лѣстницѣ придворнаго лакея въ гороховыхъ штиблетахъ, плисовыхъ черныхъ, коротких штанахъ и красномъ жилетѣ подъ обшитою галунами ливреей.

— Пожалуйте! повторилъ тотъ, подымаясь по ступенямъ и приглашая оборотомъ головы „господина“ слѣдовать за нимъ.

Фрейлина этого дворца, какъ фрейлины всѣхъ дворцовъ въ мірѣ, помѣщалась на самомъ верху его, „поближе къ небесному пространству и повыше отъ уровня моря“, по выраженію какого-то шутника.

Отсчитавъ цѣлыхъ сто пятьдесятъ ступеней вверхъ, лакей повернулъ въ коридоръ, и подойдя къ одной изъ выходившихъ сюда дверей постучался въ нее.

— Къ княжнѣ! проговорилъ онъ съ нѣкоторою многозначительностью, какъ бы сдавая съ рукъ на руки приведеннаго имъ посѣтителя новому появившемуся на порогѣ этой двери въ такомъ же красномъ жилетѣ и штиблетахъ ливрейному слугѣ.

— Какъ прикажете доложить? спросилъ не менѣе многозначительно тотъ.

— Сергѣй Михайловичъ Гундуровъ.

— Извольте обождать.

И онъ тою неслышною, скользящею какъ на пробкахъ и раскидистою поступью, какою слуги ходятъ во дворцахъ, отправился „докладывать“, оставивъ молодаго человѣка одного въ полутемной, освѣщенной лишь съ коридора передней.

— Пожалуйте! молвилъ онъ чрезъ мигъ, широко растворяя дверь въ гостиную княжны.

Комната была большая, высокая, въ два окна, выходившія на площадь, и отзывалась нѣкоторою казенностью въ распо-

Digitized by Google

ложеніи мебели, въ протянутыхъ отъ двери до двери коврикахъ и въ полномъ отсутствіи тѣхъ мелкихъ вещицъ, bibelots, безъ которыхъ какъ бы немыслимъ въ нашъ вѣкъ женскій аппартаментъ. Ихъ замѣняли книги, загромождавшія столы, этажерки, окна. Въ двухъ огромныхъ шкапахъ за стеклами расположены были въ стройномъ порядкѣ наслѣдованные княжной отъ отца минцъ-кабинетъ и довольно богатая минералогическая коллекція.

Изъ другой комнаты, служившей и кабинетомъ, и спальней, вышла хозяйка и быстро пошла на встрѣчу гостю, протягивая ему руку:

— Спасибо вамъ что не забыли, Сергѣй Михайловичъ, я очень рада васъ видѣть!

Она замѣтно развилась съ тѣхъ поръ какъ мы разстались съ нею въ Москвѣ: плечи ея поширѣли, пополнѣло лицо, но зеленые глаза ея, уйдя глубже подъ полукруги бровей, глядѣли все съ тѣмъ же сосредоточеннымъ и какъ бы усталымъ въ эту минуту выраженіемъ.

Она сѣла на узенькій диванчикъ съ деревянною рѣшетчатою рамкой вмѣсто спинки, предъ накрытымъ чайною скатертью столикомъ, указала Гундурову кресло подлѣ себя и, закинувъ руку назадъ, дернула шнурокъ колокольчика.

— Я сейчасъ изъ церкви; у насъ сегодня служба продолжалась безконечно долго; моя княгиня очень набожна...

— А вы сами? спросилъ съ полуулыбкой гость.

Она какъ бы не слышала вопроса и продолжала:

— Къ намъ тутъ пріѣхала игуменья одна. Ее почему-то очень протежируютъ здѣсь, и она, кажется, думаетъ всѣмъ вертѣть...

Княжна замолкла на полусловѣ: ливрейный слуга ея вносилъ на большомъ подносѣ чайный приборъ и замѣнявшій самоваръ tea-cattle блестящаго англійскаго металла. Онъ поставилъ все это на столѣ предъ нею, зажегъ спичкой спиртъ подъ котликомъ...

— Хорошо, ступайте! сказала она ему, и обращаясь къ Гундурову:

— У меня къ вамъ просьба.

— О чемъ, княжна?

— Сегодня воскресенье, вы свободны?

— Да.

— Обѣщайтесь мнѣ не уходить отъ меня прежде чѣмъ мы не успѣемъ переговорить объ одномъ... очень важномъ, мнѣ

Digitized by Google

кажется, обстоятельствѣ, и которое васъ во всякомъ случаѣ должно интересовать.

— Говорите, я слушаю, молвилъ онъ.

— Да, но вотъ видите ли, насъ могутъ прерывать. А я... мнѣ *приказано* принимать сегодня,—и ноздри княжны, пока произносила она эти слова, досадливо и надменно раздулись:— у насъ здѣсь на дняхъ балъ даютъ... И эта Наѳанаила тоже притащится сюда непремѣнно....

— Игуменья Наѳанаила! доложилъ въ эту же минуту слуга въ дверяхъ.

— Вотъ видите! блеснувъ мгновенно глазами проговорила княжна...

Она встала на встрѣчу духовной особѣ.

Это была худощавая женщина среднихъ лѣтъ и роста, съ поблекшими чертами и опущеннымъ набожно взглядомъ, медленно и какъ бы механически двигавшаяся подъ широкими складками своей рясы. Черное флеровое покрывало спускалось съ клобука ея до самаго стана; на груди блестѣлъ крупный золотой крестъ; длинные костлявые пальцы перебирали аметистовыя четки обматывавшіяся двойнымъ охватомъ кругомъ кисти ея правой руки. Но что-то неуловимо *мірское* просвѣчивало сквозь весь этотъ наружный строго-монашескій обликъ.

— Еще разъ здравствуйте, матушка. Угодно вамъ чаю? молвила княжна, садясь на свое мѣсто и усаживая ее подлѣ дивана на кресло, насупротивъ Гундурова.

— Покорнѣйше благодарю, отвѣчала та слабымъ, словно умирающимъ голосомъ, входившимъ повидимому въ ея понятіяхъ въ число обязанностей ея духовнаго сана,—я прошла послѣ службы къ ея высочеству и выпила тамъ чашку.... Ея высочество приказала вамъ напомнить,—проговорила игуменья уже таинственно, наклоняясь къ дѣвушкѣ,—насчетъ предметовъ которыми она по своему христіанскому милосердію положила и щедротѣ своей наградить нашу бѣдную обитель...

— Все собрано, уложено и запаковано, быстро промолвила, перебивая ее, княжна:—можете ихъ взять когда угодно..... А вы скоро думаете ѣхать?

Наѳанаила вздохнула въ отвѣтъ:

— И сердцемъ и помысломъ рвуся въ тихое пристанище свое.... да видно погодить надо. Ея высочество... удержива-

Digitized by Google

етъ меня... и къ тому надѣюсь еще удостоиться пріема у Ея Величества, матушки-Государыни....

Княжна чуть-чуть нахмурилась и повела головой въ сторону своего гостя, молча и внимательно вглядывавшагося между тѣмъ въ казавшееся ему почему-то знакомымъ лицо сидѣвшей противъ него особы.

— Матушка, позвольте вамъ представить Сергѣя Михайловича Гундурова!

Опущенные все время до сихъ поръ глаза игуменьи внезапно поднялись при звукѣ этого имени и вонзились на мигъ въ строгое, унылое лицо этого далеко не по лѣтамъ состарившагося человѣка... Какое-то странное смущеніе, показалось княжнѣ, сказалось въ ея чертахъ... Она снова быстро поникла взглядомъ, судорожно перебрала своими четками.

— Я знаю Сергѣя Михайловича, какъ бы противъ воли проронила она,—мы встрѣчались... когда я еще въ міру находилась...

— Надежда Ѳедоровна! Гертруда! пронеслось въ головѣ Гундурова *. Лицо его покрылось смертельною блѣдностью. И предъ его внутренними очами мгновенно воскресало въ этотъ мигъ прошлое,—прошлое во всей своей лучезарности... во всемъ своемъ ужасѣ....

— Да... мы встрѣчались въ прежніе годы, повторилъ онъ точно не своимъ, улавшимъ, безпомощнымъ какимъ-то голосомъ.

Проницающая тоскливость его какъ бы заставила вдругъ зазвенѣть всѣ душевныя струны Наѳанаила. На искусственно безстрастномъ лицѣ монахини выразилось нежданно глубоко искреннее, жалостливое участіе, на глазахъ выступили слезы... Она еще разъ подняла ихъ.

— Мы знали съ вами ангела на землѣ, Сергѣй Михайловичъ! сорвались дрожа слова съ ея языка.

Онъ только моргнулъ рѣсницами и глухо кашлянулъ, словно захлебываясь...

Княжна, ничего не понимая, смотрѣла на нихъ съ изумленіемъ....

— Госпожа Ранцева! доложилъ отворяя дверь слуга.

— Кто? торопливо и будто растерянно обернулась тутъ же игуменья на хозяйку.

---

* *Четверть вѣка назадъ.* Часть I.

Digitized by Google

— Одна тутъ... *модная* дама, отвѣчала нехотя та,—она московская... очень мелкаго, кажется, происхожденія, но вездѣ здѣсь втерлась....

Наѳанаила двинулась въ своемъ креслѣ какъ бы намѣреваясь встать и уйти. Но глаза ея встрѣтились съ остановившимися на ней печальными глазами Гундурова: она подобрала къ щекамъ раскинувшіяся полы своего покрывала, опустила вѣки и голову—и осталась.

— Проси! медленно промолвила хозяйка все еще стоявшему у дверей слугѣ.—Вы ее знаете? спросила она вполголоса Гундурова.

Онъ безсознательно сжалъ брови...

— Все равно, не уходите, прошу васъ!....

На Ольгѣ Елпидифоровнѣ былъ туалетъ самаго отмѣннаго вкуса: ничего бросающагося въ глаза, „кричащаго“, полнѣйшая трезвость въ цвѣтахъ и покроѣ, но во всемъ необыкновенное изящество, обдуманность, гармонія,—„une de ces toilettes qui font rêver“, какъ увѣряютъ Французы—и въ томъ числѣ Бальзакъ.

Соотвѣтственно этому держалась и она сама: не слишкомъ сдержанно, не слишкомъ любезно, спокойно и учтиво подошла къ молодой хозяйкѣ, сжала протянутую ей руку, сѣла на мѣсто которое поспѣшилъ уступить ей Гундуровъ, и начала съ того что давно собиралась къ княжнѣ и узнавъ что она „принимаетъ по воскресеньямъ“ пріѣхала теперь къ ней.

— Немного рано, промолвила она въ видѣ извиненія,—но мнѣ хотѣлось васъ непремѣнно застать... и благодарить...

— За что?

— Я получила вчера приглашеніе на балъ къ ихъ высочествамъ, молвила уже вполголоса Ранцева,—et comme madame la grande duchesse me connaît si peu, я не могу иначе объяснить себѣ эту честь какъ тѣмъ что вы... *напомнили* о моемъ существованіи, самымъ скромнымъ тономъ объяснила она.

— Je n'y suis pour rien, madame, je vous assure! холодно отвѣтила княжна, и поспѣшила приступить къ обряду взаимнаго *представленія* другъ другу присутствующихъ:

— Мать Наѳанаила, Madame Rantzef, Сергѣй Михайловичъ Гундуровъ.

Наѳанаила привстала и поклонилась низкимъ монашескимъ поклономъ... Румянецъ чуть-чуть выступилъ на щекахъ Ольги

Digitized by Google

Елпидифоровны. Она узнала съ перваго раза свою бывшую злополучную соперницу, узнала едва войдя въ комнату, несмотря на ея рясу и „безлощадную руку времени“, и говоря съ княжной соображала мысленно какъ отвѣчать въ случаѣ что та заявитъ о своемъ прежнемъ знакомствѣ съ нею, но такъ какъ этого не оказалось, „модная дама“ сочла нужнымъ со своей стороны „забыть“ объ этомъ знакомствѣ. Она отвѣтила на поклонъ равнодушно-почтительнымъ въ свою очередь поклономъ, и тотчасъ же обратилась въ сторону Гундурова:

— Мы съ Сергѣемъ Михайловичемъ Богъ знаетъ какъ давно знакомы, молвила она улыбаясь самою очаровательною изъ своихъ улыбокъ,—но онъ меня знать не хочетъ... Не изъ-за разности ли въ нашихъ мнѣніяхъ избѣгаете вы меня? добавила она глядя ему прямо въ глаза.

Онъ ее, какъ говорится, не *долюбливалъ* и „въ тѣ годы“, а въ настоящую пору видѣлъ въ ней „извѣстную интриганку плантаторской партіи“, какой слыла она въ его кружкѣ.

— А у васъ есть опредѣленныя мнѣнія? съ нескрываемою иронією отвѣтилъ онъ вопросомъ на ея вопросъ.

— Мнѣ ихъ приписываютъ, по крайней мѣрѣ. И она засмѣялась самымъ добродушнымъ смѣхомъ.

— А именно что? Это очень интересно знать.

Черты ея тотчасъ же приняли серіозное выраженіе:

— То-есть, то что мнѣ приписываютъ или то что я лично думаю?

— Послѣднее прежде всего, конечно, сказалъ онъ сдерживаясь.

— Я думаю „прежде всего“, подчеркнула она слегка вздохнувъ,—что люди различныхъ мнѣній не должны ненавидѣть изъ-за этого другъ друга; я думаю что никого не слѣдуетъ обижать: ни тѣхъ, само собою, *которыхъ* обижали до сихъ поръ, но также и ни тѣхъ *которые* имѣли возможность обижать прежде, потому что въ послѣднемъ случаѣ это было бы *мщеніе*, а это не по-христіански.... Спросите матушку игуменью, если мнѣ не вѣрите, засмѣялась она опять, указывая на ту глазами.

Наконецъ поглядѣла на нее изъ-подъ своего надвинувшагося на самыя брови клобука и ничего не отвѣтила,—только какая-то горькая усмѣшка пробѣжала по ея изсохшимъ губамъ....

Digitized by Google

— Возвратить обездоленнымъ людямъ ихъ человѣческія права не значитъ *мстить* тѣмъ которые отымали ихъ у нихъ, строго вымолвила княжна,—это только *справедливость*!

— Вы совершенно правы, возразила ей самымъ мягкимъ тономъ Ранцева,—но отдавать этимъ людямъ то что̀ имъ никогда не принадлежало....

Сѣрые глаза Гундурова заискрились пламенемъ изъ своихъ глубокихъ впадинъ:

— Никогда не принадлежало! воскликнулъ онъ:—Не знаю, простительно ли русской женщинѣ не вѣдать исторіи своего народа, но позорно тѣмъ которые завѣдомо вводятъ ее въ заблужденіе....

— Княгиня Андомская! прервалъ его входя опять слуга.

Молодая фрейлина нѣсколько удивленно подняла голову и промолвила: „проси!“

По лицу Ольги Елпидифоровны пробѣжало нервное содроганіе; глаза ея на мигъ устремились на дверь и тутъ же опустились,—она успѣла совладать съ собой и *приготовиться*...

Княгиня Андомская могла дѣйствительно внушать страхъ всякому злополучному существу, кто бы ни было оно, женщина или мущина, не лустившему глубокихъ корней въ петербургскомъ свѣтѣ. По „міровоззрѣнію“ своему она принадлежала къ рѣдкому уже и въ тѣ дни species того балтійскаго „майоратсгерра“, который гуляя одинъ одинехонекъ по пустыннымъ заламъ своего замка восклицалъ въ священномъ восторгѣ: „Wenn Ich be-denke wie ich vornehm bin, so wird's mir ganz schauderhaft“! * Но княгиня не довольствовалась однимъ личнымъ культомъ своей знатности: она еще почитала нужнымъ подавлять имъ весь окружающій міръ, доказывать этому міру при всякомъ удобномъ случаѣ что ея *сливки* не имѣютъ ничего общаго съ вульгарною сывороткой остальнаго человѣчества. „Знайте что я не долущу никогда ваши низкопробныя волны дохлестнуть до моей родовитой скалы“, казалось, говорили ея взгляды, ея движенія, вся ея ледяная, съ выраженіемъ глубокой презрительности и смертельной скуки, наружность.... Скука, скажемъ кстати, была высшимъ идеаломъ княгини Андомской,—скука *благородная*, „*entre gens de son bord*“, въ тѣсномъ исключитель-

* Когда я только подумаю какъ я знатенъ, мнѣ становится страшно.

Digitized by Google

номъ, убійственно-*комильфотномъ* кружкѣ, гдѣ каждый и каждая знаютъ другъ друга до тошноты и кличутъ съ дѣтства тѣми невѣроятными уменьшительными на *ни*, на *на*, на *би*, на *та*, на *ту*—Са́нни, Ди́нни, Джу́бби, Нинѝ, Нана́, Тата́, Туту,—корня которыхъ не въ состояніи былъ бы отыскать ни одинъ санскритологъ, и которыя, какъ извѣстно, составляютъ признакъ самаго утонченнаго россійскаго fashion;—кружкѣ гдѣ говорятъ своимъ особымъ франмасонскимъ языкомъ, полнымъ полусловечекъ и намековъ вѣдомыхъ только посвященнымъ и вызывающихъ одновременно, какъ бы по командѣ, улыбку или вздохъ на устахъ или изъ груди каждаго изъ нихъ;—кружкѣ наконецъ гдѣ кромѣ этой завидной привилегіи благородно скучать „entre soi“ и вѣчнаго страха допустить до того же наслажденія остальныхъ смертныхъ, не существуетъ, увы, никакого иного идеала, ни счастья, ни стремленій, ни задачи въ жизни.

„Les gens de peu“, какъ выражалась княгиня Андомская,—подъ этимъ понимались всѣ люди не имѣющіе 50,000 дохода и „которые *никому* не родня“ (никому изъ ея круга разумѣется),—внушали ей этимъ самымъ глубокую враждебность какъ только замѣчала она въ нихъ малѣйшее лопользованіе пробиться изъ своего „ничтожества“ на солнце большаго свѣта, къ тѣмъ высотамъ картоннаго издѣлія которыя она и ей подобныя искони привыкли оберегать съ лютостью миѳическаго дракона садовъ Геспериды. Горе тѣмъ изъ этихъ злополучныхъ кого случай подвертывалъ подъ ея удары, подводилъ подъ зоркое вниманіе ея безлощадныхъ сѣрыхъ глазъ.

Ей было лѣтъ тридцать съ хвостикомъ. Бѣлокурая какъ ленъ, узкая и плоская какъ доска, съ правильными, но острыми чертами, большимъ ртомъ, крупные, ровные и крѣпкіе зубы котораго заставляли невольно вспомнить о челюсти хищной рыбы, и тонкимъ носомъ начинавшимъ краснѣть на своей оконечности, она была, какъ говорится, очень „аристократична“, но настолько же не привлекательна на взглядъ.

Она вошла, не то надменно, не то брезгливо поджавъ губы и устремивъ прижмуренные глаза впередъ, какъ бы съ тѣмъ чтобы дать себѣ съ перваго раза отчетъ, „*какое* общество могла она встрѣтить здѣсь“, и съ перваго же раза почувствовала себя крайне раздосадованною и оскорбленною. Вмѣстѣ съ какою-то монахиней и неизвѣстнымъ ей молодымъ человѣ-

Digitized by Google

комъ, „une nonne et un monsieur quelconque," сидѣла въ гостиной „этой фрейлины" женщина которую она, дочь графа Наташанцева, почитала обязанностью ненавидѣть всею своею ненавистью, „de toute son indignation et de toute sa haine",— сидѣла именно теперь когда она пріѣхала сюда съ намѣреніемъ поднять противъ нея бурю...

Она еле-еле удостоила княжну ложатіемъ руки, опустилась подлѣ нея на диванъ, и, какъ бы для того чтобы не дать ей времени представить ей своихъ гостей, послѣдняя заговорила, опустивъ глаза на крошечные часы въ брилліантовой оправѣ вынутые ею изъ-подъ своей перчатки.

— Я думала увидѣть великую княгиню послѣ обѣдни (разговоръ она вела, само собою, по-французски), но мнѣ сказали что она занята и не принимаетъ... Гофмейстерина ваша больна, въ постели... Я зашла къ вамъ, мнѣ нужно было съ вами переговорить... но я вижу что *у васъ* сегодня *пріемный день*, подчеркнула она самымъ вызывающимъ тономъ.

Ноздри у княжны Кубенской мгновенно раздулись; зеленые глаза ея блеснули.

— Да, княгиня, я принимаю сегодня, словно отчеканила она медленно и твердо,—и одолжена этому удовольствіемъ видѣть и *васъ* у себя; въ другіе дни я занята, и дверь моя закрыта *для всѣхъ*.

Та приподняла брови съ изумленнымъ видомъ: она никакъ не ожидала подобной отповѣди...

— Мнѣ хотѣлось переговорить съ вами... насчетъ здѣшняго бала... промолвила она уже гораздо мягче и съ чѣмъ-то похожимъ на намѣреніе улыбки на длинныхъ и узкихъ губахъ.

— Вамъ послано приглашеніе, сказала холодно фрейлина.

Княгиня Андомская ловела на нее ироническимъ взглядомъ: „Еще бы меня обошли приглашеніемъ!" краснорѣчиво говорилъ онъ.

— Балъ во сколько персонъ? спросила она тутъ же.

— Триста пятьдесятъ человѣкъ...

— Да, мнѣ говорила ея высочество что находитъ свою залу не довольно помѣстительною... и что она хочетъ поэтому раздѣлить общество на двѣ группы приглашенныхъ, то-есть дать два бала...

Княжна утвердительно кивнула.

— Adieu, princesse, je vous quitte! проговорила въ это время

Digitized by Google

мать Наѳанаила, вставая съ мѣста и давая понять ей сухимъ тономъ этихъ словъ о неудовольствіи своемъ за то что княжна не позаботилась познакомить ее съ этою „важною княгиней“, а французскою рѣчью то что она вполнѣ была достойна этой чести.

Княжна тотчасъ же сообразила все это, но нисколько не сочла нужнымъ принять во вниманіе,—ее всю подмывало отъ внутренняго раздраженія,—и поднялась въ свою очередь:

— Прощайте, матушка!

Она двинулась проводить ее до двери и тутъ же вспомнивъ:

— Вы не знакомы, обернулась она къ оставшимся сидѣть дамамъ,—княгиня Андомская; madame Rantzef...

И пошла за удалявшеюся Наѳанаилой.

— Я имѣла уже удовольствіе быть вамъ представленною у графини Оссовицкой, княгиня, предупредительно, чтобы не сказать искательно, послѣшила заговорить Ольга Елпидифоровна, оставшись такимъ образомъ глазъ на глазъ со своею недоброжелательницей.

Та вымѣрила ее взглядомъ отъ стана и до лера ея шляпки, направила его затѣмъ къ окну и уронила съ выраженіемъ глубочайшаго пренебреженія:

— Да, я васъ видѣла, кажется....

Ранцева вспыхнула по самые волосы... Всѣ разчеты ея на сближеніе съ дочерью своего „друга“, на возможность соглашенія съ нею исчезали теперь какъ дымъ... „А если ужь такъ, на чистоту, я у тебя въ долгу не останусь“, мгновенно заключила она въ головѣ своей, и красивыя черты ея приняли со своей стороны боевое выраженіе...

Гундуровъ между тѣмъ, съ шапкой въ рукѣ, шагалъ къ двери, остановившись у которой игуменья легкимъ движеніемъ головы звала его къ себѣ.

— Ради Бога, не уходите! шепнула ему княжна на лету.

Она распростилась окончательно со своею духовною гостьей и отошла къ дамамъ.

А та, остановивъ на молодомъ человѣкѣ пристальный и жалостливый взглядъ, произнесла съ тѣмъ знакомымъ ему романическимъ оттѣнкомъ интонаціи которымъ звучала ея рѣчь во дни ея *міршества*:

— Не знаю, сподобитъ ли меня Господь свидѣться съ вами еще разъ, Сергѣй Михайловичъ, такъ я желала сообщить вамъ на прощанье что у меня въ обители *ее* поминаютъ постоянно за литургіей.

Digitized by Google

И она, склонившись снова предъ нимъ своимъ глубокимъ поклономъ иноkини, исчезла за дверью очень довольная, повидимому, эффектомъ своихъ словъ.

А у него еще разъ защемило сердце нестерпимою болью. Онъ провелъ рукой по лицу, двинулся машинально за нею... вспомнилъ смутно о просьбѣ княжны и, вернувшись къ своему мѣсту, опустился на него и задумался глубокою и тяжелою думой.

— Elle parle français, votre nonne? спрашивала тѣмъ временемъ свысока фрейлину княгини Андомская, въ понятіяхъ которой, само собою, русская монахиня могла быть только „une femme grossière et de basse classe".

И не дождавшись отвѣта, вернулась къ предмету своего перваго разговора:

— Скажите, кто у васъ во дворцѣ составляетъ списки приглашеній?

Княжна отвѣчала замѣтно нетерпѣливымъ голосомъ:

— Во всѣхъ дворцахъ—общіе списки, составляемые при Большомъ дворѣ, и изъ нихъ отмѣчаются тѣ лица которыхъ ихъ высочества желаютъ пригласить.

— Мало ли кто стоитъ въ этихъ спискахъ, составляемыхъ по адресъ-календарю! высокомѣрно возразила на это княгиня;—вопросъ въ томъ: *кѣмъ* именно дѣлается выборъ изъ нихъ?

— Я вамъ могу только сказать, княгиня, что это не лежитъ на моей обязанности, да я бы никогда и не приняла ея на себя.

— Напрасно, потому что можетъ иногда случиться что въ число приглашенныхъ попадутъ невзначай личности (des personnes) которымъ здѣсь вовсе не мѣсто, злобно подчеркнула Андомская.

Ольга Елпидифоровна глянула ей прямо въ глаза:

— Какія же могутъ быть эти личности? мягчайшимъ голосомъ, но съ открытымъ вызывомъ въ лицѣ спросила она.

Та отвѣчала ей въ полоборота:

— Mais tout simplement, madame, des personnes sortant on ne sait d'où, которыхъ никто не знаетъ.

— „Никто", то-есть иныя женщины? засмѣялась вдругъ Ранцева.

— Oui, madame, les femmes comme il faut! язвительно выговорила княгиня, поглядѣвъ на дерзкую вопрошательницу со всей высоты своего имени, общественнаго положенія и ста тысячъ ежегоднаго дохода.

Digitized by Google

— Et polies comme vous, madame! съ самою изысканною ироніей въ тонѣ отларировала Ольга Елпидифоровна, склоняя предъ ней голову соотвѣтствовавшимъ этому тону поклономъ.

И не давъ этой „ненавистницѣ“ своей сообразить надлежащій отвѣтъ, она шумно подялась со своего кресла, протянула руку хозяйкѣ, въ глазахъ которой прочла какъ бы невольное сочувствіе и одобреніе себѣ въ эту минуту, и со словами:

— До свиданья, княжна, у меня для бала ихъ высочествъ платье—une des plus heureuses créations de Worth comme grande toilette! надѣюсь что вамъ понравится! вышла, сіяя весело глазами, изъ комнаты, подаривъ княгиню Андомскую на прощанье новымъ учтиво-насмѣшливымъ кникомъ.

Она не успѣла исчезнуть какъ петербургская grande dame, вся позеленѣвъ отъ гнѣва и не смущаясь присутствіемъ Гундурова, котораго видѣла въ первый разъ въ жизни, вскинулась на молодую фрейлину:

— Я не понимаю, княжна, какъ вамъ дозволяютъ принимать подобныхъ госложъ!... Я именно зашла къ вамъ сегодня, не заставъ ея высочества, чтобы просить васъ предварить ее насчетъ этой женщины. Появленіе ея у васъ во дворцѣ произведетъ скандалъ! Vous voyez ses façons! Богъ знаетъ кто она такая; отецъ ея былъ, говорятъ, un частный приставъ, le dernier des derniers....

— Въ Россіи, перебила ее княжна, сдерживая себя насколько могла и насилованно улыбаясь,—люди изъ лѣвчихъ и брадобрѣевъ попадали въ графы и князья, такъ о происхожденіи, мнѣ кажется, говорить по меньшей мѣрѣ безполезно... А у этой дамы мужъ имѣетъ придворное званіе, сама она представлялась и къ Большому и къ Малымъ дворамъ: она имѣетъ полное право быть приглашенною...

— Mais elle a une réputation affreuse! вскликнула Андомская, стискивая зубы; — я не могу вамъ, какъ дѣвушкѣ, разказывать объ этомъ подробно, но это всѣ знаютъ....

Княжна холодными глазами уставилась на нее:

— Я не понимаю, княгиня, для чего вамъ угодно говорить мнѣ обо всемъ этомъ: приглашенія идутъ прямо отъ *хозяевъ этого дома*, подчеркнула она,—и если госложа Ранцева получила его, то на то вѣроятно имѣлись основанія, въ обсужденіе которыхъ я не обязана, да и нисколько не желаю вступать.

Digitized by Google

— Основанія! повторила та ядовито улыбаясь:—приглашеніе этой женщинѣ *выпрошено*... и я знаю кѣмъ!

— Можетъ-быть, молвила княжна съ невольною усмѣшкой.

Гостья ея судорожно вспрянула со своего дивана.

— J'ai à vous parler seule! лишь вымолвила она.—Pardon, monsieur! добавила она, исполняя по привычкѣ обрядъ свѣтскаго внѣшняго приличія, обернувшись къ Гундурову, который все это время, глубоко сосредоточенный въ собственныхъ мысляхъ, на половину и не слыхалъ предыдущаго разговора, и быстрыми шагами направилась къ окну.

Фрейлина послѣдовала за ней, кинувъ на молодаго человѣка умоляющій взглядъ: не взыщите-молъ, ради Бога, и потерпите еще немножко!...

Княгиня Андомская прилерла ее къ амбразурѣ окна и заговорила взволнованнымъ шепотомъ:

— О *ней* просилъ мой отецъ, не правда ли?

— Я не знаю, княгиня; можетъ-быть.

— Не играйте въ тайны со мною, прошу васъ! Я все вижу и понимаю. Отца моего любятъ и вездѣ готовы сдѣлать ему пріятное... Въ настоящую минуту—это несчастіе! Cette femme l'a ensorcelé, она дѣлаетъ изъ него что хочетъ, и тѣ кто теперь снисходятъ къ его слабости къ ней—оказываютъ ему самую дурную услугу, а семейство его приводятъ въ отчаяніе.... Вѣдь она разчитываетъ ni plus ni moins какъ выйти за него замужъ отъ живаго мужа! Вы понимаете какой это былъ бы позоръ, quel des-honneur pour nous!... Я васъ очень прошу, княжна, передать эти мои слова буквально à qui de droit.... Здѣсь были всегда такъ благосклонны ко мнѣ что, я надѣюсь, меня не захотятъ огорчить напрасно....

— Но чтобы не огорчать васъ, княгиня, спокойно замѣтила княжна—чего стоило ей это спокойствіе!—пришлось бы еще болѣе теперь огорчить графа, отца вашего. Вѣдь для исполненія вашего желанія нужно было бы потребовать назадъ приглашеніе уже посланное этой дамѣ?

Княгиня Андомская закинула назадъ голову движеніемъ какой-то оскорбленной орлицы:

— Mais où serait donc la morale, le respect de soi, les devoirs qu'impose le rang, вскликнула она,—еслибы здѣсь не умѣли дѣлать разницы между мною.... et cette créature!... Мнѣ оставалось бы только тогда бѣжать навсегда отсюда, m'expatrier! прибавила она съ нѣкоторымъ уже какъ бы угрожающимъ паѳосомъ.

Digitized by Google

Княжна молча поглядѣла на нее. „И не убѣжишь, и „respect de soi“ не ломѣшаетъ тебѣ пріѣхать преспокойно на тотъ самый балъ гдѣ будетъ эта ненавистная тебѣ „créature“, и все это чужеземныя, выученныя фразы, за которыми нѣтъ никакого своего, самостоятельнаго содержанія.... и всѣ вы надоѣли мнѣ до смерти, до отчаянія!“ проносилось у нея въ головѣ.

— Я надѣюсь, chère princesse, говорила между тѣмъ ея собесѣдница,—что вы поймете какъ важно все что я вамъ сейчасъ сказала и поторопитесь передать это, какъ я васъ просила....

— Извините меня, княгиня, къ удивленію и досадѣ своей услышала она въ отвѣтъ,—но я никакъ не почитаю возможнымъ взять это на себя. Если вамъ угодно чтобъ о вашемъ неудовольствіи извѣстно было гдѣ нужно, вы гораздо легче можете это сдѣлать сами чѣмъ чрезъ меня: васъ здѣсь знаютъ съ дѣтства, у васъ большое положеніе, а я — пришлая, чужая.... да и, признаюсь, не имѣю ни малѣйшей охоты, сорвалось какъ-то вдругъ неудержимо съ языка княжны,—de tirer les marrons du feu pour qui que ce soit!...

Княгиня Андомская вся превратилась въ оцетъ и желчь. Она подобрала губы, прижала нервнымъ движеніемъ локтей одѣвавшую ее мантилію туже къ бедрамъ, и скользнувъ по дерзкой „фрелкѣ“ (какъ выразилась бы Марья Яковлевна Лукоянова) змѣинымъ взглядомъ:

— Merci de l'aveu, mademoiselle, je m'y conformerai! прошипѣла она, и съ мѣста, словно на колесцахъ, покатила къ дверямъ не оборачиваясь.

Княжна, исполняя свой хозяйскій долгъ, проводила ее тѣмъ не менѣе до передней, обмѣнялась съ ней тамъ ледянымъ поклономъ, и вернувшись въ гостиную, вся блѣдная, съ дрожащими ноздрями и потемнѣвшимъ взоромъ, опустилась на прежнее свое мѣсто у чайнаго стола, откинула голову къ стѣнѣ и уронила обѣ руки:

— Вы видѣли, слышали, обратилась она къ Гундурову, безмолвно слѣдившему за ея движеніями,—вотъ моя жизнь! мнѣ мочи нѣтъ!....

Онъ все также молчалъ и глядѣлъ на нее.

— Извините меня за то что я заставила васъ выслушивать всѣ эти пошлости, продолжала она все съ тѣмъ же волненіемъ,—но вы по крайней мѣрѣ можете себѣ составить по

Digitized by Google

имъ понятіе о нашихъ нравахъ.... Дрязги, сплетни, интриги, подкопы другъ подъ друга, попрошайничество, чванство, низкопоклонство!... И сейчасъ же враги, какъ только отказываешься служить ихъ узенькимъ, гаденькимъ разчетамъ или ненавистямъ.... Вотъ она, cette grande dame, я ужь знаю, отправилась прямо отсюда жаловаться и сплетничать на меня... Но довольно объ этомъ,—прервала она себя вдругъ:—я позволила себѣ такъ откровенно говорить съ вами... съ которымъ я еще такъ мало знакома.... но иногда мнѣ приходится не въ силу, а вы.... вы поймете, я знаю....

Она обернулась вдругъ прямо къ нему, наклонилась.

— Кто-нибудь опять можетъ помѣшать намъ, а я хотѣла вамъ сообщить очень важную новость. Знаете ли вы кто будетъ на мѣстѣ покойнаго Ростовцева?

— Нѣтъ, не знаю! И глаза Гундурова съ тревожнымъ любопытствомъ воззрились на княжну.

— Графъ Вилинъ.

— Что вы говорите! воскликнулъ онъ чуть не испуганно.

— Мнѣ извѣстно изъ прямаго источника, сказала она, утвердительно качнувъ головой;—это, разумѣется, пока большой секретъ, и вы меня не выдадите, но вѣрно.... Это ужасно, не правда ли?...

— Полный поворотъ, значитъ, пробормоталъ онъ побѣлѣвшими устами.

— Онъ, говорятъ, совершенный ретроградъ, un étouffoir?

— Бюрократъ на барской подкладкѣ, худшая порода людей какую я знаю! воскликнулъ негодующимъ голосомъ Гундуровъ.

— Ахъ, вамъ надобно показать объ этомъ.... о бюрократизмѣ именно! быстро проговорила княжна вскакивая съ мѣста:—я только что получила послѣдній листокъ *Колокола*....

Она пробѣжала въ свой кабинетъ-спальню и вынесла оттуда нумеръ.

— Вотъ что онъ говоритъ между прочимъ, читала она на ходу: „Редакціонныя коммиссіи принимаютъ въ самомъ дѣлѣ несносную форму бюрократическаго учрежденія“ *....

— Правда это, Сергѣй Михайловичъ? спросила она усаживаясь опять подлѣ него.

Онъ нахмурился, какъ бы смущенный ея словами; она видимо коснулась его какого-то больнаго мѣста.

---

* *Колоколъ*, 1го февраля 1860 года.

Digitized by Google

— Что же далѣе? спросилъ и онъ вмѣсто отвѣта.

— А вотъ: „Наше дворянство никогда не осилитъ язвы бюрократизма, потому что бюрократизмъ только его дополненіе; одна нога дворянства — ломѣщичья, другая — чиновничья, и обѣ давятъ народъ.“

Глаза его загорѣлись.

— Что же, это правда! воскликнулъ онъ.—Но бюрократія создана не дворянствомъ, а властью, какъ орудіе и оплотъ противъ аристократическаго начала на Руси,—вотъ что забываетъ Герценъ! Оба они равно—зло для народа, это безспорно. Но изъ двухъ золъ оно все-таки меньшее. Бюрократія разумѣетъ смыслъ своего происхожденія, бюрократія не заинтересована въ сохраненіи крѣпостной зависимости крестьянъ отъ дворянства; она, вслѣдствіе того особаго значенія которое придали ей условія нашего историческаго склада, привлекаетъ въ среду свою способнѣйшихъ людей страны.... Она, само собою, въ *этомъ* дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, гнетъ на свой рутинный, мелкій.... часто все мертвящій шаблонъ. Что же дѣлать?—Глубокій вздохъ вырвался изъ груди Гундурова:—Мы, *люди земли*, люди независимые отъ службы, должны были сдѣлать ей и тамъ, въ коммиссіяхъ, многія уступки... * Но мы сдѣлали это,—добавилъ онъ съ загорѣвшимся опять взглядомъ,—въ полномъ убѣжденіи что освобожденная народная жизнь сумѣетъ обойти искусственныя луты и загородки нагроможденныя канцеляріизмой въ готовящемся для него новомъ положеніи... а въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи „подавитъ“ въ свою очередь какъ дворянство, такъ и бюрократію, и поставитъ вмѣсто нихъ свои коренныя, никогда не умиравшія въ его разумѣніи, формы быта...

— На дняхъ за обѣдомъ.... на который я была приглашена, молвила княжна, — выражена была такая мысль что дворянство не продержится и десяти лѣтъ послѣ уничтоженія крѣпостнаго права.

Гундуровъ ложалъ плечами; лицо его приняло сухое, чуть не злое выраженіе:

— А Богъ съ нимъ, его лѣсенка слѣта!..

И какъ бы отвѣчая на вопросительный взглядъ дѣвушки:

---

* По поводу этихъ уступокъ весьма замѣчательно мнѣніе Конст. Аксакова въ его брошюрѣ: *Замѣчанія на новое административное устройство крестьянъ въ Россіи.* Лейпцигъ 1861.

Digitized by Google

— Тутъ у васъ сейчасъ эта модная барыня,—я ее давно знаю,—пустѣйшее существо... но она служитъ эхомъ партіи нашихъ *феодаловъ*... Вы слышали что̀ за чушь несла она съ ихъ словъ: „не слѣдуетъ мо̀лъ *мстить* дворянству, то-есть, отдавать крестьянамъ „то что̀ имъ никогда не принадлежало“... Что̀ за извращеніе фактовъ, понятій, какое непростительное невѣжество! Эти милые господа пресеріозно воображаютъ себя потомками какихъ-то сподвижниковъ новаго Вильгельма Завоевателя покорившаго съ ихъ помощью Россію и подѣлившаго ее между ними... Они не знаютъ или не хотятъ знать азбуки вопроса,—не знаютъ прежде всего что съ прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ при Годуновѣ крестьянинъ, утративъ право свободнаго перехода, получалъ *за это* неотъемлемое право на тотъ участокъ земли на которомъ засталъ его указъ о прикрѣпленіи; *земля эта у правительства уже навсегда зачислялась въ крестьянскія* и таковою постоянно писалась во всѣхъ правительственныхъ росписяхъ и книгахъ.... Они не хотятъ знать затѣмъ, продолжалъ Гундуровъ, оживляясь постепенно все болѣе и болѣе—что дворяне имѣли право владѣть населенными имѣніями и вообще крѣпостными людьми только подъ условіемъ службы государству, потому что они никогда ничѣмъ инымъ и не были какъ *служилыми*, обязанными людьми, которымъ государство, вмѣсто жалованья, платило трудомъ въ ихъ пользу этихъ крестьянъ населявшихъ жалованныя имъ помѣстья; уклонялся дворянинъ отъ службы, и вотчины его и помѣстья вмѣстѣ съ ихъ населеніемъ отбирались въ казну безъ дальнѣйшаго разговора... Эти два понятія о неоспоримомъ правѣ крестьянъ на землю и о raison d'être дворянства какъ землевладѣльческаго сословія единственно въ силу его служилыхъ обязанностей государству, держались неразрывно и незыблемо въ теченіе двухъ вѣковъ не только въ народномъ,—они у народа никогда не измѣнялись,—но и въ правительственномъ сознаніи до знаменитаго манифеста Петра III о „вольности дворянской“,—одного изъ антинаціональнѣйшихъ и беззаконнѣйшихъ правительственныхъ актовъ во всей нашей исторіи, такъ какъ освобожденіе служилаго сословія отъ его прежнихъ обязанностей къ государству должно было ео ipso, въ силу самой простой справедливости, освободить подчиненныхъ ему до тѣхъ поръ крестьянъ отъ дальнѣйшаго обязательнаго труда въ пользу ничѣмъ

Digitized by Google

уже необязанныхъ помѣщиковъ, а оно, вопреки всякой логикѣ и правдѣ, обратило ихъ окончательно въ рабовъ... Но я замѣчаю что я вамъ цѣлую лекцію прочелъ... и притомъ горячусь,—молвилъ, прерывая свою рѣчь и слабо усмѣхаясь, Гундуровъ,—а я именно шелъ къ вамъ сегодня въ чаяніи успокоенія отъ нашихъ ежедневныхъ треволненій тамъ въ коммиссіи...

— Ахъ нѣтъ, пожалуста продолжайте, Сергѣй Михайловичъ, оживленно молвила княжна;—еслибы вы знали какъ такія „лекціи“ полезны! Вѣдь всѣ мы въ нашемъ *мондѣ* какъ въ потемкахъ ходимъ...

— Если это васъ интересуетъ, я вамъ пришлю только что появившуюся очень хорошую книгу московскаго профессора Бѣляева объ этомъ предметѣ *; вы прочтете тамъ все подробно... а пока я скажу вамъ лишь слѣдующее, княжна: еслибы наше любезное дворянство было получше знакомо съ отечественною исторіей, оно поняло бы что то что отъ него требуется въ настоящую пору правительствомъ не только не посягательство на его собственность, а прямая, священная и отъ манифеста Петра III и дворянской грамоты Екатерины лишь отсроченная по наше время уплата долга его Русскому народу... Оспаривать неотъемлемое право русскаго крестьянства на орошенную потомъ отцовъ его землю есть преступленіе противъ нашей исторіи, противъ всего духа нашей народности—загорячился опять Гундуровъ,—преступленіе на которое способны только люди порвавшіе давно всѣ кровныя связи свои съ народомъ, живущіе чужою ему, безлочевною и безсмысленною жизнью!.. Вы сказали сейчасъ что дворянство погибнетъ вслѣдъ за упраздненіемъ крѣпостнаго состоянія,—туда ему и дорога!.. Пусть погибнетъ изъ него все то что не умѣетъ быть Русскимъ ни головой, ни сердцемъ!... А Россія не пропадетъ, княжна: избывъ рабство, она возвращается къ исконному синтезу своего историческаго бытія: церковь, царь и народъ!....

Она слушала его внимательно и алчно, вся прикованная, какъ говорится, къ его устамъ. Эта горячая и суровая рѣчь съ ея нѣсколько дидактическимъ, нѣсколько „профессорскимъ“ оттѣнкомъ была такъ мало похожа на все то что приходилось ей обыкновенно слышать! Слова его подымали соб-

* *Крестьяне на Руси*, Москва 1860.

Digitized by Google

ственную ея энергію, воскрешали невольно всѣ тѣ полувеликодушныя, получестолюбивыя чаянія съ которыми поступила она во дворецъ.... Поступая сюда она мечтала о „дѣятельности“, о служеніи „высокимъ идеямъ человѣчества“; она разчитывала „проводить“ ихъ вліяніемъ своимъ на авторитетныхъ лицъ съ которыми должна была состоять въ ближайшемъ и постоянномъ общеніи. Смутными и раздражающими грезами была полна въ тѣ дни голова ея; она много читала, знала исторію, хранила твердо въ памяти „*все* что могла *всегда* сдѣлать *женщина* когда она этого сильно хотѣла“, начиная хоть со временъ Эсѳири и Аслазіи и кончая XVIII, — „этимъ по преимуществу *женскимъ* вѣкомъ“, разсуждала она.... Княгиня Дашкова, преданная и строптивая слодвижница Екатерины (*Записки* которой, напечатанныя Герценомъ въ своей „вольной“ лондонской типографіи, жадно читались въ ту пору въ Россіи), приводила ее въ восторгъ. „Связать когда-нибудь свое имя,—какъ сдѣлала эта, такая же какъ она 20ти-лѣтняя, смѣлая, независимая умомъ и нравомъ, женщина,—съ великимъ историческимъ событіемъ, держать въ рукахъ его нити, замыслить его и исполнить, убѣдить сомнѣвающихся, увлечь нерѣшительныхъ, направить и повести за собой толлу“,—таковы были сокровенныя, завѣтныя мечты молодой фрейлины, когда подъ впечатлѣніемъ ея своеобразной красоты, ея прямыхъ и рѣзкихъ рѣчей, ее встрѣтилъ въ этихъ стѣнахъ одинъ изъ тѣхъ *viscès d'engouement*, которые въ придворной средѣ еще болѣе, можетъ-быть, чѣмъ среди простыхъ смертныхъ бываютъ столько же внезапны и неожиданны какъ и скоропреходящи. Успѣхъ на первыхъ порахъ былъ полный... Но она очень скоро должна была замѣтить что *вліяніе* ея нисколько не росло, да и что достигало оно въ дѣйствительности самыхъ крайнихъ своихъ предѣловъ, все же было бы оно не болѣе какъ капля въ морѣ по отношенію къ тѣмъ обширнымъ горизонтамъ къ которымъ неслась отвага ея юныхъ помысловъ. Ея сужденія о „государственныхъ дѣлахъ“ *потѣшали* только дѣйствительно, какъ говорила она Гундурову, тѣхъ авторитетныхъ лицъ предъ которыми она считала нужнымъ „проловѣдывать“ ихъ; они снисходили къ этой ея „оригинальности“, соглашались даже иной разъ en passant и смѣясь съ вырывавшимся изъ ея устъ какимъ-нибудь мѣткимъ и задорнымъ замѣчаніемъ, но нисколько не расположены были—она это понимала—поощрять

Digitized by Google

ее на роль нимфы Эгеріи ни у себя, ни у кого-либо другаго.... Да и самое то къ чему влеклась она безпокойною душой своею было чуждо и непонятно этимъ лицамъ. У нихъ было свое опредѣленное дѣло, свой традиціонный кругозоръ, свой официальный кругъ обязанностей и дѣйствій, за который они совершенно основательно со своей точки зрѣнія не почитали себя въ правѣ, да и не желали заходить. Тѣ вопросы *высшаго содержанія* около которыхъ вѣчно вертѣлась мысль княжны Кубенской какъ бы вовсе не находили отзвука подъ кровлей величаваго зданія въ которомъ обитала она....

Ее скоро стало нестерпимо томить ея положеніе. Воспоминанія прошлаго дѣлали для нея еще чувствительнѣе ея настоящее „ничтожество“. Въ далекомъ и обширномъ краю, въ постоянномъ обществѣ умнаго, образованнаго и опытнаго отца, которому она весьма часто служила секретаремъ, она съ дѣтства привыкла къ дѣловому обиходу, къ сосредоточенію мысли на интересахъ и заботахъ крупнаго свойства. Она думала найти, создать себѣ и здѣсь нѣчто подобное.... Увы, дѣловитость ея и грамотность оказывались здѣсь пригодными лишь на занятія глубоко претившія ей и оскорблявшія ея внутреннюю гордость. Отвѣчать казеннымъ французскимъ письмомъ о днѣ и часѣ пріема; прочесть „по порученію начальства“ какой-нибудь модный въ данную минуту французскій или англійскій романъ и передать его содержаніе, „когда не о чемъ болѣе интересномъ говорить“; „занимать по долгу службы пріятнымъ разговоромъ“ на вечерѣ или за обѣдомъ какого-нибудь гофмаршала или адъютанта изъ свиты иностраннаго принца пріѣхавшаго въ Петербургъ по случаю россійскаго высокоторжественнаго дня, сидѣть *en grande toilette* въ этотъ высокоторжественный день рядомъ съ тѣмъ же гофмаршаломъ и дежурнымъ генералъ-адъютантомъ на спектаклѣ въ большой средней царской ложѣ.... „и ничего, ничего больше!“ говорила она себѣ съ отчаяніемъ, съ ужасающимъ сознаніемъ что это „ничего больше“ не только не требуютъ отъ нея, но и никогда не дозволили бы ей....

А между тѣмъ „великое событіе“, предъ которымъ должно было поблѣднѣть все что̀ совершено было въ вѣкъ княгини Дашковой, готовилось для Россіи. Помышленіе о немъ поглощало теперь все существо нашей фрейлины... Она негодовала и злилась за то „равнодушіе“ и нѣсколько даже насмѣш-

Digitized by Google

ливый тонъ съ которымъ отвѣчали кругомъ вся на ея лихорадочное отношеніе къ дѣлу крестьянскаго освобожденія. „Гнилая, отжившая среда!“ повторяла она часто слова Иринарха Овцына.... Въ Михайловскомъ дворцѣ (она была тамъ persona grata), куда ѣздила сколько могла чаще, сблизилась съ группой „либеральныхъ“ людей которые находили тамъ высокое покровительство и къ которымъ примыкалъ Гундуровъ. Она горячо сродилась съ ихъ воззрѣніями, жила ихъ борьбой, ихъ надеждами и ихъ опасеніями... О, что бы дала она чтобъ имѣть, какъ и они, офиціальное право заступничества „за угнетенный народъ“ противъ „тунеядцевъ и идіотовъ *феодальной* партіи съ ихъ претензіями до-Бироновскихъ верховниковъ и трусливыми душонками византійскихъ царедворцевъ“, какъ ядовито выразился однажды въ разговорѣ съ нею тотъ же Гундуровъ....

— Да, вы правы, говорила она ему теперь съ искрившимися отъ внутренняго волненія глазами;—надо ложить, какъ я, во дворцѣ, чтобы видѣть вблизи чего стóитъ ужь одна наша свѣтская и придворная soi-disant аристократія; вы правы: „пѣсенка ихъ слѣта“.... Но они еще не сознаютъ этого, не уступаютъ поля, Сергѣй Михайловичъ; они еще въ состояніи оттянуть, похоронить дѣло освобожденія.... Назначеніе графа Вилина....

Онъ весь измѣнился въ лицѣ.

— О, Боже мой! вскрикнулъ онъ, прерывая ее,—я увлекся сейчасъ общими разсужденіями, а это изъ головы вонъ!.. Вѣрно это, княжна, совершенно вѣрно?

— Несомнѣнно, къ несчастью, сказала она;—я это слышала *у насъ* сегодня за завтракомъ.... Противъ этого надо принять мѣры, Сергѣй Михайловичъ! добавила она чрезъ мигъ.

— Какія мѣры! Это, видимо, поворотъ.... уступка всему этому плачу и стону плантаторской клики.... Вчера еще, послѣ полученія Государемъ предсмертной записки покойнаго и августѣйшихъ словъ по этому поводу, можно было надѣяться.... но видно съ тѣхъ поръ успѣли передѣлать....

— Въ Михайловскомъ дворцѣ объ этомъ еще неизвѣстно, я знаю... Надо скорѣе извѣстить, заговорила опять княжна;—тамъ могутъ еще можетъ-быть предотвратить ударъ... написать, объяснить....

— Я сейчасъ туда съѣзжу, передамъ, молвилъ въ раздумьи Гундуровъ,—но едва ли это поможетъ. Если, какъ говорите вы,

Digitized by Google

рѣшеніе принято, это не сдѣлано же наобумъ! Очевидно что произошло что-то, измѣненіе намѣреній....

— Знаете что, вскликнула она неожиданно, — Вилинъ можетъ отказаться!

— Почему вы думаете?

— Онъ долженъ это сдѣлать, если онъ хоть сколько-нибудь себя уважаетъ! пылко объяснила она:—иначе онъ будетъ или измѣнникомъ волѣ Государя, или измѣнникомъ своей партіи и своимъ убѣжденіямъ!...

— Приметъ и сведетъ дѣло на нѣтъ! желчно засмѣялся на это Гундуровъ.

Глаза дѣвушки мгновенно потемнѣли, ноздри дрогнули съ выраженіемъ какой-то совершенно мужской рѣшительности:

— Онъ этого не посмѣетъ сдѣлать... ему не позволятъ... Онъ долженъ отказаться, упорно повторила она; — если онъ этого самъ не пойметъ, ему это нужно доказать!...

Гундуровъ устойчиво поглядѣлъ на нее, взялъ шапку свою со стула и поднялся.

— Это разъяснится на дняхъ. Если въ самомъ дѣлѣ возобладала реакція, мы, люди земли, не станемъ конечно ожидать чтобы насъ погнали: мы уйдемъ сами по первому ея признаку.

Онъ сдерживался, но княжна видѣла какъ отъ обымавшаго его раздраженія судорожно моргали его глаза и нервное дерганье поводило ему щеку.

— Онъ откажется,—я вамъ отвѣчаю! воскликнула она, сама вся блѣдная, протягивая руку молодому человѣку.

Онъ чуть-чуть усмѣхнулся, пожалъ ее и вышелъ.

Княжна, оставшись одна, встала, медленными шагами подошла къ окну и, прижавшись лбомъ къ холодному стеклу, устремила глаза на улицу. По широкой площади съ глухимъ гуломъ сновали экипажи, стремительно скользили офицерскія санки, развѣвались султаны на каскахъ проходившаго караула...

Но зеленые зрачки ея ничего не видѣли, словно та же темь стояла предъ нею какъ и въ глубинѣ ея тоскующей и возмущенной души....

— Кира Никитична.... ваше сіятельство, пробудилъ ее чей-то голосъ изъ задумчивости.... Она оторвала глаза отъ окна.

На порогѣ полуотворенной двери въ ея кабинетъ стояла

Digitized by Google

знакомая читателю синеокая Анфиса и кивала ей, какъ бы таинственно маня ее къ себѣ.

— Чтò вамъ надобно? нѣсколько рѣзко спросила она не двигаясь съ мѣста.

Анфиса окинула гостиную осторожнымъ взглядомъ, приперла за собою дверь и безшумно подошла къ ней

— Тутъ у меня въ комнатѣ сидитъ...—Она замялась и поглядѣла на „свою барышню“ не то робко, не то пытливо,—просятся къ вамъ....

— Кто? прервала ее Кира, сдвигая брови.

— Да.... Иринархъ Степанычъ.... господинъ Овцынъ....

— Чтò ему нужно? гнѣвно воскликнула княжна,—и чтò это за манера.... пробираться воромъ какимъ-то! Какъ онъ къ вамъ попалъ?

— Да чернымъ ходомъ поднялись, изъ кухонь стало-быть... *Колидоромъ* ко мнѣ и прошелъ.... Я ихъ пущать даже спервоначала не хотѣла,—мало чтò ли у насъ брехни-то, не вѣсть еще чтò наплетутъ, люди-то здѣсь, сами знаете, какіе!...

— И хорошо сдѣлали!... А еще лучше когда попросите его теперь уйти; я его не желаю видѣть!

На лицѣ Анфисы изобразилось видимое одобреніе этимъ словамъ. Она качнула головой, повернулась идти, и остановилась, вспомнивъ:

— Они принесли съ собою ларецъ какой-то.... Говорятъ безпремѣнно вамъ передать надо, а что сами завтра и совсѣмъ уѣзжаютъ, изъ *Питербурха* то-ись....

— Чтò за вздоръ такой.... передать.... и отъ кого? спрашивала продолжая хмуриться княжна.

— Не знаю-съ, а только говорятъ что безпремѣнно нужно... и всего, говорятъ, „на десять минутъ разговору прошу“.

Дѣвушка помолчала, очевидно колеблясь....

— Во всякомъ случаѣ, сказала она наконецъ пожимая плечами,—я ему никакъ не позволяю пройти чернымъ ходомъ и чрезъ мою спальню.... Если ему такъ необходимо меня видѣть, скажите ему что можетъ войти какъ всѣ, чрезъ переднюю....

— Слушаю-съ.... Пустой господинъ по всему! промолвила сквозь зубы Анфиса, выходя изъ гостиной.

Чрезъ нѣсколько минутъ придворный лакей княжны, мелькнувъ въ отверстіи полураскрытой имъ двери передней абрисомъ своего краснаго жилета и галуновъ съ орлами,—

Digitized by Google

онъ не почелъ нужнымъ войти въ комнату всею своею достойною особой для того *низвергаго* имени о какомъ приходилось ему теперь докладывать,—произнесъ лѣнивымъ, будто со сна голосомъ:

— Господинъ Овцынъ!...

„Господинъ Овцынъ“ былъ въ статскомъ, опрятномъ платьѣ и даже въ перчаткахъ: онъ видимо постарался явиться сюда въ наивозможно приличномъ видѣ. Длинные, залущенные за уши волосы и широкололая мягкая шляпа, *sombrero*, какъ называли ихъ во время оно, которую волочилъ онъ, низко опустивъ руку, могли лишь развѣ служить признаками принадлежности его къ той особой породѣ человѣческихъ существъ которая тогда торжественно и побѣдно со всѣхъ столбцовъ петербургской печати кликала себя громкою кличкой „новыхъ людей“ и „солью земли русской“.

Вошелъ впрочемъ „новый человѣкъ“, какъ можно было замѣтить, гораздо болѣе храбрясь наружно чѣмъ самоувѣренно внутренно. Глаза его бѣгали по сторонамъ съ какимъ-то наглуско-разсѣяннымъ видомъ, а въ сущности избѣгая прямо и зорко направленнаго на него изъ глубины комнаты взгляда молодой хозяйки.

Она все также стояла у окна опершись спиной объ уголъ его амбразуры, „стояла чтобы не быть принужденною пригласить его сѣсть“,—онъ это тотчасъ же понялъ....

Губы его повело судорогой... Онъ осилилъ себя, и подойдя къ дѣвушкѣ поклонился коротким, но вѣжливымъ по намѣренію поклономъ.

— Здравствуйте, Кира Никитична, чуть-чуть дрогнувшимъ голосомъ проговорилъ онъ.

Она наклонила голову въ отвѣтъ, и продолжала молча и вопросительно глядѣть на него.

— Здоровы?... Нечего и спрашивать,—перебилъ онъ себя тутъ же,—все по прежнему... ну, и прекрасно, значитъ!....

— Вы говорили моей горничной, сухо заговорила она въ свою очередь,—вамъ что-то необходимо передать мнѣ?....

Онъ не отвѣчалъ на этотъ вопросъ; прищурившись онъ поводилъ взглядомъ кругомъ себя, какъ бы разглядывая любопытно окружающіе предметы, и перекидывалъ машинально свой sombrero изъ одной руки въ другую.

— Давно-съ не бывалъ я въ вашихъ палатахъ, молвилъ онъ, словно пробуя и отыскивая тонъ какимъ вести съ нею

Digitized by Google

дальнѣйшій разговоръ,—давно-съ!... И принимали меня здѣсь когда-то иначе. Да времена, извѣстно, перемѣнчивы,—насильственно хихикнулъ онъ вдругъ,—объ этомъ даже нѣкій древній Римлянинъ стихами выразился...

Княжна молчала.

— Въ послѣдній разъ, вѣроятно, и вхожу сегодня подъ сѣнь сію, продолжалъ Овцынъ тѣмъ же насилованно-ироническимъ тономъ;—изгнанъ бѣ со срамомъ великимъ, и безвозвратно.... Такъ я говорю-съ?

Глаза дѣвушки мгновенно потемнѣли.

— Я не желаю видѣть людей настолько дерзкихъ что они дозволили себѣ забыться со мной!

Все лицо Иринарха передернуло. Онъ вскинулъ теперь въ первый разъ прямо на нее свои сѣрые зрачки съ какимъ-то лыающимъ выраженіемъ и злобы, и страсти....

— Ну конечно, вы—и я, звѣзда—и червь!... Какъ же смѣть мнѣ было,—онъ запкался и путался въ словахъ отъ раздраженнаго волненія,—какъ смѣть!... Я не салонный пустозвонъ, я мпндальничать не умѣю... Я не облекалъ свое... чувство въ сентиментальный сумбуръ стараго романтизма.... Я понималъ такъ что и вы далеко отошли отъ него, что и вы отрѣшились отъ старыхъ понятій и желаете идти свободною дорогой....

— Довольно, *monsieur Овцынъ*, перебила его Кира, — къ этому возвращаться не для чего! Если вамъ что-нибудь отъ меня нужно...

— Ну да,—не слушалъ онъ ее,—я высказался предъ вами откровенно, подъ вліяніемъ того здороваго, естественнаго влеченія которое человѣкъ развитой испытываетъ къ такому же здоровому и способному, я полагалъ, къ правильному развитію женскому существу; ваши придворные *грандеры*, я полагалъ, не успѣли извратить въ васъ способность здраваго мышленія....

— Предваряю васъ, молвила княжна возвышая голосъ,—что если вы намѣрены еще говорить объ этомъ, я уйду изъ комнаты!....

Онъ какъ-то вдругъ разомъ оробѣлъ и замолкъ. Руки его нервно сжались и словно закоченѣли ухватившись всѣми десятью пальцами за широкія поля его шляпы.

Кира видѣла это, и по надменнымъ губамъ ея пробѣжала мимолетная усмѣшка (женщинъ всегда подкупаетъ покорство)....

Digitized by Google

— Что же вамъ нужно отъ меня теперь? спросила она чрезъ нѣсколько времени съ нѣсколько уже смягченною интонаціей въ голосѣ:—вы принесли мнѣ, говорятъ, какой-то ящикъ.... Гдѣ онъ?

— Я оставилъ его у вашей служанки, отвѣтилъ онъ усиливаясь въ свою очередь говорить спокойно и твердо,— предъ вашимъ придворнымъ церберомъ я почелъ безполезнымъ проносить его...

— Отъ кого это?

— Отъ меня собственно... если позволите, сказалъ Иринархъ, поладая опять на ошибъ обычной своей развязности;—такъ какъ я уѣзжаю отсюда завтра...

— Куда? невольно сорвался у нея вопросъ.

— *Съ порученіемъ* въ Лондонъ, многозначительно протянулъ онъ въ отвѣтъ.

Кира поглядѣла на него

— Къ Герцену? медленно и тихо вымолвила она.

Онъ хихикнулъ.

— Само собою-съ!

— Для чего?

— *Съ порученіемъ*, повторилъ онъ.—Да и для личнаго объясненія притомъ... Читали вы его послѣдній нумеръ?

— Читала.

— Замѣтили тамъ „Письмо изъ Россіи“ и отвѣтъ его по этому случаю? *

— Гдѣ ему совѣтуютъ „звать Россію *къ топору*“?

— Да, да, именно! воскликнулъ Иринархъ сверкнувъ глазами.

— А онъ отвѣчаетъ что онъ врагъ кровавыхъ переворотовъ, и что во всякомъ случаѣ не изъ Лондона могъ бы такой зовъ поднять Русскій народъ?

— Другими словами-съ, фыркнулъ Овцынъ:—я молъ на словахъ богатырь, а на дѣлѣ—тотъ же *буржуа* и *постепеновецъ*.... Вотъ-съ объ этомъ мы и потолкуемъ съ достопочтеннымъ Александромъ Иванычемъ! добавилъ онъ перекашивая губы судорожною гримасой.

Княжна еще разъ поглядѣла на него.

— Это *вы* писали ему о „топорѣ“?

Онъ откинулъ волосы назадъ и какъ бы встряхнулъ этимъ движеніемъ все свое жидкое тѣло назадъ.

---

* *Колоколъ* 1 февр. 1860.

Digitized by Google

— Ну, кто бы тамъ ни писалъ-съ... а что ему объ этомъ прочтется подобающая лекція, будьте на счетъ сего благонадежны-съ!

— Какъ же это вы ѣдете? полюболытствовала она:—вы оставили университетъ?

— Распростился! Вольный гражданинъ отечества.... и, по всей вѣроятности, *вселенной*, произнесъ онъ съ ударевіемъ, и вскинулъ на нее изподлобья взглядъ въ которомъ читалось жадное желаніе уловить скорѣе впечатлѣніе какое могли произвести эти слова его на нее.

Но ничего онъ прочесть на лицѣ ея не могъ: она отвернулась и глядѣла на улицу.

— Такъ вотъ-съ, отрывисто, съ едва одолѣваемою досадой въ звукѣ голоса началъ онъ чрезъ мигъ,—уѣзжая изъ Петербурга на.... неопредѣленное время, я и возымѣлъ счастливую мысль просить васъ сохранить у себя мои бумаги.

Она съ раскрывшимися широко отъ изумленія глазами повела теперь головою въ его сторону.

— Отчего же именно меня, и почему это такая, по вашему, „счастливая“ мысль?

— Очень просто-съ, отвѣтилъ онъ самымъ безцеремоннымъ и самоувѣреннымъ тономъ:—потому что еслибы полицейскимъ ищейкамъ удалось напасть на ихъ слѣдъ, дальнозоркость ихъ замерла бы тотчасъ предъ *внушительною* неприкосновенностью вашего обиталища.

Онъ ее огорошилъ этими словами въ первую минуту. Но она тотчасъ же овладѣла собой.

— И вы полагаете, спросила она свысока,—что я не могу вамъ отказать въ такой просьбѣ?

— Полагаю, и даже увѣренъ, сказалъ онъ глядя на нее зоркимъ и острымъ взглядомъ;—увѣренъ-съ потому что въ этихъ бумагахъ содержится касающееся не одного меня; уничтожить ихъ я не имѣю права, скрыть куда въ иномъ мѣстѣ—нашелъ неудобнымъ... а васъ, несмотря на существующія между нами... недоразумѣнія,—нахально примолвилъ онъ,—почитаю настолько *честною* личностью что вы не захотите отказомъ вашимъ подвергнуть гибели лучшихъ людей въ Россіи...

Она хотѣла возразить... и не рѣшилась... Онъ взывалъ къ ея великодушію, говорилъ о „лучшихъ людяхъ“ (кто не вѣрилъ въ ту пору въ существованіе этихъ „лучшихъ людей“!),

Digitized by Google

которые могли „погибнуть“ вслѣдствіе ея отказа; дѣло касалось наконецъ все тѣхъ же „высокихъ идей человѣчества“ которымъ сама она такъ горячо стремилась служить...

— Что же есть въ этихъ бумагахъ? спросила она неувѣреннымъ голосомъ, какъ бы откладывая минуту рѣшительнаго отвѣта.

— Долго было бы разказывать. Интереснаго много-съ, одно могу сказать, надъ чѣмъ людямъ правительства пришлось бы провести дрожа не одну безсонную ночь! сказалъ Ириархъ мрачно и грозно насупливая брови. — Онѣ залечатаны впрочемъ, и чтеніе ихъ такимъ образомъ скомпрометтировать васъ не можетъ, язвительно прибавилъ онъ къ этому, какъ бы въ отместку за эту ея „нерѣшительность“.

Она только презрительно усмѣхнулась на это.

— Вы говорили что ѣдете на „неопредѣленное“ время, молвила она помолчавъ:—что же мнѣ дѣлать съ этими бумагами если вы долго... или *совсѣмъ* не возвратитесь?

— Къ вамъ явится въ такомъ случаѣ неизвѣстная вамъ личность и вручитъ вамъ въ руки или чрезъ вашу прислугу залечатанный конвертъ, подъ которымъ вы найдете листокъ съ надписью *Земля и Воля*; этого будетъ достаточно. Вы этой личности передадите ящикъ, а онъ вамъ дастъ въ принятіи его расписку съ подписью имъ двухъ буквъ З и В Вотъ и все!

Княжна чуть-чуть кивнула головой: хорошо-молъ!

Настало довольно продолжительное молчаніе. Онъ мялъ задумчиво свою шляпу въ рукахъ; она опять уткнулась глазами въ окно.

— А теперь *все*? скучающимъ голосомъ произнесла она наконецъ.

— Все... нѣсколько озадаченно промолвилъ онъ.

И вдругъ глаза его загорѣлись вновь страстнымъ пламенемъ, задрожали блѣдныя губы.

— Я не хотѣлъ бы разстаться съ вами, Кира Никитична залепеталъ онъ,—не разъяснивъ всего того что въ поводахъ вашихъ къ неудовольствію на меня....

Она остановила его сразу повелительнымъ движеніемъ руки:

— Позвольте!...

И направившись быстрою поступью къ двери сосѣдней комнаты, она полуотворила ее и крикнула:

— Анфиса Дмитріевна!

Digitized by Google

— Что̀ прикажете? отозвалась немедленно та, убиравшая что-то въ спальнѣ.

— Господинъ Овцынъ оставилъ у васъ какой-то ящикъ; принесите его сюда.

— Сейчасъ, ваше сіятельство!

Синеокая женщина побѣжала въ свою комнату, между тѣмъ какъ Кира, недвижимо стóя на томъ же мѣстѣ, казалось, говорила всѣмъ выраженіемъ своего облика: „вздумай начать опять, и я скроюсь и замкнусь за этою дверью.“

„Ларецъ“ вынесенный Анфисой оказался не очень объемистымъ, но тяжелымъ (она насилу удерживала его въ рукахъ) коробомъ сколоченнымъ изъ тонкихъ бѣлыхъ досокъ; онъ обмотанъ былъ накрестъ бичевкою, а концы ея припечатаны сургучомъ какою-то большою, аляповатою печатью.

Она опустила,—уронила его почти на полъ у ногъ княжны и встряхнула обѣими, натуженными носкою его, руками своими.

— Тутъ ваши бумаги? спросила какъ бы официально Кира полуопуская на него глаза.

— Тутъ! словно прошипѣлъ „новый человѣкъ“.

— Хорошо! коротко сказала она, приподняла голову—и медленно опустила ее тутъ же въ формѣ поклона, самымъ несомнѣннымъ образомъ сказавшаго ему что затѣмъ ничего иного не оставалось дѣлать какъ отвѣтить тѣмъ же и удалиться во свояси.

Иринархъ побагровѣлъ, позеленѣлъ, заморгалъ вѣками; губы его зашевелились какъ бы готовясь разразиться потокомъ неудержимыхъ словъ.... и ничего не выговорили. Подъ ледянымъ, упорно и безтрепетно направленнымъ на него взглядомъ обѣихъ женщинъ, онъ опустилъ мимо воли дерзкіе глаза свои, коротко и неловко поклонъ всѣмъ своимъ туловищемъ вмѣсто отвѣтнаго поклона, и размахивая, какъ говорится, „для контенанса“ шляпой, вышелъ торопливо изъ комнаты.

— Куда мы это дѣнемъ? молвила, едва успѣлъ онъ исчезнуть, княжна съ нѣсколько гадливымъ оттѣнкомъ въ выраженіи, притрогиваясь носкомъ башмачка къ стоявшему все также у ногъ ея коробу.

— А въ печь? отвѣчала на это съ полуусмѣшкой Анфиса, устремляя на нее съ бока свои умные глаза.

Брови Киры досадливо сжались:

— Нельзя... у него тутъ бумаги...

Digitized by Google

— А тѣмъ паче, Кира Никитична; можетъ что̀ неладное? возразила та. Она въ силу смѣтки пріобрѣтенной ею въ интимности Елпидифора Павловича Акулина, на основаніи слышаннаго ею еще въ Москвѣ отъ друга своего Лизаветы Ивановны о „дури“ молодаго Овцына и того что̀ могла сама замѣтить за нимъ въ ту пору „когда княжна еще *пущала* его къ себѣ“, чутьемъ чуяла это „неладное“ въ оставленныхъ имъ бумагахъ...

Кира молчала.

— Какъ если чтобы не зналъ никто, сказала не дождавшись отвѣта Анфиса,—такъ некуда опричь сюда вотъ! И она указала кивкомъ на шкафъ съ мюнцкабинетомъ:—тамъ нижняя полка пустая.

Въ двери изъ передней звякнула въ эту минуту рукоятка замка... Она мгновеннымъ движеніемъ стала предъ коробомъ, закрывая его всѣмъ объемомъ своей юлки.

— Ея высочество проситъ ваше сіятельство къ себѣ! вѣско и слѣпо отчеканилъ входя красный жилетъ.

„Наѣзжала тамъ или Андомская?“ пронеслось въ головѣ княжны. Она надменно ловела губами въ чаяніи неотвратимаго, быть-можетъ, столкновенія... Она, „конечно, не уступитъ, скажетъ“...

— Хорошо, сейчасъ иду! сказала она указывая лакею выйти движеніемъ головы.

Она пошла за нимъ, взялась за замокъ и обернувшись къ Анфисѣ:

— Скорѣй, пожалуста, уставьте это туда!...

Та послѣпо открыла на обѣ половинки шкафъ ключомъ изъ связки висѣвшей у нея за поясомъ, подтолкнула къ нему ногою коробъ, подняла его и уставила къ темному углу, такъ же быстро закрыла и защелкнула шкафъ, и заткнула ключи свои опять за поясъ.

— Готово! сказала она.

Княжна вышла.

Синеокая женщина медленно двинулась и остановилась у окна. Она замѣтно похудѣла и осунулась со времени переселенія своего въ Петербургъ... Она безконечно тосковала здѣсь, никуда не выходила изъ дворца, избѣгала всякихъ знакомствъ съ сосѣдками своими по „колидору“, и проводила всѣ дни за работой или за чтеніемъ „божественнаго“. Все что̀ доводилось ей видѣть, замѣчать и угадывать кругомъ

Digitized by Google

себя наполняло ее унынiемъ и какимъ-то неопредѣленнымъ, но болѣзненно охватывавшимъ ее страхомъ. „Петербургскій народъ“ представлялся ей совершенно особаго рода лукавою и злокозненною породой людей.

— *Внѣуду являются красны, внутрьуду же полны сутъ костей и всякія нечистоты*, шептали и теперь блекнувшія уста ея, подъ впечатлѣнiемъ свѣжаго разговора объ Иринархѣ Овцынѣ... Она многое угадывала и изъ „тѣхъ мыслей“ которыхъ держалась ея „барышня“ (къ которой она успѣла привыкнуть и которая въ свою очередь обходилась съ нею съ видимымъ уваженiемъ и довѣрiемъ), понимала что „и ей здѣсь жить не вольготно“...

— И небо-то здѣсь само будто не христiанское! примолвила она про себя, устремясь взглядомъ на виднѣвшiйся изъ окна высокiй куполъ Исаакiевскаго собора, надъ самымъ крестомъ котораго, словно норовя зацѣпить его своимъ черносинимъ краемъ, ползла большая снѣговая туча.

Анфиса вздыхая перекрестила себя широкимъ крестнымъ знамянiемъ....

(*Продолженiе слѣдуетъ.*)

Б. МАРКЕВИЧЪ.

Digitized by Google

НА ПАМЯТЬ О ПУШКИНѢ

Наконецъ-то дождались мы памятника Пушкину!.. Въ Москвѣ, на Тверскомъ Бульварѣ, возвышается теперь колоссальная статуя великаго поэта, обращающая на себя не одно праздное вниманіе. Изъ десятковъ тысячъ людей ежедневно проходящихъ по бульвару, этой главной артеріи древней столицы, многіе остановятся, конечно, съ глубокимъ вниманіемъ предъ этою статуей, предъ образомъ поэта, замѣчательно талантливо воплощеннымъ въ бронзѣ г. Опекушинымъ. Но не въ одной Москвѣ многіе обращаются теперь мыслію на Тверской Бульваръ, гдѣ имъ рисуется фигура поэта, отнынѣ увѣковѣченная на память потомству. Въ этой фигурѣ такъ много манящаго, въ этомъ бронзовомъ ликѣ такъ много зовущаго и привлекающаго къ себѣ. И не мудрено! Между нами еще много дѣтей и внуковъ Пушкина, почти непосредственно имъ воспитанныхъ, на чтеніи его произведеній развивавшихся и созрѣвшихъ. Великій поэтъ, во цвѣтѣ лѣтъ умершій, имѣлъ однакоже въ виду насъ, своихъ *внуковъ*, вообще потомство, которое онъ съ такою любовью привѣтствовалъ подъ образомъ молодой порослн, окружившей три старыя сосны, стоявшія въ селѣ Михайловскомъ „на границѣ владѣній дѣдовскихъ“:

Digitized by Google

Здравствуй племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ...

(*Пушкинъ*, изд. Анненкова, III, 54).

И вотъ мы, это „незнакомое племя“, стоимъ теперь лицомъ къ лицу предъ бронзовою фигурой великаго поэта, довольные и польщенные его привѣтствіемъ. Что же мы скажемъ *ему* на это привѣтствіе? Чего *онъ* ждетъ, чего *онъ* требуетъ отъ насъ? Ждетъ онъ немногаго; ждетъ воспоминаній о себѣ, конечно добрыхъ и теплыхъ. Обращаясь къ „позднему возрасту“ своихъ молодыхъ сосенъ, пусть внукъ мой, говоритъ Пушкинъ,

Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда,
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полонъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ воспомянетъ...

Итакъ, на привѣтствіе Пушкина, которое какъ бы высказываетъ намъ теперь съ высоты Тверскаго Бульвара только что воздвигнутая его статуя, лучшимъ отвѣтомъ будутъ простыя воспоминанія о немъ, о томъ что имъ сдѣлано и какую пользу принесло намъ все имъ сдѣланное: пора самая благовременная для подобнаго отчета!

Самъ Пушкинъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ *пользу* своей поэтической дѣятельности:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ...

(*Сочин. Пушк.*, III, 70)

Какъ ни скромно такое опредѣленіе, но въ существенныхъ чертахъ оно вѣрно опредѣляетъ поэтическую дѣятельность Пушкина. Да, заслуга его предъ современниками состоитъ именно въ томъ что онъ своею лирой пробуждалъ въ нихъ „добрыя чувства“ и что былъ полезенъ имъ „живою прелестью“ своихъ стиховъ. Но вопросъ въ томъ: что за „лира“ была у Пушкина и что надобно понимать подъ его неопредѣленнымъ выраженіемъ: „добрыя чувства“?

Талантъ нашего поэта обнаружился еще въ ранніе дѣтскіе годы, въ ту пору когда ему „были новы всѣ впечатлѣнья бытія“ (II, 342). Этотъ талантъ развивался подъ

Digitized by Google

непосредственнымъ вліяніемъ двухъ таинственныхъ существъ,—какой-то „дѣвы тайной“ (II, 528—529) и „какого-то демона“ (II, 362). Таинственная дѣва (муза) учила отрока-поэта играть на „семиствольной цѣвницѣ“, слагать пѣсни (II, 297 и 528—529) и вообще была его заботливою воспитательницей; но рѣзвый отрокъ, „дичась ея совѣтовъ и укоровъ“, по-своему толковалъ ихъ про себя и часто убѣгалъ отъ нея „въ великолѣпный мракъ чужаго сада“ (ibid.). Мальчика смущали строгая красота ея лица, спокойныхъ устъ и взоровъ и „полныя святыни словеса“. Вліяніе „демона“ было совсѣмъ иное: онъ не ограничивался однѣми бесѣдами, одними совѣтами, укорами, но овладѣвалъ всѣмъ существомъ отрока-поэта и его преслѣдовалъ. Онъ также научалъ его пѣснямъ, шепталъ ему „дивные звуки“; но, по словамъ поэта, отъ такихъ уроковъ голова его „была полна тяжкимъ пламеннымъ недугомъ“ (II, 362), чего онъ не испытывалъ отъ уроковъ своей музы.

Поэтъ „прилежно внималъ урокамъ дѣвы тайной“, она слушала его съ улыбкой и изрѣдка удостоивала его величайшей изъ наградъ: сама брала изъ рукъ его свирѣль, начинала играть на ней, и вотъ раздавались звуки наполнявшіе „святымъ очарованіемъ“ сердце отрока (II, 297—298). Такіе звуки свирѣли и такія слова наставницы, „полныя святыни“, возымѣли свое дѣйствіе на отрока-поэта. Убѣгая укоровъ этой „смиренной, одѣтой убого, но видомъ величавой“ наставницы подъ таинственныя тѣни чужаго сада, вотъ что дѣлалъ тамъ мальчикъ-поэтъ:

Тамъ нѣжила меня деревъ прохлада;
Я предавалъ мечтамъ мой слабый умъ,
И праздномыслить было мнѣ отрада.
Любилъ я свѣтлыхъ водъ и листьевъ шумъ,
И бѣлые въ тѣни деревъ кумиры,
И въ ликахъ ихъ печать недвижныхъ думъ.
.....
Все наводило сладкій нѣкій страхъ
Мнѣ на сердце; и слезы вдохновенья,
При видѣ ихъ, рождались на глазахъ. (II, 529).

Нѣчто святое, божественное было въ пѣсняхъ учительницы дѣвы, и отрокъ-поэтъ внималъ имъ съ тѣмъ же трепетомъ, какъ и словамъ ея, „полнымъ святыни“. Эти слова и эти пѣсни стали для него потомъ путеводнымъ идеаломъ,

Digitized by Google

которому онъ хотя и не всегда былъ вѣренъ, но о которомъ онъ не переставалъ тосковать. Вліяніе другаго учителя—„демона“ было причиной уклоненій, о которыхъ свидѣтельствуетъ самъ Пушкинъ въ посланіи къ митрополиту Филарету, поправившему въ стихахъ же стихотвореніе поэта „Даръ напрасный, даръ случайный“ (II, 449):

Въ часы забавъ иль праздной скуки,
Бывало, лирѣ я моей
Ввѣралъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.
Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавой
Меня внезапно поражалъ.
Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
И рвамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.

На значеніе поэзіи и на роль поэта Пушкинъ смотрѣлъ необыкновенно высоко. Для него вдохновеніе—„признакъ Бога“ (II, 365), поэзія—„божественный глаголъ“ (II, 430), самъ поэтъ—„сынъ небесъ“ (II, 363), жрецъ божества, приносящій „священную жертву“ (II, 429) ему, пророкъ долженствующій этимъ божественнымъ глаголомъ „жечь сердца людей“ (II, 417), наконецъ царь, кромѣ самого себя, ни чьему суду не подлежащій (II, 509). До своей миссіи, или внѣ ея, поэтъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновенныхъ смертныхъ, можетъ-быть даже всѣхъ ничтожнѣе (II, 430); но въ моментъ творчества, подъ вліяніемъ вдохновенія, онъ мгновенно измѣняется: тогда душа его, какъ пробудившійся орелъ, тотчасъ встрепенется; онъ тоскуетъ въ забавахъ міра, ищетъ уединенія и бѣжитъ,

И звуковъ, и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубравы... (II, 430).

Самое приготовленіе къ миссіи, къ поэтической проповѣди, совершается чудеснымъ образомъ, при посредствѣ серафима, который легкимъ прикосновеніемъ пальцевъ къ глазамъ и ушамъ будущаго поэта-пророка и замѣной языка его змѣинымъ жаломъ, а сердца горячимъ угленъ, совершенно измѣ-

Digitized by Google

няетъ весь организмъ, всю его духовную природу. Взоръ его расширяется, „какъ у испуганной орлицы“, слухъ становится чрезвычайно чуткимъ:

И внялъ я неба содраганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье... (II, 416).

Будучи жрецомъ, пророкомъ и даже царемъ, поэтъ прежде всего лѣвецъ, музыкантъ. „Демонъ“ шепчетъ ему дивные звуки, вслѣдствіе которыхъ послушныя слова стекаются въ стройные размѣры и замыкаются звонкою рифмой.

Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйный,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль шепотъ рѣчки тихоструйной. (II, 363)

Тождество поэта съ музыкантомъ образно представляется Пушкинымъ въ сценѣ *Моцартъ и Сальери* (IV, 365—376); но здѣсь же въ уста Моцарта вложена такая мысль: не всѣ могутъ быть музыкантами (поэтами); тогда бы не могъ и міръ существовать,—никто бы не сталъ заботиться о нуждахъ низкой жизни.

Но не одна гармонія, не одинъ міръ звуковъ, вся природа физическая и жизнь человѣка, его прошлое и настоящее,—все это одинаково приводитъ въ движеніе душу поэта. Вотъ что говоритъ Пушкинъ о своей юности:

Все волновало нѣжной умъ:
Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье. (II, 362)

Переходя лично къ Пушкину, мы видимъ что для него процессъ творчества, тѣ часы въ которые онъ находился подъ вліяніемъ вдохновенія, были самыми счастливыми, какимъ-то праздникомъ, пиршествомъ, на которое стекался къ нему

Незримый рой гостей
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.

Принимая ихъ, хозяинъ-поэтъ былъ въ восторженномъ состояніи: „моя душа, говоритъ онъ, стѣсняется лирическимъ волненьемъ, трепещетъ и звучитъ“ (II, 519), — звучитъ какъ бы какой музыкальный инструментъ. Пушкинъ

Digitized by Google

типически представилъ образъ поэта въ Чарскомъ (въ *Египетскихъ Ночахъ*, V, 455—472); но въ собственной его жизни онъ воплощается еще ярче. Всѣ эти выше указанныя особенности дарованія обнаруживаютъ въ Пушкинѣ великій поэтическій талантъ, геніальную художественную натуру, для которой вся жизнь, все наслажденіе заключаются въ избранномъ искусствѣ. Въ людской жизни не всѣмъ восторгался поэтъ, не все считалъ достойнымъ пѣсенъ, изображенія. Но что̀ же именно? *Только то что̀ возвышаетъ и облагораживаетъ человѣка.* Кровь его волнуютъ только такія „возвышенныя чувства" какъ „свобода, слава и любовь" (II, 343), (слѣдов. и предметы ихъ возбуждающіе). Оплакивая смерть Ленскаго (въ *Евгеніи Онѣгинѣ*), онъ спрашиваетъ:

...Гдѣ жаркое волненье,
Гдѣ благородное стремленье
И чувствъ и мыслей молодыхъ,
Высокихъ, нѣжныхъ, удалыхъ?
Гдѣ бурныя любви желанья,
И жажда знаній и труда;
И страхъ порока и стыда,
И вы завѣтныя мечтанья,
Вы, призракъ жизни неземной,
Вы, сны поэзіи святой! (IV, 142—143)

Восторгаясь фактами возбуждающими „возвышенныя чувства", поэтъ Пушкина, въ своемъ увлеченіи, доходитъ, повидимому, до парадокса, какъ это видно изъ слѣдующаго столь извѣстнаго двустишія:

Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ (II, 513).

Но никакого парадокса въ этихъ стихахъ нѣтъ, такъ какъ здѣсь слово „обманъ" тождественно со словомъ „вымыселъ" на которомъ основываются всѣ изящныя искусства.

„Возвышенныя чувства"—то же самое что̀ „добрыя чувства" на которыхъ Пушкинъ основываетъ свое безсмертіе, а виртуозность въ гармоніи, соперничество съ пѣснью иволги, шумомъ лѣса и шепотомъ ручья—то же что̀ „живая прелесть" стиховъ, т.-е. неслыханная до тѣхъ поръ музыкальность русскаго слова.

„Низкія истины", будничныя прозаическія „стремленія", заботы лишь о насущномъ, матеріальномъ,—все это не

Digitized by Google

только чуждо, но и враждебно поэту. Мысль эту Пушкинъ выразилъ самымъ яркимъ и опредѣленнымъ образомъ, противопоставляя поэта-лѣвца „черни", толпѣ. У него есть стихотвореніе подъ этимъ названіемъ (II, 465—467), съ эпиграфомъ изъ Горація: „Procul este, profani"—стихотвореніе не перестающее возбуждать толки. Подъ именемъ „черни" нашъ поэтъ прежде всего разумѣетъ *умѣнно* непосвященныхъ, непонимающихъ поэзіи, толпу, но не уличную и чернорабочую, а праздную и блестящую,—черань свѣтскую, о которой говоритъ онъ весьма язвительно не въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій (см. *Евг. Онѣгинъ* VI, 86, а также *Рославлевъ*, V, 238—240). „Поэтъ самъ избираетъ предметы для своихъ пѣсенъ; толпа не имѣетъ права управлять его вдохновеніемъ",—провозглашаетъ поэтъ Пушкина (см. *Египетскія Ночи*, V, 465). *Чернь*... ее Пушкинъ не только наглядно изображаетъ, но и противопоставляетъ простому народу въ сценѣ изображающей madame de Staël въ средѣ высшаго московскаго общества (V, 239—240). *Чернь* — это все тупое, бездарное, холодное, узко-утилитарное, предпочитающее печной горшокъ и салоги всякому духовному наслажденію; это—не простой народъ, хотя и неграмотный, но простодушный, хотя грубый, но не лишенный потребностей въ духовныхъ наслажденіяхъ. Послѣднія ненужны для *черни* грамотной, полированной, съ претензіями не только на образованіе, но и на прогрессъ,—для *черни* ожирѣвшей въ грубомъ матеріализмѣ. Къ этой *черни* былъ всегда безпощаденъ Пушкинъ; къ этой толпѣ враждебно относится и *поэтъ* его. Онъ гонитъ ее прочь отъ себя; но почему? Потому что толпа требуетъ отъ него поученія, проповѣди, хочетъ видѣть въ немъ „пророка", изображеннаго потомъ Лермонтовымъ, провозглашающаго „любви и правды чистыя ученья", тогда какъ онъ, „поэтъ" Пушкина, призванъ не для педагогической роли, а для того чтобы „глаголомъ жечь сердца людей", или что то же—„возбуждать возвышенныя чувства". Но толпа пристаетъ къ поэту съ просьбами о поученіи, а потому онъ и относится къ ней съ презрѣніемъ, восклицая:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ:
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ. (II, 466—467)

Digitized by Google

„Чернь“ Пушкина и „лицемѣрная“ (II, 363), и „презрѣнная“ (ibid), народъ „безсмысленный“, „червь земли“ (а не „соль“ ея), „рабъ“ одной нужды и заботъ (II, 465). Но стихотвореніе *Поэту* (II, 509) начинается стихомъ ловцдимому не относящимся къ толпѣ:

Поэтъ, не дорожи любовію народной!

но это только ловцдимому, такъ какъ въ названномъ стихотвореніи рѣчь идетъ опять не о народѣ, не о потомствѣ (о „младомъ незнакомомъ племени“), а все о той же толпѣ (о судѣ галлца и о презрѣніи „толпы холодной“). Пушкинъ, напротивъ, очень дорожилъ любовію народной, любовію націи, образованнаго общества, высоко дорожилъ его мнѣніемъ: „мнѣ нужно“, говорилъ онъ уже умирающій, „чтобы доброе мое имя и честь были неприкосновенны во всѣхъ углахъ Россіи, гдѣ мое имя извѣстно.“* Къ славѣ онъ былъ весьма неравнодушенъ: „Безъ непримѣтнаго слѣда (говоритъ поэтъ) мнѣ было бъ грустно міръ оставить“ (IV, 53).

Живу, пишу не для похвалъ,
Но я бы, кажется, желалъ
Печальный жребій свой прославить (ibid).

А истинная слава безъ любви народной немыслима—это, конечно, зналъ Пушкинъ, такъ скромно выразившійся о своихъ историческихъ заслугахъ. Пушкинъ стоялъ на высотѣ тогдашней современности и трезво смотрѣлъ на задачи современнаго ему русскаго общества; но онъ былъ врагъ всякихъ политическихъ утопій,—по крайней мѣрѣ сталъ такимъ въ послѣдніе годы своей жизни. Вотъ что онъ говоритъ въ стихотвореніи написанномъ въ 1836 году:

Не дорого цѣню я громкія права,
Отъ коихъ не одна кружится голова.
Я не ропщу о томъ что отказали боги
Мнѣ въ сладкой участи оспаривать налоги.
. . . . . .
И мало горя мнѣ—свободно ли печать
Морочитъ олуховъ, иль чуткая цензура
Въ журнальныхъ замыслахъ стѣсняетъ балагура.
. . . . . .

* „Il me faut que ma réputation et mon honneur soient intactes dans tous les coins de la Russie où mon nom est connu.“ (Изъ письма кн. П. А. Вяземскаго къ А. Я. Булгакову. См. *Русск. Архивъ* 1879, кн. II стр. 250).

Digitized by Google

Иныя, лучшія мнѣ дороги права;
Иная, лучшая потребна мнѣ свобода...
.....
Себѣ лишь самому
Служить и угождать...
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья—
Вотъ счастье! Вотъ права!... (VII, 50.)

Талантъ Пушкина развился во всемъ своемъ блескѣ въ царствованіе императора Николая. Характеръ этого царствованія естественно долженъ былъ отразиться на дѣятельности великаго поэта, должны были отразиться на ней и личныя отношенія къ нему покойнаго государя. Императоръ Николай Павловичъ возвратилъ Пушкина изъ продолжительной ссылки (на югъ Россіи) и, можно сказать, нѣжно любилъ его, лѣлѣялъ его талантъ. Пушкинъ считалъ государя своимъ благодѣтелемъ и платилъ ему горячею преданностью.

Текла въ изгнаньи жизнь моя,
Влачилъ я съ милыми разлуку,
Но онъ мнѣ царственную руку
Подалъ..... ...
Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою (Т. VII, 37—38).

По свидѣтельству современника, * „Пушкинъ былъ душой преданъ государю. Онъ любилъ его по личной благодарности, по влеченію чувства, любилъ характеръ его, русское его чувство, царское молодечество". Вотъ что говорилъ объ этомъ (въ 1826) самъ поэтъ:

Его я просто полюбилъ:
Онъ бодро, честно правитъ нами;
Россію вдругъ онъ оживилъ
Войной, надеждами, трудами; (ibid, стр. 37.)

Тотъ же образованный современникъ, другъ Пушкина, даетъ ему (тотчасъ же послѣ смерти его) такую характеристику которая приведетъ въ отчаяніе современнаго либерала. Пушкинъ не былъ политическимъ лицомъ, говоритъ князь

* Кн. П. А. Вяземскій (*Русск. Архивъ* 1879, кн. II, стр. 252).

Digitized by Google

Вяземскій,—не былъ онъ и либераломъ, особенно въ послѣдніе годы. „Онъ былъ аристократомъ по чувству и убѣжденію. Въ іюльскую революцію онъ на сторонѣ Генриха V и остался на ней до конца, предавая посмѣянію и пороча новый порядокъ во Франціи... Пушкинъ былъ противникъ свободы печатанія не только въ отношеніи къ Россіи, но признавалъ ее гибельнымъ зломъ вездѣ“ (ibid). Что̀ былъ за аристократизмъ Пушкина, это видно изъ его стихотворенія *Моя Родословная* (см. *Русскій Архивъ*, 1876 года, кн. 3, стр. 235—237); еще болѣе симпатичнымъ представляется этотъ аристократизмъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Мнѣ жаль что нашей славы звуки
Уже намъ чужды, что спроста
Изъ баръ мы лѣземъ въ tiers - état,
Что намъ не въ прокъ пошли науки *
И что спасибо намъ за то
Не скажетъ, кажется, никто.
Мнѣ жаль что тѣхъ родовъ боярскихъ
Блѣднѣетъ блескъ и никнетъ духъ,
Мнѣ жаль что нѣтъ князей Пожарскихъ,
Что о другихъ пропалъ и слухъ;
Что ихъ поноситъ и Фигляринъ;
Что русскій вѣтренный бояринъ
Считаетъ грамоты царей
За пыльный сборъ календарей;
Что въ нашемъ теремѣ забытомъ
Растетъ пустынная трава;
Что геральдическаго льва
Демократическимъ копытомъ
Теперь лягаетъ и оселъ.... (Т. III, стр, 362)

Аристократизмъ Пушкина вытекаетъ не изъ родовой слѣси, а изъ зрѣлости его историческихъ свѣдѣній о судьбахъ отечества, какovыми не могли похвалиться наши либералы двадцатыхъ годовъ; этотъ аристократизмъ не мѣшалъ великому поэту скорбѣть о существованіи крѣпостнаго права и ото всей души желать его уничтоженія, но не иначе какъ по „манію царя“, а не путемъ переворота замышлявшагося декабристами.

---

* То же высказываетъ поэтъ въ *Евгеніи Онѣгинѣ*:

Намъ просвѣщенье не пристало,
И намъ осталось отъ него
Жеманство,—больше ничего!

Digitized by Google

Въ ближайшее къ намъ время, когда утилитарность и реализмъ стали въ извѣстномъ литературномъ кругѣ эстетическими догматами, все составляющее особенность Пушкинскаго таланта, мощь его, сдѣлалось предметомъ обсужденія, нападокъ, чуть не глумленія. Начинали умалять заслуги великаго поэта, указывать на его ограниченность, на его *неспособность* замѣчать и изображать отрицательныя явленія современной ему жизни. Заблужденіе весьма грубое. Еще въ ранней юности, въ тѣ дни когда ему „были новы всѣ впечатлѣнья“, Пушкинъ былъ уже знакомъ съ новымъ демономъ,— со „злобнымъ геніемъ“, тайно его навѣщавшимъ. „Язвительныя рѣчи“ этого злаго духа вливали въ душу поэта „хладный ядъ.“

Непостижимый клеветою,
Онъ Провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ;
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ:
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ (II, 343).

Уже не говоря объ эпиграммахъ Пушкина, весьма остроумныхъ и язвительныхъ, можно указать на многія стихотворенія, хотя бы, напримѣръ, на относящееся къ 1830 году и начинающееся стихомъ: „О муза пламенной сатиры!“ (VII, 106), изъ которыхъ видно что сатирическій бичъ былъ вполнѣ ему знакомъ. Изображаемая жизнь не давила Пушкина, какъ давитъ она бездарности и тенденціозныхъ авторовъ. При всей объективности изображаемой жизни, Пушкинъ, какъ авторъ, рѣзко выдѣляется почти въ каждомъ своемъ произведеніи; почти въ каждомъ произведеніи онъ стоитъ неизмѣримо выше изображаемой имъ жизни, къ которой весьма часто относится съ рѣзкимъ юморомъ. Такой юморъ проходитъ по всему *Евгенію Онѣгину*; черты его можно отыскать въ *Дубровскомъ*, въ *Капитанской Дочкѣ*: подъ повѣстью *Гробовщикъ* не отказался бы подписаться Гоголь.

Критикъ, такъ много содѣйствовавшій истолкованію художественныхъ красотъ произведеній Пушкина, не мало содѣйствовалъ и къ укрѣпленію нѣкоторыхъ превратныхъ понятій о свойствахъ таланта и значеніи великаго поэта. Муза Пушкина, говорилъ Бѣлинскій, „умѣетъ глубоко страдать

Digitized by Google

отъ диссонансовъ и противорѣчій жизни, но она смотритъ на нихъ какъ на роковую неизбѣжность, не `лося въ душѣ своей идеала лучшей дѣйствительности и вѣры въ возможность его осуществленія... По своему воззрѣнію, Пушкинъ принадлежитъ къ той школѣ искусства которой лора уже миновала совершенно въ Европѣ.... духъ анализа, неукротимое стремленіе изслѣдованія, страстное, полное вражды и любви мышленіе, сдѣлались теперь жизнію всякой истинной поэзіи... Пушкинъ, какъ поэтъ, великъ тамъ гдѣ онъ просто воплощаетъ въ живыя прекрасныя явленія свои поэтическія созерцанія, но не тамъ гдѣ хочетъ быть мыслителемъ и рѣшителемъ вопросовъ... Личность Пушкина высока и благородна; но его взглядъ на свое художественное служеніе, равно какъ и недостатокъ современнаго европейскаго образованія (?) тѣмъ не менѣе были причиной постепеннаго охлажденія восторга который возбудили первыя его произведенія. Непосредственно творческій элементъ въ Пушкинѣ былъ несравненно сильнѣе мыслительнаго, сознательнаго элемента и пр.“ (См. VIII, 398—401, 453.) Остановимся на этихъ укорахъ. Итакъ Бѣлинскій укоряетъ Пушкина въ косности, въ отсталости отъ вѣка и какъ бы въ неспособности къ анализу... Выставляя на видъ эти недостатки, Бѣлинскій хотѣлъ сказать что поэтъ рожденъ „для житейскаго волненья“, „для корысти и битвъ“, что „каждый умный человѣкъ въ правѣ требовать чтобы поэзія поэта или давала ему отвѣты на вопросы времени, или по крайней мѣрѣ исполнена была скорбью этихъ тяжелыхъ неразрѣшимыхъ вопросовъ“ (см. т. VIII, 400). „Вопросы и скорби времени“ безъ сомнѣнія имѣютъ свои права въ сферѣ поэтическаго искусства, и послѣднее даетъ имъ у себя не мало мѣста; но свѣтлыя стороны жизни, но высшія проявленія человѣческаго духа обладаютъ правами еще бо́льшими. Если Пушкинъ былъ первый національный и притомъ великій русскій поэтъ; если онъ имѣлъ на общество громадное воспитательное вліяніе; если вліяніе это укрѣпляло общество, дѣлало его *силой*, увеличивало его въ составѣ, то спрашивается: къ чему тутъ толки о его консерватизмѣ и объ отсталости? Не пустыя ли и не жалкія ли это слова?

Что касается охлажденія современниковъ, то на эту тему писалось не мало: указывали даже время *когда* именно потерялъ Пушкинъ „любовь народную“. Но такая потеря при-

Digitized by Google

надлежитъ къ числу тенденціозныхъ мнѣній, разрушаемыхъ подробностями кончины Пушкина описанной Жуковскимъ, княземъ Вяземскимъ, Гречемъ и другими современниками. Смерть великаго поэта была горестнымъ событіемъ для всей Россіи, повергнувшимъ весь Петербургъ въ глубокую печаль, весь, начиная отъ Зимняго Дворца, отъ особы покойнаго государя, до движущейся по улицамъ толпы. Потеря народной любви не проявляется въ такихъ формахъ. Можно говорить поэтому не о потерѣ Пушкинымъ любви народной, а лишь объ охлажденіи къ нему современниковъ. Къ Пушкину охладѣли тѣ изъ современниковъ которые отстали отъ его художественнаго роста, люди двадцатыхъ годовъ восторгавшіеся первыми его произведеніями, но не доросшіе до пониманія послѣдующихъ и позднѣйшихъ. Но когда охладѣвали одни, поколѣніе нисходящее, въ то же самое время нарастало новое поколѣніе уже вполнѣ воспитанное Пушкинымъ.

Весьма глубоко взглянулъ на Пушкина Гоголь въ небольшой статьѣ *, написанной еще въ 1832 году.

„При имени Пушкина, говоритъ Гоголь, тотчасъ осѣняетъ мысль о русскомъ національномъ поэтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, никто изъ поэтовъ нашихъ не выше его и не можетъ болѣе назваться національнымъ; это право рѣшительно принадлежитъ ему. Въ немъ какъ будто въ лексиконѣ заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Онъ болѣе всѣхъ, онъ далѣе раздвинулъ ему границы и болѣе показалъ все его пространство. Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и можетъ-быть единственное явленіе русскаго духа, въ какомъ онъ можетъ-быть явится чрезъ двѣсти лѣтъ и т. д.“

Если разсматривать русскую литературу, не касаясь сатиры и комедіи, то бѣдность ея до Пушкина будетъ поразительною: не на кого указать, кромѣ Державина и Карамзина. Державинъ, „бардъ“ Екатерининскаго вѣка, дѣйствительно, былъ первымъ и, относительно, полнымъ выразителемъ своего времени, поскольку оно отразилось въ формахъ жизни внѣшней,—государственной, политической, общественной; но языкъ тогдашняго времени и необработанность таланта Державина, хотя и сильнаго, лишили его исторической долговѣчности. Его уже не читали съ десятыхъ годовъ прошлаго сто-

* „Нѣсколько словъ о Пушкинѣ“. См. *Полное собраніе сочиненій Н. В. Гоголя*. Москва 1862 года. Т. II, стр. 103—109.

Digitized by Google

лѣтія, когда появились сочиненія Карамзина, составившія эпоху не только въ исторіи русской литературы, но и русской образованности, Карамзинъ создалъ русскій литературный языкъ, создалъ русскую читающую публику, писалъ повѣсти изъ русской жизни... Но Карамзинъ не былъ поэтомъ-художникомъ; сентиментальное направленіе его повѣстей только возбуждало интересъ къ изображенію русской жизни съ ея внутренней стороны (быть вседневный, семейный, міръ психическій и проч.), но отнюдь ея не изображало. Жуковскій и Батюшковъ, при всѣхъ ихъ большихъ литературныхъ заслугахъ, въ этомъ отношеніи имѣли мало значенія; Крыловъ, неоспоримо народный и вполнѣ русскій писатель, какъ сатирикъ, сюда также нейдетъ, Грибоѣдовъ тоже. Итакъ, до Пушкина, уже владѣя изящнымъ литературнымъ языкомъ (въ писаніяхъ Карамзина), мы собственно не имѣли своей національной литературы, а все что̀ и было у насъ по этой части, то такую литературу не только нельзя было сравнивать съ европейскими, но даже и со славянскими литературами, каковы, напримѣръ, польская и чешская,— и это при нашемъ государственномъ могуществѣ, при нашемъ политическомъ значеніи! Русскому человѣку, русской женщинѣ нечего было читать по-русски. Вотъ что̀ говоритъ одна изъ современницъ Пушкина:

„.... Мы и рады бы читать по-русски; но словесность наша... чрезвычайно еще ограниченна. Она, конечно, представляетъ намъ нѣсколько отличныхъ поэтовъ, но нельзя же отъ всѣхъ читателей требовать исключительной охоты къ стихамъ. Въ прозѣ мы имѣемъ только Исторію Карамзина; первые два или три романа появились два или три года тому назадъ; между тѣмъ какъ во Франціи, Англіи и Германіи книги, одна другой замѣчательнѣе, поминутно слѣдуютъ одна за другою. Мы не видимъ даже и переводовъ; а если и видимъ, то, воля ваша, я все-таки предпочитаю оригиналы. Журналы наши занимательны только для нашихъ литераторовъ. Мы принуждены все, извѣстія и понятія, черпать изъ книгъ иностранныхъ, такимъ образомъ и мыслимъ мы на языкѣ иностранномъ (по крайней мѣрѣ всѣ тѣ которые мыслятъ и слѣдуютъ за мыслями человѣческаго рода) и т. д.“ (См. *Рославлевъ*, Т. V, стр. 238).

Явился Пушкинъ, и съ нимъ явились національная литература, русская по своему содержанію,—русская, начиная отъ

Digitized by Google

мелочей, отъ наброска какого-нибудь пейзажа, до картинъ громаднаго размѣра, до изображенія русской жизни, современной писателю и прошлой, русскаго духа, генія. Правъ былъ Гоголь сказавши въ 1832 году, что не было поэта національнѣе Пушкина. Мощное Пушкинское слово разомъ поставило русскую литературу въ разрядъ литературъ европейскихъ и заставило другіе славянскіе народы отнестись къ ней съ уваженіемъ. *Русалка*, *Борисъ Годуновъ*, *Полтава*, *Мѣдный Всадникъ* и *Евгеній Онѣгинъ*.... Достаточно однихъ этихъ произведеній для опредѣленія историческаго значенія Пушкина. Въ *Русалкѣ* великій поэтъ переноситъ насъ въ русскій доисторическій міръ, въ *Борисъ Годуновъ*—въ первые годы XVII вѣка. Мы не вдаемся въ эстетическій разборъ, не указываемъ на грандіозность картинъ, на лица и положенія возбуждающія „возвышенныя чувства“; но можно ли отрицать даже теперь, чрезъ полстолѣтія, при теперешнемъ состояніи русской исторической науки, что ничего подобнаго изъ древней русской жизни наша литература до сихъ поръ не представляетъ? Въ *Полтавѣ* и въ *Мѣдномъ Всадникѣ* Пушкинъ далеко опередилъ свое время, историческое пониманіе своихъ современниковъ. Эти двѣ піесы составляютъ одну громадную „Петріаду“, одну великую поэму о Петрѣ, выставленномъ въ двухъ важнѣйшихъ моментахъ его исторической дѣятельности,—при основаніи Петербурга и такъ-сказать въ исторіи этого города и въ Полтавской битвѣ, рѣшившей не только важный вопросъ о преобладаніи Россіи надъ Швеціей, но еще важнѣйшій объ окончательномъ сліяніи Малороссіи съ Великою Россіей. Глубокая историческая правда лежитъ въ основѣ и другихъ его произведеній взятыхъ изъ позднѣйшей старины, какъ это доказывается новѣйшими изысканіями и вновь находимыми матеріалами.

Почти полстолѣтія прошло какъ былъ дописанъ *Евгеній Онѣгинъ*; въ этомъ превосходномъ произведеніи вполнѣ отразился бытъ современнаго поэту общества; поэтому большое историческое значеніе романа для нашего времени не нуждается ни въ какихъ объясненіяхъ. Но *Евгеній Онѣгинъ* только превосходнѣйшая и громаднѣйшая изъ картинъ представляющихъ Пушкинскую современность или время къ ней близкое; у Пушкина въ его повѣстяхъ есть цѣлая галлерея русскихъ бытовыхъ картинъ, частію оконченныхъ, частію въ эскизахъ, картинъ, собраніе

Digitized by Google

которыхъ составляетъ школу по которой учились ближайшіе преемники Пушкина поэтическому изображенію русской жизни; проходили и проходятъ эту школу и нѣкоторые изъ его „внуковъ“; не оставитъ безъ вниманія и отдаленное потомство этой по истинѣ классической школы... Но, кромѣ художественнаго мастерства въ изображеніи жизни, Пушкинская школа представляетъ и еще многое заслуживающее вниманія и изученія. Остановимся на тѣхъ фигурахъ которыя изображаетъ Пушкинъ. Онѣгинъ и Татьяна прежде другихъ просятся на наше вниманіе....

Что такое Онѣгинъ? Что этимъ типомъ хотѣлъ сказать Пушкинъ?... Пушкинъ очень любилъ этотъ типъ, хотя и затруднялся въ его опредѣленіи. Онѣгинъ прежде всего герой своего времени, герой 20—30 годовъ, какъ Печоринъ герой 30-хъ и 40-хъ. Типъ Онѣгина освѣщается чрезъ сличеніе съ Печоринымъ, еще болѣе чрезъ сличеніе съ Чацкимъ Грибоѣдова. Если Чацкаго можно назвать первымъ славянофиломъ (въ литературѣ), то первымъ западникомъ былъ Онѣгинъ. При всемъ различіи, между ними одно большое сходство: оба они весьма просвѣщенные люди, оба скучаютъ и только говорятъ, но ничего не дѣлаютъ. Печоринъ поясняетъ Онѣгина настолько сколько можетъ сдѣлать это подражаніе по отношенію къ оригиналу; а Печоринъ — типъ надуманный, ложаный исключительный какъ особенность, но не выхваченный прямо изъ жизни. Онѣгинъ фигура типическая. Онъ нигдѣ не служитъ, вѣроятно по тѣмъ же причинамъ по какимъ и Чацкій; но онъ умнѣе Чацкаго, потому что не декламируетъ о своемъ благородствѣ и о „милліонѣ (своихъ) терзаній“. Онъ не офицеръ и не чиновникъ; но онъ также и не общественный дѣятель, какихъ тогда не было, — онъ даже не дѣятель по дворянскимъ выборамъ. Онѣгинъ — добрый помѣщикъ своихъ крестьянъ, конечно не восторгавшійся крѣпостнымъ правомъ, но и не „терзавшійся“ отъ проявленій этого права, какъ оповѣщаетъ о себѣ Чацкій. Насколько сердеченъ и экспансивенъ Чацкій, настолько же остороженъ и сдержанъ. Онѣгинъ, положительно не способный къ донъ-кихотству, человѣкъ хотя съ охлажденными, но сильными страстями. Если Онѣгинъ въ исторіи дуели съ Ленскимъ обнаруживаетъ нѣкоторую сухость сердца и Печорискую суетность, то уже самая дружба съ Ленскимъ броса-

Digitized by Google

етъ на него выгодный свѣтъ. Онѣгинъ—типъ глубоко жизненный, историческій, естественный продуктъ нашей культуры. Пушкинъ засталъ этотъ типъ въ моментъ его развитія, которое завершилось уже на его глазахъ, быть-можетъ не безъ вліянія его литературной дѣятельности; во всякомъ случаѣ Пушкинъ симпатизировалъ этому типу и неохотно съ нимъ разстался. Но типъ Онѣгина пережилъ своего творца. Онъ многіе и долгіе годы обрабатывался въ десяткахъ литературныхъ произведеній. Онъ измѣнялся до безконечности, не утрачивая впрочемъ своихъ основныхъ свойствъ (европеизма) и своей привлекательности которую придалъ ему Пушкинъ. Даже и потомъ, когда типъ этотъ сталъ мельчать и когда начали ставить его въ комическое положеніе, и тогда образъ Онѣгина, созданный Пушкинымъ, не переставалъ изумлять своимъ художественнымъ совершенствомъ и поэтическою прелестью его обстановки. Если типъ этотъ вымеръ теперь, это нисколько не уменьшаетъ его историческаго значенія; ибо явленія человѣческой жизни, каждое въ свой чередъ, вымираютъ, а вѣчнымъ остается только изображеніе ихъ въ произведеніяхъ великихъ художниковъ. Типъ Онѣгина былъ глубоко задуманъ Пушкинымъ, и такою глубиной замысла отличаются *всѣ* его типы,—всѣ выводимыя имъ фигуры, мужскія и женскія. Творчество Пушкина не безсознательное, а глубоко обдуманное; онъ не подгонялъ жизни подъ отвлеченную идею для оправданія своего измышленія; онъ бралъ изъ жизни то что она сама ему давала и о чемъ она сама говорила. Но онъ былъ не повѣствователь, не философъ, не публицистъ, а поэтъ, по-своему, *иначе* относившійся къ жизни чѣмъ относятся къ ней историки и публицисты; смыслъ ея онъ объяснялъ образно, въ живыхъ картинахъ, а не разсужденіями. Пушкинъ исчерпалъ типъ Онѣгина можно сказать до дна; но на немъ одномъ не остановился; онъ намѣтилъ немало и другихъ типовъ, которые если и не получили окончательной отдѣлки, то единственно потому что преждевременная кончина прекратила его поэтическіе замыслы. Послѣ Онѣгина типъ „поэта“ привлекалъ на себя особенное его вниманіе, отчасти по субъективнымъ причинамъ, большею же частью—историческимъ, по причинѣ того особеннаго значенія какое имѣла въ нашемъ обществѣ литература. Останавливаетъ на себѣ вниманіе двойственность

Digitized by Google

этого типа въ Ленскомъ и въ Чарскомъ. Этотъ послѣдній типъ остался неисчерпаннымъ, какъ объ этомъ можно судить по работѣ поэта надъ *Египетскими Ночами*, гдѣ однимъ изъ героевъ является Чарскій *.

Изображалъ нашъ поэтъ не однихъ сытыхъ, довольныхъ и благодушныхъ, но и личности протестующія, недовольныя, „обиженныхъ и оскорбленныхъ"; къ числу такихъ принадлежатъ: Сельвіо (въ повѣсти *Выстрѣлъ*), Дубровскій (Андрей), въ повѣсти того же названія, и Германъ, герой *Пиковой Дамы*. Не къ одному помѣщичьему міру Пушкинъ относился съ „любованіемъ", но и ко всякой формѣ быта которая подвергалась его художнической обработкѣ. Такъ онъ отнесся къ быту мелкаго чиновничества, въ *Домикѣ въ Коломнѣ* и въ *Станціонномъ Смотрителѣ* и къ жизни бѣднаго армейскаго офицера въ глухой крѣпости въ *Капитанской Дочкѣ*. Не пренебрегалъ онъ жизнію и мелкихъ ремесленниковъ, какъ это доказываетъ повѣсть его *Гробовщикъ*. Онъ относился съ „любованіемъ" и къ трогательнымъ явленіямъ связаннымъ съ крѣпостнымъ бытомъ, какъ это доказываютъ фигуры татьянинской „Няни" (въ *Евг. Онѣгинѣ*) и „дядьки Савельича", въ *Капитанской Дочкѣ*.

Обратимся къ женскимъ типамъ Пушкина. Въ то время какъ выставленныя Грибоѣдовымъ женщины и силуэты ихъ рисуемые Фамусовымъ и Чацкимъ поражаютъ нравственною своею пустотой и ничтожествомъ, вотъ что говоритъ о русскихъ женщинахъ Пушкинъ:—„Женщины, русскія женщины были тогда (по окончаніи войнъ съ Наполеономъ) безподобны. Обыкновенная холодность ихъ исчезла. Восторгъ ихъ былъ истинно упоителенъ, когда встрѣчая побѣдителей, кричали онѣ: *ура*

И въ воздухъ чепчики бросали.

Кто изъ тогдашнихъ офицеровъ не сознается что русской женщинѣ обязанъ онъ былъ лучшею драгоцѣннѣйшею наградой?" (См. повѣсть *Метель*, V, 190) **. Конечно комическое произведеніе неудобно здѣсь для сравненія, но разность взглядовъ имѣетъ во всякомъ случаѣ историческую

* Пушкинъ четыре раза обращался къ этой піесѣ. См. примѣчанія къ ней г. Анненкова (т. V, 533.)

** Эта мысль блистательно и художественно доказывается графомъ Л. Н. Толстымъ въ его романѣ *Война и Миръ*.

Digitized by Google

цѣнность. Къ деревенскимъ дѣвушкамъ, къ уѣзднымъ барышнямъ поэтъ относился весьма сочувственно, признавая что уединеніе, свобода и чтеніе рано развиваютъ въ нихъ чувства и страсти неизвѣстныя другимъ, и что существенное ихъ достоинство состоитъ въ „особенности характера и въ самобытности (individualité)“. (См. повѣсть *Барышня-Крестьянка*, V, 218). Къ этой категоріи дѣвушекъ принадлежала Татьяна, героиня романа *Евгеній Онѣгинъ*. „Пушкинская Татьяна типъ русской женщины“... Это изреченіе, вполнѣ справедливое, стало ходячею фразой повторяемою на сотни ладовъ; но отношенія къ этому типу были весьма разныя, начиная отъ восторженныхъ до придирчивыхъ; замѣчательно что въ женской половинѣ публики, по крайней мѣрѣ въ прежнее время, типъ Татьяны возбуждалъ самый пламенный восторгъ. Татьяна выросла и воспиталась въ деревнѣ, въ обстановкѣ русскаго помѣщичьяго быта. Натура ея была глубокая и поэтическая; послѣднее качество дала ей окружающая ее сельская природа. На ея духовное развитіе имѣло громадное вліяніе появленіе въ ея семьѣ двухъ такихъ замѣчательныхъ лицъ, какъ поэтъ Ленскій и какъ Онѣгинъ. Любовь къ Онѣгину отвергнутая этимъ послѣднимъ и поученіе которое она отъ него выслушала продолжаютъ ея развитіе, а многостороннее чтеніе довершаетъ его. Послѣ долгихъ лѣтъ разлуки съ Онѣгинымъ, внимая слезнымъ мольбамъ матери, Татьяна выходитъ замужъ за богатаго князя и становится одною изъ первыхъ дамъ Петербурга. Въ такомъ положеніи встрѣчаетъ ее Онѣгинъ. Новая роль, изумительное перерожденіе простой деревенской дѣвушки въ блестящую свѣтскую женщину, поражаетъ Онѣгина. Онъ влюбляется въ Татьяну и ищетъ ея взаимности. Эти исканія оканчиваются извѣстною сценой въ которой Татьяна вполнѣ высказывается. Исканія Онѣгина (говоритъ она) ее оскорбляютъ своими мотивами, именно суетнымъ тщеславіемъ его, добиться любви свѣтской женщины. Она плачетъ о счастіи которое нѣкогда „было такъ возможно, такъ близко“; признается что и теперь его любитъ и оканчиваетъ свою рѣчь знаменитымъ двустишіемъ:

Но я другому отдана;
Я буду вѣкъ ему вѣрна.

Digitized by Google

Бѣлинскій также восторгался типомъ Татьяны, именно художественнымъ его созданіемъ, но не Пушкинскою, историческою Татьяной. Бѣлинскій также называлъ Татьяну типомъ русской женщины, но его симпатіи не на сторонѣ такого типа. Пушкинской Татьянѣ достается отъ критика за послѣдніе три стиха приведенной сцены которые онъ подчеркиваетъ. Критикъ признавалъ что женщина должна повиноваться одному закону, „закону своей натуры, а ея натура любовь и самоотверженіе“.* Но „Татьяна“ уже потому не могла повиноваться этому матеріалистическому закону что она сильна была вѣрой въ высшіе нравственные принципы. Да наконецъ съ эстетической точки зрѣнія, уступка Татьяны исканіямъ Онѣгина была бы нелѣпостью по самому ходу романа.

Въ позднѣйшихъ (послѣ *Евгенія Онѣгина*) произведеніяхъ Пушкина нѣкоторыя женскія фигуры очень напоминаютъ Татьяну, хотя онѣ не равны ей и не въ такой степени типичны. Таковы: Маша въ *Дубровскомъ* и Марья Ивановна въ *Капитанской Дочкѣ*. Обѣ онѣ представлены въ положеніи дѣвушекъ, причемъ Маша Миронова высматриваетъ совсѣмъ безцвѣтною; но эти блѣдныя личности мгновенно измѣняются и выростаютъ въ патетическія минуты ихъ жизни. Такова Марья Ивановна, спасающая своего жениха (Гринева), скомпрометтированнаго знакомствомъ съ Пугачевымъ; но героизмъ Маши Троекуровой еще болѣе замѣчателенъ,—и по отношенію къ ней самой, и относительно взглядовъ Пушкина на русскую женщину. Напомнимъ читателю нѣкоторые факты повѣсти гдѣ дѣйствуетъ Маша. Троекуровъ, отецъ Маши, старый самодуръ, *насильно* заставляетъ дочь влюбленную въ Андрея Дубровскаго (разбойника) выйти замужъ за стараго князя Верейскаго. Жениха и невѣсту везутъ къ вѣнцу, въ церковь. Единственная надежда бѣдной Маши была на Дубровскаго—увѣренность что такъ или иначе онъ спасетъ ее и не допуститъ до вѣнца. Но эта надежда обманываетъ ее: Дубровскій опоздалъ. Жениха и невѣсту повѣнчали. Молодые возвращаются домой, въ деревню князя. На пути нападаетъ на нихъ Дубровскій со своею шайкой.

---

* Замѣчателенъ компромиссъ предлагаемый Бѣлинскимъ женской добродѣтели: „Женщина не можетъ презирать общественнаго мнѣнія (говоритъ онъ), но можетъ жертвовать имъ скромно, безъ фразъ, безъ самохвальства“.

Digitized by Google

— Вы свободны, говоритъ онъ блѣдной княгинѣ.
— Нѣтъ! отвѣчала она:—поздно, я обвѣнчана, я жена князя.
— Что вы говорите! закричалъ съ отчаяніемъ Дубровскій:— нѣтъ! вы не жена его, вы были приневолены, вы никогда не могли согласиться....
— Я согласилась, я дала клятву, возразила она съ твердостью... Я не обманывала, я ждала васъ до послѣдней минуты.... но теперь, говорю вамъ, теперь поздно. Пустите насъ... (*Соч. Пушк.*, V, 311).

Прибавимъ что собственно клятвы она даже не давала, ибо не отвѣчала на вопросъ священника.

Бѣлинскій не останавливается надъ этою сценой и не считаетъ даже нужнымъ провести параллель между Машей и Татьяной, указать на сходство ихъ и на рѣзкія особенности: критикъ ограничивается мелкою иронической выходкой. Какъ дѣвушка, Маша Троекурова капризна и своенравна и совсѣмъ не похожа на деревенскую Таню Ларину; но женщиною, въ моментъ самоопредѣленія, онѣ оканчиваютъ одинаково: обѣ становятся подъ знамя „долга“, не колеблясь предъ его суровостію; обѣ „самоотверженіе“ во имя любви въ замужней женщинѣ признаютъ не добродѣтелью, а актомъ паденія, позоромъ. Есть у Пушкина не типъ, а наброскъ женской фигуры совсѣмъ иного склада, чѣмъ Татьяна,—личность дѣвушки негодующей на общественныя безобразія, протестующей противъ матеріалистической утилитарности и пошлости. Такова Полина, о которой говорится не разъ уже въ упомянутомъ нами разсказѣ *Рославлевъ*. Она отдаетъ руку свою человѣку отвѣчавшему ей однажды дерзостію; но жаль что поэтъ не ставитъ ее въ иныя болѣе патетическія положенія и что вообще не дорисовываетъ этой фигуры. Повтореніе типа Татьяны только доказываетъ глубину его національности, но отнюдь не односторонность Пушкинскаго таланта. Произведенія нашего великаго поэта блестящимъ образомъ опровергаютъ такое положеніе. Достаточно указать на Дуню въ повѣсти *Станціонный Смотритель* или на прелестный силуэтъ „Графини“, изящно очерченный поэтомъ въ какихъ-нибудь четырехъ октавахъ (*См. Домикъ въ Коломнѣ*, V, 339—340). Найдется и въ лирическихъ піесахъ Пушкина не одинъ, въ подобномъ же родѣ, силуэтъ, съ аксессуарами, возбуждающими „возвышенныя чувства“, съ музыкою рѣчи, дѣйствующей на

Digitized by Google

русскій слухъ съ тою же безотчетною прелестію, какъ дѣйствуетъ народная мелодія...

Писатель, давшій родной странѣ множество превосходнѣйшихъ поэтическихъ произведеній, создавшій богатую національную литературу, обратившую на себя вниманіе всего просвѣщеннаго міра,—поэтъ поднявшій своихъ современниковъ и ближайшее потомство до уровня тогдашней европейской образованности, пѣвецъ и властитель думъ народныхъ,—такой дѣятель великое явленіе въ нашей исторіи...

Да,—повторимъ слова Гоголя,—Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное. Повторится ли подобное явленіе, когда, въ какой формѣ, никто, конечно, знать не можетъ. Но во всякомъ случаѣ, появленіе поэтовъ подобнаго закала спасительно и необходимо міру, какъ пробужденіе его отъ того усыпленія, въ которое повергается человѣческій духъ воспитывающійся одними корыстными помыслами. Какъ ни велика бываетъ сила этихъ послѣднихъ, они—явленіе временное, преходящее; вѣчнымъ остается духъ и торжество его надъ грубою матеріей. Увѣковѣчиваются въ памяти потомства люди подобные Пушкину, властители народныхъ думъ, провозвѣстники высшей духовной жизни....

М. ДЕ-ПУЛЕ.

Digitized by Google

У ПОДНОЖІЯ ПАМЯТНИКА

I.

Поэтъ нашъ, не напрасно вѣрилъ
Ты въ память родины своей!
Ты предъ собой не лицемѣрилъ
Родной, съ годами, ты *родный*....

Онъ *нашъ*, какъ звуки сердцу милой
Завѣтной лѣсни хоровой,
То разудалой, то унылой,
Что льется по Руси святой.

Онъ нашъ, какъ Волги безбережной
Въ туманъ бѣгущій кругозоръ,
Онъ нашъ, какъ степи безрубежной
Духъ окрыляющій просторъ....

Поэтъ *по истинѣ* народный,
Россіи духъ и идеалъ
Душою чутко-благородной
Онъ чудодѣйственно позналъ.

Онъ въ существѣ своемъ духовномъ
Умѣлъ найти иль возсоздать
Все что народъ своимъ и кровнымъ,
Что мы могли своимъ признать.

Digitized by Google

Въ свои младенческіе годы
Народной жизнью жилъ и онъ.
И вотъ, и радость, и невзгоды
Народа, жизненный законъ,

Его сказанья бытовыя,
Его младенческіе сны,
Всѣ эти образы родные,
Преданья дѣтской старины,

Все, все его усвоилъ геній,
Все словомъ звучнымъ воплотилъ,
И для грядущихъ поколѣній
Живымъ на вѣки сохранилъ.

Поэтъ *народный—вѣковѣчно!*
Пророкомъ вѣщимъ онъ прозрѣлъ
Все что̀ въ народѣ скоротечно
И что *духовно*. Онъ болѣлъ

Родною скорбью. Но высоко
Взмахнувъ крыломъ надъ злобой дня,
Онъ видѣлъ какъ течетъ широко
Потокъ мірскаго бытія.

Онъ видѣлъ какъ свой путь свершая,
Свершая подвигъ вѣковой,
Народъ, крестясь и уповая,
Покрытый пылью путевой,

Идетъ спокойно и покорно,
Куда Господь его ведетъ...
И видѣлъ онъ какъ чудотворно
Русь *скорбью* крѣпнетъ и растетъ...

Ему предстало откровенье
Онъ понялъ *таинство труда*,
Законъ любви и единенья,
Законъ распятаго Христа.

И въ часъ послѣдній, въ часъ свободы,
Кончая жизненный урокъ,
Онъ „символъ“ произнесъ народа:
„Россія, Царь земной и Богъ!“...

Digitized by Google

О, сладкозвучныхъ пѣснопѣній
Творца мы здѣсь благословимъ!
Какихъ отрадъ и вдохновеній
Сокровища раскрыты имъ!

Въ нашъ вѣкъ бездушья и безбожья,
О Пушкинъ нашъ, какъ ты великъ,
Какъ здѣсь, у твоего подножья,
Теперь понятенъ твой языкъ!

Не разрушенья ярость злая,
Не злоба, не звѣрья ночь,
Въ твоихъ стихахъ царитъ благая
Любви зиждительная мочь.

Изъ глубины своей могилы
Ты въ тайникахъ родной души
Живишь и окрыляешь силы
Надежды, вѣры и любви....

II.

Мы вѣримъ, есть въ судьбѣ избранныхъ
Порой таинственный урокъ,
Хоть въ очертаніяхъ туманныхъ
Его указываетъ рокъ.

Онъ завѣщается потомкамъ,
Они *должны* его понять
И по разрозненнымъ обломкамъ
Завѣтный образъ угадать....

„Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный;
„Къ нему не заростетъ народная тропа;
„Вознесся выше онъ главою непокорной
„*Наполеонова* столпа“....

И годы протекли.... Предвѣчнаго закона
Исполненъ приговоръ: мы памятникъ любви
Воздвигнули въ сердцахъ, а столпъ Наполеона
Лежалъ, разрушенный, въ пыли....

Насилью памятникъ, насильемъ сокрушенный,
Въ порывѣ яростномъ крамолъ и мятежа,

Digitized by Google

Онъ кровью братскою, какъ Каинъ, обагренный,
Трепещетъ Божьяго суда....

Пусть тамъ, на Западѣ, витіи лженарода
Морочатъ маревомъ своихъ несчастныхъ жертвъ
Зарей лже-равенства, лже-братства, лже-свободы—
Ихъ духъ мертвитъ—онъ лживъ и мертвъ!...

Свобода вожаковъ, ничтожества равенство
И братство Каина—осуждены судьбой!
Нѣтъ, родинѣ лѣвецъ не то сулилъ блаженство —
Мы жить хотимъ! Нашъ путь—иной!...

Какъ въ дни былые испытанья,
И въ наши сумрачные дни,
Москва, Москва, *твои* сказанья
Судьбы укажутъ намъ пути.

Твоя святыня намъ вѣщаетъ
Россіи жизненный завѣтъ,
Къ тебѣ любовно обращаетъ
Пѣвецъ сыновній свой привѣтъ.

Завѣтъ тотъ: Царь и единенье
Во имя Божьяго креста,
И въ подвигѣ самозабвенья —
Единство духа и труда!...

1879 г. М.

Digitized by Google

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Начала Евклида съ пояснительнымъ введеніемъ и толкованіями. Ординарнаго профессора Императорскаго Университета Св. Владиміра М. Е. Ващенко-Захарченко. Кіевъ, 1880 г.

Профессоръ математики въ Кіевскомъ университетѣ, М. Е. Ващенко-Захарченко издалъ обширный трудъ заслуживающій полнаго вниманія и уваженія. Трудъ этотъ полный переводъ съ греческаго *Началъ Евклида*. Переводъ текста снабженъ многочисленными поясвительными примѣчаніями и задачами; къ концу книги приложенъ списокъ всѣхъ изданій *Началъ*, какой автору удалось составить, съ 1482 года по 1880 годъ. „Изъ этого списка, говоритъ онъ, видно что всѣхъ изданій было до 460; изъ нихъ 155 на латинскомъ и греческомъ языкахъ, 142 на англійскомъ, 48 на нѣмецкомъ, 38 на французскомъ, 27 на италіянскомъ, 14 на голландскомъ, 5 на русскомъ, 2 на польскомъ и 26 на различныхъ другихъ языкахъ, какъ-то: шведскомъ, финскомъ, португальскомъ, испанскомъ, датскомъ, китайскомъ, арабскомъ и др.“ Изданіе г. Ващенко-Захарченко *пятое* на русскомъ языкѣ и первое въ полномъ видѣ. Предшествовавшія ему изданія суть: 1769, *Евклидовы элементы геометріи*, переводъ съ французскаго Ник. Курганова. Спб. in 8°; 1779, *Евклидовы стихіи*, перев. съ греческаго пр. Суворова и Вас. Никитина, Спб. in 8°; 1819, *Евклидовыхъ началъ восемь книгъ, а именно первыя шесть, одиннадцатая и двѣнадцатая, содержащія въ себѣ основанія геометріи*, переводъ съ греческаго Ѳ. Петрушев-

Digitized by Google

скаго, Спб.; 1835, *Евклидовыхъ началъ три книги, седьмая, восьмая и девятая, содержащія общую теорію чиселъ древнихъ геометрій*, переводъ съ греческаго Ѳ. Петрушевскаго. Дополненія сдѣланныя профессоромъ Ващенко-Захарченко не ограничиваются примѣчаніями. Въ дополненіе къ VI книгѣ Евклидъ далъ переводъ книги Архимеда *Объ измѣреніи круга*, „о которой часто говорятъ, но которая мало кому извѣстна“, въ статьѣ о многогранникахъ привелъ новѣйшія изслѣдованія объ этихъ тѣлахъ; въ прибавленіяхъ XI и XII изложилъ о наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ въ геометріи и объ отрицательныхъ количествахъ. Наконецъ во введеніи почтенный переводчикъ далъ весьма полное и отчетливое изложеніе такъ-называемой „не-Евклидовской геометріи“, а въ концѣ книги привелъ длинный списокъ сочиненій по этому предмету, такъ занимающему новѣйшихъ геометровъ и имѣющему важное не только математическое, но и философское значеніе. Не-Евклидовская геометрія ведетъ свое начало отъ великаго русскаго математика профессора и ректора Казанскаго университета Н. И. Лобачевскаго (родившагося въ 1799, скончавшагося въ 1856 году), труды котораго только въ новѣйшее время получили надлежащую оцѣнку и имя получило всемірную извѣстность. Геометрическое ученіе, великій и прочный фундаментъ котораго заложенъ греческимъ геометромъ, есть развитіе нѣсколькихъ положеній касающихся свойствъ пространства и называемыхъ *аксіомами*, объ истинности которыхъ свидѣтельствуетъ ихъ неоспоримая очевидность. Но между этими аксіомами Евклидомъ ломѣцена одна не представляющая такой простоты какъ остальныя и имѣющая видъ теоремы нуждающейся въ доказательствѣ. Аксіома эта, одиннадцатая, гласитъ такъ: „если двѣ прямыя линіи встрѣчаются съ третьею такъ что сумма внутреннихъ угловъ лежащихъ по одну сторону третьей меньше двухъ прямыхъ угловъ, то двѣ первыя, по достаточномъ продолженіи, встрѣтятся по ту сторону третьей прямой, на которой сумма внутреннихъ угловъ меньше двухъ прямыхъ.“ Другими словами, двѣ линіи, одна перпендикулярная, другая наклонная къ пересѣкающей ихъ третьей, при продолженіи, должны необходимо встрѣтиться между *собой*; если же обѣ перпендикулярны къ третьей, то никогда не встрѣчаются, *параллельны* между собою; потому на *плоскости* чрезъ данную точку можно провести лишь *одну* линію парал-

Digitized by Google

лельную съ какою-либо данной прямо. Много вѣковъ геометры трудились дать строгое доказательство этого положенія, принятаго Евклидомъ за аксіому, но всѣ старанія въ этомъ отношеніи оказались тщетны. Приходилось, въ наукѣ умозрительной, въ число основныхъ положеній включить теорему математически не доказанную, заимствованную изъ опыта. Но если теорему эту нельзя доказать, то въ строгой геометрической системѣ нельзя и полагать ее въ основаніе соображеній. Спрашивается, какая была бы геометрія еслибы теорема эта оказалась несправедливою и двѣ прямыя не встрѣчались бы между собою не только когда онѣ перпендикулярны къ нѣкоторой третьей, но и когда наклонены до извѣстнаго предѣла. Лобачевскій показалъ что можно развить полную систему геометріи, не обусловливая ее теоремой о параллельности, и такая система „не-Евклидовской геометріи“ представляетъ строгое логическое цѣлое. Въ этомъ окончательное свидѣтельство что одиннадцатая аксіома *не можетъ быть* доказана. Ибо иначе система основанная на непризнаніи этой теоремы должна бы повести къ нелѣпымъ заключеніямъ, что и было бы непрямымъ ея доказательствомъ. Но если теорема эта не можетъ быть доказана математически, то она получаетъ значеніе факта, закона природы, оправдываемаго настолько насколько вообще можетъ быть оправданъ законъ природы. Для ума открывается свобода допустить возможнымъ и иной законъ и выводить вытекающія изъ него послѣдствія; вмѣсто нашего пространства съ его свойствами мыслить другое возможное пространство съ другими законами, но логически себѣ вѣрное. Какъ можемъ мы представить себѣ міръ физическихъ тѣлъ ловинующихся не закону тяготѣнія Ньютона, но какому-либо иному закону и выводить слѣдствія какія были бы еслибъ истиннымъ былъ этотъ иной законъ, такъ можемъ мы мыслить и пространство подчиненное, съ соблюденіемъ аксіомъ истинность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію, по отношенію къ другимъ его свойствамъ инымъ геометрическимъ законамъ, чѣмъ тѣ о которыхъ свидѣтельствуютъ факты доставляемые наблюденіями въ нашемъ пространствѣ. Такъ можно мыслить геометрію существа помѣщеннаго на нѣкоторой кривой поверхности и не имѣющаго представленія о третьемъ измѣреніи пространства; можно мыслить геометрію существа для котораго дѣйствительнымъ міромъ былъ бы не нашъ міръ, а отраженіе

Digitized by Google

этого міра какъ оно представляется въ выпукломъ зеркалѣ (въ такомъ мірѣ предметы такъ мѣнялись бы съ перемѣщеніемъ какъ мѣняются согласно теоріи изображенія при перемѣщеніи отражаемыхъ предметовъ); наконецъ теоретически развить геометрію пространства въ которомъ было бы четыре или болѣе измѣреній (наглядно представить себѣ такое пространство нельзя, но аналитически, помощью алгебраическихъ формулъ, можно изучать его свойства). Увлекшійся спиритизмомъ извѣстный Лейпцигскій профессоръ Цёльнеръ въ такой мѣрѣ проникся идеей геометріи четырехъ измѣреній что медіумическія чудеса объясняетъ способностью исключительныхъ существъ не ограничиваться условіями нашего трехмѣрнаго пространства. Во всякомъ случаѣ идея „не-Евклидовской геометріи“ представляетъ собою важный шагъ ума человѣческаго въ постиженіи идеи пространства и отрадно думать что шагъ этотъ сдѣланъ русскимъ ученымъ.

Предпринимая свой обширный и нелегкій трудъ (въ книгѣ г. Ващенко-Захарченко болѣе 700 страницъ большаго формата) русскій издатель Евклида руководился мыслію о великомъ педагогическомъ значеніи *Началъ*. „Какое, говоритъ онъ, изъ сочиненій имѣло столько изданій? По какому сочиненію училось столько людей? Какое сочиненіе образовало столько знаменитыхъ геометровъ, какови: Декартъ, Ньютонъ, Лейбницъ, Эйлеръ, Лагранжъ и многіе другіе! Наконецъ какое сочиненіе выдержало серіозную критику своихъ учениковъ, глубоко изучившихъ его и все-таки вышло побѣдителемъ. По *Началамъ* Евклида учились: Дантъ, Петрарка, Тассо, Микель-Анджело, Леонардо да-Винчи, Боккачіо и другіе знаменитые писатели. *Начала* Евклида принадлежатъ къ числу тѣхъ замѣчательныхъ твореній древняго міра которыя всегда останутся образцами въ своемъ родѣ, которымъ тѣмъ болѣе удивляешься чѣмъ болѣе ихъ читаешь, и которыя обыкновенно приписываются не одному лицу. Если съ перваго раза, нѣкоторыя части его и кажутся утомительными, то это происходитъ вслѣдствіе отличительнаго характера новыхъ методовъ изслѣдованія къ которымъ мы привыкли, но по мѣрѣ того какъ мы углубляемся въ изученіе этого замѣчательнаго сочиненія, такое впечатлѣніе исчезаетъ, а является сознаніе необыкновенной строгости доказательствъ и логической послѣдовательности въ порядкѣ истинъ...

Digitized by Google

Таковъ характеръ настоящаго сочиненія. Преподаватель найдетъ въ немъ неисчерпаемый источникъ матеріала для своихъ лекцій, которымъ онъ долженъ только съ умѣньемъ пользоваться. Новые геометры, Ньютонъ и другіе, были такъ поражены глубокимъ синтезомъ древнихъ математиковъ что свои открытія сдѣланныя съ помощію анализа передѣлывали на древній синтезъ."

Полезный трудъ кіевскаго профессора изданъ на средства университета Св. Владиміра, и г. Ващенко-Захарченко заключаетъ свое предисловіе благодарностію совѣту этого учрежденія.

II.

Портретная галлерея русскихъ литераторовъ, ученыхъ и артистовъ съ біографіями и факсимиле. Изданіе фотографа Шапиро. С.-Петербургъ 1880. Два выпуска.

Это замѣчательно изящное изданіе даетъ читателямъ фотографическіе портреты русскихъ извѣстнѣйшихъ дѣятелей на литературномъ, ученомъ и артистическомъ поприщахъ. До сихъ поръ вышло два выпуска *Галлереи* (первый уже вторымъ изданіемъ). По доступной цѣнѣ—пять рублей за выпускъ, читатель получаетъ въ каждомъ выпускѣ пять большихъ портретовъ, окаймленныхъ каждый изящнымъ бордюромъ взятымъ съ хранящагося въ Императорской Публичной Библіотекѣ рукописнаго списка одной челобитной царю Алексѣю Михайловичу. Біографіи на русскомъ и французскомъ языкахъ напечатаны каждая на большомъ листѣ отличной бумаги, также съ красивымъ бордюромъ. Изданіе вообще безукоризненно по внѣшности. Въ первый выпускъ вошли портреты и біографіи И. А. Гончарова, Ѳ. М. Достоевскаго, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова и И. С. Тургенева; во второй Д. В. Григоровича, А. Н. Островскаго, А. Ѳ. Писемскаго, Я. П. Полонскаго и графа Л. Н. Толстаго. Фактическія данныя въ біографіяхъ провѣрены самими авторами, за исключеніемъ біографіи графа Толстаго. Чтобы дать понятіе какъ составлены приложенныя къ портретамъ жизнеописанія приведемъ на выдержку біографію А. Ѳ. Писемскаго. Біографіи вообще составлены безъ претензій и тенденцій. Лишь мѣстами фальшивою нотой являются вовсе не требовавшіяся

Digitized by Google

въ этихъ краткихъ біографическихъ очеркахъ ссылки на Добролюбова.

„Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій родился 10го марта 1820. года въ сельцѣ Роменьѣ, Чухломскаго уѣзда, Костромской губерніи. Образованіе получилъ Алексѣй Ѳеофилактовичъ въ Костромской гимназіи, а потомъ въ Московскомъ университетѣ по второму отдѣленію философскаго факультета. По окончаніи университетскаго курса Алексѣй Ѳеофилактовичъ скоро проявилъ свой замѣчательный беллетристическій талантъ. Въ 1846 году появился его большой романъ *Боярщина*, но появился и ходилъ по рукамъ въ рукописяхъ; напечатанъ онъ былъ двѣнадцать лѣтъ спустя, о чемъ будетъ сказано ниже. Съ 1850 года Писемскій является уже сотрудникомъ нѣсколькихъ журналовъ, печатая въ нихъ разсказы изъ народной и провинціальной жизни. Въ этотъ періодъ имъ написаны и помѣщены въ *Москвитянинѣ*: повѣсть *Тюфякъ*, первое произведеніе нашего автора появившееся въ печати, затѣмъ повѣсти: *Бракъ по страсти* и *M-r Батмановъ*, комедія *Ипохондрикъ* и разсказы: *Комикъ* и *Питерщикъ*. Въ то же время въ *Современникѣ* появились большой романъ *Богатый Женихъ*, повѣсть *Виновата ли она?* и два разсказа: *Лѣшій* и *Фанфороны*, и въ *Отечественныхъ Запискахъ*: *Ветеранъ и Новобранецъ*, разсказъ: *Плотничья артель* и критическая статья о Гоголѣ.

„Въ 1856 году Морское Министерство командировало Алексѣя Ѳеофилактовича въ Астраханскую губернію для изученія тамошняго края. Этому обстоятельству русская литература обязана цѣлымъ рядомъ этнографическихъ очерковъ Астраханской губерніи, которые помѣщались Писемскимъ въ *Морскомъ Сборникѣ* и *Библіотекѣ для Чтенія*. Статьи эти слѣдующія: *Астрахань*, *Татары*, *Астраханскіе Армяне*, *Калмыки*, *Бирючья Коса*, *Баку*, *Тюкъ-Караганскій полуостровъ* и *Тюленьи острова*.

„Возвратившись изъ командировки, Алексѣй Ѳеофилактовичъ напечаталъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* пользующееся наибольшею популярностью свое произведеніе, романъ *Тысяча душъ*, представляющій исторію ложнаго исправителя нравовъ и гражданскихъ злоупотребленій, нашего лоддѣльнаго государственнаго человѣка *Калиновича*, какъ сказалъ объ этомъ романѣ одинъ изъ критиковъ тогдашняго времени. Вмѣстѣ съ этимъ, Писемскій принялъ на себя завѣдываніе *Библіотекой для Чтенія*, которую и редактировалъ до 1863 года. Въ этомъ журналѣ помѣщены имъ въ этотъ періодъ разсказъ *Старая Барыня*, романъ *Боярщина*, о которомъ мы говорили выше, затѣмъ разсказъ: *Старческій грѣхъ* и трагедія *Горькая судьбина*; послѣдняя была удостоена Уваровской преміи. Въ 1861 году имъ напечатанъ въ *Русскомъ Словѣ* разсказъ *Батька*.

„Позднѣйшія произведенія Писемскаго съ 1863 года и до настоящаго времени нижеслѣдующія: романъ *Взбаломученное море*, напечатанный въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, и очерки: *Рус-*

Digitized by Google

ckіе Лгуны, ломѣщенные въ *Отечественныхъ Запискахъ*. Съ 1866 года по 1869 во *Всемірномъ Трудѣ* появилась: трагедія *Самоуправцы* и трагедія *Поручикъ Гладковъ* изъ временъ Бирона, не пролущенная на сцену, и наконецъ драма *Соколы*. Въ 1869 году въ журналѣ *Заря* ломѣщенъ большой романъ *Люди сороковыхъ годовъ*, а черезъ два года въ *Бесѣдѣ* романъ *Въ Водоворотѣ*. Въ 1873 году въ журналѣ *Гражданинѣ* появилась комедія *Подкопы*, на сцену недолущенная, а въ *Русскомъ Вѣстникѣ* напечатана драма *Ваалъ*. Въ 1875 году въ *Русскомъ Вѣстникѣ* напечатана драма *Просвѣщенное время*; въ слѣдующемъ году въ газетѣ Гатцука драма *Финансовый Геній* и въ 1877 году въ *Пчелѣ* большой романъ *Мѣщане*, вышедшій отдѣльнымъ изданіемъ. Въ 1880 году въ одномъ изъ иллюстрированныхъ журналовъ появился романъ Писемскаго *Масоны*."

III.

Гизо въ его семействѣ. Monsieur Guizot dans sa famille et avec ses amis, par M-me de Vitt.

Вскорѣ по выходѣ перваго тома мемуаровъ Гизо, Ренанъ напечаталъ въ *Revue des deux Mondes* статью, въ которой, произнося сужденіе объ этой книгѣ, постарался представить и характеристику ея автора. Гизо остался не совсѣмъ довольнымъ своимъ портретомъ. „Къ сожалѣнію, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ лисемъ, подъ перомъ Ренана я явился какою-то трагическою, напыщенною, угрюмою фигурой", но тутъ же замѣчаетъ что таково установилось общее о немъ мнѣніе. Люди знавшіе очень близко Гизо смотрѣли однако на него совершенно иначе. Вотъ, между прочимъ, что̀ писала ему первая его жена (Полина Милань): „Когда я читаю и перечитываю твои милыя письма, исполненныя такой простой, можно сказать, юношеской нѣжности, и когда думаю при этомъ что многіе считаютъ тебя человѣкомъ надменнымъ, честолюбивымъ, безсердечнымъ, у котораго холодный разсудокъ подавляетъ чувство, то это мнѣ кажется такимъ поразительнымъ контрастомъ что я не могу не негодовать на глупыя людскія сужденія. Что̀ сказали бы еслибы письма твои были когда-нибудь обнародованы!.." Письма эти теперь дѣйствительно обнародованы. Одна изъ дочерей Гизо, гжа Корнеліусъ де-Виттъ, составила біографію своего отца на манеръ англійскихъ біографій, а именно: почти вся книга наполнена его корреспонденціями, причемъ сама издательница довольствует-

Digitized by Google

ся лишь краткими поясненіями, при какихъ обстоятельствахъ возникли тѣ или другія письма. О политикѣ не говорится въ нихъ почти ничего или очень мало, но внутренній міръ Гизо выступаетъ въ этой интимной корреспонденціи такъ рельефно что она служитъ вкладомъ для его біографіи.

О Гизо можно сказать что это была вполнѣ цѣльная натура, одна изъ тѣхъ натуръ которыя всегда остаются неизмѣнно вѣрны себѣ. Трудно даже прослѣдить какимъ образомъ проходятъ онѣ чрезъ различныя ступени развитія: ибо какъ въ глубокой старости, такъ и въ ранней молодости онѣ выступаютъ предъ нами съ совершенно одинаковыми чертами. Гизо представляетъ любопытный образецъ въ этомъ отношеніи. Получивъ воспитаніе въ Женевѣ среди самой скромной обстановки, не зная ничего кромѣ своей школы и семьи, онъ отправляется въ 1806 году въ Парижъ для того чтобы прослушать тамъ курсъ юридическихъ наукъ. Изъ города славившагося пуританскою строгостью своихъ нравовъ онъ вдругъ переносится въ одну изъ роскошнѣйшихъ столицъ Европы, общество коей еще далеко не освободилось отъ распущенности нравовъ господствовавшей при директоріи. По истеченіи перваго года своего пребыванія тамъ онъ пишетъ своей матери письмо, изъ котораго мы заимствуемъ слѣдующія строки, причемъ обращаемъ особенное вниманіе на то что Гизо только что минуло тогда 19 лѣтъ: „Богъ и христіанская религія—вотъ мои руководители; строгая мораль—вотъ тотъ центръ къ которому я намѣренъ направлять всѣ свои дѣйствія; я буду считать опаснымъ все что могло бы удалять меня отъ него и легкомысленнымъ все что меня къ нему не приближаетъ; есть у меня одно качество очень благопріятное моимъ принципамъ, хотя обыкновенно оно и не встрѣчаетъ одобренія, а именно: упорство. Конечно, я могу ошибаться: но всякій разъ когда буду убѣжденъ что истина на моей сторонѣ, цѣлому міру не удастся поколебать мой образъ мыслей; если захотятъ чтобъ я измѣнилъ его, то пусть докажутъ мнѣ что я заблуждаюсь, а это побудитъ меня всегда быть искреннимъ и добросовѣстнымъ. Я могу прослыть человѣкомъ надменнымъ: ибо отстаивая свои мнѣнія лишь потому что считаю ихъ болѣе здравыми чѣмъ мнѣнія другихъ, быть-можетъ даже изъ гордости стану я тщательно избѣгать споровъ со всѣми тѣми кто въ сущности не раздѣляетъ моего образа мыслей, такъ какъ совершенно безполезно оспаривать

Digitized by Google

чьи-либо мнѣнія если заранѣе знаешь что не можешь присоединиться къ нимъ. Словомъ, я буду всегда непоколебимо отстаивать свои религіозные и нравственные принципы; опытъ убѣдилъ меня что всякій разъ когда я дѣлалъ даже малѣйшія уступки относительно этихъ принциповъ, я значительно ослаблялъ ихъ; нужно опасаться этого на будущее время: лучше чрезмѣрная суровость чѣмъ чрезмѣрная слабость; если на двадцатомъ году начнемъ колебаться относительно того что̀ должно служить руководящими правилами жизни, то подъ старость рискуешь сдѣлаться человѣкомъ безо всякихъ правилъ"... Въ этихъ словахъ, кажется намъ, виденъ уже весь Гизо, какимъ онъ выказалъ себя въ послѣдствіи на политическомъ поприщѣ: тутъ ясно проглядываетъ и та высокомѣрная увѣренность въ своей непогрѣшимости въ которой упрекали его столь часто, и то упорство съ которымъ онъ способенъ былъ отстаивать извѣстныя доктрины, хотя бы все вокругъ него свидѣтельствовало объ ихъ несостоятельности. Въ этомъ заключалась его слабость и вмѣстѣ съ тѣмъ его сила. Онъ могъ ошибаться относительно своихъ воззрѣній, но по крайней мѣрѣ каковы бы они ни были—стремился осуществить ихъ съ замѣчательною энергіей. Политика уступокъ была ему ненавистна. Вотъ почему подъ конецъ жизни отзывался онъ съ такимъ презрѣніемъ о томъ зрѣлищѣ которое представляла Европа. „Колебанія и безсиліе, говорилъ онъ,—отличительныя черты переживаемаго нами времени. Теперешніе государственные люди во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ не руководятся ни ясно сознанными идеями, ни твердою рѣшимостью достигнуть своей цѣли. Теченіе увлекаетъ ихъ въ ту или другую сторону. Во всей Европѣ (Гизо писалъ это въ 1864 году) только одинъ Бисмаркъ похожъ на человѣка у котораго есть опредѣленный планъ и который хочетъ во что̀ бы то ни стало осуществить его. Онъ и не разсудителенъ, и не слишкомъ строгъ въ своихъ понятіяхъ о чести, но во всякомъ случаѣ это замѣчательная фигура"...

Одно изъ писемъ, въ которыхъ Гизо касается самыхъ задушевныхъ своихъ чувствъ, особенно замѣчательно для его характеристики. „Два благородныя существа, говоритъ онъ (Гизо вспоминаетъ тутъ о первой женѣ своей Полинѣ Меланъ и второй—Элизѣ Диллонъ, которыя рано сошли въ могилу), играли огромную роль въ моей жизни; но никогда, даже въ

Digitized by Google

теченіе лѣтъ минутъ, не было между нимъ и мною ничего похожаго на романъ; я презираю романъ, ибо онъ стремится превзойти дѣйствительность, тогда какъ въ сущности стоитъ неизмѣримо ниже ея. Истинная любовь, истинная преданность очень рѣдки; вотъ почему люди не способные испытывать эти чувства называютъ ихъ романическими: совершенно напротивъ: нѣтъ ничего что было бы такъ просто, положительно и практично. Не нужно только смѣшивать одного съ другимъ и принимать за любовь и преданность фантазіи не имѣющія съ ними ничего общаго. Метеоры мелькающіе въ пространствѣ называютъ иногда звѣздами,—но кто же повѣритъ чтобъ это были настоящія звѣзды?" Въ характерѣ Гизо не было и тѣни сентиментальности. Любопытно, между прочимъ, что природа не производила на него впечатлѣнія: „Я не сдѣлалъ и двадцати миль, говорилъ онъ, чтобы восхищаться какимъ-нибудь пейзажемъ, но готовъ предпринять далекое путешествіе чтобъ отвести душу въ бесѣдѣ съ замѣчательнымъ человѣкомъ." Въ женщинѣ искалъ онъ положительныхъ достоинствъ—ума, образованія, опредѣленныхъ твердыхъ принциповъ, и только съ этой стороны могла она обнаруживать на него вліяніе. Ничему что называютъ романическимъ дѣйствительно не могло быть тутъ мѣста. Это видно, между прочимъ, изъ того при какихъ обстоятельствахъ вступилъ онъ въ бракъ съ Полиной Меланъ. Отецъ ея, занимавшій видную должность въ финансовой администраціи, умеръ не оставивъ почти никакого состоянія; несчастной дѣвушкѣ пришлось заботиться о содержаніи матери совершенно неспособной къ какимъ-либо занятіямъ и младшей сестры; время было тяжкое, революціонный терроръ былъ въ полномъ разгарѣ: работая неутомимо, Полина Меланъ находила однако возможнымъ помогать своимъ друзьямъ, причемъ иногда требовалось обнаруживать значительное самоотверженіе; нѣсколько позднѣе, а именно при директоріи, она спасла одного изъ нихъ отъ казни. Читала она очень много, преимущественно философовъ—Локка, Гельвеція, Кондильяка и была ревностною сотрудницей *Публициста*, газеты принадлежавшей академику Сюару. Въ 1807 году постигло ее тяжкое семейное горе, вслѣдствіе коего она должна была прервать свою литературную работу, а между тѣмъ существовать было нечѣмъ. Гизо, никогда не видавшій ее до тѣхъ поръ, узналъ отъ Сюара о затруднительномъ ея положеніи и вызвался на нѣкоторое время замѣнить ее въ

Digitized by Google

Публицистъ съ тѣмъ чтобъ она продолжала получать назначенный для нея гонораръ. Тутъ только установились между ними сношенія, но сношенія сначала заочныя, ибо Полина Меланъ покинула на нѣкоторое время Парижъ. Гизо впервые узналъ и оцѣнилъ свою будущую жену по ея письмамъ; онъ понялъ что это вполнѣ сочувственный ему умъ и вполнѣ родственная ему натура, и выборъ его былъ рѣшенъ. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего романическаго, но подобныя отношенія стоятъ многихъ другихъ въ которыхъ романъ играетъ важную роль, и со своей точки зрѣнія Гизо былъ правъ, говоря что онъ презираетъ романъ въ любви. Обнародованныя нынѣ его письма къ женѣ могли бы однако украсить страницы любаго романа,—такою дышатъ они сильною и искреннею страстью. Кто подумалъ бы напримѣръ что суровому Гизо принадлежатъ слѣдующія строки въ одномъ изъ писемъ его къ женѣ: „Каждую минуту, на каждомъ шагу я ощущаю твое отсутствіе, милая Полина; когда нѣтъ тебя около меня, мнѣ кажется будто оторвалась одна часть моего существа, а другая тоскуетъ, какъ тосковалъ бы тотъ кто предвкусилъ вѣчное блаженство и вдругъ утратилъ его. Премудро поступилъ Творецъ взявъ у Адама ребро чтобы создать изъ него Еву, но зачѣмъ не остались они связаны какою-нибудь нитью чтобы разлука была для нихъ невозможна! Я живу тобою и вмѣстѣ съ тѣмъ сознаю что эта жизнь, которую всецѣло посвящаю тебѣ, свободна, дѣятельна, исполнена содержанія; нѣтъ, трудно даже оцѣнить что̀ мы представляемъ другъ для друга: цѣлой вѣчности было бы не слишкомъ много для нашего счастія“....

Сердечныя утраты должны были сильно отзываться на человѣкѣ умѣвшемъ чувствовать такъ глубоко, а этихъ утратъ было у Гизо очень много. Послѣ смерти своей первой жены онъ вступилъ въ бракъ съ ея сестрой, но и она вскорѣ сошла въ могилу; умеръ старшій его сынъ; кружокъ избранныхъ друзей все болѣе и болѣе рѣдѣлъ вокругъ него. Среди этихъ невзгодъ политическая дѣятельность поддерживала его силы, не давая однако всего въ чемъ нуждалась его душа. Онъ искалъ иногда уединенія, хотя и оно оказывалось плохимъ цѣлебнымъ средствомъ. „Еслибы, писалъ онъ однажды изъ деревни, я былъ еще въ состояніи наслаждаться чѣмъ-нибудь, то нашелъ бы здѣсь все что̀ нужно, и прежде всего

Digitized by Google

спокойствіе и свободу. Но что мнѣ въ спокойствіи и свободѣ? Это—двѣ пустыя чаши; ихъ нужно наполнить счастьемъ. а гдѣ счастье?“ Гизо отводилъ себѣ душу воспоминаніями. Онъ не соглашался съ мыслію выраженною въ извѣстномъ стихѣ Данта:

Nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria....

„Напротивъ, говорилъ онъ, пережитое счастье это—свѣтъ отраженіе коего простирается даже на то пространство котораго онъ не касается. Когда Богъ и время укращаютъ волненія души испытанной горемъ, она сосредоточивается въ самой себѣ и любитъ созерцать въ прошедшемъ утраченныя ею блага.“

Гизо, какъ извѣстно, сдѣлалъ много для народнаго просвѣщенія во Франціи. Онъ обладалъ весьма вѣрными педагогическими взглядами, хотя общественная его дѣятельность была такова что онъ не имѣлъ возможности примѣнять ихъ практически. Но онъ внимательно слѣдилъ за воспитаніемъ своихъ дѣтей; среди сложныхъ и трудныхъ государственныхъ дѣлъ онъ всегда находилъ время руководить ихъ своими совѣтами и обнаруживалъ въ этомъ отношеніи необыкновенную заботливость. Въ разбираемой нами книгѣ помѣщено нѣсколько его писемъ къ старшей его дочери Генріеттѣ, которыя можно назвать образцовыми въ полномъ смыслѣ слова. Нельзя не подивиться тому искусству съ которымъ, говоря серіознымъ тономъ о серіозныхъ вещахъ, онъ умѣлъ однако дѣлать ихъ вполнѣ доступными пониманію дѣвочки. Вотъ одно изъ этихъ писемъ:

„Милая Генріетта, я опять хочу ссориться съ тобой за знаки препинанія. Ихъ почти или вовсе нѣтъ въ твоихъ письмахъ. Фразы слѣдуютъ ничѣмъ не отдѣленныя одна за другой. Еслибы даже это причиняло только то неудобство что при чтеніи твоихъ писемъ безпрерывно затрудняешься и недоумѣваешь, то и это должно было бы заставить тебя исправиться и разставлять знаки препинанія какъ слѣдуетъ. Но есть еще другое обстоятельство болѣе важное, которое, надѣюсь, ты поймешь. Умъ твой слишкомъ живъ. Ты все схватываешь и все дѣлаешь быстро; а поспѣшность сдѣлавъ что-

Digitized by Google

нибудь ты не останавливаешься, и слѣшишь тотчасъ же перейти къ другому. Вотъ почему ты пренебрегаешь и знаками прерыванія. Всякій такой знакъ, запятая или точка, обозначаетъ отдохновеніе ума, законченную или прерванную мысль, причемъ и ставится знакъ съ цѣлью отдѣлить это отъ того что должно слѣдовать послѣ. У тебя нѣтъ вовсе этихъ отдыховъ, этихъ промежутковъ. Ты пишешь какъ вода течетъ, какъ стрѣла летитъ. Это никуда не годно: ибо мысли выражаемыя въ письмѣ отнюдь не тождественны между собой, онѣ далеко не находятся въ такой неразрывной между собой связи какъ капли воды. Между мыслями есть различія, такъ-сказать разстоянія, хотя и не равныя, но дѣйствительныя, и вотъ именно эти-то разстоянія обозначаются знаками прерыванія. Устраняя ихъ ты поступаешь безразсудно: отсутствіе знаковъ прерыванія сообщаетъ всему что ты говоришь какое-то фальшивое однообразіе,—оно причиной того что вещи которыхъ ты касаешься въ своемъ письмѣ теряютъ свою настоящую физіономію, ибо всѣ онѣ скомканы вмѣстѣ, какъ будто нѣтъ между ними болѣе и менѣе важныхъ.

„Но вотъ что еще гораздо важнѣе. Конечно, быстрота ума— очень хорошее качество. Столько предстоитъ въ жизни узнать, увидѣть и сдѣлать, и такъ мало для этого времени что нужно считать большимъ счастіемъ если Богъ надѣлилъ кого-либо быстротой соображенія, благодаря коей можно въ короткое время многое усвоить и многое совершить, а слѣдовательно успѣшнѣе выполнить задачу жизни. Но каждое качество имѣетъ и соотвѣтствующіе ему недостатки, которыхъ нужно тщательно остерегаться. Еслибы дѣло шло о характерѣ, то я сказалъ бы тебѣ что людямъ энергическимъ часто недостаетъ мягкости, а людямъ храбрымъ—благоразумія. Не помню Паскаль или Лабрюйеръ замѣтилъ гдѣ-то: „Всякая добродѣтель и „всякое достоинство имѣютъ цѣну лишь тогда когда сопрово„ждаются противоположною добродѣтелью; твердость должна „быть кроткою, а кроткость энергичною; все доброе и пре„красное должно быть цѣльнымъ и всестороннимъ, чтобы мож„но было восхищаться имъ во всѣхъ отношеніяхъ“. То что вѣрно относительно характера и добродѣтели одинаково вѣрно, мой милый другъ, и относительно ума и его качествъ. Не нужно чтобы какое-нибудь качество служило источникомъ недостатка. Такъ напримѣръ быстрота пониманія можетъ поро-

Digitized by Google

дить отсутствіе сосредоточенности. Когда схватываешь легко, то не даешь себѣ труда вникнуть въ сущность дѣла; когда быстро дѣлаешь, то не смотришь по сторонамъ. Именно потому что у тебя очень живой и воспріимчивый умъ, нужно чтобы ты пріучала его внимательно останавливаться на вещахъ, не довольствоваться только поверхностнымъ знакомствомъ съ ними. Иначе многое что наиболѣе замѣчательно въ нихъ ускользнетъ отъ тебя, и ты ничего не въ состояніи будешь сдѣлать вполнѣ удовлетворительно. Письмо мое вышло слишкомъ длинно, но ты знаешь, милая Генріетта, что я люблю бесѣдовать съ тобой...."

А вотъ другое письмо къ той же Генріеттѣ, адресованное въ 1840 году изъ Лондона, гдѣ отецъ ея занималъ тогда должность посла:

„Вчера я былъ въ палатѣ общинъ и возвратился оттуда лишь во второмъ часу ночи. Палата была занята преніями объ ирландскихъ выборахъ. Интересуйся всегда, мое дитя, судьбами Ирландіи. Твоя мать очень принимала ихъ къ сердцу, потому что нѣкогда это была родина ея семьи. И теперь еще я встрѣчаю здѣсь много вашихъ родственниковъ. Полтораста лѣтъ тому назадъ ваши предки покинули Англію вслѣдъ за Яковомъ II и разсѣялись по Франціи, Испаніи и Италіи. Они бѣжали изъ отечества, потому что были католики, а въ то же самое время протестанты спасались бѣгствомъ изъ Франціи. Теперь же я—протестантъ—служу представителемъ Франціи въ Лондонѣ, и не мало католиковъ засѣдаетъ въ той самой палатѣ общинъ которая въ былое время воздвигла на нихъ гоненіе. Все это, милый другъ, доказательство того что умы нынѣ болѣе просвѣщены и что религію понимаютъ лучше. Еслибы вдругъ перенеслись мы за два столѣтія назадъ, то были бы глубоко возмущены зрѣлищемъ которое представляла Европа,—такъ много было тогда всякаго рода бѣдствій и беззаконій: вмѣстѣ съ благодарностью къ Богу за то что родились мы въ болѣе спокойное и просвѣщенное время, это достаточный для насъ поводъ проникнуться терпѣніемъ въ виду тѣхъ невзгодъ и страданій которыя мы еще должны испытывать. Ихъ всегда будетъ не мало и въ жизни и въ обществѣ. Богъ въ премудрости Своей не допускаетъ чтобы все въ мірѣ было вполнѣ совершенно, а это служитъ однимъ изъ доказательствъ что земное наше существованіе есть

Digitized by Google

лишь временное, что цѣль его лежитъ за предѣлами видимаго міра. Но мы должны цѣнить то счастье которое и теперь доступно намъ и благодарить Творца за то что на нашу долю выпало его больше чѣмъ на долю предшествовавшихъ поколѣній.

„Знаешь ли, мой милый другъ, почему самолюбіе такъ сильно разыгрывается въ молодые годы? Это потому что въ раннемъ возрастѣ не имѣешь понятія о трудности и сложности вещей: сознаешь что не лишенъ ума, смѣлости, силы, и такъ какъ эти качества еще не подвергались испытанію, то кажется что ихъ хватитъ рѣшительно на все. Вотъ человѣкъ который стоитъ въ узкой равнинѣ, у подножія горы; пространство предъ нимъ очень небольшое и всѣ предметы находятся на близкомъ разстояніи. Онъ какъ нельзя лучше видитъ ихъ и говоритъ самому себѣ: „у меня отличное зрѣніе, ничто не ускользнетъ отъ него“. Онъ начинаетъ входить на гору и мало-по-малу горизонтъ расширяется; все-таки предметы отчетливо представляются его взору; но вотъ поднимается онъ все выше и выше и по мѣрѣ того зрѣніе его начинаетъ ослабѣвать, такъ что когда достигаетъ онъ вершины горы, то даль разстилается предъ нимъ лишь въ туманныхъ, неясныхъ очертаніяхъ. Тщетно напрягаетъ онъ зрѣніе,—ему остается только сознать какъ неосторожно полагался онъ на него и смириться предъ Богомъ въ своей гордынѣ. Умъ нашъ и наши способности, милый другъ, можно уподобить въ приведенномъ мною примѣрѣ зрѣнію, а гора—это жизнь обнаруживающая намъ нашу несостоятельность по мѣрѣ того какъ мы все болѣе совершенствуемся. Истинная мудрость заключалась бы въ томъ чтобы съ перваго же шага, у самаго подножія горы, предугадать что̀ увидимъ мы когда достигнемъ вершины, но это невозможно: нельзя требовать отъ дѣтей чтобъ они были такъ же разсудительны и опытны какъ люди взрослые. Но у тебя достаточно ума, милая Генріетта, чтобъ убѣдиться теперь же что ни твой умъ, ни твой разсудокъ не такъ обширны и не такъ вѣрны какъ это, быть можетъ, тебѣ кажется; вотъ почему совѣтую тебѣ не обольщаться ими; старайся понять заранѣе что многое, очень многое ускользаетъ отъ твоего взора и что въ тотъ самый моментъ, когда ты будешь видѣть и дальше и выше, ты убѣдишься въ своемъ безсиліи и сдѣлаешься скромнѣе“.

Digitized by Google

Въ письмахъ Гизо, касающихся его дѣтей, встрѣчаются замѣтки изъ которыхъ видно какъ судилъ онъ о людяхъ дѣйствовавшихъ на одномъ съ нимъ поприщѣ. Вотъ между прочимъ что говоритъ онъ въ одномъ изъ этихъ писемъ: „не заставляйте Генріетту читать *Исторію римской республики* Мишле. Она не извлечетъ изъ нея никакой пользы. Никакое произведеніе Мишле не пригодно для дѣтей даже старшаго возраста ни съ дидактической, ни съ нравственной точки зрѣнія: это книги отмѣченныя сомнительною ученостью и сужденіемъ дурно направленнымъ, хотя и честнымъ."

IV.

Письма Чарлза Диккенса. (*The letters of Charles Dickens.* Edited by his Sister-in-Law and his Eldest Daughter) въ двухъ частяхъ. Часть первая.

Издательницы слѣдующимъ образомъ объясняютъ публикѣ назначеніе ихъ книги:

„Мы предлагаемъ читателямъ это собраніе писемъ Диккенса какъ приложеніе къ его жизнеописанію, составленному Джономъ Форстеромъ Это сочиненіе вполнѣ превосходное и полное какъ біографія, бѣдно въ отношеніи корреспонденціи, оно содержитъ въ себѣ мало писемъ сверхъ тѣхъ которыя адресованы Форстеру. Но ни одинъ человѣкъ такъ не высказывался въ своихъ письмахъ какъ Диккенсъ, и мы полагаемъ что, издавая этотъ тщательно выбраный сборникъ корреспонденціи знаменитаго писателя, пополняемъ пробѣлъ вполнѣ ощущаемый всѣми его почитателями."

Періодъ времени писемъ длится отъ 1833 до 1870 года, т.-е. отъ начала литературной дѣятельности Диккенса, предъ самымъ появленіемъ *Записокъ Пиквикскаго Клуба* до смерти писателя.

Извѣстно что Диккенсъ имѣлъ обыкновеніе списывать дѣйствительные характеры и брать истинныя происшествія въ основаніе своихъ разказовъ. Въ одномъ письмѣ къ своей женѣ во время путешествія по Іоркширу онъ пишетъ:

„Мы пріѣхали въ Грантгамъ между девятью и десятью часами вечера, въ четвергъ, и все нашли готовымъ для на-

Digitized by Google

шей встрѣчи въ самой прекрасной гостиницѣ, въ какую мнѣ когда-либо случалось вступать. На другой день я встрѣтилъ одну старушку, которая съ утра была въ отсутствіи и явилась только къ обѣду. Она оказалась учительницей въ Іоркширской школѣ и возвращалась изъ Лондона, гдѣ она провела праздники. Это была престранная старушка: она показала намъ длинное письмо которое везетъ одному изъ своихъ учениковъ отъ его отца. Въ письмѣ заключается строгое обращеніе къ мальчику (подкрѣпленное многими цитатами изъ Священнаго Писанія) по поводу его отказа ѣсть вареную говядину. Она была очень словоохотлива, пила много вина и водки, и къ вечеру мы ее оставили въ состояніи безсознательности."

На другой день онъ пишетъ:

„У насъ былъ пресмѣшной спутникъ до семи часовъ вечера, а въ продолженіе миль двадцати прелестная спутница, горничная, все умолявшая насъ смотрѣть въ дверцы кареты не ѣдетъ ли ей на встрѣчу экипажъ, который она все боялась пропустить, и вообще восхищавшая насъ своимъ хвастовствомъ: нечего и говорить что въ концѣ-концовъ никакого экипажа не явилось, а явилась на встрѣчу только грязная дѣвочка."

Мальчикъ отказывающійся ѣсть вареную говядину появляется въ *Никласѣ Никльби* въ видѣ злосчастнаго ученика мистера Сквира получающаго письмо отъ своей тетки по матери, о коей подозрѣвали что она съ нимъ въ болѣе близкомъ родствѣ, и которая дѣлаетъ ему замѣчаніе насчетъ того что онъ воротитъ носъ отъ вареной коровьей печенки, на которую его добрый учитель уже испросилъ благословеніе. Въ томъ же романѣ хвастливая горничная, во время путешествія Никласа въ Дофбойзголъ, обращается въ даму настоятельно требующую чтобъ изъ окна кареты зорко наблюдали не ѣдетъ ли ей на встрѣчу карета съ лакеями въ блестящихъ ливреях[illegible]то во время мятели), что̀ дало поводъ одному изъ пассажировъ у нея спросить: есть ли хорошее общество въ окрестностяхъ Грантгама? На что̀ она такъ значительно отвѣчала: „есть", что сразу можно было замѣтить что она къ нему принадлежитъ.

Когда Диккенсъ заказывалъ иллюстраціи къ своимъ сочиненіямъ, онъ относился къ нимъ чрезвычайно тщательно; такъ въ одномъ письмѣ онъ говоритъ:

Digitized by Google

„Китъ, одинокій джентльменъ и мистеръ Гарландъ идутъ ночью къ дому гдѣ находится дитя. Выпалъ снѣгъ. Китъ, опередивъ своихъ слугъ-приковъ, бѣжитъ къ старому дому; въ одной рукѣ у него фонарь, въ другой клѣтка съ птичкой. Онъ остановился недалеко отъ двери и собирается позвонить. Въ окнѣ маленькой спальни горитъ огонь, и въ этой комнатѣ дитя (они объ этомъ ничего не знаютъ) лежитъ мертвое.“ Далѣе другая иллюстрація.

„Дитя лежитъ мертвое въ своей маленькой спальнѣ. Зима. цвѣтовъ нѣтъ, но на груди дѣвочки и на подушкѣ и по кроваткѣ вѣтки остролистника и другихъ вѣчно зеленыхъ растеній. На окнѣ плющъ.

„Тотъ мальчикъ который говорилъ съ нею объ ангелахъ стоитъ около кроватки, или можетъ быть лучше ежели она будетъ совсѣмъ одна, чтобы выразить больше спокойствія и мира. Я хочу чтобы вѣяло впечатлѣніемъ самаго прекраснаго покоя и тишины, чтобы вѣяло счастіемъ насколько его заключаетъ смерть.

Слѣдующій отрывокъ изъ письма доказываетъ какъ Диккенсъ всецѣло предавался своимъ сочиненіямъ, какъ глубоко онъ проникался ихъ содержаніемъ и характеромъ: *Old Curiosity Chop* былъ однимъ изъ любимѣйшихъ дѣтей его воображенія. Онъ пишетъ: „у меня сердце надрывается надъ этою исторіей“. И еще въ другомъ письмѣ: „я былъ бы очень радъ присоединиться къ вашему милому обществу, но всю будущую недѣлю у меня будетъ надрываться сердце отъ боли; я долженъ окончить *Curiosity Chop*, а это для меня такая мучительная задача что я долженъ всего себя сосредоточить надъ ней и не выходить никуда пока не кончу.“

О томъ же онъ пишетъ Каттермолу: „въ настоящее время я чувствую себя полумертвымъ отъ горя, потерявъ мое дитя“.

Письма изъ Америки въ 1842 году не всегда благопріятны Американцамъ. Приводимъ отрывокъ одного изъ нихъ.

„Я хотѣлъ бы, пишетъ Диккенсъ къ своему лучшему другу Мекриди, два мѣсяца послѣ того какъ пріѣхалъ въ Соединенные Штаты,—отнестить съ сочувствіемъ къ тѣмъ кто меня такъ горячо привѣтствовалъ и принялъ.... Но не могу,—*я разочарованъ*. Это не та реслубликa взглянуть на которую я переплылъ черезъ Океанъ; это не реслубликa моего вообра-

Digitized by Google

женія. Нѣтъ, такой реслубликѣ я предпочитаю либеральную монархію. Чѣмъ болѣе я размышляю о ея молодости и силѣ тѣмъ бѣднѣе она мнѣ кажется и пустѣе въ тысячѣ отношеній. Во всемъ за что ее такъ восхваляютъ, — исключая народнаго воспитанія и призрѣнія бѣдныхъ дѣтей,—она стоитъ несравненно ниже того уровня на которомъ я ее воображалъ, и Англія, даже Англія, какъ ни дурна и ни порочна старая страна, и какъ ни бѣдствуютъ милліоны ея населенія, сравнительно много выше!

„Вамъ, Мекриди, жить здѣсь, какъ вы часто мечтали, вамъ? Любя васъ всѣмъ сердцемъ и всею душой, и зная ваше настроеніе, я ни за какія деньги не осудилъ бы васъ даже одинъ годъ прожить по сю сторону Атлантики. Свобода мнѣнія! Да гдѣ она? Я вижу здѣсь печать болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было жалкою, низкою и продажною... Я говорю о Банкрофтѣ и мнѣ совѣтуютъ лучше молчать объ этомъ предметѣ, потому что это „черная овца и демократъ“; я хочу сказать о Брайантѣ и меня предупреждаютъ быть осторожнымъ по той же причинѣ. Я говорю о международномъ авторскомъ правѣ, и меня умоляютъ не губить себя. Я говорю о миссъ Мартино и всѣ партіи: приверженцы рабства и аболиціонисты, вигги, демократы окачиваютъ меня цѣлымъ дождемъ поруганій. Но что она сдѣлала? Ужь конечно она довольно хвалила Америку! Да, но она указала намъ тоже на наши недостатки, а Американцы не терпятъ чтобъ имъ говорили о ихъ ошибкахъ. Не разбейтесь объ эту скалу, г. Диккенсъ! Не лгите объ Америкѣ! Мы народъ такой подозрительный!“

Во время путешествія своего по Италіи Диккенсъ писалъ.

„Я вчера былъ очень удивленъ (нужно сказать что я не силенъ въ географическихъ подробностяхъ) найдя что Ромео былъ изгнанъ всего за 25 миль. Это и есть разстояніе между Мантуей и Вероной. Послѣдняя—красивый, старый городъ съ большими домами, которые теперь стоятъ пустые и запертые, совершенно такой городъ какимъ Верона должна быть... Я хотѣлъ посмотрѣть на старый домъ Капулетти, который еще можно узнать по ихъ гербу (шапка, вырѣзанная на камнѣ въ стѣнѣ двора). Онъ теперь—грязная гостиница. Дворъ былъ полонъ грязныхъ экипажей, телѣгъ, гусей и свиней... Невозможно было провесть связь между его преж-

Digitized by Google

ними обитателями и весьма несантиментальною барыней у дверей кухни. Монтекки обыкновенно жили за городомъ, мили за двѣ или за три. Мнѣ не особенно кажется яснымъ чтобъ они вообще когда-нибудь жили въ Веронѣ... По сосѣдству есть деревня этого имени, и преданія о ссорахъ обѣихъ фамилій до сихъ поръ такъ живы какъ вообще что̀ нибудь можетъ быть живо въ такомъ сонномъ околоткѣ".

Вопросъ о литературной собственности вызываетъ въ Диккенсѣ цѣлый взрывъ негодованія.

„Не возмутительное ли это дѣло что подлецы книгопродавцы обогащаются издавая книги, авторы которыхъ не получаютъ ни гроша, и что каждый презрѣнный наглецъ и отвратительная газета, настолько скверная и скотская что ни одинъ порядочный человѣкъ не захотѣлъ бы имѣть ее рогожкой для своей судомойки, могутъ невозбранно печатать чужія произведенія наряду съ самыми грубыми и срамными измышленіями, съ которыми они потомъ остаются на вѣки связанными въ памяти читателей... Кланусь небомъ что во мнѣ такъ кипитъ кровь, когда я подумаю объ этихъ нелѣпостяхъ, что я выростаю на двадцать футовъ и настолько же расширяюсь".

Будучи въ Италіи онъ написалъ одинъ изъ своихъ лучшихъ святочныхъ разказовъ: *The Chimes*. Какъ онъ вдался въ этотъ трудъ, доказываютъ слѣдующія строки:

„Я до смерти измучился работой за этотъ мѣсяцъ. Никого изъ моихъ обычныхъ помощниковъ не было у меня подъ рукою. Я не могъ отвлечься отъ этой исторіи, и это мѣшало мнѣ спать, и я такъ потрясенъ, разстроенъ и притомъ въ такомъ климатѣ что сдѣлался нервенъ какъ пьяница и угрюмъ какъ убійца."

Интересно отмѣтить участіе которое Диккенсъ выказывалъ къ молодымъ писателямъ, а также какіе искреніе и благотворные совѣты онъ умѣлъ имъ давать. Вотъ напримѣръ что̀ онъ писалъ одной молодой особѣ при ея первомъ сотрудничествѣ въ журналѣ *Household Words:*

„Я посвятилъ сегодня вечеромъ два часа на весьма тщательный просмотръ вашей рукописи (которую я уже прочелъ предъ тѣмъ) и сильно старался сократить ее и освѣтить, дабы дать ей тотъ родъ компактности къ которой меня постепенно пріучили продолжительное упражненіе въ

Digitized by Google

сочиненіи и дисциплинированіе мысли, то-есть изученіе искусства ставить, какъ будто въ полку ставить каждаго солдата на его настоящее мѣсто. Я полагаю что когда вы увидите ее въ печати, то не испугаетесь моей смѣлости въ обращеніи съ вычеркивательнымъ ножичкомъ. Я старался пользоваться имъ съ величайшею деликатностью и скромностью, и показать вамъ, какимъ образомъ этого рода писанія, особенно что̀ касается конца, должны быть сжимаемы (вѣдь нужно обратить вниманіе и на размѣръ журнала въ которомъ ваше сочиненіе появляется) и вслѣдствіе сокращенія становиться завлекательнѣе."

Въ 1868 году Дикксену предложили выступить кандидатомъ на выборахъ въ парламентъ отъ города Эдинбурга, а также и отъ Бирмингама, и вотъ что̀ онъ отвѣчалъ:

„Я очень привязанъ къ Эдинбуржцамъ. Вы полагаете (онъ пишетъ къ другу который ему сдѣлалъ это предложеніе) что если только моя душа не совершенно ненавидитъ парламентскіе вопросы, то мнѣ не слѣдовало бы теперь колебаться. Но мое убѣжденіе что я болѣе полезенъ и болѣе счастливъ въ тѣхъ условіяхъ въ которыхъ я нахожусь чѣмъ каковъ былъ бы въ парламентѣ не можетъ поколебаться; я уже думалъ объ этомъ нѣсколько недѣль тому назадъ когда получилъ приглашеніе отъ Бирмингамцевъ, и я тогда же отклонилъ это разъ навсегда."

V.

Мой садъ, его планъ и культура, Альфреда Сми. (*My Garden, its Plan and Culture.* By Alfred Smee.) Второе изданіе. *Альпійскіе цвѣты для англійскихъ садовъ*, В. Робинсона. *(Alpine Flowers for English Garden.* By W. Robinson.) Третье изданіе.

Трудно указать на страну гдѣ искусство разводить растенія достигло бы бо́льшаго совершенства чѣмъ въ Англіи. Кто хотя разъ былъ тамъ въ лучшіе мѣсяцы года, тотъ на всю свою жизнь запомнитъ это безконечное разнообразіе видовъ и колеровъ, эту неистощимую изобрѣтательность садовниковъ и садоводовъ, изящны-

Digitized by Google

ми стараніями которыхъ вся родина Шекспира обращается лѣтомъ въ непрерывный паркъ, въ безпредѣльное море цвѣтовъ и растеній. Это богатство гортикультуры въ Англіи особенно бросается въ глаза, когда въ яркій лѣтній день несешься на всѣхъ парахъ курьерскаго поѣзда, и когда словно въ волшебной сказкѣ предъ окномъ вагона то и дѣло что мелькаютъ сады, парки, гроты, садики, палисадники, мостики, клумбы, группы красивыхъ деревьевъ, и опять сады, опять парки. Въ Англіи всякій мало-мальски зажиточный фермеръ не умретъ безъ того чтобы не завѣщать своимъ преемникамъ изящно убраннаго клочка земли, и рѣдкая пара молодыхъ людей обвѣнчается не посадивъ двухъ молодыхъ деревьевъ въ ламать заключеннаго союза.

Англійскій вкусъ въ садоводствѣ несомнѣнно стоитъ значительно выше французскаго. Въ то время какъ „изящнѣйшій“ изъ королей, Людовикъ XIV, услаждалъ свой взоръ на выстроенныхъ эшелонами однообразно подстриженныхъ деревьяхъ, между которыми въ правильныхъ симметрическихъ фигурахъ (большею частью четыреугольникахъ) были раскинуты ковры разноцвѣтныхъ арабесокъ, простой ломѣщикъ какого-нибудь Ланкашира или Суссекса уже любилъ и понималъ природу настолько что предпочиталъ ея неприхотливую и свободную красу всякимъ геометрическимъ фигурамъ и вычурнымъ рисункамъ.

Уже Бекон говорилъ что его идеалъ—широкій лугъ вокругъ обнесеннаго рѣшеткой сада и дикая природа. Онъ не одобряетъ составленіе кружковъ и фигуръ изъ раскрашенной земли предъ домомъ, но въ самыхъ садахъ, обнесенныхъ живою изгородью съ идущими вдоль ея аллеями, онъ допускаетъ нѣкоторую пестроту цвѣтовъ. Уже въ тѣ времена разнообразіе цвѣтовъ разводимыхъ въ садахъ было очень велико. Ѳома Тусперъ, бывшій въ то время простымъ суффольскимъ фермеромъ, издалъ свое сочиненіе: *Правила для хозяйства* (*Points of husbandry*) въ 1557 году, и въ немъ даетъ длинный списокъ кухонныхъ травъ, саладовъ, лѣкарственныхъ растеній и цвѣтовъ „для оконъ и горшковъ.“ Въ своемъ *Описаніи Англіи*, впервые изданномъ въ 1577 году, Гаррисонъ говоритъ въ главѣ о садоводствѣ, описывая свою „маленькую земельку, на которую не много потрачено было денегъ“, что на ней растетъ у него иной разъ до 300 разновидностей одной

Digitized by Google

и той же породы, причемъ каждая изъ нихъ своего рода рѣдкость.

Въ старыя времена особенно славились въ Англіи два сада: Нонсёчскій и Кобгамскій. Въ Нонсёчѣ было много статуй и великолѣпный фонтанъ съ Діаной и Актеономъ; особенно же славились его сиреневые кусты. Про Кобгамъ свидѣтельствуютъ современники что тамъ можно было встрѣтить всевозможныя породы деревъ и разновидности цвѣтовъ.

Позднѣе славился садъ воинственнаго лорда Ферфакса. По свидѣтельству Андрея Марвелля, онъ былъ устроенъ въ видѣ крѣпости съ пятью бастіонами, между которыми „цвѣты стояли какъ на парадѣ расположенные по своимъ колерамъ. И каждый полкъ росъ по своему уставу: полкъ тюльпановъ, полкъ гвоздикъ и полкъ розъ."

Интересно слѣдующее предписаніе по садоводству, оставленное сэръ-Вильямомъ Темплемъ. Онъ говоритъ что „въ каждомъ саду слѣдуетъ позаботиться о четырехъ вещахъ: о цвѣтахъ, о плодахъ, о тѣни и о водѣ, и всякій садъ не обладающій этими четырьмя свойствами не можетъ претендовать на совершенство. Садъ долженъ прилегать къ лучшей части дома, такъ чтобы служить словно одною изъ его комнатъ. Часть вашего сада предъ самымъ домомъ должна быть партеромъ для цвѣтовъ и для газона окаймленнаго цвѣтами; или же, согласно послѣдней модѣ, онъ весь долженъ быть разбитъ на зеленыя лужайки и убитыя мелкимъ щебнемъ дорожки; сухость первыхъ слѣдуетъ умѣрять фонтанами, а однообразіе вторыхъ украшать статуями."

Такимъ образомъ мы видимъ что эти старые англійскіе сады не особенно отличались отъ французскаго стиля; оно и понятно, такъ какъ лучшіе сады Англіи, напримѣръ, садъ при замкѣ Левенсъ-Голлъ въ Вестморландѣ, разбиты были французскими садовниками, изъ коихъ знаменитѣйшій въ то время былъ Бомонъ. Правильность фигуръ и здѣсь была господствующею модой. Такъ во вторую эпоху замка Кобгамъ (исторія его сада особенно поучительна) предъ западною частью дома былъ посаженъ полукругъ деревьевъ, отъ котораго въ видѣ радіусовъ расходилось пять одинаковыхъ аллей. Поэтъ Попъ первый замѣтилъ страшное однообразіе въ такомъ расположеніи садовъ когда одна аллея правильно примыкаетъ къ другой, когда каждая часть

Digitized by Google

сада имѣетъ подобную себѣ на другой сторонѣ. Полъ постоянно настаивалъ что никогда не слѣдуетъ забывать природы и что всякій разбивающій садъ долженъ сначала сообразиться съ духомъ мѣстности (consult the genius of the place). Такъ онъ самъ принялся за дѣло въ своей виллѣ въ Твикенгамѣ: развелъ тамъ цвѣточныя клумбы, но оставилъ и холмики, откосы и различные coups d'oeils; насадилъ рощу кипарисовъ и устроилъ „гротъ изъ раковинъ, между которыми расположены были кусочки стекла угловатой формы."

Послѣ поворота, произведеннаго въ гортикультурѣ Поломъ пошла мода на парки. Высокія, сплоченныя въ группы деревья все ближе и ближе стали сажать къ дому, не раздѣляя ихъ классическимъ партеромъ. Окончательный поворотъ въ этомъ смыслѣ совершенъ былъ двумя извѣстными гортологами, Найтомъ и Прайсомъ. Ихъ идея состояла въ томъ чтобъ оставить природу совершенно безъ всякихъ искаженій: оставить ручей течь такъ какъ онъ течетъ не заковывая его въ отсѣченную по линейкѣ канаву, и позволить деревьямъ расти какъ имъ угодно, не подстригая ихъ до правильной формы.

Дальнѣйшее развитіе гортологіи въ Англіи состояло преимущественно въ усовершенствованіи техники цвѣтоводства и частнаго украшенія клумбъ. Леди Гранвиль, въ началѣ настоящаго столѣтія, въ своихъ садахъ въ Дролморѣ много сдѣлала на этомъ пути. Далеко не всѣхъ впрочемъ прельщаетъ эта система составленія живыхъ ковровъ и рисунковъ. Замѣчаютъ что еслибы прилаживаніе одного цвѣтка къ другому, одного колера къ сосѣднему колеру было само по себѣ красиво, то поэты не преминули бы воспѣть это новое проявленіе красоты, а между тѣмъ ни одинъ поэтъ не воспѣлъ еще этихъ искусно подобранныхъ клумбъ...

Digitized by Google

VI.

Новый романъ Анри Рошфора: *Бѣглецъ* (Henri Rochefort: *l'Evadé*, roman canaque. Paris G. Charpentier, éditeur, 1880).

Нить романа—исторія бѣгства нѣкоего вліятельнаго реслубликанца-коммунара, Данклада. Разказъ напоминаетъ своимъ внѣшнимъ характеромъ романы Февала и Понсонъ де-Терайля: такія же баснословныя приключенія, такія же невозможности, такія же внезапныя случайности, какъ нельзя лучше слагающіяся для героя и героини, а болѣе всего для автора. Словомъ цѣлый наборъ хитростей, обмановъ, коварствъ, недоразумѣній, загадокъ, убійствъ, любви, глупости, страданія и надеждъ съ присовокупленіемъ политическихъ идей автора.

Дѣйствіе происходитъ въ Новой Каледоніи, на томъ островѣ куда Французское правительство отправляетъ между прочихъ своихъ политическихъ и неполитическихъ преступниковъ. Романъ открывается описаніемъ этого острова.

„Италія имѣетъ видъ салога, а Каледонія похожа на голенище, она почти такъ же плодоносна какъ кусокъ кожи, что дѣлаетъ сравненіе есть больше вѣрнымъ. Много людей которые никогда ее не видали и которые конечно упали бы въ обморокъ отъ страха еслибъ предложили ихъ туда отправить, расписали ее какъ Эльдорадо. Тѣ которые впервые ее открыли, однакожь, не совсѣмъ придали ей это названіе. Капитанъ Кукъ, которому мы обязаны открытіемъ Каледоніи и который въ качествѣ Англичанина разумно предоставилъ пользованіе ею Франціи, такъ объ ней отзывается:

„Страна принимала все больше безплодный видъ по мѣрѣ на„шего приближенія къ берегу. Побережье было покрыто сухою „бѣловатою травой. Кое-гдѣ видѣлись холмы покрытые зе„ленью, рѣдкіе оазисы изъ которыхъ выступали стволы ба„нановъ и кокосовыхъ пальмъ. Внизу, у подошвы холмовъ, „видѣлись круглыя и коническія хижины на подобіе пчели„ныхъ ульевъ."

„Естествоиспытатель Ла-Бильйардьеръ, товарищъ Антрекасто говоритъ:

Digitized by Google

„Побужденіемъ жителей къ грабежу и насилію служилъ го„лодъ, и странно сказать про людоѣдовъ,—многіе изъ нихъ „чтобъ утолить свой голодъ ѣли большіе куски мягкой зеле„новатой и очень нѣжной глины. Эта пища умѣряетъ ихъ „голодъ, наполняя желудокъ и доставляя работу кишкамъ. „Хотя она не даетъ никакого питанія, она тѣмъ не менѣе „очень полезна для этихъ людей такъ часто принужденныхъ „къ долгимъ непроизвольнымъ постамъ, потому что они очень „мало занимаются воздѣлываніемъ земли, которая впрочемъ „очень безплодна."

„Двѣ страницы далѣе онъ продолжаетъ:

„Жители этихъ горъ живутъ въ величайшей нищетѣ. Они „всѣ отличались страшною худобой."

„До сихъ поръ о производительности почвы. Форстеръ, другой ученый сопровождавшій экспедицію Кука, разкажетъ намъ про прелести самихъ жителей:

„Они страдаютъ, говоритъ онъ, болѣзнями кожи. У нѣко„торыхъ были на тѣлѣ огромные наросты, большинство ко„торыхъ были твердые, морщинистые и покрытые чешуей. „Эти несоразмѣрныя утолщенія рукъ и ногъ повидимому не „очень ихъ безпокоятъ, и они рѣдко ощущаютъ боль. У нѣ„которыхъ однако были какія-то ссадины, и на нихъ образо„вались гнойные прыщи. Проказа, извѣстный видъ которой „именно и представляютъ эти ужасныя олухоли или *элефан„тіазисъ*, есть повидимому болѣзнь особенно свойственная „странамъ сухимъ и жаркимъ..."

Климатъ этого земнаго рая тоже не особенно прелестенъ. „Дождь идетъ тамъ непрерывно зимой, но никогда не идетъ „лѣтомъ, если только не считать за прохлажденіе дожди „кузнечиковъ по временамъ наполняющихъ воздухъ." Франція завладѣвая этимъ волканическимъ островомъ поспѣшила надѣлить его столицей, которую она могла бы назвать *Элефантіазополисомъ* и которую она назвала Нумеей. Хотя этотъ недоконченный городъ и представляетъ одни деревянные дома словно выстроенные изъ старыхъ бисквитныхъ ящиковъ, на углахъ его кривыхъ улицъ все-таки прибиты названія улицъ будто бы нарочно взятыя изъ *Собранія побѣдъ и завоеваній*. Улица *Магадоръ* тянущаяся вдоль рѣки внезапно пересѣкается улицей *Маджента*, которую раздѣляетъ улица *Севастопольская*, соединяющаяся съ *Avenue*

Digitized by Google

de l'Alma, не безъ того чтобы не перерѣзать улицу *Инкерманскую*. Все здѣсь дышетъ военщиной, отъ госпиталя до артиллерійской казармы, у которой не хватаетъ только пушекъ, и до пѣхотной казармы, у которой не достаетъ только пѣхотинцевъ.

„Окруженная холмами Нумея во время дождей служитъ сколицемъ воды, для того чтобы въ жаркую лору обратиться въ печку. Она страдаетъ недостаткомъ воды и если вы желаете оставить долгое воспоминаніе о себѣ въ сердцѣ жителя Нумеи, то не разоряйтесь на дорогіе подарки, а просто пошлите ему боченокъ свѣжей воды."

Среди такой-то обстановки разыгрывается описываемая драма. Въ Нумею пріѣзжаетъ корабль *Thisbé*. На немъ пріѣзжаетъ молодая дѣвушка, такая тонкая и гибкая что „ее можно продѣть черезъ петлю сѣтки". Ее зовутъ Арманда Алавайль. Вмѣстѣ съ матерью она отправилась къ своему отцу, ссыльному коммунару. Въ дорогѣ на кораблѣ умерла ея мать.

— Гдѣ же твоя мать? спросилъ Алавайль отецъ, лишь только увидѣлъ свою дочь. Арманда съ рыданіемъ бросилась на шею къ отцу.—Моя бѣдная жена, моя бѣдная Элиза! пролепеталъ онъ.—Вотъ по крайней мѣрѣ одна которая можетъ похвастаться тѣмъ что была несчастна!

Чтобы содержать себя какою-нибудь работой, Арманда рѣшается давать уроки. Она поступаетъ учительницей въ пансіонъ mademoiselle Фюмэ. Тамъ ее встрѣчаетъ человѣкъ выдающій себя за хорошаго знакомаго ея отца. Онъ заинтересованъ судьбой дѣвушки и подаетъ ей свою карточку. На ней написано: „Елеазаръ Рувіонъ, *agent de culture*". Объяснить этотъ чинъ отказывается самъ авторъ. „Страны эксцентрическія естественно порождаютъ и эксцентрическія профессіи. Профессія *agent de culture*, очень обыкновенная въ Новой Каледоніи, можетъ войти въ категорію неопредѣлимыхъ ремеслъ, такъ какъ въ подобныхъ тропическихъ странахъ единственная возможная культура—это культура рюмочки водки да стакана абсента на столахъ кофейнь. Но такъ какъ нѣтъ ничего непріятнѣе какъ оставить Францію ради избѣжанія преслѣдованій со стороны своихъ кредиторовъ, то нужно выдумать себѣ какой-нибудь титулъ для своей мнимой дѣятельности въ нашихъ океанскихъ владѣніяхъ. Титулъ *agent de culture* показался

Digitized by Google

довольно благозвучнымъ и его повсемѣстно приняли." Армада, ободренная вниманіемъ и значительностію этого господина, отправилась къ нему; Рувіонъ обѣщалъ ей содѣйствовать переселенію ея отца изъ полуострова Дюкосъ гдѣ онъ жилъ въ Нумею, и дѣвушка въ благодарности осыпала его поцѣлуями. На другой же день она написала губернатору просьбу. Но отвѣта все не приходило. Тогда Рувіонъ является къ содержательницѣ пансіона Mlle Фюмѣ надъ которою онъ имѣлъ какую-то магическую власть, убѣждаетъ ее давать Армандѣ по шестидесяти франковъ въ мѣсяцъ чтобъ ей можно было жить при отцѣ, къ которому онъ ее и отправляетъ, посылая ей въ догонку эффектное прощаніе рукой.

Въ этомъ мѣстѣ появляется на сцену лицо дополняющее роль Армады. То молодой красавецъ Данкладъ, республиканецъ, журналистъ и демагогъ.

Его привозятъ на транспортѣ *l'Héroine*, и поселяютъ тамъ же гдѣ поселены и прочіе ссыльные, на полуостровѣ Дюкосъ. Пріѣхавъ навѣстить своего отца, который тѣмъ временемъ заболѣлъ, Армада встрѣчаетъ Данклада. Ихъ свиданія долго происходили лишь у постели больнаго въ госпиталѣ.

Но старикъ выздоровѣлъ, и вотъ мы застаемъ общество за любимымъ и единственнымъ развлеченіемъ ссыльныхъ, за уженьемъ рыбъ. За этимъ занятіемъ молодые люди все болѣе и болѣе вглядываются въ другъ въ друга, и вотъ когда однажды во время сильнаго проливнаго дождя имъ пришлось искать убѣжища, они попали въ гротъ, гдѣ Данкладъ зажегъ костеръ чтобы согрѣть окоченѣвшую дѣвушку. Отецъ и его другъ Флориссанъ отстали отъ нихъ. Необычная обстановка произвела на обоихъ свое дѣйствіе. Данкладъ обнялъ Армаду и поцѣловалъ ее въ лобъ. Тутъ вошелъ отецъ и сцена любви не имѣла продолженія.

Съ той поры Армада по десяти разъ въ день говорила себѣ: „онъ меня любитъ, потому что онъ меня поцѣловалъ. и такъ какъ ему не было бы интереса меня цѣловать еслибъ онъ меня не любилъ".

Но Данкладъ ловиковался только „электрическому толчку" когда притянулъ къ своему сердцу Армаду, и рѣшился не очень-то поддаваться этой любви. „Но одиночество мать ощущеній." Послѣ этого замѣчанія авторъ преподаетъ слѣдующій совѣтъ прекрасному полу: „Если женщина желаетъ

Digitized by Google

завладѣть окончательно тѣмъ кого она любитъ, то пусть она постарается увезти его къ антилодамъ, вдали отъ конкурренціи и соперницы. При этихъ условіяхъ самая безобразная постоитъ за себя."

Но этимъ идиліямъ суждено было скоро прерваться. Арманда внезапно получаетъ письмо въ которомъ Рувіонъ зоветъ ее немедленно возвратиться въ Нумею, такъ какъ M-lle Фюмѝ не можетъ обойтись безъ нея въ своемъ пансіонѣ. Скрѣпя сердце дѣвушка вернулась. Когда ей стала очевидна невозможность дальнѣйшаго пребыванія съ отцомъ (M-lle Фюмѝ отказалась платить ей долѣе), она обратилась къ своему вѣрному совѣтнику. Тотъ предложилъ устроить все снова, но съ однимъ условіемъ—подсматривать за Данкладомъ. Нужно сказать что на Данклада смотрятъ какъ на самаго опаснаго изъ ссыльныхъ. Его сила краснорѣчія, его обширныя связи съ революціонною партіей и его громкая извѣстность въ этой средѣ заставляли бдительно надзирать за всѣми его поступками. И вотъ Рувіонъ предлагаетъ Армандѣ еженедѣльно посылать къ ея отцу партію древеснаго матеріала, посредствомъ котораго онъ, какъ бывшій мебельщикъ, будетъ продолжать свое ремесло, въ коемъ онъ очень искусенъ, и обѣщаетъ устроить ему вѣрный сбытъ. Такимъ образомъ онъ будетъ зарабатывать деньги, а Арманда еженедѣльно будетъ привозить его работу въ Нумею и навѣщать Рувіона. Все это онъ ей доставитъ лишь за то что она будетъ заглядывать въ тетради и письма Данклада и сообщать ему все что̀ она этимъ путемъ узнаетъ. Рувіонъ все время игралъ роль яраго реслубликанца и прикрываетъ свою хитрость желаніемъ ознакомиться съ мыслями такого замѣчательнаго человѣка какъ Данкладъ. Ничего не подозрѣвающая Арманда соглашается. Но лишь только она окончила свой разговоръ съ Рувіономъ какъ ее останавливаетъ неизвѣстный ей молодой человѣкъ.

— Не вы ли mademoiselle Алавайль?

— Я.

— И вы хорошо знаете этого господина съ которымъ вы только что разговаривали подъ верандой?

— Да, конечно, это г. Рувіонъ, старый другъ моего отца.

— Старый другъ вашего отца?... Вы меня удивляете.

— Почему же?

Digitized by Google

— Потому что это шліонъ....

Негодованіе Арманды выше описанія. Месть становится отнынѣ ея задачею. Она рѣшается сдѣлать видъ что служитъ Рувіону, но служить спасенію осужденныхъ. Она задумываетъ планъ бѣгства. Заводитъ сношенія съ австралійскимъ корсаромъ промышляющимъ торговлей Неграми. Ссыльные тайно строятъ лодку, и корсаръ обѣщаетъ ихъ принять на свой корабль чтобы доставить въ Сидней за 10.000 франковъ. Данкладъ надѣется достать эти деньги. Наступаетъ ночь побѣга. Старикъ Алавайль заболѣваетъ, и Данкладъ, рѣшившійся сначала остаться при немъ съ Армандой, уступаетъ просьбамъ дѣвушки, съ четырьмя другими ссыльными садится въ лодку. Но корсаръ ихъ обманулъ. Они гребутъ изъ послѣднихъ силъ, и не находятъ корабля. А лодка ихъ между тѣмъ начинаетъ течь. Въ тотъ моментъ когда они рѣшаются пристать къ берегу чтобы спасти свою жизнь ихъ настигаетъ береговая стража. Пять револьверовъ противъ пяти грудей. Но бѣглецы со словами „съ меня довольно“, бросаются въ воду. Данкладъ владаетъ въ забытье и просыпается среди четырехъ стѣнъ тюрьмы.

Дальнѣйшій разказъ вращается вокругъ второй попытки Армандой спасти Данклада. Такъ какъ смотрители знали что ничто не даетъ такого желанія вторично попробовать бѣгство какъ уже разъ испытанная неудача, то Данклада увезли обратно на полуостровъ Дюкосъ, а оставили въ Нумеѣ, въ тюрьмѣ. Между тѣмъ отецъ Армандой умеръ. Она должна была вернуться въ городъ, и поселилась у одной женщины, вблизи тюрьмы. Не смѣя подойти къ самому окну Данклада, Армандой блуждала въ окрестности, стараясь придумать способъ сообщаться со своимъ возлюбленнымъ. Вотъ она однажды видитъ маленькаго дикаря который сбивалъ стрѣлами кокосы и бананы съ деревьевъ. Мысль блеснула въ ея головѣ, она показала дикарю платокъ краснымъ кантикомъ и выменяла у него лукъ. Три недѣли училась она стрѣлять на дворѣ дома гдѣ она жила и ее уже начали считать за сумашедшую. Наконецъ она рѣшилась начать. Она написала въ 10 колiяхъ письмо къ Данклада съ извѣстіемъ что она возлѣ него, и вечеромъ помѣстилась на холмикѣ противъ окна тюрьмы. Она пустила всѣ свои 10 стрѣлъ, и не одна изъ нихъ не попала. Армандой была

Digitized by Google

отчаяніи. Продолжать попытку значило губить и себя и Данклада. И вотъ она дождалась когда снова пришелъ маленькій дикарь. Она принесла цѣлую коллекцію платковъ болѣе или менѣе окаймленныхъ. Показавъ ему всѣ эти платки она объяснила ему жестами что нужно стрѣлять въ окно, мальчикъ все это понялъ, но объяснить ему что это сдѣлать нужно вечеромъ, и именно въ 9 часовъ—она не могла. Тогда она рѣшилась на геройскій подвигъ: она осталась съ дикаремъ отъ полудня до вечера. Она повела его домой, кормила его разными сладостями, показывала ему картинки изъ Гулливера. Видъ великановъ и карликовъ воздѣйствовалъ на дикаря. Но онъ все-таки началъ скучать и показывалъ признаки желанія выскочить въ окошко. Тогда Армандa посадила его на плечи и начала прыгать съ нимъ по комнатѣ. Въ этихъ томительныхъ забавахъ прошелъ день. Вечеромъ она повела его на завѣтное мѣсто. Мальчикъ выстрѣлилъ—и стрѣла влетѣла въ окно минованъ его желѣзную рѣшетку. „Армандa, опьяненная радостью, подняла на руки дикаря и покрыла поцѣлуями его черную и чертовски грязную рожицу.“

Но войти въ сношенія не значитъ еще освободить. Армандa завязываетъ разговоръ съ однимъ молоденькимъ солдатомъ изъ числа стражи, который въ нее влюбляется и проситъ ея руки. Ловкими изворотами Армандa воспламеняетъ его воображеніе, называетъ Данклада своимъ братомъ и убѣждаетъ его что ихъ бракъ возможенъ только съ его согласія. Солдатикъ поддается на удочку, доставляетъ Данкладу военное платье и уговариваетъ его бѣжать, но Данкладъ спокойно ложится на свою постель и отвергаетъ помощь солдатика. Оказывается что въ его душѣ сомнѣнія. Сношенія сыщика Рувіона съ Армандой поселяютъ въ немъ убѣжденіе въ невѣрности послѣдней, и онъ уже думаетъ что болѣзнь ея отца въ самую рѣшительную минуту была только предлогомъ чтобы выдать ихъ стражѣ. Романическая сторона дѣла запутывается еще тѣмъ что Данкладъ, въ своей изобрѣтательности заключеннаго, разламываетъ стѣну своей камеры, и чрезъ отверстіе вставляетъ сфабрикованный имъ длинный шестъ, который проходитъ смежную съ нимъ пустую камеру и ударяется въ стѣну той комнаты гдѣ заключенъ актеръ Флориссанъ. Ударяя своимъ

Digitized by Google

шестомъ въ стѣну, положимъ, одинъ разъ, Данкладъ говорилъ Флориссану букву *a*; ударяя три раза—буква *c* и т. д. Этимъ способомъ онъ говоритъ Флориссану: „разрушьте стѣну“, Флориссанъ разрушаетъ стѣну, и въ одно прекрасное утро Данкладъ видитъ въ свое отверстіе какъ въ рамкѣ противоположнаго отверстія показывается физіономія Флориссана. Съ той поры у нихъ завязался разговоръ. Вскорѣ бесѣда зашла объ Армандѣ. Оказывается что легкомысленный Флориссанъ вообразилъ себѣ будто Армандa любитъ именно его. Данкладъ съ чувствомъ подстулающей къ нему бѣшеной ревности внимаетъ восторженнымъ похваламъ Армандѣ и планамъ будущаго счастія которые строитъ себѣ актеръ. Но тогда Данкладъ раскрываетъ ему глаза, говоритъ что такія же ласки она расточала и ему, и оба вмѣстѣ приходятъ къ заключенію что Армандa—простая кокетка, обманывавшая и Флориссана и Данклада и того молодевькаго солдата который былъ за нее.

Жажда свободы заставляетъ ихъ однако на досугѣ подумывать и о бѣгствѣ. Флориссанъ предлагаетъ слѣдующій планъ: выйти на плацъ предъ тюрьмой, держась за руки; стать предъ солдатами и произнесть имъ рѣчь, такую рѣчь (а за это ужь отвѣчалъ его сценическій талантъ) чтобы солдаты вмѣстѣ съ ними отправились во Францію. Второй планъ былъ еще проще этого. Вотъ какъ разказываетъ о немъ авторъ.

„Однажды вечеромъ, Флориссанъ съ сіяющимъ лицомъ подошелъ къ своему отверстію. Дѣло шло уже не о фантазіи, а о предпріятіи вполнѣ осуществимомъ. Идея была очень проста, а вмѣстѣ съ тѣмъ именно о ней-то ни Данкладъ ни онъ до сихъ поръ не подумали. Впрочемъ, вѣдь на простыхъ соображеніяхъ люди всегда останавливаются лишь подъ конецъ, и Флориссанъ привелъ яйцо Колумба и законъ тяготѣнія открытый Ньютономъ при видѣ упавшаго яблока. Паскаль тоже открылъ приложеніе ларя предъ горшкомъ, крышка котораго....

„— Посмотримъ вашу идею, прервалъ его Данкладъ.

„— Дѣло только въ томъ чтобъ устроить воздушный шаръ, объявилъ наивный изобрѣтатель.—Я его старательно буду прятать у себя подъ постелью до самаго часа наполненія его нагрѣтымъ воздухомъ, и мы поднимемся въ облака подъ носомъ у нашихъ удивленныхъ тюремщиковъ.“

Digitized by Google

Съ этого мѣста разказъ оживляется безпрестанною смѣной декорацій. Авторъ рисуетъ самыя необычайныя и неожиданныя положенія. Происшествій показано столько что не безъ труда можно передать ихъ вкратцѣ.

Неустрашимая Армандa создаетъ новый планъ спасенія Данклада. Такъ какъ онъ ей болѣе не вѣритъ, то она пишетъ ему письмо отъ имени нѣкоего Шоффа, того самаго политическаго преступника который нѣкогда сфабриковалъ лодку для ихъ перваго неудачнаго бѣгства. Ея письма на длинной ниточкѣ съ крыши впускаетъ въ окно Данклада все тотъ же молоденькій солдатъ Паскаль. По уговору, Данкладъ завертываетъ свои отвѣты въ шарики хлѣба, которые подхватываетъ собаченка Арманды и, прогоняемая штыками караульныхъ солдатъ, не проглотивъ его приноситъ къ своей госложѣ. Въ промежуточную камеру между Данкладомъ и Флориссаномъ сажаютъ одного дикаря, подъ предводительствомъ котораго туземцы съѣли капитана Губерта, торговавшаго невольниками, того самаго на корабль коего не попали бѣглецы при первой попыткѣ. Мать этого дикаря, Ратума, была невольницей у Рувіона и сдружилась съ Армандой. Желаніе освободить сына и жениха заставляетъ обѣихъ женщинъ войти въ сношенія. Армандa попадаетъ къ дикарямъ, соплеменникамъ Ратумы, и вмѣстѣ съ ними устраиваетъ побѣгъ заключенныхъ. Въ назначенный часъ, когда рѣшетки тюрьмы уже подпилены доставленными имъ инструментами, когда дикари укокошили уже обоихъ караульныхъ солдатъ, когда успѣхъ бѣгства повидимому обезпеченъ, оказывается что деревянныя колодки въ которыя закованъ дикарь не пролѣзаютъ въ окошко. Во время суетни солдатикъ Паскаль вбѣгаетъ въ тюрьму, желая вмѣстѣ со всѣми убѣжать въ Евролу, но увидя дикарей, не предупрежденный Армандой, кричитъ, и вотъ сбѣгается команда. Битва, суматоха, стоны. Данкладъ и Флориссанъ унесены дикарями. Предводитель дикарей убитъ. За бѣглецами погоня, перестрѣлка, жертвой падаетъ Флориссанъ. Данклада приводятъ въ деревню дикарей, а оттуда къ берегу Океана, затѣмъ сажаютъ на лодку и доставляютъ на бортъ англійскаго корабля *Ellena* который недавно потерпѣлъ крушеніе. На кораблѣ Данкладъ вмѣсто мнимаго Шоффа встрѣчаетъ свою Армандy: объятія, слезы радости и свадьба въ Сиднеѣ.

Digitized by Google

А молодой солдатикъ Паскаль, не успѣвшій убѣжать въ свою возлюбленную Савою, былъ награжденъ крестомъ Почетнаго Легіона, за то что „одинъ мужественно сражался противъ ворвавшихся въ тюрьму дикарей, и побѣжалъ позвать помощь лишь когда увидѣлъ что не въ силахъ одолѣть врага, каковымъ мужественнымъ поступкомъ и поддержалъ военную честь своего отечества.“

Герой и героиня уѣзжаютъ въ Европу. Они поселяются въ Женевѣ, сводятъ знакомство съ матерью молодаго Паскаля, живутъ счастливо и весело, и оставляютъ читателя повергнутымъ въ изумленіе, какимъ образомъ могла натворить столько чудесъ замѣчательная дѣвица, которая, по словамъ автора, была такъ худа что „ее можно было продѣть въ петлю рыболовной сѣти“...

Digitized by Google

ОТКРЫТІЕ ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ

Открытіе памятника Пушкину назначавшееся первоначально на день рожденія поэта, 26 мая, было, по случаю горестнаго событія облекшаго Россію въ трауръ, отсрочено и окончательно состоялось въ пятницу 6 іюня.

Наканунѣ въ залѣ Городской Думы, въ 2 часа пополудни, происходило подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго публичное засѣданіе Высочайше утвержденнаго Комитета по сооруженію памятника для пріема депутацій отъ разныхъ учрежденій и обществъ. Въ залѣ на высокомъ пирамидальномъ пьедесталѣ обтянутомъ синимъ сукномъ и перевитымъ бѣлыми атласными лентами былъ поставленъ громадный бюстъ Пушкина, эффектно выдѣлявшійся среди широколиственныхъ вѣтвей. Рядомъ со столомъ за которымъ сидѣли члены Комитета, на почетныхъ мѣстахъ помѣстились ближайшіе члены семьи покойнаго поэта: вторая дочь А. С. Пушкина, Наталья Але-

Digitized by Google

ксандровна графиня Меренбергъ, старшая дочь Марья Александровна Гартунгъ, вдова генералъ-майора, сынъ поэта Александръ Александровичъ Пушкинъ, командиръ Нарвскаго гусарскаго полка, и второй сынъ Григорій Александровичъ Пушкинъ, отставной военный, псковскій землевладѣлецъ. Въ пріемѣ участвовали депутаціи отъ Петербургскаго дворянства и городскаго управленія, отъ университетовъ, отъ Александровскаго Лицея гдѣ воспитывался Пушкинъ (депутація состояла изъ директора, инспектора и четырехъ воспитанниковъ), отъ Демидовскаго Юридическаго Лицея, отъ Лицея Цесаревича Николая, отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, отъ Инженерной Академіи, Общества Любителей Россійской Словесности, отъ Петербургскихъ педагогическихъ женскихъ курсовъ женскихъ гимназій, отъ Петербургскаго и Московскаго Юридическихъ Обществъ, отъ Общества Испытателей Природы, отъ московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, отъ Общества Любителей Естествознанія, отъ Общества Садоводства, отъ Петербургской драматической труппы и наконецъ отъ журналовъ и газетъ. По окончаніи пріема, членъ Комитета, академикъ Гротъ, сообщилъ о множествѣ привѣтствій полученныхъ по телеграфу и по почтѣ и въ заключеніе прочелъ историческій очеркъ сооруженія памятника.

Мысль о памятникѣ великому поэту возникла въ средѣ бывшихъ воспитанниковъ Царскосельскаго Лицея по поводу приготовленій, въ 1860 году, къ празднованію 50лѣтняго юбилея его, причемъ мѣсто будущему монументу предназначено было въ Царскомъ Селѣ, въ саду нѣкогда принадлежавшемъ Лицею. Сборъ пожертвованій по подпискѣ, съ Высочайшаго разрѣшенія тогда же открытый по представленію директора Лицея Н. И. Миллера, въ немногіе годы доставилъ 13.359 рублей.

Мало-по-малу однакоже притокъ пожертвованій сталъ оскудѣвать и вскорѣ совершенно прекратился. Въ такомъ положеніи было дѣло, когда на обычномъ лицейскомъ обѣдѣ 19 октября 1870 года одинъ изъ участниковъ его воспользовался случаемъ возобновить вопросъ о памятникѣ нашему поэту. Предложеніе это встрѣтило большое сочувствіе, и тутъ же, по мысли Я. К. Грота, задумано было учредить, для дальнѣйшаго веденія дѣла, комитетъ изъ воспитанниковъ первыхъ выпусковъ Лицея. По ходатайству Августѣй-

Digitized by Google

шаго Попечителя его, Е. И. В. Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, предположеніе удостоилось одобренія Государя Императора, и такимъ образомъ въ февралѣ 1871 года составился, подъ главнымъ вѣдѣніемъ Его Высочества, Комитетъ для сооруженія памятника Пушкину изъ семи бывшихъ воспитанниковъ Лицея.

20 марта 1871 года, Государь Императоръ по докладу Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, согласно съ ходатайствомъ Комитета, повелѣть соизволилъ: „чтобы памятникъ Пушкину поставленъ былъ не въ Царскомъ Селѣ, какъ прежде указано было, а въ Москвѣ, мѣстѣ рожденія поэта, гдѣ монументъ его получитъ вполнѣ національное значеніе“.

Прошло девять лѣтъ, и благая мысль получила нынѣ осуществленіе. Москва украсилась величественнымъ памятникомъ, поставленнымъ при концѣ Тверскаго Бульвара, лицомъ на площадь предъ Страстнымъ монастыремъ.

Торжество открытія, 6 іюня 1880 года, было торжествомъ, по истинѣ, народнымъ.

Въ началѣ 11 часа утра въ Страстномъ монастырѣ началось служеніе литургіи высокопреосвященнымъ митрополитомъ Макаріемъ, съ духовенствомъ. Послѣ литургіи и панихиды по Пушкинѣ, владыка митрополитъ произнесъ знаменательное слово, которое заключилъ слѣдующимъ обращеніемъ:

„Сыны Россіи! Посвящая нынѣ памятникъ знаменитѣйшему изъ нашихъ поэтовъ, какъ дань признательности къ его необыкновеннымъ талантамъ и необыкновеннымъ твореніямъ которыя онъ намъ оставилъ, можемъ ли удержаться чтобы не вознести живѣйшей, всенародной благодарности къ Тому Кто даровалъ намъ такого поэта, Кто надѣлилъ его такими талантами, Кто помогъ ему исполнить свое призваніе? А съ этою, столько естественною для насъ въ настоящія минуты, благодарностію можемъ ли не соединить и теплой молитвы отъ лица всей земли Русской, да посылаетъ ей Господь еще и еще геніальныхъ людей и великихъ дѣятелей, не на литературномъ только, но и на всѣхъ поприщахъ общественнаго и государственнаго служенія? Да украсится она, наша родная, во всѣхъ краяхъ своихъ достойными памятниками въ честь достойнѣйшихъ сыновъ своихъ.“

Между тѣмъ многочисленныя толпы народа и делутаты собирались на площадь предъ Страстнымъ монастыремъ.

Digitized by Google

Съ ранняго утра накрапывалъ небольшой дождикъ, небо было покрыто тучами. Но за полчаса до начала богослуженія погода разъяснилась. Кругомъ памятника красовалась гирлянда изъ зелени съ бѣлыми щитами, на которыхъ были начертаны наименованія главныхъ произведеній Пушкина. Правѣе памятника предъ церковью Дмитрія Селунскаго поставлена эстрада покрытая краснымъ сукномъ. Здѣсь должна была произойти передача памятника отъ Комитета по устройству его городскому управленію. На пути отъ Страстнаго монастыря къ памятнику, на протяженіи около 50 саженъ, шпалерами расположились городскіе цехи со своими значками, воспитанники гимназій и другихъ учебныхъ заведеній, а также многочисленные делутаты съ вѣнками въ рукахъ.

По всей площади отъ памятника до рельсовъ конной дороги виднѣлись флаги красные, бѣлые, синіе, на которыхъ золотыми буквами начертаны наименованія разныхъ учрежденій и обществъ прославшихъ делутаціи на празднество. Делутаціи помѣстились у этихъ знаменъ. Мѣста въ амфитеатрахъ устроенныхъ для публики вокругъ памятника были наполнены зрителями. За канатами, перейти которые допускались лишь лица принадлежавшія къ церемоніалу или снабженныя особыми билетами, массы народа; окна и крыши были усѣяны людьми.

Предъ самымъ окончаніемъ богослуженія, на площади предъ памятникомъ раздались звуки гимна *Коль славенъ*, и возвѣстили приближеніе торжественной минуты. Исполненіе оркестромъ этого гимна было подхвачено воспитанниками учебныхъ заведеній; оркестромъ и хоромъ дирижировалъ Н. Г. Рубинштейнъ.

И вотъ раздались звуки народнаго гимна, подхваченные толпой. На эстраду вступили Его Императорское Высочество Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій съ членами Комитета, въ сопровожденіи московскаго генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова, управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, статсъ-секретаря А. А. Сабурова, по особому Высочайшему повелѣнію прибывшаго въ Москву для участія въ торжествѣ, и другихъ высокопоставленныхъ лицъ, а также членовъ семейства великаго поэта. Членъ Высочайше утвержденнаго Комитета по сооруже-

Digitized by Google

нію памятника статсъ-секретарь Ѳ. П. Корниловъ произнесъ слѣдующія слова:

„Геній великаго Пушкина есть лучшее, прекраснѣйшее олицетвореніе русскаго народнаго духа и мысли. Заслуги Пушкина родному слову и права его на признательность потомства созданы не только Россіей, но и всѣмъ образованнымъ міромъ.

„Державный Вождь и Отецъ Русскаго народа, Государь Императоръ разрѣшилъ подписку на сооруженіе памятника народному поэту, и пожертвованія стеклись со всѣхъ концовъ обширной Россіи.

„Высочайше учрежденный подъ главнымъ наблюденіемъ Е. И. В. Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго Комитетъ потрудился съ любовью. Непосредственными исполнителями порученнаго Комитету дѣла были русскіе люди: ваятель, академикъ Олекушинъ, строитель академикъ Богомоловъ и мастеръ каменнаго дѣла Барминовъ.

„Нынѣ, представляя на судъ Россіи оконченный сооруженіемъ памятникъ, Комитетъ счастливъ что ввѣряетъ охраненіе этого народнаго достоянія заботливости городскаго управленія древлепрестольной Москвы златоверхой.

„Да здравствуетъ на многія лѣта Государь Императоръ, верховный Цѣнитель заслугъ русскихъ людей! Да процвѣтаетъ и благоденствуетъ Святая Русь и да множатся русскіе люди составляющіе славу и гордость своего отечества!“

Тотчасъ затѣмъ были сняты веревки съ парусинной пелены окутывавшей памятникъ; она заколебалась подъ вѣтромъ,— вся площадь замерла въ ожиданіи. И вотъ пелена падаетъ слерва къ ногамъ статуи поэта, потомъ совсѣмъ съ памятника... Какъ живой предсталъ столь знакомый по портретамъ и бюстамъ, дорогой, родной образъ поэта. Трудно передать впечатлѣніе овладѣвшее тогда всѣми. Звонъ колоколовъ, стройное пѣніе народнаго гимна, площадь покрытая разнообразными массами всякаго люда начиная отъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній, знамена, вѣнки перевитые лентами, и наконецъ эта чудная статуя,—все это представляло невообразимо очаровательное зрѣлище. Тутъ только можно было оцѣнить произведеніе Олекушина. Никакіе рисунки не могутъ дать понятія объ этомъ прекрасномъ, достойномъ Пушкина изваяніи...

За первою минутой общаго оцѣпенѣнія громкое *ура* огласило площадь.

Digitized by Google

Едва нѣсколько умолкла эта невольная овація, какъ статсъ-секретарь Корниловъ прочелъ актъ, подписанный Его Высочествомъ Принцемъ Петромъ Георгіевичемъ Ольденбургскимъ, имъ, Корниловымъ, и академикомъ Я. К. Гротомъ, о передачѣ памятника въ вѣдѣніе города Москвы. Городской голова, С. М. Третьяковъ, отвѣчалъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Отъ лица Московской Городской Думы имѣю счастіе выразить глубокую благодарность Вашему Императорскому Высочеству и Высочайше утвержденному Комитету за исходатайствованіе Державной воли воздвигнуть памятникъ А. С. Пушкину въ нашей древней столицѣ — мѣстѣ его рожденія. Принявъ памятникъ этотъ въ свое владѣніе, Москва будетъ хранить его какъ драгоцѣннѣйшее народное достояніе, и да воодушевляетъ изображеніе великаго поэта насъ и грядущія поколѣнія на все доброе, честное, славное!“

Августѣйшій Предсѣдатель бывшаго Комитета по сооруженію памятника, подойдя къ членамъ семьи великаго поэта, каждаго изъ нихъ поздравилъ въ отдѣльности. Затѣмъ Его Высочество въ сопровожденіи высокопоставленныхъ лицъ и семейства Пушкина обошли памятникъ.

На одной боковой сторонѣ пьедестала памятника начертано:

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой.
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ

а на противоположной сторонѣ:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ.

Въ это же время началось возложеніе вѣнковъ. Моментально часть пьедестала и все подножіе вокругъ памятника были покрыты массою вѣнковъ. Образовалась цѣлая гора. Участники церемоніала должны были спѣшить на торжественный актъ въ Университетѣ, а публика долго не расходилась, любуясь этимъ новымъ „народнымъ достояніемъ“.

Когда кончилось торжество, толпа хлынула къ памятнику и кинулась на вѣнки. Спѣшили сорвать кто лавровый, кто дубовый листокъ, кто цвѣтокъ съ вѣнка на память о торжествѣ. Много вѣнковъ такимъ образомъ было разобрано. По бульварамъ видѣли множество людей возвращающихся съ листьями и цвѣтами отъ вѣнковъ Пушкина.

Digitized by Google

Въ 2 часа пополудни послѣдовалъ торжественный актъ въ большой залѣ Московскаго Университета. Ректоръ Университета открылъ собраніе провозглашеніемъ состоявшагося избранія Университетомъ своими почетными членами академика Я. К. Грота, П. В. Анненкова, И. С. Тургенева. Затѣмъ ректоръ, въ довольно пространномъ сообщеніи, старался охарактеризовать значеніе творческой дѣятельности Пушкина.

Послѣ сообщенія ректора, на каѳедру вступилъ профессоръ русской исторіи г. Ключевскій. Ораторъ съ особеннымъ вниманіемъ остановился на *Евгеніи Онѣгинѣ*. Эта поэма, по мнѣнію профессора, громадная услуга оказанная великимъ поэтомъ русской исторіографіи.

Профессоръ Стороженко указалъ на вліяніе иностранныхъ писателей на литературную дѣятельность Пушкина.

Въ заключеніе акта ректоръ заявилъ что Университетомъ получена масса привѣтственныхъ телеграммъ. Онъ ограничился прочтеніемъ только одной полученной изъ Праги, гласившей что чешскіе художники и писатели, присоединяясь мысленно къ чествованію великаго славянскаго лѣвца, шлютъ свои привѣты.

Въ тотъ же день въ 5 часовъ въ залѣ Благороднаго Собранія былъ обѣдъ, данный городомъ въ честь прибывшихъ гостей. На обѣдѣ присутствовало болѣе двухсотъ лицъ обоего пола. Отъ имени города, по приглашенію и полномочію его представителей, говорили И. С. Аксаковъ и М. Н. Катковъ.

И. С. Аксаковъ произнесъ слѣдующую рѣчь, которая неоднократно прерывалась восклицаніями сочувствія:

„*Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой*, сказалъ Пушкинъ, не задолго до смерти, въ справедливомъ сознаніи свершеннаго имъ подвига. И со всей Руси великой, ото всѣхъ концовъ ея, съ верховныхъ высотъ власти и со всѣхъ общественныхъ ступеней, стеклись сюда вы, послы и представители всенароднаго мнѣнія, чтобы, предъ лицомъ всего міра, всею Россіей поклониться великому, воистину Русскому поэту. Не мѣсто и не время пускаться здѣсь въ разсужденія о правахъ Пушкина на такое высокое наименованіе. Да и нѣтъ въ томъ надобности. Настоящимъ торжествомъ, превзошедшимъ такіе неожиданные, небывалые размѣры, превысившіе всѣ первоначальныя программы, воочію, всевластно объявилось

Digitized by Google

дѣйствительное, доселѣ можетъ-быть многимъ сокрытое значеніе Пушкина для Русской земли. Длиненъ, мучителенъ Русскому народу былъ переходъ отъ эпическаго творчества къ высшимъ формамъ искусства. Долга была ночь отрицанія, лжи, умственнаго и духовнаго рабства... Будто днемъ озарило Россію поэзіей Пушкина, и оправдалась наша народность, по крайней мѣрѣ хоть въ сферѣ искусства. На немъ печать высшихъ даровъ нашего народнаго духа. Настоящее торжество— это побѣдное торжество впервые въ лицѣ Пушкина расторгшаго свой плѣнъ и воспарившаго смѣлымъ свободнымъ полетомъ народнаго поэтическаго генія. Настоящее торжество, это радостный благовѣстъ нашего мужающаго наконецъ самосознанія.

„Пушкинъ, это народность и просвѣщеніе; Пушкинъ, это залогъ чаемаго примиренія прошлаго съ настоящимъ, это звено органически связующее, хотя бы еще только въ области поэзіи, два періода нашей исторіи.

„Не случайно поэтому, а глубокій историческій смыслъ сказался въ томъ что именно въ Москвѣ, въ древней исторической столицѣ Русскаго народа, признаваемой и теперь средоточіемъ его духа, воздвиглась *мѣдная хвала* первому истинно русскому, истинно великому народному поэту.

„Не мало памятниковъ красуется у насъ въ Россіи прославленнымъ героямъ государственнаго и военнаго поприща прошлаго и нынѣшняго вѣковъ, но, повторяю я вмѣстѣ съ поэтомъ Языковымъ:

Но слава времени, когда
И мирный гражданинъ, подвижникъ незабвенный
На полѣ книжнаго труда
Вѣнчанный славою, и гордый воевода,
Герой счастливый на войнѣ,
Стоятъ торжественно, передъ лицомъ народа,
Уже на равной вышинѣ!

„Отъ имени Москвы, по уполномочію ея представителей, подымаю бокалъ—не въ память отъ насъ отшедшаго, но во славу неумирающаго, вѣчно живущаго межъ насъ поэта!“

М. Н. Катковъ сказалъ слѣдующее, также при изъявленіяхъ сочувствія:

„Почти наканунѣ нынѣшняго торжества открылось въ Петербургѣ Общество, которое поставило себѣ задачей изыскивать способы какъ бы предотвратить злую необходимость войны и водворить миръ на землѣ. Отдадимъ справедливость по крайней мѣрѣ добрымъ намѣреніямъ. Пожелаемъ чтобы по крайней мѣрѣ подолѣе длилось то состояніе перемирія въ которомъ державы находятся отъ войны до войны.

Digitized by Google

„Это случайное совладеніе да послужитъ добрымъ знаменіемъ на праздникѣ мира который оживилъ нашу Москву и привлекъ въ нее столько гостей.

„Если на полѣ битвы и смертельные враги, стоя въ одномъ ряду противъ общаго непріятеля, чувствуютъ заодно, мыслятъ согласно и дѣйствуютъ дружно, то неужели не должно имѣть такую же силу дѣло мирнаго торжества? Неужели общій непріятель можетъ лучше единить и дружить людей чѣмъ предметъ ихъ общей любви и общаго чествованія?

„На праздникѣ Пушкина, предъ его памятникомъ, собрались лица разныхъ мнѣній, быть-можетъ несогласныхъ, быть-можетъ непріязненныхъ. Вѣрно однако то что всѣ собрались добровольно, стало-быть съ искреннимъ желаніемъ почтить дорогую всѣмъ память.

„Я говорю подъ сѣнію памятника Пушкина, и надѣюсь что мое искреннее слово будетъ принято въ добромъ смыслѣ всѣми, всѣми безъ исключенія. Кто бы мы ни были, и откуда бы ни пришли, и какъ бы мы ни разнились во всемъ прочемъ, но въ этотъ день, на этомъ торжествѣ, мы всѣ, я надѣюсь, единомышленники и союзники. И кто знаетъ, быть-можетъ это минутное сближеніе послужитъ для многихъ залогомъ болѣе прочнаго сближенія въ будущемъ и поведетъ къ замиренію, по крайней мѣрѣ къ смягченію вражды между враждующими.

„Буду еще смѣлѣе. На русской почвѣ люди такъ же искренно желающіе добра какъ искренно сошлись мы всѣ на праздникъ Пушкина могутъ сталкиваться и враждовать между собою въ общемъ дѣлѣ только по недоразумѣнію. Къ сожалѣнію, недоразумѣнія составляютъ силу очень серіозную, которая не легко уступаетъ. Сила эта питается человѣческими слабостями, и изъ нихъ есть одна которая особенно плодитъ недоразумѣнія и вноситъ отраву во взаимныя отношенія людей.

„Всякій любитъ хорошее. Всякому пріятно чувствовать хорошее въ себѣ. Это очень естественно, но тутъ кроется опасность. Мы пріучаемся хорошее любить въ себѣ, а дурное не любить въ другихъ. Благодатный миръ водворился бы на землѣ, еслибы люди пріучились, напротивъ, хорошее любить болѣе въ другихъ, а дурное ненавидѣть въ себѣ.

„Не будемъ предаваться мечтамъ и утопіямъ, будемъ только надѣяться что сила свѣта возьметъ свое, и что все шире и шире будетъ становиться область въ которой люди разныхъ мнѣній могутъ сходиться мирно и даже дружно.

„Но на пиршествѣ которое Москва даетъ своимъ гостямъ собравшимся чествовать Пушкина слѣдуетъ дать слово самому виновнику торжества. Пусть самъ Пушкинъ провозгласитъ свой тостъ, на который никто не можетъ не откликнуться:

Digitized by Google

„Поднимемъ стаканы, содвинемъ ихъ разомъ!
Да здравствуютъ Музы, да здравствуетъ разумъ.
Ты, солнце святое, гори!
Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума,
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!“

Московскія Вѣдомости по случаю торжества 6 іюня выдали въ этотъ день особое прибавленіе посвященное памяти Пушкина, украшенное политипажами съ изображеніемъ памятника. Воспроизводимъ здѣсь вполнѣ текстъ прибавленія.

Digitized by Google

ПУШКИНЪ

6 ІЮНЯ 1880 ГОДА

ДЕНЬ ОТКРЫТІЯ ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ ВЪ МОСКВѢ

ГОРОДОКЪ.

(Поэту 15 лѣтъ.)

.....

Какъ знать, и мнѣ, быть-можетъ,
Печать свою наложитъ
Небесный Аполлонъ;
Сіяя горнимъ свѣтомъ,
Безтрепетнымъ полетомъ
Вздечу на Геликонъ.
Не весь я преданъ тѣнямъ:
Съ моей, быть-можетъ, тѣнью,
Полуночной порой,
Сынъ Феба молодой,
Мой правнукъ просвѣщенный,
Бесѣдовать прійдетъ
И мною вдохновенный,
На лирѣ воздохнетъ.

.....

(1814.)

Digitized by Google

МУЗА.

(Поэту 22 года.)

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила,
И семистольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой, и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустаго тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И лѣса мирныя Фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера, въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной;
И, радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ,
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

(5 апрѣля 1821.)

КЪ МОЕЙ ЧЕРНИЛИЦѢ.

(Поэту 22 года.)

. . . . . .
. . . . . .
Съ глупцовъ сорвавъ одежду,
Я весело клеймилъ
Зоила и невѣжду
Пятномъ твоихъ чернилъ....
Но ихъ не разводилъ
Ни тайной злости лѣной,
Ни ядомъ клеветы—
И сердца простоты
Ни лестью, ни измѣной
Не замарала ты.

(11 апрѣля 1821.)

РАЗГОВОРЪ КНИГОПРОДАВЦА СЪ ПОЭТОМЪ.

(Поэту 25 лѣтъ.)

Книгопродавецъ.

. . . . . .
Стишки любимца Музъ и Грацій
Мы вмигъ рублями замѣнимъ

Digitized by Google

И въ лукъ наличныхъ ассигнацій
Листочки ваши обратимъ.
О чемъ вздохнули такъ глубоко,
Нельзя ль узнать?

Поэтъ.

Я былъ далеко:
Я время то воспоминалъ
Когда, надеждами богатый,
Поэтъ безпечный, я писалъ
Изъ вдохновенья, не изъ платы.
Я видѣлъ вновь пріюты скалъ,
И темный кровъ уединенья,
Гдѣ я на лиръ воображенья,
Бывало, Музу призывалъ.
Тамъ слаще голосъ мой звучалъ;
Тамъ долѣ яркія видѣнья,
Съ неизъяснимою красой,
Вились, летали надо мной
Въ часы ночнаго вдохновенья.
Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шептали,
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава;
Въ ней грезы чудныя рождались;
Въ размѣры стройные стекались
Мои послушныя слова
И звонкой рифмой замыкались.
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйной,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря шумъ глухой,
Иль шепотъ рѣчки тихоструйной.
.....
Блаженъ, кто про себя таилъ

Digitized by Google

Души высокія созданья,
И отъ людей, какъ отъ могилъ,
Не ждалъ за чувство воздаянья!
Блаженъ, кто молча былъ поэтъ
И, терномъ славы неувитый,
Презрѣнной чернію забытый,
Безъ имени покинулъ свѣтъ!
Обманчивѣй и словъ надежды,
Что̀ слава? Шепотъ ли чтеца,
Гоненье ль низкаго невѣжды,
Иль восхищеніе глупца?

Книгопродавецъ.

.....

Хвала для васъ докучный звонъ;
Но сердце женщинъ славы проситъ:
Для нихъ пишите: ихъ умамъ
Пріятна лесть Анакреона;
Въ младыя лѣта розы намъ
Дороже лавровъ Геликона.

Поэтъ.

Самолюбивыя мечты,
Утѣхи юности безумной!
И я, средь бури жизни шумной,
Искалъ вниманья красоты.
Мои слова, мои напѣвы,
Коварной силой иногда
Смирять умѣли въ сердцѣ дѣвы
Волненье страха и стыда.
Глаза прелестные читали
Меня съ улыбкою любви;
Уста волшебныя шептали
Мнѣ звуки сладкіе мои:
Но полно, въ жертву имъ свободы
Мечтатель ужь не принесетъ;
Пускай ихъ юноша поетъ,
Любезный баловень природы.
Что̀ мнѣ до нихъ? Теперь въ глуши
Безмолвно жизнь моя несется;
Стихъ лиры вѣрной не коснется

Digitized by Google

Ихъ легкой, вѣтреной души;
Нечисто въ нихъ воображенье,
Не понимаетъ насъ око,
И, признакъ Бога—вдохновенье,
Для нихъ и чуждо, и смѣшно.
Когда на память мнѣ невольно
Придетъ внушенный ими стихъ,
Я содрогаюсь, сердцу больно,
Мнѣ стыдно идоловъ моихъ.
Къ чему несчастный я стремился?
Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдился?
Ахъ лира, лира! что же ты
Мое безумство разгласила?
Ахъ еслибъ Лета поглотила
Мои летучія мечты!
. . . . . .

(26 сентября 1824.)

19 ОКТЯБРЯ.

(Поэту 26 лѣтъ.)

. . . . . .
Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ,
Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомной,
Подъ бурею главой поникъ я томной,
И ждалъ тебя, вѣщунъ Пермесскихъ дѣвъ.
И ты пришелъ, сынъ лѣни вдохновенный,
О Дельвигъ мой! Твой голосъ пробудилъ
Сердечный жаръ, такъ долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословилъ.

Съ младенчества духъ лѣсенъ въ насъ горѣлъ
И дивное волненье мы познали;
Съ младенчества двѣ Музы къ намъ летали,
И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ.
Но я любилъ уже рукоплесканья,
Ты, гордый, лѣнь для Музъ и для души;
Свой даръ какъ жизнь я тратилъ безъ вниманья,
Ты геній свой воспитывалъ въ тиши.

Digitized by Google

Служенье Музъ не терпитъ суеты:
Прекрасное должно быть величаво;
Но юность намъ совѣтуетъ лукаво,
И шумныя насъ радуютъ мечты...
Опомнимся—но поздно! И уныло
Глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя тамъ.
.....

(1825.)

ПРОРОКЪ.

(Поэту 27 лѣтъ.)

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестокрылый Серафимъ
На перепутьи мнѣ явился;
Перстами легкими какъ сонъ
Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній Ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замерзшія мои
Вложилъ десницею кровавой;
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечомъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И уголь, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
„Возстань, пророкъ, и видь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей.“

(1826.)

Digitized by Google

ПОЭТЪ.

(Поэту 28 лѣтъ.)

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ.
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межь дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть-можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы;
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы.
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы.....

(1827.)

ВОСПОМИНАНІЕ.

(Поэту 29 лѣтъ.)

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмыя стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,
Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья:
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;
Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ.
И, съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,

Digitized by Google

И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

(19 мая 1828.)

ОСЕНЬ.

(Поэту 31 годъ.)

.....

Дни поздней осени бранятъ обыкновенно;
Но мнѣ она мила, читатель дорогой:
Красою тихою, блистающей смиренно,
Какъ нелюбимое дитя въ семьѣ родной,
Къ себѣ меня влечетъ. Сказать вамъ откровенно:
Изъ годовыхъ временъ я радъ лишь ей одной.
Въ ней много добраго, любовникъ не тщеславной,
Умѣлъ я отыскать мечтою своенравной.

Какъ это объяснить? мнѣ нравится она
Какъ, вѣроятно, вамъ чахоточная дѣва
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бѣдняжка клонится безъ ропота, безъ гнѣва,
Улыбка на устахъ увянувшихъ видна:
Могильной пропасти она не слышитъ зѣва,
Играетъ; на лицѣ еще багровый цвѣтъ,
Она жива еще сегодня—завтра нѣтъ.

Унылая пора, очей очарованье,
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса!
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецъ и въ золото одѣтые лѣса,
Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
И отдаленныя сѣдой зимы угрозы.

....

Ведутъ ко мнѣ коня; въ раздолiи открытомъ
Махая гривою, онъ всадника несетъ—
И звонко подъ его блистающимъ копытомъ
Звенитъ промерзлый долъ и трескается ледъ.
Но гаснетъ краткій день, а въ камелькѣ забытомъ
Огонь опять горитъ, то яркій свѣтъ лiетъ,
То тлѣетъ медленно; а я надъ нимъ читаю,
Иль думы долгія въ душѣ моей питаю.

Digitized by Google

И забываю міръ, и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
И пробуждается поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещетъ и звучитъ, и ищетъ, какъ во снѣ,
Излиться наконецъ свободнымъ проявленьемъ—
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.

И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И рифмы легкія на встрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ,
Минута—и стихи свободно потекутъ.
Такъ дремлетъ недвижимъ корабль въ недвижной влагѣ
Но чу.... матросы вдругъ кидаются, ползутъ
Вверхъ, внизъ—и паруса надулись вѣтра полны:
Громада двинулась и разсѣкаетъ волны.

(1830.)

ОТВѢТЪ АНОНИМУ.

(Поэту 31 годъ.)

.....

Вниманья слабаго предметъ уединенный,
Къ доброжелательству досель я не привыкъ—
И страненъ мнѣ его привѣтливый языкъ.
Смѣшенъ, участія кто требуетъ у свѣта!
Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра: если онъ
Глубоко выразитъ сердечный, тяжкій стонъ,
И выстраданный стихъ, пронзительно унылой,
Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой—
Она въ ладони бьетъ и хвалитъ, иль порой
Неблагосклонною киваетъ головой.
Постигнетъ ли лѣвца внезапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье—
„Тѣмъ лучше“, говорятъ любители искусствъ:
„Тѣмъ лучше! наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ
„И намъ ихъ передастъ.“ Но счастіе поэта
Межь ними не найдетъ сердечнаго привѣта,
Когда боязненно безмолвствуетъ оно....

(1830.)

Digitized by Google

ПОЭТУ.

(Поэту 31 годъ.)

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной;
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородной.

Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?

Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

(1 іюля 1830.)

КЛЕВЕТНИКАМЪ РОССІИ.

(Поэту 32 года.)

О чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? волненія Литвы?
Оставьте: это споръ Славянъ между собою,
Домашній старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою,
Вопросъ котораго не разрѣшите вы.
Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Не разъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый Ляхъ, иль вѣрный Россъ?
Славянскіе ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ?
Оно ль изсякнетъ?—вотъ вопросъ.

Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда!

Digitized by Google

Для васъ безмолвны Кремль и Прага,
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага—
И ненавидите вы насъ...
За что жъ? отвѣтствуйте: за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
За то ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?

Вы грозны на словахъ—попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постели,
Не въ силахъ завинтить свой Измаильскій штыкъ?
Иль русскаго Царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль Русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ Русская земля?
Такъ высылайтежъ намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди не чуждыхъ имъ гробовъ.

(2 августа 1831.)

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

(Поэту 32 года.)

Великій день Бородина
Мы братской тризной поминая
Твердили: „Шли же племена,
Бѣдой Россіи угрожая;
Не вся ль Европа тутъ была?
А чья звѣзда ее вела!...
Но стали мы лятою твердой
И грудью приняли напоръ

Digitized by Google

Племенъ, послушныхъ волѣ гордой,
И равенъ былъ неравный споръ."
.....
Въ боренье ладшій невредимъ;
Враговъ мы въ прахѣ не толтали;
Мы не наломимъ нынѣ имъ
Того что̀ старыя скрижали
Хранятъ въ преданіяхъ нѣмыхъ;
Мы не сожжемъ Варшавы ихъ;
Они народной Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица,
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры Русскаго пѣвца.

Но вы, мучители Палатъ,
Легкоязычные витіи,
Вы, черни бѣдственный набатъ,
Клеветники, враги Россіи!
Что̀ взяли вы?... Еще ли Россъ
Больной, разслабленный колоссъ?
Еще ли Сѣверная слава
Пустая притча, лживый сонъ?
Скажите: скоро ли Варшава
Предпишетъ гордый свой законъ?

Куда отдвинемъ строй твердынь?
За Бугъ, до Ворсклы, до Лимана?
За кѣмъ останется Волынь?
За кѣмъ наслѣдіе Богдана?
Признавъ мятежныя права,
Отъ насъ отторгнется ль Литва?
Нашъ Кіевъ дряхлый, златоглавый,
Сей прадуръ Русскихъ городовъ,
Сроднитъ ли съ буйною Варшавой
Святыню всѣхъ своихъ гробовъ?

Вашъ бурный шумъ и крилатый крикъ
Смутили ль Русскаго Владыку?
Скажите: кто главой поникъ?
Кому вѣнецъ: мечу или крику?
Сильна ли Русь? Война, и моръ,
И бунтъ, и внѣшнихъ бурь напоръ,

Digitized by Google

Ее, бѣснуясь, потрясали —
Смотрите жь: все стоитъ она!
А вкругъ нея волненья пали—
И Польши участь рѣшена!
.....

(1831).

ИЗЪ ЕВГЕНІЯ ОНѢГИНА.

(Повту 32 года.)

Въ тѣ дни, когда въ садахъ лицея
Я безмятежно разцвѣталъ,
Читалъ охотно Апулея
А Цицерона не читалъ,
Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ,
Весной, при кликахъ лебединыхъ
Близь водъ, сіявшихъ въ тишинѣ,
Являться Муза стала мнѣ.
Моя студенческая келья
Вдругъ озарилась: Муза въ ней
Открыла лиръ младыхъ затѣй,
Воспѣла дѣтскія веселья
И славу нашей старины
И сердца трепетные сны.

И свѣтъ ее улыбкой встрѣтилъ;
Услѣхъ насъ первый окрылилъ,
Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ.
.....
.....
.....
И я, въ законъ себѣ вмѣняя
Страстей единый произволъ,
Съ толпою чувства раздѣляя,
Я музу рѣзвую привелъ
На шумъ пировъ и буйныхъ споровъ,
Грозы полуночныхъ дозоровъ.
И къ нимъ въ безумные пиры
Она несла свои дары,
И какъ вакханочка рѣзвилась,
За чашей пѣла для гостей,

Digitized by Google

И молодежь минувшихъ дней
За нею буйно волочилась,
А я гордился межъ друзей
Подругой вѣтреной моей.

Но я отсталъ отъ ихъ союза
И вдаль бѣжалъ.... она за мной.
Какъ часто ласковая Муза
Мнѣ услаждала путь нѣмой
Волшебствомъ тайнаго разказа!
Какъ часто, по скаламъ Кавказа,
Она Леноpой, при лунѣ,
Со мной скакала на конѣ!
Какъ часто по брегамъ Тавриды
Она меня во мглѣ ночной
Водила слушать шумъ морской,
Немолчный шопотъ Нереиды,
Глубокій, вѣчный хоръ валовъ,
Хвалебный гимнъ Отцу міровъ.

(1831.)

МОЛИТВА.

(Поэту 37 лѣтъ.)

Отцы-пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь дальнихъ бурь и битвъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ.
Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
Какъ та которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные Великаго Поста;
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста
И падшаго свѣжитъ невѣдомою силой:
„Владыка дней моихъ! Духъ праздности унылой,
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже! прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи".

(22 іюля 1836.)

Digitized by Google

ПАМЯТНИКЪ.

(Поэту 37 лѣтъ.)

Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный;
Къ нему не заростетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Наполеонова столпа.

Нѣтъ! весь я не умру: душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ—
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ Славянъ, и Финъ, и нынѣ дикой
Тунгузъ, и другъ степей Калмыкъ.

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ,
И милость къ падшимъ призывалъ.

Велѣнью Божію, о Муза, будь послушна!
Обиды не страшись, не требуй и вѣнца;
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

(1836.)

МИТРОПОЛИТЪ ФИЛАРЕТЪ И ПУШКИНЪ.

Въ 1828 году, въ одно время съ приводимымъ выше стихотвореніемъ, подъ заглавіемъ *Воспоминаніе* (*Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день*), родилось у Пушкина другое:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?...

Digitized by Google

Цѣли нѣтъ передъ мною:
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

Митрополитъ Филаретъ такъ поправилъ это стихотвореніе порожденное унынiемъ:

Не напрасно, не случайно
Жизнь отъ Бога мнѣ дана,
Не безъ воли Бога тайной
И на казнь осуждена.

Самъ я своенравной властью
Зло изъ темныхъ бездвъ воззвалъ,
Самъ наполнилъ душу страстью,
Умъ—сомнѣньемъ взволновалъ.

Вспомнись мнѣ, забвенный мною!
Просiяй сквозь сумракъ думъ—
И созиждется Тобою
Сердце чисто, свѣтелъ умъ.

Отвѣтъ Пушкина:

Въ часы забавъ иль праздной скуки,
Бывало лирѣ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавый
Меня внезапно поражалъ.

Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.

И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.

Твоимъ огнемъ душа палима
Отвергла мракъ земныхъ суетъ
И внемлетъ арфѣ Серафима
Въ священномъ ужасѣ поетъ.

Digitized by Google

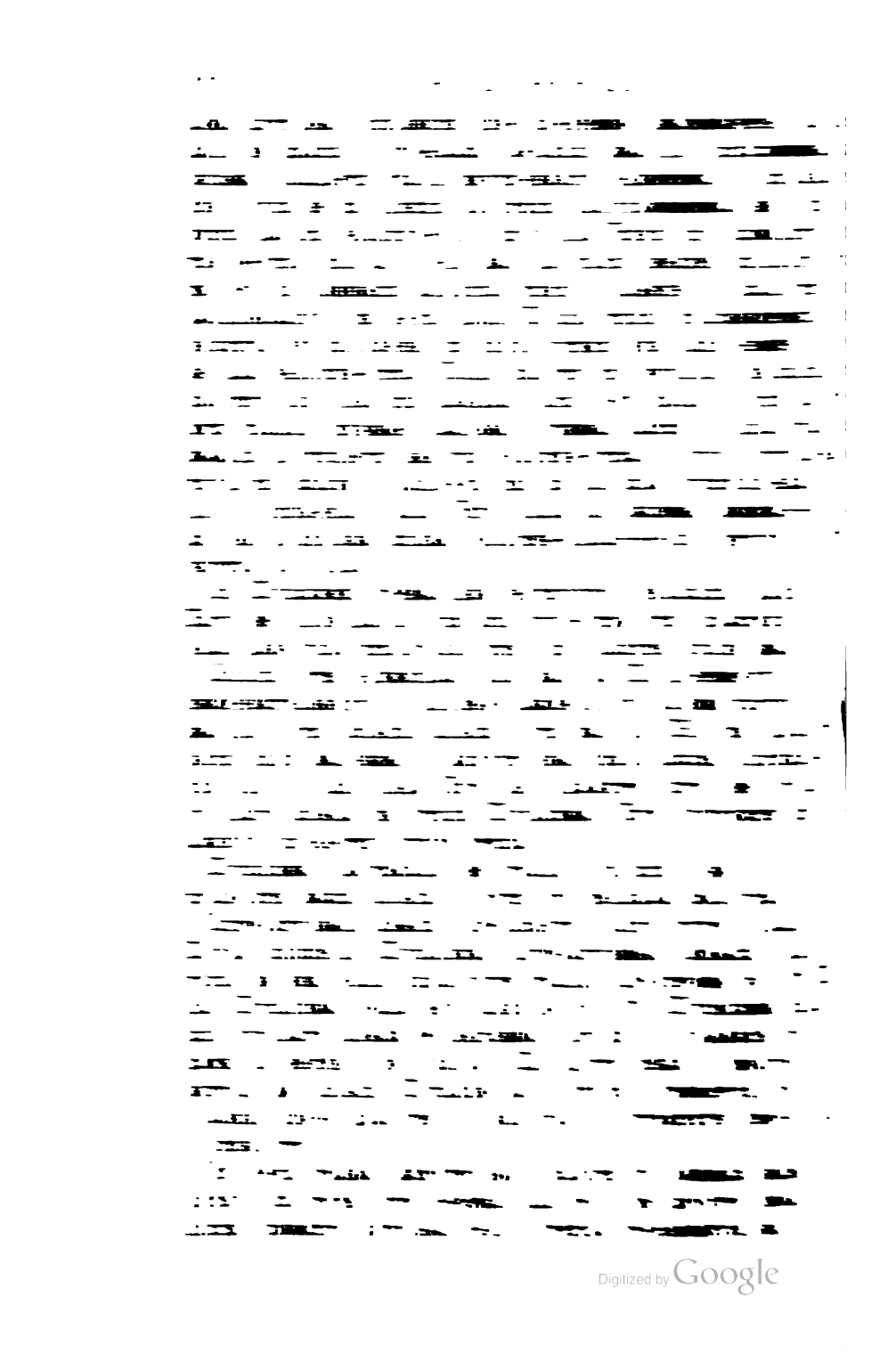
МОСКВА, 5 іюня.

Въ Москвѣ, на Красной Площади, высится памятникъ Минину и Пожарскому. Ихъ дѣяніе золотыми буквами вписано въ Русскую исторію, и воздвигнутый имъ памятникъ будитъ въ насъ высокое чувство народнаго самосознанія и вѣру въ Промыслъ управляющій судьбами нашего отечества. То было въ смутную пору нашей исторіи, слишкомъ три съ половиною вѣка назадъ. Прервалось преемство царскаго рода; власть, такъ тяжко собранная и возвеличенная, утратила свою святость, переходя изъ рукъ въ руки путемъ преступленій, обмана, измѣны. Государство зашаталось. Русская земля казалось погибала. Иноземный врагъ уже владѣлъ Москвою. И вотъ тутъ-то, на голосъ простаго человѣка изъ народа, возстала вся Русская земля. Все поднялось, все вооружилось; все несло достояніе и кровь свою за вѣру и отечество. Великое, безпримѣрное народное движеніе, исполненное силы и духа и вмѣстѣ смиренное духомъ, простое и некичливое въ своемъ величіи! Иноземный врагъ былъ посрамленъ и изгнанъ, крамола раздавлена, государство спасено, и верховная власть бережно и безъ ущерба передана избраннику всей земли Русской, родоначальнику новаго царствующаго дома, открывшаго новую эру въ исторіи нашего отечества. И вотъ, въ Москвѣ, колыбели русскаго единовластія, поставленъ памятникъ вождямъ свободнаго народнаго подъема, которымъ спасено было Русское государство и въ которомъ впервые сказалось несокрушимое единство нашего народа и его духъ воспитанный церковью.

Доселѣ этотъ памятникъ, на общественной площади, высился въ нашей старой Москвѣ одиноко. Теперь къ нему присоединяется другой, посвященный человѣку, не водившему въ бой народныхъ ополченій, но также народному двигателю, великому русскому народному поэту, какъ общій голосъ славитъ нашего Пушкина...

Жизнь народа и его призваніе не исчерпываются дѣломъ государственной нужды. Когда тѣло сложилось и окрѣпло, душа освобождается для самостоятельной жизни. Развитіемъ внѣшняго могущества и вооруженною силой еще не обезпечено существованіе народа, еще не доказано его право на существованіе. Бывали громады скрѣпленныя внѣшнею си-

Digitized by Google



Digitized by Google

другой языкъ; но каждое чувствуется имъ какъ нѣчто само по себѣ, какъ живое существо, имѣвшее свои судьбы и носящее на себѣ отпечатокъ всѣхъ сочетаній чрезъ которыя доводилось ему проходить. Въ этомъ тайна того очарованія которое художникъ извлекаетъ изъ языка, и вотъ почему произведеніе истинно творческаго дара только приблизительно можетъ быть передано на другой языкъ.

Пушкинъ имѣлъ право сказать что онъ былъ „полезенъ живою прелестью“ своего стиха. Это не суетная похвальба, но мудрое разумѣніе. Никто не принесъ столько истинной пользы русской народности какъ Пушкинъ въ то время когда Богъ судилъ ему жить, и его произведенія стоятъ многихъ выигранныхъ битвъ.

Мы гордимся нашимъ Пушкинымъ какъ великимъ поэтомъ. Его поэзія не есть только переходная ступень нашего образованія, не есть только историческій моментъ остающійся позади и внизу во мракѣ прошедшаго. Пушкинъ стоитъ на высотѣ всемірнаго значенія. Русскій народный поэтъ, онъ имѣетъ полное право на почетное мѣсто въ пантеонѣ всѣхъ временъ и народовъ. На произведеніяхъ его зрѣлой поры лежитъ печать совершенства. Это міръ творчества, самородный и самобытный, какъ по веществу такъ и по образу.

Онъ рано почувствовалъ свое призваніе. Еще въ дѣтствѣ мечталъ онъ о высотѣ куда влекла его невѣдомая сила. Въ лепетѣ пятнадцатилѣтняго мальчика уже слышится предчувствіе нерукотворнаго памятника на которомъ успокоился его духъ предъ концомъ земнаго поприща. Отъ дѣтскаго лепета до строгой и величавой думы на краю могилы протекло лишь двадцать два года.

Мы чествуемъ въ Пушкинѣ даръ Божій; но должны чествовать въ немъ и человѣка, за то что онъ, при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ воспитанія и среды, не заглушилъ въ себѣ Божьяго дара и не солгалъ предъ своимъ призваніемъ. Какъ и всѣ въ то время, онъ учился „чему-нибудь и какъ-нибудь“. Изъ своего воспитанія онъ вынесъ только знаніе французскаго языка, безтолковую начитанность во французскихъ авторахъ прошлаго вѣка наполнявшихъ библіотеку отца, да еще сказки своей няни. Онъ самъ изобразилъ намъ ничтожество среды которая потомъ держала его въ своихъ оковахъ. Лишь одна была у него опора, одно спасеніе—его божественный даръ, его геній, который питалъ и направлялъ его,

Digitized by Google

и былъ его карающею совѣстью когда легкомысліе и грубая чувственность овладѣвали его воображеніемъ. Совѣсть художника спасала въ немъ и человѣка. Онъ обязанъ ей перлами своей поэзіи, и она же поднимала его нравственно. Онъ глубоко чувствовалъ двойство въ себѣ, — и свое ничтожество и высоту своего дара,—и правдивый стихъ его запечатлѣлъ это чувство. Въ тѣ минуты когда „божественный глаголъ“ касался его чуткаго слуха, совершалось его воспитаніе и созрѣваніе, и онъ, со своего Синая, возвращался каждый разъ съ новыми лучшими силами. Мысль его возвышалась и умудрялась; душа освобождалась отъ оковъ „хладнаго ска“. Божественный гость его души, будившій ее мгновенными посѣщеніями, наконецъ водворился въ ней хозяиномъ. Только природныя черты напоминаютъ въ его музѣ прежнюю рѣзвую вакханку. Одухотворенный ликъ ея прекрасенъ, но задумчивъ и важенъ. Съ поэтомъ какъ бы наяву совершилось то что онъ повѣствуетъ яркими библейскими образами въ своемъ *Пророкѣ*. Серафимъ „перстами легкими какъ сонъ“ коснулся его зѣницъ и слуха.

Но онъ до конца оставался вѣренъ особенности своего дара. Онъ не берется не за свое, онъ не философствуетъ, не проповѣдуетъ. Его мудрость вся въ образахъ его ясновидѣнія. Все у него до безконечности индивидуально. У него нѣтъ общихъ мѣстъ, нѣтъ голословныхъ мыслей, которыя пріискиваютъ себѣ приличную форму. Все у него, какъ у истиннаго художника, идетъ снизу вѣ верхъ и находитъ свою идею въ своемъ внутреннемъ просвѣтлѣніи. Все у него пережито въ сердцѣ или въ воображеніи, и все говоритъ прямо живому чувству.

Но чѣмъ выше поднимался его геній, чѣмъ зрѣлѣе становилась его муза, тѣмъ менѣе сочувствія находилъ онъ въ окружающей средѣ. Славу ему между современниками доставили его молодыя произведенія, но уже начиная съ *Полтавы* Пушкинъ падалъ въ ихъ мнѣніи. *Борисъ Годуновъ* былъ оцѣненъ лишь немногими, и то отчасти, и наша критика не посмѣла ставить его на ряду съ произведеніями иностранныхъ мастеровъ. Восьмая пѣснь *Онѣгина* навлекла на него упреки даже философствующей критики послѣдующаго времени, которая осталась недовольна поэтомъ за то что онъ не пустилъ свою героиню по всѣмъ по тремъ разнузданной страсти. Вся создан-

Digitized by Google

ная изъ родныхъ намъ стихій, въ живой обстановкѣ уже уходящаго, уже ушедшаго быта, плоть отъ плоти нашей, типически русское, милое женское существо, съ искреннимъ сердцемъ и лукавымъ воображеніемъ, Татьяна не умѣла сдержать своихъ порывовъ предъ приличіями, но остановилась непреклонно предъ святынею долга. Критика вмѣнила эту черту въ вину поэту.

Какъ высоко, въ числѣ немногихъ, стоялъ этотъ человѣкъ, воспитанный своимъ геніемъ, надъ общимъ умственнымъ уровнемъ! Онъ чувствовалъ возраставшее охлажденіе къ нему публики, ему были досадны пересуды глупцовъ; но онъ ни разу не впалъ въ искушеніе и не унизилъ себя исканіемъ популярности. Онъ оставался въ одиночествѣ на своей высотѣ, не смущаемый ни хвалами, ни бранью. Благо тому кто испыталъ это священное одиночество! Благо тому кто на высотѣ своего дѣла, при исполненіи своего долга, остается наединѣ со своею совѣстью! „Ты царь, живи одинъ", говорилъ себѣ Пушкинъ, и въ этомъ не гордость сказалась, но покорность высшему что̀ есть въ человѣкѣ, тому божественному что̀ слышится во глубинѣ человѣческой совѣсти, при какомъ бы то ни было дѣлѣ. Да будетъ и въ этомъ нашъ великій писатель руководящимъ образцомъ и для нынѣшняго и для будущихъ поколѣній! Кто не испыталъ этого высокаго чувства независимости мысли не покорной ничему кромѣ долга, тотъ не знаетъ лучшаго что̀ дано испытать человѣку и чего не можетъ замѣнить никакое ослѣпленіе тщеславія. Кто не ищетъ любви народной какъ Пушкинъ *(Поэтъ, не дорожи любовію народной)*, кто остается послушенъ лишь велѣнію Бога *(Вельнью Божію, о Муза, будь послушна)*, тотъ только пріобрѣтаетъ право на истинную любовь народную. Только то дѣло и прочно, и свято, и плодотворно, которое задумано и исполнено человѣкомъ наединѣ со своею совѣстію.

Не изъ среды которою Пушкинъ былъ окруженъ, но изъ своихъ вдохновеній вынесъ онъ и глубокое народное русское чувство, и свой историческій смыслъ, и свою вѣру въ назначеніе Русскаго народа. Въ поэзіи Пушкина найдемъ мы источники чистѣйшаго патріотизма. Его *Полтава*, его *Борисъ Годуновъ*, съ сыновнимъ чувствомъ посвященный имъ памяти Карамзина, впервые раскрывшаго книгу нашего про-

Digitized by Google

шедшаго, — всѣ обращенія Пушкина къ Петру Великому, его обращеніе *Къ клеветникамъ Россіи*, его мощный дифирамбъ на Бородинскую годовщину, свидѣтельствуютъ о глубинѣ его народнаго чувства и о силѣ его патріотизма просвѣщеннаго и возвышеннаго. Пушкинъ не былъ ни публицистомъ, ни ораторомъ, да такихъ людей въ тѣ времена и не водилось на Руси; но прочтите строки, которыя выше нами поставлены, прочтите его отповѣдь враждебной намъ Европѣ. Эти патріотическія пѣснопѣнія вызваны событіями 1831 года и относятся къ вопросу величайшей для Россіи важности. Не говоримъ: какая сила слова, но какая сила гражданскаго чувства и ясность политическаго разума! Протекло тридцать лѣтъ, и возникъ тотъ же вопросъ,—но въ какомъ состояніи застигнута имъ наша литература, которая тогда получила уже голосъ и пустилась въ политику? Наша литература занималась тогда поруганіемъ и самого Пушкина, и всего что̀ дорого русскому чувству и просвѣщенному уму; она старалась превзойти самихъ враговъ нашихъ въ клеветѣ на свою страну...

У насъ теперь все толкуютъ о политическихъ партіяхъ. Не принадлежалъ ли и Пушкинъ къ какой-либо партіи? Да, принадлежалъ. Воздавая хвалу Петру Великому, Пушкинъ цѣнитъ въ Преобразователѣ особенно то что онъ не презиралъ своей страны и вѣрилъ въ ея предназначеніе.... „Предназначеніе Русскаго народа“, это сказано Пушкинымъ.

Самодержавною рукой
Онъ (Петръ) смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной,
Онъ зналъ ея предназначенье.

Кто изъ этихъ словъ не узнаетъ партіи къ которой принадлежалъ Пушкинъ? Онъ принадлежалъ къ *Русской партіи*. Самое слово *Русская партія* есть слово Пушкина. Передавая, въ своемъ *Современникѣ*, записки Моро де-Бразе, иностранца служившаго въ войскахъ Петра Великаго, Пушкинъ останавливается на сѣтованіи этого авантюриста, который упрекалъ русскаго царя въ пристрастіи къ Русскимъ, и дѣлаетъ такое примѣчаніе:

„Благодаримъ нашего автора за драгоцѣнное показаніе. Намъ пріятно видѣть удостовѣреніе даже отъ иностранца

Digitized by Google

что Петръ Великій и фельдмаршалъ Шереметевъ принадлежали къ партіи *Русской*."

Смерть постигла Пушкина на высотѣ его творчества, въ полнотѣ его силъ. Жизнь его не кончилась: она была прервана, какъ прерывается музыка, когда порвется струна. Возблагодаримъ Бога за то что̀ было намъ дано въ немъ и не будемъ роптать на его преждевременный конецъ, не будемъ напрягать мечту гаданьемъ что̀ могъ бы еще создать его геній. Намъ есть чѣмъ довольствоваться и не выходя изъ предѣловъ даннаго. Судьба нашего поэта прообразовательно сказалась и въ самомъ характерѣ его творчества. Многія изъ его превосходнѣйшихъ произведеній имѣютъ видъ какъ бы прерваннаго развитія, хотя каждое представляетъ собою цѣльный моментъ. Въ этой характеристической чертѣ выразилась быть-можетъ особенность Пушкинскаго генія. Онъ не выводитъ одно изъ другаго; онъ изображаетъ во всей художественной правдѣ отдѣльный моментъ не переходя изъ него въ другой. Даже обширнѣйшія и наиболѣе цѣльныя произведенія Пушкина представляютъ собою рядъ отдѣльныхъ моментовъ, слѣдующихъ не столько одинъ изъ другаго сколько одинъ за другимъ. Но за то какая цѣльность и докончennость изображенія въ самыхъ на видъ отрывочныхъ произведеніяхъ!

Пушкинъ палъ въ бою чести, жертвой свѣтскихъ интригъ. Когда онъ палъ сраженный на смерть, еще страсть кипѣла въ немъ и рука искала противника. Но вскорѣ спокойствіе водворилось въ его душѣ. Два дня предсмертныхъ страданій были его духовнымъ торжествомъ. Разказы очевидцевъ, заслуживающихъ полнаго довѣрія, какъ Жуковскій, Даль и другіе, свидѣтельствуютъ всѣми подробностями о нравственной высотѣ человѣка. Испытаніе смерти оправдало и объяснило его. Онъ умеръ истиннымъ христіаниномъ, со всѣми примиренный и всѣмъ простившій. Его послѣднія минуты открыли для всѣхъ тайну того великаго что̀ всѣми въ немъ чувствовалось и за что̀ его нынѣ чествуютъ.

Digitized by Google

ИЗЪ *РУССКАГО ВѢСТНИКА* 1856 ГОДА.

....Въ поэтическомъ словѣ Пушкина пришли къ окончательному равновѣсію всѣ стихіи русской рѣчи. То что̀ теперь называемъ мы Русскимъ языкомъ есть плодъ продолжительнаго и труднаго развитія. Изящество рѣчи Пушкина вышло не изъ хаоса. Хаосъ прекратился до него, и уже до него возникъ стройный и правильный порядокъ. Но въ произведеніяхъ нашего поэта окончилось развитіе этого порядка; въ нихъ наконецъ успокоился внутренній трудъ образованія языка; въ Пушкинѣ творческая мысль заключила рядъ своихъ завоеваній въ этой области, раздѣлалась съ нею и освободилась для новыхъ задачъ, для иной дѣятельности. Настоящій Русскій языкъ есть уже языкъ совершенно создавшійся, принявшій всѣ впечатлѣнія образующей силы и дающій полную возможность для всякаго умственнаго развитія. Великое дѣло въ жизни народа установившійся литературный языкъ. Ничѣмъ такъ не скрѣпляется народное единство какъ образованіемъ литературнаго языка. Пока еще шло это дѣло образованія, мы въ семьѣ историческихъ народовъ казались отсталыми, были робкими учениками и подражателями. Когда дѣло это совершилось, русская мысль находитъ въ себѣ внутреннюю силу для оригинальнаго живаго движенія, и народная физіономія выясняется изъ тумана. Пушкинъ имѣлъ полное право сказать о себѣ:

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ Славянъ, и Финнъ, и нынѣ дикой
Тунгузъ, и другъ степей Калмыкъ.

Отрывки разнообразныхъ племенъ населяющихъ наше отечество должны подчиниться русской народности какъ подчинены они теперь Россійскому Государству. Для этихъ племенъ русская народность есть единственный путь къ человѣческому образованію, и они „назовутъ имя Пушкина“.

Первый и главный признакъ полнаго равновѣсія, въ какое поэзія Пушкина привела всѣ стихіи Русской рѣчи, видимъ мы въ совершенной свободѣ ея движеній. Въ ней не осталось и слѣда той дикой застѣнчивости, съ какою речевія и формы различныхъ слоевъ языка отказывались бывало вступать въ

Digitized by Google

близкую связь и служить выраженіемъ одной и той же мысли. Нѣтъ болѣе общихъ и внѣшнихъ предназначенныхъ для мысли стилей; мысль можетъ соединять въ себѣ самые противоположные оттѣнки языка, создавать свой собственный слогъ, запечатлѣнный ея внутреннимъ свойствомъ, ея особеннымъ тиломъ. Такое движеніе мысли ло всѣмъ слоямъ языка съ равною легкостью доказываетъ что борьба между стихіями языка прекратилась, что всякая напряженность въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ исчезла, что все разнородное совмѣстилось, и что настала пора внутренняго развитія мысли которому языкъ служитъ только органомъ не занимая, не развлекая, не стѣсняя ея своею неурядицей.

У Пушкина впервые легко и непринужденно сошлись въ одну рѣчь и церковно-славянская форма, и народное реченіе, и реченіе этимологически чуждое, но усвоенное мыслію какъ ея собственное, не одному языку исключительно не принадлежащее и всѣми языками равно признанное выраженіе.

Благодаря освобожденію своему отъ разнородныхъ стихій языка, мысль получаетъ возможность пользоваться особенностію каждаго реченія и каждаго оборота рѣчи, и вслѣдствіе того становится способною сохранять въ выраженіи всю оригинальность и жизненность своего развитія, отлечатлѣваясь всѣми своими сторонами и вызывая всѣ сродныя ей настроенія распространяющія ея дѣйствія до глубины души. Въ этомъ состоитъ свойство поэтической рѣчи которая въ своемъ теченіи касается множества струнъ, пробуждаетъ тысячу ощущеній, мѣрно смѣняющихъ одно другое, и своею послѣдовательностію или своимъ совокупнымъ влечатлѣніемъ выражающихъ поэтическую мысль.

Благодаря установившейся организаціи языка, въ немъ внятно слышится живая сила его духа, и творческая мысль пріобрѣтаетъ возможность сознательно договаривать то что еще не вполнѣ высказалось въ языкѣ, создавать обороты и реченія которыя таятся въ началахъ и ждутъ только движенія сродной имъ мысли. Инстинктъ языка становится сознательною силой.

Отъ того-то такъ радостно и весело раздались пѣсни Пушкина. Съ неописаннымъ восторгомъ внимали всѣ этому потоку свободныхъ, легкихъ и сладкихъ звуковъ. Въ нашей литературѣ дохнуло тогда весной. Какъ все пробудилось, какъ все закипѣло, какъ все обрадовалось жизни!

Digitized by Google

Въ этихъ свѣжихъ весеннихъ лѣсахъ впервые заговорила по-русски самородная и чистая поэзія. Если стихъ Пушкина такъ разительно отличается отъ явленій предшествовавшаго времени по отношенію къ языку; то еще болѣе отличается онъ отъ нихъ по характеру мысли и изображеній.

Попробуемъ, путемъ тщательнаго анализа, показать силу этого различія и тѣмъ пояснить себѣ въ живомъ примѣрѣ сущность художественнаго начала.

Случалось ли вамъ испытывать то тягостное состояніе когда сердце упорно безмолвствуетъ на призывъ когда-то милый, когда-то всевластный? то состояніе мучительной борьбы между дорогимъ воспоминаніемъ, между требованіемъ сердечной совѣсти, и безсиліемъ сердца отвѣчать живымъ біеніемъ на это требованіе, почувствовать въ настоящемъ то что прошло для него невозвратно и утратило живую связь съ нимъ? Былое просится къ намъ въ душу, но пути его заросли и забыты, и призывный голосъ будитъ только воспоминаніе, и слезами нашими искренно плачетъ только жалость что сердце не хочетъ плакать? Вотъ случай жизни. Является поэтъ, и эту исповѣдь сердца возводитъ онъ до общаго сознанія; темное и глухое дѣло жизни становится свободнымъ представленіемъ. Онъ находитъ средство такъ выразить особый случай жизни что въ душѣ каждаго произойдетъ подобіе такого состоянія. Можно было бы высказать это явленіе души какъ общій фактъ, можно было бы сказать, какъ сказано нами выше, что то то и такъ то бываетъ. Но Пушкинъ беретъ одинъ случай изъ жизни, и изображая его высказываетъ тѣмъ самымъ общій смыслъ этого явленія:

Подъ небомъ голубымъ страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла наконецъ, и вѣрно надо мной
Младая, тѣнь уже летала;
Но непреступная черта межъ нами есть.
Напрасно чувство возбуждалъ я:
Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть,
И равнодушно ей внималъ я.
Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой,
Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!
Гдѣ муки, гдѣ любовь? увы, въ душѣ моей
Для бѣдной, легковѣрной тѣни,
Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней
Не нахожу ни слезъ, ни лени.

Digitized by Google

Дѣйствіемъ этихъ стиховъ въ душѣ нашей изображается, во всей своей особенности, случай жизни, слагается подобіе того состоянія на которомъ онъ основанъ; мы испытываемъ то же что̀ испытываетъ человѣкъ дѣйствительно бывшій въ подобномъ состояніи, но испытываемъ не въ самой жизни, а въ воображеніи. Наше отношеніе къ факту, воспроизведенному искусствомъ, есть отношеніе теоретическое, то самое какое составляетъ сущность знанія. Творчествомъ поэта тяжкая тайна сердца возводится въ свободную сферу созерцанія. Мы можемъ со всею энергіей чувствовать изображенное здѣсь состояніе, но мы чувствуемъ его не какъ нѣчто дѣйствительно съ нами происходящее; мы получаемъ не связь общихъ представленій, а явленіе жизни во всей его индивидуальности, во всей такъ-сказать его личности; мы испытываемъ жизнь, но не въ самой жизни, а въ изображеніи,—и ничѣмъ инымъ, какъ только дѣйствіемъ художественнаго изображенія, случайное явленіе дѣйствительности пріобрѣтаетъ общее значеніе. Въ художественномъ изображеніи заключается эта тайна чарующаго соединенія безконечной особенности и случайности явленія съ общимъ, существеннымъ значеніемъ.

Въ чемъ же состоитъ общій смыслъ изображенія? Въ его истинѣ. Всѣ черты изображенія дышатъ этою истиной; частный случай становится ея прозрачнымъ выраженіемъ. Художникъ уловилъ въ случаѣ его сущность, и каждое слово, каждая потребность имѣетъ въ цѣломъ свою силу. На этомъ маленькомъ стихотвореніи, приведенномъ нами для анализа, мы можемъ испробовать всѣ главные эстетическіе законы. Въ этомъ примѣрѣ мы можемъ элементарно почувствовать что̀ значитъ отвлеченная формула говорящая о воплощеніи идеи въ опредѣленной формѣ, о томъ что художникъ представляетъ мысль въ образахъ, о сліяніи въ его творчествѣ безконечнаго съ конечнымъ, и т. п. Повторивъ этотъ анализъ на многихъ подобныхъ примѣрахъ, мы будемъ внѣ опасности потеряться въ отвлеченности формулъ и будемъ понимать дѣло въ самомъ дѣлѣ. Но возвратимся къ нашему стихотворенію.

Дѣйствительно ли былъ этотъ случай съ Пушкинымъ какъ онъ изображенъ въ приведенномъ стихотвореніи, или онъ родился въ воображеніи поэта, этого рѣшить мы не можемъ, хотя по нѣкоторымъ указаніямъ г. Анненкова можно поло-

Digitized by Google

жительно заключать что это точно быль сердца. Предположимъ, однако, что именно этого случая не было съ нимъ: истина стихотворенія, его очарованіе отъ того нисколько не уменьшится. Это очарованіе состоитъ только въ томъ что въ душѣ нашей изображается совершенно индивидуальное состояніе, вызывается живое чувство со всею опредѣленностію своего настроенія, вся его музыка, какъ предметъ внутренняго вниманія. Очевидно что произведеніе поэта будетъ тѣмъ выше въ художественномъ отношеніи, чѣмъ дѣйствительнѣе будетъ его слово, то-есть чѣмъ живѣе, опредѣленнѣе, индивидуальнѣе образъ. Надобно чтобъ явленіе изображаемое поэтомъ казалось произведеніемъ не отвлеченной мысли, а дѣйствительности; надобно чтобъ оно совершенно свободно выражало свою идею, чтобы каждая черта его взятая порознь была совершенно случайна, и чтобы только въ своемъ совокупномъ впечатлѣніи всѣ эти случайности становились существеннымъ выраженіемъ своей истины. Она могла бы умереть не подъ голубымъ небомъ своей родины, могъ бы умереть кто-либо другой, могло бы наконецъ вовсе не быть рѣчи о смерти: для общаго смысла который можемъ мы извлечь изъ приведеннаго стихотворенія это было бы дѣломъ совершенно случайнымъ, и именно въ этой-то внѣшней случайности состоитъ художественное очарованіе приведенной пѣсни. Только жизнь можетъ вызвать наше участіе, только живое можемъ мы чувствовать, а чтобъ узнать живое надобно его почувствовать. Чѣмъ повидимому случайнѣе предметъ поэтическаго изображенія, чѣмъ оно индивидуальнѣе, тѣмъ глубже простирается его дѣйствіе, тѣмъ оно выше въ художественномъ отношеніи, тѣмъ плодотворнѣе и, если хотите, тѣмъ полезнѣе, потому что оно несетъ съ собою въ эти глубины свѣтъ сознанія и покоряетъ идеѣ случайныя явленія дѣйствительности.

Послѣ этого небольшаго анализа мы скажемъ уже не пустую фразу, говоря что Пушкинъ внесъ въ наше образованіе начало художественное, начало чистой поэзіи. Мы можемъ теперь передать смыслъ этой фразы другими болѣе ясными словами: Пушкинъ, можемъ мы сказать, впервые въ исторіи нашего умственнаго образованія коснулся того что составляетъ основу жизни, коснулся индивидуальнаго, личнаго существованія. Русское слово въ лицѣ Пушкина нашло путь къ жизни и пріобрѣло способность выражать дѣйстви-

Digitized by Google

тельность въ ея внутреннихъ источникахъ. До него поэзія была дѣломъ школы; послѣ него она стала дѣломъ жизни, ея общественнымъ сознаніемъ. Потому-то Пушкина и назвали первымъ народнымъ поэтомъ нашимъ.

Вотъ еще стихотвореніе которое имѣетъ въ себѣ нѣчто родственное съ приведеннымъ, хотя и отдаляется отъ него значительнымъ промежуткомъ времени: первое относится къ 1825 или 1826 году, а то которое мы выписываемъ здѣсь къ 1830.

Для береговъ отчизны дальной
Ты покидала край чужой;
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальной
Я долго плакалъ предъ тобой.
Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшнаго разлуки
Мой стонъ молилъ не прерывать.
Но ты отъ горькаго лобзанья
Свои уста оторвала;
Изъ края мрачнаго изгнанья
Ты въ край иной меня звала.
Ты говорила: въ день свиданья
Подъ небомъ вѣчно голубымъ,
Въ тѣни оливъ, любви лобзанья
Мы вновь, мой другъ, соединимъ.
Но тамъ, увы, гдѣ неба своды
Сіяютъ въ блескѣ голубомъ,
Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,
Заснула ты послѣднимъ сномъ.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли въ урнѣ гробовой,
Исчезъ и поцѣлуй свиданья...
Но жду его: онъ за тобой.

Въ чемъ заключается невыразимое очарованіе этого стихотворенія? Въ индивидуальности минуты, въ немъ изображенной. Оно дышитъ чѣмъ-то своимъ, чѣмъ-то совершенно особеннымъ. Эта минута есть нѣчто единственное въ своемъ родѣ, нѣчто до безконечности оригинальное. Въ этихъ немногихъ строкахъ цѣлая повѣсть. Читая ихъ вы чувствуете какъ на душѣ вашей слагается это полное мгновеніе которое вы потомъ отличите отъ тысячи другихъ. Вы никогда не забудете этого настроенія. Поэзія овладѣла этою минутой и принесла ее въ даръ общему сознанію.

Digitized by Google

Для мысли нашей нѣтъ большей радости, какъ выйти изъ своего одиночества и найтись въ жизни, и чѣмъ особеннѣе предметъ сознанія, тѣмъ глубже наше наслажденіе. На этомъ-то чувствѣ особенности и основано очарованіе искусства.

Намъ скажутъ: что же за важность въ нашихъ личныхъ состояніяхъ? И зачѣмъ прибѣгать для этого къ поэзіи, когда мы въ жизни можемъ сколько угодно даромъ наслаждаться ихъ сознаніемъ? Все замѣчательное что съ нами бываетъ и что происходитъ въ насъ сопровождается болѣе или менѣе своимъ сознаніемъ. Но въ томъ то и дѣло что все въ жизни сопровождается *своимъ* сознаніемъ, и каждый человѣкъ имѣетъ *свое* сознаніе. Такое частное, личное сознаніе недостаточно: оно невольная принадлежность жизни и ничѣмъ отъ ней не отличается. Оно не умѣетъ высказаться. Вотъ внезапное горе постигло человѣка: подхватите слово которое вырвется у него невольно. Рядъ междометій или хотя бы и болѣе знаменательныхъ словъ, хотя бы наконецъ цѣлый потокъ краснорѣчія, обыкновенно представляютъ самый неопредѣленный смыслъ, простое общее мѣсто. Они сами принадлежатъ къ тому состоянію которое ихъ вызвало и необходимо другаго рода сознаніе чтобъ уразумѣть или изобразить это состояніе.

Такое сознаніе есть дѣло свободной мысли которая раскрывается въ томъ что мы называемъ просто знаніемъ, а также въ искусствѣ и поэзіи; такое сознаніе есть общая сила, властвующая надъ отдѣльными умами и служащая средою для ихъ сближенія. Говорятъ что художникъ выражаетъ какую-либо общую мысль въ образахъ. Это выраженіе не совсѣмъ точно и можетъ быть невѣрно понято. Иногда дѣйствительно общій смыслъ дѣла ясно обнаруживается въ художественномъ произведеніи, какъ напримѣръ въ первой приведенной нами піесѣ Пушкина; но иногда бываетъ почти невозможно перевести поэтическую прелесть изображенія на языкъ отвлеченныхъ понятій. Такъ, напримѣръ, просимъ попробовать это на стихотвореніи „Для береговъ отчизны дальней“. Безъ сомнѣнія тутъ есть идея, но извлечь ее изъ этихъ звуковъ и образовъ трудно, не разрушая ихъ очарованія. Есть идея въ прекрасномъ человѣческомъ лицѣ, есть идея въ прекрасномъ пейзажѣ, но какъ выразите вы эту идею отвлеченными понятіями, общими словами? Художникъ уловляетъ ее въ своемъ изображеніи. Художественное изображеніе явленій

Digitized by Google

жизни, возводя ихъ въ общее сознаніе, тѣмъ самымъ даетъ имъ общее значеніе. Идея не состоитъ непремѣнно въ отвлеченныхъ формулахъ или сентенціяхъ. Жизнь и живое сознаніе вотъ гдѣ находитъ идея свое глубочайшее выраженіе. Піеса Пушкина которая такъ крѣпко замкнута въ себѣ, такъ упорно противится анализу, тѣмъ не менѣе проникнута идеальнымъ значеніемъ. Откуда же и самая глубина производимаго ею впечатлѣнія которая сотрясаетъ столько струнъ въ душѣ, возбуждаетъ въ ней столько движеній? откуда и это единство, эта гармонія, откуда сліяніе всѣхъ этихъ звуковъ, всѣхъ этихъ душевныхъ движеній въ одно цѣльное настроеніе, въ одну рѣчь, понятную всякой живой и разумѣющей душѣ? Каждое слово въ этомъ стихотвореніи дѣйствуетъ на душу и могущественно вызываетъ изъ сердечной глубины всѣ тѣ тонкія чувствованія которыя въ своемъ сліяніи изображаютъ идею стихотворенія. Вдали, какъ основа картины, чувствуется благодатный край юга, край жизни и любви. Съ этимъ яркимъ аккордомъ сливается мысль о печальной странѣ изгнанія, и посреди этого общаго настроенія разыгрывается сцена.... Поэтъ не ограничился простымъ извѣщеніемъ о своемъ чувствѣ, онъ передалъ всю особенность его проявленія и передалъ двумя, тремя чертами которыя представили намъ живой образъ проникнутый всею силою печальнаго мгновенія. Какъ сильно дѣйствуютъ эти простыя слова: „я долго плакалъ предъ тобой“! Какая истина въ этомъ движеніи хладѣющихъ рукъ, въ этомъ стонѣ умоляющемъ продлить томительную минуту разставанія! Какъ слышится въ поэзіи этой сцены присутствіе нѣжнаго, милаго женскаго существа! Ни одною чертой не обозначенъ ея образъ, но онъ невольно чувствуется вами. Какъ хорошо и кстати что именно *она* прерываетъ „это страшное томленіе разлуки“! Женскому чувству особенно свойственно хранить мѣру въ самомъ увлеченіи; женскому чувству сроднѣе чѣмъ мужскому остановиться въ порывѣ и замкнуться въ самоотреченіи или надеждѣ. Какою тихою прелестью звучатъ въ ея устахъ слова утѣшенія и надежды! Надежды не сбылись, она умерла подъ голубымъ небомъ своей родины и прощальныя слова поэта запечатлѣны чудною нѣжностію и вмѣстѣ важностію. При строгой мысли о смерти, чувство поэта помнитъ еще объ обѣщанномъ поцѣлуѣ свиданія; это нѣжное чувство устояло предъ скорбною торжественностію минуты. Бѣдное сердце

Digitized by Google

человѣческое не потерялось, не отреклось отъ своихъ правъ и предъ зіяющею бездною смерти...

Однако мы не можемъ вовсе уклониться отъ вопроса, въ чемъ же состоитъ идея этого стихотворенія? что даетъ ему внутренній и существенный интересъ? Вопросъ этотъ тѣмъ настоятельнѣе что выбранное нами стихотвореніе служитъ характеристическимъ образцикомъ поэзіи Пушкина.

Конечно, было бы нелѣпо переводить живую лирическую піесску на языкъ отвлеченныхъ сентенцій подъ видомъ раскрытія ея идеи и умерщвлять поэзію подъ предлогомъ объясненія ея смысла. Но очень можно и должно показать, подъ какимъ небомъ распустился благоухающій цвѣтокъ, изъ какой почвы произошла прелесть его красокъ. Всеобщее начало отражается въ отдѣльной піесскѣ, и слѣдуя скромнымъ путемъ наведенія, мы отъ малаго примѣра можемъ сдѣлать заключеніе къ той системѣ сознанія которая была внесена въ наше образованіе поэзіей Пушкина.

Небольшая разсмотрѣнная нами піеска, вмѣстѣ съ другими родственными ей звуками лиры Пушкина, есть выраженіе великой идеи, идеи для которой много работала исторія. Это идея человѣческой личности, это права человѣческаго сердца. Звуками Пушкина предъявлены были эти права въ нашемъ общественномъ сознаніи; его поэзіей преимущественно эта идея была усвоена русской жизни. Не удивляйтесь что мы коснулись такого тяжелаго вопроса по поводу такой легкой вещицы, или хотя бы цѣлаго ряда такихъ стихотвореній, — подумайте что и ничтожный цвѣтокъ который вы бросаете подышавъ его запахомъ есть произведеніе многихъ великихъ силъ природы, что онъ свидѣтельствуетъ также о цѣлой системѣ зиждительныхъ началъ и о великой подземной работѣ.

Все человѣческое и сердце человѣческое какъ глубочайшая основа жизни имѣетъ свои безсмертныя права и свою великую цѣнность. Но была нужна цѣлая исторія чтобъ эти права пріобрѣли силу въ сознаніи и жизни, чтобъ эта цѣнность достигла всеобщаго признанія. Никакое общественное состояніе не можетъ быть удовлетворительно въ которомъ не признана вполнѣ и свято человѣческая личность, никакое дѣло не можетъ имѣть полнаго человѣческаго достоинства, если не запечатлѣно нравственною свободой лица, если не коренится въ убѣжденіяхъ сердца. И вотъ за многими

Digitized by Google

великими идеями которыя осуществляются въ историческомъ движеніи общества приходитъ чередъ и до признанія личности человѣческой какъ самостоятельной силы, до признанія правъ человѣческаго сердца, до признанія его интересовъ въ нихъ самихъ, безъ отношенія ко всему иному что̀ можетъ направлять ихъ въ разныя стороны и давать имъ еще особую цѣнность. Если самостоятельность личнаго существованія необходима для общества, то она, прежде чѣмъ можетъ проявить себя въ общественныхъ направленіяхъ, должна быть признана безотносительно и безкорыстно. Съ признаніемъ правъ человѣческой личности вообще нераздѣльно и признаніе женщины.

Безъ женщины не можетъ быть истинно-человѣческаго общества; безъ женской стихіи не можетъ быть истинно-человѣческой жизни и истинно-человѣческаго сердца. Здѣсь красота и поэзія жизни, въ тѣснѣйшемъ значеніи этихъ словъ, и ничѣмъ въ мірѣ нельзя замѣнить эту стихію тамъ гдѣ ея не достаетъ.

Развитіе и образованіе не создаютъ сердца. Личность человѣческая существуетъ и тамъ гдѣ права ея не признаны. Нѣжные звуки любви слышатся намъ и въ безыскусственной лѣсни простыхъ дѣтей природы. Но дѣло не въ этомъ: дѣло въ томъ чтобы *существующее* было понято и признано какъ нѣчто *существенное*, какъ начало, какъ право.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ общественнаго образованія у насъ было освобожденіе женщины изъ домашняго заключенія. Преобразователь Россіи, со свойственною ему пылкостію и энергіей, принудительно требовалъ появленія женщинъ въ учрежденныхъ имъ ассамблеяхъ. Но прошло болѣе столѣтія прежде чѣмъ общественное сознаніе могло раскрыться для принятія того начала которое грубо знаменуется этимъ фактомъ. Иноземными вліяніями вносились въ умы представленія вытекавшія изъ обще-человѣческаго образованія; но они были мертвою реторикой въ нашей словесности. Справедливо была замѣчена въ ходѣ нашего образованія историческая важность легкихъ произведеній Карамзина, его сентиментальныхъ стихотвореній, и его *Лизина пруда*. Но все это носило болѣе или менѣе подражательный характеръ, все это лишено было художественной силы, все это были общія мѣста, все это было только выраженіемъ потребности, но не было ея удовлетвореніемъ.

Digitized by Google

Сравните, чтобы не ходить далеко, приведенныя нами стихотворенія Пушкина со всѣмъ что въ этомъ родѣ было писано до него, со всѣми Темирами, Плѣнирами и т. п. Между тѣмъ и другимъ цѣлая бездна. Вы смѣетесь читая какое-нибудь изъ сентиментальныхъ стихотвореній стараго времени, но оно писано не для смѣха; очень можетъ быть что чувствительный поэтъ точно орошалъ слезами струны своей лиры; можетъ-быть онъ и дѣйствительно что-нибудь чувствовалъ, и въ его воображеніи точно носился образъ Плѣниры. Но стихотвореніе не имѣетъ никакой силы; оно не производитъ въ душѣ ничего опредѣленнаго, ничего не изображаетъ. Стихотворенія лишенныя художественнаго достоинства (какихъ впрочемъ есть много у самого Пушкина) значатъ что-нибудь только въ совокупности, въ массѣ, какъ выраженіе какого-нибудь интереса, возникающаго въ общественномъ сознаніи, или какъ общая характеристика времени, или, наконецъ, по техникѣ, по языку, но каждое изъ нихъ, взятое отдѣльно, ничего не выражаетъ и ничего не значитъ. Такого рода произведенія блѣднѣютъ и исчезаютъ съ теченіемъ времени. Произведеніе же художественное не умираетъ, какъ бы ни казалось оно незначительнымъ по своему объему и даже по содержанію. Оно и не старѣетъ, и стихъ поэта отдаленнаго отъ насъ тысячелѣтіями звучитъ въ душѣ также свѣжо какъ въ свое время; а это потому что въ немъ заключена сила заставляющая насъ почувствовать нѣчто особое, сила дѣйствующая на душу всякаго развитаго человѣка, въ комъ есть элементы необходимые для образованія душевныхъ сочетаній которыхъ требуетъ идея художника.

Итакъ, если признаніе правъ человѣческаго сердца было и у насъ давнею потребностію, то полное удовлетвореніе себѣ впервые нашла она въ поэзіи Пушкина....

ПУШКИНЪ О СОБСТВЕННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ.

Руслан и Людмила.

„Руслана и Людмилу вообще приняли благосклонно. Кромѣ одной статьи въ *Вѣстникѣ Европы*, въ которой ее побранили весьма неосновательно, и весьма дѣльныхъ вопросовъ, изобличающихъ слабость созданія поэмы, кажется не

Digitized by Google

было сказано о ней худаго слова. Никто не замѣтилъ даже что она холодна. Обвиняли ее въ безнравственности за нѣкоторыя, слегка сладострастныя описанія, за стихи мною выпущенные во второмъ изданіи:

О страшный видъ! волшебникъ хилой
Ласкаетъ трепетной рукой etc...

за вступленіе, не помню которой пѣсни

Напрасно вы въ тѣни таились etc...

и за пародію *Двѣнадцати спящихъ дѣвъ*. За послѣднее можно было меня пожурить порядкомъ, какъ за недостатокъ эстетическаго чувства. Непростительно было (особенно въ мои лѣта) пародировать, въ угожденіе черни, дѣвственное поэтическое созданіе. Были прочіе упреки, довольно пустые. Есть ли въ Русланѣ хоть одно мѣсто которое въ вольности шутокъ могло быть сравнено съ шалостями, хоть, напримѣръ, Аріоста, о которомъ помянуто твердили мнѣ? Да и выпущенное мною мѣсто было очень смягченное подражаніе Аріосту."

Кавказскій Плѣнникъ.

„Скажу тебѣ", писалъ Пушкинъ Дельвигу, отъ 23 марта 1821 года, „что кончилъ я новую поэму *Кавказскій Плѣнникъ*, которую надѣюсь скоро къ вамъ прислать, — ты ею не совсѣмъ будешь доволенъ, и будешь правъ."

Въ бумагахъ Пушкина осталось черновое письмо къ Гнѣдичу, издателю *Кавказскаго Плѣнника*. Письмо это очень любопытно:

„Недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно — такъ явны что я долго не могъ рѣшиться ее напечатать. Простота плана близко подходитъ къ бѣдности изобрѣтенія, описаніе нравовъ черкесскихъ не связано съ происшествіемъ и есть не иное что̀ какъ географическая статья или отчетъ путешественника. Характеръ главнаго лица (а всего-то ихъ двое) приличенъ болѣе роману нежели поэмѣ, да и что̀ за характеръ? Кого займетъ изображеніе молодаго человѣка, потерявшаго чувствительность сердца въ какихъ-то несчастіяхъ неизвѣстныхъ читателю? Его бездѣйствіе, его равнодушіе къ дикой жестокости Горцевъ и къ прелестямъ кавказской дѣвы могутъ быть очень естественны, но что̀ тутъ трогательнаго? Легко было бы оживить разказъ происшествіями, которыя сами собою истекали бы изъ предметовъ. Черкесъ

Digitized by Google

плѣнившій моего Русскаго могъ быть любовникомъ его избавительницы; мать, отецъ и братья ея могли бы имѣть каждый свою роль, свой характеръ—всѣмъ этимъ я пренебрегъ: волервыхъ, отъ лѣни; вовторыхъ, что разумныя эти размышленія пришли мнѣ на умъ тогда какъ обѣ части поэмы были уже кончены, а сызнова начинать не имѣлъ я духа... Вы видите что отеческая нѣжность не ослѣпляетъ меня насчетъ *Кавказскаго Пленника*, но, признаюсь, люблю его не зная за что: въ немъ есть стихи моего сердца...“

Изъ другаго письма (къ В. П. Г—ву):

„Замѣчанія твои, моя радость, очень справедливы и слишкомъ снисходительны. Зачѣмъ не утопился мой Плѣнникъ вслѣдъ за Черкешенкой? Какъ человѣкъ, онъ поступилъ очень благоразумно, но въ героѣ поэмы не благоразуміе требуется. Характеръ Плѣнника неудаченъ, это доказываетъ что *я не гожусь въ герои романтическаго стихотворенія*. Я въ немъ хотѣлъ изобразить это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами молодежи XIX вѣка. Конечно, поэму приличнѣе было бы назвать *Черкешенкой*—я объ этомъ не подумалъ.

„Черкесы, ихъ обычаи и нравы занимаютъ бо́льшую и лучшую часть моей повѣсти; но все это ни съ чѣмъ не связано и есть истинный hors d'oeuvre. Вообще, я своею поэмой очень недоволенъ и почитаю ее гораздо ниже Руслана, хоть стихи въ ней зрѣлѣе. Прощай, моя радость.“

Въ 1825 году Пушкинъ писалъ въ Петербургъ:

„*Русланъ*—молокососъ; *Плѣнникъ*—зеленъ и предъ поэзіей Кавказской природы поэма моя—Голиковская проза.“

Семь лѣтъ спустя послѣ перваго появленія *Кавказскаго Плѣнника* Пушкинъ сказалъ про него: „все это слабо, молодо, неполно, но многое угадано и выражено вѣрно.“

Братья Разбойники.

„Вотъ тебѣ и Разбойники“, пишетъ въ 1823 году Пушкинъ къ князю П. А. Вяземскому. „Истинное происшествіе подало мнѣ поводъ написать этотъ отрывокъ. Въ 1820 году, въ бытность мою въ Екатеринославѣ, два разбойника, закованные вмѣстѣ, переплыли черезъ Днѣпръ и спаслись. Ихъ отдыхъ на островкѣ, потопленіе одного изъ стражей мною не выдуманы. Нѣкоторые стихи напоминаютъ переводъ *Шильон-*

Digitized by Google

ckаго Узника. Это несчастіе для меня. Я съ Жуковскимъ сошелся нечаянно. Отрывокъ мой написанъ въ концѣ 1821 года."

„Замѣчанія твои на счетъ моихъ Разбойниковъ несправедливы", пишетъ Пушкинъ въ другомъ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому. „Какъ сюжетъ, c'est un tour de force. Это не похвала, напротивъ, но какъ слогъ, я ничего лучше не написалъ."

По словамъ г. Анненкова, *Братья Разбойники* составляютъ отрывокъ изъ поэмы которую Пушкинъ началъ писать въ 1822 году и сжегъ почти тотчасъ же какъ написалъ. При пересылкѣ отрывка въ Петербургъ Пушкинъ замѣчалъ: „*Разбойниковъ* я сжегъ—и по дѣломъ". По мнѣнію г. Анненкова, можно полагать съ достовѣрностью что изъ матеріаловъ заготовленныхъ Пушкинымъ для *Разбойниковъ* вышла въ 1825 году піеса *Женихъ*, первый образецъ простонародной русской skazki.

Бахчисарайскій Фонтанъ.

„*Бахчисарайскій Фонтанъ* слабѣе *Пленника*, и, какъ онъ, отзывается чтеніемъ Байрона, отъ котораго я съ ума сходилъ. Сцена Заремы съ Маріей имѣетъ драматическое достоинство. Его кажется не критиковали."

Въ письмѣ изъ Одессы Пушкинъ писалъ:

„Радуюсь что мой фонтанъ шумитъ. Недостатокъ плана не моя вина. Я суевѣрно перекладывалъ въ стихи razkaz молодой женщины:

Aux douces lois des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naive.

„Впрочемъ, я писалъ его единственно для себя, а печатаю потому что деньги нужны."

Въ письмахъ къ князю П. А. Вяземскому Пушкинъ нѣсколько разъ касается *Бахчисарайскаго Фонтана*. Приводимъ изъ этихъ писемъ (*Русск. Арх.*, 1874, 5) нѣсколько любопытныхъ подробностей которыя показываютъ съ какимъ вниманіемъ относился Пушкинъ къ языку и слогу. Кто не помнитъ стиховъ:

Въ Тавриду возвратился ханъ,
И, въ память горестной Маріи,
Воздвигнулъ мраморный фонтанъ,
Въ углу дворца уединенный.

Digitized by Google

Надъ нимъ, крестомъ осѣнена
Магометанская луна
(Символъ, конечно, дерзновенный,
Незнанья жалкаго вина).

Объ этихъ двухъ послѣднихъ стихахъ Пушкинъ пишетъ Вяземскому:

„*Вина* culpa, faute. Symbole téméraire, faute deplorable de l'ignorance. У насъ слово *вина* имѣетъ два значенія: одно изъ нихъ здѣсь не имѣло бы смысла. Оставь эти стихи, пусть они aux Saumaises futures préparent des tortures.

„Кланяйся Давыдову который забылъ меня. Сестра Ольга въ него влюблена, и по дѣломъ. Кстати или нѣтъ: онъ критиковалъ ей въ *Бахчисарайскомъ Фонтанѣ* Заремины очи. Я бы съ нимъ согласился, еслибы дѣло шло не о Востокѣ. Слогъ восточный былъ у меня образцомъ, сколько возможно намъ, благоразумнымъ, холоднымъ Европейцамъ. Кстати еще: знаешь, почему не люблю я Мура? Потому что онъ черезчуръ уже восточенъ. Онъ подражаетъ ребячески и уродливо ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. Европеецъ, и въ уложеніи восточной роскоши, долженъ сохранить вкусъ и взоръ Европейца. Вотъ почему Байронъ такъ прелестенъ въ *Гяурѣ*, въ *Абидосской Невѣстѣ* и проч.“

При разборахъ *Бахчисарайскаго Фонтана*, говоритъ г. Анненковъ, было много толковъ о вліяніи Байрона на Пушкина. Дѣйствительно, лицо Гирея, какъ и лицо *Кавказскаго Пленника*, носятъ признаки родства съ обычными героями Байрона, хотя, при нѣкоторомъ вниманіи, можно легко замѣтить какъ проглядываетъ сквозь подражаніе собственная творческая способность Пушкина со всѣми условіями жизни и мѣстныхъ требованій въ которыхъ она заключалась. Байронъ вывелъ Пушкина изъ того французскаго направленія подъ которымъ нашъ поэтъ находился въ первые годы своей дѣятельности. Но послѣ трехъ лѣтъ родственнаго знакомства, направленіе и пріемы Байрона совсѣмъ пропадаютъ въ Пушкинѣ, остается одна крѣпость развившагося таланта. Въ письмахъ къ Вяземскому мы находимъ любопытный отзывъ о Байронѣ, по поводу смерти послѣдняго:

„Геній Байрона блѣднѣлъ съ его молодостью. Въ своихъ трагедіяхъ, не выключая и *Каина*, онъ уже не тотъ пламенный демонъ который создалъ *Гяура* и *Чайльдъ-Гарольда*.

Digitized by Google

Первыя двѣ пѣсни *Донъ-Жуана* выше слѣдующихъ. Его поэзія видимо измѣнялась. Онъ созданъ былъ весь на выворотъ. Постепенности въ немъ не было; онъ вдругъ созрѣлъ и возмужалъ—пропѣлъ и замолчалъ, и первые звуки его уже ему не возвратились. Послѣ 4й пѣсни *Child-Harold* Байрона мы не слыхали, а писалъ какой-то другой поэтъ съ высокимъ человѣческимъ талантомъ."

Цыганъ.

„Я кажется писалъ тебѣ", пишетъ Пушкинъ къ Вяземскому, „что мои *Цыгане* никуда не годятся: не вѣрь,—я совралъ. Ты будешь ими очень доволенъ.

„О *Цыганахъ* одна дама замѣтила что во всей поэмѣ одинъ только честный человѣкъ, и то медвѣдь. Покойный Р. негодовалъ зачѣмъ Алеко водитъ медвѣдя и еще собираетъ деньги съ глазѣющей публики. В. повторилъ то же замѣчаніе. (Р. просилъ меня сдѣлать изъ Алеко хоть кузнеца, что было бы не въ примѣръ благороднѣе.) Всего бы лучше сдѣлать изъ него чиновника или помѣщика, а не цыгана. Въ такомъ случаѣ, правда, не было бы и всей поэмы: ma tanto meglio."

Графъ Нулинъ.

„Въ концѣ 1825 находился я въ деревнѣ и, перечитывая Лукрецію, довольно слабую поэму Шекспира, подумалъ: что еслибы Лукреціи пришла въ голову мысль дать пощечину Тарквинію. Быть-можетъ это охладило бы его предпріимчивость, и онъ со стыдомъ принужденъ былъ бы отступить. Лукреція бы не зарѣзалась, Публикола не взбѣсился бы,—и міръ и исторія міра были бы не тѣ. Мысль пародировать исторію и Шекспира мнѣ представилась; я не могъ воспротивиться двойному искушенію и въ два утра написалъ эту повѣсть."

„*Графъ Нулинъ* надѣлалъ мнѣ большихъ хлопотъ. Нашли его безнравственнымъ, разумѣется въ журналахъ (въ свѣтѣ принимали благосклонно), и никто изъ журналистовъ не захотѣлъ за него вступиться. Молодой человѣкъ ночью осмѣлился войти въ спальню молодой женщины и получилъ отъ нея пощечину. Какой ужасъ! Какъ смѣть писать такія отвратительныя гадости!? Авторъ спрашивалъ что бы на мѣстѣ Натальи Павловны сдѣлали петербургскія дамы? Какая дерзость!

Digitized by Google

„Кстати о моей бѣдной сказкѣ (писанной, будь сказано мимоходомъ, самымъ трезвымъ и благопристойнымъ образомъ): подняли противъ меня всю классическую древность и всю европейскую литературу! Вѣрю стыдливости моихъ критиковъ, вѣрю что *Графъ Нулинъ* точно кажется имъ предосудительнымъ. Но какъ же упоминать о древнихъ когда дѣло идетъ о благопристойности? И ужели творцы шутливыхъ повѣстей: Аріостъ, Бокачьо, Лафонтенъ, Касти, Спенсеръ, Чаусеръ, Виландъ, Байронъ, извѣстны имъ ло однимъ лишь именамъ? Уже ли, ло крайней мѣрѣ, не читали они Богдановича и Дмитріева? Какой несчастный педантъ осмѣлится укорить *Душеньку* въ безнравственности и неблагопристойности? Какой угрюмый дуракъ станетъ важно осуждать *Модную жену*, сей прелестный образецъ легкаго и шутливаго разказа? А эротическія стихотворенія Державина, невиннаго, великаго Державина? Но отстранивъ неравенство поэтическаго достоинства, *Графъ Нулинъ* долженъ имъ уступить и въ вольности и въ живости шутокъ.

„Безнравственное сочиненіе есть то коего цѣлію или дѣйствіемъ бываетъ потрясеніе правилъ на коихъ основано общественное счастіе или достоинство человѣческое. Стихотворенія, коихъ цѣль горячить воображеніе любострастными описаніями, унижаютъ поэзію, превращая ея божественный нектаръ въ воспалительный составъ. Но шутка вдохновенная сердечною веселостію и минутною игрой воображенія можетъ показаться безнравственною только тѣмъ которые о нравственности имѣютъ дѣтское или темное понятіе, смѣшивая ее съ нравоученіемъ, и видятъ въ литературѣ одно педагогическое занятіе.“

Полтава.

„Habent sua fota libelli. *Полтава* не имѣла успѣха. Можетъ-быть она его и не стоила, но я былъ избалованъ пріемомъ оказаннымъ моимъ прежнимъ гораздо слабѣйшимъ произведеніямъ. Журналы взялись объяснить мнѣ причину тому. Они, вопервыхъ, объявили мнѣ что отъ роду не видано чтобы женщины влюблялись въ старика, и что, слѣдственно, любовь Маріи (Матрены) Кочубеевой къ старому Гетману (впрочемъ, исторически доказанная) не могла существовать.

Такъ что жь что ты Честокъ? хоть знаю, да не вѣрю.

Digitized by Google

„Этимъ я не могъ удовольствоваться: любовь есть самая своенравная страсть. Не говорю ужь о безобразіи и глупости, ежедневно предпочитаемыхъ молодости, уму и красотѣ; я вспомнилъ преданія миѳологическія, превращенія Овидіевы, Леду, Пазіфаю, Олимпію, Пигмаліона и принужденъ былъ признаться что всѣ сіи замыслы не чужды поэзіи, или, справедливѣе, ей принадлежатъ. А Отелло, старый негръ, плѣнившій Дездемону разсказами о своихъ странствіяхъ и битвахъ?.. Далѣе говорили мнѣ что мой Мазепа *злой* и *глупый старичишка* (старичишка, вмѣсто старика— ради затѣйливости). Что я изобразилъ Мазепу *злымъ*, въ томъ я каюсь. Добрымъ я его не нахожу, особенно въ минуту какъ онъ хлопочетъ о казни отца дѣвушки имъ обольщенной. *Глупость* человѣка оказывается или изъ его дѣйствій, или изъ его словъ. Мазепа дѣйствуетъ въ моей поэмѣ точь-въ-точь какъ и въ исторіи. Рѣчи объясняютъ его историческій характеръ. Не довольно если критикъ рѣшитъ что такое-то лицо въ поэмѣ глупо: не худо если онъ чѣмъ-нибудь это и докажетъ. Потомъ замѣтили мнѣ что Мазепа слишкомъ у меня злопамятенъ; что Малороссійскій Гетманъ не студентъ и за пощечину или за дерганіе усовъ мстить не захочетъ; опять исторія, опровергнутая литературною критикой, опять: *хоть знаю, да не вѣрю.*

„Мазепа, воспитанный въ Европѣ, въ то время какъ понятія о дворянской чести были въ высшей степени силы, Мазепа могъ долго помнить обиду. Въ этой чертѣ весь его характеръ, скрытный, жестокій, постоянный. Дернуть Поляка или козака за усы, все равно было что хватить Россіянина за бороду. Хмѣльницкій, за всѣ обиды, претерпѣнныя, помирился, отъ Черницкаго, получилъ въ возмездіе, по приговору Рѣчи Посполитой, остриженный усъ своего непріятеля (см. Конисскаго).

„Потомъ слѣдовала критика мелочная, критика буквъ, отъ которой пора бы намъ отвыкнуть; слова: *усы*, *визжать*, *вставай*, *разсѣтаетъ*, *его*, *пора*, показались критикамъ *низкими*, *бурлацкими*. Никогда не пожертвую краткостію выраженій провинціальной чопорности, боясь казаться простонародным для славянофиловъ или т. п.

„Старый Гетманъ, предвидя неудачу въ моей поэмѣ бранитъ молодаго Карла и называетъ его мальчикомъ и сумашедшимъ. Критики важно укоряли меня въ неосновательномъ мнѣніи о Шведскомъ королѣ. У меня сказано гдѣ-то что Мазепа

Digitized by Google

ни къ чему не былъ привязанъ; критики ссылались на *собственныя* слова Гетмана увѣряющаго Марію что онъ любитъ ее

Больше славы, больше власти.

„Такъ понимали они драматическое искусство!

„Въ *Вѣстникѣ Европы* замѣтили что заглавіе поэмы ошибочно, и что вѣроятно не назвалъ я ее Мазепою чтобы не поломнить о Байронѣ. Справедливо. Но была тутъ и другая причина: эпиграфъ. Такъ и *Бахчисарайскій Фонтанъ* въ рукописи названъ былъ *Гаремомъ*: но меланхолическій эпиграфъ (который, конечно, лучше всей поэмы) соблазнилъ меня.

„Кстати о *Полтавѣ*. Критики уломали, однакожь, о Байроновомъ *Мазепѣ*. Но какъ они понимали его, или, справедливѣе, какъ не понимали!

„Байронъ зналъ Мазепу только по Вольтеровой исторіи Карла XII. Онъ пораженъ былъ только картиной человѣка, связаннаго на дикой лошади и несущагося по степямъ. Картина, конечно, поэтическая. И за то посмотрите что онъ изъ нея сдѣлалъ! Какое пламенное созданіе! Какая широкая кисть!

„Но не ищите тутъ ни Мазепы, ни Карла, ни сего мрачнаго, ненавистнаго, мучительнаго характера который проявляется во всѣхъ почти произведеніяхъ Байрона, но котораго (на бѣду моихъ критиковъ) въ Мазепѣ именно и нѣтъ. Байронъ и не думалъ о немъ; онъ выставилъ рядъ картинъ, одна другой разительнѣе. Вотъ и все. Если же бы подъ перо его попалась исторія обольщенной дочери и казненнаго отца, то, вѣроятно, никто бы не осмѣлился послѣ него коснуться сего предмета.

„Прочитавъ въ первый разъ стихи:

Жену страдальца Кочубея
И обольщенную имъ дочь,

я изумился какъ могъ поэтъ пройти мимо столь страшнаго обстоятельства. Обременять вымышленными ужасами историческіе характеры—и немудрено, и невеликодушно. Клевета и въ поэмахъ всегда казалась мнѣ непохвальною. Но въ описаніи Мазепы пропустить столь разительную черту было непростительно. Однакоже, какой отвратительный предметъ! Ни одного добраго, благосклоннаго чувства! Ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣпость.... Сильные характеры и глубокая траги-

Digitized by Google

ческая тѣнь, набросанная на всѣ эти ужасы, — вотъ что̀ увлекло меня. *Полтаву* написалъ я въ нѣсколько дней, долѣе не могъ бы ею заниматься и бросилъ бы все."

Евгеній Онѣгинъ.

„Наши критики долго оставляли меня въ покоѣ. Это дѣлаетъ имъ честь: я былъ далеко и въ обстоятельствахъ неблагопріятныхъ. По привычкѣ полагали меня все еще очень молодымъ человѣкомъ. Первыя непріязненныя статьи, помнится, стали появляться по напечатаніи четвертой и пятой пѣсни *Евгенія Онѣгина*. Разборъ сихъ главъ, напечатанный въ *Атенеѣ*, удивилъ меня хорошимъ тономъ, хорошимъ слогомъ и странностію привязокъ. Самыя обыкновенныя риторическія фигуры и тропы останавливали критика; напримѣръ, можно ли сказать *стаканъ шипитъ*, вмѣсто *вино шипитъ въ стаканѣ? Каминъ дышетъ*, вмѣсто *паръ идетъ изъ камина?* Не слишкомъ ли смѣло *ревнивое подозрѣніе? невѣрный ледъ?*"

Пушкинъ приводитъ цѣлый рядъ такихъ упрековъ со стороны тогдашней критики. Поэта осуждали за слово *корова*, дѣлали ему выговоры за то что онъ барышень благородныхъ и, вѣроятно, чиновныхъ назвалъ *дѣвчонками*, между тѣмъ какъ простую деревенскую дѣвку назвалъ *дѣвою*, и т. д.

„Шестой пѣсни *Онѣгина* не разбирали, даже не замѣтили въ *Вѣстникѣ Европы* латинской опечатки. Кстати: съ тѣхъ поръ какъ вышелъ изъ Лицея, я не раскрывалъ латинской книги и совершенно забылъ латинскій языкъ. Жизнь коротка; перечитывать некогда. Замѣчательныя книги тѣснятся одна за другою, а никто нынче по-латыни ихъ не пишетъ."

„Пропущенныя строфы подавали неоднократно поводъ къ порицанію. Что есть строфы въ *Онѣгинѣ* которыя я не могъ или не хотѣлъ напечатать—этому дивиться нечего. Но, будучи вылущены, онѣ прерываютъ связь разсказа, и потому означается мѣсто, гдѣ быть имъ надлежало. Лучше было бы замѣнить эти строфы другими, или переплавлять и сплавливать мною сохраненныя. Но виноватъ, на это я слишкомъ лѣнивъ."

„У насъ довольно трудно узнать самому автору впечатлѣніе произведенное въ публикѣ сочиненіемъ его. Отъ журналовъ узнаетъ онъ только мнѣніе издателей, на которое положиться невозможно по многимъ причинамъ. Мнѣніе друзей, разумѣется, пристрастно, а незнакомые, конечно, не станутъ ему въ глаза бранить его произведеніе, хотя бы оно того и стоило.

Digitized by Google

„При появленіи VII пѣсни *Онѣгина* журналы вообще отозвались о ней весьма неблагосклонно. Я бы охотно ихъ повѣрилъ если-бъ ихъ приговоръ не слишкомъ уже противорѣчилъ тому что говорили они о прежнихъ главахъ моего романа. Послѣ неумѣренныхъ и незаслуженныхъ похвалъ кои осыпали шесть частей одного и того же сочиненія, странно было мнѣ читать неумѣренную брань и личности которыми такъ-называемые судьи наши встрѣтили седьмую.

„Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ сказано было что VII глава не могла имѣть никакого успѣха, ибо нашъ вѣкъ и Россія идутъ впередъ, а стихотворецъ остается на прежнемъ мѣстѣ. Рѣшеніе несправедливое (т.-е. въ его заключеніи). Вѣкъ можетъ идти себѣ впередъ, и наука, философія и гражданственность могутъ усовершенствоваться и измѣняться, но поэзія остается на одномъ мѣстѣ: цѣль ея одна, средства тѣ же. Поэтическое произведеніе можетъ быть слабо, неудачно, ошибочно—виновато уже вѣрно дарованіе стихотворца, а не вѣкъ ушедшій отъ него впередъ."

По поводу *Евгенія Онѣгина* Пушкинъ писалъ къ одному изъ своихъ друзей:

„Твое письмо очень умно, но все-таки ты не правъ, все-таки ты смотришь на *Онѣгина* не съ той точки, все-таки онъ лучшее произведеніе мое. Ты сравниваешь первую главу съ *Донъ-Жуаномъ*. Никто болѣе меня не уважаетъ *Донъ-Жуана* (первыя пять пѣсней; другихъ не читалъ), но въ немъ нѣтъ ничего общаго съ *Онѣгинымъ*. Ты говоришь о сатирѣ Англичанина Байрона, сравниваешь ее съ моею и требуешь отъ меня таковой же. Нѣтъ, моя душа, многаго хочешь. Гдѣ у меня сатира? О ней и помину нѣтъ въ *Евгеніи Онѣгинѣ*.... Самое слово *сатирическій* не должно бы находиться въ предисловіи. Дождись другихъ пѣсенъ..... Ты увидишь что если ужъ и сравнивать *Онѣгина* съ *Донъ-Жуаномъ*, то развѣ въ одномъ отношеніи: кто милѣе и прелестнѣе (gracieuse), Татьяна или Юлія? Первая пѣснь просто быстрое введеніе, и я имъ доволенъ (что очень рѣдко со мною случается). Симъ заключаю полемику нашу.... 12 марта. Михайловское."

Борисъ Годуновъ.

„Съ отвращеніемъ рѣшаюсь я выдать въ свѣтъ... И хоть я вообще довольно равнодушенъ къ успѣху или неудачѣ своихъ сочиненій, но, признаюсь, неудача *Бориса Годунова* будетъ

Digitized by Google

мнѣ чувствительна, а я въ ней почти увѣренъ. Какъ Монтань я могу сказать о моемъ сочиненіи: „c'est une oeuvre de bonne foi". Писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій и постояннаго труда, трагедія сія доставила мнѣ все чѣмъ писателю наслаждаться дозволено: живое занятіе, вдохновеніе, внутреннее убѣжденіе что мною употреблены были всѣ усилія, наконецъ одобреніе малаго числа избранныхъ.... Трагедія моя уже извѣстна почти всѣмъ тѣмъ мнѣніемъ которыхъ дорожу. Одного недоставало въ числѣ моихъ слушателей: того, кому я обязанъ мыслію моей трагедіи, чей геній одушевилъ и поддержалъ меня, чье одобреніе представлялось воображенію моему сладкою наградой и единственно развлекало посреди уединеннаго труда." *

Въ *Матеріалахъ* г. Анненкова приведены два чрезвычайно любопытныя письма Пушкина относящіяся къ *Борису Годунову* и писанныя на французскомъ языкѣ. Представляемъ ихъ въ переводѣ, въ которомъ письма эти, по справедливому замѣчанію г. Анненкова, много теряютъ въ энергіи выраженій и въ колоритѣ вообще.

„Вотъ моя трагедія,—если ужь вы настоятельно того хотите, но прежде всего требую чтобы вы пробѣжали послѣдній томъ Карамзина.... Она исполнена шутокъ и тонкихъ намековъ, относящихся къ исторіи того времени. Надо умѣть понимать ихъ—sine qua non.

„По примѣру Шекспира, я ограничился изображеніемъ эпохъ и лицъ историческихъ, не гоняясь за сценическими эффектами, романическими вспышками и проч. Стиль ея вышелъ смѣшанный. Онъ поднялъ и низокъ тамъ гдѣ мнѣ приходилось выводить грубыя и пошлыя лица. Не обращайте вниманія на злоупотребленія этого рода — все это писалось очень бѣгло и можетъ быть исправлено при первой перепискѣ. Не безъ удовольствія думалъ я сперва о трагедіи *безъ любви;* но кромѣ того что любовь составляла существенную часть романическаго и страстнаго характера моего пройдохи, Лже-Димитрій еще влюбляется у меня въ Марину; я принужденъ былъ допустить это изъ желанія выказать сильнѣе странный характеръ послѣдней. Карамзинъ собственно только дотронулся до нея. Конечно, это была изъ хорошенькихъ

* Карамзинъ.

Digitized by Google

женщинъ—самая странная. Въ жизнь свою она имѣла о
страсть—честолюбіе, но въ степени энергіи, бѣшенства, kak
трудно и представить себѣ. Посмотрите, какъ она борется
войной, нищетой, позоромъ и, въ то же время, сносится
Польскимъ Королемъ, какъ будто равная съ равнымъ и,
конецъ, постыдно кончаетъ самое бурное, самое необыкн
венное существованіе. Она является только два раза у ме
но я возвращусь къ ней, если продлятся дни мои. Она в
мущаетъ меня какъ страсть.

„Гаврила Пушкинъ—мой предокъ. Я изобразилъ его ka
нашелъ въ исторіи и въ бумагахъ моей фамиліи. Онъ обл
далъ большими способностями, будучи въ одно время и иск
снымъ военнымъ и придворнымъ человѣкомъ. Вмѣстѣ с
Плещеевымъ онъ былъ первый очистившій путь Сам
званцу своею неслыханною дерзостью. Мы находимъ ег
лотомъ въ Москвѣ въ числѣ семи начальниковъ защищав
шихъ ее въ 1612 году; въ 1616, въ Думѣ, рядомъ съ Козьмо
Мининымъ, потомъ воеводой въ Нижнемъ, наконецъ послан
никомъ. Онъ былъ всѣмъ. Онъ выжегъ одинъ городъ въ видѣ
наказанія за какой-то проступокъ, какъ я это нашелъ в
одной грамотѣ „Погорѣлаго Городища“.

„Я также намѣренъ возвратиться къ Шуйскому. Онъ пред-
ставляетъ въ исторіи странное смѣшеніе дерзости, изворот-
ливости и силы характера. Слуга Годунова, онъ одинъ изъ
первыхъ переходитъ на сторону Димитрія, первый начина-
етъ заговоръ и, замѣтьте—онъ же первый и старается во-
спользоваться сумятицей, кричитъ, обвиняетъ, изъ начальника
дѣлается сорванцемъ. Онъ уже близокъ къ казни, но Дими-
трій даетъ ему помилованіе, изгоняетъ его и снова возвра-
щаетъ ко двору своему, осыпая честью и щедротами. И что
же дѣлаетъ Шуйскій, уже стоявшій разъ подъ топоромъ?
Тотчасъ же принимается за новый заговоръ, успѣваетъ, за-
хватываетъ престолъ, ладаетъ и въ ладеніи своемъ уже ока-
зываетъ болѣе достоинства и душевной силы, чѣмъ въ про-
долженіе всей своей жизни.

„Грибоѣдовъ недоволенъ былъ Іовомъ...

„При сочиненіи Годунова, я думалъ вообще о трагедіи—
и еслибы захотѣлъ я написать къ нему предисловіе—не обо-
шлось бы безъ шума. Родъ этотъ не изслѣдованъ. Законы его
стараются вывести изъ правдоподобія, а по существу сво-
ему, драма исключаетъ правдоподобіе. Не говоря уже о

Digitized by Google

единствѣ времени и мѣста, да какое же, чортъ возьми, правдоподобіе можетъ быть въ залѣ, одна половина которой наполнена 2.000 человѣкъ, а другая людьми которые стараются показать что не замѣчаютъ первыхъ. 2, *Языкъ*. Напримѣръ: Филоктетъ у Лагарпа чистымъ Французскимъ языкомъ отвѣчаетъ Пирру, выслушавъ его тираду: *Увы! Я слышу сладкіе звуки Еллинской рѣчи!* Все это только условное правдоподобіе. Истинные геніи трагедіи понимали иначе: они старались достигнуть только правдоподобія характеровъ и положеній. Посмотрите какъ Корнель запросто поступилъ со своимъ *Сидомъ*. Вамъ непремѣнно нуженъ законъ 24 часовъ. Извольте. И въ 24 часа онъ нагромождаетъ событій на 4 мѣсяца. А какъ смѣшны маленькія поправки въ принятыхъ уже законахъ. Алфіери глубоко чувствуетъ смѣшную сторону *a parte*, уничтожаетъ эту уловку, но вмѣстѣ съ тѣмъ растягиваетъ до-нельзя *монологъ*. Какое ребячество!

„Длинно мое письмо, болѣе чѣмъ я хотѣлъ, но сберегите его. Можетъ - быть оно мнѣ понадобится, если придетъ на умъ сочинить предисловіе".

Другое письмо:

„Правдоподобіе положеній, истина разговора—вотъ настоящіе законы трагедіи. Я не читалъ ни Кальдерона, ни Вегу, но что за человѣкъ Шекспиръ? Я не могу придти въ себя отъ изумленія. Какъ ничтоженъ предъ нимъ Байронъ—трагикъ, Байронъ, во всю свою жизнь понявшій только одинъ характеръ—именно свой собственный (женщины не имѣютъ характера, онѣ имѣютъ страсти въ молодости—отъ того не трудно и выводить ихъ). И вотъ Байронъ одному лицу далъ свою гордость, другому ненависть, третьему меланхолическую настроенность; такимъ образомъ, изъ одного полнаго, мрачнаго и энергическаго характера вышло у него множество незначительныхъ характеровъ. Развѣ это трагедія?

„Существуетъ и еще заблужденіе. Придумавъ разъ какой-нибудь характеръ, писатель старается высказать его и въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, на подобіе моряковъ и педантовъ въ старыхъ романахъ Фильдинга. Злодѣй говоритъ: *дайте мнѣ пить*, какъ злодѣй,—а это смѣшно. Вспомните Байронова *Озлобленнаго*: На pagato! (Онъ заплатилъ!). Это однообразіе, этотъ придуманный лаконизмъ и безпрерывная ярость — все это далеко отъ природы. Отсюда неловкость разговора и бѣдность его. Но разверните Шекспира. Ни-

Digitized by Google

когда не выдастъ онъ своего дѣйствующаго лица преждевременно. Оно говоритъ у него со всею беззаботливостію жизни, потому что въ данную минуту, въ настоящее время, поэтъ уже знаетъ какъ заставить его говорить, сообразно характеру имъ выражаемому.

„Вы спросите еще: трагедія ли это только съ характерами, или трагедія съ исторической вѣрностію (de costume). Я избралъ легчайшій путь, но старался соединить оба эти рода. Я пишу и вмѣстѣ думаю. Бо́льшая часть сценъ требовала только обсужденія. Когда приходилъ я къ сценѣ, требовавшей уже вдохновенія, я или пережидалъ, или просто перескакивалъ черезъ нее. Этотъ способъ работать для меня совершенно новъ. Я знаю что силы мои развились совершенно и чувствую что могу творить...“

Г. Анненковъ сообщаетъ еще нѣсколько весьма интересныхъ отрывковъ изъ писемъ и замѣтокъ Пушкина о *Борисѣ Годуновѣ*.

... „О царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрельевѣ писана въ 1825 году и долго не могъ я рѣшиться выдать ее въ свѣтъ. Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей дало мнѣ мысль оживить въ драматическихъ формахъ одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи. Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старалася угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени. Источники богатые! Успѣлъ ли ими воспользоваться—не знаю. По крайней мѣрѣ труды мои были ревностны и добросовѣстны.“

„Долго не могъ я рѣшиться напечатать свою драму. Хорошій или худой успѣхъ моихъ стихотвореній, благосклонное или строгое рѣшеніе журналовъ о какой-нибудь стихотворной повѣсти слабо тревожили мое самолюбіе. Читая разборы самые оскорбительные, старался я угадать мнѣніе критика, понять въ чемъ именно состоятъ его обвиненія, и если никогда не отвѣчалъ на оныя, то сіе происходило не изъ презрѣнія, но единственно изъ убѣжденія что для нашей литературы *il est indifférent*, что такая-то глава *Онѣгина* выше или ниже другой. Но признаюсь искренно, неуспѣхъ драмы моей огорчилъ бы меня; ибо я твердо увѣренъ что нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой, а не свѣтскій обычай трагедіи Расина, и что всякій не-

Digitized by Google

удачный опытъ можетъ замедлить преобразованіе нашей сцены".

„Вы читали въ первой книжкѣ *Московскаго Вѣстника* отрывокъ изъ *Бориса Годунова*, сцену лѣтописца. Характеръ Пимена не есть мое изобрѣтеніе. Въ немъ собралъ я черты плѣнившія меня въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ: умилительная кротость, младенческое и вмѣстѣ мудрое простодушіе, набожное усердіе къ власти царя, данной Богомъ, совершенное отсутствіе суетности, дышатъ въ сихъ драгоцѣнныхъ памятникахъ временъ давно-минувшихъ, между коими озлобленная лѣтопись князя Курбскаго отличается отъ прочихъ лѣтописей, какъ бурная жизнь Іоаннова изгнанника отличалась отъ смиренной жизни безмятежныхъ иноковъ."

„Мнѣ казалось, что сей характеръ вмѣстѣ новъ и знакомъ для русскаго сердца; что трогательное добродушіе древнихъ лѣтописцевъ, столь постигнутое Карамзинымъ и отразившееся въ его безсмертномъ созданіи, украситъ простоту моихъ стиховъ и заслужитъ снисходительную улыбку читателей. Что жь вышло? Обратили вниманіе на политическія мнѣнія Пимена и нашли ихъ залоздалыми; другіе сомнѣвались, могутъ ли стихи безъ рифмъ назваться стихами. Г. З. предложилъ промѣнять сцену *Бориса Годунова* на картинку *Дамскаго журнала*. Тѣмъ и кончился строгій судъ почтеннѣйшей публики."

„Для предисловія. Публика и критика, принявшія мои первые опыты съ живымъ снисхожденіемъ и притомъ въ такое время когда строгость и недоброжелательство отвратили бы меня, вѣроятно, навсегда отъ поприща, мною избираемаго, заслуживаютъ полной моей признательности: онѣ расплатились со мной совершенно. Съ этой минуты ихъ строгость или равнодушіе уже не могутъ имѣть вліянія на труды мои."

„Представляюсь съ новыми пріемами въ созданіи. Не имѣя болѣе надобности заботиться о прославленіи неизвѣстнаго имени и первой своей молодости, я уже не смѣю надѣяться на снисхожденіе, съ которымъ былъ принятъ доселѣ. Я уже не ищу благосклонной улыбки моды. Добровольно выхожу я изъ ряда ея любимцевъ, принося ей глубокую мою благодарность за все то расположеніе, съ которымъ принимала она слабые мои опыты въ продолженіе десяти лѣтъ моей жизни."

Digitized by Google

МНѢНІЕ ПУШКИНА О „ГОРѢ ОТЪ УМА“.

„....Слушалъ Чацкаго, но только одинъ разъ и не съ тѣмъ вниманіемъ коего онъ достоинъ. Вотъ что мелькомъ успѣлъ я замѣтить.

„Драматическаго писателя должно судить по законамъ имъ самимъ надъ собою признаннымъ — слѣдственно не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличій комедіи Грибоѣдова. Цѣль его—характеры и рѣзкая картина нравовъ. Въ этомъ отношеніи Фамусовъ и Скалозубъ превосходны. Софья начертана неясно. Молчалинъ недовольно рѣзко подлъ: не нужно ли было сдѣлать изъ него и труса? Старая пружина, но штатскій трусъ въ большомъ свѣтѣ, между Чацкимъ и Скалозубомъ, могъ быть очень забавенъ. Les propos du bal, сплетни, разказъ Репетилова о клубѣ, Загорѣцкій, вездѣ отъявленный и вездѣ принятый—вотъ черты истинно комическаго генія. Теперь вопросъ: въ комедіи *Горе отъ ума* кто умное дѣйствующее лицо? Отвѣтъ: Грибоѣдовъ. А знаешь ли что такое Чацкій? Пылкій, благородный и добрый малый, проведшій нѣсколько времени съ очень умнымъ человѣкомъ (именно съ Грибоѣдовымъ) и напитавшійся его мыслями, остротами и сатирическими замѣчаніями. Все это говоритъ онъ очень умно. Но кому говоритъ онъ все это? Фамусову? Скалозубу? На балѣ московскимъ бабушкамъ? Молчалину? Это непростительно. Первый признакъ умнаго человѣка, съ перваго раза знать съ кѣмъ имѣешь дѣло и не метать бисера передъ Репетиловымъ и тому под. Кстати, что такое Репетиловъ? Въ немъ 2, 3, 10 характеровъ. Зачѣмъ дѣлать его гадкимъ? Довольно что онъ вѣтренъ и глупъ съ такимъ простодушіемъ; довольно чтобъ онъ признавался ломинутно въ своей глупости, а не въ мерзостяхъ. Его смущеніе чрезвычайно ново на театрѣ; хоть кому изъ насъ не случалось конфузиться, слушая ему подобныхъ кающихся... Между мастерскими чертами этой прелестной комедіи недовѣрчивость Чацкаго въ любви Софьи къ Молчалину прелестна. И такъ натурально! Вотъ на чемъ должна была вертѣться вся комедія, но Грибоѣдовъ вѣрно не захотѣлъ: его воля! О стихахъ я не говорю — половина должна войти въ пословицу. Покажи это Грибоѣдову: можетъ-быть я въ иномъ ошибся. Эти замѣчанія пришли мнѣ въ голову послѣ, когда ужъ не могъ я справиться. По крайней мѣрѣ говорю прямо, безъ обиняковъ, какъ истинному таланту.“

Digitized by Google

ГОГОЛЬ О ПУШКИНѢ КАКЪ ПАТРІОТѢ.

Гоголь въ *Переписк* со *друзьями* разказываетъ: „Живо помню восторгъ Пушкина когда прочиталъ онъ стихотвореніе Языкова къ Давыдову напечатанное въ журналѣ. Въ первый разъ увидѣлъ я тогда слезы на лицѣ Пушкина (Пушкинъ никогда не плакалъ, онъ самъ о себѣ сказалъ въ посланіи къ Овидію: „суровый Славянинъ я слезъ не проливалъ, но понимаю ихъ"). Я помню тѣ строфы которыя произвели у него слезы. Первыя гдѣ поэтъ, обращаясь къ Россіи которую уже было признали безсильною и немощною, взываетъ такъ:

Чу! труба продребезжала!
Русь! тебѣ надменный зовъ!
Вспомяни жъ какъ ты встрѣчала
Всѣ нашествія враговъ!
Созови отъ странъ далекихъ
Ты своихъ богатырей
Со степей, съ равнинъ широкихъ,
Съ рѣкъ великихъ, съ горъ высокихъ,
Отъ осьми твоихъ морей.

„И потомъ строфа гдѣ описывается неслыханное самопожертвованіе предавшее огню собственную столицу со всѣмъ что ни есть въ ней священнаго для всей земли."

ПОСЛѢДНЯЯ МИНУТА.

Мы долго стояли надъ нимъ, молча, не шевелясь, не смѣя нарушить таинство смерти которое совершалось предъ нами во всей умилительной святынѣ своей. Когда всѣ ушли, я сѣлъ передъ нимъ, и долго, одинъ, смотрѣлъ ему въ лицо. Никогда на этомъ лицѣ я не видалъ ничего подобнаго тому что было на немъ въ эту первую минуту смерти. Оно было для меня такъ ново и въ то же время такъ знакомо. Это не былъ ни сонъ, ни покой; не было выраженіе ума, столь прежде свойственное этому лицу; не было также выраженіе поэтическое; нѣтъ! Какая-то важная, удивительная мысль на немъ развивалась; что-то похожее на видѣніе, на какое-то полное, глубоко-удовлетворяющее знаніе. Всматриваясь въ него, мнѣ все хотѣлось у него спросить: Что видишь, другъ? И чтобъ онъ отвѣчалъ мнѣ, еслибы могъ на минуту воскреснуть? Вотъ минуты въ жизни нашей которыя вполнѣ

Digitized by Google

достойны названія великихъ. Въ эту минуту, можно сказать, я увидѣлъ лицо самой смерти, божественно-тайное; лицо смерти безъ покрывала. Какую печать на него положила она! и какъ удивительно высказала на немъ и свою и его тайну! Я увѣряю тебя что никогда на лицѣ его не видалъ я выраженія такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она конечно таилась въ немъ и прежде, будучи свойственна его высокой природѣ; но въ этой чистотѣ обнаружилась только тогда, когда все земное отдѣлилось отъ него съ прикосновеніемъ смерти. Таковъ былъ конецъ нашего Пушкина.

Жуковскій.

Изъ многочисленныхъ чтеній въ обществахъ и собраніяхъ по случаю Пушкинскаго праздника наибольшій успѣхъ выпалъ на долю чтенія Ѳ. М. Достоевскаго. Приводимъ заключеніе этого замѣчательнаго чтенія произведшаго сильнѣйшее впечатлѣніе на слушателей (полное чтеніе напечатано въ № 162 *Московскихъ Вѣдомостей*).

„Что такое для насъ Петровская реформа, и не въ будущемъ только, а даже и въ томъ что уже было, произошло, что уже явилось во очію? Что означала для насъ эта реформа? Вѣдь не была же она только для насъ усвоеніемъ европейскихъ костюмовъ, обычаевъ, изобрѣтеній и европейской науки. Вникнемъ какъ дѣло было, поглядимъ пристальнѣе. Да, очень можетъ быть что Петръ первоначально только въ этомъ смыслѣ и началъ производить ее, т.-е. въ смыслѣ ближайше-утилитарномъ, но въ послѣдствіи, въ дальнѣйшемъ развитіи имъ своей идеи, Петръ несомнѣнно повиновался нѣкоторому затаенному чутью, которое влекло его, въ его дѣлѣ, къ цѣлямъ будущимъ, несомнѣнно огромнѣйшимъ, чѣмъ одинъ только ближайшій утилитаризмъ. Такъ точно и Русскій народъ не изъ одного только утилитаризма принялъ реформу, а несомнѣнно уже ощутивъ своимъ предчувствіемъ почти тотчасъ же нѣкоторую дальнѣйшую, несравненно болѣе высшую цѣль чѣмъ ближайшій утилитаризмъ,—ощутивъ эту цѣль опять-таки конечно, повторяю это, безсознательно, но однакоже и непосредственно и вполнѣ жизненно. Вѣдь мы разомъ устремились тогда къ самому жизненному возсоединенію, къ единенію всечеловѣческому! Мы не враждебно (какъ казалось должно бы было случиться), а дружественно, съ полною любовію приняли въ душу нашу геніи чужихъ націй,

Digitized by Google

всѣхъ вмѣстѣ, не дѣлая преимущественныхъ племенныхъ различій, умѣя инстинктомъ, почти съ самаго перваго шагу различать, снимать противорѣчія, извинять и примирять различія, и тѣмъ уже выказали готовность и наклонность нашу, намъ самимъ только что объявившуюся и сказавшуюся, ко всеобщему общечеловѣческому возсоединенію со всѣми племенами великаго Арійскаго рода. Да, назначеніе русскаго человѣка есть безспорно всеевропейское и всемірное. Стать настоящимъ Русскимъ, стать вполнѣ русскимъ можетъ-быть и значитъ только (въ концѣ концовъ это подчеркните) стать братомъ всѣхъ людей, *всечеловѣкомъ* если хотите. О все это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у насъ недоразумѣніе, хотя исторически и необходимое. Для настоящаго Русскаго Европа и удѣлъ всего великаго Арійскаго племени такъ же дороги какъ и сама Россія, какъ и удѣлъ своей родной земли, потому что нашъ удѣлъ и есть всемірность, и не мечомъ пріобрѣтенная, а силой братства и братскаго стремленія нашего къ возсоединенію людей. Если захотите вникнуть въ нашу исторію послѣ Петровской реформы, вы найдете уже слѣды и указанія этой мысли, этого мечтанія моего, если хотите, въ характерѣ общенія нашего съ европейскими племенами, даже въ государственной политикѣ нашей. Ибо что дѣлала Россія во всѣ эти два вѣка въ своей политикѣ какъ не служила Европѣ можетъ-быть гораздо болѣе чѣмъ себѣ самой? Не думаю чтобъ отъ неумѣнія лишь нашихъ политиковъ это происходило. О, народы Европы и не знаютъ какъ они намъ дороги! И въ послѣдствіи, я вѣрю въ это, мы, то-есть конечно не мы, а будущіе грядущіе русскіе люди, поймутъ уже всѣ до единаго что стать настоящимъ Русскимъ и будетъ именно значить: стремиться внести примиреніе въ европейскія противорѣчія уже окончательно, указать исходъ европейской тоскѣ въ своей русской душѣ, всечеловѣчной и всесоединяющей, вмѣстить въ нее съ братскою любовію всѣхъ нашихъ братьевъ, а въ концѣ концовъ можетъ-быть и изречь окончательное слово великой, общей гармоніи, братскаго окончательнаго согласія всѣхъ племенъ по Христову евангельскому закону! Знаю, слишкомъ знаю что слова мои могутъ показаться восторженными, преувеличенными и фантастическими. Пусть, но я не раскаиваюсь что ихъ высказалъ. Этому надлежало быть высказаннымъ, но особенно теперь, въ минуту торжества нашего, въ минуту чествованія нашего

Digitized by Google

ІЮНЬ.

Кончина Государыни Императрицы Маріи Александровны 22 мая.

	Стр.
Южно-русская литература XVIII вѣка, преимущественно драматическая. *Н. И. Петрова.*	491
Преданія „Золотаго Клада". Часть третья. *Толычевой...*	544
Скелетъ въ болотѣ. Литовская быль. *Ѳ. Б. Миллера....*	612
Письма священника съ похода 1877 и 1878 года. Гл. XXV—XXXIII. *Протоіерея Ваккха Гурьева...*	621
Блестящій періодъ представительнаго правленія во Франціи. *Р.*	665
Недостатки современнаго метода изслѣдованія біологическихъ вопросовъ. *Д. Трифановскаго*	704
Царевна въ зелени. Впечатлѣнія дѣтства. Андрея Тёріе. Переводъ съ французскаго	741
Переломъ. Правдивая исторія. Часть вторая. Гл. I—III. *Б. М. Маркевича*	804
На память о Пушкинѣ. *М. Ѳ. Де-Пуле*	871
У подножія памятника. Стихотвореніе. *М.*	893
Новости литературы: I. *Начала Евклида.* Профессора Ващенка-Захарченка.—II. *Портретная галлерея русскихъ литераторовъ, ученыхъ и артистовъ.* Изданіе фотографа Шапиро.—III. *Гизо въ его семействѣ.* Гжи Виттъ.—IV. *Письма Чарльза Диккенса,* изданныя его дочерью.—V. *Мой садъ,* Альфреда Сми.—VI. *Бѣглецъ,* романъ Ромфора	897
Открытіе памятника Пушкину	931

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

UNIVERSITY OF MICHIGAN
[redacted]
3 9015 03064 2300

Digitized by Google

Digitized by Google